Олег Попцов

Тревожные сны царской свиты

Вопрос: Вы оптимист?

Ответ: Я сомневающийся пессимист.

В наше время это уже большая роскошь.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ АВТОРА

История не бывает объективной, хотя творцы ее преследуют именно эту цель. Предвзятость истории всегда поименна. Человек грешен, но только человек творит: пишет, снимает на кино- и видеопленку все то, что очень часто, даже независимо от его желания становится историей.

Эта книга не претендует на сверхзначимые исторические обобщения. И не потому, что автор боится быть непонятым...

"Странным", непредсказуемым оказалось последнее десятилетие XX века для России. Нет прежней империи под названием СССР. Нет прежней правящей партии под названием КПСС. Сначала страна переболела тоталитаризмом, потом идеями развитого социализма, потом...

Уже нет демократических мечтаний, романтизма, есть череда ошибок, совершенных демократами, вину за которые нельзя адресовать прошлому. За все в этой жизни надо платить. Уходит в историю эпоха Ельцина, как некогда время перевернуло страницу с эпохой Горбачева. И там, в приемной великой российской истории уже толпятся новые лица.

А люди на улице взбудоражены, переспрашивают друг друга: кого в третьем тысячелетии коронуют на царствование? Осторожного, неспешного академика, разведчика, дипломата Евгения Примакова или неутомимого строителя "града Московского державного" рыночника Юрия Лужкова? А может, верх возьмет новый президентский фаворит, сотворенный и запущенный в серию Борисом Березовским, - Владимир Путин? Или не случится ни первого, ни второго, ни третьего, а грядет коммунистический реванш, дорогу которому проложит агония царской свиты?

Нет и нет. Десять лет не прошли даром. Другая страна. У нас уже есть за спиной десять лет демократии. Раньше не было, а теперь есть. Мы не стали богатыми. Мы не стали благонамеренными и благополучными. Мы не стали спокойными. Нам не хватает уверенности. Все так! Но одно неоспоримо - мы стали свободными. Через муки, оскорбления, ошибки, заблуждения, предательства мы пробились к своей главной надежде -

свободе. Кому-то она покажется несовершенной и несправедливой даже только потому, что равнодоступна честному и лжецу, законопослушному и преступающему закон. Возможно, общество не сразу поймет, что именно в силу этой нелогичности свобода неповторима. И только в ней гарантия необратимости демократического развития России, болезненного, драматического, но от этого не перестающего быть развитием, нашим мучительным движением вперед.

ВУНДЕРКИНДЫ МЕНЯ ВСЕГДА НАСТОРАЖИВАЛИ

Мы так устроены. Даже предполагая худшее, запугивая себя, изображая неисправимый пессимизм и недовольство, соревнуясь в мрачных прогнозах, мы все равно надеемся, что не правы, боимся сглазить, увлечь себя в общем-то естественным желанием лучшего исхода. Мы думаем, что, следуя суеверным страхам, обманываем беду. Ничего подобного! Единственное, чего мы добились, так это отогнали, оттеснили от себя радость, разучились говорить языком счастливой надежды. Сами того не подозревая, мы приучили себя проигрывать.

Американцы...

А впрочем, при чем здесь американцы? У нас самих запас ложного оптимизма, именуемого шапкозакидательством, очень велик. И все-таки американцы! На последних президентских выборах в Америке чаша весов колебалась. Трудно было поверить, что Буш, одержав молниеносную победу в Кувейте, буквально разгромивший Ирак, доказавший всесилие Америки, что для рядового американца почти пропуск в рай, проиграет молодому Клинтону. Американцы запрограммированы на оптимизм. Оптимизм - это жизнь. Стоило Бушу, человеку немолодому, упасть в обморок в Японии, как настроенная на жизнеутверждающий темп Америка сначала сделала паузу, а затем попятилась от немолодого президента. Победу в Кувейте одержал не президент, а генералы. И вообще... Он излишне консервативен. И если он останется у власти, у нас будет свой застойный режим. Америка проголосовала за перемены. Вряд ли Клинтона можно назвать суперзвездой на политическом небосклоне. Вряд ли традиционно демократов можно назвать гарантами экономической стабильности в Америке. И тем не менее американцы рассудили жизнеутверждающе: этот молод, он даже в силу возраста не может стоять на месте. А для Америки главное двигаться.

Уже зная результаты, из которых следовало, что Буш уступит Клинтону, на вопрос корреспондентов: "Кто же победит на выборах?" - Буш, сопроводив свой ответ белозубой улыбкой, сказал: "Разумеется, я, и только я". Барбара Буш - жена президента, оказавшаяся рядом с ним на снимке, улыбалась откровенно и счастливо. А через пять часов уже все знавший Буш поздравлял соперника с победой. Такова Америка. Такова фабула американского оптимизма.

Апрель девяносто пятого. Внезапная и не весенняя жара. Предвыборные прогнозы. Партии вновь созданные и вновь упраздненные. Политическая палитра многоцветна до истеричности: от Промпартии до "Партии любви", "Партии любителей пива", "Партии здравого рассудка". Россия коллекционирует политические цвета в силу демократической непросвещенности. Она, как неопытный дилетант-филателист, подбирает каждую марку, попадающуюся на глаза. Президент еще не сказал своего окончательного "да" или "нет". Ему надо присмотреться, что там грядет на парламентских выборах. Он уже предупредил: каким бы ни оказался закон о выборах в Федеральное Собрание, сколь бы ни выглядели спорными нормы представительства и другие депутатские проекты, он не воспользуется правом президентского вето и подпишет закон. Дело остается за малым: договоренностью двух палат, верхней и нижней.

Дума хотела оставить принципы формирования нижней палаты неизменными: пятьдесят на пятьдесят. Половина по партийным спискам, половина по мажоритарной системе одномандатных округов. Сенат (верхняя палата) возражал: две трети избираются по округам, одна треть - по партийным спискам. "Куда они денутся, - оценил ситуацию спикер сената Владимир Шумейко, - мы не пропустим идею половины. Кого там только нет в партийных списках! Практически Дума становится столичным клубом. Сорок девять

процентов депутатов в настоящее время из Москвы". Можно понять негодование административно-хозяйственного сената, состоящего на восемьдесят процентов из глав областных и краевых администраций. А если к этому добавить, что, в отличие от назначенных указами президента губернаторов, мэр Москвы Юрий Лужков - мэр избранный, к тому же публично отказавшийся избираться в сенат за ненадобностью, то проявление антимосковского синдрома становится почти навязчивым состоянием. Впрочем, дело не в законах о выборах Думы, Совета Федерации, президента. Иная причина волнений, и волнений невыдуманных. А есть ли шансы победить на выборах? А если этих шансов нет, как удержать власть?! Столь ненавязчивое откровение власти - а власть не намерена на сей счет отмалчиваться - вызывает даже не удивление, нет. Всякая власть сосредоточена на идее самосохранения. Но мы-то думали, просчитывали, изобретали другую власть. И что же?

24 апреля, Майами, штат Флорида.

Мы летим на Барбадос. Там состоится всемирная конференция ведущих телерадиокомпаний. Где-то на ходу, не вдумываясь, что такое Барбадос, я дал господину Шарфу, президенту EBU (Европейский вещательный союз), согласие выступить с докладом. И вот теперь, повязанный этим своим "да", лечу, проклиная все на свете. Полет изнурительный, с двумя промежуточными посадками. Сначала Стокгольм, затем Шеннон, далее Майами - восемь с половиной часов полета.

Здесь, в Майами, сидим в шезлонгах у бровки бассейна и рассуждаем об истоках национального оптимизма. Разговор завязался еще в самолете. "Благополучный образ жизни предрасполагает к оптимистическому взгляду на окружающий мир", - замечает мой собеседник. Я соглашаюсь. Вчера нашего попутчика (в прошлом выпускника "бауманского", а ныне бизнесмена) со смешанным интересом встречала в Майами стая русских, точнее сказать, "новых русских". Сам же наш попутчик пристрастился к строительному бизнесу, нашел затею удачной, оказался в Балашихе под Москвой, строит и продает, продает и строит. А в данный жарко-весенний момент он летит во Флориду, где по договоренности со своим другом, директором Курского ликеро-водочного завода, намерен пристроить солидную партию курской водки с лихим уточнением: "Курская особая" - наследие тоталитарного прошлого". Лет десять назад это было повальное увлечение местных партийных властей - освоить и пустить в дело свой высокоградусный питейный продукт. И появилось этих разномастных, разнофигурных бутылей "с винтом и без винта" на любой вкус: "Ставропольская горькая", "Зубровская", "Курская особая", "Пензенская тминная", "Вологодский кристалл", "Архангельская малиновая". Это был первый импульс суверенитета, позволяемого и вдохновляемого высшей партийной властью. И как голос из прошлого - этот симпатичный русский бизнесмен с водочными каталогами, географической картой распространения продукта, с трогательным уточнением: "Мы с директором кореша. Он мне говорит: ты, Гена, смотри, особо не дешевись в Майами. У нас есть покупатель, Гена. Нас, "Курскую особую", мир знает. Вот на той неделе у меня были товарищи из Исландии - закупили приличную партию. Австралийцы посетили нас... (Гена уточняет, - австрийцы, но какая разница, все равно немцы.) Так вот, разыскали нас по карте и приехали. Так что мы без этой самой Флориды, Гена, проживем. Проси, Гена, хорошую цену. Образцы я тебе дал, Гена, угощай американских товарищей". И Гена вот летит с нами в салоне первого класса и предлагает нам задержаться в Майами дня на два-три. Он взял напрокат яхту. И хотел бы прошвырнуться вдоль побережья. А соотечественникам он всегда рад. "Так что считайте, - говорит Гена, - что приглашаю. Добро пожаловать в Майами". Гену встретила шумная компания из четырех человек. Во Флориде они уже два месяца. Чем занимаются, понять трудно. Один из них, как представил нам Гена, владеет тремя гектарами земли в центре Москвы и потому человек сказочно богатый. Английского языка никто не знает, включая приветливого Гену. Молоденькие девушки на правах как бы переводчиц, со знанием английского в пределах курса средней школы, а может быть, и меньше. Пока шли к машине, они все время выясняли у одного из своих коллег, что им ответили полицейские.

Молодой человек пожал плечами. А затем спросил: "Way - это что, дорога?" "Дорога", -

подтвердила девушка. "Значит, он хотел показать тебе, куда нам следует ехать, дура". - "Если будешь хамить, я возьму и уеду. Что вы будете делать без меня?" Вопрос был по существу. Компания, настроенная на веселый вечер (Гена приехал!!!), не опустилась до выяснения отношений. Владелец трех московских гектаров, лоснящийся от пота, отреагировал на стычку чисто по-одесски: "Не делай мне больно, Светка. Приехали приличные люди. Что они про нас подумают". Света нас, естественно, повезла в другую сторону, пришлось вернуться снова в аэропорт, и там мы распрощались. Таксисту не надо было ничего объяснять: назвали отель и поехали. В Москве было семь утра, во Флориде чуть больше одиннадцати вечера. В Москве уже давно завтра. Во Флориде заканчивается вчера.

Мы помахали "новым русским". Владелец трех гектаров разразился речью: "А зачем нам английский, Света, через год половина Майами будет говорить по-русски, и улицы здесь будут иметь сдвоенные названия - по-майамски и по-русски. А полицейскому, Света, который ответил так невнятно такой "очаровашке", мы покажем, Света! И будем судить его нашим, не знающим пощады к капиталистам, демократическим, российским судом. Рот фронт, товарищи!" Он скульптурно поприветствовал на прощание. Хотелось спать, а надо было смеяться. Мы расстались.

Этот эпизод интересен не курьезностью. Новая краска жизни. Лет шесть-семь назад такая ситуация могла присниться лишь в страшном сне. "Обнаженная свобода" - вот как это называется. Пять странных русских чувствуют себя в Майами как дома. Их не страшит американская полиция, столь превосходно показанная в американских сериалах, их не беспокоит око налоговой инспекции, их не страшат зубодробительные эмиграционные законы великой Америки. Они так и говорят: "Когда "американы" станут нас доставать, мы уедем".

- Куда? - спрашиваю я.

- Назад в Россию. У нас там дела. - И вдруг, неожиданно: - Выборы приближаются. Мы избиратели. Нам нужны гарантии.

Вот такого поворота я никак не ожидал. Их интересуют выборы?!

- А почему нет! - слышу я резонное возмущение. - Это их страна. Они нарождаются. Они вызревают. Для них важно, чтобы среда в их стране осталась для них благоприятной. Они понимают - правила могут измениться, но не настолько, чтобы...

Отчасти они - пена. Но ведь пена не пропадает, не испаряется. Она оседает, выпускает воздух, превращается в то самое вещество, из которого образовалась. Она следствие ускоренной диффузии или излишнего сжатия, факта внешнего выброса энергии. Пена, господа, не мусор. Она субстанция изменяющаяся. Так называемые "новые русские", и этот факт надо осознать отчетливо, не поселенцы нового мира, не российский десант в заморские Америки или Аргентины. Нет, они непременные "возвращенцы". Они понимают, что Эльдорадо не в Америке, Эльдорадо в России, если...

В этом "если" весь вопрос. Нас раздражает социальное расслоение. Больше всех об этом кричит бывшая номенклатурная знать, лишившаяся власти. В свое время эта знать прочно и без сожаления отслоилась от демоса и как бы не заметила этого, с ленинской точки зрения, "классового ренегатства". Интересно, что та ее часть, которая во власти пребывает и поныне, в силу специфических обстоятельств российского реформирования скособоченно, половинчато о расслоении говорит больше в силу обязанности...

Надо отречься от партийного прошлого, предать анафеме уклад жизни, установленный вечной КПСС, заявить о негодности прошлых управленческих структур. Все это прекрасно и даже справедливо, если у критикующих есть в арсенале навык управления, кадровый ресурс, помимо заманчивой идеи реформ. Если вглядеться в портрет "новых русских" - у многих из них неплохое большевистское прошлое. Это во-первых. А во-вторых, те, кто вошел в коридоры власти, особенно в провинции, это никакие не демократические всходы, а в подавляющем большинстве бывшие партийные работники. Бывшего первого секретаря заменил бывший предисполкома или секретарь райкома из более молодых и более шустрых, научившийся быстрее других выговаривать: "Назад пути нет!"

Как мы видим, демократические претензии к идеологическим переменам не так уж велики. Ты даже не за "завтра". Ты против "вчера". И этого достаточно для появления ростков демократии. Они сами появились на свет не при помощи непорочного зачатия. И в коммерческих структурах у них корни основательные, возможно, они быстрее других поняли, что племя бессребреников быстротечно вымерло, как реликтовая остаточность, а значит, "новые русские" им еще понадобятся. А если быть более точным - для них важно не переусердствовать в поругании, в наклеивании ярлыков, запугивании ужасами: мафия, воры в законе, короли черного бизнеса... А вдруг...

Но вернемся к главной теме дня - выборы.

22 апреля Сергей Филатов (глава президентской администрации) собрал узкое совещание. Приглашено было человек десять. Тема разговора предстоящие выборы. Поговорили о тактике, подумали о стратегии. В основном - аналитики либерального окружения президента, а проще говоря, аппарат. Плюс мой коллега Сергей Благоволин. Он возглавляет ОРТ "общественное телевидение", нареченное так господином Березовским, вожаком банковского пула, согласившегося откупить 50% несуществующих акций, а точнее говоря, погасить все долги прежнего "Останкино" перед государством, которое должно было финансировать "Останкино" и не делало этого. Экономический абсурд, а в результате перевод государственной, обременительной для государства собственности в необременительную, частно-банковскую. Для отвлекающей важности эксперимент был назван "общественное телевидение" (добавим от себя, на частной основе). "Мы пойдем другим путем" - неизлечимая болезнь России. Назвать можно как угодно, но феодализм остается феодализмом, а крепостное право - крепостным.

Среди остальных был и я. Как уточнил Слава Волков (заместитель Филатова), когда я недисциплинированно подверг критике заявленный стратегический эскиз предвыборной баталии: "Ты просто не в курсе. Мы уже собираемся не в первый раз. Я тебе расскажу". Это было любопытное уточнение. Они уже собирались, и не один раз. Ну, собирались. Ну, думали. Ну, спорили. Кто с нами, а кто против нас? Господи, напыщенные полупримитивы! Взвешивали, надо ли приглашать Попцова. Откуда Филатов набрал этих имитаторов? Пошелестели аналитическими записками, занялись арифметикой - сложили, вычли, перемножили, разделили. Получилось негусто. Борцы за либерализм в подвешенном состоянии, и прежде всего сам Филатов. Там, за Кремлевской стеной, атмосфера удушливая, липкая. И специалисты по перекрытию кислорода никак не в опале. Александр Васильевич Коржаков с вкрадчивым заместителем Рогозиным и плюс к ним "хранитель Кремля" Барсуков грядут. Рогозин, особая статья, - нечто мистическое, экстрасенсорное человек с голосом ласковым и негромким. И взглядом туманно-сосредоточенным. Этакий толкователь восточной медицины и восточной философии. И подозрение для Рогозина - вовсе не подозрение, а форма профессионального любопытства. Он никому не признается, но это так. Рогозин человек увлекающийся и умный. Его сосредоточенность на субъекте может быть истолкована как мстительность, а может - как мистифицированная увлеченность. А посему он опасен вдвойне: и для тех, кто "над", и для тех, кто "под". И, уж подавно, для тех, кто "напротив". Третьим в команде следует считать Барсукова. Исполнителен до угрожающих степеней, не чужд Русской Идее. Таков он - микроальянс, противостоящий либералам в кремлевских коридорах. И приглашение Попцова на "тайную вечерю" было обусловлено раздумьем. Коржаков и его команда, мало сказать, недолюбливали Попцова. А раз так - на данном этапе Попцов наш союзник. Нас команда Коржакова тоже терпеть не может, впрочем, как и мы их. А поэтому Попцова надо пригласить. Примерно так рассуждали мои якобы единомышленники.

Не станем вдаваться в подробности. Тема не новая - противоборство в окружении президента. Это в стиле Ельцина - превращать свое окружение в многослойный пирог. Президент подчеркивает свою лояльность к разновариантности и даже разнополюсности. Он не вмешивается в схватки такого рода. Внезапной переменчивостью своего отношения к заглавным фигурам той или иной группировки Ельцин дает понять о своих монарших

симпатиях. Чем подтверждает молву о возросшем влиянии на президента этих самых фигурантов. Вчера это мог быть Егор Гайдар, позавчера Александр Яковлев, незадолго до того Полторанин или Бурбулис. Затем на какой-то момент Черномырдин, а теперь вот Коржаков А.В., Сосковец О.Н. Этих людей нельзя назвать фаворитами. Век президентской привязанности недолог. Меняется сам президент.

Есть такое правило, такой принцип в президентском окружении: человек команды значим до того момента, пока не начинает работать на себя. Авторство этого правила приписывают Коржакову. Норма отношений изнурительная, построенная на постоянном подозрении. Суть незатухающего конфликта в ответе на вопрос: кто выставляет оценки: работает он на себя или не работает? Таким человеком не может быть президент, он занимается страной, а не командой. В таком случае - лицо, облеченное его всеохватным доверием? А кто выставляет оценки этому лицу? Скорее всего, президент.

ЖЕМЧУЖНОЕ ЗЕРНО

Опрос фонда "Общественное мнение" 7 мая 1995 года. Вопрос: "Кто сегодня наиболее влиятелен, чье слово в принятых решениях наиболее значимо?" Оценка давалась по десятибалльной системе. Результаты следующие: на первом месте Виктор Черномырдин с рейтингом 9,81. На втором Александр Коржаков - 8,91. На третьем, с достаточным отрывом, Анатолий Чубайс - 6,33. На десятом - глава президентской администрации Сергей Филатов (1,6). Президент как субъект исследования не рассматривался. Такие исследования и опросы проводятся постоянно, но именно этот крайне принципиален. Фактически мы являемся свидетелями начала предвыборного наступления власти.

Где-то в середине апреля мы договорились о встрече с Сергеем Шахраем. Разговор вышел за рамки повседневных забот радио и телевидения (по распределению обязанностей между вице-премьерами Шахрай курирует средства массовой информации). Мы сделали перекрестный анализ политической ситуации. Шахрай привычно пребывал в состоянии сдержанной меланхолии, пожаловался на затянувшуюся непроясненность своего положения в правительстве, сказал, что ему надоело переживать по этому поводу. Однако выборы приближаются - надо думать. Он подготовил свои соображения о предвыборной стратегии и направил их президенту. Он мог бы высказать привычную неуверенность в том, что их постигнет судьба идей предшествующих, которые он постоянно высказывал и направлял как президенту, так и премьеру. Однако на этот раз он не сомневается. Им отмахнуться не удастся. Я поинтересовался, в чем причина такого сегодняшнего оптимизма. "У них нет выхода, - резюмировал своим негромким голосом Шахрай, - и нет идей".

Сущность концепции Шахрая - создание двух блоков: право-центристского и левоцентристского (социал-демократической ориентации). Первый должен был предположительно возглавить Черномырдин, второй - Рыбкин. Шахрай нарисовал генетическую схему взаимодействия блоков на политическом пространстве. Цель замысла проста и очевидна - удержать власть. Сергей Шахрай - сторонник прагматической демократии, однако в кабинетах современной власти он все время чужой. Почему?

Я задумался: как определить образ власти, в руках которой, по замыслу самой власти, должны остаться рычаги управления государством? Демократическая? Вряд ли. Президент после чеченского экспромта оборвал пуповину, что накрепко связывала его с демократами. Да и сама власть в исполнительном варианте морщится, когда ее называют демократической. Сегодня правительству более других досаждают именно демократы, которые еще недавно, особенно в предвыборном противостоянии 95-го года, считались главной опорой президента, а значит, и кабинета министров, сформированного его рукой. Нельзя эту власть назвать и ортодоксальной, прокоммунистической. Проще было бы считать ее властью профессионалов. Определение, устраивающее всех, но не соответствующее данности.

Естественно, что каждый член кабинета имеет профессиональное прошлое: значимое, менее значимое. И для упреков нет оснований. Всегда можно сказать, что прошлая эпоха не слишком выделяла талантливых, а следовательно, скромная значимость в прошлом не означает автоматически малоценность в настоящем. Так думать и рассуждать удобно. Некая

правота на все времена. Но делать этого не следует. Следует заметить, нынешняя власть - по сути, власть смешанная и эклектичная, хотя и была зачата на демократическом романтизме. И вот что любопытно. Определение "демократическая", в большей степени предназначенное для Запада, а не для внутреннего пользования, сократило кадровый потенциал до предела. Управленцев-демократов неоткуда взять. Все заканчивается блужданием в гайдаро-чубайсовском редколесье. И эти не вызрели в полной мере, а других либо нет, либо... Младореформаторы становятся кастой. И неважно, какая это каста: неприкасаемых или гонимых. Каста - это всегда плохо.

Итак, Черномырдин посетил президента. Президент одобрил идею. Злые языки на этот счет высказались мгновенно. Барин повелел создать две партии. Крепостные зашевелились. Упреки насчет создания партии власти в достаточной степени правомерны. В России всегда все наоборот либо через колено. Сначала прошли демократические выборы в парламент вне партий, еще в 1990 году. Та единственная, по имени КПСС, переживала свой жесточайший кризис, бегство из партии превратилось в эпидемию. В партии оставались озлобленно-одержимые: власть была потеряна, однако надежда на реванш хотя и была маловероятной, но все же была. И плюс к ним пожилые сограждане, которым поздно было что-то менять, откуда-то выходить, куда-то вступать. Других партий, по сути, еще не существовало. Каждый кандидат, а их было более десяти тысяч, представлял только сам себя или партию в одном лице. Так создавался первый постоянно работающий парламент России. В истории мировой цивилизации это были самые свободные, самые демократические выборы. Каждый кандидат выдвигал свою программу, рожденную лишь собственными умениями или фантазией. Естественно, без каких-либо характеристик и механизмов претворения ее в жизнь. Вы можете себе представить съезд, на котором присутствует тысяча двести депутатов, давших избирателям клятвенные обещания выполнить тысячу двести самых невероятных программ, причем каждая из этих программ, конечно же, должна сделать сограждан счастливыми и процветающими. "Сумасшествие", - скажете вы. "Никак нет, - отвечу я, - реальность по имени "демократический романтизм", а по существу - хаос". Только после структурной диффузии внутри парламента (образования фракций) начался алогичный процесс. Парламентские фракции уже под себя, в качестве хоть какого-то социального ядра стали собирать новые, как правило, самодеятельные, игрушечные партии. Отсюда термин - "партии в пределах Садового кольца". Все новоиспеченные лидеры ринулись в регионы. Этого требовала классическая формула: партия вне масс не партия. Курьез еще заключался в том, что все ринулись создавать не просто партии, а партии парламентского типа. А что это такое на самом деле, мало кто себе представлял. Ведь в школе, институте мы все изучали только план построения партии "нового типа", как показала история - типа диктаторского и тоталитарного. Закон о политических партиях и движениях запрещал создавать политические ячейки и первичные партийные организации на предприятиях и по месту жительства. Иначе говоря, привычные методы создания и существования партий, опробованные на КПСС, были признаны недопустимыми, а других дрожжей, на которых замешивалось тесто парламентской демократии, никто не видел. Процесс партийного строительства обрел хаотичный характер, хотя и подталкивался сверху, инициировался властью, неважно какой: президентской, правительственной или законодательной. Это были партии вне идеологии, осознанных программ, скорее, расширенные клубы по интересам, ориентированные на узнаваемую личность лидера, своеобразные фан-клубы. Кредо вступившего, примкнувшего, зачисленного, сделавшего свой выбор укладывалось в три слова: "Лидер мне нравится" или "Я его видел".

Первый опыт создания партии демократической власти был опробован в 1993 году. Сделано это было суетно и помпезно. Об этом заявила плеяда управленцев новой волны (Гайдар, Шумейко, Чубайс, Полторанин, Федоров, Филатов). Первые двое, оставаясь в ранге вице-премьеров, возглавили что-то наподобие оргбюро нового движения, получившего название "Демократический выбор России". Со стороны это смотрелось как проправительственная коалиция, замешанная на демократических воззрениях. На самом деле

это было воплощение длительно обсуждаемой идеи "президентской партии". Разумеется, движение еще не партия, но некий организационный остов был создан. Выразительная эмблема с ликом Великого Петра, непонятно каким образом связанного с демократией, - все это вызывало ощущение какого-то грандиозного розыгрыша. В зале - банкиры вперемешку с творческой и научной интеллигенцией, с остаточными вкраплениями зачинателей демократического брожения в России.

Кстати, одним из доводов в пользу своего неминуемого создания новое движение "Демократический выбор России" использовало тезис о том, что "Демроссия", ведомая Львом Пономаревым, со своей задачей не справилась, осталась в своей основе толпой обезумевших от митингов. Прародителей бесцеремонно выдворили за дверь и стали планомерно выдавливать из демократического политического пространства. Раскол никогда не давал положительных результатов. И этот шаг размежевания был ошибочным, с первых минут ослабляющим еще не оформившееся, но уже заявившее о своей политической экспансии движение. Очень скоро выявилась личностная неоднородность и неспособность демократов сплотиться в единую предвыборную команду. Никто не захотел быть вторым. И Гайдар, и Б.Федоров, и С.Шахрай, и Г.Явлинский, и В.Шумейко и А.Чубайс были внутренне убеждены, что каждый из них уже состоявшийся лидер любого демократического движения, в том числе и вновь созданного. Гайдар, названный номером один, скорее по должности (все-таки первый вице-премьер), оказался для многих сотоварищей по демократическому фронту фигурой неподходящей. Они готовы были принимать его правительственное главенство, так как назначение президентом не обсуждается, но принимать его капитаном в политическом плавании они не хотели.

Шахрай откалывается первым, создает и возглавляет свою партию - ПРЕС. Группа обиженных Явлинский-Болдырев-Лукин рождают объединение "Яблоко". Шумейко - он-то вообще вровень с Гайдаром в своем вице-премьерстве - уходит в одиночное предвыборное плавание. Да и правительство раскололось на тех, кто пришел себя окунуть в политику, и тех, кто по тем или иным причинам сохранял верность монастырско-правительственной замкнутости. Дескать, нам политическими игрушками заниматься некогда, надо страной управлять, воз тянуть. Интересно, что президент негласно более симпатизировал именно этим, не зараженным политическими амбициями, и прежде всего Черномырдину и Сосковцу. Хотя и тем, другим, порожденным его реформаторским капризом, таким, как Гайдар или Чубайс, не препятствовал. Ельцин еще раз доверился своему чутью. В последний момент, почувствовав зыбкость и непрочность блока, отодвинулся от него и не позволил назвать себя лидером нового движения. В конце концов, он расплатился за долги с каждым из капризных и несговорчивых демократических лидеров. Он, Ельцин, вывел их на политическую орбиту, извлек из небытия. Да, в период референдума они были его оплотом, как, впрочем, и он для них. Теперь он не может рисковать. Итогов реформ, значимых, способных переломить настроения в обществе, пока нет. Главы региональных администраций скорее союзники Черномырдина, а не Гайдара. Следовательно, организационного оплота на местах это движение не найдет. Да еще и внутренний раздор. Слишком много капризности, скандальности. Если они победят на выборах, то останутся его приверженцами. Им некуда деваться. А если проиграют, это будет их поражение, а не президента. Он останется над схваткой.

вторая попытка

Когда до выборов-95 остаются считанные месяцы, говорить подробно о выборах 93-го года не имеет смысла. Нас подтолкнула к этому разговору вторая попытка создания партии власти. Теперь этот эксперимент называется "Наш дом Россия". Тогда, в пору новых политических модификаций, "Демократический выбор России" претендовал на корону президентской партии, но Ельцин засомневался и в обиход вошло "партия власти"

Говорят, истинные демократы насторожились, дескать, теряем народность. Но причина подобных расхождений была в другом. На вершине для всех претендующих не оказалось места. Начались раздоры.

Новое движение стало не идеологическим, а, скорее, профессионально-организационным. Была предпринята попытка отмежеваться от истеричной, "свихнувшейся" на своей оппозиционности "Демократической России", которую, по словам Анатолия Чубайса, ничто, кроме криков и митингового баламутства, не интересовало. Двигаться дальше в рядах этого движения и оставаться властью было невозможно. Следовало изобрести что-то новое. Профессионализм, помноженный на демократические убеждения. В понятие профессионализма легко вписываются и Гайдар, и Чубайс, и Шумейко, и Полторанин, и Шохин, и Борис Федоров, и Андрей Козырев, и Андрей Нечаев, и Сергей Шахрай. Но почему все числились в одной команде? А демократические убеждения. Это как эстафетный жезл. Именно они понесут его дальше. Такова историческая преамбула.

Блок "Наш дом Россия" был заявлен в похожей ситуации, и тоже накануне выборов, правда, несколько раньше, чем это сделал в прошлом "Выбор России". Да и предпосылки рождения следует считать иными. Идея создания двух крупных партий, а для начала двух предвыборных блоков, носилась в воздухе уже давно. Еще в 91-м году после путча, ориентируясь на непростое будущее, окружение Ельцина поговаривало о таком варианте. Предполагая, что одна из партий будет президентской, а вторая не как альтернатива, а как расширенный плацдарм первой, но вполне внушительная, способная в блоке с первой, если та не одержит очевидной победы, составить безболезненную коалицию с ней и удержать власть.

Как уже было сказано, несколько объединяющих попыток было сделано ранее, но все они не дали нужного результата.

Смутное время не предрасполагает к торжеству нравственных и этических принципов.

Весна 1995 года мало чем отличалась от осени 94-го или зимы того же 95-го. И дело, в конце концов, не во времени года. Существовала политическая альтернатива. Она существовала с первого же дня работы Думы. Законодательная власть, избранная на половинчатый срок в 2 года (период был назван переходным), убранная в жесткое конституционное ложе, исключающее рецидивы, столь характерные для прошлого Верховного Совета, способного практически парализовать любые действия президента и правительства. Ныне возможности президента и Думы несопоставимы. Президент получил право на роспуск Думы и на объявление досрочных выборов при самых разных комбинациях. Иначе говоря, у президента всегда есть шанс провести выборы либо их отменить. И что принципиально: и в том, и в другом случае президент действует в пределах новой Конституции. Сущность альтернативности изменилась. Если раньше все исчислялось дилеммой: согласно Конституции или вопреки ей, то теперь пространство алогичности расширилось и альтернативные действия, хотя и противоположные по смыслу, оказываются в пределах конституционного поля. Последние решения Конституционного суда, рассматривавшего вопрос о законности указов президента по поводу Чечни и признавшего их полную конституционность, - лишнее тому доказательство. Представить подобное решение суда в пору председательства в нем Валерия Зорькина невозможно. И дело не в позиции Зорькина. Он и сейчас оказался в числе трех судей, высказавших свое несогласие с вердиктом суда. И даже не в составе суда. И не в политической значимости сил, противостоящих президенту в начале 93-го и в середине 95-го годов. Дело в конституционном преобладании президента и над Думой, и над Советом Федерации, и над Конституционным судом. Опираясь на правовое поле, Конституционный суд среагировал на это преобладание. Огласи суд решение, отрицающее правоту президентских указов, - конфликт в Чечне обрел бы новые побуждающие силы, была бы дестабилизирована обстановка в армии, перечеркнута возможность переговоров, и конфликт бы выплеснулся за пределы России. Характерно уточнение суда, что проблемы защиты прав человека, самый уязвимый с точки зрения Конституции правовой плацдарм в этом конфликте, суд вынес за скобки своего решения, предлагая решать его в иных законозащищающих инстанциях. Вопрос: в каких именно? - остается открытым. Определяющей статьей новой Конституции, ее знаменем является тезис о защите прав человека. И если Конституционный суд - а только

он оценивает конституционность любых действий, а значит, и их последствия - выводит этот принцип за пределы своей прерогативы, неминуемо осложняется ситуация вокруг самого Конституционного суда как гаранта и защитника новой Конституции. Вывод, возможно, и нелицеприятен, но он очевиден.

Но вернемся к идее выборов.

Президент извлек максимальный выигрыш из слухов, распространяемых прежде всего самим депутатским корпусом о роспуске Думы. Эти слухи, как ни странно, постоянно укрепляли престиж президента, так как в публичных выступлениях он постоянно подчеркивал свою приверженность конституционным нормам, а следовательно, и желание провести выборы в сроки, обозначенные в Конституции. Общество исподволь подталкивалось к умозаключению: в разгоне Думы заинтересованы силы внутри Думы. Президент сохранял сальдо корректности и не говорил об этом вслух. Однако выплеснувшиеся предвыборные ажитации различных политических сил очень скоро стали представлять диссонанс с полумолчанием президента и отсутствием предвыборной темпераментности в среде исполнительной власти. Это необъяснимое поведение исполнительных структур не укладывалось в логику предвыборных страстей и побуждало депутатский корпус распространять слухи о том, что Кремль что-то задумывает. Поздняя весна и лето 1995 года все расставили на свои места. Состоялось совещание у президента. Сначала у президента побывал Черномырдин, затем Иван Рыбкин. Возможен и другой вариант: на встрече присутствовали оба. Сразу же после встречи с президентом и Рыбкин, и Черномырдин заявили о необходимости создания двух предвыборных блоков. Не одного, не четырех, а именно двух. Обкомовское прошлое Ельцина подавило Ельцина-президента, он среагировал на нестандартность ситуации авторитарно - дал указание создать предвыборные блоки. Первый поручил возглавить премьеру, а второй - спикеру Думы. Предписал обоим придерживаться центристских позиций. Характер мышления - вне демократических шатаний, стиль - номенклатурно-советский ("верхи" знают, что нужно "низам"). Непримиримая оппозиция не осталась в долгу. Она тут же заявила о коварстве режима, о назревающем тоталитаризме, об агонии власти, которая, используя свое служебное положение доступа к государственной казне, от которой кормятся и коммерческие банки, и всевозможные блоки, фонды, в которых тусуется власть вперемешку с преступным миром. Демарш оппозиции был не столь безобиден. Пристегивая "новых русских" к блоку "Наш дом Россия", оппозиционеры полагали, что весь черный гнев, который вызревает в обывательской среде по отношению к роскошным лимузинам, особнякам, заполонившим живописные территории пригородов и зоны отдыха, к ночным ресторанам и казино - короче, всему тому, что в течение семидесяти лет считалось исчадием ада, непременно обрушится на президентское окружение. Относительно "новых русских" "непримиримые" лукавят. Эту самую черную тень рынка все политические силы, вслух ее проклиная, на самом деле перетягивают на свою сторону, делят, раскраивают. На момент выборов оппозиция готова забыть риторику про "чистых и нечистых". И цвет бизнеса оппозицию не интересует: черный "нал", белый "нал", красный "нал", лишь бы он был, особенно в момент выборов.

Черномырдин остался верен своей натуре. Он начал действовать незамедлительно, полагая, что организационное превосходство на старте неминуемо скажется на протяжении всего предвыборного марафона. В кратчайшие сроки был подготовлен и проведен организационный съезд. После чего, по законам цепной реакции, стали собираться региональные съезды движения "Наш дом Россия". Черномырдин под общий гул одобрения был признан лидером нового движения.

Сам зал съезда, говоря привычным языком, выглядел административно-номенклатурным: губернаторы, мэры городов, главы администрации районного масштаба, президенты концернов, директора заводов. Незнакомых власти лиц в зале, по существу, не было. Громкофамильная интеллигенция, заявленная в списках, на съезде частично отсутствовала. Запомнился президент Академии художеств Ткачев, который, судя по его словам, возлагал на блок и лично на Черномырдина большие надежды: "Российские

художники терпят великую нужду. В других блоках и партиях какие-то крикуны, ненадежный народ, здесь что ни кресло, то должность премьер, вице-премьер, министр, губернатор, президент компании". Что верно, то верно! "В нищете свобода - товар неприбыльный". Съезд истекал обилием. Множество прессы, столы уставлены вкусной, излучающей жар и запахи едой, побуждающей к высоким словам и надеждам. Наконец-то...

Я был в числе приглашенных на этот съезд. Как сказали мои коллеги с телевидения, видевшие дважды мелькнувшее в кадрах информационных программ мое лицо: "Мы поняли, что оптимизм в этот момент не переполнял вашу душу". "Не переполнял", - согласился я.

Идея двух мощных предвыборных блоков, в перспективе обещающих воплотиться в две значительные партии, - идея здравая. Два блока, ориентированные на идеологическую середину, - не каприз, не желание возродить отсутствующий политический центр как мировоззренческое убеждение. Это реакция на переизбыток левого и правого радикализма, на непримиримую оппозиционность как форму существования. По принципу: левым не нравится флаг потому, что он не красный, а правым - потому, что он не белый. Прямолинейная сравнимость с Америкой или Англией, где исторически борьба за власть идет между двумя равнозначимыми партиями, мало чем отличающимися по своим политическим манифестам. Хотя, если говорить об Англии, лейбористы, как некие носители социалистической идеи, более нацелены на социально ориентированную политику с весомой долей государственной собственности в общенациональном балансе. Противостояние этих партий состязательно, отчасти конфликтно, но не враждебно. Партия, пришедшая к власти, не стремится на следующий день посадить на скамью подсудимых прежнее правительство, сформированное ранее ее оппонентами. Именно в силу этих традиций меняется власть, но преемственность политики, ее неизменность в основных параметрах остается священной коровой. Возможен ли такой вариант в России? Две сложившиеся равнозначимые крупные партии попеременно, в зависимости от политической удачливости правят бал. И при этом не контрастируют до нелепости в своих программах. В ближайшие лет восемь-десять - вряд ли! Для того чтобы стать партиями-магнатами, способными в предвыборный момент создать блок, они должны состояться как самостоятельные правящие единицы. Пройти испытание властью.

Простая селекция на правых и левых, испепеляющих и взаимоисключающих друг друга, может гарантировать обществу только череду потрясений. Центризм как краеугольный камень стабильности - вот задача дня. В чем же тогда привлекательность двух блоков центристской ориентации? На что надеются носители этой идеи? Каков их расчет?

Во-первых, как ни странно, не на политическую активность, а на политическую усталость. Народ отравлен политической ажитацией. Митинги, демонстрации, манифесты. Они не приносят покоя и мира. Политическая апатия пришла на смену политическим бурям. Даже война в Чечне не взорвала общество. Она его разделила, но не взорвала. И это не показатель зрелости общества, а характеристика его усталости. Гибель нескольких десятков тысяч человек ушла в историческое никуда. Это невероятно, это невозможно ни в одной цивилизованной стране, на которые нам так хочется быть похожими, но это факт.

Крики поругания, низвержения радикалов надоели. Обществу нужен иной идеал власти. Обществу необходима объединяющая идея. Сила, сотворившая эту идею, и станет властью. Естественно, ни социализм, ни коммунизм такой идеей стать уже не смогут. И даже малый возврат к старому это старое не возродит. Все очень просто: лучше дорогие продукты в избытке, чем вечное отсутствие всяких.

О чем еще думают авторы идеи? Откуда эта роковая цифра "2"? Зачем и почему необходимы два центристских блока, а не один? Если центра, как такового, нет, его растащили по флангам. Достало бы сил сколотить один... Ничего подобного, обязательно два, и только два! В этом, если хотите, была новизна идеи. Если предположить, что носителей центристских убеждений растащили по флангам и они уступили этой тенденции, значит, каждый субъект, проповедующий центристские убеждения, клонясь вправо или влево, не считал, что он утрачивает свои принципы, просто он возвращается туда, откуда ушел после

того, как понял бесперспективность радикализма. Чтобы не потеряться на выборах, он возвращается в лагерь временного большинства, в котором проживал ранее. Иначе говоря, единое центристское движение, призвавшее всех под свои знамена, сразу лишится хотя бы минимально необходимого единства взглядов. Два блока - это возможность маневра.

Почему президент предложил возглавить второй блок Ивану Рыбкину, а не Владимиру Шумейко, более респектабельному и фактурному?

Разумеется, на тот момент более высокий рейтинг был у Рыбкина. Но это - формальный повод. Уязвимость Шумейко - в подчеркнутой подчиненности президенту, его пропрезидентская ангажированность. Ну а Рыбкин?! Президенту было очень важно доказать, что его отношения с Думой небесперспективны. Здесь важен не факт предложения, а факт согласия Рыбкина. Дума идет к своим перевыборам. Политическое будущее Рыбкина туманно. А президент расчистил ему горизонт.

В июне я был в Нижнем Новгороде по приглашению губернатора Бориса Немцова. К моему удивлению, почти одновременно Нижний посетили несколько лидеров различных политических движений и партий: А.Руцкой, В.Лапшин (Аграрная партия), Е.Гайдар, Г.Явлинский. Там, в Нижнем Новгороде, я увидел и понял этот, якобы существующий, а на самом деле отсутствующий партийный механизм. В нашу коммунистическую бытность при подготовке партийных и комсомольских съездов создавались различные группы, выполняющие ту или иную работу на самом съезде. Среди прочих обязательно формировалась группа скандирования. Обычно так и задавали вопрос: "Кто у нас сегодня отвечает за скандирование в восьмом секторе?" Задача таких групп была мобилизовывать в зале дух единения с партией, повышать градус ажиотажности. Нечто подобное я теперь увидел в Нижнем Новгороде. Партий, естественно, как таковых, не было. Собиралась группа, обеспечивающая наполнение зала и приходящая на выступления лидера. На это выделялись определенные средства, и включался механизм материальной заинтересованности. Были, конечно, и бесплатные единомышленники, но очень часто не они составляли большинство в зале. Лидер выступал, задавались вопросы, произносились речи в поддержку, десяток плакатов, десяток озвученных оппозиционных лозунгов, и зал, как говорится, созрел.

Успешность заезда вождя определялась умением не допустить оппонентов на выступление лидера, а если они и появлялись в ничтожном меньшинстве, что тоже планировалось, то важно было под общий свист разъяренных сторонников изгнать хулителей. Этот эпизод, как говорится, "шел по высшим расценкам". Один лидер покидал город, на смену ему приезжал лидер другой партии, и все повторялось. Группа обеспечения (актив) была очень часто одна и та же, она принимала очередной заказ и приступала к работе. Впрочем, нашу иронию можно счесть преждевременной, так как мы ориентируемся на опыт той, единственной большевистской партии, строго регламентированной, с жесткой структурой и дисциплиной. Партии парламентского типа в межсезонье находятся в политической спячке, немногочисленный аппарат в это время фиксирует лишь свое существование. И, как исключение, проводит разовые акции регионального либо национального масштаба. Никаких иных действий парламентские партии не практикуют.

Избирательный блок, который возглавил Иван Рыбкин, скорее всего, не будет иметь партийного будущего в силу своей крайней неоднородности, хотя приверженность самого Рыбкина социал-демократическим взглядам общеизвестна. В этом смысле, хотя и на другом уровне, он совершал дрейф от коммунистических взглядов секретаря Волгоградского обкома партии в сторону сдержанного либерализма социал-демократического толка, отчасти повторяя путь Александра Яковлева. Тот факт, что Иван Рыбкин возглавляет Государственную Думу, где и варится многопартийная каша, дает ему и достаточные преимущества, и определенный риск в воплощении президентского замысла хотя бы уже потому, что он - президентский. Как глава Думы Рыбкин имеет шанс увести за собой часть фракций и тем самым нарушить монолитную оппозиционность подавляющего большинства парламентариев к движению "Наш дом Россия". А как следствие - сузить оппозиционное поле в парламенте. Но не следует забывать, что Иван Рыбкин - лицо избираемое. Появление

его во главе предвыборного блока вызывает ревнивое отношение депутатов, что может перерасти в открытый демарш с требованием сместить Рыбкина с его поста. Такая опасность была особенно реальной весной 95-го года, когда об идее двух блоков было заявлено вслух. В этом случае Рыбкин мгновенно лишался своего главного преимущества. Бесспорно, значимой его политическую фигуру делают не его личные качества, о которых можно сказать много добрых и не очень добрых слов, а должность, запрограммированная на лидерство. Правильность наших предположений подтверждает политика, избранная Рыбкиным. Он дал максимально проявиться Черномырдину. Рыбкин понимал, что возможностей для значительной стартовой скорости у премьера неизмеримо больше. В его руках громадный аппарат исполнительной власти, который почти автоматически стал аппаратом движения. И финансовые возможности этих двух блоков нельзя назвать равными. В тактике Ивана Рыбкина присутствовала вынужденность. Будучи человеком осторожным по натуре, он спокойно пропустил Черномырдина вперед. До летних каникул Думы было еще далеко, и своими туманными заявлениями: то ли будет блок Рыбкина, то ли его не будет, и сам он еще не определился, надо ли ему возглавлять блок - пока это лишь предположения, предмет для дискуссии, а не свершившийся факт. Вот Черномырдин - другое дело, там все ясно. А в истории со вторым блоком еще надо думать и думать. Цель, в общем, была достигнута. Ненужных обострений в Думе не случилось. Туман вокруг блока № 2 оказался столь плотным, что невозможно было различить не только идеи, но и контуры людей. Вспоминаю приватный разговор, который случился у меня с Рыбкиным в удушливые от непривычной жары майские дни. Нас было трое: сам Рыбкин, Михаил Полторанин и я. Мы долго искали место для беседы. От кабинетов отказались сразу, они доверия не внушали. Рыбкин предложил вместе отобедать, и там - в душной присутственной комнате, где окна были распахнуты настежь, уличные шумы мешали разговору и женщина, следящая за столом, аккуратно исполняла свои обязанности, как и ветер, налетавший мгновенно по причине сквозняка, как и две женщины на правах хозяйственного персонала, накрывающие стол высокому начальству, вызывающие у меня какое-то смутное подозрение, и мое нежелание в их присутствии говорить что-либо... короче, все вместе взятое доставляло массу неудобств для разговора обстоятельного и конфиденциального, но менять уже что-либо было поздно, - мы разговорились. Нашу беседу правомерно назвать прикидочной и эскизной. Говорить о союзниках по блоку было непросто, да и Рыбкин осторожничал. Назывались вероятные кандидатуры, высказывались "за" и "против". Все понимали, что больше говорят о желаемом, нежели о реальном. Рыбкин делал вид, что его не волнует активность Черномырдина. И хотя он понимал, что время уходит, менять что-либо в своей тактике "скрытого маневра" и неспешных переговоров он не хотел. Хотя и другое справедливо: переговоры с предполагаемыми союзниками шли не просто, да и вести их особенно было некому. И тем не менее проще вести переговоры, когда лидер уже обозначен. Понимал он и другое. Преимущество в стартовой скорости блока Черномырдина бесспорно. Однако главная волна критики обрушится не на предполагаемое, а на явное. Напор оппозиции будет сосредоточен на главном раздражителе - партии власти. Наши предположения подтвердились полностью. Вслух о блоке и его перспективах Рыбкин заговорил в конце июля, накануне парламентских каникул. Ничего бунтующего в Думе на этот счет уже произойти не могло. В самые последние дни в списке блока была определена фигура № 2: генерал Борис Громов, по сути - главный антипод Павла Грачева. В двухблоковой комбинации был еще один скрытый замысел, дающий определенное тактическое преимущество. Наличие одного центристского блока, именуемого партией власти, неминуемо объединяет оппозицию и сосредоточивает ее на противоположном полюсе. Она и становится второй противоборствующей силой. Такая ситуация делает результаты выборов непредсказуемыми. Когда же на игровом поле появляются два близких к власти блока, то оппозиция вынуждена вести борьбу на два фронта, что всегда неизмеримо сложнее. Вот почему одной из важнейших тактических задач блока "Наш дом Россия", как это ни звучит парадоксально, есть помощь в создании блока Ивана Рыбкина. Иначе судьба "Нашего дома" обещает быть малорадостной. Так следует

поступать и действовать с точки зрения профессиональной политики, но я почти уверен, что ничего подобного сделано не будет.

БЕДА

Июнь. Пятница. Накануне я встречался с Владимиром Шумейко. Договаривались о его выступлении перед журналистами телекомпании. Встреча традиционная. Собираемся на "Яме" (так прозвали здание компании на улице Ямского Поля). Одна из особенностей таких встреч - максимальная открытость политика. Теле- и радиожурналисты задают вопросы, затем появляются передачи "Пять ответов Владимира Шумейко" или что-то в этом роде. В этом разговоре Шумейко конфиденциальным тоном сообщает, что в городе Буденновске, это Ставропольский край, террористы захватили больницу. Факт неприятный, но как бы в общем ряду неприятных фактов. Какие-то террористы, какая-то больница. Шумейко говорит, что шума поднимать не надо. К вечеру, судя по всему, проблема будет решена. Подтянут спецназ, ОМОН. Особой озабоченности в его словах никто не почувствовал. После этой встречи я вернулся к себе, позвонил в "Вести", спросил, что слышно из Ставрополья. Отвечают: Басаев, человек из окружения Дудаева, захватил больницу в городе Буденновске, других деталей пока нет. Истинный трагизм происшедшего стал ясен через несколько часов. Премьер отдыхал в Сочи. Президент готовился к встрече "большой семерки" в Галифаксе. Мы договорились с премьером, что сделаем документальный очерк о его деятельности, предполагалась поездка Черномырдина по регионам России. И мы готовили команду телевизионного сопровождения. Все шло своим чередом. Чеченская эпопея перешла в завершающую стадию. Дудаев и его сторонники были оттеснены к границе с Дагестаном. В их руках оставалось не более 20% территории. Федеральные войска приспособились к горным условиям и достаточно интенсивно выдавливали дудаевские военные формирования с казавшихся неприступными баз и горных укрепленных пунктов. Чеченская военная кампания подходила к своему финишу. Соотношение сил было несопоставимым. Дудаевские формирования стали испытывать нехватку вооружения и боеприпасов. Рассуждая здраво, у дудаевской стороны не оставалось выхода: либо признать свое поражение и капитулировать, приняв все условия федеральных властей, либо избрать партизанскую тактику, перевести войну в вялотекущий процесс, просачиваться на территорию России и использовать террор как фактор запугивания гражданского населения, а значит, как фактор давления на федеральные власти, что позволит вести переговоры (а они оставались последним дудаевским шансом не в фабуле капитуляции) с перспективой политического торга о статусе Чечни.

Весь опыт первой Кавказской войны 1852-1856 годов (начинать чеченскую операцию немыслимо, если политики, предрешившие силовое решение проблемы, не просто перечитали историю собственного Отечества, а изучили этот период детально), так вот, опыт Кавказской войны - кстати, Чечня в той войне была детонатором - однозначно подтверждает, что народ, живущий и поныне по законам кровной мести, исповедующий ислам и такие его нормы, как газават, оказавшись в крайней стадии конфликта, никогда не примет идеи безоговорочной капитуляции.

Да и логика военных действий в Чечне не в пользу России. Полицейская операция по искоренению бандитизма в каком-либо городе, на какой-либо территории конституционно правомерна, если федеральный центр предложил несколько вариантов цивилизованной жизни, использования трудовых ресурсов, а вот погрязший в пороках город, вопреки этому, выбрал бандитизм. Ничего подобного не было. Все, что началось в Чечне, есть следствие удручающе неумелого управления страной, где национальные проблемы имеют тысячелетнюю историю. Извечная российская болезнь - сокрытие своей неумелости за образом врага, которого сначала придумывают, а потом начинают бороться с ним.

За что? Почему? После жесточайших военных операций, унесших десятки тысяч человеческих жизней, разрушенных до основания сел и городских улиц, что может остаться, кроме ненависти? И все разговоры о капитуляции безумны. Ее могут даже подписать подставные лица, но ее никогда не будет. И, прижатые к стене, эти люди, названные

высоколобыми политиками "членами бандитских формирований", пойдут на любой безрассудный шаг, посчитав его для себя актом справедливого возмездия. И самое удручающее в этой драме, что правоты в их действиях будет больше, чем неправоты. Не будем вспоминать историю Шамиля. Напомним только, что в те времена авторитет центральной власти в Российской империи был значим и неоспорим, был неизмеримо выше, нежели нынче в Российской Федерации, оказавшейся после распада СССР в зоне центробежных сил, продуцирующих региональную суверенность. Все действия Дудаева, начиная с 92-го года, строятся в расчете на этот внутренний дискомфорт федеральной власти, ее страх перед фактом повторения судьбы СССР в масштабах России. Реальна ли эта опасность? Рассуждая здраво, и да, и нет. Смутное время, а наше время является таковым, это время всесторонней алогичности, когда все поступки и действия в период смуты совершают вне установленных законных норм.

Демократия, как идея, сменившая тоталитарную жесткость социалистических устоев, на первых порах породила не столько свободу, сколько хаос, именуемый свободой. Так устроена цивилизация: сначала процесс, а лишь затем закон, как реакция на этот ранее не предполагаемый процесс. В период свободы временной разрыв между десятками и даже сотнями непредвиденных явлений и процессов и законами, регулирующими их, особенно губителен. В этом случае беззаконие становится не фактом неисполнения законов, а следствием отсутствия таковых. Как правило, такое время называют переходным периодом или, проще говоря, межвременьем. Всякий закон силен не столько своей сутью, а тем, насколько грамотно в этом законе выстроен механизм его исполнения. Насколько он прост. Простота исполнения делает закон действующим и авторитетным.

Навык политика не в том, чтобы исключить переходный период (при реформировании политической системы и экономических принципов это невозможно), а в том, чтобы сократить его до минимума. При этом следует отдавать себе отчет, что промежуточное время обязательно будет временем разгула сил криминальных, временем беспредела. Вывод очевиден: переходный период должен иметь временное ограничение, которое определяет власть и о котором знает общество.

Итак, премьер отдыхает в Сочи. За четыре часа до свершившихся событий информационная программа Российского телевидения "Вести" берет интервью у Виктора Черномырдина. Один из вопросов - о Чечне, отнюдь не самый главный, в какой-то степени даже ритуальный. Всем известно, что премьер - сторонник переговоров с чеченским руководством. Черномырдин отвечает легко, он исключает какие-либо осложнения. "Ситуация для урегулирования созрела, говорит Черномырдин, - надо готовиться к выборам, активизировать восстановление разрушенного хозяйства Чечни. Помочь стать на ноги временным органам власти. Именно им придется проводить эти выборы, от которых зависит будущее республики". Настроение у премьера приподнятое, он на отдыхе. Правда, ему и здесь не дают покоя, но все равно - море есть море.

"Возможны ли осложнения, - не унимается корреспондент, - Дудаев заявляет о переносе войны на территорию России, о целой серии террористических актов".

"Это типичный блеф", - отвечает премьер. Взгляд становится жестким, желваки пробегают по скулам, но это лишь миг, он снова улыбается. Подобное развитие Черномырдину представляется нереальным. Он не говорит этого, но дает понять: мы контролируем ситуацию. Это интервью Черномырдин дал утром 14 июня. А спустя четыре часа в городе Буденновске Ставропольского края группа боевиков в количестве 50 человек захватила районную больницу, в которой находилось до полутора тысяч больных. Отряд террористов возглавлял Шамиль Басаев, один из ведущих полевых командиров, лицо, приближенное к генералу Дудаеву. Басаев даже отвечал за охрану чеченского лидера.

Вечером, когда трагичность случившегося была очевидна, у нас уже был видеоматериал по Буденновску, встал вопрос: давать или не давать в эфир сочинское интервью Черномырдина, подтверждающее малоутешительный вывод, что руководители МВД, ФСБ и Минобороны нереально представляют ситуацию в Чечне и фактически дезинформируют

руководство страны. Делая выбор между своей симпатией к премьеру и правдой, я встал на сторону правды. В вечернем выпуске "Вестей" мы дали это интервью. Это был рискованный ход. С точки зрения моей должностной карьеры убийственный, но мы были противниками военного решения чеченской проблемы, мы предупреждали о последствиях, и доподлинно предупреждали именно о таких ситуациях, которая случилась в Буденновске. Власть не считала нужным реагировать на точку зрения, не совпадающую с ее действиями. Меня упрекали в антипатриотизме. Президентский указ о моем отстранении был уже подписан, но затем аннулирован, так как информация об этом вызвала громкий резонанс.

О событиях в Буденновске написано слишком много, чтобы по часам отслеживать случившееся, хотя хронометраж событий очень интересен.

Начнем с неутешительных выводов. Свидетельства Басаева и органов МВД России расходятся практически по каждой детали. Кто-то скажет: это вполне правомерно. Свидетельства противников не могут совпадать. Да, это так. Задача одних - завысить свою значительность. Задача других - преуменьшить совершенные ошибки. Но факты - вещь упрямая.

Вывод первый: отряд вооруженных людей, вооруженных не петровскими мушкетами, а экипированных по высшей градации спецчастей, беспрепятственно проходит все контрольные посты как на территории Чечни, так и на территории Ставропольского края. Ссылки на то, что бандиты закамуфлировали свой груз под тела погибших солдат, которых везут к месту захоронения, а такой груз не подлежит досмотру и поэтому им была предоставлена зеленая улица, - на грани нелепости и безрассудства. С точки зрения норм военного времени объяснение преступное. Именно такое объяснение позволяет нам сделать первый вывод. Мысль скрыть таким образом истинный груз пришла Басаеву никак не накануне. Можно себе представить, какое количество машин с такими партиями проследовало через Ставропольский край на территорию России и сколько тайников с оружием было создано при помощи нашей милиции, которая якобы нас бережет.

Все рассказы Басаева о том, что они не собирались захватывать больницу, конечно же, вымысел. В подвалах больницы, факт дикий и невероятный, заранее складировалось оружие. Психологически ход беспроигрышный. Никому не придет в голову проверять больницу, переполненную людьми, как оружейный накопитель. Идея захвата больных и калек в качестве заложников говорит об ужесточении психологии чеченской войны, ужесточении идеологии терроризма, превращении его в терроризм массовый. Терроризм такого масштаба прямо пропорционален масштабу страха, порожденного им.

Согласно информации, поступающей от военных, положение Дудаева к середине июня становится безвыходным. Операция федеральных войск близится к завершению. Российские войска наконец освоились с обстановкой и действуют эффективно как на равнине, так и в горах. Боевики оттеснены к дагестанской границе. Рухнули последние оплоты дудаевской обороны: Аргун, Шатой, Шали. Близится финал. Превосходство в силе и технике федеральных войск не могло не сказаться. Главным итогом действий федерального центра в этот момент можно было считать не успешность завершения военной операции как общемасштабной, а в большей мере нераспространение чеченского конфликта на другие кавказские республики. Рассуждая логически, у Дудаева оставалось реально три варианта. Вариант первый: покинуть республику и на правах политического беженца оказаться либо в одном из мусульманских государств, либо в Европе, либо в одной из бывших Прибалтийских республик. В конце 80-х годов Дудаев служил в Эстонии. У Дудаева перед глазами судьба бывшего президента Грузии Гамсахурдия, политическое убежище которому предложил он сам. Неврастеническая самовлюбленность, вирус вождизма, уже поразивший сознание чеченского лидера, как и амбиции в прошлом боевого летчика, прошедшего Афганистан, исключали возможность подобного самозаточения.

Вероятность вторая. Выбросить белый флаг и пойти на полномасштабные переговоры, но уже на правах побежденного, а значит, выполнять ультимативные требования, которые будут неминуемо выдвинуты другой стороной, как стороной, одержавшей победу. Дудаев,

сформировавший свою политику с момента прихода к власти как политику шантажа и ультиматума, раз и навсегда лишался, говоря шахматным языком, игрового пространства. Одним из таких условий в этом случае могло оказаться требование при лояльном развитии событий покинуть пределы республики, то есть практически вернуться к первой вероятности - изгнанию.

Вероятность третья, самая реальная. Перенести практически конфликт за пределы республики, взорвать Кавказ, иначе говоря, начать вторую Кавказскую войну. Дудаев постоянно претендовал на роль всекавказского лидера. Именно поэтому он скрыто наращивал военный потенциал маленькой Чечни. Располагая нефтяными месторождениями, Чечня на Северном Кавказе становилась самой богатой республикой.

Этот вариант в настоящий момент Дудаеву не под силу, но поиск загнанного в угол чеченского лидера будет в пределах этого тактического пространства, поиск внезапного обострения, при котором выброс энергии страха за пределы Чечни вполне реален.

Не понимать этого, не просчитать психологического рисунка ответных действий чеченской стороны, оказавшейся в крайних обстоятельствах, - столь очевидная ошибка всех надлежащих российских служб: разведки, МВД (если операция перешла в стадию полицейской операции) и прочих подразделений, имеющих устрашающие названия: войска специального назначения, СОБР, ОМОН, группа "Альфа". Как уже однажды сказал генерал Варенников, "такое впечатление, что военные вообще разучились делать все...".

Итак, Басаев провел свой невиданный по масштабу и дерзости террористический рейд. Уже ни для кого не секрет, что накануне операции, об этом говорил сам Басаев, он проинформировал Дудаева о своем замысле и получил его одобрение. Маловероятно, что возражения Дудаева, случись они, остановили бы Басаева. Наступает момент борьбы за лидерство среди чеченской военной верхушки. И командир Абхазского батальона (Басаев участвовал в грузино-абхазском конфликте на абхазской стороне, прославился там своей умелостью и жестокостью) бросает вызов и заявляет о себе. В случае удачности этой кошмарной и сверхжестокой операции он может почувствовать себя в роли национального героя Чечни.

Попробуем отрешиться от причитаний и здраво оценить продуманность и психологическую выверенность басаевской операции. Атмосфера войны, террора выбрасывается за пределы Чечни, но уже не в виде безумия фанатичных одиночек, малочисленных групп, а как полноценная скрытая военная операция, схожая с выбросом десанта в тыл противника, когда группа захвата оказывается в самом неожиданном месте (в больнице), где заранее создан склад оружия, объекте сверхмирного назначения. Масштаб страха утраивается, когда в качестве заложников берутся более двух тысяч больных, рожающих матерей, грудных младенцев. Масштаб возможных жертв обретает столь зримую пофамильную тысячность, что делает позицию войск и частей особого назначения, брошенных на штурм захваченной больницы, даже не уязвимой, а безвыходной. И требования Басаева - это не требования многомиллионного выкупа и самолетов, позволяющих покинуть территорию страны. Это не требования освободить ранее захваченных террористов, - ничего подобного. Это превратило бы акт в заурядный, просто более жестокий, чем другие, но сотворенный по типу и подобию. В нашем случае все не так. Террорист требует начала переговоров с целью остановить войну, а значит, кровопролитие. Трудно сказать, насколько точны сведения о гибели во время войны родных Басаева, его детей, но образ народного мстителя немедленно был создан усилиями журналистов. Смерть сына или дочери, смерть насильственная и оттого сверхнесправедливая, выталкивает отца на улицу, и он в ненавистническом порыве отмщения начинает автоматными очередями косить людей направо и налево. Объяснение? Да! Но никак не оправдание! А этими возможными сценами журналисты времен смуты пугают сограждан.

Многое, очень многое остается за пределами наших рассуждений. И как ехал отряд Басаева, и как прошел через все контрольные посты, и как ухитрился создать заранее склад оружия в самом многолюдном и обжитом человеческими страданиями месте - районной

больнице, которая в силу своей специфики имеет круглосуточный режим работы и массу людей, страдающих бессонницей. Много дней спустя на Совете безопасности, после нелицеприятного разбора буденновской трагедии ряд руководителей силовых ведомств самолично, нервно, но не без театрального пафоса подали в отставку. Президент две из них принял сразу, без долгих раздумий. Покинул коридоры власти Сергей Степашин, возглавлявший Федеральную службу безопасности, и оставил свой пост министр внутренних дел Виктор Ерин. И если первый ушел в опальном варианте, без каких-либо располагающих видов на будущее, то Ерин перешел в ведомство военной разведки на второй по значимости пост. Президент проявил строгость, но верность и преданность теперь уже бывшего министра оценил, оставив его в пределах своего окружения. Впрочем, то заседание Совета безопасности осталось памятно другим эпизодом. Голосовался вопрос об отставке Грачева. Следуя формальной логике, Грачев не имел к Буденновску никакого отношения. Однако атаки на министра обороны продолжались. Не унималась пресса, жаловались оборонные заводы, сдержанно брюзжал генералитет. Павлу Грачеву не могли простить бездарного начала чеченской операции. Неплатежи замучили армию. Все валилось в кучу - во всем виноват Грачев. И дело не в том, что он и на этот раз удержался в своем кресле благодаря минимальному большинству. Суть интриги в другом. Вопрос на голосование поставил президент. Следует оценить продуманность и даже изящество мгновенного замысла.

Члены Совета безопасности поднимали руки, разъясняя и не разъясняя своей позиции. Грачев сидел не двигаясь. Смотрел прямо перед собой. Все его мощное, собранное из литых мышц тело замерло. Было видно, что ему стоит великих усилий даже малое движение: поворот головы или руки, словно прилипшей, прикованной к столу, которую непременно надо было подвинуть, рука вздрагивала. Возможно, ему это лишь казалось, но он боялся, что другие это заметят. Рука сползла со стола и придавила своей тяжестью колено. Прямо напротив него сидел Шумейко, других он не слышал и не видел. Шумейко поднял руку, и Грачев скорее почувствовал, нежели понял, что тот голосует за его отставку. В этот момент разум был отрезан от восприятия звуков. Мир сузился и замкнулся пределами этого высокопотолочного пространства, именуемого залом заседаний Совета безопасности. Он боялся отвести глаза в сторону, смотрел в одну точку. В оцепенении, почти парализовавшем тело, было легче перетерпеть эту бесконечную паузу между словами президента: "Кто - "за", кто - "против?" И если взгляд все-таки сдвигался, все виделось смутно: стена, угол потолка, бумага на столе, чьи-то руки - скорее всего, это Шахрай, он что-то записывает. Президент поднимал руку последним. Это видели все, кроме Грачева. Членов Совета не так много - тринадцать. Президент понял: его голос, поданный за отставку Грачева, не изменит пропорции. Большинство против отставки министра обороны. Президент делает безошибочный ход: все упрекают его в чрезмерной привязанности к Грачеву. Грачев не так значим, его авторитет в армии преувеличен, армейские интеллектуалы недолюбливают министра обороны, да и чеченский конфликт не прибавил популярности президенту. Казалось, сама судьба подсказывала Ельцину: откажись, отправь в отставку, не упорствуй. Но президент упрям: "Я доверяю министру обороны. Он верен президенту, он авторитетен в армии". Президент вернул Грачеву долг за ночь с 3 на 4 октября, и за августовский путч тоже. Тогда, в 91-м, он сделал его министром, в октябре 93-го - "Героем России" и генералом армии. Конечно, еще одна звезда на погонах и золотая на груди для армейского человека много, и чувствовать себя обиженным Грачев не имел права. Но если не Грачев, то кто? Снова привыкать, подозревать в неверности, проверять. С него достаточно Баранникова. Это был тяжелый урок. Грачев проще, очевидней. Но пусть знает, это его, президентское, голосование "против" - предупреждение. Он, президент, считает: Грачев заслуживает отставки. И президент высказался за эту отставку, но демократия есть демократия. Большинство этой отставки не поддержало. И президент, как любой гражданин страны, подчиняется большинству. Пусть теперь кто-либо попробует его упрекнуть, что он несправедлив, что он бездумно защищает проштрафившегося министра обороны. Так что, господа демократы, ваша карта бита: президент голосовал за отставку Грачева.

ПОЧЕМУ ВОЗМОЖНО ТО, ЧТО НЕМЫСЛИМО ПО СУТИ

Дорогу Басаеву в Буденновск проложил Ерин. Дорогу Басаеву в Буденновск открыла чеченская война. Дорогу Басаеву в Буденновск отмостил криминальный мир России. Любое из этих утверждений бесспорно. Генерал Куликов, сменивший на посту министра внутренних дел генерала Ерина, провел эксперимент, направив КамАЗ, груженный водкой, через заградительную сеть постов ГАИ. Из 20 постов только на двух не запросили взятки. Имея такой заслон, противостоять экспорту терроризма невозможно. Разумеется, не будь чеченской войны, не переживи Россия годы тяжких и по законам мирного времени немыслимых человеческих потерь, вряд ли бы случилась буденновская трагедия. До начала событий в Чечне и в момент решения, принятого на Совете безопасности, сторонники военной операции убеждали президента в локальности конфликта. Все говорили о криминальной зоне, но никто не думал о противостоянии с криминальным миром в целом. Россия государственная вступает в войну с Россией криминальной. То, что это так, говорят события, происходящие вокруг мирных переговоров. Сегодня именно криминальный мир, проникший в структуру власти, взвешивает две выгодности: выгодность войны, незатихающего военного конфликта, или выгодность зыбкого мира. Выгодность болевого узла внутри России или выгодность перевалочного пункта вне ее в случае отделения Чечни. Выгодность черной дыры, поглощающей триллионы и позволяющей власти играть роль миротворцев перед кредитодающими странами. С учетом, что солидный куш от этих кредитов осядет в банках, контролируемых криминальными структурами. Или же обособленность России, как страны, нарушающей права человека и ведущей войну до победного конца.

В октябре 95-го, а точнее, 12 октября мне позвонили из Министерства обороны и сказали, что министр ждет меня завтра в 11 часов. Я был удивлен таким звонком, так как этой встречи не планировал и лично с Павлом Сергеевичем не договаривался. Вчерне предполагал, что министр ко мне относится не лучшим образом. Причина все та же: Чечня и наше расхождение взглядов по поводу армии. Иначе говоря, где разделительная черта между такими извечными величинами - армия и политика. События октября 1993 года как бы стерли эту черту. Я высказал свое недоумение по поводу внезапности встречи, о которой и сам Грачев, как оказалось, толком ничего не знал. Встречу отменили, как говорится, до лучших времен. За это время мы успели сделать несколько принципиальных передач об армии, и, видимо, эти передачи изменили отношение Министерства обороны к Российскому телевидению и радио. Военным пришла в голову неожиданная мысль, что в октябре 1993 года мы как бы были в одном полку, а значит, наша придирчивость и колючесть не исключает понимания.

И еще одна деталь. Где-то осенью Дума совершала свой очередной поход на Грачева, потребовав его отчета перед законодателями. Атакуя Грачева, оппозиция лишала президента его ключевой опоры. Тут было все: и атака на Западную группу войск (апофеоз - публикация в газете "Московский комсомолец" статьи "Паша-мерседес"); и разрастающийся скандал вокруг 14-й армии генерала Лебедя; и полуотставка генерала Громова, программируемого еще одной оппозиционной силой на пост министра обороны; и недовольство отсутствием реформ в армии, которые действительно никак не проводились; и начало чеченской кампании. Все переплелось. Надо сказать, демократическая пресса находилась в подавляющем большинстве в оппозиции к Грачеву и предрекала его неминуемую отставку. Все знали: президент защищает Грачева. И либералы создали легенду о якобы вынужденной поддержке президента, который связан словом, октябрем 93-го, а по существу, тяготится прямолинейным и не очень авторитетным в армейских коридорах министром. А значит, голосование в Думе за отставку Грачева формально президенту развяжет руки.

Будем честны, зал был накален и не предрасположен к министру обороны. Грачев избрал очень умную тактику: он сразу отклонил для себя вариант защиты и оправданий. Министр сразу же перешел в атаку. Он дал удручающую картину недофинансирования армии, рассказал о психологическом прессинге со стороны прессы, демократических движений, под которым находятся федеральные войска в Чечне. О неукомплектованной

армии, о фактически прекратившемся перевооружении и невыплаченном денежном довольствии. И как вывод: имея все это, мы сохраняем боевую готовность, мы стараемся противостоять разрушению государства, мы преисполнены желания бороться с преступным миром... Перелом настроения в зале был столь разителен, что ни о какой отставке министра не могло быть и речи. Грачев выиграл у своих противников психологически. Я наблюдал эту баталию с интересом. И на следующий день после этого выступления разыскал министра в Думе и искренне поздравил его. Депутатский корпус дрогнул. Грачев оказался не так прост. Министр предъявил иск депутатам, дал понять, что сам он принял армию в развалившемся, а не в мобилизованном состоянии. А на сегодняшний день армия есть, и, при всех изъянах, неизмеримо более едина, чем общество. Ход Грачева был до пронзительности очевиден: армия на голодном пайке и ваша депутатская обязанность - позаботиться о ее спасении. Ибо любой разговор о государственности, единстве России без армии, которая и есть стержень этого единства, невозможен, армия рассчитывает на вашу помощь. Даже при полном желании депутаты после такой речи не могли отстранить министра обороны. Он и еще четыре члена кабинета назначаются и освобождаются только президентом. И новые кандидатуры на эти посты также предлагает только президент. Но имей Грачев в результате голосования отрицательное сальдо, а этот отчет перед депутатами был его Голгофой, при всех сверхсимпатиях президента уверенности, а порой и наглости министра обороны поубавилось бы. Да и президент в толковании демократов получал шанс указать Грачеву на дверь, ссылаясь на утраченный авторитет генерала. Но Грачев выиграл. Он переломил негативную предрасположенность зала и покинул трибуну под аплодисменты. Вялая и, скорее, инерционная атака демократов, возвращающих зал к предмету разговора (мол, собирались же его снять), захлебнулась. Интрига сложилась настолько нестандартная, и поведение Грачева на трибуне выдавало в нем отнюдь не прямолинейного солдафона, а не лишенного хитрости тактика и психолога. Ерин, сменивший Грачева на трибуне, выглядел уныло и безлико.

Грачев заметил, что этот звонок был для него полной неожиданностью. Мне ничего не оставалось, как развести руками. Власть не только отрывается от общества, это изъян любой власти, он почти стереотипен. Власть отвыкает от чисто человеческих проявлений. Власть продолжает жить не по законам общества, а по нормам власти, где всякий шаг рядом стоящего или восседающего во властном кресле, никак не предполагает искренности или бескорыстия, а неизменно нацелен на эгоистический политический интерес. Грачев тотчас согласился со мной. "После нашего телефонного разговора, сказал он, - я спросил себя: что бы это значило?" А когда я ему ответил: "Ничего, мне понравилось, как вы переиграли оппонентов, я и позвонил", Грачев хрипловато хохотнул в ответ, и я понял: он мне не верит. Уж больно мы разошлись в оценке событий более десяти месяцев назад, когда началась чеченская операция. Тогда, по словам Грачева, критики действий российской армии попадали в разряд не просто противников армии, а людей, откровенно не любящих свой народ. Я, конечно же, оказался в их числе. Российское телевидение устами популярной ведущей Светланы Сорокиной определило начало чеченских событий как национальную трагедию. Немилость ко мне президента в те несколько дней достигла высшей точки. Молва о том, что президент высказался за мое отстранение, распространилась мгновенно. Об этом на своей пресс-конференции сообщил Сергей Ковалев - уполномоченный по правам человека. Он рассказал о своей встрече с Ельциным. Ковалев осуждал решение своего патрона по поводу введения войск в Чечню. Во время этого разговора президент раздраженно заметил, что принял решение отправить Попцова в отставку с поста председателя ВГТРК. Он, мол, Попцов, излагает неправильно обе точки зрения. Здесь необходим маленький экскурс в прошлое, необходим, чтобы понять, как на любом переломе строй единомышленников раскалывался по принципу не правоты и неправоты, а выгодности своего присутствия в коридорах власти.

ПАВЕЛ ГРАЧЕВ С БЛИЗКОГО РАССТОЯНИЯ

Встречи председателя государственной телерадиокомпании с властью отчасти повседневность, но только отчасти. Приятных встреч меньше, неприятных больше.

Обязательные - случаются чаще. Просто встречи, без выяснения отношений, - реже. Но те и другие дополняют рисунок власти. Встречу с министром обороны можно назвать внезапной. 14 ноября на дворе то потеплеет, то похолодает. Полковник, встречающий меня, выскакивает на улицу. Накануне мы созвонились с Грачевым и уточнили время - 13 часов.

Начало чеченских событий имело разные оценки. Грачев на Совете безопасности, как свидетельствуют участники заседания, никак не был инициатором начала операции, более того, высказывал опасения по поводу ее недостаточной подготовленности. Возобладал приказ, и операция началась. И с этого момента Грачеву пришлось жить по законам другой правды, правды военных действий. Правота "за" и "против" как бы перестала существовать. Военная операция началась, и следовало искать правоту на полях сражений. Правда оппонентов - и правда бесспорная (последствия военного столкновения не просчитаны) - строилась на ситуации "до того". Правда военных тоже была реальностью: убивались, подрывались на минах, расстреливались в упор, воевали не с плохо организованной бандой, а с хорошо обученной и отлично вооруженной, действующей в привычной обстановке мобильной военной силой. И разговор начался с толкования своей правды.

- Вот вы умный человек, - обратился ко мне Грачев, - вы считаете правильно. Когда мы разгромили эти банды, вытеснили их на горный пятачок без бронетехники, без мощной артиллерии, в этот момент наш противник стоял перед выбором: капитулировать или быть уничтоженным полностью. И вдруг команда на прекращение военной операции - разве это не безумие? Басаев это беда, страшная беда. Но вы же не можете не понимать, что Басаев, его выброс в Ставрополье, это не просчет армии. Каждый должен заниматься своим делом. Я уверен, не останови мы "Альфу", террористы были бы уничтожены.

- А жертвы? - спросил я. - Допустим, армия не чувствует своей вины в случившемся, хотя это утверждение отчасти спорно. Вы же говорите, если война - положено быть и больным, и раненым, и убитым. Терроризм - совсем другое. Среди мирного дня на тихой улице банда захватывает больницу немощных, неспособных защитить себя людей. Штурм, в результате которого гибнет сто человек, не может считаться успешным. Штурмуют не крепость, штурмуют больницу. Премьер принял единственно правильное решение - начать переговоры с Басаевым. И все эти истеричные всхлипы ("Как это можно, премьер великой страны вступает в переговоры с преступником, опускается до его уровня!") фальшивы. Премьер выполнил свою задачу, остановил возможное безумное кровопролитие, Басаев покинул Буденновск. И вот с этого момента начинается ваша, Павел Сергеевич, бесспорная правота. Басаева должны были задержать. Этого не сделали. Не сумели - позорно, не захотели - страшно. Нет у нас органов безопасности, нет у нас результативных милицейских сил: либо куплены, либо немощны. И то и другое удручает.

Грачев оживился:

- Согласен. Помогите армии. Вы же не хотите, чтобы крушили армию.

Заговорили о Куликове - новом министре внутренних дел. Оказалось, что Грачев с Куликовым вместе учились.

Следующим оказался Лебедь, о нем заговорили случайно, причиной тому афганские воспоминания.

* * *

Лицо крупное. Взгляд хмуро-презрительный, долгий. Голос зычный, стрижка короткая, под полубокс. Такие стрижки были модны в начале 50-х. Фразы рубленые. Язык образный. Характер грубый и жесткий.

Грачев сказал:

- В Афганистане тоже он, Лебедь, был рядом со мной.

Понятие "рядом со мной" требовало расшифровки. Я спросил:

- В каком смысле рядом?

Грачев откинул голову и, словно обидевшись на собственные воспоминания, чуть оттопырив губы, ответил:

- В прямом. День в день 25 лет. Еще со времен Рязанского десантного училища. Он ведь

вырос в нужде. Уже в те молодые годы, для многих из нас жизнь только начиналась, а Лебедь уже был женат, и ребенок был, попробуй проживи на курсантских паях. Он мне понравился. Простой, крепко сложенный парень, исполнительный, упорный, короче, надежный. В десантных войсках это немалое дело. Мы, можно сказать, подружились. Так и пошло. Я уходил, перемещался в должностях, он заступал на мое место, и почти всегда рядом. Я считаю, если хотите, своим долгом помогать ему. Положите рядом его и мой послужные списки, и вы поймете: и здесь, в России, и в Афганистане, и опять здесь - от курсантов Рязанского воздушно-десантного училища до заместителя командующего воздушно-десантными войсками он так и шел за мной по всем ступеням: взвод, рота, батальон, полк, дивизия. Я и на 14-ю армию его назначил. Задумка была очевидной: ему надо было еще окончить Академию Генерального штаба. Я настаивал на этом. Без нее выше дивизии у нас, военных, двинуться невозможно. Я так и рассчитывал. Окончит академию - мы его двинем на командующего округом. Споткнулся. На политике споткнулся. Он ведь не лидер по натуре. Неплохой командир. Это на общем фоне мелкотравчатости. Фактурный, с зычным голосом, режет правду-матку в глаза...

- А вы встречались, пробовали найти общий язык? Столько лет дружбы и вдруг...

-Встречались, - неохотно отвечает Грачев, судя по лицу загорело-мглистому, воспоминания о недалеком прошлом ему не в радость. - Я ему говорю: "Саша, как же так? За что? Чем я тебя обидел?" Молчит. И даже слеза может побежать по щеке. Он только внешне такой грозный. "Вы, говорит, - поступаете неправильно, я с вами не согласен". - "В чем? Давай обсудим, посмотрим". - "Во всем", - отвечает. И опять молчание.

- А Афганистан? - задаю я вопрос. - Он разве вас не сблизил? Вы, Громов, Руцкой...

- У нас там были разные обязанности: одни командовали, другие ползали на брюхе по скалам, воевали и гибли. Третьи не выводили войска (их выводили мы, через засады, обстрелы), а прилетали с инспекцией удостовериться, что войска к выводу готовы, затем улетали и присоединялись к нам уже на границе под развернутые знамена. Так что братство братством, а хлеб мы ели разный.

Вряд ли Грачев здесь справедлив. Громов провел в Афганистане пять лет. Суть размолвок, скорее всего, в ином. Людей разъединили не иное понимание проблем, и не уровень профессионализма, и даже не характер, и уж тем более в армии, где подчинение младшего по званию старшему предопределено уставом. Людей, испивших чашу власти, с этого момента разъединяет только власть, ее достаточность и ее отсутствие. Громов выводил войска из Афганистана. И его образ под развевающимся гвардейским знаменем на замыкающей машине, пересекающей пограничный мост, вошел в историю. Тогда он был обласкан той, другой властью. А Грачев был в подчинении Громова. Ранг его власти был неизмеримо меньше. Но затем карта судьбы перевернулась, и подчиненный стал начальником. Так получилось. Скоков, который был дружен с Грачевым, познакомил Ельцина с ним в момент предвыборной поездки в Тулу. А Громов остался как бы в лагере Горбачева, хотя и там был, скорее, "белой вороной". А Ельцину нужен был министр обороны, он искал его. По отношению ко многим людям, предложенным Ельцину в тот период, он высказывался примерно так: "Хороший человек, умный, но надо бы кого-то попроще". Грачев ему понравился своей армейской натуральностью, незамутненностью генштабовскими амбициями. Ельцину неприемлем был сложный человек на посту министра обороны. Ему нужен был просто исполнительный, надежный и верный человек, для которого его, Ельцина, слово было не поводом к размышлению, а приказом.

ПЕЙЗАЖ ПОСЛЕ БИТВЫ

Где-то числа 22 декабря... нет, эту неблагополучную весть молва принесла раньше. Полторанин проиграл выборы в Омской области. Никто ничего точно не знал. Весть передавалась из уст в уста как некая полусенсация. Старовойтова в Санкт-Петербурге победила, а вот Полторанин проиграл. Характерно, что вместе сводились фамилии прошлых единомышленников по Межрегиональной группе, а затем устойчивых оппонентов. И она, и он были как бы отторгнуты президентом и на волне этого отторжения вели предвыборные

кампании. С той разницей, что Полторанин поехал в совершенно новый для себя округ, в Омск, где губернаторствовал его друг Полежаев, а Старовойтова, уже избиравшаяся однажды в парламент именно от Ленинграда, решила не рисковать и спустя два года вернулась в родные пенаты. Полторанин мог избираться по Москве, но опасался оголтелого противодействия средств массовой информации, особенно газет, с которыми он, по существу, перессорился. Это тем более странно, что, возглавляя думский комитет по средствам массовой информации, он сделал очень много, расширяя экономическое и политическое поле для журналистского корпуса. Традиционный конфликт у Полторанина был со столичной прессой по причине ее ангажированности. Это отчаянное признание, но...

Ростов посетила группа социологов. Они предложили свои услуги Ростовскому телевидению, запросив за исследования значительные деньги. "Нельзя ли дешевле?" - поинтересовались телевизионщики. "Можно, -согласились социологи, - но рейтинг тогда будет ниже". Ныне эта версия гуляет как шутка, хотя ростовчане клянутся, что диалог и торговля с социологами имели место. Я уже говорил об этом. Поворотным моментом рыночных отношений является не факт инфляции, падение или взлет рублевого курса, спад производства, не эти академические, классические черты рыночной реформы. Непредсказуемым в просчете последствий оказался факт превращения информации в товар. Той самой информации, право на получение которой, согласно закону о СМИ, якобы свободно. Разумеется, политическая нестабильность, неустойчивость и, как следствие, неавторитетность власти и создали возможность криминальной экспансии на информационном рынке. Первым ощутимым признаком рынка в России стал факт стремительной криминализации общества. Прежде чем купить информацию, вы должны, и это самое ужасное, заплатить государственному чиновнику за право воспользоваться ею, заплатить нелегально. За сам пакет информации вы заплатите еще раз, но уже другому человеку. При этом рынка положительной информации нет, он не востребован. Но покупают негатив, компромат, все то, что может быть немедленно задействовано в политической борьбе. Но рынок есть рынок, тем более если он российский. И бомба замедленного действия, взрывающая информационное поле, находится совсем в другом саквояже. Товар непременно рождает дубль-товар, имеющий ту же маркировку, тот же этикетажный вид. Точно так же, как на алкогольном рынке есть водка легальная, а есть нелегальная. Есть информация, и есть в точно такой же упаковке, под тем же грифом, но по более сносной цене дезинформация. Интересно, что по прошествии некоторого времени газеты, радио и телевидение уже плохо представляют сами, на каком поле они играют - информационном или же дезинформационном. И никакие респектабельные вывески: ИТАР - ТАСС, а уж тем более "Интерфакс", "Постфактум" и многие другие, которые грешили по своей инициативе, не дают гарантий в чистоте почерка. Разумеется, тот предшествующий мир, в котором мы жили, цензурный выпариватель, скрывал происходящее, порождал тоже лжепродукт, но велико ли утешение - и раньше лгали. В этих адресных посылах надо быть осторожными. Упаси нас Бог впасть в отчаяние и сказать, что России демократия противопоказана.

Уже ничего нельзя вернуть назад. Говоря словами Михаила Сергеевича Горбачева, "процесс пошел". Полторанин - в ту пору председатель думского комитета по СМИ - избрал единственно доступный путь - говорить о меркантильности газет с раздражающим постоянством. Это было донкихотство, но донкихотство агрессивное и взвинчивало редакторов. Признавать справедливость полторанинских обвинений не хотелось, хотя ангажированность газет и телеканалов была секретом полишинеля. Журналисты не скупились на эпитеты, происходил привычный процесс отторжения своих от своих, которые в силу ума и права первопроходцев не хотели терпеть собственное лжеперерождение с нечистым ликом существа, так похожего на необольшевизм: "А где ты был в ночь на 19 августа 91-го года (в день начала путча)?" Проще говоря: "Ты за белых или за красных?"

Москва несравнимо с остальными регионами и городами осталась пусть и в извращенной и не кристальной, но демократической среде. Эта самая Москва могла Полторанина не принять и не избрать. Поэтому он решил не рисковать и поехал избираться в

Омск.

* * *

В процессе предвыборной кампании мы перезванивались. Волнение было. У человека, идущего на выборы в чужой области, волнение просто обязано было быть. Четырнадцать противников. Надо еще удачно выбрать округ. Против человека со стороны, тем более из столицы, всегда работает суверенный синдром: "Он, может, и не семи пядей во лбу, но свой. А этот, умный, хитрющий, медвежистый, говорят, в прошлом откровенный, а нынче скрытный, ельцинист. Сейчас вот отбрехивается. Здесь президент не прав, там ошибся, тут недоглядел. Потому, мол, и ушел в оппозицию, надоело вязнуть в общем болоте". А дальше как на втором дыхании: "Москва сплела паутину и тянет все с регионов. Россия сильна провинцией. Непременно что-то ностальгическое: здесь исконная Россия, здесь ее традиции, здесь ее нерв". Смотрят мужики и бабы, народ городской и деревенский: "Хорош, конечно, но не наш".

Когда Полторанин впервые меня познакомил со своими конкурентами, я зачеркнул фамилию Исправникова. "Это несерьезно, - уточнил я, - твой главный конкурент - Смолин. Я слышал его выступления. У него будет трудно выиграть. Здоровому человеку против слепого инвалида бороться непросто. Во всех случаях ситуация уязвимая. Нельзя бить оппонента наотмашь, а он может. Русские - нация сострадающая. А Смолин свою физическую уязвимость компенсирует достаточной волей. Он человек с сильным характером и по натуре - типичный лидер большевистского закала. Ему проще говорить о человеческих страданиях. В его пересказе, в его восприятии эти страдания, житейские неблагополучности, забытость властью многодетных матерей, матерей-одиночек, учителей, врачей (практически, в подавляющем большинстве - женская аудитория), так вот в его восприятии человеческая неблагополучность выглядит более достоверной, нежели неблагополучность в пересказе заезжего, хотя и умного думского функционера. И Полторанин выборы проиграл именно Смолину.

Впереди выборы президента. Сейчас уже известно, что предвыборный штаб Ельцина вчерне собран. (Уже никто не сомневается, что он приговорен выдвинуть свою кандидатуру.) Возглавит штаб Олег Сосковец, первый вице-премьер. Полторанин издавна, еще по Казахстану, дружен с Сосковцом. Но до исхода выборов это были симпатии на равных. Что произойдет теперь?

Я встретил Сосковца на приеме в Кремлевском дворце. Мы обменялись новогодними поздравлениями. Сосковец не предрасположен к откровениям, тем более в столь неподходящем месте. Он по натуре не очень разговорчивый человек. Доза обязательных пожеланий, пожали руки и разошлись. Я знал, что во время избирательной кампании Полторанин вытащил Сосковца в Омск. Тот совершал запланированную поездку по сибирским регионам. Я сказал Сосковцу: "Полторанин проиграл выборы. Незначительно, но проиграл. Безумие, если такой профессиональный и организаторский потенциал окажется вне событий". Сосковец после некоторых размышлений сказал отчетливо: "Я его возьму к себе".

Полторанин натура гордая, независимая, он не приемлет жалости. Он сильный человек и не умеет и не любит отступать. А кто любит? И спасательный круг, брошенный властью, он может оттолкнуть. Он привык играть на поле категориями политических значимостей. И роль помощников, советников - не его роль. Из его рассказов запомнился один эксперимент, который он проводил на живом зале. Он любил повторять свою прозорливую фразу: "Случись выборы сейчас (а это был конец 95-го года. - О.П.), Ельцин непременно проиграет. - И как бы убеждая себя, добавляет: - Дальше лучше не будет". "Значит, - вторгаюсь я в разговор, - победа Ельцина невозможна?" Он чувствует неуютность вопроса. Он разругался с президентом. Он длительное время постигал опалу. Придумал себе роль гонца с дурными вестями, человека, остерегающего главу государства. Но, вероятно, Ельцин в скрытом, бунтующем пространстве полторанинской души остается островом надежды. "Победить будет трудно. Надо очистить команду. Вот я провел эксперимент, - вдруг загорается

Полторанин, - в зале битком народу, человек 500. В проходах стоят. Я спрашиваю: если в списке останется два кандидата - Ельцин и Жириновский, за кого вы проголосуете? Поднимите руки. За "Жирика" человек 30. А если Ельцин и Явлинский? Тут Грише тоже нечего делать. Те же 40 человек. А если Ельцин и Зюганов? Здесь хуже, - повествует Полторанин, - примерно одна треть за Ельцина. Коммунисты крайне сильны", - подводит черту Полторанин. Его наблюдения, бесспорно, любопытны, хотя в чем-то оправдательны - он сам проиграл коммунисту Смолину. Почему наше внимание к Михаилу Полторанину, проигравшему в 1995 году выборы и ушедшему в тень, тем не менее не ослабевает? Пожалуй, в окружении Ельцина Полторанин был самой нестандартной фигурой. Он то приближался к Ельцину, то отдалялся от него. Иногда этим перемещениям в пространстве способствовал президент, иногда это случалось по инициативе самого Полторанина. Не стану повторять того, что написал в первой книге. Ограничусь одной фразой. Полторанин прошел путь от едва ли не самого близкого к президенту человека до самого неприемлемого как для самого Ельцина, так и для его семьи. Разлад между этими двумя людьми случился не в силу вздорности и непредсказуемости их очень схожих характеров. Нет, и еще раз нет. Полторанин единственный из близкого ельцинского окружения, кто говорил с ним на равных. Именно это раздражало президента, но еще в большей степени его семью. Участие Михаила Полторанина в думских выборах 95-го года было своеобразным вызовом Ельцину, предупреждением, что он уходит в свободное плавание. Был ли это разрыв? Безусловно. Полторанин, возглавляя думский комитет по средствам массовой информации, сумел перессориться как с рядом редакторов крупнейших газет, так и с собственной фракцией "Демократический выбор России". Демократический романтизм - а он отличал очень многие поступки Полторанина - не позволял ему смириться со стремительным вырождением таких черт, как бескорыстие, независимость и неподкупность у вчерашних сотоварищей по демократическому фронту. Он взрывался, ссорился и даже хамил. Прослыл человеком неудобным и трудным в политическом общении. И как ни странно, именно эти черты обостренной независимости делали его очень весомым и полезным в думском сообществе. Сложись выборы иначе, Полторанин мог бы стать компромиссной фигурой на главный думский пост. Он не принимал ортодоксов из КПРФ, но ладил с центристами. Был в хороших отношениях с патриархом фракции Лукьяновым. Пошла в зачет и его ссора с гайдаровской фракцией, из которой Полторанин в конце концов вышел. Он достаточно жестко критиковал президента и премьера. Это нравилось лидерам КПРФ, и в будущем они не исключали фигуры Полторанина как компромиссной, будучи совершенно уверенными, что по социальной ориентации Полторанин более близок фракции КПРФ, нежели стремительно обуржуазивавшимся демократам. Так выглядела ситуация осенью 1995-го.

Но выборы оказались неудачными. И те многие "если", которые могли осуществить этот политический расклад, не случились. А потому варианты остались невоплощенными. Проиграли выборы Гайдар и его команда. Индивидуально, по одномандатному округу проиграл их и Полторанин. Ныне он занимается бизнесом. И остается яркой фигурой наших воспоминаний. Бунтарь с непредсказуемым характером, придирчивым взглядом и цепким разумом.

* * *

Ночь с 17-го на 18-е, заявленная на телевидении как ночь ожиданий, миновала. Мы закончили эфир в семь утра. Особых потрясний не произошло. В тот момент еще устойчиво верили, что команда Гайдара преодолела пятипроцентный барьер. Коммунисты выиграли, они должны были выиграть. Но разгромить центристов, либерально-реформаторское крыло им не удалось. Они выиграли устойчиво, с внушительным преобладанием, опередив блок Черномырдина более чем в два раза. Утром премьер поздравил Гайдара с преодолением пятипроцентного барьера. А спустя час разразился скандал. Рябовский подсчет по избирательным округам оказался излишне оптимистичным. "Выбор России" по мере подсчете голосов в арифметической последовательности, куда подавляющим массивом входила периферия, стал терять одну десятую процента за другой. В парламент прошли всего

четыре партии и движения: 22% коммунисты, 11,2% ЛДПР, 9,8% блок Черномырдина и 6,6% блок "ЯБЛОКО". По первоначальным подсчетам "ЯБЛОКО" едва не нагоняло блок Черномырдина и имело 8,6%. Но затем электорат стал медленно худеть. "ЯБЛОКО" потеряло больше всех, почти 2%. И в итоге весьма сдержанно прибавило по сравнению с выборами 93-го года. Жириновский потерял почти 50% своего электората, который перетащили к себе коммунисты и отчасти КРО. Откусив часть электората, эти движения, наподобие КРО, "Державы" Руцкого, "Вперед, Россия" Федорова, "Женщин России", аграриев, не сумели отстоять своих позиций, как и блок Святослава Федорова, который вместе с Гайдаром мог бы усилить либеральное и демократическое крыло в Думе 1995 года.

* * *

Выборы прошли, началось состязание анализов. Очевидного выигрыша достигли коммунисты, став, по сути, определяющей фракцией в будущей Думе. Отныне повседневная работа парламента будет связана с воплощением их замыслов. Средства массовой информации запальчиво обсуждают перспективы движения "Наш дом Россия", насколько крепка связка Черномырдин - Ельцин. Это очень похоже на подмену действительного желаемым. Демократической прессе сверхсложно настраиваться на волну обсуждения эволюции коммунистов в сторону социал-демократии и либерализма. Хотя очень хотелось бы! Однако отторжение слишком велико. Тон прокоммунистических изданий: "Правды", "Советская Россия", "Завтра" - победно-агрессивный: мы победили, еще полшага - и гидре демократии мы свернем голову. Что же касается либерально-демократических, они словно не слышат этой коммунистической канонады и продолжают навязчиво прогнозировать заболевание либерализмом, которого коммунистам не избежать. А после этого предрекают наступление посткоммунистической эпохи. И первым называют Квасневского. Поражение Коля и Мейджора еще далеко впереди.

Все события, которые происходили со СМИ, начиная с 1989 года, когда была упразднена 6-я статья Конституции СССР и термин "правящая партия, как единая направляющая, организующая" перестал существовать, а чуть позже был принят впервые в истории Советского Союза Закон о свободе слова; так вот, после этих событий ситуация обрела характер логичной алогичности.

Для КПСС стала неприятным откровением та быстрота, с какой правоверные газеты и журналы, еще вчера послушно выполнявшие команду "к ноге!", отрекались от своих советско-коммунистических взглядов и нырнули в совершенно неведомое и классово чуждое море демократии. В одночасье коммунисты лишились едва ли не всех полпредов партии, каковыми они считали всех партийных и непартийных журналистов. Исключение составили газеты "Правда", "Советская Россия" и в то время газета "День". Родилось чувство обиды: мало того, что мы, коммунисты, без крови отдали власть, за что и поблагодарить можно, они, демократы, напротив, ожесточились еще больше и стали требовать над нами суда. Интересно, что демократы, объявившие события 1991 года революцией, настолько в это поверили, что продолжали думать и действовать по нормам революционного режима. И с первых властных шагов озлобленно крушили своих поверженных конкурентов.

Такая самодемократизация средств массовой информации оказалась главной выигрышной картой Бориса Ельцина. Большинство СМИ приняли его сторону без видимых усилий президента. В этом, если угодно, главный алогизм исторических потрясений конца 80-х - начала 90-х годов. СМИ двигались по жизни двумя параллельными колоннами. На страницы прокоммунистических газет и журналов не допускались ни либералы, ни демократы. На страницах либеральных изданий - все то же самое по отношению к оппонентам. Каждая колонна исполняла свой гимн. Причем не попеременно, а одновременно, что и создавало впечатление политической какофонии. Если предположить, что демократические реформы захлебнутся, то повторное выпрыгивание СМИ на неокоммунистический берег может оказаться трагическим.

Мы оказались свидетелями смены героя нашего времени в условиях нынешних, до удивительности схожих с ситуацией, когда ширина рва оказывается значительнее длины

нашего прыжка. Но мы осознаем это с некоторым опозданием, уже оторвавшись от одного края и взлетев над пропастью. Поэтому известные анекдоты о борделе, в котором провели капитальный ремонт, поменяли мебель и интерьер, однако посещаемость не стала лучше, обретает свою жизненность - следовало заменить девочек. Для коммунистов отношения со СМИ - камень преткновения, который они хотели бы убрать с дороги, однако это чревато последствиями. Усилия, затраченные на борьбу, будут неадекватны результатам. Всех неправильно пишущих не уволишь с должностей, да и как это сделать, если сами кормились и самотиражировались за счет и по причине существования свобод, которые отстоял и утвердил "оккупационный режим Бориса Ельцина" (термин КПРФ). В этой ситуации законодательному коммунистическому большинству нужна точка опоры. Потому и схватка за думский комитет по СМИ должна быть ожесточенной. Впрочем, это, скорее, теоретический посыл. Кто бы его ни возглавлял, он будет подвластен думскому большинству.

КТО РАЗРУШИТ КАРФАГЕН?

Есть некая историческая логика, отрицать которую попросту невозможно. Реформаторы всегда в меньшинстве. Всякое начинание лихорадит общество, швыряет из стороны в сторону. Изъяном всех новообразований является долгое привыкание к ситуации, а уже затем нащупывание своего места в ней. Неспособность к ускоренному анализу, перемене тактики в силу опрокинувшейся ситуации - вот истинные причины беды. В свое время классики большевизма утверждали, что Россия выстрадала революцию, была беременна ею. "Верхи не могут, низы не хотят" - пересечение этих двух состояний дает вспышку заряда, именуемого в марксистской лексике классовыми потрясениями. Реформы в России, как правило, появляются вне среды обитания. Разумеется, они отклик на состояние страны (экономическое, политическое, социальное), но они почти всегда некое угадывание сверху, реакция на прозрение - как мы отстали. Это извечная плата за закрытость.

Движение "Наш дом Россия" не стало оформляться как партия, оно принципиально и подчеркнуто осталось в рамках общественного движения. Это был разумный шаг. Когда нет четко очерченных правил игры, жесткий партийный обруч неминуемо сожмет ядро, а затем уменьшит и пространство игры, ибо о влиянии говорить еще рано. Нынче многие рассуждают о просчетах Черномырдина, адресуясь к результатам выборов, о том, что он переоценил свое влияние на исполнительную власть, передоверился губернаторским заверениям и вот результат - 9,6% по партийным спискам. Только третье место и проигрыш коммунистам более чем в два раза. Справедливы ли подобные обвинения? В значительной степени справедливы. Справедливы по рисунку, адресу просчетов. Но ошибочны по сути. Преимущество Черномырдина было именно в том, что, являясь главой исполнительной власти, он мог опереться на ее структуры, ее авторитет в своих предвыборных притязаниях. В этом смысле правящий блок всегда имеет преимущество: в его руках отлаженный механизм власти и есть тысяча способов задействовать его в предвыборных борениях. Но и изъян правящего блока велик. Практически все, состязающиеся на выборах с этим блоком, являются по отношению к нему разновеликой оппозицией: либо более мягкой, сдержанной, либо крутой, непримиримой. Другими словами, движение "Наш дом Россия" было обязано бороться со всеми и выигрывать у всех. Арифметически из 48 партий и объединений блок выиграл у 45, уступив только двум - коммунистам и ЛДПР. Даже для собственного самоутверждения на усмешку КПРФ можно ответить: вы существуете 70 лет, а "Наш дом Россия" - всего четыре месяца. Черномырдин переоценил влияние губернаторов. А если быть достаточно логичным, то речь идет не о влиянии, речь идет об искренности. Черномырдин недооценил лукавство губернаторов. Этот факт, как никакой другой, выдавал политический непрофессионализм премьера. Нечто подобное уже случалось на первых выборах президента России. Тогда на очень многих заводах прошли собрания, на которых под недремлющим оком директоров были приняты общезнаковые решения - голосуем за Николая Ивановича Рыжкова. Директора еще жили ощущениями своего полновластия и взбодрили рыжковский штаб. И Николай Иванович был преисполнен... Но все эти заверения на выходе дали лишь 17% голосов.

Накануне новых президентских выборов есть смысл оглянуться назад. Нет, губернаторы не обманули Черномырдина, по крайней мере те, кто действительно является сторонником президента и премьера. Впрочем, объединительная формула "президент+премьер", а точнее, симпатии к ее составляющим не тождественны. Хитрые губернаторы просчитывают и свое будущее. Их следует разделить на два лагеря: назначенных и избранных. Вторые чувствуют себя увереннее, ведут себя самостоятельнее. В их понимании поддержка или противление - некий товар, который следует продать с максимальной выгодой.

Вопрос, почему результат не соответствует предвыборным заверениям, обретает характер риторического, как, впрочем, и ответ на него: "Потому!"

Власть на этаже власти еще не власть. Это легко произнести, несложно воспринять теоретически, но считаться с этим пониманием трудно. Сразу после выборов в одном из интервью Черномырдин аттестовал поведение ряда губернаторов как недопустимое. Из этого следовало, что их дни на губернаторском Олимпе сочтены. Выступление премьера следует воспринимать, скорее, как эмоциональный всплеск. Логика обстоятельств свидетельствует, скорее, об обратном. Даже если произойдет смещение со своих постов нескольких губернаторов, толкование подобных отстранений, независимо от содержания основного указа президента, будет однозначным - "за отказ поддержать правительственный блок на выборах", а проще говоря, за скрытую оппозиционность существующей власти, частью которой сам губернатор является. Все отстраненные губернаторы непременно выдвинут свои кандидатуры на предстоящих выборах глав областей, краев и республик и, как правило, одержат победу. Нечто подобное только что произошло на выборах в Новосибирске, Тамбове и еще ряде областей. Тема губернаторских выборов тема особая.

5 января 1996 года я встретился с Филатовым. Он находился под впечатлением последней встречи с президентом. Настроение было никудышним. Судя по официальной информации, они обсуждали итоги выборов.

- Именно так, - подтвердил Филатов, а затем мрачно добавил: Губернаторы в значительной массе лишь теоретически поддержали президента. На самом деле многие из них оппозиционны федеральной власти.

Вывод, сделанный Филатовым, мне показался симптоматичным. Он еще раз убедил меня в традиционности властного мышления А ведь Филатов очень неплохой аналитик. Филатов с какой-то обиженной рассерженностью заговорил о несобранности не демократов, нет, а исполнительной власти. О теперь уже бывших главах администраций, очевидных сторонниках президента, которые, выиграв первый тур выборов, ухитрились все без исключения проиграть во втором.

- Они, - сказал Филатов, имея в виду оппозицию, - умеют сконцентрироваться для решающего броска, а мы бьем раскрытой пятерней.

Я не возразил Филатову, тем более что о неумении собрать все в единый кулак мы твердили постоянно. Да и само возражение, объемный анализ родились чуть позже, когда я уже возвращался в свой офис и продолжал думать о нашем разговоре. Проигрыш нескольких губернаторов во втором туре, когда после первого тура бывший глава администрации шел с приличным отрывом, не есть результат неумения сконцентрироваться. Такая ситуация имеет двоякие причины. Победитель первого тура исчерпал свой электорат полностью, и все оппозиционные силы, претендующие на власть и критиковавшие власть, но не прошедшие во второй тур, непременно посоветуют своим избирателям отдать голоса главному сопернику власти. Это классический вариант, имеющий повторение всегда и всюду. Но...

Вот именно, Россия стала бы не Россией, если бы ей не были присущи черты некоей непредсказуемости, по большей части, правда, непредсказуемости придуманной, вытекающей от незнания и извечного непонимания властью психологии общества, государства, народа, которыми эта власть правит. Так в чем же дело? В простом. Стали известны результаты выборов в Думу, где правительственный блок не оказался в числе абсолютных победителей. И наш, не чуждый страха обыватель, решил не искушать судьбу

(похоже, власть переменится), потому он и перебежал улицу и оказался в другом лагере. Вот и вся непредсказуемость отечества, господа политики. Ему, обывателю, незачем разбираться в тонкостях политического анализа. Дескать, Черномырдин добился оптимального результата, и все без исключения блоки, противостоящие и движению "Наш дом Россия", с другой стороны выступали как антиподы коммунистов. Обывателю на все это, честно говоря, плевать. Он, обыватель, считает просто: пять больше, чем два, два больше, чем один, а потому выгоднее дружить с сильным. Я полагаю, нечто подобное синдрому перебежчика произойдет и в Думе, когда "Наш дом Россия" недосчитается многих своих сторонников, победивших в одномандатных округах и шедших на выборы под флагом этого движения. Но это все в рядом стоящем будущем, а пока надо ответить еще на один вопрос. Если итоги выборов были предопределены и на встрече с кандидатами от блока "Наш дом Россия" президент осторожно назвал цифры 8 - 12%, как бы отчеркнув пределы надежд, стоило ли затевать сыр-бор, создавать центристское движение, громыхать устрашающе латами? Не совершена ли жесточайшая ошибка в предшествующем анализе? Стоило!!! Как и стоило выдвигать идею двух либеральных центристских блоков. И если не сейчас, то в будущем она неминуемо восторжествует. Возможно, к этой идее возвратятся уже другие политические силы. Нет сомнения, что это был единственный путь, который следовало выбрать на предстоящих выборах. Отчасти он был вынужденным. Гайдар, как это ни обидно признать, оказался полностью не способным собрать под свои знамена амбициозные политические силы. Увы, творец идеи не обязательно лидер. В этом смысле интересно рассуждение Явлинского по поводу столь необходимого объединения: "Зачем нам Гайдар и его ошибки? Он нас потянет на дно. Прибавить не прибавим, а потеряем точно". Здесь есть о чем подумать. Явлинский не ставит под сомнение правильность своей политики. Хотя теперь совершенно ясно, что настойчивые нападки на объединенную личностную формулу Гайдар - Черномырдин Григорию Алексеевичу на этих выборах ожидаемых дивидендов не принесли. За спиной Явлинского стоит еще и амбициозность Лукина, как за спиной Гайдара амбициозность Анатолия Чубайса, Сергея Юшенкова. Это крайне усложняет ситуацию. Когда союзники растворяются как соль в избытке воды - ваше раздвоение объяснимо. Что правильнее: прекратить доступ воды или пуститься на поиски очередной порции соли? В этом раскладе амбиции "вторых" могут оказаться той самой силой, исключающей примирение и разумное объединение. Это как в жизни. Ты преодолеваешь нелюбовь к близкому человеку не из чувства сострадания, а потому, что у тебя нет замены и ты страшишься одиночества. Ты боишься слов, брошенных тебе вдогонку: "Кому он нужен?" И в самом деле: кому? Так и в политике: вы терпите союзника, ибо он последний, все остальные порвали с вами, отступились от вас. А он, ваш союзник, также одиночка. Он держится за вас, как положено держаться за мачту тонущего корабля. Фарватер неглубок, и мачта во всех случаях останется на поверхности, мачту заметят. Только теперь она не опора паруса, а некий буй, предупреждение - здесь затонул роскошный в прошлом корабль.

Черномырдину надо было создавать предвыборный блок и ввязываться в борьбу, необходимо было выстраивать плацдарм, магнитное поле, вокруг которого независимо от результатов (больших или малых) можно плюсовать центристские, с профессиональными навыками, силы. Лучше, если таких блоков два. Последняя надежда, что эту роль выполнит "Выбор России", перешагнувший 5%-й барьер. Нет Рыбкина, его роль возьмет на себя Гайдар. Увы, увы, увы...

Надо было ввязываться в борьбу, лишив премьера предвыборной непорочности, потому что грядут президентские выборы. А значит, и успех черномырдинской затеи либо неуспех ее высветят расклад сил, определят ценности, которые могут обрести смысл совершенно иной в предстоящее полугодие. "Наш дом Россия" в разметке дистанции президентского марафона, конечно же, сила определяющая. Можно высказывать недовольство, критиковать частности, но при этом следует высказаться откровенно - желать объединения политических сил, призывать к воссоединению демократов с либералами, либералов с центристами наивно, если в предвыборных коллизиях не суметь объединить усилия окружения президента с

усилиями команды премьера.

9 января 96 года.

В 5.30 утра в город Кизляр ворвалась группа вооруженных боевиков во главе с боевым командиром, двоюродным братом Джохара Дудаева. Боевики захватили в качестве заложников родильный дом и больницу. Жителей близлежащих домов сгоняли к месту захвата заложников. На 10 утра известны неточные данные о количестве заложников. Количество заложников по мере варварских действий боевиков увеличивается. По свидетельству разных агентств, первичная цифра равнялась 1 тысяче человек. К 12.00 дня называлось уже 2 тысячи заложников. Количество боевиков также колеблется от 300 до 500 человек. По неуточненным данным, более 150 наемников, прошедших подготовку в Пакистане. В городе идет ожесточенная перестрелка. Город окружен федеральными войсками. Мобилизованы все силы МВД Дагестана.

Кизляр расположен в северной части Дагестана, на равнинной местности. Является железнодорожной станцией. Основное население - русские. По неуточненным данным, за последнее время 50-тысячное население города увеличилось почти на 10 тысяч за счет беженцев из Чечни.

В 17 часов в Кремле под председательством президента Ельцина собрались все силовые министры, премьер, первый помощник Виктор Илюшин. Президент подверг резкой критике деятельность силовых министерств. Боевики преодолели путь в несколько сотен километров. В населенных пунктах по направлению их движения размещено пять тысяч служащих федеральных войск. Что происходит, уважаемые генералы? Буденновск не стал для вас уроком. Обращаясь непосредственно к командующему пограничными войсками Андрею Николаеву, президент раздраженно заметил: "Генерал Николаев, они прошли насквозь две границы, сначала чеченскую, затем дагестанскую. Передвижение колонны было зафиксировано военной разведкой. Под какое сукно легли донесения? Как получилось, что реакции не последовало? Еще 25 декабря разведка докладывала об активизации вооруженных дудаевских групп вокруг Кизляра. Почему никакой реакции?" По результатам совещания руководителем операции назначен глава Федеральной службы безопасности генерал армии Михаил Барсуков.

16 часов. Заявления лидера террористов становятся все более бескомпромиссными. Переговоры с дагестанскими депутатами результатов не дали. По сообщению ИТАР - ТАСС, террористы расстреляли двух заложников. Министр внутренних дел Куликов срочно прервал свой отпуск и выехал в Москву. ВГТРК направляет в район событий три группы. Одну - из Пятигорска, вторую - из Ростова, третья вылетает из Москвы. Переправляем туда свою передвижную станцию. Есть риск. Дороги в летнее время - сутки с небольшим, а сейчас зима. Пытаемся договориться с военными перебросить станцию транспортной авиацией. У меня самого крайняя ситуация. Девятого вечером я должен лететь на четыре дня в Японию. Не лететь невозможно. Я трижды отменял свой ответный визит и встречу с руководством телекомпании TBS, по сути, японским телевизионным лидером. Если я, ссылаясь на обстоятельства, отложу свой приезд в четвертый раз, это равносильно разрыву отношений. Советуюсь со своим заместителем Лысенко. Он смеется: "А что, твое присутствие ускорит штурм или мирные переговоры? В следующий раз придется откладывать свои поездки, если террористы захватят автомашину..." По-своему он прав, хотя беспокойство гложет душу.

Александр Нехорошев, глава информационной дирекции, остается на месте. Честно говоря, он позарез нужен на переговорах в Японии, но я опасаюсь, что в этой ситуации его замы не проявят максимум своих возможностей, оплошают. Мое беспокойство не беспочвенно. За все надо платить. Если ты подбираешь замов, не способных составить тебе конкуренцию, ты выигрываешь в возможной интриге, но ты несешь урон в обстоятельствах крайних. Твой помощник неадекватен тебе. Он слабее, намного слабее. И тогда это твой крест. Не ропщи. Нехорошев остается в Москве. А мы летим в Японию, иначе нельзя.

Кизляр - второй Буденновск, в худшем варианте. Какое решение примет президент? Первая информация: конфликтом будет заниматься Сосковец. Первая информация, первые

предположения. Если Сосковец - значит, выбирается жесткий вариант. Миротворчество Черномырдина - это уже история. Оживились, заговорили, зароптали: если бы тогда взяли Басаева, положили бы сотню боевиков, Буденновск оказался бы первой и последней драмой такого размаха. Увы, загнанный в угол противник предрасположен к крайней агрессивности. Немного спустя - новая информация. Президент меняет рисунок действий. Звоню помощнику Сосковца, надо выяснить детали. Михайлов разочарованно отвечает: "Все отменяется, ситуация ушла за стену". За стену - значит, в Кремль. Президент решил разыграть эту партию сам. Уже ночью аналитики, уперев персты в лоб, начнут размышлять: Кизляр - козырь президента или его черная карта? После заседания с участием силовых министерств, президент встречается с премьером тет-а-тет. Опять Кизляр, варианты поведения власти. Есть опасность: премьер в запале миротворческих веяний станет склонять президента к такому же образу действий. Вопрос остается открытым. Какой урок из буденновской драмы извлек сам президент? Разумеется, оценки ситуации будут полярными.

Катастрофическое начало предвыборной президентской кампании. У Ельцина аховое положение. Исход выборов практически предрешен. Новой крови президенту не простят.

Случившееся - уникальный шанс для Ельцина, подаренный ему судьбой. Болезнь, естественно, породила массу сомнений и беспокойство. Президент получает возможность проявить характер и твердость.

Если преступники уйдут от ответа во второй раз, как это случилось с Басаевым, авторитет власти практически будет сведен к нулю. Оппозиция получает неоспоримое преимущество на старте президентских выборов: эта власть не способна защитить людей.

Новый штрих диверсии. Не просто захват объекта - врываются в дома и сгоняют людей в одно место. Операция отлично подготовлена. Боевики учли урок Буденновска. Вся радиосвязь федеральных войск выведена из строя. Боевики глушат волну, на которую настроена аппаратура рассредоточенных войск. Это может привести к полной утрате управления операцией. Предупреждение Дудаева, сделанное им в канун Нового года, о том, что он не допустит прекращения войны с Россией, обретает зловещий смысл.

Итак, выборы позади. Страна опасливо отметила Новый год, затем православное Рождество. Год огненной крысы по восточному календарю - год високосный. Но, следуя привычному суждению, високосный год легким не бывает. Нам проще. У нас всякий год страдания, канитель, экономические сотрясения. Неудачным годом нас не удивишь.

* * *

Январь 1996 года.

У нас новый министр иностранных дел. Козырев подал в отставку, и президент эту отставку принял. В отставку также ушел Сергей Филатов. Непросто ответить на вопрос: чего больше в этих двух отставках необходимого или вынужденного? Окружение президента покидают две фигуры откровенно демократического толка. Когда-то Примакова считали человеком Горбачева, как, впрочем, и А.Н.Яковлева и Э.А.Шеварднадзе. Что может связывать Ельцина с двумя новыми фигурами, оказавшимися теперь на ключевых постах в его команде, - с Примаковым, сменившим Козырева, и Н.Егоровым, который, судя по всему, сменит Филатова?

Итак, у России новый министр иностранных дел. Представление его своему ведомству тоже состоялось неординарно. Президент пригласил членов коллегии в Кремль и именно там представил нового министра. Так и запишем: был коронован на высокий пост за высокой Кремлевской стеной.

Чуть-чуть о слухах. Говорят, он уравновешен, прагматичен, осторожен, доверяет своему мнению и ценит его. Когда он возглавлял одну из палат Верховного Совета, то выглядел чуточку барином, хотя это определение не совсем точно. Былое такое ощущение, что он смотрит на подведомственную палату чуть-чуть свысока. Слишком велик образовательный разрыв и разрыв в житейском опыте. Тогда началось это помешательство. Заседания депутатского съезда превратились в театральные зрелища и транслировались часами в прямом эфире. На телевизионном экране Примаков выглядел человеком крупным и даже

тучным. И пока я с ним не встретился в обыденной жизни, это обманчивое впечатление оставалось очень реальным. Каково же было мое удивление, когда я увидел невысокого и даже миниатюрного человека, и этим человеком оказался Примаков. Была какая-то странность в наших мимолетных встречах. Как правило, я выходил после встречи с президентом, а в дверях неизменно сталкивался с Примаковым, или наоборот, я ждал в приемной, а из кабинета Ельцина выходил наш главный разведчик. Мы говорили какие-то ни к чему не обязывающие слова, жали друг другу руки и расходились. Мы не были особенно знакомы. И вообще, какие-то стихийные откровения с штатским министром возможны, а с главой разведки даже при желании не знаешь, о чем говорить. Так вот, наяву Примаков совсем не рослый и тяжеловесный, а, скорее, наоборот. Щеки с легкой припухлостью, вид очень штатский, походка неспешная, позволяющая проникнуться уважением к идущему. Улыбка располагающая, где-то в глубине глаз затаилась то ли смешливость, то ли ироничность. Никаких потрясений во внешней политике с приходом Примакова нас не ждет. Совершенно очевидно, в ней прибавится профессионализма. "Я не в том возрасте, чтобы позволить себе вершить дело плохо". Эти слова произнес Примаков, лучше других понимающий, что министры иностранных дел политику не меняют, они воплощают ее в жизнь. Примаков из тех международников, которые любят со значительностью и даже некоторой угадывающейся доверительностью произносить очевидные истины. "Определяющим мотивом всех моих действий и поступков будут интересы России" согласитесь, странно выглядел бы министр иностранных дел, не произносивший подобных заклинаний.

15 января 1996 года. Понедельник. Вечер.

Позвонил Филатову, поинтересовался его отставным настроением. Настроение скверное, шок чисто аппаратный, голос глухой, осипший:

- Договорились с президентом, что, пока я в отпуске, мой кабинет в Кремле как бы в неприкосновенности. Отпуск думал провести в Железноводске. Но сейчас ехать передумал. ЧП в Кизляре. А кабинет, словно и разговора не было, освобождают, готовят под нового хозяина.

- Конечно, неприятно, - соглашаюсь я, - но это не самая большая беда.

- Не самая, - откликается Филатов, - непривычно чувствовать себя человеком на улице.

Освобождение Филатова было обставлено достаточно хитро. Президент пригласил его и сказал, что надо готовиться к выборам. И Филатов очень нужен ему там, в предвыборном штабе. И отставка вроде как и не отставка, а временное перемещение на игровом поле. Штаб возглавляет Олег Сосковец. Конфликтность отношений Филатова с группой Коржаков - Барсуков - Сосковец общеизвестна. Именно эта группа предрешила судьбу Сергея Александровича на посту главы президентской администрации. Хотя будем честны, в этой должности Филатов совершил немало просчетов, но не они были причиной конфликта. И вот теперь ему предложили работать с Сосковцом в одной упряжке не на равных, а под ним.

- Позвони Сосковцу, вы же теперь в одной лодке, - советую я.

- Позвоню. Вот день подожду, переварю это унижение и позвоню.

Во время беседы президент, по словам Филатова, подтвердил свое отношение к нему, назвав его бесспорным членом своей команды, никогда не вихлявшим и сохранявшим в самые трудные минуты верность президенту. Я чувствовал, что, пересказывая все это мне, Филатов переживает этот разговор еще и еще раз, заставляет самого себя поверить в справедливость и искренность слов президента.

- Он прав, - говорит Филатов, - я никогда не вилял, никогда не сомневался. За последнее время радостей было не так много. Контакты с президентом утратили постоянство. А те, которые были, оставляли чувство неуверенности и досады.

Зная президента как человека эмоционального, трудно было не почувствовать и сухость, и служебную подчеркнутость, которая стала довлеющей краской при их встречах. И дело не в том, что излишне интеллигентный Филатов стал раздражать уставшего президента, так истолковывала холодность их отношений все та же интеллигенция, преимущественно

терпко-демократического характера, достаточно поредевшая и, в силу собственной неумелости и избыточного политического идеализма вновь почувствовавшая свою беспризорность и невостребованность властью. Той самой властью, которую она по инерции еще называла демократической. Кумиры меняли цвета, частично банкротились, частично уходили в отставку, либо их туда отправляли, и к презентационным и пиршественным столам уже никто никого не звал.

* * *

И все-таки Филатов был скорее удовлетворен разговором с президентом, нежели обеспокоен им. Ельцин предложил ему войти в собственный избирательный штаб в качестве освобожденного заместителя руководителя. В этот же штаб, возглавляемый Сосковцом, войдут и Юрий Лужков, и Павел Бородин. Беспокойство возникло спустя несколько часов, когда Филатов понял, что ему придется оставить пост главы администрации президента. Его отставку предрекали, и он сам уже привык к этим разговорам и даже не опровергал их: смирился. Случилась обыденно, по-аппаратному, "в связи с переходом на другую работу". Отказать президенту в прозорливости трудно. Сделав скрытое перемещение Филатова, он избежал скандала и удовлетворил силы в своем окружении, противостоящие Филатову, критикующие его за мягкость. И рекомендуя нового главу администрации Николая Егорова, президент высказал неудовлетворенность работой своей администрации, однако сделал это вполне корректно, предложив сотрудникам быть самокритичнее в оценке собственных деяний.

15 января. Первое заседание вновь избранной Думы. Грядут перемены. 16 - 17 января коммунисты одерживают первую послевыборную победу. Спикером становится коммунист Геннадий Селезнев. Нечто похожее на шок. "Яблоко" отказывается от взаимодействия с НДР. Выставляет на выборы председателя Думы своего кандидата - Владимира Лукина. В первом туре кандидат коммунистов получает 200 голосов, кандидат двух фракций Рыбкин - 166, и Лукин - 56. Второй тур оказывается скандальным. ЛДПР и НДР в выборах не участвуют и покидают зал заседаний. Не востребовано 177 бюллетеней. Селезнев получает 216 голосов. Уже почти, но еще не все. На следующий день Явлинский повторяет свой маневр и коммунисты, скрыто подкрепленные блоком "Яблоко", берут верх. Демократическая пресса взрывается возмущениями и обвинениями в предательстве лидеров единственного демократического блока. Выступая в программе "Подробности" Российского телевидения, Явлинский выглядит раздраженным, каких-либо весомых аргументов в пользу своей позиции у него нет. Он понимает, что опровергнуть всеобщее мнение о том, что коммунисты объединились с лидерами блока "Яблоко", ему не удастся. Разговор в студии накаляется. Явлинский начинает говорить на повышенных тонах, отчего скандальность случившегося становится еще более очевидной. Попытка отвести удар и подарить обществу новую сенсацию - дескать, за Рыбкина голосовали вместе с НДР и ЛДПР - результата не дает. Поведение Жириновского удивить уже никого не может. Непредсказуемость ЛДПР в прошлой Думе пугала, и тем не менее она была митинговой, лишенной профессиональной осмысленности. Организованная нацеленность коммунистов, их непременное желание вернуть власть делает образ этой власти и предсказуемым и очевидным - вернуть вчерашний день. Он был их средой, их днем, образом их власти. У Зюганова нет выхода, его социал-демократические поветрия типа: "Мой любимый политический лидер - Вилли Брандт" хотя и неустойчивы, но предназначены для малой части электората. Зюганов заложник избирателей преклонного возраста. Его социальные модуляции в этих пределах. Он еще не осознает тяжести случившегося. Противоестественно, когда будущее страны предопределяют люди преклонного возраста, они составляют 80% электората коммунистов. Эта возрастная генерация чисто биологически уже ограничена в своих претензиях к будущему, потому что не способна его созидать. Ее выбор имеет возрастной импульс, что на какое-то оставшееся время эти люди желают повторения понятного прошлого. А значит, как итог - это социально-политический тупик.

Уже сегодня заявлено, что нынешняя Дума начнет с пересмотра законов, принятых

Думой прошлой. Эта леворадикальная публика не оставляет Ельцину выбора. Теперь он обязан при любых обстоятельствах выдвинуть свою кандидатуру на следующий президентский срок. У демократов выбора тоже нет. Они вынуждены будут поддержать кандидатуру стихийного, больного, с монаршими замашками Ельцина.

Уже в своих первых предчувствиях мы начинаем возвращаться в 1991-1992 годы. Что произошло с Явлинским? Почему фракцию "Яблоко" покинул один из учредителей движения, Юрий Болдырев? Им стало тесно на вершине? То, что фракция предложила Лукина в качестве главы Государственной Думы, говорит не только о желаниях и устремлениях фракции, но и о вызревающих амбициях самого Владимира Петровича Лукина. И, плюс к тому, затянувшаяся обида на невостребованность лидеров "Яблока" нынешней властью. В истории с фракцией "Яблоко" - все непонятно и в той же степени все очевидно. Камнем преткновения во взаимоотношениях с исполнительной властью остается сам Григорий Алексеевич Явлинский. Нет сомнения, что Явлинский знает - его критика действий правительства лишена догматичности. Именно потому она всегда раздражала власть. Выиграть у Явлинского в полемике трудно. Экономической аргументации Явлинского, лишенной заумности и по этой причине вполне доходчивой для любой аудитории, завидовали и коммунисты. Разумеется, любое вхождение во власть Явлинский воспринимает через себя. Кем там буду я? Вице-премьером я уже был. Для либерала Явлинский слишком категоричен: "Все или ничего!" Ключ к постижению Явлинского в одной его фразе: "Старик, это такая работа - быть кандидатом в президенты". Явлинский сделал эту работу постоянной. Отсюда претензии на все, прекрасно понимая, что все он никогда не получит. Значит, всегда останется сверхуважительная загадка. А вот если бы президентом, премьером стал Явлинский... Где-то в 1994-1995 годах, после очередных перестановок в правительстве, обсуждался вопрос о приглашении в его состав Явлинского. Президент положительно высказался на этот счет, премьеру поручалось прощупать ситуацию и уже после этого внести на рассмотрение президента списочный состав нового кабинета. Явлинский рассказывал об этом случае так:

- Черномырдин со мной побеседовал. Я сказал: подумаю. И буквально на следующий день предложил президенту свой состав правительства. Не знаю уж, обсуждался мой вариант или не обсуждался, толком мне так никто ничего и не сказал. Зато уже через день президент утвердил состав кабинета, предложенный Черномырдиным. Так что дружбы, - подытожил Явлинский, - не получилось.

- Как я понимаю, тебе предложили пост вице-премьера, а ты вместо "да" или "нет" предложил новый состав правительства, хотя тебя об этом никто не просил.

Явлинский скорчил смешливую гримасу.

- Точно так, сэр. - После чего уже непринужденно рассмеялся. - Ну а что случилось дальше, я уже рассказал. Ельцин немедленно подписал указ о новом правительстве. - И с ехидным смешком Явлинский прибавил: - Я уже был в одном правительстве заместителем царя по революции.

Этот каламбур Явлинский любил повторять. Речь идет о правительстве Силаева, в котором он был вице-премьером, отвечающим за экономическую реформу. Нелепо считать, что, сговорившись с коммунистами относительно поста председателя Думы, Явлинский рассчитывал удержать в своих руках ключевые комитеты. И прежде всего комитет по бюджету. Этот комитет наверняка бы остался за Явлинским. Из трех главных фракций (ЛДПР, "Наш дом Россия", "Яблоко") именно Явлинский на первых порах был наиболее лоялен к коммунистам. И именно с ним неоднократно консультировался Зюганов. Это даже стало некой защитной формулой Геннадия Андреевича. Отметая обвинения в непримиримости коммунистов, он называл Явлинского как человека, с авторитетом которого он, Зюганов, считается и с которым найти общий язык не представляет труда. Эту мысль Зюганов повторял не один раз перед предвыборной кампанией. Таким образом, реплика, брошенная Галиной Старовойтовой: "Яблоко покраснело", - всем показалась вещей.

На своей первой пресс-конференции новый спикер предупредил, что Дума внесет

поправки в Конституцию, ограничивающие права президента, и поставит деятельность исполнительной власти под контроль законодательной.

* * *

26 января.

Позвонил Немцов из Нижнего Новгорода. Сказал, что в понедельник у него состоится встреча с президентом. Я сказал, что знаю, посоветовал сразу после встречи дать интервью Российскому телевидению. Он ответил: "Обязательно". Поинтересовался настроением Ельцина, сказал, что неделей раньше встречался с Олегом Сосковцом. Оценил эту встречу как успешную. И вот теперь готовится к разговору с президентом. Что-то его волновало, иначе бы он не позвонил.

- Что-нибудь скажешь? - спросил Немцов.

- Скажу, - ответил я. - Миллион собранных подписей - это, конечно, главное. Президенту нужно пространство для маневра. Подписи против войны в Чечне - часть этого крайне необходимого пространства.

- У меня результаты последнего опроса. Ельцин там на пятом месте. Я хочу ему показать эти материалы... - Он делает паузу, ждет моей реакции.

- Главная проблема, это необъятное поле отрицательных эмоций. Весь вопрос - цель визита. Для чего ты идешь на этот разговор? Ты же знаешь, он тебя и Гайдара числил своей надеждой, своей опорой, своим открытием. Он болезненно переживает измену, отречение.

- Но это же правда! - перебил меня Немцов. - Его поддерживает всего 7 %.

- И все-таки, - настаиваю я, - зачем, во имя чего эта встреча. Поддержать и помочь? Открыть глаза?

Разговор идет по спецтелефону. В аппаратном обиходе эта связь имеет название ВЧ. Звук поступает с опозданием, очень похоже на радиосвязь, зато очень явственно чувствуешь расстояние - шорохи, шипение, потрескивание. Паузы заметно увеличиваются. Ты думаешь над ответом, плюс запаздывание звука.

- Сказать правду, для того чтобы поддержать, или сказать правду как повод, чтобы отказать в поддержке?

Немцову не нравится мое толкование его визита. Он выбирает промежуточный вариант.

- Сказать правду, чтобы развеять сомнения и понять, что собирается делать президент.

Я не стал уточнять, чьи сомнения. Было ясно, что, с одной стороны, молодого политика, преуспевшего на практической ниве, раздражает многословная истерика демократов, вибрация по любому поводу таких ее видных фигур, как Егор Гайдар. С другой - начиная свою антивоенную акцию, он может рассчитывать на поддержку, прежде всего демократов, лидером которых хотел бы себя считать. Среди губернаторов он не стал своим. Вопрос "почему?" скорее риторический. Спроси его, в чем причина, он бы ответил - среди таких губернаторов ему быть своим не хочется. Как знать? Глядя со стороны, он очень даже старался. Дополнительной краской к эволюции Немцова может стать небольшой конфликт, случившийся на выборах председателя Совета Федерации. Кандидатура орловского губернатора Егора Строева была поддержана практически всей палатой. Против выступил Анатолий Собчак, обративший внимание сенаторов на партийное прошлое кандидата, совсем еще недавно бывшего первым секретарем Орловского обкома. Строев в свое время избирался секретарем ЦК КПСС, однако просекретарствовал недолго. Это были уже секретари ЦК последней волны, так называемое горбачевское окружение. Точнее сказать, скрытая оппозиция Горбачеву, о существовании которой тот даже не догадывался. Это был ЦК еще самой многочисленной, но уже подломленной монопартии. "Демократу" Собчаку возразил "демократ" Немцов, заметивший, что главу сената выбирают, исходя из его деловых качеств, а не партийной биографии.

Третьего февраля мне позвонил наш корреспондент в Германии Вячеслав Мостовой. На международном экономическом форуме в Давосе он разговаривал с Немцовым. Борис просил передать мне одну фразу из их разговора с Ельциным. Президент, выслушав Немцова по поводу нижегородской антивоенной акции, сказал: "У вас, я надеюсь, есть поддержка средств

массовой информации. Действуйте. Если этих подписей будет порядка 14 миллионов, я, как президент, обязан буду принять решение. Поставьте меня в безвыходное положение".

Сказанное президентом требует расшифровки. Оговоримся, что в своих рассуждениях я руководствуюсь информацией Бориса Немцова и каких-либо иных подтверждений ее из источников из окружения Бориса Ельцина не имею, кроме общей ситуации. Президент чисто по-человечески против войны в Чечне, но пока мирные переговоры оказались малоэффективными. Дудаеву необходима война - сейчас это его единственный шанс. Как нейтрализовать Дудаева?! Ограничить конфликт внутричеченскими отношениями тоже не удается. И, наконец, народ не простит президенту безнаказанности террористов, но он и не простит тысячных жертв. Если встречная волна антивоенных настроений пересилит эти тенденции, то президент вправе сказать: подавляющее большинство россиян требует немедленного прекращения войны. Это отрезвит сторонников силового решения. Тем более что это решение принесло только жертвы. Новизна ситуации может объяснить неудачи военачальников, но не оправдать ошибки президента. Этих руководителей силовых ведомств назначал он. Их действия в Чечне пока не оказались более успешными, нежели действия их предшественников.

НАПУТСТВИЕ КОРОЛЯ ЛИРА

Где был я раньше? Где я нахожусь?
Что это, солнце? Я обманут всеми.
Я умер бы от жалости, случись
С другим такое горе. - Что ответить?
Моя ли то рука? Не поручусь.
Проверю. Уколю булавкой.
(Колет)
Как я б хотел увериться в себе.
Уильям Шекспир. Король Лир. Акт IV

Сегодня 10 февраля. До выборов 128 дней. Ельцин проводит последние консультации. Вчера собирал Президентский совет. Обсуждалось два вопроса. Первое: Чечня, что делать дальше. Второе: выборы президента, с лукавым уточнением - Б.Ельцина. Все члены совета едины и аргументированы в своих доводах: "Борис Николаевич, вы должны выдвинуть свою кандидатуру на второй срок. Только оппонентов не ругайте. Битых и гонимых у нас жалеют".

14 февраля. Ельцин прибывает в Екатеринбург. Пятнадцатого весь день будет там, затем отбывает в Челябинск. Это разумно. Почти мифологический шаг. Антей обретает силу, когда прикасается к земле. Ельцин намерен объявить о своем окончательном решении в родных пенатах. Он возложит цветы на могилу матери, которая ушла из жизни сравнительно недавно. Ельцин принимает окончательное решение наедине с самим собой. Это его стиль, его почерк. На родине, возможно, думается не лучше, чем в Москве (здесь рядом тоже бунтующий политик Эдуард Россель), но дома и стены помогают. А еще память о том, прошлом свердловском Ельцине. Скорее, именно на Урале он объявит свое окончательное решение. Если не среди угольщиков, где ситуация швах, то среди металлургов, которые из кризиса выкарабкиваются первыми. Что скажет Урал-батюшка "батюшке-царю"? Поможет или потопит Урал?!

Итак, правительство и окружение Ельцина претерпело значительные перемены. Самыми нашумевшими оказались отставки Чубайса, Козырева и Филатова. Из правительства ушли министр транспорта Ефимов и министр сельского хозяйства Назарчук. Но это народ менее заметный. Возможно, Назарчук, делегированный в правительство аграрниками, попросту испил чашу проигравшей на выборах партии. Изъятие из своего окружения фигур, действующих на непримиримую оппозицию как раздражитель, а требование отставки Чубайса и Козырева отличалось навязчивой стабильностью еще со времен Верховного Совета, возглавляемого Русланом Хасбулатовым. И все-таки, почему именно сейчас? Причины, побудившие президента сделать этот шаг, могут быть самыми разными. Это ответ на результаты выборов; на работу Счетной палаты, проверявшей приватизационную

программу правительства. Первая информация по этой проверке неутешительна. Акт проверки передан в прокуратуру. Предположительно должно быть открыто несколько уголовных дел против высоких чиновников Госкомимущества (первый и второй этапы приватизации проводились не по закону, а по президентскому указу). А может быть, причина в невыплате зарплаты - Чубайс курировал в правительстве весь экономический блок. И недополучение нескольких триллионов рублей федеральной казной не назовешь успехом второго приватизационного этапа. Этих самых денег и не хватило на зарплату бюджетникам. Какая из этих причин была главной? К этому решению президента побудили обстоятельства, или его вынудили. Хотя в отношении Ельцина понятие "вынудили" пока выглядит анахронизмом. Президент бывает и упрям, и несговорчив, всем своим видом и манерой поведения подтверждает молву - на такого не надавишь. Чуть позже мы поймем, что это не совсем так. Президент сопротивляется давлению, но уступает внушению.

В политике существует два термина, характеризующих кадровую философию власти. Первый - команду обновляют. Второй - членов команды "сдают". Второй термин, скорее, из лексики криминального мира. Это неудивительно. Власть и криминальный мир исповедуют очень часто похожую философию: если меня боятся, я могу все. Почему термин "сдают" стал столь привычным? Скорее всего, по аналогии. Как говорят, на слуху и в памяти - горбачевская предыстория, когда мечущийся Горбачев под напором все тех же коммунистов сдавал своих соратников. И в противовес - ельцинское заявление 1992 года: "Я никого из своей команды не сдаю и не сдам". Чуть позже уходят Бурбулис (бесспорно, его отход от Ельцина неоднозначен), Скоков, Силаев, Старовойтова. И все-таки, рискну заметить, выход из игры этих политических персон не был сдачей. Потому как если сдал, то под напором кого или чего? Несколько раз уходил Шахрай - и столько же раз возвращался. Уходил и возвращался Гайдар - и снова уходил. Приходил и уходил Борис Федоров. Во всех этих отставках первичными были действия самих персон, ответными действия президента.

Допустит ли Ельцин расправу над Чубайсом? Абсурдный вопрос - конечно, нет. Скамейка запасных пуста. Чубайс еще понадобится. Коммунисты устами спикера Думы Селезнева дали понять, что отсутствие Чубайса в стране в данные 3-4 месяца нежелательно. Они как бы без участия самого Анатолия Борисовича дали за него подписку о невыезде. Следовательно, ни о какой дипломатической работе не может быть и речи. Назначение послов на ключевые посты должно пройти процедуру утверждения в думском комитете по международным делам. Как же глубоко в нас сидит эта извечная жажда расправы, классовый синдром, погубившие нашу мораль. Живущий лучше нас непременно порочен, а значит, наши подозрения на его счет справедливы. Я беден не потому, что скверно работаю, а потому, что не ворую, мне недодали, мне не компенсировали, меня обидели. Из той же философии: честность делает людей бедными, много зарабатывающий человек не может быть честным.

Ныне мы с болью говорим о том, сколь разителен разрыв между живущими за чертой бедности и живущими в достатке, между очень бедным и очень богатым. Мы фиксируем очевидные доходы, хотя знаем, что и те и другие их занижают. Первые - во имя превращения своего гнева в гнев праведный, ибо уверены, что достаток можно получить не ценой труда, а ценой гнева и бунта, страшась которого и власть, и те, кто жирует, повысят, оплатят, начислят. Вторые знают, что они очень богаты, но боятся передела собственности не между богатыми и бедными (они не верят во вторую Октябрьскую революцию), а между богатыми и очень богатыми. Они не боятся власти, потому что власть во времена смуты скоротечна, а значит, власть легче купить. Власть знает, что в нынешние времена она очень скоро может перестать быть властью, а потому с поля власти ей следует взять скорый и достаточный урожай. С бедных взять нечего. Взять можно только с богатых. Но сначала их надо сделать очень богатыми, чтобы их можно было заставить поделиться.

В 1991 году, когда инфляционный взрыв лишил всех нас жизненных накоплений, случился массовый уравнительный эффект. И тот, кто имел сверх всего мыслимого, и тот, кто ничего не имел, практически оказались на одной ступени. Накопленных сверхсбережений по ценам 91-92-го годов могло хватить на полтора-два месяца настоящей жизни.

Профессиональный заработок, как критерий твоей значимости в обществе, как бы перестал существовать. Все разом стали равно ненужными по месту своей прежней работы. Подул приватизационный ветер. Нас всех назвали частниками, владельцами мифического ваучера. Начался передел собственности, которая всегда была вне нас. Ею владели директора заводов, председатели колхозов. Собственностью от имени и по поручению государства владела власть, то есть партия. Ибо стать директором завода, председателем колхоза, главой конструкторского бюро, не будучи членом партии, практически было невозможно. Все остальные были нанимаемый люд. Как, впрочем, и директора, и секретари райкомов, обкомов, ЦК. Они тоже нанимались, хотя их наем сопровождался лукавой процедурой выборов (съезды, областные конференции). Мы удивляемся, задыхаясь своей восторженной риторикой, о всенародной собственности, о народовластии, которого в последние 70 лет нигде не было, хотя теоретически существовало якобы всюду. Сегодня мы имеем многовариантность одного и того же. Каждая политическая сила подстегивает тех лошадей, которые, по ее разумению, должны довести ее до порога власти. Директор завода, голосующий за Зюганова, мало интересуется внешней или внутренней политикой государства, продолжится или окончится война в Чечне, утвердится массово православие или восторжествует однопартийный атеизм. Директор завода будет вдохновляться одной, главенствующей идеей - Зюганов сохранит его директорскую власть, и поэтому он за президента по фамилии Зюганов. И Геннадий Андреевич, понимая это, оговаривается: там, где приватизация дала эффект, завод работает, прибавляет - не тронем.

Пятнадцатого февраля день событийный. Определились номинально два главных конкурента. Ельцин в Екатеринбурге объявил о своем решении вступить в предвыборный марафон. "Я уверен, - сказал президент, - что сумею провести страну по дороге реформ".

Его речь не назовешь программной. Она была, не как обычно, многословной. Натурность, свобода поведения на трибуне в духе президента образца 91-го года. Ельцин-96 пытается повернуть память, возродить образ бунтаря, взгромоздившегося на танк и оттуда, с высоты боевой брони, зачитывающего свой первый антипутчистский указ. Он отчасти напоминает проснувшегося царя, свершающего путешествие по своим владениям. Не станем касаться сути речи, которую темпераментный и исторически образованный журналист НТВ назвал "девять ударов Бориса Ельцина".

Никаких, разумеется, ударов, потрясений, сенсаций в его речи не было. "Царь" был непривычно словоохотлив, строг к подданным, которых тут же прилюдно казнил, жаловал и миловал. Шуба с царского плеча (в смысле пять миллиардов заводу на погашение долгов); кара - сообщение о разжалованных. Голос, правда, подвел, он внезапно сел. Буквально поутру, как утверждают люди из зоны президентского дыхания. Но президент мужественно борол в себе хрип. И в этом даже приближался к истинности своего образа. Зал был в эмоциях умерен, несколько белобумажных транспарантов в духе надежд верноподданного народа, обращенных к своему монарху: "Ельцин - единая Россия", "Ельцин - торжество реформ и демократии" и что-то еще в этом творчески приподнятом духе. Мне даже казалось, что Эдуард Россель, а он был зачинщиком (ну если не зачинщиком, то сторонником этого замысла), хотел, чтобы президент был сражен ностальгической волной. Тот же город, тот же зал, с которого начиналось его, ельцинское восшествие на президентский Олимп пять лет назад. Лица, лица другие...

Пожалуй, самой значимой в этом телевизионном показе была галерея лиц, внимательно-расположенных, внимательно-услужливых, внимательно-равнодушных. Хитрый Эдуард Россель блистательно завершил комбинацию. Сначала на грани фола он добился досрочных выборов главы администрации. Поруганный чуть-чуть ранее как автор идеи и предполагаемый глава Уральской республики, после чего указом президента был отстранен от своей губернаторской должности, однако на этой сострадательной волне был избран главой свердловского законодательного собрания, а затем уже в иной роли остановил Москву с идеей не назначения, а избрания главы области. Сумел преодолеть сопротивление президентской администрации. Сергей Филатов в достатке оценивал ум Росселя, его

недюжинные лидерские способности, видел в нем одаренного раскольника. И поэтому душой и помыслами был на стороне соперника Росселя, теперь уже бывшего главы администрации Скорятина, человека небесполезного, но неизмеримо более аппаратного назначенца. Эдуард Россель бросался в конфликт не по причине врожденной скандальности, а в силу бездействия власти, послушности окружающих этому бездействию, а также в силу невостребованности его, Росселя, идей и организаторской неуемности. Россель в Москве едва ли не довел дело до Конституционного суда. И если бы президент заупрямился, Россель готов был пойти ва-банк и суд выиграть. Но Ельцин все взвесил, посчитал, что в недалеком будущем Екатеринбург ему понадобится, и выборы разрешил.

На этой встрече прозвучала венчающая фраза, подчеркнувшая отсутствие чрезмерного энтузиазма и преувеличенной эмоциональности. Россель встал и только и произнес: "А теперь мы поднимемся и поаплодируем Борису Николаевичу. Президент нас покидает". Зал дисциплинированно встал и так же дисциплинированно, без овационного энтузиазма поприветствовал на прощание президента.

Лица, лица были другими. Люди, составляющие кортеж президента, его интеллектуальную свиту, несколько облагородили провинциально выдохшийся зал. Хорошо смотрелись лица Элины Быстрицкой, Галины Волчек и застывшего во внимательном постижении лицо Эдуарда Сагалаева.

Одновременно в Москве стартовал в президентской гонке Геннадий Зюганов. Пространное сообщение Анатолия Лукьянова о внутренних торгах в блоке было любопытным. Возможных конкурентов развели по разные стороны властного пирога. Всякий предполагаемый партийный претендент в президенты номинально был назван министром, либо вице-премьером, либо председателем правительства. Тулееву пообещали премьерство. Романову - министерство металлургии, а может, вице-премьерство. Стародубцеву - Министерство сельского хозяйства. Бабурину - пост министра по делам национальностей. Министр культуры получился сразу о двух головах: посмотришь сверху Говорухин, посмотришь снизу - Губенко. Лукьянов пообещал в ближайшее время познакомить партию с полным составом Совета министров.

Бесспорно, ход с объявлением списочного состава правительства, с которым оппозиция выходит на выборы, ход разумный. На престиж опорного кандидата в президенты должен работать суммарный авторитет людей известных, примелькавшихся, запомнившихся скандалами и противостоянием в октябре 1993 года. Выдвижение единого кандидата, однако, не означает отказ договаривающихся сторон от выдвижения своих фигур. Их наличие в общефедеральном списке будет определяться прежде всего миллионной нормой подписей, гарантирующих присутствие в этом списке. Это тоже не глупый ход. Каждый кандидат, согласно Закону о выборах, получает 14 миллиардов рублей из бюджета на предвыборную кампанию. Это роскошный подарок налогоплательщиков, не имеющий разумного обоснования.

Назовем тактику традиционной оппозиции прокоммунистического толка разной тональности "тактикой складывающегося веера", который по мере приближения к финишной прямой собирается в жесткую стержневую конструкцию, обладающую поражающими возможностями стрелы.

Мне кажется, что президентский штаб на эту тактику оппозиции отреагировал слишком прямолинейно, сузив политический маневр до минимума. Это, скорее, не тактика политической борьбы, а вариации политической ревности. Ельцинская команда, наблюдавшая думские выборы 93-го и 95-го годов, обескуражена скандальностью и несговорчивостью демократических сил, которые после всякого значительного и незначительного шага Ельцина, продиктованного философией властвующего президентства, спешит к барьеру, чтобы вызвать Ельцина на дуэль. Все это выглядело достаточно опереточно, но почти всегда скандально. Так демократы освобождались от нервных перегрузок, связанных с ответственностью за всевозможные практические действия власти, которую они еще вчера рьяно поддерживали. Напуганное этой мгновенно созревающей

оппозиционностью демократов, президентское окружение избирает некий усредненный вариант - не центристский, ибо центризм блока "Наш дом Россия" был неизмеримо более демократичен, а точнее, терпим к демократическим течениям. Аналитики жесткой "припрезидентской" группы сделали свой просчет предвыборной тактики Черномырдина как тактики неудачной, зараженной ненужной паллиативностью. Скоротечным подтверждением тому стала игра вокруг отставки Чубайса и последующие заявления президента по этому поводу: "Если бы Черномырдин освободился от Чубайса раньше, ему была бы гарантирована поддержка не десяти, а по меньшей мере двадцати процентов избирателей".

А чуть позже кизлярский террористический акт чеченцев, а затем бой у поселка Красноармейский. Приказ президента - штурмовать. Это можно назвать тактикой от противного. Черномырдин, затеявший переговоры с Басаевым в Буденновске, сделал ошибку. Мы будем действовать иначе.

Черномырдин за месяц до выборов в личной беседе говорил мне: "Я знаю, что многие желают отставки Чубайса. Дуют мне в уши - освободите. Убеждают, что с уходом Чубайса счет грехов исполнительной власти уменьшится. Но я не могу и не хочу этого делать. Чубайс, бесспорно, один из самых талантливых членов правительства. Это уже совсем другой Чубайс, прибавляющий не по дням, а по часам. Посмотрите, он съездил к шахтерам - и к нему изменилось отношение угольщиков. Он умеет защищать позицию правительства, убеждать и находить выход в критических ситуациях. Стабилизация рубля - это в громадной мере его заслуга. И потом, оттолкнуть сейчас Чубайса, это практически предать его".

Спустя полтора месяца президент, побуждаемый своим жестким окружением, дает прямо противоположную оценку действиям Чубайса. Я знал другого Ельцина. Когда в 93-м Чубайс, вызванный на Верховный Совет для очередной экзекуции, позвонил президенту и поделился своим беспокойством по поводу атмосферы ненавистничества, царящей в зале, он как бы спрашивал разрешения контратаковать, но хотел еще раз убедиться, почувствовать, что президент не сдаст его, не принесет в жертву.

Мы меняемся, меняются наши воззрения, ощущения, пристрастия. И привычная монета жизни переворачивается в воздухе, обращаясь к нам то "орлом", то "решкой", то обожанием и любовью, то неприязнью к одному и тому же человеку. И все это случается на протяжении года и даже месяца.

Надломленное, измученное, сумасшедшее время.

Принято считать, что истина всегда посередине. Это не так. Истина внутри любого процесса. Истина - в чреве обстоятельств. Если коммунисты наступают россыпью, мы разыгрываем альтернативный вариант с первых минут движения. Одной колонной, полагая, что ее мощь сама по себе - факт объединяющий. Мы заявляем публично: альтернативы Ельцину нет. Остается разобраться, кто такие мы? Ельцину нет альтернативы в пределах нас? А если это так, то сколько нас? И в состоянии ли мы своей безальтернативностью обеспечить пространство поля победы?

23 февраля 1996 года.

Радио "Свобода" в лице Марка Дейча, главы Московского бюро, приглашает узкий круг политиков и интеллигенции на презентацию библиотеки "Всемирная литературная коллекция" в 200 томах. Стоимость одного тома в пределах 200-300 долларов. Во вступительном слове - ничего о содержании, кроме утверждения: из лучших - самое лучшее. Все остальное - об экологической чистоте книги: переплет кожаный, бумага рисовая, набор серебром, тиснение чистым золотом. Листаешь книгу и понимаешь, что такое ручной набор. Красиво, изысканно, безумно дорого.

Впрочем, дело не в коллекции. В зале писатели, кандидаты в президенты, опальные политики, политики действующие. Место званого ужина - Дубовый зал Дома литераторов. За соседним столиком Михаил Горбачев с Раисой Максимовной.

ДЕСЯТЬ МИНУТ С ГРИГОРИЕМ ЯВЛИНСКИМ

Явлинский увидел меня. Его лицо приобрело загадочно-заинтересованное выражение. Музыка играет приглушенно. Но все равно мешает разговору. Мы наклоняемся друг к другу.

- Ты своей книгой1 меня подсадил, - говорит Явлинский, - откуда ты взял, что я собираюсь уезжать? Но я выкрутился и на тебя не обижаюсь.

- В книге не сказано, что ты собираешься уезжать. "Страдает от невостребованности своего "я". Рассматривает предстоящие выборы как последний шанс. В случае неудачи не исключает своего отъезда за границу".

- Это одно и то же: собирается и не исключает. Но не будем спорить. Я все равно к тебе отношусь с теплотой. Хотя ты сказал о Нем, что он единственный реальный кандидат.

- Не единственный кандидат, - уточнил я, - а единственный, кто в настоящий момент имеет шанс независимо от причин: любви, безысходности, выбора между плохим и скверным - неважно, сплотить разрозненные либерально-демократические силы и привести их в конце концов под свои знамена.

- Ты не умеешь считать. Помогите мне, и я материализую этот шанс. Реально я единственный, нравится вам это или не нравится, демократически весомый кандидат. Ты не согласен? Надо же уметь считать. Мы можем победить. Можем! Я открыт к объединению. Скажите с кем? Я ввязался в эту борьбу ради одного - немыслимо отдать власть коммунистам. Мы завязнем на следующие 50-75 лет. И это произойдет. Он же должен уметь считать. Какими социологическими опросами он пользуется? Кто их делает? Провинция не приемлет Ельцина. А Россия на 70% провинция.

- Но есть и другой счет. Количество нежелающих видеть президентом Зюганова на 10% больше тех, кто не желает видеть на этом посту Ельцина.

- Ну и что? Определяя достаток пищи, считают живущих, а не умерших. Зачем его команда противостоит мне, мешает? Это же безумие. Неужели он не понимает, нужен еще один кандидат, с которым бы я мог объединиться. Не какая-нибудь шавка, а человек, имеющий авторитет.

- В твоих словах много разумного. Трудно избавиться от абсолютизации своего "я". Ты тоже страдаешь этим недугом. Вспомним твои слова: "Почему я должен с кем-то объединяться? Пусть Гайдар объединяется со мной без всяких драконовских условий".

- Это как считать: Гайдар - не баллон с воздухом, который помогает удержать корабль на плаву, а груз на ногах, который с пакетом его макроэкономических проколов утащит меня на дно.

- Но свои 4% он собрал. Разве они тебе помешали бы?

- А кто просчитал, сколько процентов из моих традиционных избирателей я бы потерял в результате этого союза: 1-2-5? Простая арифметика: 6,5% Явлинский, 3,5% - Гайдар - здесь неуместна. Россия - непредсказуемая страна.

Прервем наш разговор и порассуждаем.

Выборы всегда риск. И идти на них без запаса прочности, без резервного варианта нельзя. Ревность - субстанция чувств, эмоций, а не разума. Представим себе гипотетическую ситуацию: где-то в мае или апреле Ельцин заболевает. Нет, не катастрофически. Просто недомогание выбивает президента из колеи. Вспомните, как потерял сознание Буш во время поездки в Японию. Уже через несколько дней президента Америки все телекомпании мира показывали, как всегда, бегущего в спортивном костюме в сопровождении кортежа охраны. Но оптимистичные американцы не простили Бушу этого обморока. И даже операция "Буря в пустыне", вознесшая авторитет Буша до небес, принесшая ему невиданную популярность (70%), была смикширована и погашена этим внезапным обмороком.

В этом смысле против Ельцина борются не его прошлые недуги, а истории болезней одряхлевших предшественников: Брежнева, Андропова, Черненко. Более здоровый, хотя ныне бесперспективный, Горбачев только усиливает эту ельцинскую схожесть с ними. Рыжкова на выборах 1991 года лишил шансов его предвыборный инфаркт.

Неразумно запугивать себя излишним трагизмом. Президент почти освоил американскую манеру. На встрече с руководителями СМИ, случившейся неделей раньше, президент был в хорошей форме и без обиняков заявил, что в своей победе уверен, она случится непременно, причем в первом туре. Насколько это соответствует социологическим

опросам, президента как бы не интересовало. Принцип единственно верный и крайне ситуационный. Слишком много сомнений, они должны натолкнуться на уверенность президента. И все-таки осознанное отсутствие страховки вселяет беспокойство. Практически любой сбой, ухудшение самочувствия, недолгая болезнь, это, помимо потери темпа, который задал президент с первых дней своей кампании, еще и растерянность - и тотчас разброд в стане сторонников, если некому подхватить знамя. Ельцин обречен подчеркивать свое хорошее физическое самочувствие. Подтверждением тому является легкость, с какой президент прошел к трибуне, чтобы произнести свое послание Федеральному Собранию.

Запомним этот день.

23 февраля 1996 года, 11 часов, Кремль. Частность, которая была зафиксирована всеми телевизионными камерами мира. Разница в возрасте главных конкурентов 14-15 лет. По сложившимся нормам, 65 лет - возраст, почитаемый на политическом Олимпе: помимо профессионализма, он предполагает государственную мудрость, которая дается с годами. Это и компенсирует подвижность и энергичность более молодых конкурентов.

Итак, предвыборная тактика Бориса Ельцина исключает фигуру № 2. Назовем эту ситуацию "синдромом Руцкого". Идея Гайдара побудить Черномырдина сделать этот шаг успеха не имела. Возможно, Черномырдин пропускает свой звездный час - так кажется нервическим демократам. Но давайте задумаемся, реальна ли в этих условиях какая-либо иная позиция Черномырдина, кроме отказа.

Во-первых, смысл спаренного движения - когда твой партнер нарабатывает свой политический капитал в другом электорате, а значит, в будущем играет на прибавление голосов главному конкуренту. В случае с Черномырдиным такая ситуация невозможна, ибо и Ельцин, и Черномырдин будут собирать урожай на одном избирательном поле.

Во-вторых, и тот, и другой обречены пользоваться теми же самыми приводными ремнями, имя которым - губернаторский корпус. И появление двух подобных фигур в качестве претендентов на президентский пост поставит чиновничий мир, который был опорой предвыборных думских баталий НДР, в крайне трудное, если не сказать безвыходное, положение. Аппарат, будем откровенными, оказался малоэффективным политическим домкратом и не поднял Черномырдина на вершину. Чуда не случилось. Как выяснилось, власть управляет членами семей чиновников и небольшой частью их друзей плюс армия. Вот и весь электорат. Достаточный, чтобы быть замеченным, но крайне малый, чтобы эффективно управлять страной. Как мы уже говорили, в этой ситуации "блестящим" можно было бы назвать результат в 14%. Получили 9,8%. Не разгром, но проигрыш двум главным конкурентам - коммунистам и ЛДПР. Следовательно, Черномырдин не может быть спарринг-партнером Ельцина. Поэтому повторим замечательную фразу О.Генри: "Боливар не выдержит двоих".

Крайне примечательна встреча, которая состоялась с президентом 20 февраля 1996 года. Присутствовали редакторы главных изданий. О самой встрече мы еще поговорим, она нестандартна. Но сейчас повторим лишь один из ответов, который дал президент относительно своих отношений с В.С.Черномырдиным. Президент сказал, что отношения с премьером у него хорошие, разногласий у них по существу нет. И на уточняющий вопрос, намерен ли он поддерживать Черномырдина, Ельцин дал исчерпывающий по лаконизму и хитрости ответ: "Сколько смогу, столько буду поддерживать".

Формула поддержки присутствующим на встрече редакторам показалась нестандартной и немедленно получила настроенческие толкования - слухи о возможной отставке премьера возникают периодически. Длительный дрейф первого вице-премьера Олега Сосковца в непосредственной близости к президенту делают эти предположения отнюдь не надуманными. Скорее всего, президент выбирает время, когда сделать этот маневр. В этом случае вопрос, когда это отстранение произойдет, если произойдет, уже не выглядит столь наивным.

Допустим, Ельцин видит в Черномырдине соперника, конкурента. Будет правильнее сказать, что эта мысль ему неустанно внушается ближайшим окружением и семьей.

Отслеживается количество видеоматериалов, в которых фигурирует Черномырдин, количество и содержание статей, тщательно и негласно инспектируется "альма-матер" Черномырдина - "Газпром". Противники премьера прощупывают уязвимые точки. Политологи называют апрель месяцем возможной отставки премьера. В этом предположении есть своя логика. До апреля, в случае внезапной отставки, Черномырдин внезапно может стать контрфигурой на президентских выборах. И недостающие голоса ему непременно добавит роль несправедливо обиженного. Значит, надо переждать, исключить эту возможность "восстать из пепла". И здесь вопрос обретает внезапную остроту. Кто? В качестве "кронпринца" выступает Олег Сосковец. Вряд ли он делает это сам - Сосковца ведут. Хотя, и это трудно скрыть, он внутренне нацелен на премьерство.

Итак, Борис Ельцин вышел на поле боя один. Это нельзя было назвать даже тактикой. Таково личное желание президента. С этой минуты вся команда подстраивается под это желание. Увы, рядом стоящие боятся даже заикнуться, произнести слово "дублер" или "спарринг-партнер". Подобная мысль считается кощунственной и изгоняется из лексики сторонников. При всей уязвимости эта тактика правомерна. Если вы договорились, что никаких "но" - выдвигаем только Ельцина. В этом случае, говоря словами Кисы Воробьянинова, "торг здесь неуместен!".

Состоявшийся Президентский совет - структура бутафорская, должная только подчеркивать демократичность президента, его стиль: предварять важнейшие решения чередой консультаций. Президентский совет, истощившийся интеллектуальный колодец, который уже давно надо заполнять водой, а не черпать из него, потому как черпать нечего. Номинально совет интеллектуальная среда спонтанных желаний президента, свидетельствующая, что наш президент интеллигенции не чужд. Два человека - Даниил Гранин и Марк Захаров - "последние из могикан". И не понять, что они там демонстрируют - верность президенту или усталость и неохоту к перемене мест.

Удивительная бестолковость: Президентский совет, который рекомендовал президенту обязательно выдвинуть свою кандидатуру на второй срок, взахлеб хором и единодушно превозносил заслуги Ельцина в минувшее пятилетие, фактически выполнил роль коллективного психотерапевта. Однако, оставшись наедине, и растекаясь маленькими группками по кремлевским коридорам, члены совета погружались в сомнения, рассуждали о малоэффективности нынешнего президента, о непонятности его окружения и о нелепости и смехотворности самого Президентского совета, исполняющего функцию сочувствующего сказочника.

ЗЕРКАЛО ПРЕДЧУВСТВИЙ

Вынужденный отход от политики или какого-либо рода деятельности, ставшего твоей сутью, будь то отставка добровольная или грубое и хамское отстранение, воспринимается болезненно и еще долго надрывает душу. Вспоминаются не обиды, нет, а незавершенные либо удачно начатые дела, рухнувшие в одночасье, лишившись опоры, поводыря, потому как тем и другим очень часто остается творец идеи, а значит, ты сам. Вспоминаются люди, вовлеченные в это дело, ставшие твоими единомышленниками, для которых решающим было не денежное довольствие, а смысл, образ идеи, твое имя. Тебе верили, на тебя, твой голос, твой зов пошли, как ходят в театр на Смоктуновского, Евстигнеева, Образцову. Ты никого не предал, не обманул, но так получилось. Для кого-то из них, незнакомых и знакомых тебе людей, ты навсегда перечеркнул их надежду. Собственно, вот что терзает душу, а не утрата начальственного места.

5 февраля 1996 года, четверг, 10 часов утра.

Заседание правительства ведет Олег Сосковец. Мы сидим вместе с Валентином Лазуткиным. Я по привычке устраиваюсь где-то сзади, чтобы в нужный момент незаметно улизнуть. Это не всегда удается, но... Отношения с первым вице-премьером у меня не сложились. Собственно, эту тему мы и обсуждали с Лазуткиным вполголоса, ожидая начала заседания правительства. Лазуткин успокаивал меня, говорил, что мой пессимизм не оправдан, с Сосковцом можно найти общий язык. "Тем более, - говорил Лазуткин, сжимая

мою руку, - ты же понимаешь..."

Я понимаю. Лазуткин имел в виду близость Сосковца к президенту. И тот факт, что именно Сосковец был поставлен во главе предвыборного ельцинского штаба, укреплял всех в мысли, что он на сегодняшний день влиятельнее Черномырдина.

Заседание правительства началось с вопросов, связанных с проблемами сельского хозяйства. Неожиданно Сосковец заметил, что наша сельхозпродукция не находит сбыта, а Российское телевидение рекламирует низкопробный зарубежный товар. Сосковец сделал паузу, а затем добавил: "И ОРТ тоже". Мы переглянулись, затем я наклонился к Лазуткину и сказал:

- Именно в этот момент президент в Екатеринбурге говорит что-то скверное о Российском телевидении. Реплика Сосковца - не случайность, дорогой Валентин Валентинович.

Я даже не знаю, почему я это сказал. Скорее всего, по интуиции.

- Да брось ты, - отмахнулся Лазуткин, - с какой стати президенту делать на тебя накат?!

Как только закончилось обсуждение первого вопроса повестки, ко мне подошел один из телеоператоров и сказал, что меня разыскивает Александр Нехорошев, руководитель нашей информационной службы; он уже дважды звонил из компании. Я тотчас связался с ним. Саша пересказал мне суть выступления президента перед журналистами. И почти дословно критику Ельцина в мой адрес. Мое предчувствие не подвело меня. Внутренне я был готов к такому финалу. То, что это финал, я не сомневался.

Самое интересное, что накануне мне передали распоряжение президента, из которого следовало, что я включен в состав правительственной комиссии по Чечне. Комиссия заседала через час, и я, естественно, пошел на это заседание.

Все случилось 15 февраля. Черномырдин ничего не знал. Всю операцию от начала до конца - провел Олег Сосковец. Указ о моей отставке был датирован 14-м числом. Я позвонил в компанию и попросил собрать пресс-конференцию. Моя отставка ничем не объяснялась, формулировка была лаконичной: "Освободить Олега Попцова". И столь же лаконичным был второй пункт указа: "Назначить Эдуарда Сагалаева".

Спустя день Валентин Лазуткин дал довольно резкое интервью по поводу моей отставки. Лазуткин был высокоранговым чиновником, и этот поступок его отношений с властью не улучшал. Ко мне заглянул Александр Нехорошев, спросил, что делать с интервью Лазуткина, оно довольно острое. Давать в эфир или нет?

Я пожал плечами.

- Посоветуйтесь с Лазуткиным, это его интервью.

Вечером интервью появилось в "Вестях". Лазуткин показал характер.

- Ну как? - спросил меня Нехорошев после эфира.

- По-моему, достойно, - ответил я. - Валь Валич не скурвился.

Меня отстранили за "чернуху". Ельцин так и сказал в Екатеринбурге: "Попцов гонит чернуху". И он, Ельцин, меня предупреждал, а я, Попцов, к его словам не прислушался. И на телевизионном экране вновь появилась "чернуха". "Чернухой" власть называет реальную жизнь, состояние которой является постоянным упреком малоэффективному и неумному управлению страной. Ну что же, когда тебя увольняют за то, что ты отказываешься обманывать сограждан, это не самый плохой финал. Беда любой власти, и власти ельцинского образца в том числе, что она не выдерживает испытания правдой. Власть до удивления упряма в своем восприятии действий средств массовой информации. Каковы же составляющие этого упрямства?

- Неправду, как таковую, рождают журналисты. На самом деле жизнь более благоприятна, нежели ее пытаются изобразить.

- Редакторы побуждают журналистов выискивать негативный материал. Критикуя власть, они самоутверждаются профессионально и политически.

- Журналисты продажны.

На этот счет у власти нет сомнений. Скорее всего, не признавая этого вслух, власть

руководствуется личным опытом. Поэтому любой неприятный для власти материал она непременно метит как заказной.

А еще наш президент любит употреблять слово "вранье". Лицо президента становится хмуро-недовольным. И чередуя слова долгими паузами, он не произносит, а выговаривает свое осуждение: "Неужели непонятно. Не надо вра-нь-я!"

Отчего же, более чем понятно, господин президент.

Это трудно, очень трудно, но власть всегда приходится убеждать, что самой извращенной и разрушительной формой лжи является не напечатанный текст или телевизионный сюжет, толкующие в маловыгодном для власти виде ту или иную ситуацию, а молчание по поводу событий, замеченных обществом; тревожных процессов, разрушающих политику реформ, а вместе с ней и авторитет власти. Если вы отворачиваетесь от событий или делаете вид, что их нет, вы лжете. Ничего не изменилось с доисторических времен. Гонца, принесшего дурную весть, король велел казнить. И нам всегда будут напоминать: существует правда жизни и правда власти. Мы живем в демократическом обществе, и ты свободен выбрать свой крест.

А накануне президент улетел в Свердловск. Гром грянул практически неделей раньше. Если быть честным, он не переставал грохотать с 1990 года. В разных залах - от съездовских до концертных, в разных высоких кабинетах: на Старой площади, в Белом доме, в Кремле. Шел многосерийный спектакль под условным названием "Низвержение Попцова". Зритель, слушатель, читатель подустал. "Карфаген должен быть разрушен" - ключевая фраза, олицетворяющая мстительность политического аппарата.

Не хочу возвращаться к истокам моих отношений с Борисом Николаевичем Ельциным, однако замечу: они были искренними, но подчеркнуто корректными. Я чувствовал, что мое поведение несколько озадачивает Ельцина, не вписывается в уже наработанные им стереотипы поведения редакторов газет, издателей, с которыми он общался как крупный партийный лидер.

Ничего недоброжелательного с его стороны до 1993 года я не ощущал, обычное недопонимание, которое возможно было разъяснить при встрече. Что я и делал с разной степенью успешности как для президента, так и для самого себя. В целом, я, как правило, был занят делами компании, хотя не скрою, что много сил уходило на вечное противостояние с властью, претендующей на подавление независимых журналистских суждений с извечным желанием вмешаться, подкорректировать информационные потоки. Я, естественно, этого делать не позволял, и потому был, возможно, и уважаем, но в большей степени нелюбим властью. Мой первый заместитель Анатолий Лысенко постоянно укорял меня за то, что я слишком много занимаюсь политикой. На что я ему однажды раздраженно ответил: "Я разбираюсь в политике, я ею интересуюсь. Но в гораздо большей степени она мне осточертела. И не я занимаюсь политикой, это политика занимается мною, а значит, и тобою, и компанией. И если ей не давать ответ по зубам, она нас сожрет. А чтобы не доходить до мордобоя, на этих политических фантомов приходится тратить половину своей жизни, чтобы твоя жизнь и жизнь компании оставались в целости и сохранности". По мере неуспешности реформ давление на меня лиц, которых нельзя было не замечать и на вопросы которых следовало отвечать, становилось все более весомым. Так получилось, что команда, оппонирующая власти, постепенно спускалась с политического Олимпа, затем покинула коридоры аналитических и социологических центров, перестала вещать голосами сверхважных и сверхзначимых экспертов, а попросту выплеснулась на улицы. Пока оппонентами власти были те или иные оппозиционные силы, будь то Жириновский, Зюганов, Лебедь, Ампилов, Макашов или кто-нибудь другой, правомерно было маневрировать и пусть с оговорками, но отстаивать интересы президента. Государственное телевидение России всегда имело право сказать - мы защищаем не высшую власть как персону, мы защищаем Конституцию. А президент, плох он или хорош, ее гарант. И тут нет никакого противоречия между твоими правами и твоими обязанностями. Но с того момента, когда в оппозицию власти уходит подавляющее большинство общества, ты должен, ты обязан ответить на

главный вопрос. Жизнь государства - это не жизнь власти, а жизнь общества. И государственные телевидение и радио это не часть власти, как и поныне считают некоторые вожди, а составляющая общества, его голос. Вы спросите: почему? А потому, что власть не имеет права быть в оппозиции ко всей стране. Российское телевидение и радио, сопутствуя этому процессу, высказывало нелицеприятные для реформаторов суждения. Государственное телевидение, да и не только государственное, под напором жизни стало продуцировать отрицательные эмоции, постигать причины массовой неблагополучности в стране. В одной из полемик по этому поводу с членами правительства (кто-то из вице-премьеров в очередной раз был недоволен вечерним выпуском "Вестей", кажется Каданников) я вспылил:

- Разница между правительством и тележурналистами состоит в том, что, когда вы подходите к окну, вы видите зеркало, а мы - улицу. И поэтому у нас разное восприятие.

- Ну, ты это брось, - вмешался Черномырдин. - Что, вы лучше всех знаете жизнь?

- Не лучше. Мы просто к ней ближе.

Диалектический тезис о единстве и борьбе противоположностей перестал устраивать власть.

Пятнадцатого числа, выступая перед средствами массовой информации в Екатеринбурге, президент уже не в первый раз обрушился на Российское телевидение, обвинив компанию в предвзятом взгляде на реформу и на основы государственности России. Все это он назвал привычным для обкомовской лексики Ельцина словом "чернуха". Президент прибыл на родину и с максимальной долей раскованности выплеснулся перед согражданами, желая повторить "хорошего" Ельцина, строгого и справедливого. Выступая перед журналистами, президент построил свою речь в виде вопросов самому себе и одновременно аудитории: "Попцов гонит чернуху, не выполняет президентские указания. Что я должен сделать? Снять Попцова?!" Трудно сказать, как реагировал зал. Я там не был. Возможно, слова президента потонули в буре оваций, возможно, были встречены молчанием.

Другое важно. Конфликт, случившийся тремя днями раньше, в пятницу. Президент встречался с главами регионов. На этой встрече глава кемеровской администрации Кислюк, поддакивая президенту, вдруг заговорил о неуважительной манере, в которой президент показывается на Российском телевидении. Реакция была мгновенной, из чего было ясно, что спектакль был отрепетирован клевретами. "Нет проблем, снимем", - отрезал президент и дал поручение Виктору Илюшину подготовить проект указа. Сколько их было, этих указов относительно Попцова? Четыре, пять, шесть? С исходящими номерами и без них...

Как рассказал мне Эдуард Сагалаев, назначенный новым председателем ВГТРК, Олег Сосковец, характеризуя ситуацию, заметил, что вопрос о Попцове возник не сегодня и не вчера. Он поднимался и 21 сентября 1993 года, сразу после известного указа президента за номером 1400 о роспуске парламента. Указ готовился в строгой тайне. Возможно, впервые этот замысел удался. Я, достаточно информированный человек, об этом ничего не знал. Предстоял мой доклад на сессии Европейского вещательного союза в Вене, и было принято решение, что я улетаю на три дня. Когда прилетел в Вену и вошел в гостиничный номер, тут же раздался телефонный звонок нашего корреспондента в Германии Славы Мостового, который мне сообщил, что часом раньше, когда мы еще были в самолете, президент огласил свой знаменитый указ о роспуске парламента. Я тотчас дал команду, чтобы мне немедленно зарезервировали билет на самолет в Москву. Рано утром я улетел. Доклад, разумеется, не состоялся. Я отсутствовал в Москве чуть больше 12 часов. Но за это время многое случилось, то, что заставило меня более трезво взглянуть на президентское окружение. Как, впрочем, и на своих непосредственных помощников по компании. Вообще, начиная с сентября 1993 года, когда я вернулся из Австрии и узнал, как был истолкован мой телефонный разговор с Анатолием Лысенко, от которого я узнал все подробности президентского указа № 1400. Помнится, тогда я задал Лысенко один вопрос: "С какого момента начинается действие указа?" "С двадцати часов, - ответил Лысенко. - В восемнадцать у нас "Парламентский час". - "Ну что ж, - сказал я, - давай пропустим в эфир "Парламентский час", а с 20 часов какие-либо выступления распущенных парламентариев должны быть прекращены. Я думаю, это будет и

законно, и логично". Лысенко стал ворчать: "Зачем?" - "Потому что мы не только государственное, но и демократическое телевидение", - ответил я. Почему я настаивал на таком решении? Да никакого особого решения-то не было. А было точное соблюдение указа. Я понимал, что указ не безупречен. Я поддерживал действия Ельцина и, как его сторонник, страшно переживал, когда он совершал ошибки. Будучи членом парламента и очень хорошо зная Руслана Хасбулатова, я мог предположить ответные действия парламентариев. Как я потом понял, Лысенко не стал выполнять мое решение, и парламентская передача с эфира была снята. По существу, это можно считать мелочью, если бы на следующий день Владимир Шумейко (в ту пору первый вице-премьер) не обвинил меня в нелояльности президенту, сославшись на мое якобы указание заместителям поддерживать Хасбулатова. Нелепость обвинения была настолько очевидной, что я рассмеялся.

- Напрасно смеешься, - сказал зло Шумейко, - ты не один руководишь компанией. Мы столь же успешно можем решать все вопросы и с Анатолием Григорьевичем Лысенко.

Мне рассказывал впоследствии Михаил Полторанин:

- Тот телефонный разговор взволновал Лысенко, и он решил посоветоваться с Александром Коржаковым. Я был в Останкино у Брагина. Вдруг раздался звонок Коржакова. Он попросил меня подготовить проект указа о твоем снятии.

- И что ты ответил ему? - спросил я.

Полторанин лукаво хихикнул:

- "Саша, вы там все с ума посходили". - Потом помолчал и вдруг спросил: - А что, ты специально улетел в Австрию, чтобы в момент этих событий не быть в Москве?

- Ну конечно, продуманно, специально. Потому и вернулся через 12 часов.

- Точно, - сказал Полторанин и, ткнув меня кулаком в бок, рассмеялся.

По этому поводу у нас не было никаких особых объяснений с моими замами. Два-три малозначительных возмущения с моей стороны, вот и все. Это был мне урок. Команда - это не сумма подчиненных, профессиональных и исполнительных. Команду делает командой только единомыслие. И Лысенко я понимаю. В тот момент ему пришлось оказаться один на один с властью. Обычно в этой роли выступал я. Он избрал более простой путь. Он сказал власти, что не согласен с мнением Попцова.

Именно в эти дни в компании работала ревизионно-финансовая комиссия, возглавляемая депутатом Верховного Совета Михаилом Астафьевым. Как о нем однажды написали "Московские новости": человек с внешностью пьяного мушкетера. Образ смешной, но не точный. Образ вне психологии. Миша Астафьев человек и коварный, и амбициозный, как большинство людей небольшого роста. А еще Миша политически завистлив. Он зачинатель то ли кадетского, то ли эсеровского движения, сверхмалочисленного и вечно к кому-то примыкающего. Он вызвался работать в комиссии и был ее идеологом. Астафьев был преисполнен желания употребить власть, накопать компромата и снять меня.

- Через две недели, сударь, здесь будет работать уже другой человек, ядовито пообещал он мне, - и никакие действия вашего Ельцина нам не указ. Вы же, уважаемый, назначены Председателем Верховного Совета. Он и проведет отсечение вашей головы. Надеюсь, вы не сомневаетесь, что инициатором ревизионного наезда является Руслан Имранович. Хотите, я вам расскажу, как меня напутствовал Юрий Михайлович Воронин1?

- Нет, не хочу.

- Отчего же, это интересно. Он сказал: "Задача и простая и сложная надо устранить Попцова!"

Трогательная деталь - Верховный Совет, на сторону которого я якобы переметнулся, готовил расправу над Попцовым. Говорят, власть не может всего знать. Не может, но только в том случае, когда она этого не хочет.

Свершилось. Президент учел промах, допущенный им в 1995 году (а указ о моем отстранении имел и такую дату), когда при встрече с Сергеем Адамовичем Ковалевым он проговорился, что подписал указ об отстранении Попцова, якобы искажающего на телеэкране обе точки зрения о событиях в Чечне. Ковалев тут же сообщил об этом

газетчикам, и разразился скандал. Протесты, возмущения. Тогда указ так и не увидел свет. Поднялся коллектив компании. Как будет сказано потом, журналисты отстояли Попцова. Уже в те дни главным человеком, настаивающим на моем отстранении, был Олег Сосковец - первый вице-премьер. И в те тревожные январские дни именно с ним произошла моя стычка на заседании правительства. У людей во власти удивительная философия. Они, хотя и мучимы неприязнью по отношению к журналистам, писателям, актерам, ученым, эту власть критикующим, но скрепя сердце готовы выстраивать с ними отношения, улыбаться им на всевозможных приемах, короче, терпеть. Но стоит истинному профессионалу занять соответствующую высокую должность, как власть не желает ценить его профессиональное достоинство, пользуется правом наорать, унизить, наказать страхом. Власть убеждена, что человек, занявший хотя бы на час высокое кресло, уже навечно поражен вирусом "обширной дозволенности", которую дарует это кресло, и будет страшиться своего отстранения.

Штурмуя властную вершину, лидер ориентируется на сильные стороны соратников. Достигнув ее, он просит ближайшее окружение изучать слабости своих сподвижников. Те, кто не держится за власть, ее (власть) раздражают в максимальной степени. Власть не терпит независимости.

Итак, я предан анафеме, отстранен от должности за "очернение действительности". До удивительности терминология советского агитпропа. Правда, раньше мне ставилось в вину "очернение социалистической действительности".

Моя отставка с поста председателя Российского телевидения имела несколько причин - объективных и субъективных.

Первая - смысловая. Ельцин 91-го года и Ельцин 96-го - это два разных Ельцина. Для Ельцина 91-го года понятие "президентское телевидение" попросту не существовало, и, несмотря на немыслимое давление, президент оставался верен принципу конструктивного диалога с подавляющим большинством СМИ. Благо в 91-м году он выиграл их симпатии без боя. Команду Ельцина 96-го года просто "президентское" радио и телевидение уже не устраивает. И то и другое должно быть "пропрезидентским". И Ельцин с этим согласен. "Кто не с нами, тот против нас".

Причина вторая. Эдуард Сагалаев на единственной встрече с коллективом сказал: "Президент поставил задачу - сделать народное телевидение". Слово-то какое свежее - "народное". Ох уж эти посланцы президентов, "воплотители" их воли. И тем не менее уточнение о народности - уточнение любопытное, оно потребует от нас более пристального внимания. Существует расхожая фраза, она произносится очень часто во властных кабинетах: "Общество устало от политики". И действительно устало. От бессмысленной, неперспективной политики, которую проводит власть. Естественно, власть, которая не смогла бы стать властью в аполитичном обществе, всегда утверждает обратное, требуя своего вдумчивого и энергичного образа на телевизионных экранах и в радиоэфире. Мелькание власти любого калибра (президентской, законодательной, правительственной) никак не расслабляло нацию, не уводило ее на дорогу зрелищ. Это властное присутствие, или, иначе, сотворение мифа, выглядело по-разному: разъяснение реформ, чем, скажем, в течение двух лет в прямом эфире занимался Анатолий Чубайс, регулярно рассказывая, что удалось сделать за эти пять лет на отдельном заводе, в отдельной школе, ферме, акционерном обществе, в строительстве, торговле и т.д. Общего фона реформ не было, да и не могло быть. Приходилось заниматься мозаикой. Вне общей картины находить осколки разноцветного стекла, вмуровывать их в пласт жизни, чтобы хотя бы зафиксировать образ, намек на цвет.

А вся остальная жизнь, не поддавшаяся реформам, а точнее, разрушенная ими, то есть "чернуха", продолжала существовать. И она была жизнью большинства. Политика не принесла облегчения обществу. Не вообще политика, а политика определенных личностей. Они могут быть главами правительств, заместителями этих глав, королями, президентами. Во всех случаях олицетворение высшей власти. И тогда возникает вопрос: что делать? Самое любопытное, что у власти не возникает вопроса, что делать с властью. Ответ очевиден - не отдавать. Вопрос в ином. Что делать с политикой? И ответ естественно, политику следует

изменить. Но как? Люди, призванные под знамена одной политики, другую делать не умеют. Значит, надо изменить толкование, показ этой политики.

Президент принял решение избираться на второй срок. Объявляя в день своего выдвижения об отстранении Олега Попцова, президент дал понять - с этого момента мне нужны не осмысление, не независимый анализ, а послушание всестороннее и полное, мне нужно второе ОРТ, практически превращенное Борисом Березовским в механизм, выполняющий любую прихоть исполнительной власти. Прихоть самоубийственная, рожденная холуйством ближайшего окружения. Она погубит Бориса Ельцина если не на выборах, то после них неминуемо.

ТРИ ВЕЩИХ КОРОЛЕВСКИХ СНА

(Сказочный вариант)

Совпадения с другими сказочными и не сказочными ситуациями считать чисто случайными.

СОН ПЕРВЫЙ

Проснулись Его Величество. Потянулись Его Величество. Чай в постель попросили. Выпили чаю, взбодрились отчасти. Главного чтеца в свои покои просят. Явился Чтец.

- Газету принес? - спрашивает король.

- Непременно, Ваше Величество, самую наисвежайшую.

- Читай, что в моем королевстве происходит.

- Вулканы извергаются, Ваше Величество. Дома горят. Моря из берегов вышли. Солнце поля зноем выжгло. Чиновники взятки берут. Стражи бесчинствуют. Землекопы землю отказываются копать. Углекопы - уголь добывать. Извозчики у телег и экипажей колеса поснимали, стоят. Народ бедствует: на улицы высыпал, во взвинченности и нервозности пребывает. Дети в беспризорности. Родители в безденежье...

- Что замолчал? Что там еще написано?

- Все, Ваше Величество.

- Безобразие, - говорит Его Величество, - я же предупреждал. Народ в моем государстве впечатлительный. Начитается всякой чернухи и клеветничества и немедленно на улицу чувства проявлять бежит. Скажи мне, Чтец, ты в безденежье? Бедствуешь?

- Никак нет, Ваше Величество.

- А твои родители голодают?

- Никак нет, Ваше Величество. Вашей милостью в сытости и здоровье пребывают.

- Вот видишь. А моя страна, а Главный казначей, а Верховный внушитель, а министры? Их всех до десяти тысяч наберется. Я свой народ берегу. Это даже в заморских странах известно. Ну, Чтец, что делать будем? Как мне, королю, свой народ успокоить?

- Сочинителей, Ваше Величество, много развелось. Вот беда. Каждый на свой манер жизнь искажает.

- Правильно. А я ведь предупреждал Главного управителя словесного любить свой народ надо. Верховного писаря ко мне!

- Я здесь, Ваше Величество.

- Пиши мой следующий указ. Управителя словесностью постричь в монахи. Сочинителей - на галеры. Все газеты закрыть, оставить одну. Назвать ее "Доброе утро запятая Ваше Величество". Для достижения общей благополучности в моем королевстве чтение запретить, заменить слушанием.

СОН ВТОРОЙ

Просыпаются Его Величество от шума непонятного. Глаза протерли, просят чаю в постель подать. Выпили чаю, Главного чтеца зовут. Явился Чтец.

- Газету принес? - спрашивает Его Величество.

- Принес, - отвечает Чтец.

- Читай.

- В садах благоухание. Урожай немереный. Травы на полях в человеческий рост. Молока столько, Ваше Величество, хоть захлебнись. Землекопы котлован в три версты

глубиной вырыли. Углекопы угольную гору с Эверест вышиной насыпали. Извозчики во все концы королевства со свистом и гиканьем разъезжаются. Казначей работящему люду жалование сверхдостаточное выдает. Королевские стражи в почете, и в каждом доме их хлебом-солью встречают. В храмах столпотворение. Народ молитвою своею короля славит.

- Ну вот, совсем другое дело, - говорит Его Величество. - Я же говорил, жизнь в моем королевстве прекрасна. Ее разглядеть только надо. Ладно, ступай, Чтец. Я тобой доволен. Жалую тебе очки в золотой оправе. Позвать сюда Главного стражника.

- Я здесь, Ваше Величество.

- Очень хорошо, ответствуй своему королю: по какой причине шум за дворцовой оградой?

- Народ волнуется, Ваше Величество, жизнь клянет.

- То есть как клянет?! Он что же, газеты не читает?

- Не читает, Ваше Величество.

- Почему?

- Народ, Ваше Величество, королевский указ выполняет: впредь измышлениям газетным не верить, чтение во всем королевстве запретить.

- А мне говорят - плохой народ. Главного писаря ко мне.

- Я здесь, Ваше Величество.

- Очень хорошо. Пиши: народ, который верен своему королю, плохим быть не может. Записал?

- Так точно, Ваше Величество.

- А теперь повтори.

- Народ, который верен своему королю, плохим быть не может.

- Очень хорошо. Внеси сие изречение в сокровищницу разума. Главного глашатая ко мне.

- Я здесь, Ваше Величество.

- Вот что, любезный. Непорядок в королевстве. Повсеместная благополучность наступила уже давно. Всем хорошо, а народ в неведении. Ступай на площадь и зачитай газету вслух. Мой народ должен знать о себе все. Главного стража ко мне.

- Я здесь, Ваше Величество.

- Как Главный глашатай мою волю исполнит, лишить его всех званий и сослать далеко. Главного писаря с сего дня назначить Верховным глашатаем.

СОН ТРЕТИЙ

Проснулся король, потянулся король. Чувствует жажду невыносимую. Квасу в постель попросил. Испил квасу. Прислушался - тишина тишайшая. Приободрился, немедля королевского Чтеца зовет. Явился Чтец.

- Газету принес? - спрашивает король.

- Принес, Ваше Величество, наисвежайшую.

- Очень хорошо. Читай.

- В Банановом государстве, Ваше Величество, бананы поспели. В Ананасовом государстве ананасов столько, что их девать некуда. В стране Самой Сверхзаморской дорогу на Луну построили. По ней в пролетках и экипажах разъезжают. На самой Луне земли продают, бери сколько хочешь. В стране Карнавальной танцуют и поют с утра до ночи.

- Ты смотри, - говорит король, - живут же люди. А про мое королевство что написано?

- Ничего, Ваше Величество.

- То есть как ничего, а про короля?

- Про короля есть, Ваше Величество.

- Дурак ты, Чтец. Король и есть королевство. Так что там про короля?

- Слава королю!

- Правильно, дальше.

- Королю слава!!

- Очень хорошо. Главного писаря ко мне.

- Я здесь, Ваше Величество.

- Запиши: народ, почитающий своего короля, - вечен. Записал?

- Записал, Ваше Величество.

- Повтори!

- "Народ, почитающий своего короля, - вечен".

- Правильно. Внеси сие изречение в сокровищницу разума. Где Чтец?

- Я здесь, Ваше Величество.

- Что там еще про короля?

- Да здравствует король! Королю слава!

- Еще что?

- Все, Ваше Величество.

- Кто редактор?

- Назначен вашим прежним указом, Ваше Величество.

- А, помню, помню... Кучерявый такой, с усами.

- Он самый, Ваше Величество.

- Прекрасно. За любовь и преданность королю представить к ордену "Здравия" третьей степени. За невнимание к жизни королевства повесить!

- В каком порядке, Ваше Величество? Сначала к ордену, потом повесить? Или...

- На ваше усмотрение, милейший. Можно и наоборот. А почему тишина? Где народ? Где землекопы, где углекопы?

- Народа нет, Ваше Величество, уехал весь.

- Как уехал, куда, почему?

- По причине жизни нерадостной, Ваше Величество.

- Чтец, я зачем тебя вызывал? Гадости королю говорить, чернуху проповедовать? Стража главного ко мне!

- По вашему зову явился, Ваше Величество.

- Вижу. Слушай мой следующий указ. Чтеца за политическую недоумность сослать в страну Сверхдальнюю. Там, где воды нет. Он у нас пловец. Понял?

- Понял, Ваше Величество.

- А теперь ответствуй, где народ: где углекопы, где землекопы?

- Народ уехал, Ваше Величество.

- Куда?!

- Углекопы в страну Ананасовую. Землекопы в страну Банановую, за бананами. Ну а те, что попросвещеннее, в Самую Сверхзаморскую страну. Оттуда на Луну дорога построена. Вот они землю лунную покупать и отправились.

- Это еще зачем?!

- Говорят, Ваше Величество, с лунных высот королевство наше кажется совсем розовым. На него смотреть одно удовольствие..

- Хм, какого же черта мы здесь сидим! Карету мне, карету...

ПРОТИВНИКИ В СБОРЕ.

СОЮЗНИКИ ЗАДЕРЖИВАЮТСЯ

Свершилось!! Нет радости в пророчестве, когда сбывается худшее из твоих предположений. Если Дума 93-95-го годов имела в своем предшествии Верховный Совет, его сверхконфликтные отношения с президентом и поэтому старалась постоянно отодвинуть от себя малоудачную тень и создать иной образ законодательной власти (что, следует признать, думцам удалось), то перед Думой нынешнего созыва опасность предшествия обрела совершенно иной рисунок. Объективно многие члены прежнего Верховного Совета, пережив драму октября 1993 года, сошли с дистанции, иные взяли паузу и выборы 93-го года пропустили. Зато в 95-м году, зараженные вирусом политики, они вновь двинулись в бой. Многих впитали партийные списки, часть прошла по одномандатным округам, и сразу зал Думы в партийном выражении стал больше напоминать Верховный Совет образца 92-го года, нежели предшествующую Думу. И проявляя естественное стремление к отличительности,

желание не уподобиться предшественникам, отрекаясь от рыбкинской манеры, Дума, перепрыгнув две ступеньки назад, благополучно перечеркнув, как ей казалось, послушность пятой Думы, стала едва ли не копией Верховного Совета образца 92-го года. Так бывает. В поисках лучшего мы обретаем худшее.

Решение Думы от 17 марта, денонсировавшее ратификацию беловежских соглашений, сотворенную в 91-м году прежним Верховным Советом, спасшего этим решением хотя бы слабую тень объединения, дабы на месте прежнего Союза не оставить лишь пыль и песок, а создать пусть слабое, но все-таки магнитное поле.

Это случилось на третьем месяце работы Думы в новом составе. Ответная реакция была мгновенной. Через три дня уже все стояли на ушах: от государственного секретаря США Кристофера до президента Литвы Бразаускаса. Потом коммунисты отселекционируют эту реакцию и назовут ее президентской. Свое недоумение по поводу случившегося высказали президенты всех стран СНГ. Начав дрейф в сторону Белоруссии, что в конечном итоге привело к сенсационным результатам, оба президента заговорили о создании контурной конфедерации с ориентацией на единое экономическое, духовное и политическое пространство с общими надгосударственными органами. Ельцин перехватил инициативу в притязаниях на возрождение Союза. Он лишил эти притязания чисто коммунистического наполнения и сделал шаг, соответствующий известному изречению Маркса: "Лучше одно практическое дело, чем тысяча всевозможных программ".

"Это мой ответ - объединение начнется с формулы "Россия + Белоруссия". У меня в запасе и следующий шаг интеграции: плюс Казахстан, плюс Киргизия". Естественно, что на этом фоне принятие думского решения о денонсации беловежских соглашений выглядит, скорее, политическим абсурдом, ибо сама Дума - продукт беловежских соглашений. Коммунистам стало жаль проделанной работы, жаль затраченных усилий. Все уже было поставлено на поток еще до выборов. Догматизм тем и отличается, он не предрасположен к реакции на ситуационные изменения. Но только ли инерционно-догматическое мышление толкнуло коммунистов на этот шаг? Нет, эта частность имеет место как рецидив предвыборного ажиотажа, но не более того. Главное в другом...

Надежды всегда опережают действительность, которую принято называть возможностями человека, общества, системы. По сути, надежды - это форма сознательного заблуждения. Реформаторы начиная с 1992 года говорили о предполагаемом подъеме, всякий раз определяя свой успех фактом замедления спада. Затем достижением дна пропасти, и затем радостью, что мы не разбились, ударившись об это самое дно. Политикой не впитываются эти фантазии власти, они плюсуются как долг. Власть отчитывается не результатами, а желанием их достичь, количеством указов, законов, постановлений.

Говоря по-хозяйски, выборы сейчас ни к чему. Но Конституция не пишется под возможности президента, хотя именно ЭТА КОНСТИТУЦИЯ писалась как конституция президентская, и более того, с фамильными чертами. Конституция писалась под Ельцина. И ныне многие хватаются за голову: если этими правами, в случае победы на выборах, воспользуется человек с тоталитарным, шовинистическим мышлением, то...

Остается сознаться, что к истечению своего первого президентского срока Ельцин не совершил того реформаторского рывка, который бы сделал общество в своем большинстве его союзником. И в этот момент Дума (опять же усилиями коммунистов и ЛДПР) двумя третями голосов преодолевает вето президента и принимает закон о повышении минимального размера пенсий. Это значит, что Пенсионный фонд должен дополнительно получить из казны еще 7-9 триллионов рублей. А у фонда на 20 марта 1996 года задолженность пенсионерам в 5 триллионов.

Расчет очевиден - загнать президента в ловушку. На выплату пенсий в увеличенном размере денег нет, тем более что страну парализует старая беда - несвоевременная выплата пенсий в тех, прежних размерах. Любое решение президента накануне выборов проигрышное. Вето, отклоняющее закон, всколыхнет пенсионеров: "Президент обрекает нас на нищенское существование, это не наш президент". Подпись президента под этим законом

ставит на колени бюджет страны. Таким образом выстраивается безукоризненный тактический рисунок коммунистов, а значит, и главного противники Ельцина на предстоящих выборах - Геннадия Зюганова. Принимаются с максимальной быстротой законы, затрагивающие интересы социальных слоев общества, которые требуют немедленного финансирования, что, естественно, сделано не будет, так как не предусмотрено бюджетом. Популистским побуждениям исполнительной власти, а она в своей массе под контролем президента, противопоставляется ускоренный популизм Думы.

Сейчас всем ясно, что главенствующей идеей предвыборной кампании Ельцина является идея антикоммунизма. Ситуация, по сути, парадоксальная. Это происходит в обществе, в котором все помыслы последних 70 с лишним лет были связаны со светлым коммунистическим "завтра". Если быть честным, Ельцин достаточно рисковал, обозначая антикоммунизм как свою идеологию. Хватит ли десяти малоуспешных лет, скорее изменивших философию восприятия жития, нежели само житие? Пять плюс пять: пятилетка горбачевской перестройки плюс пятилетка ельцинских реформ. Достаточно ли, чтобы вызвать аллергию к коммунистам? В 92-м нет! А вот в 95-м стало модным заверять лидеров зарубежных стран на всевозможных симпозиумах, конференциях в необратимости реформаторских процессов в России. И вдруг...

Как оказалось, демократические логотипы "Выбор России", "Вперед, Россия!" еще недостаточный энергетический ресурс для демократического движения целого государства. Практически ни одно демократическое течение, впоследствии названное движением и партией, кто бы его ни возглавлял (Егор Гайдар, Владимир Шумейко, Галина Старовойтова, Лев Пономарев, Борис Федоров, Григорий Явлинский, Гавриил Попов и даже Андрей Сахаров), не стало массовым. Много причин тому. Попробуем выделить главные.

Наибольшая удача на этом пути сопутствовала Николаю Травкину. Он был первым, кто испил горькую чашу создателя партии. Численным пиком его партии был стотысячный рубеж. Это, разумеется не 18 миллионов (численность КПСС в 1984-1985 годах), но несколько больше, чем было у большевиков, затеявших революцию. Партия Травкина, хотя и создавалась как антикоммунистическая, разумеется, реформаторская, но до демократической не дотянула в силу авторитарности самого Травкина, которого выводили из себя бесконечные многословные демократические тусовки, наряду с полной неумелостью организовать мало-мальски результативное дело. Для талантливого практика, организатора и высококлассного строителя по своей основной профессии эта неумелость была оскорбительна. Он и понимал не меньше, а умел много больше. Вот и весь конфликт с теми, кто как в первом, так и во втором был менее значим. Случайна ли эта всеобщая неспособность демократов? Скорее всего, нет. Во-первых, все демократические начинания по якобы партийному строительству стартовали с плацдарма реформ. Именно реформы - главное дитя демократического прорыва - должны были побудить граждан отвернуться от стремительно удаляющегося коммунистического "завтра". Очень скоро ожидания оказались несопоставимо большей величиной, нежели результаты реформ. Получилось так, что все будущие партии разместились под выменем одной и той же коровы и поочередно, и все разом понуждали ее дать молоко, а вымя коровы оказалось не созревшим. Пока это было лишь место, где ему положено быть, но само вымя еще не выросло. Всем этим движениям и партиям демократических веяний не хватает понимания социальной среды, на которую они могут рассчитывать, как и понимания своей востребованности этой средой: почему именно они, а не кто-то другой?

Идеология оказалась несостоятельной. Самый впечатляющий разговор о процветании рынка не мог заменить товар и его доступность с точки зрения цены для покупателя. Выбор, предложенный реформаторами обывателю: "что лучше: наличие денег и отсутствие товара (а значит, пустые прилавки и очереди) или избыток товара при нехватке денег, но деньги можно заработать" - не совершил прорыва в сознании масс в пользу второй позиции. Социалистическое бытие не прошло даром. Лучше, сказал обыватель, когда всего навалом и даром и никаких переживаний по поводу нехватки денег. "От каждого по способностям -

каждому по труду". А ведь дело-то было за малым. Переверни формулу - и уже почти рынок: "каждому по способностям - от каждого по труду". Если демократия не была во времена прежние повседневным состоянием общества, ждать от настроенческих демократов навыков управления страной смешно. Как и навыка создания партии, ибо все партии, кроме КПСС, были запрещены и немыслимы. И уж тем более партии парламентского типа. Следовательно, отсутствие результатов реформ лишило все эти движения, партии точки опоры в силу невозможности ответить на вопрос: от имени чего какой субстанции, каких совершенных дел вы говорите? Не от имени "кого" здесь есть пофамильный ответ - от имени Гайдара, Ельцина, Попова, а вот именно "чего". С этим труднее. Если результата реформ нет, то мы имеем лишь старение обещаний и призывов: потерпеть, подождать, не отчаиваться. Все возможно, если бы не одно "но". Этот колодец уже вычерпал Горбачев. А до Горбачева...

Причина вторая - создание партий практически всегда начинается снизу, вне властных и государственных структур. Дрожжевым началом является та или иная часть общества, сословия, группы. И будущий лидер в этой среде проходит процедуру становления. Реформаторские процессы породили рецидив доступности власти, и очень многие этой "властью" стали стихийно. Как если бы после землетрясения образовалась гора Олимп и многие забрались на нее, спасаясь от наводнения по причине того же самого землетрясения. Такая вот нестандартная ситуация конца 80-х и начала 90-х годов. Оказавшись во властных коридорах, внезапно созревшие лидеры, и, объективно говоря, очень часто лидеры самозваные, не захотели спускаться вниз, а стали будущую партию приглашать к себе в кабинет. Отсюда упрек, и упрек справедливый, что большинство нынешних партий и движений - это партии внутри Садового кольца.

Не партии выдвинули лидеров и сформировали власть, а стихийная власть пытается расти вниз (что даже с точки зрения биологии спорно), чтобы хоть каким-то образом преодолеть пустоту, которая всегда окружает власть, достичь тверди, нащупать опору в социальных слоях. Закон о партиях и общественных движениях уподобился выстрелу стартового пистолета, хотя этот процесс начал набирать активность еще в 1991 году, когда 80% депутатов съезда России поняли, что партия, членами которой они были достаточное количество лет еще задолго до предвыборной кампании, как бы перестала существовать. "Процесс пошел" - как любил говаривать экс-генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачев. И депутатская масса, уже самообразовавшаяся во фракции, оказалась идеологически бесприютной, исключая все тех же "Коммунистов России". КПРФ номинально оставалась, поэтому в отличие от всех именно Г.Зюганов - единственный политический лидер сугубо партийного замеса, прошедший по всем ступеням партийной иерархии. Покинувшие партию рядовые члены, временем и судьбой выброшенные на поверхность бурного политического потока, стали судорожно перебирать ногами, пытаясь нащупать идеологическое дно и почувствовать хотя бы временную устойчивость. Все бросились создавать партии под себя. И понятно, что большая успешность сопутствовала тем, кто в масштабах власти был более весом и значим. И стоило лидеру утратить, убавить ранговый вес, как зримо начинают сокращаться легионы однопартийцев и однодвиженцев. Партии-пустоцветы, недолгожители. Вот в чем главная причина их многочисленности, мгновенного появления, скоротечного цветения и распада. Ни одна из них не может составить хотя бы относительную (о серьезной и говорить не приходится) конкуренцию КПРФ. Самодеятельность нынче не в почете. А без самодеятельности, в разумном смысле этого слова, никогда не состоится массовая организация. Всякая партия всегда вначале самодеятельность. И только потом к ней приходит профессионализм. Не существует такого явления - партия партийных профессионалов. Партийные профессионалы могут остаться только ядром партии, но не более. В этом есть некий заколдованный круг. Сначала начались реформы, а затем стали создаваться партии под эти реформы, а не наоборот. А как итог - реформы не есть завоевание той или иной партии, что могло бы стать побудителем перелома общественного мнения в пользу этой партии. А партии и движения демократического толка прилипли к реформам, забирая у них часть сил и средств, что ослабляло как и сами реформы,

так и выявляло образ партии или движения как силы паразитирующей. Впрочем, по мере неудачливости реформ эта непричастность становилась едва ли не идеологией новых образований.

В этом случае Ельцин, как лидер демократических процессов, оказывается в крайне сложном положении. По идее реформа, в силу изменения характера собственности, переустройства экономики по принятой в мире модели, должна была создать социальный слой собственников, назовем его средним, предпринимательским, который в большинстве стран является гарантом экономической стабильности и определяющей силой на любых выборах. Принцип многоукладности, решительное и повсеместное ослабление государственного сектора практически создали на пустом месте обширное пространство частной собственности, как преграду к возрождению коммунистических распределительных идей всеобщего равенства. Но сословие предпринимателей, бизнесменов как массовое сословие замешкалось на старте и по своему общественному влиянию стало значительно отставать от амбиций власти, нареченной реформаторской. Это несоответствие по мере приближения президентских выборов стало ощущаться все очевиднее. Выборы в Государственную Думу 95-го года еще раз подтвердили, что неустроенность, неудовлетворенность, бедность неизмеримо более многочисленны, нежели вера в возможности реформ, демократии и тех, кто с этими понятиями связал свою жизненную судьбу. А значит, опора президента на движения и партии демократической ориентации - это опора на очевидное меньшинство. На выборах 1991 года за первого президента России проголосовала подавляющая часть массовой российской интеллигенции: учителя, врачи, работники культуры, инженерно-технический персонал, ученые, студенчество. Короче, все и вся, что принято называть бюджетной сферой, голосовало за Ельцина. И все эти политологические вывихи типа: голосовали не за Ельцина, а против коммунистов - не более чем демонстрация амбиций людей, активно не симпатизирующих Ельцину, оправдывающих свой проигрыш на выборах. Все было как раз наоборот. В 91-м году голосовали за Ельцина - за бунтаря, за разрушителя закостеневшей системы, за гонимого и преследуемого партийной номенклатурой. И окажись главным оппонентом Ельцина на тех выборах не Николай Рыжков, а Михаил Горбачев, итог был бы тем же самым.

Сегодня этот электорат, эту взбудораженную запахом перемен среду уже нельзя назвать заветной вотчиной первого президента России. Мы ранее много дискутировали по этому поводу, а вывод лежит на поверхности. Политику нельзя терять популярность в тех сферах и в тех социальных слоях, влияние которых выходит далеко за пределы должностного и профессионального поля. С кем вы наиболее откровенны в обстоятельствах крайних? С врачом. От вашей откровенности и его знаний и умений зависит ваше здоровье, а в конечном итоге ваша жизнь. Пусть в меньшей степени, но все равно вы откровенны с учителем. У него в руках судьба образованности ваших детей, а значит, их успешность в будущей жизни. И окажись вы на исповеди у святого отца, ваше откровение искренно, ибо, согласно нормам вашей веры, оно очищает душу.

Не потерять своего влияния на слои общества, обладающие всепроникающей способностью оказаться в семье, в больнице, в школе, в детском саду - это и называется приоритетным мышлением. Однажды я выразил восхищение, с какой успешностью Сергей Михалков решает все вопросы в высших эшелонах власти. Он с сильным заиканием мне ответил:

- А чего мне их б-бояться? Со Сталиным действительно было с-с-страшно. Упаси Бог с-сострить невпопад. Сталин любил шутить. Если засмеялся - гора с плеч. А если молчит или, того х-х-хуже, нахмурился - м-м-мысленно с родственниками прощаешься. Уже не знаешь, куда с этой встречи у-у-уедешь. Вот как было. Кто я есть? Михалков - первый секретарь Союза писателей. Да у них там наверху таких первых, как я, т-т-ри сотни. Не в этом дело. Я известный д-детский писатель. Классик. И все они, и Брежнев, и Андропов, и Черненко, и их дети, и их в-в-внуки выросли на моих книжках. Спроси, есть такой человек, который не знает "дядю Степу". Мне они могут отказать, а "дяде Степе" никогда. Пот-т-ому, что за "дядю

Степу" г-г-олосуют их дети.

В ПОИСКЕ КОЗЫРНЫХ КАРТ

2 апреля 1996 года.

Сегодня в Кремле подписан двойственный государственный союз Белоруссии и России. Присутствовало 200 человек сопровождающих с белорусской стороны. Договор получил поддержку практически всех фракций в парламенте. Создан надгосударственный совет, который возглавил Лукашенко.

31 марта Ельцин сделал обещанное почти месяц назад заявление по поводу Чечни. Президент предложил свой план разрешения чеченского кризиса.

1. Прекращение войсковых операций с 1 апреля 1996 года.

2. Поэтапный вывод войск из "спокойных" районов на административные границы Чечни.

3. Подготовка и проведение выборов в парламент республики.

4. Принятие Госдумой постановления об амнистии участникам вооруженных действий, не совершившим тяжких преступлений.

5. Направление финансовых и материальных средств только в те районы, где достигнута стабилизация обстановки.

6. Подготовка и подписание договора о разграничении полномочий между органами власти.

7. Создание государственной комиссии "по контролю за урегулированием ситуации в Чечне" во главе с Виктором Черномырдиным.

8. Переговоры с Джохаром Дудаевым через посредников.

Белорусский демарш Ельцина можно считать определенным предвыборным успехом. Прежде всего успехом настроенческим. Успехом внутренним. До выборов, как утверждает президент, не будет никаких негативных экономических неблагоприятностей. Все конфликты и несуразности если и возникнут, то спустя 4-5 месяцев, то есть с достаточным отрывом от момента выборов. Такова лишенная излишней изобретательности тактика ельцинского окружения.

А там, если и наметится неуспешность соглашения, можно будет сказать: чуть-чуть поторопились, давайте сделаем паузу. И при этом сослаться на тот же самый народ, надежды которого обмануть нельзя. И тем не менее козырный ностальгический туз о бывшем СССР, который, чуть что, коммунисты выбрасывают на стол, утратил свою бьющую силу. Не следует забывать, что 30 марта 96-го года опять же в Кремле подписано соглашение четырех: Белоруссии, Казахстана, Киргизии и России, где достаточно рельефно обозначен рисунок будущих интеграционных процессов.

С Чечней сложнее, намного сложнее. Разумеется, начало военных действий в Чечне является самой главной ошибкой, которую допустил президент Ельцин за время пребывания на своем посту. Сразу после заявления, отвечая на вопросы журналистов, Борис Ельцин не расценил чеченскую войну как собственный просчет, не решился сделать этого. И хотя на этом настаивали демократы, ожидать такого признания накануне выборов было наивно. Это можно признать потом, когда ты выиграл выборы. У Ельцина не было выбора. После отказа от дублера только победа на выборах заслоняла его от проклятия матерей и непредсказуемых последствий. И на вопрос журналистов: "Можно ли было не начинать военных действий в Чечне?", Ельцин упрямо повторил свое прежнее утверждение: "Нельзя. Сейчас ли, позднее, но такой шаг надо было предпринимать". Это не ответ на вопрос, потому как от президента требовалось признать главное - акция в Чечне была не просчитана и не подготовлена, поэтому она обернулась трагедией. Дудаев создал криминальную, пиратскую республику, и совершенно естественно, что длительное существование подобного образования внутри России без удручающих последствий было просто немыслимо. Не будем развивать очевидные доводы. Неминуемая дестабилизация на Северном Кавказе, в конечном итоге мусульманский союз северокавказских республик с практической потерей этого региона для России с дальнейшим образованием уже исламского пояса или, говоря образно, исламского

подбрюшья России: Северный Кавказ, Азербайджан, Турция, Иран, Башкирия и как финальная точка Татарстан. Это стратегическая глобальная идея исламского экстремизма. На ее пике в данный момент оказался Дудаев. Очень показательна позиция Дудаева относительно президента России, его нежелание иметь дело именно с Ельциным. И полевые командиры, и сам Дудаев, и Басаев не устают повторять, что они ждут победы коммунистов на выборах - "с коммунистами мы договоримся".

Из этого следуют два вывода. Несмотря ни на какие усилия президента Дудаев военных действий не прекратит, Чечня это черная дыра, которая затягивает безмерные средства. Президенту ничего не оставалось, как заявить программу, свой план, освидетельствовать свои желания и свои настроения. Потому как реализовать их в полной степени он все равно не сможет. Но в преддверии выборов положено обещать.

В течение 91-93-го годов Дудаев постоянно играл тремя картами в зависимости от визитеров, наезжающих в Чечню в разные времена. Демократам он говорил, что сверг режим коммуниста Завгаева во имя превращения Северного Кавказа в зону демократических свобод. Он так и говорил - отсюда, с отрогов Северного Кавказа начнется шествие демократии по просторам России. Кавказ способен рождать не только диктаторов (имелся в виду Сталин), но и отцов демократии (судя по всему, Дудаев имел в виду себя). Все произносилось генералом с пафосом. Днями позже демократов сменяли коммунисты, и из уст Дудаева звучал другой текст: Чечня не хочет быть в составе России, но она была и остается в составе СССР. Именно с Чечни начнется возрождение Советского Союза, и Северный Кавказ станет тем магнитом, тем зачинателем сбора государства под единый союзный шатер. Стоило на пороге появиться гонцам из мусульманского мира (Афганистан, Иордания, Турция, Азербайджан) - и в тот же час Северный Кавказ объявлялся плацдармом ислама и джихада в России. И силуэты Османской империи с парусными фрегатами словно бы являлись из небытия, как и грезы о мусульманском форпосте внутри России, обретали явь. И ось Грозный-Казань сначала под рукой маниакального вождя превращалась в треугольник: Грозный-Баку-Казань. Затем - в четырехугольник: Грозный-Анкара-Баку-Казань. Затем добавлялась и пятая вершина под названием Кабул. Империя разрасталась, раздвигала границы. Уже рисовался флаг и прописывалась будущая династия, имеющая заглавное имя правителя - Джохар I. Относительно православных регионов на этом "великом" пути следовали ремарки: Грузию и Армению мы просто раздавим, их войска не могли справиться с крохотной Абхазией, - Кавказ будет под единым исламским флагом.

Вот фрагментарный, но близкий к сути рисунок кавказской политики. Назовем его "концепцией трех Я" Джохара Дудаева: отца демократии, собирателя земель и великого сына ислама. Не уверен, что хотя бы в одной из трех ипостасей этот человек может устроить коммунистов. Ельцин в одном, бесспорно, прав. Не сегодня, так завтра, не завтра, так послезавтра на карте России должен был возникнуть чеченский конфликт. Есть четвертое страшное измерение дудаевского бытия - превращение Кавказа в целом в криминальный бастион. Тем более что менталитет всех без исключения кавказских национальностей - это массовая скрытая безработица мужского населения, имеющего на руках огнестрельное оружие. Объективная и субъективная незанятость в общественно полезном труде - нет работы и не хочу работать, потому что труд не оплачивается. Плюс автомат Калашникова в каждом втором доме. Все это легализует криминал. Практически преступный мир создает альтернативную занятость. Это мало назвать бедой. Это катастрофа. Изоляция Дудаева внутри Северного Кавказа маловероятна. Природная агрессивность чеченцев, предрасположенность к разбою делают Чечню довлеющей и крайне опасной зоной на Кавказе. А это значит, вопрос Чечни возможно решить только силами и умением России равнинной.

Увы, но общество предрасположено к слепоте. Оно предпочитает войну скрытую войне явной. Нужен мир, и только мир. Нужны переговоры, и только переговоры. Необходимо восстановление, и только восстановление. Но вот в чем фокус, все эти святые принципы, за которые голосует большинство общества, надо защищать не в словесной риторике, а с

оружием в руках. Только так их можно обезопасить. Любой план умиротворения, примирения, прекращения бойни есть в сегодняшних условиях желание, но не реальность.

План президента должен иметь две системы координат. Мы хотим, нас понимают, у нас получается. И вторая система: что делаем мы, если противная сторона игнорирует все наши действия и усилия - не частично, а все. Второй план - не менее значимый вклад в предвыборную копилку. Страна устала от войны. Вопрос: зачем ее надо было начинать, если вы не способны одержать победу? С точки зрения войны мир гарантирован, когда противник сломлен. Во всех иных случаях это мир временный, мир с амплитудой поражения, а не победы. Вообще, если Дудаев так настаивает на победе коммунистов на выборах, правомерно предположить, и это видно из поведения думской фракции КПРФ, да и самой партии, практически кроме заявлений, демагогически осуждающих кровопролитие, у коммунистов своего плана, разрешающего чеченский конфликт, нет. Потому что этот конфликт им нужен как разрушитель имиджа президента, по крайней мере, до выборов. И всякие кивки на Москву, что там интерес непрекращения войны, должны иметь точный идеологический адрес - кто это? Олигархи, сторонники КПРФ или те и другие, находящиеся в руководстве Министерства обороны, МВД, ФСБ, правительства, деловых кругах или среди авторитетов преступного мира?

Чечня - это еще одна порция страха. В чем же сложность? Неужели так трудно выяснить: с кем дудаевское руководство поддерживает тесные отношения в Москве? С кем ведет постоянные телефонные разговоры? То тут, то там выплескиваются скандальные сообщения о не пресекаемой практике подслушивания служебных и частных разговоров в Москве. Зададим себе риторический вопрос: кого и что прослушивают, если до сих пор не раскрыто ни одного заказного убийства и все "спецназовские" группы, засылаемые, в частности, в Чечню с секретными заданиями, мгновенно попадают в ловушку и полностью уничтожаются дудаевцами?

И все-таки сложность есть, и сложность немалая. Очевидное противостояние законодательной и исполнительной власти это всегда шанс третьей силы использовать этот конфликт во благо своих интересов. Дума контролируется коммунистами - это один лагерь (обозначим их по навязанной коммунистами формуле "левые силы"). Исполнительная власть как бы контролируется президентом - это демократические силы. Называть их правыми нелепо, но если те левые, то у этих нет выбора, они правые. При этом добавим: единомыслия исполнительной власти попросту не существует. Сегодня в армии, среди генералитета, в МВД, ФСБ, прокуратуре, в самом правительстве и в среде губернаторских служб по всей России - мощные пласты, а не единичные субъекты, ориентированные на большевистскую идею, которые с плохо скрытой радостью примут смену власти, уход с политической арены Бориса Ельцина. И это - не злой умысел, не спланированное проникновение идеологических противников в противоположный лагерь. Это реальность. Меняются лидеры, аппарат вечен. Демократы не создали своего аппарата, у них не было времени. Они в основе своей воспользовались существующим. Кто-то, возможно, изменил взгляды, дабы оказаться поближе к источнику света, но в основном в привычках и убеждениях человек - существо консервативное.

Сделать скрытое явным возможно, но тогда придется признать, что власть исполнительная борется с Дудаевым и она же его поддерживает. Просто этажи разные. На втором борются, а на третьем поддерживают. Или наоборот.

В феврале я участвовал в заседании правительственной комиссии по Чечне, как раз накануне своей отставки, случившейся 14 февраля. Полемизировались самые разные точки зрения. Так вот, один аспект этой дискуссии мне показался примечательным. Гавриил Попов сформулировал свою идею так: "Надо, чтобы Чечня из гири на ногах президента превратилась в козырь в его предвыборной борьбе. Для этого следует прекратить военные действия, вывести войска и дать согласие на проведение переговоров с Дудаевым. Так же дать согласие на референдум по вопросу - быть или не быть Чечне в составе России". Я оказался в числе тех, кто возражал Попову. Чечня не может быть козырем в предвыборном

марафоне. Суть в другом. Свести уроки от чеченских событий, их влияние на президентские выборы до минимума. Да и само желание связать чеченскую кампанию, ее неуспех либо успех с выборами президента - увлечение опасное.

Президент уже сделал досадный просчет, заявив буквально на ходу, в своей замедленной манере: дескать, не решу чеченский конфликт, мне и соваться в президенты не резон. Это был очередной экспромт Ельцина. А раз сунулся, а он это сделал, теперь непременно решай, потому как никто тебя за язык не тянул, сам обещал. Решить эту проблему, превратившуюся в тяжелейший межнациональный военный и кровавый конфликт в одночасье, до выборов, как и долго-долго после них, невозможно! И всякая мгновенность переверстать ситуацию из минуса в плюс, как предлагал Гавриил Попов, мне представлялась маловероятной.

У чеченских событий есть своя история после 93-го года. Не учесть ее нельзя. Уже однажды Дудаев был оттеснен в предгорья к границе, но случился Буденновск, военные действия были прекращены. Эффективной местной власти, способной противостоять Дудаеву, поддерживать порядок в республике, не оказалось. После локальных военных неудач, после столкновения с федеральными войсками дудаевцы внушительно пополняли боезапас, укомплектовывались свежими силами и практически полностью восстанавливали боеспособность. И это происходило на глазах у якобы законной власти. В преддверии мирных инициатив, с которыми выступил Ельцин, армия провела массированные наступательные операции. Были успешно перекрыты каналы, по которым поступало оружие в Чечню. Блокада абхазских портов с моря дала бесспорные результаты. Ситуация повторилась. Опять дудаевские силы оттеснены в горные районы, опять не хватило месяца, чтобы боеспособность дудаевских сил свести до оборонительного минимума. Завгаев так же нереален, как и Хаджиев, хотя и теснее связан с чеченскими кланами на местах. Но все равно, он человек Москвы. Смешным в этой ситуации является тот факт, что в свое время он был уволен со своего поста по требованию Москвы. Именно Дудаев сменил изгнанного Завгаева. Уже не в первый раз Москва желает переложить ответственность за внутричеченские проблемы на плечи непосредственно чеченской власти. И уже не в первый раз желание центра опережает возможности этой самой чеченской власти. Сверхэффективно не влияние Дудаева, хотя оно есть. По-прежнему в Чечне правят страх и непредсказуемость. Что дискредитировало мирные переговоры год назад? Неисполнение обязательств, взятых сторонами. Мирные переговоры стали ширмой террористического наступления Дудаева. В чем риск плана Ельцина?

Первое. В уязвленной армии, которой не позволили завершить кампанию во второй раз. А значит, в признании напрасности потерь.

Любой шаг к примирению, предлагаемый Москвой, преподносится стороной, терпящей поражение (силы несопоставимы), в данном случае дудаевцами, как слабость Москвы, а значит, как их победа. Это уже психический синдром. У Дудаева нет иного энергетического ресурса. Ему необходимо продолжать сопротивление, чтобы остаться в рамках чеченского и исламского менталитета героем. В Чечне воюющий мужчина уже полубог. Это прерогатива фанатика. Не случайно на рынке оружия и охранных кадров самой надежной наемной охраной считаются чеченцы. Именно поэтому так затруднено проникновение в исламскую среду цивилизованных разведывательных агентур. Именно поэтому бессилен Израиль в своем незатухающем конфликте с палестинскими экстремистами, движением "Хаммаз". Бесспорно, этот шаг президента обеспечивает некий перелом общественных симпатий в его пользу. Российские матери, семьи, да и вся невоюющая армия, которая по приказу может быть брошена в любую минуту на этот кровоточащий плацдарм, должны оценить этот шаг президента. И шахтеры, измученные невыплатой заработанных денег, не могут не понимать, что Чечня - это черная дыра, в которую затягиваются гигантские средства налогоплательщиков. И, наконец, молодежь, она-то уж точно сторонница мира в Чечне, ибо сегодня служба в армии для молодых стала более обременительной, нежели была прежде.

И потом. Никогда не надо путать общество и сравнительно тонкий слой до безумия

политизированных избирателей, крайне шумных, хором повторяющих различные заклинания политических лидеров.

Либо державных, если это Зюганов или Руцкой: непременно остаться державой, символизирующей мощь и силу! Только силу уважают! И только сильных боятся!

Либо демократических, таких, как Гайдар или Явлинский, произносящих заклинания о свободе слова и правах человека.

Либо зацикленных на идее возрождения Союза и Советов - таких, как Лукьянов, Варенников и даже Ампилов.

Так вот, все эти разговоры, что народ не допустит, народ не позволит, пустой вымысел. Народу наплевать и на лозунговые аттестации Зюганова, Лукьянова. Это все забавы партийного актива. Ему также наплевать на концептуальные афоризмы Егора Гайдара или Бориса Федорова. Впрочем, и на призывы Ельцина к единству российского государства, к разделению полномочий с субъектами Федерации и т.д. Народ в своей массе живет упрощенной философией: должен быть достаток, должны быть мир, работа, жилье и спокойствие, уверенность в завтрашнем дне. И все. Остальное - манерность, интриги политики. И будет ли это все в едином государстве, в государстве правовом, в Советском Союзе или просто в России, с наличием свободы слова или при ее полном отсутствии, на приватизированном предприятии или по-прежнему государственном - миллионам сограждан неважно. Потому как свобода слова не может заменить отсутствие зарплаты; вхождение России в Совет Европы компенсировать безостановочный спад производства; появление французской салями не сведет на нет страх перед преступным беспределом.

Очередная уязвимость и слабость Ельцина - отсутствие рядом с ним грамотного, яркого идеолога. В свое время именно А.Н.Яковлев в определяющем масштабе обеспечил успех идеи горбачевской перестройки. И если наступает время лидеров-практиков, то это тем более делает их крайне уязвимыми в сфере объединяющей идеи. Нет такой идеи и у коммунистов. Выносить побитый молью гардероб еще раз на улицу вряд ли разумно. Коммунисты тем не менее это делают, действуя по принципу: чем никакой идеи, лучше старая. По крайней мере, на месте, где написана объединяющая идея, нет дыры.

Отсутствие идеолога при лидере объясняется с одной стороны нехваткой даровитых людей, готовых посвятить этому свое "я" на условиях забвения, с другой - невероятной ревностью тех, кто формирует окружение, соревнующееся в своей приближенности к вождю. Всегда есть опасность, что идеолог может оказаться умнее вождя. Извечная беда России - горе от ума.

Мне вспоминается один случай. В 91-92-м годах я сделал несколько телевизионных бесед с Борисом Ельциным. Это было непростое занятие. Я сразу понял, что Ельцин - фигура довлеющая, и журналисты тушуются, начинают поддакивать ему, боятся задать острый и неприятный для него вопрос. Короче, получается заштатное интервью, а беседы нет. Беседа предполагает некое равенство участвующих. В понимании ельцинского окружения, уже начиная с 1991 года никакого равенства с президентом быть не может. Мне эти рассуждения всегда казались и смешными, и примитивными. И я, естественно, все делал наоборот. Должен признать, что это было серьезным камнем преткновения в моих отношениях с Б.Н.Ельциным. И даже не с ним, а с высокодолжностными слугами типа Коржакова и с семьей президента, которая все время твердила Ельцину, что в этих самых беседах Попцов выглядит слишком независимо и много говорит. Все это мне напомнило один исторический курьез. Художник Евгений Грозмани когда-то работал ретушером в "Огоньке". И вот на очередном съезде партии фотокорреспондент "Огонька" употребил новинку, сделал экспериментальную съемку сверху. Он снял президиум съезда не фронтально, а под значительным углом, с верхней точки. Впоследствии такая съемка стала нормой. Снимок получился грандиозный и необычный. В те трогательные времена материалы такого рода просматривались до их выхода в свет в Политбюро. Редактор "Огонька" привез снимки Маленкову и разложил их перед ним на столе. Маленков тотчас обратил внимание на центральный снимок и спрашивает:

- А это что такое?

Редактор объяснил, что снимок сделан с непривычной точки.

- С какой точки? - спросил Маленков.

- С верхней, Георгий Максимилианович.

- Вы хотите сказать, - уточнил Маленков, - что фотограф был над товарищем Сталиным?

Но вернусь к своим делам. После очередной беседы, которую я сделал с президентом, меня попросил зайти Вячеслав Костиков, пресс-секретарь Ельцина. Костиков был смущен и долго подбирал слова, чтобы объяснить мне ситуацию.

- Видишь ли, - сказал он, - все обратили внимание, что в своих беседах с президентом ты очень активен.

Я удивился и сказал, что достаточно уважаю президента и жестко отслеживаю объемы текстов и что моя речь занимает не более 12-15%, что это минимально допустимый объем в диалоге. Костиков согласился со мной, а затем, отведя взгляд в сторону, сказал:

- Олег, ты слишком умный, это раздражает.

Данная телебеседа была последней, которую я провел с президентом. Я дал себе слово, что никогда впредь не сяду в эфире напротив этого человека. Я хорошо чувствовал Ельцина, знал, как его разогреть в разговоре и, если угодно, разозлить, чтобы мгновенно заговорила фактура президента, его нестандартность, юмор и даже угловатость, которая придавала его словам весомость и свой, очень самородковый стиль.

Итак, власть не терпит конкуренции. Согласно известному изречению, в жизни не делят двух вещей - власть и женщин. Десятки аналитических центров, которые созданы президентским окружением, имеют самое разное подчинение, и вследствие их различности и должностной ревности создать эту единую идеологию не в состоянии.

В ДРУГОМ ИЗМЕРЕНИИ

В своем становлении, развитии и деградации власть проходит несколько стадий. Идеологически власть всегда желает быть защищенной. В прежние времена было проще, носителем и владельцем идеологии и приводных ремней к ней (школы, институты, печать, телевидение) была партия - единственная, непобедимая, руководящая, она же единоличная власть. Даже в лукавой формуле - коллективное руководство - также оставалась диктатурность партии. Любая партия начинается с идеологии. Как показывает опыт, власть не может быть вне партии. Исключение - монархия и еще военная диктатура. Всякий разговор о якобы аполитичной армии - не более чем разговор. Всегда есть два пути: партии творят власть; и власть, нащупывающая дно под ногами, создает партию. Сначала монархия, а лишь затем приверженцы монархии и как итог монархическая партия. Носителем той или иной идеологии практически всегда является партия. Естественно, одержав победу на выборах, партия формирует власть, и дает ей напрокат на время правления свою идеологию. На Западе это малосущественно. Существует главная определяющая - частная собственность, рынок. Все остальные атрибуты -сопутствующие. В России испокон веков идеология была первична. В 1917 году Ленин практически установил диктатуру идеологии. Он сделал это не спонтанно, подчиняясь собственному фанатизму. Марксизм, по сути, особый вид религии, веры для неимущих, на которых Ленин сделал ставку. Малость частной собственности у бедняков позволила вождю пролетариата, используя стяжающую энергию зависти, провести массовое изъятие этой собственности у имущих. Как бы в пользу государства, а точнее, партийно-государственной бюрократии. Прозрение нэпом оказалось недолгим. Произошло уравнение прав, возможностей и интеллекта. Незаменимых людей нет.

Начиная с 1985 года все усилия реформаторских сил (сначала Горбачев и Яковлев, чуть позже Ельцин с новой плеядой 35-летних вершителей судьбы государственной) были употреблены на демонтаж идеологии социализма. Не на реорганизацию, структурные преобразования, экономические эксперименты - все это, разумеется, было, но было во-вторых, а первозначным, главенствующим следует считать отрешение от идеологического догмата. И вот тут выявился главный изъян реформаторов "второй волны". По ошибке

многие из них восприняли демократию как идеологию, посчитав, что демократические преобразования и есть тот самый идейный каркас, который обеспечит духовную концепцию режима. Бесспорно, это рецидив остаточного мышления. По сути, демократия отвечает на вопрос "как?" (вообще-то самый трудный вопрос), "используя какие инструменты цивилизованного мира"? Идеология объединяющая или, применяя привычную лексику прошлых лет, вдохновляющая идея режима, отвечает совсем на другой вопрос : "для чего?" Разумеется, мы мыслим привычными категориями, но, увы, именно эти категории и доводы в полемике наиболее понятны. Проще говоря, что-то вроде "все во имя человека, все во благо его". Хотя и абстрактно, растекаемо, но значимо. Надо признать идеологи коммунизма были не так примитивны, как нам иногда хотелось бы их изобразить. По сути, библейские ценности и библейская лексика, лексика веры.

Может ли рынок - рыночные отношения, выравнивание экономического уклада - стать основополагающей идеей режима? Нет. Утверждение обратного как раз выдает в демократах навык талантливого заимствования, а не умение изобрести свою идею. Вот "ахиллесова пята" Бориса Ельцина, вот вечно плавающий, но неуловимый центр тяжести. Можно рассуждать о всеобщем равенстве, но выявить идеологический контекст "от каждого по способностям, каждому по труду" или "догнать и перегнать"... Всего два слова, а идея, вдохновляющая общество, налицо.

Настроенческим демократам именно этого не хватает - девиза повседневной работы. Почти уверен, президент двухтысячного года будет приговорен, если не обретет этого девиза. Россия - страна философическая, рассуждающая, ей нужен собирательный девиз. Если говорить о среде (а рынок это среда), то и лозунг должен соответствовать этой среде. Я бы эскизно обозначил его так : "не проедать, а развиваться". Тезис, раскрывающий, с одной стороны, наш очевидный национальный изъян, безалаберность и неумение рачительно расходовать обретенный ресурс. С другой - направление действия развиваться. Система распределения, складывавшаяся десятилетиями, - это система проедания. И "талонность", и жесткое планирование есть мышление дефицитности, мышление недоверия. Не случайно, что противоядием ограничениям стало не творчество, а воровство. "Возьмите суверенитета столько, сколько можете переварить" - при всей якобы ошибочности эта президентская фраза-экспромт претендует на главенствующую идеологию федеративного государства, расставляющую точки над "i" в разделении властных усилий центра и регионов.

В чем же проблема? Почему у нынешнего режима нет идеологии?

Во-первых, потому что нет идеолога.

Во-вторых, как уже было отмечено выше, нет понимания, что есть на самом деле объединяющая идея.

В-третьих, есть объективная путаница между целью и средствами.

И наконец, есть страх перед тем, прежним видом идеологии, которая в конечном итоге превратилась в дисциплинарный, лагерный распорядок жизни, выявивший главную порочащую суть всеохватной идеи - во что бы то ни стало найти врага. Враг - причина наших неудач, нашей неблагополучности, нашей экономической неуспешности. Враг внешний и враг внутренний. Увы, но демократы, крикливо отрицая этот идеологический диктат, впитали его суть. Деление общества на "наших" и "не наших" столь же существенно в либерально-демократической среде, как и в среде национально-патриотической, и уж тем более в среде коммунистической.

И еще одно. Отсутствие идеологии не значит отсутствие объединяющей общество идеи, потому как идеология - понятие суммарное, состоящее из принципов и постулатов бытия. Идея же - осмысленный стержень, магнит.

Отсчитывает уходящие дни политический хронометр. До президентских выборов остается 60, 55, 49 дней... Последняя суета у входа в избирком. Николай Рябов, глава избирательной комиссии, закованный в латы формальных принципов, и жалует, и милует. Странно, но миллион подписей оказался вполне преодолимым барьером. И обещанная пятерка кандидатов разрастается и превращается сначала в семерку, а затем в десятку

претендентов - Геннадий Зюганов, Борис Ельцин, Григорий Явлинский, Александр Лебедь, Святослав Федоров, Аман Тулеев, Владимир Брынцалов, Мартин Шаккум, Михаил Горбачев, Владимир Жириновский, Галина Старовойтова и Юрий Власов на подходе. Двое последних отклонены избиркомом. Опять вмешается Верховный суд, и кто знает, возможно повторится история Брынцалова. Упрямый Рябов вынужден будет отступить. Двадцать восьмого апреля, в пятницу, Брынцалов получил, наконец, документ, удостоверяющий его кандидатство в президенты. Количество кандидатов - лишь подтверждение: мы оттаиваем, изгоняем из себя дух неальтернативности. Мы захлебываемся от возможности иметь не одну, а 20, 30, 50 партий. Не одного, а десять кандидатов в президенты; на одно место в парламенте выдвинуть пятнадцать претендентов. Мы, как и они. Нет, мы лучше их, мы демократичнее, "дозволеннее". Это пока. Уже брезжит где-то в подсознании усталость - не перегрелись ли. Так и говорим: "народ устал от политики, пора тормозить". В переводе на русский язык это значит - власть устала от народа. Ее раздражает реакция народа на неустроенность жизни, на неудачливость реформ, на невыплаченную зарплату.

Поздняя и долгая весна. Уже май, а в Москве всего-навсего +6°. Деревья было поверили теплу и начали распускаться. Два-три жарких дня, и все распахнулось, набухло. И лес еще без листвы, но все равно будто окутан прозрачным зеленоватым туманом. Но это лишь миг, мгновение. Снова антициклон, снова похолодание. Думали, только у нас, оказалось, нет. И в Европе тоже. Странно, но всюду одни и те же закономерности. Природа так же доверчива, как и люди. Весне положено начаться, и уже все наготове. Жизнь обретает признаки весны. И вдруг тепло оказывается обманчивым. Снова заморозки. Облетают цветы, обещавшие обильное плодоношение. Все вокруг буйно зеленое, но неизменчивость обманчива - урожай приговорен, его не будет. Страна живет в ожидании экономического чуда. Ведь была же оттепель. Да нет же, оттепель это исключение, циклон, а правило - это холода.

Президент вдруг поскользнулся, пошел неловко влево, наобещал и не выполнил, затем вправо, пообещал совсем другим, что обещать больше не будет, и опять не выполнил. Страну зашатало. Обещанный мир и согласие надломились. Началась чеченская война. Вот вам очередные заморозки. Средства, с трудом добытые, пошли на латание военных дыр. На армию, на МВД - там тоже войска, на пограничников - у них своя армия. Удивительная страна - одну армию обеспечить не можем: то впроголодь, то по холоду босиком. Зачем же три армии держать? И этого мало. Еще ведь и президентская гвардия, и войска МЧС. Все по той же причине: от шатания, от неуверенности. Если одна не защитит, другую на помощь позовем. Всегда кто-то же верен президенту?! И незачем зубоскалить, иронизировать на этот счет. У каждого президента свое начало, свое завершение. Похоже, президент отвыкает от президентства медленнее, чем народ от "его величества".

В Бонне 29 апреля я встретился с господином Шабовским, заместителем министра прессы и информации Германии. Вопросы одни и те же - кто победит на выборах: Ельцин или Зюганов? Чего ждать от коммунистов? Правда ли, что убит Дудаев? А сегодня, судя по сообщениям агентств, его преемник вице-президент Яндарбиев принял присягу. Приятно и жутковато, что весь мир живет по российским часам. Нет смысла пересказывать суть встречи. Запомнилось одно утверждение господина Шабовского: "Вы, русские, совершаете, как и мы, одну и ту же ошибку. Вы строите демократию, которая не умеет себя защищать". Идея сильной демократии - не новая идея. По ней тоскуют немцы, итальянцы, англичане. И мы, русские, тоже. Никого не устраивает эпидемия терроризма, разгул мафии. Но где грань между сильной демократией и полицейским государством? Вот в чем сложность.

Итак, народ устал от политики. Что это значит в понимании власти, в понимании окружения Ельцина, да и в понимании самого президента? Есть такая технология сохранения исторического облика городов. Фасады старых зданий сохраняются, а одряхлевшее нутро заменяется полностью: перекрытия, внутренние стены, планировка, все становится как бы современным. Это не реставрация. На реставрацию нет денег. Это капитальный ремонт. С фасада дворец, а внутри казарма - современное административное здание. Президент хотел бы фасад открытой политики сохранить, а саму политику управления страной для начала

притенить, а затем и закрыть. "Что положено Юпитеру, то не положено быку!" Власть - тоже род человеческий. Ей присущи усталость, разочарование. Она нетерпелива, ее раздражает избыточность отрицательных эмоций. Так родился президентский девиз, которым он напутствовал нового председателя ВГТРК Эдуарда Сагалаева: "Сделайте народное телевидение".

У президента хорошая память, но медленный и тугой ум. Идею народного телевидения сразу после подписания документа о создании компании в 1990 году, предложили мы, предварительно проговорив эту идею с Михаилом Полтораниным, бывшим в то время министром печати. Ельцин еще не был президентом. Я хотел создать принципиально иное телевидение, в полном соответствии с демократическими преобразованиями, проходящими в России. И застрельщиком этих преобразований в громадной степени должно быть само Российское радио и телевидение. Замысел был и дерзок, и прост - сотворить альтернативу привычному советскому государственному телевидению.

Ельцин живо принял идею и в двух своих знаковых интервью дал расшифровку этому понятию: "Это должно быть другое телевидение, защищающее интересы общества, критикующее власть и говорящее о просчетах власти и ее высших должностных лиц открыто". В ту пору Ельцин, Председатель Верховного Совета, был хоть и большой властью, но не главной. Еще существовал Горбачев, еще был Советский Союз, еще не было ГКЧП, но было желание Ельцина стать властью главной. И тогда понятие "народное" будущим президентом прочитывалось иначе: как телевидение, насыщенное проблемами повседневности, как телевидение заостренно политическое, дающее будущему президенту шанс в борьбе и уравнивающее его шансы в средствах массовой информации, в своем большинстве подконтрольных еще партии, а точнее, ее ЦК. И чуть позже, по инерции провозгласив принцип открытой политики, уже президент Борис Ельцин радовался этому понятию, как ребенок. Он полагал, что тем самым удачно противостоит Михаилу Горбачеву, который уже отошел от хмеля непросчитанной открытости и поспешно отгребал назад, понимая, что открытая политика опасна накатами легализованной оппозиции, а равно и открытым возмущением общества по поводу неисполненных обещаний власти. Ельцин, в ту пору главный оппонент Горбачева, умело пользовался просчетами Генерального секретаря и был напорист, беспощаден и откровенен в своей критике. Но все проходит. Человек, стремящийся к власти, и человек, ее получивший, - это два разных человека. Все демократические принципы, которые позволили команде Ельцина прийти к власти, объявить о начале реформ, а затем и начать их, стали крайне неудобны, когда реальность вступила в суровое противоречие с благими обещаниями реформаторов и классическая американская модель реформ была опрокинута российским менталитетом. Ощущение, схожее со стонами по причине новой обуви на опухших ногах.

Демократической власти стала неугодна демократическая печать. У власти сложилось агрессивное неприятие ситуации, когда в отношении очевидных просчетов и ошибок власти мнения "непримиримой" оппозиции (назовем ее коммунистической) и оппозиции конструктивной совпадали. Это приводило власть сначала в недоумение, а затем в ярость. В воспаленном сознании власти рождался образ массового предательства. Свои атакуют своих!!! Такое толкование ситуации нельзя назвать заблуждением. Власть сохранила замашки и привычки прежней власти, и никакой окрас - демократическая, либеральная, коммунистическая - ничего не изменил. Власть практически всегда вне общественной ориентации. Она неотступно и навсегда сохраняет ориентацию власти. Власть преподнесла обществу урок: демократами в это смутное время становились не по убеждениям, а по выгоде. И в первую очередь те, кому выпала удача стать властью, сплошь и рядом это люди, не понимающие сути демократических преобразований, а по существу, враждебные им. И уж тем более им были неведомы какие-то иные отношения между властью и СМИ в демократическом обществе. Все происходящее было вполне логично. К чуждости эти люди интереса не проявляли. Так демократическая по обозначению власть поссорилась с непредсказуемой в своих порывах демократической прессой. Власть споткнулась о главное

завоевание реформ - свободу слова.

Повторимся - правда не бывает разной. Убитый всегда будет убитым, а не скончавшимся от нарушения спортивного режима. Голодающий - голодающим, а не человеком, придерживающимся строгой диеты. Насильник всегда будет оставаться насильником. Разным может быть только толкование истины. Так президент пришел к иному толкованию термина "народное телевидение". Эту новую формулу можно было определить так: "Не о народе, а для него".

Я возглавлял Всероссийское телевидение и радио почти шесть лет, но так и не научился дисциплинированно воспринимать барские окрики. Отныне власть (и лично президента) не интересовало восприятие народом бытия власти. Все возвращалось на круги своя. Власть лучше народа знает, как идут реформы. Страдают пенсионеры или томятся избыточным благополучием? Задыхается культура от безденежья или процветает? Голодает армия или реформируется по законам строгого аскетизма? Неизвестно. А раз так - мнение "незнающих" не имеет смысла. Оно утомляет разум.

На посту председателя Всероссийской телерадиокомпании появился Эдуард Сагалаев. По свидетельству демократических газет, замена достаточно странная. Как и предшественник, Сагалаев тоже человек с демократическими убеждениями. Развала в компании не наблюдалось, она была единственной, избежавшей кадровой чехарды. Значит, дело было в другом. Власть не устраивало толкование правды, на котором настаивали теле- и радиожурналисты. Политически заостренное народное телевидение, по замыслу власти, должно быть заменено народным хором песни и пляски. Президенту надоело прислушиваться к другому мнению. Народ должен у телеэкранов отдыхать и смеяться, а не маяться сомнениями: надо менять власть или не надо?

Эдуард Сагалаев согласился с президентом: народ устал от политики, будем веселить, Борис Николаевич.

* * *

Три месяца - достаточный срок, чтобы сосредоточиться.

Мои коллеги-журналисты из чистых побуждений возмущались, как им казалось, несправедливостью. И постоянно провоцировали меня на проявление обиды, отповеди президенту. Как мог президент забыть 1991 год? Как мог перечеркнуть все то, что сделала для него компания в октябре 1993 года? Вы не собираетесь подать в суд на президента? Вам предложили новую работу? Неужели вы смолчите?

Мне задают эти вопросы. И я погружаюсь в неопределенность, подыскивая нужные слова. Журналисты обостренно воспринимают подобные события. Рухнул Попцов. Попытки отстранения его от должности делались неоднократно. И вот, свершилось... Нева не вышла из берегов. И на Москве-реке не начался внезапный ледоход. Я не был обижен вниманием прессы в эти нестандартные в моей жизни дни. Власть ревниво отслеживала мое поведение на пресс-конференциях. И так же ревниво выговаривала высоким чиновникам, посчитавшим мое увольнение абсурдным и огласившим свое мнение. В этом начальственном негодовании особенно усерден был первый вице-премьер Олег Сосковец, инициатор моего смещения, - по натуре человек мнительный и злопамятный - черты, конечно же, необходимые первому вице-премьеру.

Призывал ли я себя к сдержанности в эти дни? В этом не было необходимости. Я знал, что конфликт назрел. Где-то за два-три месяца до моей отставки Коржаков сделал последнюю попытку внедрить своего человека на должность одного из моих заместителей. Все было обставлено достаточно элегантно. Меня посетил уважаемый чин из этого ведомства. Мне дали понять, что "контора" Александра Васильевича, равно как и ФСБ, вотчина Михаила Ивановича Барсукова, переосмыслили мою роль в происходящих событиях и поняли, что Попцов человек с характером, но не враг президента, а его сторонник. И поэтому мы должны установить более тесные товарищеские отношения. И лучшим вариантом закрепления этих новых отношений будет человек из ФСБ возле меня, в статусе моего заместителя. За время нашего разговора раз десять трезвонили телефоны спецсвязи. И,

указав на них рукой, чин заметил:

- Вот видите, все эти властные люди не дают вам покоя. А мы вас прикроем. Мы будем лоббировать ваши интересы там, наверху. Но только теперь это будут наши общие интересы.

Это был очень интеллигентный и неглупый человек, вызывающий у меня достаточную симпатию.

- Николай Николаевич, - сказал я, - как вы себе это представляете? Попцов собирает своих заместителей и делает представление: вот, познакомьтесь, мой новый зам. Он "оттуда"...

- Ну зачем же так?

- А как?! Вы думаете, я не знаю, что ваш брат на первый, второй, третий этаж так или иначе просочился. Да и почему я должен накладывать вето, если они хорошие телевизионщики, профессионалы и были "помечены" вами в года далекие.

- Но здесь нет. Мы же с вами строим другую страну. Или это мне только кажется?

Я полагаю, мой ответ не был забыт этими службами. Кстати, за время моей работы это была уже четвертая попытка уважаемых служб прорваться в наши ряды. Первую сделал еще в 1991 году генерал Александр Гуров - мой коллега по депутатству. Он пришел в сопровождении трех или даже четырех человек. По-моему, мы выпили тогда пару ведер чаю. Гуров - профессиональный человек. В тот вечер мы сделали обстоятельный анализ политической ситуации в России. Но дальше анализа дело не пошло. Я сказал - нет!

Мой преемник Эдуард Сагалаев, с одной стороны, был несколько стеснен этим давлением власти, с другой стороны - чрезвычайно рад ему, так как это совпадало с его ревностью, его раздражением по поводу неминуемых сравнений: как он на фоне Попцова?! Хотя, конечно, правомерным мог быть и иной поворот: пришел Сагалаев, про Попцова можно забыть.

Лидия Польских в своей статье в "Московских новостях" обозначила этот новый взгляд на телевидение. Мы никогда раньше не были излишне дружны, и понимание того, каким должно быть телевидение, у нас было разным. Я хорошо запомнил этот не лишенный ядовитости рефрен. "Отставка Попцова была воспринята болезненно. Но будем откровенны, никаких решительных реформ на телевидении Попцов не осуществил..." И далее: "...разговоры об американизации канала, о чем говорится постоянно, - страх преувеличенный". Лидия Польских в этой американизации большого порока не видит. Если интересно - то любой вариант годится: хоть американский, хоть французский. И незачем кичиться национальными особенностями.

Мы кое-что сделали с Анатолием Лысенко - создали свое телевизионное видение, свою систему отношений, и в этом смысле Сагалаеву было непросто. По натуре человек ревнивый, он буквально приходил в ярость, когда его сравнивали с предшественниками. Желание искоренить было довлеющим, и, может быть, в этом таилась главная ошибка Сагалаева. Он ведь и сам многое создавал с нуля.

Как-то Хасбулатов написал свою очередную книгу. Ее издание предполагалось в Италии. Сотрудники издательства, полагая, что это усилит актуальность книги и ее политический резонанс, напечатали на суперобложке портрет Бориса Ельцина. Они просто не знали некоторых частностей взаимоотношений Хасбулатова и Ельцина. С автором книги буквально случилась истерика. Он топал ногами в присутствии итальянских коллег, разорвал обложку в мельчайшие клочки. Бунтовал политик Хасбулатов. В эту секунду он взял верх над Хасбулатовым-автором. Книга была распродана в меньших количествах, и гонорар, естественно, был меньшим. Тщеславие дороже выгоды. Кто-то посмеялся над поступком Хасбулатова, кто-то холопски аплодировал ему: знай наших! Подумаешь, президент, да кто он такой?! Кто-то, опять же холопски потирая вспотевшие руки, пересказывал случившееся президенту, осуждающе похихикивая при этом. А в сущности, поступок Хасбулатова был естественным. Он уже находился на той волне самовозвеличивания, которая либо возносит, либо разбивает о скалы.

Нечто подобное пережил я сам. При издании первой книги издатель посчитал название

"Хроника времен царя Бориса" непонятным и невыгодным для немецкого издания. Немцы не знают русской истории, и им не объяснишь исторической аналогии между Борисом Годуновым и Борисом Ельциным. Я обязан был признать правомерность возражений моих немецких коллег. В Германии книга вышла под названием "Борис Ельцин - президент, который так и не стал царем". Разумеется, я не топал ногами и не впадал в состояние комы. Я никогда и ни в чем не хотел быть обязанным президенту и даже его имени, которое могло быть использовано как реклама. Я не писал книги о Ельцине, меня интересовал отстраненный взгляд на этого человека и на людской хоровод вокруг него. Меня гораздо больше интересовала свита короля. И образ президента, отраженный в глазах его свиты, обретал краски неестественные. Практически я поставил памятник президенту. Моя соседка по даче, Татьяна Владимировна Щербакова, женщина достаточно ироничная, заметила: "Но он его не заслужил!" Это не было моим замыслом, так раскрутился сюжет. Я не страдал влюбленностью в президента или манией неприязни к нему. Важен образ времени. Оно судит нас. И если я хотел что-либо показать, то никак не памятник, а сколь велика тень от него. Но что верно, то верно. Тень заметна только при солнечной погоде.

БЛУЖДАЮЩАЯ СИЛА

13 мая 1996 года.

Страсти накаляются. Ельцин предпринимает максимальные усилия, чтобы достать, догнать ушедшего вперед конкурента. Социологические вопросы постоянно повторяют: Зюганов впереди. Состав предвыборного штаба президента уже который раз перетасовывается. Последние данные Института социологии парламентаризма Нугзара Бетанели - в Поволжье Зюганов опережает Ельцина на 8%. В Центральной России, именуемой "красным поясом", разрыв еще больше: Зюганов - 41%, Ельцин - 24%. Результат Зюганова не удивляет - это его вотчина. Удивляет другое: в регионах традиционно прокоммунистической ориентации Ельцин за последние два месяца поднял свой рейтинг с 6% до 24%.

Всякая попытка объединить демократические силы проваливается еще до возникновения самой идеи объединения. Миф о якобы созревшей "третьей силе" дотлевает, излучая остаточные искры. Григорий Явлинский, Святослав Федоров и Александр Лебедь не сумели договориться, не сумели поделить еще не обретенную власть. В этом ситуационный казус: при дележе несуществующего мнения разошлись.

Ельцин избрал вообще-то нестандартную тактику, он решил провести двусторонние встречи с претендентами. Пока в этот створ попали кандидаты демократической ориентации: Григорий Явлинский, Святослав Федоров и Александр Лебедь. Не исключено, что подобная встреча пройдет и с Жириновским.

По поводу этой идеи в ельцинском штабе разногласия. Либеральное крыло штаба считает череду таких встреч пустой тратой времени, особенно с Жириновским. Жириновский не имеет реальной аудитории, его электорат сокращается. Выигрыш от встречи мизерный, а тень на авторитет Ельцина ляжет основательная: Ельцин встречается с политическим конкурентом, предрасположенным к национал-шовинистической риторике. Думаю, что столь настырные рекомендации есть следствие извечной болезни либерально-демократического крыла в окружении президента - амбициозный синдром, а по сути, непонимание тонкостей политической борьбы на протяжении последних четырех лет.

Желая того или нет, мы являемся свидетелями успешности Жириновского в трех избирательных кампаниях: 91-го, 93-го и 95-го годов. Такие закономерности не бывают случайными или же поклонением "клоуну". Это пусть и печальная, но реальность: ЛДПР обрела характер постоянной составляющей общеполитического процесса в стране.

Российскому обществу не только не чужды идеи национал-социализма, напротив, оно к нему в значительной своей части предрасположено. И эти симпатии вспыхивают как эпидемия в зависимости от меняющейся ситуации и неспособности власти проявить себя в решении кричащих проблем, разрастающейся бедности и преступного террора.

И еще Жириновский подтвердил извечную истину: весома популярность. И не столь

важно - популярность со знаком "плюс" или со знаком "минус". Те же исследования Института социологии парламентаризма против фамилии Жириновского выбросили цифру "шесть". Совершенно очевидно, что на финише Жириновский сделает свой привычный рывок, пока он по-прежнему прекрасно чувствует себя на телевидении. Можно предположить, что число его сторонников возрастет на 2-3%. А это уже серьезно.

* * *

У победы много составляющих, но главных - две. Сама победа - это, по сути, возвращение веры в собственные силы. И ответ на вопрос: как жить после победы? Замолкла салютная канонада, выпито шампанское, рассеялся дым от петард... Что дальше?

Так вот, предвыборная тактика любой команды предполагает два уровня действий. "До" и "после". И вопрос: объединяться или не объединяться с кем-либо - вопрос не праздный и не простой. Непростой не в силу сложности процедуры объединения или преодоления амбициозного дискомфорта лидеров, а совсем по другой причине. Что делать объединившимся после победы? Как не превратиться во врагов? В случае поражения распад коалиции происходит без особых усилий. Нужно сохранить обвинительный кураж. Никто же не сомневается, что в поражении виноват ваш вчерашний союзник. Впрочем, и у союзника на этот счет точно такое же мнение. В любом предвыборном штабе сильной партии обязательно присутствует "контрмысль": зачем с кем-то объединяться? Почетно выиграть в одиночку, доказать свое превосходство и свой подавляющий авторитет. И тем самым гарантировать победителю максимальную независимость его будущей политики. И уж тем более не побуждать к объединению, а положиться на безвыходность ситуации, которая заставит оппонентов примкнуть к тебе. А значит, никаких торгов о будущих министерских портфелях.

Можно ли так рассуждать сегодня?! Можно, если есть уверенность в сокрушительной победе уже в первом туре. А если такой уверенности нет? Как и нет никаких бесспорных преимуществ. И второй тур неминуем. Как, впрочем, и превосходство Зюганова в первом туре. Именно из этого исходят сторонники самостоятельного ельцинского движения. Никаких плюсований: ни с Жириновским, ни с Явлинским, ни с Лебедем, ни с Федоровым. И уж тем более ни с каким Шаккумом, Брынцаловым или Горбачевым. Ну, добавят они 2-3% Ельцину, ну путь 5%. Все равно второй тур неминуем. Прибавление мизерное, а платить после победы придется с полной руки, потому как - "мы пахали".

Тем не менее Ельцин, как бы пренебрегая этими предупреждениями части штабного окружения, проводит ряд прощупывающих встреч с кандидатами, выступающими не в качестве его союзников, а в роли противников Зюганова. Это Александр Лебедь, Григорий Явлинский и Святослав Федоров, обозначенные журналистским штампом "третья сила".

Всякий переходный период - это время смуты и неопределенности. Время, продуцирующее страхи и мифы. Почему Ельцин пошел на столь нестандартный в президентской практике шаг, на двусторонние встречи с претендентами? Надеялся он на итоговую договоренность? Разумеется, не надеялся. Пятилетнее буйство политических амбиций не располагало к надеждам. Идея объединения демократических сил как дамоклов меч висела над головой.

И практически речь уже шла не об объединении, а, скорее, о получении векселя на политическое алиби. Ты сделал все возможное, а он ни в какую. Встреча - жест. И здесь равенство интересов бесспорно. Явлинскому, которого уже обвинили в думских торгах с коммунистами, а затем в развале демократического фронта, не хотелось опять услышать проклятия в адрес своей несговорчивости - он-де открыл дорогу коммунистам. Явлинский с достаточной безукоризненностью выстроил тактический рисунок двух встреч. Уже одно то, что Ельцин с ним встречался дважды, выделяло Явлинского не как более предпочтительного союзника, а как более значимого, имеющего устойчивый электорат и изымающего самую большую долю из избирательной копилки Ельцина.

Соглашаясь на эту встречу, президент хотел еще и узнать масштаб притязаний: чем и кем придется рассчитываться, заключи он подобный союз. Услышав просьбу Ельцина изложить свои взгляды в документальной записке, Явлинский получил возможность

встретиться с президентом вторично. Хотя Григорий Алексеевич во всех интервью по этому поводу подчеркивал равенство положений: встречаются два кандидата в президенты.

Предлагалась немедленная замена нескольких ключевых фигур в правительстве, но не ставился вопрос: кем заменить? Как и не звучал пофамильный ответ. Но предложение двусторонней коалиции демократической оппозиции и существующего режима - это уже активный торг с требованиями ультимативного характера.

"Меморандум Явлинского", назовем этот документ так, достаточно разумен, хотя и идеалистичен. Он как бы обрисовывает линию атаки, но в нем нет (как и в программе "500 дней") четко выявленной и спрогнозированной линии сопротивления; отсюда ясность изложения (а в этом Явлинскому не откажешь) и смутное интуитивное недоверие к идее в целом.

Во всей истории есть один фокус. Явлинский торгуется под завышенный номинал. И дело не в численности электората. Но тогда в чем? Предлагая коалицию, а следовательно, и коалиционное правительство Григорий Алексеевич видит себя на посту премьера (а иначе какой смысл в коалиции?). И всевозможные заявления Явлинского в ответ на нападки прессы, что, дескать, он не собирается быть премьером и готов договориться о третьей фигуре, разумеется, некое лукавство. Да и нелепо торговать третьего, когда ты сам имеешь достаточный опыт правительственной и реформаторской практики. Сверстники Явлинского, такие, как тот же Гайдар, Михаил Задорнов, Борис Федоров, даже Борис Немцов (а ведь Явлинский кое-что сделал, мягко говоря, для Нижнего Новгорода), готовы, потупив глаза, признать, что работать под началом Явлинского либо сверхтрудно, либо невозможно в силу диктатурности и капризности последнего.

А потому коалиционное правительство под началом Явлинского - вещь малореальная. Понимает это и президент. Явлинский умен, тщеславен и заносчив. В отличие от Гайдара он мало чем обязан президенту. Тем более что в том, прошлом, союзном раскладе он был даже более предрасположен к Горбачеву, так как в своих экспериментальных посылах был ориентирован на Союз, а не на суверенную Россию, хотя тот и другой являлись разновидностью власти, которая позволяла быть при ней, но не становиться ею. В случае с Явлинским справедливо сказать: Григорий Алексеевич, так же как Егор Тимурович Гайдар, слишком умен - это раздражает.

Декларация-ультиматум Явлинского достаточно логична в своей экономической части, но крайне спорна в части политической. Она как бы игнорирует реальность, в окружении каковой и на условиях каковой идет вся политическая борьба. Предлагая формулу двухпартийной исполнительной власти, Явлинский считает, что она должна стоять на двух опорах: движении "Яблоко" и партии власти "Наш дом Россия". Следуя тексту меморандума, главная цель этого замысла - "предотвращение неконституционного развития событий и обеспечение мирного проведения президентских выборов в России" и далее "скорейшее осуществление демократических реформ в интересах общества". Интересно завершающее уточнение: "с учетом уже сложившихся экономических и политических реальностей". Но если учитывать эти самые реалии, то, как представляется автору, поведение думского большинства левых, которые в ответ на изменившуюся реальность (если Ельцин принимает план Явлинского) немедленно объединятся с кем угодно, хотя и без формального объединения. Они - довлеющее большинство. И тогда двухпартийная коалиция сталкивается с бунтом на корабле, а бунт неминуем, следует президентский указ о роспуске Думы. Вопрос по существу: ослабит роспуск Думы коммунистов за пределами Думы в необъятном избирательном поле? Скорее всего, нет, усилит. Объединение с Явлинским в чисто стратегическом плане желательно, оно дает президенту шанс обновления, хотя та остальная часть демократического спектра от Чубайса до Бориса Федорова примет эту коалицию в штыки. Но коммунисты останутся и после роспуска Думы. В той, следующей, опять получим большинство. Тем более что раскол НДР и "Яблока" случится гораздо раньше.

Штаб Ельцина многослоен. Оптимисты не сомневаются в его победе. Пессимисты желают победы, но настаивают на подготовке запасного варианта. Власть ни в коем случае

отдавать нельзя.

Максималисты, таких очевидное меньшинство, отрицают необходимость каких-либо союзов.

Нет, переговоры проводить следует. Демонстрация своей лояльности необходима, но никаких соглашений, оформляющих союз, подписывать не надо. Почему не столковались?! Кто разберет! Наверняка запросили лишнего.

Идея двухпартийной системы - идея продуктивная, но в данной ситуации малореальная. Как тактика предвыборной борьбы - да! Имея в виду главный принцип, что как первое, так и второе движение, по сути, силы реформаторские, с несколько различной ориентацией, что позволяет вовлечь в русло реформаторского течения самые разные социальные слои. Вторично в России после 1917 года сталкиваются два крайне противоположных принципа социальной справедливости. В стране не должно быть богатых. По сути, это повторение большевистской идеи - упрощенная формула равенства. И как ее олицетворение - нарком продовольствия Александр Цюрупа, падающий на заседании правительства в голодный обморок. И вторая формула - в стране не должно быть бедных. Возвращаясь к первому тезису, отметим одну смысловую характерность. Вслед за утверждением, что не должно быть богатых, имущественная ориентация давала еще один вектор: не должно быть нищих. Подобное уточнение крайне необходимо при выработке главенствующей идеи экономического реформаторства, доступной пониманию каждого. Толпы нищих во все времена - скверный предвестник.

Итак, идея двух блоков, прообраза будущей двухпартийной системы, нацеленных на курс реформаторства, рухнула. В этом конкретном случае блок Рыбкина погубила его должность думского спикера. Как и индивидуальные качества самого Ивана Петровича: не всякий председатель лидер по натуре. Назвав кандидатуру Рыбкина, президент (не без совета А.Коржакова и М.Барсукова) совершил тактическую ошибку. Однако разумность замысла не утратила своей актуальности. Поэтому Явлинский вернулся к идее двухпартийности исполнительной власти. Объединяясь, они держат общий фронт, противостоят коммунистам. Разъединяясь (такое и правомерно, и даже необходимо в зависимости от политической конъюнктуры), они заставляют коммунистов бороться на два фронта.

Явлинский понимал непростоту положения Ельцина на предстоящих выборах. Ельцину нужны были союзники на демократическом поле. По натуре человек чрезвычайно обидчивый, Явлинский помнил, что в недалеком прошлом из новой генерации политиков Ельцин сделал выбор в пользу Гайдара, а не в пользу Явлинского, по сути, автора реформаторской концепции ("500 дней"). Григорий Алексеевич упускал свое недолгое и малоудачное вице-премьерство в составе силаевского правительства. И создавая движение "Яблоко", он был одержим идеей создания второго демократического центра, альтернативного гайдаровскому "Выбору России". И возможно, не желая того, практически начал осуществление идеи двухпартийности на реформаторском поле. Идея была актуальна, но реальность оказалась меньше масштабов идеи. В этом смысле идея двухпартийных блоков как фактор, обеспечивающий стабильность исполнительной власти, и двухпартийная политическая система - вещи сугубо разные.

* * *

Сегодня 4 июля, вторник.

Все газеты на первых полосах дают итоги выборов в Санкт-Петербурге. Собчак проиграл Яковлеву. Аналитиков не упрекнешь в отсутствии усердия. Гамма красок обширна: от беспощадности до сочувствия. Реликтовые деревья демократии, выросшие в межрегиональной роще, падают. Собчак предпоследний. Остается Ельцин. Интеллигенция Санкт-Петербурга проиграла. Она в своем большинстве поставила на Собчака, но выиграл Яковлев. Даже в поражении Анатолий Собчак сохраняет высокопафосную позу. Свой проигрыш он приравнивает к поражению Уинстона Черчилля после того, как тот привел Англию к победе в войне. Не будем вдаваться в детали по-своему драматических выборов, прошедших в Северной Пальмире. Отметим четыре особенности этих выборов. Мэр обязан в

себе соединить два равновеликих состояния политика. Ибо вторая столица, как издревле называли и Санкт-Петербург, и Питер, и Ленинград, таковой остается и поныне. Как центр интеллекта, высококачественных технологий, великой культуры. Абсолютно во всех направлениях науки и искусства существует понятие - ленинградская школа. Ленинград традиционно был городом с характером, городом-капризом. Центральная власть не раз причесывала Ленинград, ужимая и сокращая дотационные выплаты, приравнивая Ленинград к обычному областном центру. Это началось при советской власти, еще с Кирова. Перед лидерами Ленинграда всегда стоял выбор: либо сохранить нравственную и позиционную суверенность и быть нелюбимыми Москвой, но оставаться значимыми в России, где всегда чтили достойность; либо урезонить гонор и обрести характер более благополучной, но провинции.

Бесспорно, строптивость Собчака раздражала центр. И на прошедших выборах федеральная власть болела не за Собчака, а за его основного противника - Яковлева. Собчак проиграл достойно, уступив лишь полтора процента. Это ставит победителя в трудное положение. В известном девизе "хлеба и зрелищ" - 47% петербуржцев выбрали хлеб, они проголосовали за хозяйственника, а не за политика. Не дай Бог Яковлеву, утверждающему неоспоримую истину, что Москва и Петербург - это две руки, сомкнутые в рукопожатии, а не в противоборстве, не получить той финансовой поддержки центра, на которую он рассчитывал в обмен на свою лояльность и послушность перед ним. Одно - поведение центра до выборов, когда желательно убрать с арены неудобного политика, другое - когда это произошло и уже можно вздохнуть и, поздравив победителя, сказать: "Выкручивайся сам".

Ельцин недолюбливал Собчака, недолюбливал ревниво, не без давления отрицательной информации, которую доносила до ушей царя услужливая свита. Не всегда эта информация была придуманной, "накатной". Анатолий Собчак легок на язык и в запале, опьяненный свободой, впадал в чисто собчаковские откровения, давал хлесткие оценки современной власти, будучи сам как управленец достаточно уязвим. Эта адвокатская и университетская привычка блеснуть, вывести оппонента из себя. За словом Собчак в карман не полезет. А вот за деньгами... Тут Собчак готов атаковать любой бастион. Собчаку не повезло. В Москве сильный мэр. И он был обречен на постоянное сравнение с Лужковым. Никуда не денешься. Лужков прирожденный хозяйственник, управленец с довлеющим лидерским началом. Лужков вынужденно (его постоянно втягивали) занимался политикой. Он просто выделялся на общем фоне малоэффективных политиков. И уже в какой раз ревность высшей власти оказывалась барьером в добрых отношениях. В этом смысле Лужкову повезло, что Ельцин в недалеком прошлом возглавлял Москву и из всего президентского окружения он единственный, кто понимал, что такое управлять столицей. И частично уступая нажиму, как случилось в конце 94-го - начале 95-го года, он как бы суровел лицом и душой к Лужкову, принимал несколько жестких решений, чем вызывал панику в лужковском лагере, но затем возвращался на прежнюю уважительную позицию. Ельцин понимал: потерять Москву, значит, потерять Россию. Лояльный энергичный столичный мэр - это благо для президента. Не то что Собчак. Крылатое выражение Собчака: "Хорошо Лужкову - у него есть Ресин1". Слова из уст Собчака вылетают необремененные. Порой неосознанно он обижает и даже унижает коллег. Во-первых, найти своего Ресина - это талант лидера, который не боится сильных рядом с собой. Анатолий Александрович, даже считая себя солнцем (а он, бесспорно, человек с потенцией лидера и даже трибуна), всегда боялся солнечного затмения. Это довольно распространенная болезнь во властных коридорах. Если лидер ею не страдает, то окружение делает все возможное, чтобы заражение вирусом этой болезни все-таки состоялось. Это очевидная гарантия - влиять на лидера впоследствии. Итак, у Собчака не было своего Ресина, но у него появился свой Яковлев.

За время пребывания у власти, а это пять лет, Собчак сменил семь своих заместителей. Как свидетельствуют многие, элитный демократ требовал беспрекословного подчинения. Я думаю, что Анатолий Александрович совершил хрестоматийную ошибку: не научившись управлять, он научился командовать. Это сказано не в укор человеку уважаемому и

сделавшему достаточно для утверждения демократических принципов в России. Это обычная плата за отсутствие опыта управления у людей демократических воззрений, которых прошлое руководство страны не жаловало и не подпускало к кормилу власти.

Всегда надо помнить - власть, претендующая на монополию власти, в одном пакете с монополией обретает и вырождение власти. Это закон любого развития.

ЯРМАРКА ЖЕЛАНИЙ

Все чего-то желают. У каждого свой масштаб претензий. Дети хотят, чтобы побыстрей наступило лето и каникулы. Студенты - чтобы поскорей кончилась весенняя сессия. Директора заводов - чтобы они снова стали значимыми и чтобы спад производства, который якобы прекратился еще в конце 1994 года, прекратился наяву хотя бы в конце 97-го года. Ученые ждут научного подъема и возвращения пристойных зарплат. Фермеры - льготных кредитов. Предприниматели - здравых налогов. Те, что продают, - обилия товаров, чтобы было что продавать. Те, что покупают, чтобы было достаточно денег, чтобы было на что покупать. Одни мечтают найти работу. Другие тумбочку, где деньги лежат. Все вместе - ждут выборов, после которых...

Вот именно. Что "до того" - ясно всем или почти всем. А вот как будет выглядеть "после"? Об этом ни в сказке сказать, ни пером описать.

До выборов считанные дни. Кандидаты в президенты поизносились, поистратились, подустали. Последний рывок - предфинишная прямая. Все, кто не победит, знали об этом и до выдвижения. Участие в процедуре на результат не повлияет. Чего быть не может, того не может быть. Мартин Шаккум, Михаил Горбачев, Аман Тулеев, Юрий Власов, Святослав Федоров, Александр Лебедь, Владимир Брынцалов, Владимир Жириновский президентами России не станут. Столь же верно, что не станут им еще двое, так как пост президента всего один.

Отвечая на вопрос журналиста: читает ли он книги? - Жириновский признался, что не читает. И пояснил: "С 1991 года занимаюсь только выборами!" Уснул избранным, проснулся - опять избирательная кампания. Вывод первый: нам надо внять разуму. Бесконечный предвыборный ажиотаж дорого стоит и мало что меняет. Иногда мне кажется, что современная власть существует лишь для того, чтобы не разочаровывать западный мир и доказать у нас демократия.

Зачем выдвигаться, если знаешь, что не будешь избран? Хороший вопрос. Шаккум - чтобы укрепить свое положение в бизнесе. Горбачев - чтобы оживить убывающую популярность, повысить гонорары за свои выступления и книги. Тулеев - чтобы на торгах руководящих мест в блоке иметь по возможности максимальный балл. А ежели выпадет премьерство - вытоптать вокруг себя большее поле самостоятельности. Для Брынцалова нынешние выборы - купеческая забава, разминка перед 2000 годом. Могу купить часы, завод, остров, материк. Для Святослава Федорова - возможность получить самые точные данные о количестве своих будущих пациентов. Власов настроен испортить настроение и коммунистам, и демократам. Жириновский знает о себе все. Но для него выборы - своеобразная политическая стимуляция, очевидная гарантия остаться во главе партии. Для генерала Лебедя это путь возвращения в руководство армии или какого другого силового ведомства, причем путь достойный и для общества желательный.

Григорий Явлинский тоже хочет стать президентом. Но для его победы должно случиться фантастическое стечение обстоятельств. От резкого потепления климата и таяния ледниковых масс в Гималаях и на Памире до проигрыша Ельцина в первом туре, спонтанного разлада в лагере непримиримой оппозиции с одновременным недомоганием Геннадия Зюганова. И вот тогда... Впрочем, осуществление того самого "тогда" маловероятно. А поэтому для Григория Алексеевича участие в президентских выборах есть решительная попытка исключить, наконец, "многолидерство" в рядах либерально-демократической оппозиции, свести на нет все еще мерцающую звезду Егора Гайдара и сократить до минимума игровое поле экономических сверстников: Анатолия Чубайса и Бориса Федорова. О Геннадии Зюганове и Борисе Ельцине подробно говорить нет смысла. Их желание

очевидно - победить на выборах и стать президентом России.

Нагнетание некоторой неуверенности перед выборами стало хрестоматийным ходом оппонентов. Коммунисты вот уже месяц говорят о фальсификации выборов. Дума под давлением все того же коммунистического большинства обсуждает Закон об общественном контроле за выборами. Почему коммунисты избрали именно такую тактику? Мне кажется, ответ очевиден. Коммунисты рассматривают общественный контроль как реальную возможность давления на избирателей непосредственно на избирательных участках или на подходе к ним. Коммунисты намерены использовать свое преимущество в организованности. В этом смысле ни одна партия, ни одно движение не может составить им конкуренции. 70 лет работы с массами не проходят бесследно. Как показывает практика выборов, 4-6% избирателей принимают решение, за кого голосовать, практически уже на избирательном участке. Разумеется, общественный контроль за выборами - идея здравая. Но действия наблюдателей по-своему бесконтрольны, а значит, самоинициативны. Просто коммунисты понимают, что победитель на выборах, кем бы он ни был, не одержит сокрушительной победы. Только незначительный перевес даст преимущество одному из кандидатов. Санкт-петербургские выборы - тому подтверждение. И не надо упрощать тактику коммунистов. Дескать, разговоры о фальсификации подтверждают опасения коммунистов перед возможным поражением. Это наивное толкование.

Иной рисунок предвыборной борьбы в штабе Ельцина. И точка зрения Александра Коржакова о переносе выборов, о нецелесообразности их проведения - не каприз генерала. В ситуации, подобной нашей, в партии власти борются два взаимоисключающих взгляда. Победить на выборах или удержать власть любой ценой. Это реальность. Если на карту поставлена судьба реформ, в любом государстве возникает подобная дилемма. Существует она и у нас. Борис Ельцин это признал в одном из своих интервью.

В наших рассуждениях есть один изъян. Экономические реформы и поныне лишь обещанный результат. Пять лет мы топчемся на том же самом поле, поле невоплощенных надежд. И никакого признания совершенных ошибок. В заделе у Ельцина всего один козырь - политический плюрализм. Но будем честны, эту заслугу надо поделить пополам. 50% плюрализма за Горбачевым. Заслуга Ельцина, что он не потерял, а нарастил.

Известно, что демократическое крыло в штабе президента (Илюшин, группа помощников, Чубайс, Филатов, видимо, Шахрай) считало, что победа на выборах дает свободу и должна развязать руки Ельцину, сделать его практически независимым в своих решениях. В этом случае он может безбоязненно избавиться от одиозных фигур в собственном окружении. Никакой вынужденности и зависимости от этих людей больше не существует. Его избрал народ. Ельцин никогда не упускал случая повторять эту фразу, фразу-гарантию: "Я всенародно избранный президент". Однако по прошествии времени он погрузился в атмосферу, которую продуцировало его окружение. Ельцин интуитивно чувствовал, что его затягивает эта среда. И как только улучшалось его самочувствие, он взбрыкивал и сбрасывал с себя оседлавших его клевретов, начинал кадровые перетряски. Предчувствие неминуемости повторения подобной ситуации - если не сейчас, то чуть позже, но обязательного повторения заставляло противоположный фланг в окружении Ельцина играть на обострение. Они лучше знали Ельцина, чем вновь прибывшие новобранцы. И им не хотелось ни терять власть, ни делить ее с более молодым пополнением, которое они считали своими политическими противниками. Складывается парадоксальная ситуация. Определенный круг людей в ельцинском штабе хотел, чтобы Ельцин остался президентом в силу некой нестандартной ситуации, но не в результате открытых демократических выборов, проведенных в конституционные сроки. И в этой нестандартной ситуации именно они окажут президенту крайне необходимую помощь. Сценарий нестандартных ситуаций может быть самым разным. Существует ли понятие чистой демократии? Теоретически да. В цивилизованном обществе это состояние правомерно. В обществе, переживающем переходный период, по-российски именуемый смутой (он же период первоначальной демократии), метод компромиссов менее эффективен, нежели использование мер

авторитарного характера во благо спасения демократических завоеваний. В этом есть своя закономерность. Реформы длительное время - привилегия меньшинства.

И давление недовольного большинства не есть отрицание реформ как курса, а, скорее, неприятие их безрезультатности. Для отстаивания высокой цели недемократическими средствами у общества должны быть гарантии, что эти средства спасут и реформы, и демократию. Вот она - "ахиллесова пята" реформаторов. Ничего нет более постоянного, чем временное. Временные компромиссы, временные ограничения, временные нарушения конституции. Но если исключение становится правилом - общество опрокидывается. Там, где строят баррикады, архитекторы ни к чему.

* * *

Легкость, с которой политологи отрицают всякую аналогичность выборов в Санкт-Петербурге с президентскими выборами, а их оппоненты настаивают на абсолютной аналогии, крайне удручает. И хотя принято считать, что истина посередине, эту самую истину следует непременно вычленить, ибо она поучительна. Коммунисты, как только были объявлены результаты петербургских выборов, поспешили их объявить своей победой. Это был, скорее, психологический ход. Кандидат коммунистов на тех же самых выборах набрал чуть более 10% и выбыл из дальнейшей борьбы. И тем не менее столь неожиданное заявление секретаря РКП: "В Санкт-Петербурге мы одержали победу". По существу, они правы. В Санкт-Петербурге проиграли демократы. И кто бы ни одержал победу, в понимании РКП, это лучше, нежели ярый антикоммунист Анатолий Собчак. Владимир Яковлев тотчас поспешил отмежеваться от опасного откровения Валентина Купцова. На пресс-конференции, состоявшейся сразу после выборов, он сказал: "Альтернативы Ельцину на посту президента нет". Над питерскими выборами витал образ Юрия Лужкова. Образом удачливого московского мэра корили Собчака. Лужкова, как фигуру эталонную для себя, называл Владимир Яковлев. И тем не менее, как бы часто Яковлев ни напоминал, что победу в Санкт-Петербурге одержала демократия, и как бы охотно с этой точкой зрения ни соглашался Борис Ельцин, потерпел поражение, пусть с минимальным, крошечным разрывом, один из ключевых персонажей демократического предвестия в России Анатолий Собчак.

Я думаю, что Ельцин сам делал зловещим часть своего окружения. До поры окружение как окружение, но затем президент кого-то выделяет. С этой минуты он отмечен большей преданностью. Иных критериев у стремительно стареющего президента с 1995 года уже не существует. Нельзя изобразить несуществующий профессионализм, если вокруг профессионалы, а вот преданность можно. В случае с Собчаком это было наиболее очевидно. А.Коржаков и М.Барсуков были инициаторами разрыва отношений между Собчаком и Ельциным. Ради справедливости добавим, что заносчивый Собчак немало этому способствовал. Он подчеркнуто презирал этих клевретов. И те ему платили такой же ненавистью. Для слабого управленца - не политика, а именно управленца, каковым был Собчак, - такая антисобчаковская атмосфера среди помеченных президентским доверием холопов была скверной приметой. Это доверенная президентская рать прилагала массу усилий, чтобы отсечь Ельцина от той самой демократической волны, которая на своем гребне вынесла его на президентский пост. Возможно, сам Ельцин так не думал. Тем хуже. Это значит, что от лица президента часть его окружения вершила свои дела в собственную пользу, а не в пользу президента. Проигрыш Собчака тактическая ошибка президентского штаба. Я не знаю Владимира Яковлева, но никогда удобность и послушность не давали долгосрочного выигрыша. И если Яковлев не дурак, он проявит характер уже в ближайшее время. Почему коммунисты объявили выигрыш Яковлева своей победой? Бог с ним, с Собчаком. Своим заявлением они подчеркнули в сознании обывателя, что так называемые реформаторы терпят поражение по всему фронту, а следовательно, неразумно сохранять у власти "последнего из могикан", которым является Ельцин. Когда полк попадает в окружение, священным долгом солдата является спасение знамени полка, спасение символа. Собчак был одним из таких символов политических реформ в России. Для Яковлева Ельцин самый высокий начальник. Для Собчака он тоже высокий начальник, но это как бы во-вторых. Во-первых их общее

недалекое прошлое, сотоварищество по демократическому началу. Ельцин - один из знаковой когорты, которого они (А.Собчак, Г.Попов, М.Полторанин, Н.Травкин, Г.Старовойтова. С.Станкевич) подвигли на демократический прорыв. Они, межрегионалы, и были первым ельцинским интеллектуальным ядром. Ельцинская опала по отношению к людям ярким и нестандартным, играющим с ним на одном политическом поле - очевидный синдром теряющего силы президента.

СТРАННОЕ СОВПАДЕНИЕ

Едва ли не вслед за поражением Собчака, спустя неделю, совершено покушение на кандидата в вице-мэры Москвы Валерия Шанцева. Что связывает эти два события и связывает ли?

Во-первых, Шанцев напарник Лужкова. Во-вторых, Лужков и Собчак практически две самые заметные фигуры в ранге региональных лидеров, при этом лидеров федеральной значимости. Лужков незаурядный хозяйственник и управленец. Собчак - один из триады либеральных апостолов конца 80-х (А.Яковлев, Г.Попов, и он, Анатолий Собчак). И его неудобность, строптивость - терпимый грех.

Желаем мы того или нет, поражение Собчака укрепило в общероссийском масштабе позиции коммунистов. Демократическая закваска Владимира Яковлева или ее отсутствие проявятся несколько позже. А пока в президентском бредне образовалась громадная дыра, через которую могут уйти по меньшей мере 2% избирателей. Попытки представить Собчака как ельцинского конкурента делались постоянно. Ревниво перечитывались его книги (а Собчак был неуемен в творчестве), собирались досье из его выступлений, из его высказываний в адрес федеральных властей, ближайшего окружения президента и самого Ельцина. Под напором этого наушничества Ельцин к Собчаку охладел. Их контакты практически прекратились. Ну что же, терять - не находить. Те, кто совершил покушение на Шанцева, целились в Лужкова. Естественно, не буквально. Замысел прост - сорвать выборы в Москве. Лужков остается на своем посту, но уже по указу президента. Ныне президент не может отстранить Лужкова от должности. Лужков избран прямым общемосковским голосованием. Несостоявшиеся выборы, а Лужков на них непременно одержит победу, лишают Лужкова его защитного мандата. Он становится попросту главой администрации, которого и назначает, и снимает президент. Согласитесь, в этих рассуждениях есть логика. И вот тут возникает вопрос: кому было выгодно убрать с дистанции и Собчака, и, судя по всему, Лужкова? Коммунистам? Если только отчасти. Шанцев - выходец из самого чрева партийной среды прошлого разлива. По традиционным меркам, он не чужд теплых отношений со здравыми силами в РКП. Конечно, для коммунистов неприемлем Лужков. И если они не уверены в победе на президентских выборах, то срыв выборов в Москве для них как нельзя кстати. Лужков лишается легитимности, он становится назначенцем президента. И фамилия последнего уже не имеет никакого значения: Ельцин или Зюганов. И тот и другой смогут легко расправиться с назначенным мэром. Даже при желании трудно не заподозрить связь между событиями в Москве и в Санкт-Петербурге. На петербургских выборах симпатии Лужкова были на стороне Яковлева. В этом повинна амбициозность и ревность Собчака. Хотя вполне возможно, что это была хорошо разыгранная комбинация со стороны все тех же нагнетающих ситуацию сил. Позже, после встречи с Сергеем Филатовым, мне стало известно, что президент даже настаивал на безусловной поддержке Собчака. А в это время силами ФСБ (Барсукова) готовился уничтожающий Собчака компрометирующий материал, которым по своим каналам ФСБ подпитывала питерскую оппозицию мэра. Источники, близкие к Кремлю, утверждают, что существовал план ареста Собчака накануне выборов. Доказательны ли материалы, собранные против Собчака, или сразу после выборов выяснится, что состава преступления нет, - это для команды Коржакова-Барсукова-Сосковца особого значения не имеет. Важно вывести Собчака из игры, бросить на него тень, отсечь от него избирателей и исключить на будущее его возвращение в большую политику. Надо испачкать и дискредитировать настолько, чтобы ни о каком политическом возрождении не могло быть и речи. Жаль, что В.Яковлев, первый заместитель мэра в момент выборов -

главный соперник Собчака, принял этот стиль игры и практически заставил Собчака стать недостойно агрессивным и ответно скандальным. Собчак понял, что Москва и в лице правительства, и в лице части президентского окружения активно играет против него. У Собчака сдали нервы, и эту стадию предвыборной борьбы он проиграл.

ВАШЕ ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО,
ГОСПОДИН ПРЕЗИДЕНТ

Он войдет в историю, как президент, продолживший демократические и начавший экономические реформы в России и, вполне возможно, сделавший этот процесс необратимым.

Он неоднократно бросал на чашу весов свой авторитет. Это его стиль. Стиль нестандартного политика, политика-бунтаря.

Он войдет в историю, как президент, добившийся принятия новой Конституции, как президент, распустивший ВС и не избежавший при этом драматическом действии кровопролития.

Он войдет в историю, как президент, возродивший Государственную Думу и пообещавший реформировать армию.

Он войдет в историю, как президент, в правлении которого произошло два путча и две войны.

Он войдет в историю, как президент, подаривший обществу непромеренные пространства гражданских свобод, и как президент, просмотревший криминальную революцию.

Он войдет в историю, как президент с большевистскими манерами и стилем поведения и как антикоммунист по убеждениям.

* * *

Я договорился с Егором Яковлевым, что если грянет второй тур голосования, то я напишу нечто вроде портрета Бориса Ельцина. Честно говоря, мне не хотелось писать именно эту работу. "Ну а кто?" - чувствуя мое нежелание, спросил Егор. Я пожал плечами: не знаю. Еще кому-то заказали портрет Зюганова. Историк, когда-то вместе работали. Я вообще впервые услышал фамилию этого человека и даже мысленно не мог представить своего компаньона по газетной полосе. В конечном итоге статью о Ельцине пришлось писать мне. Она была заверстана в номер от 20 июня, в четверг. Номер вышел, а статьи нет. У моего оппонента, как сказал Егор, статья не получилась. Это было вдвойне досадно, ибо все то, что случилось двумя днями позднее, в статье было как бы предсказано. А случилось вот что...

Но сначала о том, что произошло до того, чуть раньше. В середине мая, как принято говорить в журналистских кругах, случилась сенсация. Заместитель председателя Национального фонда спорта Борис Федоров был задержан сотрудниками ФСБ. Примечательно, что Федоров - правая рука Тарпищева. И все льготные торговые операции, право на беспошлинный ввоз спиртных напитков и табачных изделий, конечно же, шли через Федорова. Из чего следует, что он, как никто, знал финансовые потоки, пополнявшие казну фонда. И еще одна немаловажная деталь. Федоров был председателем достаточно мощного коммерческого банка "Русский национальный кредит". И при обыске у него обнаруживают некую сумму денег и какое-то количество наркотиков. И не где-нибудь, а в машине, принадлежащей фирме, которую водит не сам Федоров, а нанятый фирмой водитель. По обвинению то ли в транспортировке, то ли в хранении, то ли в продаже наркотиков Федоров и задерживается. Факт зловещий и малопонятный, потому как количество наркотиков было мизерным. Федорова тем не менее арестовывают, и он оказывается в Бутырской тюрьме. Зачем? Шаг алогичный, но ...

Во-первых, Федоров являлся заместителем Шамиля Тарпищева - бывшего тогда министром спорта и одновременно помощником президента по спорту. Тарпищев входит в круг самых близких людей Ельцина. В этом смысле он сравним только с Коржаковым и Грачевым. Он постоянный тренер президента, приобщил его к теннису и сделал в этом плане достаточно много для сохранения физической формы президента. Они знакомы с

президентом еще с московской поры, когда Ельцин возглавлял столичный горком партии. Хитрый и немногословный, Тарпищев старался держаться в тени. Непомерное доверие к нему президента не было ни для кого тайной, что и вызывало ревность и раздражение, особенно тех, кто этим президентским участием не был вознагражден. Тарпищев старался держаться от политики подальше. Что и помогло ему президентскую расположенность использовать с максимальной выгодой. Льготы, добытые Тарпищевым для фонда спорта (на право ввоза и торговли алкогольными напитками и табачными изделиями без изнуряющего налогового обложения), вызвали в буквальном смысле ярость у Анатолия Чубайса. И хотя чисто теоретически все эти средства шли на развитие спортивного движения и физической культуры, которые практически лишились государственного финансирования, все равно правительство, и прежде всего Чубайс, старалось аннулировать льготное поле. Не было никакого сомнения, что и Тарпищев, а через него и Федоров входили в число президентского окружения наряду с О.Сосковцом, А. Коржаковым, М.Барсуковым и П. Бородиным. Не будет секретом, что и банк "Российский национальный кредит" был создан с расчетом укрепления финансовых возможностей этого крыла в окружении президента. Шли разговоры о неслучайности ареста Б.Федорова, как и неслучайности его освобождения по мотивам якобы неподтвердившихся подозрений, хотя факт подписки о невыезде говорит, что и подозрения остались. Во всяком случае, люди, настоявшие на задержании, решили сохранить эффект страха - так, мол, Федоров будет сговорчивее.

После ареста Федорова, по чистой случайности, у меня был разговор с рядовым вкладчиком его банка - Людмилой Касаткиной. Она пожаловалась, что банк внезапно прекратил выплаты вкладчикам. И после массовых волнений вкладчики потребовали объяснений от руководства "Российского национального кредита", которое было достаточно откровенно и сообщило, что ряд авторитетных организаций не расплатились по кредитам, выданным банком. Среди задолжников, поставивших банк на край пропасти, оказалась Служба безопасности президента. Ее долг равнялся сорока миллионам долларов. Эту информацию вкладчикам сообщило руководство банка. По сведениям, полученным из неофициальных источников, Федоров, осознавая критическую ситуацию, в которой оказался банк, потребовал от должников немедленного погашения кредитной задолженности, так как "Российский национальный кредит" прекратил по этой причине текущие расчеты с вкладчиками. Как свидетельствуют те же источники, Коржакову эта навязчивая недисциплинированность почти что подчиненного ему человека не понравилась. И поведение Федорова было истолковано как наглое. По другим источникам, Федоров к тому же отказался выделить солидные суммы на предвыборную кампанию Бориса Ельцина и стал торговаться. На что Олег Сосковец (как мы помним, руководитель президентского предвыборного штаба) высказался нелицеприятно в адрес Федорова и пригрозил ему санкциями, разъяснять которые посчитал не нужным. Разумеется, и та, и другая информация никакого официального подтверждения не имела и не могла иметь.

Спустя месяц случилось либо мало объяснимое, либо объяснимое вполне. Было совершено покушение на Федорова. Трагедия произошла рядом с домом, где он проживал. Сводка достаточно лаконична: в такое-то время, в таком-то месте. По почерку покушение было явно заказным, и следствию не было необходимости ставить под сомнение именно эту версию. Пуля попала в живот Федорову, прошла навылет и ранила его спутницу, студентку одного из вузов. Судя по всему, Федоров был без охраны. После выстрела Федоров упал и, теряя сознание, стал звать на помощь. Киллер, поняв, что жертва еще жива, нанес Федорову два ножевых ранения. Как свидетельствовали врачи, ножевые удары были нанесены достаточно профессионально и повредили основные центры жизнедеятельности. Федорова доставили в Институт имени Склифосовского, но через два дня в целях безопасности перевели в другое лечебное учреждение. Странность этого покушения, его непроясненность были замечены если не президентом, то, будем надеяться, его семьей. Последовавшие незамедлительно намеки, что покушение, скорее всего, связано с бизнесом Федорова, выглядят малоубедительными.

Покушение на Федорова это, скорее всего, покушение не на человека, много имеющего и многим владеющего, а на человека, много знающего.

* * *

Сегодня, 3 июля.

День выборов. Второй тур. Явка чуть ниже первого тура. Каждые полчаса по телевидению и радио дается информация о количестве проголосовавших. Выводы аналитиков после событий недельной давности претерпели некоторые метаморфозы. Я уже рассказывал о скандале в Белом доме в связи с арестом двух сотрудников президентского предвыборного штаба и скоропостижной отставке трех ключевых фигур "ближнего круга" - Сосковца, Барсукова и Коржакова, последовавшей часом ранее нервной эмоциональной пресс-конференции Анатолия Чубайса, на которой он обвинил триумвират в подготовке едва ли не заговора. Так вот, после "варфоломеевской ночи" накануне второго тура оптимизм аналитиков стал медленного угасать. И хотя с точки зрения демократов в отставку ушли фигуры одиозные, но демократы еще не весь электорат, и политологи спешно просчитывали, в какую сторону качнется избиратель. Триумвират имел своих сторонников. Это не первый отставочный указ президента, наделавший много шума. Были и похлестче, хотя внезапная отставка практически самого близкого человека всегда сенсация.

Дело в другом. Глашатаем этих событий оказался Анатолий Чубайс, сам еще совсем недавно отстраненный от своих обязанностей с жестким президентским напутствием: "Убери Черномырдин Чубайса из правительства за месяц до парламентских выборов, тогда бы за его блок проголосовали не 10, а 20% избирателей, а может быть, и больше". Нет необходимости оспаривать эмоциональные президентские прогнозы, хотя в словах Ельцина есть доля правоты. По всем профессиональным критериям Анатолий Борисович Чубайс фигура не стандартная и наиболее яркая среди генерации политиков новой волны. Но судьбу не заказывают. Крестный отец приватизации активно не любим многолюдной Россией. Насколько справедлива эта нелюбовь - другой вопрос. Ничего не поделаешь, Чубайс положил начало самому болезненному, самому драматическому процессу в общей стратегии реформ - процессу перераспределения собственности. В России началась эпоха первоначального накопления капитала. Сейчас не время говорить, насколько успешно прошла приватизация. Ограничимся одной фразой - перераспределение собственности в России прошло бескровно, несправедливо для сограждан и безденежно для государства. Собственность забрали у бесхозяйственного государства, и она попала в руки полу- или полностью криминального мира. Просто реформаторы не учли, что в социалистическом "вчера" 40% товарного оборота уже находилось в теневом секторе. Он и оказался главным приватизатором. Владелец собственности, сменив управляющих этой собственностью, оказался еще хуже. Преступный мир стал легальным бизнесменом. В России прошла вторая криминальная революция.

Появление Чубайса на телевизионном экране в мантии обличителя, не давшего осуществиться заговору, обывателем был воспринят, мягко говоря, неоднозначно. Во-первых, в существование заговора никто не поверил. А во-вторых, возвращение Чубайса во власть приняли без особой радости. Пресс-конференцию истолковывали как маленькую месть Чубайса за те самые 10%, в потере которых президент упрекнул Черномырдина. Хотя гамма упреков была гораздо значительнее. Президент дважды касался этой проблемы: ожидаемой денежной отдачи от приватизации нет; обещанные семь триллионов (речь шла о 1995 годе) так и не поступили в казну; на аукционные торги следуют жалобы одна за другой. Вывод очевидный. Приватизация - массовый раздражитель. Люди чувствуют себя одураченными. Исконно отечественные предприятия через подставных лиц попали в руки западного капитала и криминального мира. Никакого народного капитализма. Контрольные пакеты акций в руках узкой группы прежнего руководства заводов. Перепад в заработной плате директора завода и рабочего немыслимый - в 20-30 раз. Кто виноват? Чубайс! И Чубайс получает отставку. А вдогонку те самые якобы 10% избирателей, которых недобрал Черномырдин.

Месяца за полтора до тех думских выборов 95-го года я встречался с Черномырдиным.

Премьер рассказывал, какое немыслимое давление на него оказывалось с требованием отставки Чубайса. Кстати, Ельцин был среди тех, кто рекомендовал Черномырдину расстаться с Анатолием Борисовичем. А Черномырдин сказал: "Нет". Пересказывая мне эту драматическую ситуацию, премьер заметно волновался: "Они не видят, как он растет, как прибавляет буквально на глазах. Я тебе так скажу, - заметил Черномырдин с доверительной ноткой в голосе, - Чубайс после поездки к шахтерам в Ростов вернулся другим человеком. Там была взрывная ситуация. А он сумел их, как говорится, распропагандировать, перетянуть на свою сторону. Мне рассказывали, что рабочие ему поверили, и когда он уехал, в шахтах так и говорили: "А этот рыжий силен - и головастый, и работу знает". "Уберите, замените, зачем он вам!" Советчики... (Премьер умел красиво и сочно материться.) Они думают, что толковые работники в коридорах толпятся, в очередь стоят. Их надо выуживать. Забросил невод, тряси, все мелкота да мелкота. Пока нащупаешь что-то подходящее. Нельзя толковыми людьми разбрасываться".

возвращение блудного сына

Как рассказывал мне Филатов, он настаивал, чтобы А. Чубайс был включен в предвыборный президентский штаб. Противились все те же Сосковец, Барсуков, Коржаков. Но настаивал не только Филатов. Президент было заупрямился, а потом уступил. Ситуацию переломили банкиры "семибанкирщина", как их окрестила "Общая газета". Президент уступил легко. Из чего якобы следует, что рассерженность президента и его комментарий к недавней отставке Чубайса были небольшим спектаклем и президент уже думал о новом назначении Чубайса. Ничего подобного. Просто состав довлеющих сил на президента изменился. Выборная кампания требовала денег, и Чубайс эти денежные потоки мог организовать. А Сосковец не мог. И Коржаков не мог. Президенту это популярно объяснили те, кто эти деньги имел.

Легкость, с какой оскорбленный Чубайс принял предложение, лишь подтверждает наличие мощного тщеславного начала, упрятанного в этой жилистой, не обремененной лишним физическим весом фигуре. Сразу после отставки - сдержанное заявление перед прессой, корректность по отношению к президенту и никакой обиды. Чубайс взнуздал банкиров и как-то незаметно стал одним из определяющих идеологов предвыборного штаба. Кстати, в этой роли он не самая сильная фигура. Мешают излишний прагматизм и эмоциональность, при всей кажущейся взаимоисключаемости этих черт. На той самой пресс-конференции проявилась именно излишняя эмоциональность рационального Чубайса.

Что же произошло на самом деле? Была ли коробка с деньгами? Была. Эти самые доллары были получены под расписку не где-нибудь, а в Белом доме. И передавались они в распоряжение штаба президента как оплата за рекламу президентской кампании. По самым скромным подсчетам, победа Ельцина оказалась, в прямом смысле этого слова, крайне дорогой. Цифры называли разные: 40 млрд, 80 млрд. Совершенно очевидно, что Ельцин значительно перекрыл цифры, установленные избиркомом для каждого кандидата в президенты. Более половины этой суммы внесли коммерческие банки. С определенным цинизмом можно сказать - финансирование избирательной кампании Бориса Ельцина банки совершали не по принуждению. Банки боролись за свое будущее. Но это к слову. Сам факт, когда доллары выносятся из Белого дома в коробке из-под ксерокса, людьми из президентского окружения - нонсенс. Не будем вдаваться, насколько продумана и насколько была предвзята операция. Она породила панику среди сторонников Чубайса в штабе.

Коржаков, разработавший операцию, не думал об интересах государства, авторитете Ельцина. Он решал совсем другую задачу - уничтожал своего личного соперника во властных коридорах, более того, перечеркивал его право на контроль денежных потоков, обеспечивающих предвыборную кампанию президента. И все равно, случившееся и неприемлемо, и подсудно. Денежные расчеты такого рода на территории Белого дома в момент предвыборной кампании - абсурд. Оплата за услуги чиновнику в размере 10% от общей суммы, оформленная в здании демократического правительства - что это, безумие или выходящая из берегов вседозволенность и безнаказанность ельцинских штабистов? Кстати,

за этим пакетом, как свидетельствует человек, передавший деньги, получатели почему-то не вернулись. Видимо, потому, что были задержаны.

Любые объяснения по поводу случившегося, сделанные господами Лисовским и Евстафьевым, выглядят странно-наивными, несмотря на то что они были обильно сдобрены обвинениями в адрес политических противников. Как, впрочем, не лишенная идеологического антуража фраза, произнесенная неким полковником ФСБ: "Ельцин победит на выборах, опираясь на истинных патриотов, которым дорога Россия, а не за счет примазавшихся к нему демократов". Даже это, как казалось задержанным, сокрушительное обвинение не делает более обоснованной и правомерной историю с передачей более полумиллионой суммы долларов в кабинетах Белого дома. Но что случилось, то случилось. Назвать вспыхнувший скандал недоразумением, как неловко охарактеризовал его Александр Лебедь, желая погасить вспыхнувшую войну разоблачений, конечно, можно с очень большой натяжкой. Корни конфликта уходят в глубь, пусть и недолгих, политических событий в России. Уже в 1992 году стало ясно, что в ближайшем окружении Ельцина идет неослабевающее столкновение между демократами и государственниками, предрасположенными к патриотической риторике. Оказавшись на гребне политического прорыва, Ельцин был приговорен формировать исполнительную власть и частично свое окружение из демократов второй волны. Демократическое крыло в окружении Ельцина возглавлял в тот момент Геннадий Бурбулис. Не слишком пропитанный демократическими воззрениями, Ельцин в целом принимал и понимал вынужденность этого союза, тем не менее сохранил вокруг себя ядро привычных людей: тех, кого знал еще по Свердловску либо по Москве. В команде, помимо Коржакова, Илюшина, Рогозина, появляется Юрий Петров. В тот момент партитура внутренней борьбы (я повторяю, это были 1991-1992 годы) вырисовывалась следующим образом. Геннадий Бурбулис - демократическое крыло, Коржаков, Барсуков, Рогозин - патриотическое крыло, а Петров, Илюшин - привычное окружение старых адресов. Они противовес как демократам, так и патриотам. Ближе других к этой промежуточной группе был Юрий Скоков. Характерно, что под напором коммунистов, а их вес на Съезде народных депутатов был значителен, демократы и государственники в окружении Ельцина в моменты кризисных политических ситуаций объединялись. Но этот союз почти всегда был чисто внешним и очень недолгим. Демократы всякое ослабление своего влияния на Ельцина объясняли кознями президентского окружения, обвиняя, в частности, Петрова в прокоммунистических настроениях. Петров в прошлом действительно работал с Ельциным в Свердловске и занимал пост второго секретаря обкома КПСС, затем посла на Кубе и в 1991 году приглашается Ельциным на должность главы президентской администрации. Рядом с собой Ельцин предпочитает иметь людей узнаваемых. Помимо чисто идеологической борьбы, в окружении президента шла борьба и на должностном фронте. Демократов не устраивал, бесспорно, порядочный, может быть, излишне бюрократизированный Петров, который разглядывал эту буйствующую сверхлиберальную братию с некоторым удивлением, что выразительно передавали увеличительные линзы его очков. В конечном итоге демократы добились своего. Петров ушел. Ельцин, достаточно долго защищавший Петрова, не простил демократам этого форсированного давления.

Он понимал, что действиями демократов руководил Бурбулис. Ельцину нужен был повод дезавуировать настырного, всепроникающего Бурбулиса. И он этот повод находит. Он поручает Бурбулису создание демократического правительства; а затем утверждает его в должности первого вице-премьера, предлагая Геннадию Эдуардовичу практически если и не руководить (Бурбулис не специалист в экономике), то надзирать за правительством, добиваясь от кабинета идеологической верности президенту. Бурбулис, так и не сумевший реформировать президентскую власть под себя (должность государственного секретаря зависла во властной галактике), стал нащупывать свою ступень теперь уже на правительственном Олимпе. Тем не менее он получил максимум власти, сопряженной, в отличие от должности госсекретаря, с максимумом ответственности, что по замыслу президента, а вернее, сил, противостоящих Бурбулису, должно было его похоронить

политически. Бурбулис это понимал, но тщеславие оказалось сильнее чувства опасности, и Бурбулис вызов принял.

Примерно в это же время на смену Ю.Петрову на пост главы администрации президента пришел С.Филатов. В определенном смысле Филатов принял эстафету не от Петрова, хотя в должностном варианте так и произошло, а от Бурбулиса. Филатов пришел в момент, когда отношения Ельцина с Бурбулисом стали катастрофически ухудшаться. И чем больше Бурбулис старался сохранить свою близость к Ельцину, тем решительнее Ельцин старался ее сначала ослабить, а затем свести на нет.

У Бурбулиса были свои изъяны. Он настырен, порой навязчив. Его молчание, сопровождаемое очень внимательным взглядом круглых, буравящих вас глаз, порою настораживает. Сначала вы чувствуете неловкость, затем раздражение. При беседах, контактах с ним, при разговорах с глазу на глаз вас не покидает ощущение, что вы не одни в кабинете, а есть еще кто-то. И этот "кто-то", объединившись с реальным Бурбулисом, оказывает на вас давление.

Филатова ельцинское окружение приняло сдержанно. То, что он противник Хасбулатова, еще не отвечало на вопрос: чей он союзник? Филатов был сторонником Бурбулиса. Именно через Филатова Бурбулис осуществлял свои замыслы в хасбулатовском парламенте. Вытеснение Бурбулиса из окружения Ельцина можно считать первой победой Илюшина (помощника президента) и Коржакова, который хотя и ревниво противостоял Илюшину, но в этом случае, скорее всего, объединился с ним. Исторический парадокс. Именно Бурбулис предложил президенту кандидатуру Филатова на пост главы администрации, когда стало ясно, что стратегическому плану вывести Филатова на первую роль в Верховном Совете (а такой план существовал) не суждено воплотиться. Причиной тому стала ожесточенная атака, предпринятая Хасбулатовым на своего первого заместителя. Спикер практически изолировал Филатова от руководства аппаратом Верховного Совета, который в прежние времена ему был подчинен. Именно тогда по совету Бурбулиса президент делает вынужденный шаг и поднимает терпящего бедствие Филатова на свой президентский корабль.

Кстати, главенствующим побуждающим мотивом демарша бывшего спикера по отношению к Филатову были тесные отношения последнего с Геннадием Бурбулисом. Хасбулатов прилюдно выговаривал Филатову: "Что вас связывает с этим порочным человеком? Он причина всех наших бед. Он разрушил, отравил мои отношения с президентом". А затем, потеряв контроль над собой, Хасбулатов скрывался на полукрик: "Я знаю причину вашей дружбы! Вы в сговоре с ним!" Сговора, разумеется, никакого не было. Филатов оставался сторонником президента, и этого было достаточно, чтобы конфликтующий с Ельциным председатель парламента почувствовал в своем первом заместителе скрытого противника.

Любопытно другое. Спустя некоторое время, когда отношения президента с Бурбулисом войдут сначала в затухающую фазу, а затем в фазу разрыва, Ельцин, узнав о встречах Филатова с Бурбулисом, о чем ему постоянно докладывал Коржаков, повторит раздраженно фразу Хасбулатова: "Что вас связывает с этим человеком? Какая необходимость поддерживать с ним отношения?" Вопрос был нелепым. Филатов пробормотал что-то в свое оправдание об их давней дружбе семьями, чем еще больше раздосадовал президента. И тоном, исключающим какие либо разъяснения, Ельцин дал понять, что запрещает Филатову подобные встречи. Тень Бурбулиса стала достаточно эффективным оружием противников Филатова в околопрезидентских кругах. Филатов, превозмогая природную воспитанность, которую окружающие воспринимают, скорее, как стеснительность и нерешительность, попытался объяснить, что он встречается с человеком, который еще вчера считался фигурой №2 - правой рукой самого президента, его ближайшим соратником, и ему трудно так скоро переключиться на диапазон непримиримого противника по отношению к Бурбулису. Ельцину реакция Филатова не понравилась. Он перевел разговор на другую тему, а затем, словно отстранившись от собеседника, задал традиционный в таких случаях вопрос: "Ну что там у

вас еще?!" Это была чисто ельцинская манера завершения беседы, когда президент давал понять, что и разговор, и присутствие собеседника его тяготят. Я помню болезненное, граничащее с отчаянием состояние Филатова, в то время еще новичка в кремлевских коридорах.

"Я все понимаю, но нельзя же так! Он много сделал для Бурбулиса. Гена, конечно, переоценил себя. Но ведь и Бурбулис сделал для него все. Он, можно сказать, просто растворился в этом человеке". Мне кажется, что Филатов, еще не начав по-настоящему работать, находясь в стадии предпостижения своей грядущей роли, увидел собственное будущее.

Не побоимся признаться себе: в предшествии власти люди разнятся. Получив ее, они обретают удивительную похожесть и одинаковость. Уже с первых дней своего пребывания на новом посту Филатов понял всю надстроечность своего должностного бытия. В лабиринте кремлевских коридоров было трудно понять - кто кем руководит? Сферы влияния к этому времени уже устоялись, и заниматься их перераспределением, что, возможно, и следовало сделать, Филатов не рискнул. Как "системник", он лучше других понимал роль аппарата в обслуживании главенствующих идей и уже создал такой аппарат в Верховном Совете России. Но в Кремле на кардинальную реорганизацию Филатов не решился. Он не написал, да и не мог написать, новых правил игры, он принял те, которые существовали до него. Коржаков с первых минут принял Филатова в штыки. Говоря фээсбэшным языком, руководитель президентской администрации сразу оказался "под колпаком".

Спустя некоторое время после своего назначения на должность руководителя ФСБ Сергей Степашин рассказывал мне: "Меня принял Коржаков. Мы обсудили кое-какие проблемы. Было ясно, что Коржаков прощупывает меня. Его интересовал масштаб моей послушности. Нетрудно было понять - сидящий напротив меня человек считает себя главной фигурой в сфере безопасности страны. И сейчас происходит некий ритуал моего посвящения. Еще до того мне уж грозили пальчиком, смотри, мол, чтоб ни-ни... Я многое знал, но ощущение удушливости, которое мне пришлось испытать при этом разговоре, было явственным и противным. Неожиданно Коржаков сказал: "Что вы все ходите к этому Филатову? Какие у вас отношения?" Меня взорвало - да кто он такой, чтобы указывать мне, с кем дружить?!"

Традиционно именно Коржаков противостоял усилению демократов в ельцинском окружении. Пользуясь своей максимальной близостью к президенту, денно и нощно присутствуя рядом, он методично совершал эти дезинформационные впрыскивания. И результаты этого отравления президентского разума были налицо. Их можно было заметить по тому, как менялось отношение президента к целому ряду сверхнеобходимых ему людей: Гавриилу Попову, Юрию Лужкову, Сергею Филатову, тому же Черномырдину, Сергею Шахраю, Анатолию Собчаку, Егору Яковлеву, Николаю Петракову, Юрию Скокову, Геннадию Бурбулису, Анатолию Чубайсу, Егору Гайдару, Владимиру Каданникову... Долгим может быть этот список, очень долгим. Где-то в этом ряду был и я.

По колебанию кривой президентских эмоций можно было определить, как преуспевал в стерилизации информации Александр Коржаков. Более разрушительной силы, совершающей все и вся якобы во благо президента, рядом с президентом в тот период не было. Формально Александр Коржаков числит себя человеком, исповедующим взгляды патриота-государственника. Но объективно философия кадрового сотрудника КГБ, философия подозрительности брала верх над любыми чувствованиями и понятиями. Если Коржаков и его команда что-то не могли понять (а это случалось достаточно часто), это явление или человеческий поступок сразу относились к категории "враждебных". И в основе любых отношений лежали два определяющих импульса: не верить и подозревать. Мы никогда не задаемся мыслью, что, сделав подозрение своей профессией, человек калечит собственную душу. Происходит атрофия чувств. Помните, как превозносились письма Дзержинского к своей жене, наполненные чувством любви и благородства. Но следует помнить и другого Дзержинского, которого называли "Железным Феликсом" - человека вне человеческих

чувств, когда жестокость списывается на революционную целесообразность. И легенда о некоем контрполе была просто необходима: "Ленин и дети", "Сталин с Мамлакат на руках". Люди, предрасположенные к высшим проявлениям жестокости, всегда нуждались в сентиментальной маске Гиммлер, слушающий музыку с кошкой на коленях.

Филатов сделал несколько вялых попыток противостоять Коржакову, изменил структуру аппарата, ввел несколько новых лиц, усилил системность в работе с документами, создал аналитическую службу, но большего сделать не смог. Тому много причин - и объективных, и субъективных.

Президентская власть в России - явление новое. И совершенно очевидно, что ее самовызревание будет противоречивым, что подтвердили четыре президентских года и последующие выборы. Допускали ли все мы такое развитие событий, когда придумывали и обосновывали принципы президентской республики в России? И допускали, и понимали. Как понимали и то, что российское президентство станет некой рекой, питаемой тремя историческими потоками: опытом западноевропейского и американского президентства, отечественным опытом диктатурного партийного правления с генсековскими традициями и, наконец, монархическим имперским, царским прошлым России. Иначе говоря, три варианта единовластия. Естественно, раз президентство стало демократической альтернативой тоталитарному режиму, оно как бы перечеркивало, отрицало какую-либо похожесть на большевистское правление. Но отрицать повторение еще не значит исключить его из практики. Новая конституция в разделе норм президентского правления шилась по фигуре, характеру и воззрениям первого президента России Бориса Ельцина, создавала как бы конституционную копию президента. А во-вторых, она писалась под неблагополучные политические реалии, как, впрочем, и все отечественное законодательство, которое не утверждает новые принципы жизни, а подчинено политическим колебаниям, когда те или иные политические силы посредством закона укрепляют свои позиции, обеспечивают гарантии собственного процветания. Этими силами могут быть ветви власти, политические партии, финансовые структуры. Отсюда вся законодательная деятельность уподобляется пошиву сезонных одежд, приуроченных даже не к временам года, а к политической погоде переживаемого дня. Постигая разумом в лучшем случае контуры политического рисунка, когда новаторская и любая другая государственная мысль не простирается далее полугодия, мы обязаны признать, что государственный разум России утратил навык перспективы, предвидения и стратегии. Россия запуталась в повседневности. Интересно, что сочинители идеи президентства были сторонниками американской или французской модели: сильный президент, умеренные возможности парламента, подчиненное президенту правительство. Оппоненты либо отрицали президентство вообще - вся власть Советам, Думе, Верховному Совету, Собору, либо приветствовали ритуально-формальное президентство. С регалиями, но без власти.

А сам президент, в прошлом партийный руководитель высочайшего ранга (возглавлял Свердловский обком а затем Московский горком, кандидат в члены, член Политбюро), оказался предрасположенным к царским замашкам. Вот такая эволюция личности.

КАЗИНО

Господа, делайте свои ставки!

В момент прихода Филатова в администрацию президента, а он еще захватил Руцкого в должности вице-президента, расстановка в кремлевских коридорах была такова:

Илюшин В.В. - первый помощник президента, имевший самый длительный стаж работы с ним еще до президентства.

Коржаков А.В. - начальник президентской охраны, стремительно набирающий силу и сдержанно опасающийся Илюшина.

И глава президентской администрации, который, по логике, должен был стать чуть в стороне и выше как первого, так и второго. Его правовые возможности были, скорее всего, не самыми значительными в кремлевских коридорах, но безмерно более значимыми, нежели у Илюшина и Коржакова за пределами Кремля. На него теоретически замыкались главы

администраций областей и первичные президентские структуры на местах - представители главы государства в областях. Должность, по существу, безвластная, скорее, надзирающая, что само по себе авторитета не добавляло и тотчас порождало конфликты с главами администраций в регионах, назначенными на первых порах тем же президентом (говоря историческим языком - царскими наместниками).

Очевидным просчетом Филатова, как человека крайне столичного, был тот факт, что он пытался усилить себя в самом Кремле, а не за его пределами, что позволило бы ему стать значимой фигурой для глав регионального масштаба. Эта задача была сверхважной, но трудно выполнимой. В будущей борьбе с Коржаковым у Филатова не оказалось тыла. Прежний Верховный Совет, где у него была немалая группа союзников, вскоре был распущен, а в народившейся Государственной Думе Филатов сильных позиций не имел и иметь не мог. Еще оставался Совет Федерации, где и присутствовали главы администраций. Не полностью, но в достаточном количестве. Но и там нащупать устойчивую опору Сергею Александровичу не удалось. Ревнивый Шумейко, глава Совета Федерации, аттестуясь другом Филатова, расширению его влияния на Совет Федерации не способствовал. Да и не мог, потому как сам чувствовал себя на вулкане.

Отсутствие тыла, мощного пласта сторонников вне Кремля, позволило Коржакову дожать Филатова, а затем, возможно не полностью, но дожать и Илюшина. Коржаков понимал, что его близость к президенту, по существу, максимальна, и он, постигая эту приближенность, стал все чаще задумываться над вопросом: а что же дальше? Доверительные отношения президента разожгли костер тщеславия в душе главного охранника страны. Внутренняя коржаковская эйфория началась примерно за год до очередных президентских выборов, сразу после издания президентской книги, которую записал и отредактировал человек, рекомендованный президенту Коржаковым, - Валентин Юмашев. В этой книге Коржаков устами президента удостоен высших похвал и выведен за пределы образа личного охранника главы государства. По словам президента, ему, Коржакову, присущи государственный ум, находчивость и незаурядные организаторские способности. Написал ли эти значимые фразы сам президент или их сочинил в благодарность Коржакову Валентин Юмашев (что ни говори, но на роль семейного летописца его пристроил Александр Васильевич), а президент, будучи в застольной расположенности, согласился с ними - теперь это не важно. Книжные аттестации дали Коржакову властный кредит, генеральские погоны и ощущение вседозволенности. Это больше, чем нужно любому амбициозному человеку. А Коржаков, как выяснилось, и тщеславен, и амбициозен. С этого момента его агрессивность идет по нарастающей. И теперь уже к нему применимы слова, ставшие нарицательными в кремлевских коридорах. Их авторство приписывают иногда Илюшину, но чаще самому Коржакову. Подобные обвинения выводили из игры достаточное количество сверхнеобходимых для президента лиц. Сначала называлась фамилия, а затем следовал приговор: "Работает на себя. Не на президента, а на себя". Ничего удивительного в такой метаморфозе главы президентской охраны нет. Президенты приходят и уходят, а жизнь продолжается. Совершенно очевидно, что Коржаков в полной мере понимал уязвимость своего положения. Кремль во все времена был средой изолированной. И как бы он ни усиливал свое влияние, оно так и останется возросшими возможностями в пределах Кремля, отчасти Москвы. Иначе говоря, пока есть Ельцин, значим Коржаков, а дальше?..

Отставку Степашина после очередных чеченских неудач Коржаков расценил как свою победу. Все силовые министры, включая Генерального прокурора, подали рапорты об отставке. Это была демонстрация единства в признании как бы общей вины. Президент поступил избирательно. Отправил в отставку Степашина и Ерина. Это было самое начало 1995 года. Грачев в той водоворотности удержался. Справедливости ради следует сказать, что Степашин на посту руководителя ФСБ выглядел фигурой если и не случайной, то достаточно стихийной. Будучи человеком крайне порядочным и ранимым, Степашин не излучал потребной профессиональной жесткости, чем всегда славилась эта служба. Это был, скорее, акт демократизации ведомства, нежели следующий профессиональный прорыв. Вообще уму

непостижимо, сколько перетрясок пережило это ведомство, начиная с 1988 года. Попытки подстроить систему прошлого КГБ под новые политические воззрения удавались с трудом. "Сеятелями страха" можно назвать это ведомство. Формула прошлого: вы здесь не для того, чтобы верить, ваша профессия - подозревать. Иначе, как считали профессионалы, службы нет.

Так или иначе, отставка Степашина ослабила Сергея Филатова. Они были друзьями еще с Верховного Совета. Ослабила не как лидера какой-то группы президентского окружения, ничего подобного не было и быть не могло. Отставка Степашина ослабила Филатова как человека, должного влиять на кадровую политику в тех пределах, каковой она является делом президента. Этого как раз никак не хотел допустить Александр Коржаков - проникновения Филатова в кадровые штольни.

Силовые ведомства - суть кадровое поле, на котором президент единовластен. Отставка Степашина позволила противникам Филатова в Кремле сказать президенту: "Мы вас предупреждали - Степашин не тот человек. Нельзя доверяться рекомендациям Филатова". Степашин действительно был не тем, а другим человеком, каковым в этом КГБэшном мире когда-то оказался и Вадим Бакатин, но... Степашин - не Бакатин, их общность только в одном. У того и другого принципы порядочности, терпимости и, уж конечно, демократичности, сформировавшиеся за пределами матерого КГБэшного мира, сложились "до того". И когда они появились в этих стенах, оказалось, что и у того, и у другого иной состав крови. Профессионализм Степашина был в гражданско-политическом исчислении. И подавая свой отставочный рапорт первым, Степашин исходил, как мне кажется, из двух, по нынешним временам невероятных, состояний: чести и, как ему казалось, невыполненного долга.

С уходом Степашина игровое поле освободилось, и Коржаков мгновенно предложил свою кандидатуру. Во главе ФСБ появился Михаил Барсуков ближайший и давний друг руководителя президентской охраны. Цепь замкнулась. Это был четвертый выдвиженец Коржакова. Трех предшествующих, один из которых в тот момент еще работал, нельзя считать кадровыми удачами генерала: Казанник, Полеванов, Ильюшенко. Каждый из них достаточно быстро сошел с дистанции. Все подбирались по единому принципу: преданность или, как крайняя уступка, сверхлояльность президенту. Барсукова за глаза звали "сторожем". Это было правдой: объектом № 1 в Кремле считается кабинет Ленина. Сам факт назначения коменданта Кремля на пост директора ФСБ - вне профессиональной логики, в силу несопоставимости масштабов и существа выполняемых задач. Так было и с Казанником, очень скоро получившим прозвище "инопланетянин". Дернули из глубинки (Омская область), где человек пребывал на тихой должности руководителя областной экологической комиссии, и поставили федеральным Генеральным прокурором. Милый, странный, почти библейский человек. Сумасшедшая прихоть власти. Когда-то, пять лет назад, Казанник уступил Ельцину свое место в Верховном Совете Союза. И никто не подумал, что поступок был совершен в том, другом мире.

Коржаков хорошо изучил характер президента и прогрессирующие слабости этого характера. Президент был ревнив. Коржаков это уловил и с первого дня пребывания рядом с телом Ельцина стал творцом президентской подозрительности. Выход за пределы Кремлевской стены для Коржакова был сверхнеобходим. Он понимал, что можно успешно строить любую игру в пределах кремлевского подворья, но в итоге это будет даже не половина победы, а лишь зафиксированное в пространстве и времени возросшее влияние. Это и много, и мало. Время, в понимании Коржакова, ставит перед ним другую задачу проникновение в правительство. Информаторы, конечно же, нужны, но этого мало. Нужен плацдарм в правительстве: группа, ядро, назовите это как угодно. Люди, в отсутствие которых не принимается ни одно принципиальное правительственное решение. А информацию он соберет и без услуг правительственных чиновников. Для этого у нас есть ФАПСИ1, есть Старовойтов. И вот тут начиналось самое сложное: как воплотить этот замысел? С "силовиками" проще, они все под президентом, а вот с правительством... Трудность Коржакова, помимо всего прочего, таились в устойчивой нелюбви со стороны

политического бомонда к нему лично. И в силу обычной антипатии, и в силу его разрастающихся притязаний, затрагивающих интересы быстро складывающихся олигархических кланов. В этом смысле любые действия Коржакова по навязчивому проникновению в правительственную среду не могли остаться незамеченными как в кремлевских коридорах (Илюшин, Филатов), так и за их пределами. Там постарается Гусинский, да и сам Филатов не отсидится - вся демократическая стая ор устроит на всю Россию. Голембиовские, Лацисы, Сванидзе, Киселевы, Замятины... Как не пошутить на этот счет, Коржаков при этом смешливо морщится: "Лучшее место журналиста-демократа - на виселице!"

Пока есть две опоры: Кремль и ФСБ. Для устойчивости нужна третья. Опора не вообще, не попадя где, а в исполнительной власти, на ее самых верхних этажах. Ощутимым препятствием является Черномырдин. Его так запросто не объедешь - газовый король, нефть. Значит, надо перекрыть кран, отсечь Черномырдина от его королевства. Но как?!

Операция "поиск", нащупывание третьей точки опоры, была разработана безошибочно. Сначала как бы ненароком президенту дают понять, что Черномырдин зарывается, слишком много на себя берет. На стол ложатся материалы отслеживания: сколько раз за день появлялся на телевизионном экране президент и сколько премьер. Разумеется, материалы составлены таким образом, что пропорции явно не в пользу президента. Ельцину как бы между прочим задается риторический вопрос: зачем это нужно Черномырдину?

На первых порах Ельцин морщится, отмахивается от навязчивой, как ему кажется, подозрительности своих подчиненных. В такие минуты Ельцин способен произнести бескомпромиссную фразу: "Оставьте Черномырдина в покое". Для большей убедительности он может добавить: "Урезоньте его помощников, а Черномырдину я верю". В устах президента последняя фраза претендует на жесткое "нет". Поначалу так оно и было. Старания служб отслеживания, а точнее сказать, служб предвзятости перечеркивались. Все становилось на свои места. Коржаков, изображая упрямое несогласие на лице, материалы забирал, однако замысла не оставлял. Он просто на время откладывался. Коржаков не хуже Ельцина понимал, насколько спрессованы дни и как стремительно накапливается раздражение президента по любому поводу. Именно в такой момент начинали распространяться слухи из якобы "хорошо информированных источников". О неустойчивости премьера, о его серьезных разногласиях с президентом, о том, что его премьерство на закате и исчисляется считанными днями. Премьер начинал нервничать, высказывать по поводу и без повода недоумение насчет слухов. Масла в огонь подливала пресса. Активизировались социологические опросы, свидетельствующие, без всякого сомнения, что премьер опережает президента по популярности. Все это складировалось в так называемых аналитических центрах, группах, службах анализа, созданных и контролируемых Коржаковым и его главным аналитиком Рогозиным, чтобы в нужный момент, уже сославшись на якобы независимые исследования, еще раз напомнить президенту о своих подозрениях. Делается это примерно так. "Вот вы нам не верили, Борис Николаевич. Тогда посмотрите, как превозносят премьера средства массовой информации. Нам кажется, Борис Николаевич, это не может быть случайным. Готовится общественное мнение..."

Выстраивая тактику своих отношений с президентом, Черномырдин не учел одного крайне важного обстоятельства - влияние на него Коржакова достигло максимальной величины. Рассуждая на все эти темы, я испытываю чувство некоторого смятения, что столь значимо и серьезно. Я вынужден говорить не о главе государства, видном политическом деятеле или ключевой фигуре, влияющей на духовность нации. Ничего подобного. Всего-навсего - старший охранник президента и его семьи. Сколь несовершенна и уязвима власть, допустившая такое несоответствие.

Переоцениваем ли мы роль Коржакова во всей этой истории? Нет, не переоцениваем. Конституционные права президента необъятны и многомерны. Для президента важен факт их наличия. Для окружения - факт их использования. Куда не дотягивается рука президента и мимо чего скользит рассеянный взгляд властелина, там вьют свои гнезда власть

предержащие, употребляющие свои умения и корысть от имени президента. А потому, кто ближе к властному телу, от его имени и говорит увереннее. В этом смысле Коржаков долгое время был вне конкуренции. Операцию "КРОНПРИНЦ ЗЛОВЕЩИЙ ОЛЕГ" Коржаков провел, можно сказать, изысканно.

Черномырдин очень скоро почувствовал ловушку, в которую сам угодил. Замысел Коржакова воплотился - неразговорчивый Олег стал третьей точкой опоры. Треугольник Барсуков (ФСБ) - Сосковец (правительство) и Коржаков (к этому моменту уже не служба охраны, а управление безопасности с правами контроля безопасности по всем направлениям - политической, экономической, военной, информационной) обрел свою жесткую конструкцию. В конце 93-го об этом заговорили, а в 94-95-м все уже вынуждены были признать - триумвират стал властной вершиной №2. Четвертым к этой могучей кучке примкнул Павел Бородин. Он предпочел оставаться несколько в тени, поэтому в общественном сознании этот властный квартет все же воспринимался как триумвират. Очень скоро по всем социологическим опросам "созвездие трех" фиксировалось как политическая сила, определяющая весь рисунок власти на ближайшее будущее. Коржаков к этому стремился, Коржаков этого достиг.

ГОСПОДА, СТАВКИ СДЕЛАНЫ,
СТАВКИ БОЛЬШЕ НЕ ПРИНИМАЮТСЯ

Сейчас многие недоумевают, почему в преддверии президентских выборов и после них события обрели столь непредсказуемый характер? Что это изменился президент? Изменилась среда политического обитания? Произошло перераспределение зон влияния? Еще не созревший предпринимательский класс, банковский капитал предъявили свои права на власть? Материализовалось довлеющее влияние дальнего зарубежья на ослабленную Россию? Возможно, предчувствие тупика и неэффективности экономического курса? Что же произошло, наконец?

Останется неразгаданной тайной, кто подсказал президенту фатальную идею - полностью сменить команду на второй президентский срок. Авторов называется множество. По свидетельству Виктора Илюшина, получив от президента поручение немедленно оставить свои дела в Кремле и заняться предвыборной кампанией (а это случилось за полтора месяца до выборов), он якобы заявил о своем желании, независимо от результатов, уже не возвращаться к своим обязанностям первого помощника президента. И вообще, посоветовал президенту Илюшин (так говорил он сам), следует фундаментально обновить команду. А потом не удержался и добавил: "А еще лучше - полностью ее заменить". По словам того же Илюшина, именно в этом разговоре президент дважды возвращался к этой теме. Один раз он внезапно спросил: "Виктор Васильевич, вы действительно не хотели бы вернуться в Кремль?" Илюшин подтвердил свое желание. Президент отмолчался, не стал переубеждать, а просто заговорил о другом, о планах своих предвыборных поездок по стране. Сомневаться в словах Илюшина не имеет смысла, тем более что подтверждение их истинности я слышал и от других. Но только ли он подтолкнул консервативного в своих привычках Ельцина к столь нестандартному решению? Разумеется, сам ход предвыборной кампании и силы, сконцентрированные в ней, сказали свое слово.

Естественно, никто не подозревал, что кадровые изменения в окружении президента в конце 95-го и практически половины 96-го года были воплощением четкого замысла по формированию команды № 2. Все полагали, что происходящие перестановки временны и связаны с избирательной кампанией. По существу, они начались с момента образования предвыборного штаба. Это вполне логично, хотя и сделано было с большим опозданием. Ничто не предвещало грозы. Все началось с Филатова. Он был отстранен как бы в силу стратегических замыслов: надо ужесточить дисциплину в президентской администрации, сделать ее работу более прагматичной. Филатов слишком либерален, как докладывали президенту, слишком предрасположен к нервозным демократическим веяниям образца 1991-1992 года. И вообще... Далее шли внахлест домыслы о связях Филатова с интеллигенцией, через которую совершается утечка кремлевских секретов. И в целом, исходя из философии

Коржакова, а главное наступление на Филатова вел именно он, Филатов плох потому, что он Филатов.

Сергей Александрович осознавал, что его дни в Кремле сочтены, понимал, кто организует этот нажим на него. И тогда он сделал последнюю попытку и встретился с Коржаковым. Коржаков разговаривал с Филатовым как с предотставочным подчиненным. Обратим внимание, что перед Коржаковым сидел не мелкий чиновник, проштрафившийся капитан спецохраны, а еще не отстраненный глава президентской администрации, чиновник, по рангу бесспорно более значимый, чем Коржаков. В этой связи показательна манера разговора. "Мы знаем, что вы преданы президенту, - сказал Коржаков, - но, работая в Кремле, вы допустили слишком много ошибок".

Одна деталь особенно любопытна. В вину Филатову был поставлен некий Хаит, в то время заместитель Гусинского по финансовой группе "Мост-банк", которому Филатов выдал пропуск в Кремль. По данным Коржакова, как потом выяснилось, данным бредовым, Хаит был резидентом израильской разведки. Из чего едва ли не следовало, что и сам Филатов работает не пойми на кого. Позже "резидент службы "Моссад" возглавит "Мост-банк". Подобная деталь примечательна. В это время к всевластному квартету был максимально близок Борис Березовский, настроенный по отношению к Гусинскому мало сказать неприязненно, а откровенно враждебно. И сведения о Хаите, в том виде, как они высказывались, мало походили на разведданные. Филатов не умел ругаться, и потом, он уже был заражен вирусом власти и в любом варианте желал бы остаться в президентской команде. В том разговоре он упустил шанс ответить Коржакову по полной программе. А ведь Филатову было что сказать. Но для этого пришлось бы хлопнуть дверью. Филатов на такой шаг не решился. Позже, выслушав мой эмоциональный протест, он признался: "Мне некуда было уходить".

Филатова сменил Николай Егоров. Упрощенно говоря, человек близкий и к Коржакову, и к Сосковцу. Коржаков не скрывал своей радости. Черномырдин тоже был удовлетворен. Извечная аппаратная война между президентской администрацией и аппаратом правительства, которая явственно прослеживалась при Филатове, наконец утихнет. Егоров - бывший вице-премьер. Для Черномырдина этот довод был весом. У него с Егоровым сложились неплохие отношения, и он считал, что с приходом Егорова влияние самого Черномырдина на администрацию станет более весомым. Поначалу так оно и было, но недолго.

"Администраторство" Егорова выпало на неуютное время предвыборных сомнений президента. Егоров, как казалось президенту, должен был усилить влияние президентской администрации в регионах. Бывший глава Краснодарского края, более "свой" среди региональных лидеров, нежели "московский" Филатов, Егоров легче примирился с кругом усеченных обязанностей руководителя президентской администрации. Под его назначение президент издал еще одно уточняющее нормативное распоряжение о правах и обязанностях главы собственной администрации. Это уже выглядело как курьез. Каждый новый "главный президентский администратор" начинал с утверждения нового положения о правах и обязанностях этой президентской структуры. Начал с него и Анатолий Чубайс, придав своей инициативе более осмысленный антураж "в целях укрепления российской государственности".

Но вернемся к идее обновления команды. Коржаков, ничего не подозревая, наращивал темп своего давления. Все складывалось очень даже хорошо. Введенный в игру в качестве "царского" фаворита Олег Сосковец постепенно обрастал новыми обязанностями в правительстве. Он уже возглавлял как бы "малый кабинет по оперативному управлению", на котором обсуждались принципиальные вопросы хозяйственного строительства. Сосковец сопровождает президента в зарубежных поездках. В те дни, вращаясь в кругах власти, очень часто можно было услышать: "Зачем вы связались с Черномырдиным? Он все заволокитит и не решит. Выходите прямо на Сосковца. Он человек дела и без пяти минут премьер".

За три года, пока Черномырдин возглавлял кабинет министров, четырежды слухи о его

ожидаемой отставке обретали характер неоспоримой истины. Черномырдин понимал неслучайность происходящего, но изменить что-либо не мог. Побудители слухов, их источники были вне его влияния. Очередной всплеск случился вскоре после событий в Буденновске. Октябрь 93-го нас многому научил. Мы четко договорились: в случае любых сверхнестандартных ситуаций информационная служба компании (и телевидения, и радио) работает в чрезвычайном режиме, как это было 3-4 октября. Не случайно именно компании принадлежала идея придать действиям власти по разрешению буденновского конфликта максимальную гласность. Я дважды разговаривал по телефону с премьером, убеждая его, что продуманные действия правительства и премьера по спасению заложников будут правильно поняты обществом и неизмеримо повысят авторитет власти, которая в трудные минуты не оставляет своих сограждан. Моим союзником в этом психологическом давлении был Виталий Игнатенко - вице-премьер правительства. Думаю, что его мнение переломило ситуацию в пользу нашей идеи. Премьер хотя и продолжал упираться, но уже менее настойчиво. И, наконец, уступил. Информационная служба перешла на круглосуточный режим работы. Мы выходили в эфир каждый час по мере развития событий. Так Россия могла увидеть свою власть в атмосфере конкретных действий. Постоянные телефонные переговоры Черномырдина с Басаевым, поведение заложников, действия боевиков и поведение журналистов, изъявивших желание стать заложниками, в качестве гарантов соблюдения договоренностей со стороны федерального правительства.

Все вопли о том, что Черномырдин совершил катастрофическую ошибку, согласившись на переговоры с террористами, не более чем проявление ортодоксального догматизма, не способного среагировать на мгновенно изменяющуюся обстановку. Верно и другое: именно президент перед отлетом в Галифакс дал согласие на штурм больницы. Думаю, правомерен вопрос: имел ли право президент в момент, когда совершен не имеющий аналогов по своим масштабам террористический акт, захвачено более тысячи заложников, покинуть страну? Но он это сделал. В любой другой стране этого бы не могло случиться. И не потому, что там хорошие президенты, а у нас плохой. Все дело в уровне информированности президента. У нас, во спасение собственной шкуры, холопы могут президенту солгать. Президент советовался, и его убедили - ничего сверхстандартного в Буденновске не происходит, мы контролируем ситуацию.

Штурм, из-за несогласованности действий, не получился. И уже не было сомнений, что даже удачно повторенный штурм, в силу высокого профессионализма боевиков, будет кровопролитным. Столкнулись два принципа соблюсти честь мундира и доказать, что группа "Альфа" может все. Проще говоря, подтвердить правило - не важны потери, победителей не судят.

Черномырдин избрал другой путь: любой ценой спасти жизни людей, забыть об идеологии и начать переговоры с бандитами. Речь шла о полутора тысячах мирных сограждан, оказавшихся плененными в больнице.

Мы не ошиблись. После столь нестандартных действий премьера, в результате которых в течение полутора суток люди были спасены, рейтинг Черномырдина резко пошел вверх. Кстати, на всех видеоматериалах, вышедших в эфир во время ночных и дневных переговоров, непременным атрибутом телекадра был стоящий чуть в отдалении с непроясненным выражением лица вице-премьер Олег Сосковец. Не столько участник, сколько свидетель.

Атаки матерых государственников и патриотов начались немедленно: "Позор! Премьер пошел на поводу у террористов". Достаточно заметить, что находящийся в этот момент в Галифаксе Ельцин тоже сделал заявление по поводу событий в Буденновске, выдержанное в жестких тонах. Когда я узнал, что пресс-секретарь президента рекомендует заявление главы государства в эфир не давать, я немедленно попросил принести мне кассету. Заявление было сделано в типичной ельцинской манере. Президент выглядел усталым, однако волевое начало чувствовалось в каждом слове. Российское телевидение было единственным из отечественных телеканалов, который дал это заявление в эфир. По поводу раздражения

пресс-секретаря президента Сергея Медведева на сей счет я ответил: "У президентского пресс-секретаря свои сверхвесомые обязанности. Но я никогда не слышал, чтобы в каких-либо вопросах он исполнял обязанности президента страны. Немыслимо, чтобы в этой ситуации Россия не знала, что думает по поводу случившегося ее президент". Интересно, что поводом беспокойства Медведева была не суть заявления, а внешний вид Бориса Ельцина. На что я возразил: "В столь сложной и напряженной поездке президенту положено выглядеть усталым. Именно эта краска усиливает образ работающего президента". Конфликт был исчерпан. Что президенту доложили по поводу самовольства Попцова, я не знаю. Ну а возмущение Медведева на сей счет я пережил спокойно. Однако теплоты в моих отношениях с пресс-секретарем президента этот случай не добавил. Если бы президент знал, какое количество бредовых советов, рекомендаций и указаний дает его челядь, придумавшая себе роль толкователей президентской воли!.. Сколько раз мне приходилось возражать, настаивать на профессиональном, а не холуйском решении этих проблем. Мое противление, конечно же, ухудшило отношения с клевретами, усиливались нашептывания президенту о моей неуправляемости. Все так. Я лучше этих чиновников разбирался в той конкретной ситуации и потому поступал так, как считал необходимым.

Свобода средств массовой информации, их независимость - главное завоевание реформаторов и лично Бориса Ельцина. И было бы величайшим безрассудством позволить ретивым чиновниками свести на нет это завоевание. В конечном итоге наше поведение позволило сохранить верность президенту демократически настроенных СМИ в самых трудных для него ситуациях. И такого факта не одному, даже сверхблизкому к президенту советнику или охраннику опровергнуть было невозможно. Всякая частность преходяща. Итог вечен. Вот почему важен именно он.

Надо отдать должное Черномырдину, он проявил характер. Не было сомнений, что президенту действия Черномырдина преподносились службой безопасности как ослушание (решающий штурм так и не состоялся). "Черномырдин ведет свою игру, потому и настаивал на поездке президента в Галифакс. А президента убедили: ситуация в Буденновске под контролем, Черномырдин отозван из отпуска". Доводы показались президенту весомыми, и он улетел.

Этот раунд Черномырдин выиграл. Страсти постепенно улеглись, и триумвирату ничего не оставалось, как готовить новую атаку на премьера. В этом смысле памятен один сюжет, имеющий отношение к тому же, 95-му году.

Татьяна Худобина, одна из ведущих информационной программы "Вести", используя интервью, которое она брала у премьера, предложила Черномырдину сделать небольшую очерковую передачу о нем. Нечто наподобие портрета "Премьер на фоне обстоятельств". Этой договоренности крайне способствовал Виктор Кононов - пресс-секретарь премьера, в недавнем прошлом сотрудник "Вестей", внедренный в правительственную систему с легкой руки Анатолия Лысенко. Премьеру позарез нужен был пресс-секретарь. Кононов только что вернулся из Гонконга, где честно отработал четыре года корреспондентом телевидения. Он свободно владел двумя языками, был простоват по натуре, неиспорчен правительственными коридорами, и в этом смысле выглядел житейски непосредственным. Премьеру Кононов понравился. Так у ВГТРК появился "свой человек в Гаване". Это, разумеется, не более чем шутка, но счет стал "1:1". Пресс-секретарь президента Сергей Медведев - выходец из ОРТ, пресс-секретарь премьера - выходец из ВГТРК.

Итак, Виктор Кононов поддержал замысел. Оставалось самое малое: подождать очередного наката на премьера со стороны известных служб. К этому времени смонтировать работу и выпустить ее в эфир. Я уезжал на переговоры в Германию и настаивал, чтобы материал был подготовлен до моего отъезда. Надо было отсмотреть его, сделать необходимые замечания, чтобы спокойно уехать в командировку. Все остальное уже считалось делом техники: выждать нужный момент, наблюдая за активностью Олега Сосковца (главного претендента на премьерский пост). Ждать оставалось недолго. Он уже возглавил все мыслимые и немыслимые комиссии, оперативные штабы и советы. Основная масса

документов, попадавшая на стол президента, возвращалась в правительство с визой, адресованной лично Сосковцу. По ранее установленным правилам, ситуация просто невозможная. Документы такого рода передавались премьеру, и только ему, а уже он давал, если считал нужным, поручения своим заместителям. И вот теперь сам Ельцин, нарушая установленные нормы, с присущим ему вызовом давал понять, что делает это не случайно - он доверяет Сосковцу. Доверяет ли остальным? Данный вопрос в настоящее время не обсуждается. Все должны уяснить главное - Ельцина не просто загнать в угол, у него есть наготове новый премьер. Так что все эти возросшие рейтинги Черномырдина не стоят ломаного гроша. Премьер назначается президентом. Дума может не утвердить кандидатуру. Так ведь и Дума не вечна. Президент может ее распустить. Впереди маячили новые выборы. До них оставались считанные месяцы. Уже вылупилась из яйца идея о двух предвыборных блоках, один из которых возглавил Черномырдин, другой Рыбкин. Черномырдин стартовал стремительно, хотя и не очень продуманно. Непродуманность можно списать на жесткий цейтнот. Рыбкин, наоборот, замешкался на старте, запутался в социал-демократических аграрно-центристских самовнушениях и в конечном счете замысел с треском провалил, перечеркнув надолго, если не навсегда, все собственные лидерские притязания. Но это к слову.

Я тщательно вместе с авторами разобрал подготовленную передачу о премьере. Договорились о необходимой редактуре, которая, по нашему общему замыслу, должна была придать работе большую динамичность. Назначили день эфира, и я со спокойной душой отправился в командировку. Я уже говорил, что мои отношения с властью справедливо назвать непростыми. Самостоятельные и независимые в суждениях люди раздражают любую власть. Я относился к такому положению вещей спокойно. Мои подчиненные не так часто сталкивались с высокой властью. Команда Черномырдина затребовала подготовленную к эфиру работу. В целом, в этом желании не было ничего предосудительного. Команда готовила предвыборную платформу премьера, который, судя по всему, будет объявлен лидером нового движения "Наш дом Россия", и небезынтересно знать, как вписывается в общий рисунок предвыборной борьбы данный телевизионный очерк. Предосудительного действительно ничего нет, если бы не одно "но". Передачу уже посмотрел сам премьер. Таково было условие замысла. На вопрос, есть ли у него замечания, Черномырдин ответил: "Вы профессионалы, я полностью полагаюсь на вас". К моему возвращению из командировки кассета еще два раза побывала в аппарате премьера. Меня ожидал целый список замечаний, опасений и несуразных вмешательств в авторскую ткань очерка. Журналисты были подавлены. По этому поводу я произнес маленький монолог:

- Ничего нового, хрестоматийное поведение чиновничьей среды. Слуга отсматривает и воспринимает любой материал не глазами и разумом хозяина, а глазами и разумом слуги. В этом случае его в меньшей степени беспокоит, насколько удачен или неудачен образ хозяина и его поступок. Слугу беспокоит слуга, его судьба, сохранится ли он рядом с хозяином. Вполне вероятно, что слуга не заинтересован в стремительном взлете хозяина, его головокружительном успехе. В этом гипотетическом случае мы будем иметь другую ситуацию. И хозяину могут понадобиться совсем другие слуги. В этом смысле писатель Фазиль Искандер извечно прав: "Нищий, ставший миллионером, сохраняет житейскую философию нищего".

Все опасения были опасениями не по поводу, получилось или не получилось, интересен премьер в телевизионном очерке или скучен и невыразителен. Беспокоило совсем другое: как воспримет передачу окружение президента, его аппарат и как в этом случае сложится судьба премьерского чиновничьего штаба. Любая решительность, любой риск премьера, зафиксированный на экране, с точки зрения служивых, равнозначны минусу, потому как вызывают симпатию зрителя к премьеру, что и опасно. А вдруг посмотрит президент? Я еще раз просмотрел кассету. Учел одно замечание, бесспорно правомерное, а в остальном вернул ее в прежнее состояние (ибо большая часть замечаний штабистов разрушала замысел и композицию передачи), уточнил временные смещения - тут штаб был прав. То, что ново

вчера, устаревает завтра. И назначил время эфира. Узнав о моем решении, пресс-секретарь премьера Виктор Кононов хотя и согласился со мной, однако попросил меня приехать и объясниться с советниками премьера, с теми самыми, кто опасается, кто предостерегает, что в конечном итоге делает премьера нерешительным и вечно оглядывающимся на президента. В целом это неплохие люди. У них есть круг обязанностей, исполнением которых они и зарабатывают себе на хлеб.

Один из них, выходец из пресс-службы правительства времен Егора Гайдара, некий Сергей Колесников. Милый, с мягкими, почти женскими манерами, человек. С выражением постоянной смущенности на лице, присущей претендентам на кандидатскую степень, защита диссертации которых все время переносится.

Второй, по фамилии Масленников. Лицо умное, несколько отяжелевшая фигура, по комплекции опередившая служебное положение Масленникова. Глаза светлые, с припухшими веками. Все доклады Черномырдину писал именно он. Иногда его губы, тоже полноватые, выдают попеременно то выражение брезгливости, то выражение властного упрямства, первое относится к аппаратным недотепам, путающим властные двери и неспособным сложить двух слов на бумаге. Все приходится перелопачивать, переписывать, отдавать свои мысли. Относительно упрямства, возможно, и неточность - скорее, обидчивое недовольство посетителем, не сумевшим понять, с кем спорит, не признавшим в Масленникове скрыто высокую власть.

Еще одним лицом, претендующим на сверхблизкие отношения с премьером, оказался Владимир Марков. Нельзя сказать, что присутствие Маркова на этой правительственной даче меня удивило. Он так часто говорил о своих доверительных отношениях с премьером, что в конце концов в это поверили. Вообще-то Марков был похож на вневозрастного студента. Я очень хорошо его представлял в дореволюционной студенческой тужурке с фуражкой на голове. Марков единственный из всех руководителей средств массовой информации, который всеми правдами и неправдами добивался права сопровождать лиц, наделенных высшей властью, в их поездках. На всех пресс-конференциях Марков непременно сидел либо в первом, но никогда не далее второго ряда и обязательно что-то судорожно записывал. При этом вся его поза выражала такое неподдельное внимание к происходящему, что вас непременно тянуло нащупать историческую параллель.

- Скажите, милейший, - спросил император, - а кто этот чернявый в первом ряду? Ни одного моего слова не пропустил, все пишет, пишет.

- Это наш первейший студент Владимир Марков. Чрезвычайно предан Вашему Величеству.

- Вот как. Предан, это хорошо. Лицом простоват, правда, видать не из дворян, а жаль, - вздохнул император. - Определите ему вознаграждение от моего имени за усердие.

Марков возглавляет Российское информационное агентство (РИА), в прошлом АПН. В свое время Горбачев планировал превратить АПН в президентское информационное агентство. Плану не суждено было состояться в полном объеме. Средства были выделены и потрачены не без пользы, а вот Горбачев как бы сошел не на той станции, но неукротимое желание АПН быть голосом всевышнего осталось. По этой же причине непримиримая "любовь" к ИТАР-ТАСС - своему главному партнеру по обслуживанию дыхания власти. Желание непременно залезть к Христу за пазуху стало для Маркова навязчивой идеей. В немалой степени этим объясняются неуемные слухи о родстве Маркова с Черномырдиным то ли по линии жены премьера, то ли его самого. Правда, злые языки на этот счет делают уточнение, что родство действительно имеет место, только не с премьером, а с одним из чинов охраны главы правительства. В свое время Российское телевидение совместно с РИА-НОВОСТИ воплотило неплохую идею, создав программу "Деловая Россия". Инициатором замысла был я. Устав от постоянных нападок по поводу негативных материалов, которые появлялись в эфире, что отчасти было упреком справедливым: реформы шли тяжело, политическая нестабильность приобрела характер угрожающего постоянства. Законодательная власть, хотя и с меньшим напором, чем прежде, но все равно подчеркивала

свою оппозиционность президенту, и как апофеоз черноты - чеченская война. Телевизионный экран захлестывали отрицательные эмоции. И журналисты здесь были бессильны. Отрицательные эмоции стали главными красками повседневности. Это было одновременно и правдой и опасностью. Общество, лишенное положительных эмоций, самоизживается. И тогда родилась идея "Деловой России". России, занимающейся делом. Найти, показать и рассказать о тех, у кого получилось. Кто строит, кто наращивает производство, заключает контракты, идет на риск, вкладывает свои капиталы. Есть ли факты не умирающего образования, не разоряющихся, а процветающих сограждан? Три с половиной часа положительных эмоций, вселяющих веру. Характер и формы информации - самые разные. Суть одна: результативное, прогрессирующее дело. В конечном итоге мы попали в десятку. Россия, занимающаяся делом, стала смотреть "Деловую Россию". Мотором воплощения замысла была отличная команда рекламно-продюсерской компании "Видео-интернешнл" (Михаил Лесин - президент компании; Александр Акопов творческое "я" программы и Юрий Заполь - экономический и финансовый мозг команды, генеральный директор "Видео-интернешнл"). Но при чем здесь Марков? Дело в том, что программа была как бы совместной продукцией Всероссийской телерадиокомпании и РИА-НОВОСТИ, так как "Видео-интернешнл" базировалась на их производственных площадях и формально Михаил Лесин считался заместителем Маркова. Кстати, тот факт, что Владимир Марков поставил на этих ребят, говорит о его действенном прагматизме. К воплощению замысла Марков не имел никакого отношения, но... Тут работает ключевая фраза любой политической интриги: важен не факт, важно его истолкование. А потому герой не тот, кто творит, а тот, кто докладывает высшей власти о сотворенном. Не исключено, что, информируя Черномырдина о появлении ежедневного трехчасового цикла "Деловая Россия", Марков преподносил его как свое телевизионное детище, что в сознании премьера превратило Маркова в некоего телевизионного гения. Не случайно именно после появления "Деловой России" фамилия Маркова стала появляться в качестве кандидата на пост председателя ВГТРК в случае моей отставки. Эти несколько шагов в недавнее прошлое важны для понимания, как вершится повседневная политика, рождаются мифы.

Прибыв на дачу, в стенах которой создавались и эти незабвенные творения, именуемые докладами, записками, материалами к заседаниям правительства, пресс-конференциям, я, внимательно выслушав своих оппонентов, понял, что ничего, кроме страха не попасть в масть, здесь не присутствует. А еще я понял, что тяжелее всего среди них профессиональному журналисту Кононову - моему бывшему коллеге, ради которого я и согласился приехать, чтобы подтвердить правильность его взгляда на передачу. Мне ничего не оставалось, как сразу же перейти в атаку. При всей неприязни ко мне лично, эти важнозначимые чиновники вынуждены были признать, что в телевизионном деле я больший профессионал, чем они. Я сказал им, что в их распоряжении было более трех недель, чтобы испортить передачу, в чем они преуспели. "Моим коллегам, - сказал я, - к счастью, многое удалось исправить и вернуть в пределы того замысла, который и понравился премьеру". На слуг всегда надо давить именем хозяина. Никакого разговора о переносе передачи быть не может. Передача заявлена в программе. "Каждый должен заниматься своим делом", - процитировал я недавнее выражение премьера. И уточнил, что с этими словами главы правительства я категорически согласен: "Разрешите мне исполнять мои обязанности. Не делайте опрометчивых шагов. У вас всегда есть шанс во всем обвинить несговорчивого Попцова, не пренебрегайте этой возможностью". Передача о премьере вышла, была замечена зрителем и получила хороший рейтинг. Как ни странно, она понравилась и многим оппонентам. Теперь им ничего не оставалось, как сказать, что передача получилась такой именно в силу их вмешательства.

Эта история имела неожиданное продолжение. Буквально через неделю я встречался с премьером. Встреча состоялась в конце рабочего дня, премьер выглядел утомленным, был одет неофициально, в вязаный свитер. В определенной степени это становилось стилем Черномырдина. Неофициальность одежды располагала собеседника, и разговор получался

неизмеримо более откровенным. Премьер мрачнел, когда у него что-то просили, и, наоборот, оживлялся, услышав интересную информацию. В этом смысле он был похож на президента. По лицу было видно, как человек устает от негативной информации. Черномырдин уже был вовлечен во все перипетии вокруг моей персоны. Был наслышан и об "антиельцинских" и о "античерномырдинских" настроениях Попцова. Это не вызывало у него реакции, и мне показалось, что если он и не знает точно, то догадывается, кто стоит за этим потоком дезинформации. А догадаться было нетрудно. Ибо дезинформацию о всех и вся готовили одни и те же лица. Не станем обелять власть предержащих, постараемся показать их. Практически никакой информации они не получают непосредственно: сам прочел, сам услышал, сам увидел. Любая информация поступает на их столы как опосредованная, отраженная, истолкованная, вычлененная и скомпонованная. Не всякий признается в этом. Черномырдин образца 93-95-го годов этим недугом непризнания еще не был заражен. В разговоре он мог сказать: "Послушай, Олег, я ни черта не понимаю в вашем телевидении. Объясни, в чем проблема? Кого ты не устраиваешь?" или "Слушай, не верь ты этим словоблудам -"Черномырдин настаивал на твоем снятии" - я и знать ничего не знал. Если я что хочу сказать, я скажу тебе в глаза. Ты же меня знаешь. На правительстве: "Попцов здесь?" и все, что положено, ты получишь. Кому нужна эта закулисность? - И тут же, без перехода: - Слушай, что они устроили с этой передачей?! Звонит мне Илюшин и выговаривает в своей ласковой манере: вот, де, о президенте фильма еще нет, а о премьере уже снят. Это про передачу с Худобиной. Я опешил. Какой фильм? У меня взяли интервью. Ну и что? Слушай, не давай ты его в эфир, Олег. Знаешь, где у меня эти недомолвки, подозрения? Вот, - премьер чиркнул большим пальцем по горлу, - занимались бы делами. Столько настоящего дела, на всех хватит. Чего здесь делить?"

Окружение президента постоянно подогревало ревность и подозрительность Ельцина. В конечном итоге эта президентская уязвимость становилась мощным оружием в руках ельцинского аппарата. История телевизионной передачи о премьере нельзя сказать, чтобы насторожила меня. Она поубавила моего идеализма по отношению к моим коллегам в телерадиокомпании. Информация о том, что готовилась программа о Черномырдине, была известна узкому кругу чиновников при премьере. Вряд ли они настроены были ее разглашать. Знало о передаче и руководство "Вестей", которое вынашивало саму идею передачи. Бесспорно, у Службы безопасности президента были свои осведомители в компании, большинство из них я знал пофамильно, но эта информация ушла за пределы ВГТРК именно из "Вестей". И была передана туда, где ей всегда рады.

Бедная Татьяна Худобина. Сразу после моей отставки Эдуард Сагалаев, новый председатель компании, буквально на третий день своей работы потребовал убрать ее из эфира. Коржаков и Сосковец не простили ей той передачи о премьере. В числе напутственных рекомендаций, которые были даны Сагалаеву "могучей кучкой", Татьяна Худобина значилась под № 4. Разумеется, этого могло бы не случиться, окажись коллектив "Вестей" единым. Увы, там, как и во всей России, бушевали свои страсти, раскручивались свои интриги. Но об этом - в одной из следующих глав.

ЧАС ВНЕЗАПНОГО ВОЗМЕЗДИЯ

Чисто хронологически многие президентские замыслы претерпевали мгновенные изменения не в силу критичности момента, неадекватности результатов предполагаемым прогнозам, а в силу настроения и даже каприза самого Ельцина. В преддверии выборов в Думу по своей натурной стихийности президент дал понять, что в случае неуспеха на выборах движения "Наш дом Россия" (в интерпретации президента блок должен был получить не меньше 18-20% голосов), он не исключает смены правительства, а главное, кандидатуры премьера. Тогда на слуху были непомерно раздутые шансы Конгресса русских общин (КРО) с лидерами Александром Лебедевым и Юрием Скоковым. Поэтому и вопрос на пресс-конференции был задан напрямую: "Может ли новым премьером оказаться Скоков?" "Не исключено", - ответил президент и завершил пресс-конференцию. Грубоватая тактика президентской острастки всегда была присуща Ельцину. Это превратилось в некую

философию власти, разработанную в ее недрах. Беспроигрышной картой в таких баталиях была вторая среда информации - слухи. Утечка информации использовалась президентским окружением, и прежде всего ведомством Коржакова, столь часто, что в конечном итоге сводила на нет истинную информацию. Осуществлялся следующий принцип - надо прощупать реакцию. Ополоумевшая от обретенной свободы пресса разносила нелепые домыслы со скоростью звука. Отсюда настойчивые обвинения в адрес СМИ, что они раскачивают лодку.

Вообще, легенда о СМИ, раскачивающих корабль, очень удобна. Она пускает обиженных в поисках истины по ложному следу. В период смуты (правда, этот период очертить довольно сложно, сюда справедливо отнести все годы, начиная с 88-го по сегодняшний день включительно. И тем не менее время с 90-го по 93-й год можно назвать периодом наивысшей неопределенности) дезинформация рождалась как бы сама собой. Ибо каждая из противоборствующих сторон, будь то исполнительная власть, президент или Государственная Дума, не отходящая от порога КПРФ, кликушествующая о втором непременном пришествии коммунистов, или... Все, абсолютно все в этих условиях очевидной нестабильности играют на повышение, на преувеличение своих сил, возможностей своего влияния на происходящие события. Это было формулой нападения и формулой защиты. Если ты не придумаешь себе союзников, где ты их возьмешь?

Затем поворотным моментом дезинформационной борьбы стала война компроматов. Ее истинными героями были Александр Руцкой, Дмитрий Якубовский, Алексей Ильюшенко (и.о. Генпрокурора того времени), аппарат Хасбулатова, а равно с ним и аппарат Ельцина. Этот момент можно назвать критическим в жизни общества. Дезинформация перестала быть пороком, фактом клеветы, дискредитацией ее носителей - газет, телевидения, радио. Дезинформация превратилась в легальный атрибут политической борьбы. В хаосе, охватившем информационную структуру, образовалась система этого хаоса. Если дезинформация не наказуема, если она легальна, значит, она законна. И всякие призывы к суду нелепы. Руцкой и его 12 чемоданов компромата, оказавшихся, по существу, фикцией, получили ответный дезинформационный выброс по имени "Якубовский". И тот, и другой, в случае привлечения их к суду, определили это как сведение счетов, как политическое преследование. Да и что суд? Количество дезинформации тысячекратно превышает количество судов. Ничего удивительного. Безмерное беззаконие всегда способно потопить в своих количествах сам закон. Дальше, как говорится, еще круче. Практически все аналитические службы, которые создал А.В.Коржаков (идеологом этого направления был человек за занавесом генерал Рогозин), работали в ключе создания мощного дезинформационного поля, системы дискредитации как политических противников, так и неудобных союзников. Генерал Рогозин фигура нестандартная. Неизмеримо более образованный, нежели его непосредственный начальник, проработавший достаточно долго за рубежом, профессионально изучавший проблемы психоанализа, оккультные науки, интересующийся эзотерическими теориями, гипнозом и астрологическими изысканиями. Человек, для которого создание и разгадывание интриг не только его профессия, но и, если угодно, хобби. В разговоре он производит впечатление невнимательного слушателя, полудремлющего наяву человека, которому информация, высказанная вами, и вообще ваши рассуждения неинтересны не в силу их разбросанности или его усталости, а потому что он все про все знает. Он уже все вычислил, снял, передвинул, вывел из игры или, наоборот, ввел в игру. А вы об этом даже не подозреваете. Один из сотрудников, долгое время бывший рядом с президентом, однажды, характеризуя Рогозина, сказал: "Страшный человек".

Любопытно, что сейчас всесильный ранее Рогозин работает в Фонде защиты гласности А.Н. Яковлева.

Есть два вида дезинформации, которыми, как правило, пользуется власть. Первый - чтобы проверить реакцию на предполагаемый указ, возможное назначение или, наоборот, отстранение от должности. А есть второй вид дезинформации - заставить человека нервничать, суетиться, создавать атмосферу, в которой он непременно совершит ошибку.

Иногда дезинформация имеет смешанный характер, тогда она преследует как первую, так и вторую цель одновременно. Сила дезинформации в обязательном присутствии в ней каких-то элементов фактологической правды. Стопроцентный вымысел всегда обречен. Если не тотчас же, то позже, но обречен. В этом искусство дезинформатора - сохранить запах правды.

Рассмотрим хрестоматийную для политической интриги ситуацию. Президент объявил о своем решении согласиться на операцию на сердце. Общество не надо убеждать, что это решение мужественное. Это понятно любому нормальному человеку, осознающему степень риска. Все-таки не нога, не рука, не желудок, а сердце. А вот убедить общество в безопасности операции необходимо. Что может быть убедительным аргументом ее неопасности? Количество успешных операций! Когда их единицы - одна реакция, когда десятки и даже сотни совсем другая. Но еще более может убедить общество перечисление конкретных известных лиц, перенесших подобные операции и здравствующих, живущих полнокровной деятельной жизнью. И тогда в числе поименованных лиц появляется фамилия Черномырдина. Вот пример блестящей, я сказал бы, классической дезинформации. Она решает сразу три задачи. Теперь мы знаем, что у нас не только президент больной, но и премьер не очень здоровый. Во-вторых, один больной другому больному не конкурент. В-третьих, на будущих выборах всегда можно сказать: один больной президент у нас уже был, достаточно! Что же правда в этой информации? Ее больше, чем надо. Президент и его болезнь, название операции. Премьер, который когда-то ложился на обследование. Что еще? Хорошо внешне выглядящий Черномырдин. Была такая дезинформация запущена? Была.

* * *

В чем же просчет всевластного "трио" Коржаков-Сосковец-Барсуков? Почему за бортом президентского корабля оказались те, кто многих и образно и физически выбрасывал за этот самый борт?!

Относительно недавно в этой группировке числился и Борис Березовский, и Павел Бородин, и Шамиль Тарпищев. И если Борис Абрамович не только не скрывал, а подчеркивал свою близость к "тройственному союзу", достаточно было оказаться свидетелем телефонного разговора его с Коржаковым, Барсуковым или Бородиным (обращение запросто - Саша, Миша, Паша - исключало официальность отношений), Тарпищева вел себя иначе, он старался держаться в тени.

Решение президента поставить во главе президентского предвыборного штаба Олега Сосковца (поначалу так оно и было) можно считать кульминацией триумвирата. В составе штаба оказались и А.Коржаков, и М.Барсуков, что выглядело достаточно странным. Речь все-таки шла не об антитеррористической операции или о раскрытии заговора, а о предвыборной кампании будущего президента. Такое обильное присутствие руководителей силовых структур в штабе вызывало смутное беспокойство. Как мы помним, ситуация в предвыборном штабе Ельцина по мере приближения выборов менялась несколько раз. Все напоминало театральный спектакль, когда по ходу репетиций несколько раз меняется состав исполнителей главных ролей. А в остальном торжествовали законы жанра. Прелюдия была за триумвиратом. Появление О.Сосковца во главе предвыборного штаба все сочли знаковым - Черномырдин работает до выборов. По нормам мировой практики руководитель предвыборного штаба в случае победы претендента получает в качестве вознаграждения ключевой пост в исполнительной власти, так заведено во всех цивилизованных странах, и Ельцин вряд ли станет отступать от этого правила. Но для торжества подобного замысла осталась самая малость - победить на выборах. Олег Сосковец этой победы Ельцину обеспечить не мог. Так, по крайней мере, мне казалось. Так считал не только я, но сказать об этом Ельцину никто не решался. Сосковец - человек чуждый публичности, а работа предвыборного штаба - это работа с обществом, а не с властью, в чем Сосковец был, бесспорно, силен. Увы, желать - еще не значит иметь, кстати, и уметь тоже.

Примерно в это время, поздней осенью, я встретился с генералом Коржаковым. Тема разговора была сугубо деловой. Накануне, при обсуждении с Артемом Боровиком предвыборной концепции Российского телевидения, у нас возникла идея сделать в

определенном смысле сенсационную передачу из цикла "Двойной портрет" с Борисом Ельциным и Гельмутом Колем. Что касается канцлера, то с его окружением эта идея была проработана и нашла активную поддержку. Я знал о трениях Коржакова с авторским коллективом "Совершенно секретно", как, впрочем, и отрицательное отношение его к Российскому телевидению. И тем не менее считал, что замысел выше недовольного бурчания и капризов власти, и настоял на этой встрече.

Надо отдать должное Коржакову. Он мгновенно оценил замысел, попросил показать примерный сценарий и обещал поддержку. К сожалению, будущие обстоятельства не позволили воплотить эту нестандартную идею, но речь сейчас не о ней. Наш разговор с Коржаковым прерывался несколько раз. Сначала появился Лев Суханов, помощник президента, его старейший сотрудник, и принес только что выпущенный с расчетом на грядущие выборы фотоальбом о Борисе Ельцине. И нам всем пришлось участвовать в спонтанном обсуждении этого фотоальбома. Коржаков был очень активен при этом. Часть снимков в альбоме были его авторскими работами. Затем мы вынуждены были еще раз прерваться. Зашел генерал Рогозин, заместитель Коржакова. Коржаков спросил меня, не мешает ли Рогозин нашему разговору. Я ответил, что не мешает, наоборот, его участие в разговоре может быть полезно. Минут десять спустя появился О.Сосковец. Опять вернулись к альбому. На нескольких снимках Сосковец присутствовал сам. Все сошлись на том, что на снимках Сосковец выглядит очень прилично, и его семья тоже. Сосковец, как мне показалось, был несколько удивлен моим появлением, но, следуя своей природной скрытности, вида не подал. Заговорили о подготовке президентских выборов. Сосковец был раздражен. Накануне он встречался с Борисом Немцовым. И пересказав в двух словах суть встречи, Сосковец назвал Немцова зарвавшимся мальчишкой и наглецом. На том основании, что тот поставил условия, при которых поддержит на выборах Ельцина.

- Молокосос, - резюмировал Сосковец, - пошел он со своей поддержкой! А наглости...

Я слушал все это молча, затем заметил:

- Немцов действительно молод, с этим трудно спорить. Кстати, президент считает Немцова своим открытием и очень гордится этим. - Я увидел, что Сосковцу не понравились мои слова, и примирительно добавил: -Власть меняет людей.

- Вот именно, меняет! - зло согласился Сосковец.

Затем заговорили о предвыборном штабе. Сосковец говорил раздраженно. К этому времени он уже был объявлен как человек, возглавивший президентский предвыборный штаб.

- Мне сказали, что в президентской администрации, у всех этих сатаровых, батуриных, филатовых, есть какие-то наработки. Чушь, ничего у них нет, только рассуждения: "поговорим, встретимся, нельзя оказывать давление". С такими настроениями выборы не выиграешь. До начала кампании осталось меньше трех месяцев. Надо все брать в свои руки.

Поразительным было не то, что Сосковец чем-то недоволен, в его ситуации это естественно. Поразительной была почти ненависть, с которой он говорил о демократах. Казалось немыслимым, что президент объединил в одном предвыборном штабе фактически скрытых противников.

Чубайс в своем недавнем вице-премьерстве был последним оплотом демократов второй волны. И его отставку Коржаков-Сосковец-Барсуков праздновали как свою победу. По раскладу сил это выглядело действительно так. По мере приближения выборов президент начинал понимать, что другой общественности, кроме демократической, у него нет. В противном случае он обрекает себя на номенклатурный вариант выборов. Этот вариант уже дал осечку зимой, при выборах Думы. Основной недостаток всех предвыборных движений, солидарных с властью, - практическое отсутствие неноменклатурного актива. Если он и есть, то от силы в трех-пяти крупных городах, но и там он не сопоставим с общественным активом коммунистов и жириновцев. Филатов, вызывающий изжогу у группы Коржакова, был отстранен от должности главы президентской администрации и брошен на связь с общественностью. И напутственные слова президента в адрес Сергея Александровича имели

эффект анестезирующей инъекции: "Вы наш человек. После выборов мы найдем вам достойное место в команде". Филатов практически в течение года открыто противостоял Коржакову в президентской администрации. Я вглядывался в его утомленно-подавленное лицо, на котором прочитывался немой вопрос: "За что?".

После встречи с Явлинским президент понял, что никогда не получит объединение "Яблоко" в качестве союзника в первом туре, - Явлинский остается на дистанции. Утверждая состав объединенного штаба, президент дает понять, что тем не менее рассчитывает на союз демократических сил. Без разветвленной общественной сети своих сторонников на местах выборы выиграть невозможно. Разумеется, переиграть коммунистов с их лозунгом "От двери к двери!" будет трудно. Воспользоваться поддержкой местной власти, разумеется, следует. Но переоценивать ее влияние на избирателей не резон. Да и сама власть при раскладе "пятьдесят на пятьдесят" (а за три месяца до выборов Ельцин значительно проигрывал Зюганову по опросам общественного мнения) не очень будет усердствовать, как она не усердствовала в своей поддержке Черномырдина во время декабрьских выборов в Думу. Противовесом разветвленной сети активистов КПРФ могли стать только СМИ.

Впрочем, о СМИ чуть позже, а сейчас проследим за штабной интригой, которая развивалась молниеносно в силу невероятного дефицита времени. Дело в том, что необходимое количество подписей, дающее право претенденту стать официальным кандидатом, могла собрать только общественность, то есть те самые структуры, которые создал ненавистный Филатов. Очень скоро ситуация в предвыборном президентском штабе стала почти зеркальным отражением расстановки политических сил в обществе. С одним незначительным уточнением: в штабе не было легальных коммунистов. Это могло показаться и странным и нелепым. Коммунистов не было, но стиль отношения к демократам был номенклатурно-большевистским, замешанным на патриотической риторике. Именно этих взглядов придерживались прежде всего Сосковец и его коллеги по тройке, еще ряд членов правительства, которые и были античерномырдинским оплотом внутри Белого дома. Как-то Сосковец обмолвился неслучайной фразой: "В правительстве достаточно людей, искренне преданных президенту". То есть не все правительство поддерживает президента, а только некий круг людей.

С первых шагов многолюдный и говорливый предвыборный ельцинский штаб раскололся на три антагонистических ядра. Первое - это группа в составе: Сосковец, Коржаков, Барсуков, Бородин. Некая комбинация номенклатуры, силовых структур, объединенных идеей патриотизма, помноженного на идеи государственного капитализма. Или, проще говоря, скрытая оппозиция Черномырдину и открытая Чубайсу и всей его команде. Вторая группа возникла тотчас после появления в штабе Чубайса. Она как бы сконцентрировалась вокруг бывшего вице-премьера. Это достаточно жесткая и цепкая команда, проповедующая западные избирательные технологии. Естественно, все банковское ожерелье именно там, в этом чубайсовском лагере. Это и понятно, он их ставленник, во всяком случае - на данный момент. Банкиры номинально не числятся в составе штаба, но имеют там своих активных представителей в лице того же Чубайса, Игоря Малашенко и, разумеется, дочери президента Татьяны Дьяченко и Валентина Юмашева. Появление президентской дочери в предвыборном штабе было достаточно неожиданным фактом, но примечательным. Ну и, наконец, многолюдная третья группа, не имеющая очевидного лидера, присутствующая, как говорят, "до кучи" (министры, члены всевозможных комитетов, руководители государственных служб). Формально подчиненные Сосковцу, но предпочитающие позицию внимательных слушателей и внимательных наблюдателей за противостоянием двух оппонирующих друг другу групп. Появление в составе штаба дочери президента спутало игру. Довлеющее преобладание Сосковца и Коржакова было нарушено. У демо-банковской группировки - появился шанс. Березовский почувствовал дискомфорт своего положения. С одной стороны, он боялся оторваться от власти, а власть была еще в руках пресловутого триумвирата. С другой, он был соавтором идеи нанять Чубайса и от имени олигархов делегировать его в состав предвыборного штаба. В действиях Березовского

своя логика: никогда не складывайте яйца в одну корзину. А пока Березовский и там и тут. Еще не вспыхнула, не задымилась ситуация. Убрали Филатова, убрали Попцова с руководства Российским телевидением. Еще чуть-чуть - и дожмут Грачева, личного врага Коржакова. Качается Черномырдин со своим маломощным результатом на парламентских выборах. Олег Сосковец во главе штаба, его кандидатуру назвал сам президент.

Мое отстранение в общем рисунке операции "Слава президенту" можно считать ключевым решением. С этого момента контроль практически над всеми телевизионными каналами оказывается в руках одной финансово-номенклатурной группировки: О.Сосковец, А.Коржаков, М.Барсуков, П.Бородин, Б.Березовский. И до того финансовая зависимость первого канала и ТВ-6 от денег Березовского была максимальной. Теперь, после утверждения Сагалаева во главе ВГТРК, последний оплот сопротивления был сломлен. НТВ надо доказывать свою преданность президенту. Пока я был во главе ВГТРК, они атаковали со второй линии. Все стрелы летели, как правило, в нашу сторону. Недостатки государственного телевидения критикует президент. Теперь ребята из НТВ крайние. "Сейчас мы им устроим Варфоломеевскую ночь. Надо кончать эти игры в демократию" - таким виделся расклад сил Олегу Сосковцу, Александру Коржакову и отчасти Борису Березовскому. Единство интересов капитала еще не объединило их с Гусинским, хотя...

Идея полной замены команды Ельцина в случае его победы еще не обсуждалась. Возможно, ее и не было. За четыре месяца до выборов президент был намерен что-то подчистить, кое-кого убрать, но в целом свою команду президент менять не собирался. Что же случилось, почему действия президента претерпели столь решительный поворот? Разумеется, мы можем оказаться не точными в днях: не за четыре месяца, а за четыре с половиной. Важна суть. Смена всей команды - рецидив малоизученный. Для того чтобы президент сделал подобный шаг, должны быть достаточные основания. Давайте поиграем в предположения.

Участие А.Чубайса в этой непростой многоходовой комбинации просчитывается достаточно очевидно. Но сначала о том, что привело Чубайса в предвыборный штаб. Есть три ответа на этот вопрос. Ответ первый: банкиры. Чубайс аккумулировал и не давал угаснуть импульсу приватизации. Приватизационные торги ввели банки-монополисты в коридор нефтяного и металлургического бизнеса. Чубайс в состоянии заставить банкиров раскошелиться на выборах. Если бы Чубайс был только Чубайсом местного значения, объединение банковских магнатов вокруг его имени вряд ли бы произошло. Взвесив все "за" и "против", заключив свою Давосскую конвенцию, банкиры на предстоящих президентских выборах поставили на Ельцина, связали с ним свое будущее. Чубайс, в недалеком прошлом автор экономической стратегии правительства, знал о коммерческих банках все и чуть больше всего. И вот это "чуть больше" беспокоило банкиров. Рассудив рационально, а банкирам политическая риторика не присуща, олигархи посчитали разумным, что иметь такого человека, как Чубайс, лучше в союзниках, нежели в противниках. Ельцина не изменишь, он все равно вернется к своей выгодности. И противовесный Чубайс ему всегда удобен. Но даже это обоснование мы вправе назвать упрощением ситуации.

Ответ второй: "заграница нам поможет". Чубайса вернул в лоно активной политики Запад. Да, да, не Филатов, который действительно настаивал на возвращении Чубайса и ориентировался при этом не на его международные связи и на организаторскую одаренность Анатолия Борисовича, а они бесспорны, а на его фанатичность в достижении цели. Сразу после своего освобождения от должности вице-премьера Чубайс совершает шумную поездку в Давос, где собирается вся финансовая и предпринимательская элита мира. К его анализу экономической ситуации, расстановки политических сил прислушиваются особенно внимательно. Он только что "из нутра" этой власти, еще не остывший от интриг, сохраняющий при этом верность президенту, хотя мог бы занять позицию, сходную с позицией присутствующего там же, в Давосе, Григория Явлинского. Однако не занял. Почему? На что рассчитывал? А может, устал или боится?

Там, в Давосе, был заключен пакт под девизом "коммунизм не пройдет". Можно

предположить, а можно и утверждать, что там же состоялась договоренность вовлечь в эту затею Анатолия Чубайса. Далее молва раздваивается. Один ее поток свидетельствует, что Чубайс был попросту нанят банкирами, и, в случае его согласия, они готовы не только заявить о своей полной лояльности президенту, но и финансировать избирательную кампанию Ельцина, равно как и лоббировать идею возвращения Чубайса во власть. Другой поток информации был более лоялен к Чубайсу. Его никто не нанимал. Ему предложили патронировать столь вызывающий банковский демарш. Этим фактом подчеркивалось как уважение к отцу приватизации, а следовательно, и сотворителю коммерческих банков, которые за счет этой самой приватизации стали владельцами или совладельцами значительной в прошлом государственной собственности; так и признание его лидерства среди реформаторов второй волны.

Сразу после освобождения Чубайса с шумным и неласковым напутствием президента по поводу ошибок, допущенных в приватизационной программе, следует немедленная реакция Думы. Коммунисты и ЛДПР требуют от соответствующих служб воспрепятствовать желанию Анатолия Чубайса в ближайшее время выехать за границу. Чубайс же свою тактику выстраивает более созидательно, он создает группу быстрого экономического реагирования, с которой он настроен разъезжать по стране и на контрактных началах вытаскивать из финансовой пропасти тот или иной регион, а лучше - то или иное крупное предприятие (идея, объявленная Чубайсом в одной из телевизионных программ).

Итак, злосчастный Чубайс - по мнению одних, главный реформатор России; по мнению других, разоритель страны, прародитель нарицательной социально-экономической формации "новые русские" - был отправлен президентом в отставку. Интересно, что политологи расценили этот шаг как полевение курса президента, погоню за популистскими решениями в преддверии предстоящих выборов, свидетельство того, что Ельцин обязательно выдвинет свою кандидатуру на второй срок. И потому он намерен избавиться от роковых политических фигур. Впрочем, эти политологические прогнозы не останавливались на Чубайсе и шли дальше. Следующим, предрекали политологи, будет Черномырдин, который до последнего момента возражал против отставки Чубайса.

Спустя недолгое время после отстранения Чубайса от должности, происходит столь же алогичное его возвращение в президентский предвыборный штаб, где он очень скоро становится ключевой фигурой, организатором и идеологом предвыборной президентской команды. Тот самый Чубайс, который, по словам президента, сказанным не более полутора месяцев назад, одним своим присутствием в правительстве нанес чрезвычайный урон предвыборной кампании Черномырдина.

Именно в этот момент начинает насаждаться и внедряться мысль, дескать, в действиях президента была продуманная логика. И убрал он Чубайса, чтобы ослабить возможный думский прессинг на премьера, так как, следуя общепринятой парламентской логике, премьер, не представляющий парламентское большинство, уязвим как глава правительства. По сути, нелепый домысел, ориентированный на классическую формулу парламентской республики. Господа, вы живете в России.

И тем не менее на промежуточном старте Коржаков торжествовал победу. Филатов выведен на обочину, Чубайс получил отставку, Сосковец во главе президентского штаба. Плюс к этому смена руководства на ВГТРК, а значит, практически полный контроль над телевидением. НТВ не выдержит, оно останется в изоляции. Вперед! По этому поводу Олег Сосковец на одном заседании правительства (он вел их достаточно часто) негромко обронил фразу: "Господа из НТВ забывают, что лицензии на вещание как получают, так и лишаются". Кстати, тот же Игорь Малашенко прекрасно понимал, что ВГТРК с Попцовым во главе, раздражая власть независимой позицией, прикрывала НТВ и обеспечивала ему свободу оппозиционного маневра.

Все складывалось просто прекрасно. Новый глава президентской администрации Николай Егоров с небольшими ремарками тоже мог быть зачислен в команду Сосковца, Коржакова, Барсукова, Бородина, Тарпищева, Березовского, однако... Было бы большой

опрометчивостью считать, что эта группа была слишком сплоченной. Во властной среде действуют неписаные законы. Объединяются не по любви, а в силу целесообразности. И предают не потому, что разлюбили, а по причине исчерпанной необходимости в том или ином человеке.

Первое, что насторожило президента, - в его окружении образовалась совершенно явственная группировка. Не группа людей, сплотившихся вокруг президента, а несколько человек, образовавших некий самостоятельный блок рядом с ним. Из чего следовало - всякий доверительный разговор или просьба, которую он высказывал Сосковцу, становятся известными, более того, обсуждаются в окружении Коржакова, Барсукова и даже Бородина. Причем каждый из них в отдельности использует свою близость к президенту. В этом смысле небезынтересно одно наблюдение.

Президент входил в предвыборную кампанию с отрицательным сальдо. По популярности его обгонял не только Зюганов (разрыв был едва ли не в два раза в пользу последнего), но и Явлинский. Среди банкиров назревала паника. При любом раскладе было ясно, что выборы резко усилили конфронтацию в обществе, которое раскололось практически пополам, это при оптимистическом прогнозе. А на тот момент ранней весны 1996 года - с резким преобладанием в пользу коммунистического кандидата. И, как следствие панических настроений большого бизнеса, - "заявление тринадцати". Тринадцать крупнейших банкиров и предпринимателей предупреждали противостоящие лагери, что они не намерены оставаться немыми свидетелями, и предлагали оппонентам договориться и создать единую модель власти, обеспечивающую гарантии частного капитала, без которого страна сегодня развиваться попросту не может. И далее обилие высоких слов об интересах России и о ее процветании. Потому как все слова банкиров и предпринимателей сказаны только во имя этого. Назовем это обращение "заботой тринадцати". Оно не всколыхнуло общество, а, скорее, насторожило его.

Во-первых, обращение, конечно же, не объединило, а раскололо финансовый и предпринимательский мир. Под ним не оказалось подписей очень многих видных фигур из деловой среды России. В этом была усмотрена некая экспансия, монополия сравнительно немногочисленной группы говорить от имени всего делового мира. И хотя группа была достаточно влиятельной, однако ее неприкрытое стремление прорваться во власть вызывало у коллег ревнивую неприязнь: почему именно они?

Во-вторых, обращение было встречено с недоверием оппозицией, потому что в этом действии оппозиция почувствовала желание банковского капитала сохранить у власти Ельцина. Но не меньшее недоверие высказали и демократические круги, которые прочли обращение под другим углом: как желание отменить выборы, пойти на союз с коммунистами, а значит, толкнуть президента влево, а он и без того утратил должное уважение к демократам, которые в свое время вернули его в политику и сделали президентом России. А еще демократы поняли, что банкиров не интересует цвет знамен. Их интересует только размер капитала. Тем более что заварили эту кашу лица, не располагающие, говоря сдержанно, преобладающими симпатиями в обществе. И уже какой раз самым выделяющимся и активным в этом действии был Борис Березовский. Нет сомнения, что и идею подобного заявления подал именно он. Хотя и Владимир Гусинский, глава "Мост-банка", не чужд достаточно агрессивных заявлений о банковском всесилии в современной России. Здесь приходится сделать одну горькую ремарку. Всесилие банков, о котором столь часто говорят олигархи, не в приоритетах экономического развития, не в способности совершить перелом, инициировать развитие отечественного производства, что и есть начало любого экономического бума и процветания. Приоритетность и безмерное влияние банков в другом: в открывшихся возможностях массового подкупа чиновников, а значит, доступа к закрытой информации, потокам бюджетных средств, на прокручивании которых поднялись практически все ведущие банки. Разбалансированное государство, утратившее нормальное управление, не в силах противостоять этой скрытой финансовой экспансии, соблазну закамуфлированного подкупа.

Почему Березовский был инициатором этого шага? В тот момент, как принято говорить, он играл за красных. Группа О.Сосковца, А.Коржакова, М.Барсукова, можно предположить, благословила Березовского на эту авантюру. Хотя вполне очевидно, что убедил триумвират в продуктивности такого шага сам Березовский. Все-таки доктор математических наук. Скрытая в "обращении тринадцати" идея переноса, а еще лучше, отмены выборов полностью совпадала со взглядами упомянутой группировки.

Естественно, никакой встречи Ельцина с Зюгановым на предмет раздела сфер влияния во властных структурах, к чему призывали авторы обращения, не произошло и не могло произойти. К тому моменту по всем социологическим опросам Зюганов значительно опережал Ельцина, и коммунисты имели все основания верить в свою победу. Один из лидеров компартии, Валентин Купцов, на вопрос, как он относится к "обращению тринадцати", осторожно заметил: "Озабоченность банкиров по поводу настоящего и будущего страны обоснованна". Геннадий Зюганов выразил согласие встретиться с банкирами и предпринимателями. Кажется, такая встреча состоялась, но сколь-нибудь серьезного резонанса не имела. Видимо, взаимные гарантии не были столь обнадеживающими.

Идея объединения олигархов в какое-то осмысленное политическое ядро не раз афишировалась Борисом Березовским. Это был своеобразный психологический прессинг - Березовский старался внушить власти свою необходимость, продемонстрировать способности как организатора и сотворителя капитала.

По словам Коржакова, Березовский не просто был настырен, он буквально прилипал к человеку. Естественно, человеку власти. От него невозможно было избавиться. Ты его в дверь гонишь, а он через окно возвращается. Ты его в окно, а он через вентиляционную трубу. Я помню один маленький, но очень характерный эпизод. У Олега Сосковца был день рождения. Я узнал об этом буквально за десять минут до начала заседания правительства. Проход в зал заседаний был как раз через коридор, где располагались кабинеты первых заместителей премьера. Я заглянул в приемную к Сосковцу, чтобы поздравить новорожденного, и помню, как иронично секретарь урезонила меня: "Опаздываете, Олег Максимович. Борис Абрамович Березовский был здесь уже в полвосьмого утра. Цветы и все прочее. Я пришла на работу, а он уже здесь сидит. Вот как надо общаться с начальством". Мне ничего не оставалось, как рассмеяться в ответ на этот монолог секретарши. Потому как говорилось все с осмысленной издевкой не над Березовским, а надо мною. Я был уверен, что в правом ящике секретарского стола лежит еще не распечатанная коробка дорогих конфет или еще какой-то знак внимания. Власть начинается не в кабинетах вершителей власти, а в комнатах, прилегающих к кабинету, где располагаются всевозможные помощники, референты, секретари. К Сосковцу я заходить не стал. Уже вернувшись с заседания правительства, отправил ему поздравительную телеграмму.

Но вернемся к "заявлению тринадцати". Всех насторожила вызывающая публичность частного капитала. Это выпадало из общепринятых норм внутренней политической жизни любой цивилизованной страны. Капитал, как правило, не претендует на публичность, понимает, что она может лишь навредить бизнесу. И вдруг, сформировавшийся не на идеальном бизнесе капитал, капитал, хотя и весомый, но недостаточный, чтобы обеспечить стартовый рывок страны, заявляет о себе, как о доминирующей политической силе. И тогда слова Владимира Гусинского, якобы сказанные Барсукову: "Если президент нас не будет поддерживать, поставим другого", - не великая новость. Артистической натуре Владимира Гусинского чисто профессионально (по своей первой профессии он театральный режиссер) противопоказано молчание. Его вторая профессия - банкира тоже добавила каких-то черт его характеру, но не изменила основополагающего - способности к эмоциональному взрыву. А потому подобные идеи Гусинский высказывал постоянно и публично. Назовем это "позицией активного избирателя". И все-таки это был упреждающий шаг. Сохраняя полную лояльность президенту, банкиры пустили пробный шар в сторону противоположного берега. Не исключено, этот шаг был санкционирован группой Сосковца и в раздумчивой форме

("попробуйте") самим президентом. Это, если можно так выразиться, лояльное толкование ситуации. Вместо выборов - договоренность. А выборы можно и отсрочить. Перенос выборов взамен на коалиционное, с достойным присутствием коммунистов, правительство. Пробный шар до коммунистического лагеря либо не долетел, либо долетел и упал в траву, и его не нашли. Да и особенно не старались найти. Но есть и нелояльное толкование ситуации - банкиры дрогнули. Появилась неуверенность в победе Ельцина. И они решили прозондировать почву: есть ли свободные места для них в зюгановских вагонах. При этом группа Сосковец-Коржаков-Барсуков не исключала пунктирного прощупывания контактов если не с крайними коммунистами, то с патриотами, наверняка полагая, что их объединяют античубайсовские настроения и державные девизы.

Однако ничего продуктивного из затеи тринадцати банкиров не получилось.

Но время шло, предвыборная нервозность нарастала.

И тогда случился Давос. Вдали от родины, в Швейцарии, воздух которой, если вспомнить историю, уже однажды возбуждал страсть российских политиков, после чего последовали действия неординарные - произошла революция.

На этот раз в более ограниченных масштабах вершилось действо прямо противоположное. Семь банкиров - Березовский, Смоленский, Потанин, Ходорковский, Гусинский, Фридман и Авен - заключили некий пакт под девизом: "Коммунизм в России не пройдет". Из чего следовало, что, в силу отсутствия альтернативы, другого пути, как поддержать на выборах Ельцина, у них нет. Возвращаясь к "письму тринадцати", где те же самые семь плюс еще шесть, проявляя холодный прагматизм, советовали Ельцину и Зюганову как бы поделить власть. Здесь еще действовало навязанное представление, что Зюганов образца 1996 года никакой не ортодокс и с ним можно договориться, но...

Нереальность замысла была не в позиции Зюганова, а в степени его влияния на союз коммуно-патриотических сил, от имени которых он был выдвинут как кандидат в президенты. Тут "ахиллесова пята" Зюганова. От своего имени и немногочисленного ядра своих сторонников он вполне возможно и мог дать гарантии банковской неприкосновенности, а вот от сонма союзников?! За всю предвыборную кампанию Зюганов практически не ответил ни на один фундаментальный экономический вопрос, подчеркивая всякий раз принцип незыблемости коллективного руководства. Возможно, эту глубоко спрятанную несвободу, несамостоятельность лидера КПРФ почувствовали банкиры. Совершенно очевидно, что тот, прошлый "манифест тринадцати" не был согласован с Чубайсом. И вряд ли Анатолий Борисович мог стать сторонником подобных идей, где невооруженным глазом было видно, что лично для Чубайса места в этой банковской инициативе нет. С коммунистами наверняка можно было бы о многом договориться, но только не о Чубайсе и уж тем более не о сохранении его на ключевой государственной должности. Правда, в те недалекие времена Березовский играл еще за другую команду, команду Сосковца-Коржакова-Барсукова.

В Давосе он снова инициатор, но уже с максимальной ориентацией на Анатолия Чубайса, заявляя при этом, что лично он как предприниматель и бизнесмен рожден приватизацией, а значит, ему чрезвычайно близка чубайсовская ментальность. Интересно, что каких-то полтора месяца назад, в апреле, эта же самая чубайсовская ментальность Березовскому была чужда. Любая мировая с коммунистами однозначно приговаривала Чубайса.

20 ноября 1996 года.

Мысль о вовлечении собственной дочери Татьяны в политику, как свидетельствует Коржаков, возникла у Ельцина после поездки во Францию, где он узнал, что именно дочь Жака Ширака руководила предвыборной кампанией своего отца. Ельцин такого дерзкого шага не делает, но тем не менее имя дочери появляется в списке его предвыборного штаба. Для консервативной России с ее недавним социалистическим прошлым, где дети политических лидеров старались держаться в тени и уж никак не оказываться в сфере публичной политики, такой шаг бывшего секретаря Свердловского обкома партии можно

считать сенсационным. Впрочем, мы упускаем одну парадоксальную черту президента Ельцина: оставаясь самим собой, стремительно уходить от себя прежнего. Когда Ельцина избирали в первый раз, и вообще, когда придумывалась эта спасительная идея с президентством, которая, воплотившись, должна была усилить независимость России и помочь ей ослабить путы и довлеющее начало союзного горбачевского руководства, мы жили и действовали вслепую, потому как горбачевское президентство казалось нам малоудачным, и в памяти еще был свеж изнурительный путь избрания Ельцина Председателем Верховного Совета на Съезде народных депутатов. Съезд достаточно решительно левел, сказывались партийные гены, и рассчитывать на избрание президентом России человека по фамилии Ельцин на съезде было бы великой невероятностью. Съезд избрал, съезд отрешил. Нас всех этот вариант не устраивал. Только всенародные выборы.

Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что нас беспокоила масса проблем: отношения будущего президента с парламентом и съездом, поведение коммунистов, взаимоотношения с Горбачевым. Как впишется президентская власть в жизненный уклад России? Что будет с экономикой? Ну и конечно, нас беспокоила сама победа. Тот первый ельцинский штаб возглавлял Геннадий Бурбулис. Нервозность, разумеется, была, но мы не сомневались в победе. Обилие кандидатов наводило на мысль о возможности второго тура. Я помню, как пришел в штаб и предложил обсудить нашу тактику в случае второго тура голосования. Едва я произнес эти слова, улыбающееся лицо Бурбулиса мгновенно утратило располагающее выражение, глаза зло округлились, отчего стали еще темнее и круглее:

- Ты зачем пришел?! - спросил Бурбулис.

- Поговорить о втором туре, - еще раз пояснил я, - а вдруг.

Меня несколько насторожило его агрессивное молчание. У него это хорошо получалось. В глазах появлялся недобрый блеск, и сами глаза становились твердыми и холодными.

- Второго тура не будет, - сказал Бурбулис. Эти слова он произнес медленно, с расстановкой, как если бы каждое слово было отдельным предложением.

- Никто не сомневается в победе, - заметил я, - и разрыв будет значительный, но может оказаться не пятьдесят плюс один, а 49%. Что тогда? Мы должны быть готовы к любым вариантам.

- Никаких вариантов, мы выигрываем в первом туре.

- Почему ты так уверен?

- Потому что второй тур не входит в наши расчеты. Да и денег нет. Будем побеждать в первом.

Уверенность Бурбулиса в те дни сыграла немалую роль. Все были захвачены единым порывом. И даже когда хотелось поссориться, сдерживали себя - потом. Вот выиграем выборы, сядем и спокойно разберемся. Тогда мы берегли свое единство.

Но все меняется. Время, люди, президенты, их семьи. Кто-то бросил на ходу: "А Ширак не дурак, если ..." Возможно, и фразу не договорил, а поди ж ты, услышали.

В ЦАРЕВЫХ ЧЕРТОГАХ ЗАЖИГАЕТСЯ СВЕТ

В один из суетных дней 93-го года я накоротке столкнулся со Львом Сухановым, старейшим помощником президента. Старейшим не в силу возраста, просто он работал помощником Ельцина еще задолго до его президентской биографии. У Льва Суханова был один изъян: его недолюбливала семья президента. Она не видела в нем перспективной полезности. Суханов своим присутствием и поведением напоминал прошлую укладность Ельцина, борца с привилегиями и номенклатурным барством, что никак не соответствовало образу теперешнего президента, имеющего с десяток резиденций по всей стране и быстро привыкшую к вседоступности младшую дочь. И несмотря на минувшие времена (а он рядом с Ельциным пробыл до 1998 года), Суханов воспринимал президента в первоначальном исчислении, к которому он, Лев Суханов, был причастен. Он понимал, что Ельцин изменился, но все равно продолжал верить в уже несуществующую остаточность, пусть возвышенно-властного, но друга. Суханов был предан Ельцину во все времена и при любых обстоятельствах. Он неизменно присутствовал где-то рядом с президентом, выполнял

поручения не грандиозного масштаба, но достаточно доверительные. Суханов не участвовал ни в каких подковерных или коридорных интригах. Иногда складывалось впечатление, что он нигде не значится, ни в каких предвыборных штабах и списках его нет. Его уже какой раз оттеснили. И это было правдой. Менялись фамилии теснящих Суханова. Сначала таким фигурантом был Бурбулис, затем Илюшин, потом Коржаков, а в промежутке Филатов или Егоров, а чуть позже их заместители. Кто-то самую малость, кто-то в полном объеме. Суханов не оказывал на Ельцина значимого влияния, но он был частью среды обитания президента с его непрезидентским прошлым. Суханов излучал ностальгическую энергию. И это раздражало. Президент не без помощи своих помощников задвигал Льва Суханова в самый далекий и неосвещенный угол кремлевского бытия, куда-то в сторону от шумных политических баталий. Даже чисто территориально кабинет Льва Суханова все дальше и дальше отодвигался от президентских апартаментов. Но проходило время, Ельцин вдруг спохватывался, и мы могли прочесть в газетах, что в очередной отпуск президент отбывает в сопровождении пресс-секретаря и своего помощника Льва Суханова. Измученное перемигиваниями, подозрениями сердце первопроходца успокаивалось. С этой минуты Лев Суханов забывал о нанесенных ему обидах. Все становилось на свои места, президент по-прежнему его любит.

Это маленькое отступление необходимо. И даже не для того, чтобы воздать должное многолетнему товарищу Бориса Ельцина Льву Суханову, а чтобы лучше понять суть разговора, случившегося между нами весной 1993 года.

Отношения между президентом и парламентом переступили черту критической массы. По стране блуждали предпутчевые настроения. Кажется, это был Дом союзов, собрание творческой интеллигенции. Суханов увидел меня, мы поздоровались. У нас сложились ровные, уважительные отношения еще с той поры, когда Суханов набрался смелости и предложил мою кандидатуру на пост главы пресс-службы в то время еще не президента, а Председателя Верховного Совета Бориса Ельцина. Замыслу Суханова не суждено было исполниться, я отказался. Но, слава Богу, добрые отношения взяли верх и симпатии друг к другу сохранились. Мы обсудили непростую политическую ситуацию, непреходящую раздраженность президента по этому поводу. И вдруг Суханов сказал: "Все будет хорошо. Мы консультировались с Вангой". Еще что-то про астрологический центр, удачное для Ельцина расположение звезд, откровения буддийских монахов, ссылки на исторические пророчества сначала XVI, а затем XVII века. И, как итог - Ельцин преодолеет все немыслимые трудности, одержит сокрушительную победу: будет избран президентом на второй срок. Напомню, что все это говорилось весной 93-го года. И вообще, Ельцину предписано судьбой едва ли не положить начало новой царской династии и выполнить на этой земле роль мессии. Суханов говорил очень возбужденно, один или два раза в разговоре промелькнула фамилия Рогозин. Я тогда не придал этому значения. Однако Россия уже вступила в эру великой смуты, и роль колдовских заклинаний, мистических предсказаний, повествований о пришельцах из космоса уже не выглядели нелепостью, а, скорее, даже врачевали душу, истерзанную столкновениями, преступным беспределом, глупостью и слепотой власти.

Тогда я еще не знал, что Рогозин, заместитель Коржакова, изучал тибетскую медицину, интересовался буддизмом, оккультными науками, пробовал себя в роли экстрасенса и вообще был неравнодушен к идеям биоэнергетики, астрологии, алхимии, космогонии. Было бы удивительно, если бы информация в той или иной форме не доходила до Ельцина. Теперь уже никто не отрицает, что природа самых внешне несуразных явлений мало изучена. Вещи двигаются, стекла лопаются, прикосновения руки оставляют следы ожогов, в расположении звезд угадываются точные предначертания судьбы. И знания, полученные нами в университетах и академиях, кажутся нам спорными и несущественными. Опять в цене хиромантия. И с ужасающим любопытством мы вызываем голоса усопших и беспокоим тени великих, требуя от них косноязычных откровений по поводу событий, сотрясающих нас. Н-н-н-да-а...

Президент тоже человек. Ему внушают, он вяло сопротивляется: "Какая монархия, зачем?!" А душа пятится, освобождает место для сладостной мечты: а вдруг... Зловещий вирус проникает в душу где-то на самом дне, и оттуда медленно сочится холодное тепло. На твоей памяти последние дни, часы, минуты жизни императорской семьи: Екатеринбург, профессор Боткин, комендант. Роковая депеша из центра. Всех поголовно, и детей тоже. Кстати, именно Ельцин, будучи первым секретарем Свердловского обкома партии, дал указание взорвать мрачнопамятное строение - Ипатьевский дом.

А чем черт не шутит. Свершилось-де его рождение и витало в воздухе как энергетическая пыль. Искало почву, где осядет и прорастет в сознании скрытое, второе "Я". Там кончилась царская фамилия, там ей сызнова и начаться. Как же складно получается.

И тогда уж наверняка Лев Суханов прав. Или почти прав, или прав предположительно - мессия. А если нет, откуда эта манера: как с царского плеча шубу; хочу милую, хочу казню; указ, подписанный прямо на подставленной спине - долги простить! А послевыборная раздача слонов, благодарственные назначения. А непостижимая тяга к фаворитизму - череда знатных жертв: Геннадий Бурбулис, Владимир Шумейко, Олег Сосковец, теперь вот Анатолий Чубайс. Это жертвоприношение еще впереди, но непременно состоится. Капризы царя постоянны.

Когда в составе предвыборного штаба появилось имя Татьяны Дьяченко, общество сделало немую паузу и стало думать, что бы это значило. Вопрос не праздный. У каждой страны своя укладно-житейская, она же укладно-партийная философия. Так вот, по норме этой укладно-партийной философии дети за родителей не отвечают. Что значит этот принцип, который хотя и декларируется, но в жизни не соблюдается? Годы репрессий убедительно свидетельствовали, что власть истязала детей наравне с родителями. И все-таки. По логике, дети не отвечают за своих отцов, потому что, как правило, были заняты совсем другим делом. Они не шли по стопам родителей. Им предписывалось быть вне политики. Партийные функционеры соблюдали этот принцип достаточно жестко. Даже присутствие жен рядом с высоким политическим начальством во время крупномасштабных событий, визитов, съездов считалось неуместным и даже непозволительным. Пожалуй, единственная Надежда Крупская, жена Ленина, была значимой политической фигурой как при жизни Ленина, так и какое-то время после его смерти. Что же касается детей, они жили своей, закрытой от чужих глаз жизнью. Помнится, когда впервые Горбачев в сопровождении Раисы Максимовны появился в зарубежной поездке, партийная номенклатура это восприняла как вызов общественному мнению. Дикость, разумеется, но дикость отечественная. На Западе визит премьера в отсутствие супруги считается нелепостью. В СССР все наоборот - присутствие жены если не скандал, то что-то похожее на то. Так было. По этим нормам мы жили, их воспринимали как единственно верную суть. Интересно, что в дореволюционной России семейные отношения в царской династии, а проще говоря, самой высокой власти были неизмеримо более открытыми, чем после революции. Это было крайне важно, чтобы верноподданные хорошо себе представляли наследные узы, очередность и права членов царской фамилии на престол, а значит, высшую власть. Интересно, что после победы Бориса Ельцина на выборах летом 1996 года и объявленной даты инаугурации президента (а местом инаугурации был определен Кремль, Соборная площадь) количество посетителей кремлевского музея в разделе "История царских коронаций" выросло в десятки раз. Это нельзя считать случайностью. В последний момент от затеи отказались, в силу якобы ее дороговизны. Что на самом деле не соответствует действительности. Истинной причиной было нездоровье президента, его крайне болезненный вид, что не мог скрыть даже самый совершенный грим. К этому следует добавить нарушенную координацию движения и затрудненную речь (и хотя окружением президента это отрицалось, все было похоже на послеинсультное состояние). Был, хотя и малый, риск непогоды. Но эту вероятность можно счесть сущей мелочью по сравнению с величественностью и торжественностью, которую позволяла Соборная площадь, что троекратно убеждало бы Ельцина в мысли своей высшей предназначенности для России. Главная роль в ритуале инаугурации отводилась патриарху

Алексию II. Историческая аналогия была очень прозрачна: во все времена помазание на царство на Руси совершал глава православной церкви.

Как подтвердил в своей книге шеф президентской охраны генерал Коржаков, идея вовлечения дочери в политическую жизнь появилась у Ельцина после возвращения из Франции. Почему Шираку можно, а Ельцину нельзя. Поставить дочь во главе штаба Ельцин не решился, но в состав штаба он ее включил официальным президентским решением.

"В нашем полку прибыло!" - взревели штабные демократы, и процесс пошел. Этот день можно назвать траурным днем. Появление в составе штаба Татьяны Дьяченко этой группой было воспринято крайне негативно. Размышления Коржакова насчет непохожести российского политического ландшафта на ландшафт французский выглядят вполне убедительными. Дочь дочери рознь. И дочь Ширака, имеющая к моменту его избирательной кампании многолетний политический опыт, и дочь Ельцина, чьи советы, возможно, очень уместные, ограничивались пределами семейного круга, нельзя назвать тождественными по профессиональной значимости. Однако, причина раздражения всесильного таилась совсем в другом. И опытность или неопытность Татьяны Дьяченко (в девичестве Татьяны Ельциной) имела для того же Александра Коржакова значение десятое.

В штабе появился человек, близость и доступность которого к президенту не имела равной величины. Но и эта сверхважная частность не была главной. Определяющим в интриге следует считать воззрения и политические симпатии Татьяны Борисовны. А они, как утверждают очевидцы, были на стороне молодых реформаторов, причем их сближала не столько суть, сколько мировоззрение сверстников. При этом следует учесть, что именно дети в семье Ельцина тяготились присутствием того же Коржакова, а ранее Бурбулиса в их лично-семейной жизни. Как бы невзначай нарушалась граница этической запретности, когда начальник охраны знал о семейных проблемах (а они есть во всякой семье) больше, чем сама семья. Внедрение вершилось практически по инерции: если я отвечаю за безопасность президента, я отвечаю за безопасность его семьи. А далее уже без запятых. Мы должны знать все. Любой надзор тяготит, повсеместный тем более. Предрасположенность Ельцина к фаворитизму не просто беспокоила семью, а по-человечески мешала ей. Всякий раз появлялся если не новый член семьи, то персонаж, способный оказывать на настроение семьи влияние. Коржаков чувствовал сначала скрытое, а затем явное неприятие своей персоны. Со временем стал ощущать этот дискомфорт и Ельцин. По привычке он властно и непререкаемо подавлял подобный протест. Жена президента Наина Иосифовна старалась избегать обострений, зная тяжелый характер мужа. Она хорошо понимала, что вспыхнувшая искра способна сжечь как один, так в равной мере и другой контакт. И еще не известно, кто восторжествует - сверхнеобходимый слуга или тот или иной член семьи. Нужны были особые обстоятельства, чтобы Ельцин пренебрег должностными правилами. Скорее всего, болезнь президента и давала эту ситуационную особенность. Неточность, как и точность наших рассуждений, относительна.

Все сказанное вписывается в общую модель предвыборной интриги. Вопрос в другом: когда и как проявится антиподность политических интересов в президентском штабе. Березовский, который почувствовал запах дыма и немедленно переметнулся в другой лагерь, оправдывал свой поступок "святыми словами": "Я многого не знал". Внутри штаба появляется еще один скрытый треугольник: Т.Дьяченко, находящаяся в тени; Валентин Юмашев и Борис Березовский. До поры это не столь заметно, так как существует связка, сложившаяся в предвыборный период: Березовский плюс Гусинский с выходом на Чубайса, а тот, в свою очередь, сумел наладить уважительные отношения с Татьяной Дьяченко, которая и осуществляет постоянный контакт с президентом. Эта цепь имела самый высокий КПД во всех звеньях, а потому потеря мощности, а проще говоря, значимости любой идеи на пути от автора до президента, была минимальной. По свидетельству того же Бориса Березовского, отлаженная взаимосвязь и после выборов действовала бесперебойно.

До выборов роль дочери и ясна, и понятна. Послевыборное время - это уже другая эпоха, другие правила игры, наличие другой сверхзадачи. Вглядываясь в недавние

исторические перемены, мы вправе утверждать, что зацикленность на родственных связях высоковластных особ была чревата не настоящим, а будущим, когда властвующие становились фактом нашей истории. Именно в этот момент, лишившись властной опеки и патроната, оказавшись открытыми всем ветрам и перепадам политической температуры, дети и родственники "всевластных" попадали в зону максимальной уязвимости, которая, по сути, безгранична в неблагополучном государстве, ибо благополучен лишь Олимп и малая толика у его подножия. Партийные функционеры это хорошо понимали и потому уводили отпрысков в тень, подальше от людских глаз и завистливой молвы, которая по причине своей завистливости была из веку остро зрячей и старалась высмотреть все до нитки, до половицы в опустевших царских чертогах. Детям "всевластных" не заказан путь в политику. И все-таки нас настораживает эта запоздалая настойчивость.

Каков в данный момент круг обязанностей дочери президента, кроме обязанностей семейных, сказать трудно. Прошел слух, слух неподтвержденный, что она занимает полуофициальный пост в президентской администрации. Те, кто достаточно хорошо знает семью президента, как правило, люди из бывшего окружения Ельцина, говорят про младшую дочь по-разному: и с придыханием, и с раздражением. Но в одном все сходятся - Таня считается любимицей отца. Борис Николаевич гордится дочерью, которая поступила на один из престижнейших факультетов сначала в Свердловский университет, затем, по причине переезда Ельциных в Москву, заканчивала уже в МГУ. Факультет, как принято считать, привычно мужской ориентации. Говорят, что уже имевший дочь Ельцин ждал сына, и это сказалось на младшей дочери, она словно старалась доказать отцу свою мужественность. В свое время, возглавляя Московский городской комитет партии, Ельцин частенько наезжал в научные институты, конструкторские бюро. И именно в таком окружении не без гордости говорил, что его дочь тоже по этой заковыристой части. Дочь, судя по всему, действительно смышленый специалист, скорее всего обладающий чисто математическим умом, что для женщины достаточная редкость. К политике относилась, конечно же, любительски, постигая ее основы через сочувствие к отцу и беспокойство за его судьбу. Никаких других предрасположенностей такого рода ни ранее, ни позднее не проявляла. И вот теперь...

Демократы, в руках которых, благодаря Татьяне Борисовне, оказался ключ к президенту, приговорены разглядеть политическую одаренность президентской дочери, а если ее нет, обязаны придумать, а затем набраться мужества и рассказать о своем открытии обществу. Меня не удивляет, что синхронно появляются астрологические прогнозы, предсказывающие России в ближайшее время правление женщины. Сочтем это астрологическим холопством. Мало ли женщин. Вирус державности - устойчивый вирус. Наши предположения, как всякие предположения, - суть вариантны. Скорее всего, если здоровье президента не повторит серьезного сбоя и он в состоянии требуемой работоспособности продержится до 2000 года, его дочь убыстренными темпами усилиями новой президентской команды будет внедряться в политику. Задача очевидна - получить к 2000 году сформировавшееся и значимое в обществе новое политическое "Я". При этом никак не подчеркиваются династические тенденции, однако материализуется идея сделать большую политику фамильным занятием семьи Ельциных. Пустяк, разумеется, но пустяк немалый. Ну а в каком ранге, это уже покажут время, сограждане, Россия и благополучное или неблагополучное президентство в следующие четыре года.

ВОЗВРАЩЕНИЕ "ДЬЯВОЛА"

Так сочно было аттестовано возвращение Анатолия Чубайса в большую политику. Чтобы понять в полной мере суть предвыборной интриги, надо непременно задаться вопросом: кто и почему вернул Чубайса сначала в предвыборный штаб президента, а затем...

Алогизм происходящего был очевиден. Его уже невозможно списать даже на непредсказуемость президента. Нет никакого сомнения, что Ельцин принял столь неординарное решение под давлением быстро сформировавшихся финансовых и политических сил. Выборы приближались. Времени на раздумья практически не оставалось.

И все-таки почему? Критическое состояние государственного бюджета слишком на

виду, чтобы затраты на переизбрание Ельцина погрузить на эту, и без того хромающую, лошадь. Предвыборный марафон опустошит казну. А выплата пенсий, а оплата труда шахтеров... Да мало ли кого... Всех тех, кто в сентябре - декабре объявлял забастовки, совершал марши протеста, объявлял голодовки. Выборы доконают бюджет 96-го года. Естественно, не только выборы: провал со сбором налогов, война в Чечне, упрямство Международного валютного фонда. Сейчас уже никакая сверхревизорская комиссия не просчитает, сколько миллионов долларов стоило повторное избрание Ельцина. Цифры называются столь противоречивые, что признать истинной какую-либо очень трудно. И 100 миллионов, и 500, и более.

Итак, нужны деньги. Где их найти? В тумбочке. Прекрасно. А где тумбочка? В банке. Поэтому появился Чубайс - свой человек в коммерческо-банковском мире и в среде нарождающегося предпринимательского класса. Березовский прав, когда говорит: "Своими капиталами я обязан приватизации, а значит, Чубайсу". Этот молодой и агрессивный политик стал прародителем целого сословия. Но деньги мало найти. Их надо организовать, заставить работать на выборы. Чубайс - человек-машина, фанатик с отменной способностью менеджера, действующего мгновенно в критической ситуации. Разумеется, в возвращении Чубайса сыграл роль и субъективный фактор - дочь президента. Появление дочери в штабе требовало следующего шага - создания среды, окружения, соответствующего взглядам дочери. Вводить дочь в штаб, где Коржаков, Барсуков, Сосковец, Бородин, Куликов, Черномырдин и еще десять министров, бессмысленно. И тут можно спорить: дочь президента породила среду или среда породила дочь президента. Думаю, что дочь на этот момент была уже достаточно зависима от среды, находилась под ее влиянием. Так или иначе, в штабе приземлился многоперсональный демократический десант. Назовем его для упрощения именно так. Все происходящее в штабе имело характерный президентский рисунок: создание системы противовесов. Не станем настаивать на ошибочности такого подхода. Президент упрям и привязан к наигранным комбинациям. Сусло - питательный раствор всех интриг - было готово. Оставалось ждать развития событий.

Но была еще одна причина появления Чубайса, как лидера сначала демократического ядра в штабе, а затем и идеолога всей избирательной кампании. Эдакого Бурбулиса № 2. Этой причиной были СМИ.

Ни для кого не секрет, что ни А.Коржаков, ни М.Барсуков, ни О.Сосковец, да и Б.Березовский в демократической среде особой любовью никогда не пользовались. Один символизировал второе пришествие КГБ, другие - коррумпированную власть. В одном из своих интервью, данном после отставки, Коржаков обосновывал реорганизацию Службы безопасности президента с непомерными правами вмешиваться в сферы, никак не связанные с выполнением главной задачи (отвечать за жизнь президента), желанием Ельцина видеть в их лице нечто наподобие малого КГБ. Ожидать благополучного альянса этих людей с редакторами газет, теле- и радиожурналистами демократической ориентации было истинным безрассудством. Президентский штаб, лишенный мощного пласта демократов, мог оказаться в скрытой конфронтации со средствами массовой информации, в своем большинстве исповедующими либерально-демократические взгляды. Не секрет, что группировка О.Сосковец, А.Коржаков, М.Барсуков, П.Бородин являлась сторонницей жесткой авторитарной власти, когда авторитаризм нездорового царя оставлял простор для авторитарности высоковластных опричников. Поэтому авторитарный режим, как обязательное условие являлся противовесом свободам, порожденным демократическими реформами в России. От демократии к авторитарному управлению с признаками таковой. И как следствие - стиль волевого давления на средства массовой информации. Впрочем, не следует заблуждаться. Давление чубайсовской команды на средства массовой информации было никак не меньшим. Просто бытовало заблуждение - давят свои. Бесспорно, контроль над двумя общероссийскими каналами играл большую роль, но это далеко не все СМИ. Отторжение, неприятие руководством СМИ столь нетерпимого и раздраженного отношения к любой публикации, не совпадающей со взглядами ортодоксальной тройки, просматривалось

все отчетливее. Понял ли это сам президент или ему подсказали, теперь уже не столь важно. Был сделан рискованный, но единственно правильный шаг.

Бесспорно, Чубайс - фигура, наносящая урон популярности президента в среде массового обывателя. И отправляя Чубайса в отставку, президент действовал по очевидному сценарию, подсказанному ему группой Коржакова. Но последующий расчет показал, что сама эта группа лояльными методами обеспечить успех предвыборной кампании, как и ее достаточное финансирование не может. Не следует при этом забывать, что наличие во главе штаба Сосковца не делало Черномырдина безбрежным союзником. Черномырдин понимал, что Сосковец не просто его дублер, а дублер, уже прошедший генеральную репетицию и получивший от президента все необходимые заверения относительно своего будущего в случае победы на выборах. И снова "но"...

Все решают деньги. Газово-нефтяной король, каковым считается Черномырдин, при всех равных составляющих, имел бесспорное превосходство перед нищим ВПК, интересы которого курировал Сосковец. Хотя его возможности не исчислялись только неработающими военными заводами, еще была металлургия, которая удачно экспортировала свою продукцию, прибавляла в производстве и становилась неплохим бизнесом. И все равно, газ и нефть оставались главной статьей дохода. Поэтому негромкое возвращение Чубайса в состав президентского штаба позволяло, с одной стороны, усилить поступление средств, в которых нуждалась команда Ельцина, а с другой - объединить демократическое крыло штаба под началом сильного организатора. И, наконец, в-третьих. Появление в штабе Игоря Малашенко, руководителя НТВ, компании, исповедующей независимые взгляды, повысило доверие к штабу со стороны демократической прессы, и если не сплотило ее в полной мере вокруг Ельцина, то сделало неизмеримо более лояльной к президенту в предвыборный период, чем можно было ожидать. В приватных беседах озвучивалась фраза-пароль: "Ельцин - не идеальный вариант, но это лучше, чем приход к власти коммунистов". А дальше уже как некая философия политической борьбы: "Давайте поддержим президента, а уж потом, в случае победы, скажем во всеуслышание: конец медовому месяцу, даешь полную свободу слова. Мы вам, Борис Николаевич, помогли стать президентом, а теперь будьте любезны выслушать нас".

Ничего подобного не произошло. Вынужденный медовый месяц затянулся. Чубайс из штаба плавно передвинулся в кресло главы администрации президента и сохранил привычку своих отношений со средствами массовой информации, какими они сложились накануне выборов: давить и требовать беспрекословной лояльности Ведь вопрос стоял: или-или.

Ну а пока Чубайс был негромогласно внедрен в штаб, где вместе с Татьяной Дьяченко, а позже уже и с перешедшим на их сторону Березовским и плюс к ним Гусинским, Илюшиным, Филатовым, Малашенко, Юмашевым стали готовиться к главной схватке с авторитарно-силовым крылом предвыборного штаба. Банкиры уже перешли свой давосский рубикон, заключили некий пакт, и Анатолий Чубайс обрел права полномочного банковского комиссара во власти.

Первый тур выборов прошел. Навязчивая идея Ельцина выиграть выборы непременно в первом туре и повторить успех 91-го года воплощения не получила. Разумеется, никто в штабе и не воспринимал эту идею как реальную, хотя открыто президенту возражать не решались. Надо отдать должное президенту, его личный вклад в сравнительную победу первого тура был значительным. Президент, начиная предвыборную кампанию, отставал от основного конкурента Геннадия Зюганова более чем в два раза. Уже в процессе самой кампании он не просто отыграл потерянные очки, но и за десять дней до голосования, по опросам общественного мнения, вышел вперед. Разумеется, в бой были брошены все силы: телевидение, радио, финансы, группы поддержки, эстрадно-музыкальный десант, плакатно-листовочное извержение - все. И разумеется, безмерная, без скидок на состояние здоровья активность самого Ельцина. Президент взял немыслимый темп для предвыборного марафона. Это нельзя назвать взрывом темперамента. Скорее, рывок отчаяния. Ельцин понимал - на второй тур его может не хватить, поэтому весь ресурс самомобилизации был

задействован в первом туре.. Когда Ельцину сообщили результаты голосования, он принял их с мрачным раздражением. Кому-то выговаривать за неуспех было бессмысленно. Предчувствие не подвело его силы кончились. Великих усилий теперь стоили не сами действия, об этом можно было забыть, а даже мысль о них. Он сидел, широко расставив ноги, полуоткинувшись, желая одного: чтобы его оставили в покое. Именно тогда он произнес эту отчаянную фразу: "Второго тура я не выдержу".

И не выдержал. Выхода не было - второй тур надо было выигрывать по инерции. Финишный бросок был осуществлен уже без участия президента. Логический рисунок комбинации оказался верным. Создание блока Ельцин-Лебедь, плюс к тому неминуемое перераспределение голосов в пользу сильного, все микродоли электората Федорова, Шаккума, даже Брынцалова, даже Горбачева из двух зол, как им казалось, выберут меньшее - проголосуют против Зюганова. И, хотя Явлинский "своих" не благословил, капризные либералы пошли в общий коридор вслед за жириновцами. В этом субъективная причина значительного разрыва в количестве голосов на финише.

Ельцин выиграл выборы и угодил на операционный стол. Все разговоры о том, что скандал, разразившийся 19 июня, буквально в преддверии второго тура, повлекший отставки А.Коржакова, О.Сосковца и М.Барсукова, добавил Ельцину внушительное количество голосов - миф. Ельцин на этом скандале голоса потерял. И не потому, что плох или хорош кто-то персонально из этой группировки. Потерял суммарно образ власти, как власти склочной, жирующей на громадных денежных средствах. Это касалось и тех, кто выносил доллары в коробке, и тех, кто их ловил за руку. Потому как считать, что все случившееся вокруг Бориса Федорова (личности в общем-то малосимпатичной) не обошлось без участия тех, кто якобы контролирует и ловит, по меньшей мере непростительная наивность.

Весь драматизм российской повседневности в том и состоит, что борются не с воровством. А наказуют за то, что самим не дали украсть. И пуще того, укравшие, опередив конкурента, не желают делиться с теми, кому положено это самое воровство пресекать. Проще говоря, с властью. По этой самой причине криминал наступает, а власть пятится. Живем в перевернутом мире - МВД провоцирует вооруженные столкновения мафиозных группировок. Включается как бы незатратный механизм. Зачем пылить, тратиться на слежку, прослушивание? Засады и тюрьмы тоже денег стоят. А так, глядишь, сами друг друга перестреляют и сами же друг друга похоронят. И тут Кобзон совершенно прав: обществу предлагают страшный выбор: что лучше - вор в законе или вор государственный? И сам же Иосиф Давыдович отвечает: с авторитетом легче столковаться и он держит слово.

* * *

19 июня 1996 года - черная среда.

До второго тура выборов считанные дни. Нервы напряжены до предела. Общество раскололось почти пополам. Россия - страна политизированная и непредсказуемая. А непредсказуемость в политике - предвестие беды. Скандал грянул как гром среди ясного неба.

17.30. Управление охраны правительственных учреждений и государственных объектов задерживает на выходе из Белого дома двух активистов предвыборного ельцинского штаба: Аркадия Евстафьева, в недалеком прошлом пресс-секретаря Анатолия Чубайса, а ныне заместителя генерального директора ОРТ; и Сергея Лисовского, владельца и руководителя агентства "ОРТ-реклама". У задержанных изымают коробку из-под ксерокса, в которой находилась большая сумма денег - пятьсот тысяч долларов в полиэтиленовых банковских упаковках по десять тысяч в каждой.

17.40. На место происшествия прибывает начальник отдела Службы безопасности президента полковник Стрелецкий с двумя сотрудниками Уваровым и Васильевым.

17.50. Ознакомившись с документами задержанных и содержимым коробки, Стрелецкий связывается с начальником Службы безопасности генералом Коржаковым. После чего - не соблюдая необходимых при задержании формальностей, не составляя протоколов - группа во главе со Стрелецким направляется в комнату 2-17, где застает члена контрольно-

учетной группы ельцинского штаба Бориса Лаврова с портфелем в руках и требует открыть портфель. Там обнаруживается еще одна сумма - 38 850 долларов США. Столь неадекватные действия Стрелецкого в полной мере подтверждают, что задержание не было неожиданностью, а являлось частью хорошо спланированной операции.

18.00. Александр Коржаков связывается с руководителем ФСБ Михаилом Барсуковым, а тот, в свою очередь, с начальником управления ФСБ по Москве и Московской области Анатолием Трофимовым.

20.00. На место событий по указанию Трофимова прибывает сотрудник московского ФСБ К. Лисовский и Евстафьев находятся в это время в специальном помещении Службы безопасности. Им разрешается позвонить по телефону и связаться с семьями. Лисовский ограничивается сообщением, что задерживается на работе. Евстафьев говорит о своем аресте и просит жену немедленно сообщить "кому надо". Для пущей драматизации ситуации Евстафьев намекает, что они вот-вот окажутся в Лефортово. Весть мгновенно разносится по штабным службам. Узнает о случившемся и Анатолий Чубайс.

Где-то в 12 ночи Чубайс связывается по телефону с Анатолием Трофимовым. Частности разговора остались непроясненными, однако о сути догадаться не трудно. Судя по тому факту, что Лисовский и Евстафьев остались под стражей, разговор Чубайса с Трофимовым результатов не дал. Натолкнувшись на упрямство Трофимова, Чубайс понял, что миром, не предавая факта задержания и изъятия денег широкой огласке, дело не решить.

Это был единственно возможный вариант действий при сложившихся обстоятельствах. Оппоненты Чубайса пребывали в состоянии восторженной расслабленности под впечатлением постигшей их удачи. Чубайс почувствовал эту дарованную судьбой мини-паузу и мгновенно сыграл на опережение. Он решает воспользоваться очевидным преимуществом - подконтрольностью телевизионных каналов. Практически через полчаса после безрезультатного и резкого разговора Чубайса с Трофимовым на экранах телеканала НТВ появляется Евгений Киселев и сообщает о случившемся. Факт задержания Лисовского и Евстафьева трактуется Киселевым как провокация Службы безопасности президента и ФСБ, осуществленная с единственной целью - сорвать второй тур выборов.

Выступление Киселева было экстренным и малопродуманным. Замысел сорвать второй тур при столь разительном превосходстве Ельцина и численно, и ситуационно (не забудем при этом и уже состоявшийся блок Ельцина и Лебедя, что практически предопределяло успех в финале) выглядел нелепым. Причина могла быть в чем-то другом, но в чем именно - в состоянии смятения и поспешности ни Чубайс, ни Березовский, ни Гусинский и уж тем более Киселев придумать не могли. Эта версия родилась лишь на следующий день.

Версия газеты "Московский комсомолец": 20 июня в 2 часа ночи в кабинете Барсукова зазвонил телефон. В дело вмешалась семья президента. Звонила супруга Бориса Николаевича Наина Иосифовна. Чубайс, не без помощи дочери Ельцина Татьяны, переиграл Коржакова. Он дал свою трактовку случившегося и, получив семью президента в союзники, сделал второй успешный ход. Тихий, негласный вариант развития событий для Чубайса мог оказаться пагубным. В негласном варианте преимущества заведомо оказывались у Службы безопасности, которая готова была положить на стол президента неопровержимые вещественные доказательства. И тогда Чубайс решил вскрыть ситуацию и первым предать ее огласке. Это лишь подтверждает реальность случившегося - деньги были, коробка с полумиллионом долларов действительно выносилась.

Коржаков, просчитывая ответные варианты со стороны демократов, действовал исходя из своей профессиональной логики: "Какой идиот, пойманный за руку или, как говорят, взятый с поличным, начнет вопить об этом во все горло? Провал столь очевиден, что во спасение собственной репутации (читай, репутации Чубайса) будет сделано все, чтобы замять скандал и погасить конфликт". А тут все вертится от противного: не то чтобы залить возникающий костер, виновники превращают костер в пожар, который виден не только жильцам дома, но и всей округе.

Коржаков не просчитал крикливости демократов. Знал о ней, недолюбливал ее. Но

чтобы с такой дерзостью во всеуслышание и на всю Россию... Подобные действия вне логики служб безопасности. Коржакова подвел профессиональный менталитет.

А потом было утро.

20 июня.

8.00. Коржаков вместе с Барсуковым посетили Ельцина и выложили свои вещественные доводы на стол. Что ответил Ельцин и как отреагировал на информацию своих спецслужб, сказать трудно. Однако потерянный вид двух всесильных персон свидетельствовал, что из кабинета Ельцина они вышли не победителями.

Чубайс появился у Ельцина после Коржакова. Любопытное уточнение: пресс-конференция его была назначена на 10 часов утра. Чубайс назвал это время до визита к президенту. Следовательно, он был уверен в успешности визита. Обещанная пресс-конференция началась с опозданием на три часа. Чубайс появился перед журналистами, и стало ясно, что он перехватил инициативу и получил для себя удобный или, скажем точнее, лояльный вариант развития событий. Однако все могло сложиться иначе.

Президент мог посчитать рискованным отсечение патриотовгосударственников. Они были серьезным противовесом в штабе говорливым и не очень дисциплинированным демократам. Он решил не рисковать и не убрал ни тех, ни других. Дал нагоняй Чубайсу по поводу недопустимости таких денежных операций. Предупредил Коржакова, чтобы он был бдителен к очевидным противникам, а не искал постоянно врагов среди своих, возбуждая этими шагами неприязнь и еще большую подозрительность.

Мог быть сделан и жесткий, но лишенный логики ход: за грубое нарушение предвыборной финансовой дисциплины Чубайс отправляется в отставку. Этот шаг выглядит хотя и эффектным, но малорезультативным. В тот момент Чубайс не имел иного официального должностного назначения, кроме как член предвыборного штаба. И падения с несуществующей высоты никто бы не заметил. А общество отставку Чубайса, скорее всего, приняло без сожаления. Но в этом случае пришлось бы скрупулезно считать, что окажется значимее и выигрышней: отсечение Коржакова и К0 или отсечение Чубайса? Внешне в сознании общества Чубайс - большее зло. Его вывод из команды перед вторым туром дает определенное преимущество. Коржаков в этом случае фигура менее одиозная. Хотя среди интеллигенции все как раз наоборот. Расчет президента, если таковой был, выглядел примерно так: все, что я мог забрать от Жириновского, частично у Зюганова, забрал не я, а Лебедь. Он добавил мне эти голоса. Часть голосовавших за того же Лебедя мне свои голоса не отдадут из-за парадоксального упрямства, но таких не так много. Следовательно, все, что было необходимо сотворить в лагере непримиримой оппозиции, сделал Лебедь, а точнее, мой союз с ним. Отставка Чубайса в этом стане мне дополнительных голосов не принесет. А вот лагерь демократов отреагирует незамедлительно: президент расправился с последним реформатором. А что делать с деньгами, которые затрачены и которые дал пул коммерческих банков, возглавляемый Чубайсом? Да и второй тур без средств не проведешь. Отставка группы Сосковца, Коржакова и Барсукова не перевербует коммунистический электорат, слегка убавит пыл патриотов из лагеря Лебедя, но не более. Зато она консолидирует демократов и тех, кто ранее голосовал за "Яблоко" и другую либеральную россыпь. Она повысит престиж президента на Западе, который все никак не мог понять, почему глава личной охраны президента обрел такую власть не в сфере безопасности Ельцина, что было бы справедливо, а в государственном масштабе... Следовательно, Запад на отставку триумвирата отреагирует положительно. Поразмыслив таким образом, президент уже принял для себя решение: "Настало время убрать эту сплоченную и агрессивную группировку. Она стала излишне самостоятельной".

Скандал такого масштаба накануне второго тура мог обернуться политической катастрофой для Ельцина. И спешный анализ, сделанный в эти часы, был попросту необходим. Кто его сделал - сам ли президент или кто-либо из окружения, способный убедить президента в правильности расчетов такого рода (подобным человеком мог оказаться и Сергей Шахрай), - это не играет большой роли, важен факт.

Начиная пресс-конференцию, Чубайс выдержал уже заявленную линию публичности. После телевизионной артподготовки пресс-конференция выглядела как логическое продолжение, просматривался тактический рисунок команды.

В 10 часов утра (кстати, время, на которое первоначально была назначена пресс-конференция) Чубайс в сопровождении дочери президента Татьяны Дьяченко появился у Ельцина. Предварительно, судя по всему, было решено подправить трактовку случившегося: хорошо разыгранная провокация с целью дискредитации демократического крыла штаба. Что же касается срыва второго тура выборов, что Чубайс и Филатов называли главной целью, которую ставили перед собой "заговорщики", этот аргумент решено было исключить. Дело в том, что к моменту скандала самочувствие президента было настолько скверным, что любой возможности переноса выборов Ельцин был бы рад. Именно тогда, получив результаты первого тура, Ельцин пожаловался Коржакову, что он невероятно устал и может не выдержать сумасшедшей гонки, темп которой определил сам и навязал его штабу. Рассуждения Коржакова, что Чубайс и его команда специально загнали президента, а он, Коржаков, понимая это, старался уберечь Ельцина от трагических последствий, скорее, психологический трюк.

Во-первых, Коржаков лучше, чем кто-либо, знал Ельцина. Президент входил в предвыборную борьбу не в идеальном физическом состоянии плюс возраст. Ельцин, разумеется, чувствовал свое недомогание, но, как физически сильный человек, с присущим ему упрямством старался доказать обратное. Отсюда этот бешеный темп. И не в эту предвыборную кампанию споткнулось здоровье президента. И генерал Коржаков - лучший свидетель тому. Он мог многому воспрепятствовать, но он этого не делал и по причине страха, и сознательно. Расслабленный после выпитого президент был более податлив к внушениям. У многих из нас достаточно воспоминаний на этот счет. Есть они и у автора настоящей книги.

Олег Сосковец, Александр Коржаков, Михаил Барсуков, Павел Бородин чувствовали, что теряют инициативу. Черномырдин по-прежнему контролирует правительство. На президента усилилось влияние дочери. Демократы активизировались в предвыборной кампании. Надо было во что бы то ни стало переломить ситуацию и на финише выборной кампании освободиться от Чубайса. Нельзя было допустить, чтобы именно эти люди: Чубайс, Малашенко, Илюшин, Филатов, а вместе с ними еврейский банковский клан... Не будет секретом, что ветер скрытого антисемитизма погуливал в головах Барсукова и Сосковца. Да и сам Коржаков так часто причислял к кругу своих самых близких друзей Геннадия Хазанова, полагая, что тем самым обретает вечное алиби, что мысли, прямо противоположные заверениям генерала, вас посещали все чаще и чаще. Отсюда эта фраза, произнесенная при задержании Евстафьева... Она принадлежит одному из охранных чинов: "Ельцин одержит победу, но только не благодаря так называемым демократам, а при помощи истинных патриотов России". И может быть, не столь случайным покажется странное совпадение свою штаб-квартиру баркашовцы (наиболее очевидный вариант русского фашизма) арендовали в комплексе зданий, принадлежащих Службе безопасности президента. Кто-то же мешал Ельцину принять указ, пресекающий любые профашистские выступления и вылазки, как и проявления фашизма в любых видах на территории России.

За полтора месяца до выборов мне позвонил Илюшин и предложил встретиться. Илюшин полностью переключился на предвыборную кампанию и даже покинул свой кабинет в Кремле. Я об этом уже писал, и нет смысла повторяться. Но одна фраза в нашем разговоре была ключевой.

- Ответственные за победу уже расписаны пофамильно, - заметил Илюшин. - А вот кто будет отвечать за поражение?.. Желающих на это место нет. - Он помолчал, остановив на моем лице свои излучающие грусть глаза, а затем устало сказал: - Я для себя уже все решил. И президент знает об этом. Все, что в моих силах, для победы Бориса Николаевича я, разумеется, сделаю. Но в Кремль уже не вернусь.

- Что так?

Он ответил одним словом:

- Устал.

Я не стал донимать его просьбами о разъяснениях. Устал не принадлежать самому себе. Устал от хамства, интриг, неискренности. Устал от страха быть заподозренным. Всезнающий первый помощник догадывался, что в случае победы Ельцина придется работать с другим президентом, - президентом, которого он не знает. Но он был не так прост, этот невысокий, крупноглазый, не меняющийся во времени, с неслышной походкой человек. Это он предложил Ельцину сменить всю команду. Время уходило, и в этом убывающем времени Коржаков одержал еще одну победу. Сейчас трудно даже с приблизительной точностью назвать цифру, которая дает объективный ответ на вопрос: сколько стоило избрание Ельцина на второй срок?! Агрессивность банковских кругов в послевыборный период по-своему логична. Достаточно сослаться на известное интервью пяти банкиров, данное израильскому телевидению, а затем частично показанное на одном из телевизионных каналов в России и полностью перепечатанное в главной газете непримиримой оппозиции "Советская Россия". В этом пространном интервью банкиры заявляли свои непререкаемые права на коррекцию экономического и внешнеполитического курса страны, кадровую политику президента и премьера. Это по сути, ультиматум, требование о возвращении долгов. Главные действующие лица этого демарша Владимир Гусинский ("Мост-банк"), Борис Березовский, Александр Смоленский (банк "Столичный"), Фридман ("Альфа-банк"). В качестве исторической ремарки необходимо заметить: все ведущие коммерческие банки страны - это банки, состоявшиеся на обороте бюджетных, а проще говоря, государственных денег. Изъятие из активов банка бюджетных средств любой из этих банков приведет к краху. Наиболее впечатляющим в этом смысле явилось крушение "Тверьуниверсалбанка", одного из крупнейших в стране и внешне достаточно благополучного. Смешанное использование в предвыборной кампании Ельцина совершенно различных денежных средств усложняло контроль за движением денег. По признанию ряда членов штаба, его, по существу, не было. Образовывалось обширное поле финансовых нарушений. По утверждению полковника Стрелецкого, средства, исчисляемые сотнями миллионов долларов, оседали на зарубежных банковских счетах. Так ли было на самом деле или атмосфера подозрения специально нагнеталась Службой безопасности, сказать трудно. Скорее всего, было и то, и другое. На первом этапе Олег Сосковец, возглавлявший предвыборный президентский штаб, от имени правительства практически парализовал всю деятельность общественных организаций, задействованных в поддержке Ельцина. Способ был достаточно простым. Он едва ли не полностью перекрыл финансирование их деятельности. Хотя бы уже потому, что лично относился неприязненно к Сергею Филатову, возглавлявшему это направление. Маленький штрих, показывающий, как начинался разлад.

Естественно, Чубайс аккумулировавший не только организаторскую энергию, но и финансовые средства, вряд ли мог согласиться с таким сценарием: деньги для предвыборной кампании организует он, а контроль за их использованием осуществляет его главный оппонент. Да и банки, выделявшие эти средства, были противниками такой схемы. Существует понятие коммерческой тайны. И им совсем не хотелось, чтобы эта тайна стала достоянием службы Александра Коржакова. И без того влияние этого человека на повседневную деятельность президента превышало все допустимые пределы. И тем не менее, не уставая повторять президенту, что деньги растаскиваются и разворовываются, Коржаков добивается от Ельцина специального президентского указа, согласно которому Службе безопасности предоставляется право полного финансового контроля за расходованием средств, оказавшихся в распоряжении предвыборного штаба. Распоряжение президента по столь щекотливому вопросу, как контроль за финансами, чрезвычайно усиливало и службу самого Коржакова, и одновременно влияние коржаковской группировки в целом.

Небезынтересно уточнить: отслеживание всех финансовых операций проводилось совместно с ФСБ. Скандал, разразившийся в Белом доме, подтвердил эту связь со всей

очевидностью. Распоряжение президента было подписано в мае, из чего следует, что президент, при всей предрасположенности к собственной дочери, еще реагировал на доклады противоположного крыла в своей команде и старался по возможности уравновесить влияние противостоящих групп. Данное решение президента было воспринято демократами как сигнал тревоги. Времени до выборов оставалось мало. С отчетностью можно было и потянуть, сославшись на предвыборные перегрузки. Служба безопасности находилась в состоянии готовности, и, получив официальное право на отслеживание денежных потоков и располагая уже необходимыми документами, она употребит это право на санкционированную слежку за людьми, в обязанности которых входит распределение и расходование средств. Слежка будет навязчивой, что породит нервозность и панику. Это деморализует штаб, особенно работу тех служб, которые занимаются непосредственной агитацией в регионах, на телевидении, в других средствах массовой информации, готовят предвыборные плакаты и буклеты, используют зарубежную полиграфию. Наступил всеобщий цейтнот. Обе стороны действовали в режиме максимальной поспешности. А как известно, решения, принимаемые в экстремальной ситуации, редко бывают безошибочными.

Все те же неофициальные источники сообщили, что беседа Чубайса и дочери президента с Борисом Ельциным была непростой, хотя президент уже был разогрет событиями предыдущего дня, по отношению к которым семья президента заняла вполне определенную антикоржаковскую позицию.

Президент был физически основательно вымотан, и его реакция на происходящее требовала немалых нервных усилий. И вот тут свою решающую роль сыграло слово. В отличие от косноязычного Коржакова и лишенного данных Демосфена генерала Барсукова, которые преуспели только в составлении докладных и информационных записок, как правило, компрометирующего характера, умно говорящий Чубайс, обладающий силой внушения, имел бесспорное преимущество. Чубайс был логичен и точен. Поставив под сомнение факт коробки с деньгами, якобы принадлежавшей Лисовскому, Чубайс заронил в душу президента сомнение. Обоснование следующего посыла тоже не составляло для Чубайс особого труда: показания Лисовского и Евстафьева получены под давлением, люди запуганы. Во всей этой истории, пожалуй, есть один вопрос, ответ на который - в понимании как ситуации, так и индивидуальности самого Чубайса - имеет громадное значение. Чубайс вводил в заблуждение президента осознанно, вовлекая в эту ложь и дочь президента, или?.. Всегда существует вероятность сослаться на неопределенность ситуации, что сам Чубайс ничего не знал. Хотя это невозможно, тем более что в скандале было задействовано доверенное лицо самого Чубайса - Аркадий Евстафьев.

Конечно же, знал, потому и построил разговор не как оправдание, а в стиле атаки. У него был впечатляющий козырь - ему не дали встретиться с задержанными, чтобы уяснить истинное положение вещей. Коржакову он не верит, а телефонный разговор с Трофимовым, начальником ФСБ Москвы, убедил его в откровенной враждебности этих людей к демократии, правительству, а по существу, к реформаторскому курсу президента. Более того, если бы это даже случилось, какой смысл разыгрывать этот спектакль накануне второго тура, разве не ясно, что это наносит убийственный удар по самому Ельцину, практически уже выигравшему выборы. Значит, кому-то победа Ельцина не нужна либо нужна вне демократической процедуры, но тогда это не победа, а поражение. Задержанные люди не бездельники и не воры, они отдают все свои силы победе Ельцина на выборах. Чубайс воспринимает эти действия Коржакова как издевательство, попытку сорвать выборы, обострить обстановку в стране, бросить вызов всему мировому сообществу, перессорить президента с деловыми кругами страны. "Президент привержен идеям демократии, и выборы лучшее тому подтверждение. Однако есть силы, которым это неудобно. Они желали бы вернуть страну к практике заговоров, путчей и военных переворотов. Демократическое сообщество их не воспринимает, и они боятся потерять власть. Своими действиями эти люди бросили вызов демократии и практически исключили возможность совместной работы. Президент должен сделать свой выбор. Мы не станем его оспаривать, каким бы он ни

оказался". Примерно таким был монолог Чубайса.

И пресс-конференция, которую сразу после встречи с президентом провел Анатолий Борисович, и информация, просочившаяся в прессу, подтверждают достаточную истинность наших предположений. Прерывал ли президент Чубайса, задавал ли ему вопросы или уже весь был в своем нездоровье и только слушал - сказать трудно, хотя надвигающаяся болезнь и физическая слабость брали свое. Довод Чубайса, что время для скандала было выбрано специально, имел сокрушительную силу. Только сумасшедший, продолжал Чубайс, мог решиться на подобную затею накануне второго тура голосования. Сумасшедшим Александра Васильевича Коржакова назвать трудно, значит... Это "значит" повисло в воздухе как дамоклов меч.

Разумеется, у Коржакова были свои резоны - он торопился. Слишком поздно президент своим распоряжением о финансовой отчетности легализовал контрольные права Службы безопасности. А может быть, он это сделал не случайно, чтобы толкнуть Коржакова на скоротечные, а значит, не безошибочные шаги? И в зависимости от поворота событий принять то или иное решение? Тогда можно признать, что сам замысел, если таковой был, не лишен изыска. Коржаков перебдел, он начинал тяготить Ельцина. Он стал работать на себя. И вот тогда Ельцин...

Нет, нет, мы неисправимы, вечно преисполнены желания добавить героям разума, расчетливости и даже коварства. Напрасно. И уж тем более, когда речь идет о царевой знати. Очень многие поступки, и поступки президента не исключение, не суть продуманных комбинаций, а следствие поверхностного и ленного ума, как и распространенного заблуждения - для того, чтобы управлять, достаточно быть хитрым.

20 июня.

12.30 дня. Появился указ Ельцина об отставках Александра Коржакова, Михаила Барсукова и Олега Сосковца. Говорят, что почувствовав неблагополучную развязку, первые двое подали рапорты, предварив их устной многозначительной фразой: "Если вы нам не доверяете, мы готовы подать рапорты об отставке". Ельцин отмолчался и никак на этот скрытый вызов не отреагировал. И генералам ничего не оставалось, как выполнить свое обещание. Это тоже было в стиле Ельцина. Своим молчанием он развязывал себе руки. Они ведь сами подали рапорта.

20 июня - день примечательный. Из политической игры была выведена самая сильная группировка в окружении Бориса Ельцина. Относительно предрешенности победы Чубайса, о чем поспешили сообщить ряд газет и что беспрестанно муссировалось в телеэфире НТВ, здесь есть достаточное преувеличение. Президент мог поддержать Чубайса, но при этом не отправлять в отставку всесильную тройку, но это если рассуждать взвешенно, без эмоционального надрыва и не отдаваться во власть слухам. А они были достаточно настойчивыми. Последней каплей, переполнившей чашу терпения президента, была фраза, оброненная Коржаковым в разговоре с дочерью президента в ответ на ее исключающие сомнения слова: "Вы же хорошо относитесь к Борису Николаевичу"... Что произошло с Коржаковым, почему эта фраза, наверняка произносившаяся десятки раз, вызвала у него такую неприемлемую реакцию? Может быть, потому, что она была сказана дочерью президента, которая не жаловала Коржакова и которую недолюбливал Коржаков. И сказана была не просто, а с плохо скрытой иронией или недопустимым назиданием, мол, иначе и быть не может. Так или иначе, но главный хранитель президентского тела ответил раздраженно и с вызовом: "Да откуда вы взяли, что я к нему хорошо отношусь?" Фраза была произнесена незадолго до отставки. Ее нельзя трактовать как реплику обнаглевшего и всевластного человека, который дает понять, что перерос ранг телохранителя, что у него есть свои игры и держится он рядом с Ельциным не руководствуясь чувством любви, а побуждаемый соблюдением своего интереса. Ничего подобного. И выводы, сделанные на основании подобного толкования газетой "Московский комсомолец", не убедительны.

Коржаков произнес эту фразу как отчаянный вызов. К этому времени он почувствовал, что отношение к нему со стороны Ельцина меняется. И если раньше он дозировал

настроение президента, сбрасывая в пропасть своих противников, способных оказать влияние на Ельцина, то теперь он впервые сам почувствовал холод, излучаемый этой пропастью. Он уже понимал, что вряд ли сумеет переиграть ситуацию в свою пользу. С ним разговаривала не просто дочь президента. С ним разговаривала дочь, ввязавшаяся в большую политику. Это был пробный шар. Он не сомневался, что его слова немедленно станут известны Ельцину. А значит, по отголоскам он поймет - усилила ли эта фраза состояние нерешительности Ельцина (ближе Коржакова у президента в его окружении человека не было) или ускорит развязку, позволит более отчетливо понять следующие шаги президента.

Эта фраза Коржаков самоинициативна. Сказал и пожалел или сказал не пожалев? Дочь президента уже находилась под влиянием сверстников, команды младореформаторов, которых Коржаков считал своими очевидными противниками. Так что отступать было некуда. Еще существовала надежда на долголетнюю привязанность президента. Но болезнь свела реакцию президента к нулю. Александр Коржаков устал быть высокочинным рабом, дядькой при дряхлеющем Отце нации. Нервы не выдержали, и он высказался.

Решительности Ельцину прибавила совсем иная ситуационная материя: идея политического союза с Лебедем, а в том, что автором замысла был, скорее всего, Сергей Шахрай, у меня нет сомнений - слишком изящна и умна интрига. Примечателен рисунок событий, случившихся через три месяца (отставка генерала Лебедя). Бытовала уверенность, что Лебедь захлебнется в Чечне и эти неудачи укоротят его нрав. Но наступило горькое разочарование. Вопреки всем предсказаниям, он остановил войну. Хасавюртовские соглашения зафиксировали поражение России, и отрицать это нелепо. Лебедь обменял ненависть генералов на любовь матерей.

Идея союза между Лебедем и Ельциным ситуационно неуязвима. Она обеспечивала самое главное - победу на выборах. Генерал запросил значимую должность. И Ельцин эту должность секретаря Совета безопасности генералу уступил. Никто из соавторов идеи не сомневался, что бунтующий, неделикатный характер генерала не впишется в рисунок кремлевских коридоров. Генерал начнет проявлять свое командирское властное диктаторство, и разразится скандал. Вопрос только во времени. Сразу после назначения на пост главы президентской администрации Чубайс произнес ключевую фразу: "Наша главная головная боль - Александр Иванович Лебедь".

Но вернемся к неожиданному решению Ельцина отправить в отставку всесильный триумвират. Бесспорно, больного Ельцина, а этот момент можно считать пиком его нездоровья, изнурял поток отрицательной информации. С одной стороны, на его стол ложились материалы, утверждающие, что деньги разворовываются и криминализация предвыборного процесса идет полным ходом (эту информацию поставлял Коржаков и его команда). С другой - такой же очевидности материалы об умышленном развале финансирования предвыборной кампании президента, о нежелании банков иметь дело с Сосковцом.

В этот момент наивысшего накала разыгравшихся страстей в состав предвыборного штаба вводится Анатолий Чубайс, за спиной которого стоит банковский пул, и поэтому именно Чубайс становится ключевой фигурой, регулирующей штабные финансы. Времени оставалось в обрез, финансовый профессионализм Чубайса был неоспорим, и он самолично решал: кому, куда, сколько и когда. Контроль же со стороны Коржакова Чубайс не без основания воспринимал как враждебные действия. Президент понимал, что прекратить эти взаимные обвинения возможно двумя способами. Первый - упразднить обе противоборствующие стороны, но это значит упразднить предвыборный штаб. Поступить так Ельцин не мог, значит, необходим выбор. И уже разбитый болезнью Ельцин, превозмогая себя, этот выбор делает.

В этот момент президентские решения утратили волевое начало. Они были, скорее, человеческим желанием отгородиться от неприятностей, скрытой мольбой оставить его в покое. В такие моменты негативное прошлое плюсуется с негативным настоящим. Нельзя исключить и чувственное начало. Болезнь предопределила итог. В такие моменты семейные

узы сильнее служебных. Но и это было лишь частью президентской решительности. Мы уже писали, что первым, отреагировавшим на возможное участие Лебедя в политической игре, был Коржаков. Никакого особого плана Коржаков не вынашивал, но для защиты своих интересов на будущее - Коржакову Лебедь был выгоден. Именно в этот момент вокруг Лебедя стали появляться доверенные люди Коржакова. А когда обозначилась модель возможного политического союза Ельцин-Лебедь, Коржаков занервничал. Неожиданный телевизионный карт-бланш, полученный Лебедем на канале Березовского, был началом схватки за Лебедя - не в пользу президента, что само собой подразумевалось, а в пользу той или иной группировки в окружении Ельцина.

Можно ли считать, что эта предрасположенность к Лебедю главного телевизионного канала, находящегося под контролем Бориса Березовского, была предвосхищением будущего союза президента и генерала? Нет, Березовский вел свою игру. Ему нужен был в случае даже относительного успеха Лебедя политический капитал, товар, который он мог бы выгодно продать. И Березовский, переметнувшийся буквально накануне отставки триумвирата в другой лагерь, решил заявить свои права на политический товар с ярлыком "генерал Лебедь", но замысел неожиданно дал сбой.

Лебедь удачно использовал предоставленные ему телевизионные возможности, критику в адрес президента практически прекратил, был внешне лоялен к демократам, но внутренне быстрее двигался в сторону Коржакова ему импонировал девиз, предложенный главным телохранителем: "Мы патриоты". Принимая пост секретаря Совета безопасности, Лебедь решил, что секретная информация, которой располагает Коржаков, для него важнее демократических всхлипов Галины Старовойтовой. Президент понял, хотя, скорее всего, его подвели к этой мысли, что триумвират достаточно быстро превратится в квартет. И тогда А.Лебедь, натура неадекватная, обретет не только власть, но и силу, создать противовес которой будет практически невозможно. Появление Лебедя, независимо от его желания либо нежелания, предрешило судьбу "могучей кучки". Получить у себя под боком группировку, состоящую из первого вице-премьера, двух всевластных генералов и плюс к тому претендующего на сверхмасштабную власть секретаря Совета безопасности - это значит своими руками создать центр власти, едва ли не равносильный президентскому. Кто может поручиться, что завтра они не скажут: страной управляем мы, а не президент. Сосковец уже видит себя премьером. Нет, нет, этого допустить нельзя.

Отставка триумвирата обескровила А.Лебедя.

Не исключено, что в преддверии этих баталий президента насторожил факт покушения на Бориса Федорова, председателя национального фонда спорта. Фонда, в руках которого были сосредоточены громадные финансовые средства. Ведь Борис Федоров был в числе ближайших людей, если не из первого кольца президентского оцепления, то уж из второго точно. Достаточно того факта, что долгое время кабинет Федорова был в Кремле. И только после ссоры его с Шамилем Тарпищевым (человеком, создавшим фонд и осуществлявшим негласный контроль за ним) Федоров переезжает из Кремля на место своей официальной резиденции.

То, что Коржаков не просчитал последствий истории с покушением, несомненно. Вряд ли после покушения на Федорова в семье президента в независимости, были разговоры на эту тему или нет, не возникли чувства необъяснимой тревоги. Да и фигура Тарпищева обрела мрачную тень и насторожила семейство. Криминальная среда образовалась в двух шагах от президента. И еще одно. Президент вдруг заметил, что группировки близких ему людей концентрируются не вокруг него, а рядом с ним. Они постоянно заявляют о своей преданности президенту, что являются его опорой; дают понять, что именно они приведут президента к власти снова, в их руках после отставки Грачева сосредоточились все рычаги управления силовым аппаратом власти. Они все - антагонисты демократов. Они знают о президенте больше, чем знает о себе сам президент. Они входят в его дом. Они хранители всех мыслимых и немыслимых тайн. Они были всегда рядом с ним во время всех неурядиц. Все это так. Он сам наделил их силой, которая может привести его вновь к власти, но в такой

же степени отрешить от нее любого, в том числе и самого президента.

О правоте наших доводов говорит фраза, произнесенная Анатолием Чубайсом на своей пресс-конференции 20 июня 1996 года: "Сегодня, когда Борис Ельцин принял решение об увольнении господ Сосковца, Барсукова и Коржакова, был вбит последний гвоздь в крышку гроба под названием "иллюзии военного переворота в Российском государстве". Там, наедине с Ельциным, этот довод сыграл решающую роль. Ельцин согласился, потому что наверняка в последние дни думал об этом сам. А может быть, просто устал, уступил: хватит с меня этих столкновений? Нет, непохоже, не в его духе.

И последним аккордом этой промежуточной драмы можно считать пресс-конференцию Чубайса. Как уже говорилось, она была задержана на три часа. Вместо 10 утра она началась в 13.00. Если учесть, что Анатолий Чубайс вместе с Татьяной Дьяченко были у президента в десять, то вряд ли беседа длилась более одного часа двадцати минут. Даже в прошлые времена, будучи достаточно здоровым, Ельцин не выдерживал бесед, встреч, заседаний, длящихся более полутора часов. Разумеется, это выдавалось за сложившийся стиль президента, нетерпимость к словоблудию, требование профессиональной опрятности. Сказанное соответствует реальности. Ельцин действительно человек высокой внутренней организации. Он никогда не опаздывает и крайне раздражается, когда это допускают подчиненные. Обладая при этом хорошей памятью, он непременно напомнит сотруднику о допущенном им нарушении. Я сам дважды оказывался в подобной ситуации. Так получилось, я не рассчитал время и опоздал на встречу с президентом на пять минут. Кстати, опоздание было вынужденным, вызванным изменениями режима Службой президентской охраны. Там, где раньше я проходил беспрепятственно, теперь требовалось согласование с приемной президента. Кто-то куда-то звонил, кто-то от кого-то ждал подтверждения.

Еще через три месяца я опоздал на очередную встречу на две минуты. Когда я появился в приемной президента, секретарь с укором заметил: "Борис Николаевич уже дважды интересовался, почему вас нет". Как в первом, так и во втором случае Ельцин сделал мне положенный выговор: "Заставляете президента ждать".

Так получилось, что еще одна встреча случилась в небольшом временном отдалении. На этот раз я приехал с достаточным запасом времени. К оговоренному часу Ельцин не появился. Он был на выезде, где-то в Москве. В приемную позвонили и просили передать мне, что президент задерживается. Я ждал не более 15 минут. Когда я вошел в кабинет президента, первыми словами, которые он произнес, были: "Счет 1 : 2. Пока в вашу пользу. Так что еще одно опоздание за мной". Это было другое время. И надо с грустью признать, что это был другой президент.

Крайний временной предел (не более 1,5 часа всевозможных дискуссий, встреч, бесед) зависел еще и от обкомовской привычки. Но в большей степени от здоровья президента. Президент чувствовал, что устает. И хотя не показывал виду, однако начинал раздражаться. И значимый разговор терял заявленную привлекательность и вне своей сути отступал в разряд малоудачных. В кабинете президента опасней всего было переговорить.

Появление Чубайса еще до свершения победы в качестве ключевой фигуры, обеспечившей переизбрание Ельцина на второй срок, можно назвать шагом дерзким и вызывающим, никак не прибавляющим авторитета Ельцину среди бедствующих сограждан. Но, с другой стороны, его можно считать шагом отчаяния. Электорат коммунистов даже после отставки Чубайса не изменил своего отношения к президенту. Нельзя искать компромисса с коммунистами, надо выигрывать у коммунистов, а это могут сделать только их очевидные противники. Чубайс среди них наиболее одаренный. И Ельцин согласился на риск. Если рассуждать серьезно, у Ельцина не было выбора. Он так и решил, что противовес Чубайсу он слепит потом, по выздоровлении.

Какое-то незначительное время, даже будучи членом президентского штаба, Чубайс держался в тени. Все полагали, что так и было задумано. Но то ли не удержался Чубайс, то ли все остальные штабисты были настолько безынициативны, что его всплытие случилось само собой. И тем не менее вопрос остается. Почему при очевидном отрицательном поле, не

симпатиях сограждан к Анатолию Чубайсу именно он проводит пресс-конференцию по низложению всесильного триумвирата, своих ярых противников? Желание подтвердить свое возвращение во власть? Доказать свое всесилие? Или опьянение победой, утрата чувства осторожности?

Ни первое, ни второе, ни третье. Показателен отказ Черномырдина, которому и было предложено провести эту пресс-конференцию. "Я не в материале", - ответил премьер. Отговорка? И да и нет. Никто из членов штаба не хотел брать на себя ответственность, так как был не уверен в окончательности краха всевластного триумвирата. А Черномырдин тем более. Среди троих был еще вчерашний кронпринц.

ВРЕМЯ СЖИГАТЬ ДЕКОРАЦИИ

Ельцин одержал победу. Все, что положено сказать по этому поводу, было сказано с немыслимым превышением. Демократы вынужденно торжествовали. Победу неминуемо приписывали им, хотя бы уже по той причине, что главным соперником президента на финише оказался Геннадий Зюганов, лидер КПРФ. Интересно другое: практически все демократические силы в той или иной мере (в большей Г.Явлинский, С.Федоров, в меньшей Г.Старовойтова и Е.Гайдар) были оппозиционны президенту. И все равно, выигрыш Ельцина вопреки, казалось бы, логике и политической реальности войдет в историю как победа демократов.

Из двух бед, а Ельцин победил именно в этом диапазоне, выбирают меньшую. Так президент, фигурально говоря, из образа надежды общества за прошедшие четыре года трансформировался в образ меньшего зла. Вынужденно голосующие "за", а таких в электорате Ельцина оказалось почти половина, никогда не станут союзниками, а тем более союзниками надежными. Они постоянно будут напоминать о вынужденности своего решения. Александр Гельман по этому поводу высказался достаточно точно: "Мы же выбирали из двух зол меньшее. Но кто нам сказал, что меньшее значит маленькое? Так что придется терпеть!"

Из курьезных признаний, несколько забегая вперед. В своем заявлении, сделанном 20 декабря, когда президент сообщил, что приступает к исполнению своих обязанностей и считает для себя восстановительно-реабилитационный период законченным, он высказал, с одной стороны, наивно-простую, с другой - ошеломляющую мысль. Болезнь и вынужденное отсутствие убедили Ельцина в том, что стране президент нужен. А значит, конституционная концепция президентской республики себя оправдала. Более того, стране нужен здоровый, деятельный президент. Когда я слушал это заявление президента, мы стояли в холле одного из банковских офисов. Кто-то за моей спиной зло пошутил: "Какой сообразительный. Понадобилась операция на сердце, чтобы понял. Ему определенно полезно болеть".

Не станем корить соотечественников за злую иронию. Возможно, если бы не было Ельцина, а вместе с ним 90-го, 91-го и даже 93-го года - не было бы этого коммерческого банка с его солидными офисами. И, уж конечно, этих тугих краснопиджачных бизнесменов, не расстающихся с сотовыми телефонами, мрачно пережевывающих "Орбит" без сахара. Многого бы не было: и сверхнепонятного, и сверхдраматичного, а равно и сверхполезного. Не наступило бы другой жизни, на которую одни молятся, а другие от нее открещиваются.

Жизнь - всегда движение по спирали. А потому очередной виток - нечто похожее на эхо, которое вы опередили. Просто другой уровень. В этой разнице высот и есть новизна жизни, отсюда ощущение узнаваемости наступающего дня.

Разумеется, главной сенсацией президентских выборов стал предфинишный блок Бориса Ельцина и Александра Лебедя. Первыми симптомами изменения предвыборной тактики был внезапный прорыв Александра Лебедя в телеэфир. Где-то в мае стало заметным, что Лебедь присутствует практически в каждой информационной программе первого телевизионного канала в сопровождении сверхлояльных комментариев ведущих. Это не могло быть случайностью. Конкуренция была слишком ожесточенной. Ярослав Мельник, вновь назначенный первый заместитель председателя Всероссийской государственной телерадиокомпании (как свидетельствовала молва, подсаженный к Эдуарду Сагалаеву

службой Коржакова с негласным заданием отслеживать действия не очень, как казалось Коржакову, надежного Сагалаева), остановил меня в коридоре неожиданным вопросом: чем я могу объяснить столь откровенное протежирование Александру Лебедю со стороны Бориса Березовского?

- Только одним, - ответил я, - изменениями, которые штаб Ельцина собирается внести в тактику предвыборной борьбы. Если первый тур, судя по поведению кандидатов, не имеющих практически никаких шансов и все равно отвергающих возможность какого-либо союза с партнерами с переуступкой своего крошечного электората (Шаккум, Брынцалов, Горбачев. С.Федоров), что позволяет говорить о торжестве стихии вычитания - каждый отбирал голоса у каждого, то второй тур потребует плюсования. Скорей всего, нас скоро познакомят с заготовкой ельцинского штаба.

Было ясно, что тот, кто наберет третью сумму голосов, станет предметом ожесточенного торга между главными противоборствующими силами. И неважно, кем оказался этот кто-то: А.Лебедем, Г.Явлинским, В.Брынцаловым, В.Жириновским, С.Федоровым, М.Шаккумом. Характерно, что все из названных кандидатов критиковали нынешнюю власть и были в очевидной и жесткой оппозиции коммунистам. Это делало предстоящие торги особенно интересными.

То, что наши рассуждения справедливы, доказывает заявление коммунистов, сделанное вторым лицом в КПРФ, Валентином Купцовым, буквально в день выборов: "У нас есть возможность в какой-то степени договориться с ним перед вторым туром выборов". Речь шла об Александре Лебеде.

Анализ предвыборной ситуации, особенно после телевизионных вливаний в раскрутку опального генерала, показал, что шансы Лебедя растут как на дрожжах.

Впрочем, рассуждая логически, и Борис Березовский асфальтировал генеральскую дорогу не из альтруистических соображений. От союза Ельцина с Лебедем он хотел бы иметь дивиденды. Это он, Березовский, обеспечил предвыборный рывок генерала.

Почему Ельцин якобы опередил коммунистов в этих торгах? Это тоже было просчитано автором интриги. Коммунисты, как утверждал Купцов, могли сколько угодно вести переговоры с Лебедем, о чем-то с ним договариваться. Но они ничего реального Лебедю предложить не могли. Они ничем не владели. Их шансы на выборах достаточно высоки, но победа и шансы на нее - это не одно и то же. И коммунистам больше, чем Ельцину, необходим был союзник. Но всю предполагаемую власть коммунисты уже поделили. Значит, придется перекраивать, и перекраивать солидно. Лебедя малым не ублажишь. А раз так уязвленные амбиции отодвинутых соратников и вероятность раскола в ближайшем будущем. Нет, коммунисты блефуют. Им нет смысла договариваться с А.Лебедем.

В руках Ельцина реальная власть, а значит, реальный прикорм. И после первого тура он не отставал, а опережал Зюганова. И шансов на вынужденное присоединение к его электорату поданных в первом туре голосов за Явлинского и даже Жириновского больше, чем у Зюганова. Разумеется, Лебедя сближала с коммунистами патриотическая риторика, и в этом смысле он основательно подъедал их электорат. Но опасности раскола, окажись Лебедь в лагере коммунистов, избежать было бы невозможно. Скорее всего, впоследствии отношения разорвал бы сам Лебедь. Вопрос в другом: ушел бы он один или увел бы с собой еще кого-нибудь? Иначе говоря, рана могла бы зажить или ее пришлось бы зашивать? Скорее всего, подобные варианты просчитал и сам Лебедь. Поэтому союз на этом этапе с Ельциным для Лебедя был более выигрышным. По крайней мере, на момент его заключения. Лично мне, да и не только мне, было ясно, что этот союз сугубо ситуационный и долговечным, скорее всего, не будет.

Добившись согласия Ельцина на союз, в большей степени вынужденный, с опальным генералом, следовало определить круг жертв, которые придется принести в обмен на уступчивость Лебедя. Реальных могло быть три поста: министр обороны, министр внутренних дел и секретарь Совета безопасности. Образ Кремля, по-видимому, более грел душу генерала, чем образ Белого дома на Краснопресненской набережной. Лебедь рассудил

прагматически - надо присмотреться к помещению. Союз Ельцина с Лебедем убавил беспокойство по поводу результатов грядущих выборов. Уже мало кто сомневался: победа президента становилась необратимой. Спорили только о процентах, которые получит победитель, и насколько он опередит проигравшего. Разрыв превзошел ожидания. Предполагаемые 4-5% выросли почти до 12%. Это уже был не просто труднообъяснимый проигрыш, а крупное поражение непримиримой оппозиции. Причин поражения КПРФ и народно-патриотического блока на президентских выборах было несколько. Часть из них, наиболее очевидных, обсуждалась. Часть наиболее важных даже не называлась. Так случается. Обнаружив явный и больше всего нас устраивающий повод неуспеха мы не идем дальше. Зачем? Те, следующие причины не устранят этой, по общему мнению решающей. Действительно, зачем?

Есть два рода причин, объясняющих поражение. Одни названы победителями, другие - побежденными. В этом случае трудно сказать, чей взгляд на события более объективен. Скорее всего, они одинаково субъективны. Задача одних - преувеличить победу, это правомерное желание, когда побед не так много. Задача других - преуменьшить масштабы поражения. Им тоже не хочется терять власть. Не ту, главную, а власть в рядах оппозиции. Свой взгляд мы определим как взгляд со стороны. Сегодня отсутствие программы не есть довод "за" или "против". Ни одна из заявленных ранее программ не выполнена. Их ценность для избирателей, по существу, утрачена. Да и сами программы, если таковые есть, имеют сиюминутный, текущий, тактический рисунок, перегружены лозунгами и риторикой: "Бороться с коррупцией! Реформы должны иметь социальную направленность! Не народ для реформ, а реформы для народа! Защитить интересы отечественного товаропроизводителя! Повысить пенсии, покончить с неплатежами! Упорядочить систему налогов! Поставить заслон преступности! Реформировать армию! Завершить реформу судопроизводства!"

Призывы, заклинания, декларации настроений. У кого-то чуть больше цифр, у кого-то чуть меньше, у кого-то их практически нет. Общество утратило осмысленную стратегию своего развития. Равенство тупиковости - вот рисунок противостояния сегодня. Власть слабо представляет, что делать дальше. Недовольство неустроенностью реформ нарастает быстрее, нежели позитивные перемены. Оппозиция тоже зашла в тупик. Она желает власти и одновременно боится ее получить. Внутренний голос подсказывает - не время! Ту власть, которая продуцирует ответственность, власть президентскую, власть исполнительную. Обладание властью законодательной для коммунистов выигрыш очевидный - постоянный перевес на критическом поле. Всегда есть крайний, кто виноват во всем: президент, премьер, министры. Отказ коммунистов от обещаний быстрых перемен в случае прихода к власти (а иного они сказать просто не могут), лишает их козырной карты и ставит в один ряд с нынешней властью, которую они нещадно критикуют. Коммунисты тоже зашли в тупик в своей непримиримой оппозиционности. Наличие во фракции здравых людей, таких, как Маслюков, который в силу своего прежнего опыта союзного вице-премьера имеет перед глазами сравнительную шкалу, понимает, что значимого, а тем более яркого кабинета министров в составе объединенного блока нет. Это же самое понимает и Николай Рыжков. Там есть 5-7 фигур - те же Маслюков, Рыжков, Романов, Глазьев - но это еще не правительство. Плеяда рыжковско-павловского призыва. Так называемые "следующие" должны были в том горбачевском прошлом сменить "прежних", но за эти семь лет оказавшись невостребованными, по угасшему профессиональному темпераменту достигли если не полностью, то почти состояния "предшествующих". Да, есть такие забойные хозяйственники, как Виктор Ведьманов, один из лучших специалистов и организаторов строительной индустрии, но, и это факт, нет второго и третьего возрастного ряда. Поэтому и разговоры о коалиционном правительстве.

Сказанное не следует воспринимать как то, что данное правительство... едва не сказал - эталонное, подумал и рассмеялся собственной дерзости. Коммунисты могут создать правительство в принципе не хуже. Но категория "не хуже" не может быть лозунгом победителей, если коммунисты рассчитывают на победу.

Вторая причина неудачи коммунистов - несамостоятельность лидера, в определенной степени несамостоятельность вынужденная. Отличительная черта Ельцина как политика - он войдет в политическую историю России как лидер, пришедший к власти без команды. Свердловское обкомовское прошлое далеко позади. Московское партийное правление закончилось предательством ближайшего окружения. Затем предательство руководящего ядра Верховного Совета России. Тогда ему верным остался только его злейший оппонент в будущем Руслан Хасбулатов. Межрегиональную депутатскую группу можно назвать интеллектуальной средой того, теперь уже давнего, Ельцина. Но отношения не так просты, чтобы сказать: межрегионалы стали командой Ельцина.

Лидер без команды, который формулирует ее как бы с белого листа, когда он уже сам стал лидером, многое теряет в силу поспешности, вынужденности зачислять в свой легион людей непроверенных. Но по причине той же бескомандности лидер обретает максимальную свободу. Все те, кто оказывается рядом с ним, обязаны ему лично своим появлением в коридорах политической и государственной власти.

Мы уже говорили, практически каждый демократ на выборах 90-го года проходил тест по поводу своего отношения к Ельцину. К моменту выборов народных депутатов России Ельцин все еще едва ли не самая популярная политическая фигура. И неприязнь к нему всей верхушки партийной элиты (М.Горбачева, Н.Рыжкова, Е.Лигачева) лишь добавила мифообразности Ельцину, желания ему помочь и поддержать. В России издревле жалели сирых, гонимых и битых.

Ельцинскую манеру говорить можно назвать рациональной. Речь замедленная, упрощенная - вряд ли преимущество для политика, но на фоне горбачевского суесловия с подмешанным южнорусским акцентом и неправильными ударениями в глаголах, речь Ельцина представляется доступной и деловой. Это даже удивительно, как изъян, оттененный еще большим изъяном, превращается почти в достоинство. Положение Зюганова имеет обратный знак. Зюганов продукт коллективного согласия, чисто партийный продукт. Зюганова привело к власти его окружение, каждый из членов которого в своей сфере неизмеримо значимее и профессиональнее Зюганова: Рыжков, Маслюков, Ведьманов, Варенников. У Зюганова аппаратная колыбель, аппаратные политические отрочество, юность и зрелость. Вне этой среды Зюганов практически не существовал. Карьерный функционер наподобие карьерного дипломата. Как-то в разговоре Геннадий Андреевич с печалью заметил: "Беда нашего поколения политиков - мы оказались вне профессиональной практики, мы шли рядом с жизнью". Зюганов прав, его поколение сразу с вузовской скамьи оказывалось в аппаратных коридорах: сначала комсомола, затем партии. Вечные начальники: маленькие, средние, большие, очень большие.

Одержи победу на президентских выборах Геннадий Зюганов, мы получили бы самого несамостоятельного президента. Перед Зюгановым неминуемо встал бы тот же вопрос, что и перед ненавистным ему Горбачевым: как остаться лидером партии и одновременно главой государства? Претендующих на власть, как в целом в народно-патриотическом блоке, так и, в частности, внутри коллективного руководства КПРФ, достаточно. И еще не известно, что бы обрел Зюганов, оставив руководство партией, а по Конституции он вынужден был бы его оставить. И дело не в том, приостановил бы временно свое членство в партии Зюганов, не приостановил бы. Скорее всего, нет.

Сравнивать положение Зюганова с положением Ельцина образца 1991 года немыслимо. Зюганов уже лидер партии, в определенном смысле партии, имеющей большинство в парламенте, партии, настроенной на победу. И партийность президента в этом смысле - символ партии, одержавшей победу на выборах. Ни Клинтон, ни Миттеран из рядов своей партии не выходили. Ельцин покидал партию в момент провозглашения многопартийности, он покидал партию, которая, по сути, выталкивала его из своих рядов, сделала его изгоем внутри партии. Утратив КПРФ как структуру ему подчиненную, Зюганов попал бы еще в большую зависимость от коллективного руководства. А если учесть неоднородность блока народно-патриотических сил и невозможность удовлетворить притязания всех на

высокозначимое кресло, он неминуемо попал бы под огонь внутрикоалиционной критики. Его вчерашние союзники не пожалели бы недавнего лидера КПРФ. Это тоже одна из причин, мешавших победе Зюганова на выборах.

И, наконец, самое главное. Рассуждение об информационной блокаде оппозиционных блоков в момент предвыборного марафона - чисто пропагандистский прием коммунистов, никак не соответствующий реальности. Мне часто приходилось отвечать на подобные обвинения в свой адрес, пока я возглавлял государственное телевидение и радио. В чем же на самом деле проблема? И существует ли она? Как может получиться, что вы занимаете первое место по количеству телевизионных сюжетов с вашим участием (Зюганов, Жириновский) и тем не менее кричите на каждом углу об информационной изоляции. Что это, осознанный обман общественности? Публичный кураж? Индивидуальная скандалезность, неодолимое желание ругаться по любому поводу или объяснимая возбужденная реакция на явную несправедливость?! Ничего подобного. Хотя возможно оценить иначе. Всего понемногу, а вывод абсурдный.

Дело не в количестве сюжетов, а в интонации. Я уже говорил, в информации важен не факт, а его толкование. Нет, нет, ничего с точки зрения фактологической не извращалось. Основная часть средств массовой информации, начиная с 1990 года, заняла в целом либерально-демократическую позицию. СМИ устали от диктатуры, цензуры, одноцветности. Слово обрело свободу и в этой свободной стихии, скажем честно, стало вести себя непредсказуемо. Свобода опережала Закон о свободе слова. И это правомерно. В любой сфере деятельности, неблагополучной и благополучной среде, сначала процесс, а затем закон, реагирующий на этот процесс.

В целом телевидение и радио симпатизировали демократии, а не коммунистам, и тут уж ничего не поделаешь. О проигрывающих демократах говорили с грустной симпатией, а в действиях их оппонентов непременно находили скрытую или откровенную агрессивность, желание расправы. Все эти черты в действиях коммунистов имели место, впрочем, и демократы в своих поступках не выглядели святыми. И тем не менее демократы еще не успели обрести историю порока. Хотя и до выявления родимых пятен на демократическом теле коммунисты запустили в обиход термин "так называемые демократы". И все-таки семьдесят лет существования тоталитарного режима никуда не спишешь. Надо признать, в преобладающем большинстве общество не симпатизирует коммунистической идее.

Но еще более досадно для коммунистов другое: 90% их электората - люди преклонного возраста. И вообще, 70% людей пенсионного возраста проявляют очевидное сожаление по утрате прошлого - нашего социалистического "вчера". Для КПРФ в этих соотношениях своя политическая драма: партию поддерживает поколение, не имеющее чисто физически будущего. И чтобы сохранить электорат, партия обречена выходить на выборы с программами, обслуживающими интересы этого уходящего поколения.

Непредрасположенность к идеологии коммунистов средств массовой информации даже при нескончаемом присутствии их лидеров в теле- и радиоэфире все равно оставляет ощущение чуждости. И еще один предсказуемо-непредсказуемый момент. В нынешней ситуации правительство неминуемый сторонник президента, действующая Конституция практически исключает иные варианты. А на период выборов деятельность правительства не прекращается, а значит, информация о деятельности правительства ежечасно появляется в эфире. Следовательно, действующий президент, настроенный выставить свою кандидатуру на повторное избрание, получает бесспорное преимущество в информационном пространстве. Если в эфире нет самого президента, присутствуют носители его идей. Любой президент, любой политической ориентации, согласно действующей Конституции, окажется в таком же положении. Вывод прост: никакой изоляции, блокады коммуно-патриотического движения не было, существовала антипатия к идеологии большевиков. Как и антипатия к ошибкам президента и правительства. О них говорилось и писалось постоянно.

Таковы пять причин поражения коммунистов на выборах. Впрочем, существует и шестая, на мой взгляд, главная. Оппоненты показали хорошую игру. Демократы еще раз

доказали, что в политическом экспромте они сильнее коммунистов. Коммунисты прекрасно организованны, и в этом они кратно превосходят демократов. Причем они лучше организованны на улице, в толпе. У демократов, при их разрозненности, амбициозности, осталась одна маленькая привилегия - они быстрее думают. В момент реформ, с учетом их возможной неблагополучности, в обществе преобладает отрицательная энергия - энергия недовольства. Коммунисты умело аккумулировали эту энергию, они обрели навык работы в отрицательном поле, но они не учли одной немаловажной психологической частности. В обществе, уставшем от революций, они остались хранителями революционного пафоса, понятного, увы, численно убывающему поколению, но уже малопонятного иным возрастным группам.

Прошедшие выборы можно было бы охарактеризовать двумя словами: состязание страхов. Чей страх страшнее? Пропрезидентское телевидение не преуспело в полемике или сокрушительности доводов в пользу реформ. Оно дисциплинированно решало задачу - страх, подпитанный семидесятилетней большевистской историей, на телеэкране выглядел внушительнее страха листовочного, передаваемого из уст в уста, тиражируемого коммунистами: разворовали Россию, погрязли в коррупции, преступном беспределе. По итогам выборов Анатолий Лукьянов мрачно заметил: запугали страну. И то верно, грех, творимый в течение пяти лет (а что еще возможно приписать Ельцину?), несопоставим с пороками и неблагополучием, творимыми на протяжении семи десятилетий. КПРФ, настаивающая на своем праве преемственности по отношению к КПСС, испила эту чашу продолжения коммунистического рода. И вот на этой волне воссоздания образа исторического страха призыв к молодежи, уже захваченной волной несбалансированной свободы, а состояние свободы для молодого поколения физиологически более естественно, а эту свободу общество обрело в последние 5-7 лет, позволило демократам, опираясь на возможности телевидения, побудить молодых людей к участию в выборах. Вот те самые разрывы процентов в пользу Ельцина, которые как бы прошли мимо аналитиков, предполагавших разрыв в пределах 5-7%. А он оказался почти вдвое больше.

Но все это ситуационные преимущества. Как показала история недолгого российского президентства, Ельцин мучительно их обретает, но с удивительной легкостью теряет уже на старте следующей дистанции. Так было после путча 91-го года, затем после августа 93-го. Президентские выборы 1996 года в определенном смысле - некий очередной катаклизм. Не следует забывать, что полгода назад на выборах в Думу коммунисты одержали внушительную победу. Это обстоятельство и делало президентские выборы неординарными, превращало их в схватку на краю пропасти.

ПАЦИЕНТ №1

Непросто одержать победу с нездоровым президентом, но неизмеримо сложнее удержать власть, если нездоровье главы государства обретает хронический характер.

Сегодня 8 февраля 1997 года.

Ельцин практически не появляется в Кремле. Фраза о том, что "президент работает с документами и готовится выступить с ежегодным посланием к Федеральному Собранию", вызывает раздражение. Похоже, что это послание так же многостранично, как роман Л.Толстого "Война и мир". Минимальность эфирного времени, уделяемого спонтанным встречам президента, подтверждает невеселые сомнения. Последнее сообщение, что традиционная встреча с премьером по вторникам, ради которой президент прибыл в Кремль, продолжалась 25 минут вместо запланированных сорока, неминуемо обретает однозначное толкование на Западе. Слова президента Франции Жака Ширака после встречи с Ельциным, что он поражен, с какой быстротой выздоравливает российский президент, воспринимаются с иронией. Даже снимки в газетах, сделанные с дальней точки, не могут скрыть контраста. Немолодой, но здоровый Ширак, а рядом с ним почти такого же возраста старик, ссутулившийся, с неуверенными движениями, сильно похудевший. Этот старик наш президент. Его фамилия Ельцин.

Последняя встреча с Чубайсом, состоявшаяся 7 февраля, никаких видеоподтверждений

не имела. Этот факт не требует комментария. Президент плох. Сейчас не до интригующих уловок. Никаких встреч Чубайса с журналистами не последовало, что еще больше взвинтило воображение.

Опять заговорили о кризисе власти, о неуправляемой стране. Неделя с 3 по 10 февраля оказалась достаточно насыщенной. Олимп никак не может освоиться с отсутствием монарха. Сам Чубайс избрал тактику "непоявления". При обостренном восприятии его личности законодателями и непростой ситуации в регионах эту тактику можно счесть единственно правильной. Однако конец января и начало февраля добавляют новые краски.

Естественное торможение, вызванное болезнью президента, желая или не желая того, повторило тактику затянувшейся паузы, сопутствующей Ельцину на всех переломных этапах его политической биографии. Так было в 91, 93, 95-м и 96-м годах. И неважно, что было тому причиной: победа на выборах, подавление путча, начало войны в Чечне, отпуск или болезнь. Эти непрограммируемые паузы создали своеобразный рисунок аритмии власти. Как теперь уже ясно, очень точно повторяющий кризисные периоды в физическом состоянии Ельцина, что тщательно скрывалось, но, по сути, было именно так. Ельцин, по манере, политик не предрасположенный к экспромту, скорее, медленного выжидательного стиля. И если к этому добавить количество незапрограммированных пауз, то общий рисунок как внутренней, так и внешней политики обретает характер рискованной неспешности, никак не соответствующей стремительности общественных и экономических процессов, которые характерны для реформируемого государства. Отсутствие Ельцина вынужденное или тактическое - должно быть компенсировано деятельностью энергичных политиков. Это нормальное поведение в экстремальных ситуациях, которые переживает страна. Однако ничего подобного не происходит. Никакого прорыва не совершается, все оглядываются на президента, зная его непомерную ревность и подозрительность, которую он в последнее время насаждал и культивировал. Любая самоинициатива воспринимается как попытка принизить авторитет высшего лица, подчеркнуть его немощность. В этом случае власть теряет импульс самостоятельности. Страна обретает состояние конвульсивного застоя. Второй срок президентства - состояние особое. Лидер нации решает задачи более масштабные, выходящие за пределы внутригосударственных отношений. Если президент избирается повторно, это предполагает удовлетворенность нации деятельностью главы государства внутри страны, иначе зачем она его избирает на второй срок. Такова классическая формула отношений власти и народа. Россия страна непредсказуемая. Она повторно выбрала своего президента, побуждаемая не чувством любви и признательности, а, скорее, во избежание большего зла. Такова отличительная черта последних выборов. Всякая затянувшаяся пауза не повышает уверенности в деятельности президента, напротив, усиливает стартовые претензии оппозиционных сил. В этом смысле оппозиционны и противники и сторонники. Сторонникам нужны стартовые накопления, чтобы удержать власть, противникам - чтобы ее взять. В этой связи один из вопросов обретает навязчивый характер.

МИСТИФИКАТОР

Шумный указ Ельцина об отстранении Чубайса от должности первого вице-премьера, подписанный в январе 96-го года, а затем, спустя месяц, приглашение его для участия в своей предвыборной кампании, в которой Чубайс оказался практически ведущей фигурой, а затем, уже в июне, не менее шумное, если не сказать шоковое, назначение Анатолия Борисовича на пост руководителя президентской администрации говорят о неадекватности президента. Хотя если предположить глубоко и всесторонне продуманный замысел, то....

Состояние президентского здоровья инициирует неадекватность и противоречивость всех его решений на протяжении всего этого года. Чубайсовские взлеты и падения лишь в незначительной мере зависят от самого Чубайса. Тогда в чем же дело? В очевидном: самочувствие президента перестает быть фактом личной биографии Ельцина. В зависимости от состояния его здоровья выстраивается тактика давления на президента. Больной президент более сговорчив. Отставку Чубайса можно было охарактеризовать сжато - выиграли Сосковец и Коржаков. Они подыграли тем политическим силам в лагере Ельцина, которые

утверждали: Чубайс - камень на ногах ельцинской команды; освободись Ельцин от Чубайса, и его популярность поползет вверх. Отставка Чубайса могла быть воспринята как предвыборный трюк Ельцина, когда его штаб возглавлял Олег Сосковец. Его додавили, и он уступил. Он мог освободить Чубайса без комментариев, и в этом шаге было бы больше ельцинского, но он странным образом разговорился и практически изложил философию тех, кто работал на уничтожение Чубайса. Чубайс, оказавшийся в предвыборном штабе, есть результат сопротивления демократов. Банкиры еще к тому времени не созрели. Они еще занимались политическим спиритизмом, вызывая дух Международного валютного фонда. Они еще гадали, с какой карты начать игру. И хитрый Березовский еще числился в команде Сосковца.

А вот новое назначение А.Чубайса - это уже в определенной степени и результат его собственных усилий. Чубайс вывел из игры Сосковца, Коржакова, Барсукова и, если можно так выразиться, расчистил дорогу на Олимп. Наступил час массированного давления. На этот раз давление уже оказывали другие силы, получившие доступ к телу. Ельцин решился обновить, а по сути, заменить окружение. Шаг и разумный, и доказанный историческими аналогиями в политической жизни других стран. Боязнь оказаться совсем без окружения делает президента более уступчивым в момент формирования кремлевской команды нового состава. Как ни странно, период смены команды, тем более когда президент нездоров, - период наибольшей зависимости лидера от ситуации. Те, кому верил, покинули его, иных выгнал сам. Они вместе с собой унесли знание его просчетов и слабостей. Эти новые, молодые, полные энергии, должны компенсировать его убывающие силы. Начальная уступка им с его стороны есть плата за предполагаемую верность. Он всегда может сказать: я взял Чубайса не вопреки Коржакову и Сосковцу (с этими все ясно), я выбрал Чубайса вопреки недовольству общества. Я буду поддерживать Чубайса, пока могу. Последней фразы президент не произносил, но она в некотором роде фраза штатная, из ельцинского гарнитура. И высказывалась она ранее применительно к другим людям, помеченным высочайшим доверием: Юрию Петрову, Владимиру Шумейко, Виктору Черномырдину, Павлу Грачеву. Продолжительность рокового "пока" определяет сам президент. Именно в такие моменты начинают вспоминать о президентской интуиции.

Причина вторая. Следовало сменить тактику, а точнее, "самовидение" собственного окружения. Практика максимальной приближенности не оправдала себя. Человек, располагающий доверительной информацией о жизни и поведении президента, в случае изменения своего должностного положения или отстранения от должности, может использовать эту информацию в корыстных целях и во вред президенту. Никакого кодекса должностной чести не существует. История с Коржаковым и Баранниковым оставила достаточный след. Сейчас, оглядываясь назад, стоит сказать добрые слова в адрес Геннадия Бурбулиса, который, пережив период максимального доверия со стороны Бориса Ельцина, не употребил его впоследствии во зло президенту, хотя был долго мучим незаслуженной обидой. Новая кремлевская команда президента - команда дистанционная. Это, скорее, проамериканский вариант формирования президентской команды: более рациональный, более холодный, но и более цивилизованный, лишенный банно-массажного либо застольного синдрома "Ты меня уважаешь?!". Именно в такой тип команды Анатолий Чубайс вписывается наиболее органично. Они могут и не любить президента, но именно он привел их к власти, когда им было по тридцать с небольшим, опередив их возможные выдвижения при старых порядках как минимум на пятнадцать лет. Без него они бы не стали властью. Оставшись наедине, они сочувствуют себе и ругают президента. Его болезнь - это ловушка, в которую они угодили. Но тут же добавляют: "Все равно, это лучше, чем..."

У них непростая задача: как при больном президенте доказать свою самостоятельность и эффективность как управленцев, как добыть авторитет внутри страны? Самое поразительное, что даже больной президент их опора. Разумеется, они помогли ему победить на выборах, но без его имени этой победы быть не могло. Даже спустя пять лет в уравнении власти не поменялись слагаемые. Не от их присутствия зависит его значимость как

президента, а при наличии его в этой должности у них остается шанс оставаться властью, как таковой. Казалось бы, прекращение войны в Чечне достаточно развязывает руки, позволяет сосредоточиться на других, более насущных проблемах. Надо отдавать себе отчет, что усиливающаяся помощь России со стороны Запада будет тиражировать проблемы. Мы странная страна. На протяжении многих лет мы пугали наших оппонентов своей силой, теперь мы пугаем разрушением этой силы. Удручающе точны слова генерала Лебедя: "Наших обломков хватит на всех!"

Опять власть оказывается в положении, когда львиная доля ее усилий будет потрачена на сохранение власти, а не на развитие страны. Видимо, в этом пасьянсе самой спорной является карта Чубайса. Чубайс - это кремлевский громоотвод. У него сложные задачи: не называя своих властных возможностей (их наличие в руках Чубайса раздражает оппозицию), тем не менее употреблять их для страхования очевидно растерянного правительства. Ситуационная критическая масса нарастает. Ни одна из проблем (неплатежи, разгул преступности, спад производства, кризис системы образования, суверенные посягательства региональных элит) не имеет даже начальных импульсов положительного решения. И уже не понять, какой кризис первичен, а какой вторичен. Кризис отечественного производства и социального развития страны порождает кризис власти. Или кризис власти, снижение энергетики управления порождает общественную и общегосударственную деградацию. Поведение власти в таких условиях симптоматично. Недавняя февральская поездка Анатолия Чубайса в Давос в ранге руководителя кремлевской администрации, сразу после посещения этого экономического форума Черномырдиным, выглядит по меньшей мере необъяснимой. Тем более что акцент в выступлении Чубайса был сделан на проблеме расширения НАТО на восток. Жесткая позиция, которую по этому вопросу занял Чубайс, должна продемонстрировать не столько решительность многонациональной России, сколько показать Западу, что отношение реформаторского крыла российской власти столь же негативно к этой идее, как и консерваторов, умеренных и даже оппозиции. Тем самым развеяна иллюзия, что реформаторы в этом вопросе являются союзниками НАТО.

Вряд ли доклад Чубайса, произнесенный на английском языке, усилил русский текст Черномырдина. Как мы сказали, он решал совсем другую задачу. Тем более что вопросы внешней политики - прерогатива самого президента, а в его отсутствие - премьера, но никак не главы президентской администрации. Что этим шагом хотел подчеркнуть президент, если он давал согласие на эту поездку Чубайса в Давос? Недоверие к премьеру? Вряд ли. Да и зачем? Усилить экономическое давление и показать, что Кремль не просто страхует правительство, но и в параллель ему расширяет поле экономической игры? Общеизвестна связь Чубайса с западными банкирами и финансовыми группами он пять лет был ключевой фигурой в правительстве, отвечал за эффективность экономических реформ. Но во всех случаях Чубайс был вице-премьером и маловероятно, чтобы его экономический курс был отличен от курса премьера. А может, он поехал разъяснять западной финансовой элите, почему Дума уничтожает Чубайса и заигрывает с Черномырдиным? Вопросов масса, а ответов, должных объяснить сверхнеобходимость этой поездки, нет.

Попробуем чуть-чуть попятиться и оказаться в последней декаде января 97-го года, когда разразился скандал вокруг Чубайса. Были преданы гласности доходы главы президентской администрации, с которых он якобы не заплатил налоги. Доходы, в мироощущении российского обывателя, который в большинстве своем не шикует, значительные - 296 тысяч долларов, переведенных на один из банковских счетов Чубайса, странным образом преданный огласке. Факт сам по себе дикий, полностью перечеркивающий принцип цивилизованного рынка сохранения тайны вкладов. Чубайс легко отбил эту атаку и доказал, что и декларации о доходах заполнил, и все положенные налоги заплатил сполна.

Как и следовало ожидать, парламентская оппозиция на этом не успокоилась. По слухам, цифры доходов Чубайса стали расти, как и количество якобы чубайсовских банковских счетов. На все это можно было бы махнуть рукой. Очередная политическая склока, затеянная

депутатами-коммунистами. Очередной компромат. Как я уже сказал, непонятным в этой ситуации остается утечка информации из "Мост-банка", который славится наиболее профессиональной службой безопасности. Остается предположить, что эта утечка была санкционирована определенными персонами внутри банковского пула, что по-своему симптоматично и подтверждает предположение о разрыве брачных уз между ведущими банкирами и Чубайсом. А если это так, то можно предположить, что поспешная поездка Чубайса в Швейцарию была связана с этими скандалами. А точнее - дадим волю своей фантазии, - наличием счетов в зарубежных банках и желанием проверить их гарантированную защищенность от слухов и скандальной огласки.

Поездка Чубайса в Давос не сломила решительности Запада по отношению к расширению НАТО на восток, она лишь усилила недоумение по поводу согласованности действий внутри общероссийских властей.

ПАРТИЙНЫЙ ЛАБИРИНТ

Всякая власть временна. Просто исчисление временности разное. При власти диктатурной - одно, при власти демократической - другое. Интересно, что долговечность власти опасна застоем, привыканием к власти, а значит, снижением импульсов развития. В той же степени и кратковременность власти, частая сменяемость есть, по сути, разновидность торможения развития.

Россия за тысячелетнюю историю так и не выработала приемлемой для ее развития временной формулы продуктивной власти.

Первый же опыт повторного президентства споткнулся о болезнь президента и уже не представляется удачным. И выздоровеет президент или не выздоровеет, во всех случаях это будет президент, перенесший тяжелую операцию, которому противопоказаны любые, даже самые легкие заболевания. Чего избежать практически невозможно. Скорее всего, Россия так и не сможет сделать вывод, чем первый президентский срок отличается от второго.

Если говорить о смене команды, что справедливо для президента, пускающегося в повторное плавание, то нелепо сужать понятие команды до рамок президентской администрации. И вот здесь возникает главный вопрос. Начиная свой второй срок, президент не решился на смену премьера. Мы опять делаем уточнение - больной президент. Это решение принимал Ельцин, испытывающий крайнее физическое недомогание. По сути, все решения Ельцина, принятые в этот период, а он продолжается и поныне, когда автор пишет эти строки, обречены иметь одно и то же уточнение: Б.Н.Ельцин был нездоров. Исторически подтверждено, что повторное президентство в любой стране - это качественно иное президентство, иная политика, иная самостоятельность, раскованность президента, проводящего эту политику. Поэтому смена команды в этом случае воспринимается как естественный, более того, необходимый шаг со стороны президента. Политикой государства, внутренним курсом, внешнеполитической деятельностью занимается правительство. Несменяемость премьера говорит в определенной степени о неизменности курса. А еще неизвестно, хорошо это или плохо. Никакой особой новизны в ельцинском президентстве до 2000 года ждать не приходится. Можно сказать и по-другому. У Ельцина нет запасных игроков. Чубайс - возможная фигура, но он непроходим в парламенте. Неслучайна при утверждении бюджета 1997 года ситуация в Думе: коммунистическая оппозиция была поделена на два поля, белое и черное.

Левый фланг коммунистов в лице Илюхина третировал президента по поводу его неспособности исполнять свои обязанности по причине болезни, а правый фланг (Зюганов) вел продуктивный диалог с премьером и, что не вызывает сомнения, поддерживал его. Вывод напрашивается сам собой: с декабря 96-го по февраль 97-го года премьер Черномырдин устраивал оппозиционное большинство в парламенте. И во избежание большего зла в лице Чубайса оппозиционное большинство готово было поддержать Черномырдина. К этому времени премьер уже отпраздновал свое четырехлетие на этом посту.

20 февраля в ряде газет снова появляется информация о возможной отставке Черномырдина, называется имя Владимира Шумейко. Спустя день неожиданное заявление

спикера думы Селезнева: он не исключает, что по истечении первого квартала года Дума заслушает отчет правительства и, скорее всего, проголосует за его отставку.

22 февраля на заседании политсовета движения "Демократический выбор России" Егор Гайдар в своем докладе в несвойственной ему жесткой манере критикует деятельность правительства, обвинив его в неспособности продолжать курс реформ, предлагает кардинально изменить его состав. Гайдар не потребовал отставки правительства, полагая, что тем самым сохраняет образ лояльной оппозиции. Только ли забота об образе была побудителем февральских возмущений Егора Гайдара? Ему еще предстоит раскрыть смысл сказанного: "У правительства был шанс, но оно им не воспользовалось". Какой шанс Гайдар имел в виду? Недопущение налогового абсурда, когда общество делится на две категории: полицейские и воры? Согласно модели реформ, предложенной правительством Гайдара, государственно-номенклатурный капитализм проклюнулся, а народный - нет. Передел собственности произошел. И теперь мы недоумеваем, почему собственность, сменившая свою укладность, не желает жить по нормам социальной справедливости времени развитого социализма.

Та сила, которая якобы декларировала этот принцип - государство, своей, возможно и малопродуктивной, собственности лишалось. Но собственность, поменяв владельца, не обрела импульс развития, она превратилась в пофамильный товар, который стал на конвейер перепродажи. Приобретенный у государства за бесценок, чуть позже этот же товар, наспех подкрашенный, появился на рынке как значимый товар, не обремененный долгами. А уплаченные долги, по существу, мизер от истинной стоимости. Но именно долги, их образ использовался авторами приватизации как фактор пугающий, что откровенно выразил Альфред Кох (идеолог и мотор масштабной приватизации): "Да кто их стал бы покупать, одряхлевших, отставших, да еще с долгами?" В этом был замысел и секрет превентивной приватизации. Все выглядит как оправданное лукавство. Деньги правительству нужны позарез: "Продайте как можно быстрее".

Надо признать - нарождающийся предпринимательский слой лишен чистоты, он слишком далек от классического образа. Он самосоздался вне среды, в чреве демонтажа старой системы и поголовно возвратившего нацию к ощущениям 17-го года: "до основанья, а затем..." За налогами на танках, в масках и камуфляже. Общество, отравленное философией неприятия процветающего и благополучного человека, будет неминуемо ставить препоны нарождающемуся предпринимательскому сословию. А всякая неблагополучность созревания дает в итоге неполноценный урожай. Почетность бедности, выдаваемой за признак чистоты, делает общество ущербным. Мгновенность, с которой появились богатые по причине легализации теневого капитала социалистических времен (он составлял почти 40% товарного оборота) и благодаря законодательному вакууму (старое рухнуло, а новое не сложилось), сразу сделала эту категорию людей в обществе хотя и приметной, но не любимой. Столь неудачное и уродливое начало предрешило отрицательное отношение к нарождающемуся сословию, выявление наиболее деятельных, предприимчивых, способных создавать собственное честное и продуктивное дело. Мы постоянно недовольны, мы постоянно требуем по причине непосильности бытия, бедности, перешагнувшей допустимые и недопустимые границы, - социальной справедливости. Мы хотим, чтобы достижения реформ были доступны всем. Не все станут миллионерами, но пусть жизнь большинства улучшится. Среди процветающих достает ворующих. Впрочем, как и среди не процветающих...

Вор не может быть олицетворением нарождающегося сословия. Попытка навязать обществу именно такое толкование перемен свойственна не только непримиримой оппозиции. В общем хоре угадываются также голоса либералов и демократов, не сумевших, не успевших, и потому возмущенных. Неудержимая сила непросвещенности, неумения власти управлять страной выталкивает страну на тропу слепого бунта - к третьему переделу собственности. Бунту безумному, но по-своему праведному. И тогда уже в какой раз будет уничтожена, выкорчевана наиболее способная, несмотря на все изъяны и пороки, умеющая творить богатство и обновлять жизнь часть общества. Это неприятно признавать, но это факт.

К этому сословию сначала приходит богатство, а затем культура. Все потому же. Социализм уничтожил чувство предпринимательства. Быть богатым считалось постыдным.

Если этот прогноз даже отчасти справедлив, России суждено пережить очередной исход интеллекта - четвертую волну массовой эмиграции. Страну покинут те, кто был способен заложить основы здорового капитализма в России.

Черномырдин отметил свое четырехлетие на премьерском посту. Болезнь помешала президенту сосредоточиться на проблеме дублера. Верный своему пристрастию выстраивать противовесы, президент не избежит этого искушения еще раз. Нет запасных игроков - вот в чем проблема. Нет их у Ельцина, нет их у Черномырдина. Когда на заседании правительства министру финансов выговаривают за его излишне ироничную улыбку, неприличествующую драматичной ситуации, можно понять, что дефицит конструктивных идей достиг своего апогея.

23 февраля 1997 года.

Президент возложил венок на могилу Неизвестного солдата и сделал первое за последние полгода задиристое заявление: "Я полностью выздоровел и после операции, и после воспаления легких". Насчет атак Думы президент отреагировал по-ельцински: "Все эти наскоки бессмысленны. Я ведь могу и ответить, в том числе и Думе. На сей счет ни у кого никаких заблуждений быть не должно!" По тону, похоже, и вправду выздоравливает, а там посмотрим.

Отсутствие президента ощутимо. Правительство занимается только текучкой. Во время первого возвращения президента в Кремль, о чем раструбили СМИ, случился фальстарт. По русской традиции, после бани разгоряченный президент окунулся в снежный сугроб. Вопрос по существу: что происходит? Где мы живем? Диагноз врачей - глубокое воспаление легких по причине чрезмерно охлаждения организма. Когда ответственность не тяготит, можно искупаться и в проруби. Почему президент позволяет себе поступки, которые не имеет права себе позволять? Интересный вопрос.

Во-первых, у президента чисто царские замашки и его ближайшее окружение его патологически боится. Это произошло не сразу. Президент свел свое окружение до роли челяди, которую он одномоментно может изгнать со двора. Сведенное до такого положения окружение влиять на президента вообще не может. Отсюда спонтанная абсурдность в поступках Ельцина. Жертвы, два месяца назад положившие головы на плаху в ожидании царской кары, поспешили убрать их, дабы не простудиться. Двор тщательно готовился к встрече президента, но, похоже, тоже "перегорел". Надо самозаряжаться еще раз.

Появление Анатолия Куликова на посту вице-премьера - типичный ельцинский ход: назначить человека, на которого будет постоянно оглядываться премьер. Илюшин, оказавшийся в правительстве, с ролью назревающего дублера справиться не мог. И должность первого вице-премьера (а не просто "вице") была обусловлена близостью первого помощника к президенту.

Именно Куликов мог претендовать на премьерство, естественно, при других обстоятельствах, но мог. Кто-то ностальгически прибавит - и при другом президенте. Нет, при этом самом. Куликов - первая ласточка из гнезда новой президентской философии управления страной.

Февраль перевалил за половину. А президент все еще не выступил с посланием к Федеральному Собранию. Последний срок - 6 марта. Если говорить профессионально, поздно, очень поздно. И дело не в том, что Конституция не определяет такой даты, дело в реальном восприятии жизни. Уже более десяти дней лежит у президента Закон "О бюджете 1997 года". Он не подписан. Замерли все финансовые потоки. В чем причина внезапной паузы? Если учесть, что все происходит на фоне оптимистичных заявлений президента: "Я полностью оправился от болезней... Работоспособен, работоспособен и еще раз работоспособен..." В бюджет вносятся коррективы? Это вряд ли возможно после того, как бюджет прошел верхнюю палату Федерального Собрания.

Кстати, о Совете Федерации. После очередных губернаторских выборов сенат обрел

новые краски. У президента впереди непростой путь выстраивания отношений с обновленным составом сената. Все сенаторы прошли процедуру прямых выборов в своих регионах. Президент не властен, как прежде, отстранить их от своих постов. Мы еще переживем сенатский бунт. Что будет тому причиной? Очередное весеннее либо осеннее наступление профсоюзов? Премьер или сам президент? Не станем гадать. Демократия - оружие обоюдоострое. Не все исповедуют ее философию, но все хотят воспользоваться ее возможностями.

ТЕМПЕРАТУРА 36,6

24 февраля, понедельник.

Президент встретился с премьером в Кремле. Накануне он заявил о своем полном выздоровлении. Рабочая встреча с премьером должна была это подтвердить. Ожидания оправдались - президент был строг: "Народ недоволен деятельностью правительства, премьера. А значит, и президента. Недовольство обрело массовый характер. Таких на сегодняшний день уже больше половины населения". Далее следовали размышления по поводу возможных изменений в составе правительства. Особая неудовлетворенность социальной политикой кабинета.

Первая реакция - заговорили об отставке премьера. Длительное отсутствие президента в Кремле, когда факт его участия в повседневной жизни государства был, скорее, плодом журналистского воображения и творчества пресс-секретаря Сергея Ястржембского, создали ситуацию, при которой самым обыденным, малозаметным словам президента придается сверхзначительное и полузагадочное толкование.

Президент высказал рабочую критику в адрес правительства, встретился с командующим Дальневосточным военным округом Чичеватовым. И тут же начинает трясти армейский Олимп, называются предполагаемые кандидаты на отставку. Президентский шепот, усиленный газетно-телевизионной стихией, превращается в громовые раскаты. Вяло изрекаемые ельцинские фразы преподносятся как прозрения пророка. В регионах, на заводах, в школах, больницах бушуют житейские страсти, растут триллионные задолженности по зарплате, а здесь имиджмейкеры расчерчивают движение президентских бровей, артикуляцию его губ. Гримаса одобрения, гримаса недовольства, гримаса беспокойства, задумчивости, гнева. Все это превращает власть в мимический театр. Так что же будет с Черномырдиным? Переживет он 97-й год в должности премьера или ...

Непредсказуемость Ельцина - еще один журналистский фантом. Загадочность монарха импонирует верноподданным. Всякая власть в своем начале есть неопознанный летающий объект. Ее непредсказуемость обратно пропорциональна долголетию власти. Ельцин не стал исключением из общего правила. Появление Куликова в ранге вице-премьера - за последнее время самый сильный, хотя и не лишенный риска, ход президента. С одной стороны, это должностное повышение Куликова завершает комбинацию. С другой - только начинает ее. Тактика противовесов - как же мы устали от нее.

Появление Илюшина на посту первого вице-премьера, хотя по внешним признакам и напоминает привычную комбинацию (первый вице-премьер лицо максимально приближенное и преданное президенту), таковой комбинацией не является. Илюшин был предан президенту в должностном пребывании, но не в личном. Никто не сомневался в преданности Илюшина, конечно же, не сомневался в ней и президент. Однако другом семьи в общепринятом понимании Илюшин не был. И Коржаков, и Сосковец, и Шумейко, и Грачев были более понятны и близки Ельцину по внутренней сути. Это чисто российские черты, когда высшей степенью доверия оказывается общее застолье или банный день. У Илюшина в этом смысле есть изъян. Виктор Васильевич - человек непьющий. Что же касается президента, и этот факт не является секретом, он человек, "употребляющий" многолетно. На слуху расхожие слова - "увлечение вином и женщинами в России не является пороком". Я сам пережил этот диктат начальственного пьянства и знаю, как непросто складываются отношения непьющего человека в высокоранговом кругу. Вообще, непьющий - у людей привычно и обильно выпивающих всегда вызывает плохо скрываемое раздражение и

подозрение. Когда он десятый подчиненный, микроконфликт решается просто "Пшел вон!". Хуже, когда он равнозначим по должности и влиянию. Его присутствие на доверительном застолье всегда вызывает беспокойство: "Вот мы сейчас сидим, пьем, разговариваем. А о чем думает он?" По мере выпитого в сознании пьющих выстраивается более жесткая оценка трезвого коллеги: "Он ставит себя выше нас. Он презирает нас. Он смеется над нами". Это уже сигнал, пьющие начинают терзаться мыслью: как избавиться от непьющего? Формула приговора проста - не наш! И дело не в том, кто, сколько и как пьет. Дело в вечном вопросе: в каком состоянии та или иная персона власти принимала свое решение и контролирует (или не контролирует) она свои собственные поступки?

Назначение Илюшина на пост первого вице-премьера можно считать благодарностью президента своему первому помощнику за верную службу, хотя благодарностью относительной. Прежнее влияние Илюшина на политический процесс было неизмеримо большим, чем на посту первого вице-премьера, курирующего социальную политику правительства. Человека подвесили над пропастью, глубина которой растет ежечасно. При этом выдали новенький мундир с высокозначимыми галунами. Черномырдин принял предложение президента, и Илюшин без особого напряжения стал членом правительства. Я уже говорил, что Илюшин Черномырдина в определенной степени устраивал. Бесспорно, ответственный работник, бесспорно, провальный участок. Впрочем, на что-либо другое Илюшин и не мог рассчитывать, не хватало профессиональных навыков в сфере экономики, промышленности и финансов. А потому, если даже очень захочет оказаться "царевым оком", будет это ему сделать трудно. Илюшин не кронпринц. И это Черномырдина устраивало. Однако то, что хорошо для Черномырдина, не всегда хорошо для президента. Фигура-противовес Ельцину была нужна. Так в правительстве в ранге вице-премьера появляется министр внутренних дел Анатолий Куликов. Куликов появляется в новой должности, ему вменяется в обязанность не только курирование силовых ведомств, но и контроль за сбором налогов. Иначе говоря, экономическая ВЧК обретает свой меч революции. Разумеется, в этом есть не столько признание проблемы, сколько свидетельство управленческой немощи правительства. Катастрофически беднело общество и разорялось государство. Классический механизм рыночного саморегулирования западного образца не мог справиться с неклассической, неакадемической российской реальностью массового казнокрадства, финансового плутовства и банковского жульничества, которые вкупе стали оттеснять государство и как собственника, и как управителя. И теперь бурлящие финансовые потоки правительство пытается уже силой вернуть в проложенное русло. Это если говорить образно. И дело не в том, хватает или не хватает жесткости еще одного вице-премьера - министра финансов Лившица. Просто всякое действие порождает равное противодействие. Безумная налоговая система породила систему сопротивления налоговому безумию. И она оказалась сильнее и изворотливее налогового прессинга. Фискальная налоговая политика - всегда политика силового давления. Продвигали Куликова под аккомпанемент вынужденного согласия Черномырдина - поступление налогов в казну недостаточно и наталкивается на сопротивление юридических и физических лиц. Премьеру дополнительный приводной ремень тоже нужен. Ельцин играет вразрез между Чубайсом и Черномырдиным. Он понимает, что Куликов никогда не будет стратегическим союзником Чубайса, и это Ельцина устраивает. Куликов нацелен на атаку и захочет получить доступ на территорию сверхмонополий, являются ли они финансово-промышленными группами или мощными банками. Там, считает Куликов, лежат невостребованные налоговые залежи. В этом смысле он скрытый оппонент и Черномырдина. А значит, и противовес ему.

И, наконец, гипотеза № 3. Куликов - силовая фигура, противостоящая Лебедю. Тогда, в ноябре 96-го, Ельцин отклонил рапорт Куликова об отставке, вызванный столкновением с Лебедем. Под давлением Чубайса, и не только его, Ельцин принял сторону Куликова.

Куликов получил одобряющие слова президента, а чуть позже и орден из его рук. Ну а Лебедь... Лебедь подал в отставку, покинув своего протеже генерала Родионова, который успел сориентироваться накануне отставки Лебедя и на всякий случай с ним повздорить по

поводу сокращения десантных войск, чем дал понять президентскому окружению, что он, Родионов, фигура самозначительная, а никак не карманный человек скандального секретаря Совбеза. Лебедь тут же откликнулся и назвал месяцем ранее хвалимого им же генерала "человеком зарапортовавшимся". Чуть позже, уже погрузившись в стихию общественного недовольства, бывший секретарь Совета безопасности отпустил злую шутку, адресованную Игорю Родионову: "Дедушка спекся". Так бесславно кончился теплый роман между генералом армии Игорем Родионовым и генерал-лейтенантом Александром Лебедем. Игорь с Сашей не поладили. Но вернемся к другому генералу армии - Анатолию Сергеевичу Куликову. Укрепляя позиции Куликова, Ельцин полагал, что укрепляет свои позиции на силовом пространстве. Уже ни у кого не вызывает сомнений, что одним из вероятных претендентов на будущее президентство окажется Александр Лебедь. И в этом случае Ельцина даже смутила откровенная поддержка позиции Куликова со стороны КПРФ. Ельцин взвесил все "за" и "против", а может, и не делал этого - отставка Лебедя была подписана в момент наиболее кризисного состояния президентского здоровья. И слова, произнесенные Ельциным в момент подписания указа, хотя и были засвидетельствованы всеми телекамерами мира, но произносились с большим трудом.

Диктатурность генерала, его очевидный вождизм напугали даже коммунистов. И Ельцин не исключает, что в случае выборов, обусловленных конституционными сроками либо досрочных, союз коммунистов и демократов против А.Лебедя вполне реален. Но все это в пересчете на настроение января и февраля. Март и так называемое "весеннее наступление", вызванное невыплатой заработной платы, все может изменить.

Первого марта на съезде своей партии "Российский общенациональный союз", занимающей прослоечное место в народно-патриотическом движении, Сергей Бабурин призвал общество к акции неповиновения власти, чтобы первым воспользоваться энергией слепого бунта. На этом съезде Бабурин раскритиковал соглашательство коммунистов, вождизм Лебедя, продажность демократов и разобщенность патриотов. Беда Бабурина, что вот уже пять лет, претендуя на лидерство, он никак не смирится с фактом своего личностного несоответствия с ролью, на которую он претендует.

Интересна еще одна деталь. Ровно через месяц после назначения Куликова слухи о возможной отставке Черномырдина обрели новый импульс. Такое совпадение редко бывает чистой случайностью. Может, никто и не собирается отправлять Черномырдина в отставку, но пригрозить необходимо. Это стиль Ельцина. И если все-таки...

Первого марта 97-го года, после завершения работы Межгосударственной парламентской ассамблеи, Егор Строев, отвечая на вопрос корреспондентов относительно его возможного премьерства, бросает примечательную фразу: он не очень серьезно относится к навязчивым слухам, пусть эту проблему - кому быть, а кому не быть - решает президент. И тут же развивает свою мысль: "Надо не стоять, а двигаться по пути реформ", что в продуманном контексте, бесспорно, является оценкой деятельности правительства.

Егор Строев - двойной дублер, на двух скамейках запасных. Во-первых, на президентской. Сверхвероятно, что Строев окажется на дистанции будущих президентских выборов. А во-вторых, на скамейке премьерской. Он, как и Куликов, бесспорно, будет поддержан, в случае выдвижения, Государственной Думой, чего никак нельзя сказать о Чубайсе. На последнем перегоне своего президентства Ельцину как воздух нужна сильная президентская администрация. Ему не захочется отпускать Чубайса, энергетический ресурс которого компенсирует угасающие президентские силы. Чубайс на своем посту главы президентской администрации достаточно страхует кадровую и экономическую политику правительства, хотя чисто формально опасается очевидного вмешательства, но вынужден к этому вмешательству прибегать. Таков расклад сил и настроений. Если Чубайс во главе правительства, то только и.о. премьера. Троекратное отклонение Думой кандидатуры, предложенной президентом, в итоге дает роспуск Думы и внеочередные выборы.

К выборам никто не готов: ни партия, ни правительство, но самое главное, экономика страны. Следовательно, Чубайс может появиться в должности первого заместителя как

человек, контролирующий весь блок экономических реформ. Но тогда его увольнение годичной давности выглядит полуидиотизмом. Чубайс может появиться в роли первого зама при Строеве, и это не более чем оттяжка очевидного конфликта, который непременно возникнет между премьером и его первым заместителем, хотя бы уже потому, что в правительственной кухне этот первый зам более сведущ.

26 февраля Егору Строеву исполнилось 60 лет. Сергей Филатов, посетивший Строева с поздравлениями, уехал в состоянии недоумения: "У меня было странное ощущение, что не я поздравляю его, а он меня. На прощание он обнял меня и тихо проговорил мне в ухо: "Будьте рядом". Интересная деталь, если учесть, что интеллигентный и бескорыстный Филатов, судя по всему, импонирует Строеву. А как же Лужков?! Он тоже поздравил Строева. Они тоже обнимались. И кто кому и что шепнул на ухо в этот момент? Черномырдин просто поздравил, просто обнял без шепота. А может, шепнул: не торопись. Изменения в правительстве, конечно же, произойдут. Вопрос в другом: сколь кардинальные и когда?

Правительство и президент обеспокоены грядущей весной. 6 марта, в пятницу, президент обратится со своим ежегодным посланием к парламенту. Уже сообщено, кто и как готовит послания и в какой последовательности работает конвейер идей и статистики. Интересно, что в команде как бы три составляющих: Гайдар и группа; правительство и группа; Чубайс и группа. А дальше обобщает президент. Одна из значимых особенностей данного документа, как свидетельствуют авторы, - строка отчетности правительства перед президентом и пофамильной ответственности конкретных лиц в правительстве за те или иные директивные меры и события. Увы, все это свидетельствует не о силе, а о слабости власти, когда атрибуты внутренней аппаратной стилистики обретают характер общенациональной политики.

Разговоры о кадровых изменениях, которые произойдут буквально на следующий день после оглашения послания президента, не утихают. Президент истолковывает эффективность своего правления по количеству отстраненных и "повешенных". В простонародной лексике этот маневр называется "выпустить пар". Президент пригрозил, стукнул кулаком, и обнадеженное общество вздохнуло с облегчением. Наконец-то!! А что наконец?! Уйдет, допустим, председатель Пенсионного фонда Барчук, ну и что?! Добавится средств в Пенсионном фонде?! Покинет свое кресло министр труда и плюс к нему министр здравоохранения? С чем там еще проблемы? Ах да, с армией! Покинет свой пост Родионов, придет Чичеватов, у которого развал в собственном округе. Или Николаев? Нет, Николаев не придет. Слишком тщеславен, интеллигентен и амбициозен. Это власти претит. Возможно, появится новый министр МВД. Это уже фигуры высшего пилотажа: усилить по должности и ослабить по существу. Думаю, что если и будет сделан этот ход по отношению к Куликову, то чуть позже. Вообще, процедура реструктуризации правительства и его обновление будет разбита на два этапа. До весеннего наступления оппозиции и профсоюзов, чтобы ослабить это движение и доказать, что президент - фигура реальная. А затем, после материализованного возмущения масс, тогда и жертвы будут более весомы - в стране может появиться новый премьер. Не следует забывать, что по истечении трех месяцев исполнения закона о бюджете Черномырдину придется отчитываться перед Думой. И Дума не хочет лишать себя шанса отправить правительство в отставку. И вот тут возникает сущностный вопрос. Останется ли Черномырдин значимой политической фигурой в случае своей отставки? И сможет ли после этого остаться на трассе президентских гонок?

Не надо забывать, что в окружении правительства, в банковской среде, среде финансово-промышленных групп вынашивается идея расчленения сверхмонополий, таких, как "Газпром", РАО "ЕЭС" (единая энергетическая система). Подобный шаг с точки зрения государства безрассуден. Для территориально необъятной России наличие единых систем транспортной, энергетической, топливной, системы связи и информации - это те факты выживания страны в кризисных ситуациях и ее продуцирующей значимости в ситуации нормальной.

Мы не всегда отдаем себе отчет, что эти системы, наподобие стальных обручей,

сохраняют многонациональную, многоукладную, многоязычную, разнопотенциальную страну как единое целое. Характерно, что на раздроблении, а значит, приватизации этих систем настаивает МВФ. И мы начинаем пятиться под этим нажимом. Мы рассекли нефтяной комплекс. Мы стали могучей нефтяной державой после этой операции? Нет. У нас просто возросли проблемы в нефтяной отрасли. Она не сделала технологического рывка. Она проедает запасы прошлого.

Наша внутренняя философия нелепа. Захваченные порывом раздела собственности, мы не можем остановиться. Мы почти уверены, что, рассекая сверхмонополии, мы увеличиваем их мобильность, повышаем конкурентность, а значит, и налогоотдачу. Плюс к тому, упраздняя зависимость государства от воли сверхмонополий. Отчасти так оно и есть. Но всегда надо сравнивать приобретенное с потерянным.

Украина пошла по этому пути и оказалась на грани энергетического кризиса, когда система энергообеспечения страной, раздираемая областными противоречиями и противоречиями частными, стала неуправляемой.

На сегодняшний день расклад сил в правительстве с каждым часом все более ориентирован не на политические силы, парламентские фракции, а на финансово-промышленные группы, проще говоря - политизированный капитал. Перераспределение собственности, то есть передел, в стране практически завершился. Этот передел осуществили конкретные политические силы. Разумеется, это есть главный результат экономической реформы. Собственность теоретически обрела экономическую свободу, простор, она в своей массе перестала быть государственной в полной объеме. Ориентируясь на законы саморегуляции рынка, Россия оказалась в чрезвычайно трудном положении. Это единственная страна такого масштаба, где вместе с уничтожением частной собственности была буквально выкорчевана и частнособственническая философия. И неудивительно, что передел собственности произошел, без чего не могло появиться рыночных отношений, а регулирующий рыночный механизм заклинило, и собственность в руках нового собственника не стала работать более продуктивно. Точнее говоря, ее продуктивность изменила станцию назначения, она уже не работает на государство, а, в случае продолжающего работать предприятия, обогащает, наращивает капитал конкретного лица, конкретного банка. Пример тому - история с главенствующим в мировом производстве никеля металлургическим комбинатом "Норильский никель" и "ОНЭКСИМбанком", который на залоговом аукционе, идею которого предложил президент банка, а ныне первый вице-премьер Владимир Потанин, естественно, выиграл. Аукцион, по сути, был подтасовочным, в нем участвовали несколько дочерних образований этого же самого "ОНЭКСИМбанка". Получился не аукцион, а пародия на него. Хотя все было освящено высокой идеей: не допустить чтобы западный капитал через подставных лиц скупил контрольный пакет акций. Эту высокопатриотическую идею высказывал в ту пору вице-премьер Анатолий Чубайс. Итак, Потанин добился своего и 51% голосующих акций был передан под залог "ОНЭКСИМбанка" за 170 млн долларов. Противник сделки, тогдашний президент РАО "Норильскникель" Анатолий Филатов, получавший поддержку у премьера Черномырдина и его первого заместителя Олега Сосковца, был отстранен от должности. И проблема не в том, что дела Филатова шли, мало сказать, скверно (7 триллионов долга, из которых 0,5 триллиона - по зарплате), а совсем в ином. К этому времени правительство уже находилось под контролем мощнейших финансовых группировок и дело было решено в их пользу. Сейчас, спустя два года, комбинат, находящийся практически в частной собственности, - на грани всеобщей забастовки с требованием профсоюзов остановить комбинат. Это равносильно краху. Безумное, внепредельное обогащение банка, который формально возглавляется ныне Сергеем Прохоровым, а практически им руководит и обеспечивает ему максимальное игровое поле первый вице-премьер Владимир Потанин, немыслимое ни для одного уважающего себя государства. Неминуемо обвинение в использовании служебного положения для личного обогащения, арест и суд. Неминуемо везде, но не у нас. Почему? Потому что были Сосковец в связке с братьями Черными и утрата контрольного пакета России над владением

собственным алюминием. Потому что есть "Газпром" и премьер Черномырдин, которого и поныне считают газовым королем России. И еще много "потому". В том числе "горячая семерка банкиров", которая помогла президенту переизбраться на второй срок. И теперь уже непонятно, кто у кого на службе.

Кстати, долг "Норильского никеля", оказавшегося в негосударственной собственности, растет, рабочие не получают зарплату, а 170 миллионов долларов, которые якобы получило государство за комбинат на том пресловутом залоговом аукционе, так и лежат в "ОНЭКСИМбанке" и дают ему хороший навар. "ОНЭКСИМ" является уполномоченным Центробанка России, так что неважно, где лежат деньги. Закон формально не нарушен. Ну а если забастовка на "Норильском никеле" перерастет в сверхугрозу, то банк за эти один-два года, выжав все до последней капли, получив на "Норильском никеле" более чем сверхприбыль, совершит хрестоматийный маневр. Дескать, залоговая акция не удалась. Профсоюз не дает работать, и мы возвращаем комбинат в собственность государства, и просим правительство вернуть данные государству под залог 170 миллионов долларов. У правительства денег нет, казна пуста. Комбинат, как металлургическое производство, останавливать нельзя, так как его запуск после остановки обойдется в 70% стоимости самого комбината. И правительство будет едва ли не умолять "ОНЭКСИМбанк" и лично Владимира Потанина взять комбинат в собственность. "Все, что угодно, только не тушите доменных печей". Вот что такое срастание власти и капитала в России. Если президент России не посмотрит под ноги, не разглядит, обо что он споткнулся, он неминуемо рухнет. И неважно, до или после истечения второго президентского срока.

Одно уточнение. Анатолий Чубайс считает своей личной заслугой факт назначения Владимира Потанина на должность первого вице-премьера. Как известно, это было условие, выдвинутое банкирами. Банки за оказанную финансовую помощь команде Ельцина на выборах требовали гарантий на будущее. И такой гарантией соблюдения их интересов должен был стать русский банкир (кстати, его национальность обсуждалась достаточно активно).

В связи с национальной ремаркой вспоминается эпизод моей встречи с Борисом Березовским в 1993 году. Березовский предложил мне акционировать ВГТРК. Встреча длилась более трех часов. Помимо меня и Березовского, в разговоре участвовала Елена Дмитриева, руководитель юридической дирекции компании. Мы не столковались, к этому времени процесс акционирования "Останкино" шел полным ходом и начинать нечто подобное в ВГТРК было попросту абсурдно. Как я сказал тогда: "Борис Абрамович, я приговорен защищать государственные интересы". Но особую краску нашей встрече придал внезапный монолог Березовского. Анализируя перспективы банковского дела в России, Березовский вдруг заявил: "Это возмутительно, банковская элита в Москве на 90% монополизирована евреями". При этих словах Бориса Абрамовича Лена Дмитриева слегка закатила глаза, а затем каким-то испуганным взглядом посмотрела на меня. Мне ничего не оставалось, как согласиться с этим "славянским" гневом Бориса Абрамовича и не менее темпераментно от себя добавить: "Черт знает что. Совсем обнаглели". И теперь, располагая информацией о том, где и как обсуждалась кандидатура Потанина, мне понятно, кем было сделано это уточнение: "Мы должны рекомендовать русского банкира". Отметая привычную предвзятость, не без улыбки добавим: в этом же правительстве одним из вице-премьеров без приставки "первый" стал министр финансов Александр Лившиц.

3 марта 1997 года умер академик Шаталин. На похоронах собралась вся экономическая элита, прошлая и настоящая: от Абалкина, Петракова, Богомолова до Явлинского, Гайдара, Лившица, Ясина.

Чубайса на похоронах не было. Горбачев был. Мы с Егором Яковлевым приехали чуть раньше. У каждого из нас были свои отношения с Шаталиным, длительные, скоротечные. Он одним из первых обосновал тупиковость экономического развития социализма и вскрыл глубину кризиса, в котором находилась наша страна, заговорил об этом вслух, погружаясь в гул возмущенных партократов. Он спровоцировал идею Явлинского, получившую название

"500 дней". То ревниво заявлял о своем соавторстве, или даже авторстве, то, чувствуя интенсивность атак, отмежевывался от этой программы. Ему нравились почести, и он был не чужд тихому самовосхвалению. Помню, с какой влюбленностью он повторял фразу известного не то американского, не то английского экономиста: "Чтобы оценить незаурядность российской экономической науки - достаточно назвать имя одного Шаталина". Он был удивительно добр и удивительно непостоянен в своих симпатиях и пристрастиях. Коммунисты и их лидеры речей у его гроба не говорили. Это были какие-то неосмысленные похороны. Наверное, потому, что его значимость осталась где-то на рубеже 90-го года, и его собственные ученики, сказав положенные при прощании слова, дальше этих лет его не пустили и старались не связывать с его именем свою повседневность, экономическую, дерзкую, не очень удачливую для страны. Я стоял в общей толпе, а за спиной слышал голос Абалкина: "Нет-нет, я буду с ним от и до. И на отпевании, и на панихиде, и на кладбище, и на поминках. Иначе нельзя. Понимаешь, - внушал кому-то Абалкин, - нельзя".

6 марта, 11 часов утра.

Президент выступает с ежегодным посланием Федеральному Собранию. Традиционно это происходит в Мраморном зале Кремля. Это было первое масштабное выступление президента после операции и последовавшей за ней болезнью. О предстоящем послании средства массовой информации говорили так, как если бы ожидался монарший манифест об отмене крепостного права.

Информация из якобы достоверных источников была насыщенна. Говорили о строгости послания, о его корректности, о его карающей направленности. И даже о расписании поездов и самолетов, в соответствии с которым отбудут новоиспеченные отставники и куда именно.

СМИ, как всегда, переусердствовали. Естественно, не по своей инициативе. Они тиражировали усердие аппарата власти. "Вот ужо появится царь, и тогда ... Полетят головы, ох полетят..."

Удивительная страна имеет удивительную власть, которой в радость царская плеть. Восторг, с каким премьер принимал жесткую критику президента в свой адрес, соглашаясь с ней и даже сокрушаясь, что ее было мало, напоминал поведение заядлых парильщиков в бане, когда один лупит другого веником что есть мочи, а тот кряхтит и довольно приговаривает: "А ну, поддай еще, еще... Хорошо-о-о-о..."

Нелепая ситуация. Масштаб критики со стороны президента беспрецедентный и вывод беспрецедентный: "правительство не в состоянии действовать без постоянных окриков президента". Так правительство критиковала только оппозиция. Казалось бы, финал очевиден - отставка правительства неминуема.

Это четвертый зал на моей памяти, слушающий послание президента. Мало что изменилось. Недоброжелательность зала обретает опасную устойчивость. Президент ни на йоту не приблизился к парламенту. В своем подавляющем большинстве парламент откровенно и скрыто враждебен президенту.

Настроение думской части зала напоминало парламент августа 1993 года. И президент своей речью напомнил мне президента 1993 года. Напористо наступать, а не расшаркиваться перед оппозицией. В целом послание сохранило реформаторскую направленность и было ориентировано на развитие рынка, но... Красная нить послания: порядок во власти, порядок в экономике, порядок в обществе. Сказать, что жесткая речь президента мобилизовала зал, объединила его... Вряд ли. Позиция оппонентов осталась неизменной.

Многим показалось, что настоящее послание правомерно назвать шагом совсем другого президента, более свободного и раскрепощенного в своих действиях, не отягощенного заботой сохранения власти, президента, нацеленного на будущее, на историю России, в которую он обязательно войдет как первый демократический президент.

Разумеется, страсти подогревались шквалом слухов о предполагаемых отставках в правительстве. Жестче других высказались "Известия": "Отставка Черномырдина - дело решенное". Затем слухи пошли внахлест. Предполагаемые жертвы нумеровались. Президент критиковал социальную политику, значит, приговорен первый вице-премьер Илюшин, а

вместе с ним и министр труда. Недоволен состоянием армии - значит, пора прощаться с Родионовым. Бастуют учителя - завис министр образование Кинелев. Под реорганизацию правительства спишут тех, кто недогружен: вице-премьера Фортова (он курирует науку); Лобова (он вообще непонятно чем занимается); Игнатенко, этот буфер между правительством и средствами массовой информации; Лившица, министра финансов, - этот виноват всегда и во всем. Чуть позже журналисты позволили себе задуматься. А почему собственно Черномырдин?

После трехдневной канонады по поводу "заслуженно павшего", с точки зрения одних, и "незаслуженно третируемого", по мнению других, премьера, Виктор Степанович смог передохнуть. Страсти по премьеру так же внезапно стихли, как и недавно вспыхнули. Это лишь доказывает, что власть научилась регулировать дезинформационные потоки. Заговорили о возможном пришествии Чубайса. Так или иначе, интерес к грядущему посланию возрастал. Все ждали, что обнародует президент в его тексте, как будет выглядеть то, что уже давно называли "коренной реорганизацией правительства".

В эти дни Черномырдин не дал ни одного интервью. Президент выдержал свой стиль - вплоть до 6 марта держал премьера в подвешенном состоянии. Расширенное заседание правительства, как продолжение процедуры вокруг президентского послания, состоявшееся через три часа после его оглашения, было назначено еще за два дня до этой даты. Значит, как раз два дня назад Черномырдин и вздохнул более спокойно, хотя, зная характер президента, мог ожидать всякого. Экспромт президента на трибуне мог сломать в одно мгновение любые договоренности.

6 марта в 11 часов президент появился в зале. Все поднялись. В этом была хитрость организаторов. Зная конфронтационные настроения в Думе (нельзя было исключить вероятность каких-либо выходок), распустили слух, что процедура начнется с исполнения гимна. Гимн исполнили в конце, а скандальности, связанной с наглым пренебрежением к главе государства, удалось избежать. Однако все же часть коммунистической оппозиции, едва поднявшись, тут же демонстративно опустилась в кресла в отличие от остальных.

Президент хорошо и четко произнес свою речь, на этот раз он не отклонялся от текста. Это было его первое после операции и болезни продолжительное выступление. Президент волновался и решил не рисковать с экспромтами. Походка была уверенной, голос непривычно сильным. Похоже выздоровел! Речь произвела впечатление. А может быть, не речь, а восстановившиеся манеры и стиль уверенного президента. Ельцин произнес последнюю фразу, раздались достаточно дружные аплодисменты. Первым встал Чубайс. За ним поднялся весь зал. А затем грянул гимн.

Никаких кадровых изменений президент в своей речи не огласил. Никакой пофамильной критики в его речи тоже не было. Это сделало посещаемость открытого заседания правительства буквально стопроцентной. Один из чиновников заглянул в зал как бы из-за кулис. "Весело, - сказал. - Аншлаг". Заседание правительства назвать историческим нельзя. Доклад Черномырдина был традиционным. Придерживаясь канвы послания, он усилил ее эмоциональную риторику в своем стиле: "Не успел президент подписать Закон о бюджете, как началось кликушество: "невыполнимый, невозможный". Возможный! - настаивал премьер. - Трудный, но выполнимый! Нам нужен такой бюджет! И мы его выполним!" - с усилием выговорил он.

Однако и премьер ничего не сказал о предполагаемых перестановках в правительстве. Зал, ожидавший сенсаций, почувствовал себя одураченным и окрестил заседание "говорильней".

И тем не менее откровений случилось больше чем достаточно. Наиболее сильным оказалось выступление губернатора Тюменской области Ракитского, которому раскритикованный на Совете Федерации премьер обещал дать слово первым. Премьер полагал, что Ракитский достаточно выговорился на Совете Федерации и здесь его речь будет более сдержанной. Но он ошибся. Ракитский коснулся стиля управления страной. Выступление получилось сокрушительным. Отношения федеральной власти с регионами -

это диалог глухого со слепым вот смысл его речи. Само проведение расширенного заседания правительства сразу после оглашения послания президента можно считать удобным по времени, но достаточно бессмысленным для правительства, которое через 3-5 дней должно претерпеть серьезные изменения. Возможно, так и будет, хотя маловероятно.

Тем не менее премьер спешил, как бы отвечая на слова президента. Примеряться и выжидать у него времени нет. Он знал, что он, Черномырдин, оставлен во главе кабинета, и это было для него главным. Гром грянул на следующий день.

7 марта 1997 года.

Президент подписал указ о назначении Анатолия Чубайса первым заместителем премьер-министра России и освобождении его от обязанностей руководителя президентской администрации. Реакция на новое назначение последовала немедленно. Коммунисты и ЛДПР, да и практически все оппозиционно настроенные силы отреагировали вызывающе отрицательно, пообещав президенту обострение ситуации, неспокойную весну и сокрушительное 27 марта - день, объявленный профсоюзами, как день Всероссийской забастовки, вызванной кошмарными невыплатами заработной платы и пенсий. Теперь уже нет сомнений, что забастовка превратится в основную политическую акцию коммунистов в марте.

Ельцин выбрал едва ли не самый острый и вызывающий кадровый ход. И это на фоне бесконечных требований оппозиции убрать краску под названием "Чубайс" вообще из палитры власти. Сначала Чубайса обвиняли в регентстве в связи с болезнью Ельцина. И президент всегда может сказать: вы требовали, чтобы он покинул пост главы администрации, я пошел вам навстречу. Разумеется, такой ответ выглядел бы почти издевательством, хотя формально он не лишен фактологической реальности. Ельцин сохраняет Черномырдина и, как ему кажется, прикрывает правительство слева. И все-таки, почему Ельцин сыграл на обострение? Желание наверстать упущенное по причине болезни? Бросить вызов Думе, которая не очень щадила президента, оказавшегося на операционном столе? Или вновь избранная тактика есть результат кропотливого анализа ситуации? Из чего следует, что после победы на выборах никакого анализа попросту не было, тогда преобладала иная точка зрения на ситуацию в целом. Не следует забывать, что два последних послания так или иначе были нацелены на компромисс. Предыдущее - на компромисс вынужденный. Состав Думы был подчеркнуто антиельцинским, коммунисты добились внушительной победы, и надо было по возможности без обострения добрести до президентских выборов. Игра в коалиционное правительство видимых результатов не дала. Именно на период этой компромиссной тактики оглядка на действия оппозиции привела исполнительную власть на грань краха. Давление финансово-промышленных групп, банковского капитала буквально раздавило исполнительную власть. Обслуживание сторонних интересов, в которых доля членов правительства была очевидной, едва ли не превратилось в стиль управления нынешней власти. Практически реформы остановились. Невыплата долгов по зарплатам и пенсиям обрела характер непреодолимого препятствия, с которым не в состоянии справиться власть. Идею компромисса на начальной стадии послевыборного периода, конечно же, предложил премьер. Понимая, что президент работает вполсилы, а чуть позже практически сосредоточился на собственной болезни и лишь формально участвует в управлении страной, Черномырдин избрал единственно верную тактику компромисса. На политическое противостояние при больном президенте, на обострение отношений с Думой у него не хватило ни сил, ни навыков, ни прав.

Второй, не менее важный вывод - Черномырдин вынужденно сближался с демократами. По существу, он с президентом имел похожее прошлое. Каждый из них прошел одну и ту же партийно-номенклатурную школу. Прошлый партийный ранг Ельцина был выше. Помимо прочего, это объяснялось еще и возрастом. После пятидесяти разница в 5-6 лет и малозначимая, и значительная. А уж тем более в должностном преклонении. Политическая среда Ельцина была неизмеримо более насыщенной, и его отношения с демократами и демократией имело свою историю. Ее осознанным финалом стала Межрегиональная группа

на Съезде народных депутатов СССР. Ельцин не побоялся, пусть стихийно, возглавить демократическое движение. Этого, как мы уже писали, не сделал Горбачев, посчитав его несостоявшимся, а значит, не способным обеспечить его личный политический успех. У Ельцина, в отличие от Горбачева, в тот момент, а это был конец 80-х, не было выбора: либо раствориться в политическом небытии, либо воспрянуть. Это было рискованно. Ельцин пошел на риск. И на тот момент, бесспорно, выиграл. У Черномырдина не было опыта политической борьбы, опыта политического противостояния, который и сделал Ельцина Ельциным. У него, как в прошлом у крупного номенклатурного чиновника в ранге министра, демократы своей излишней говорливостью и демократия, разрешившая эту болтливость, вызывали скрытое раздражение. И в разговоре с оппозицией он проще находил общий язык с Зюгановым и Рыжковым, нежели с Явлинским. В чем-то он был прав. У большинства ставших властью демократов не было в прошлом масштабного дела. Они, как правило, вошли в жизнь через науку, к каковой у практиков традиционное отношение как к чистоплюйской жизни.

Не будем лукавить, Гайдар и его движение поддерживают Черномырдина не за его собственную сущность, а потому, что за Черномырдиным, так или иначе, стоит Ельцин. Шесть месяцев компромисса, усредненной безреформенной политики не дали результата. Правительство в том составе, в котором сформировал его Черномырдин, получилось расфокусированным и, с точки зрения ответственности, в угоду чисто групповым интересам и пристрастиям, с неявным, но меркантильным уклоном и с точки зрения внутренней неконтактивности - отсутствием двух команд.

11 марта, вторник.

Обнародован еще один указ президента - "О мерах, обеспечивающих эффективную деятельность федеральных органов исполнительной власти". Указом утверждены два человека персонально - Виктор Черномырдин (председатель правительства) и Анатолий Чубайс (его единственный первый заместитель). Все остальные члены прежнего кабинета определены как исполняющие свои обязанности, но не утвержденные в новых должностях. Как принято говорить в таких случаях, кабинет министров завис. Формально члены правительства еще власть, а по существу уже не власть. Такое положение долгим быть не могло. Маневр имел точный замысел. В какой раз не без улыбки вспоминаю Сергея Шахрая - комбинация в его духе. Премьер прежний - значит, утверждения Государственной Думой не требуется. Отправить в отставку может и президент, не называя это отставкой и определяя свой замысел как реорганизацию кабинета. Если в результате кабинет обретет масштабное обновление, нелепым будет выглядеть демарш Думы в конце марта, ее желание снести правительство. Только начали работать в новом составе и вдруг... Всегда можно упрекнуть депутатов, что суть их не интересует, им нужен повод для политической конфронтации.

Серединная мартовская неделя. С 10-го по 17-е. Год 97-й. Чубайс уклоняется от встреч с прессой, общаясь с газетами и телевидением буквально на ходу - никаких обстоятельных разъяснений. На телеэкране Чубайс образца 92-го года. Чубайс - глава Госкомимущества. Чубайс - вице-премьер. Чубайс первый вице-премьер. Чубайс до изгнания. Чубайс в изгнании. Бездолжностной Чубайс в Давосе. Чубайс - руководитель предвыборного президентского штаба. Чубайс - изгонитель скверны. Пресс-конференция по поводу злосчастной долларовой коробки и отставки О.Сосковца, А.Коржакова, М.Барсукова. Чубайс - возвращенец, глава президентской администрации. Телеэпизодов не слишком много - но они есть.

Комментарии сегодняшнего дня на фоне очень прошлого, менее прошлого, рядом стоящего прошлого Чубайса. Все ждут. Все недоумевают. Премьер, уязвленный чрезмерным интересом к Чубайсу, пытается погасить ощущение чрезвычайности и желание у демократических средств массовой информации придать образу Анатолия Чубайса черты "Анатолия-спасителя", этакого экономического Жукова1 нашего времени. "Весь разговор о структурной реорганизации правительства затеял я", - говорит Черномырдин и называет точный срок, когда его предложения на этот счет были высказаны президенту, - конец

декабря 1996 года.

Значит, чрезвычайности никакой нет. Все выстраивалось заранее. Но один вопрос остается: почему правительство, провозглашенное Черномырдиным как правительство высоких профессионалов, столь скоро стало непригодным и потребовало коренной реорганизации? И почему эти самые профессионалы оказались непрофессиональными после того или вследствие того, что появились. А возможно, в правительстве компромисса, правительства смутной коалиционности нужны были совсем не профессионалы? Но так или иначе, все, в том числе и сам Черномырдин, признали, что полгода были бездарно потеряны. И никаких преимуществ, кроме частичного удовлетворения меркантильных интересов, команда, одержавшая победу на президентских выборах, не получила. Экономическая ситуация ухудшилась: спад производства продолжается, задолженность по зарплате сразу после выборов, вопреки обещаниям о полном и повсеместном погашении задолженности, стала катастрофически расти. Упрощая рассуждения, можно сказать: "Сейчас президенту нечего терять, он может себе позволить". Черномырдин, в отличие от президента, оказываясь вне правительства, может потерять все, разумеется, как человек вне власти и претендующий на власть большую.

Но вернемся к нашему неутоленному любопытству. Почему президент сыграл на обострение и из всех возможных вариантов выбрал самый непопулярный? Примерно так трактуют ситуацию политологи. Разумеется, сторонники Чубайса расставляют акценты по-иному, их анализ наступателен. Это усилит, повысит, дисциплинирует, придаст новый импульс правительству. Появятся новые люди. Ельцин понимает - у него нет выбора. Это последний шанс. И все-таки большинство аналитиков, если такие возможны в современных условиях, озадачены. Этим вызовом президента отношения с Думой совершенно очевидно, учитывая большинство нижней палаты, превратились в противоборство. Коммунисты, до сих пор отрабатывающие новую модель взаимоотношений с исполнительной властью, позволяли своему левому флангу шалеть, совершать скандальные наезды на президента в то время, как умеренные строили параллельно переправу на правительственный берег. Тезис коммунистов: с Черномырдиным можно работать, ему мешает президент. Уничтожение Чубайса выделяется в отдельную задачу. А потому принимаются немыслимые парламентские резолюции об устранении Чубайса, не имеющие никакой правовой цены, и действующие, скорее, как самораздражитель парламентариев. Чубайс депутатами воспринимается как наркотик, лишившись которого Дума утратит чувственную полноценность.

Чубайса действительно не любила среда простолюдинов. Его электорат группа просвещенной, приближенной к власти интеллигенции, группа, не слишком многочисленная. А еще банковская и предпринимательская даже не элита, а сверхэлита. И университетская молодежь, увидевшая, в силу молодости, в Чубайсе некий прообраз своего близкого будущего. Вот и все. В появлении Чубайса существует определенная выгода.

В случае конфликта есть кого убрать в первую очередь. Но дело не только в этом. Чубайса из президентской администрации вытеснили обстоятельства. Президент посчитал себя выздоровевшим и решил, что кремлевская команда, страхующая правительство, ему теперь не нужна. Все остальное он сделал сам. Насколько прав Ельцин и что из этого получится, мы непременно узнаем.

МАНЕВР

Любопытную точку зрения высказал Егор Гайдар. Назначение Чубайса в качестве первого вице-премьера - не самый жесткий вариант, который мог избрать президент. Столкнувшись с бесперспективностью и полной неспособностью правительства, сформированного в июле 1996 года, изменить экономическую ситуацию в стране к лучшему, президент понял, что только решительные и кардинальные меры могут переломить ситуацию. Выбор этих мер у президента был ограничен, тем более что эксперимент с якобы коалиционным правительством результата не дал. Президент мог избрать классический парламентский вариант. Формирование правительства поручается лидеру большинства в Государственной Думе. Но в наших условиях довлеющей президентской власти это

маловероятный вариант. С президента достаточно прокоммунистической Думы.

Сделаем ход от противного. Президент меняет премьера и возвращает кадровую ситуацию к 1992 году. Те, кто начал реформы, обязаны их вывести из прорыва. Вот самый радикальный президентский ход. Ельцин от него тоже отказался, хотя и разыграл комбинацию, близкую по духу этому варианту.

Ельцин сохранил премьера, который в меньшей степени раздражает Государственную Думу, нежели основная масса его заместителей, включая Чубайса, Коха, Уринсона.

Интересно, что, выступая в пятницу в Думе и отвечая на вопрос, кто инициировал появление Чубайса в правительстве, премьер безапелляционно заявил: "Его предложил я!" Пытался ли этим ответом Черномырдин слегка разрядить конфронтацию, возникшую между Ельциным и думским большинством? Возможно. Хотя доподлинно известно - Черномырдин был против январского 96-го года решения об отставке Чубайса.

Чуть ранее, во время беседы, которая случилась у меня с премьером, Черномырдин едва ли не с восхищением говорил о том, как изменился Чубайс, как он приблизился к реальным проблемам, как он прибавил. Маловероятно, чтобы спустя 2-3 недели Черномырдин стал инициатором отставки Чубайса. Чубайс нашел ключ к Черномырдину. Черномырдин же оценил способности Чубайса, его фанатичность в достижении цели, экономическую эрудицию и организаторский талант. Не мог не просчитать Черномырдин еще одной особенности ситуации. Разумно держать рядом с собой магнит, который притягивает к себе неудовлетворенность общества и обывательское раздражение по поводу проходящих реформ. И Черномырдина устраивало, что президент своим указом поднял должностной уровень Чубайса. На "обыкновенного" вице-премьера ничего не свалишь в случае неудач. А первый вице-премьер, отвечающий за экономическую политику и финансы, фигура ключевая. Не случайно, что Черномырдин практически никак не отреагировал на малоприятные для него, если не оскорбительные, оценки, высказанные политологами на страницах средств массовой информации: "Регент поменял место работы, но не отказался от идеи регентства". Управлять правительством, по существу, будет Чубайс, а Черномырдин для Чубайса прикрытие, политический щит. Мавр сделал свое дело. Черномырдин, верный своему непубличному стилю, решил схитрить, перетерпеть эти колкости. Не возмущаться, не опровергать. И не ошибся. Президент среагировал. Баталии по реорганизации правительства были достаточными и затяжными. До отъезда Ельцина в Хельсинки на переговоры с Клинтоном принципиальные изменения в правительственном кабинете должны быть объявлены. Дискуссия была и взрывной, и вязкой. Расходились за полночь. В правительстве неминуемо образовывалось два ядра, но не исподволь, когда бы непредсказуемо сгруппировались ранее незнакомые люди, а волей президента, давшего Чубайсу максимальные полномочия.

14 марта в пятницу на встрече с руководителями СМИ, Ельцин фиксирует формулу управления будущим правительством - "1+1+4". "Премьер, единственный первый вице-премьер и еще четыре простых заместителя премьера". Что могло измениться, чтобы к 17 марта (то есть спустя всего лишь субботу и воскресенье) якобы сложившийся замысел практически в корне изменился? Ничего. Надо не столько знать, сколько понимать нашего президента.

Ельцин применил, как принято говорить, домашнюю заготовку. Он еще раз подтвердил: меняется внешность президента, меняется состояние его здоровья, но стиль и привычки президента остаются неизменными. Ельцин использовал апробированное оружие - противовесы. Попробуем угадать, прочертить линию его размышлений, предшествующих появлению Чубайса в правительстве. Отложим в сторону заботы Ельцина о своем историческом будущем, о судьбе начатых им реформ, иначе говоря, отложим в сторону романтические и философские предрасположения Ельцина. Чубайс, это мобильный реформаторский противовес умеренному, компромиссному Черномырдину, человеку, прошедшему школу партийно-советского управления. Не лишен этого духа и сам президент. В постсоветское время правомерно сказать: "Все мы вышли из большевистской шинели". Непростое обсуждение новой модели правительства и равно его формирования убедило

Ельцина, что даже при видимом согласии трения и противоборства группировок, возглавляемых премьером и его первым заместителем, не избежать. Слабость правительства, рассуждает далее Ельцин, в его оторванности от регионов даже чисто биографически. Правительственный корабль перегружен пусть и профессиональными, но непопулярными в обществе фигурами. На фоне проруганного вдоль и поперек Чубайса Черномырдин более приемлем, воспринимаем без восторга, но без отторжения.

Ельцин делает, как многим кажется, неожиданный ход: он вводит в игру еще одну знаковую фигуру - своего любимца, губернатора Нижнего Новгорода Бориса Немцова, сумевшего добиться победы на повторных региональных выборах. Борис Немцов - губернатор-демократ, а это значит - Ельцин остается в поле своих демократических воззрений. По своим политическим симпатиям Немцов находится где-то между Явлинским (в прошлом они были друзьями), Гайдаром и самим президентом. В правительстве, по замыслу Ельцина, Немцов получает равные полномочия с Анатолием Чубайсом. Возникает вопрос: кто выиграл в этой комбинации: Чубайс, Черномырдин, Немцов? Никто. Выиграл президент. Действие выдержано в стиле классической интриги. В этом жанре за последние годы президент преуспел основательно. А раз это его пристрастие проявилось еще раз, можно сказать с уверенностью - президент почувствовал себя здоровым. Выдвижение Немцова имело еще один оправдательный довод. По словам самого Немцова, ему назначают расстрельную должность - вице-премьер, курирующий социальную сферу.

Его предшественник на этом посту Виктор Илюшин не устоял. И не мог устоять. Плавание в закрытой кремлевской заводи, изобилующей хищной живностью, сверххолодными и сверхгорячими подводными ключами, не дает лоцманских навыков плавания в открытом штормящем море. Не всякая тень даже сверхзначимой фигуры способна материализоваться в явление весомое, продуктивное и самостоятельное. И дело не в поездке на горнолыжные курорты в Швейцарию, что позволил себе отпускной Илюшин и что якобы возмутило сановные и не сановные лица. Да и ездил в Швейцарию Илюшин вряд ли для обретения навыков высококлассного горнолыжника. Кто-то зло пошутил вдогонку: поехал проверить прочность банковской системы. Давайте предположим, что Ельцин понял: предполагаемая реформа коммунального хозяйства страны - реформа, затрагивающая буквально каждого гражданина, каждую семью, не будет популярна. Именно поэтому ее должен проводить достаточно смелый, вызывающий симпатии у сограждан, узнаваемый человек, если такой окажется и согласится нести этот утыканный гвоздями крест. И еще. Подобную реформу может проводить человек, профессионально знакомый с принципами коммунального хозяйства. Любой губернатор засыпает и просыпается с этими проблемами. Второй правительственной зоной Немцова значились естественные монополии, от вседовлеющей власти которых больше всего страдали регионы. Произошло деление олигархического пространства. Банковский пул замкнулся на Чубайсе. А в царстве естественных монополий президент утвердил царствовать Бориса Немцова. Значимость будущих подчиненных новому куратору в буквальном смысле этого слова вскружила голову. Его реформаторский энтузиазм едва ли не мгновенно обрел масштаб угрожающий. Но это все случится позже. Человек из нутра страны, неплохо исполнявший свое губернаторство в одной из самых перспективных территорий России, человек, бесспорно, тщеславный, здесь более уместен. Так просчитал ситуацию Ельцин. Хотя, и это немаловажный факт, Немцову уготована судьба провинциала в столице, и тут уж ничего не поделаешь. Этой судьбы не способна изменить даже игривая находчивость Немцова, вынудившая президента называть Нижний Новгород третьей столицей России. Ельцин остается прагматиком во всем, и в интриге тоже.

Два нерабочих дня полностью изменили диспозицию. На встрече Ельцина с Черномырдиным и Чубайсом во вторник, 18 марта, где президент объявил о своем решении по поводу Немцова, и тот и другой поспешили оценить это решение президента как решение сверхудачное, почти гениальное и почти судьбоносное. Президент провел скрытый маневр. Главное - расширить поле ревности: кому больше доверяет президент? Теперь остается

гадать: с кем вы, губернатор Нижегородской области, с Чубайсом или Черномырдиным? А может, вы затеваете свою собственную игру? Пожалуй, рано еще, нет приводных ремней.

"Я с Ельциным!" - отвечает бывший губернатор. Президенту приятно, президент улыбается. Эту часть партии он провел безукоризненно. Кардинальная реорганизация правительства в отставочном варианте делает неэффективными политические требования политической забастовки, назначенной независимыми профсоюзами на 27 марта (правительство в отставку) - отставка состоялась. Изменение и корректировка правительственного курса объявлена. Бесспорен и другой результат. Апрельское голосование в Думе с вынесением вотума недоверия правительству тоже малосущностно. К тому времени почти полностью измененное правительство проработает всего один месяц. Объективно необходимая политическая пауза выиграна. Весеннее наступление оппозиции лишается побуждающего импульса. Бунт переносится на осень. Летом даже оппозиция занимается огородами.

Как сообщают западные корреспонденты, назначение А.Чубайса на должность первого вице-премьера повысило котировку акций на биржах ценных бумаг. Международный валютный фонд приветствовал назначение Чубайса на ключевой пост в правительстве. На первой же встрече с отечественными банкирами Чубайс якобы заявил (свидетельство одного из участников встречи А.Смоленского): "Игры в своих и чужих не будет". Поверим банкиру. Возможно, так оно и было.

20-22 марта президент в Хельсинки. Первая, после переизбрания двух президентов на второй срок, встреча Бориса Ельцина с Биллом Клинтоном. Главный итог - выражение "мой друг Билл" в употреблении сохранилось. История с расширением НАТО на восток началась не сейчас. Практически это логическое продолжение распада СССР. Нам еще долго будет икаться и напоминать о себе это событие.

Можно сказать, что в XX веке мир пережил четыре потрясения: Первая мировая война, Октябрьская революция, Вторая мировая война и на закате века - распад коммунистической империи. СССР перестал существовать. Шестая часть суши превратилась в седьмую под названием Российская Федерация. Все остальное, произошедшее в XX веке, значимо, сверхзначимо, но несравнимо с этими событиями для миропорядка на планете. Неприятие расширения НАТО на восток объединило все разномастные силы России: от леворадикальных коммунистов до праворадикальных демократов.

Ельцин вернулся из Хельсинки в приподнятом настроении. И дело даже не в сдержанной успешности переговоров, которые средства массовой информации, ориентированные на президента и правительство, с упреждающим напором трактуют как прорыв в двусторонних отношениях и перелом в отношениях с НАТО. Россия получила гарантии. Расширение НАТО на восток уже остановить невозможно. Это следует признать как данность. А вот размещаться атомное оружие на территории вновь вступающих стран не будет. И далее что-то маловразумительное о неразмещении обычных войск и вооружений, хотя последнее произносится скороговоркой, без необходимых уточнений.

По поводу якобы договоренностей между Ельциным и Клинтоном еще будут спорить. Достаточно ли президент России отторговал у неизбежности? НАТО двинулось на восток. Признать эти шаги альянса бескорыстными и безопасными не позволяет менталитет и геополитическое положение России. Да и нелепо продуцировать политическую наивность. Подписание соглашения, гарантирующего особые отношения НАТО с Россией до международной встречи и подписи пятнадцати ведущих НАТОвских членов под этим документом делают, по замыслу Клинтона-Ельцина, этот документ своеобразной хартией, имеющей юридическую силу.

И тем не менее не проблемы взаимоотношений с блоком НАТО, их решение или прояснение, стали главным результатом этих трех дней. На встрече была одержана психологическая победа совсем другого характера. Ельцин сумел себя засвидетельствовать работоспособным, деятельным президентом, продемонстрировать неплохую и даже цепкую реакцию в общении, как во время переговоров, так и за их пределами. Выздоровление

президента уже не факт информационных догадок, а факт житейской реальности. Никаких скидок на умеренный рабочий режим. Если они и были, то в расчете на недавнюю коленную операцию президента Клинтона и неудобства с его перемещением. Имиджмейкеры перешли в атаку. Российский президент в Хельсинки отдавал западностью манер и большой изысканностью костюмов. Американцы выглядели безалабернее. Все логично - сильному наплевать на манеры. СМИ не уделяли никакого внимания президентскому кортежу, и никогда свита короля не была так продуманна и функционально задействована в спектакле. Десяток интервью, поразивших немногословных финнов, на фоне малообъяснимой эмоциональной скупости американской команды.

В дело шло все: от якобы реплики Примакова во время переговоров, когда госпожа Олбрайт высказала несогласие по одной из позиций, по которой с Клинтоном уже удалось договориться, на что Е.Примаков своим скрипучим голосом заметил: "Кто возглавляет американскую делегацию - президент США или государственный секретарь?" Клинтон продемонстрировал обворожительную улыбку и подтвердил, что делегацию США возглавляет все-таки он. Российскими средствами массовой информации, сверхлояльными к Ельцину, это было подано как маленький подвиг команды.

Похоже, что дочери президента и ее сверстникам, оказавшимся рядом с Ельциным, удалось изменить сложившийся президентский стереотип. Впрямую дочь Татьяна оказывала влияние не на президента Бориса Ельцина, а на отца, Бориса Николаевича Ельцина, и делала это достаточно умело, со всей полнотой используя любовь отца к младшей дочери и доверие к ней. Татьяна Борисовна достаточно послушно передавала президенту то, что внушала ей та самая изменившаяся команда, которой она симпатизировала и появлению которой она способствовала. Состав команды был разнохарактерен, но близок в возрастном рисунке: Юмашев, Березовский, Шахрай, Зверев (заместитель Гусинского), Асмолов, Малашенко, Лесин, ну и, разумеется, Чубайс. Хотя Анатолий Чубайс, а чуть позже и Борис Немцов - никак не семейная предрасположенность.

Появление дочери президента Татьяны в большой политике в качестве теневой фигуры, разумеется, есть результат выстраивания всевозможных комбинаций отношения с президентом его собственного окружения. И неважно, кто первый сказал "а": Юмашев, Березовский или Чубайс. Болезнь Ельцина приблизила дочь на максимально возможное расстояние. Ельцину нужна была эта подсказка, он ждал ее. Надо было, чтобы идея возведения дочери в ранг президентского помощника принадлежала не отцу. Ельцин выдержал положенную паузу сомнения, а затем согласился. А пока, заметим, здесь, как никогда, опасен переход количества в качество. Ельцин внушаем. Это утверждение и справедливо, и спорно. Что не смогла сделать жена, сделает дочь. Наина Иосифовна, супруга президента, женщина мягкая, внимание ее акцентировано на семью. Вряд ли ее советы, выходящие за пределы семейных коллизий, значимы для президента. Не надо долго разглядывать семейные фотографии, сопровождающие всевозможные издания. Некое стартовое равенство образований и впоследствии явно выраженное жизненное лидерство мужа, погруженного сначала в мир хозяйственной, затем партийной высокоранговой деятельности, разделило миры, где значима супруга и где значим муж. Другое дело дочь. Она может быть ближе к матери либо к отцу, но как младшей ей положено быть любимой, оказываться посередине между матерью и отцом.

ГАДКИЙ УТЕНОК

Еще неизвестно как сложатся дела у Немцова на новом месте работы, а соавторов его выдвижения более чем достаточно. Первым по этому поводу высказался Егор Гайдар, посчитав, что для первопроходца вполне достаточно того факта, что в преддверии президентских выборов 96-го года именно он, Егор Гайдар, почувствовав неминуемый раскол среди демократов, предложил не лишенный хитрости ход. Гайдар назвал Бориса Немцова как единого кандидата для демократов. Гайдар, конечно же, знал, что предложение достаточно спонтанное и оно вряд ли будет поддержано. Но тем самым Гайдар атаковал своего оппонента по демократическому лагерю - Григория Явлинского, предлагая тому во имя

объединения снять свою кандидатуру в пользу своего соратника. Тем более что Нижний Новгород Явлинский по праву считал своим оплотом. Ему как экономисту там кое-что удалось. Но Явлинский жертвоприношения не принял. На тот момент предложение Гайдара выглядело даже отчаянным, не имеющим с точки зрения ближайшей стратегии никакой перспективы.

Разумеется, Гайдар это понимал, но он решал совсем другую задачу. Под флагом объединения он скрыто атаковал своего оппонента по либерал-демократическому фронту.

Ныне, в марте 97-го года, Гайдар об этом напомнил. Это получилось очень кстати. Гайдар не скрывал своего участия в подготовке президентского послания, его принципиальных экономических направлений. Тем более что исполнение части этих идей в новом правительстве поручалось именно Борису Немцову: борьба и реорганизация естественных сверхмонополий, реформа коммунального хозяйства (два источника реформирования которых, с точки зрения идеологов макроэкономики, дадут казне недостающие средства). Будет покончено с беспределом тарифов, которые сверхмонополии завышают по своему усмотрению.

Не впрямую, но косвенно утверждается, что идею приглашения Немцова в правительство высказал Анатолий Чубайс. Но вместе с тем установлен факт срочного выезда в Нижний Новгород Бориса Березовского и дочери президента Татьяны Дьяченко. Что это, совпадение? Или Борис Абрамович тоже инициатор назначения Бориса Немцова. А может, он летал в Нижний как порученец президента? В этом случае, с учетом поездки в Нижний Новгород дочери президента, приходится признать факт беспрецедентного влияние Березовского на Семью. Теперь уже ни у кого не вызывает сомнения, что административный пост Бориса Березовского как заместителя секретаря Совета безопасности подсказан не банкирами и уж тем более не Чубайсом, и даже не угодливым Рыбкиным. Это инициатива семьи Ельцина, как некая плата за некие услуги, оказанные президентской семье. Очевидную взаимосвязь таких событий отрицать сложно. Разумеется, повторная победа Ельцина на выборах сыграла свою роль. Все без исключения лица, связанные с Березовским, и не только с ним, в послевыборный период проявляют возросшую агрессивность, самоуверенность и даже наглость в заявлении своих прав на власть. А власть, повязанная и зависимая, начинает медленно пятиться. Это не образ, это реальность.

Академик Вячеслав Всеволодович Иванов, один из образованнейших людей нашего времени, по поводу современной власти устало заметил: "Нынешние политики не внушают особой симпатии. Из-за этого мы как-то не встраиваемся в них. Они кажутся чем-то малопродуктивным".

И еще на ту же тему: "Люди власти слишком думают о себе. Незаинтересованный политик, который действительно занят общим благом, редкость. Именно поэтому власть должна сильно считаться с носителями разума". Последние слова хотя и вещие, но из категории интеллигентствующего идеализма. Впрочем, мы отвлеклись.

Нарастающее влияние Березовского на семью президента обретает навязчивый характер. Это не имеет ничего общего с влиянием Бурбулиса в 91-92-м годах или влиянием Коржакова, начиная с 90-го и по 96-й год. Вспомните, как отреагировала на отставку Коржакова президентская семья устами жены президента. Отставка Коржакова воспринималась едва ли не как семейная драма, хотя мало кто сомневался, что Коржаков угодил в капкан, поставленный на президентской тропе, по которой он прогуливался, как по тропе собственной. И капкан этот поставили до очевидности люди свойские: Борис Березовский, Валентин Юмашев, в меньшей степени свойский Анатолий Чубайс и не последний член президентской семьи - младшая дочь Ельцина Татьяна. Наверное, дети непослушны всюду, и в президентской семье тоже. Или влияние Шамиля Тарпищева, тренера президента по теннису, который считался сверхсвоим и который гордился словами Ельцина, сказанными однажды на собственном дне рождения самим президентом: "Кому-то я доверяю больше, кому-то меньше, а кому-то всегда", - и при этом подтолкнул дружески Тарпищева. Проникновение Березовского в ткань околопрезидентской среды оказалось более

рациональным и продуктивным. Березовский помогает в бизнесе мужьям дочерей президента. Последнее громкое подтверждение успешности Березовского - история с Аэрофлотом, когда маршал авиации Евгений Шапошников, возглавлявший эту авиакомпанию, был переведен (а точнее, отстранен) на должность помощника президента по вопросам авиации и космонавтики, должность придуманную и пустую. Дело в том, что контрольный пакет акций акционерного общества "Аэрофлот" в руках Березовского. Березовский убирает Шапошникова и способствует выдвижению на его место зятя Ельцина Валерия Окулова, для убедительности аттестованного профессиональным летчиком, и это правда, но...

Еще одно маленькое совпадение. Внук президента и дочь Юмашева (ныне главы администрации президента) учатся в одном и том же английском колледже. Кстати, именно в Англии особенно сильны связи Березовского в финансово-предпринимательском мире. Последнее, разумеется, чистая случайность, но случайность знаковая. Но оставим Березовского в покое. У нас еще будет повод поговорить о Борисе Абрамовиче более пристально и объемно.

Ныне трудно удивить читателя невероятными фактами. Если компромат перестает быть журналистским открытием, а становится фактом повседневной политики власти, ее информационным оснащением, то следует признать, что в России произошел информационный переворот, когда вторая среда информации (слухи, домыслы, запрограммированный обман) заняла роль первой, а значит, масштаб недоверия к СМИ достиг угрожающих размеров.

Средства массовой информации, разумеется, это факт культуры, духовности, интеллектуального обновления страны. Но прежде всего и самое главное: средства массовой информации - это механизм управления страной. Эта ремарка не случайна. Она имеет прямое отношение к происходящим в России событиям.

И все-таки главным автором идеи о выдвижении Немцова остается сам президент. Были у Немцова сомнения? Разумеется, были, но эгоцентризм оказался сильнее. Да и авторство президента, как не что иное, распалило немцовское тщеславие - Сам позвал. До последнего момента Немцов был неприкосновенным запасом Ельцина, его резервом. Выстраивая свои отношения с демократами, Ельцин совершил одну непоправимую ошибку: он не создал кадрового резерва. Он доверился младореформаторам, которые проповедовали свою самодостаточность и во всяком резерве видели конкурентов.

Все ли очевидно в назначении Немцова? Конечно же, нет. Президент верен излюбленной тактике. Он вводит в игру при видимом равновесии между Черномырдиным и Чубайсом третью силу. Что это значит? А вот что. Наличие некоего равенства Черномырдин-Чубайс Ельцина и устраивает, и не устраивает. Да, команда, сформированная Чубайсом, команда, нацеленная на прорыв. Да, команда реформаторов гайдаровского толка, а Чубайс - заглавная фигура этой команды - готовили совершенно новую модель президентского послания, главные положения которого легли в основу программы реформированного правительства. Исторический замысел - остаться в памяти России в роли реформатора - стал угасать. Мы уже не говорим о роли президента, сумевшего довести реформы до конца. Сочиняется наспех другая роль президента, не позволившего захлебнуться реформам, исключившего откат назад. Президент понимает, что смена Черномырдина на посту премьера сейчас малореальна и ему не нужна. У него впереди три года. И не так много запасных вариантов - один, ну, может быть, два. Они - последний резерв Ельцина. Они не менее конфликтны, чем вариант с Чубайсом и не обещают спокойной жизни, но они есть, и он намерен был их придержать на будущее.

Чубайс на ключевой роли в правительстве усилит конфронтационные настроения в Думе. "Это несомненно, - соглашался Ельцин. - Думу я беру на себя. Задача правительства - переломить ситуацию". С точки зрения управленческого маневра, шаг не бесспорный, но перспективный.

Оставляя на игровом поле исполнительной власти Черномырдина и Чубайса, Ельцин

рисковал оказаться в положении третейского судьи, когда либо та, либо другая группа стала бы требовать его вмешательства, используя всевозможные рычаги давления на президента. Известна жизненная философия управленца Ельцина. "Если на предприятии конфликтуют директор и главный инженер, раз и навсегда сделай для себя вывод: бессмысленно искать правого и принимать сторону кого-либо из них. В конечном счете все равно проиграешь. Самое разумное, как первому, так и второму найти другую работу". Но одно дело завод, другое - страна.

Появление Немцова в правительстве с правом беспрепятственного входа к президенту, а при назначении тщеславный Немцов оговорил это условие, как бы изменило диспозицию в корне. Ельцин создает ситуацию, при которой каждая группировка в правительстве не сможет существовать сама по себе, а будет вынуждена объединяться, по крайней мере, с одной из трех. Значит, в правительстве всегда будет большинство.

Не менее значимо и другое - прессинг Думы по отношению к Чубайсу ослабнет. Новое правительство, в котором на определяющих позициях оказались уже три региональных лидера (Немцов, Сысуев, Тулеев), никак не назовешь чисто московским. Если не Дума, то Совет Федерации не может этого не оценить.

Особую привлекательность переменам в правительстве придает его резкое омоложение - чисто психологически это работает на популярность правительства в самой деятельной возрастной категории общества - 35-45 лет. Изменение шкалы возрастной доступности во власть для России дело непростое. Россия - страна консервативных традиций, и в ней наиболее уважаема власть умудренная. Вливание молодой крови по Ельцину - доказательство, что реформы сотворили новую генерацию управленцев. Ельцин упрям и поэтому в своих заблуждениях устойчив.

Первым кадровым решением Немцова на новом посту было требование поставить на должность первого заместителя РАО "ЕЭС", которая ныне возглавляется Дьяковым, своего человека. Им оказался Борис Бревнов. Ему 28 лет. Даже если учесть, что этот молодой человек окончил вуз, будучи 22-летним, то пятилетний опыт обыкновенной, но никак не обширной управленческой деятельности вряд ли достаточен для того, чтобы возглавить главную сверхмонополию страны. Время покажет, насколько справедливы наши опасения.

Предложив кандидатуру Бориса Немцова, Ельцин прекрасно понимал, что это ход не столько непредсказуемый, сколько внезапный. И участники общей политической интриги не успели к нему подготовиться. Немцов может оказаться молодцом, но может и сломаться. Что же в этой интриге, если она даже кем-то и подсказана, чисто ельцинского? Вообще президент, скорее, тактик, стратегия - его уязвимое место. Не случайно его собственное признание, что он лучше себя чувствует в экстремальных ситуациях, нежели в спокойно протекающей повседневности. Повторное президентство, как президентство последнее, вынуждает Ельцина приспособиться к стратегическому мышлению. Это не просто, тем более что почти все окружение Ельцина сформировано для решения чисто тактических задач. Людей с перспективным мышлением в президентском окружении практически нет. Подобный рисунок власти не злая прихоть президента, а состояние кризиса, в котором уже шесть лет пребывает страна. Самыми драматичными в этом случае, требующими немедленных решений, оказываются проблемы текущего дня. И тем не менее обстоятельства заставляют Ельцина обращать свой взор в ближайшее будущее.

Ельцин еще раз решает разыграть композицию - мой преемник. Хотелось бы мягкого, неконфликтного перехода власти из рук в руки. Немцов -неплохой вариант в этом смысле. Обаятелен, коммуникабелен, насыщен идеями, молод. Да и внешне красивый мужчина. Говоря прежними категориями: в связях, порочащих его, не замечен. Излишне романтичен, влюбчив и самоуверен. Но это пройдет. Так бывает, когда слишком рано, еще в молодых годах, становишься большой властью. Нацелен на борьбу с коррупцией, с привилегиями. Он, Ельцин, тоже с этого начинал. А Лукашенко, при всей своей неадекватности, на этой волне стал президентом Беларуси. Попробуем продолжить или домыслить президентские рассуждения на эту тему.

"Черномырдин, скорее всего, президентскую высоту не возьмет. Слишком велик груз повседневных бед. А премьер в этих бедах всегда крайний. Долголетнее, лишенное значительных успехов премьерство делает его шансы минимальными. Чубайс нереален. Строев возможен, но о решительности реформ тогда придется забыть. По сути, Строев - фигура близкая по стилю к Черномырдину. Строев человек компромисса. А компромисс противопоказан ускоренным реформам. А на медленные у России нет сил. Всякая постепенность перемен в России обречена. И Витте, и Столыпин, и даже Косыгин были сторонниками кардинальных реформ, а не изменений вялотекущих. (Тут мы явно переусердствовали. Наш президент не предрасположен к историческим изысканиям, и фамилия Сперанского его может озадачить очень надолго.)

Лужков кандидатура очевидная. Я его спросил на своем дне рождения: "Зачем вы занимаетесь регионами?" Растерялся, зачастил словами, дескать, там, где побывал Лужков, проголосовали за Ельцина... Ничего подобного! Не любят в России Москву. Заелась, богаче других живет. Получается, что успех московского мэра его главный враг. Глупость. Конечно, но такова Россия. Еще Коржаков меня предупреждал: Лужков повязан. Трофимов1 не один том сочинил. Лужков работает на себя. Я не поддержал Коржакова, но это не значит, что все, сказанное им, вымысел. Регионы могут не пропустить Лужкова, а он самый сильный соперник и для Лебедя, и для Зюганова. Говорят, Лужков один из самых богатых людей в Москве. За счет чего?! Разумеется, так утверждают политические противники Лужкова. Настоящий хозяин не имеет права быть нищим. Где-то я слышал эти слова. Правильные слова. И все равно, Лужкову будут мешать. Шираку понадобилось четыре захода, чтобы стать президентом Франции. Он был соперником Помпиду, затем Жискар Д'Эстена, затем Миттерана. Всюду завидуют столице. Лужкову будут противодействовать - желай я того, не желай - и Черномырдин, и Чубайс. Значит, Лужкову придется воевать на два, а то и на три фронта. И против федеральной власти, и против регионов. Себя потопят и ему не дадут выиграть. А в результате к власти придет А.Лебедь. Значит, я прав - надо готовить, подталкивать Немцова. Он всех заставит потесниться: и Черномырдина, и Лужкова. У демократов появляется устраивающий если не всех, то большинство лидер. Возникает реальная возможность объединения демократов. Более сговорчивым может оказаться и Явлинский. Все-таки они достаточно близки с Немцовым. Значит, есть шанс оттеснить Лебедя и Зюганова.

А во втором туре объединить все силы и одержать победу либо вокруг Лужкова, либо - чем черт не шутит - вокруг Немцова. Со Строевым демократы могут не столковаться. Хотя Строев подчеркнуто поддерживает президента. Он, разумеется, центрист".

Ельцин мог и не произносить подобного монолога в марте 97-го года, но он его неминуемо произнесет позже, когда наверняка уже не в первый, но уже и не в последний раз мы будем выдыхать слова: "Россия накануне...", оценивая и пережевывая новые фамилии. Впрочем, общая картина президентской операции "Борис Немцов" будет неполной, если мы не коснемся еще одного, достаточно странного обстоятельства, случившегося вне президентского замысла, однако, как утверждают высокие государственные мужи, имевшего место. В коридорах Совета Федерации кочует слух, подтверждаемый словами "я сам видел", что именно в феврале-марте 1997 года готовился документ по смене российского посла в Израиле и на эту должность вместо отбывающего из Тель-Авива Александра Бовина предлагался член Совета Федерации, губернатор Нижегородской области Борис Немцов. Версия по первому прочтению маловероятная и даже дикая. Но... Если события рассматривать в геополитическом плане, то ничего невероятного здесь нет. Говорят, что по настоянию членов соответствующей комиссии эта идея была поставлена под сомнение. Дескать, неразумно такими кадрами разбрасываться. В России дел по горло. И тут примерно в том же временном диапазоне заговорили о вероятном приглашении в правительство. Но вернемся к дипломатической версии. Так ли уж спонтанна и неправдоподобна идея о появлении Немцова в дипломатическом мире в ранге посла России в государстве Израиль?

Премьер Бенджамин Нетаньяху во время своего последнего визита в Москву признал,

что роль русскоязычной диаспоры в жизни Израиля громадна. Он даже пошутил на этот счет, что некоторые члены правительства скверно говорят на иврите, а гораздо лучше на русском языке, так что приходится прибегать к помощи переводчика.

Посол России в Израиле - фигура достаточно значимая, так как именно через него возможно привлечение в экономику России не только израильских инвестиций, но, что неизмеримо больше, инвестиций мировой еврейской диаспоры, будь она в Америке, Канаде или европейских странах. Наличие молодого, способного и деятельного дипломата на этом посту, имеющего опыт и государственного чиновника, и политически значимой фигуры в России, располагающей региональными связями, - факт и отрадный, и перспективный.

Крайне любопытно: кто мог быть автором этой идеи? Противники Немцова, желающие подчеркнуть его полуеврейство? Бизнесмены либо банкиры, рассчитывающие на Немцова и еще не знающие, что, став вице-премьером, он будет их антагонистом? А может быть, у нас появились умные политики? Но с этими выводами не станем спешить.

7-11 марта 1997 года.

Предыдущая неделя была сотрясаема событиями, разворачивающимися вокруг договора о создании межгосударственного союза Россия-Белоруссия и с удивительной настойчивостью подтвердившими мысль: поспешность всякого союза, игнорирующего естественные нормы, дает обратный эффект. И всевозможная риторика о подавляющем большинстве, поддерживающем союз, ложна. Всякая непредсказуемость скоротечна. Любое большинство делается меньшинством, когда на пути появляются первые рифы, о наличии которых считалось разумным умолчать, дабы не погубить идею до того. Любое дело, замешанное по законам интриги, утрачивает сущность дела. Привлекательной и значимой остается сама интрига - о ней говорят, ее замечают.

Практически с момента своего назначения Немцов становится главным героем всех информационных и аналитических телевизионных программ. Немцов улыбается. Немцов хмурится. Немцов в задумчивости. Немцов целует руку молодой женщине. Немцов недалекого нижегородского прошлого. Немцов неустойчивого настоящего. Портрет в интерьере. Интерьер на фоне портрета. Портрет без галстука. Несть числа. Леворадикальные газеты, праворадикальные газеты, издания либеральные и черносотенные. Первый вице-премьер - тема дня, недели, месяца. Молодой, красивый, фотогеничный - почти фотомодель. Немцову это нравится, как и нравится Егору Гайдару, которого события вокруг реорганизованного правительства вернули в созвездие реформаторов на правах не успевшего поседеть патриарха. Все происходящее напоминает гигантский театр. Декорации постоянные, как в мыльной опере. Меняются местами интерьеры залов, кабинетов. Собственный кабинет, зал заседаний, зал приемов. Сел в машину отечественного производства. Вышел из машины западного производства. Вестибюль Белого дома, Дума, холл Совета Федерации, мраморный пол, стеклянные двери. Немцов со спины, Немцов в профиль, Немцов в фас.

- Вы видели вчера телевизионную программу?

- Нет, а в чем дело?

- Какое-то помешательство. Всюду Немцов. Такое впечатление, что в стране нет ни премьера, ни президента. О правительстве уже и говорить нечего. Страной управляет Немцов. Мы тут посчитали: за неделю по всем телеканалам более тридцати пяти сюжетов с участием Бориса Немцова. В шесть раз больше, чем сюжетов с участием президента, в девять - с участием Черномырдина и Чубайса.

Господи, как мне знаком этот диалог. Честно говоря, легкое безумие СМИ имеет место. Интересно - осознанно?! Первые беседы, первые совещания под председательством нового первого вице-премьера. Естественные монополии в центре внимания. Похоже, что наступление началось. Дьяков А.В. - президент РАО "ЕЭС России" попал под огонь первым.

Послеразговорная реакция Дьякова на Немцова: "Трудный разговор, но мне кажется, он меня понимает. А вообще уловить настроение очень непросто. Все время улыбается. Не то сочувственно, не то злорадно".

После первой же встречи слухи пошли по нарастающей: Дьяков зашатался, Дьякова снимают, Немцов встречается с возможными претендентами на пост руководителя РАО "ЕЭС России", Дьякова сняли.

Крохотное отступление.

Многие заносили меч над естественными монополиями. Меч либо зависал в воздухе, либо со свистом опускался мимо жертвы. Грохот случался громоподобный, но не более того. Монополии оставались на плаву. Рушился оппонент.

На этот раз все серьезнее. Немцов во время беседы с Дьяковым и Немцов во время пресс-конференции - это два разных Немцова. И вчерашнее "кажется, он меня понял" рассыпается мгновенно. Выводы, преданные огласке, - жесткие. Поручить КРУ провести детальную проверку. Начать реструктуризацию монополий. Обновить кадры, укрепить руководство. Как говорят в таких случаях, накат в полном объеме. По словам Немцова, главным итогом усилий правительства по реорганизации монополий должно стать немедленное снижение тарифов на электроэнергию, топливо и грузоперевозки. Именно тарифная диктатура ставит на колени отечественного производителя. Продукция в силу немыслимых тарифов становится более высокой по цене. А если к этому добавить низкое качество отечественной продукции, скверный дизайн, то итог очевиден. А если не производишь, значит, не продаешь. Не продаешь, значит, не развиваешься, не платишь налоги. Не платишь налоги, значит, вымираешь.

Мне вспоминается один радиорепортаж, в котором министр легкой промышленности взывал к патриотическим чувствам сограждан и просил покупать отечественные ткани и отечественную одежду.

- Да, - говорил министр, - мы знаем, что наши костюмы уступают по качеству зарубежным образцам и наши ткани проигрывают по раскраске. Но они не настолько плохи, чтобы их не покупать. И наконец, мы должны быть патриотами и поддержать отечественного производителя. Иначе мы никогда не сможем улучшить собственную продукцию. Улучшение требует средств, которые можно получить только за счет товарооборота, проще говоря, торговли. Покупайте отечественную одежду...

Семьдесят лет советской власти нас ничему не научили. Этот радиорепортаж прозвучал в эфире в конце 95-го года. Сам министр носил бельгийский костюм и был обут в итальянские ботинки. Рубашку, галстук, носки и белье министр покупал во время зарубежных поездок. Отечественным у министра был только носовой платок. Краснодарский чай, который принесли в студию, министру не понравился, он сделал два глотка и отставил чашку в сторону. Министр ничего не сказал. Он только поморщился, и по выражению лица можно было угадать не произнесенную фразу: "Бурда какая-то, а не чай".

Борис Немцов тоже патриот. Часто выезжая за рубеж, он обратил внимание, что главы государств всех достойных стран, где имеется автопромышленность, пользуются автомобилями только отечественного производства. Громадный по росту де Голль с трудом умещался в низкий "ситроен", мадам Тэтчер ездила только в "роллс-ройсе", Гельмут Коль в "мерседесе", шведский премьер пользуется "вольво". Немыслимо, чтобы президент США на территории Америки сел в какую-либо машину не американской марки. Руководство СССР придерживалось тех же самых норм. Правительственные и кремлевские ЗиЛы в народе называли "членовозами". Первая инициатива Бориса Немцова на посту вице-премьера игриво хулиганская, лоббирующая интересы Горьковского автозавода. Все начальство, московское и немосковское, должно пересесть с иномарок на отечественные "Волги". Зарубежные автомобили, находящиеся в пользовании и приобретенные за казенные деньги, должны быть выставлены на аукцион и проданы.

Затея, скорее, потешная, хулиганистая, хотя и с государственной подкладкой. "Волга" в массовом производстве машина дрянная. Можно сказать жестче - постыдно дрянная. Весь разговор, что для нужд правительственного аппарата машина будет выдержана в параметрах европейского автомобиля, оскорбителен для сограждан собственной страны, для которых на общем конвейере качество сборки не претерпит никаких изменений.

Первый шаг нового кронпринца был приятно окрашен его озорной белозубой улыбкой, но вряд ли сократил транспортные расходы разросшейся власти и обеспечил автомобильный ренессанс в стране. Указ президента, подписанный по этому поводу, справедлив - власть должна жить по карману. Если же отвлечься от высоких материй, якобы управленческого реформаторства, прикрываемого патриотическими лозунгами о торжестве отечественного производителя, то вся затея с "Волгами" - неприкрытое лоббирование экс-губернатором интересов своей прежней вотчины. И нет никакого сомнения, лоббирование небескорыстное.

Рэм Вяхирев отреагировал на открытую атаку по-своему. Немцов не случайно в качестве первой жертвы избрал РАО "ЕЭС России", а не "Газпром". И хотя и тех и других в правительстве опекал премьер - чем-то надо было жертвовать. "Газпром" Черномырдину был неизмеримо ближе, а потому газовый король прикрыл глаза и, как бы устранившись, решил понаблюдать за атакой Немцова со стороны. Очевидная поддержка молодого Немцова президентом связывала руки премьеру. Понимал он и другое. Наступление на естественные монополии - одна из составных частей экономической тактики Чубайса, прописанной в президентском послании. Значит, во всех случаях при столкновении в правительственной тройке счет будет 1:2 не в пользу премьера. Немцов и Чубайс неминуемо союзники в этом действии. Черномырдин проводит негласный совет с Вяхиревым. Они договариваются предпринять скрытый маневр. Вяхирев при помощи обширного думского "лобби" в среду, 9 апреля, оказывается на думской трибуне с докладом о состоянии дел в газовой индустрии и о возможных последствиях задуманной реорганизации "Газпрома". Вяхирев идет на риск, он отдает себе отчет, что этим шагом он усложняет свои отношения с правительством. Любопытно, что на момент вяхиревского выступления, а точнее, реакции на этот доклад со стороны исполнительной власти, Черномырдин на три дня уходит в отпуск. Дума, согласуясь с докладом Вяхирева, принимает постановление, предупреждающее правительство о недопустимости рассечения единой системы газоснабжения России и недопустимости дальнейшей приватизации в этой отрасли. Обострение отношений с "Газпромом" заставляет Немцова действовать на два фронта: атаковать естественные монополии, имея в тылу жестко настроенную против него Думу. Складывается впечатление, что агрессивность молодого вице-премьера с каждым днем нарастает. Уже в четверг следует незамедлительный ответный ход правительства. Заседание кабинета министров ведет Анатолий Чубайс. Разыгрывается нехитрая комбинация Немцов-Чубайс-Немцов. В проект протокола вносится предложение Немцова: "Разобраться с государственным пакетом акций РАО "Газпром", переданным четыре года назад в доверительное управление руководству акционерного общества". Следует добавить, что вопрос о доверительном управлении 35% пакетом акций "Газпрома" обсуждался на правительстве не единожды и в 94-м, и в 95-м году. Впрочем, сама идея воспринималась, как должная и разумная. Впервые под сомнение была поставлена модель, схема управления. Естественно, четыре года назад, когда принималось это решение, никакого конкурса, тендера по этому вопросу не проводилось. И пакет в 40% акций, закрепленных за государством, был передан в управление бесплатно. И даже термин "доверительное управление" как бы соотносился с образом премьера, который продолжал курировать свое детище.

Разговор о дивидендах от сделки тоже не шел. Черномырдин тщательно продумал этот шаг. Последовал указ президента, по которому все дивиденды идут на техническое перевооружение отрасли. Отрасль, дающая основные налоговые поступления в казну и являющаяся оплотом нашего экспорта, не должна приходить в ветхость. Именно премьерство Черномырдина не позволяло кому-либо вторгаться в мир "Газпрома" и ставить его деятельность под контроль.

И еще один шаг определяющего характера был сделан на этом заседании правительства - утверждена дополненная программа приватизации, заявленная Альфредом Кохом. Суть программы - резкое сокращение объемов госсобственности практически во всех отраслях народного хозяйства, за исключением естественных монополий и оборонного сектора, где, по словам Коха, должен сохраниться жесткий государственный контроль. Примечательно, что

эта концепция утверждалась на фоне контратаки, предпринятой еще одним вице-премьером - Анатолием Куликовым, требующим расследования деятельности служб, занимающихся приватизацией, в силу их максимальной криминализации. Куликов говорил о количестве должностных преступлений в этой сфере, которое возросло за один год почти на 20%. Однако вопрос о том, почему большинство этих дел не дошло до суда, повис в воздухе. Куликов не смог ответить на него. Оппоненты Куликова в правительстве парировали его выпад. Сложившаяся ситуация, говорили они, свидетельствует о прямо противоположном криминализированы сами правоохранительные органы, которые не доводят преступников до суда. И мало кто сомневается, что это происходит безвозмездно. Чубайс немедленно воспользовался ситуационным превосходством и, подводя итоги полемики, вспыхнувшей на заседании правительства, заявил: "Никакого пересмотра итогов приватизации не будет".

Заседание кабинета от 10 апреля еще раз подтвердило очевидный вывод: раскол в правительстве есть и он будет углубляться. Немцов продолжал уповать на поддержку президента, которую обеспечивала ему дочь Ельцина Татьяна Дьяченко.

Если наступательный порыв связки Чубайс-Немцов будет нарастать (не забудем, что идеологом этого наступления является Егор Гайдар, а Немцов, хотим мы того или нет, ассоциируется еще и с Григорием Явлинским) острейшего конфликта с думским большинством не избежать. 97-й год обещает стать переломным в отношениях между законодателями и президентом, а значит, роспуск Думы становится более реальным, чем ранее. Скорее всего, Дума будет законодательно блокировать как усилия команды Чубайса, так и нижегородской группы Немцова. И нам ничего не останется, как поспешно просчитывать, насколько перспективен для страны семейный вариант большой политики.

А БЫЛ ЛИ МАЛЬЧИК?!

Когда у власти что-то не получается, она ищет виноватого. И находит. Во всем виноваты журналисты. Правительство, включая премьера, законодательная власть в своем большинстве, президентская администрация к средствам массовой информации относятся настороженно. Взгляд президента на деятельность СМИ иной. Окружение президента старается максимально обезопасить главу государства от наскоков СМИ, а материалы тех телеканалов и газет, которые пренебрегают этим старанием, до глаз и слуха президента не доходят. В этом смысле критерии Кремля постоянны. Критиковать можно и нужно всех, кроме президента. Лояльность СМИ в обмен на гарантии, что президент будет защищать плюрализм мнений относительно всех ветвей власти. Когда Чубайс стал главой президентской администрации, он сохранил предвыборный стиль отношений с прессой. Стиль экстремальной ситуации. В тот момент желание объединить и координировать деятельность СМИ, стоящих на демократических позициях, являлось намерением благим и правомерным. Ельцин гарант свободы слова - Ельцин наш президент! Действительная, хотя и достаточно прямолинейная формула. И никаких "кто платит, тот и заказывает музыку". Хотите быть свободными и независимыми даже в усеченной форме (чистой свободы, как известно, не бывает) - голосуйте за Ельцина. Разумеется, еще есть демократ Явлинский, но он на выборах не победит. А потому - голосуй, а то проиграешь! По завершении выборов Николай Сванидзе, политический обозреватель Российского телевидения, произнес историческую фразу: "Медовый месяц счастливого брака между властью и СМИ кончился. Начинается повседневность, а значит, пресса и телевидение возвращаются на круги своя и занимают место в привычной для них оппозиционной ложе".

Сванидзе в силу неискушенности в политических интригах, проявил редкую для политического обозревателя непосредственность. В одной из своих статей я пошутил на сей счет: "Дай Бог, чтобы медовый месяц ситуационного брака не превратился в "медовый год". Чубайс, оказавшись в кресле главы президентской администрации, подтвердил наши опасения. И Михаил Полторанин был недалек от истины, называя Чубайса "необольшевиком". То, что было дозволено руководителю предвыборного президентского штаба, не может быть противопоказано главе президентской администрации? И еженедельные "великие пятницы" были продолжены. Состав присутствующих, естественно,

несколько изменился, но принцип остался прежним (как жить будем и что будем показывать?). Чубайс, дочь президента Татьяна, Сатаров (не всегда), почти постоянно Зверев (зам. Гусинского), Малашенко (НТВ), Сванидзе (ВГТРК), Пономарева (ОРТ), еще кое-кто из президентского окружения.

Предвыборная кампания требовала жестких уточнений - "Все для фронта, все для победы". Проиграет Ельцин, мало сказать, проиграет демократия. Расправа с журналистами, исповедующими демократические убеждения, будет повсеместной. Так что нам незачем вас уговаривать. Поддерживая в своих изданиях и на телеканалах Бориса Ельцина, вы, господа журналисты, спасаете самих себя. Еще следует подумать, кто кому нужнее? Вы Ельцину или Ельцин вам? Те средства массовой информации, которые не находились под контролем власти, финансировались крупнейшими частными банками. А значит, и контролировались олигархическим пулом, который пока играл в одной команде с президентом. Именно банкиры кратноопального Чубайса вернули в коридоры власти. То, что недоговаривал руководителям СМИ Чубайс, договаривали банкиры. Через заслон пропрезидентских средств массовой информации (а их с той или иной долей минимального отклонения было абсолютное большинство) не могла проскользнуть ни одна оппозиционная мышь. Опыт удался. Телевидение, а речь идет прежде всего о нем, доказало, что, как в недавние советские годы, оно может быть полностью подконтрольным власти. Удивительно не то, что это могло произойти, а та готовность, с которой руководство всех без исключения телерадиокомпаний приняло эту роль в обществе, где якобы существует свобода слова. Мы можем возразить: когда есть опасность потерять все, не время полемизировать о чистоте демократии.

* * *

21 апреля.

Президент Франции Жак Ширак принял историческое решение, он воспользовался правом президента и распустил национальное собрание.. Таким образом, депутаты не доработали год до истечения конституционного срока. Ширак объяснил свое решение предстоящими реформами, в которых остро нуждается Франция. И настоящий состав парламента может оказаться тормозом на пути реформ. Не правда ли, почти российский вариант? Страна, правда, другая, а так очень похоже! Как свидетельствуют аналитики, истинная причина в другом, круг сторонников Ширака в Национальном собрании достаточно быстро сокращается. Ширак рассчитывает, что новые выборы позволят если и не переломить ситуацию, то хотя бы сохранить превосходство правых. И он, как лидер "голлистов", сумеет дать импульс своей партии. Если внимательно всмотреться в моментальную реакцию самого парламента, то вы приходите к странному выводу: никакой волны парламентского возмущения нет. Главные и наиболее многочисленные противники Ширака - социалисты - высказали сдержанное недовольство решением президента, определив свое отношение словами: президент несколько поторопился. У социалистов неплохие шансы на выборах да и в схватке за президентство с Шираком они не проиграли сокрушительно. Лидер, сменивший Миттерана, для первой попытки добился обнадеживающих результатов. Социалисты, конечно, выдохлись, уход Миттерана, по-своему легендарного президента Франции, их несколько "погасил". "Голлисты" и "республиканцы" поддержали решение президента. И хотя чисто внешне у них подавляющее большинство в Национальной ассамблее (485 из 599 мест), тем не менее до 1998 года, когда истечет конституционный срок, правые могут понести невосполнимые потери. Их популярность, исходя из социологических опросов, падает не по дням, а по часам. Приблизить выборы значит сохранить тающее преимущество. Правые на внеочередных выборах понесут урон и могут потерять, согласно прогнозам многочисленных социологических служб, до 150 мест в Национальной ассамблее, но тем не менее сохранят большинство. А если выборы пройдут, как им и положено по конституции в 1998 году, большинство в парламенте, скорее всего, будет утеряно. И тогда бесспорному лидеру правых Шираку будет уготовано тяжкое президентство.

Чем же вызвано наше подчеркнутое внимание к внезапно обострившейся политической ситуации во Франции? Разумеется, не проблемами расширения НАТО на восток. Если нет

предваряющей похожести в своей собственной стране, власть ищет удачные и убедительные аналоги в мире заграничном. Поездка президента России во Францию в 1995 году, знакомство с Шираком и пристальное внимание к участию дочери французского президента Клод в политической жизни отца не остались просто экскурсионными впечатлениями и постижением некоторых особенностей французской современной политической истории.

С этого момента на российской политической орбите появляется новое имя - Татьяна Борисовна Дьяченко. Дочь нашего президента с категорической точностью копирует роль Клод Ширак. Обе женщины примерно одного возраста. И той и другой небезразличны политические судьбы отцов. Того, что не смогли сделать жены двух политиков, пытаются наверстать их дочери. И уже никого не может остановить предупреждение: Россия - не Франция. Характерна еще одна особенность. События 1997 года хотя и напоминают, по свидетельствам историков, февраль 1917-го, но в гораздо большей степени обретают похожесть с годом 1993-м, с тем обострением отношений между ветвями власти, законодательной и президентской. Нельзя не обратить внимание, что, аргументируя свое решение о роспуске парламента, французский президент в достаточной мере повторил доводы Ельцина 93-го года. Разумеется, никакой экстремальности в политической жизни Франции, повторяющей события в России четырехлетней давности, конечно же, нет. Но связь с предстоящими реформами делает тем не менее эту похожесть очевидной. Как мы знаем, именно сейчас в Конституционном суде России слушается дело о нарушении конституционных прав избирателей на выборах в Государственную Думу в 1993 году. Речь идет о злополучном "пятипроцентном барьере", когда голоса партий, получивших достаточное число голосов, но не преодолевших этот барьер были пропорционально разделены между четырьмя партийными фракциями, оказавшимися в парламенте. Большая фракция получала и большую долю и практически не на выборах, а при помощи этого несовершенства закона, элементарного арифметического прибавления, обрела характер подавляющего большинства. Если Конституционный суд признает иск рядового избирателя правомерным и выскажется в его пользу, результаты думских выборов 1995 года будут признаны недействительными, как и сам закон. Государственная Дума автоматически распускается. Закона о выборах нет, тот, прежний, объявлен неконституционным. А потому новые выборы проводятся по нормам, определяемым в указе президента, который будет сотворен за две недели. Такое развитие событий вполне реально, но ...

Чтобы изменить состав парламента, который бы прирос за счет демократического поля, надо совершить перелом в экономическом развитии страны, надо доказать действенность реформ. Еще один штрих, приближающий события сегодняшнего дня к сентябрю 93-го. Именно в 93-м году началось так называемое вымывание парламента. Сказывался кадровый голод демократов. Ельцин, оказавшись у власти, практически не имел даже минимального кадрового резерва. Это была власть без своей команды. Было море сочувствующих, симпатизирующих и полное отсутствие команды, отсутствие необходимых и подготовленных быть властью.

На съездах, сессиях Верховного Совета тайное становилось явным. Среди пенных демократов второго призыва, получивших депутатские мандаты, Ельцин высматривает своих сторонников. Прежний партийно-советский мир был нежелателен, а этот, вновь нарождающийся, был малопознанным и потому считался столь же опасным, как и первый. Очень скоро стало ясно, что других людей, кроме тех, кого высветили выборы, у президента нет. Они не идеальны, в большинстве своем неопытны, и умение у многих из них заменяли амбиции. Они были неизмеримо моложе прежней власти, и, как казалось, не испорчены властолюбием. И президент сделал свой выбор. Депутатами насыщалась сфера исполнительной власти, всевозможные президентские службы. Демократическое поле в парламенте стало сокращаться как шагреневая кожа. Парламент правел и ожесточался на глазах. Ротация парламента на 1/3 еще в большей степени расширила игровое поле непримиримой оппозиции. Демократическая треть превратилась сначала в четверть, а затем и в 1/5. Количество перешло в качество. Парламент и его спикер объявили войну президенту.

Президент принял вызов и в сентябре 1993 года, по истечении неполного трехлетия работы парламента, объявил о его роспуске. Сентябрь стал прологом к октябрьской трагедии. Сейчас, спустя время, можно часто услышать, что все произошедшее в сентябре 93-го года не есть стечение неблагоприятных обстоятельств, а хорошо продуманный диктаторский план Ельцина по разгону неудобного президенту Верховного Совета. Эти предположения и нелепы, и в чем-то правомерны. Развитие событий в неблагоприятном направлении заставляло Ельцина несколько раз менять тактику. Никакого плана на сей счет ни в 91-м году, когда романтические надежды: "все будет по-новому, по-другому, будет лучше чем было"; ни в 92-м году, когда обострения между президентом и парламентом то вспыхивали, то затухали, не было, хотя сама идея роспуска как возможный вариант разрешения конфликта озвучивалась постоянно. И в этом больше всего усердствовала оппозиция, провоцируя власть на ответные заверения о немыслимости таких антидемократических действий. К тому времени перестал существовать союзный съезд, начался распад Советского Союза, но экранное пространство сократилось кратно. К началу 1993 года такая идея уже не казалась столь неосуществимой. Парламент перешел грань приемлемой оппозиционности и превратился в откровенно враждебное президенту скопление облеченных "неприкосновенностью" и властью людей.

Интересный вопрос: кто стал носителем идей? Так ведь идеи были две: сместить президента и распустить парламент. Во главе первого авторского коллектива стояли Хасбулатов, Зюганов плюс стая крикунов и примкнувшие к ним вице-президент Александр Руцкой и председатель Конституционного суда Валерий Зорькин. Во главе второго - Ельцин и все, кто противостоял Хасбулатову. Примирение было невозможным. Компромисс между двумя приговоренными к повешению вряд ли реален. Спорной оставалась только очередность. И хотя в самом парламенте не было единства, но довлеющее большинство непримиримых брало верх. Переход на сторону парламента вицепрезидента Александра Руцкого довершил рисунок политического абсурда. Никто не хотел уступать. Тот факт, что во главе оппозиции президенту оказались коммунисты и объективно Руслан Хасбулатов опирался в своем противостоянии Ельцину именно на эту силу, заведомо настраивало Ельцина на самые решительные действия. Президент еще раз вспомнил, что в 91-м году упустил момент и не запретил компартию, как организатора антиконституционного переворота. Не совершив тремя годами ранее большего, Ельцин совершил меньшее - он распустил парламент.

Но Россия - страна крайностей. И стремление к классической середине в нашем отечестве всегда было недостижимой иллюзией. И чем спокойнее и хладнокровнее президент смотрит на вызывающее поведение парламента, тем большее волнение охватывает парламентариев: почему молчит, отчего не реагирует? Значит, что-то задумал.

Президент по натуре малоразговорчив. Его эмоции, а президент, как это ни странно, при такой несловоохотливости, человек эмоциональный, так вот, его эмоции устремлены как бы внутрь себя. И там, внутри, страсть, возмущение, раздражение достигают высшей точки кипения. И, как результат, могут последовать действия нестандартные, так хорошо подтверждающие загадочность русской души. В нашем случае, в пересчете на середину 96-го и начало 97-го года президент вынужденно перемолчал: болезнь, операция, восстановительный период, снова болезнь. И, казалось бы, сам Бог велел выговориться. Ничего подобного не случилось. Президент так же скуп на публичные выступления. С 1996 года, момента своего переизбрания, до апреля 1997 года президент не провел ни одной крупномасштабной пресс-конференции по внутренним проблемам страны. В Ельцине все меньше президентского и все больше царского. Придуманная процедура радиообращений к народу, как некая новация имиджмейкеров, вызывает улыбку.

Я был в числе тех, кто с 91-го по 96-й год настаивал на "говорящем президенте", старался внушить эту мысль самому президенту и его окружению. Моя концепция - это идея "президентского часа" на телевидении и радио. Это постоянный диалог президента с обществом. Исключить самое досадное, самое малопродуктивное - монологовость власти.

Выступить с радиообращением легче, проще - незатратно для нервов. Идея радиообращений (2-3 страницы заранее написанного текста) понравилась президенту, и это лишь доказывает его нежелание менять свои привычки. Но в сознании общества, вне зависимости от желания людей, сочинивших такую тактику президентского присутствия, складывается устойчивое мнение о президенте как человеке, перенесшем тяжелую болезнь, которая дала необратимые последствия. Если смотреть на все происходящее глазами дочери она права: папу надо щадить. Если смотреть глазами общества, даже той его части, которая устойчиво симпатизирует Ельцину, то не избежать нерадостных реплик: наш президент состарился быстрее своего срока. Он и внешне неизмеримо больше напоминает одряхлевших Брежнева и Черненко, нежели в преклонных годах Рональда Рейгана, Гельмута Коля или Франсуа Миттерана. У нас нет надежды ни на процветание, ни на реформаторский прорыв. Ну а эти молодые в лице Чубайса, Немцова, Коха и прочих - инъекция в одряхлевшее тело президентской власти. Наступает момент, когда и крест твой, тебе положенный, несут другие. А для твоих ослабевших царских плеч тяжела даже мантия. А без нее ты не царь. Она тебя держит, лишает, уже и не скажешь размашистого, а просто шага. И при призывных выкриках (Царь идет!) чувствуешь всю свою невозможность, слабосильность, и что еще хуже, молчаливое понимание твоей ненужности людьми, тебе подвластными и тебя окружающими. И задыхаешься от гнева на самого себя и отчаяния.

И количество благозвучных слов, которые научились выговаривать приближенные Его Величества, исповедующие разные до поразительности взгляды: "Все решает президент!", "Последнее слово за президентом!", "Первое слово за президентом!". Вся эта суматошная речивость напоминает рыцарский турнир, на котором определяется самый преданный из высоковластных подданных царя. Кто они? Куликов? Черномырдин? Немцов? Чубайс? Рыбкин? Лужков?

Одно из ненаписанного, недодуманного, не произнесенного вслух не вызывает сомнения. Для дочери президента наступает час непростых испытаний. Уберечь - значит, сказать? Или смолчать - значит, уберечь? И никакой разменной монеты под рукой. "Не сейчас! Не время, потом!" Потому как время, которое, возможно, и было, ушло, растворилось, улетучилось, растранжирилось.

Есть много тяжких откровений для политика, но самым тяжким остается одно: однажды утром проснуться и понять, что твое будущее давно в прошлом. Усиление энергоресурса не в умении его сберечь, а в прямо противоположном, в его постоянной затратности. Миф о президентском всесилии поддерживается наподобие ускользающей моды. Уже весь мир одевается иначе, а мы все еще укорачиваем и укорачиваем юбки. Мы уже не говорим, что пишут немецкие газеты о последнем визите нашего президента в Баден-Баден. О самом президенте, о лицах, его сопровождающих.

Немцы насмотрелись, у них есть с чем сравнивать. Хорошая фраза "Ельцин производит впечатление человека, который хочет выздороветь". Любопытная формула, поделившая оптимизм на четыре части: остался жив, хочет выздороветь, полностью восстановился, здоров. Ничего не поделаешь, немцы педантичная нация.

* * *

2 мая. Испания.

Курорт Ла-Коста. 35 километров от Малаги. Реплика одного из отдыхающих. Он тут уже две недели. Смотрит на штормящее море, цедит сквозь зубы: "А в России опять война". На самом краю Европы, у Гибралтарского пролива. Вглядываюсь в штормящую даль.

- Почему, - спрашиваю, - война?

- Потому, - отвечает он. - За неделю четыре взрыва. На вокзале в Армавире, в Пятигорске. Вчера взорвали газопровод на границе с Белоруссией. Сегодня опять рванули.

Философия обывателей вне философии политиков. Обе философии взаимно связаны. Заблуждения вторых есть причина прозрения первых.

Из тех же откровений на морском берегу:

- Вляпались мы с чеченской войной. Ох вляпались! Кто ж это так считал: поубивали и

забыли. Чем расстояние до войны короче, тем память длиннее. Ничего эти политики про жизнь не знают, ничего!

Меня всегда мучает один вопрос: снятся ли сны президенту? Недавно услышал реакцию Горбачева относительно ельцинского стиля.

- Что это такое? - недоумевал экс-президент Союза ССР. - Еженедельные встречи президента и премьера преподносятся как исторические события?!

Простим излишнюю эмоциональность Михаила Сергеевича, тем более что никакой особой историчности и тем более завышенных оценок в средствах массовой информации по поводу этих встреч нет. Новый рисунок информации, причем рисунок не очень удачный, но ничего более.

Вспоминается реакция на самого Горбачева который председательствовал или вмешивался в работу союзных съездов. Его кто-то из тогда еще бывших в силе секретарей обкомов сравнил с председателем колхоза: "Суетится, волнуется, вмешивается, лезет куда не надо, говорит сразу за всех ораторов. Его слова, как слова царя, на вес золота должны быть. А он по поводу регламента суетится".

Горбачеву не хватало царственности, державности. А Ельцину? В самом деле, чего не хватает Ельцину? Насыщенной повседневной работы? Темперамента? Образа президента-работяги. Ельцину 1997 года не хватает Ельцина 91-го года. Ельцину-91 не хватало московского Ельцина, опыт которого в определенной степени скопировал Лужков и приобрел не искусственную популярность. С утра на стройке, на заводе, в универсаме, на сооружении окружной дороги. Его трудно застать в своем кабинете. Он не умеет не держать слова.

Историческое развитие России подарило два типа лидера нации. Всевластного монарха, помазанника Божьего, возвышающегося над обществом и государством. И лидера народного, помазанника класса гегемона. Диктатура пролетариата должна была породить, как всякая диктатура, "единовластца". Так и получилось. Идеал породил идею класса-гегемона. Класс-гегемон или, точнее, класс-диктатор, породил партию-гегемон. Партия-гегемон породила единовластца - генерального секретаря. Демократический централизм породил бюрократическую партийную монархию.

И вглядываясь в нашего президента, надо понять, чего в нем больше: президентского, партийно-монархического или дореволюционной царственности? Ельцину было бы проще и очень хотелось вернуться в эпоху дореволюционной монархичности в обличии современного президента.

За молодым, жизнедеятельным Клинтоном ему не угнаться. Хотя и у того и у другого за спиной оппозиционные парламенты. Россия - страна с двумя ветвями властных традиций: до 17-го и после 17-го. Ныне мы корректируем привычные оценки. Появилось третье измерение - Россия после 1991 года. И потому остается актуальным вопрос: на что должно хватить сил у Б.Н.Ельцина? На завершение президентства или на продолжение царствования? На крах монархии России понадобилось 600 лет. На крах большевизма - 70 лет. Как долго проживет демократия и высший атрибут ее власти, президентство - вот непростые вопросы властной укладности, на которые отвечать НАМ, ВРЕМЕНИ и ПРЕЗИДЕНТУ.

Вернемся на секунду к нашему российскому обывателю среднего достатка, застывшего на берегу штормящего Средиземного моря. У него нет денег на собственную виллу даже в своем отечестве или на Кипре, где они дешевле, чем на испанском побережье. Но кое-какие деньжата водятся. И он сотворил недельную возможность иметь недельную собственность в клубе Ла-Коста на берегу Средиземного моря. Он поругивает российскую власть."Распродали все, - говорит, - разворовывают". Но на самом дне общей обиды за державу лежит маленькая собственная: без меня распродали, без меня разворовывают, могли бы и позвать.

30 апреля. Сообщение ИТАР-ТАСС: президент прерывает свой отпуск и возвращается в Москву. И это на фоне обнадеживающих докладов Куликова и по взрыву в Армавире, и по террористическому акту в Пятигорске: "Держим чеченский след". Далее без комментариев: "Вот и в Белоруссии начали взрывать". И на фоне выпрыгивающего из легкого летнего

пиджака Немцова в угодливом азарте. Так и показало его телевидение, перегнувшегося через стол, перелистывающего кипу бумаг перед президентом:

- Вот здесь, посмотрите, Борис Николаевич. Вот здесь, обратите внимание...

А там бездна личной чиновничьей собственности, даже вертолеты и самолеты есть. И президент доволен. Гудит, через привычное "Понимаешь!": "Всем заполнить декларации о доходах. И тем, кто ожидал, понимаешь, а равно и тем, кто думал - по начальству ударят, а их минует. Ничего подобного, всех, кто украл, независимо от должности... Всех на чистую воду..."

Кажется, наступили перемены и президент, обеспокоенный разгулом терроризма и вдохновленный наступлением на коррупцию, немедленно вернулся, чтобы лично возглавить эту борьбу. Пора бы. Пора.

А чуть позже разъяснение пресс-секретаря Ястржембского: никакой чрезвычайной ситуации, нет оснований для волнения. Президент прервал отдых по вполне естественной причине: в Сочи испортилась погода.

Президенту везет на пресс-секретарей. Во-первых, пронзительно умные. А во-вторых, умеют успокоить общество.

ПОД ДАМОКЛОВЫМ МЕЧОМ

Мой многолетний друг Борис Таллер еще в студенческие годы произнес замечательные слова. Мы оказались вместе с ним в одной зарубежной поездке. По тем временам дело редкостное. Мы были молоды и легко знакомились. Я помню, как мой друг направо и налево раздавал наши адреса. Сначала мне это нравилось, но чуть позже обилие знакомых стало пугать меня. А друг уже не мог остановиться. И тогда я спросил его:

- Боря, зачем ты это делаешь? Мы живем в общежитии, куда ты их всех приглашаешь?

- Аля, - ответил мой друг, - пусть люди думают о нас хорошо. Это так приятно.

* * *

СМИ - это особый мир. Я существовал и существую в этом мире более 30 лет. Придумывал, рисковал, создавал творческие команды, был удачлив и разочарован. Короче говоря, этот мир - моя жизнь, моя любовь, мои радости, мое отчаяние и мои беды. Я знаю об этом мире все или почти все. Что касается "почти", то это то, о чем я не хотел бы знать и уж тем более говорить или писать.

Меня называют романтиком. Кто-то с улыбкой, кто-то с грустью, кто-то с раздражением и неприязнью. И что самое странное - все правы. И те, кто грустит, и те, кто ненавидит. Я реалист и романтик одновременно. Но сначала я романтик, а потом реалист.

Я люблю повторять свой девиз: "Реалисты создают мир - это непреложный факт. Но заглядывают в "завтра", открывают глаза реалистам - романтики и идеалисты. Им принадлежит мир фантазии, мечты и надежды".

Кому достанутся лавры? - спросите вы. Интересный вопрос. Пожалуй, лавры достанутся реалистам. У них ведь есть шанс сказать: романтики нас не туда завели. На плаху романтиков!!

Иногда мне кажется, что в период после 90-го года средства массовой информации стали заложниками собственных притязаний. Апофеозом амбиций можно назвать 91-й год. Тогда с легкой руки Михаила Полторанина, в ту пору министра печати, был возрожден термин "четвертая власть". Какой-либо неправоты в словах Полторанина не было. Сам Михаил Полторанин и Николай Федоров, в то время депутат союзного съезда, были соавторами главного закона, предопределившего все дальнейшие реформаторские шаги в России. Сначала этот Закон о средствах массовой информации, или, в обиходе, Закон о свободе слова, был принят союзным парламентом, в то время существовал еще Союз. Затем - уже в российской интерпретации - Верховным Советом России, и там уже были другие соавторы: Михаил Федотов и Юрий Батурин. Определенное отношение к этому закону имел и я.

Рухнул диктат партии. Утратила смысл идеологическая цензура. Политика государства, деятельность власти стали обретать более открытый характер. Власть новая желала

сотворить отличия от власти предшествующей. Отличия эти были не очень сущностными с точки зрения самой власти, манеры ее поведения. Но то, что она стала более раскрепощенной, говорливой, с этим спорить было трудно. Появились такие понятия, как "санкции за сокрытие информации", "ограничение прав высшей власти выступать в качестве учредителей средств массовой информации". И власти очень скоро понравилось мелькать на телевизионных экранах, заполнять собой страницы газет. Это был период, когда власть постигала, что такое свободная пресса. А пресса, еще не отрешившаяся от выработанной годами опасливости, - что такое доступная власть.

Правил игры уже не было, и роль сдерживающего начала выполняли даже не статьи закона о СМИ, который воспринимался как некое чудообразное явление, так как был принят парламентом Союза, еще страдающим рецидивами коммунистической возвратности, а попросту страх и привычка оглядываться - а что будет, если ...

Неделю с 28 апреля по 3 мая 1997 года нельзя назвать неделей неожиданностей. Предсказанное сбывалось - лейбористы в Англии на досрочных выборах, состоявшихся 1 мая, нанесли консерваторам сокрушительное поражение. Об этом еще будут говорить и писать. Отечественные аналитики (в лице Евгения Киселева) уже 4 мая уловили весьма спорную аналогию, объявив о "покрасневшей" Англии. Они объединили в одном ряду победившего на выборах в Польше Квасневского (хотя прежний президент Польши Лех Валенса был неизмеримо ближе к лейбористам, опорой каковых были всегда профсоюзы, чем сменивший его Квасневский, представляющий практически польских коммунистов, сделавших поспешную социал-демократическую пластическую операцию) и добавили в ту же колоду Билла Клинтона, лидера демократической партии Америки. Все это шло на фоне первомайских праздников в России, с криками непримиримой оппозиции, выступлениями Зюганова, которого Киселев определил как "социал-демократа в русской версии", которому якобы надо извлечь урок: при каких условиях и в силу каких причин одерживают победу левые в цивилизованных странах.

Интересно, что объединяющим, по второй версии Киселева, был не социал-демократизм, а возраст. По Киселеву, победа Тони Блэра в Великобритании (которого сторонники лейбористов называют "нашим Клинтоном") как бы подтверждала его вывод, что смена поколений в политике в партиях левой ориентации обеспечила им победу на выборах. Нужны новые имена. Это, по Киселеву, и только это может дать шанс эволюционизирующей в сторону социал-демократии КПРФ. 50-летний Зюганов устарел.

Киселев прав в одном, и это очевидно: Тони Блэр моложе Мейджора. В этом смысле и Ширак моложе Миттерана. А вот Коль старше своего оппонента лидера германской социал-демократической партии Шредера. Ну и что?

События в России, помимо двух террористических актов (взрыв на вокзале в Армавире, а затем опять на вокзале, но уже в Пятигорске), тоже имели свой обнаженный нерв. Прошедшая неделя довольно явственно обозначила не монолитность власти, а серьезный раскол в рядах властной элиты, взаимоисключающие позиции по целому ряду ключевых ситуаций как внутри, так и вне России.

О чем идет речь? И где и когда разговорились властвующие политики?

Очередное президентское обращение, прозвучавшее в апрельские дни, озадачило общественность. Ельцин призвал власти и премьера повернуться лицом к молодежи и начать интенсивное вовлечение ее во власть. Сама тема омоложения руководящих кадров - тема вечная, предполагающая смену поколений во властных коридорах. Если быть откровенным, такой острой необходимости в столь внезапном президентском окрике нет. Распад Союза, демократические потрясения на пространствах бывшего СССР, были естественно неравнозначны, но они случились. И все катаклизмы, происшедшие в России, привели к полному обновлению власти и ее крайнему омоложению. Это случилось в 90-91-м годах. По логике событий никак не следует, что ситуация повсеместного старения власти произошла в течение 5-6 лет, по сути мгновенно. Чего не может быть, того быть не может.

А потому никакой экстраординарной предпосылки заявлению Ельцина не было. Просто

президент понуждает премьера к омоложению кабинета министров, полагая, что его собственное протежирование в состав правительства Бориса Немцова есть пример к непременному подражанию. Пока же Борис Немцов ничего, кроме президентской влюбленности в него, в правительство не привнес. Вряд ли, выбросив этот девиз, президент имел в виду себя. И хотя обращение было подчинено столь актуальной для любого общества проблеме, оно выглядело и спонтанным, и, мягко говоря, запоздавшим на 3-4 года. В прошлом мы не раз говорили с президентом на эту тему: и в 91-м, и в 92-м, и в 93-м. Ориентация на молодых - шаг для первого президента России вполне естественный. Разговоры уходили в песок, и ничего видимого и значимого во взаимоотношениях власти и молодого поколения не происходило. Это было тем более досадно, что демократически настроенная молодежь еще неосознанно, но уже была опорой Ельцина. Достаточно заметить, что 19-21 августа 91-го года Белый дом защищали процентов на семьдесят молодые люди. Тогда мы говорили с президентом о разработке комплексной программы выдвижения молодых кадров на производстве, в науке, бизнесе, обозначении четкой границы ее деятельности. Это было очень важно в тот момент. Распался Союз, практически была парализована деятельность КПСС, распался комсомол. Молодая демократия была не готова к взятию власти. Мы уже говорили, власть рухнула сама, упала к ногам реформаторов второй волны. Надо было управлять страной, ориентируясь на старый государственный аппарат, объективно находящийся в оппозиции к демократическим начинаниям новой власти. Своего аппарата управления истинные демократы и демократы ситуационные создать не успели, не смогли. В этих условиях правильно разыгранная молодежная карта могла дать дополнительный, деятельный ресурс новой власти. Но этот шанс был упущен. И как ответ бездействию власти началась повальная криминализация молодежной среды. Преступный мир сделал то, к чему оказалась неспособна власть. Он предложил молодым обширное поле деятельности, пользуясь разлаженностью между исполнительной и законодательной властью, растерянностью правоохранительных органов и борьбой новой власти за сохранение власти, как таковой. Тем не менее идеи реформаторства в России требовали новых сил. И, как естественный и осмысленный шаг президента, понимавшего, что горбачевский период с точки зрения реформаторства кончился ничем, призыв под свои знамена новой возрастной генерации. Так появилось сначала крайне помолодевшее правительство Силаева, где на ключевых постах оказались совсем молодые и сравнительно молодые люди: Григорий Явлинский, Борис Федоров, Николай Федоров, Андрей Козырев, Михаил Полторанин. А затем, в послепутчевый период, Ельцин решился на кардинальный шаг, создание правительства реформаторов. Исполнительная власть была отдана в руки 35-летним. Они были экономически образованны, но в прежних структурных построениях всех систем управления партией, государством, промышленностью, наукой, культурой, просвещением было безмерное преобладание людей великовозрастных. И появление пятидесятилетнего человека в составе Политбюро считалось едва ли не кадровой революцией. Эти самые 35-летние числились в далеком резерве и ко времени внезапных демократических преобразований на территории бывшего СССР и, прежде всего в России, каждый из них в должностном восхождении достиг незначительных высот: старшего научного сотрудника, заведующего лабораторией. И как высшее достижение заведующий отделом в научно-исследовательском институте. Егор Гайдар, Сергей Шахрай, Борис Федоров, Григорий Явлинский, Анатолий Чубайс, Петр Авен, Сергей Дубинин, Александр Шохин. А чуть позже: Альфред Кох, Алексей Кудрин. Все это люди примерно одной научной ориентации. Радикальное крыло экономической науки, прозападники, сторонники американской экономической модели. Второй эшелон возмутителей спокойствия горбачевской поры.

Л.Абалкина, А.Аганбегяна, О.Богомолова, Н.Петракова, С.Шаталина многие из них называли своими учителями и патриархами. К этой же генерации они относят и Евгения Ясина, который патронировал многих из них, и по сей день оставаясь для них достаточным авторитетом. Никто из них никогда до того не руководил производством, никогда не пребывал даже в самых малых территориальных структурах управления. Это был, по сути,

неповторимый эксперимент. Они числились в управлении, но не управляли страной, они пытались создать контуры рыночных отношений.

Это было очень похоже на ситуацию, когда ветеринар, поставив диагноз больному животному, будь то ваша кошка или собака, прописывает диетический корм, который ваша собака, вопреки вашим всевозможным усилиям, не ест. На что врач, выслушав ваши жалобы, отвечает: "Будет подыхать с голоду съест".

Экономика страны разваливалась, лишившись интеграционных связей, погружалась в нереальный мир. А власть вне этой экономики, параллельно ей создавала совершенно иное экономическое поле импортной страны, предлагая самой стране повсеместно искать свой путь выживания. Незнание жизни, не замешанность на ее разнохарактерных конфликтах лишало эту команду чувства страха. Руководствуясь чисто теоретической моделью мирового экономического обновления, они начали реформы. При этом надо признать, что страна не двигалась к своему экономическому краху, а уже была в состоянии краха.

Очень быстро поняв, что ни о каком быстротечном подъеме экономики не может быть и речи, они бросили все имеющиеся силы на финансовую стабилизацию. Кризис был столь обширен и глубок, что ни на какую стратегию просто не хватало сил. Кстати, стратегией они занимались бы с большим удовольствием, так как это всегда некая теоретическая отдаленность, за претворение которой, вполне вероятно, придется отвечать другим. Но весь ужас в том, что им пришлось заниматься именно практикой, сразу с колес, не имея даже малой предваряющей стадии, чтобы оглядеться, изучить, понять. Власть в их руках оказалась внезапно и, несмотря на неумение быть властью, они обязаны были действовать по ее законам. И это было правдой. Программ, как таковых, не было, да и не могло быть. Сегодня избежать голода, а завтра - остановить инфляцию. Только это, и ничего больше. Казна пуста. Золотой запас страны на нулевой отметке.

Так или иначе, реформы начались в неблагополучной стране, в неблагополучных условиях. Первое можно было бы и не упоминать. Поводом для реформ всегда является неблагополучие, иначе реформы не имеют смысла. Масштаб неблагополучия может быть разный, но это уже другая тема. А вот неблагоприятные обстоятельства - это эксклюзивное изобретение России.

Бесспорно, то, что случилось в 1991 году, можно по праву назвать третьей русской революцией. И по масштабу потрясений, и по масштабу непредсказуемости. Революции всегда совершаются сверху. Однако предшествие надлому, по сути, одинаково и укладывается в небезызвестную формулу Ильича "Верхи не могут, низы не хотят". Революция Горбачева, если использовать терминологию английских кинематографистов, была "революцией слова", когда стало возможным говорить вслух: что страна находится в состоянии кризиса и социалистическая модель, которую избрала страна, и тем более ее осуществленный вариант несовершенны, они привели страну в состояние застоя и крайнего отставания от цивилизации, именуемой капиталистическим миром.

Чуть позже был второй словесный залп. Виновниками просчетов назывались руководители партии. Социалистический путь объявлялся ошибочным, а значит, социализм реанимации не подлежит. Сил так называемых шестидесятников хватило только на то, чтобы расшатать идеологический каркас, произнести, озвучить вышеназванные истины. Этот этап можно назвать революцией массового сознания. Лимит обещаний, данных Горбачевым, Рыжковым, Абалкиным, был исчерпан. У Ельцина не было выхода, он должен был начать реформы. Возрастное обновление власти, случившееся тогда, было, конечно же, шагом вынужденным, стихийным и рискованным.

Использовать актив Горбачева Ельцин, в силу природной подозрительности, не мог. Практически в каждом из этих людей если не он сам, то его окружение старалось распознать агентов Горбачева. Надо было найти новых людей бескомандному президенту. Сделать это было трудно, помогли межрегиональщики. Их проникновение в среду научной интеллигенции было постоянным и интенсивным. Бурбулис нашел Гайдара, Гайдар привел остальных. Так случился своеобразный кадровый прорыв, не просчитанный, не

подготовленный.

Ельцин дал этой генерации управленцев шанс. Такое случается раз в жизни. Гайдар определял свое отношение к президенту и в момент своего премьерства и позже, когда покинул правительство и оказался в рядах сдержанной оппозиции Ельцину, так и в моменты достаточно острых расхождений с президентом по поводу чеченской войны, всегда повторял: "К этому человеку я не могу относиться плохо. Он дал нам шанс. Мы вошли в политику. Мы начали реформы. И, что бы ни случилось на пути этих реформ, наши политические личностные биографии состоялись. За это я благодарен Ельцину. И эта благодарность будет определять все мои поступки по отношению к президенту".

Что же, достойные слова. Они - свидетельство человеческой порядочности Егора Гайдара. Но они же и некая ловушка для Гайдара, как политика, претендующего на роль конструктивной оппозиции. На этом поле ему противостоит Григорий Явлинский, и пока сальдо в пользу Явлинского.

* * *

22 мая. Четверг.

Министерство обороны России. Заседание Совета обороны. Председательствует президент. Он в своем амплуа. Старается доказать всем, что выздоровел полностью. Голос обрел волевое звучание. Частота употребления местоимения "Я" утроилась. Образ "гневающегося царя" Ельцину близок, и он старается из него не выходить. Гнев верховный, как проявление близости к бедам народным. Глас гневный - глас справедливый. Жаль, что политики забывают - "В строгостях и гневностях места уму нет".

Ожидался жесткий разговор о реформах в армии. Предполагалось, что тон задаст президент. Но его вступительная речь спутала все карты. Было такое впечатление, что характер этой речи президент изменил в последний момент. Вряд ли планировалось прилюдное отстранение министра обороны от своей должности. Да и зачем? Объявив заседание открытым и кратко посвятив присутствующих в процедуру его проведения (когда министру обороны и начальнику Генерального штаба дается по 15 минут на доклады по поводу военной реформы, после чего должны начаться прения), президент сделал небольшую паузу и с места в карьер обрушился на министра обороны. Это мало назвать резкой и жесткой речью. Президент буквально устроил разнос генералу армии, министру обороны. Разнос публичный. Эта процедура снималась телевидением, и вступительная речь в полном объеме была показана на государственном канале.

Почему президент именно такое содержание вложил в свою речь? Это только один вопрос, и вопрос не главный. Почему президент так поступил с человеком, которого восемь месяцев назад аттестовал едва ли не восторженно, назначая на этот пост. Однажды Хасбулатов в момент очередной парламентской атаки на президента, атаки сумбурной, своим подловатым и скрипучим голосом урезонивал распалившихся депутатов. Депутатский гнев обрушился на указ президента, упраздняющий службу охраны, подчиненную непосредственно Верховному Совету. "Сколько раз я вас предупреждал, - раздражение спикера было неподдельным, - не дергайте тигра за хвост". Хасбулатов часто вплетал в свою речь свободное толкование восточных мудростей. Я полагаю, что в обстоятельствах публичной казни Родионова следует вспомнить именно эту восточную мудрость.

Ничего сверхзначимого не произошло - министры приходят и уходят. Министры обороны тоже. Сорок три года Игорь Родионов отдал армии. Он числился безупречным кадровым офицером. Увы, образцовый кадровый офицер не обязательно образцовый министр, но...

Высший генералитет, да и не только генералитет, но армейское офицерство не скрывали своего возмущения по поводу последнего Совета обороны, схожего по стилю разговора с заседанием бюро обкома партии. Интересна расшифровка этого недовольства. Дело не только в этических нормах, соблюдать которые наш президент не умеет. Что правда, то правда. Президент в моменты возмущения больше думает не о правомерности возмущения, а насколько значимым оно будет выглядеть на телеэкранах.

А вот дальше следует профессионально-психологическая деталь: "Верховный главнокомандующий не имеет права в условиях армейского единоначалия на публичный разнос высокопоставленных военных руководителей в присутствии штатских". Увы, наш президент не в первый раз попадает впросак, игнорируя особенности мироощущения либо дипломатов, либо деятелей культуры, либо военных.

Проспав встречу с премьером Ирландии, наш президент посчитал достаточным отругать денщика, который якобы не разбудил барина. Смысл этого самого "якобы" достаточно красноречив и не оставляет сомнений, что и разбуженный вовремя президент вряд ли смог бы оказаться в полном соответствии на этой встрече, так как был неадекватен реальности. И все-таки почему получилось так, как получилось?

Прежде всего потому, что, несмотря на все внушения имиджмейкеров, у Ельцина свое, внутреннее толкование собственной натуры. И в каком образе, и в каком состоянии он вызывает уважение у сограждан. Если крут! Если строг! Значит, в самом соку. Придумав образ президента экстремальных ситуаций, средства массовой информации сумели убедить в этом и самого Ельцина. Президенту эта роль понравилась, и он стал играть ее с завидной последовательностью. Пауза - взрыв; пауза - следующий взрыв. Подобный стиль поведения требовал не только просчета длительности пауз, но и мощи самих извержений: одно большое, а затем серия из менее громких, но частых. После такого вот, имеющего повторяемость ельцинского извержения поле непредсказуемости сужалось, хотя сама среда ельцинской неадекватности сохранялась. Приятно оставаться загадочным. В случае с Родионовым тактика угадывания настроения президента проявилась в полной мере.

Освобождение Родионова прямо на заседании Совета обороны было настроенческим экспромтом "Царя Бориса". Об этом совершенно очевидно говорили две бумаги, оставленные впопыхах вспотевшим аппаратом. Они касались начальника Генерального штаба генерала Самсонова. В одном варианте ему объявлялся выговор, в другом его отстраняли от должности. Это в зависимости от того, в какую сторону качнется каприз президента.

Такой фокус уже был показан на одном из заседаний правительства, когда президент решил продемонстрировать свою неудовлетворенность ходом экономических реформ. Это было в начале апреля. Президент сам вел заседание правительства. Ясин - министр экономики - был болен, и с докладом о состоянии дел в экономике выступал его заместитель Яков Уринсон. Черномырдин, "отстреливаясь" от наседающего президента, уже готов был "сдать" на заклание Е.Ясина. Несколько раз на предыдущих заседаниях правительства премьер выплескивал свое неудовольствие деятельностью Министерства экономики - "всех запутали, нет никакой программы". Критическая ситуация мобилизовала Уринсона, и в своих ответах он сумел переиграть подготовившегося к заседанию президента: и что касается бюджета, и что касается невыплат, и что касается расширения налогооблагаемой базы, и целевых программ. Это был звездный час Уринсона. Вместо гневной речи президент заметил: "Знаете положение дел. Я был настроен вас снять. Но сейчас понимаю, что этого делать не стоит. Вы знаете свое дело и хорошо подготовились к заседанию правительства".

Якову Уринсону ничего не оставалось, как в вечерней телепрограмме "Герой дня" рассыпаться в комплиментах в адрес президента. Уринсон, едва не захлебываясь, говорил о том, что был потрясен глубиной проникновения президента в суть экономических проблем. Именно в эти дни ссылки на нездоровье президента сделали модным тезис "Ельцин не владеет ситуацией в стране". Уринсон своим монологом о всевидящем и всезнающем президенте внес некоторый диссонанс в общепринятый хор о прогрессирующей немощи президента. Уринсон выиграл. В новом реформированном правительстве он не только спас свой пост, более того, усилиями Анатолия Чубайса был посажен в кресло вице-премьера. Реформаторы не дали в обиду и Ясина, которого считали в некотором роде патриархом экономических реформ. За Евгением Ясиным сохранили пост теневого министра - министра без портфеля. Эдакого экономического астролога.

Итак, Уринсону повезло, а Родионову - нет. У Уринсона был тыл команда Чубайса, у Родионова тыла не оказалось. В момент назначения десять месяцев назад тылом Родионова

был Александр Лебедь. Но это, как говорится, было в ином времени, в иной эпохе. А теперь "иных уж нет, а те далече".

Я уже говорил, что есть все основания считать, что на заседании Совета обороны президент предполагал провести сеанс президентской терапии и этим ограничиться. То, что документ, забытый впопыхах на столе и подобранный после заседания Игорем Родионовым, касался только начальника Генерального штаба, есть подтверждение замысла - жертвой недовольства президента был обозначен генерал Самсонов.

Однако Родионов повел себя на Совете обороны нестандартно, а точнее говоря, достойно. Что еще больше взвинтило настроенного на жесткий разговор президента. Генерал заметил в ответ на вступительную разносную речь президента, что если Совет обороны пойдет в том же духе, который был задан внезапным разносом президента, то он не решит поставленных задач. Президент раздраженно заметил: "Вам на доклад отведено 15 минут. Вы израсходовали уже пять. Остается десять".

Родионов согласно достигнутой ранее договоренности должен был выступать в течение 30 минут. Такое же время отводилось и для доклада начальника Генерального штаба. Скорее всего, президент ознакомился с докладом Родионова заранее, отсюда и его недовольство. Президент наивно полагал, что реформы идут. Прежний министр Павел Грачев, не вдаваясь в суть, так и докладывал: "Работаем в этом направлении, Борис Николаевич!" Направление, в котором работали, оставалось непроясненным.

Но работать в направлении реформ и заниматься реформами - это, как говорят в Одессе, две большие разницы. Реформами в армии и при Грачеве и при Родионове никто толком не занимался. У Грачева на всякий пожарный случай была отговорка: "Чечня, не до реформ!" Еще можно было сослаться на скверное финансирование армии. Впрочем, здесь и таилась некая западня. Следовала незамедлительная реакция - затраты армии непомерны. Генералитет раздут. Необходимо решительное сокращение личного состава. Реорганизация структуры, перевод армии на профессиональную основу, по замыслу, должен дать более мобильную и менее затратную армию. Содержать махину, численностью в 2-2,5 миллиона государству не по карману.

У Родионова такой внушительной ссылки, как Чечня, не было. Как министр обороны он был более грамотен, чем Грачев. Академия Генерального штаба, которую Родионов возглавлял до своего министерского поста, хороша она или плоха - это уже не столь важно. Академия остается академией. Однако Грачев, сосредоточенный в последние 5-6 лет на практической армейской работе, был ближе к рядовому, младшему и среднему офицерскому составу. Грачева недолюбливал генералитет. И тогда президент расширил генералитет новыми назначенцами, но уже с подачи Грачева. Армия консервативна в ранговых привычках. И послужной список в пределах положенной уставом длительности в армии ценится. В армии не любят, когда майора, минуя лестницу чинов, делают генералом, и всякое скорое продвижение по должностной лестнице в армии воспринимается как незаслуженное. Грачеву подфартило. Помог август 91-го года. Судьба свела Грачева с Ельциным.

Родионова, напротив, везучим не назовешь. Он прошел все драматические военные конфликты: Афганистан, Азербайджан, Грузия. И никакой головокружительной взлетности у Родионова не было. В число заметных и даже ведущих военачальников Игорь Родионов попал при Горбачеве, но тут случились трагические события в Тбилиси в 1988 году. Войска Закавказского военного округа, которым он тогда командовал, жестоко расправились с демонстрантами на улицах столицы Грузии. Приказ на разгон демонстрации Родионов получил сверху, однако в процессе разразившегося политического скандала имени высшего лица не назвал и принял все общественное недовольство и титул "тбилисского палача" на себя. В любой другой цивилизованной стране подобные действия высокочинного военного (а Родионов был тогда генерал-полковником) кончились бы либо тюрьмой, либо разжалованием, или, в лучшем случае, отставкой.

Молчание генерала, его мужественное поведение, а он вынужден был объясняться перед депутатским съездом, было оценено властью. Родионов остался на военной службе и

возглавил Академию Генерального штаба. Решение по разгону политической демонстрации мог принять только политик. И нам остается только догадываться, кто был этим политиком: Горбачев, Лигачев?

Так или иначе, назначение Родионова на пост министра обороны было принято в армии спокойно и скорее доброжелательно, нежели наоборот. Разумеется, полной лояльности к назначению помешала политическая окраска выдвижения. Впрочем, Родионов здесь ни при чем. Он был рекомендован на этот пост секретарем Совета безопасности Александром Лебедем. Лебедь тоже был нелюбим генералитетом и поэтому решил сыграть наверняка. Генералитет почитал Академию Генштаба. Протежирование со стороны Лебедя поставило Родионова в трудное положение. Особенно в его отношениях с командой молодых реформаторов.

Всем назначенцам Лебедя после его ухода со своей должности грозило скорое забвение. Немедленно был вычищен из недр Совета безопасности Сергей Глазьев, и спустя 10 месяцев такая же участь, но при более сложных обстоятельствах постигла генерала Родионова. Помимо всего прочего, подобное отношение не к "своим", независимо от степени их профессионализма, весьма отрицательно характеризует лидера этой новой генерации управленцев Анатолия Чубайса. Не вдаваясь в частности, характеризующие Родионова как высококлассного военного, Чубайс склонен верить тем, кто говорит о Родионове плохо: "Его порекомендовал Лебедь, а Лебедь - наш политический противник".

И можно не сомневаться, что с момента отставки Лебедя президенту на стол относительно Родионова, которому присущи человеческие слабости, ложились соответствующие бумаги. Родионов чувствовал это, старался исправиться, дистанцировался от ушедшей натуры, публично подверг критике стиль Лебедя как секретаря Совета безопасности, его упрямство и, как апофеоз разрыва, министр выступил с инициативой по сокращению и переподчинению десантных войск. Не помогло. Меченый. Его рекомендовал Лебедь, значит, "не наш". Таковы трудности Игоря Родионова, который, конечно же, был небезупречен и, как свидетельствовало его ближайшее окружение, не слишком вдавался в детали управления армией. Должность министра застала Игоря Родионова врасплох, когда он уже двигался с ярмарки. Мы можем недостатки Родионова подытожить одной фразой: злопамятность в политике обостряет память, но вредит зрению.

В свое время Ельцин почувствовал настороженное отношение к себе прежнего генералитета, оставшегося в наследство от СССР, хотя, по логике вещей, высший генералитет горбачевской поры должен был именно Горбачева и не любить. Оснований для неприязни было сверхдостаточно (объединение Германии, распад Варшавского пакта). На его фоне Ельцин выглядел фигурой более жесткой, менее говорливой, нежели президент СССР, и военные должны были бы потянуться к российскому президенту. Однако этого не произошло. Распался Союз ССР. Бывшие Среднеазиатский, Закавказский, Прибалтийский и некоторые другие округа стали территориями независимых государств. Вывод войск из стран Варшавского пакта, а чуть позже из Германии без каких-либо договоренностей со странами НАТО, неустроенность этих частей на территории России. Трудности с жильем, критическая ситуация с денежным обеспечением армии - все это накалило ситуацию среди военных до крайности. Как непосредственно в частях, так и среди высшего офицерства и генералитета. Президент, постоянно оказывающийся в экстремальной ситуации, подчинил все силовые ведомства непосредственно себе, полагая, что тем самым намеренно усиливает позиции своего президентства. Не станем сейчас обсуждать, заблуждался ли на сей счет Ельцин или нет. В тот момент власть неизмеримо меньше думала об укреплении боевой мощи страны, нежели об удержании власти. Первозначным качеством любого министра (будь то оборона, ФСБ, пограничники, милиция) считался факт преданности самому президенту. Грачев этот навык освоил лучше, чем кто-либо. И упрекать его за это глупо. Он стал играть по тем правилам, которые установил и предложил Верховный главнокомандующий. Если министр обороны парится в бане вместе с президентом, трет ему спину, делит с ним застолье, играет на одном теннисном корте, это значит, что президент ценит Грачева отнюдь не за

профессиональные качества министра обороны. Предан, понятен, хорошо смотрится в диапазоне "Ты меня уважаешь?". Этого президенту достаточно. А еще дисциплинирован. Понимает, что даже голый в бане президент все равно Верховный главнокомандующий. Павел Грачев и достойнее и умнее, он не заслужил такого отношения, но он с ним согласился. Генералитетом выдвижение Грачева рассматривалось как чисто фаворитское: приглянулся, понравился, годится для застолья. В этом случае человек, который понравился, как бы не виноват, не он выбирал - его выбрали. Чувствуя внутреннее сопротивление пересидевшей на своих должностях брежневско-горбачевской военной верхушки, Грачев предложил Ельцину беспроигрышный вариант. У президента должна быть своя генеральская рать. Амбициозные полковники, названные Грачевым, получали генеральские погоны как бы вне очереди, из рук президента. Эти наверняка будут преданны, решает президент, не очень отдавая себе отчет, что в недоукомплектованных личным составом войсках излишнее количество генералов не укрепляет армию, а, наоборот, бюрократизирует ее, усложняет управление и увеличивает затратность командной службы. Преданные генералы - еще не значит управляемая армия.

Это мне напомнило бытовавшие в различные советские годы комсомольские призывы в органы КГБ, милиции. Ничего нового, тот же подход. Тогда ценилась преданность идеологии партии, ныне - преданность президенту. Резко снижался профессиональный уровень этих служб, начинались массовые провалы агентуры за рубежом. В милиции шли те же самые процессы. Прибавлялось ретивости и воровства, убавлялось навыка. Забавно, что эти самые президентские генералы стали тормозом в реформировании армии. Разумеется, не только они. Но эти новоиспеченные - особенно. Если о тех, прежних, справедливо было сказать: "Хватит, накомандовались!", да и возраст подходил к предельной черте, то у нового поколения только прорезался вкус к внутриармейской власти. И они ее терять так быстро не желали. Вот откуда реплика Родионова в одном из разговоров с президентом. На требование президента навести порядок в высших офицерских кругах, Родионов обидчиво ответил: "Да они не слушают меня. Прежнее руководство ведомства их достаточно распустило".

Характерно, что на Совете обороны президент с возмущенным недоумением процитировал эти слова министра обороны. А ведь в словах Родионова был скрытый смысл. Тот самый генералитет, который создал Грачев, если не в штыки, то без любви принял Родионова и с минуты его назначения был к нему в скрытой оппозиции. Нелюбовь Грачева к Лебедю, как ответная неприязнь второго к первому, а ведь когда-то они были друзьями, сделала еще более уязвимым Игоря Родионова. Его деловой партнер и протекционер, секретарь Совета безопасности генерал Лебедь, со скандалом покинул президентскую команду и очень скоро оказался на фланге непримиримой оппозиции. И хотя уже загодя Родионов, предчувствуя подобную развязку конфликта Александра Лебедя с Анатолием Чубайсом, поспешно дистанцировался от строптивого генерала, изменить ситуацию к лучшему он не смог.

А если учесть, что окружение президента в кремлевских коридорах преуспевало не в навыках управления, а по большей части в интригах, то непросвещенный в этой сфере Игорь Родионов, как и Александр Лебедь, был обречен. Употребим сочувственную фразу Галины Старовойтовой, обращенную к генералу Лебедю: "Вам бы не поскользнуться на кремлевских паркетах, генерал". Чубайс еще раз продемонстрировал истину, что он цепкий оппонент и не отпускает отступающего противника вплоть до момента, пока поезд противника не сойдет с рельс.

Интересен ответ Игоря Родионова в одном из своих отставочных интервью.

"...Вопрос: Сколько времени Вам и генералу Самсонову понадобилось, чтобы освоиться с ситуацией после назначения и войти в курс дела?

Ответ: Девять месяцев..."

По истечении десяти месяцев Игорь Родионов был отстранен от должности!

Накануне заседания Совета обороны Родионов разговаривал с президентом по телефону - договаривался о деталях заседания. Ничто не предвещало бурю.

Бесспорно, главный оппонент генерала Родионова - секретарь Совета безопасности

Юрий Батурин - сыграл-таки роль Яго. В окружении Ельцина преуспевает тот, кто хорошо изучил и постиг привычки президента. Правда, это имеет и свою обратную сторону. Как только Ельцин чувствует, что рядом стоящий слишком много о нем узнал и для него президент перестает быть непредсказуемым, Ельцин убирает познавшего его сподвижника. Уходили не по причине непонимания; а как раз наоборот, в силу понимания происходящего. Загадки власти рождают страх. Нет загадки - нет страха. Нет страха - есть распущенность, работа на свой интерес. Логика незамысловатая, но не лишенная житейской рациональности.

Не более двух месяцев назад (а отставка Родионова случилась в мае) по настоянию президента оба оппонента провели совместную пресс-конференцию. И Батурин, и Родионов публично как бы пожали друг другу руки, признав, что их расхождения в толковании армейской реформы не являются непреодолимыми. Однако после пресс-конференции каждый, вернувшись в круг своих единомышленников, был обвинен в сдаче позиций и вынужден был вновь обрушить критику на голову оппонента. Родионов это делал с армейской прямолинейностью уже потому, что за его плечами была разутая, неукомплектованная, не оснащенная, живущая впроголодь, убого профинансированная армия. Напомним лишь несколько цифр, которые справедливо назвать удручающими: от утвержденного законом бюджета в 1996 году армия была профинансирована в денежном довольствии (то есть заработной плате) на 42,3 %, продовольствии - менее чем на 20 %, вещевом обеспечении - 1,3 %, в ремонте боевой техники - менее 6 %, медицине - на 5 %, связь и транспорт еще более убого. Грачев, не желая терять расположения и дружбы президента, на чем и держалась его должностная устойчивость, говорил об этих проблемах вполголоса. Не молчал, нет, однако не обострял в президентском присутствии этот разговор до точки кипения.

Десантные войска, в отличие от других родов войск, чувствовали себя вольготнее, зная, что министр - выходец из их среды. Такое впечатление, что Павел Грачев отчитывался перед президентом преданностью десантных войск, а проблемы более отсталой армии отодвигал как бы на второй план. Ожидать от Грачева реформирования армии было нелепо. Не потому, что Грачев был плох или хорош. На его плечи легло оформление, структуризация российской армии, как некоего продолжения армии Советского Союза. На его плечи лег вывод войск и реорганизация военных округов на совершенно иных территориях. На его министерское правление выпал вывод Западной группы войск с территории Германии на неустроенные поля России. И, наконец, он явился ключевой фигурой в чеченских событиях, которые и убедили нас в выводе малоутешительном: боеспособность российской армии под большим вопросом.

В этих условиях возможно было заниматься популизмом, декларировать реформы, но никоим образом их не проводить.

Родионов этих деструктивных и политических коллизий в момент своего вступления в должность не имел. Он имел армию, которую эти коллизии привели в состояние жесточайшего финансового кризиса, а затем кризиса структурного и технологического. Ему предстояло сказать президенту то, о чем Грачев не говорил.

Информация о неблагополучности в армии не была секретом. Коржаков не любил Грачева и потому не упускал случая усилить отрицательный эффект.

Президент воспринимал подобные сведения неадекватно, как политическую интригу аппарата против наиболее преданного ему человека, каковым он числил Павла Грачева. Грачев относился к президентскому окружению чуть свысока, полагая, что его близость к президенту дает достаточные защитные дивиденды.

Против Грачева с неотступным упорством боролся Коржаков. Боролся осторожно, с оглядкой, зная упрямую привязанность Ельцина к министру обороны.

У Родионова столь серьезного оппонента в кремлевских коридорах, как Александр Коржаков, не было. И если Коржаков с Грачевым не хотели делить свою приближенность к президенту, то Родионову в этом смысле делить было нечего. Для президента он считался фигурой из другого армейского мира.

С Родионовым в баню не пойдешь. Для реформирования армии человек, до этого возглавлявший Академию Генерального штаба, которая, по сути, питает кровью мозг армии, был наилучшей кандидатурой, однако...

Не подошел, вытолкали за дверь. Все потому же - позволяет себе. Родионов признался в одном из разговоров: "Я не дипломат!" Тут он совершенно прав. Только "не дипломат" может накануне приезда китайского премьера в Россию заявить в своем публичном докладе, что согласно военной доктрине Россия рассматривает Китай как вероятного стратегического противника. Только "не дипломат", спустя два месяца, оказавшись в Японии и находясь в полутора часах лета от Пекина, мог предложить создать военную ось Вашингтон-Москва-Токио, как некий гарант международной безопасности. Только "не дипломат", встречаясь с ветеранами по поводу Дня Победы, мог сделать бескомпромиссное заявление о полном развале армии и потере ее боеспособности, как если бы он не осознавал, что за состояние армии отвечает прежде всего министр обороны. Понятно, что к этому времени он находился в должности 9 месяцев и развал вроде как не дело его рук. Тут генерал, конечно, не прав - ответственность начинается не год спустя, а в час назначения, но что сказано, то сказано.

Мы гадаем о причинах отставки Родионова. Но перечисленные ляпы, допущенные Игорем Родионовым в далекие прошлые времена, могли стоить не только должности, но и погон. А вдруг именно они побудили президента к столь жесткой оценке деятельности министра обороны и реформы здесь ни при чем? Да нет же, нет. Наш президент тоже не дипломат.

Объяснять свои неадекватные заявления желанием помочь президенту (который к тому же конституционно является главнокомандующим вооруженными силами) на торгах с НАТО, конечно же, не наивность, непозволительная не только для "не дипломата", но и для облачившегося в гражданский костюм министра обороны. Тут нечто большее. Только министр, лишенный политического чутья, мог разрешить начальнику Генерального штаба сопровождать группу депутатов, исповедующих взгляды непримиримой оппозиции, решивших посетить воинскую часть Московского военного округа.

То, что произошло на заседании памятного Совета обороны, значимо не в силу скандальности. Суть в другом: со всей очевидностью обнаружилась искусственность управления силовыми ведомствами со стороны президента. Сам факт, что ни министр обороны, ни руководитель ФСБ, ни министр МВД, ни руководитель Федеральной пограничной службы практически не подчинены премьеру, а являются личной креатурой президента, делает управление этими ведомствам спазматическим. И даже Куликов, облеченный должностью вице-премьера, чувствует себя не членом правительства, а оком президента в правительстве. Разовые встречи главы ведомства с президентом - не более чем явление формальное, демонстрация президентской лояльности либо президентской "строгости". Потому и Совет обороны, и Совет безопасности структуры, к управлению не приспособленные, структуры надстроечные и неэффективные. Они не более чем шумная имитация работоспособности президента, случающаяся спонтанно.

И родионовская ремарка: "За десять месяцев работы министром обороны я так и не понял, кто же управляет страной" - повисает в воздухе. Хотя не исключено, что министр обороны у нас был не сообразительный.

Министра Игоря Родионова сменил министр Игорь Сергеев. В отличие от Родионова, который не мог попасть к президенту месяцами, Игорь Сергеев принимается Ельциным уже второй раз в течение полумесяца. Что это? Обостренный интерес к армии? Желание сгладить тяжелые впечатление от скандального Совета обороны? Убедить себя в правоте своего решения? Добавим, что за это время президент встречался и с первым замом министра обороны Андреем Кокошиным, командующим пограничными войсками Андреем Николаевым. Всякий раз под телевизионные камеры президент задает один и тот же вопрос: "Как воспринято решение, принятое на заседании Совета обороны?" Президент не может задать вопрос так, как ему хотелось бы: "Я правильно поступил, отстранив Родионова от должности? Или нет?" Приглашенные для отчета не отвечают на президентский вопрос и не

рассказывают о реакции на столь внезапный гнев президента, обрушившийся на голову Игоря Родионова. Они избирают свою тактику. И Сергеев, и Кокошин, и Николаев повторяют одну и ту же уставную фразу - "Все ваши указания выполняются!".

Настырный вопрос президента выдает его беспокойство. Он понимает, что пережал, поступил даже не жестоко по отношению к бесспорно высокому армейскому профессионалу - поступил необдуманно, практически нарисовав новому министру его судьбу. И никакого порыва вдохновения, без чего реформирование попросту механическое занятие, не породил. Подавленность, которую скрывают военные, - вот что вынесли они с этого заседания Совета обороны.

Коридоры в Минобороны гудят, предчувствуя разгон команды Игоря Родионова, команды, которая собиралась в течение последних пяти-шести месяцев. Все случившееся убеждает нас в справедливости вывода - президент во власти подозрительности. Он почти уверен, что под крышей Минобороны созрело антипрезидентское ядро. А потому - разогнать. Вот почему и.о. начальника Генерального штаба Квашнин (как заметила газета "Известия", выдвиженец Грачева) встречается с бывшим патроном в бане в предчувствии реванша за недавнее изгнание из коридоров отечественного "Пентагона". Птенцы гнезда Грачева - генералы Валерий Лапшов, Вячеслав Жеребцов и Сергей Здориков - после долгого отсутствия замечены вновь в главном военном офисе. Вообще отставка генерала Игоря Родионова, при всей внешней грубости, менее драматична, чем рапорт об отставке Павла Грачева, едва ли не приросшего к президенту, в 1996 году. У меня двойственные ощущения. Тогда мне казалось, что президент, сообщая Грачеву о своем решении назначить Лебедя секретарем Совета безопасности, делал это через силу, понимая, что сдает Грачева; но была болезнь, была усталость, и еще впереди был второй тур голосования. Возможно, он даже хотел сказать: "Павел Сергеевич, перетерпи. Лебедь долго не продержится, переругается со всеми, с кем положено и не положено. Я должен сделать этот шаг. Иначе и тебе, и мне, и всем остальным, проиграй мы на выборах, придется неизмеримо горше, чем это назначение твоего обидчика".

Даже если бы Ельцин все это сказал, он не мог не понимать, что первым требованием Лебедя будет требование отставки военного министра. Более того, это было условием Лебедя при заключении союза. И так же бесспорно Ельцин принял это условие. При этом в ослабленном мозгу президента промелькнула мысль - отставку Грачева демократы воспримут положительно.

С этого момента Ельцин вступает в совершенно иную эру. Он окружает себя людьми, которые не могли стать ему близкими в силу разницы лет, разноукладности прошлой жизни. Речь не идет в этом случае об Александре Лебеде. В день назначения Лебедя я уже писал: "Они слишком похожи, чтобы содействовать и сосуществовать. Не станем предрекать неудачу, но будем готовы к тому, что этот союз недолговечен".

Освободив Игоря Родионова, президент как бы уравновесил свою душу. Теперь возвращение Павла Сергеевича (отпуск которого так затянулся) на ту или иную должность вполне реально. Сейчас, наблюдая Ельцина со стороны, когда я не живу обременяющим предчувствием должностных встреч с ним, мне кажется, что в его поведении неизмеримо больше хитрости и расчетливости, нежели обезоруживающей непосредственности и простоты.

Изначальный Ельцин, лидер без команды, провинциал, оказавшийся в середине 80-х в Москве, всегда нуждался в двух-трех очень близких людях, которым доверял, к которым привык, которым были близки его естественность, натуральность, что бы это ни было - охота, баня, застолье. Хотя сам Ельцин никогда не допускал, чтобы его сотоварищи в моменты этой естественности забывали, что он, Ельцин, президент, а тот другой - его подчиненный, хотя и любимый им, но под-чи-нен-ный. Сейчас вокруг Ельцина таких людей нет. Да и проявление такой естественности чрезвычайно ограничилось. И обусловлены эти ограничения перенесенной операцией. Нет тенниса, а значит, нет и бани после тенниса. И многого другого нет. Болезнь приблизила Ельцина к семье, сделала гораздо в большей мере семью его

окружением, и даже окружением политическим. Отсюда появление дочери в числе его ближайших советников. Я уже говорил, Ельцин - личность объективно одинокая, когда одиночество создается дистанцией, отделяющей высокую власть от сущностного мира. Наличие Татьяны Дьяченко рядом с отцом в повседневной политике, при всех против (а их сверхдостаточно: Россия не любит очевидной родственности власть предержащих; естественная для любой женщины переменчивость настроений, более обостренное восприятие симпатий и антипатий; предрасположенность к сверстникам, как более близким, более понятным, а значит, меньшее понимание людей других возрастных групп), адаптирует новое поколение политиков к президенту, а президента к этим говорливым, амбициозным молодым людям, которые своим выдвижением обязаны только ему.

Впрочем, вопрос остается открытым. Примет ли президент эту новую среду своего окружения, как неизменную, или по мере нарастающей активности, а этого отрицать нельзя, захочет почувствовать себя прежним? Где-то в начале июня я услышал фразу человека, который внимательно вглядывался в телевизионный экран, рассматривая президента на улицах Санкт-Петербурга: "Не хочешь, а поверишь - врачи сотворили чудо. Ему возвратили даже темперамент".

Навязчивая необходимость в том или ином человеке формирует в самом человеке чувство незаменимости. А это всегда опасно. Дочь в отставку не отправишь. Не сама дочь, а уже окружение дочери может вызвать качественные изменения в отношениях дочери и отца. Дочь президента естественный союзник поколения сорокалетних. Это амбициозный возраст, раздражающий традиционный российский консерватизм. У них есть один коридор в историю - успех реформ. Но желание удержать власть сильнее осознания исторической закономерности. Именно здесь таится главная опасность. Беспощадно отметая рядом стоящих возрастных предшественников, им кажется, что они берут реванш за неверие в их силы. Но самое удивительное, что их сил может хватить на прорыв, но никак не достанет, чтобы поднять страну. И всякое отсечение интеллектуальной энергии, что происходит на наших глазах, убийственно для развития России, и в том числе для этого поколения власти.

Таково объективное толкование событий, но есть и субъективное, замышленное задолго до этих событий конца зимы и весны 97-го года.

ИЩИТЕ ЖЕНЩИНУ

У каждого месяца своя событийность. Первого июня 1997 года стало известно, что президент подписал указ о назначении своей младшей дочери советником президента. Уже давно нетайное стало явным. Круг обязанностей достаточно эксклюзивный - имидж президента. Галстук, речь, манеры, "папа, не сутулься".

Как сказала в своем первом интервью Татьяна Дьяченко, она же до замужества Татьяна Борисовна Ельцина: "Я буду заниматься тем же, чем занималась во время предвыборной кампании. Практически я и раньше выполняла обязанности советника. Сейчас мои обязанности, по сути, легализовались. Вот и все". Ельцина-младшая права - нет такой должности "дочь президента", а должность советника есть. Поле для слухов и интриг как бы сузилось. И протестующая фраза уязвленного чиновника: "Да кто она такая, чтобы указывать: что делать, как делать?" Разумеется, возможен ответ - дочь. И вряд ли для понимающего, поднаторевшего в интригах человека свиты эта должность малозначима. Но для самой дочери все эти разговоры, выходящие за пределы кремлевских стен - вечные обвинения в использовании не заработанного права. Теперь мы имеем ситуацию: мало что советник, еще дочь. Или наоборот, мало что дочь, еще и советник президента. Дочь Ширака Клод - тоже помощник президента. Дочь Назарбаева - Дарига - тоже в политической обойме. Лиха беда начало, а там поедет, покатится, полетит.

Сейчас Татьяне Дьяченко 38 лет. Пять лет назад, в пору первого ельцинского президентства, ей, естественно, было 33. Могла ли возникнуть подобная ситуация, скажем, в 1991-м или 92-м, 93-м? Могла ли в тот момент дочь президента стать его официальным советником, должностным лицом? Отрицательный ответ лежит на поверхности. Ну, конечно же, нет. Это сейчас к президенту привыкли, а тогда...

В своем последнем радиообращении, посвященном итогам первого года своего второго президентства, обращении достаточно странном как по теме, так и по сути (в пору второго президентского срока не принято говорить о первых ста днях, и уж тем более не отмечают, не подводят годовых итогов хотя бы потому, что президент-то не новый), Ельцин лишь подтвердил свою традиционность: все не говорят, а я говорю.

Интересно, что главной в самом обращении оказалась не череда цифр, которая естественна, как некое свидетельство достигнутых успехов, иначе зачем подводить годовой итог, тем более что тебя об этом никто не просит. Темой обращения, его нервом оказались рассуждения президента: как он изменился сам, каким тяжким этот год был для него, год операции и болезни, год полной смены команды. Странно, но я лично испытал некое удовлетворение от президентского обращения. В нем есть признание президентом своей неправоты в нашем личном споре. Споре о степени открытости политики.

Возвращаясь в 1991 год, какой виделась нам политика нового руководства России? Напомню, что тогда не было единства в понимании этой концепции. Кто-то настаивал на абсолютной открытости политики. В этом мы были союзниками и с Полтораниным, и с Филатовым, кстати, и с Силаевым, в тот момент премьером России. К этому тяготели и митинговые демократы. Ельцин, как лидер и как президент, состоялся именно на нестандартной открытости своего "Я". На сей счет у меня не было больших заблуждений, и я понимал, что по мере привыкания к власти, под воздействием окружения, желающего остаться властью, под давлением неминуемых реформаторских неудач, президент будет отходить от принципа открытости, потому как есть оправдательный посыл - его будут теснить обстоятельства, а вместе с ними и создатели этих обстоятельств: Юрий Скоков, Александр Руцкой, Александр Коржаков, Виктор Баранников, Сергей Шахрай. В этот перечень могли попасть и люди противоположных взглядов. Просто, оказавшись во власти, открытость политики, к которой они призывали, им стала мешать. Получив в 1990 году карт-бланш на создание Всероссийской телерадиокомпании, я понял, что в определенной степени в моих руках судьба этой самой открытой политики. И я должен употребить все свое влияние, чтобы помешать окружению президента превратить одно из главных завоеваний, добытых на старте демократического прорыва, превратить в фарс. В определенной степени эта позиция стоила мне карьеры, но не изменила моих взглядов. И вот, по сути, на исходе первого года своего повторного президентства (исключим из него время болезни Ельцина) он пытается вернуть свое прошлое завоевание, которое неразумно похоронил. "Только открытая политика президента и никаких "но" - в этом наше превосходство, в этом наше спасение", - так или почти так он говорит в июле 1997 года. Три последних радийных монолога: один посвящен молодежи, другой - старикам, третий - самому себе. В промежутке еще один, после подписания договора с НАТО. Договор с Белоруссией, договор с НАТО - так сказать, ритуальное сопутствие ритуальных действий, но не они говорят об изменившемся президенте.

Есть перемены и перемены. В одном случае нам надо доказать, что здоровье президента восстановилось полностью, он в хорошей форме, он динамичен, уверен в себе. Он - прежний Ельцин. И в этом случае его напор, возросшие нагрузки, с которыми он справляется, конечно же, очевидные перемены в образе самого президента, так и в восприятии его деятельности со стороны сограждан. Это объективные перемены. Но есть и перемены субъективные, скрытые от глаза. Уход президента в чисто человеческое, приземленное состояние, состояние возросшей естественности, уставшей и прожившей непростую политическую жизнь натуры. Желание поговорить о молодых - неважно где: во власти, в бизнесе, в политике, короче говоря, о взрослых детях; о стариках - твоих сверстниках и, наконец, о себе самом, изменившемся и многое понявшем. Властное затворничество не сделало его счастливым. И Ельцин осознает это уже давно, играет роль короля Лира, бродящего среди верноподданных или прикованного к постели, и тогда верноподданные в растерянности бродят вокруг него с немым вопросом в глазах - чего ждать?

Кто-то скажет - это естественное, чисто старческое состояние. Оно одинаково случается

и у дворника, и у президента. Природа берет свое. Дочь президента охарактеризовала образ отца уже не как дочь, а как советник: "Хотелось бы, чтобы Ельцин соответствовал самому Ельцину". В этом смысле Татьяна Дьяченко видит свою бесспорную полезность на новой должности. Ну что ж, кому, как не дочери, знать, где Ельцин естественный и жизненно реальный, а где... Правда, не следует забывать: все, что нравится или не нравится нам в наших близких, не всегда воспринимается точно так же окружающими.

Ельцин долго думал, прежде чем принять столь нестандартное решение по поводу назначения дочери. "Против", как казалось Ельцину, было гораздо больше, чем "за". Но эти "против" существовали и тогда, когда дочь, не будучи советником, практически являлась таковым и оказывала достаточное влияние, в том числе и на кадровые решения Ельцина. Особая ментальность России, где плохо относятся к факту семейственности во власти, разумеется, значима, но не настолько, чтобы упрямому Ельцину принять неадекватное решение. Вообще, само решение о назначении Татьяны Дьяченко - это не решение Ельцина. Это внушенная идея, внедренная в сознание президента Юмашевым, а Юмашеву подсказанная Березовским и одобренная Чубайсом. Хорошо разыгранная комбинация (употребим модную ныне терминологию из сферы безопасности) "по внедрению агента доверия". Разумеется, это сравнение вызывает улыбку. Большего внедрения, чем самовнедренная в семью любимая отцом младшая дочь, быть не может. Дочь - да. А советник - нет. В этом и заключается суть всего действия. Сначала вы завоевываете симпатии человека, а затем человек становится носителем ваших идей и симпатий. Надо отдать должное этой новой генерации политической власти. Надо отдать должное Анатолию Чубайсу, который проявил себя не только как неплохой экономист, но и психолог. В чем же эта психологическая выигрышность?

Чубайс и его команда (а рядом с ними и команда Гайдара) не могли не понимать, что возрастной отрыв их поколения от мудро-здравых президентских лет исключает психологическую близость кого-либо из них к президенту. Это могут быть теплые отношения: отечески-назидательные, отечески-заинтересованные, но не близкие. Разница не только в годах - в биографиях, в образовании, в привычках - и потому во властно-державном опыте. Они безмерно дорожили его отношением к себе. Тогда, в 91-92-м годах, они к нему не стучались, не вытаптывали паркет у его дверей. По большому счету, они его даже не знали. Он сам разыскал их. Точнее будет сказать, те люди из его окружения, которые собирали ему команду. В тот момент этим человеком оказался Геннадий Бурбулис. Ельцин был чужд Горбачеву и до, и после, а значит, он не мог ни в какой степени рассчитывать на либерально-реформаторскую команду президента СССР: Шаталина, Петракова, Богомолова, Аганбегяна, Абалкина. Кто-то из этих людей чуть позже чисто внешне даже примкнул к Ельцину - академики Заславская, Арбатов; те же Николай Петраков и Станислав Шаталин, но очень ненадолго.

Ельцину нужен был этот маневр, чтобы придать интеллектуальную значимость своему окружению. В тот момент и Святослав Федоров, и Григорий Явлинский, и Гавриил Попов, и Юрий Болдырев спонтанно появлялись на заседаниях Президентского совета. Эти маловероятные интеллектуальные собрания той поры с непостоянным составом производили странное впечатление. Геннадий Бурбулис был организующим лидером этого процесса - погружения президента в интеллектуальную среду. Если быть честным, все эти милые и незаурядные люди желали по большей части продолжения разговоров о переменах, не сами перемены, о которых они имели весьма смутное представление, как, впрочем, и их ученики, в силу молодого тщеславия на эти перемены решившиеся. Так вот, реформы для этих растерявшихся в демократической стихии "мэтров" оставались туманными мифами, о которых они, как начитанные люди с удовольствием рассказывали непросвещенной власти. В этих монологах были интересны не реформы, в свое время случившиеся в Японии, Германии, Америке, Чили или Чехословакии, а рассказ о них.

Их начитанность позволяла им очень убежденно говорить на тему - как и почему плохо у нас и как и почему хорошо у них. Но как только возникал вопрос, можно ли "нас"

превратить в "них", начинался некий ритуальный танец: разумеется, можно, но ...

И это "но" оказывалось таким весомым, многокоридорным, разнопространственным и многодейственным, что требовало новых разговоров, которые отодвигали сами реформы в иной временной, а значит, разговорный предел. Весь горбачевский период справедливо назвать разговорным прорывом, когда говорить о несовершенстве системы стало не то чтобы можно, но стало просто-таки правилом хорошего тона.

КАРАУЛ УСТАЛ

У Ельцина нет постоянной команды. У Ельцина не было и нет постоянного окружения. Часто задается вопрос: чем это вызвано? Капризностью Ельцина? Его неумением ладить с окружением? А может, таков стиль президента?

Сейчас, будучи отстраненным во времени, могу сказать, что Ельцин всегда был крайне уязвим и крайне непрофессионален в кадровой политике. И слишком часто пользовался житейской целесообразностью, что хорошо при найме столяра, но плохо при управлении государством. Стиль - состояние складывающееся. Каприз, плюс неумение, плюс ситуация, плюс давление. И как итог, изменившийся или вновь обретенный стиль. Стиль - всегда следствие. Поэтому надо говорить не о стиле. И даже не о специфичности Ельцина. И то, и другое - продукт обстоятельств. Создать демократическую среду - одна цель. Следовательно, окружение должно соответствовать этой заглавной цели. Движение "Демократическая Россия", Геннадий Бурбулис, Лев Пономарев, Марина Салье, Галина Старовойтова, Гавриил Попов, Николай Травкин и, прежде всего, Межрегиональная депутатская группа. Окружение осуществляло решение чисто политической задачи - заявить нового лидера России как лидера демократического, не уступающего в своих демократических притязаниях Михаилу Горбачеву, с именем которого Запад связывал свои надежды на демонтаж коммунистической системы. Их интересы пересеклись в диспропорциональной зоне. Горбачев уже прошел свой пик и жил остаточностью своего быстро убывающего авторитета. И слова "Горбачеву альтернативы нет" произносились все реже и реже. Ельцин наоборот, буквально поднимался из политических руин. Распятый Горбачевым на кресте Московской городской партийной организации, вдруг стал набирать высоту. Жизненный алогизм: именно либерализм Горбачева сохранил Ельцина, дал ему еще один политический шанс. По признанию самого Ельцина, Москва - и он был уверен в этом - стала его безотрадным политическим финалом. Он оказался на грани нервного срыва и был близок к самоубийству. То окружение образца 90-91-го годов было окружением политической риторики. Надо было выиграть у Горбачева на его территории. Не кто иной, как Горбачев, предложил эту риторическую модель противостояния. И неудивительно, что ближайшие помощники и соратники Ельцина строили свою тактику на перетягивании интеллектуалов в стан Ельцина. Такова была тактическая концепция Геннадия Бурбулиса, в ту пору человека № 1 в окружении президента. Бурбулис был руководителем предвыборного штаба Ельцина и, следуя историческим аналогиям, в случае победы Ельцина мог рассчитывать на самый высокий пост в управленческой иерархии.

Для Ельцина весьма показательно, когда он, приблизив к себе человека, оставляет его в зоне собственного саморегулирования. Так было с Бурбулисом, с Руцким, Шумейко, Немцовым, Чубайсом, Шахраем, Скоковым, Сосковцом, Филатовым, Илюшиным. Он предлагал своим приближенным либо сгореть на огне собственного тщеславия, либо продлить свое привластное долголетие, оставаясь в достаточной политической тени. Если первые общеизвестны, то к числу вторых можно отнести Илюшина, Сатарова, Батурина, Суханова, Бородина. Все они долгожители кремлевских коридоров. Ельцин перед своим окружением ставил, по сути, головоломную задачу. Давал максимум прав открытого политика, но при этом достаточно болезненно реагировал, когда его сверхприближенные начинали этими правами пользоваться. Геннадий Бурбулис, Михаил Полторанин, Сергей Филатов, Руслан Хасбулатов, Галина Старовойтова, Сергей Станкевич, Сергей Шахрай, Борис Немцов, Владимир Шумейко и весь спектр демократических сил, возглавляемых Гавриилом Поповым, Николаем Травкиным, и есть главные соавторы и сотворители

противоречивого образа первого президента России. Наверное, есть тут и моя лепта, Олега Попцова.

Все эти люди и многие их сподвижники по демократической волне ныне вне президентской команды, вне президента, вне его окружения. И ныне в своем абсолютном большинстве его оппоненты, нежели сторонники. Тут нет больших открытий. Во все времена революции пожирали своих детей. Но вернемся к исходной мысли: по каким законам и нормам формируется окружение президента Ельцина?

В первой своей книге "Хроника времен царя Бориса" я достаточно писал о Геннадии Бурбулисе. Сейчас, чуть отодвинув от себя эти события, я имею возможность взглянуть со стороны, как и могу понять, что многое в этом случае видится более рельефно и объемно. Характерная черта российских демократов образца 90-91-го годов - помешанность на сверхидее низвержения идола (покончить раз и навсегда с всевластьем КПСС). При этом нельзя забывать, что многие, если не большинство легионеров радикально-демократического поветрия, - выходцы из КПСС, прошедшие выщелачивающую все и вся школу демократического централизма, но сохранившие вопреки ей надежду похоронить коммунизм советского образца. При этом сами того не подозревали, что в карьерном мышлении продолжают жить мироощущениями коммуно-социалистической данности, в уничтожении которой, казалось бы, преуспели. Никакой иной методологии поведения во власти власть демократическая не обрела. Ко всему прочему дал себя знать властный непрофессионализм демократов, отчасти схожий с обстоятельствами 1917 года, когда властью стали те, кто никогда не был властью и навыков власти не имел.

История ельцинского окружения не лишена чисто возрастной окраски. Она всегда была сочетанием привычного с необходимым. На разных этапах верх брала то одна, то другая тенденция. Однако преобладание той или иной группы обусловливалось не изменившимися обстоятельствами, а, скорее, переменами, происходящими в самом Ельцине.

* * *

Июль 1997 года.

Месяц президентского отдыха. Первую половину своего отпуска Ельцин провел в Карелии, вторую на Волге. Это был необычный отдых президента. Никогда еще время президентского отпуска не было столь перенасыщено деловыми контактами. Никогда еще авиалинии Москва-Петрозаводск-Москва, а чуть позже Москва-Самара-Москва не были так перенасыщены спецрейсами. Управление страной обрело явно челночный характер. За время президентского отпуска в его резиденции сначала в Карелии, а затем на Волге трижды побывал первый вице-премьер Немцов, дважды Анатолий Чубайс, дважды Виктор Черномырдин, дважды глава Центробанка Сергей Дубинин, дважды министр обороны Игорь Сергеев, руководители ведомств, министры, региональное руководство.

С одной стороны, Ельцин давал понять, что обновившаяся федеральная исполнительная власть работает по-новому и он, президент, продуцирует этот новый стиль работы. С другой - некое искупление за собственное вынужденное бездействие в течении почти целого года, вызванное болезнью.

Июль приметен двумя событиями: резким обострением осетино-ингушского конфликта и скандальными неполадками на космической станции "Мир", выход из строя уже не первый раз систем жизнеобеспечения орбитального комплекса, что ставит под вопрос успешность всей космической программы России. Хотя Центр управления полетами упрямо твердил, что ничего сверхординарного не произошло и станция, несмотря ни на что, будет продолжать свой полет, хотя сроки ее эксплуатации превышены уже в два раза.

Рассуждая непредвзято, мы, конечно же, пытаемся спасти честь мундира. И решение о продолжении эксплуатации станции "Мир" - решение вынужденное, у нас нет денег на следующий сверхмасштабный космический проект. Станция "Мир" фиксирует наше постоянное присутствие в космосе. И ее пусть не идеальное долгожительство меняет взгляды на продолжительность космических полетов. При этом как чертик из табакерки выскакивает воспоминание: а американцы высадились на Марс.

Кавказ задымился вновь. Президент намерен встретиться с президентом Северной Осетии Галазовым и Аушевым, президентом Ингушетии, предлагавшим ввести в связи с обострившимися конфликтами на спорных территориях прямое федеральное правление. Идея Руслана Аушева наделала много шума - его сразу едва ли не нарекли прародителем новой чеченской войны. Галазов агрессивен несравненно более Аушева. Если в зоне конфликта будет введено прямое правление федеральной власти, пригрозил Галазов, Северная Осетия поставит вопрос о выходе из состава России.

При достаточно зыбком мире в Чечне, когда чеченский президент Масхадов пытается выстроить новую концепцию отношений с Россией, без очевидного подтверждения устойчивости собственной власти, заявление Галазова, а не сам осетино-ингушский конфликт есть жестокое признание очевидного факта эффективной кавказской политики у России нет. Она держится на остаточной энергии политики советского периода, что само по себе нелепость, так как оплотные республики Кавказа: Грузия, Армения, Азербайджан - стали независимыми государствами. Иначе говоря, обруч, который держал, лопнул, породив иллюзии собственных интересов этих соседей на российском Северном Кавказе. Вот суть совершенно новой проблемы. И похожий на плюшевого медведя Эмиль Паин - советник президента по национальным вопросам, олицетворяющий осторожность и взвешенность, уподобился ученому-островитянину, размышляющему о материковой жизни на основании отражения материка в поверхности океана.

Шаг, сделанный президентом 3 августа, когда был подписан указ о назначении Рамазана Абдулатипова - даргинца по национальности - на пост вице-премьера по национальным вопросам, шаг разумный. Абдулатипов - человек из нутра Кавказа. Это очень важно, но в этом есть еще и своя проблема. Дагестан из северокавказских республик - республика самая многонациональная, с наибольшей российской ментальностью. Назначение Абдулатипова в этом случае никак не демонстрация интернациональности федеральной власти, а попытка найти фигуру, пользующуюся значимым авторитетом на Северном Кавказе. Одно можно сказать точно. В правительстве одним политиком стало больше. Абдулатипов природно бескорыстен, самолюбив и горд. В окружении сверхрациональных молодых людей, хотя он и сам не стар (ему пятьдесят), Абдулатипову будет нелегко. Впрочем, это всегда на пользу, когда в разработке кавказской политики ключевую позицию занимает человек, знающий и чувствующий неоднородность Северного Кавказа. Правда, есть одно "но": позволят ли президент, премьер, да и либерально-радикальные реформаторы в правительстве и в окружении президента Рамазану Абдулатипову проявить себя, как идеологу российской политики на Кавказе. Не исключено, что именно Сергей Шахрай рекомендовал президенту сделать подобное назначение. И от него в достаточной мере будет зависеть успех и неуспех Абдулатипова в будущем.

Еще два события июля из разряда финансово-экономических скандалов. Обвинение Дубинина, председателя Центробанка, в адрес бывшего заместителя министра финансов Андрея Вавилова и руководства "Уникомбанка" в финансовых злоупотреблениях в размере трехсот миллионов долларов. Речь идет о двух сделках в равных долях по сто пятьдесят миллионов: одна - с правительством Московской области, а другая - с МАПО "МиГ", связанная с поставкой Индии российских боевых истребителей. Обе сделки в бытность свою заместителем министра финансов курировал Андрей Вавилов. С подачи Дубинина письмо в прокуратуру по поводу странных финансовых операций с бюджетными средствами на столь внушительную сумму подписал премьер. Это тем более необъяснимо, что, по всем данным, именно Андрей Вавилов был долгое время человеком Черномырдина в правительстве. И переход Вавилова после своей отставки в "Газпром", казалось бы, подтвердил эту версию. Однако последующие события, когда после недавней реструктуризации руководства "Газпрома" Вавилов ни в каком виде там не оказался, наводит нас на мысль, что прежний альянс между премьером и Вавиловым расстроился. Вавилова, как серьезного специалиста в финансовом мире, попросту перекупил Владимир Потанин ("ОНЭКСИМбанк"). Остается открытым вопрос: до отставки Вавилова или после нее?

Чубайс, получивший по совместительству с вице-премьерством пост министра финансов в обновленном правительстве, сразу же выдвинул одно принципиальное требование: Вавилов должен покинуть Минфин. Чубайсу удалось то, что не удалось ни одному из прежних министров, хотя неудобство от присутствия Андрея Вавилова в кресле заместителя испытывали и Барчук, и Пансков, и Дубинин, и Лившиц, который, в отличие от остальных, был вице-премьером, но тоже ничего поделать с Вавиловым не мог. Если признать, что Андрей Вавилов был человеком Черномырдина, то атака на него бесперспективна. Вавилов достаточно умен, чтобы не позволить себе проведение подобного рода операций без санкций правительства. Иначе зачем быть человеком премьера? Так оно и случилось. На первой же пресс-конференции, последовавшей после разразившегося скандала, Вавилов продемонстрировал достаточный запас правительственной документации, открывавшей зеленый свет этим соглашениям. Дубинин должен был отступить. Скандал вспыхнул и так же мгновенно угас. Дело в том, что и Дубинин был человеком Черномырдина. Однако насыщенный неурядицами июль этим не завершился.

В самом конце месяца тендер-аукцион по покупке 25% государственного пакета акций компании "Связьинвест" закончился очередным скандалом. Тендер выиграл Владимир Потанин, выступивший в связке с Джорджем Соросом, известным бизнесменом, мастером биржевых спекуляций мирового масштаба, и Лойд-отделением Дойч-банка. Специально для участия в тендере Потаниным была создана некая компания из трех составляющих: "ОНЭКСИМбанк", Д.Сорос, Дойч-банк. В числе их конкурентов оказались две значимые банковско-финансовые группы, одну из которых представлял Борис Березовский, другую - Владимир Гусинский. Здесь тоже сложился тройственный союз. Третьей вершиной оказалась испанская телефонная компания.

Потанин аукцион выиграл, предложив за выставленный на торги пакет 1875 млн $. Конкуренты Потанина, приглашая в команду известную испанскую телефонную компанию, давали понять, что они технологически более подготовлены к конкурсу, нежели их оппоненты. В качестве предлагаемой программы на ближайшее будущее, опираясь на возможности и опыт Всемирной телефонной компании, противники Потанина обещали модернизацию "Связьинвеста", но...

На данный момент при помощи тендера правительство решало иную задачу: не модернизацию "Связьинвеста", что стратегически выглядело перспективнее, а задачу сугубо тактическую - позарез нужны были деньги, чтобы в ближайшее время снять социальное напряжение, и прежде всего в армии, погасив немыслимую задолженность. У аукциона есть свой железный закон - кто больше? Потанин с Соросом предложили на 125 млн $ больше и выиграли. Такова формальная и внешне достаточно объективная сторона разразившегося скандала. Но, как всегда, закулисная часть разыгравшегося действия оказалась намного насыщеннее и драматичнее, но об этом чуть позже. Таков был июль 1997 года.

ТЕЗИСЫ ВПЕЧАТЛЕНИЙ

- Банковский скандал. Конец семибанкирщины.
- Успешный аукцион Альфреда Коха и его отставка.
- Июльский арест журналистов в Белоруссии и августовский скандал по этому поводу.
- Переговоры Ельцина с Масхадовым.
- Освобождение журналистов-заложников в Чечне и политический скандал по этому поводу.
- Ельцин на место Бойко, заместителя главы администрации, берет еще одного профессионального журналиста - Владимира Комиссара.
- Березовский идет ва-банк и обвиняет правительство в лицемерии. Контратака после проигранного аукциона.
- Чубайс делает легальную попытку изменить свой имидж.
- Власть не любит напоминаний о долгах со стороны тех, кому она обязана. Скорее всего, президент делает паузу перед отставкой Березовского. Это в стиле Ельцина.
- Банкирам обязан не только Чубайс. Банкирам обязан в еще большей мере Ельцин.

- Война в СМИ после передела собственности на рынке средств массовой информации. "ОНЭКСИМбанк" показывает зубы.

- В Чечне усиливается нажим непримиримых.

- Убийство на Невском проспекте в Санкт-Петербурге вице-мэра Маневича.

- Бюджет на 1998 год утвержден правительством. Впереди думские баталии.

- Смерть Юрия Никулина, а чуть раньше из жизни ушел Булат Окуджава.

- Александр Котелкин лишается поста директора "Росвооружения".

- Новый секретарь Совета обороны Андрей Кокошин, он же главный военный инспектор.

- Отставка командующего внутренними войсками. Его преемник получает звание Главкома. На фоне армейской реформы шаг не случайный - усиление роли внутренних войск. Надо компенсировать брожение в армии.

Финал августа. Скандальное заявление руководителя парламентской фракции "Наш дом Россия" (правительственная фракция в парламенте). Сергея Беляева о сложении с себя полномочий руководителя фракции и выходе из ее состава.

Все предсказывают жаркую политическую осень.

Первого сентября 1997 года во время посещения школы президент сообщил, что не собирается баллотироваться еще на один срок. "Надо давать дорогу молодым, - сказал президент, - у нас сегодня молодая, дружная, а главное, умная команда". Ельцин повторяется.

УСТАЛОЕ ОЗАРЕНИЕ

В первый день нового учебного года Борис Ельцин традиционно посетил школу. Президент был приветлив и ласков. Первоклассники таращили глаза на великана президента. Учителя с придыханием свидетельствовали свое почитание главе государства. А сам президент чувствительно напутствовал. Было вполне чинно и празднично. И вдруг...

В аудитории, никак не предрасположенной к интригующим политическим заявлениям, президент сообщил, что он не намерен себя выдвигать на еще один президентский срок. Вот, собственно, и вся сенсация. Не в первый раз об одном и том же.

Примета времени - власть неотступно в поисках надежд. Это любопытное смещение в сознании власти. Не достигнув видимых результатов, власть играет на поле надежд. Сначала президенту надо себя убедить в том, что на этот раз его окружение эффективно, и он уже не боится употреблять такие слова, как "команда". Эволюция взглядов президента, пусть осторожная, случилась. Если раньше президент избегал этого термина, то теперь он его повторяет не без удовольствия.

Так и не добившись подъема производства, экономического оживления, власть сужает масштаб своих деяний, которые, как ей (власти) кажется, должен свидетельствовать о ее эффективности. Власть частично гасит долги по заработной плате. Это было бы значимо и пошло бы в актив власти, если бы долги сделала одна власть, а их вернула - другая. Справедливо было бы сказать: те прошлые - никчемные. Ничего, кроме долгов, сотворить не сумели. А мы, нынешние, исправляя неумелость тех, прошлых, долги вернули.

Однако ничего подобного сказать власть нынешняя не вправе. Эти долги сотворила она сама. И возвращает их с трудом и с оговорками. Малость возможного удручает. Усилия власти сосредоточены в узком, низкопотолочном коридоре. Практически не действует и не выполняется на сегодня ни одна целевая общенациональная программа. "Экономический подъем, после стабилизации рубля инвестиционный дождь, как следствие экономического оживления и как его предпосылка". Увы, не случилось ни первого, ни второго. По словам Егора Гайдара, нельзя говорить о начале экономического подъема, можно говорить о тенденциях, предполагающих в ближайшем будущем экономический подъем. Удивительно далекое ближайшее будущее.

Как мало надо для президентского оптимизма, для высочайшей аттестации исполнительной власти ("дружная, инициативная, умная, к тому же молодая команда") - возвращение собственных долгов, сделанных этими же молодыми деятелями, просвещенными реформаторами. Разумеется, с появлением Чубайса в правительстве в

качестве первого вице-премьера осмысленности в деятельности кабинета министров прибавилось. Но 90% этой осмысленности опять в сфере планов и деклараций. Разумеется, возросшая осмысленность деклараций - это некий плюс, но слишком малый для эффективного наступления на фронте реформ.

Но вернемся к неожиданному заявлению Ельцина о своем "невыдвижении" на третий срок. Странность его обусловлена общеизвестной конституционной нормой, исключающей переизбрание президента в третий раз. Разумеется, Россия - страна чудес, и в ней может произойти все. Но не до такой же степени.

И еще одна деталь, характеризующая российский менталитет, приписывать высшему лицу черты, ему не свойственные. Желание всегда видеть царя мудрым, решительным, справедливым. И всякому его изречению придавать смысл почти пророческий, должный подтолкнуть общество к прозрению, которое после подобных умозаключений, рожденных, как правило, журналистами, политологами, социологами, погружается в долгое заблуждение. Идет неутомимый поиск смысла сказанного. И те, кто рядом с троном, усердствуют более других и вдохновенно плетут кружева предположений вокруг интеллектуальной пустоты.

Сколько раз я слышал эти слова-заклинания: "Ельцин ничего не говорит просто так". И загнанный этим поветрием в угол, наш президент уже с маниакальной настойчивостью начинает повторять и даже уточнять однажды по необдуманности произнесенный монолог. Вспомним фразу, обращенную к субъектам Федерации: "Возьмите прав столько, сколько сможете переварить". Побоялись остановить, убедить в ошибочности тезиса. Улыбаясь, промолчали, и президент, вдохновленный улыбчивым сопровождением, стал тиражировать этот политический абсурд.

Разумеется, неудачное высказывание даже президента не может стать определяющей причиной обвальных региональных неурядиц. Но инициировать эти тенденции, дать им точку опоры может. Что и случилось на самом деле.

В федеральном государстве распределение прав между центром и субъектом Федерации это не соревнование инициатив - кто первый. Это тактика государственной целесообразности. Скорее, центр должен жить по принципу: оставь в своих руках столько прав, сколько можешь употребить с очевидной эффективностью для развития страны, но никак не более того. В этом смысле принцип "центр передает, а не регионы забирают" является для сильного многонационального разноукладного государства с тысячелетней историей ключевым. И всякая попытка перевернуть эту пирамиду представляется роковой для развития страны. Ну а всевозможные модуляции - сильные регионы сильное государство от лукавого. Сильный центр - это сильная инфраструктура. Сильный центр - это прежде всего сильная казна. Сильный центр - это информационная координация. И, наконец, это предметная прогрессивность развития столицы не только как столицы, но и как региона, способного на своих плечах нести груз первых трех приоритетов. Без этого нет значимого государства и федеральный центр превращается в место пребывания слабой власти.

Почему не представить, что расчувствовавшийся президент в первосентябрьский день высказался эмоционально, не очень придавая значения своим словам: наступает XXI век, туда со старым грузом идти вроде бы как накладно. Новое время требует новых лидеров. И весь разговор. Какими они будут - можно лишь предположить. Известно одно: это будут другие люди, а не я. Школьное окружение располагает к разговору о юных. Поэтому и сказал: пора уступать место молодежи.

Осмыслению не очень обязательных слов было придано чрезмерное значение: президент дал старт новой президентской гонке. А раз президент ничего не говорит случайно, то нам придется занять место в общем ряду и тоже задать беспокойный вопрос: что имел в виду президент и почему он высказался именно так 1 сентября 1997 года? До следующих президентских выборов почти три года.

Почему именно первого сентября? Благоприятный день, День знаний? Вряд ли. Скорее всего, потому, что пятого, шестого и седьмого сентября начнутся торжества, посвященные 850-летию Москвы. Естественно, что главной фигурой на этом празднестве окажется Юрий

Лужков. Празднества планировались грандиозные. И желай Ельцин того, не желай, ему в этих торжествах придется участвовать и выступить в роли отца нации, благословляющего Москву и ее мэра. Объективно среди современного руководства Ельцин, по сути, единственный, помимо Юрия Лужкова, кто в прошлом держал эту тяжелую чашу по имени Москва в своих руках и познал, сколь взрывоопасен этот груз. По этой причине упреждающие уточнения насчет молодых, должных заступить на президентскую вахту. Впрочем, чисто хронологически по отношению к 69-летнему Ельцину, а именно столько ему будет в 2000 году, 65-летний Лужков человек более молодой. Но мы прекрасно понимаем, что уточнения Ельцина насчет молодых было адресовано молодым реформаторам. Президент сластил пилюлю, которую придется им проглотить, взирая на лужковский праздничный триумф. Так уж сложилась история. 850 лет случается один раз. И то, что этот день выпал на наше переменчивое время, в этом счастливая карта Юрия Лужкова, которой он распорядился мастерски и с блеском.

Очень показательно, что молодые реформаторы гайдаровско-чубайсовской школы как бы проигнорировали торжества. Зарезервировали свою реакцию на сей счет "на потом". Исключение составил Немцов, упрекнув Москву в чрезмерной затратности, пунктирно обозначив зону, в пределах которой реформаторы намерены совершить очередной наезд на Москву. Немцов убежден, что ревнивым губернаторам эта модель атаки на Юрия Лужкова должна быть по душе. В этой истории удручает не факт противостояния. Разные толкования целей и методов их достижения - явление правомерное. Удручает другое. Атаке подвергается не малоуспешность, неумелость, непродуктивность, что и есть тормоз в реформировании России, а умелость, упорство, организаторская одаренность, размах созидания, которые выделяет власть современной Москвы.

Возможно, дискомфорт этого конфликта для себя Ельцин почувствовал давно. Отсюда его раздражительность на одной из встреч с мэром, лишенной ритуальных объятий, когда Ельцин погрозил пальцем: перестаньте ссориться с правительством.

Юбилей Москвы отгремел, Лужков собрал урожай президентских симпатий.

Чубайс получил международный приз лучшего министра финансов, добился вступления России в Парижский клуб - знаковое достижение реформаторов. Ельцин тут же отреагировал, сообщив, что мы начинаем сокращать свою зависимость от Международного валютного фонда и в 99-м году к его помощи прибегать уже не намерены. Президент, видимо, надеется, что материализуется наше членство в Парижском клубе и должники, под давлением солидарности членов клуба, начнут возвращать нам миллиардные долги. Правда, чуть раньше Ельцин, верный своей тактике "разделяй и властвуй", делает неожиданный ход. Он встречается с семью ведущими банкирами без участия Анатолия Чубайса и Бориса Немцова с целью примирения банков с властью. Внешняя нелогичность этой встречи, когда примирение сторон осуществляется без присутствия одной из них, именно Чубайса и Немцова, занявших достаточно жесткую позицию в отношении прессингующих банков, есть достаточное подтверждение обострившихся отношений между администрацией президента и командой молодых реформаторов. Встречу с банкирами готовила администрация президента под неусыпным контролем Бориса Березовского. В свое время появление Анатолия Чубайса в качестве руководителя президентской администрации переместило центр реформаторских идей в Кремль. Достаточно сказать, что там, в Кремле Анатолий Чубайс окружил себя единомышленниками, прошедшими школу Госкомимущества и плюс к тому - сверстниками по петербургской родословной. С этого момента как бы кончилось противостояние между аппаратом правительства и аппаратом президентской администрации. Костер потух, но угли остались.

Предвыборный президентский марафон материализовал идею реформаторской команды в совершенно ином виде. Прямо на глазах общества произошло срастание будущей власти с частным капиталом. В любом цивилизованном обществе банк, крупная финансовая группа по возможности скрывают свою близость к правительству. В России совершается прямо противоположное. Эта близость подчеркивается, если не сказать больше, выпячивается, что

вызывает удручающий для власти резонанс в обществе. В течение 96-го и 97-го годов эта нарастающая тенденция очевидной коррупции, пагубной для власти, как ни странно, не очень беспокоила власть.

Понятие президентской команды стало толковаться расширительно. Стержнем команды считались Анатолий Чубайс и его сподвижники: Альфред Кох, Сергей Казаков, Максим Бойко, Петр Мостовой, Ясин, глава Центробанка Дубинин, Яков Уринсон, а затем туда просочились банкиры: Владимир Потанин, Александр Смоленский, Петр Авен, Владимир Гусинский и оказавшийся на государственной службе Борис Березовский.

ЭФФЕКТ ФУШЕ

Следуя какой логике, какой договоренности Борис Березовский появился в коридорах власти? Было ли это следствием предвыборного торга или послепобедного дележа властного пирога - в конечном итоге решающего значения не имеет. Удобнее всего считать, что это случилось как бы в единой связке - Чубайс возглавил администрацию президента; Потанина, по общему согласию ведущей банковской семерки, выдвинули на пост вице-премьера; а Березовского...

С Березовским все проще и сложнее. Березовский в подавляющей степени личность прессингующая, в житейском толковании прилипчивая. За спиной практически всех действий, активизирующих банковское предпринимательское единение, стоит Борис Абрамович. Известна фраза Ходорковского: "Боря среди нас самый-самый... Боре очень хочется. Пусть этим займется Боря". "Самый-самый" не значит самый богатый, самый влиятельный. Ничего подобного. Самый проникающий.

Почему Березовский? Во-первых, "самый-самый". Во-вторых, очень хотел. Когда ты имеешь все, кроме власти, тебе хочется владеть недостающим. И наоборот, столь же распространенная слабость: просто власть, просто публичность новым управленцам, законодателям, как и правоохранному многолюдью, представляется величиной несправедливо мелкой, когда власть находится в длительной полосе временности, потому как время власти прямо пропорционально нестабильности в государстве. Желание в недолгое время употребить власть всесторонне, взять все, что положено и что не положено, но зависимо от власти. Березовский почувствовал эту характерность момента и понял, что он этой власти необходим. У него есть что предложить. Возможно, у него не располагающая, не откровенная, не контактная внешность, но... Он агрессивно предложил себя. Подумаешь, внешность. Кстати, женщинам он нравится. Во всяком случае он трижды женат... Но это уже другая тема, не станем отвлекаться. Между прочим, деньги, подарки и услуги берут, как правило, не разглядывая твоего лица. Берут по-разному. Словно бы не ты даешь, а, наконец, сподобился вернуть долг. Тебя следовало наказать, просто нет времени. Ты отдаешь должное. Так и говори: я возвращаю вам, Ваше сиятельство, свой долг. Мне следовало это сделать раньше, но обстоятельства не позволяли.

- Знаю, знаю, - слышится в ответ. - Я зла не держу. Главное, чтобы должник все правильно понимал.

Когда Березовский намекал Александру Лебедю в бытность того секретарем Совета безопасности, что было бы неплохо, так сказать... Разумеется, с пользой для дела... Он готов возглавить самый тяжкий участок - отношения с Чечней. Что для него должность? Должность ничто. Послужить Отечеству - вот что лишает снов. Каким-нибудь заместителем секретаря Совета безопасности. Он может быть очень полезен. Надо поднимать экономику, поднимать хозяйство. "Заняться нефтью", - поддакнул хмурый Лебедь. Не смутился, не покраснел, не стал отнекиваться. Зачем?.. Только подумал про себя: уж больно лицо у него свирепое. Костолом. Что челюсть, что кулак. Смотришь и чувствуешь, как руки начинают потеть. Зачем спорить - и нефтью тоже. Экономику Чечни без нефти практически восстановить невозможно.

С Лебедем столковаться не удалось. Лебедю хуже. Птица хоть и заметная, но не главенствующая.

В тот момент Лебедь не воспринял Березовского, осторожничал. А вот Березовский

жизненную судьбу генерала прочел на свой лад. Лебедь мне нужен про запас, как контрфигура. Сейчас это "невосприятие" со стороны генерала можно толковать по-разному. Абсолютная чуждость натуры Бориса Абрамовича. В общении специфичен. С большой властью он работает в совершенно нестандартном жанре - заискивающей агрессивности.

В прямолинейном толковании Александра Коржакова - "Березовского трудно послать...". Получается некий ртутный эффект. Выплеснул, посчитал, что отделался, а вместо этого ртуть появилась везде. Березовский, как показал недолгий исторический опыт, не страдает синдромом преданности. Преданность, постоянство - это что-то из философии интеллигентных бездельников. Четко выявленный личный интерес - вот ключ к душе человека, считает Березовский. Он легко меняет партнеров по замыслам. Он не становится противником изменившейся экономической и политической ситуации. Он решает совершенно иную задачу - выстраивает варианты своей выгодности в новой ситуации. Систему не переделаешь. Надо уметь в нее встроиться. Так было на поле автомобильного бизнеса, так получилось на поле нефтяного. Его называют человеком вне принципов. Это неверно. Просто у него другие принципы: преуспевающего, энергичного и алчного человека. Он не одерживает побед. Очевидные победы привлекают внимание. У него другое исчисление - он не проигрывает. Как человек одаренный и патологически тщеславный, он не может подолгу оставаться за кулисами. И если его не заметят, он сам бросится к рампе с криками: это я сделал, я обеспечил, я добился.

Несостоявшийся альянс с Лебедем он не вычеркнул из памяти, он знал, что Лебедь непременно споткнется и ему еще понадобится Березовский. Да и Березовскому понадобится генерал. Лебедь - это ключ в Чечню.

Лебедь сам разрушал за собой мосты, делал свое присутствие в президентской команде сначала затруднительным, а чуть позже невозможным. Березовский не слишком добавлял масла в огонь, ну может самую малость плеснул. Отмщение состоялось. Он не сказал Лебедю: ты пожалеешь, что отказался от моих услуг. Но все его действия после несостоявшегося альянса есть материализация этих слов.

Сейчас правомерно задать вопрос: кто сделал Ивана Рыбкина секретарем Совета безопасности? Мгновенный ответ на поверхности. Ответ, в полной мере устраивающий Ивана Рыбкина и придающий ему, Рыбкину, весомость, президент.

Разумеется, можно сказать, что после Лебедя и дьявол покажется снегурочкой. Президент не забыл Рыбкина, отблагодарил Рыбкина, хотя Иван Петрович провалил идею двух центристских блоков, один из которых должен был возглавить именно он, и, как итог, подставил будущее правительство, лишив его второй точки опоры в Государственной Думе. Была какая-то надежда, что партия Гайдара преодолеет 5 %-й рубеж и восполнит проигрыш Рыбкина. И почти уже случилось, но в последний момент сорвалось. "Демвыбор" в Думу не прошел. Не будем вдаваться в детали, почему Рыбкин оказался несостоятелен как лидер блока. В этом вина не только Рыбкина, но и Черномырдина. Черномырдин - никудышный стратег. Он уткнулся в "Наш дом Россия" и больше ничего не видел, хотя оправдание есть - он премьер. Но это глава другого романа.

Благодарность Ельцина касалась других заслуг Рыбкина. Дума переходного периода, Дума, которую возглавлял Рыбкин, обеспечила Ельцину примирительную паузу в течение двух лет. И роль Рыбкина в этой "невзнузданности" Думы была приметной. Именно в это время Рыбкин заметно стал отходить от КПРФ, что тоже не могло не приветствоваться Ельциным. Ко времени назначения Рыбкина на пост секретаря Совета безопасности Борис Березовский уже достаточно приблизился к президентской семье и окутал младшую дочь своим ненавязчивым вниманием. Как говорят в таких случаях, он сам побеспокоился о тыле. Банкиры морщились, но терпели. Их тоже беспокоила чрезмерная активность Березовского, его желание непременно засветиться в роли публичного политика. "Березовский привлекает к нам слишком много внимания. Это не есть хорошо", - мрачно пошутил один из столпов семибанкирщины. Банкиры недоговаривали самого главного. То, что Березовский привлекает внимание к банкирам, это еще полбеды. В основном он привлекает внимание к себе. Намного

более серьезно другое - так получается, что своей беспардонностью и откровенным проникновением в поры власти он провоцирует вирус антисемитизма, который в России неистребим и в лучшем случае находится в заторможенном, спящем состоянии. "Но если Боря очень хочет, не станем ему мешать. Пост не ахти. А получив его, он, возможно, успокоится и не будет больше нырять в каждый водоем и там светиться".

Ответ на вопрос, кто же сделал Березовского заместителем секретаря Совета безопасности - лишен интриги. Это сделал сам Борис Березовский. Те, кто способствовал его назначению на эту должность, к моменту назначения были уже чем-то обязаны Березовскому. Это еще один секрет Бориса Абрамовича. Он бескорыстно, из добрых побуждений, оказывал услуги. А власть, будучи невеликой знатности, незамысловата в слабостях своих, а потому эти услуги принимала без мучительных сомнений. Именно Березовскому принадлежит постулат: "Все можно купить. Надо только знать цену". Поэтому, отталкиваясь от его собственных умозаключений, справедливо сказать: ничто в этой жизни Березовскому не досталось даром. Есть категории значимости: быть нужным, необходимым. Березовский избрал более житейскую и унифицированную формулу - оказываться полезным.

Формула и проста, и логична, и многофункциональна: моя собственная выгода есть производная от выгодности, которую извлекают из моих услуг те, кому я, возможно, даже неприятен. Но полезен! Они готовы потерпеть и мое присутствие, и мое участие в их судьбе - человек слаб. И, став властью, он не перерождается, его слабости остаются при нем. Никогда не пренебрегайте знанием человеческих биографий. Сейчас многие гадают - на чем споткнулся Борис Березовский? Что такого запредельного он совершил, что столь внезапно грянул гром над его головой? Думаю, что это не первый гром и не первая оттепель в его многовариантной жизни. Заметим, что по условиям послевыборного торга Березовский запросил себе должность внешне самую малозначительную. Кто знал прошлых заместителей Совета безопасности? С полным основанием можно сказать - в широком обществе никто. Должность, известная только узкому кругу политического аппарата. Привив интерес к этой должности, Березовский, против своего ожидания, повысил ее статус. В этом весь Березовский: извлечь максимум выгоды из внешне малозначимого и малозаметного.

Спустя несколько часов после своей отставки, Березовский на вопрос, чем он собирается заняться, обретя долгожданную свободу, не назвал ни масс-медиа, чему посвятил себя его конкурент на этом игровом поле Владимир Гусинский; ни бизнес, ни упорное желание свести счеты с Владимиром Потаниным, главой "ОНЭКСИМбанка", переигравшим его на торгах по "Связьинвесту". Ничего подобного!

В качестве наиболее желанного и наиболее вероятного для себя занятия Борис Березовский назвал роль публичного политика. Многие восприняли это с недоумением. В глазах оппозиции всех мастей, как, впрочем, и в глазах якобы соратников, да и в общественном мнении Березовский по непопулярности занимал второе место после Анатолия Чубайса. И это при том, что усилиями, по крайней мере трех телеканалов (ОРТ, НТВ, ТВ-6) образ Бориса Абрамовича настырно облагораживался. Не станем выяснять причины неадекватного восприятия личности Березовского. Тем более что, как он неоднократно давал понять, ни почитание, ни всенародная любовь сограждан его не интересуют. "Любой минус одним только штрихом можно переделать в плюс". Это изречение придумано не Березовским, но откровенность, с какой он любит его повторять, говорит о Борисе Абрамовиче достаточно.

Когда стало известно, что Березовский взял-таки пост заместителя секретаря Совета безопасности со второй попытки, причина такой его настойчивости потребовала объяснений.

Во-первых, он хочет доказать, что для него не существует недостижимых целей в том случае, когда эти цели он наметил сам.

Во-вторых, он стал не только первым заместителем секретаря Совета безопасности. Он предложил себя как человека, готового заняться чеченской проблемой. Потом этот тезис всячески использовался высшей властью в полемике с политическими оппонентами, с первых минут принявшими назначение Березовского в штыки. Скандальная история с

израильским гражданством заместителя секретаря Совета безопасности подлила масла в огонь.

Так ли абсурдна была критика оппозиции по поводу назначения Березовского? Нет. Более того, оппозиция, выражая свое несогласие, акцентировала внимание на нескольких моментах. Первое - это все тот же факт не опровергнутого израильского гражданства Березовского. Второе - его активная финансово-предпринимательская деятельность. Оппозиция указывала на недопустимость совмещения государственной службы с частным бизнесом. Столь очевидный факт сращивания финансового капитала с властью в кремлевских коридорах еще больше уронил престиж президентского окружения в глазах общества. Однако само окружение продолжало этого цинично не замечать.

Любопытно, что спустя полгода это же самое после известного скандала по поводу аукционных торгов по "Связьинвесту" высказал в адрес Бориса Березовского Анатолий Чубайс. Чубайс заявил, что для чиновника, занимающего государственную должность, антизаконно продолжать столь неприкрыто заниматься финансовыми операциями на правах частного лица. Первый вице-премьер жестко оценил лоббирование Березовским интересов собственных финансовых групп. "Умерьте свою алчность, Борис Абрамович!" - заявил Чубайс раздраженно. Не менее любопытна и история с двойным гражданством. Она так и не получила опровержения со стороны официальных властей, назначивших Березовского на пост, предполагающий допуск к наиболее важным государственным секретам. Попытка все списать на закоренелый антисемитизм оппозиции выглядела достаточно неуклюжей.

Почему Березовский при назначении попросил закрепить за ним вопросы Чечни? Ничего вразумительного на этот вопрос не ответил ни премьер, ни Иван Рыбкин. И тот, и другой изображали обиженное недоумение: почему поступок мужественного бескорыстия, который продемонстрировал Борис Абрамович, должен требовать еще какого-то объяснения? Примерно в это же время правительство децентрализовало управление госпакетами акций нефтяных компаний. Это было одно из требований МВФ, обусловливающее выделение очередного кредита в случае дробления и акционирования сверхмонополий. Столь масштабные правительственные действия не миновали интересов Березовского. Очень скоро он оказался совладельцем компании "Сибнефть". "Автомобильный всероссийский альянс" остался в прошлом. Березовский сконцентрировал свое внимание на нефтяном бизнесе. Чечня входила в кризисный штопор и решение главных, если не всех проблем Чечни упиралось в нефть, ее экспорт. Так что относительно гражданского бескорыстия Бориса Березовского можно было бы и поспорить. Желаемое свершилось. Заместителю секретаря Совета безопасности поручили заниматься Чечней. Разумеется, как патриоту, разумеется, как человеку, для которого единство России превыше всего. Разумеется, как...

Странное совпадение, именно в этот момент начинается острая схватка по поводу транспортировки каспийской нефти. Еще есть надежда отыграть ситуацию в пользу российского варианта - тянуть трубопровод через Чечню. Этот путь короче и экономически менее затратен, но... Березовский, уже активно играющий в нефтяном бизнесе, намерен убрать это "но". Он принадлежит к той категории предпринимателей, у которых за внешней суетливостью скрывается феноменальное умение быстро просчитывать ситуацию, изыскивать из самых несуразных перемен в экономике, политике пользу для своего интереса, своего бизнеса. Непредсказуемость политических зигзагов власти вынуждает Березовского играть на обширном поле. В этом причина его мгновенной переориентации на самые различные политические силы. В этом стиль Березовского, его философия. При любых коллизиях его финансовый интерес должен иметь устойчивую динамику развития. В этом смысле Березовский в своей удачливости похож на Сороса. Если тот с удивительной успешностью постоянно играет на бирже, то Березовский является неповторимым мастером извлечения прибыли из всевозможных перемен - как со знаком плюс, так и со знаком минус. При этом его взгляды - всегда производная от выигрышности дела.

Мне не дает покоя некий литературный сюжет, который с чрезвычайной точностью характеризует натуру Бориса Абрамовича Березовского. Представим себе трагическое

извержение вулкана - гибель современной Помпеи. Народ в панике, все рушится и взрывается кругом. Люди бегут, преследуемые извергающейся лавой. Кто-то спешит с медицинской помощью. Кто-то организует эвакуацию, подвозит продукты. Борис Березовский, окажись он в подобной ситуации, не остался бы безучастным. Он делал бы что-то и для эвакуации, и для обеспечения продуктами. Но прежде всего в некотором отдалении он организовал бы сборщиков вулканического пепла, прессовал бы его и в виде брикетов продавал как удобрение. И к тому времени, когда бы люди опомнились, он имел бы налаженное производство и внушительный капитал. Таков он, Борис Абрамович Березовский.

Если более внимательно присмотреться к линии поведения Березовского за последние два года, то можно заметить несколько значимых "характерностей". Конец 95-го года и начало года следующего. Коммунисты одержали внушительную победу на парламентских выборах. Рейтинг Ельцина достигает критически низкого уровня 6%. Нет никакой ясности, будет ли Ельцин выдвигаться на следующий срок, да и стоит ли ему, в силу падения популярности, это делать. Именно в эти дни 15 ведущих банков разрабатывают своеобразную хартию компромисса, предлагая ведущим политическим силам договориться. В противном случае они вынуждены будут пересмотреть свою финансовую политику, что может привести к экономическим осложнениям. Банкиры дают понять, что они не собираются терять того, что приобрели за эти годы. Этакая смесь озабоченности, страха и гонора. За спиной столь странного и алогичного с политической точки зрения соглашения стоит Борис Березовский. Почувствовав стремительно возрастающую популярность Лебедя, особенно в предвыборном марафоне, Березовский обеспечивает ему немедленную рекламную поддержку на телеканале ОРТ. Чуть позже он же всячески агитирует за союз Ельцина с Лебедем. После заключения этого союза Березовский предлагает Лебедю свою кандидатуру в качестве заместителя секретаря Совета безопасности. Чуть раньше, играя в единой связке с Олегом Сосковцом и Александром Коржаковым тогда на этой чаше весов сосредоточилось властное преобладание, - делает себя крайне полезным именно для этой властной группировки. Березовский прилип к властному кораблю. Оказаться на его палубе - это уже дело техники.

С Валентином Юмашевым тоже все не так просто. Он работал заместителем редактора журнала "Огонек", который финансировал Борис Березовский. Через Валентина Юмашева Березовский сближается с семьей Ельцина, а точнее, с младшей дочерью президента Татьяной Дьяченко. И теперь уже не важно, какие рычаги при этом были задействованы. С одной стороны Чубайс, в тот момент опорная фигура политизированного бизнеса. Идея не произносилась вслух, но кулуарно проговаривается - Чубайс возможный кандидат в президенты 2000 года. Российский капитал, сориентированный на Запад, окажет ему всемерную поддержку. А если учесть, что практически все телевидение, имеющее распространение на территории России, контролируется представителями этой финансовой группы либо самим Чубайсом, то, говоря языком Бориса Березовского, любой минус одним росчерком можно превратить в плюс.

Вторым приводным ремнем являлся Валентин Юмашев. И наконец, третьим, наиболее значимым, - Татьяна Борисовна Дьяченко. Операция была продумана эталонно. На место Лебедя был заявлен Рыбкин. Ельцин обязан Рыбкину за лояльность Думы в переходный период 93-95-го годов. Возможности вернуть долг помог строптивый Лебедь, очень скоро изгнанный из белых кремлевских залов. Рыбкина предложил сам Ельцин. Тут хорошо просматривается треугольник Ельцин-Черномырдин-Рыбкин. Президент на этот счет мог посоветоваться с премьером, зная заранее, что тот идею поддержит. А вот кандидатуру Березовского, помимо самого Рыбкина, ему рекомендовал и семейно-домашний ельцинский фланг. А хитрый Рыбкин, материализуя эту идею, как ему казалось, укреплял свои позиции и на банковско-чубайсовском фронте, и в семейном президентском кругу, и в стане Черномырдина, который должен эту кандидатуру и поддержать, и даже предложить.

Следует подчеркнуть, что все сказанное адресуется к концу 96-го года, когда команда после победы Ельцина на выборах, по крайней мере внешне, была единой. Великий обман

свершился - страна избрала тяжело больного президента.

* * *

События конца лета и осени 97-го года многое изменили. И разумеется, причина отставки Березовского - отголосок этих событий, но не только их. После скандала с аукционными торгами по "Связьинвесту" стороны обменялись сначала угрозами в адрес друг друга, а затем и весьма чувствительными ударами. Борис Березовский и Владимир Гусинский оказались как бы на острие этого конфликта. Все остальные банкиры из числа семерки, скрыто поддерживая их, занимали, скорее, недоуменно-обиженную позицию, избегая при этом открытых выпадов в адрес первого вице-премьера Анатолия Чубайса. Их усилия в большей степени были направлены на дискредитацию главного союзника Чубайса - главу "ОНЭКСИМбанка" Владимира Потанина. Тут были задействованы прежде всего их международные банковские связи. Тем более что в торгах в одной связке с Потаниным участвовал Джордж Сорос. По признанию Потанина, после конфликтного аукциона на него "спустили всех собак". За послеаукционный месяц деятельность банка проверяло двенадцать всевозможный комиссий. Повторно приехал в Москву Джордж Сорос, чтобы убедиться в устойчивости "ОНЭКСИМбанка", на который он сделал ставку.

Вторым ударом по Чубайсу была спонтанная встреча шести банкиров с президентом, на которой они дали понять президенту, что банковскому капиталу, который продемонстрировал свою верность Ельцину на выборах, не нужен посредник в отношениях с главой государства. И самое любопытное, что президент с этими доводами согласился. Протежировали встречу банкиров с президентом без участия двух первых вице-премьеров Валентин Юмашев, Татьяна Дьяченко и, конечно же, Борис Березовский. Более того, началась массированная атака на Анатолия Чубайса сразу на двух телевизионных каналах - ОРТ и НТВ. Чубайс предпринял ответные меры. Он пригрозил, что лишит Березовского его всевластия на ОРТ и предпримет радикальные действия относительно НТВ. Тогда же, в предаукционные дни, Чубайс дал понять Березовскому, что, являясь государственным чиновником, он продолжает заниматься частным бизнесом, что недопустимо. И более того, не стыдится использовать свое служебное положение. "На вашем месте, Борис Абрамович, сказал Анатолий Чубайс, - я бы немедленно подал в отставку". В ответ такое же обвинение в адрес Чубайса выдвинул Березовский, обвинив первого вице-премьера в неприкрытом лоббировании интересов "ОНЭКСИМбанка", давая при этом понять, что делается это вряд ли бескорыстно.

Как известно, два события совпали по времени. Отставка Бориса Березовского, случившаяся 5 ноября, и кардинальные изменения в структуре управления ОРТ, когда Максим Бойко, председатель Госкомимущества, стал одновременно главой Совета учредителей ОРТ. На правах главы Госкомимущества он представлял интересы государства, владеющего контрольным пакетом акций в 51%. Следующим шагом должны были стать пересмотр состава Совета директоров, в котором на тот момент был абсолютный перевес сторонников Бориса Березовского.

Но, разумеется, главным ударом, нанесенным Чубайсом, следует считать отставку Бориса Абрамовича с поста заместителя секретаря Совета безопасности. Сейчас преждевременно говорить, что в противостоянии Борис Березовский - Анатолий Чубайс последний одержал победу. Надо заметить, что начиная с сентября, после ссоры, случившейся между Чубайсом, Немцовым и банкирами, Березовский со дня на день пророчил отставку Чубайса. Это тоже часть стиля новой предпринимательской генерации: все схвачено, мы контролируем ситуацию, у Черномырдина нет будущего, Лужков - это неприемлемо, Чубайс зарвался. Я бы назвал это стилем лояльной к режиму наглости. Машина дискредитации Чубайса уже начала действовать на полных оборотах. Разумеется, наиболее отчаянным в этой ситуации оказалось положение ведущих обозревателей и телекомментаторов, которые еще вчера наперебой выхватывали любую информацию об Анатолии Чубайсе из уст самого Анатолия Чубайса, его соратников, создавая образ динамичного, прибавляющего не по дням, а по часам, умеющего действовать решительно в самых сложных и практически провальных ситуациях реформатора. "Чубайс добивается

режима наибольшего благоприятствования в Международном валютном фонде. Чубайс неотступно выполняет волю президента ликвидировать долги бюджетникам. Возвращена задолженность армии. Чубайс предлагает впервые после 91-го года реальный бюджет". А спустя месяц после "связьинвестовских" баталий, где в числе проигравших оказались оба телемагната, начнется фронтальная атака. Уязвленные телемагнаты заставят уже не принадлежащих самим себе популярных телеведущих говорить о Чубайсе прямо противоположное - не всегда напрямую, чаще образно, опосредованно. Избирается иной план наступления, начинается планомерное уничтожение сторонников Чубайса, членов его команды. Все это в нравственном и этическом преломлении в восприятии сограждан выглядит отвратительно.

Дума не приемлет Чубайса. Но Совет Федерации отступил перед его логикой и решительностью. Совет Федерации поддержал концепцию бюджета на 98-й год. Вдохновленный предметным разговором, состоявшимся в Совете Федерации, Чубайс убеждает президента в реальности взаимодействия с сенатом. Президент выступает на открытии осенней сессии Совета Федерации. Там же, накоротке встречаясь с журналистами, резко критикует Думу, противопоставляя ей деловой стиль Совета Федерации: "У Думы нет программы. Дума заворачивает один за другим законы, разработанные правительством. Что должен в этом случае сделать президент? Пусть Дума думает". От этих высказываний, прозвучавших в сентябре, до вмешательства президента в конфликт между Думой и правительством, когда судьба правительства висела на волоске и президент не согласился с радикальным крылом в кабинете министров - не уступать Думе. Вместо этого пошел на компромисс и, если быть более точным, выбрал тактику Черномырдина, а не Немцова и Чубайса. Так вот, эти два события разделяет не более одного месяца. Столь стремительная переменчивость в позиции президента от ультимативно-угрожающей до примирительно-компромиссной не может не показаться странной и нехарактерной для Ельцина в привычном понимании его стиля во взаимоотношениях с законодательной властью. Стиля, неизмеримо больше царского, нежели президентского. Безусловно, за этим стоят не только перемены психологического характера, произошедшие в президенте после перенесенной операции, как, впрочем, колебания в его быстро случающихся симпатиях и антипатиях. Все это свидетельствует о неустанной борьбе за влияние на президента в его ближайшем окружении. Это воздействие имеет несколько составляющих, а точнее, несколько групп влияния с достаточно различными взглядами на экономическое и политическое будущее России.

Что это за группы в якобы единой команде президента? Первой правомерно назвать группу экономического авангарда. Это прежде всего Чубайс со своими единомышленниками и сверстниками; близкие ему по духу Немцов и Сысуев. Группой № 2 правомерно считать умеренных. Это Виктор Черномырдин, Егор Строев. Они более близки по возрасту и жизненному укладу к президенту. К ним в определенной мере примыкает Иван Рыбкин. Группой № 3, теперь уже действующей самостоятельно, следует считать коалицию банкиров и предпринимателей. Мотором и побудителем этого предпринимательско-банковского пула можно назвать Бориса Березовского. Побудителем, но не лидером. Лидируют в этой группе Владимир Гусинский, Михаил Ходорковский, Александр Смоленский и Петр Авен (последний в меньшей степени, так как раньше был соратником Чубайса по гайдаровскому правительству). Ныне это самая непримиримая и беспощадная по отношению к Анатолию Чубайсу группировка. Существует и четвертая группа влияния, наиболее независимая от президента, а поэтому имеющая возможность оказывать на него решающее воздействие. Это мэр Москвы и семь-десять республиканских президентов и губернаторов. Они не едины в претензиях на президентскую расположенность к ним, но их голоса в любом колебании президента могут оказаться решающими. В их числе Юрий Лужков, Минтимер Шаймиев, Дмитрий Аяцков, Константин Титов, пусть особняком - Эдуард Россель. И еще три-четыре имени. При всем различии устремлений эта группа в любой момент может мобилизоваться и объединиться. Егор Строев теоретически является лидером этой группы, но практически он на другом этаже. Я не назвал ни Валентина Юмашева, ни дочь президента Татьяну Дьяченко.

Разумеется, их влияние на президента имеет место, но это влияние камерного характера, подыгрывающее одной из вышеназванных сил. По стратегической задумке Анатолия Чубайса, а равно и Валентина Юмашева (еще до раскола этих двоих, более всех приближенных к президенту и его семье), вживить в мироощущение Ельцина, в среду его привычек и привязанностей новую реформаторскую волну, перевести отношения из непререкаемых и высоконачальственных, скорее, в отеческие, определяя эту плеяду молодых на будущее как "птенцов гнезда Борисова".

Президенту действительно хочется иметь молодого преемника, которого он мог бы по праву назвать своим открытием. Преемника, продуцирующего глубокое почитание Ельцина, которое обеспечит и самому президенту и его семье уважительное будущее. Разумеется, все эти монархические замашки, которые выдумывают новомодные политологи, определяя их как скрытый ельцинский замысел увидеть в качестве преемника собственную дочь, самоконъюнктурны, а по сути, убийственны как для дочери, так и для общества в целом.

Естественно, внезапная отставка Березовского, хотя она была и реальна и по-своему закономерна, не упростила, а усложнила ситуацию. Согласимся, что позиция Чубайса и Немцова, настаивавших на этом президентском шаге, выглядит вполне принципиальной и общественно привлекательной. Интересно, что озвучившим в кабинете президента эту идею об отставке Березовского оказался Борис Немцов. Разумеется, этот шаг был согласован с Анатолием Чубайсом. Вице-премьеры именно таким образом договорились распределить роли. На стол к президенту не выкладывался компромат на Березовского. Этим ныне никого не удивишь. Компромат сразу ставит в неловкое положение человека, который его принес. Скорее всего, Немцов использовал формулу "в общем и целом". Монолог, посвященный Борису Березовскому, он сопровождал своей игривой улыбкой. Говорил об агрессивности Бориса Абрамовича, о том, что тот на каждом шагу афиширует свою вхожесть в президентскую семью, что поведение ОРТ по отношению к политике правительства вышло за все допустимые пределы. При таком давлении и извне и изнутри работа в правительстве становится адовым занятием и у людей, сторонников президента, опускаются руки. Нельзя терпеть, чтобы государственный чиновник в неприкрытой форме занимался на глазах у общества наращиванием собственного капитала, используя беззастенчиво свое высокое служебное положение. Будем справедливы, то же самое делал и Владимир Потанин, формально сложивший с себя полномочия по руководству банком с момента своего назначения на пост первого вице-премьера, однако на самом деле продолжал осуществлять за его деятельностью жесткий контроль, при этом поворачивая бюджетные потоки в его сторону. Но Немцов об этой аналогичности не вспомнил.

Почему Чубайс спешил? Скандал, разразившийся спустя неполную неделю уже вокруг самого Анатолия Чубайса и его ближайших соратников в связи с необъяснимо высоким гонораром за коллективную монографию "История приватизации в России", дал исчерпывающий ответ на этот вопрос. Авторский коллектив - столь высокоранговые чиновники, этакое созвездие Чубайса. Во главе он сам, а далее: Юрий Казаков - бывший глава Госкомимущества, а ныне первый заместитель главы администрации президента; Максим Бойко, Петр Мостовой, Альфред Кох. И плюс к тому руководитель Фонда защиты частной собственности Аркадий Евстафьев, давний соратник Анатолия Чубайса, в прошлом его пресс-секретарь. Эта гонорарная эпидемия, захватившая реформаторов, трудно соотносится с их обязанностями и повседневной профессиональной предназначенностью. Тем более что никто из них не проявлял наклонностей к писательству, как таковому, или его разновидности высококлассной публицистике, что выделило бы их из общего ряда пусть даже талантливых управленцев. В лучшем случае - это диссертационноисследовательский жанр, представляющий интерес для достаточно узкой группы читателей-специалистов. Следовательно, лишенное многотиражности, это издание - заведомо убыточное. Тем более спорен значительный гонорар, выплаченный авторам, который эту убыточность издания сделал роковой.

А если фонд, защищающий частную собственность, определяет эту убыточность как

плановую, то возникают вопросы: что является доходами этого фонда или центра? Или, проще говоря, на какие деньги он существует? Если фонд некоммерческая общественная организация, то прибыльность от этой "не коммерции", судя по всему, впечатляющая, потому как фонд перекупает у издательской группы права на издание и сразу финансирует его выплатой в полмиллиона долларов. Естественно, ничего противозаконного в этой сделке нет с точки зрения издательской практики, но есть определенная некорректность.

Полноте, слышу я за спиной, кто ныне вспоминает о корректности в коридорах власти? Характерно, что информация о выплате гонораров утекла из структур сподвижнических, принадлежащих к той же самой команде. Сначала история о счетах Чубайса в "Мост-банке", ставшая известной всей стране. А ведь тогда Чубайс и банкиры считались достаточно монолитной командой. Случайно ли произошла роковая утечка информации из банка-единомышленника? Разумеется, нет. Это насторожило Чубайса, однако свой счет в "Мост-банке" он не аннулировал. Практически из всех представителей высшей власти Чубайс продемонстрировал подчеркнутую открытость своих доходов. Легенд о богатстве Чубайса ходит достаточно. Одна из них - о существовании его личных счетов в западных банках. Однако легенды так и остаются легендами. В России во все времена придирчиво считают деньги в чужих карманах.

* * *

Четвертого ноября президент наконец подписал указ об отставке Березовского. Чубайс завершил интригу не без блеска. Как и в случае с Коржаковым, Чубайс играл на опережение. Он понимал, что главным препятствием на пути отставки Березовского являются его тесные отношения с Валентином Юмашевым и Татьяной Дьяченко. Чубайс понимал, что усилиями Юмашева и того же Березовского его команда оттеснена и его контакты с членами семьи президента стали обрывочно-случайными. Это признание малоприятно, потому как именно Чубайс в свое время поддержал идею Юмашева ввести в круг официальных помощников президента его дочь. Чубайс оценил замысел. Дочь президента в тот момент не скрывала своего искреннего восхищения Чубайсом. Она оказалась хорошим проводником его идей и помогла чубайсовской команде открывать тяжелую дверь президентского кабинета. Березовский избрал другой путь. Он внедрился в сферу семейных интересов. К тому времени период неоглядного восторга миновал - Чубайс показал характер. Ситуация моментально изменилась. Вчерашние союзники и обожатели, по сути, стали противниками. На день своей предполагаемой встречи с президентом Чубайс назначает собрание учредителей ОРТ. Березовский помнит слова Чубайса, произнесенные в момент накала страстей: "Мы наведем порядок на ОРТ и начнем управлять по-настоящему государственным (читай контрольным) пакетом акций этой компании". ОРТ для Березовского - позиция ключевая. Он мчится на заседание Совета учредителей, на котором Максим Бойко, недавно назначенный руководителем Госкомимущества (ключевой человек из команды Чубайса), становится новым председателем Совета. В его состав входят и Юмашев и Татьяна Дьяченко, которые так же, как и Березовский, немедленно выезжают на место главных событий.

В это время Немцов договаривается с Ельциным о приеме, который и происходит одновременно с заседанием Совета учредителей ОРТ в Останкино. В кабинете оказываются два первых вице-премьера в отсутствие Юмашева. Не менее значима вторая деталь операции - Виктор Черномырдин. По рисунку интриги сторонник Березовского находился в этот момент в краткосрочном отпуске недельной продолжительности. Юмашеву сообщили о вызове вице-премьеров к президенту, когда он уже находился в Останкино. Он понимает, что его обвели вокруг пальца, и немедленно возвращается в Кремль. Однако дело уже сделано. Юмашев опоздал.

Он застает вице-премьеров уже после аудиенции у президента с подписанным указом об отставке Березовского на руках. Вторая среда информации, именуемая "из достоверных источников", сообщает, что, ознакомившись с взрывоопасным указом, Юмашев обменивается с вице-премьерами резкими репликами и произносит по-своему историческую фразу, обращенную к Чубайсу: "Это ваша последняя ошибка!" Интересно, что чуть позже в печати

появляется еще одна фраза, приписываемая Юмашеву, неизмеримо более зловещая: "Теперь вы увидите, как вас начнут уничтожать!" Более активным в разговоре с президентом об отставке Березовского был Немцов. Было решено задействовать энергетику президентских симпатий.

Узнав о случившемся накануне праздников, я встретился с Егором Яковлевым. Это было 5 ноября. Мы обменялись мнениями.

- Следующим будет Чубайс, - сказал я, - его хватит недели на две. Надо ждать скандала.

Егор согласился, однако срок скандала перенес на январь. Скандал под названием "История одной книги" разразился спустя девять дней. Мы не почувствовали себя пророками. Все было слишком очевидно.

Березовский сделал ответный ход, который оказался более весомым, чем нападение двух вице-премьеров. Книжный скандал убрал с политической арены сразу трех ближайших соратников Анатолия Чубайса: первого заместителя руководителя президентской администрации Ю.Казакова, только что назначенного главу Госкомимущества М.Бойко и руководителя Государственного комитета по банкротствам и несостоятельности П.Мостового. Чубайс пока удержался, но, судя по всему, ненадолго. Непримиримая оппозиция перешла в контрнаступление. Уже согласованный бюджет на 1998 год мгновенно завис. Налоговый кодекс рухнул, как рухнуло и перестало существовать понятие "команда Чубайса".

Последовало разделение постов первых вице-премьеров с министерскими постами. Появился, как продукт черномырдинского компромисса, новый министр финансов - Михаил Задорнов.

Накал несколько спал, но на 25 ноября президент пригласил к себе Анатолия Чубайса. Черномырдин опять находится в отъезде. Он во Вьетнаме. Эти строки пишутся 25 ноября. Все ждут итогов дня, а точнее говоря, итогов не оговоренной ранее встречи президента с Анатолием Чубайсом. Накануне президент неожиданно признал справедливость критики Думы в адрес правительства и назначил отчет правительства перед президентом на 5 декабря. Политическая аритмия нарастала. Западные инвесторы взяли паузу, инвестиционные потоки, и без того достаточно скудные, останавливаются вовсе. Лужков не посчитал случившееся правительственным кризисом. Он выразился определеннее - это кризис команды Чубайса.

* * *

У каждого человека своя биография. Кто-то в шутку назвал Чубайса комиссаром приватизации. Это достаточно точный образ. И Чубайс его мастерски воплощал. Непримиримость в достижении цели и даже фанатизм, бескорыстие - так считалось. Уже будучи вице-премьером уехать в отпуск на Камчатку. И там на байдарках с рюкзаком и палаткой без всякой вычурности совершил с сотоварищами такое путешествие... Согласитесь, скромный романтический антураж греет душу.

Однажды на заседании правительства я сидел рядом с Евстафьевым. Чубайс уже несколько месяцев как покинул пост первого вице-премьера, а его ставленник по-прежнему продолжал руководить информационной программой "Время" на ОРТ, хотя уже было ясно, что со дня на день Евстафьев, лишившись властного патрона, покинет свой пост. Мы повздыхали по поводу достаточно спонтанной отставки Чубайса, а затем Евстафьев рассказал, что днями навещал бывшего патрона и был потрясен едва ли не аскетизмом своего недавнего шефа. Все тот же "жигуленок", рубаха, джинсы. Сам согрел чай. Пишет книгу о приватизации. А это едва ли не весна 1995 года. Что еще?.. Да нет, такая голова не пропадет.

Именно тогда Чубайс заявил о своей идее: создать фирму-буксир, которая по контракту будет выбрасывать оперативный профессиональный десант на какое-либо крупнейшее предприятие. Этот десант оказывает необходимую помощь по переводу предприятия на рыночные рельсы и на новую производственную орбиту. Разумеется - фирма коммерческая, в ней Чубайс планировал собрать всю свою команду. А что, замысел элегантный и дерзкий. Фирма по оказанию услуг по реформе. Из социализма - в капитализм. Сдаем "под ключ".

Однако фирме не суждено было состояться. На Давосской встрече семь ведущих

банкиров заключили своеобразный пакт, получивший на страницах "Общей газеты" историческое определение "семибанкирщина". Банкиры поняли времени до президентских выборов остается слишком мало - надо определяться. Ведущие коммерческие банки сделали ставку на Ельцина.

Кинотеатр повторного фильма

Итак, наш президент больше переизбираться не намерен. "Хватит, пришло время дать дорогу молодым!"

Молодые, естественно, воспряли духом, полагая, что в понятие "молодые" входит именно их возраст - около 40 с той или иной стороны. Хотя, чисто арифметически, более молодыми, если взять за отправную точку 2000 год, а нашему президенту тогда исполнится 69 лет, все те, кто моложе этого возраста, могут считаться и более молодыми, и вполне перспективными в президентском делопроизводстве.

При любых иных обстоятельствах данной реплике без добавления эпитета "молодые" можно было бы не придавать значения, так как по российской Конституции третий президентский срок не предусмотрен, но...

Юридически эту норму можно оспорить. Первое президентство случилось, когда РСФСР была частью Союза. Затем Союз распался, и в 1993 году, после принятия новой Конституции, как бы началась следующая историческая эра, наподобие времени "чучхэ" в Северной Корее с новым летосчислением.

Все справедливо: Россия - родина слонов и в ней возможно все. Проще говоря, вообще - нельзя, но если очень захотеть, то - можно.

Наш президент в своих пристрастиях - человек достаточно консервативный, а потому предпочитает разыгрывать только собственные комбинации, проверенные посредством только личного опыта. В данном случае мы имеем очевидную аналогию.

В свое время, принимая решение относительно повторного переизбрания, президент, как мы помним, не торопился. И фактом своих длительных сомнений спровоцировал фальстарт президентской гонки.

Были ли в ту пору у Ельцина действительные сомнения или мы оказались свидетелями хорошо разыгранного спектакля - судить трудно,

В каких-то проявлениях Ельцин был и остается загадкой даже для собственной семьи. Тем более что основания для сомнений были весомые. Здоровье давало сбои. И, как физически сильный человек и привыкший считать себя сильным, Ельцин глушил эту очевидность. И потом, будучи внутренне, конечно же, настроенным на повторное избрание и уже не мыслящий себя вне высокой власти, он вряд ли желал сменить род занятий. Ибо тот, другой, удел для Ельцина был мало сказать бесперспективным, он был небезопасным. Путь противоречивого реформаторства оставляет внушительный шлейф обид.

Уже к середине 1995 года Ельцин начал прощупывание настроения собственного окружения, а равно - настроения общественности. Принципиальным в этом посыле можно считать авторство идеи, идеи двухполюсной. На одном Ельцин со своими сомнениями - надо ли? На другом - сценарий неглубоко упрятанной паники в связи с сомнениями президента. Этим уже занимался целый коллектив. В чем и заключался ключ комбинации.

Конец 1995 года следует считать кульминацией сомнений.

Президент этого не скрывал и в доверительных разговорах делился ими. Круг вовлеченных в эти разговоры был не слишком широк, но достаточным для того, чтобы практически все разнохарактерное президентское окружение, включая правительство, об этом знало.

И если непримиримая оппозиция после очередного заявления президента, что он еще ничего не решил о своем выдвижении на второй срок, называло происходящее хорошо задуманным политическим трюком, то сторонники и уж тем более ближайшее окружение, знавшие о неидеальности ельцинского самочувствия не по наслышке, переживали длительный шок - в их понимании отказ избираться на второй срок был адекватен добровольной передаче власти в руки политических противников. Но не в переходе Ельцина

в состояние экс-президентства был главный урон. Таким своим решением Ельцин лишал власти всех остальных. Шок очень скоро перерос в отчаяние. Отчаяние - в смятение. Смятение - в обыкновенный человеческий страх - а как же мы?!

Расчет оказался верным - страх потерять власть сплотил чиновников и явился мощным энергетическим запалом на очередных президентских выборах 1996 года.

Но дело было не только и не столько в чиновниках. Ельцин прекрасно понимал, что значимой фигуры общероссийского масштаба, равной ему, олицетворяющей перемены, ни среди демократических, ни среди центристских сил пока нет. Да и сам президент не допускал конкуренции рядом с собой. Достаточно вспомнить постоянную вибрацию на поле симпатий и антипатий президента по отношению к премьеру. И в 1994 году, и 1995-м, и в 1996-м, и в 1997 году непременно появлялся слух о возможной отставке Виктора Черномырдина.

Это был стиль - ельцинская методология - сначала придумать преемника, подсунуть ему надежды, а затем казнить за возомнительность, держать в предчувствии предстоящей опалы. Всякий рывок конкурента-соратника на поле общественных симпатий не оставался не замеченным и никогда не прощался.

Характерная деталь того времени - аттестующая атмосфера испепеляющей ревности высшей власти. Книга премьера, написанная им в 1994 году и изданная в Германии, так и не попала на прилавки магазинов, а осталась на издательских складах. Примерно в это же время Ельцин издал свою вторую книгу. Так что опасения премьера были не беспочвенны.

Президентские колебания - избираться или не избираться - постепенно превратились в интуитивно угадываемую тактику Ельцина.

Легкость, с какой Виктор Черномырдин и Иван Рыбкин приняли идею Ельцина о создании лево- и правоцентристских блоков, лояльных президенту, лишь убеждает нас, что идея о невозможности потери власти в умах власти присутствовала постоянно. Да, это так. Страх перед утратой власти сплотил не только чиновников, он инициировал единение частного капитала. Народившийся собственник пришел в движение. Он стал ускоренно политизироваться, понимая, что биография приобретенного капитала небезукоризненна. Он - капитал - создавался в период межзакония и правовой пустоты, когда и сами реформы, а точнее, желание таковых находились в стихийном плавании.

Нынче наши мгновенно вызревшие политики называют то время периодом политического и экономического романтизма. Подобные утверждения достаточно поверхностны и могут быть уподоблены модным благозвучиям.

Когда исчерпаны все мыслимые и немыслимые ресурсы, движущим капиталом любой власти остаются только обещания. По этой самой причине предполагаемый перелом и экономический подъем переносился с 1994 на 1995, а затем 1996 и 1997 годы. И никакого отношения это к экономическому романтизму не имеет. Романтизм ни в какие времена не являлся формой малообразованности и непросвещенности. Наоборот, он всегда был фактом прозрения общества, его самозащитной реакцией, сохраняющей пространство надежд. Без чего просто не существует движение вперед.

Реализм, а можно сказать жестче, блеф Немцова, обещающего времена благоденствия после завершения жилищной реформы, ничем не отличается от романтизма Гайдара, обещавшего, что свободные цены на внутреннем рынке подтвердят серьезность наших капиталистических намерений и страну наводнят инвестиции растроганного Запада. Не наводнили.

Сословие новых собственников в преддверии вторых президентских выборов тоже пережило минуты естественного страха. Прежде всего перед возможностью утраты собственности, обретенной на волне предреформенного хаоса. Отдавая себе отчет в непопулярности своего социального портрета в глазах подавляющего большинства обедневшего населения, нарождающееся сословие предпринимателей мгновенно отрешилось от политической апатии.

И неважно, кто они, обрушившиеся как дождь на землю отечественные капиталисты - качки с тугими затылками, раскормленным задом и золотой цепью на шее или выпускники

мехматов, знающие иностранные языки, доки в компьютерных технологиях.

Увы, неприятие вызывают не столько внешний вид, невоспитанность, хотя и то и другое рельефно обозначает человека. Отторжение случается в силу немыслимого разрыва в уровне благосостояния подавляющего меньшинства перед сверхпреобладающим большинством. Прошлый, ложно равный мир поделился на очень богатых и очень бедных. И вот тогда очень богатые или почти богатые, гонимые беспокойством, оказались в числе тех, кто вместе с чиновным людом, проплаченным небезбедными согражданами, стали наперебой убеждать президента, что он, и только он, и что другого президента у России в 1996 году быть не может.

Существовали ли вообще президентская усталость и желание уйти на заслуженный покой? Разумеется, существовали. Особенно в минуты крайнего недомогания. Это и придавало естественность сомнениям. И очень скоро стало внутренней тактикой президента. И поиски преемников, в числе которых были и Черномырдин, и Лужков, и Сосковец, и Немцов, и беседы с ними. И расходящиеся, как круги по воде, слухи об этих якобы поисках преемственности. И публичные отказы якобы преемников. Все становилось приемами хорошо продуманной игры: "Я вроде как сомневаюсь. Устал. Не хочу. Но народ настаивает. Народ просит, народ требует. Останься и правь нами".

Если рассуждать здраво, имея за спиной столь сильное недомогание, которым страдал президент, идти на перевыборы было даже не риском безумием. Но натура неподвластна логике. Ельцин ревнив, и персоны, высмотренные и высвеченные как преемники, хорошо знали об этой президентской ревности. На эту ревность рассчитывало и президентское окружение, называя и подсказывая имена возможных дублеров. Окружение надеялось, что неминуемость президентского подозрения поставит крест на политической карьере каждого конкурента.

Но в этом случае мы имели дело уже не с тактикой президента, а с игрой его предвыборной команды.

Существует хорошее изречение: "Самая короткая дорога к цели - та, которую ты знаешь". Эти слова могли бы стать эпиграфом к политической жизни Ельцина.

Время летит очень быстро. Перед своим повторным избранием Ельцин начал зондировать почву за два года до выборов. И причины тому были основательные: малая удачливость реформ, серьезные проблемы со здоровьем, катастрофически низкий рейтинг популярности президента.

Ныне прощупывание началось более чем за два года до выборов. Сейчас тоже непросто сказать, что в абсолютном активе президента и его команды, а что в пассиве. И не потому, что не случилось положительных перемен. Перемены есть, однако темп решения возникающих проблем немыслимо отстает от появления новых. Проще говоря, решения власти не предвосхищают отрицательную событийность. В лучшем случае реагируют на нее со значительным опозданием. И еще одна характерная особенность момента. Крайне понизилась котировка умелости власти, произошла девальвация прогресса, теперь главенствующим успехом власти считается возвращение денежных долгов. Не долгов, допущенных прошлой властью, а своих собственных. И этот факт преподносится как демонстрация эффективности управления страной. Своевременная оплата труда не есть управленческое и уж тем более реформаторское достижение. Это элементарная норма существования любого государства.

Очень часто можно услышать: Ельцин до болезни и после нее - это два разных Ельцина. Сегодня мы имеем совсем другого президента.

Такая различимость вполне правомерна и оправдана исторически. Всякий президент, избранный на последний срок, - это в определенной степени другой президент, имеющий возможность действовать вне прошлых правил.

Но вот что интересно. Юридическая возможность, даже сомнительная, избрания Ельцина на третий срок настойчиво возвращает его к своей президентской изначальности. Следует обратить внимание, что любое решительное действие нынешнего президента

вызывает ностальгические всхлипы: "Мы вновь увидели прежнего, решительного, волевого Ельцина". Образ Ельцина образца 1991 года в определенной степени - эталон и для самого Ельцина. Сейчас мы это видим особенно отчетливо.

Годы не возвращаются назад. Но возвращаются воспоминания.

Мы являемся свидетелями непростой ситуации. Полностью обновленная команда президента, сориентированная внутренне на второе пришествие президентской натуры, сталкивается с желанием Ельцина повторить себя прежнего.

Бывшее окружение сносило безропотно любые завихрения и нестандартности президентских поступков. И это было естественно, в силу их полной зависимости от президента, ибо никто из них не вправе был сказать - мы его сделали политически значимой фигурой. Все было как раз наоборот. Практически всех их в большую политику ввел Ельцин. Продуманно, вынужденно, случайно - неважно. Он их, а не они - его. Это потом, став свитой, они пытались играть короля. И во втором варианте Ельцин попытался разыграть похожую комбинацию, И опять это было естественно. Чубайс, его сподвижники тоже своей политической биографией были обязаны Ельцину. Они не состоялись бы без Ельцина, без его настырного стремления двинуть вперед молодых, но...

Социальной средой Чубайса и был тот слой нарождающегося капитализма, коридор для которого проложила приватизация. Понимая, что вне этой среды он зависает, Чубайс расширил рамки и понятие президентской команды. В команде появились банкиры. Банкиры вправе возразить - это мы сделали Чубайса эпицентром президентской команды. Они могут высказаться и более агрессивно - мы его наняли.

Сейчас не время обсуждать, разумный это был ход или ход ошибочный. Он был вынужденным - этим сказано все. Выборы требовали средств. Средствами владели банкиры. Тогда, на выборах, произошло незакамуфлированное срастание капитала с властью. Присяга банкиров на верность Ельцину была актом сугубо финансовым, а никак не эмоциональным. Шлюз был открыт, и уже на региональных выборах стала повторяться подобная схема. Но ввиду того, что 85% банковского капитала сосредоточены в Москве, а на периферии в достаточных масштабах - сосредоточие капитала криминального, то там и составляющие этого срастания оказались иными

Достаточно вспомнить постоянные заявления мэра г. Ленинск-Кузнецкого Коняхина, героя разразившегося скандала, в прошлом криминального авторитета: "На выборах я агитировал за Ельцина". И это было правдой. Коняхин тоже - новое сословие собственников. Как мы сейчас видим, сословие крайне многослойное.

Чубайс не учел одной немаловажной детали - формирование команды из числа однокашников, создание ядра молодых управленцев и привлечение в команду состоявшихся банкиров - процессы совершенно разные. Первые объединяются на основе профессионального интереса и абсолютной подчиненности, а значит, зависимы от того, кто собирает команду. Вторые независимы априорно, в силу обретенного богатства и входят в команду на условиях отслеживания своего интереса. Если власти нужен капитал, а власть этого не скрывает, то они готовы его обменять на капитал власти, рассматривая при этом власть как товар. Разумеется, ничего этого не произносилось вслух, озвучивались совершенно другие тексты: "Это наша страна. И нам небезразлично, что в ней происходит. Без торжества демократии - нет торжества частного капитала". И как продолжение: "То, что выгодно банкам, выгодно России". Кстати, Генри Форд, слова которого взяты как духотворный импульс нашими банкирами, говорил по-другому: "То, что выгодно Америке, то выгодно Форду".

Понимал ли это Анатолий Чубайс, когда формировал команду со столь смешанным интересом ? Конечно же, понимал. Анатолий Чубайс - натура убежденная и в чем-то даже фанатичная. Он всегда был уверен в себе и рассчитывал, что, в случае победы на выборах Бориса Ельцина и перелома экономической ситуации, адресность заслуг будет сконцентрирована на именах политиков. А Чубайс себя относил, конечно же, к ним. В этом случае удастся потеснить сначала амбиции банкиров, а затем и самих банкиров из коридоров

власти, восстановив тем самых норму цивилизованного государства. И опять же тем самым, но уже во второй раз, материализовать отделение власти от собственности и капитала, но теперь уже в условиях капитализма в России.

Однако исполнение данной задачи оказалось неизмеримо более сложным, нежели это можно было предположить. Классический рисунок комбинации испортил президент.

После создания правительства второй волны, омолодив его внушительно, президент дал как бы карт-бланш новой команде. Он даже приструнил премьера: "Не надо бояться молодых", причем сделал это принародно, дав понять, кто в этой власти сторонник омоложения, а кто - противник.

Самое любопытное, что произошел этот омолаживающий демарш, когда полностью обновилась команда президента и тем самым понятие "президентская команда" решительно распространилось за пределы Кремля. Объективно говоря, такая попытка была сделана уже Чубайсом в тот момент, когда он возглавил президентскую администрацию. Правда, ключ к решению задачи был использован другой. Чубайс негласно сохранил за собой ряд направлений сугубо правительственной деятельности. Это прежде всего подбор кадров исполнительной власти и контроль за экономической политикой правительства. Как показала жизнь, теоретически это единение администрации президента и аппарата правительства декларировалось всегда, но на практике это выглядело совершенно по-другому. И даже карьерная миграция вице-премьеров из кабинетов Белого дома в кремлевские кабинеты и наоборот лишь слегка ослабляла трения, однако управленческая ревность очень скоро брала свое.

Молодые реформаторы воспряли духом.

Ельцин повторил комбинацию 1992 года, когда по его инициативе было сформировано первое правительство высоколобых и на реформаторском небосклоне взошла звезда Егора Гайдара, Анатолия Чубайса, Бориса Федорова. В этом смысле 1996 год был достаточно похож на 1992-й, та же ситуация, топтание на месте, тогда - в преддверии реформ, а сейчас - в процессе их развития. Отсюда и схожесть кадровых решений, которые использовал президент.

Но при всей схожести ситуаций существует два немаловажных различия. Первое: тогда, в 1992 году, у президента не было выбора, он в буквальном смысле был приперт к стене. Союз распался, механизм управления страной перестал действовать, партийная вертикаль рухнула. Только идея реформ могла обещать перемены, а значит, побудить общество пусть на нервное, но все-таки ожидание, но не взрыв.

Сейчас у Ельцина выбор есть. Пять лет не прошли даром. В общероссийской жизни в результате реформ появились контрастные различия регионального характера. Реформы выявили и сотворили ряд одаренных практиков и управленцев.

И, наконец, второе. Президент в состоянии болезни, перенесший операцию, когда и формировалась команда второго реформаторского рывка, и президент выздоровевший - это два разных психологических состояния.

Нездоровье, при всем отрицании этого факта, делает человека зависимым. Его уступчивость в эти минуты объясняется не изменившимся характером, а усталостью, истощением сил, ушедших на борьбу с болезнью. Президент выздоровел, и к нему возвращается прежняя предрасположенность к проявлениям ельцинского бунтующего, непрогнозируемого характера.

Взбодрив молодых и создав у них устойчивую иллюзию властной перспективы, вручив каждому из них беспрепятственный пароль и право на посещение президентского кабинета, Ельцин формирует не только климат уверенности молодых реформаторов, но создает новый образ управления страной и управления исполнительной властью этой страны.

Премьер перестает быть единственным носителем правительственных идей. На равных эти идеи в кабинет президента приносят вице-премьеры и даже министры. Улучшает ли этот стиль управление государством, сказать трудно, но то, что он ухудшает отношения в правительстве, как единой команде, где премьер - всему голова, - очевидно. По этой причине

столь часты заверения практически всех вице-премьеров, как они изнурительно едины с Виктором Черномырдиным. По законам политической интриги Ельцин уравновесил премьера и не дал ему воспарить над реальностью истинной власти. Однако внимание, с которым Ельцин следит за скоростью, с какой его фавориты движутся на дистанции, - поразительно. Стоит кому-то на полкорпуса вырваться вперед, немедленно приводится в действие механизм противовесов.

Сначала приватизаторы добыли денег в казну и процесс погашения долгов обрел динамику, как тотчас случается скандал с приватизационными конкурсами, когда одна часть команды посчитала себя обделенной другой частью.

Девизом несогласных стал лозунг "Чубайс зарвался, он монополизировал власть, и не только правительственную". Вчерашние единомышленники сыграли с той же карты, которую использует против Чубайса непримиримая оппозиция. И президент среагировал. Покинул правительство Кох - организатор приватизационных аукционов. Более того, при полном молчании высшей власти на Коха заводится уголовное дело, как если бы еще полмесяца назад Кох не был одной из ключевых фигур в президентской команде. Отставка Коха реальное ослабление чубайсовского крыла в правительстве. И появление Максима Бойко на посту главы Госкомимущества не возместило урона. С переходом Бойко на правительственную должность Чубайс ослабил свое влияние в администрации президента. Он сделал это вынужденно. Но эту вынужденность нельзя считать случайностью. Однако президент следит не только за Чубайсом.

Набравший чрезмерную скорость Борис Немцов не дает покоя банкирам тоже. И тогда, используя руководителя администрации Валентина Юмашева и дочь президента Татьяну Дьяченко, банкиры начинают стремительную осаду Кремля. Правда, банкиры тоже просчитались, увлеклись и в полной мере не просчитали нового, но желающего себе вернуть прежний образ Ельцина.

Сообщив 1 сентября о своем нежелании баллотироваться на третий президентский срок и сделав очевидный намек, что пора уступить дорогу молодым, Ельцин не обрадовал недовольных банкиров. Понятие "молодые" исчислялось двумя, в лучшем случае тремя фигурами. В этом списке на первых местах стояли фамилии Немцова и Чубайса, с которыми и был главный конфликт недовольных банкиров.

Впрочем, радость молодых рефоматоров, олицетворяющих по заявлению президента будущее высшей власти, была недолгой.

Реформы - это во-вторых, а может, даже в-третьих. Власть первична. Сохранить себя во власти - вот девиз.

В этой связи вспоминается деталь октября 1993 года. Накал противостояния достигает своей кульминации. Уже случился штурм мэрии и штурм Останкино. В затемненной маскировкой телевизионной студии Егор Гайдар выступает с обращением к москвичам подняться на защиту Конституции, президента и демократии. Назначено время и место сбора. Площадь перед мэрией Москвы на Тверской улице. И сбор случился. Демократическая Москва услышала Гайдара и двинулась на площадь. Я часто задаю себе вопрос: почему Гайдар позвал москвичей под стены лужковской штаб-квартиры? А не под стены, скажем, Кремля, на Васильевский спуск, или на Старую площадь, где размещалось правительство? Людей поднимали не на защиту московского градоначальника, а на защиту демократической России. Понимал это в тот момент Егор Тимурович или это случилось случайно - не имеет значения. К тому времени Москва уже стала оплотом реформ в России. Хотя разногласия между Лужковым и Чубайсом уже давали о себе знать. И тем не менее Гайдар, пусть на короткий момент, взял взаймы демократический авторитет Москвы и объединяющий авторитет московского мэра. Такова реальность.

Эти детали прошлого и значимы, и знаменательны. Россия, возможно, как никакая другая страна, привержена повторению своей драматической событийности. В этом смысле каждый следующий день власти возможно понять и предугадать отчетливо и в деталях, лишь понимая день предыдущий. Почему декларируемая с таким напором со стороны президента

поддержка молодой реформаторской генерации вдруг стала пробуксовывать? Еще по инерции с уст президента слетают обнадеживающие фразы то к Лужкову - "Перестаньте ссориться с правительством" - намек бесспорно на конфликт мэра с Чубайсом и Немцовым; то к банкирам - "Чубайса и Немцова оставьте в покое"; то во время всевозможных бесед и встреч на выезде - "Сейчас в правительстве молодая, энергичная команда". Все так. И тем не менее, следуя классическому изречению: "Жребий брошен, Рубикон перейден", - Чубайсу удалась только первая часть этой формулы.

Неприятности начались с отставки Коха после нашумевшего аукциона по продаже контрольного пакета акций "Связьинвеста". Чубайса насторожила реакция недовольных банкиров, и он делает немедленный шаг по изъятию трех триллионов таможенных денег со счетов "ОНЭКСИМбанка" - банка победителя. Чубайс полагает, что банкиры оценят этот примиряющий и уравновешивающий ход. Дает понять, что у министра финансов любимых и нелюбимых банков не существует. Немедленность этого шага была бесспорным желанием не столько усилить государственный бюджет, сколько погасить скандал и вооружить самого себя доводами собственной объективности. Однако вчерашние сотоварищи по команде этой жертвы первого вице-премьера не приняли и дали понять, что не только Чубайс формировал команду, но и банкиры тоже. А значит, право контроля над ее деятельностью не только в руках Чубайса. И как результат встреча президента с шестью ведущими банкирами. Нетрудно догадаться, что встречу лоббировал Борис Березовский, а готовили Валентин Юмашев и дочь президента. Повод был достаточно весомым и объяснимым. Президент обеспокоен разладом между властью и банковским капиталом. Он намерен примирить стороны и выслушать обиженных банкиров. Разумеется, банкиры, которые настаивали на этой встрече и готовились к ней, сформулировали задачу, стоящую перед ними, несколько по-иному. Упрощенно это звучит так: дать оценку действиям Чубайса и его команде, но это как бы помимо, а главное, убедить президента, что отныне им не нужен посредник во взаимоотношениях с высшим лицом государства. Тем более что на выборах они голосовали за Бориса Ельцина, а не за Анатолия Чубайса и Бориса Немцова. Президент как бы встал над схваткой. Чуть позже, выступая перед сенаторами, он уместил суть конфликта в двух фразах: "Банки осуществляют финансовую политику в пределах, дарованных им законом", "Власть - политику государственную". И никаких претензий банков на полномочия власти быть не должно. Однако примиренческая миссия президента оказалась малоудачной. Почему? Во-первых, потому, что конфликт материализовал факт бесспорного раскола в команде. Банкиры недооценили авторитарность Анатолия Чубайса, как очевидного лидера в своей возрастной генерации управленцев, Чубайс недооценил диктатурно-товарных взглядов банкиров, работающих по классической схеме: деньги - товар деньги. Гайдар эту задачу сформулировал достаточно точно: на первом этапе нужно было отделить собственность от традиционно социалистического государства, на втором - проделать то же самое - отделить государство (читай - власть) от собственности (читай - капитала), но уже в прилюдно капиталистических условиях. Однако, воспользовавшись капиталом и став, благодаря ему, властью, отделиться от него оказалось задачей непростой.

В этой встрече банкира с президентом есть одна принципиальная частность. Если стоит задача помирить поссорившихся Иван Иваныча с Иван Никифорычем, то более чем странно вершить это примирение в общении с одним Иван Иванычем или с одним Иван Никифорычем. Разлад между банкирами и властью олицетворялся двумя ключевыми фигурами - Чубайсом и Немцовым. Однако на встрече с банкирами отсутствовали оба первых вице-премьера. Ельцин принял эту идею - свою ли собственную или подсказанную Березовским, - что в отношениях с банкирами он может обойтись без посредников. Президент доволен - он восстановил равновесие, при этом на всякий случае пригрозив банкирам: "Не трогайте Чубайса и Немцова". В этой круговерти была еще, прошедшая малозаметно, встреча. Президент принимал нового главу Госкомимущества Максима Бойко. Встреча ритуальная, но тем не менее породившая в стане молодых реформаторов определенное беспокойство. Реформаторы, опекаемые в сфере экономической теории Егором

Гайдаром, приравняли нынешний период - начала и середины 1997 года - к событиям года 1992-го, когда Ельцин призвал под знамена молодую команду, вошедшую в историю как первое правительство реформ. "Действуйте без оглядки, я вас прикрою".

Возвращение президента к своему первоначальному образу молодые реформаторы второй волны приняли как свершившийся факт и полагали, что схожесть экономической ситуации породит и идентичность президентских шагов: "Вперед, не оглядываясь, я вас прикрою". Тем более что поначалу, после фронтального омолаживания правительственной команды, так и было. Президент не скупился на подхлестывающие самолюбие молодых аттестации, но...

Молодые оказались слабыми психологами и просмотрели зигзаг президента. Сначала президент дал оценку необъективности Альфреда Коха, а проще говоря, сыграл на стороне оппонентов Анатолия Чубайса и Владимира Потанина. А затем в беседе с Бойко благословил его не на решительность, а, скорее, на осторожность. Главное, чтобы без скандалов. А правила игры на аукционах буду контролировать я.

Президент осадил молодых, дав понять, что в качестве заряжающего на бастионе он. А все остальные выполняют либо роль снарядов, которые, поразив цель, перестают существовать, либо мишеней, на каковых концентрируется артиллерийский огонь. Достаточно спорный шаг - президент переводит управление процессом приватизации едва ли не на себя.

После данной встречи все СМИ писали: "Контроль за дальнейшими приватизационными аукционами будет осуществлять президентская администрация". Интересный поворот событий - Юмашев или Комиссар в роли экономических оракулов. Правда, есть еще Лившиц. И все-таки этот шаг вряд ли укрепит единение команды.

Данное событие значимо еще по одной причине. Информация о встрече президента с банкирами и ее интерпретация навсегда остается оружием банкиров. И после встречи Ельцин завершает интригу в своем стиле. Он не приглашает ни Немцова, ни Чубайса. Наоборот, он возвращает долг доверия Черномырдину и о результатах встречи информирует именно его.

В этом же контексте следует говорить об умозрительных сентенциях политологического и журналистского мира по поводу возможности выдвижения кандидатуры Ельцина на третий срок. Это тоже - часть общей, уже наработанной партитуры. Прозондировать настроения конкурентов; еще раз использовать эффект фальстарта; внести в ряды политических противников легкий переполох, потому как каждый из них выстраивал всю предвыборную тактику без участия в предстоящих выборах Ельцина; сдержать, а точнее, парализовать возможных конкурентов из собственного лагеря.

Последовавшие вслед за президентским заявлением действия вероятных претендентов подтвердили истинность наших предположений. И тем не менее главная задача Ельцина и вообще суть этой туманной тактики совсем в другом. Намек на возможность третьего избрания дает Ельцину полноценное президентство на протяжении второго срока.

Он не рискует оказаться, как говорят американцы о своих президентах, избранных на второй, заключительный срок, "хромой уткой". Услышишь - и улыбнешься. Нам бы их хромоту.

Политическая аритмия - это стиль Ельцина. А значит, колебания общественной температуры он будет сохранять до конца. Поездка президента в Нижний Новгород - из той же серии. Посещение ярмарки - малозначительный повод. Главное - уравновесить ситуацию. На московском юбилее он вроде как избыточно переговорил в пользу Лужкова, теперь он должен поддержать своего молодого любимца. Похвалив Нижний Новгород, президент обронил примечательные слова: он поддерживает желание нижегородских властей превратить Нижний в третью столицу России. Это так, на всякий случай: каждой столице - по своему кандидату. В этой рано начавшейся предпрезидентской суете самого Ельцина упрекнуть не в чем. Лично он не говорил о возможности своего выдвижения. Он загадочно улыбался, отшучивался, давая, как казалось журналистам, социологам повод для выстраивания всевозможных версий.

Характеристика "молодой, энергичный демократ" достаточно портретна. Ельцин и ранее, в 1993 году, использовал портретные намеки, рассуждая о своем преемнике. Тогда, по словам президента, он виделся ему высоким, представительным, динамичным. "В общем, как я", - пошутил президент. И уже ни у кого не возникало сомнений, что перст державный указует на Владимира Шумейко. Все остальные яркости демократического толка были либо среднелибо малорослы и не попадали в разряд "косой сажени". Однако не случилось.

Президент волен омолодить настоящее, так как в настоящем - он есть Бог. Но он не волен омолодить будущее. Трудно сказать, какой выбор сделает Россия в 2000 году: в пользу улыбающейся динамичной молодости или в пользу умелости и мудрости, а может быть, в пользу бунтарства и скоморошества.

Уже понеслось во все концы, уже вспучило теле- и радиоэфир: "Президент сделал свой выбор!!!"

Остается открытым вопрос: зачем? Ведь впереди почти три года!

По Конституции, если читать ее неказуистично, продолжительность президентства ограничена двумя сроками. Следовательно, никакой необходимости обсуждать эту тему нет. Но она обсуждается. Более того, инициируется демократической средой и окружением президента. По расчетам идеологов этой репетиции - два с лишним года достаточно, чтобы молодые реформаторы перессорились, а затем, что маловероятно, но возможно, объединились вокруг наиболее состоявшегося лидера.

И тут главный вопрос - кто этот состоявшийся лидер. Двух лет должно хватить, чтобы отследить ситуацию в деталях и чтобы она не застигла президента врасплох. И у Ельцина останется еще время, если потребуется переиграть варианты. Причем сделать это не поспешно, не накануне, а имея в заделе почти год.

Некое досадное, а может быть, странное совпадение. Предрекая в свои преемники молодого, энергичного демократа, Ельцин словно бы не видит, что параллельно идет уничтожение образа как романтической демократии (оголтелая травля Собчака, начатая еще Барсуковым), так и демократического радикализма в лице Альфреда Коха, Владимира Потанина, сажая всех троих на одну скамью вместе с мэром Ленинск-Кузнецкого Коняхиным.

В сгоревший храм на исповедь не зовут.

Как будут развиваться события дальше? Кто режиссер? Проще всего ответить: разумеется, сам президент. Усомнимся в этом утверждении.

Если президент исключает свое участие в президентских выборах 2000 года, то перед партией власти встают четыре вопроса. Надо ли играть на удержание власти? Если да, то - во имя чего? И с кем?

Перед повторными выборами Ельцин высказался примерно так: "Власть мне не нужна, но за державу обидно", а потому...

Полагаю, что это страдание за державу импонирует всем, и тем, кто владеет властью, и тем, кто желал бы ею стать.

Поэтому, в силу абсолютной схожести, это довод можно опустить.

Ответ на вопрос "для чего" тоже понятен. Разумеется, во имя продолжения реформ, процветания демократической России, строительства гражданского общества. Остается без ответа ключевой вопрос - "с кем". Тезис "молодой, энергичный демократ" всеохватен. Адресной из трех характеристик можно считать одну - демократ. Молодых много, энергичных - еще больше: тут и Б. Немцов, и В.Титов, и саратовский Аяцков, и А. Чубайс, и Г.Явлинский, а может, кто-то из силовиков.

Когда Березовский полемизировал с Юрием Лужковым и обвинял последнего в возрастной ревности к молодым реформаторам как человека, в силу своих лет утратившего политическую перспективу, не трудно было догадаться, что сам Березовский этой перспективы не утратил и его влияние на президентское окружение достаточно внушительно. И здесь неважно, кому симпатизирует ближайшее окружение, вопрос в другом - от кого оно больше зависит. По мере развития событий проблема зависимости президентского

окружения, выполненного в домашне-семейном варианте, становится особенно серьезной.

Я обратил внимание на один материал в "Московских новостях", посвященный празднованию юбилея столицы. Авторы утверждали, что максимальное участие Ельцина в торжествах по случаю юбилея столицы заслуга Юмашева, который сумел убедить или переубедить президента. И, выбирая между сдержанным участием или участием максимальным, выбрал второе. Данное утверждение, скорее всего, близко к истине. Да и сам Юмашев недавно это подтвердил на страницах "Общей газеты". В таком случае наша догадка о разночтениях в президентской команде по поводу тактических шагов Ельцина абсолютно верна. Если это так, то естественно и понятно желание главы президентской администрации ослабить свою зависимость как от Анатолия Чубайса, так и от Бориса Березовского. Более того, это единственная возможность сохранить свою личностную значимость. Впрочем, не следует ломиться в открытую дверь. Всякий следующий глава президентской администрации вносил коррективы в положение об этой должности. Одни требовали расширения полномочий, других устраивал суженный вариант.

В конце концов это глава президентской администрации и он должен устраивать президента. Ну а влияние - понятие растяжимое. У кого-то мир во всю Вселенную, у кого-то с ладонь. У Юмашева всегда есть прекрасный защитный ход - так решил президент. Не станет же даже он возражать, что в качестве будущего президента Лужков не приемлем ни для Анатолия Чубайса, ни для Бориса Березовского.

В этом смысле интересно одно наблюдение. Борис Березовский, как и Валентин Юмашев, в узком или полуузком кругу очень часто употребляют местоимение "мы": "Мы решили", "Мы не допустим", "Нас удивляет". Ничего особенного в этом нет. Обычное признание коллективности принятых решений, общности раздумий и забот. Не "Мы - Николай Второй", а "Мы - Борис Березовский, Валентин Юмашев, Татьяна Дьяченко, чуть ранее - Анатолий Чубайс, Борис Немцов, Альфред Кох и так далее". Но это - наше предположение. А может быть "мы" - это Борис Березовский, Виктор Черномырдин, Анатолий Чубайс, Борис Немцов, Валентин Юмашев, Татьяна Дьяченко и плеяда банкиров. Есть еще вариант. "Мы" - это Борис Березовский, Иван Рыбкин и плеяда банкиров.

Не знаю, как читателей, но меня это всеохватное "мы" настораживает. Как не много надо времени, чтобы говорить от имени и при этом не чувствовать карикатурности этого "мы". При более детальном анализе оказывается, что "мы" Бориса Абрамовича - величина непостоянная. Например, Виктор Степанович в этом "мы" малозначим, так как всеудобен и слишком уважаем коммунистами. Нет места в этом "мы", по вполне понятным причинам, и Анатолию Чубайсу, а значит, и всем его единомышленникам. Еще двух вице-премьеров - Бориса Немцова и Олега Сысуева это "мы" не жалует.

Немцов страдает зазнайством и недостаточно расположен к буржуазии, а Сысуев - тем более.

"Немцова мы вынуждены были сделать первым вице-премьером. В противном случае слишком много власти сосредоточивалось в руках Чубайса". Фразы такого рода не чужды Борису Абрамовичу.

Вряд ли Борис Березовский и иже с ним объединяют себя с Думой и Советом Федерации, хотя и в том, и другом месте его интерес присутствует.

Кто же остается в этом непроясненном "мы"? Плеяда банкиров, президент, его дочь, глава администрации? Не уверен. Президент не любит местоимения "мы". В лексике превалирует президентская фразеология: "Я решил".

По Березовскому - его "мы" страну спасает, а "мы", существовавшее до него, страну губило. То "мы", олицетворенное Гайдаром, делало ошибки, которые "мы" Березовского вынуждены исправлять.

В этом случае мне вспоминается одна крылатая фраза Егора Лигачева, сказанная в разгар антиалкогольной кампании: "Мы должны спасти свой народ". Вообще, Егор Кузьмич жестко делил народ на "наших" и "не наших". Те, кто сомневался в эффективности социализма, - не наши люди. Пьющие, наркоманы, женщины легкого поведения - совсем не

наши. Битлы, рок-группы, как и почитатели того и другого, - не наша молодежь. Я много раз слышал Егора Кузьмича и однажды представил: просыпается поутру Лигачев, заходит к себе в кабинет, зовет помощника и говорит свою обычную фразу: "Будем начинать, приглашайте всех остальных". А помощник отвечает: "Никого нет, только вы и я".

"А где остальные?" - спрашивает Лигачев.

"А все остальные не наши".

Так может быть и с всеохватным "мы" то же самое и оно живет отсветом вчерашнего солнцестояния?

За кем пойдут? - вопрос ключевой. Это понимают, как я уже говорил, и те, кто при власти, и те, кто мыслит себя властью возможной. Считается, что оппозиция всегда в выигрыше. Критиковать легче, чем вершить. Это не совсем так. Практически в руках власти - мир дела. В руках оппозиции - мир слов.

Невоплощенные обещания коммунистов ушли в историческое далеко. Невоплощенные обещания демократической власти находятся рядом. Нелепо искать победу в дискуссии, чьи обещания лучше, чем сплошь и рядом занимается современная власть.

Задача и в самом деле непростая - как в отсутствие Ельцина сохранить себя во власти.

В пространном монологе, произнесенном на страницах "Общей газеты", Валентин Юмашев, характеризуя единые устремления команды, говорит: "У нас всех одно принципиальное понимание того, что мы строим и чего хотим, в том числе в 2000 году в лице нового президента". Они хотят - это понятно. Захочет того же самого общество - вот в чем вопрос. Одно несомненно. На президентских выборах в 2000 году пойдут за авторитетом сотворенного дела, которое можно потрогать, попробовать на вкус и на вес. И всякие разговоры, что победу делают СМИ, - устойчивое заблуждение. Союз с Александром Лебедем гарантировал победу президенту, и только плюс к этому - сумасшествие телевидения и газет.

Итак, впереди два с половиной года.

На что употребит их партия власти?

Доказать, что есть альтернатива, или доказать, что ее нет? На сегодняшний день в партии власти сторонников второго пути больше, чем первого. А если это так, то уверенности в знаковом переломе в экономической ситуации в стране в ближайшие три года у партии власти нет.

Можно зачислить себя на должность Бога, но без верующих у Бога незавидная доля. Он может оказаться безработным.

Потом были президентские выборы и победа на них Ельцина. Затем операция на сердце и ее положительный исход; Чубайс - глава президентской администрации или "регентство" Чубайса. А перед этим дележ властного пирога. Каждый из семи банков получил свободный доступ к федеральному бюджету. Березовский обеспечил себе выход на нефтяной рынок. Смоленский право финансировать агропромышленный комплекс. Его банк "Столичный", помимо доступа к федеральному бюджету (его аграрной программе), начинает проявлять интерес к газетам "Коммерсант-Daily" и "Московские новости". Гусинский переходит в ранг телемагната и становится ключевой фигурой на рынке СМИ. Он получает в свое полное распоряжение телеканал, бывший до этого федеральным и государственным. "Менатеп" Ходорковского становится владельцем нефтяной компании "Юкос", покупает "Литературку", делегирует одну из ключевых фигур из собственного руководства в ИТАР-ТАСС, где Леонид Невзлин становится заместителем генерального директора. "ОНЭКСИМбанк", помимо контрольного пакета акций холдинга "Связьинвест", объединяется на нефтяном рынке с "Лукойлом", покупает газеты "Комсомольская правда", "Известия". "Альфа-банк" совместно с американской компанией АКСЦИ выигрывает тендер по Тюменской нефтяной компании.

Обратим внимание на странное совпадение. Второй передел собственности начинается после повторного избрания Ельцина на пост президента России. И самыми активными и самыми удачливыми игроками на этом рынке оказались именно те самые семь банков, заключившие предвыборный пакт в пользу Бориса Ельцина. Из этого мы вправе сделать

вывод, что банки были не бескорыстны, поддерживая Ельцина на повторных выборах, и вынудили власть расплатиться за оказанные услуги в полном объеме.

Однако диссонанс в этот дележ внес именно Борис Березовский. Он единственный из финансистов, кто в качестве компенсации понесенных затрат, помимо собственности, попросил еще должность публичного политика. Должность эту он получил не без содействия президентской семьи. Приблизил Березовского к президентской семье Валентин Юмашев, в свою очередь несколько ранее вошедший в сферу бизнеса не без помощи Березовского. Березовский из тех людей, которым не обязательно открывать дверь. Его достаточно подвести к ограде, окружающей участок. На территории участка он окажется сам. Внедрение - это уже прерогатива Бориса Абрамовича.

И что бы мы ни говорили, опрокидывая подобные домыслы, - появление зятя Бориса Ельцина во главе Аэрофлота, совладельцем которого является Березовский, нельзя считать случайным совпадением. Как нельзя считать случайностью и тот факт, что в столкновении Березовский-Чубайс Татьяна Дьяченко и Валентин Юмашев твердо заняли позицию Березовского.

Признаем, что из схватки Березовский - Чубайс с большим уроном вышел все-таки последний. С точки зрения интриги упрямый Чубайс сделает все возможное, чтобы отыграть потерянные очки. Чубайс понимает, что его дальнейшее пребывание в коридорах власти под внушительным вопросом. Отставка, не случившаяся в результате книжного скандала, может произойти каждый день. Из фигуры государственного масштаба он мгновенно превратился в фигуру разменной интриги. Чубайс осознает свою временность и потому спешит. Он должен максимально обескровить своего противника, пока он, Чубайс, власть значимая.

9 декабря на заседании чрезвычайной экономической комиссии Чубайс объявляет банкротами два предприятия: Омский нефтеперерабатывающий завод, приватизированный ранее в пользу Березовского, и Ангарский нефтезавод, принадлежащий Владимиру Потанину. Интрига опять не лишена изящности. Обычно комиссию проводит Черномырдин. Но именно в тот момент премьер находился в отъезде, что можно определить как согласованную случайность. Характерен ход Чубайса. Объявляя банкротом Омский нефтеперерабатывающий завод, ключевое предприятие в бизнесе Бориса Березовского, он уравновешивает ситуацию и тоже за долги перед федеральным бюджетом объявляет банкротом завод в Ангарске, где контрольный пакет акций принадлежит "ОНЭКСИМбанку". Комиссия отказалась принять какие-либо доводы директоров акционерных обществ, предложила выставить предприятия на торги и, после соответствующей процедуры, продать их новым владельцам. Удар был нанесен молниеносно. Он был объективно связан с требованиями МВФ, который дал согласие на очередной транш (займ), хотя сравнительно недавно заявлял об отказе, обосновывая этот отказ недопустимо низкой собираемостью налогов. Восстановление благосклонности МВФ требовало демонстрации жестких действий по наведению налогового порядка. Последнее заседание чрезвычайной экономической комиссии как раз и явилось демонстрацией непреклонности правительства, его желания переломить ситуацию с налогами. Разумеется, сюжет с МВФ - скорее, один из поводов к грянувшему грому и, что совершенно очевидно, не самый главный. Банковская война продолжается, и мы являемся свидетелями очередного раунда этой войны.

Одно небольшое уточнение. Председателем комиссии, согласно распоряжению президента, является Черномырдин. В данном случае заседание комиссии, на котором было принято жесткое решение, проводил А.Чубайс. На следующий день, 10 декабря, сообщается о болезни президента - президент простужен, ему прописан санаторный режим. Президент в пределах досягаемости, он в Барвихе. И тем не менее на заседании комиссии при голосовании решения о несостоятельности двух предприятий заместитель руководителя администрации президента по экономическим вопросам Александр Лившиц голосует против. Подчеркнем, это был единственный голос против, но он принадлежал бывшему министру финансов, которого на этом посту сменил Анатолий Чубайс.

И последняя частность. Сразу после заседания комиссии президент в Барвихе

принимает руководителя своей администрации Валентина Юмашева. Вне всякого сомнения, приезд Юмашева, какие бы документы он не привез на подпись президенту, связан с решением чрезвычайной комиссии. Юмашев последний оплот Березовского в ближайшем окружении Ельцина. Еще существует Татьяна Дьяченко, но, судя по ситуации, она пытается дистанцироваться от этих событий. Хотя отлепиться от Березовского не так просто.

Чубайс и не скрывает того, что спешит. Он должен обескровить Березовского до момента своей возможной отставки. Присутствие в одной связке банкротов предприятий, принадлежащих враждующим банковским группировкам - ход просчитанный. Он демонстрирует внешне полную объективность Чубайса, для которого нет любимых и нелюбимых банков. Все говорят о наличии взаимных интересов между главой "ОНЭКСИМбанка" Потаниным и первым вице-премьером Анатолием Чубайсом. Вице-премьер своим решением по обоюдному банкротству свидетельствует свою объективность. Мы хорошо помним, что Чубайс уже использовал этот ход. Победа "ОНЭКСИМбанка" в конкурсе по "Связьинвесту", вызвавшая бум недовольства сотоварищей по банковскому пакту, посчитавших себя обделенными, была немедленно уравновешена изъятием из "ОНЭКСИМа" счетов Государственного таможенного комитета. Речь шла о 3-3,5 триллиона. Даже для такого мощного банка, как "ОНЭКСИМ", это сверхчувствительная потеря. Правда, впоследствии перевод счетов Таможенного комитета в казначейство несколько задержался, что стало темой всевозможных пересудов в истеблишменте, но в конечном счете это все же произошло.

Разумеется, как первая акция по таможенным счетам, так и вторая с банкротством потанинского Ангарского нефтеперерабатывающего завода были согласованы с Владимиром Потаниным. И Потанин согласился с разумностью как первого, так и второго чубайсовского хода. Тем более что удар в связи с изъятием таможенных счетов Чубайс сильно смикшировал, когда привез из Лондона нового партнера для Потанина в расчете на будущие аукционы. Договор, который был с невероятной быстротой подписан между "British petrolium" и "ОНЭКСИМбанком", лучшее тому свидетельство. Чубайс обезопасил Потанина. Джордж Сорос оказался капризным партнером. После скандала вокруг Бориса Березовского, а затем ответных скандалов, которые раздул Березовский вокруг лишенных прозрачности сделок Потанина по "Норильскому никелю" и еще ряду предприятий, Сорос дрогнул. Сорос общеизвестный удачливый игрок, и для него сверхважно не промахнуться и поставить на ту лошадь, которая первая окажется на финишной черте. Еще один штрих. Современный Омский нефтеперерабатывающий завод - в торгово-финансовых комбинациях Березовского единица ключевая, от которой на 50% зависит успешность нефтяного бизнеса Бориса Березовского и контролируемой им компании "Сибнефть". А Ангарский завод, патронируемый "ОНЭКСИМбанком", неизмеримо менее значимая составляющая для Потанина. Буквально на следующий день в СМИ была подброшена информация о возможности объединения усилий Березовского и Потанина против Чубайса. Это был настолько ложный след, что по нему никто не пошел. Попытка Березовского устроить скандал, поставить под сомнение решение комиссии немедленно была растиражирована двумя телевизионными каналами - ОРТ и НТВ. Беспардонность и истерическое хамство, свойственное практически всем выступлениям Сергея Доренко, как только речь заходит об Анатолии Чубайсе, который пока остается первым вице-премьером, поразительны по существу. Разумеется, в поведении Доренко нет даже микроскопической смелости. Вопрос в другом: зачем ангажированному журналисту столь негодная бравада и самовосхищение своей купленностью? Это вызывает отчаяние у людей, знающих Доренко и еще недавно ему симпатизировавших. Нет-нет, у него были свои зрители. Много зрителей. У них проявился к передачам совсем другой интерес, и даже не интерес, а возбуждение, которое случается у разъяренной толпы при виде крови жертвы. Столь очевидный отказ от самого себя - есть, пожалуй, самое драматическое свидетельство краха, который переживает отечественная тележурналистика. А может, я не прав - это не отказ от себя, а возвращение к себе истинному.

Вообще о телевидении, ложном в сотворении и неложном в саморазрушении

"четвертой власти", как нарекли российские СМИ в 1990 году, мы поговорим отдельно, а сейчас вернемся к событиям современным.

Почему А.Лившиц голосовал "против"? Это не случайно. Лившиц объяснил свою позицию в стиле рассудочного упрямства. Почему тем, прежним, попавшим в такое же положение (ВАЗу, АЗЛК), давали отсрочку с правом постепенного погашения долга, а здесь решение непримиримое, тем более что Омский завод, как заявил его директор, с налогами 97-го года рассчитался, хотя более давняя задолженность осталась незакрытой. Предприятие сделало все положенные выплаты в Пенсионный фонд, погасило задолженности местным бюджетам, и вдруг... Неясна Лившицу и дальнейшая судьба заводов. И вообще, как и какие деньги рассчитывает вернуть правительство? Лившиц в заключение, по сути, сказал ключевую фразу - "решение отдает поспешностью".

Материалы готовила налоговая инспекция практически за два-три дня, даже не проанализировав динамику финансовой политики завода. Провести атаку без шума не удалось, шум начался. Арест имущества за долги - это прерогатива суда. Чрезвычайная экономическая комиссия - орган не конституционный и таких действий совершать не имеет права. Это уже не Лившиц. Это комментарий политического обозревателя ОРТ. Происшедшие на комиссии события генеральный директор Омского нефтеперерабатывающего завода назвал политическим фарсом. Сама комиссия каких-либо заявлений, объясняющих столь жесткое решение, не делала. А зря. Чубайс не стал наращивать пропагандистское наступление, посчитав дело сделанным и уступив информационную инициативу оппонентам. И опять мы повторимся: а зря. Впрочем, это можно объяснить расчетом - Чубайс хотел узнать, как поведет себя Березовский. Подобная тактика оправданна только в одном случае - если намечается поэтапное наступление. Однако вопрос остается открытым: почему сверхосторожный Лившиц повел себя так агрессивно? Выплеснулось раздражение по поводу очевидной неподготовленности вопроса? Боится Березовского, потому что?.. Мстит Чубайсу? Остерегается Юмашева? Как видим, выбор обстоятельств достаточно широкий. Все последние выступления Лившица по телевидению выглядели не очень внятными. С одной стороны, Лившиц понимает, что, скорее всего, Чубайс уйдет. Не менее вероятно, что уйдет и Юмашев. Причина ухода Юмашева будет совершенно иной, но это уже большого значения не имеет. Уйдет Чубайс, останется Немцов.

Как-то Александр Лившиц, еще до своего выдвижения на пост вице-премьера и министра финансов, тогда еще работавший в администрации президента, по поручению Ельцина отслеживал график погашения долгов правительства по заработной плате. Так вот, в одном нашем разговоре, кажется это было на юбилее НТВ, Лившиц произнес следующие слова: "Сейчас, как никогда, я понимаю - мне не хватает власти, чтобы дожать, дорешить". Спустя месяц Лившиц стал министром финансов и вице-премьером. Но, как показали события, даже эти посты не вооружили его властными полномочиями. И дело не в должностях и не в ранге. Дело в Лившице. За время своего присутствия в правительстве Александр Яковлевич не сделал ни одной кадровой перестановки в министерстве. Ходят слухи, что он практически не подписал ни одного принципиального документа, перепоручая это своим заместителям. По признанию самого Лившица, он хорошо понимал, что в министерстве роли распределены до него. Один из заместителей играет на Черномырдина и является "глазом премьера" в ведомстве. Другой сориентирован на Чубайса, является его глазами за деятельностью первого заместителя министра, который контролируется премьером. Век министра финансов - недолгий век. Следовательно, его кадровые перемены, соберись он их совершить, окажутся недолговечными, а потому незачем спешить.

Теоретически Лившиц был человеком Ельцина, но врожденная интеллигентность и опасливость не позволяли ему проявлять излишнюю инициативу и уж тем более стучаться к президенту. Лившиц был доступен и любим телевидением. Его появление на телеэкране стало столь частым, что вызвало ропот среди министров и раздражение премьера. Глаза Лившица очень часто приобретают смеющееся выражение. По этому поводу однажды на заседании правительства премьер даже сделал замечание министру финансов: "Что ты все

улыбаешься? В стране бардак, а он смеется". "Это нервное", - отшутился Лившиц. Телеэкран погубил очень многих политиков. Он, как правило, возбуждал ревность остальной власти, на этот экран не попадавшей. Еще одно высказывание Лившица той поры: "Чубайс это тяжелый каток. И я не завидую тем, кто под него угодит".

Чубайс покинул пост главы администрации президента и вернулся в Белый дом в ранге первого вице-премьера. Лившиц покинул пост вице-премьера и министра финансов и вернулся на свое прежнее место в Кремль. Из чего следовал вывод: прививка Лившица на стволе правительственного дерева оказалась неудачной. Лившиц бесспорно полезен, но не на посту министра финансов. Он из тех, кто советует, консультирует, а не из тех, кто принимает решения.

Это был второй министр финансов, пришедший из администрации президента. Первым был Пансков. Их даже нельзя назвать неудачниками. Они всегда могли сказать: мой предшественник был так же недолговечен. Осталась ли у Лившица обида на Черномырдина или Чубайса? Наверное осталась, хотя он никогда в этом не признается. Это даже интересно: сначала Чубайс вытеснил его из администрации и Лившиц как бы получил желаемую власть. А затем все тот же Чубайс его выдавливает из правительства. Вполне возможно, как экономисты они в определенной степени единомышленники, но как чиновники они не адаптированы друг к другу.

ЗАДУШИТЬ В КОЛЫБЕЛИ

Ненашев пришел на телевидение потому, что такова была воля Политбюро или ЦК. Кравченко, сменивший его, выполнял волю личностную. "Я пришел сюда выполнять волю президента". Президентом Союза ССР на депутатском съезде был избран Горбачев. В сфере телевидения Кравченко был более профессионален, нежели Ненашев. В предверии своего ухода, а разговор там, наверху, уже состоялся, Ненашев еще по инерции подписывал бумаги, тематические планы, сетки вещания, приказы разрешающие и дарующие. За его спиной был достаточный опыт управления этой структурой. "Наверно, я был не очень хорош для вас. Но тот, кто придет мне на смену, будет хуже. В этом вы можете быть уверены" Ненашев был прав. Он не назвал имени преемника. В этом не было смысла. Он просто знал это вечное правило: "Цените то, что имеете. Все, что приходит ему на смену, как правило, бывает хуже".

Когда мы с Лысенко узнали, что Гостелерадио возглавит Кравченко, мы, не сговариваясь, сказали одну и ту же фразу: "С этим договариваться будет еще трудней!"

Во-первых, в вопросах телевидения Кравченко, а он до этого был первым заместителем председателя Гостелерадио, был намного профессиональнее Ненашева. Во-вторых, с именем Кравченко был связан целый ряд событийных явлений на телевидении. Леонид Петрович дал жизнь программе "Взгляд". Он почувствовал потребность в сломе старых форм и старого телевизионного стиля. Кравченко обновил информационное вещание. И программа "Семь дней" явилась своеобразной мини-революцией в информационном пространстве. Мотором этой идеи, человеком, прикрывающим ее от нападок, тоже был Кравченко. В этом смысле и Ненашев, и Кравченко были логичны в своем появлении на телевидении. И тот, и другой имели полную возможность добавить воздуха из среды пишущих журналистов, синтезировать газету с телевидением. Как первый, так и второй возглавляли в недалеком прошлом крупные союзные газеты - один "Советскую Россию", второй "Труд". Просто Кравченко начал свою биографию на телевидении с должности заместителя председателя, иначе говоря, побывал в роли рабочей лошадки, а Ненашев сразу пришел руководить. Со "знающим" вести полемику всегда труднее. И если Ненашев был в прошлом руководителем Лысенко в отдалении, то Кравченко курировал команду, в которой Лысенко работал непосредственно. Я это понимал. Лысенко уже не мог переиграть Леонида Петровича на профессиональном телевизионном поле так, как он мог это сделать с Ненашевым. Следовательно, в нашем будущем диалоге моя роль как человека, который хорошо знал стилистику аппаратно-партийного давления (тем более я был народным депутатом России, а Кравченко на все эти ранговые приметности, как человек, к политике припаянный, реагировал достаточно обостренно. И неважно, с каким знаком, минус или плюс, была эта

политическая биография), в этом политическом пасьянсе со сменой лидеров в телерадиомире, моя роль становилась главной. Так и получилось - ссорился с Кравченко в основном я. Лысенко играл роль сдерживающего. Хочу подчеркнуть, что эту черту я очень ценил в Толе Лысенко. Хотя мы с Кравченко были очевидными оппонентами, Лысенко никогда не говорил о нем зло или мстительно. Наоборот, он удерживал меня от излишней эмоциональности и даже агрессивности. И в этом была благодарность воспитанного человека за то прошлое соавторство в начинаниях, которое, ко всему прочему, помогло состояться Лысенко как зачинателю совершенно нового молодежного телевидения. Я не оговорился, обозначив как "соавторство" подобное отношение к человеку, разрешающему, дающему "добро" на то или иное нестандартное действо, потому что он первым принимает удар недовольной власти и отвечает на окрик - КТО разрешил!?! С лаврами сомнительно, но вот тернии этот человек всегда получает вне очереди. Впрочем, я увлекся. Слишком много розовых тонов в образе Кравченко.

Леонид Петрович меньше всего походил на ангела. И главные конфликты в момент нашего становления возникали, конечно же, именно с ним. Будучи человеком мнительным, Кравченко все время кого-то подозревал. Договориться с ним было трудно. Кравченко, конечно же, понимал, что в нашем лице он обретает конкурента. А выполнение воли президента Горбачева предписывало ему - этого конкурента ослабить, а еще лучше - задушить в колыбели. И если кто-то из его команды нам уступал, внутренне симпатизируя и Ельцину, и мне, и Анатолию Лысенко, Кравченко, узнав об этом, немедленно все возвращал на прежние места. И мы во взаимоотношениях с "Останкино" вновь откатывались назад. Я был председателем компании и одновременно, в понимании Кравченко, общественно-значимой фигурой из лагеря политического противника. То же самое правомерно было сказать и о Леониде Петровиче.

В определенной степени микшировал и сглаживал острые углы Валентин Лазуткин, первый заместитель Кравченко, которому тот очень часто поручал вести переговоры с нами. И вообще Лазуткин отвечал за контакты "Останкино" и ВГТРК. Лазуткин был наиболее рельефной фигурой, питающей к нам тщательно скрываемую симпатию.

И тем не менее в этой достаточно нервной ситуации я чувствовал себя уверенно. Во-первых, я получил карт-бланш от председателя Верховного Совета (в ту пору Бориса Ельцина). Напутствуя меня, он сказал:

- Я вам полностью доверяю. Вы человек высокопрофессиональный, демократ. Поступайте так, как посчитаете нужным. И вообще, ваши требования полной самостоятельности и невмешательства я считаю правильными. Какие у вас отношения с Полтораниным? - неожиданно изменил тему разговора Ельцин.

Я усмехнулся, понимая, что Ельцину известны наши дружеские отношения с Михаилом Никифоровичем. Это тоже, как я мог потом убедиться, было стилем Ельцина - задавать очевидные вопросы по поводу отношений между людьми, о которых он знал не понаслышке. Практически Михаил Полторанин вместе с Бэллой Курковой буквально вынудили меня согласиться возглавить компанию. И, скорее всего, именно Михаил Полторанин убедил в этом Ельцина.

Я ответил, что отношения с Михаилом Полтораниным у меня дружеские. Ельцин помолчал, а затем, едва качнув головой, заметил:

- Это хорошо!

Увидев, что я продолжаю смотреть на него, Ельцин хитровато сощурился и добавил:

- Полторанин тоже так считает. Так что у вас получается альянс.

Немалую роль в моей будущей работе сыграли и отношения с Русланом Хасбулатовым, первым заместителем Ельцина в тот период, когда он возглавлял Верховный Совет. Но существовало правительство, высота, которую еще надо было брать. Но, честно говоря, никаких особых баталий на этом фронте, особенно в первый год существования компании вести не приходилось. И премьер Иван Силаев, и его первый заместитель Юрий Скоков содействовали становлению ВГТРК. В тот момент желание иметь свое независимое от

диктата союзного руководства телевидение и радио было общим настроением новой власти. Конфликты начались чуть позже. Но был и второй аспект моей уверенности. Не вызывало сомнений, что человек, пришедший на пост руководителя "Останкино" под девизом "выполнять волю президента Горбачева", неминуемо испортит свои отношения с Ельциным. И никаких усилий на сей счет употреблять не надо. Все произойдет само собой. Что, по существу, и случилось.

Это было зимой 91-го года. Уже вызрела идея президентской республики и Ельцину, который был кандидатом на этот пост (и, конечно же, кандидатом №1), требовалась телевизионная трибуна. У нас полнокровного российского телевидения еще не было. Да и компания началась не с телевидения, а с российского радио. Мы получили сверхограниченное время на первом всесоюзном канале, или, как говорят, на проводном радио. Полноценное российское телевидение было еще впереди, и чтобы получить эфир на первом канале кому-либо из руководства России следовало пройти унизительную процедуру согласования. В тот период отношения между Горбачевым и Ельциным были сверхнатянутыми. После московской драмы, которую пережил Ельцин, их отношения уже никогда не могли стать приемлемыми, не говоря уже о хороших. Горбачев видел, как буквально на дрожжах поднимается его главный политический противник, которого он раз и навсегда вычеркнул из политической истории. Естественно, Горбачев не упускал возможности дать понять Ельцину степень его зависимости от союзного руководства. Никакие телефонные разговоры не имели значения. Следовало направлять письменную просьбу за подписью Ельцина на имя тогдашнего руководителя Гостелерадио. Скрипя зубами Ельцин раз или два подобные письма посылал. Однажды выделили время совсем не то, которое просили. Ельцин возмутился, хотел было отказаться, но я уговорил его этого не делать. Нам еще предстояло прорвать информационную блокаду, и возможностей только становящегося на ноги Российского радио для этого было недостаточно. Тогда в разговоре с Ельциным мы нашли, на мой взгляд, ключевую фразу политической стратегии демократов: "Нам надо научиться выигрывать в неблагоприятных условиях. И тогда у демократии есть шанс".

И хотя эфирное время, предложенное нам, было совсем не рейтинговым, Ельцин выступил хорошо. Это сразу заметили его оппоненты в Кремле. Где бы ни выступал Ельцин и когда бы ни выступал, он все равно набирал очки. Очень скоро мы наладились эти выступления тиражировать и рассылать в регионы, где их крутили по местным телеканалам.

В один из таких зимних вечеров, я не помню точно, в чьем кабинете я находился - либо Силаева, либо Скокова, - мы готовили сверхважный для нас документ о финансировании телевидения. Разговор шел со скрипом, приглашенные финансисты упирались, я, естественно, наседал. Помню, что было очень душно, многие из присутствующих курили и я без конца открывал верхнюю раму, чтобы проветрить комнату. Неожиданно в дверь заглянула секретарь и сказала, что звонят из приемной Ельцина и разыскивают Попцова. Я тут же перезвонил в приемную. Мне сообщили, что Борис Николаевич просит меня немедленно приехать. Приезжать мне никуда не надо было. Апартаменты Ельцина располагались в другом крыле Белого дома. Я поднялся на пятый этаж. В кабинете Ельцина уже сидел Бурбулис. Ельцин был не в духе, поздоровался со мной кивком головы:

- Присаживайтесь. Вот вы все убеждали меня: не надо обострять отношений, не надо обострять. А они это воспринимают по-своему. Вот, почитайте.

В моих руках оказались бумаги за подписью Кравченко. Леонид Петрович сообщал Председателю Верховного Совета Российской Федерации, что Всесоюзное телевидение не может предоставить ему эфирное время для выступления в предлагаемый день и час, так как телевизионные программы готовятся заранее (кажется, в этом письме даже упоминался срок - две недели), информация о них публикуется в газетах. Далее сообщалось, что руководство Гостелерадио готово рассмотреть просьбу Б.Н.Ельцина с учетом существующих правил. Далее следовала подпись с указанием всех должностных регалий Леонида Кравченко.

Мне давали понять, что виновным за подобный ответ Кравченко Ельцин почему-то

считает меня.

- Этого следовало ожидать, - философски заметил Бурбулис.

В данной ситуации эта фраза, прямо скажем, выглядела малоудачной.

- Следовало ожидать! Следовало ожидать! - еще более раздражаясь повторил Ельцин. - Если следовало ожидать, не надо было посылать письма.

- Почему не надо? Надо. В результате мы имеем скандал, - заметил я. Судя по ответу Кравченко, они этого ждут. Прекрасно, они получат скандал.

Бурбулис, посчитав, что я раньше времени выхожу из зоны ельцинского недовольства и он может остаться в этой зоне один на один с Ельциным, задал провокационный вопрос:

- А что с нашим телевидением? Оно будет когда-нибудь?

Проще всего было бы сказать Бурбулису, что он провокатор, но обстоятельства не позволяли. Бурбулис меня подставлял, причем делал это нагло, с вызовом. Ельцин повернул в мою сторону свое недовольное, насупленное лицо.

- К началу президентской предвыборной кампании в том объеме, который мы выторговали у Гостелерадио и на который имеем финансирование, телевидение будет работать.

- Сколько времени? - спросил Ельцин.

- Сначала четыре, затем шесть часов в день.

- Давайте быстрее. - С еще не остывшим до конца раздражением добавил Ельцин.

Грех было не воспользоваться ситуацией:

- Решается вопрос о финансировании компании. Двумя этажами ниже мы пишем документ для правительства. Спорить приходится, по существу, из-за каждого рубля. Если бы вы позвонили Силаеву и поддержали нас, это ускорило бы процесс.

По тому как Ельцин посмотрел на Бурбулиса, я понял что сейчас будет разыграна знакомая комбинация. Ельцин даст указание Геннадию Бурбулису: "Позвоните Силаеву". А Бурбулис ответит: "Хорошо, Борис Николаевич". Знал я и другое - что в Силаеве, как и в Скокове, медленно, но верно вызревает неприятие Бурбулиса, и телефонный разговор, выполненный в таком стиле, может нам только навредить. Надо было идти ва-банк. Я понимал, что после этого хода мои взаимоотношения с Бурбулисом не улучшатся. Мы вроде как считались если не друзьями, то товарищами, но все равно, оттаптывать свою независимость приходилось постоянно.

- Силаев сейчас у себя. И если вы ему позвоните, Борис Николаевич...

Ельцин меня понял. Поднял трубку прямой связи с премьером.

- Слушаю, Борис Николаевич, - спешно ответил Силаев.

- Иван Степанович, нам пора открывать свое Российское телевидение.

- Мы занимаемся этим вопросом, Борис Николаевич.

- А вот Попцов жалуется, денег не даете.

- Не может быть, - усомнился Силаев, - Олег Максимович только что у меня был.

- В общем, решайте быстрее. А то нам уже указывают: когда и где нам можно выступать, а где нельзя.

- Обязательно, Борис Николаевич!

Лицо Ельцина расслабилось. У него изменилось настроение.

- А с выступлением в "Останкино", - заметил я, - мы раскрутим ситуацию и они отступят. Потреплют нам нервы, почувствуют назревающий скандал и отступят. Растиражированное возмущение - это тоже капитал.

- Может быть, - раздумчиво согласился Ельцин.

Мы попрощались, и я пошел объясняться с Силаевым. Впоследствии Ельцин часто давал понять, что Российское телевидение для него вроде как родное и он принимал самое непосредственное участие в его создании. Я всячески поддерживал эту легенду и вполне убедил команду, что так оно и было на самом деле. По существу же, участие Ельцина можно считать чисто символическим даже в самом начале. Но таков стиль его участия в решении большинства проблем. И до президентства, и в период его.

Многие вопросы приходилось решать по согласованию с Горбачевым. А если учесть, что их отношения оставались напряженными, их взаимная нелюбовь друг к другу общеизвестной, то для Ельцина решиться на очередной контакт с Михаилом Сергеевичем было тягостным испытанием. Приходилось действовать обходными путями, которые порой бывали более эффективными. Раз или два с Горбачевым встречался Руслан Хасбулатов. Что-то решалось, но очень немногое. Горбачев не мог отказать себе в удовольствии еще раз унизить именно Ельцина, и откладывал любые решения по принципиальным вопросам "на потом". Он так и говорил: "Это мы будем решать с Борисом Николаевичем. У нас планируется встреча, мы договоримся".

Кто планировал эти встречи и планировались ли они вообще, сказать трудно. Частота, с которой они переносились и откладывались, лишь подтверждала очевидное: встречи в тягость и тому, и другому.

Горбачев понимал, что, препятствуя Ельцину в создании собственного телевидения и радио, он наносит своему политическому сопернику едва ли не самый сильный удар.

В истории создания телерадиокомпании произошел еще один случай, определивший мое объективное отношение к Леониду Кравченко. Как я уже говорил, компания началась с "Радио России". Заместителем председателя Гостелерадио или, проще говоря, главным радийным начальником был в то время Анатолий Тупикин. Мы с Толей знакомы много лет. Оба ленинградцы, оба работали в обкоме комсомола. Я был секретарем обкома, а Толя Тупикин заместителем заведующего отделом пропаганды. Потом он, кажется, возглавлял отдел. Тупикин - человек хитрый. Умный, циничный, не лишенный коварства, осторожный. Прошел "от" и "до" школу партийного аппарата. Начинал в райкоме, дошел до отдела пропаганды в ЦК КПСС. Помимо профессионального навыка, выработал в себе чувство активного неприятия этой среды, продуцирующей неискренность, неверность и холопство.

Анатолий Тупикин оказался на Гостелерадио. Следуя традиционной методе, он был рекрутирован туда из недр ЦК КПСС, и было маловероятно, чтобы ощущение того прошлого мира не перенеслось в коридоры радиостанций и радиоканалов. Он, разумеется, не был нашим сторонником. Он не оказывал помощи, но я должен сказать откровенно, что если он даже мешал, то мешал сдержанно, скорее по долгу службы, чем искренне веря, что нам следует мешать. В разговорах мы были достаточно откровенны. Именно в кабинете Тупикина я узнал об истерике, которую закатил разгневанный Горбачев.

Следует сделать одно уточнение - Российское радио, работающее поначалу "на первой кнопке", сразу проявило себя, представляя слушателям более объемную, более независимую и критическую информацию о событиях, происходящих в самой стране и вокруг нее. Момент нашего эфирного рождения совпал с событиями в Литве. Мне запомнилась невероятная ситуация. Шли очередные "Новости", и наш корреспондент, находящийся в эпицентре событий в Вильнюсе в момент штурма телецентра, рассказывал о событиях с той степенью отрезвляющей правдивости, которая в буквальном смысле перечеркивала клише, по которым излагались эти же самые события на Всесоюзном радио. Сразу после нас в эфир на той же волне выходил "Маяк" - радиостанция, работа которой была эталоном для нового Российского радио. И мы никогда не скрывали этого. В момент формирования радийной команды я очень жестко и кратко сформулировал задачу, стоящую перед "Радио России": "Наша святая обязанность научиться работать так, как работает "Маяк". А затем выиграть у него. У нас есть шанс, - объяснял я своим коллегам. - Они, то есть "Маяк", вынужденно зашорены. Мы - вынужденно свободны. Воспользуемся этим преимуществом".

И вот представьте себе ситуацию: только что в эфире отработала команда Российского радио и сообщила о штурме телецентра в полном объеме реальных событий, на который еще не решался никто и никогда. Без оговорок, московской трактовки этих событий, обычно переворачивающей сами события с ног на голову, положенных по такому случаю положительных оценок действий союзного и республиканского КГБ и ОМОНа, наводящих жутковатыми методами жутковатый порядок. Наш эфир в эти минуту воспринимался как эфир едва ли не подпольной радиостанции. А "Маяку" тотчас, через крошечную

музыкальную паузу о том же самом велено говорить прямо противоположное. А слушатель один и тот же. Вы можете представить настроение людей, афиширующих себя как самая динамичная и правдивая команда! Радийная смена "Маяка" поступила мужественно. Они вышли в эфир и сказали: "Вы только что прослушали информацию о событиях, происходящих в данный момент в Вильнюсе. Мы не станем ее повторять. Более свежей информации пока нет..." Это был поступок, поступок мужественный, поступок журналистской солидарности. Трудно сказать, этот ли факт или какой другой привел Горбачева в бешенство. Он окрестил наше радио "вражьим голосом" и потребовал от Кравченко Российское радио закрыть. Надо отдать должное Леониду Кравченко. Он стерпел гнев Горбачева. В такие минуты президент СССР был почти невменяемым, срывался на крик, матерился, не очень оберегая достоинство человека, с которым вел разговор.

- Ты можешь закрыть, заглушить их? - орал Горбачев.

- Не могу, - отвечал Кравченко.

- Тогда загони их за Можай, чтобы никто не слышал этого вражьего голоса.

На следующий день после скандала в высоковластных кабинетах Сергея Давыдова, руководителя Российского радио, пригласили к Тупикину, где нам был предъявлен ультиматум. Чуть позже Тупикин позвонил мне, предвосхитив свой монолог словами: "Старик, ты должен меня понять. Я выполняю указание руководства. В душе я с вами, но меня обязали передать тебе требование Кравченко: либо вы остаетесь на первой кнопке и все ваши материалы проходят через нашу программную редакцию и только с ее визой принимаются в эфир, или мы вас переводим на "волну", соответствующий диапазон, вы будете работать "на третьей кнопке". Предупреждаю, ваша аудитория кратно сократится". В магазинах продавались эти трехпрограммники, которые без какой-либо настройки переключали вас на один из трех диапазонов. Они работали как обыкновенные репродукторы. В СССР владельцами таких приемников была лишь пятая часть населения страны. В то время как проводное радио, иначе говоря, первая программа практически звучала в каждом доме, на каждой кухне. Итак, нам надлежало сделать выбор: либо цензура, но массовое распространение, либо свобода в пределах резко сократившейся аудитории.

Я немедленно собрал своих коллег. Ультиматум - дело серьезное. Мы подумали, взвесили все "за" и "против" и выбрали второй вариант. "Свобода и воля превыше всего" - этими словами я завершил наш тайный совет. С этого момента "Радио России" слушали, как некогда радиостанции "Свобода", Би-би-си, "Голос Америки". Я сам наблюдал подобные сцены. Стоит на железнодорожном переезде "жигуленок", двери распахнуты, вокруг человек 5-6, приемник работает, слушают информационную программу Российского радио. На дворе стоял 1991 год.

Сейчас, мысленно возвращаясь в те дни, мы оцениваем их как дни романтизма и политической наивности. Еще не испарилось, еще жило в нас стремление "служить идее, отечеству". И многое другое, что осталось в нас и еще готово было сопротивляться непривычно враждебной нашему существу реальности. Иные времена, и мы иные. Никто еще не знал, как должно быть. Одно ясно: непременно по-другому, не так, как было. Вот и вся философия.

А если говорить серьезно, людям, приглашенным в компанию, предлагалось начать новое масштабное дело. Соответственно с более высоким творческим статусом в этом деле. Им предлагалось более широкое поле для проявления своих возможностей, своей самостоятельности, профессионального "я". Но столь же верно им предлагалось рисковать: никаких гарантий, все начинаем с нуля. Они должны были покинуть насиженные, привычно-благополучные места. Какой же во всем этом романтизм? Им предлагали рискованную затею - стать независимыми. Никаких сверхзарплат. Весь капитал в одном слове - свобода, которую придется самим и защищать, но с правом делать это открыто и осознанно. И они на это решились. Мы все рисковали одинаково. Самые высокие начальники, менее высокие, средние. Высокие творцы и высокие технари. Это был замысел, главный импульс, делающий группу людей командой: равенство риска.

Почему я согласился взяться за это дело (создание ВГТРК) и уступил нажиму, который был на меня оказан? У меня была интересная работа. Я сравнительно недавно перешел в редакцию еженедельника "Московские новости" на должность первого заместителя главного редактора. Работать с Егором Яковлевым было и интересно, и достойно. Будущее мне представлялось если и не безоблачно-идеальным, то уж наверняка состоявшимся. Мы спорили с Егором, а кто не спорит! Мы, конечно же, были единомышленниками и, наверное, друзьями, поэтому любые трения, возникающие между нами, мы воспринимали очень болезненно и, как мне казалось, оба страдали от этого. У нас было много планов на будущее. Эта работа была для меня в чем-то новой, а значит, могла увлечь. И я никуда переходить не собирался. Да и нелепо - мы только-только начали вместе работать.

И тем не менее люди совершают поступки неадекватные, пусть не всегда по своей воле, под нажимом, но совершают. Да и нажим, давление, якобы заставившие принять нас решение, по поводу которого придется чуть позже оправдываться, мы если и не придумываем, то завышаем значительно. "Единственно, что не распяли, все остальное было".

Нестандартность поступков и их причины в нас самих. Я постоянно был неудовлетворен масштабами дела, которое воплощал в жизнь. Меня вечно преследовала мысль, что я могу делать гораздо больше. Я не страдал приступами зависти, не ощущал в себе тщеславной уязвленности. Я был на виду. О моем деле говорили. Был ли это журнал, книги, мои статьи или общественная работа. Если кто-то наверху ревниво сдерживал мое выдвижение, мои идеи, а это настороженно-опасливое отношение высокой власти к себе я испытывал всю сознательную жизнь, у меня не опускались руки. Я воспринимал происходящее как материал для моего будущего творчества. Волей обстоятельств противоборствующие нам, желающие нас унизить люди очень закалили нас, заставили пережить много не понаслышке, а во всем масштабе боли лично. За что я им признателен. И хочется верить, что судьбою мне будет позволено спустя какое-то время им о многом напомнить. Я всегда внушал себе: береги друзей и почитай врагов своих. Одни помогают выжить, другие учат жить. Можно и нужно всегда не соглашаться с оппонентами, иначе ты попросту утратишь чувство уверенности в себе. Однако существует ложное понимание, что оппонент, опровергая тебя, опрокидывая твои доводы, разрушает тебя. Все как раз наоборот. Надо только изменить угол восприятия.

Большинство ключевых фигур в компанию должен был привести Анатолий Лысенко. Если мне, в определенной степени человеку со стороны, предлагали не возглавить (возглавить - это дело десятое), а создать на пустом месте новую и первую в своем роде общегосударственную телерадиокомпанию, я первое что сделаю - устремлю свой взор в мир телевизионный, в который я был вхож, потому что этот мир замешан на ощущениях и мыслях, среди которых я пребывал постоянно: журналистика, политика, литература, театр, живопись. И в этом смысле никакой чужеродности я не испытывал. Пригласив в качестве своего первого заместителя и генерального директора Анатолия Лысенко, я, конечно же, руководствовался своими симпатиями и своим профессиональным чутьем. Мы были давно знакомы. И в общем галдеже молодежной редакции, а мне довелось с ними сотрудничать, я очень быстро выглядел этого внешне медлительного, буддообразного человека.

Мы не так часто общались ранее, но я не ошибусь, если скажу, что после первой же встречи почувствовали внутреннюю расположенность друг к другу. Мы оба были связаны с Большим комсомолом в прошлом, и каждый со своей стороны воздействовал на воззрения политической элиты, направляя их в сторону либерально-демократических идей. Журнал, который я возглавлял, был одним из самых популярных в стране. То же самое можно сказать и о телевизионной программе "Взгляд" прародителем и творческим идеологом которой считался Анатолий Лысенко. Не будет преувеличением сказать, что многие прогрессивные идеи, которые перевернули мир в 1985 году, вызревали в комсомоле. И прежде всего в среде общественно острой журналистики. В этом смысле и я, и Анатолий Лысенко были людьми битыми и хлебнувшими достаточно. Как внешне, так и внутренне мы совершенно разные люди. Я это прекрасно понимал и, опираясь на это понимание, сделал предложение именно

Лысенко. Я никого не отсортировывал, не просматривал личных дел. Лысенко был единственным, кто мне был нужен. Толя согласился, и начались дни и ночи наших совместных страданий.

Я уделяю этому факту столь значимое место лишь потому, что в любом деле его успех определяет безошибочный выбор двух-трех ключевых фигур. Нам удалось то, что удалось. Наши просчеты в формировании ядра компании хотя и были, этого избежать нельзя, но были минимальными. Мы создавали компанию во взаимоисключающих условиях. Еще существовало Гостелерадио, еще существовал ЦК КПСС, как и начальные импульсы распада партии. А рядом, впритык к этому, вызревала, становилась на ноги совершенно другая страна под названием Россия и совершенно другая власть. Так вот, в этих условиях сформированное ядро команды по уровню профессионализма можно было считать оптимальным. И это подтвердили уже первые передачи. Виктор Крюков со своим объединением "Артель" и началом начал "Командой-2", и Владислав Муштаев со своим "Ладом", и, конечно же, Олег Добродеев и наши "Вести".

С первых шагов я и Лысенко поделили обязанности. Он набирал команду, я создавал общественно-политическую концепцию эфира и прорубал коридоры, двигаясь по которым компания могла нарастить свою мощь и политическое влияние на события, происходящие в стране. На мой взгляд, это был ключевой вопрос, исходя, конечно, из условий, в которых создавалась компания.

Вообще, все эти разговоры, которые я слышу ныне о якобы новой телевизионной политике - достаточная глупость. Суть этих разговоров одна и та же. Народ устал от политики, а это значит, нам нужно другое телевидение. Которое позволит народу забыться, погрузиться в незатейливую благополучность игры, и выиграть, и еще раз выиграть. Сначала рождается миф об уставшем народе, а затем под этот миф начинает подстраиваться программирование эфира. И на экране правит бал все то, что работает в уцененном, упрощенном и по возможности бездумном варианте. Девиз прост. Пусть бунтующая суть человека, его мозг, отдыхает. Да здравствуют эмоции! Любые эмоции: в виде секса, в виде насилия, возможно, в виде того и другого вместе. Народу нужна иная музыка, иные затеи, иные страсти. Так все-таки, от чего устал народ? Нетрудно доказать полную абсурдность таких утверждений. Первое: народ устал не от политики. Ею российский народ интересовался всегда. Народ устал от обмана, от неумения и неэффективности власти. Народ устал от своего бесправия, от невозможности что-либо изменить в окружающем мире. Народ понял, что обман, которым его одарило демократическое государство, мало чем отличается от обмана государства социалистического. И если мы думаем, что скособоченный "балдеж" на телеэкране, выдержанный в духе туземного телевидения, создает у народа оптимистичное отношение к жизни, в которой не выплачивают зарплату, прекращают подачу электроэнергии или газа, где стреляют на улицах точно так же, как на экране, где убивают в собственных домах, - ничего подобного. Вместо ожидаемого оптимизма мы обретаем ненависть к телевидению, которое становится частью общего обмана. Как это было с первых дней его существования в СССР. Неважно, чем вы прикрываете этот обман - Аленой Апиной, Борисом Моисеевым, "Новыми приключениями Буратино". Просто, если народ стонет, опасно делать вид, что он смеется.

Россия одна из самых политизированных стран. И она не может быть другой в переходный период, время смуты. Вообще, надо отдавать себе отчет, что политизирует страну не врожденная увлеченность историей и повседневной политикой - ничего подобного. Страну, причем любую страну, политизирует неблагополучность бытия. Это во-первых. Во-вторых, семьдесят лет тоталитарной идеологизации пропитали сограждан политикой. Им сделали полную замену крови. И эта замененная кровь поныне питает наш организм. Россия была политизированной всегда - начиная с монголо-татарского ига. Потому и восстания Степана Разина и Емельяна Пугачева. Потому и декабристы и народовольцы. И наконец, потому именно в России произошла революция в 1917 году. И только в этой стране она победила. Ни в Германии, ни во Франции, а именно в России, с самыми жуткими

политическими последствиями. Политизированная Россия политизировала мир.

Когда мы создавали Российскую компанию, я постоянно размышлял по этому поводу. Должны ли мы создать российский вариант Гостелерадио или избрать другой путь? А если другой, то в чем его отличие? Тогда, собственно, и родилась идея компании. Это была первая компания на территории СССР. Почему компания? Потому, что рынок, потому, что мы жили предчувствием реформ. И компания, организованная совершенно на иных принципах, на наш взгляд, более соответствовала новой экономической ситуации.

Все, о чем я пишу, это лишь отчасти воспоминания. Это, скорее, раздумья на заданную тему.

Среди соискателей должности председателя Российского телевидения был Александр Тихомиров. Он тоже, как и я, был народным депутатом России, избранным, как мне помнится, от Московской области. Александр Тихомиров был достаточно известным телеведущим. В недалеком прошлом он вел информационно-аналитическую программу "Семь дней" на первом канале и принадлежал к телевизионной элите. Тот первый депутатский набор был полон кумирами телеэфира. Ведущие "Взгляда" едва ли не в полном составе прошли в депутаты: Александр Любимов, Александр Политковский, А.Гуревич - звезда мурманского эфира и еще целый ряд телеведущих. Вообще журналистский цех разных политических воззрений был представлен в депутатстве внушительно. По сути, выборы 1990 года в России были самыми революционными и многопартийными. Сколько кандидатов, столько партий... Все открещивались от партийно-номенклатурного прошлого. Уже становилась модой критика Горбачева. И поэтому предвыборная кампания была похожа на состязание несбыточных обещаний. Телеведущие, журналисты демократических воззрений воспринимались как глашатаи свободы и потому на выборах одерживали убедительные победы. Их узнавали на улицах. Зрительский успех превратился в успех политический.

РЕВАНШ

25 января 1998 года.

Год начался неспокойно. Ситуация в Чечне без видимых перемен. У Масхадова (президента Чечни) положение аховое. Международного признания быть не может. Чечня официально часть России. Отношения с федеральным центром практически парализованы. Формально - поправкой депутата Николая Гончара: экономические вливания на восстановление Чечни в обмен на договор о разграничении полномочий с Центром (из этого вытекает, что Чечня признает себя субъектом Федерации). Неформально - нежеланием выдавать деньги субъекту, где власть не в состоянии навести относительный правовой порядок, без каких-либо гарантий вернуть лояльность чеченского руководства к России.

Самое нелепое в этой истории, что речь не идет о выделении средств на развитие, а о неком экономическом покаянии, восстановлении разрушенного и уничтоженного российскими войсками - как возвращение долга, что не имеет права оговариваться какими-либо условиями. За массовое убийство на территории Чечни - а военные операции стали фактом массового уничтожения мирных жителей - надо отвечать. Характер ответственности может быть разным. В данном случае за преступную ошибку, допущенную руководством страны, расплачивается народ. Вот как выглядит проблема, обнаженная до уровня правды. Разумеется, восстанавливать Чечню должна не только Россия, но и сама Чечня. Но будем откровенны, даже сверхтщательный пересчет не нарушит несопоставимость этих цифр. Федеральная казна обязана выплатить долг. Абсурдная позиция России способна только усугубить, ожесточить ситуацию. Мы загоняем Масхадова в угол. Преступные действия Басаева порождены не столько чеченским экстремизмом и философией терроризма, а в большей степени поведением федерального центра в Чечне. Безграмотными, безответственными а значит, преступными действиями политического и военного руководства, руководства МВД и ФСБ России.

Масхадов утвердил новый состав правительства. Почему он это сделал? Всякие разговоры о неэффективности деятельности прежнего правительства малоубедительны хотя бы уже потому, что в условиях, в которых находится Чечня, действия правительства любого

состава будут малоэффективными. А потому ротация кадров по принципу "А теперь поруководи-ка ты!" не дает результата. После двух-трех кадровых обновлений резерв будет полностью исчерпан, тем более что его никогда не было. А это значит - одни и те же персоналии начнут двигаться по кругу. Кадровые обновления - своеобразная тактика возрождения надежд, когда ничего позитивного в обществе, в быте сограждан, обеспечении их работой, товарами не происходит. И на вопрос: "Почему вы бездействуете?" - власть всегда вправе ответить: "Мы не бездействуем. Мы полностью изменили состав правительства. Это наша незамедлительная реакция на недовольство народа". Подобный прием используется высшими лицами всюду: в Грозном и Москве, в Киеве и Минске.

Масхадов, не будучи профессиональным политиком, не имея никакого навыка хозяйственного управления и тем более навыков управления гражданским обществом (а отсутствие этих навыков у Масхадова есть следствие обстоятельств) в силу этих объективных причин, испытывает невероятные трудности. А если к этому добавить полностью разрушенное хозяйство, исход русскоязычного населения, лишивший Чечню основной массы высококлассных специалистов, - то можно понять, что пространство для маневра политического и экономического у полковника Советской Армии Масхадова практически нет.

Перетасовывая состав правительства, Масхадов дает понять, что договоренности, которых он избежал, разумеется, в пределах той реальности внутричеченских противоречий, находящихся за его спиной, результата не дали. Отчаяние - прародитель агрессивности. Раз нас не уважают, пусть нас боятся. Страх - тоже побудитель почитания. В этой теории есть одна психологическая ошибка. Страх порождает не только вынужденную подчиненность обстоятельствам. Страх порождает ненависть. В этом смысле политика, ориентированная на страх, бесперспективна, от кого бы она ни исходила. И наконец, третья причина перестановок. У Масхадова нет кадров. Ему надо внедрить в российское сознание тех, кем он располагает, тем более когда "те" - привычно неприемлемые Россией военные командиры, а полновесных гражданских лидеров в Чечне нет. Те, что в пятнистой полевой форме, перепоясанные пулеметными лентами, бесспорный авторитет у всех чеченцев, умеющих держать в руках оружие. А это едва ли не все мужское население Чечни. Чечня переживает синдром суверенитета. Синдром Вьетнама, где за долгую войну мужское население страны разучилось работать.

15 января, пятница.

Черномырдин объявил о перераспределении обязанностей между своими заместителями. Премьер выступил в своем амплуа: ничего сверхъестественного, рабочий момент. Меняются задачи, стоящие перед правительством. Исходя из этих новых задач, потребовалось перераспределить обязанности. Чуть позже пресс-секретарь президента Ястржембский подтвердил, что подобные действия премьера согласованы с президентом.

19 января.

Ельцин возвращается в Кремль после двухнедельного отпуска. Первая после отпуска встреча с премьером и двумя первыми вице-премьерами. Будет ли Ельцин сглаживать углы в связи с операцией перераспределения или?.. Скорее всего, "или". Перераспределение обязанностей между первыми вице-премьерами прежде всего очевидное продолжение верховновластных интриг. Их суть сузить спектр влияния Чубайса. Из-под его крыла уводят Минфин (отныне Министерство финансов курирует премьер) и средства массовой информации, которые Чубайс не упускал из-под своего влияния ни ранее, когда входил в правительство в качестве первого вице-премьера, ни в тот момент, когда возглавлял президентскую администрацию, ни в момент своего второго вице-премьерства. И вдруг этот фланг - журналистский корпус - и кураторство над ним со стороны правительства передается стопроцентному технарю, человеку, для которого проблемы связи с общественностью - тайна за семью печатями, потому как обеспечение театра качественной связью не предполагает знание режиссуры спектакля, - Владимиру Булгаку.

Второй кардинальный шаг - это изъятие из круга обязанностей Бориса Немцова

контроля за действиями естественных монополий, таких, как "Газпром", РАО "ЕЭС России", железные дороги. Толкование оптимистов А.Чубайс выведен из-под огня Государственной Думы и губернаторского корпуса. Теперь к бюджетным думским страданиям Чубайс отношения не имеет. Казалось бы, все во благо. Чубайс правительству полезен. Надо сохранить Чубайса. Пока сохранить. "Пока" - любимое уточнение президента. Под началом Анатолия Чубайса остался экономический блок - ведомства, обеспечивающие доходную часть бюджета: налоговый комплекс, таможня, приватизационные программы. Чубайс выдвигается на рубеж автора экономической стратегии. Отвечать за размер доходов, которые якобы должны сделать бюджет реальным, это все равно что выступать в роли приговоренного на эшафоте. Впрочем, Чубайс к этой роли привык.

Более серьезные изъятия у Немцова. Их можно назвать принципиальными и поворотными. Под началом какого угодно министра можно оставить Госкомимущество, но если главный продукт приватизационных процедур - газ, нефть, электроэнергия, транспорт, связь - оказывается под контролем другого лица, то это означает, что перераспределение обязанностей связано не с улучшением деятельности правительства, а с перераспределением собственности в стране. А этот процесс премьер настроен держать под личным контролем. Тем самым премьер возвращает себе сверхвлияние на рынке собственности. И какиелибо посторонние глаза убирает из зала торгов. Премьер считает, что Немцов достаточно попортил ему кровь. Немцов проделал черновую работу, при этом вызвал на себя огонь критики. Все остальное - не суть важно. Главное, что эту работу не надо будет проводить премьеру. А закон обратной силы не имеет. И премьер всегда в кругу сотоварищей по нефти и газовой трубе может сказать по поводу молодого первого "вице": "Напорол, конечно, "наверхоглядил". Я предупреждал президента". Однако что сделано, то сделано. А сделано много и правильного и хорошего. А потому употребим несколько фраз в стиле премьера: "Нам надо все учитывать. Иначе как же. И не будем. Пусть и не думают и не ждут. А все эти "кто за кем стоит". Не надо. Мы же правительство. Я свое отудивлялся. Так что думали, думаем и будем думать".

За Немцовым оставлены сугубо социальные, а значит, самые скандальные, неразрешимые проблемы: жилищная реформа, реформа пенсионного обеспечения сограждан и - в качестве ублажающей приправы - председательство в целом ряде внутрироссийских и двусторонних правительственных комиссиях. Ожидаемого усиления не получил и Куликов. Никакой суперструктуры по борьбе с коррупцией и преступностью в сфере экономики под его объединенным началом пока не создается. Мне шепнули на ухо, что перераспределение обязанностей прошло при негласном участии Бориса Березовского. Хотелось бы отмахнуться от навязчивого шепота. Но в обществе сложилось твердое убеждение, что Борис Березовский имеет довлеющее влияние на главу президентской администрации, семью президента, а точнее, посредством различных ухищрений на двух его дочерей и одного президентского зятя. И через противостояние Чубайсу - на Виктора Черномырдина, плюс к тому находится в ненавязчивой связке с Александром Лившицем и, вне сомнения, Иваном Рыбкиным. Когда вы постигаете эту систему сдержек, контактов, повязанностей, в вашем, отнюдь не воспаленном, воображении возникает не придуманный образ гигантской липкой паутины, в которой судорожно дергается высшая власть. И ей не следует удивляться устойчивому мнению, что все видимые телодвижения высокого руководства не более чем повторение движений закулисных кукловодов, которые и есть власть истиннная.

И перераспределение обязанностей в кабинете министров в нашем взвинченном отечестве, взбудораженном неустроенностью, - это барометр ожидаемых потрясений.

И вот уже первые всплески. Березовский продолжает атаковать, теперь уже в связке с Михаилом Ходорковским. Их совместное появление в Калифорнии, на форуме деловых людей Америки, где в центре внимания стоял вопрос инвестиционной стратегии американского бизнеса, - факт не требующей комментариев Для России, представленной на форуме властью государственной (официальную делегацию возглавлял вице-премьер Яков Уринсон), губернаторским корпусом (Россия нуждается в адресных инвестициях

регионального масштаба) и бизнесменами, предпринимателями и банкирами, вопрос, обсуждаемый на форуме, - вопрос ключевой.

Березовский в Америке - это типичный Березовский, меняющий свои взгляды в зависимости от обстоятельств и аудитории. Учитывая, что концепция реформ в России имеет американские корни, а проще говоря, опирается на разработки чикагской экономической школы, то следовало предположить, что на форуме бытуют устойчивые симпатии к молодым российским реформаторам. Именно поэтому Березовский был осторожен и странным образом встал на защиту своего политического противника Анатолия Чубайса, полемизируя с Джорджем Соросом, письмо которого было распространено среди участников форума. В этом письме Сорос обвинял Чубайса в преднамеренной ошибочности приватизации, открывшей путь бандитскому капитализму. Березовский не согласился с Соросом и посчитал заслугой Чубайса то, что в России собственность не растаскивалась, как утверждал господин Сорос, а бескровно перераспределялась. А это удавалось мало какой стране. В тот момент Борис Абрамович меньше всего был обеспокоен репутацией Чубайса. Он защищал себя, так как ярчайшим представителем "ситуационного капитализма" (по Соросу, капитализма бандитского) был сам Борис Березовский, как производное чубайсовской приватизации.

Впрочем, не только это было причиной внезапной солидарности с Чубайсом его злейшего противника. Подобная метаморфоза объяснялась тем фактом, что тандем "Березовский и Роспром-Менатеп (Ходорковский)" нашел себе американского партнера в лице нефтяного концерна "Амоко". Это значительно укрепляло его позиции на предстоящем аукционе по распродаже "Роснефти" и других нефтяных российских компаний. Но и это лишь частность. Не секрет, что Березовский совершенно искренне считает себя российским Дэн Сяопином и убежден, что именно он подарил современной России новую экономическую философию. Его публичные высказывания по вопросам экономической стратегии, сделанные за последнее время, есть не только очевидная самореклама, но и внедрение в сознание общественности, что он, Борис Березовский, ключевая фигура в экономической политике современной России. И именно торжество его экономических взглядов будет определять будущее развитие страны. Вот одно из таких высказываний, сделанное накануне нового, 1998 года: "Мы отошли от стереотипов, когда власть стояла на страже народа. Наш путь к цели оказался ошибочным... на первом этапе нужен был большевистский задор для создания базовых условий реформы. А сейчас нужно решать специфические для общества задачи. Для этого нужны другие мозги". Иначе - мозги Бориса Березовского.

Березовский и его союзники считают, что первый этап борьбы за власть с молодыми реформаторами уже закончился его личной победой. Вывод реформаторов из большой политической игры почти состоялся. Березовский воспользовался амбициозностью, категоричностью и неуживчивостью молодых реформаторов и в противовес им разработал тактику посредничества. Сначала это было исполнено в закавказском варианте. Чечня, Грузия, Азербайджан - во всех трех случаях побудителем посредничества была нефть - каспийская, чеченская. Затем Березовский встречается с Лукашенко, и опять некий сглаживающий вариант. Он уже не стучит кулаком по столу: "Свободу Шеремету!!!" Ничего подобного. И снова угадывается роль посредника, сглаживающего острые углы, обозначенные реформаторами. Березовский дает понять Лукашенко, что гайдаровско-чубайсовско-немцовская генерация вытеснена с политического плацдарма. И отныне политику России будет определять реально мыслящий прагматизм. И в этом смысле взгляды этих сил в правительстве одержали победу. И он, Березовский, посланник этих сил из мира российского бизнеса. И опять мы спрашиваем себя: в чем дело? Откуда вдруг возникшее прозрение при еще недавнем отрицании экономической выгодности союза двух государств. Ответ тот же самый - белорусская нефть. Разумеется, мысль может быть продолжена. Не только нефть...

Создание партии, о чем Борис Абрамович заявил недавно, в преломлении тактических замыслов Березовского значимо только в том случае, если это позволяет ему внедряться в

регионы. Он надеется этого достичь при помощи таких устоявшихся сил, как "Яблоко". Можно предположить, что в обмен на мощную финансовую поддержку "Яблоко" и поможет создать плюсовой режим для нового игрока на общероссийском политическом поле. И прав автор "Московского комсомольца" Наталья Глотова: посредничество между центром и регионами, а созданная Березовским партия - инструмент в исполнении этого замысла, - может принести Березовскому не меньше дивидендов, чем посредничество между Россией и Закавказьем.

Есть один немаловажный вопрос: сколь долго удержится монопольно-лидирующее положение Березовского на перегоне между двумя станциями: бизнес и политика? Бизнес и власть? Заметим, что ранее роль посредника между бизнесом и властью (трактовка, удобная для политиков) исполнял Чубайс. В интерпретации банкиров роль, исполняемая Чубайсом, трактовалась иначе: мы делегировали его на самый верх. Мы вернули его в большую политику с одной целью - там, наверху, он должен представлять наши интересы. И внушать узколобым политикам: все, что выгодно ведущим банкирам, - выгодно власти. Так вот, Чубайс, как считал банковский капитал, был представителем бизнеса во власти.

Сейчас нечто подобное делает Борис Березовский. Он самовнедрился в процесс. Он доверенное лицо власти в мире бизнеса. Он ее посредник. Это нереально считать, что Березовский нанят властью на эту роль. Он сам себя утвердил в этой должности, он сам себя нанял и убедил в необходимости этого шага сотоварищей по большому и быстросозревающему бизнесу.

Но вернемся к нашему уточнению: сенсационное объявление премьером о перераспределении обязанностей позволяет нам вскрыть не только анатомию политической интриги, но и нечто большее. Чем руководствовался премьер, когда возвращал под свое крыло те направления правительственной политики, которые несколькими месяцами ранее были отданы двум первым вице-премьерам: Чубайсу и Немцову? Вряд ли то прежнее распределение обязанностей случилось вне мнения президента. Более того, как утверждают должностные лица в Кремле, Ельцин настоял на том всевластном распределении. Черномырдин просто опасался возражать президенту. Новое перераспределение, явно сотворенное премьером с подачи Березовского, есть коррекция привычного понятия "президент не только высшая, но и непререкаемая власть".

Значит ли это, что вице-премьеры не справились? Разумеется, нет! И не оценки "справились", "не справились" были определяющими в этом премьерском шаге. Президент уже делал попытку вывести из-под премьера контроль за нефтегазовым комплексом. Вспомним, что на каком-то этапе, опять же с подачи президента, это осуществлял Олег Сосковец. И тогда все заговорили о сочтенных днях Черномырдина. Постоянное желание президента отсечь от премьера его фамильное царство - газ и нефть - вполне естественно. Не допустить сверхукрепления второй должностной фигуры в стране, не допустить этого раньше времени. Выделим эти слова - "раньше времени". То же самое Ельцин проделал со вторым кронпринцем, передав ему должностное управление сверхмонополиями. В отличие от Сосковца Немцов употребил свое кураторство не как трамплин своего властного доминирования, а в целях якобы реформирования сверхмонополий в двух направлениях: большей прозрачности их взаимоотношений с государством и коррекции позиции частного капитала. Однако замысел и воплощение оказались далекими друг от друга. Немцов начал с внедрения своих людей на руководящие посты в естественные мнополии. Так появились Борис Бревнов и Сергей Кириенко. Властные двери открылись для нижегородской группировки. Уязвимость Немцова в его неумении и нежелании работать с управленцами другой возрастной генерации. От всех его действий отдает шпанистостью обаятельного и обласканного хулигана.

Нет сомнения, что в понятие "интересы частного капитала" входят не только интересы "государственного человека" Рэма Вяхирева, но и государственного премьера Виктора Черномырдина. Постижение этих истин оказалось более скорым. Немцов молод и быстро усваивает предложенный его вниманию материал. Немцов превратиться в магната не мог. А

президентские выборы приближаются.

Перераспределение обязанностей говорит о том, что внутренне Ельцин согласился, что в качестве его преемника Черномырдин более вероятен, нежели Немцов. Новый министр финансов в момент своего назначения поставил условие, что он должен быть подчинен непосредственно премьеру без всяких промежуточных ступеней в лице первых вице-премьеров. Формально его переподчинение вне каких либо неожиданностей. Условие Задорнова - это компромисс между непримиримой позицией "Яблока" по отношению к правительству и лично к Чубайсу и согласием Задорнова войти в правительство и возглавить Минфин. Можно сказать проще - возвращение Черномырдину ранее отнятых у него вотчин готовилось заранее. Станет ли Минфин, курируемый премьером, работать лучше? Вряд ли. И раньше там работали профессионалы, и теперь. Хорошую или плохую работу Министерства финансов в этом случае определяет не класс министра, а наличие денег. Ибо Минфин лишь распределяет, а зарабатывают, делают деньги другие ведомства. Коррекция обязанностей более значима. Под начало премьера возвращаются главные опорные силы и ресурсы, которые могут быть задействованы на новых президентских выборах.

И последнее, как ни странно, внутри менее значимое, хотя внешне более знаковое, - появление вице-премьера Владимира Булгака в качестве куратора СМИ. Ранее этим занимался Чубайс. Черномырдин вверяет контроль за деятельностью средств массовой информации своему человеку. Более того, он вводит его в Совет учредителей ОРТ. Для Булгака это как снег на голову. Оставаясь все это время человеком вне политических интриг, он высшей волей оказывается в их эпицентре.

Владимир Булгак "технарь", в идеологии СМИ мало что понимает и никогда не испытывал к этому никакого особого интереса. Для СМИ он более приемлем, так как лишен чубайсовской диктатурности. Но если от него ждать качественной стратегической коррекции действий средств массовой информации с точки зрения их отношений с властью, то Владимир Булгак - человек, для этого мало пригодный. И отвечать на заседаниях правительства на нескончаемые вопросы - что они себе позволяют? А министры, как и депутаты, любят высказываться по поводу "обнаглевшего телевидения" или "неуправляемых газет". Так вот, отвечать на эти вопросы убедительно уравновешенный Булгак не сможет.

Кто насоветовал премьеру сделать такой выбор, ответить несложно, но это теперь уже не имеет никакого значения. Это не последнее перераспределение обязанностей в правительстве. Да и потом, мы все вышли из партийной шинели. И если химик по профессии занимался идеологией такой страны, как СССР (речь идет о Петре Ниловиче Демичеве), то почему связист этого делать не может? Идеология - дело наживное. Послушал Женю Киселева и на следующий день ты уже готовый политолог. Нынче это не затруднительно. Факт, что СМИ в правительстве будет заниматься человек, близкий к Черномырдину, еще раз подтверждает наше мнение, что перераспределение обязанностей ориентировано не на предстоящий год, а на предстоящие выборы законодательной власти, как и власти президентской. И еще один вывод: президенту нужен преемник, способный гарантировать первому президенту страны будущее почитание и безопасность. В понимании президента, накатанный Черномырдин - один из них. Вот и банкиры к нему повернулись.

За якобы рядовым перераспределением обязанностей всегда стоит что-то не рядовое. У банкиров свой расчет. Деньги лучше давать тому, кто их способен вернуть. Человек при газе и нефти это может сделать всегда.

* * *

Но вернемся к нашим раздумьям о средствах массовой информации.

Трудно сказать, почему именно моя кандидатура возникла в качестве руководителя будущей телерадиокомпании. К этому времени мне уже было сделано, как принято говорить, несколько серьезных предложений. Обсуждались разные варианты - и работа в правительстве, и в Верховном Совете по курированию СМИ, и непосредственно в команде Бориса Ельцина.

На все предложения я отвечал отказом. Я сравнительно недавно появился в

"Московских новостях", и переход на какое-то значимое властное место меня не увлекал. Тем более что такой шаг я счел бы непорядочным по отношению к Егору Яковлеву, а он, как я понимаю, с моим приходом в "МН" связывал какие-то творческие надежды.

От всех этих дерганий я ощущал достаточный дискомфорт. Все время кто-нибудь звонил, предлагал очередную немыслимую идею моего будущего должностного роста. Самым цепким оказался Михаил Полторанин.

Полторанин уловил мою предрасположенность к политике. Заметил, что я легко ориентируюсь во всевозможных политических перипетиях, и решил на этом сыграть. Тут он был прав - я действительно интересовался политикой и, рискну сказать, даже разбирался в ней. Я прошел неплохую жизненную школу, отстаивая свое "Я". И по этой причине фундамент независимых суждений, а по моим понятиям это и есть вершина власти, так вот, этот фундамент был у меня не наносной. Но все эти облагораживающие частности справедливо назвать вторичными.

Александр Тихомиров очень хотел быть руководителем телерадиокомпании. И неважно какой: этой "Всероссийской" или "Останкино". Хотел - и все тут. Саша был убежден, что имеет на это право. Он не скрывал своего желания и говорил на этот счет достаточно откровенно. Николай Травкин, такой же депутат, как и мы, фигура хозрасчетно-легендарная - он вроде как дружил с Тихомировым. Так вот, Травкин не один и не два раза слышал эти тихомировские исповедально-обличительные монологи. И своим полуудивленным вниманием внушал Тихомирову уверенность: Александр, ты прав, вперед!

Я с Сашей Тихомировым был знаком, скорее, как телезритель. У Тихомирова лицо неглупого, замкнутого человека. Черты лица крупные, даже тяжелые. Бровастый, нависающий лоб и явно выраженный подбородок. Характер властно-упрямый. Разумеется, он знал телевидение и телевизионный мир. И фразы он произносил литые: вот мы придем и наведем порядок! Кто входил в это понятие "мы", я не знаю. Отношение к тем же Любимову и Политковскому, собратьям по депутатской и телевизионной скамье, у Тихомирова было неоднозначным. Наверное, и не без основания. Где-то в душе он считал этих двух слишком благополучными, уверовавшими в свою звезду, свою телевизионную миссию персоналиями. Ничего не поделаешь - их видели, их узнавали на улице, их числили первооткрывателями и сотворителями прямого эфира. Он и не очень спорил с ними. В их словах была определенная правота. За исключением одной немаловажной детали - первооткрывателем Александр Тихомиров считал себя. А эти ребята, хотя и даровитые, но слишком саморекламные. И им еще надо, ох как надо пообтереться. Да и углы пооббивать, чтобы спесь убавилась, прежде чем претендовать на самые первые роли.

Я с интересом наблюдал эту вполне оправданную телевизионную ревность, однако в полемике на этот счет старался не участвовать. Мне были абсолютно понятны и сам Тихомиров (а он действительно делал очень фактурно, в своей манере программу "Семь дней"), и Александр Любимов, и Александр Политковский, и Владимир Мукусев. Я любил программу "Взгляд". В тех перводемократических родовых схватках нас мало было назвать союзниками, мы были на одной баррикаде, в одном окопе. Как, впрочем, и Саша Тихомиров с чуть большей степенью обидчивости и претензий по поводу недостаточного внимания к себе. А если от этих частностей отрешиться, мы неплохо понимали друг друга. Вообще об этой новой телевизионной генерации, в простонародье именуемой "молодежка", следует сказать особо.

Сотворителями и придумывателями были, разумеется, те, кого не было в кадре. Два Анатолия - Лысенко и Малкин. Отцы-основатели, отцы-сотворители. Разумеется, и руководители "молодежки" в конце 70-х и в 80-е годы - Эдуард Сагалаев, Александр Пономарев, вчерашние комсомольские функционеры, сыграли значительную роль. Это было вполне оправданно и объяснимо. Громадная масса прогрессивных идей по обновлению общества вызревала в молодежной среде. Не в силу сверхпрогрессивности комсомола или его высших руководителей. Комсомол хотя и был слепком партии в структурном построении, но не мог стать таким слепком по жизненной энергетике. Громадная масса молодых,

подвижных, любознательных, энергичных людей, менее закомплексованных в силу молодости, не повязанных бытовыми условностями и заботами. Структурно и идеологически являясь резервом партии, комсомол превратился в силу, взрывающую закостенелость, и как-то постепенно переродился в некое экспериментальное поле, что тоже являлось частью все того же концептуального замысла. На комсомоле проверялись новые идеи. С большой отчетливостью эта тенденция стала проявляться после смерти Сталина, превратившись в конечном итоге в осмысленную идею эволюционного реформирования самого состояния "комсомол".

Естественно, что при абсолютном диктате партии можно было рассчитывать только на сознательно закамуфлированную эволюционность в сторону свободы слова, эксперимента в сфере организации труда, экспериментов в экономике, строительстве. Стали появляться как грибы после дождя молодежные кооперативные жилищные комплексы, объединения и клубы технического творчества молодежи, молодежные театральные студии - абсолютно все и всюду с добавлением слова "молодежный". Это было как пропуск в экспериментальное пространство. Страна вроде та же, но суть другая - торжество новых поветрий.

Правомерно сказать, что в это время самыми открытыми и неудобными становятся молодежные газеты и журналы. Молодежная редакция Центрального телевидения и радиостанция "Юность" - составные этого общего процесса. О программе "Взгляд", как и о ее предшественнице "12-й этаж", можно без преувеличения сказать, что для телевидения это были явления переворотные, заставившие в конце концов меняться все телевидение и радио как в смысле информации, так и в смысле аналитики. Политковский, Листьев, Любимов, Мукусев, Тихомиров олицетворяли этот демократический прорыв на телеэкране. Их смотрели и с их именами связывали все перестроечное новаторство в сфере масс-медиа. И на волне этой всенародной популярности все они ринулись во власть, принимая эту самую власть как очередной игровой политический расклад. Так они стали народными депутатами. Хотя никто из них, как, впрочем, и подавляющее большинство других депутатов к законодательной деятельности не были предрасположены, более того, не имели о ней никакого представления. Просто было приятно и престижно считаться народным депутатом. И потом, в их жизненные планы входило взятие власти, о чем они говорили вслух. И прежде всего - власти на телевидении. И в этом смысле депутатство было неплохим трамплином, с которого можно быдло совершить этот прыжок в ту главную для них профессиональную власть. Особняком стоял Саша Политковский, в то время тоже сверхпопулярный телегерой. Я не оговорился. Если Любимов, Мукусев, Тихомиров были телеведущими, то Политковский избрал другое амплуа - телегероя. И преуспел в этом жанре достаточно.

В тот момент, когда реализовывалась сама идея создания российского телевидения и радио, я знал точно, что Александр Тихомиров мысленно видит себя во главе этого телевидения. Я бы не сказал, что Саша в достижении этой цели был слишком активен. У него была своеобразная манера поведения респектабельно-замкнутого недовольства. Он считал себя настолько значимым, что вопрос о неоспоримости его права на этот пост ни у кого не должен вызывать сомнения. Но все оказалось не так просто. У Тихомирова появилось громадное число недоброжелателей, что меня, честно говоря, удивило. Разумеется, весь этот сонм недоброжелателей кучковался либо на самом Гостелерадио, либо около него. Как только желание Тихомирова оседлать телевизионного коня стало очевидным, наперебой заговорили о его дурном характере, властолюбии и даже мстительности. Как я сказал, особенно усердствовали телевизионщики, хотя к этому моменту и в депутатских кругах у Саши уже были решительные оппоненты. Тихомиров же не предпринимал никаких побуждающих действий. Я был почти уверен, что на самом деле он занимает выжидательную позицию. Пусть позовут... Попросят... А он откажется... Еще раз попросят.

Тихомиров - человек с основательной ленцой и, как мне показалось, начинать нового суетного дела не хотел. Но сам факт, что ему предложили и он отказался, повышал бы его шансы на следующих торгах в том же "Останкино". Там уже все создано. Осталось только возглавить. А что такие торги будут, Тихомиров очень надеялся. Кстати, когда освободили

Кравченко, или даже до его отстранения, Тихомиров председательствовал на общем телевизионном собрании, был резок и дал понять, что его власть на телевидении для многих его обидчиков будет не сладкой. Я сейчас не помню точно, в какой момент это собрание случилось, но эхо его прокатилось по журналистским кругам и коридорам, докатившись даже до правительства и депутатов. Еще на одном собрании председательствовал Саша Тихомиров. Депутатов и власть предержащих пригласили на Мосфильм, где Тихомиров вниманию депутатов представлял новый документальный фильм Станислава Говорухина "Так жить нельзя". Ничего особенного Тихомиров тогда не говорил, но был взвинчен и раздражен. И часть депутатов покинула зал (фильм был крут, и еще вчерашние партийные функционеры, директора заводов, в душе остававшиеся номенклатурным продуктом, а ныне депутаты Российского съезда, были недовольны, что съезд явственно сворачивает в дебри демократии. А тут еще фильм Говорухина, достаточно агрессивный, как может быть агрессивна правда. С настырными авторскими вопросами: как же вы, сукины дети, довели страну до такого положения? Вот "сукины дети" и возмутились, задвигали стульями, зашумели и стали покидать зал). Как только фильм закончился, Тихомиров предложил его обсудить. Ответом был скрыто-недовольный гул, который еще больше раззадорил Тихомирова. Он сорвался. И в спины уходящим понеслись гневные обвинения.

- Уходят те, - взвинченно ораторствовал Саша, - кто довел страну до этого состояния, а теперь рядится в овечьи шкуры демократов. Их место у позорного столба, а не в Верховном Совете. Этот фильм разбудит Россию. Он должен стать знаменем новой власти...

Саша ораторствовал, а публика продолжала уходить. Как-то все эти события случились рядом. И когда меня рекрутировали в конце концов на пост председателя Всероссийской государственной телерадиокомпании, как окончательный довод, должный сломить мое сопротивление, произносились слова:

- Ну сам посуди, если ты откажешься, то кто? Кто?

- Тихомиров, - пожимал я плечами.

- Ты отдаешь себе отчет, каким он сделает это телевидение?!

- Таким, каким он его понимает.

- Вот именно, таким, как он его понимает. А нам-то нужно совсем другое телевидение!

Сейчас вспоминаю эту эмоциональную перепалку, и с моего лица не сходит улыбка. И хотя мы были далеко не молоды, но все равно - у основания, в самом начале чего-то неизведанного и значительного - демократического государства Россия. Какие чистые и светлые, легкие строки: "Когда мы были молодыми и чушь прекрасную несли..." Это про нас, далеко уже не молодых. Молодой, наивно-наглой, романтичной была демократия.

Когда я наконец понял, что отвертеться не удастся, то, еще не дав согласия, стал думать: какое телевидение буду создавать? Все события происходили в очень сжатом временном пространстве. Между отказом и согласием относительно того или иного назначения проходили часы, как крайность - сутки, и уж как сверхкрайность - неделя. О месяцах можно было забыть - их в запасе не было. Так что на всю полемику - быть или не быть ушло не более двух недель.

И все-таки ревность была. Уже после назначения, когда мы проходили первые круги ада, у меня брал интервью Саша Любимов. Я помню, он спросил: "Как вы, человек не телевизионный, решились на этот шаг? Лысенко - другое дело, он известный профессионал. Человек из нутра телевидения, а вот вы?!" Толя свою "видовскую" команду называл одновременно ласково и зло "мальчонки". Как я уже писал, тогда, в 90-м, году "мальчонки" считали себя созревшими, чтобы взять телевизионную власть в свои руки. Я далек от желания укорить этих ребят, уж тем более обидеть. В то время я очень симпатизировал им. И все-таки, и все-таки, когда я вглядывался в них, они напоминали мне не команду, а стаю. Было что-то хищное за этими улыбками располагающей, как у Листьева, открытой, как у Любимова, скоморошистой, как у Политковского. Они уже вышли на стратегический простор и вовсю вели свою игру. Лысенко, как мэтра, который каждого из них поставил на крыло, они готовы были пропустить вперед, хотя и не более чем в качестве свадебного генерала. А вот я

в их реестровую шкалу не вписывался. Откуда? Почему? Хотя, конечно же, мы были хорошо знакомы раньше и достаточно симпатизировали друг другу, пока я не врезался в их ряды. Я ответил Саше, который, как ему казалось, задал мне опрокидывающий вопрос, очень спокойно и даже снисходительно. Я терпеть не мог профессионального пижонства и шовинизма, претензий на кастовость в любой среде (художников, актеров, писателей, врачей, педагогов). На телевидении эта болезнь крайне распространена. На том самом телевидении, где, в моем понимании, не было ни одного приличного редактора. На том самом телевидении, где лучшие ведущие не могли связно написать ни одного приличного журналистского текста, чтобы после его прочтения вы не почувствовали шевеления волос на голове. Будучи человеком, рискну сказать, на ниве сочинительства не последним, я не мог себе представить, чтобы журналист был столь беспомощным на ниве своей основной профессии. На том самом телевидении, на котором удручающая художественная, дизайнерская безвкусица была основополагающим стилем. Все это во мне как-то разом поднялось, когда Александр Любимов задал мне этот вопрос.

- Нет, - ответил я Любимову, - ни само назначение, ни мое согласие с таким назначением не кажутся мне странными или малообъяснимыми. Напротив, я достаточно известный публицист, редактор, писатель. Я неплохо знаю театр и театральную режиссуру. Выпуская общественно-политический, литературный, иллюстрированный журнал, я жил как бы в трех мирах: в мире политике, в мире литературы, мире живописи и графики, как и в мире театральном. Это было плотью журнала и средой нашего повседневного общения. Так что я не чувствую никакой неполноценности или робости, оказавшись внутри телевизионного мира. Ну а познать технику мне помогут специалисты. И потом, как вы правильно подметили, я не один, рядом со мною Анатолий Лысенко. Полагаю, что работа рядом с ним будет для меня неплохой школой, да и я кое-чему могу научить.

Приглашая Лысенко в качестве генерального директора компании, я и рассчитывал, что первыми, кого он позовет в нашу команду, окажутся "видовцы". Но Толя этого не сделал. У нас было несколько разговоров на эту тему. Они всегда заканчивались одним и тем же: "Мальчонки сделали свое дело. Их звездный час прошел". У меня было свое мнение на этот счет. Я считал, что Лысенко их побаивается. Но начинать совместное сверхкаторжное дело с оспаривания мнения своего первого заместителя, ключевого помощника, опорной фигуры в этом новом деле я считал абсурдным и нелепым занятием.

Разумеется, для набора скорости нам были ох как нужны несколько состоявшихся, узнаваемых фигур. Две-три звезды на нашем телевизионном небосклоне нам бы не помешали. Но судьба распорядилась иначе.

* * *

Январь 1998 года. Вторая половина месяца.

Две недели вместили несколько приметных событий.

В Калифорнии вершители американского бизнеса вместе с бизнесменами российскими обсуждали инвестиционную перспективность российского рынка. Выводы сверхсдержанные.

Сенсационное объединение нефтяных компаний "Юкос" (Ходорковский) и "Сибнефть" (Березовский и Смоленский). Новая компания называется ЮСИС. Ее президентом избран Михаил Ходорковский. На подписании соглашения присутствовал премьер. Еще один шаг, демонстрирующий возможности Бориса Березовского.

Предполагаемое объединение ФСБ и Федеральной пограничной службы очевидная реальность. Структура возвращается на круги своя. Сначала убирают непослушного Николаева, а затем разрушают созданное им. Все гадают, куда Николаева определит президент. Но никто не задает вопроса: а согласится ли Николаев еще раз присягать на верность Ельцину? Абсурдность совершаемых действий очевидна. Генерал Николаев начал сбор подписей на предмет своего выдвижения в депутаты Государственной Думы на место выбывшей Ирины Хакамады. Юрий Лужков гарантировал генералу поддержку. Рассматривает его как возможного лидера московской депутатской группы в нижней палате Федерального Собрания.

Кто-то сказал мне на очередном юбилейном многолюдье: Лужков подбирает все значимое, что теряет президент, - теперь вот Николаев.

30 января. Пятница.

Президент на встрече с журналистами еще раз высказал свое отношение к выборам 2000 года. Президент сказал, что он не намерен нарушать Конституцию и выставлять свою кандидатуру на третий срок. Президент не удержался от экспромта, неожиданно сообщив, что уже высмотрел своего будущего преемника и должен угадать время, когда об этом объявить. Экспромты президента дорогого стоят. А до выборов еще более двух лет.

* * *

Один из принципиальных вопросов для существования. Почему А.Лысенко, сверхпочитаемый в "видовском" мире человек (а это уже был целый самостоятельный мир, зараженный идеей экспансии телевизионного пространства, мир, внедрившийся внутри "Останкино" и уже не раз заявлявший свои притязания на руководство телевизионным Олимпом), - сказал "нет"? В 90-м их очередные атаки были отбиты. "Видовцы" усилили свои позиции в эфире, но возглавить "Останкино" им не удалось. Это произойдет чуть позже. Дорогу на Олимп им откроет Егор Яковлев. Анатолий Лысенко это знал и лучше, чем кто-либо, понимал обеспокоенность необузданным властным желанием ВИДа и решил остановить их у ворот компании и в "крепость" не пускать. Лысенко считал ВГТРК своей крепостью. Я не исключаю, что предварительные переговоры Толя все-таки вел. Но, скорее всего, "видовцы" поставили такие условия, с которыми хитрый Анатолий Лысенко не согласился. Было еще одно обстоятельство. Об этих переговорах, равно как и о выдвигаемых условиях, непременно бы узнал я. Толя знал мое мнение о команде Любимова, оно было несколько отличным от его собственного. Оно было более лояльным. Может быть, оттого, что я не знал их так, как знал их Лысенко.

Лысенко опасался, что, оказавшись в ВГТРК, коварные "видовцы" могут объединиться со мной и это ослабит его позиции телевизионного патриарха, каковым, вполне справедливо, он себя считал. Опасения Лысенко были напрасными. Будучи человеком достаточно опытным, я понимал, что, во-первых, мы не сможем популярным и избалованным вниманием "видовцам" предложить условия лучше, чем те, которые они уже имеют на первом канале. Ребята уже забыли, что такое жертвенность, привыкли работать на себя, преуспели в сфере телевизионного бизнеса. И начинать дело с нуля, да еще не на первых ролях, работать на "дядю", даже если этим "дядей" окажется президент, никак не собирались.

Вопрос о создании команды был ключевым и, наверное, самым трудным. Мы с Лысенко были очень разными по мироощущению людьми, а команда должна быть одна. Вариант с "видовцами" был заманчив, но неприемлем. Приход этих людей в компанию исключал создание именно команды. Будучи командой "до того", они излучали бы взрывную, раздорную энергию. Их эгоизм уже сложился как философия. А нам предстояло начинать буквально с рытья котлована.

Да и на самом телевидении у этих ребят была мощная оппозиция. И хотели мы того, не хотели, но формировать команду нам приходилось из тех же останкинцев, которые хорошо знали и Любимова, и Листьева, и Разбаша, и Политковского - и относились к ним неоднозначно. И еще одна немаловажная частность. Я был сторонником нового, и мне не хотелось выстраивать телевизионный эфир, перетягивая программы с первого канала, особенно в сфере общественно-политического и информационного вещания. У "видовцев" уже сложилась своя история, своя кастовость, свой консерватизм и свои штампы. Много позже я был настроен пригласить в ВГТРК Андрея Разбаша. Мы даже как-то обсуждали это с Толей, но очень скоро поняли, что и это невозможно. Разбаш хорошо себя чувствовал в среде своих. Вместе с ним надо было перетаскивать и среду. А это было нереально во всех отношениях. Мы все время работали в мире финансовой неблагополучности.

Первая задача, которую следовало решить, - это помещения, где должна была располагаться компания. Идею создания Всероссийской компании союзное руководство, сам Горбачев (а значит, сначала Ненашев, а затем и Кравченко) приняли в штыки. И содействия

нам не оказывали. И тогда я решил подыграть оппонентам, сказав, что нелепо создавать Российскую компанию на базе "Останкино", изыскивать помещения, проводить границы по коридорам. Да и вообще - глупа та птица, которая вьет гнездо в пасти спящего крокодила. Мы сразу отказались от притязаний на останкинские помещения, и я стал прессинговать российское правительство. Нам требовалось внушительное здание. Это сразу разрядило обстановку в тылу и несколько улучшило наши отношения с руководством "Останкино".

Было нелепо строить новую компанию, оказываясь с утра на пороге Леонида Кравченко, что-то выпрашивать, выклянчивать, погружаясь с каждым днем во все большую зависимость от Гостелерадио. Иван Силаев (он тогда возглавлял правительство России), Юрий Скоков, Михаил Полторанин согласились со мной, и мы стали искать подходящее здание. Здесь тоже был свой фокус. Надо было найти здание, которое формально являлось собственностью российского правительства. Альберт Рывкин, помощник Гавриила Попова (к тому времени уже мэра Москвы) дал наводку. Так в поле нашего зрения появилось здание на 5-й улице Ямского поля. Там располагалось министерство "Запсибстрой". Это было четвертое здание, вокруг которого мы зондировали почву. Иван Степанович Силаев прекрасно понимал, что России как воздух нужно собственное телевидение и радио, и потому был крайне решителен. Он вместе со мной осмотрел несколько зданий. Одно из них было очень далеко, на Каширском шоссе. Михаил Полторанин, в ту пору министр печати, считал этот вариант мало приемлемым, тем более что там размещалась подведомственная ему "Российская газета", но обосновывал свою позицию с хитроватой простотой: "Слишком далеко, на отшибе. Мало ли..." Управляющий делами правительства тут же упрекнул нас в упрямстве и сказал, что ничего другого у него нет. Похоже, здание Силаеву тоже не понравилось, он скосил на меня глаза и прекратил дискуссию одной фразой: "Действительно, далеко. Он прав!" - затем посмотрел на управляющего делами и, покачав головой, заметил:

- Ищи сам, Попцов. Они помогать не будут.

Когда решался вопрос о передаче нам здания "Запсибстроя", Силаев на заседании правительства вспомнил:

- Вы что-нибудь в Подмосковье строите? В Вологде, в Саратове? Ах, нет?! Значит, в Сибири! Вот и хорошо. Размещайте ваше министерство в Челябинске, мы вам там подходящую площадку найдем.

Раздражение премьера имело причину. У "Запсибстроя" было еще три здания в Москве, а также внушительное строительство в завершающей стадии на проспекте Вернадского, которое мы тоже осмотрели. Министр продолжал возражать. Силаев, чувствуя упорство министра, пригрозил:

- Будете упрямиться, и здание на Ленинских горах отдадим. Зачем вам столько площадей? Вы же патриот России?

- Патриот, - согласился министр.

- Вот и прекрасно. А России позарез нужно свое телевидение. Поделитесь, они вас прославят.

Процесс, как говорил Михаил Сергеевич, пошел. Через месяц мы стали постепенно подселяться в министерское здание, вытесняя оттуда прежних владельцев. У нас появился свой дом. Его надо было заселить, приспособить к нуждам телевидения и обжить. Много позже, просматривая историю этого здания (а оно было построено в 30-е годы) и историю его владельцев, - мы были потрясены открытием. В этом доме на 5-й улице Ямского поля размещалось управление ГУЛАГа.

Я меньше всего настроен рассказывать историю создания компании, хотя по-своему она в чем-то поучительна. При создании масштабного дела, будь то газета, театр, телевидение, равно как и завод или институт, всегда сталкиваются два совершенно противоположных подхода. Собрать команду из готовых людей, уже состоявшихся, или начать с чистого листа. Три-пять значимых фигур, способных чему-то научить, а в остальном молодняк. Этот путь неизмеримо трудней, чем первый, но именно он позволяет сотворить новое: свой стиль, свой рисунок эфира, свою философию вещания. На телевидении нельзя ставить только на

молодежь, особенно в информационно-аналитическом вещании. В этом был наш определенный изъян, наша вынужденность. Население - разновозрастная среда. И в информационных, аналитических программах факт доверия ведущему - 50% успеха. Безусое молодое лицо 22-25-летнего юноши бесспорно приятно, но оно не внушает доверия, на нем нет печати прожитой жизни. Да и не может быть в силу его прекрасной и непозволительной молодости. Лучший возраст для ведущего информационно-аналитической программы - 35-40 лет. Следует обратить внимание, что на Западе в подобных программах вы не встретите в качестве ведущих 25-летних. Подбирать телеведущих и подбирать фотомоделей - это два разных занятия.

1 - 7 февраля 1998 года.

Не успели опомниться от президентского признания, случившегося на прошлой неделе, что он уже выглядел своего преемника, хотя и не сообщил ему об этом. А для самого президента ключевым моментом является факт - когда об этом объявить. "Сейчас еще рано, - рассуждает президент, - но вот когда?.. Вопрос, понимаешь". Впрочем, не только это.

Президент вновь оживил политический антураж своим неожиданным высказыванием. Президент пригрозил, что конфликт в Ираке может перерасти в третью мировую войну. Если это не экспромт, который стал мгновенно раскручиваться средствами массовой информации, тем хуже для нас. Не похоже, что рассудительный Примаков мог подсказать столь сумасшедшую аналогию, хотя он и является бесспорным специалистом по Ближнему Востоку и имеет самые добрые и достаточно доверительные отношения как с Саддамом Хусейном, так и с его окружением.

Дума тотчас откликнулась и стала клеймить американских империалистов, как в добрые старые времена. Беспардонность и диктат американцев вызывает оправданное возмущение, но невозможно это остановить, перекрывая самим себе кислород. Резолюции ООН должны быть законом для всех стран. В том числе и для диктатуры Саддама. Нам малоприятно, что Америка усилилась настолько, что начала диктовать всему миру свой стиль поведения, но наша реакция - это реакция ощетинившегося, но не способного укусить. Россия после распада Союза хотя и стала его преемницей на международной арене, но ее военный потенциал, состояние армии, вооружений не адекватно возможностям США. Будет верхом унижения для России, если, несмотря на все ее шумные демарши, неизмеримо более сильный все-таки бросит вызов и нанесет ракетный удар по Ираку. Что, начинать третью мировую войну? И во главе российских вооруженных сил поставить Жириновского?

Еще одним потрясением недели стал скандал в РАО "ЕЭС". Полуотодвинутый и полусмещенный прежний глава энергетической империи Анатолий Дьяков, 62-летний глава сверхмонополии, решил опрокинуть десантировавшегося на его территорию молодого, 27-летнего бизнесмена Бориса Бревнова, в руки которого Борис Немцов передал руль управления энергетическим гигантом.

Получив индульгенцию президента на право курировать сверхмонополии, Борис Немцов немедленно по всей линии фронта выдвинул на ключевые позиции своих людей. Нынешний министр топлива и энергетики Сергей Кириенко тоже одной с ним возрастной генерации. И вот теперь Борис Бревнов. И тот, и другой до этого занимали пусть и значимые, но отнюдь не ключевые посты в пределах Нижегородской области. Один был всего-навсего помощником Немцова, второй возглавлял банковскую корпорацию и затем руководил НБД-банком, который губернатор Немцов сделал уполномоченным банком областной администрации. В НБД-банк были немедленно переведены все счета местной "оборонки", и через него проводились все кредиты, выделяемые в том числе на программы конверсии.

Как и следует в таких случаях, подобные скандалы корректируются людьми, их замышляющими. В этом случае очень важно выбрать наиболее благоприятное время. Либо президент в отпуске, либо премьер в командировке. Этот скандал застал в отъезде как премьера, так и самого Бориса Немцова.

Атака Дьякова захлебнулась, однако ответный компромат, по принципу "кто больше украл", не добавляет управленческого блеска Борису Бревнову. Разумеется, многолетнее

управление сверхмонополией, участвующей в финансовых операциях, приватизационных торгах за бесценок (а Дьяков все эти стадии прошел), и поэтому на ниве компромата, даже по причине многолетнего управленческого верховенства в энергетической империи, он, Дьяков, конечно же, более уязвим, чем Бревнов. Вопрос в другом. Позволят ли силы, власть предержащие, все это вскрыть? Если рассуждать логически, власти как воздух необходим высокородный "баран", которого она отдаст на заклание, дабы оживить идею борьбы с коррупцией. Станкевич и даже мэр Ленинск-Кузнецкого Коняхин малозначимы и смешны в качестве символов общероссийского бедствия. А вот Дьяков? Дьяков - это серьезно. От него могут отвернуться. И там, на костре, поруганный, он может поднять такое пламя, которое будет полыхать долго и его заметят издалека.

Цинизма современной власти не занимать. Здесь многое будет зависеть от Черномырдина. Рухнет в недавнем прошлом ключевая фигура ТЭКа. А это опасно. Те, кто станет рушить, могут войти во вкус, и их глаза неминуемо начнут косить в сторону "Газпрома". Сейчас все будет определять политическая выгодность. Когда нет экономических успехов - нужна компенсация в других сферах. Такой выигрышной картой в предвыборной борьбе могут стать ощутимые, зримо замеченные действия высокой власти в борьбе с коррупцией. Этакие костры инквизиции. Правда, здесь есть одна опасность - огонь быстро распространяется и власть может не углядеть момента, когда сама окажется на костре.

НЕТ ДЕНЕГ? ДАЙТЕ СВОБОДУ!

Февраль 1998 года.

Мы живем во времени, а время живет в нас. Биографический разговор имеет какую-то навязчивую обязательность. И как всякая обязательность, она сковывает.

То, что задумывалось в 90-м, менялось в 91-м. События 91-го и 93-го были разительно несопоставимы. И во всех этих меняющихся политических треволнениях особую роль играли телевидение и радио.

Главной проблемой Всероссийской компании в момент ее зарождения, как и во все последующие, оставался острый денежный дефицит. Власть плохо представляла себе, что такое телевидение и как оно должно было развиваться. В силу этого авторами целей, задач и вообще концепции развития были мы сами. Мы их разрабатывали, знакомили с ними власть, как бы просвещая ее в понимании политики, философии и мироощущения средств массовой информации. Власть была еще в том положительном состоянии, когда, пребывая в неведении проблем телевидения и радио, не боялась в этом признаться, и внимательно и уважительно постигала суть этого мира, отдавая должное нашему профессионализму и чутью. Вообще, следует сделать одно уточнение. Создать интересное, конкурентоспособное телевидение, радио, газету, издательский дом, располагая даже не сверхдостаточными, а просто приемлемыми средствами, имея под своим началом ядро из трех-пяти человек крепких профессионалов, не проблема. Все, что произошло с НТВ, лучшее тому подтверждение. Команда, не испытывающая недостатка в средствах, играет не на равных с теми, кто повседневно в отсутствие этих самых средств задыхается. Попробуем грубыми, недетализированными мазками набросать эскиз замысла, который мы вынашивали, рискнув начать совершенно новое и масштабное дело. Речь шла о компании всероссийской, претендующей на главную роль в эфирном пространстве России, с зоной распространения и приема своих программ, не уступающей первому каналу. Надо было создать государственную компанию, которая в мировом телевизионном сообществе будет представлять Россию. Иначе говоря, создать прецедент как внутри СССР, так и за его пределами. В составе союзного Гостелерадио существовали соответствующие структурные единицы: Украинское гостелерадио, Молдавское, Белорусское. Иначе говоря, во всех без исключения республиках, кроме РСФСР, которое по привычке, на правах старшего брата, растворялось в понятии Советский Союз.

События августа 91-го года подтвердили справедливость этой концепции в полном объеме. Белый дом во время путча оказался в информационной блокаде. Только-только появившееся "Радио России" и куцее четырехчасовое Российское телевидение, работавшее

на арендуемых площадях в том же "Останкино", были без труда блокированы. Мы предполагали такое развитие событий и, нигде не афишируя, примерно к этому времени провели работы по автономизации вещания. Об этом не знал никто. Ни руководство Гостелерадио, ни КГБ, ни Министерство связи СССР даже не предполагали, что ВГТРК 20 августа 91-го года сможет самостоятельно выйти в эфир на часовые "Орбиты". Известно, что члены ГКЧП Крючков и Пуго интересовались такой возможностью, но получили из всех надлежащих телевизионных структур и структур связи категорически отрицательный ответ.

А мы вышли. Вышли на Урал и на Сибирь, которые узнали правду о событиях в Москве. Подобных информаций было три: репортаж Сергея Медведева (его пропустил в эфир Валентин Лазуткин, сложись обстоятельства иначе, ему бы не сносить головы); информационная программа на ленинградском канале (там оборону держал Анатолий Собчак); прорыв ВГТРК за Урал. Об этом я подробно рассказывал в первой книге - "Хроника времен "царя Бориса". Сейчас это лишь повод подтвердить правильность нашего замысла.

Августовский путч повернул российскую власть лицом к телевидению. На нас обрушился 16-часовой эфир, который надо было сконструировать и запустить в жизнь при катастрофически ничтожных технических возможностях. Отсюда технологическая концепция: сделать все возможное, чтобы уйти из "Останкино". Создать автономный центр вещания. Арендная плата, которую брала одна государственная компания (а именно телевизионный технический центр "Останкино") с другой (а именно с ВГТРК), выглядела как финансовый грабеж и одновременно абсурд, но абсурд реальный, способный задушить ВГТРК. Поэтому в том же 91-м году мы покупаем у Минобороны комплекс по адресу Шаболовка, 35, примыкающий к старому телецентру Шаболовка, 37. Приобретение недостроенного 15-этажного резервного ЦУПа (Центра управления космическими полетами) было для нас подарком судьбы, так как сооружения подобного рода строятся по модулю телецентров. В этом нам громадную помощь оказал министр экономики Андрей Нечаев, коллега Егора Гайдара. В 92-м году на одной из встреч с Ельциным я сказал: "Борис Николаевич, нам нужно 14 миллионов долларов, и к выборам 96-го года вы будете иметь вторую трансконтинентальную компанию на территории России". Мы были полны энтузиазма. По программе конверсии правительство нам передало бывшую ракетную базу в Клину (Московская область), что позволило нам на ее территории установить мощный ретранслятор. Это было, кстати, условием нашего вступления в Европейский вещательный союз и давало нам возможность очень скоро составить конкуренцию Министерству связи по оказанию услуг в сфере связи, телевидения и радио. Это давало нам пусть небольшой, но шанс зарабатывать деньги. С 92-го года начались постоянные сбои бюджетного финансирования компании. Нам предстояло разработать некую модель, которая позволила бы государственной компании при помощи создания дочерних коммерческих структур зарабатывать деньги для развития государственного телевидения, участвуя в учреждении этих структур зданиями, техникой, землей. Этот же подход исповедовался, когда мы приняли решение о строительстве семиэтажной вставки в своем центральном офисе на Ямском поле. Мы полагали создать там Российский радиодом. Для нужд непосредственно Российского радио на тот момент отводилось не более 40% вновь освоенных площадей. Это был резерв для развития. А в остальном комплекс студий по звукозаписи, монтажу, радиовещанию и компактной телестудии, которые мы, оснастив их техникой, могли бы сдавать в аренду и составить тому же "Останкино" ощутимую конкуренцию на рынке услуг. Строительство этих объектов велось как частично за бюджетные деньги, так и на средства, зарабатываемые телевидением за счет рекламы. Впоследствии это давало компании возможность развиваться даже при ограниченном бюджетном финансировании.

Ситуация сломалась в 93-м году. Два судьбоносных контракта для жизни компании, которые мы заключили, были поставлены на грань срыва. Один - на строительство современной "News-Room" с голландской фирмой "Синевидео". Это давало нам полную независимость информационного вещания. Второй - на технологическое обустройство нашего главного корпуса с французской фирмой "Дирам". Неудовлетворительное бюджетное

финансирование компании усложнило наши отношения с западными компаньонами. Политическая нестабильность, а она преследовала страну начиная с 91-го года, стимулировала незамедлительность наших ответных действий. Идея автономного телерадиоплацдарма давала Российской демократии шанс. Мы это понимали. Отсюда идея трех точек опоры: приобретенный нами недостроенный военными Центр управления космическими полетами, станция в Клину под Москвой и Ямское поле, где располагался на тот момент центральный офис компании. Здание на Ямском поле было относительно старым, оно возводилось в начале 30-х годов, с деревянными, хотя и мощными перекрытиями. Естественно, как технический телерадиоцентр оно рассматриваться не могло. И тогда родилась идея построить вставку между двумя крыльями здания на своем самостоятельном фундаменте, учитывая, что оба крыла были пристроены к зданию в начале 70-х. Это позволило нам впоследствии в одном из этих крыльев использовать помещение актового зала, удвоить его высоту и построить самую современную "News-Room", ставшую гордостью компании и завистью для конкурентов. "News-Room" была сделана с достаточным запасом мощности, что позволяло в будущем реконструировать и второй телевизионный канал, принадлежащий ВГТРК, превратить его в канал культурно-просветительский и, используя все ту же "News-Room" запустить еще один блок утренних, дневных и вечерних новостей, посвященных культуре, образованию и науке.

Все это делалось в жесточайшем противоборстве как с конкурентами из радийно-телевизионного мира, так и в борении с властью, действия которой становились все более сумбурными и непоследовательными. С 92-го года начались перебои с финансированием. Вспоминается один разговор, который у меня случился с Егором Гайдаром, в ту пору возглавлявшим правительство. На мою просьбу принять меня Гайдар откликнулся сразу. Ему было примерно понятно, зачем и почему я напрашиваюсь на встречу. И тем не менее он дал мне выговориться. Я сказал, что правительство не выполняет своих обязательств и срывает финансирование компании, а значит, перечеркивает концепцию развития. Я хорошо помню его невозмутимый ответ: "Это неправда". Полные гайдаровские губы не то пережевывали фразу, не то пробовали ее на вкус, лицо излучало уверенность и всякую бесполезность оспаривания мыслей премьера.

- То есть как неправда? - возмутился я.

- Очень просто. Мы платим вам зарплату.

- А деньги на развитие?

- Это из разряда трудностей, которые переживает вся страна.

О трудностях, их причинах, о виновниках этих трудностей из социалистического прошлого Гайдар говорил возбужденно и убедительно.

События августа 91-го года фактически опрокинули ситуацию. Ни о каком постепенном вползании в эфир не могло быть и речи. Вместо четырехчасового вещания нам предлагался 16-часовой эфир. Отныне второй канал - это канал телевидения России. Всякая радость по поводу случившегося - мы обрели значимую самостоятельность - сводилась на нет драматизмом настоящего. В течение пяти месяцев создать команду, структурный и технологический модуль, обеспечить продуктивное вещание в течение 16 часов в день, не имея в тот момент практически ничего, кроме зачаточного вещания, находящегося в фазе эксперимента или первых проб. Даже Шаболовка, переданная нам в управление, не добавила радости. О техническом состоянии комплекса неприлично даже говорить. Шаболовка в 1980 году, когда было пущено "Останкино", уже считалась далеким прошлым телевидения, и, в лучшем случае, ее можно было рассматривать как музей. Единственная не столько техническая, сколько историко-культурная ценность Шаболовки - Шуховская телевизионная башня, выполненная как кружевная спираль, занесенная в реестр памятников архитектуры. И плюс к тому три здания, внешне более напоминающие армейские казармы, нежели телевизионный центр. Внутри тоже не роскошь. Застывшее, никогда не ремонтированное прошлое. И тем не менее мы получили в свое управление три студии, из которых могли вести собственное вещание. Безумно устаревшие, с минимальными техническими возможностями.

И тем не менее это было наше. Техника, пятикратно отработавшая свой ресурс. Но она была, существовала, к ней можно было прикоснуться. Мы радовались как дети. Приобретение нами резервного ЦУПа, расположенного бок о бок с Шаболовкой, давало ВГТРК заманчивую перспективу. Да, это был долгострой, но, правильно им распорядившись при помощи грамотного правительства, мы могли совершить прорыв. Идея была проста, как орех. Мы вкладываем деньги, отпускаемые на капитальное строительство Шаболовки, 35. Это где-то 14-16 миллионов долларов. Создаем инвестиционную схему и к 96-му году получаем современный телецентр. Переселяем туда практически всю Шаболовку, 37. Спокойно и неспешно занимаемся реконструкцией этого древнего объекта, даем волю своей технологической фантазии. И где-то к 96-97-му году, при благоприятных обстоятельствах, имеем на полном ходу вторую трансконтинентальную компанию, способную обеспечивать на современном уровне вещание по двум федеральным каналам в объеме 36-38 часов в сутки. А также оказывать услуги в сфере телекоммуникационного обслуживания и производить телепродукцию совместно с коммерческими компаниями на базе использования наших помещений и нашей техники. И все это создавалось в параметрах самых современных цифровых телевизионных форматов, оптико-волоконных технологий, с использованием спутников для распространения сигнала. При этом имелся в виду бесспорный телевизионный бум, который захватит Россию начиная с 98-го года. Это давало возможность новой компании, арендуя зарубежные спутники, используя новейшие системы кодирования и сжатия телесигнала, иметь еще 10-15 коммерческих каналов. Иначе говоря, с громадным опережением делать то, что делает сейчас НТВ и что собирается делать "ТВ-центр". Жаль, а ведь все это было концептуально сформулировано в начале 92-го года. А в конце 94-го на столе уже лежала проектная документация, бизнес-план и все технологические расчеты.

Почему не получилось так, как должно было получиться? Мы были не слишком настойчивы? Нет. Все дело в том, что реформаторский порыв власти был лишен стратегии. Власть стремительно теряла связь с будущим. Революционный прорыв, ориентированный на скоротечный результат: немедленной приватизации, немедленного рынка с акцентом. Все это стало буксовать. Телевидение и радио не воспринимались реформаторами как приоритетные направления. Показывает, говорят, и слава Богу. К власти еще не пришло понимание того, что телевидение и радио - это не столько средства массовой информации, сколько главенствующий механизм управления страной.

А время шло. И за неполные полтора года уже третий человек возглавил "Останкино". Им стал Егор Яковлев.

То, что Егор согласился, у меня не вызвало удивления. Он пересидел в "Московских новостях". Его вечная мечта возглавить газету "Известия" так и не воплотилась. Ему нужен был размах, способный вместить его профессиональный масштаб, его личные амбиции. Телевидение могло оказаться таким масштабным пространством. Здесь мы очень похожи с ним. Мы оба любим начинать с чистого листа. Правда, между нами наблюдалось существенное различие. Я начинал дело в полном смысле этого слова на пустом месте. Ни стула, ни стола, ни телефона - вообще ничего нет, кроме решения о твоем назначении на руках. Егор получал уже сложившуюся организационную структуру с масштабом традиций, претензий, с устоявшимся климатом взаимоотношений. Громадную территорию, громадные здания с громадным количеством работающих людей. В тот момент в "Останкино" работало 25 тысяч человек. Правда, чуть позже наши позиции с точки зрения уязвимости несколько выровнялись. К нам отошла Шаболовка и весь работающий на ее территории творческо-технический персонал. Вроде как мы получили землю вместе с крестьянами. Романтические надежды создать команду на едином дыхании несколько отодвинулись. Им на смену пришла трудноподъемная реальность.

Всех, кто сидел на Ямском поле, можно назвать демократами революционного призыва. Ну а Шаболовка - устойчивое советское прошлое, резервация профессионального консерватизма. Хорошо это или плохо? Это естественно.

На Шаболовке работало достоточно высококлассных специалистов, уязвленных

превращением alma mater советского телевидения в место, забытое Богом и телевизионным начальством.

Перед нами встал непростой вопрос. Кто же на самом деле возьмет верх: сила новых независимых идей или консервативное братство? Когда вы пытаетесь соединить разнокачественные состояния - касается ли это людей, замыслов, бизнеса, творческих наработок, - очень важно, чтобы на одном полюсе этого возможного объединения было нечто сложившееся, что и может стать опорой будущего замысла. Во всех иных случаях вы непременно потерпите неудачу. Шаболовская команда даже численно превосходила первопроходцев. У меня был выбор - начать массовое сокращение практически неизвестных мне людей, по слухам, людей консервативных и творчески малоперспективных, и тем самым развязать себе руки. Если вы набрали новый состав, его легче подчинить, заразить общей идеей. Но я отказался от этого замысла. Слишком много сил забирало политическое противостояние ветвей власти, в которое я, как депутат и руководитель телекомпании, был втянут. Мы не могли допустить, чтобы у нас в тылу начались социальные конфликты. А массовые увольнения путь к ним. Предстояло решить немыслимую по трудоемкости и психологической нагрузке задачу - слепить из этой разнородной массы силуэт команды, сделать Шаболовку патриотами ВГТРК. В это верится с трудом, но вчерне замысел удался.

Политическое давление на телевидение и радио существует всегда. Тем более на телевидение государственное. Государственная компания - это игра совсем по иным правилам хотя бы потому, что оно всегда сфера притязаний власти. И это не помешательство, а реалии крайне политизированного общества. И уж тем более в государстве, где утверждаются противоестественные принципы управления страной, при которых главной экономикой является политика. Этот всеохватный политический ген, способствующий всеобщему помешательству, делал идею создания "независимого Российского телевидения и радио" идеей общей, чем мы обязаны были воспользоваться. Нет, на нас не хлынул золотой дождь. С первого дня существования компании нехватка средств стала постоянной нашей проблемой. Вопрос, где взять деньги, обрел значение пароля. Валюты, как таковой, не было вообще. Первым валютным займом, на который начала существовать компания, как я уже писал, стали 100 тысяч долларов беспроцентного кредита, которые на недолгий срок одолжил мне Святослав Федоров. Отсутствием денег никого не удивишь. Творческий порыв, ощущение свободы имели другую ценность, на какой-то момент они объединили нас с демократической властью. Мы искренне верили, что это наша власть, она должна нас понимать, должна нам содействовать, так как мы ее сотворили собственными руками. Наступил момент, когда я и мои коллеги могли создавать нечто вне притязаний власти. Во-первых, у власти, будь то Верховный Совет, президент Ельцин или премьер Силаев, была масса своих совершенно новых ситуаций, в которых надо было и определяться, и аттестоваться. Так что кредит доверия был обусловлен еще и суматохой, и абсолютным незнанием власти, как это делается. Вообще, это очень значимая частность. Старайтесь успеть вначале как можно больше, по максимуму заложить в дело собственное "я". Это наивное представление, что необратимым процесс делает время. Ничего подобного. Необратимым процесс делают результаты. Не следует жалеть идей. Для власти, которая испытывает кризис жанра, очень важно предложить не просто идею, а сделать власть соавтором, а еще лучше, автором ваших идей. Здесь надо уметь наступать на горло собственной гордыне. Этим маневром вы убираете препятствия на дороге вашего замысла. Я не уставал повторять, что идея создания Всероссийской телерадиокомпании принадлежит Борису Ельцину и была высказана им, когда я находился у него в кабинете. Примерно то же самое я говорил Ивану Силаеву, когда подписывал у него судьбоносные для компании документы, Руслану Хасбулатову, когда оказывался с ним один на один и чувствовал, что он прощупывает плацдарм для атаки. Лукавил ли я? Ни в коем случае. Все они были в то время определяющими фигурами российской политики. И каждый совершенно искренне ждал появления Российского радио и телевидения и своими действиями способствовал их появлению. В этом случае содействие в создании Всероссийской телерадиокомпании

становилось громкой частью их политического авторитета. Рождала ли эта тактика трудности? Разумеется, и очень серьезные. Я знал, что, поступая таким образом, я провоцирую личную амбициозность столь разных политиков. Но я был уверен: политики приходят и уходят, а Всероссийская государственная телерадиокомпания останется. Так практически и произошло. Правда, чуть позже приходилось искать другие поводы для соавторства.

НАМ ЕСТЬ ЧТО ЗАБЫТЬ

Возможно, нам подсунули не то время. Но время не выбирают, как не выбирают родителей. Мы часть времени, мы живем и играем по его правилам. Нельзя жить параллельно времени, надо уметь его пересекать. Для всех нас было важно понять, каким мы видим новое Российское телевидение.

В этом смысле приглашение Анатолия Лысенко для меня было принципиальным. Высокий профессионал, один из соавторов нового телевизионного мышления. Многослойность лысенковского "Я" никогда не пугала, а скорее привлекала меня, вызывала творческий интерес. Я довольно скоро оценил всю непростоту его натуры. Это случается легко и успешно, когда ты к человеку относишься с симпатией. В этом случае ты без напряжения входишь в его мир. Из этого вывод - никогда не уступайте желанию увидеть в своем коллеге недоброжелателя или противника, этим вы немыслимо усложняете путь к постижению его натуры. Подозрительность всегда шаг к слепоте. Очень трудно - и к изъянам и к достоинствам относиться с симпатией. Так бывает редко, но бывает. Когда речь идет об изъянах, вместо слова "симпатия" употребите иной термин - "терпимость". Предрасположенность к Анатолию Лысенко меня и спасала, но иногда и наказывала. Но спасала чаще.

Я понимал, что атмосферу профессионализма на новом канале (речь идет о телевидении) Лысенко создаст. Но я понимал и другое: как человек выросший и состоявшийся "в нутре" телевидения, Лысенко неминуемо будет заражен особым видом телевизионного консерватизма, тиражированием сложившихся самоощущений и самовосприятия. Иначе говоря, для меня никогда не было секретом, что взглядовская стилистика, атмосфера общения, которую некогда создавал Лысенко, будет тиражироваться и в отношениях, и в принципах, и в телевизионных образах. Хотя сам Лысенко будет это категорически и яростно отрицать. Есть явления, состояния, они случаются помимо нас, хотя и происходят с нами. К тому времени взглядовцы переместились из сонма новаторов в мир эволюционного консерватизма. Кстати, дальнейшая творческая динамика "Взгляда" подтвердила правоту моих наблюдений. Именно возрастающая консервативная тенденция все больше давала о себе знать. Это не есть недостаток. Это, скорее, возрастной почерк. Телевизионная философия взглядовцев стала видом инерции, и они старались ее сохранить. Но за все приходится платить. За эволюционный консерватизм тоже. Каких-либо взрывов, удивлений стало случаться все меньше и меньше. "Взгляд" перебесился и стал разновидностью респектабельного телевидения. После гибели Влада Листьева накопителя и инициатора уже остаточной взрывной энергетики - творческий дрейф взглядовцев стал почти законом. "Взгляд" уже не опережал, а догонял время. Темп времени стал иным.

Есть одно непременное условие - телевидение, радио да и все прочие СМИ лишь во-вторых и в-третьих меняют время, но сначала им приходится научиться достаточно точно его отражать. Нет этой зеркальности - нет общественной значимости, нет зрительского доверия. И если Россия в тех условиях превратилась в центр политической вселенной и главные политические события происходят на территории бывшего СССР, то политика, ее преломления, ее жанровые модуляции, ее интриги должны были стать нашим главным товаром и главной средой нашего риска. Это был единственный путь заявить о себе и по возможности выиграть конкурентную борьбу. В этом случае осмысленный риск и есть творчество. Надо выиграть в масштабах правды, в масштабах открытости. На первых порах мы уступали в профессионализме, технической оснащенности, но очень скоро ушли вперед. Мы оказались более доступными, более открытыми - нам верили. Зрительский монолит

дрогнул, и мы почувствовали, что общественные симпатии повернулись к нам лицом.

В 92-м наступил момент жесточайшего экономического и финансового кризиса. Всех мучили самые недобрые предчувствия. Августовский путч и якобы победа остались позади. Розовый романтический туман, закрывающий тот самый раскаленный горизонт реального мира, начал рассеиваться.

Стало ясно, что в концептуальной политике Российского телевидения по нашей инициативе должны произойти перемены. Реформы, с одной стороны, оглушили общество, с другой - оглушили власть, мужество которой в этот момент проходило, пожалуй, самое тяжелое испытание. Раздражение общества шло по нарастающей. Когда отпустили цены, наступила тягостная пауза - все ждали взрыва. Хотя теоретически он как бы избегался, и тем не менее. Сейчас принято считать, что психологическое состояние общества было в достаточной степени выверено, и поэтому не произошло худшего - не начались народные волнения. Относительно выверенности - это очевидное преувеличение, даже выборочных исследований на масштаб ответной реакции населения не проводилось. Существовали интуитивные предположения - должно пронести. Нелюбовь сограждан к большевистскому прошлому - и есть главный союзник реформ. И никакого заглядывания в будущее. Это было похоже на движение автомобиля в темноте с потушенными фарами.

В те дни мне как-то позвонил Полторанин и предложил провести деловую игру, используя для этого самую большую телевизионную студию. Тема игры "Поведение общества, его структура по горизонтали и вертикали в условиях свободных цен", иначе говоря, ставилась задача понять, что может произойти в течение первых трех недель. Пригласили лучших специалистов по деловым играм из Сибирского отделения Академии наук. На территории студии появились федеральный центр, областной, районный, магазин, отделение милиции, законодательная власть, набирающая оппозиционные обороты по отношению к президенту, заводской цех. Это было восемь игровых площадок. Отслеживалось поведение каждого звена. Мы сняли по-своему уникальный материал. В игре принимали участие 6 членов правительства, представители региональной власти, просто граждане, высокоранговые сотрудники МВД, продавцы. Это было нечто!

Предполагалось, что перед очередным заседанием правительства материалы будут показаны кабинету министров. Между прочим, деловая игра таких масштабов стоила нам достаточно дорого. Задействовано было немыслимое количество съемочной техники, большое количество народа. Съемка шла в течение десяти часов с одним перерывом. Начали где-то в 12, расходились уже затемно. Все было как на самом деле. Правительство принимало решения в экстремальной ситуации. Местная власть делала то же самое, ориентируясь на реакцию населения. Это непривычное зрелище, когда на одном игровом пространстве, за которым наблюдаешь с верхней точки, задействованы звенья власти всей страны. Как рассказывал мне потом М.Полторанин, правительство не захотело смотреть весь материал протяженностью почти в четыре часа. Сначала попросили дать сокращенный вариант, что было полным абсурдом. Давало истинное представление только объемное, а не лоскутное видение ситуации. Кто-то из правительства посмотрел отрывки, а исполняющий в ту пору обязанности премьера Егор Гайдар, который и поддержал идею деловой игры, устало сказал: "Знаешь что? С нас достаточно жизненных отрицательных эмоций. А ваша деловая игра из той же череды. Будем действовать на натуре без репетиций". Полторанин зло матерился. Жаль было затраченных сил, времени и денег. Были задействованы лучшие телевизионные режиссеры, авторы и сотрудники "Пятого колеса". Тем более что игра действительно получилась. Деловая игра - целая философия, придуманная американской школой управления. Они были достаточно модными в начале 80-х годов. В деловых играх проявился управленческий гений американцев, когда на живой модели ситуация отрабатывалась до тонкостей. Вообще, мы страна, которая не умеет учиться ни на собственных ошибках, ни тем более на достижениях других. Наше врожденное наплевательство, шапкозакидательство и мессианство мешают нам почувствовать себя учениками. И тем не менее факт игры позволил мне ощутить и понять, что на телевидении должен появиться иной социальный рисунок.

Экономический кризис - это большая беда для общества. Это состояние очень близкое к состоянию смуты. Отсюда вывод - надо помогать человеку, оказавшемуся в беде. Необходимо его защищать и просвещать, как действовать в столь непривычной драматической ситуации. Так родилась концепция народного социально-заостренного телевидения. Причем все это следовало делать без крика, не очень афишируя до поры. Вы спросите почему? Нет-нет, дело не в редакционной тайне. Я понимал, что рисунок подобного телевидения и радио власти не понравится, и конфликтность наших отношений начнет нарастать. Здесь правомерно одно уточнение. Понятие "власть" для журналистов, интеллигенции - понятие отстраненное. Этого, к сожалению, нет. Но так должно быть. И не в силу того, что эта категория общества подходит к власти с более жесткой меркой, чем другие слои общества, хотя эта тенденция вполне объяснима и правомерна. Просто предназначение интеллекта - понимать и формировать понимание. Обязанность людей пишущих, снимающих, рассказывающих о бытии власти - докапываться до скрытых глубин властных отношений, раскрывать их, а порой и вспарывать. Операция рискованная для журналистов и неприятная для любой власти, демократической в том числе. У власти и журналистов исходно разные цели. Задача первых - скрыть, в лучшем случае слегка приподнять полог, задача вторых - открывать и кричать о своем открытии в меру своего таланта и мощи своего горла.

Мы сознавали, что по мере развития событий мы неотступно будем двигаться в этом направлении. А значит, контакты с властью очень скоро из дружественных превратятся в натянутые. Желай я того или не желай, но власть понимала, что Попцов и его команда были в числе тех, кто эту власть создавал, и некая инерция уважения все-таки присутствовала.

Наши отношения с высокой властью правомерно разделить на три этапа. Период становления - 90-91-й годы. Я бы не сказал, что это был период единства взглядов. И тем не менее масштаб заинтересованности со стороны власти в создании своей телерадиокомпании был налицо. Еще существовали СССР и союзное правительство, а значит, концентрация критики, которой не могло не быть, рассредоточивалась. Мы критиковали союзное руководство, критика действий российского правительства по сравнению с той была малозначимой. Российское правительство становилось на ноги в совершенно новых условиях с резко возросшей амплитудой самостоятельности. Причем эта самостоятельность была скорее фактом желания, нежели реальности. Противодействие со стороны союзных премьеров - Н.Рыжкова, а затем и В.Павлова было очевидным. Не помог и взвешенный подход при назначении российского премьера. Им в 90-м году стал Иван Силаев, один из вице-премьеров союзного правительства, хорошо знавший Бориса Ельцина в бытность его уральского партийного прошлого.

В тот момент Ельцину нужен был премьер, близкий ему в возрастном исчислении.

Я не уверен, что многие, захваченные в тот момент демостихией выборов 90-го года понимали, что силаевское правительство, по сути, правительство переходного периода, а значит, временное. В правительстве появилось много нестандартных фигур, выпадающих из властной стереотипности: Борис Федоров (министр финансов), Николай Федоров (министр юстиции), Михаил Полторанин (министр печати), Андрей Козырев (МИД), Григорий Явлинский, Виктор Ярошенко, Юрий Скоков. Во-первых, многие из них, например оба Федорова, Козырев, Явлинский и Ярошенко, - были неприлично молоды. Во-вторых, все они были лишены партийно-хозяйственного прошлого. Люди с другой биографией. Ельцин и Силаев попытались сформировать принципиально иное правительство. Еще не было сложившихся взглядов на демократические устои общества. Вроде бы уже пережили перестройку, следствием которой и были прошедшие в атмосфере демократического безбрежья выборы. Как, впрочем, было и другое ощущение если не тупика, то выработанного ресурса перестройки. Разговоренная, разогретая горбачевскими инъекциями страна пребывала в некотором замешательстве: что делать дальше? Во что должна переплавиться эта перестроечная риторика?

Говорили о реформах, боготворили Абалкина, Шаталина. Но каких-то осмысленных действий в экономике не происходило. Паровоз громко спускал пары, прокручивал на месте

колесами, давал сигнал отправления, снова спускал пары, но с места не двигался. Начались хаотические поиски тех, кто знает куда идти. Академик Шаталин не уставал рассказывать о том, как во всевозможных странах проходили реформы; как был ошибочным тот или иной путь; где и когда мы начали отставать; что может измениться в стране, начнись в ней экономическая реформа; что нам ни в коем случае нельзя делать и как нельзя поступать. Было ясно, что с Горбачева достаточно политических реформ, какие-то знаковые перемены произошли, но на большее его не хватит. Страна переживала паводок разномнений, но очень скоро поняла, что не знает, как ими распорядиться. Время шло. Необходимая истина находилась все в том же замутненном состоянии. Ореол лидера страны, подарившего ей политическую свободу, стал тускнеть. Для экономических реформ нужна была другая власть, а точнее, другая страна.

Появление финансиста Валентина Павлова во главе правительства теоретически было векторно правильным. Но Павлов не был и не мог стать лидером. Ему не хватало характера и политического опыта. Одной тучности, которая делала Валентина Павлова похожим на отца немецкого "экономического чуда" молодого Людвига Эрхарда, канцлера Германии 60-х годов, оказалось недостаточно. Программа "500 дней", сочиненная Явлинским и благословленная его учителем академиком Шаталиным, союзным правительством была не востребована. Разумеется, своя интрига в обсуждении этой программы была, и даже скрыто-доброе отношение к ней Горбачева. Но неготовность руководства страны решиться на непопулярные и достаточно радикальные шаги в сфере экономики взяла верх.

Сейчас нет смысла говорить о степени прогрессивности той программы или степени ее несовершенства. Сам факт, что это была экономическая программа реформирования гигантской страны, исходящая из мирового опыта экономических реформ, подготовленная новой генерацией экономистов, говорит о явлении сверхзначимом. В стране не только вызрела необходимость экономических реформ, но и формируются силы, способные принять на себя ответственность за их осуществление. Причем эти силы не из первого или второго ряда. Это заднескамеечники, которые уже давно писали доклады и делали разработки для фигур первой величины. И делали эту работу бесфамильно. Именно поэтому программа "500 дней" была запрошена российским правительством. Это позволило новой российской власти сразу уйти в отрыв и прослыть властью, более предрасположенной к реформаторству, нежели союзная власть, а значит, получить право претендовать на некое лидерство в демократических преобразованиях. Спустя какое-то время Григорий Явлинский в шутку назовет себя "заместителем царя по революции". Задача Российского телевидения была в этом смысле и простой, и сложной: поддержать эту приверженность и создать образ иной политической осмысленности. В столкновениях с союзной властью я чувствовал себя уверенно, зная, что у меня крепкий тыл и что российское руководство - будь то сам Ельцин, его правая рука в то время Руслан Хасбулатов или Иван Силаев, - меня прикроет.

Бесспорным выигрышем для компании и для меня лично на первых порах были мои неформальные отношения с Михаилом Полтораниным и Геннадием Бурбулисом, учитывая, что оба они считались чрезвычайно близкими к Ельцину и имели на него очевидное влияние. Свои отношения с Ельциным я старался вывести в отдельную строку, и мне не хотелось бы о них говорить обстоятельно, с обидой или восторженным придыханием. Ни то, ни другое этим отношениям не было присуще. Я Ельцина почитал, как положено почитать президента страны. Он был героем моих повествований, и потому во всякой встрече постижение его натуры, желание всмотреться, ощутить, понять преобладало. Я не испытывал чувства робости и уж тем более чувства страха во время таких встреч. Он не подавлял меня, как мог бы подавлять масштаб власти, которой обладал этот человек. Да и грубость Ельцина меня не касалась. Я не был в числе ни холопствующих, ни самых близких, по отношению к кому положено хамить по-царски и наотмашь. Отношения были здраво-деловыми. Какое-то время более тесными и даже теплыми, какое-то время более официальными и холодными. Иногда они решительно портились, и тратилось немало усилий, чтобы их восстановить. Отражалось ли все это на компании?

И да, и нет. Как только возникали слухи о моих конфликтах в коридорах власти, немедленно начинали судачить о моей возможной отставке. И, видимо уступая чувству самосохранения, мои коллеги начинали ощупью выискивать стену, на которую могли бы опереться и там, наверху, и здесь, в компании.

И все-таки, в чем причина этих приливов и отливов? Во многом я повинен сам. Ельцин не был мне близким человеком. Мы вместе практически никогда не работали и познакомились только в 1989 году на предвыборном собрании в МГУ. Я об этом уже писал. Познакомил нас, по существу, Гавриил Попов, посадил за один стол. И мы втроем выступали на этом собрании. Я писатель. Мое отношение к людям, с которыми меня сводит жизнь, несколько отстраненное. Я должен не только понять, но и разглядеть человека, запомнить его. Независимо от ситуации или должностного исполнения я всегда ищу какие-то сравнения, образы, в которые вписывается это новое лицо, ставшее фактом моей собственной жизни. Я никогда не чувствовал себя чиновником. И в свое время сделал все от меня зависящее, чтобы Всероссийская государственная телерадиокомпания не оказалась в перечне министерств, а я сам не был причислен как должностное лицо к министрам. Все уставные документы разрабатывались таким образом, чтобы не повторить опыт Гостелерадио и обеспечить компании максимальную независимость. Это был не каприз, а совершенно осознанное понимание политической ситуации, сложившейся в стране в 90-91-м годах и уж тем более в позднейшее время.

Исторически оказаться должностным лицом, утвержденным на свой пост формально главой Верховного Совета, а им был тогда Борис Ельцин; оставаться его последовательным, а порой и вынужденным сторонником уже как президента России, быть свидетелем и участником жесточайшего противостояния ветвей власти: президента и Верховного Совета. И при этом быть действующим, а не формальным народным депутатом и заметной фигурой демократической парламентской фракции, противостоящей коммунистическому большинству в парламенте, - согласитесь, это не так просто.

Компании и мне лично как ее руководителю нужна была максимальная управленческая и политическая независимость, чтобы я был хотя бы относительно свободен в политическом маневре. Достаточно безрассудства вершилось и с той, и с другой стороны, и надо было вырулить на позицию защитников демократических завоеваний, говоря честно и нелицеприятно как об агрессивности парламента и его руководства, так и о грубейших просчетах исполнительной власти. Оставаться в оппозиции КПРФ, но достойно, без озлобленности говорить о ее устойчивой популярности, возрастающей по причине ошибочности действий реформаторов, их упрямого нежелания понять психологические и исторические особенности нации. Этого мне не прощали ни первые, ни вторые.

Нервные изнурительные объяснения с властью разных калибров происходили ежедневно. В такие минуты наличие истинных союзников на этажах власти непременное условие твоей успешности и творческой независимости. Такими людьми в разное время на протяжении всех лет моей работы были прежде всего Михаил Полторанин, Иван Силаев, Юрий Скоков, Геннадий Бурбулис, Руслан Хасбулатов, Владимир Шумейко, Валентин Лазуткин, Гавриил Попов, Сергей Филатов, Андрей Нечаев, Борис Пастухов, Николай Травкин, Владимир Ресин, Сергей Шахрай, Егор Гайдар, Юрий Лужков, Иван Рыбкин, Владимир Булгак, Олег Толкачев. Были и другие, и их немало. Поддержка никогда не была безоглядной. Мы достаточно часто расходились во мнениях, ожесточенно полемизировали. Над каждым из них довлело высокое начальство, требующее и смещения Попцова, и предания его анафеме. Каждый из них, ко всему прочему, играл еще и свою игру, чему Попцов мог либо помешать, либо способствовать. А потому колебания в отношениях, с учетом обстоятельств, этих и других, но уже временных союзников, явление не парадоксальное, а, скорее, естественное.

Я не знаю, помогало мне это или нет, но я писатель, и тема власти одна из определяющих тем моего творчества. Сказалась личная биография. Протоптав не один километр по коридорам этой самой власти, я, как мне казалось, хорошо чувствую этот мир и

знаю его изнутри. В разные годы, на разных этажах я был его частью. Со временем я заметил, что воспринимаю власть иначе, нежели мои коллеги из когорты властвующих или подчиненных в должностном исполнении, зависимых от... Я изучал власть, приглядывался к ней, постигал суть затеянных интриг, оказывался их жертвой и был их участником. Обладание властью добавляет людям сходства. Поэтому всякая власть похожа на власть.

Борис Ельцин для меня во-вторых и в-третьих высшее должностное лицо. Он мне интересен как натура, персонаж, индивидуальность. Разумеется, и как политик, не без того. Всякий человек раскрывается в функциональном преломлении. Там проявляется большинство его качеств, которые дают толкование его второму "я", берущему верх, как только закрывается за ним дверь его собственного кабинета.

Одинокий, упрямый, мнительный, ранимый, внушаемый, предрасположенный к бунту и авторитаризму, сомневающийся и решительный, сентиментальный и жестокий, доверяющий своей интуиции больше, чем коллективному разуму советчиков, капризный и грубый. В житейских привязанностях и проявлениях очень русский. Это все о Ельцине. Под маской строгости, немногословности, насупленности, усталости, присутствующей на лице, как вечная печать, человек, предрасположенный к экстремальным ситуациям, в которых чувствует себя уверенней. Естествен вопрос: почему? Свойство натуры, характера, темперамента? Ельцина утомляет всякая длительность. Экстремальная ситуация требует решений быстрых и бесповоротных. Это фиксирование скорого результата. Практически упраздняется поле сомнений. На них попросту нет времени. Ему надоедает ожидать и взвешивать. Ельцин - всегда стихийное состояние. "Скоростихийное" в прошлые годы, "замедленностихийное" - в годы нынешние. В этом ключ к пониманию Ельцина, его поступков, настроений, капризов. Я хорошо понимал, что по своему внутреннему мироощущению я не вписываюсь в традиционное ельцинское восприятие. Нас было несколько таких неудобных для Ельцина людей, с которыми он считался, которых он терпел в силу их работоспособности и нужности. И в этом смысле он этих людей ценил. Но, как я понимаю, мысленно всегда хотел освободиться от них, отдалиться. Он не желал выбирать между нужностью и неудобностью. Как натура властная, Ельцин не переносит независимого поведения людей подчиненных. Можно как угодно трактовать эту тенденцию: как сугубо партийную, как монархическую, но она была присуща Ельцину.

Да, как знать, как знать. Поразительно, но разрабатывая концепцию государственного телевидения, которая, без сомнения, сыграла значительную роль как в существовании самой демократической власти, так и в выработке новых принципов, которые должны были якобы отличить ее от власти предыдущей, мы были потрясены быстротой, с каковой якобы наша власть становилась не нашей.

В газете "Коммерсантъ" за среду, 11 марта 1998 года, я прочел о себе и своих коллегах очередную легенду о некоем рае, в условиях которого мы якобы создавали Всероссийскую государственную телерадиокомпанию. И смешно, и грустно, и противоестественно. Вообще, о газетах разговор особый. Я еще коснусь этой темы достаточно подробно. Но вот что примечательно: по мере отдаления любых событий их оценки меняются, что естественно. Но неестественно и ущербно другое восприятие - раздражение по поводу успешности прошлого, желание опорочить его, как если бы это хоть в малой мере могло скрыть несостоятельность настоящего. Эта тенденция опасна в том смысле, что время проходит столь быстро и значимость прошлого всегда намного превосходит претензии настоящего. Исторически судьбу Всероссийской государственной телерадиокомпании можно разделить на три этапа: с момента основания в 90-м году до августа 91-го; с августа 91-го по октябрь 94-го; наконец, с 94-го по 96-й год.

Сегодня можно назвать и еще один этап. 96-99-й годы - с момента, когда я покинул этот пост и меня сменил сначала Эдуард Сагалаев, а его, в свою очередь, спустя неполный год, Николай Сванидзе, а его еще через год Михаил Швыдкой. Так вот, этот четвертый период можно назвать принципиально иным этапом в жизни Российского телевидения и радио. Следует сразу подчеркнуть, что между двумя последними командами большого различия нет.

И та, и другая - представители одной идеологии: телевидение - это товар. И не просто товар, а наиболее динамичный вид современного бизнеса. И Сагалаев, и Лесин достаточно удачливые коммерсанты в сфере телебизнеса и рекламы, для них государственное телевидение - это громадное поле применения именно этих способностей.

Решать эту проблему на государственном телевидении сложнее, так как существует значительное тематическое поле, незаполнение которого или заполнение коммерческими программами не пройдет незамеченным и вызовет определенную негативную реакцию, которую власть употребит в свою пользу и проведет очередной кадровый сброс. У коммерческого телевидения не существует подобных разнополюсных эфемерностей. В этом смысле команда защищена и можно работать, не оглядываясь. Все усилия сконцентрированы в одном фокусе: прибыльность эфира. Люди такого склада работают не за зарплату, а за гарантии наращивания собственного капитала. Они будут обязательно искать возможность стать совладельцами пока еще государственного дела. И в этом смысле их поведение вполне логично. Нелепо задавать вопрос, плохо это или хорошо. Это закономерно хотя бы уже потому, что власть, совершающая кадровые перемены, в своем подавляющем большинстве последние пять лет сама придерживается этого принципа. И некий запоздалый бунт, предпринятый Анатолием Чубайсом и Борисом Немцовым, малоэффективен. Во-первых, уже все куплено. А во-вторых, бунт Чубайса это не бунт чиновника-бессеребреника (нет-нет, Чубайс не часть коррумпированной власти, просто он авторитарен по натуре и не пожелал эту власть с банкирами делить - вот причина бунта). Разумеется, коммерческое телевидение действует не в безвоздушном пространстве. И при очевидном сращивании капитала с политической властью жизнь СМИ, находящихся в собственности той или иной финансовой группировки, политизируется однополюсно и несколько усложняется. Но все равно, идея прибыльности берет верх и режим повседневной жизни команды опять выравнивается, так как главная цель остается неизменной.

В названной выше статье меня позабавила фраза, якобы сказанная Ельциным Попцову: "Возьмите все, что нужно!" Ах, если бы хотя бы день, хотя бы час пожить в таком все допускающем режиме. Сверхтрудно было всегда, просто у каждого времени свои трудности. Будем откровенны, Ельцин, как некой проблемой, телевидением никогда не занимался. Это было вполне логично. Я считал неправомерным и профессионально невозможным перекладывать на плечи президента наши повседневные заботы финансовой недостаточности, острейшей нехватки телевизионной техники, средств связи, помещений, транспорта - то есть всего, без чего телевидения и радио попросту нет. И тогда на вопрос: чем же мы располагали, ответ простой - авторитетом нашего дела, дела нового и сверхнеобходимого России.

Назначение руководителем "Останкино" Егора Яковлева буквально через несколько дней после путча я принял и с большой радостью, и с большой озабоченностью. Егор был третьим руководителем "Останкино", с которым нам придется работать. А времени прошло всего ничего, чуть больше года. Был Ненашев, был Кравченко, теперь вот Егор Яковлев. И если с двумя первыми Лысенко, как выходец из недр телевидения, чувствовал себя достаточно комфортно (хотя противостояние есть противостояние), то с этой минуты наступал мой час. Я работал с Егором Яковлевым, я был с ним дружен. Я с ним предметно конфликтовал, как профессионал. Его хозяйство по объему было несопоставимо с нашим - империя. У него под началом был многолюдный, отлаженный годами механизм. А нам надо было свой создавать с азов. И составить яковлевскому гиганту конкуренцию.

При всей одинаковости нашего положения, я был ближе к телевидению и радио. Во-первых, я достаточно активно сотрудничал с ними ранее, и более того, чисто биографически был причастен к созданию таких структур, как радиостанция "Юность" или ленинградский "Горизонт". Я даже рискну сказать, что догадывался, с чего начнет Егор Яковлев и какой путь изберет. Своих коллег я сразу предупредил, что договариваться с Егором по всем вопросам надо как можно раньше, пока его не затянуло телевизионное болото и он не оказался в липкой паутине интриг, подсказываний, замалчиваний, зависти. И в итоге не возненавидел

телевидение и нас, как неизбежных конкурентов. Я знал, что Егор - натура внушаемая и надо успеть договориться обо всем до момента, пока нас не поссорили. А делать это начнут с первой минуты.

Пока есть Горбачев, все как бы оставалось на своих местах, в пределах правил. Егор человек Горбачева, и Полторанин, предлагая кандидатуру Яковлева, прекрасно это понимал. И в определенной мере рисковал, предлагая его Ельцину. Неприязнь Ельцина к Горбачеву была общеизвестна. Но у Егора был авторитет человека либерально-демократических воззрений с давних времен, и "Московские новости" на этом пути были лишь одной из вех.

И тем не менее Ельцин никак не мог понять, почему после назначения Егора на пост руководителя "Останкино", которое совершил он, Ельцин (хотя кандидатура и согласовывалась с Горбачевым, но после августовских событий всем было ясно, кто есть кто), и вдруг этот самый Яковлев продолжает поддерживать с Горбачевым дружеские отношения. Ельцин не раз выговаривал за это малопонятное ему поведение Егора Яковлева и Полторанину, и мне, почему-то считая, что я должен проникнуться таким же недовольством по этому поводу, как и он.

Вообще, если вдуматься, за время моей работы во главе ВГТРК в "Останкино" сменилось шесть руководителей: Ненашев, Кравченко, Е.Яковлев, В.Брагин, А.Яковлев, А.Благоволин. Как говорится, невероятно, но факт. Большая чехарда была только в Министерстве финансов.

Период Егора Яковлева на телевидении был не долгим, но приметным. Яковлев сделал то, что ни до него, ни после него никто сделать не смог. Он создал другую концепцию информационного вещания. Неизмеримо более независимую и острую. Яковлев привел на телевидение газетчиков, и оно стало более цепким, аналитически осмысленным. Он усилил синтезирующее начало на телевидении. Скажем откровенно, в истории Останкинского телевидения Егор был самой общественно значимой и почитаемой фигурой вне своего должностного исполнения. Его личная профессиональная биография добавляла авторитета телевидению, а не наоборот, когда твоя значимость малосущностна и держится только на высоте должностного стула.

В своих предчувствиях относительно Егора я не ошибся. Затевать переговоры с ним было трудно. Он всегда мог сослаться, что еще входит в курс дел и ему нужно время, чтобы принять решение. А времени не было. Мы считались друзьями и ссориться нам никак не хотелось, но он был достаточно хитер, чтобы, отклоняя то или иное предложение, объяснять это своим упрямством. Он избирал другую формулу. Обращаясь ко мне, он говорил: "Согласись, мне никто не простит моей уступчивости, если она окажется результатом моего незнания. Да и ты сам меня не будешь уважать".

Нелепость ситуации была еще и в другом. Зная авторитарность Яковлева, я понимал, что, перепоручив кому-нибудь вести переговоры, он не допустит, чтобы решение принималось без него. А если это произойдет, то надо быть готовым, что он его неминуемо переиграет, сославшись на свое отсутствие либо посчитав себя обманутым своими собственными сотрудниками: не предупредили, подсунули недостоверную информацию.

Переговоры о владении четвертым каналом затягивались. Мы собрались на нейтральной территории - в кабинете министра печати Михаила Полторанина и обсуждали проблему с его участием. Полторанин не знал, какую позицию занять. Лысенко разыгрывал сердитое недоумение: почему вообще обсуждается этот вопрос. Шаболовка передана ВГТРК, а следовательно, и канал, продукт, который создавался на Шаболовке, должен принадлежать нам. Здесь следует пояснить одну недосказанность. Ситуация с Союзом еще не прояснилась окончательно, и Горбачев оставался президентом СССР. Его отношения с Яковлевым были достаточно доверительными.

Переговоры могли кончиться ничем, и тогда я внес предложение поделить канал пополам между "Останкино" и нами. Мы, как государственный канал, работаем с утра и до 18 часов, а "Останкино", которое отстаивало идею чистой развлекательности и нашей затеи с созданием телевизионной программы "Российские университеты" не принимало, будет

вещать с 18 часов до часу ночи. Спор мгновенно угас, и, к общему удовлетворению, протокол был подписан.

Когда впоследствии меня упрекали, что я разрушил канал и нам следовало захватить его полностью, я спокойно парировал этот неприкрытый авантюризм моих коллег: "Никогда не откусывайте больше, чем сможете проглотить". Я очень люблю эту китайскую поговорку. У нас не было ни сил, ни средств, чтобы обеспечить конкурентоспособность еще одного полнообъемного канала. Я понимал также, что мы неминуемо вступим в полосу рыночных реформ. И положение в телемире изменится кардинально, и наша монопольность будет раздражать возможных конкурентов.

Еще не было НТВ, но уже прошел август 91-го года, и я знал, что вызревает идея смены правительства едва ли не в полном составе. Одной из причин было стремление Ельцина немедленно начать экономические реформы и сомнение в возможностях Ивана Силаева руководить таким реформаторским кабинетом. И все-таки главным фактом смены премьера и выталкивания его под мифические структуры, создаваемые послеавгустовским Горбачевым, было сомнение Силаева, проявившееся в дни путча, когда он покинул осажденный Белый дом, сообщив президенту, что в этот драматический момент он хотел бы быть рядом со своей семьей. После этого поступка премьера (хотя именно он был послан вместе с Александром Руцким за Горбачевым в Форос, когда ситуация зримо переломилась в нашу пользу) я не сомневался, что Иван Степанович очень скоро оставит свой пост и инициатором этого действия будет сам Ельцин, но воплощение замысла поручит Геннадию Бурбулису. В конечном итоге так и произошло.

* * *

Миновал сентябрь 91-го года. Демократы и сам Ельцин продолжали пребывать в эйфории по поводу своей победы. Сразу после распада Союза и сложения с себя президентских полномочий Михаилом Горбачевым ситуация стала в буквальном смысле этого слова виртуальной. Я собрал совещание по решению проблемы "Радио России". Прекращение существования Союза делало нелепым присутствие на первом вещательном канале проводного радио всесоюзной программы. Советуюсь с Министерством связи. Они поддерживают нашу точку зрения - на первой кнопке должно вещать государственное российское радио. Снова возвращаться к полемике с Тупикиным не имеет смысла. К этому времени я уже видел, что радийная команда у нас сложилась. Никакого провала в слушательских симпатиях быть не могло. Мы делали более современное, менее традиционное радио. Мы приняли решение о перекоммутации на первую кнопку. Скандал, разумеется, возник, но у "Радио России" уже сложилась устойчивая популярность, и брюзжание, в основном пожилых слушателей, было недолгим. Мы предложили многотемный эфир с учетом интересов и этой, наиболее консервативной аудитории. "Останкино" не стало обострять отношений. Согласно политической логике, мы были правы.

* * *

Трехмесячная пауза после августовской победы 1991 года была грубейшей ошибкой. По этому поводу впоследствии будет много сказано и написано. Если бы демократы сразу же после путча, как и предполагалось, форсированно провели ряд политических реформ, опираясь на Съезд народных депутатов и Верховный Совет, который в эти дни выступал как единое целое с президентом, то...

Нельзя сказать, что эти рассуждения не имели основания. Время было упущено. Но и завышение возможностей и эффективности реформаторских решений, якобы принятых за столь короткий срок, тоже налицо. Факт недолгого единства Верховного Совета, съезда и впервые избранного президента России, причем избранного в первом туре с немыслимым отрывом от конкурентов, был ситуацией не вымышленной, а реальной. Разумеется, единство, даже кратковременное, надо было использовать, но...

К моменту избрания Ельцина президентом на Съезде народных депутатов по отношению к нему уже сформировалась достаточно внушительная оппозиция. Количество депутатов в Белом доме во время путча не превышало 450 человек. И какого-либо прилива

демократических депутатских сил в осажденный Белый дом не случилось. А 450 депутатов различных политических воззрений были, скорее, объединены ситуационно, настроенчески. И неверно считать, что все присутствующие были из числа убежденных демократов. Бесспорно, их объединял факт присутствия в Белом доме президента, противостояние диктатурно-партийному ГКЧП и, конечно, идеи демократии и свободы, которые в данный момент символизировал осажденный Белый дом, отказавшийся подчиняться ГКЧП.

И все-таки это была лишь четвертая часть народных депутатов России. Безусловно, в момент накала страстей единение было очевидным, но совсем необязательно его сохранение в момент решительных действий спустя месяцы. А идеи вынашивались радикальные - и запрет компартии (как партии, предпринявшей попытку государственного переворота), и немедленные, кардинальные экономические реформы. Вопрос по существу: почему случилась пауза, в результате которой демократы потеряли политическую и управленческую инициативу? Ну, прежде всего это был период привыкания Ельцина к новой для него президентской роли. И решительные действия президента в крайне нестандартных и экстремальных условиях потребовали громадного нервного напряжения как во время самого путча, так и в первую неделю после него. В этом смысле краткосрочная пауза была необходима. К сказанному следует добавить - окружение Ельцина, его команда, постигало Ельцина в новой роли и делало для себя неожиданные открытия.

Ельцин, оказавшись на посту президента, освободился от своих привычек, делающих его уязвимым, но в то же самое время стал быстро меняться, врастая в президентство, как в некое всевластие, с явным опережением конкретных дел, которые и создают образ президента, его авторитет, повышают доверие к нему. Иначе говоря, конституционные рамки президентства Ельцину очень быстро стали узки. Всевластие было неполным, и это Ельцина раздражало.

Уже на митинге после крушения путча, оказавшись на одном балконе перед многотысячной толпой, восторженно приветствующей победу, выражения лиц Ельцина и Хасбулатова было совершенно различным. Я был участником этого митинга и, находясь в непосредственной близи, мог рассмотреть лица того и другого достаточно внимательно. У Ельцина пророчески-уверенное, оно расслаблялось в моменты улыбки, в ответ на восторженные эмоции толпы, но все равно оставалось при этом властно-внушительным. Фактурный, монументальный, он возвышался над всеми, стоящими на балконе.

Лицо Хасбулатова выглядело иначе. Он тоже праздновал победу. Нервно улыбался в обязывающие минуты всеобщего ликования, а затем уходил в себя. При этом взирал на толпу с некоторым философским недоумением, сожалея о политической слепоте и непросвещенности сограждан, так и не понявших, кто именно в осажденном Белом доме обеспечил эту победу. Но обстоятельства требовали, надо было держаться и подыгрывать всеобщей радости чествования громовержца и победителя.

"Ельцин! Ельцин! Ельцин!" - ревела толпа. И Хасбулатов, сжатый теснотой, царящей на балконе, тоже приветственно поднимал руки, и губы его изображали шевеление, возможно, то же самое, а может быть, прямо противоположное, но схожее по ритму. Я очень хорошо почувствовал и понял, что здесь, в атмосфере всеобщего опьянения победой сеются семена раздора, сжимается пружина самолюбия неглупого и просвещенного московского чеченца, ужаленного несправедливостью толпы, лишившей его лавров Цезаря. Потому и пророческое назидание о возможностях, упущенных демократами сразу в послепутчевом шоке, постигшем противников, есть политическая наивность. Те, кто вдруг стал властью, никогда ранее не только ею не являлся, но даже не имел возможности к ней приблизиться, так как считался для властного строительства материалом негодным.

И пауза, и утраченная инициатива есть следствие не только естественных бытовых, чисто русских характерностей президента, но и факт реального состояния политических сил, оказавшихся на вершине властного Олимпа.

Я был частью этой среды и здраво представлял, что ждет Всероссийскую телерадиокомпанию, утвержденную и благословленную главой Верховного Совета Борисом

Ельциным, сменившим свое амплуа и заступившим на властный пост № 1, пост президента России. Закон обратной силы не имеет, размышлял я, а значит, депутаты постоянно будут претендовать на свое право править нами. И как бы хорошо ко мне лично ни относился президент, а я на это рассчитывал, он принципиально с точки зрения закона в ближайшее время ничего изменить не сможет. И нам ничего не остается как, оставаясь верными сторонниками Ельцина, оглядываться каждый час на парламент, который в любой момент в состоянии атаковать нас с тыла. Отсюда выбор тактики и стратегии развития.

В политизированной стране средства массовой информации находятся в эпицентре политики, потому что эту политику творят. И когда Анатолий Лысенко сокрушался и рассказывал всем, что Попцов слишком увлечен политикой, он либо заблуждался, либо лукавил. В этом случае надо помнить независимо от того, предрасположены вы к занятию политикой или это вызывает у вас неприятие, отторжение (в данном конкретном случае это уже не играет никакой роли), вы должны всегда осознавать: если вы не занимаетесь политикой, то политика непременно займется вами. И тогда вам придется выбирать, что лучше для вас: оказаться лошадью или всадником?!

Но вернемся к ситуации 91-го года. Всероссийская государственная телерадиокомпания получила в свое распоряжение второй телевизионный канал, считавшийся в Гостелерадио "сливным". И мы ведем вязкую полемику о судьбе четвертого общеобразовательного канала, зона распространения которого неизмеримо меньше, где-то на 50 миллионов зрителей, проживающих в европейской части бывшего Союза.

Я понимал, что наша первоначально жесткая позиция (передать четвертый канал нам полностью) ставит Егора Яковлева в трудное положение. Во-первых, он только что приступил к исполнению своих обязанностей и многого не знал. Возможно, он даже был бы готов отдать канал, чтобы сосредоточить все немалые возможности на реформировании и реорганизации всей системы вещания на первом канале. Егора пугала непомерная масса людей, работающих в "Останкино" - где-то в пределах 25 тысяч. Но он понимал и другое. Нельзя начинать работу с уступок конкуренту. А то, что мы вероятный и естественный конкурент "Останкино", это вытекало из складывающейся политической данности. Егора уже со всех сторон подзуживали сотрудники: не отдавай, надо остановить экспансию Попцова.

Естественно, будь во главе "Останкино" по-прежнему Кравченко, я был бы непримирим и настойчив. Но тогда стал бы проседать Анатолий Лысенко, которого с Кравченко связывала своя нить отношений. Сейчас же, не ведая никаких угрызений, он изображал крайнее неудовольствие моей недостаточной агрессивностью. Потом он мне скажет: "Ты думаешь, они нас пожалеют, случись ситуация, когда у нас можно будет что-нибудь отобрать?" И сам себе ответил: "Никогда!" Наверное он был прав, имея в виду телевидение. Он состоялся внутри этой среды. И ее бесцеремонность, беспощадность были ему более знакомы, чем мне. Он знал Егора Яковлева по касательной, но был почти уверен, что телевидение с его нравами перемелет Егора и заразит профессиональным паскудством. Я же знал Егора сущностно и не мог переступить черту порядочности. Впрочем, у меня был свой внушительный довод. Нам впору было овладеть и поставить на ноги второй канал. И излишний груз, оказавшийся на корабле, мог его потопить. Тем более что команда, работавшая на четвертом канале, была профессионально слаба для откровенной конкурентной борьбы. Да и сама компания в сравнении с "Останкино" в тот момент не выглядела эфирным лидером. Пока не выглядела.

Вот почему я так категорически высказывался против всевозможной экспансии ВГТРК, требования поменять первый и второй канал местами, что, по разумению моих коллег, выглядело бы вполне логичным после распада Союза.

Во-первых, это вызвало бы грандиозный скандал. Можно пренебречь привычками одного, пяти человек, но надругаться над привязанностями 120 миллионов зрителей, а такова аудитория первого канала, - это политическое самоубийство для ВГТРК и издевательство над демократическими принципами. Во-вторых, на тот момент команда останкинцев была сильнее и, решись мы на такой безумный шаг, ничего, кроме разочарования у зрителей, а затем озлобления, мы бы не вызвали.

Для меня престижно было создать конкурентное вещание на месте в прошлом третьеразрядного канала. В этом я видел главный смысл своей работы и старался этой идеей заразить своих коллег. Кто-то был согласен со мной, кто-то возражал. Я постоянно слышал за своей спиной: "Вы должны поставить этот вопрос перед президентом, он вас поддержит".

Мои коллеги упрощенно представляли расклад политических сил. Я действительно интересовался политикой, объективно, в силу моих настоящих и бывших должностных обязанностей. И, говоря институтским языком, "неплохо владел предметом". Более того, еженедельно у себя в компании я делал анализ политической обстановки в стране. На этих летучках присутствовал достаточно широкий круг моих коллег. Я знал, что информация об этих аналитических беседах уходит за пределы компании и истолковывается во властных коридорах не всегда в мою пользу. Но другого пути выработать позицию и обучить команду у меня не было. У каждой двери не встанешь, каждую передачу отсматривать нелепо.

И намеки на непременно поддерживающего нас президента выглядели несколько наивными. Уже существовало окружение президента, которое старалось помешать нам.

Поражал масштаб политического и управленческого непрофессионализма тех, кто оказался во властных коридорах. Чудовищность ситуации заключалась не в этом управленческом неумении, оно было объяснимо, а в неуемном желании вопреки неумению этой властью обладать.

Тут уж ничего не поделаешь, надо было высовываться и говорить вслух о разрушительных процессах, происходящих внутри власти, увлечении интригами, распространении и использовании дезинформации, практики оговоров - короче, излюбленного арсенала притронной камарильи в эпоху социализма, монархии, диктатуры. И ныне, при якобы демократической власти. Нам с первых минут мешало это самое "якобы". Наше поведение, людей сопричастных появлению этой власти, расчистивших ей дорогу - было отчаянной попыткой сохранить тот самый образ демократической власти, о которой мечтали либералы-шестидесятники, а затем демократы второй волны: власти, нацеленной на реформы, проповедующей принципы открытой политики, для которой соблюдение прав человека есть суть ее правления, а не идеологический термин, употребляющийся как новомодная приправа к всевозможным политическим резолюциям. Власть реформаторов, власть политического мужества. Способная сотворить свой авторитет не из практики разрушения, а как сила, созидающая уважение к согражданам, их социальному благополучию. Власть не презирающая и сторонящаяся интеллекта (чем испокон веку грешна власть отечественная), а как раз наоборот - власть, открытая интеллекту, впитывающая его. Не власть интеллигенции. А сообщество управленцев, желающих и умеющих опираться на разум нации. Ибо страна изнурена и изнасилована в ближней и дальней своей истории непросвещенной, хамской, "держимордной" властью. Образ новой страны опирается на образ новой власти. Всех нас тяготила ответственность не за просчеты власти, им быть положено. А за ее легкодоступность к житейской порочности, чиновничий беспредел и тупую глухоту к страданиям и неблагополучию сограждан. Власть просмотрела тот момент, когда критика ее со стороны непримиримых непроизвольно соединилась с критикой ее единомышленников. Это не побудило власть к самокритичности своих действий. Случилось прямо обратное - власть причислила (а это было проще) своих вчерашних союзников к числу политических врагов, тем самым превратив ряды своих сторонников не просто в меньшинство, а в меньшинство меньшинства, право которых на власть уже следует считать спорным. Вывод малоутешительный - страна стремительно начала терять свою управляемость. На протяжении семи лет страна возвращается к тому же самому обрыву, чтобы с неотвратимым упрямством заглянуть в одну и ту же пропасть.

13 марта 1998 года, пятница.

Появились сообщения о респираторном заболевании президента. Ельцин простудился. Уже в среду, на церемонии вручения правительственных наград он с трудом говорил. Никаких комментариев врачей... Пресс-служба сообщает, что каких-либо изменений в рабочем графике президента не намечается. Президенту прописано лечение антибиотиками.

14 марта, суббота.

Первая сенсация. Встреча глав государств СНГ, намеченная на начало следующей недели в Кремле, отменяется. Причина лежит на поверхности болезнь президента России. Версия № 2 - совещание не готово. Лукашенко в одном из интервью критикует качество предложенных документов. Версия № 3 нежелание Эдуарда Шеварднадзе участвовать в очередном заседании СНГ, как малоэффективном. Если требования по Абхазии, выдвигаемые Грузией, не будут выполнены, Грузия будет считать себя свободной от всяких обязательств как перед СНГ, так и перед Россией. Еще одна причина столь эмоциональной непримиримости грузинского лидера - покушение на Шеварднадзе. По утверждениям грузинского руководства, на территории России продолжают скрываться организаторы предыдущего покушения на президента Грузии, главным среди которых называют бывшего шефа грузинского КГБ Георгадзе.

Алиев, скорее всего, тоже не приедет. Причина - поставки оружия Армении на сумму в 2 миллиарда долларов.

В Армении второй тур президентских выборов. Через две недели у Армении появится новый президент.

Общий вывод: если бы намеченная встреча в Кремле состоялась, скорее всего, она бы оказалась последней. СНГ доживает свои дни. Никакой реакции Кремля на столь единодушные обобщения не последовало.

18 марта, среда.

Сообщение из Кремля. Встреча "тройки": Россия, Франция, Германия, намеченная на 25 марта в Екатеринбурге, переносится в Москву. Президент России выздоравливает, но врачи рекомендуют ему воздержаться от воздушных перелетов.

19 марта, четверг.

НТВ выступает с компроматом на губернатора Свердловской области Эдуарда Росселя.

20 марта, пятница.

Президент появился в Кремле. Работает три часа. Встречается с руководителем своей администрации, а затем уезжает в загородную резиденцию.

Начало недели. После сообщения о болезни президента курсы акций российских компаний на бирже падают на три пункта.

Оживились разговоры о президентских выборах 2000 года.

21 марта, суббота.

Разговоры о возобновившейся невыплате зарплаты бюджетникам и пенсий пенсионерам обретают новый импульс. Предыдущую неделю можно назвать неделей Чубайса. Пять громких интервью в ведущих газетах: в "Независимой", "Комсомолке", "Известиях" и "Аргументах и фактах". А также по РТР и НТВ.

Неделя следующая - неделя Немцова. Свежая дата - ровно год, как Немцов в правительстве. Пять интервью в ведущих газетах. За исключением "Независимой газеты", адреса те же. Обширное интервью на НТВ и РТР, ядовитое на ОРТ.

РЕМАРКА.

В четверг, после недолгого лечения в Швейцарии, Борис Березовский вернулся в Москву. В Швейцарии он дал несколько сенсационных интервью об одном и том же: кого Они не хотят видеть президентом в 2000 году.

20 марта, пятница.

Все перечисленные проблемы я обсуждал на встрече с Лужковым. Мэр не видит повода для пессимизма, хотя...

Когда ты пишешь о прошлом и в него вплетается неадекватное настоящее, ты отчетливо начинаешь понимать, что на твоих глазах приговаривается будущее.

УДАЛЕНИЕ КОРЕННОГО ЗУБА

23 марта 1998 года, понедельник.

Уже в какой раз страна поставлена на уши. Какой это кувырок по счету, пятый, десятый? В десять утра информационные агентства сообщили сенсационную весть.

Президент отправил в отставку премьера. А вместе с ним все правительство. Отдельным указом освобожден от должности первого вице-премьера Анатолий Чубайс в связи с переходом на другую работу. А также Анатолий Куликов от обязанностей вице-премьера и министра внутренних дел.

В 9 часов утра президент пригласил к себе премьера и у них состоялся разговор, после которого было оглашено это внезапное решение. Президент поблагодарил премьера и наградил его орденом "За заслуги перед Отечеством" II степени.

10 часов утра. Экстренное заседание правительства. Биржа отреагировала немедленно падением курса ценных бумаг. Рядовой вкладчик замер в ожидании.

11 часов утра. Президент выступил по радио, как принято говорить в таких случаях, с обращением к нации, в котором попытался объяснить, почему он отправил Виктора Черномырдина в отставку. Объяснения, скажем прямо, маловразумительные. Похоже, что президенту в его окружении уже никто не говорит, что в выступлениях главы государства должна быть мысль и они не могут опускаться до формального сообщения: я решил! Премьер уже пять лет премьер. Хватит! Правительство дало импульс движению по пути реформ, но ему не хватает динамики.

Характерно, что президент, пригласивший премьера, был неадекватен и раздражен. Почему? Потому что только что премьер вернулся из Америки, где участвовал в заседании комиссии "Гор-Черномырдин". Наивные американцы устроили ему прием по высшему разряду, дав понять, что они свои ставки уже сделали. Нехорошо, понимаешь... Президент еще не определился, а они уже! Не лишенные здравого прагматизма американцы ни о чем подобном и не думали, но так получилось - за них додумали другие и нашептали в глуховатое ухо президента: "Черномырдин зарвался! Много себе позволяет. Пора!" И измученный президент ...

Аппарат во имя сохранения причины истинной будет сбрасывать дезинформацию из так называемых "достоверных источников", что решение президента по отставке Черномырдина далось ему непросто и шел он к нему давно. И тут возникает вопрос: эффективна или не эффективна тактика внезапных президентских решений по ключевым вопросам? Я полагаю - нет. И неразумна, и малоэффективна. Непредсказуемый политик, скорее, явление зрелищное и лишь до поры сенсационное. Череда непредсказуемостей - уже стиль, а значит, явление прогнозируемое. И с этой минуты причина внезапных шагов и решений очевидна. Политик не может перестроиться. У него нет других комбинаций, кроме наигранных и привычных для него. У него форма берет верх над содержанием.

Три главных и сущностных вопроса. Почему президент принял свое решение именно сейчас? Почему в столь категорической форме? Только ли сам президент стоит за этим решением или...

Есть очевидные ответы на эти вопросы, вытекающие из элементарной политической логики. На 10 апреля назначен отчет правительства, а 9 апреля день рождения Черномырдина и массовая акция протеста, приуроченная оппозицией к этим дням. Повод все тот же: невыплата зарплаты. Долг федеральной власти растет как снежный ком. Есть все основания считать, что после отчета правительства по исполнению бюджета Дума большинством голосов отправит правительство в отставку. Президент как бы избегает этой процедуры, тем более что он дважды своим вмешательством уже спасал правительство и перехватывал инициативу. Правительство уходит не по требованию депутатов, а потому, что его работой недоволен президент. Теряет смысл и предполагающийся отчет правительства в Думе. Другой премьер, другой состав. Теряет смысл и апрельская всероссийская забастовка и другие акции протеста, адресованные именно этому правительству.

Тезис второй. Перед февральским публичным отчетом правительства президент был настроен изрядно тряхнуть кабинет. Этого не случилось. Более того, президент по маловнятным причинам покинул заседание правительства, оставив и зал и само правительство в недоумении: зачем тогда понадобился этот спектакль? Два министра, убранных на скорую руку, никак не соответствовали президентскому замаху. И вот теперь, а

президент человек памятливый, свершилось. Карфаген должен быть разрушен. Достаточно ли этих тактических причин, чтобы не только сменить правительство, но и сменить премьера?

Формально - достаточно. По существу - вряд ли. Для того чтобы правительство перешло думский Рубикон, его мог покинуть Анатолий Чубайс. И при определенных переговорных усилиях правительство бы устояло. А если бы и не устояло, то премьер удержался бы точно. Черномырдин, и президент это знает, по думским котировкам, проходной вариант. Что же касается акции протеста, то продуктивные переговоры с профсоюзами могли бы умерить страсти. Но президент отверг этот вариант и сыграл на обострение. Можно, конечно, интерпретировать ситуацию по Явлинскому: что президенту надоело спасать правительство, заниматься пенсиями, зарплатами бюджетников, экономическими рейтингами. Ему нужно деятельное правительство, которое, по крайней мере, будет продуктивно решать проблемы повседневности.

Слова Явлинского благочестиво-декларативны, но не убедительны. Президент, определив для себя по Конституции громадное поле полномочий, практически должен заниматься всем и вмешиваться в самые острые и конфликтные ситуации. Такая у нас Конституция. Президент может уставать или не уставать. Болеть, выздоравливать - это его проблемы. Он сам максимально персонифицировал власть, превратив практически любую критику исполнительной власти в критику президента. Парадоксально - президент отправляет правительство в отставку и при этом оценивает его деятельность в целом положительно. Тем самым он исключает какие-либо серьезные претензии к членам кабинета. Главная цель указа, его смысл - отставка премьера. И орден "За заслуги перед Отечеством" не превратит жирную черту в черту пунктирную. И две категорические отставки Чубайса и Куликова не могут заслонить истины. Президент убрал премьера. Зачем?

Бывший премьер даже в подраненном состоянии держится молодцом. Чего стоит фраза, оброненная на пресс-конференции, что, мол, он, Черномырдин, сосредоточится на политических делах и предвыборной кампании. И будет заниматься этим вместе с президентом. И убийственное, просительное окончание этой фразы: "Мы так договорились!"

Президент пообещал, оставил надежду. Странно. Даже верность, которую Черномырдин демонстрировал едва ли не ежечасно, не остановила президента. Что-то разглядел, почувствовал, кто-то нашептал, возбудил ревность? И вообще, чьей предвыборной кампанией собирается заниматься Черномырдин? Своей? Или, может быть, Ельцина? Интересна расшифровка - избирательной кампанией партии власти, партии чиновников. Черномырдин первостатейный хозяйственник, магнат. Он политик по принуждению, пост обязывал. И во главе партии власти может быть только власть, с возможностями власти. Ибо преданность чиновников, а больше в составе НДР никого нет, определяется не убеждениями, а выгодностью. Не может быть такой партии, партии президентов, если она не единственная и не называется КПСС. Полагать, что у НДР такие же перспективы или в прямом, или в переносном смысле, нелепо.

Разумеется, при прощальной беседе президент произнес свою ритуальную фразу: "Вы остаетесь в моей команде". Он многим ее говорит. А если и не говорит, ее самовнушительно шепчут изгнанные. После своей отставки, так же мгновенно случившейся, Олег Сосковец оказался в больнице. Нет, не заболел. Решил отлежаться, пережить отставочный шок. Так вот, все эти больничные дни Олег Николаевич не верил в реальность случившегося и все ждал, что если не сегодня, так завтра, в крайнем случае послезавтра позвонит президент и скажет свою прощающую фразу: "Олег Николаевич, куда же вы пропали?" Более реалистичный и лучше знающей патрона А.Коржаков старался убедить друга в напрасности ожиданий. "Не позвонит", - говорил Коржаков, хитро улыбаясь, то ли подшучивая над другом, то ли распаляя себя и добавляя самому себе злой уверенности, что президент их предал и они имеют право на мщение.

Нынче много домыслов относительно неожиданности случившегося для главных участников этих событий. И тот факт, что Чубайс подавал прошение об отставке в январе или

феврале и оно было не принято президентом, не говорит в пользу того, что он был готов к случившемуся в марте. Как, впрочем, и заседание политсовета НДР, заранее назначенное именно на 25 марта, никак не свидетельствует, что еще две недели назад Черномырдин, будучи в Америке, мысленно распрощался со своей должностью. Как и демоническая цифра "три", блуждавшая перед февральским отчетом правительства (как три жертвы, которые якобы наметил Ельцин), дескать получила свое подтверждение. Это наша способность придумывать прозорливость и неслучайность монарших реплик, ухмылок, покашливаний. Мы все знаем, что когда-то умрем. Но независимо от состояния здоровья - факт смерти всегда неожиданность.

Черномырдин был самым непубличным премьером. Именно это обеспечило ему премьерское долголетие.

Нынче не модно цитировать Ильича, но мы рискнем: "Экономика - есть главная политика". В наших условиях все с точностью наоборот. Политика и есть главная экономика. Вот ключевой момент абсурдности нашего развития сегодня.

Сейчас уже мало кто сомневается, что Черномырдин споткнулся о Березовского, хотя он сделал два взаимоисключающих шага - освятил своим присутствием подписание соглашения об объединении "ЮКОСа" и "Сибнефти", чем как бы дал понять, что гарантирует свою благосклонность начинанию. Березовский не замедлил тотчас же расплатиться, заявив в своем пространном интервью, что в 2000 году он ставит на Черномырдина. Возможный альянс стали называть вслух, отслеживая дальнейший путь Бориса Абрамовича теперь уже в стане Черномырдина. Скорее всего, окружение Черномырдина поежилось от этой очевидности. И посоветовало премьеру упреждающе выставить руку, чтобы сохранить дистанцию. Последующие действия Черномырдина выдержаны в этом же упреждающем стиле. Улетая в Америку на заседание комиссии "Гор Черномырдин" он приглашает Владимира Потанина, а спустя какое-то время подписывает постановление о правилах аукциона по "Роснефти". Были подтверждены условия торгов, невыгодные прежде всего "ЮКОСу" (то есть Березовскому). На торги выставлялся пакет не в "50%+одна акция", на чем настаивал Березовский, а "75%+1", который без участия в торгах зарубежных компаний при чрезвычайно высокой стартовой цене не поднять даже тем, кто претендовал на успех в этих торгах. На момент принятия решения у "Газпрома" (тоже участника аукциона) такой партнер был, компания "Shell". У "ОНЭКСИМбанка" тоже - "Бритиш Петролеум". У "ЮКОСа" же таких партнеров на тот момент не было. Сейчас они есть, но тогда не было. Березовский посчитал это вероломством и даже происками Чубайса и Немцова и уже в следующем интервью сообщил согражданам, что Черномырдин, как кандидат в президенты, малоценен и неизбираем. Затем он этим своим гневом подзарядил и администрацию, и семью президента. А чтобы исключить колебания на этом фланге, уже вернувшись из Швейцарии, в интервью "Итогам" закамуфлированно пригрозил президенту и его семье, высказав угрозу в форме сомнения в избираемости Ельцина в 2000 году. Угроза получилась достаточно недвусмысленной. Для убедительности подбросили компромат на премьера. Здесь могло быть что угодно, вплоть до встречи Черномырдина и Анатолия Куликова на загородной даче, где эти двое о чем-то договаривались. Кстати, согласно новому распределению обязанностей премьеру вменялось кураторство силовых ведомств. Что это: версия, схема или истина? И первое, и второе, и третье. Разумеется, все это осталось где-то в глубине, в недрах подозрений, сомнений, переживаний и самовнушений. А на поверхности - орден "За заслуги перед Отечеством" и радиообращение президента с высокими словами об исторической роли Черномырдина и завершающей фразой, которой обычно напутствуют пенсионеров: "Он еще послужит России!" Будущих президентов так не напутствуют.

Ельцинская ревность становится побудителем крайне неуравновешенных кадровых решений президента. Не будем лукавить, высококлассный прием, оказанный Черномырдину в Америке, по наметкам практичных американцев следующему президенту России, восторга у Ельцина не вызвал. Эта информация была уточнена лицами, близкими к окружению президента. Татьяна Дьяченко страшно гневалась по поводу американского визита

Черномырдина, так как усмотрела в поведении премьера нескромность. Неисповедимы пути Господни! Хозяина ублажил, а с дочерью хозяина не раскланялся. И вообще, все эти американцы - пентюхи! Расчувствовались - Черномырдин, Черномырдин!! При живом-то президенте нехорошо! Это совсем не значит, что следующим президентом Ельцин снова видит себя, хотя все силы, рядом стоящие и рядом сидящие, уже запрограммировали его на эту волну. И сам президент при этом как бы во-вторых. Во-первых, совсем во-первых, это продлить свое властноприсутствие за пределы 2000 года. Пустые хлопоты, господа.

Если даже предположить, что президент скупословно шутит насчет своего неучастия в выборах 2000 года, то уж команду он сменит полностью, и не один раз, чтобы не мозолили глаза и не напоминали, что он им чем-то обязан. Стиль такой, ребяты.

Но хватит об уходящей натуре. Почему Кириенко, а не кто иной? Сейчас трудно сказать, кто в тот момент был наиболее предпочтителен для правительства как премьер. Гораздо легче ответить на вопрос: кто нужен, а главное, удобен президенту. Сам факт изменения критериев отбора, переводящих любые внутриправительственные действия в сферу чистой интриги, не только опасен, катастрофичен для страны.

Во всех интервью, как дождь обрушившихся на предполагаемого премьера, Кириенко выглядел неглупым, карьерно-выверенным человеком. Кириенко фигура промежуточная и несамостоятельная. В этом не виноват Кириенко. Так подал нового кандидата в премьеры Ельцин. Самое досадное, что президент этого не почувствовал. Так как все происходящее было чисто ельцинским экспромтом. И театральность, с какой 27 марта президент явился в Белый дом, не осталась незамеченной. Президенту было легко. Никаких обязательств перед правительством. Никакой необходимости делать ритуальные кивки в адрес премьера, реформаторов, убирать спину от насупленных силовиков. Свободен!!! Эта раскрепощенность президента угадывалась в жестах, репликах. И вице-премьеры, выстроившиеся в ряд, как на пионерской линейке, внимали речам бога с плохо скрываемыми нервными судорогами на лицах: "Если так с премьером, то с нами тем более..." Но ничего не случилось. Чтобы сон в предстоящие ночи не был спокойным, президент пообещал перешерстить кабинет и сократить количество вице-премьерских постов. Намекнул Думе на ее возможный роспуск. Завел Кириенко в черномырдинские апартаменты, где познакомил его с крупногабаритным премьерским креслом, которое и предложил опробовать субтильному Кириенко на предмет удобности. Сцена получилась в полной мере театральной и впечатляющей. После чего Кириенко вместе с президентом отбыли в Кремль. "Киндер-сюрприз", как тотчас нарекли Кириенко, формирует правительство с колоссальным коэффициентом временности. Патронировать премьера будет как бы сам президент, а в промежутках, негласно, скорее всего, Борис Немцов. Появление Кириенко по логике должно усилить напряжение между Немцовым и Явлинским, смысл которого можно выразить одной укоряющей фразой: "Боря, кого ты привел?" Но конфликтность далеко не зашла. В силу обстоятельств и без всякого желания Немцова этой ситуации подыграл третий Борис, а именно Борис Абрамович Березовский. В интервью Евгению Киселеву Березовский пообещал оказать предвыборную, а значит, финансовую поддержку движению "Яблоко". Так что владельцу сада придется выбирать: или принципы, или фрукты?

Подобрать людей в правительство было немыслимо сложно уже с начала 90-х годов. "Призвать к служению Отечеству", когда это понятие растворилось в собственническом омуте, сверхтрудно. Можно нанять для исполнения обязанностей по обслуживанию собственности. Это другой разговор. Поэтому и обязанности премьера как бы самокорректируются. Важна не столько экономическая и хозяйственная политика, сколько умение отследить злоупотребления этой политикой чиновничьим окружением. И, следовательно, время пребывания в правительственной лодке должно быть недолгим, чтобы не успели.

Когда людям дают право творить политику, приходят творцы. Когда людей подбирают под чужие замыслы, приходят ремесленники. Чтобы Кириенко понимали и, более того, исполняли его команды, он должен пригласить в правительство сверстников, дабы избежать

сопротивления жизненного опыта. Этого можно было желать, но сделать очень трудно. Чтобы механизм завертелся, сверстники должны появиться на ключевых постах и в регионах. Временность гайдаровской команды, помимо объективных причин политической нестабильности, объяснялась еще и возрастной дискомфортностью, когда стремительно омолодившийся центр был не указ старшему управленческому поколению на местах.

Но череда возможных утрат на этом не кончается. Отрадой для любой страны, любого общества является компетентное, деятельное и самостоятельное в своих действиях правительство. Сейчас уже понятно, что конституционное всевластие президента парализовало эту сверхнеобходимую для периода реформ самостоятельность, а значит, ответственность правительства. Своим решением Ельцин усилил эту тенденцию несамостоятельности. С точки зрения системы управления это шаг назад. Ельцин создавал уже не в первый раз рецидив управленческого двоевластия, возвращая в непосильном объеме управленческие функции администрации президента. Нечто подобное было при Чубайсе. Но тогда это было объяснимо. Внутри администрации создавалась экономическая команда-дублер. Причиной тому явилась не только властолюбивая натура Чубайса, но и болезнь президента. Чубайс осмысленно формировал правительственный кадровый резерв.

Сам факт, когда на первом заседании правительства на месте председательствующего присутствуют два человека (и.о.премьера и глава президентской администрации), выглядит для правительства унизительным. При всем уважении к Юмашеву, его не назовешь специалистом ни в сфере экономики, ни в сфере управления, ни в сфере современных технологий. Эта опека была плохой услугой будущему премьеру. Она не прибавила авторитета и главе президентской администрации. К сожалению, это не просчет, а жесткая коррекция принципов управления страной со стороны президента. Коррекция ложная и кадрово ущербная.

На внушительном совещании, которое президент провел 24 марта с расширенным составом своей администрации, говорилось не просто о практике тесного взаимодействия с правительством, а о контроле за его деятельностью. Это смещение акцентов в работе президентской администрации заставляет задуматься о вещах неизмеримо более масштабных, нежели налаживание внутрикремлевских порядков. Вот что, на мой взгляд, надлежит анализировать, а не тратиться на эмоции - сдал Ельцин Черномырдина или выдвинул на новую историческую позицию? Да, Ельцину нужен послушный премьер. Но этого мало. Ему нужен премьер, который независимо ни от каких политических коллизий выпутаться из этой послушности не сможет. Разумеется, будет очень кстати, если этот премьер окажется еще и неплохим работником.

28 марта, суббота.

Накал политических страстей не утихает. Раскассированный премьер заявил о своем желании бороться в 2000 году за пост президента. Двумя днями ранее на политсовете движения "Наш дом Россия" Черномырдин был менее категоричен. Шаг экс-премьера застал врасплох его соратников по движению. Впрочем, эта деталь не меняет канвы наших рассуждений. Почему Черномырдин столь быстро обнажил политическую суть? Ответ прост. Он обязан в кратчайший срок определить свою значимость. У движения должен быть флаг, иначе оно провисает. Не депутат, не премьер, не губернатор возглавляет политическое движение. А тогда кто?! Это могло бы восприниматься пусть с натяжкой, но нормально, если бы Черномырдин до того не был премьером. Заявление Черномырдина лишь подтверждает его беспокойство по поводу возможного кризиса, который придется пережить движению "Наш дом Россия". Факт кандидатства Черномырдина есть, помимо всего прочего, объединяющий стимул для движения. А именно сейчас он крайне важен.

В том же интервью экс-премьера есть одно принципиальное положение. Волевой нажим президента на Государственную Думу. Практически Ельцин предложил Думе ультиматум. Это тот самый президент, который двумя месяцами ранее приветствовал наметившееся взаимодействие с Думой, возродившуюся практику четырехсторонних встреч и согласившийся на регулярные заседания "круглого стола". Характерно, что Черномырдин

исключил возможность роспуска Думы, посчитав, что в этом случае Дума не примет базовых законов экономического характера, без которых 98-й год для экономики страны можно считать перечеркнутым. К этому следует добавить, что к внеочередным выборам в Думу прежде всего не готовы правительственная партия "Наш дом Россия" и разрозненные демократические движения. Результаты выборов предугадать нетрудно. Левые усилят свое влияние, и ситуация еще очевиднее приблизится к 93-му году.

30 марта. 10 часов.

Черномырдин принимает игру президента и свой ответный ход с выдвижением кандидата в президенты делает в стиле "блиц". Кстати, эта затея не исключает желания Ельцина выдвигаться на третий срок. У Ельцина нет партии или политического движения, лидером которого является он сам. В этом случае, в зависимости от политической конъюнктуры, эту роль опорной президентской силы может сыграть и "Наш дом Россия" с последующим отказом Виктора Черномырдина выставлять свою кандидатуру в пользу очевидного лидера. Насколько хватит лояльности экс-премьера к нынешнему президенту, вопрос не праздный.

Как стать весомо оппозиционным, если твой сменщик заявил о преемственности твоей собственной политики? На крике "Да здравствует Ельцин!" авторитета не наживешь. У Черномырдина есть свой плюс фактурность устойчивого кряжистого человека. Слова, сказанные Черномырдиным, что идея его выдвижения поддержана Ельциным, имеют свою тонкость. Мне хорошо знаком стиль подобных согласований. У Ельцина есть несколько излюбленных фраз, которые он использует в приватных разговорах. "Я не возражаю" - одна из них. Вряд ли в разговоре с Черномырдиным президент пофамильно обозначил своего преемника и в деталях обсуждал образ следующего президента. При здравствующем главе государства, фамилия которого Ельцин, подобного быть не могло. Контурно, в общих чертах, как некую эфемерную цель - да. Притом и сам Черномырдин достаточно изучил президента, чтобы идти на риск и обнажать нерв темы, для Ельцина малоприятной.

Ельцин отреагировал на сообщение Черномырдина молчаливым покачиванием головы. Это движение можно было истолковать и как жест, приглашающий собеседника к откровению, и как согласие со словами экс-премьера. Черномырдин посчитал президентскую реакцию благоприятной. Категорического "нет" президент не произнес. Он отмолчался, а молчание, как известно, знак согласия. Так в множественных черномырдинских интервью появилась непременная фраза "президент поддержал".

У Черномырдина впереди свое испытание - выборы в Государственную Думу. Внезапная отставка премьера ввергла НДР в пучину неопределенности. Президент прекрасно понимает, что если НДР на думских выборах споткнется, то вопрос о политическом будущем экс-премьера решится сам собой. Терпит поражение ЧВС, аттестуясь кандидатом в президенты или не аттестуясь, принципиальной разницы не имеет. На нет и суда нет. Отсюда это самое ельцинское - "Не возражаю". Президент вне политического риска. Одержит блок Черномырдина победу на думских выборах - однозначно расширяется поле гарантий для будущего и президента Ельцина и экс-президента Ельцина. Нет никакого сомнения, что все президентское окружение побуждает его к следующему президентству. Откровенно, менее откровенно, по-всякому. Основным коридором, по которому проходят подобные идеи, является дочь президента.

Одна из задач, которую предстоит решить движению "Наш дом Россия", не растерять союзников в мгновенно изменившихся обстоятельствах. Если ты не "партия власти", то кто ты? И где теперь та ниша, в которой НДР будет чувствовать себя комфортно. Для движения, в котором нет ни одного рядового члена, а только разноранговые чиновники, задача крайне трудная. Практически за очень короткое время надо родить другую плоть движение.

Подписав указ об отставке Куликова, президент совершенно осознанно пошел на расширение оппозиционного поля, как себе лично, так и власти, грядущей на смену. Является ли это победой "голубей" над "ястребами", как утверждают многие средства массовой информации, ссылаясь на записку Рыбкина, предупреждающего президента о жесткости

Куликова, мешающего развязыванию чеченского узла, сказать трудно. Ясно другое - президент не простил Куликову его критики по поводу военной реформы, которую он, президент, и поддержал и утвердил.

Президент не любит вице-премьеров, претендующих на не принадлежащее им политическое и властное пространство. Тем более когда неразрешенных проблем в своем ведомстве у них сверхдостаточно, что им всегда можно поставить в вину. И Чубайс, и Куликов, и Николаев, оказавшиеся ненужными, - конечно же, антиподы, но схожие как личности, тяготеющие к самостоятельности и независимости поведения. Интересное разночтение - вытесняя из властных кабинетов Чубайса, Березовский порицал неореволюционность реформаторов и настаивал на сохранении правил игры, обеспечивающих незыблемость приобретенной собственности, полагая, что в данный момент с этого часа России прописан эволюционный путь. Президент, как человек, исповедующий философию экстремальных ситуаций, в которых он чувствует себя особенно уверенно, требует от нового правительства рывка, который позволит, наконец, зафиксировать успех реформ. Понятия: рывок, прорыв - не из эволюционной практики. Березовский уверен, что он одержал победу. Это, скорее всего, заблуждение азартного игрока.

КАК ПОДЕЛИТЬ НЕОДЕРЖАННУЮ ПОБЕДУ?

Так все-таки почему Кириенко, а не Строев, Лужков, Титов или Аяцков? Политически активный премьер не нужен. Нужен профессиональный, значимый, грамотный исполнитель. Политически активный Немцов породил массу проблем. Кириенко не Немцов, у него тогда не было политических амбиций. Не созрели, не было причин. Но причина не только в этом. В 91-м Ельцин поставил на молодых. В той или иной степени эту линию он выдерживал все эти годы. Он пытается приучить консервативную Россию, что на властном Олимпе самое время сменить караул, на вахту заступает новое поколение. Как политик он почувствовал это много раньше. Середина 80-х обещала смену поколений в партийном правлении. Этим в громадной степени объяснялась глубина шока, которую пережили молодые партийные функционеры в связи с отменой шестой статьи Конституции1 . Власти в государстве лишилась не только партия, но и они - тридцатилетние, только что обретшие эту власть в самой партии. А она стала стремительно рассыпаться. Это третья президентская инъекция молодых в растренированное тело власти. Президент упрям, он не желает уступать сопротивлению традиционного российского консерватизма. Тут следует заметить, нам крайне мешает толкование консерватизма, как явления негативного. Это грубое заблуждение. Консерватизм - по сути своей есть энергия выживания любого общества, любой нации. Именно традиции, привычки общества и есть проявления его консервативного начала. И большее доверие со стороны общества мудрости, нежели искрометному таланту, это тоже здоровое проявление консерватизма. И никаких завоеваний демократии в том, что смена правительства не вызвала политических потрясений, нет. Длинный шлейф экономических неурядиц, мучительное возвращение зарплатных долгов, которые снова растут, - в лучшем случае мог породить понимание, но уважение никогда. Поэтому и простились без сожаления. Но так будут прощаться не только с правительством.

Президент объявил об отставке правительства. Пауза была недолгой. Президент назвал имя нового премьера, кандидатуру которого он намерен предложить Думе. Состояние недоумения и растерянности прошло и всем не терпится понять: кто же одержал победу, а кто проиграл? Получив долгожданную отставку Чубайса, коммунисты вправе сказать - наша взяла. Назначив на 9 апреля отчет правительства, после которого весьма вероятным становилось голосование по вотуму недоверия правительству, и исходя из этой вероятности, руководители Думы вправе записать победу на свой счет: мы предупреждали, президент услышал.

Демократы, утратив правительственного Чубайса, тем не менее склонны считать случившееся если не успехом, то никак не поражением курса реформ. Кириенко из нашей стаи - рассуждали они. Президент подтвердил неизменность курса. Биржа отреагировала спокойно. Значит, идея реформ взяла верх. Есть, конечно, и мрачные краски. Уход из

правительства Чубайса не обрушил курс рубля. Выходит - не апостол. Но зато оставался Немцов. Выиграл Кириенко, который буквально светился от радостного помутнения, напоминая, в силу своей моложавости, младенца, которого сняли с горшка и впервые посадили на взрослый стул. Березовский выиграл вчистую. Во-первых, Черномырдин наказан за свою симпатию к Потанину и "Газпрому". Во-вторых, после ослабления "ОНЭКСИМ-банка" и изъятия у него таможенных счетов, равно как и после выбивания из прибылей "Газпрома" 1,3 млрд $, что неминуемо ослабит его перед аукционом. А это больше, чем можно даже было ожидать. ЮКСИС (напомним, что это тандем Березовский-Ходорковский) возвращает себе шансы выиграть аукцион по "Роснефти", а это...

Здесь мы поставим отточие, ибо что происходящее значит для будущего страны и для будущего власти в этой стране, разговор особый. Егор Гайдар на вопрос, велика ли роль Березовского в недавних событиях, дал уклончивый ответ, - она явно преувеличена. А что оставалось ответить Гайдару, когда Березовский переиграл его команду, так увлеченную борьбой с Юрием Лужковым, по всем статьям. Рассуждая в том же духе, можно сказать, что выиграл и Виктор Черномырдин. Он обрел свободу в роли кандидата на пост президента. Ему теперь ничто не связывает руки. Удивительная ситуация - все выиграли, а радости нет.

Но кто-то же проиграл? Кто?! Ушедшие в отставку вице-премьеры и еще несколько министров, которые уйдут чуть позже. Но это даже не проигрыш, а попросту календарно-сезонные перемены. Проиграла концепция конституционно защищенной самостоятельности правительства. Но этот проигрыш случился чуть раньше, когда правительство не сумело, опираясь на свой авторитет, самостоятельно отстоять себя в парламенте. Потребовался президент-поводырь. И это при том, когда авторитет президента для левого думского большинства практически не существует, а значит, чтобы отстоять правительство, президент был вынужден заняться ненавистным для него политическим торгом. Кто-то скажет, это был не кризис самостоятельности, а кризис экономического курса правительства. Это был кризис и того, и другого. Неважно, что не смогло правительство отстоять бюджет, политическую концепцию, концепцию экономического развития. При любой из этих неудач терпит фиаско авторитет кабинета, и тогда факт его беспомощности особенно очевиден. Похоже, что для нового правительства экономический год потерян. Точнее, он потерян для страны.

Президент не станет вникать в экономические тонкости и сложности, это его утомляет. Президент обрушится на очевидное и понятное для него. Он потребует в срочном порядке погасить долги по пенсиям и заработной плате, которые опять выросли. И правительство бросится выполнять волю президента. Вернуть долги - святое дело. Однако есть сомнение, что это правительство будет возвращать долги динамичнее, чем предыдущее.

Странные у нас экономические реформы. Все на своих местах. Вы требовали перемен - вы их получили. Президент не бездействует. Он сменил правительство. Все ответственные за вечные провалы в настоящем и будущем уже в прошлом. Власть не добилась перемен. Но она нашла выход, предоставила вам отсрочку в исполнении ваших надежд. Сейчас много говорят, как изменился президент. Дескать, устал от информационной блокады, в которой его удерживает окружение. Смотрит телепрограммы, самолично просматривает газеты. И именно это измененное состояние подвигло его к столь внезапным и решительным действиям. Такое бывало и раньше, когда президент оказывался в отпуске или бывал болен. Возможно, в субботу, 21 марта, президент действительно оказался у экрана телевизора и посмотрел документальный фильм о генерале де Голле, на интуитивную схожесть с которым (и с его политикой, разумеется) нашему президенту постоянно намекают. Это был хороший поучительный фильм, рассказывающий о том, как де Голль решал болезненную для французов проблему Алжира. Так вот, в этом фильме был один очень важный смысловой момент. Франция призвала генерала во второй раз возглавить страну в критический момент, когда самому де Голлю было 69 лет. Извинимся за повторение, Борису Николаевичу в 2000 году исполнятся те же самые 69.

"Ах, Боже мой! - скажете вы. - Мало ли совпадений?" Совпадений действительно много. Поэтому, граждане России, все на выборы! Голосуйте сердцем!

10 апреля, пятница.

Правительственный кризис, хотя Кремль категорически отметает этот термин, затянулся. Президент уступил и провел, как и обещал, встречу "четверки", затем "круглый стол" с участием парламентских фракций, руководителей Думы, нескольких губернаторов. Кириенко сумел выступить на заседании Совета Федерации. Дневал и ночевал в думских кабинетах. Проговаривал тезисы своего программного выступления, прощупывал кадровый ресурс Думы. Задача - влюбить, убедить, показать себя контактным, умеющим выслушивать чужое мнение человеком. В целом ему это удалось, хотя главной цели он все-таки не добился - противники не перешли в лагерь сомневающихся, сомневающиеся не примкнули к союзникам правительства. Суть противоречива решает не образ Кириенко, удачно или не удачно поданный - а вероятность роспуска Думы. Крайне характерно, что за кандидатуру Кириенко на первом голосовании отдала голоса достаточно внушительная часть депутатов - 140 человек. Это в основном фракции партий, откровенно не готовых к новым выборам: НДР, жириновцы, ну и депутаты, представляющие демократические движения - гайдаровцы, "Российские регионы". При третьем голосовании, а может, даже уже при втором Кириенко наберет необходимые ему 225 голосов.

Никто не обсуждает ситуацию, когда из-за отсутствия денег в бюджете выборы могут быть перенесены. Ибо, выбирая между зарплатой учителей и медиков или болтливой Думой, не изнуренной законодательной работой, общество выберет первое. И никакие заклинания насчет поруганных демократических норм его не остановят. Ситуация парадоксальная, но в силу отсутствия денег очень даже возможная. Нетрудно в этом случае спрогнозировать и поведение коммунистов - лучше Кириенко, чем роспуск Думы.

Вопрос - надолго ли Кириенко? - вопрос свойства особого. Я помню как на своих встречах с Борисом Бревновым, еще одним ставленником Бориса Немцова, молодым человеком 28 лет от роду, я задавал ему один вопрос: "Надолго ли вы?" Бревнов, даже внешне похожий на Немцова, застенчиво опускал свои большие, опушенные густыми ресницами, скорее женские, чем мужские глаза, ответил не наработанным, еще не набравшимся властности, вкрадчивым мягким голосом:

- Лет пять. Так мы договорились с Борисом Ефимовичем. Он сказал, что президент тоже так считает.

Бревнов проработал меньше года. Ничего не поделаешь - 28 лет возраст прекрасный, но он мал для человека, оказавшегося во главе одной из самых крупных монополий в стране, к тому же не энергетику по образованию. Бревнов, наверное, неплохой менеджер. Живые глаза, голос негромкий, сродни голосу нового и.о.премьера. Женат на богатой американке. Наш разговор с ним был по-своему примечателен. Вообще таких разговоров было три. Я затеял проект в сфере СМИ, где РАО "ЕЭС", по нашему замыслу, должно было выступить одним из соучредителей. Первые переговоры мы проводили с прежним руководителем РАО Анатолием Дьяковым. Мы быстро нашли общий язык. Дьяков три раза подчеркнул, что РАО обязательно войдет в учредительскую долю. Ему проект интересен, и "Единые энергосистемы" будут его поддерживать. Достаточно скоро все изменилось. Дьяков отошел на вторые роли, а на ключевую позицию новый первый вице-премьер Немцов поставил своего человека - Бориса Бревнова. И все дальнейшие переговоры я вел уже с ним. Разговоры были милыми, но безрезультатными.

Да, это другая генерация, другая жизненная философия, и слова об общественной значимости каких-либо замыслов для этих ребят - слова ватные и пустые. Пришел человек с мироощущением посредника, предпринимателя, а не энергетика. Электричество - это товар. Кто с этим будет спорить? Но электричество - это еще и энергия, вырабатывающаяся строго по законам физики, это во-вторых. И, наконец, в-третьих, электричество - это определяющий фактор социального комфорта, бытовой независимости. "Нет, нет, - рассуждают люди такого типа. - Это все крики из другой эпохи. Прежде всего - товар, который надо выгодно продать". И ведь не станешь спорить. По-своему, очень по-своему, они правы. Почему? Пожалуй, им так проще жить. Не они для мира, а мир для них. Даже Гайдар для них уже нечто отдаленное.

Так вот, первой фразой, положившей начало нашему разговору, были слова:

- Вы задаете мне вопрос о моих замыслах. Вы находитесь в монополии № 1. Вы обратили внимание, в каком жутком состоянии офис этой монополии? А офис - это лицо.

Он не говорил слов типа "новые технологии", "модернизация", "капитальное строительство", "обновление машинного парка". Ничего подобного.

- Нам надо научиться продавать, - сказал Бревнов и добавил: - А продавать есть что! Самая богатая естественная монополия сидит на картотеке. Дичь!!!

Ему нравилось быть магнатом. И он ни на секунду не задумывался, что костюм под названием РАО "ЕЭС" ему велик, очень велик. У него не было даже капли почтительности к предшественникам. И это бросалось в глаза. Каждые три-пять минут раздавались телефонные звонки, большинство из которых приходилось на миниатюрный мобильный аппарат. Это тоже была дань стилю. Многим собеседникам Бревнов отвечал по-английски. Заглядывали консультанты, секретари. Приносили какие-то бумаги. Он просматривал их наискосок, не вчитываясь. Это были по большей части газетные статьи, копии каких-то документов. И всякий раз следовало одно и то же уточнение: "Сделайте копии для Бориса Ефимовича". На моих глазах политика умножалась на бизнес, чтобы вернуться к авторам утроенно возросшим влиянием в политике. Разумеется, Бревнов не Кириенко. Последний на шесть лет старше, но история с Бревновым показательна. Все решалось не по нормам развития системы, исходя из понимания, что при всех изъянах три сверхмонополии (РАО "ЕЭС", МПС и РАО "Газпром") есть становой хребет, удерживающий гигантское территориальное пространство под названием "Россия" как единое целое. Нет, логика исходила из норм боевых действий, когда задача локальна и конкретна: "Либо они нас, либо мы их". Ну а развитие?.. Развитие подождет, пока мы их не... Объективно говоря, еще в 92-м году молодые реформаторы были поставлены примерно в такие же условия. И все-таки задача ставилась иначе - начать реформы, внедрить их идеи в сознание руководящего ядра управления. Драматизм нашего последующего развития заключается в том, что на само развитие в лучшем случае остается 20-25% интеллектуальных и нервных сил, а вся остальная энергия уходит на политическую борьбу, интриги и разрушения, которые мы, в силу своей жизненной непросвещенности, считаем определяющей фазой развития.

Подобная идеология развития общества и есть управленческое кредо нашего президента. Интересно, что идея разрушения присутствует перманентно. Она не проецируется только на социалистическое прошлое, она захватывает и прошлое близстоящее, период 90-х годов. Несамокритичность реформаторов проложила дорогу философии перманентного тупика, в который мы якобы неминуемо забредаем. А значит, неизменной остается лишь ошибочность наших шагов. И каждый следующий начинает с того, что перечеркивает пути и тропы предшественников. И получается, что мы не движемся куда-либо, а лишь вытаптываем площадку вокруг себя.

Кириенко не предал анафеме деятельность своих предшественников. Он оказался более изобретательным. Он сказал, что власть не лгала, когда говорила о позитивных переменах. Просто международный финансовый кризис съел, сжевал эти микропродукты макроэкономики. А значит, гора родила мышь.

Сможет ли изменить кардинально ситуацию Кириенко, когда после третьей попытки Дума его все-таки утвердит? У Кириенко нет и не может быть своего видения экономического развития страны. Во-первых, он этим не занимался. Во-вторых, Эдуард Россель попросил немцев сделать план приватизации "Уралмаша". Только на составление плана по одному, пусть очень крупному, заводу немцы попросили полтора года. А мы его приватизировали за две недели. Кириенко не в состоянии ничего вразумительного сотворить на ходу. Ельцин хотел бы получить перелом. А Кириенко в лучшем случае способен лишь заверить президента, что такой перелом возможен, втайне надеясь, что сам перелом придется делать не ему.

Но начнет он совсем с другого... Есть такой прием: "Я скажу вам правду!" И Кириенко им воспользуется, как в свое время им пользовался Чубайс, а чуть ранее Гайдар, да и сам

Черномырдин. Игра в некую смелость речей, которые создают иллюзию решительных действий. Его идеи и действия непременно начнут давать пробуксовку. Во-первых, у Кириенко нет политического авторитета на территории тысячеверстной России, а авторитет качающегося президента - это иллюзорная опора. Во-вторых, он все будет делать в спешке, пытаясь доказать, что он может. А это, по сути своей, пагубно, когда ни одну новую деталь в механизме управления ты не можешь опробовать на холостом ходу. Он будет немедленно поставлен президентом в экстремальные обстоятельства. Они Ельцину ближе и понятней. Эта предрасположенность президента делает его образ более динамичным.

Очень часто можно слышать рассуждения, что в обстоятельствах крайних проявляются лучшие черты Ельцина - решительность, политическое бесстрашие, способность идти на риск, который, как правило, завершается в его пользу. Ельцин и сам признает эту особенность своей натуры. В принципе, мы привыкли к подобной констатации, но никогда не задавали себе вопроса: "Почему именно экстремальные ситуации - стихия президента?" Согласитесь, для человека, управляющего такой страной, как Россия, на протяжении восьми лет, это скорее недостаток, нежели превосходство. Мне кажется, в ответах на эти вопросы есть ключ к пониманию натуры Ельцина. В экстремальных ситуациях принимаемые решения, как правило, не обсуждаются. Нет времени. Создается видимость напора, стремительности и даже результативности. Второе. Решения, принимаемые в критических обстоятельствах, не бывают идеальными. Любое их несовершенство можно отнести не к ошибочности решений, а к неадекватности обстоятельств. И тогда уже обсуждается не качество решений и поступков, а способность их совершить. Таким образом, сами обстоятельства ставят эти решения вне критики. Это удобно и окупаемо политически. Так и говорят: "В той, мгновенно возникшей ситуации другого решения принять было невозможно". И длинная дистанция для такого политика, а наш президент именно таким является, - невыносима. И тогда он разбивает эту дистанцию на короткие отрезки экстремальных ситуаций, выступая при этом творцом политических кризисов. Так было в 93-м, так едва не случилось в 96-м. Так происходит в марте-апреле 98-го года, когда сам президент спровоцировал мгновенный правительственный кризис. И вообще, какая разница в сути поставленной задачи: "Вернуть деньги бюджетникам до 20 ноября 1997 года!" (Ельцин) и "Взять Киев к 7 ноября 1944 года!" (Сталин). Авторитарность не имеет вариаций.

НЕПРОЩЕННАЯ ЛЮБОВЬ

Яковлев привел на телевидение людей из своего мира, привел газетчиков. Пришли Бандура - его зам по "Московским новостям"; Дмитриев из круга ближайших друзей и Татьяна Меньшикова, тоже из "Московских новостей". Еще трех-четырех человек уже пригласила Таня. Пожалуй, самым неадекватным и успешным приобретением оказался Игорь Малашенко. Малашенко, американист по своей первой профессии, работал в Институте США и Канады, кажется, вместе с Николаем Сванидзе, сменившим буквально через год после моей отставки Эдуарда Сагалаева на посту председателя Российского радио и телевидения. После института Малашенко недолгое время работал в международном отделе ЦК КПСС. Он оказался очень приличным менеджером, что особенно сказалось чуть позже, когда он в группе оппозиционеров, отколовшихся от "Останкино" после отставки Егора Яковлева, организовал коммерческое телевидение НТВ. Впрочем, история создания НТВ заслуживает отдельного разговора.

Как и следовало ожидать, первым шагом, который сделал Егор на телевидении, была попытка разбавить неизвестную ему среду (а телевидение было именно такой средой) людьми более понятными, которых он знал и к общению с которыми он привык. Яковлев эталонный газетчик и журналист. Для телевидения той поры это была необходимая инъекция. Советский период как бы прошел. Демократический еще не наступил. В чужой мир без своих не приходят. Принцип не новый и не всегда продуктивный, но отлаженный. Яковлевский десант в "Останкино" решал как минимум две задачи: окружал пришельца извне знакомыми, узнаваемыми лицами и заражал кастовый телевизионный мир совершенно другой журналистской философией. При всей схожести, это представители совершенно

другой группы крови. В своем большинстве это пишущие журналисты, с хорошей редакторской школой, которую неминуемо дает приличная газета или журнал. В силу своего высокого профессионализма Егор не мог пригласить плохих журналистов. И понятно, что первой под колесо яковлевских преобразований попала Служба информации. Вместо программы "Время", символа Гостелерадио, возвращавшего нас к событиям августа 91-го года, появилось ИТА (Информационное телевизионное агентство). Без ложного преувеличения программа достаточно быстро обрела остроту, стала более раскованной по информации, современной и лаконичной по студийному дизайну. Я следил за этими шагами Яковлева как его очевидный конкурент сверхпридирчиво. И, будучи сам достаточно профессиональным в вопросах оформления и организации пространства, с ревностью замечал этот очевидный прогресс. Команда Яковлева сделала дизайн информационной студии подчеркнуто графическим и в силу этого крайне обязывающим для ведущего. В этом случае костюм ведущего программы становился не просто деталью общего дизайна, а, по сути, его кульминацией. Это было и дерзко, и рискованно, и красиво. Но прежде всего рискованно, так как требовало от ведущего безукоризненного вкуса и совершенного профессионализма стилистов и визажистов, работающих с ведущими. Кстати, на отечественном телевидении это началось с большим опозданием.

Случился мгновенный перелом в аналитических программах. Татьяна Меньшикова (а Егор не побоялся доверить ей это направление) делала это чуть-чуть по-бабьи, суматошно, с капризами своего небесспорного вкуса, но по сравнению с эпохой "до того" - это был перелом. "Московские новости" в телевизионном варианте.

Почему традиционно популярные тележурналисты не любят собратьев из другого журналистского мира - газетчиков, журнальных корреспондентов? Потому что научиться писать неизмеримо труднее, чем привыкнуть к эфиру. Эфир - это, скорее, среда выверенных эмоций, действо путь упрощенное, но все-таки артистическое. Я не говорю об игровых программах, выполненных в стиле телешоу, где талантливый ведущий должен показать себя актерски состоявшейся личностью: Ярмольник, Якубович, Познер, Верник или Макаревич в своем кухонном телевизионном амплуа, где он неизмеримо более артистичен, нежели в кругу своих постоянных "машинистов" из группы "Машина времени". Речь идет о повседневно-разговорном жанре в эфире, программах типа "Итоги", "Зеркало", "Обозреватель", "День седьмой". Как, впрочем, и чисто информационных "Время", "Сегодня", "Времечко", "Вести". Здесь умение говорить, читать, изображать, выстраивать игру, улавливать темп гораздо важнее умения сочинять. Заметим, что пишущий тележурналист выделяется кратно среди своих коллег. Поэтому телевизионные и радиожурналисты в сочинительском мастерстве несопоставимы с коллегами из газет. На телевидении не умеющий писать - норма, умеющий - исключение. И всякое нашествие газетчиков в теле- и радиомир есть напоминание об этом превосходстве, а потому встречается в штыки. Любопытная предыстория. Телевизионная журналистика начиналась с выходцев из газет (иначе и быть не могло), а также из более близкого по сути радио. Но все это вершилось в те далекие времена, когда телевидение находилось в самом начальном зародышевом состоянии и завидовало авторитету газет.

Ныне все изменилось. И, в первую очередь, ранг значимости. Империя, а телевидение - великая империя, вправе диктовать: кто ей угоден, а кто нет. Егор Яковлев в определенной степени бросил вызов сложившемуся телевизионному амплуа. Не очень разбираясь в телевидении, и уж тем более плохо зная его нутро, и до поры поглядывая свысока на телевизионную журналистику, он избрал достаточно простой и вполне эффективный путь: он решил не себя приблизить к телевидению, а телевидение к себе, насыщая его знакомыми лицами и тем самым добиваясь большего понимания своих взглядов и идей.

Как человек и умный, и хитрый, Егор Яковлев понимал, что внутренний телевизионный мир встретит его в штыки. В чисто возрастном отношении он мог рассчитывать только на старшее поколение. В момент прихода в качестве руководителя первого телевизионного канала ему исполнилось 60 лет. Ореол шестидесятника несколько смягчал этот конфликт. Но телевидение всегда считалось сферой, обслуживающей власть. Либерализм, как таковой,

вызревал все-таки в газетах и журналах. В этом смысле "Московские новости" были эталоном. Перед Яковлевым, как мне казалось, встали две проблемы: не только вместе с собой привести на телевидение конструктивную оппозиционность власти, но и нащупать, почувствовать подобные веяния внутри самого телевидения. Средоточением таких взглядов в Гостелерадио прежде всего могла считаться так называемая "молодежка"1 - третье поколение телевизионных профессионалов, выдвижение которых, а точнее, их прорыв начался еще при Леониде Кравченко. Егор выдвигал относительно молодых не потому, что ставил на молодежь. Причина была иной. Тем самым он расширял собственную телевизионную среду.

И еще один мотив был чрезвычайно силен в этом действии. На Центральном телевидении молодежная редакция рассматривалась как запрограммированная легальная оппозиция. Это был все тот же замысел ЦК КПСС. Изменение роли СССР на международной арене и начавшаяся еще при Н.С.Хрущеве либерализация режима требовали зафиксированной оппозиционности внутри государства, к которой адресовалось политическое руководство страны в своей постоянной полемике с Западом: "Кто сказал, что у нас нет оппозиции?.." И мы, сотворители этой оппозиционности, вряд ли знали точно, что на наше действо ссылались политические вожди.

И когда вспоминают "Литературку" времен Чаковского и Сырокомского, "Московские новости" времен Егора Яковлева, "Новый мир" Твардовского, Симонова и Залыгина, молодежную прессу в этом же ряду играющих "чуток против", упоминают деяния молодежки - 12-й этаж", а чуть позже перестроечный прорыв "Взгляда". Это был хорошо огороженный оппозиционный вольер, но он был.

Типичный анекдот той поры. Встречаются американский конгрессмен с депутатом СССР, и между ними завязывается примерно такой диалог: "Вы знаете, что такое настоящая американская демократия? - говорит конгрессмен. - Это когда любая газета в Америке, любой телевизионный канал может свободно критиковать президента Никсона". Наш депутат согласно кивает и говорит: "Совершенно правильно, сэр. Между американцами и русскими нет никакой разницы. У нас то же самое - любая газета, любой телевизионный канал может критиковать президента Никсона".

Непререкаемый закон перехода количества в качество особенно зримо проявился на телевидении. "Молодежка" стала материализоваться в образ либеральных перемен. Именно ее передачи, и прежде всего "Взгляд", оказывались в центре общественного внимания. Не смотреть и не обсуждать программы "Взгляд" и "Пятое колесо" (ленинградская команда Бэллы Курковой) в кругах просвещенной интеллигенции, и не только в них, считалось дурным тоном. Образно говоря, ребятам разрешали шалить, но к руководству телевидением, его главными направлениями их не допускали. В радийном и телевизионном мире существовал конфликт между поколениями управленцев: признанными, но уже состарившимися мэтрами и новой генерацией, которую по всем возрастным категориям можно было считать перестоявшейся в резерве. Им всем было от 35 до 40 лет. Возможно, Яковлев об этом не думал, хотя суть интриги была на поверхности. В телевизионном доме, помимо пришельцев имени Егора Яковлева, внутри самого телевидения он сформировал ядро тщеславных, но застоявшихся у властного трона молодых (относительно молодых) и предложил им руководящие портфели.

Заместителем Егора Яковлева стал Эдуард Сагалаев. Это было его второе вхождение в телевизионную власть. На непроясненную руководящую роль был также назначен Александр Любимов. Оба эти назначения в телевизионных состоявшихся кругах были приняты без восторга, хотя относительно молодые воспряли духом. Егор добился своего. Единый антияковлевский фронт, как возможная версия внутрителевизионных трений, был прорван. И все-таки ахиллесовой пятой Егора Яковлева являлся его нетелевизионный апломб. Скажем проще, Егор не был влюблен в телевидение, не бредил им. В лучшем случае оно раздражало его или оставляло равнодушным. Он пришел руководить, а не постигать азы этого незнакомого мира. Постигать уже поздно. В подобных взглядах присутствует своя бесспорная логика и правота. И возраст, и опыт, и очевидный идеологический

профессионализм позволяли считать, что учиться должны у него, а не он. И это было правдой, но...

Не берусь утверждать категорически, но мне всегда казалось, что Егор был убежден: телевидение нуждается в Егоре Яковлеве в гораздо большей степени, чем Егор Яковлев в телевидении. Эта отстраненность позволяла сохранять неангажированность, но...

Вот именно - эти "но" неминуемо рождали бунт внутри телевизионного мира. В целом отношения Егора Яковлева с его назначенцами, исключая Игоря Малашенко, были достаточно формальными и неровными. Довольно скоро ушел Сагалаев. Егор слишком часто повторял, что телевидение для него мир малопонятный, что его подчиненные решили ему подыгрывать. Он не стал их ни в чем разуверять, а принял этот стиль отношений. "Этот у нас в качестве либерального зонта, но всю повседневность телевидения вершит не он". Стали поговаривать, что Егор на телевидении не надолго и его пост займет Эдуард Сагалаев. Разумеется, эти слухи рождались как в среде относительно молодых, так и в среде ярых противников Сагалаева. Вторые делали все возможное, чтобы ревнивый Яковлев узнал о притязаниях своего первого заместителя. Любые слухи лишь отчасти слухи. В конце концов Сагалаев ушел.

Не взошла при Егоре Яковлеве и управленческая звезда Александра Любимова. Но тем не менее на тот конкретный момент проблему острого противостояния своей политике на телевидении Егор решил.

Еще одной особенностью "Останкино" того периода, особенностью поучительной, было стремление и обостренное желание непременно привезти на новое место свой мир, как привозят свой багаж, который сопровождает вас во всех путешествиях. Пожалуй, первое, чем стал заниматься новый телевизионный босс, это создание телевизионной газеты, как своего коммерческого дела. Впоследствии Яковлева многие упрекали за то, что, дескать, своей волей отдал газетной затее помещения, ранее принадлежавшие телевидению; и средства, выделенные "Останкино", пустил на приобретение полиграфического оборудования. Я бы не стал вдаваться в эти детали. Просто я имею возможность прояснить суть столь странных действий Егора Яковлева.

Еще в пору нашей совместной работы в еженедельнике "Московские новости" мы вынашивали идею создания холдинга, который бы объединил газету, один из телевизионных каналов, журнал и типографию. Появившись на телевидении, Яковлев максимально приблизился к осуществлению этой мечты и, как здравый и реалистичный человек, начал действовать. Мне часто говорят: вот видишь, Яковлев был прав - он подготовил запасные пути, а ты - нет. После отставки он ушел на заранее вспаханное поле. У него уже был плацдарм для "Общей газеты". Возможно. Не стану отрицать правоты моих оппонентов. Сделаю одно уточнение. У нас с Егором Владимировичем стояли разные задачи. Он пришел, чтобы изменить и откорректировать уже созданное. А я пришел на совершенно пустое место. Мне надлежало создать с моими коллегами и построить практически из ничего новую телерадиокомпанию всероссийского масштаба. Это потом появилась Шаболовка - телевизионный музей эпохи 60-х годов. А в 90-м две строчки постановления: "Создать Всероссийскую государственную телерадиокомпанию. Утвердить председателем компании Олега Попцова и генеральным директором Анатолия Лысенко". И больше ничего. Где? Как? За счет чего? Это ваши проблемы, господа! И господа, они же товарищи, приступили к сотворению телерадиокомпании с нуля.

У Егора, плохо ли, хорошо ли, но все работало, снималось, показывалось. Крутилась махина бывшего Гостелерадио. Я не мог себе позволить маневр в сторону привычного газетно-издательского дела и остаться дилетантом в сфере телевидения и радио. В моем случае проблема, которую предстояло решить, была двухэтапной. Прежде чем неким "нечто" руководить, это "нечто" еще предстояло создать. А создавать, не постигая, невозможно. Ну а желание создавать при телерадиокомпании газету, разумеется, было. В наследство от главка, который до нас занимал помещения, осталась худенькая типография. Так что провоцирующий вирус был в наличии, однако так вирусом и остался. Сначала предстояло

создать телевидение и радио. А уж потом, если достанет сил и средств... Нет, нет. Я сделал то, что считал необходимым сделать. Ну а насчет запасных путей - все справедливо. Не сладилось, не подготовил, не подумал. Я убежден, надо заниматься чем-то одним. Либо прокладывать основные пути, либо строить запасные.

Если ты намерен создать команду, а не очень большую группу подчиненных, ты должен быть открыт для своих коллег по максимуму. Иначе команда не получится. Это, по сути, главное правило. Никакого двойного стандарта для себя, как лидера. В команде принцип справедливости оценок принцип определяющий. Не равенство умений, такого быть не может - а равенство правды. И вообще - о запасных путях и работе на себя. Если ты толково делаешь дело, ты непременно работаешь на себя, на свой авторитет, на свое достоинство.

Честно говоря, для меня явился большим откровением тот факт, что современное отечественное телевидение практически ничего не придумало в сфере музыкальных, игровых и в целом развлекательных программ. Впрочем, и в разновидностях прямого эфира - абсолютное заимствование. Отрицая это всеядное эпигонство, я выглядел вызывающе и, как говорили мои телевизионные коллеги, непрофессионально. Популярный ведущий CBS Пит Дженингс подарил мне телевизионную энциклопедию. Когда я с ней ознакомился, то пережил в буквальном смысле шок: там все наши популярные программы, по существу, оказались программами лицензионными. В такие моменты переживаешь горькое чувство унижения, абсолютно не свойственное нашим вершителям "цивилизованного телерынка". Но все это случилось позднее. А тогда, обуреваемый желанием делать новое телевидение, я обратил внимание на команду Видео-Интернешнл во главе с Михаилом Лесиным и Юрием Заполем. Амбициозные, динамичные. Не акулы, нет. Но крепко стоящие на ногах в своем бизнесе. Мы с ними успешно взаимодействовали в сфере рекламы. Я был настроен привлечь новые, не примелькавшиеся лица. Все эти ребята были энергичны, подвижны и разъезжали уже в 91-92-м годах на вызывающих зависть иномарках. Короче, находились в предчувствии финансового и творческого процветания. Я попросил Михаила Лесина пригласить свой мозговой штаб, "яйцеголовых". Времени у меня было в обрез, и я запланировал на нашу творческую встречу один час. Тем более, что предмет разговора был налицо. Мы покупали у них программу "Устами младенца". Следовало кое-что доработать, но в целом программа показалась удачной и уже получила место в эфире.

Пришло человек шесть. Я вдохновенно стал объяснять, каким я вижу новое телевидение, сколько можно придумать совершенно неожиданных программ. И вдруг их главный "яйцеголовый", малорослый, очкастый и, как они считали, самый умный, сказал: "А зачем что-то придумывать? Разве не проще купить лицензионную программу, раскрутить ее и получать бабки? (Он так и сказал "бабки".) Оденем длинноногую ведущую в коротенький сарафанчик, заменим две-три мелочи при выходе и все будет как надо. До нас уже все придумано!" - закончил свой экспромт "яйцеголовый". Нет, они меня не удивили. Все эти разговоры о новом поколении, которое мы якобы не понимаем, - чушь. Все мы понимаем, и понимаем взаимообразно: они нас, мы их.

Та недолгая беседа стала ключом к познанию телевизионного бытия. Масштабом его претензий к окружающему миру и окружающего мира к нему. Я помню, как озадачил своих гостей, заметив, что я полагал, что наш разговор займет чуть больше часа, но ошибся - достаточно оказалось десяти минут. Мы попрощались. "Яйцеголовые" ушли, и мы остались с Лесиным вдвоем. Я тяжко вздохнул: "Есть все-таки талантливые по первому восприятию люди. О таких говорят - они подают надежды. Мы становимся свидетелями некоего парадокса. Большинство из этих людей так и не преодолело барьера подающих надежды. Мне кажется, твои "яйцеголовые" из их числа. А впрочем, это не их беда. Это мы грешим ложным восхищением".

Кризис телевидения, уточним - кризис творческий, объясняется именно этой развращающей ленностью ума, когда расхотелось придумывать. Эти рассуждения не беспочвенны. Они уходят корнями за пределы телевидения. Мы вступаем в эру посредников, когда уценяются фундаментальные знания. Умение продавать - великое умение, но оно не

может заменить умения производить. Мы вступаем в эру возрастающей зависимости от явлений побочных, а не определяющих, главных. Значим не производитель товара, а посредник, способный его продать. Разумеется, в этом присутствует бесспорная логика. Мир рынка, в который мы вступили (а нам эту мысль внушают), так устроен. Чтобы продать, надо выиграть не только на рынке товаров, но и на рынке посредников. Нам труднее, чем кому-либо. Нам надо научиться производить конкурентные товары (мы этого делать не умеем) и постичь мир посредничества, ибо для нас это новый мир. И, как всё, развивающееся вне правил, мир прогрессирующего обмана. Есть неоспоримая закономерность: любое массовое явление в конечном итоге подавляет человека, делает его рабом этого явления. В качестве доказательства мы можем сослаться на любую всеохватность - от моды до повальной "коммерциализации", от рок-музыки до коррупции, от культа посредничества до культа рекламы. Некто диктует правила игры. И нам ничего не остается, как отступить, пятиться, возвращаясь теперь уже в придуманные лагуны нравственной простоты, бескорыстия, созидательного труда. Вся беда в том, что на этих остаточных реликтовых островах можно выживать, но нельзя жить.

* * *

Ныне мы как заклинание повторяем, что путь к процветанию - это непременное ограничение довлеющего начала государства во всех сферах жизни: экономики, духовного развития, образования. Причина несвободности, дескать, в извечной диктатуре государства. Так ли это? Если рассматривать государство в трактовке вождя революции как аппарат насилия, то упразднение диктатуры насилия всегда благо.

Все реформаторы в прошлом коммунисты, однако в утверждении своей правоты разрушают тот, прошлый государственный диктат. Насилие экономики, культуры, мировоззренческих ценностей общества, но... Правда, они не учли одного "но", диктат партии они отождествили с диктатом государства, чего на самом деле не было.

И это "но" чрезвычайно значимо. В понятии человека, получившего образование, человека деятельного, государство равно понятию общество. В России, стране традиционно общинного мышления, этот фактор чрезвычайно серьезен. И потому проблема служения Отечеству, обществу, государству, а точнее, потребность в этом служении у громадной массы сознательных граждан, остается. Это же не случайно: "Служу царю и Отечеству!", "Служу Советскому Союзу!" Не государству, олицетворенному сворой чиновников, погрязших в мздоимствах, купленных и перепроданных по десять раз олигархами; не высшему должностному лицу, способному совершить стремительную эволюцию от почитания и даже восхищения сограждан, до отталкивающей капризности и барской дури. А именно Отечеству, символизирующему устремления к высокому, бескорыстному и достойному. Сверхспорны отчаянные слова Брехта: "Несчастна та страна, которая нуждается в героях". Брехт, переживший фашизм, вправе был восстать против идолопоклонства. Нам, пережившим сталинизм, трудно не оценить этих слов, и все-таки...

Счастлива та страна, которая способна рождать героев! И беды отечества неизмеримо прибавляются, когда она утрачивает эту одаренность талантливого меньшинства. Мы неминуемо приходим к признанию, что в нашем случае тотальное разрушение государственной монополии в сфере экономики в условиях отсутствия понятных и объединяющих общество национальных идей подталкивало государство уже по инерции освобождаться от своих обязательств перед культурой, образованием, просвещением и даже безопасностью граждан. Происходит вырождение государства, как осмысленного и понятого обществом аппарата регулирования жизненных потребностей этого самого общества.

Мы оказываемся свидетелями и участниками драматической коллизии. Власть не нарабатывает цивилизованного государственного навыка, а в силу неумелости, непонимания своего места в решении возникающих проблем, избирает самый легкий путь - освобождает себя от обязанности их решать. Получается, что жизнь вынуждает все время подстраиваться под неспособность власти. Не зная, как решать ту или иную проблему, власть старается избавиться от нее двумя способами: либо ее продает, либо ее упраздняет. Как говорил

великий вождь всех времен и народов: "Нет нации - нет национального вопроса". Не знаем, что делать с телевидением - давайте его продадим. Не знаем, что делать с медициной - давайте и ее продадим. С образованием, культурой, спортом то же самое. И тотчас меняется смысл управления. Умение наладить производство, обучить, построить, внедрить новую технологию вытесняется, отодвигается, становится задачей третьестепенной важности. Ценится совсем другой навык - умение продать, а значит, делегировать ответственность. И с момента продажи ответственность за будущую судьбу товара вместо завода или фабрики берет на себя новый владелец. Но покупатель не так наивен. Он уже включился в этот всеохватный процесс "продаю-покупаю". Он понял - чтобы не развивать, не строить, не тяготиться проблемами и сюрпризами, которые преподнесет товар, - его надо как можно быстрее перепродать.

Государство, точнее, власть, освобождаясь от всех тягот исполнения, хотела бы оставить за собой одну-единственную функцию - регулировать. Это объяснимое желание, но при таком поведении власть становится как бы виртуальным состоянием. В мире собственности правит собственность. Отказываясь от права владения ею, продавая ее, вы лишаетесь навыка да и права не только управления собственностью, но и людьми, этой собственностью владеющими. В этом случае возможен лишь один вариант - это власть, выполняющая волю владельцев собственности, но не имеющая своей. Ибо право на волеизъявление в этом мире тоже дает собственность.

* * *

После путча 91-го года, а точнее, после ухода Горбачева с политической сцены в телевизионном мире создалась двойственная ситуация. И она в значительной мере усложнила положение вокруг РТР. Назначение Егора Яковлева на пост руководителя "Останкино" было в определенной степени компромиссом. Кандидатуру Яковлева предложил Ельцину Михаил Полторанин.

Егор Яковлев был человеком известным, популярным среди либеральной интеллигенции. Более того, на первом союзном съезде народных депутатов он, как и Борис Ельцин, входил в состав Межрегиональной депутатской группы. Естественно, никакого активного членства Яковлев в депутатской группе не проявлял. Это было в его натуре. Своим членством он обозначил политический вектор, чтобы исключить всякие пересуды на этот счет. Неброскими маневрами свое участие в депутатском брожении как бы исчерпал. Полторанин, настаивая на кандидатуре Яковлева, знал о его близости к Горбачеву, и этим своим шагом достаточно значимо подчеркнул хотя и не простое, но в большей степени доброе отношение к переживающему послефоросское потрясение союзному президенту. Не было секретом, что и Горбачев относился к Полторанину с определенной симпатией. Полторанин давал понять Горбачеву: оцените - ставим вашего человека.

Ельцин не очень вдавался в детали. Он доверял Полторанину, ну а симпатии к Горбачеву - это можно вынести за скобки. Дни Горбачева сочтены. А тот факт, что его люди становятся сторонниками Ельцина, а иначе истолковать согласие Егора Яковлева принять предложенный ему пост было нельзя, по-своему укреплял авторитет президента России. Таков был рисунок интриги. Ельцин, познавший моральный климат верхушечной власти, знал, что конец власти это, как правило, конец привязанностей людей, окружающих власть. Но Егор Яковлев жил по иной системе нравственных координат и своего отношения после самоотставки Михаила Горбачева с поста президента СССР к нему не изменил.

Мои собственные сложности имели совсем иной рисунок. После распада Союза Егор Яковлев выдвинул идею межгосударственной телерадиокомпании. Обоснование было очевидным - сохранение единого информационного пространства. Мы обсуждали с ним эту идею. В любом ином случае "Останкино", как телевизионный и радийный мегаполис, теряло центр тяжести. И для нас обоих - как "Останкино", так и ВГТРК - крайне важно было развести поля политического влияния. Я играю внутри России. Егор от ее имени на пространствах ближнего зарубежья. Первый канал имеет наивысшую зрительскую аудиторию на территории бывшего Союза.

В трактовке идеи межгосударственной телерадиокомпании у нас, при всей общности взглядов, было ощутимое расхождение. Я считал более перспективным говорить не о едином информационном пространстве, что как бы лежало на поверхности, а поставить во главу угла сохранение и расширение единого демократического пространства. Это задача более сложная и неизмеримо более нервная, а значит, атакуемая, но и более политически значимая. Я бы даже сказал, более оплотная. Предлагая такое направление идеи, я пропускал Егора вперед и делал это не без чувства ревности и сожаления. У него компания была под рукой, а мне с коллегами нашу собственную предстояло еще построить. Егор сделал вид, что его не впечатляет мой вариант государственной телерадиокомпании, и опять повторил: "единое информационное пространство" и компания межгосударственная. Впрочем, неудобность и коварство Егора, как правило, проявлялись в самочинной переигровке достигнутых договоренностей. Помню, как на одной из встреч президента с руководителями СМИ после ельцинского откровения насчет ВГТРК, как российской компании, Егор неожиданно атаковал это утверждение нервным вопросом: "А как же "Останкино"? Мы разве не российская компания?" Ельцин оказался застигнутым врасплох. Удачного ответа не нашел. И, предложив вместо него хитроватую улыбку, пробурчал: "Ну, конечно, тоже российская". Это было для Яковлева своеобразным сигналом к атаке. Егора не устраивало положение "тоже". И побуждаемый ревнивым окружением останкинцев, он начал осаду верхних этажей власти. Надо сказать, Егору всегда льстило почитание власти. Он любил пробросить как бы невзначай: "Вчера звонил Горбачев" или "Татьяна Дьяченко сказала мне на приеме: я обожаю вашего сына"; назвать Ростроповича Славой, а Лужкова - Юрой. В этом, разумеется, было проявление снобизма, но снобизма куражистого, показывающего как сильные стороны Егора Яковлева, так и его уязвимость.

Я готов признать, что на этом поле Егор мог меня переиграть. У меня был совершенно иной стиль отношений с властью.

В лице Егора Яковлева я обретал сильнейшего конкурента в борьбе за симпатии власти. И, несмотря на этот штрих бытия, мы сохраняли дружеские отношения, часто перезванивались, встречались, всякий раз убеждая друг друга, что нас, конечно же, хотят поссорить, но мы это понимаем и, конечно же, не сыграем на руку нашим врагам и не допустим разлада. Трогательные интеллигентские заблуждения. Дело в том, что по сути своих телевизионных замыслов я был настроен несколько дистанцироваться от власти, так как мое депутатство, непосредственное участие в создании нового стиля отношений между властью и средствами массовой информации, присутствие на высоких открытых и закрытых совещаниях, заседаниях излишне приближали меня к ней и могли породить ложное представление, что я часть этой власти. Необходимо было разрушить этот миф, дабы обеспечить компании и журналистской команде оперативный простор.

Для компании, которая рождается на глазах, претендует на новый образ теле- и радиопрограмм, проповедует принципы открытой политики, независимости суждений, так как сама является продуктом демократического прорыва, строить свои отношения в духе льстивого верноподданичества пагубно. В этом случае ни о каком авторитете компании в обществе, как, впрочем, и в демократической среде, говорить не приходится. Но и потеря контакта с властью, которая формально учреждала компанию, дала ей жизнь, оголтелая оппозиционность, создание атмосферы скандальной сенсационности, которая нравится обывателю, это также был путь в никуда. Отрицать очевидный раскол в обществе было нельзя. Способствовать его усилению нельзя тем более. Идея Егора Яковлева о межгосударственной телерадиокомпании по замыслу была идеей грандиозной. И если говорить откровенно, идеей приоритетной в замысле создания и развития СНГ. Самого Егора Яковлева она поднимала на уровень межпрезидентских, межправительственных отношений, что укрепляло престижность "Останкино" и, конечно же, самого Егора Яковлева. Разве плохо в разговоре пробросить фразу типа: "Вчера переговорил накоротке с Нурсултаном" или "На дне рождения Шеварднадзе мне рассказали вот такой анекдот" или, совсем для души, "А Кравчук не дурак. Намедни он мне говорит: "Милый Егор Владимирович...". А ведь

действительно неплохо, но...

Как всякая значимая идея, эта идея несколько опережала реалии внезапно сложившейся, но совсем другой жизни. Добрых отношений бывшего главного редактора "Московских новостей", уважаемого и почитаемого, бывшего депутата союзного съезда, вхожего к бывшему президенту Союза с вновь избранными президентами союзных республик было крайне недостаточно. У президентов оставалась куча неразрешенных суверенитетных проблем, и всякие объединительные действа они воспринимали с кривоватыми ухмылками, как некий имперский синдром России. Чуть позже многие из этих лидеров будут искать счастья на стороне, лукаво обосновывая свои действия опять же новомодной фразой: "Россия от них отвернулась, и им ничего не оставалось, как..." В их словах была ощутимая неточность, хотя сути дела она не меняла. Россия не отвернулась, она просто не успевала поворачиваться лицом к очередному субъекту бывшего СССР. Межгосударственная телерадиокомпания требовала больших денег. Лишних денег никогда не бывает. А в эти годы не было и не лишних. Брать же львиную долю расходов на содержание межгосударственной телерадиокомпании на себя, неизвестно под какой результат, Россия не хотела. Не имела идея Егора Яковлева ощутимой поддержки и на территории самого "Останкино". Претензии на главную всероссийскую компанию у бывшей главной всесоюзной обострились до предела. Зачем журавль в небе? Лучше синица в руках. Егор еще ездил на какие-то встречи, добивался приемов у президентов, но не более того.

Своей идеей Егор Яковлев не возвращал прошлое, как это пробовали толковать его оппоненты, он хотел предвосхитить разрушительное будущее, возможно, даже не вникая в суть этого процесса до конца. Устремления коллег из "Останкино" и стратегия главы "Останкино" зримо не совпадали. Первых в своей основной массе не устраивало понятие "тоже российская", когда речь шла об их компании. Прежде всего российская и при этом главная российская компания. Более того, главная государственная компания, а следовательно, и главный государственный рупор. Нет, не надежды, привычки умирают последними. Возвращение в телевизионное всезначимое, призрачное вчера было преобладающим желанием этих сил. Но Егор Яковлев это не Лапин, не Аксенов, не Ненашев и не Кравченко. Егор есть Егор. Этой фразой сказано все. Человек, создавший вызывающий журнал "Журналист", а затем газету-бунт "Московские новости", подписка на которую вплоть до 1989 года была ограниченной, не мог не заразить останкинский эфир вирусом оппозиционности "Московских новостей". Сейчас было бы уместно сказать - это его и сгубило. Фраза прозвучала бы эффектно, но от правды она бы была очень далека.

Я уже говорил, какие цели преследовал Михаил Полторанин, в ту пору вице-премьер, предлагая кандидатуру Яковлева президенту. Во-первых, человека Горбачева он делал человеком Ельцина. Ельцину должен был понравиться этот замысел. В стан Ельцина переходил человек, олицетворяющий в журналистских кругах эпоху шестидесятников. Во-вторых, это был и шаг навстречу Горбачеву, в ту пору еще президенту СССР, а значит, и свидетельство расположения к нему со стороны Полторанина. В-третьих, это было возвращение долга. В конце 80-х, после крушения московской карьеры Ельцина, бывший член бюро горкома КПСС и бывший главный редактор "Московской правды", сподвижник Б.Н.Ельцина Михаил Полторанин остался без работы. В тот трудный для него момент Егор Яковлев протянул руку помощи и пригласил его на работу. Михаил Полторанин и Егор Яковлев чрезвычайно разные люди, в чем-то антиподы, но идеи, объединяющие их, оказались значимее несогласия. Полторанин этого яковлевского поступка не забыл, и у него появилась возможность вернуть долг благородства.

В-четвертых, во главе "Останкино" должна было появиться значимая, профессионально состоявшаяся фигура демократа (Яковлев в полной мере соответствовал этой характеристике), который если и не искоренит, то сильно разбавит большевистскую закваску старой телевизионной гвардии.

И, наконец, в-пятых. Яковлев, конечно же, как человек амбициозный, не допустит, чтобы его заместитель по "Московским новостям" Олег Попцов взял над ним верх.

Следовательно, будет жесточайшая конкуренция. Попцову состязательной злости не занимать, и если Попцов станет слишком зарываться и самостоятельничать, его можно будет поставить на место. И у президента, правительства появится хороший выбор, на какую компанию можно сделать ставку, как компанию для власти оплотную. Тогда еще никто не подозревал, что власть предполагает, а деньги (или их отсутствие) располагают. Согласимся, что замысел был многомерным, хитрым и значимым, однако...

Развязка грянула достаточно неожиданно. После показа по первому каналу документального фильма о критической ситуации в Северной Осетии между осетинами и ингушами, в котором журналисты, анализирующие этот конфликт, выступили в поддержку последних, появился немедленный и поспешный указ об отстранении Егора Яковлева. По стечению обстоятельств Егор даже не видел этой работы. Перед эфиром ее отсматривал Игорь Малашенко. Работа была сделана профессионально, жестко, как того требовала суть конфликта. Но на встрече президента с главами республик, входящих в Федерацию, президент Северной Осетии Галазов заявил резкий протест по поводу фильма, как "извращающего суть конфликта и унижающего осетин". Президент, естественно, фильма не видел, но напору Галазова уступил. Реплика президента была неординарной: "Хватит! Подготовьте указ об освобождении Яковлева".

В этой фразе ключевым является слово "хватит". Если хватит, значит имело место некое накопление информации, раздражения, подозрений. Спустя пять лет нечто подобное переживу и я. Но тогда столь неадекватный поступок президента вызвал оторопь, и прежде всего в стане демократической прессы. Что же именно вызревало и вызвало мгновенную вспышку ельцинского гнева? Даже после путча, практически опрокинувшего Горбачева как политически значимую фигуру, Ельцин продолжал ревностно отслеживать поведение сторонников своего главного оппонента. Тот факт, что назначение Яковлева на пост главы "Останкино" в свое время пришлось согласовывать с Горбачевым, оставался некой занозой в памяти российского президента. И когда ему представилась формальная возможность ее вырвать, он это сделал немедленно. Ельцина раздражали отношения, которые сохранились между Горбачевым и Егором Яковлевым. При встречах со мной Ельцин не раз проговаривался на этот счет. Каждая встреча Яковлева с Михаилом Сергеевичем тщательно фиксировалась и, соответственно, в негативном образе преподносилась Ельцину. "Не пойму я вашего друга. Чем его так привязал к себе Горбачев?" Далее следовала не восторженная аттестация самого Горбачева и вывод: "Егор Владимирович ведь умный же человек. Мне и так все намекают на их постоянные контакты". Я старался перевести все в шутку. Говорил, что президент перестал бы уважать любого человека, который прекратил бы свои дружеские отношения только на основании того, что его друг перестал быть высоким начальством. Что постоянство Егора Яковлева говорит о его порядочности. "Это так, соглашался Ельцин, - но Горбачев - это же..." Лицо Ельцина кривилось в неодобрительности, рот делался подвижным, уходил куда-то вбок. Затем несогласное движение головы и скрипучий ельцинский баритон завершал монолог: "Нет, не понимаю".

Полагаю, что и Михаилу Полторанину, автору яковлевского назначения, приходилось выслушивать обидчивые слова президента. Зная и Ельцина, и Полторанина, их диалог воспроизвести несложно.

Ельцин: Я вас предупреждал - он человек Горбачева. Вы мне что ответили? "Это пока Горбачев президент".

Полторанин: Ну и что? Пусть встречаются. Горбачеву сейчас не с кем поговорить. Для него Яковлев вроде отдушины. (Полторанин как бы подтрунивал над Горбачевым и над Яковлевым. Но президент настроен на строгость, и приглашение перевести все в шутку и посочувствовать одинокому Горбачеву не принимает.)

Ельцин: Горбачев знаете что обо мне говорит? Я, конечно не обращаю внимания. Чего ему остается - только болтать. Но Яковлев - мною назначенный человек. Он что, этого не понимает?

Ельцин не простил этих отношений Егору. У челяди хозяин должен быть один.

Отставка Яковлева практически была первым неадекватным шагом Ельцина образца 92-го года. Я помню, как прореагировал Полторанин. Ельцин, разумеется, не посоветовался с ним. Полторанину я позвонил тотчас, как узнал об указе. Он сам снял трубку и, опережая всякие мои вопросы, со вздохом выдавил из себя: "Давай, приезжай". Когда я появился в его офисе, сразу почувствовал нависшее в воздухе напряжение. Даже у его секретаря, милой и доброй женщины, на лице читались испуг и волнение. Полторанин ходил по кабинету и нервно потирал руки.

- Видишь, как получилось?! - Он сразу перешел в атаку. Предупреждаешь вас, объясняешь, а вам всем по... Лезете на рожон.

В этом неопределенном "видишь, как получилось" прочитывалось многое. И обида, что президент рубанул сплеча, не посоветовавшись с человеком, который отвечал за СМИ. И предупреждение мне: дескать, и с тобой может быть так же. И со многими. И начхать ему на наши единые баррикады.

- Надо что-то делать, - сказал я.

- Надо, - согласился Полторанин.

На заседании правительства, его вел Ельцин, во время паузы я передал президенту записку. Текст был рискованный, но выхода не было. Ельцин терпеть не мог, когда ему указывали на его ошибки. Но я почувствовал, что президент и сам считает свое решение неудачным, не ошибочным, а неудачным. И поэтому рискнул. Ельцин прочел записку и с раздражением перебросил ее Полторанину. Полторанин тоже прочел, затем что-то написал на ней, снова передал Ельцину. Как потом он мне сказал, на другой стороне записки он написал: "Я с Попцовым согласен".

Другое время, другие отношения, другой президент. И Полторанин и я напрашивались на неприятности. Подсуетились и Игорь Голембиовский, и Паша Гусев. Мы напросились на встречу с президентом. Полторанин активно поддержал нас, эта встреча состоялась. На встречу был приглашен и Егор Яковлев. В этом состояла суть замысла. Встреча получилась и нервной, и откровенной. Президент понимал, что, утратив добрые отношения с прессой, уже выпущенной на свободу, он многим рискует. Во время этой встречи президент очень определенно проявил свою суть. Он признал, что решение по Егору Яковлеву не считает удачным, но переигрывать его или отменять не станет. Такой шаг непозволителен для президента. Он готов Егору Яковлеву предложить любую должность и даже извиниться перед ним. С Егором началась легкая истерика. Он сказал, что никаких должностей от президента не примет. Он обустроит свою судьбу сам. И еще что-то о судьбе демократии. И, как апофеоз, сконцентрированная обида - такого отношения к себе со стороны президента он не заслужил; если президент чем-то недоволен, он мог ему сказать об этом; он, Яковлев, президента бы понял и ушел сам.

Мы покинули эту встречу в скверном настроении. Казалось бы, мы побудили Ельцина признать ошибочность своего решения, но это признание получилось безрезультатным. Да и на что мы могли рассчитывать? Что президент отменит свое решение? Нет, разумеется. Мы шли, чтобы самовыразиться, показать единое неприятие этого президентского шага. Теперь Полторанин имел право сказать: я сделал все возможное, но Егор заупрямился. Разумеется, это было бы лукавством. Окажись на месте Егора Полторанин, он повел бы себя точно так же. Талантливые люди должны быть гордыми. "Останкинское правление" Егора Яковлева получилось недолгим. Непримиримая оппозиция ненавидела Яковлева. Это особенно проявилось летом 92-го года, когда непримиримые митинговали в "Останкино", требуя эфира.

Президент действовал по своему усмотрению, но объективно ненависть оппозиции и раздражение президента по поводу яковлевского постоянства в отношениях с Горбачевым сплюсовались и перечеркнули для "Останкино" шанс стать принципиально иной телерадиокомпанией. Впрочем, судя по всему, это принципиально иное никому не было нужно.

После эмоционального заламывания рук (почему не я, а Яковлев) Малашенко тоже

покинул "Останкино". Очень скоро перессорится вся яковлевская команда. Да и была ли она командой? Команды Яковлев создать не успел. Однажды, уже спустя несколько лет, Егору Яковлеву задали вопрос, почему люди, которые работали на телевидении с ним, после его ухода ведут себя столь недостойно. Яковлев ответил: "Когда они работали со мной, они вели себя достаточно прилично и у меня не было повода их упрекнуть. То, как они ведут себя после моей отставки, это уже не моя, а их проблема". Оказавшись в окружении людей не свойственного ему мира, он был обречен подозревать их в неискренности по отношению к себе. Назначая на пост первого заместителя Эдуарда Сагалаева, Яковлев прикрывал себя с фланга. Он выходил из-под атаки молодой амбициозной команды внутри телевидения. Теперь он имел право сказать им - я открыл вам дорогу.

С другой стороны, это был ответ на возможные обвинения, что он протаскивает вместе с собой непрофессионалов. Сагалаев укрепился в телевизионном мире. Слыл человеком достаточно значимым, создателем нашумевшей молодежной редакции, к тому времени поработавший и главным редактором программы "Время". Так что сказать, что Яковлев игнорирует телевизионный профессионализм, было трудно, но... Ох уж эти извечные "но".

Естественно, что по всем ключевым телевизионным вопросам сотрудники, как, впрочем, и люди, желающие утвердиться на телевидении со своими программами, шли к профессиональному Сагалаеву, что создавало неминуемо атмосферу ревности. Поползли слухи - подсиживает, ведет свою игру. Тактика Яковлева в общем-то была правомерной. Поставить рядом с собой новое профессиональное лицо, испытавшее ущемленность и противодействие консервативной телевизионной касты своему стремлению прорваться наверх. Не опереться на старые, сложившиеся кадры, а совершить маневр внутреннего обновления. Это, хотя бы отчасти, уравнивало шансы руководителя и его заместителя. И тому, и другому надо было привыкать к новой должности. Разумеется, для Сагалаева этот процесс практически был безболезнен. Во-первых, к этому времени он проработал более 12 лет на телевидении и был, возможно, и не для всех приемлемым, но своим. Привыкание самого Яковлева было более сложным. Ему предстояло взять не только управленческую высоту, но и постигать совершенно новую для него телевизионную среду. И, как известно, все газетчики, еще живущие испарениями своего подавляющего влияния на общественное сознание, смотрели несколько свысока на тележурналистов с точки зрения журналистского ремесла. Не избежал этой традиционности и Егор Яковлев. А сменить "веру" - дело сверхсложное.

Где бы ни работал Егор Яковлев, у него непременно появлялись любимцы, которых он, кого-то скрыто, а кого-то явно, патронировал. Этим людям он не просто уделял больше внимания, это вполне естественно, он на них возлагал надежды и больше им доверял. Последние очень скоро создавали некий диссонанс в коллективе, а уж тем более в коллективе чужом. На телевидении это пристрастие Егора Владимировича повторилось. В числе наиболее близких оказался Александр Пономарев, хронологический и исторический сподвижник Эдуарда Сагалаева, в свое время сменивший его на посту руководителя молодежной редакции телевидения. Яковлеву Пономарев приглянулся, он был более контактен и, что не менее важно, с большим потенциалом почитаемости мэтра, которым в журналистских кругах привык считать себя Яковлев. Так или иначе, многие решения, которые принимал Сагалаев, Яковлев обсуждал с Пономаревым и после этого вносил неожиданные коррективы. Во избежание сложностей, Пономарев тотчас сообщал об этом Сагалаеву. А для Сагалаева, не лишенного властных амбиций, большее доверие первого лица на телевидении не к нему, а к его подчиненному выглядело сверхоскорбительным. Так уж устроен мир. Для большинства руководящих лиц собственные привычки - норма поведения, незнание и игнорирование которых - предвестие заката карьеры подчиненных.

В истории "Останкино" Яковлев стал знаковой фигурой. Он положил начало останкинскому акционированию. И это неважно, что само акционирование проведет уже другой Яковлев - Александр Николаевич. Но дробление, превратившееся в нашествие юридических лиц, случилось при Яковлеве-Сагалаеве. При Яковлеве "Останкино"

самоорганизовалось в некий холдинг и коммерциализация телевизионных процессов обрела необратимое свойство. Хотя, как утверждают коллеги, мотором коммерциализации был Эдуард Сагалаев. Именно тогда обособились информационная команда ИТА, "Вид", появилось малкинское АТВ и практически Технический телевизионный центр стал владельцем всей собственности на территории "Останкино". Журналистам же принадлежала мифическая интеллектуальная собственность. Так началась останкинская эпоха экономической свободы и управленческого хаоса. Можно без преувеличения сказать, что бывшее Центральное телевидение стало пионером рыночных отношений, естественно отношений диких, так как они, эти отношения, оказались в ничейном, лишенном законодательных норм пространстве. Союз шел к своему распаду, насилуя одряхлевшее тело страны самодельными лекарствами политических реформ. Экономика искала социалистический путь к капитализму. Законодатели голосовали за неработающие законы. В этой взмутненной жизни начался останкинский передел собственности. В громадных холлах останкинских корпусов, похожих на станции метро, появились магазины. В километровых коридорах блуждали лица парадоксальной наружности, именуемые арендаторами. Денежные потоки обрели веерный рисунок. Некогда единое юридическое лицо, которое оскорбительно называли "монстр", раздробилось на сотни юридических лиц. Они немедленно приступили к трапезе и стали активно поглощать тело монстра. Грянула эпоха зарабатывания денег для себя. В отечественном телевизионном мире появились очень богатые люди. Самое удивительное, что все это началось еще "до того". До ваучеров, до приватизации.

* * *

Весна получилась непредсказуемо-ажиотажной. Поездка Черномырдина в Америку излучала стабильность. Президент пресекал наскоки на Чубайса, заверял Немцова, что три года исполнительной власти он ему гарантирует. И даже возможный вотум недоверия правительству не воспринимался трагически. Президент в течение января и февраля планомерно усиливал Черномырдина, как бы давая понять - я свой выбор почти сделал. И вдруг...

Нынче модно мыслить категориями эпох. В этом проявляется своеобразная ревность политиков. Человек, может, и не столь значим, но если к обстоятельствам его отставки или, не дай Бог, смерти прибавляется слово "эпоха", он многократно прибавляет и в политическом весе, и в исторической данности. Естественно, прибавляет теоретически или политологически, но не по существу. Потому как нынче термин "эпоха" употребляют для удобности, а не как оценочную суммарность сотворенного. Разумеется, в этой тенденции есть исключения, но они, как правило, относятся к прошлому.

13 марта 1998 года кончилась эпоха Черномырдина. Я понимаю, что окружение президента и сам президент возразят - никакой эпохи Черномырдина не было и быть не могло. Все, что происходит в России с начала 1990 года, это одна эпоха и у нее уже есть хозяин, его фамилия Ельцин. Но каприз - не есть доказательство. Эпоха эпохе рознь. С уходом Леонида Брежнева канула в лету эпоха застоя. Распался Союз. Горбачев сложил с себя президентские полномочия, закрылась дверь эпохи, перевернулась последняя страница перестройки. Как назовут годы властвования Ельцина? Временем, эпохой, периодом, этапом? И все-таки Виктор Черномырдин это больше, чем временной период протяженностью в шесть лет. Вот Гайдар в силу краткосрочности не потянул на эпоху. Тут все акценты расставлены: период начала макроэкономических реформ. Скромно, но со вкусом. Чубайсу исторически повезло больше. Чубайс оказался долгожителем. С перерывами, но долгожителем. Ельцин использовал Чубайса. В этом утверждении нет преувеличения. Авторское уточнение не меняет сути. Не только Чубайса. И Гайдара, и Скокова, и Филатова, и Бурбулиса, и Полторанина, и Коржакова, и Черномырдина. Должность у него такая. Президент России - главный пользователь страны.

ЕСЛИ НЕ БЫТЬ - ТО С КЕМ?

А ЕСЛИ БЫТЬ - ТО КАК?

Июнь-июль 1998 года.

Первая волна азиатского финансового кризиса захватила нас краем, хотя и достаточно ощутимо. Из России началось бегство коротких инвестиций, испытывающих финансовый дискомфорт. На глазах тают средства, играющие на нашем биржевом рынке.

Неожиданное постижение - почему для нас опасно стремительное падение курса японской йены. Казалось бы, при чем здесь мы? Это в нас еще бродит философия замкнутого социализма. Мы с трудом осваиваем азы рынка. Крах йены, значит, спад производства в Японии. Спад производства, значит, сокращение закупок энергоресурсов, и прежде всего нефти. Сокращение закупок газа и нефти означает падение цен на тот и другой энергопродукт. А Россия за счет того и другого живет. Вот и получается: упавшая японская йена торпедирует российский бюджет.

Обывателю не хочется постигать эти истины. Одна интеллигентная пожилая женщина, так трепетно и с грустным восторгом принимавшая демократические перемены конца 80-начала 90-х годов лишь по той причине, что она, по ее выражению, "ох уж как не молода", в жаркий июльский день 98-го года, сохраняя на лице выражение грустной иронии, заметила после программы "Итоги": "А наши марксисты не так уж не правы. Капитализм - штука коварная. Как он нас по мордам отделал, и мы опять в 92-м году".

Затянувшееся ожидание всегда переходит в устойчивое неверие. Это надлежало понять демократам еще в самом конце 80-х. Повседневная суета власти обрела масштаб однообразия, после которого обществу не интересно даже надеяться на что-либо. Нет-нет, способность к возмущению, недовольству осталась; способность, потребность к соучастию сошла на нет. Власть погасила общество. Таков итог ельцинской эпохи в истории России. Признание удручающее еще и потому, что многие из нас создавали эту власть и, более того, не единожды вытаскивали ее из пропасти. Это не отчаяние единомышленников. Единомыслие с абсурдом и пороком лишено здравости. Это, скорее, печальное сожаление участника и соавтора многих событий. Общество сосуществует с властью в суженном пространстве между полувраждебностью и равнодушием. Власть тоже сосуществует с обществом, но у нее видение того же самого пространства имеет свое отличительное оптическое смещение: когда мы есть - плохо; но если кто-то вместо нас - наступившее "плохо" будет намного хуже, чем наше. Мы обрели власть, которая даже не претендует на позитивный образ. Любят, не любят, уважают или нет - это чувственные категории, а мы управленцы.

Сейчас нелепо задавать вопрос: почему президент сменил правительство? Он его сменил, ему так захотелось. Вопрос в другом: чего достиг президент благодаря смене кабинета? А если конкретнее - что обрела страна, общество благодаря очередной кадровой чехарде? Антикризисную программу? Она не первая. Такие программы имели другие названия, но их сущность была той же самой. Не станем же мы утверждать, что Черномырдин образца 96-го или 97-го года принимал программы с целевой задачей усилить кризис. Они толковались более приземленно, сказывалась обкомовская упрощенность президента, а может, недолгая подготовка. Семь главных дел, двенадцать главных дел... Не станем запоздало спорить. Правительство Черномырдина работало не на едином дыхании - это факт. Но это "неединство" в правительство заложил сам президент. Правительство Гайдара работало на едином дыхании, однако политический дисбаланс был очевиден. И эту "единодыхательность", "единонаучность" упразднил сам президент. Потому как всякие противовесы, на чем строится кадровая президентская политика, а в этом он преуспел за семь лет своего правления, пресекает объединение соратников вокруг правительственного лидера любой ориентации.

Однако программы пока нет. А полгода уже позади. Более того, декларирует премьер - ждать предполагаемого роста в 98-м году, о чем мы говорили раньше, нелепо, потому что... Когда в нашем отечестве недоставало причин, опираясь на которые власть доходчиво объясняла, почему она не может?

1998 год объявили годом промышленности. Странный лозунг. Года-то, по сути, нет. Он уже зачислен всеми экономистами в год финансовой неблагополучности, инвестиционного

кризиса. Обозначать год спада как год подъема нелепо. И ссылаться на то, что президент заявлял это в марте, а вот в июне ситуация изменилась и потому... А кто просил заявлять это в марте, и настойчиво повторять в апреле, и изображать правительственную суету рапортациями под этот ничем не обоснованный девиз? Когда же это кончится моя левая нога желает, и будет с вас... В "год промышленности" правительство отказывает космонавтам в каких-либо вложениях в строительство орбитальной станции "Альфа", наш совместный с американцами проект.

Что еще мы обрели? Новые долги. Для этого не стоило менять правительство, потому как прежнее их делало так же успешно. Тем более что знакомым дают в долг легче, чем незнакомым. Какая из профессиональных задач стала решаться лучше? Никакая. Уже потому, что смена правительства не явилась фактом профессиональной несостоятельности предшественников. Вообще идет малообъяснимая диффузия, когда разжалованные министры оказываются на решающих постах в администрации президента. И народ начинает раздумчиво философствовать: кто важнее, вице-премьер или заместитель главы администрации президента? Вряд ли Христенко более профессионален, чем Чубайс, Степашин - нежели Куликов. И вообще, профессионализм главу государства просто не интересует. Так же, как он мало интересует и его ближайшее окружение. Когда власть не знает, что делать, она начинает заниматься реорганизацией управления. Это самый тревожный симптом. Он был таковым во все времена и во всех государствах. Реорганизация управления: слияния, укрупнения, разъединения - создает видимость титанической работы. В ответ на недовольство сограждан власть всегда может ответить: то есть как мы ничего не делаем? Отправлено правительство в отставку, реорганизованы налоговая служба, ГАИ. Настроены на треть сократить чиновничий аппарат. Все это прекрасно, когда происходит наряду с ростом производства, размахом строительства, реализацией социальных программ, а не взамен первого, второго и третьего. Вызывает беспокойство даже не стиль управления, а приоритеты власти, незапрограммированно появляющиеся, как острова в океане. Последняя блажь - создание Контрольно-наблюдательного совета при президенте. Странная попытка администрации президента сосредоточить в своих руках все виды контроля - от ФСБ и МВД до налоговой полиции и таможни. Председателем этой всеохватно-контрольной новации будет президент, а его заместителями - премьер и Валентин Юмашев. Почти уверен, что деятельность Совета закончится первыми организационными заседаниями. Симптомы структурного зуда наблюдались у президента и прежде.

23 июня.

Расширенное заседание правительства с участием президента. Разговор об антикризисной программе, которую вот-вот объявит правительство, идет уже больше месяца - продуманный рекламный трюк. Нечто подобное уже использовал Егор Гайдар. Первая рыночная атака правительства молодых реформаторов. Почти три месяца правительство Гайдара говорило, что вот-вот отпустит цены. Народ был настолько истерзан ожиданием, пустыми полками магазинов, талонами, раздаваемыми в жэках, что без трагедии перенес рокировку основополагающих величин. Есть деньги, но на них ничего не возможно купить. Никто ничего не покупает - все что-то где-то достают. Белый рынок пуст, черный рынок роскошествует. Перемена мест слагаемых оказалась впечатляющей. Все есть, но нет денег, на которые это все можно купить. Народ ходит в продуктовые магазины как в музей. Если в те дни вы обращали внимание на лица, то могли заметить некую странность: гримасу молчаливого испуга и шевелящиеся губы. Это про себя люди пересчитывали количество нулей, появившихся на ценниках. И тем не менее нагнетание рецептуальности единственного выхода - такого, как либерализация цен, - позволяющего избежать краха, сработало. Социального взрыва не случилось. Все с удивлением разглядывали магазинные полки, заваленные товарами. Это было похоже на сеанс гипноза.

Нынче использован тот же прием. Месяц говорили о долговой яме, в которую проваливается страна, налоговых недоимках, о необходимости наделить налоговиков едва ли не армейскими подразделениями для проведения облав, штурмов, операций. Миф о

гигантских деньгах, которые прячут жители этой страны, набухал как снежный ком. Практически антикризисная программа - это некая притча о сборе налогов властью, которая утратила авторитет в собственной стране. Упрямство власти, именуемое энтузиазмом молодого правительства, что якобы его отличает от правительства предыдущего, вызывает не сочувствие, не желание поддержать в меру своих сил, а раздражение - опять. Власть не желает ослаблять налоговое бремя, а намерена фискальными методами по максимуму выбить налоги в пределах тех изнурительных норм, которые существуют поныне. И никакие доводы, что умеренные налоги делают сограждан соучастниками развития страны, а налоги поборные стимулируют желание обмануть, правящими особами не воспринимаются.

Добиться законопослушания от богатых - идея здравая и справедливая, но вся проблема в том, что с начала реформ реформаторы сделали все, чтобы расслоить общество. В этом не было запрограммированного желания. Это делал рынок, утверждая правила игры, при которых он только и может существовать. Экономические свободы необъятно расширили категорию людей, пытающихся заработать деньги вне прежнего устойчивого места труда, где человек стабильно получал зарплату, которая была пусть несовершенным, но мерилом его значимости для государства. Поэтому нефтяникам, шахтерам и металлургам платили больше, поэтому осваивающим суровый Север платили "северные". Во всем этом была, возможно, неидеальная, но очевидная логика социальной справедливости. И вдруг это самое место труда прощается с человеком, выталкивает его на улицу, вынужденно превращая тем самым завод, институт, лабораторию в кладбище машин, испытательных стендов, станков.

Ныне мы оказались свидетелями невероятной ситуации, когда государство отказалось от своих обязательств по месту основной работы граждан. Нынешнее общество - это некая суммация сограждан, пребывающих вне социальных ориентиров. Власть разделила страну по принципу: кто не нищ - тот богат. Как сказал Яков Уринсон:

- Странная картина - нас (власть) уверяют, что страна бедствует, а количество автомобилей иностранного производства на улицах городов увеличивается вдвое.

Никто не уточнил, каких автомобилей: подержанных, сверхподержанных, насквозь прогнивших до основания? Каких? В обществе, переживающем хаотическое вхождение в рынок, нужда и богатство не отсечены строгой границей, а на первых порах переплетаются, когда бедные-богатые кормят и помогают выжить нищим, не получающим вовремя зарплату и пенсию, так как в большинстве своем эти стихийно разбогатевшие являются членами их семей. Власть, не знающая, кого она представляет, обречена метаться между разными классами, сословиями и социальными группами. Она то ополчается на олигархов, характеризует их как главное зло всех неурядиц, то бросается к ним в объятия со стонами: "Помогите! Либо вместе выплывем, либо вместе утонем!" Власть, декларирующая устами президента социально ориентированные реформы, и перманентно не выплачивающая зарплату тем самым социальным группам, на которые якобы ориентированы реформы, по существу приговорена.

28 июня.

Собрался съезд партии ПРЕС, возглавляемой Сергеем Шахраем. Во главе партии две достаточно известные фигуры из президентского окружения - сам Шахрай и Александр Котенков, представитель президента в Государственной Думе. Интересно, что партия не рассматривает в числе первоочередных целей цель очевидную - участие в выборах в Государственную Думу 1999 года. На предыдущих выборах партия потерпела внушительное поражение, собрав менее 2% голосов. Партия не желает второй раз рисковать. По существу, партии, разумеется, нет. Есть некий клуб демократов-консерваторов. Сергей Шахрай объявил, что на следующих президентских выборах их партия будет поддерживать Юрия Лужкова и, в определенной степени, Александра Лебедя.

* * *

Главенствующая мысль, насаждаемая командой Кириенко: "Мы вынуждены проводить в жизнь непопулярные меры. Мы их заложники. С одной стороны, все возмущаются, почему перебои с зарплатой, но как только мы пытаемся навести порядок с налогами, из которых и

берется эта зарплата, мы наталкиваемся на противодействие". Верховный налоговый комиссар Борис Федоров выразил идею еще жестче: "Мне тоже не нравится платить налоги, однако делать это необходимо. Я здесь для того, чтобы утвердить эту всеобщую необходимость как норму жизни".

Небольшая ремарка относительно риторики нынешней власти. Бедные платят налоги исправно. Обманывают страну богатые. Это практически повторяется на каждом шагу. Осознанно или неосознанно завершив расслоение общества, власть, лавируя между социальными слоями, практически сталкивает эти слои, программируя давление малоимущих прежде всего на средний класс. Однако власть, обустроив класс богатых и очень богатых и в незафиксированной среде пребывая корнями уже в этом классе, никогда не станет своей для малоимущих. Теперь же, в силу налогового безрассудства, она потеряет сочувствие того самого среднего класса, на который крайне рассчитывала. Достаточно заметить, что именно на это назревающее сословие ориентируются все либерально-консервативные и демократические течения и партии - от "Демвыбора России" и НДР до "Яблока" и ЛДПР. Это почти исключает разницу между почерком КПРФ и действиями Немцова и Кириенко. В этом самое разительное подтверждение идейного кризиса власти. Власть ищет, пытается нащупать коррекцию курса реформ, не признавая публично совершенных ошибок, что практически сделать невозможно. Причем последняя часть этой формулы особенно значима, она подводит черту под восьмилетним правлением Ельцина.

2 июля 98-го года.

Рэм Вяхирев, глава "Газпрома", на переговорах в Австрии. Гром грянул с раннего утра. На заседании правительства объявлены санкции против "Газпрома" и аресте его имущества. Довод: "Газпром" не погасил налоговых долгов перед бюджетом. Ответная реакция "Газпрома": мы должны 12 млрд, и это так; нам должны бюджетные организации 13 млрд. Правительство объявляет о разрыве трастового договора с Вяхиревым, и как следствие прогнозируется его смещение. Немцов собирает Совет директоров "Газпрома". В качестве атакующего - Борис Федоров. Аргументы очевидны - "Газпром" "должен"... И любые меры государства по возвращению бюджетного долга - меры справедливые. Картина, по сути, истерическая. Правительство мечется по политической сцене с воплями: мы власть или не власть?

Самое любопытное, что 26 июня проходило общее собрание акционеров "Газпрома". Слухи о бое, который даст представитель государства самому главному монополисту и олигарху страны, оказались несостоятельными. Собрание прошло сверхспокойно. Правительство наперебой (сначала устами Кириенко, затем Немцова) делает заявления о кощунственности самой мысли о смещении Вяхирева и малейших посягательствах на целостность "Газпрома". Предполагался ли тогда, ровно неделю назад, какой-либо демарш против Вяхирева? И да, и нет. И дело не только в налогах. Новый кабинет министров уязвлен своей неавторитетностью как внутри страны, так и за ее пределами. Нужна игра мускулами. С появлением в правительстве Бориса Федорова амбициозный градус кабинета значимо возрос. Именно Борис Федоров спровоцировал ситуацию вокруг "Газпрома". Ему принадлежит идея чрезвычайных мер против Вяхирева. Удивительно, как в политике на уровне правительства появился и стал нормой стиль "гопничества", когда вы на лицах молодых вершителей судеб нации читаете неунывающее откровение: "Мы здесь ненадолго. Дела не сделаем, не успеем. Но шухер наведем!"

* * *

Лидер обязан быть генератором идей, только тогда он лидер. В нашей повседневности истинные понятия начинают утрачивать смысл. Ибо исполнители главных ролей не следуют историческим предначертаниям, а творят спектакль на свой лад, подстраивая под свое недалекое умение. Глава государства, конечно же, высший чин страны, последняя вершинная ступень, но это все признаки формальной величественности. Глава государства в первую очередь его голова, а значит, разум его. И всякое вопрошение "достоин ли?" должно исходить из этого главенствующего принципа. Отсюда смещение акцентов, требование сильной руки,

хотя, во-первых, во-вторых и в-третьих, потребна сильная голова.

Во второй половине июля случились три президентские частности, заставляющие нас по-иному взглянуть на целое, именуемое вторым президентством.

В Каире Ельцин еще раз как бы подтвердил мысль своего неучастия в выборах 2000 года. Но сделал это не в виде отказа. Впрочем, этот стиль "не отказности", а якобы "не разрешенности" был взят на вооружение с первых шагов интриги: "Не буду, потому что Конституция не велит". Не потому, что считаю для себя невозможным. Не потому, что России нужен другой президент. Не потому, что страна нуждается в обновлении и в прорыве. Не потому, что сумел начать реформы, доверившись заверениям о достаточности четырехлетия для обретения видимых результатов, а не получив их, не задался вопросом об ошибочности собственных действий, объяснил все недостаточностью времени и остался у власти еще на один срок. И вот теперь не будет участвовать опять же не по причине кризисной перманентности, выхода из которой не ведает. Не по причине совершенных ошибок, признать которые должно и которые - причина неучастия. Ничего подобного. Конституция не разрешает. А вот если ее истолкуют разрешительно, тогда другой разговор. Ну а разрешительная процедура - это головная боль тех, кто хотел бы остаться у власти. Уйди он - и все они превратятся в политический гербарий. И реформы, в силу их спонтанности и незнания российской действительности самими реформаторами, построенные как полуклассическая модель проамериканского образца, если и не рухнут, то просядут основательно и надолго, отобьют охоту к любым преобразованиям. Однако будем справедливы. В российской, а чуть ранее советской действительности власть плохо знала бытие собственного народа. И не важно, какого замеса эта власть была - монархического, либерального, диктатурного или демократического. Правда, нынешняя власть в своей оторванности от жизни общества переплюнула власть коммунистическую трехкратно. Во времена не столь отдаленные отправной точкой всякой значимой карьеры была собственная трудовая биография. Чем представитель власти непременно гордился, сообщая во всех анкетах и биографических востребованиях, - это не только своим рабоче-крестьянским происхождением, но и голодным детством, ремесленным училищем, токарным, слесарным или комбайнерским прошлым. И все это было правдой. Сегодняшнее ерничество по этому поводу - это ерничество слабых, а не сильных. Это ерничество якобы знающих, но не умеющих.

Реформы начала совсем иная генерация с очевидным приоритетом образования, и прежде всего экономического. И оно, это образование, по российским меркам считалось более чем основательным. Эти люди чувствовали свое превосходство перед традиционно значимыми практиками, с так называемым рабочим или производственным стажем в разнопрофильных отраслях.

Страна провалилась в реформы. Не погрузилась, не вступила в период реформ, а именно провалилась в них, как возможно провалиться в яму либо угодить в болото. Именно по этой причине общество в своем подавляющем исчислении так и не признало авторитета реформаторов ни в момент начала реформ, что было вполне объяснимо (никто не благодарит за страдания и обрушившуюся на головы неблагополучность), ни потом, так как благополучный горизонт с каждым следующим годом не приближался, а отодвигался еще на один-два года. И так все эти неспокойные восемь лет.

Почему в числе реформаторов оказались именно эти, а не другие, более умудренные жизнью и понятные обществу люди? Запоздалый вопрос, когда никакой ответ не в состоянии что-либо изменить. Ответ, представляющийся непростым, на самом деле лежит на поверхности: других не было, потому призвали этих.

Всесоюзное экономическое совещание, которое в 1988 году провел тогдашний вице-премьер академик Абалкин, обнаружило характерный парадокс: в стране с удручающей экономикой очень много экономистов, думающих и рассуждающих вполне революционно и антисоциалистически. Так что экономисты, тяготеющие к решительным переменам, разумеется, были, но... Каков поп, таков и приход. Бессменный директор головного

экономического института академик Абалкин и патриарх реформаторских предположений академик Шаталин были блестящими популяризаторами реформ, удачными рассказчиками, корректными критиками существующих устоев, которым были обязаны своей научной и общественной карьерой. Они слишком щадили социализм, чтобы его изменить. Российская власть, которая пригласила команду Гайдара, была далека от понимания экономики. Она утверждалась как власть политическая. И приглашать людей уже состоявшихся попросту опасалась, так как на их фоне выглядела бы и экономически и политически малосущностно. Геннадий Бурбулис, а именно он практически сформировал новое правительство реформаторов, мог пригласить только сверстников, не способных составить политическую, общественную и властную конкуренцию, так как сами были в самом начале политического пути. Естественно, Бурбулис, в отличие от Руцкого, которому в пору его вице-президентства было поручено совместно с Бурбулисом сформировать новое правительство, собрал демократически ориентированных сверстников, которых ранее знал мало или почти не знал. Александр Руцкой, в то время уже вздыбленный ура-патриотическими поветриями, плохо переваренными философскими идеями Ильина и укладными воззрениями Столыпина, уже успевший погрузиться в антиельцинские настроения, стал собирать вокруг себя людей, как незамеченных властью предыдущей (горбачевской), так и тех, кому плохи были и Гайдар, и Явлинский, и Шаталин, и Абалкин, и Аганбегян, и Петраков. Эти люди, а я их наблюдал, впечатление оставляли недоуменно-удручающее: поистрепавшиеся, не по возрасту состарившиеся, походили, скорее, на бродячих актеров или заклинателей, но никак не на экономистов и уж тем более политологов. У большинства из них лица имели выражение зло-мстительное, а манера разговора была неврастеническая, агрессивная. Они наперебой внушали ветренно-восторженному вице-президенту маниакальную идею, что он в стране человек № 2 и в поступках своих должен исходить из этого, якобы Божьего, исчисления.

Все сказанное подтверждает главную мысль. Лично ельцинского авторства ни в кадровых, ни в политических, ни тем более в экономических идеях практически не присутствовало. Ельцину, как правило, рекомендовали, а он либо соглашался, либо отвергал. В этом стиле нет ничего необъяснимого, стиль даже не авторитарный, а, скорее, монархический, ибо авторитаризм, желаем мы того или нет, на авторстве замешан всегда. А стиль монарший стиль богоизбранности, непозволительно отстраненно вершащейся власти под девизом "Не царское это дело".

Вопрос: почему именно эти реформаторы, а не другие? - не исчерпывается одной или даже двумя констатациями. Реформаторские предчувствия России развивались на почве горбачевского многословия о необходимости реформ. Однако всякие предчувствия значимы, но они не могут заменить поступков. И весь "маэстровый" экономический пул был сориентирован на Горбачева и являлся теоретически, да и практически его сторонниками: Абалкин, Шаталин, Аганбегян, Петраков, Гавриил Попов. Ельцин, относящийся к Горбачеву неприязненно, всячески давал понять, что ничего общего с командой Горбачева иметь не желает. Однако совсем отрешиться от "горбачевцев" было опасно Ельцин мог оказаться в замкнутом пространстве, где господствует принцип "нет других реформаторов".

И тогда пригласили учеников тех, кто считался реформаторами горбачевской волны. Они не могли быть сторонниками Горбачева уже потому, что учителя держали их на подхвате, в предбаннике, хотя именно на основе их разработок делали дерзновенные доклады. Но сам факт, что у них достойные учителя, имена которых были на слуху, явился для молодых реформаторов пропуском на властный Олимп. Восторжествовал вечный закон единства и борьбы противоположностей.

Если бы кому-то пришло в голову провести конкурс самых расхожих фраз, наиболее популярных в стране, то первое место получил бы не черномырдинский афоризм: "Хотели как лучше, а получилось как всегда", а фраза-стон, повторяемая каждый день, в любой аудитории - и сторонников, и противников, и не примкнувших ни к тем, ни к другим: "Когда же это все кончится, наконец!" Именно так, а не в литературной редакции - "доколе?!". Отчаяние требует расшифровки. Когда же кончится бессилие власти и беспредел ее

порочности? Когда кончится зарплатный голод и страх сограждан за свою физическую безопасность? Когда остановится исход российского интеллекта со своей родины? Общество не знает, чего ждать и чего желать, оно утратило политические и социальные ориентиры. Оно устало выбирать между плохим и ужасным. Потому что выбранное плохое очень скоро становится хуже не выбранного ужасного. У скверного настоящего нет никаких аргументов в свою пользу, кроме обещаний скверного будущего, если нация не поддержит порочное настоящее. Такая политика всякую власть делает сверхпромежуточной.

Вторая президентская частность. Ельцин сделал уточнение к антикризисной программе. Президент считает, что у нас нет кризиса - речь идет о стабилизационной программе. Если принять точку зрения президента, то стабилизировать имеет смысл только успех, достижение. Следовательно, 1998 год это год пусть неустойчивого, но экономического успеха. Нелепо же стабилизировать провал? Но если это так, какой смысл было менять правительство? Зачем еще одно обострение отношений с МВФ? И вообще, какой успех мы стабилизируем, если более трети национального бюджета уходит на оплату внутреннего и внешнего долга? И никакой сбор налогов не способен залатать этой дыры, потому как даже размер внутреннего долга неподъемен для нашей экономики. И тогда вопрос президенту - что нам надо стабилизировать этот долг или рост его?

Когда успехов нет, их придумывают. Это общепринятое правило игры в политике. У нового правительства иного ресурса, кроме обещаний, нет. Но назвав антикризисную программу стабилизационной, президент отобрал у нынешнего правительства этот обещательный ресурс. У президента тоже положение отчаянное. Если он признает, что эта программа антикризисная, то он должен признать, что за время его правления исполнительная власть никаких иных программ не принимала. И в 92-м, и в 94-м, и в 96-м, и в 97-м, и вот теперь, в 98-м. Следовательно, программа российских реформ, которую Ельцин олицетворяет лично, ничего, кроме перманентного кризиса, стране не принесла. С этим президент согласиться не хочет, да и не может. Уточнение в содержательной сути программы лишь подтверждает мысль, что Ельцин к выборам 2000 года не индифферентен. Ельцин классифицирует свой политический багаж.

Положение реформаторов третьей волны тоже безрадостное. У них и так нет общественного авторитета, им и так приходится доказывать, что если деловая эффективность под вопросом, то ничего другого не остается, кроме угроз и запугивания верноподданных. Кириенко так и сказал: "Мы припугнули "Газпром" специально. Чтобы другим неповадно было. Чтобы не думали, что мы бессильны. Можем перекрыть нефтяную трубу, можем арестовать имущество". Удивительно, что власть исчисляет свои способности не умением построить, обновить, начать развитие, запустить производство, а способностью припугнуть, наказать. Разумеется, это тоже прерогатива власти, но власти, объективно признающей свою неспособность стать побудителем развития страны. Отсюда и претензии на антикризисный замах. Претензии риторические. Кризис властного авторитета в стране очевиден. Он захватил все ветви власти: исполнительную, законодательную, судебную и даже номинальную четвертую власть, власть СМИ. Суррогаты опасны не тем, что они суррогаты, а тем, что они уничтожают умение производить натуральный продукт. Потому как зачем, если раскупают суррогаты. Трагедия всякой власти - демократической, авторитарной, монархической, коммунистической - в одном и том же: в утрате умения быть правдивой. Пока правда используется властью как рычаг устрашения, а не как импульс процветания, она обречена. Выиграет тот, кто сумеет эту формулу перевернуть. Лгать заставляют просчеты и провалы, за которые нужно отвечать. Федеральная власть, как, впрочем, и губернаторская, уже давно находится в этом мертвом поле неправды. Пообещал выплатить - не выплатил. Правдивая риторика не может заменить неправых дел. Конкретное свидетельство такой подмены - случай, когда премьер, вице-премьеры и министры не устают повторять о выполнении своих обязательств перед регионами по выплате заработной платы бюджетным организациям. Называются сроки, номера счетов, а перечисленных денег нет. Слабую власть всегда берут за горло: обстоятельства, олигархи, преступный мир, стачечные комитеты, кредиторы и даже

средства массовой информации. И это биологически справедливо. Не способен управлять - не претендуй на власть. Демократия делает обладание властью более доступной. Это имеет свои плюсы и свои минусы. Разрушается кастовость власти, и это прекрасно, но безмерно возрастает стихийность и случайность - люди желающие, но не умеющие оказываются в коридорах власти. Приход демократов к власти зримо снизил ее профессионализм. Мы можем спорить по этому поводу: что, дескать, это был не тот профессионализм, номенклатурно-бюрократический, и демократия отстранила его от власти, а затем, накопив опыт...

И мы даже готовы заявить - ничего неординарного не происходит, так и должно быть. Должно, соглашаемся мы, но не обязано. Социалистическое прошлое сломало и перемололо теоретические посылы будущего.

Многомиллионный аппарат прошлого режима, востребованный внезапным настоящим, переварил демократию, он оказался жизнеустойчивее. Так мы получили государственный аппарат с замашками криминального капитализма, выполненный в размытых демократических тонах, оставшийся, по сути, номенклатурным, но с другим дополнением: номенклатурно-капиталистический. Сегодня ни у одного министра за спиной, за редким исключением, нет производственного опыта - опыта управления фабрикой, заводом. Зато есть опыт работы в коммерческом банке, или посреднической фирме, или в аппарате помощников недолгой демократической власти. Опыт относительно самостоятельной работы в течение трех-четырех лет ныне считается титаническим. И чтобы как-то усилить значимость маловременной самостоятельности, аттестуя кандидата во власть, непременно следует уточнение: "опыт работы в новых условиях", словно бы по вредности и затратности энергии эти условия приравниваются к урановым рудникам. Наивное самонадеянное самовозвеличивание.

Откуда вообще взялись посредники, которые, со слов правительства, грабят угольщиков, нефтяников, автомобилестроителей? Если во всеуслышание заявляется, что мы не умеем торговать, то ниша неумения мгновенно заполняется теми, кто уверен, что это делать умеет. Раньше он доставал, теперь он посредничает. Откуда взялись эти люди? Все оттуда же. Они ушли со своих прежних мест работы: с предприятий, которые стоят; из институтов, которые закрываются; с шахт, которые сокращают добычу угля. Их породило государство, отказавшееся от своих обязательств по их прежнему месту работы. Они, эти фирмы, и им подобные, рассуждает власть, пусть не ликвидировали, но сократили безработицу.

Какое-то математическое помешательство. Останавливается завод, выбрасываются на улицу десятки тысяч безработных, а посреднические фирмы способны задействовать едва ли 0,3 %. Посредники нынче ближе к власти, чем производители, хотя бы уже потому, что сплошь и рядом они посредники между властью и бизнесом. Они понятнее власти и нужнее ей. У них деньги. И власть черпает свои кадры из колоды посредников, тем самым чисто профессионально еще более отдаляясь от фундаментального профессионализма, реальной жизни. Представителями этой жизни в кабинетах власти становятся не геолог, металлург, нефтяник, а посредник, закупающий продукцию у каждого из них и перепродающий ее другому посреднику. Так страна повсеместно теряет профессиональный навык, свою мастеровитость. Происходящее вписывается в суть изречения, которое так восхищает Бориса Абрамовича Березовского: "Наукой занимаются сегодня те ученые, которые оказались неудачниками в бизнесе".

И, наконец, третье частное президентское определение, логически связанное с двумя предыдущими - указ об отставке Сергея Шахрая. Почему ушел Шахрай, хотя прошения об отставке он не подавал? Это не значит, что о своем намерении он не говорил. Искать объяснение в профессиональном или непрофессиональном исполнении своих обязанностей, как представителя президента в Конституционном суде, нелепо. С этой точки зрения Сергей Шахрай высококлассный специалист. Шахрай работал в разных президентских администрациях. У него есть с чем сравнить. И на этот раз он высказал недовольство

атмосферой, царящей в ближайшем президентском окружении. Более того, его не устраивало, что формально он был в подчинении человека, единственным достоинством которого считалась близость к президенту и его семье. Речь идет о Валентине Юмашеве. Профессионально в сфере политики Юмашев не представлял для Шахрая никакой опасности. Юмашев мало в чем разбирался, за исключением, естественно, журналистики. И его прошлая подчеркнутая аполитичность не была наигранной. Он действительно недолюбливал и политику и политиков. Типичная школа "Комсомолки" обозначаться не погружаясь. Волей Бориса Ельцина, но еще более - волей случая - он оказался на правах царского писаря, который обедает не вместе с царской прислугой, а допускается к цареву столу. Избрав судьбу царева летописца, Юмашев получил доступ к самой конфиденциальной информации и право наблюдать эволюцию политиков от заискивающего раболепия перед Ельциным в период их приближенности к президенту до агрессивной ненависти к нему после их отставки. Все это сделало Юмашева хранителем банка интриг.

Ельцин выбрал Юмашева в качестве главы своей администрации исходя из ситуации своего последнего президентского срока, когда ему нужен был человек, многолетно преданный ему. Это во-первых. А во-вторых, для которого и после своего президентства он останется гарантией его успешности, так как вне президентских раскопок, вне шарма президентской семьи Юмашев как журналист попросту перестает существовать. Ельцин с его тайнами президентских недомоганий, властными капризами, прозрениями и помутнениями, заблуждениями и предательствами еще долго будет кормить Валентина Юмашева, и кормить сытно.

А пока Сергей Шахрай недооценил Валентина Юмашева. Будучи неспециалистом и в экономике, и в политике, и в проблемах культуры, образования, и в производственной сфере, Юмашев оказался первостатейным учеником в школе интриг. Юмашев преуспел в той сфере, где Шахрай, как ему казалось, не имел себе равных. Юрист, ставший публичным политиком, а тем более приглашенный за кулисы этой политики, ничем иным, кроме политических интриг, заниматься не будет. А если рассуждать разумно - и не должен. Ибо интриги - это профессия юриста. Прокурор выстраивает интригу обвинения. Адвокат в противовес выстраивает интригу защиты. Нечто подобное происходит и с журналистом, оказавшимся в океане публичной политики. Интрига лежит в основе любой композиции серьезного журналистского материала, на интриге строится любое журналистское расследование. Летопись вне интриги - скучное чтиво. Вне понимания интриги, умения ее придумать и довести до кульминации нет ни писательской, ни журналистской, ни режиссерской индивидуальности. Так что журналист, оказавшийся опять же за кулисами публичной политики, неминуемо начинает заниматься делом, близким ему профессионально.

Шахрай умышленно спровоцировал свою отставку, сыграл на опережение. Его выступление на июньском съезде собственной партии никакого отношения к эмоциональному срыву многоопытного Шахрая не имеет.

Политическая переориентация Шахрая - явление знаковое. Человек, в обязанности которого входит защита интересов президента в Конституционном суде, заявляющий о политической бесперспективности своего патрона и о необходимости партии сменить ориентир, устраивал это действо, конечно же, осознанно. В том, что Шахрай действительно думает так, не приходится сомневаться. Ближайшее окружение аттестовало этот поступок некогда верного оруженосца президента как предательство. Реакция последовала мгновенно. Именно на эту немедленность и рассчитывал Шахрай. Она придала поступку Шахрая ореол изгнанности, наказания за правду, за нарушение обета молчания. Шахрай действовал вполне прагматично и в общем-то честно. Осенью Конституционный суд должен был ответить на вопрос: правомерно ли избрание Ельцина на третий президентский срок? Все действия президента, как и кадровая мартовская революция, были приурочены Ельциным именно к этому событию. Как и все его отрицательные ответы насчет возможности своего трехразового избрания. По сути, мы имеем дело с тактикой давления путем отрицания. Ельцин рассчитывал на положительные экономические аттестации именно в этот момент. Но

финансовый кризис испортил общий рисунок. И тот факт, что кризис обрушился как снег на голову и "друга Билла", и "друга Гельмута", и "друга Рю", не сделал этот кризис менее болезненным для "друга Бориса".

А тут еще оказалось, что молодые лошади способны бежать резво, только если запряжены в пустую телегу. После чего обещанная коррекция экономического курса стала похожа на пропущенный сон.

* * *

Тактическая ошибка с неподготовленной отставкой Виктора Черномырдина, которую допустил Ельцин, введенный в заблуждение короткой положительной паузой своего якобы улучшившегося здоровья, хотя этот неадекватный шаг он сделал сразу после недолгого простудного недомогания, можно считать роковой. И дело даже не в том, что на страну обрушились невзгоды финансового мирового кризиса, падение цен на нефть и газ, основных источников доходности государства; рецидив не ухудшения, а провала федеральной политики на Кавказе. Перечислять эти сбои, просчеты нет смысла. Потому как смысл совсем в другом.

Ельцин не может отказаться от наигранных им самим политических комбинаций. Повторив с правительством Кириенко фокус 1992 года по полной аналогии с гайдаровским вариантом, он упустил несколько существенных моментов. Первое - семь лет жизни приближающегося к своему семидесятилетию человека, здоровье которого испытало такие надломы, как операция на сердце, человека, который в течение этих семи лет находился под прессом неблагополучности в стране, а иначе говоря, отрицательных эмоций, - это слишком много. Ельцина надорвала усталость, в чем он не хочет признаться себе.

Антикризисная программа правительства, безусловно, необходима, но она малоэффективна не в силу непродуманности (как всякая программа, сотворенная в спешном порядке, она уязвима, даже если в целом разумна), она малоэффективна в силу разрушенного авторитета власти, полного отсутствия профессиональной логики в кадровой политике. Каприз президента не может быть философией управления страной. А сегодня это именно так.

14 июля 1998 года.

Внезапное предложение президента провести встречи с руководством парламента в Кремле. Формальное обоснование - перед обсуждением в Думе антикризисных законов президент хотел бы... Отточие очень кстати, потому как чего именно хотел президент, угадать не так просто. Поведение нашего президента - всегда сфера угадывания, а не понимания. Так все-таки почему столь внезапно? Потому, что благополучно закончились переговоры о стабилизационном кредите с МВФ? По словам Чубайса, это где-то 20 миллиардов долларов, суммарно, со всеми составляющими. В лабиринте, в который угодила экономика, вдруг обнаружился выход. Победы такого рода, по сути, маловременны. Но на какой-то момент, момент недолгий, они создают ощущение президентского успеха. И Ельцин делает мгновенный ход: давайте соберемся, поговорим, подумаем. Без всякой изнурительной подготовки - соберемся и поговорим. Ни днем раньше - преобладало ощущение безысходности, и собраться в этот момент, значит, засвидетельствовать свою слабость. Ни днем позже ослабнет эффект успешности - все таки 20 млрд $. И потом, впереди президентский отпуск. Он будет омрачен, если за спиной останется накал страстей.

Задача встречи - разрядить ситуацию. Сыграть умиротворенность. Преподнести думцам сговорчивого президента. Вспомним, как в критической ситуации точно такой же ход использовал Горбачев, предложив Верховному Совету новую экономическую программу. Она свалилась как снег на голову непросвещенного парламента, и все заговорили, что увидели другого Горбачева. Восхищение - материал легко воспламеняемый, а значит, быстро сгорающий.

Программа умиротворения была выдержана в клинических пропорциях. Июль, начиная с 92-го года, месяц переворотных предчувствий. Раскройте российские газеты, и вы в этом убедитесь. Каждый год одно и тоже. Нынешний июль традиционен. Президент пообещал, что переворота не будет; роспуска Думы не будет; изменения Конституции не будет и досрочных

выборов не будет тоже. "Уйди я раньше времени, вы передеретесь", - заметил президент. Этого очевидного тезиса никто из присутствующих оспаривать не стал. И чтобы совсем успокоить парламентские верхи, президент еще раз пообещал не выдвигать своей кандидатуры на следующий срок. На всяких торгах нужна взаимность. Парламентские лидеры дали понять, что в этом случае они готовы погасить процедуру импичмента. Обменявшись обещаниями и выпив предложенный чай, участники встречи с чувством смущенного удовлетворения разошлись. Для убедительности президентское окружение сделало еще один, достаточно точный по существу общей интриги, ход. Телекомпаниям были предложены все видеоматериалы о встрече, включая и ее закрытую часть. Разумеется, встреча была не сущностной, а ритуальной. Но самой примечательной ее чертой был не смысл разговора, а девиз этой встречи. Именно он делал эту встречу уникальной. "Нас всех одинаково не любят. Поэтому нам есть смысл объединить усилия. По принципу - делить можно любовь, а нелюбовь - общее достояние". В этом смысле президент прав. Впервые неавторитетность власти в обществе абсолютно тождественна во всех ее звеньях.

В ПОИСКАХ ПИНОЧЕТА

Вообще, власть свергают в двух случаях: когда она популярна и ее популярность пагубна для противников власти. Но чаще, когда она бессильна, непрофессиональна и неавторитетна одновременно. Смена власти в этом случае - явление здравое. Это не более чем защитная реакция общества. У власти другая логика. Смысл в обладании, а не в авторитете. Конституция не разделяет власть на авторитетную и неавторитетную, она просто предполагает, что власть обязана быть авторитетной. Не сильной, в смысле костоломной, а авторитетной в смысле продуктивности и вследствие этого сильной.

Мы должны признать, что речитатив президента на кремлевской встрече был адресован незыблемости неавторитетной власти, которая, согласно последним социологическим опросам, подавляющее большинство общества не удовлетворяет. И Стародубцев так же уязвим, как Кириенко, а Селезнев так же, как Немцов.

Естественно, главным итогом встречи журналисты и политологи посчитали очередное заявление президента, что он не настроен избираться на третий срок, более того, к осени он даже назовет своего преемника. И следующая встреча, состоявшаяся в тот же день, несколько часов спустя (встреча с Черномырдиным), дала повод предварительному намеку. А вдруг! Ельцин встречался с Черномырдиным, конечно же, не случайно. Но ее, скорее всего, случайная временная приближенность к встрече с парламентариями придала ей окраску некой тайны и дальнего расчета. Черномырдин идет на выборы (он выдвигается на депутатство по одномандатному округу), и Ельцину крайне желательна невзрывоопасная обстановка в Думе. Ни Шохин, ни тем более Беляев фигуры для оппозиции не впечатляющие.

Виктору Степановичу очень этого хотелось бы, но ничего подобного не произошло. Просто президент собирался в отпуск. И во избежание ревнивых недоумений бывшего премьера решил не откладывать ранее оговоренной встречи.

С первых дней проблема фракции "Наш дом Россия" - это проблема изолированности. Влияние фракции вне фракции, способность нарушить монолитность оппозиции практически ничтожны. Даже в разработке компромиссных вариантов авторствует сплошь и рядом не фракция, а правительство. Разумеется, отчасти эти изъяны объясняются малостью фракции. Коммунисты при собственной избыточности могут себе позволить выбросить десант на территорию аграриев. В случае с НДР все крайне проблематично. Но не в малочисленности фракции главная проблема, а в отсутствии лидера. Никто не станет спорить, что и Зюганов, и Явлинский, и Жириновский - это бесспорные лидеры фракций, а Александр Шохин - просто руководитель фракции, не более того. Этому есть свое объяснение. Премьер получил свое премьерство независимо от успеха выборных баталий, не как результат того, что успешная партия или движение делегировали своего лидера в премьеры. Все наоборот. Именно премьер благодаря своему, пусть относительному, авторитету подарил движению место в парламенте. В результате появления Черномырдина в

парламенте Ельцин рассчитывал на положительную компромиссность между парламентом и президентом, и эту компромиссность мог бы обеспечить Черномырдин.

После того как Дума провела свое последнее заседание, стало ясно, что большинство антикризисных законов поддержано не будет. Думское чаепитие в Кремле выглядело малосущностным и странным, тем более что тема антикризисных законов на ней развития не имела. Тема, может, и была, но к лейтмотиву встречи никак не приплюсовывалась. Цель встречи - погасить перманентные слухи о готовящемся перевороте. Ну а чтобы информация о встрече была более значимой и внушительной, прозвучали эти четыре "нет" президента: перевороту, о котором так долго и постоянно говорили "большевики"; своему переизбранию на третий срок; роспуску Думы и досрочным выборам, как президентским, так и парламентским. И, наконец, нет пересмотру Конституции. Под столь весомые заявления не жалко и чая.

Все громогласно объявленное вполне органично и естественно. За исключением одной детали. Беспокоит навязчивая идея, которую постоянно озвучивает Ельцин, о своем якобы преемнике, имя которого он готов назвать. Не станем придираться к термину, поговорим о самом желании и последствиях. Сегодня рейтинг президента самый низкий за все дни его президентства 2-4%. От затеи с импичментом оппозиция вряд ли откажется, в лучшем случае (как некий полупримиренческий жест) процесс будет переведен в более вялый режим. Заметим, что одной из причин шахраевского предотставочного бунта был факт непонимания президентским окружением значимости не самого импичмента, а постоянных разговоров о нем. И дело не в том, реален импичмент или нет. Дело в другом. Если предполагать, что инвестиции для нас сверхнеобходимы, то в страну, где готовятся к процедуре отрешения от власти президента, желания инвестировать капитал не возникает. К этому следует прибавить, что Америка играет не последнюю роль на инвестиционном поле России. Именно в этой стране к процедуре импичмента относятся наиболее серьезно, и, как мы могли убедиться, не без оснований.

Это верно, что Сталин не успел назвать имени своего преемника, и это стало поводом для ожесточенной политической борьбы. Но следует признать, что авторитет Сталина (не будем говорить о сути этого авторитета) был непререкаем. Другое время, другой авторитет. Разумеется, кто-то непременно прочтет замысел президента по-другому, как говорил Наполеон: обнять, чтобы задушить в объятиях.

Сейчас СМИ, принадлежащие олигархам, в общественное сознание буквально впрессовывают мысль, что под давлением олигархов (не шахтеров, не беззарплатного ВПК, доведенных до отчаяния учителей и ученых, а именно олигархов) президент предположительно отступил, отказавшись от третьего президентского срока. В 96-м, как считают олигархи, они спасли страну от Зюганова. А теперь они спасают ее от Ельцина. Президент провинился, он стал неуправляемым. И страшилку о перевороте запустили олигархи. Только вот вопрос, кого они хотят напугать?

А может быть, это плохо скрываемый собственный страх вырывается наружу? Казалось бы, куда дальновиднее инвестировать свои капиталы в развитие собственной страны? Но... Страна не та. Капитал мой, а страна не моя. И власть в стране не та. Пока не та. Так считают олигархи. У олигархов существуют высокоранговые оппоненты, так вот, они считают, что власть может и не совсем та, но что уж совершенно точно - не те олигархи. Страна, конечно же, тоже не та. Но тут уж ничего не поделаешь. Какая страна, такие и олигархи. Страна к власти отношения как бы не имеет. Возможно, по стечению обстоятельств она ее и произвела на свет, но такой власть сделала не она. На этой социально-властной лестнице есть несколько пропущенных ступенек. Каких?

Несостоявшийся профессионализм нынешней власти. А вообще, что такое профессионализм власти? Формула прошлого: хорошее образование, помноженное на эффективный производственный опыт. Не просто опыт, а опыт эффективный, принесший ощутимые и значимые для общества результаты. Не просто образование, а хорошее образование, образование полноценное, дающее широту взглядов, по крайней мере, в

диапазоне выбранной профессии или отрасли. Напомним, мы рассуждаем о профессионализме власти, должной в силу своего статуса оценивать эффективность, а значит, профессиональную значимость в любой сфере - государственной и негосударственной. В прошлом на пост министра приходил человек, средний возраст которого был 45-50 лет, человек, имевший значимый трудовой стаж в качестве руководителя производства различного уровня не менее 10-15 лет. Еще пять лет на трудовую деятельность начального жизневхождения. Разумеется, в социалистической истории был и сталинский опыт омолаживания кадров. Но там причина была иной. Более опытных либо расстреливали, либо высылали, либо гноили в тюрьмах и лагерях.

Нынешний министр, прежде чем занять высокий пост, за редким исключением такого стажа имеет 3-4 года. Впрочем, и образ "хорошей трудовой биографии" изменился разительно. Сегодня можно сказать: он возглавлял коммерческий банк с момента создания (большинство банков родилось в начале 90-х), или фонд, или фирму из числа посреднических. Ну, и как примиряющая частность, работа в научно-исследовательском институте. Правда, следует уточнить, что из среды недавней власти богатый производственный опыт такого рода был у Явлинского и Шохина. Что же касается остальных, это был опыт индивидуальной научной деятельности. Это касается и Гайдара, и Нечаева, в прошлом министра экономики, кстати, и Шахрая, как и большинства других. Гайдар, формируя правительство, за малым исключением набирал его из себе подобных. В основном это был срез молодой смены в экономической науке. Вторая неогайдаровская волна, или правительство Кириенко, - это практически с точки зрения трудовой биографии тот же самый вариант, слегка подправленный неопроизводственной практикой: банки, фонды, коммерческие фирмы. Разумеется, есть исключения. Булгак, министр связи, а затем вице-премьер малопонятного профиля; и Адамов - министр атомной промышленности; и Яков Уринсон, имевший значительную практику еще в Госплане СССР; и еще две-три фигуры. Но это те самые исключения, которые подтверждают правило. Можно сказать - автор не прав, это тоже профессионализм, но профессионализм другой эпохи, из сферы ранее не востребованных возможностей общества. Они практически все работают на компьютерах, многие из них знают один-два иностранных языка, они свободно ориентируются в проблемах мировой экономики. Это тоже профессионализм, и профессионализм значимый. С данными возражениями нелепо спорить. У каждого времени свои навыки. И тем не менее. Есть ключевые знания, среда многоотраслевых производств, без знания которой невозможно развитие, а значит, и грамотное управление страной. Ни с компьютерами, ни без них. Владея тремя языками или зная один только русский. Умение продавать без умения производить - это все равно что умение летать без навыков приземляться. Есть еще одно "но". Фронтальное омоложение власти, предложенное Ельциным в 92-м году, узаконило позволительность непрофессионализма в управлении страной. В силу относительной младости лет и недопущенности к власти даже в тех сферах, откуда они пришли, сферы науки, они не могли быть опытными управленцами. Такой младовозрастной породы людей во власти ранее не водилось.

Все эти мгновенно возникающие желания изменить состав правительства, которое проработало сто дней, есть рецидив системного кризиса, утраты профессиональной значимости управленцев. Есть ли контрдовод в подобных рассуждениях? Разумеется, есть. Малоутешительный, но есть. Зачем нам производственный опыт директоров заводов, которые уже шесть лет как стоят? А ведь именно директорский корпус был привычным кадровым резервом высшей власти.

Мы обрели другую модель взаимоотношений власти с обществом. Мы не отдаем себе в этом отчет, но она совсем другая. Сначала пенсионеру устанавливают нищенскую пенсию, затем ее не выплачивают вовремя. Пенсионер или, скажем, безработный начинает испытывать затруднения с платой за жилье. Снующие вокруг маклеры предлагают ему эту жилплощадь немедленно продать за бесценок, а самому переселиться в малопотребное жилье. Итог банален. Самое отвратительное, что власть продуцирует это отторжение

собственности, так как по своим воззрениям и укладу принадлежит к когорте не тех, кого выселяют, а тех, кто скупает под аккомпанемент привычных заклинаний: "Пусть в их квартирах живут те, кто может платить!"

Вторая пустующая ступень властной лестницы - ее политическая бесхозность. Политическую значимость власти придают две непременные черты. Управленческая состоятельность и адресность, принадлежность к тому или иному политическому спектру и социальному слою, слияние с которым делает человека власти не безродным. У нынешней исполнительной власти практически нет социальных корней. Отчасти она представляет некий средний класс, находящийся в стадии зарождения. Происхождение, на адрес какового указывает эта новая генерация власти, прямо скажем, не блестящее, потому как в период первоначального накопления капитала этот, так называемый средний, класс в значительной мере представляют полукриминальные или полностью криминальные представители нашего общества. В том числе и поэтому нет любви. Вообще безродность власти при любом режиме факт, достаточно драматический для правящего сверхменьшинства. Чьи интересы эта власть защищает? Кем она социально ангажирована: рабочими и крестьянами? Нет, и те и другие бастуют и перекрывают железнодорожные магистрали. ВПК, на котором сосредоточена, по прежним недавним понятиям, элита технической интеллигенции и элита рабочего класса? Нет, одни объявляют голодовки, а другие в маршах протеста двигаются к Москве. Слоев массовой интеллигенции: учителей, врачей, работников культуры? Ни в коем случае. Задыхаются без зарплаты как первые, так и вторые. А вузам вообще пригрозили массовой приватизацией. Может быть, силовиков? Не похоже. Армия на танках выбивает пособие. А милиция? Еще надо понять, с кем она. И где ее больше: на улицах или в криминальных структурах. Тогда олигархи? Нет. Олигархи покупают оппозицию в любом виде. В депутатском варианте, в бастующем, в стачечном, профсоюзном. Именно олигархи дирижируют наступлениями на власть. Значит, это не их власть. Остается так называемый средний класс. Увы, и здесь пусто-пусто. Абсурдная налоговая политика превратила средний класс в самых устойчивых противников власти. Можно было бы еще перечислить пенсионеров, но не рискну этого делать. Сказать, что пенсионеры не симпатизируют власти, это ничего не сказать. Еще шаг - и они начнут жечь костры вокруг Белого дома и Кремля. Таков итог правления, таково преддверие третьего президентского срока в России, кем бы оно ни было использовано.

И, наконец, последняя незанятая ступень на лестнице современной власти. Пустая скамейка запасных. Никогда количество отказников не было столь значимым. Неавторитетность исполнительной власти не в ее относительной временности, а в постоянстве алогичности. Министр не успевает познакомиться со своими подчиненными, как ему указывают на дверь. При этом никакого нарушения логики нет. Ему не объяснили, почему именно он, за какие заслуги стал внезапным выдвиженцем. Да и с какой стати объяснять, если приходится упрашивать, вспоминать общие школьные годы или несколько лет совместной работы в каком-то Зазнобинске. Нет, бывает и губернаторство, но тоже не более трех-четырех лет. Любопытный нюанс: когда сватали в правительство Маслюкова, а думская фракция коммунистов наложила вето на его переход в правительство, в комментариях прошло одно любопытное разъяснение по поводу позиции Кириенко. Дескать, Кириенко долгое время приглядывался к Маслюкову, но после понял, что в данных условиях это не то, что нужно. Согласно жизненной логике - абсурд. Когда 34-летний молодой человек, не имеющий практически никакого опыта масштабной управленческой работы, приглядывается к 62-летнему патриарху этого самого управления.

Изменения, происходившие в правительстве Кириенко, говорят о полной управленческой и кадровой беспомощности и президента и его администрации. Нельзя поручить собирать команду тому, кто в силу объективных обстоятельств ограничен средой общения в прошлом. Он пленник этой территориальной узнаваемости. Можно в Белом доме высадить нижегородский десант, можно приморский, можно самарский. Все дело в том, что нельзя управлять Россией так, как ты управляешь Нижним Новгородом или Саратовом по

принципу: "Чуток поболее мово, а так никакой разницы!"

И еще один вывод. Власть должна отдавать себе отчет, какое правительство она формирует и кто его формирует. Если президент, то, как известно, президент этого никогда не делал. Когда-то этим занимался Бурбулис, затем Юмашев с Лившицем. И тот и другой в сфере управления, мягко говоря, не асы. С помощью Кириенко, конечно. Абсурдно на домашне-семейный вариант ельцинской администрации, которая была логична для завершения ельцинского президентства, возлагать решение геополитических задач. Развернув ситуацию так, Ельцин освободил коридор для всевластия Бориса Абрамовича Березовского в кремлевских апартаментах, управленческое, а точнее, системное умение которого тысячекратно превосходит навыки домашне-семейного клуба, где солируют Валя + Таня.

Тот факт, что Борис Абрамович, потеряв должностные регалии, кремлевским теплом, однако же, не обижен, позволяет нам сделать вывод, что на свой настойчивый вопрос о личном интересе в кремлевских коридорах он получил вполне вразумительный и понятный ответ. Как говорят в таких случаях - дело сладилось. Приход Маслюкова в правительство Кириенко, а чуть ранее Дмитриевой, а чуть ранее Задорнова позволяет сделать вывод, что никакого разговора о правительстве, как команде единомышленников, быть не может. Правительство возвращалось к черномырдинскому варианту с еще более зависимым от президента премьером. Со своими внутренними противовесами, группировками - нижегородцев, яблочников и провинциалов. Некая гремучая коалиционная смесь идеологии с местожительством. С отчетливым отсутствием московской группы, что само по себе для федерального правительства алогизм, когда в правительстве не представлен опыт самого преуспевающего региона. Видимо, президент убежден, что столицу представляет он.

Неавторитетное правительство в кризисной ситуации - самая благодарная среда для слухов о перевороте. Что нужно для переворота? Во-первых, сила. Во-вторых, средства. В-третьих, обоснованная причина, которая может убедить сограждан внутри и политиков вне страны. И программа продуктивных действий, ибо те, кто посягает на власть, должны отчетливо осознавать, что они будут иметь дело с той реальностью, какая есть.

Из этого следует несколько бесспорных выводов. Очевидного лидера для переворота, чей авторитет мог бы компенсировать иные недостающие составляющие противоправного действия, в России сегодня нет. Подчеркнем, лидера, которого примет общество. Вывод следующий. Страна продолжает пребывать во всеохватном кризисе: экономическом, политическом, системном, нравственно-этическом. Брать власть в момент кризиса невыгодно. Власть берут, когда появляются первые признаки выхода из него. Кризис еще как бы продолжается, но... Именно в этот момент аналитические службы подсказывают - пора. То, что еще не разглядело общество, угадали аналитики.

Брать власть, используя атрибутику военного переворота, рискованно. Если говорить о коммунистах, то они настроены - а от традиций никуда не денешься - брать власть всерьез и надолго. В этом смысле кризисная ситуация как бы предрасполагает к штурму власти, потому как в этот момент власть слаба. Но в это же самое время кризисная ситуация в экономике делает экономику крайне зависимой от позиции международного сообщества. И любые неконституционные путчевые действия в России будут истолкованы за рубежом как действия антидемократические, а значит, канал финансовых заимствований за рубежом окажется перекрытым. И неважно, согласны ли вновь пришедшие к власти с этой концепцией экономического развития или нет. В этот конкретный момент новая власть без международного займа из финансового провала, в котором оказалась экономика России в 1998 году, выбраться не сможет. Все вышесказанное подтверждает, что коммунистам такой вариант переворота не выгоден. Коммунисты будут придерживаться своей традиционной тактики забастовочно-стачечного давления на власть. У них в этом смысле неплохие перспективы. Надо учесть и еще один факт. Левых уже захватила предвыборная лихорадка. И если разговоры о каком-то глобальном расколе среди левых, прежде всего коммунистического ядра, несколько преувеличены, то назревающий кризис доверия к лидеру

Геннадию Зюганову начинает ощущаться достаточно рельефно. И дело не в том, что рушатся ранее заключенные союзы. От КПРФ откалываются малозначимые движения, которые и примыкали к КПРФ, осознавая свою малую значимость. Сейчас все эти центристские, полуцентристские, умеренные течения с социал-демократическим уклоном и патриотическо-народными веяниями отрываются от вынужденно усиливающего свою непримиримость Зюганова и начинают дрейфовать в поисках более выверенной конкретикой результативного дела личности. Казалось бы, если все действительно именно так, почему Зюганову не скорректировать курс в пользу умеренности, меньшей враждебности к антикризисным усилиям нового правительства? Дело в том, что и поныне леворадикальные тенденции в лагере КПРФ и ее союзников представляют большинство. Тем более что Николаев со своим вновь обретенным движением, Бабурин с патриотическими выкриками губернского стряпчего и тоже своим карманным движением; Подберезкин теоретик КПРФ, представляющий интеллектуальное, умеренное крыло, и еще несколько малоизвестных течений и партий способны уместиться вместе с сочувствующими в двух спальных вагонах пассажирского поезда. Происходит некая картинная имитация трудного часа для КПРФ. Именно в этот момент лидер демонстрирует твердость и непримиримость. Он вместе с теми, кто готов идти на баррикады. В этом случае баррикады не художественный образ, не псевдореальность, а некий прообраз реально бунтующих масс. Коммунисты боятся бунта не меньше олигархов, просто в силу стечения обстоятельств они могут оказаться во главе его. Этой предполагаемой возможности Зюганов не хочет упустить. Поэтому сегодня он смещается влево.

Значимость опыта эффективного созидания сегодня возрастает кратно. Лидер, обладающий таким опытом, в нынешних условиях будет востребован обществом. И как ни странно, этому будет препятствовать именно президент. А впрочем, большой странности здесь нет. Опасаются не человека, а успешности его деяний, которые опустят в историческую могилу неэффективность управления предшественника, претендующего на особую роль в истории. У Юрия Лужкова и Евгения Примакова такой опыт есть. Это практически единственные среди возможных претендентов, кто может предложить избирателям состоявшийся результат своего управленческого навыка. Но мы отвлеклись от темы переворота.

Ясно, что коммунистам переворот с признаками антиконституционных действий не нужен. Другое дело - акции неповиновения. Всегда можно сказать: "Лучше, если возглавим мы, нежели кто-то из неучтенных или даже криминальных фигур". Чилийский вариант? Хунта черных полковников? Маловероятно. Все силовые структуры, включая армию, находятся в состоянии финансового, профессионального и структурного кризиса. Лидера, претендующего на авторитет и популярность в столь разномастной среде, тоже нет. Армия разъединена социально. Впрочем, так было всегда. Социальное расслоение в русской армии было настолько разительным и вызывающим, что большевикам без особого труда удалось развернуть солдатские массы под свои знамена. Это, в конечном итоге, предрешило успех переворота 1917 года. Армия солдат, сержантов, старшин - так сказать, приходящий сменный состав призывной армии - это сложившийся мир со своими навыками, уставом, дедовщиной, самоволкой, своими лидерами вне офицерских погон. Здесь действуют законы, похожие на законы зоны. А дальше и выше офицерство профессиональная армия. Здесь неустроенность гражданского общества чувствуется еще ощутимее. До полковника одна армия, после и выше - другая. Не случайно на первом союзном съезде самой политизированной офицерской депутацией были именно подполковники. Когда говорят о генерале Лебеде, его популярности в армии, то следует уточнить: Лебедь кумир младшего и среднего офицерства, но никак не генералитета. И вообще, путь опального командарма и опального полковника - это настолько разные состояния, что всякое сравнение здесь малопродуктивно. Лебедю, нацеленному на конституционное президентство и имеющему неплохие шансы в этой законопризнанной процедуре, армейский мятеж, случись он как полуреальная фантазия, не нужен, и даже противопоказан. В этом случае он должен будет как сенатор и губернатор защищать

Конституцию, а значит, нелюбимую власть. Других военных лидеров, способных притянуть к себе симпатии армии как единого целого, не существует. Как не существует даже относительно единого генералитета. Ельцин попытался создать свой генералитет вместе с Павлом Грачевым и кое в чем преуспел на этом поприще. Сейчас не имеет смысла говорить о профессиональной эталонности этого генералитета, он делался под президента. Затем последовала отставка Грачева, недолгое и малоудачное правление Родионова. И вот теперь Игорь Сергеев сформировал маловнятную генеральскую среду, которая, скорее всего, не может быть опорой ни "за", ни "против".

Генерал Николаев - еще одна отставная звезда. Мы все спешим, опережаем сущность, не скупимся на эпитеты, превосходные степени: восходящая звезда, наиболее яркий потомственный офицер, человек чести. Николаеву этих эпитетов досталось довольно. Смотрю на него, слушаю его и чувствую - перестарались, переусердствовали журналисты. Армия - испытание для гражданского человека. Но никак не меньше гражданская укладность - мучительное испытание для человека военного. Николаев без генеральских погон лишился обаятельности и загадки "беловоронного" генерала. На этом гражданском ринге ему придется очень многое еще доказать.

У военного переворота в России нет ни настоящего, ни будущего. Силовые ведомства представляют опору режима, когда они едины. Но это же качество делает их опасными в момент общего разлада с властью. Генерал армии Куликов в этом несогласии с правительством, в состав которого он входил, был наиболее заметен. Президент умело манипулировал генеральским недовольством. Когда настало время оттеснить генерала Лебедя, упрямство Куликова шло в плюс и президент им воспользовался. Куликов пнул в нужный момент Лебедя. Куликов в большей степени армейский генерал, нежели генерал милицейский. И его прежняя должность командующего внутренними войсками отвечала его сути. При нормальном политическом климате с учетом капризности Верховного главнокомандующего он мог бы стать даже министром обороны. Но этого не случилось. И в бытность Ельцина уже никогда не случится. Куликов в сложившихся условиях, скорее, министр теневого оппозиционного кабинета. Такой кабинет могут возглавлять коммунисты, но и не коммунисты тоже. По внутренней сути Куликов из всех генералов более чем кто-либо подходит на роль объединительной фигуры, суммирующей недовольство. Президент это почувствовал. Куликов был отправлен в отставку.

В истории России уже был один прецедент, когда министр внутренних дел стал премьером и реформатором России во времена драматические, когда Россия оказалась на перекрестке исторических дорог: капиталистического прорыва и накопления энергии социального взрыва на другом полюсе. Именно понимание этих несбалансированных процессов сделало главного жандарма России (ленинская стилистика) выдающимся реформатором. Да простит мне генерал Куликов такой экскурс в историю. Генерал армии Куликов - доктор экономических наук. Эта деталь существенна. Его дрейф в океане российской политики был не так очевиден, как кажется на первый взгляд. От идеи национализации крупнейших приватизированных предприятий, а равно и крупнейших коммерческих банков, что для чубайсовского крыла в правительстве сделало Куликова фигурой запредельной, до категорической и немедленной смены экономического курса. Однако спустя год тот же самый Куликов выдвигает идею создания некоего Государственного экономического совета из олигархов и банкиров. Проще говоря, разворачивается по отношению к тем же самым олигархам на 180°. Если к этому добавить, что, будучи вице-премьером, генерал Куликов был настроен и не единожды порывался курировать все силовые ведомства, что вряд ли могло остаться незамеченным для президента... В этом смысле отставка генерала Куликова была спровоцирована стратегией его поведения. Не претендуя на рискованные прозрения, замечу: внутренне генерал армии Куликов готовил себя на должность премьера. Я никогда не был в вице-премьерском кабинете Куликова, но как мне рассказывали его заместители, на самом почитаемом месте там висел портрет Петра Аркадьевича Столыпина. Для России, повторим, проходящей период первичного накопления

капитала, что немыслимо без криминализации этого процесса, во много раз органичнее министр внутренних дел, ставший премьером, способный вершить реформаторство в современной России, нежели недолгий глава провинциального банка. Эта историческая параллель является знаковой, как и портрет Столыпина, который висел не в кабинете премьера, а в кабинете министра внутренних дел и вице-премьера российского правительства 1997 года.

КОГДА ЗАКРОЕТСЯ ДВЕРЬ

Камнем преткновения в разрешении назревающих проблем является не ответ на вопрос: что будет со страной после ухода Ельцина? А ответ на вопрос: что будет с Ельциным после ухода Ельцина? Такое смещение сущности хотя и нелепо, но отражает главную реальность нынешней политической жизни. И если внуки не могут представить дедушку вне власти, то что делать детям? В душах смятение, в глазах паника. Только наша варварская суть могла сделать пятистепенное по значению главенствующей причиной всей политической абсурдности нашего времени.

13 августа 1998 года. Четверг.

День начался с паники на бирже. В 11.40 торги на российской бирже были остановлены федеральной комиссией, заморозившей операции по ценным бумагам. Падение цен превысило установленную комиссией границу допустимого снижения курсов акций. Спрос на российские ценные бумаги практически прекратился. Доходность по государственным казначейским обязательствам по отдельным выпускам доходила до 300%, но даже по столь абсурдно низкой цене покупка ГКО была равна нулю.

Последний раз потрясение такого масштаба для финансовой системы случилось в августе-сентябре 1995 года.

Рухнуло все разом: акции и "Газпрома", и "Связьинвеста", и нефтяных компаний. Рынок начало лихорадить неделей раньше, а если быть точным, с момента смены правительства. Ельцин по поводу теперь уже "черного четверга" намерен сделать заявление. Чубайс отозван из отпуска. Кириенко в роли миниатюрного стоика с гримасой непроясненного волнения. И не поймешь, чего в ней больше: гипнотической паузы, онемения сознания или комсомольского бодрячества. Рассеянная улыбка, нервное потирание рук перед тем, как закрыть своим телом амбразуру. И апофеозная фраза: "Мы переживаем психологический кризис". Премьеру, даже если он технократ, следует знать, что психологический кризис - явление следственное, вытекающее. Ему предшествуют некие разнохарактерные потрясения, и в этом случае психический срыв - финальная стадия заболевания. В нашем случае подмена понятий - не более чем желание оптимизировать настроение, что в свою очередь есть факт житейской неопытности премьера. Психологический кризис намного серьезнее любого другого. Однако толкование этого кризиса молодым премьером нам представляется несколько упрощенным, так как Кириенко под психологическим кризисом понимает прежде всего кризис доверия к федеральной власти, а точнее, кризис управленческий. В то время как психологический кризис - это следствие кризиса нравственного, что и делает его не узковластным, а всеохватным для общества. Это особая тема, и молодой премьер толкует ее усеченно, в собственном преломлении. То, что биржа больше верит Соросу, нежели Кириенко, это понятно. Легендарный биржевой игрок своими прогнозами приговорил уже не одну компанию. Но то что страна больше верит Соросу, чем собственному премьеру, - это из категории крайних опасностей.

Рассуждения президента, какой он хотел бы передать страну своему преемнику, лишнее свидетельство несоответствия предполагаемого образа страны с образом реальным. Все слова относительно процветания, уверенности в себе, стабильности, социального мира и федеральной целостности похожи на рассуждения о внеземной цивилизации. Из сказанного можно сделать два вывода:

- президент живет в виртуальном мире, так как два оставшиеся года не позволяют ему сделать страну соответствующей его собственным благородным, но нереальным декларациям;

- либо он полагает, что время на претворение замысла у него еще есть, а, следовательно, это не два года.

Впрочем, высказывания президента можно расценивать как эскиз желаний, обязательность которых малозначима. Тем более президент обещал не переизбираться на третий срок.

В газете "Известия" за 14 августа 98-го года появилась знаковая статья. Миф о Гайдаре, как о великом реформаторе, должен быть разрушен ради реформ. Статья опубликована на дискуссионной полосе газеты, и все-таки... О чем-то неизвестном ранее автор нам не поведал, однако он очень точно подметил тактическую некорректность реформаторов. Они пользовались наработками собственных диссертаций, почерпнутых из переводных источников и материалов спецхранов (которые выдавались авторам дозировано и, как правило, для критики буржуазных теорий), так вот гайдаровская команда из этих самых материалов сочинила непогрешимый миф об экономическом прозрении отсталой и закоснелой России. Одна цитата из статьи Александра Потемкина крайне важна:

"...наблюдая рыночные радения из стран, где рынок это суровый быт, я (автор статьи) подметил одну интересную черту российского политического процесса - романтики рынка терпеть не могли сухой дискуссии по сугубо рыночным вопросам, но чувствовали себя как рыба в воде в атмосфере так называемых антирыночных настроений. Они с блеском выявляли неграмотность и замшелость оппонентов..."

Добавим от себя - не без блеска поражая их аргументами и сведениями из мира неизвестных величин фондового рынка или корпоративной этики. И далее...

"В этих знаниях не было ни грамма практики, но уйма амбиций и честолюбия".

Будем откровенны, безграмотность и неосведомленность политических оппонентов в вопросах несоциалистической экономики и создали миф о молодых пришельцах из светлого капиталистического завтра. Автор не просто прав, он прав удручающе.

В 92-м у Ельцина не было выбора. Весь мыслительный актив либеральной интеллигенции был замкнут на Горбачева. При этом заметим, что конец 80-х начало 90-х это период разочарования и в Горбачеве, и в перестройке, которая пообещала, но не сотворила. Однако процесс разочарования - процесс не мгновенный. От разочарования до неприятия и разрыва с собственными надеждами должно пройти какое-то время. Этого времени у Ельцина не было. И он решил взять даже не следующих, не замов прежних начальников, которых всякий начальник (и неважно, кто он, либерал или коммунист) брал под себя, но чуть-чуть хуже. На этих ставить было нельзя. Ставку следовало делать на тщеславие недопущенных, которых либеральное научное ядро рассматривало как своих учеников, время которых еще, разумеется, не пришло.

Ельцин использовал, как ему казалось, единственную возможность подвинуть время и в подъехавшую телегу времени погрузить команду - как теперь принято говорить - команду молодых реформаторов. Это была игра без запасных. В силу своей молодости у этих не могло быть ни завистников, ни учеников, а только узкий круг единомышленников. "Они обязаны мне всем. Они не будут со мной бороться. Кроме меня, во власти у них нет союзников". Такова тирада нелегких раздумий Ельцина. Началась долгая игра без запасной скамейки. Уже в 96-м было ясно - второго эшелона управленцев, способных двигать реформы, практически нет. Путешествие Анатолия Чубайса по всем мыслимым и немыслимым высокогосударственным постам, неубывающая задействованность Егора Гайдара, Евгения Ясина, как главных теоретиков нового курса, который так и не дал ощутимых результатов, говорит о немыслимой кадровой скудости. Кириенко, Христенко, Генералов - это все из сопутствия, люди, оказавшиеся на плаву в результате капиталистической инъекции и, образно говоря, миссионеры из мира посредников. Люди, получившие опыт практической работы под девизом монетаристов: деньги делают деньги. Они были опьянены этой поражающей воображение формулой. И отсутствие привычного практического производственного опыта, на котором выросло не одно поколение их предшественников, им уже не казалось изъяном. Зачем?

Вообще определение - "современные условия" - достаточно лукавое. Отечественное производство находится в чахоточном состоянии. Разумеется, добывается газ и нефть, и даже плавится металл на металлургических комбинатах, но в целом отечественное производство стоит. Заполнение рынка отечественными товарами не превышает 8-10%. Это по всем мыслимым и немыслимым параметрам состояние краха. Досадно, но внедрение рыночных отношений в России произошло кособоко. Так называемая макроэкономическая модель была сосредоточена на укреплении финансовой системы как некой обособленной величины, не зависящей от производственного потенциала страны, а работающей в самообразующем режиме и способной воплотиться энергетикой, заимствованной извне. Как модель, макет, проект - да. Но как живородящий организм - нет. Кризис финансовой системы России, который разразился в летние месяцы 98-го года, подтвердил эту истину отчетливо. У макроэкономической модели хватило сил только на существование самой модели. Главные кровотоки, которые и могли сделать ее жизненной, отечественное товаропроизводство так и остались пересохшими, и государство рухнуло в финансовую пропасть, сметая на своем пути опоры и конструкции макроэкономической модели. Таков, если можно выразиться, материальный провал, но рядом с ним существовал и провал интеллектуальный.

Бесспорно, прошедшие восемь лет обескровили интеллект и профессиональный навык нации. Наука, столкнувшаяся с невостребованностью в собственной стране, воспользовалась демократическими завоеваниями, давшими свободу передвижения, покинула страну самовлюбленных реформаторов, которые стали похожи на токующих глухарей, ничего не слышащих в момент своей глухариной песни. Президент, предрасположенный к фаворитизму, поднял шлагбаум и дал дорогу молодым реформаторам, клану, продуцирующему идеи управленческого нигилизма. Всякая возрастная солидарность явление хотя и естественное, но почти всегда опасное. И в этом смысле солидарность 70-летних так же опасна, как и солидарность 35-летних. Дряхлость одних уравновешивается отсутствием мудрости у других. Клановое торжество как первых, так и вторых - пагубно. В этом смысле одряхлевший советский Олимп был столь же опасен, как и синдром самоупоения у гайдаровско-чубайсовской волны, а чуть позже другой волны, но уже молодых технократов. Употребляя подобную терминологию, мы не очень вникаем в суть - что такое технократ? Хорошо это или плохо? Что в таком случае можно сказать о Черномырдине и его правительстве? Применительно к главе правительства понятие "технократ" предполагает не только инженерное образование, но и соответствующую биографию человека из нутра производства, легко ориентирующегося в новых технологиях, нацеленного на решение сугубо производственных проблем. Для страны, совершающей технологический прорыв, технократ во главе исполнительной власти очень кстати. К нам это не относится. Наш президент лишен какой-либо кадровой осмысленности. И в нашем случае появление людей во главе власти есть производное трех составляющих: паники, интриги и каприза.

РЕКВИЕМ

Сентябрь - октябрь 1998 года.

Президент сыграл злую шутку с гражданами своей страны, заявив в пятницу, 15 августа, что девальвация невозможна, а спустя два дня эта невозможная девальвация была объявлена решением правительства. В этом спонтанном событии, оказавшемся началом всех драматических начал дождливого августа, просматривается практически прогрессирующий паралич власти.

4 сентября. 15 часов.

Позвонил знакомый дипломат и сообщил, что Москву покидают семьи работников посольств. Газета "Коммерсант" не менее прозрачно намекает, что количество соотечественников, желающих выехать за рубеж и покинуть страну, возрастает. И вот если Запад в целом побеспокоился заранее и ужесточил правила въезда в страны для желающих обрести там постоянное местожительство, то вот Чехия отстает. И по прогнозу газеты именно она станет перевалочным пунктом для эмиграции четвертой волны. Похожим на правду все услышанное делает не факт отъезда, его может и не быть, а паника в магазинах.

Скупают все: крупу, муку, соль, сахар, водку, масло растительное всех видов, стиральные порошки. В полном смысле этого слова опустевшие прилавки. Толпы штурмующих коммерческие банки, требующих возвращения своих вкладов. Каждодневные путаные объяснения и еще более нелепые решения Центробанка по поводу и без повода лишь свидетельствуют об удручающей растерянности тех, кто должен вселять уверенность в души сограждан. Паника и психоз одномоментно становятся образом мышления всей страны, а равно и всех ветвей власти. Привычные политологические прозрения типа "Кремль упустил инициативу" или "Оппозиция перешла к массированному наступлению" - риторика вчерашнего дня, из другой системы координат.

Как прожить наступающую зиму? Как закончить ремонт квартиры, если ты начал его в системе одних цен, а теперь твоих сбережений не хватит даже на побелку потолка? Что делать, если голод? Как жить, если карточки? Куда бежать, если гражданская война? И во всех этих безответных вопросах нет места ни макроэкономическим моделям имени Егора Гайдара, экономической диктатуре имени Виктора Черномырдина, антиолигархическим демаршам имени Бориса Немцова потому, что народ так устроен - если президент вечером говорит одно, а наутро происходит прямо противоположное, он не склонен сочувствовать президенту, которого якобы подставили. Этот самый народ рассуждает очень прагматично, прозорливо и грамотно. "Мало того, что он не знает, что происходит в его стране, он не знает и как действует власть, ему подчиненная. А значит, власть, ему подчиненная, не считает нужным сообщать ему о своих действиях. Так может быть в двух случаях: либо сообщать ему что-либо бессмысленно, так как он ничего не понимает и ничего не решает. Либо власть, ему подчиненная, полагает, что ему некуда деться и, что бы она ни совершила, он все примет как должное. В этом случае первое равнозначно второму - он не нужен!" На Ельцина бесполезно давить - как часто с восторженным придыханием повторяла эти слова президентская свита, - Царь непредсказуем, Царь себе на уме. Президент уже слился с этим образом неприступной скалы и всячески поддерживает его в сознании сограждан своими неадекватными поступками. Однако особое усердие в формировании подобного образа и в приучении к нему нации проявляет достаточно узкий круг людей, открыто или скрыто вхожих к президенту и его семье. Вообще было грустно наблюдать, как Чубайс, Немцов и Кириенко едва ли не заходились от восторга по поводу президентской непредсказуемости. Уже будучи в отставке, Немцов произнесет знаковую угрозу: "Наш президент принимает либо правильные решения, либо такие, которые не обсуждаются". Это был финал протрезвления после льстивых игр вокруг президента, которыми Борис Ефимович грешил. Вспомним сцену, которую оставило в нашей памяти телевидение. Президент сообщает Черномырдину и Чубайсу, что решил назначить Немцова первым вице-премьером в правительстве Черномырдина. Премьер с гримасой обреченного согласия на лице. Чубайс, скороговорчиво повторяющий: "Очень верное и мудрое решение, Борис Николаевич, очень..." И Немцов, сидящий напротив с улыбкой нашкодившего хулигана-любимца. И сам президент, с удовольствием проглотивший чубайсовскую лесть, самодовольно посмеивается, отечески наставляя несмышленую власть:

- Вот как надо действовать! Смело и решительно! - И жест президентской руки, словно подталкивающий новоиспеченного вице-премьера в тронное придворье.

Да мало ли таких вот холопских приседаний да согбенных в послушном поклоне спин мы видели. Ельцин любит лесть и, если под рукой не оказывается смышленого на сей счет холопа, льстит себе сам.

- Давайте выпьем за президента!

И тотчас все спохватываются, казнят себя - оплошали, запамятовали, не скумекали, грешны, царь-батюшка, ох как грешны:

- Разрешите, Борис Николаевич, за нашего выдающегося...

И покатилось. Уже остановить невозможно. Степени только превосходные. Я сам угодил однажды в эту льстивую западню. Это случилось на одной из встреч с президентом, по мнению моих коллег, встречи для меня роковой. Президент пригласил руководителей СМИ в одну из своих загородных резиденций, в недавнем прошлом резиденцию главы

председателя КГБ Крючкова. Встреча была непростой. Президент был агрессивен. Пресс-секретарь Ельцина Вячеслав Костиков меня предупредил: "Главный заряд президент выпустит по тебе. Наши нашептали. Держись!"

Так и случилось. Президент атаковал. Я защищался и, как мне казалось, сумел переиграть ситуацию в свою пользу. Выслушав мое ответное выступление, президент покачал головой, не то соглашаясь, не то отрицая мою правоту и вдруг сказал: "Мне нечего вам возразить". Потом был обед. Я устроился с края обширного стола. Неожиданно ко мне подошел руководитель службы протокола и сказал:

- Президент просил вас сесть рядом с ним и вести разговор, координировать застольную полемику.

Я пожал плечами, пересел. И в самый разгар этого раскованного разговора Ельцин вдруг меня оглоушил:

- Почему вы не поднимаете тост за президента?

Существует такая самоуничижительная кремлевская логика - президенту нельзя возражать, с президентом не спорят. Почему? Потому что он президент. Депутаты живут на другом континенте в своей резервации - им можно. От них ничего не зависит - пусть возражают. Логика вообще-то холопская, но логика. На ней держится философия непредсказуемости Бориса Ельцина. О президенте можно сказать: неуправляем, но подвержен скрытому влиянию. Но скрытым это влияние представляется самому президенту.

Сегодня мы оказались свидетелями удручающей закономерности. Накануне события Березовский озвучивает ту или иную идею, которую назавтра объявляет президент. Березовского распирает свалившаяся на него едва ли не с небес собственная закулисная значимость. Он не может сдержаться, чтобы не заявить об этом вслух.

- Не надо меня демонизировать, - говорит Березовский. - Я не виноват, что мои прогнозы сбываются.

Сбываются прогнозы, которые Березовский готовит и покупает сам. Неугасающее восхищение Березовским всех без исключения СМИ, даже если это восхищенная ненависть, делает из него человека всевластного, всепроникающего, всеобволакивающего. Наглость и негодяйство человека, выходящие за пределы его собственной натуры, человека богатого, умного и задыхающегося от восторга, что семья президента у него в руках. Да и сам скоротечно состарившийся президент...

Почему 23 марта появился именно Кириенко, а 14 сентября Черномырдин? Как ни странно, не события в стране и не состояние экономики явились главной причиной этих решений, хотя и первое и второе, в силу своей неблагополучности подталкивали президента к какому-либо заметному действию.

Мог быть заменен Черномырдин, но на смену ему не должен был приходить Кириенко. Спустя неполных пять месяцев рухнул рубль. Мог быть отставлен Кириенко, но на смену ему не должен был возвращаться Черномырдин. Президент ухитрился сделать три кадровых ошибки подряд. Провал кандидатуры Черномырдина в Думе - следствие поверхностного политического анализа, сделанного президентской командой, и сил, довлеющих над этой командой. Был ли у интриги другой, более благоприятный рисунок?

Если бы согласно закону "О правительстве" исполняющим обязанности премьера до сформирования нового состава власти был оставлен, скажем, Борис Немцов или Борис Федоров и кандидатура одного из них была бы внесена на рассмотрение Думы, которая немедленно отклонила бы ее, выдвижение в качестве претендента на премьерский пост Черномырдина могло быть воспринято большинством Думы как благо. Психологически это был бы выигрышный ход. Немцов мог не согласиться на такое жертвоприношение, но Федоров, тщеславие которого общеизвестно, игру бы принял.

Этот ход или ему подобный команда президента просмотрела. Помешала неприязнь Березовского и к Немцову, и к Чубайсу. Борис Абрамович консультировал кадровый экспромт. Сейчас президенту впору сказать:

- Что же ты мне насоветовал, сукин сын?

Можно ли продавить Черномырдина? Второе отрицательное голосование сделало этот вопрос лишенным смысла. Назначение Черномырдина не стоило роспуска Думы. Да и зачем? А дело не в отсутствии законодательного противовеса авторитарным замашкам президента. Авторитет Думы непозволительно низок. Как показала житейская повседневность, любовь и уважение к власти, если они есть, именно в России объединить эту власть, пропитанную подозрительностью, не могут. Начинается спор, кого любят меньше.

И все-таки должно же быть какое-то объяснение президентскому шагу, сделанному весной? Оно есть.

Тогда, в марте, президент сделал ставку на молодых в расчете на себя самого образца не 1998, а 1991 года. Он повторил ту же самую комбинацию, как и с правительством Гайдара. Поначалу даже оставил за собой и руководство правительством, все как в 92-м, но...

Страна другая. Другой президент. Принимая это мартовское решение, президент внутренне подготовил себя к третьему президентскому сроку. И в этом смысле ему было нужно молодое динамичное правительство, которое всем обязано ему - Борису Ельцину. О Черномырдине этого не скажешь. По жизненной шкале они с президентом равновеликие величины. Тогда, в марте, президент посчитал, что его даже убывающего политического авторитета хватит и на президента и на правительство. Оказалось, нет. Ткани осталось только на латание собственного сюртука. И получился конфуз. Правительство Кириенко оказалось политически голым. В этом был главный просчет президента. А иного и не могло быть. Возможно, способные молодые люди. Возможно, даже одаренные. Однако их век был столь недолгим, что с ними не научились даже здороваться. Возвращение Черномырдина есть очевидное свидетельство поведением Ельцина руководил не разум, а инстинкт самосохранения. Речь идет уже не о третьем сроке, а по возможности благоприятном завершении второго. Блуждания вокруг возможных премьерских кандидатур будут продолжаться.

Березовский, взахлеб поддерживавший Черномырдина, после повторного обвала в Думе от него, конечно же, откажется. Самому ЧВС ничего не останется, как добровольно сойти с дистанции. Психологический нокаут, который он получил - больше чем несостоявшееся повторное премьерство. Формально Черномырдин может остаться и лидером движения "Наш дом Россия", и даже избраться депутатом, но о претензиях на будущее президентство он может забыть. У Черномырдина как политической фигуры в эти дни все поставлено на карту, как, кстати, и у его движения, еще по привычке именуемого партией власти. Развал движения после столь очевидной неудачи лидера произойдет немедленно. Кто-то подхватит знамя из слабеющих рук знаменосца. Тот же Аяцков? Тогда движению жить. Но это будет уже совсем другое движение, с другой социально-политической фабулой.

Итак, свершилось. В четверг 10 сентября после повторного провального голосования по кандидатуре Черномырдина президент сделал двухдневную паузу, пребывая как бы в раздумье, а затем предложил Думе новую кандидатуру Евгения Примакова. А в среду, именно в среду, Черномырдин сделал последнюю попытку устоять. Это был ключевой в этой затянувшейся интриге день. Черномырдин в Белом доме встретился с Лужковым. Изнурительная гонка прогнозов приближалась к своему драматическому финишу. Президент молчал. Дума впала в состояние тихой истерии. Коммунисты еще по инерции называли Маслюкова, хотя не очень верили в этот вариант. А хор за сценой скандировал: Лужков, Лужков, Лужков... При всех раскладах осознанного предпочтения и столь же осознанной нетерпимости к градоначальнику Москвы, Лужков был наиболее очевидной и реальной фигурой, способной переломить ситуацию, прежде всего в ее хозяйственно-экономическом аспекте.

Почему в среду 9 сентября и зачем Черномырдин, в то время еще исполняющий обязанности, пригласил Юрия Лужкова? Черномырдин прежде всего ориентировался на возрастающие шансы Лужкова. Складывались как бы два противодействующих поля. С одной стороны, упрямство Думы, настойчивое давление левого большинства Думы. Среди предполагаемых кандидатур на пост премьера коммунисты все чаще ставили именно

Лужкова на первое место, устраивающий их Строев уже дважды отказывался. Заметим, что Строев и Лужков всегда подчеркивали свою максимальную лояльность к президенту. И в этом смысле коммунисты, как им представлялось, предлагали вполне приемлемые для президента компромиссные фигуры, но... Чем чаще говорили коммунисты о приемлемости кандидатуры Юрия Лужкова на пост премьера, тем сильнее обострялся антилужковский и антикоммунистический синдром президента. Более того, он обретал адресность. С этой минуты информация, поступающая президенту, имела выверенную направленность: коммунисты "за", коммунисты настаивают, коммунисты требуют. В интерпретации Березовского, а точнее, Валентина Юмашева Лужков преподносился не иначе, как крайняя опасность. Логика рассуждений обретала очевидную открытость, никаких полунамеков, истина преподносилась как бы в чистом виде: Лужков - ставленник коммунистов, он опасен, не случайно накануне голосования по Черномырдину Зюганов встречался именно с Лужковым.

Борис Березовский стоял насмерть. Появление Лужкова в ранге премьера превращалось в его личную катастрофу. Он всячески внушал и Татьяне Дьяченко и Валентину Юмашеву, что говорит от имени большого бизнеса. Кстати, в президентском окружении подобные акценты в утверждениях Березовского не ставились под сомнение. А напрасно. Кем и когда было установлено, что все, что говорит Березовский, так оно и есть? И употребленный мной глагол "внушал", а не "убеждал" или "настаивал", не случаен. Березовскому свойственен этот дар довлеющего внушения. Он действует безотказно в общении с натурами зависимыми. Отсюда и стиль Березовского: сначала сотворение зависимости, а лишь затем внушение. Березовский много, быстро и долго говорит. Это уже методология. Как математик и системник он вполне логичен и производит сильное впечатление на людей неосведомленных.

Борис Березовский отдавал себе отчет - появись Лужков в ранге премьера, в течение двух месяцев большой бизнес повернется в его сторону, как он это сделал в Москве. А пока этого не случилось, президента можно держать в состоянии страха перед повальной национализацией, пересмотром программ приватизации, кровавого передела собственности - весь устрашающий набор, который Березовский приписывает Лужкову и в этом фанатичном бреде даже ссылается на своих заклятых оппонентов - Чубайса, Гайдара, Немцова, которые тоже предупреждают: "Храни Бог, только не Лужков".

А потому попробуем предположить частности этой поспешной встречи и.о.премьера Виктора Черномырдина и мэра столицы Юрия Лужкова.

Итак, 9 сентября, среда, 15 часов, Белый дом, кабинет премьера России. Степень достоверности предположений - абсолютная. Впереди пятница. Третье голосование в Думе по кандидатуре премьера. А в среду нервное напряжение в депутатской среде достигает высшей точки. Письма от президента с предложением очередной кандидатуры нет. Рубль рушится, паника в обществе нарастает. Эти детали крайне важны. Именно они диктуют атмосферу самой встречи. Как станет ясно позже, она оказалась ключевой во всех последующих событиях. Было ясно, что сам факт такой встречи инициирован президентом. Он предупредил Черномырдина: "Договоритесь с Лужковым. Пусть он вас поддержит. Еще лучше, если выступит в Думе перед голосованием". Когда журналисты донимали Лужкова расспросами, почему он никак не реагирует на факт своего выдвижения, он искренне отвечал: "Мне никто подобного предложения не делал. Что же касается симпатий, высказанных в мой адрес частью сенаторов и депутатов, я им за это признателен". Накануне этой встречи в очередном интервью Геннадий Зюганов назвал Лужкова левым центристом. Можно с уверенностью сказать, что пролог этой встречи данным суждением Зюганова был предопределен. Так и случилось. Черномырдин начал разговор именно с этой зюгановской цитаты:

- Юрий Михайлович, говорят, что ты теперь левый центрист.

А потом он должен был предложить Лужкову объединить усилия во благо спасения страны. Пафос тут тоже не помешает. И что он, Лужков, обязан поддержать Черномырдина и это не только желание Черномырдина, этого шага ждет от Лужкова Ельцин. Примерно такая

тирада была произнесена.

Что мог ответить Лужков? И вообще, в чем сущность его позиции? Она и проста и принципиальна. Ее Лужков изложил на заседании Совета Федерации: президент просил их со Строевым не ссориться с Черномырдиным, не противостоять ему. "Мы так и поступили, - сказал Лужков, - не делали ни того ни другого". На этой встрече Лужков, судя по всему, остался верен себе - поддерживать не буду, потому что считал и считаю провальным экономический курс последних пяти лет; своего мнения никогда не скрывал, говорил об этом вслух; мешать не буду - я дал слово президенту не противодействовать, я его сдержу. В этом эксклюзивном разговоре должно было появиться третье лицо. И оно появилось. Им оказался глава администрации президента Валентин Юмашев. Юмашеву еще предстояло решить, какую роль он должен сыграть на этой встрече. Юмашев понимал - Лужков осознает, что он, Валентин Юмашев, не союзник мэра, тем более что вместе с Юмашевым в черномырдинский кабинет проскользнула как бы тень Бориса Абрамовича Березовского. Разуверять Лужкова в очевидных предчувствиях не имело смысла. Тогда зачем он пришел? Оказать давление на Лужкова? Если Лужков знает все, а он знает, усилия Юмашева вызовут прямо противоположную реакцию. Поэтому Юмашев, скорее всего, решил выступить в своем привычном амплуа. Он устроился чуть поодаль от собеседников, сосредоточенно слушал и молчал. Молчал и слушал. А потом, когда разговор зашел в тупик, а он не мог не зайти в тупик, передал Черномырдину некую бумагу. По задуманному сценарию, а правомерно предположить что сценарий этой встречи был продуман, Черномырдин продолжал убеждать Лужкова в необходимости совместных действий и несокрушимости союза, который мог сложиться между ними. Разговор пошел как бы по третьему кругу. Лужков не упрямился. Уже не в первый раз он повторил не лишенную почтительности фразу: "Извините, Виктор Степанович, не могу". Что означало - моя позиция остается неизменной. Развития реального сектора экономики нет. Это результат работы команды Черномырдина. И поддержи он Черномырдина вопреки своей заявленной не один раз позиции, это всеми будет воспринято как беспринципность мэра столицы.

И тогда был использован последний ход. Бумагу, ранее оставленную Черномырдиным без внимания, потому как ее содержание Черномырдин знал, он подтолкнул Лужкову. Это было письмо президента в Думу. Президент в третий раз предлагал Думе рассмотреть кандидатуру Черномырдина.

- Вот видишь, - сказал устало и.о. премьера, - а ты упираешься.

Можно предположить доподлинно реакцию Лужкова. Он не опешил, хотя подобная реакция была вполне естественна.

- Зачем вы это делаете? - спросил Лужков. - В стране жесточайший кризис. Дума не отступит. Значит - роспуск. Денег на внеочередные выборы нет. Инфляция доведет народ до безумия. Социальный взрыв неминуем. Зачем вам, уважаемому человеку, проклятье народа и раскол в обществе?

Возможно, Черномырдин в ответ на возмущенный монолог не без злорадства спросил:

- Хочешь стать премьером?

Что ответил Лужков, уже не имело значения. Последний оплот рухнул. Черномырдин это понял. Пора было ехать к президенту.

Лужков возвратился в мэрию. У входа его перехватил телерепортер НТВ. Последним вопросом, на который ответил Лужков - "Чью кандидатуру на третье последнее голосование президент предложит Думе?" - Лужков уже уходил от наседающих телевизионщиков, однако на какую-то секунду задержался и, подавляя усталое недоумение, слегка пожав плечами ответил: "Черномырдина, наверное". Чуть позже он скажет своим коллегам: "Я видел это письмо собственными глазами". Никакого президентского письма в этот вечер фельдъегерь в Думу не привез. Страна еще на один день погрузилась в стихию слухов. Доллар поднялся до отметки 20 рублей.

Окружение Лужкова в эти дни вело себя неадекватно. Мнения разделились. Одни считали, что, если предложат, надо соглашаться. Другие - не соглашаться ни при каких

обстоятельствах. Предчувствие возможного штурма Олимпа, штурма успешного, будоражило умы. Лужкову советовали позвонить президенту, позвонить дочери президента, напомнить о себе. Мэр оставался неумолим: если я нужен - позовут. Разумеется, это была смесь гордости с осторожностью человека, который лучше других представлял критичность экономической ситуации.

Накануне этой поворотной встречи Валерий Шанцев, вице-мэр Москвы, выступая по телевидению, делает пробный выпад, разведку боем. На вопрос "Почему Лужков отказывается от премьерства?" - Шанцев отвечает:

- Насколько мне известно, Юрию Михайловичу такого предложения никто не делал. И все разговоры об условиях, которые якобы выдвигает Лужков, вымысел. Юрий Михайлович - человек государственный, и, если речь идет о судьбе страны, единственная возможная позиция для него - действовать в интересах отечества.

Естественно, эти слова Шанцева были истолкованы по-разному. Многие считали, что они не могли быть сказаны без согласия Лужкова. Другие, наоборот, рассуждали о их выгодности для самого Шанцева в случае утверждения Лужкова премьером страны. Тогда вице-мэр Шанцев, согласно закону, сначала исполняет обязанности мэра, а затем имеет наилучшие возможности, как вице-мэр, стать градоначальником столицы. Именно поэтому внезапный вызов Лужкова в Белый дом буквально на следующий день был истолкован его окружением как ответная реакция на выступление вице-мэра. Разговор с Черномырдиным опроверг подобные предположения.

Борис Березовский, который консультировал и программировал все действия Валентина Юмашева, не уставал повторять, что Лужков в качестве премьера есть начало кровавого передела собственности в России. И вряд ли кому из значительных собственников удастся остаться в стороне. В воронку этого передела будет затянута и собственность Юмашева и собственность семьи президента.

Еще одна немаловажная деталь. Сразу после встречи с Черномырдиным был подготовлен текст заявления мэра столицы. Идея заявления принадлежала сторонникам назначения мэра на пост премьера страны. Заявление было очень немногословным. Сначала мэр благодарил всех за гипотетическое доверие, высказанное ему лично согражданами, депутатами, сенаторами, желающими его видеть на посту премьера России. Далее он говорил, что все это нагнетание страстей не имеет под собой почвы. Ему никто ничего не предлагал. Ключевым в заявлении был последний абзац, в котором мэр подтверждал, что, в случае такого предложения, он готов отнестись к нему ответственно и сделать все, чтобы переломить ситуацию и вывести страну из кризиса.

Как я уже сказал, в ближайшем окружении Лужкова сосуществовали два взгляда на ситуацию: Березовский стоит насмерть, чтобы не позволить Ельцину сделать подобное предложение Лужкову. И предполагаемый третий выход с кандидатурой Черномырдина - это весьма красноречивый жест, указывающий Лужкову на дверь. А значит, надо переломить ситуацию, воспользоваться давлением общественного мнения и вынудить президента сделать такое предложение мэру.

И вторая точка зрения, более осторожная и более взвешенная. Не надо суетиться. Брать на себя такую ответственность преждевременно. За полтора года, оставшихся до президентских выборов, чуда не произойдет и коренных перемен, ради которых и будет призван Лужков, сделать не удастся. А значит, авторитет умеющего, не отступающего от своей цели хозяина окажется отчасти утраченным, и шансы на возможную победу на любых выборах значимо ухудшатся.

Нет ничего неестественного и предосудительного в этих двух прямо противоположных позициях. Помимо политических, финансовых, экономических интересов, которые непременно присутствуют при воплощении любой кадровой интриги, существует чисто личная заинтересованность. Переход Лужкова в федеральное правительство делает уязвимым положение многих старых кадров лужковской команды. Они были его плотью, и им (кому-то из них) не найдется места в федеральном аппарате или правительстве, скорее всего, придется

уйти. Тот, кто придет на смену Лужкову в Москве, скорее всего, будет исповедовать иную кадровую философию. Их оппоненты упирали все на тот же государственный интерес. В этой полемике слова "судьба отечества", "социальный взрыв", "подумать о народе" употреблялись довольно часто. Свой личный интерес просчитывался и дерзко и масштабно, овладение ключевыми политическими, хозяйственными и финансовыми высотами, закрепившись на которых несложно обеспечить безопасное и более динамичное движение в Кремль. Все они были уверены, что в случае лужковского премьерства они войдут в Белый дом, как отряд сопровождения.

Когда текст заявления лег на стол мэра, было 19.20. Я оказался невольным участником этой сцены. Лужков внимательно прочел текст. Провел рукой по затылку. Он так делает довольно часто, когда что-то обдумывает. Затем сложил руки на груди и какое-то время сидел молча, едва заметно раскачиваясь из стороны в сторону. Его не смущало присутствие посторонних. Наоборот, в его привычке было принимать решения на виду. В комнате стало очень тихо. Неожиданно он вовлек меня в разговор, назвал по имени, попросил прочесть текст. Текст был коротким. Я прочел его внимательно. Затем посмотрел на Лужкова, определяя для себя, надо ли мне что-либо говорить. Поза мэра оставалась выжидающей.

- Последний абзац, - сказал я, - мне кажется, он не нужен.

Скорее всего, тем, кто подготовил текст заявления, мои слова не понравились. Я их понимал - всегда неприятно вмешательство посторонних.

- В последнем абзаце - суть. Ради этой фразы и подготовлено заявление, - разъяснили мне. - Если его нет, незачем делать заявление.

Они бы могли этого не говорить. Последняя фраза была наиболее амбициозной, а значит, уязвимой. Я ничего не ответил. Объяснять свою точку зрения я посчитал некорректным. Потом, в случае продолжения нашего разговора с Лужковым, можно будет развить эту тему, но не сейчас.

- Нет, - сказал раздумчиво Лужков, - я этого заявления подписывать не буду.

- Значит, не делаем?

- Нет.

Мы остались вдвоем.

* * *

Как выяснилось чуть позже, встречу Черномырдина с Лужковым в среду 9 сентября можно назвать переломным политическим событием в нервозной череде несуразицы августовско-сентябрьских дней. Черномырдин вернулся в резиденцию президента и пересказал ему безрадостный итог своей встречи с Лужковым. Президент не ожидал другого результата, хотя смутная надежда - "а вдруг" все-таки была. Черномырдин понимал, что ко всему прочему президент недоволен и им тоже. Он попросил Ельцина отозвать его кандидатуру. На встрече присутствовали трое: и.о. премьера Черномырдин, министр иностранных дел Е.М.Примаков и президент. Ровно через час фельдъегерь доставил письмо президента в Думу. Президент предлагал для третьего голосования кандидатуру Евгения Максимовича Примакова, теперь уже бывшего министра иностранных дел России, а в предваряющем прошлом - главу внешней разведки России. Компромисс, предложенный в злосчастный понедельник повторного поругания Виктора Черномырдина Григорием Явлинским, а именно он выдвинул кандидатуру Евгения Примакова, был материализован. Примаков всех, или почти всех (ЛДПР голосовала против), примирил.

Так была перевернута еще одна страница бытия российской власти. Уже вечером в среду поверженный Черномырдин выступил по телевидению. Он сказал, что попросил президента отозвать свою кандидатуру, и предупредил сограждан об опасности коммунистического реванша.

На пленуме КПРФ, который собирался по поводу выдвижения Черномырдина на пост главы правительства, прорезалась основополагающая причина неприятия Черномырдина коммунистами. Черномырдин - очевидный кандидат в президенты. Более того, Ельцин обозначил его как своего преемника. Следовательно, вся государственная машина будет

работать на его избрание. Тот факт, что за спиной Черномырдина стоит Березовский, является лучшим свидетельством, что возникает опасная связка Черномырдин-Лебедь. Тот же Б.А.Березовский не скрывает своих финансовых и политических симпатий к генералу. Объединенный фронт Лебедя и Черномырдина на президентских выборах с опорой на СМИ, контролируемые ведущими олигархами страны, без сомнения переиграет кандидата левой оппозиции, которым намерен стать Геннадий Андреевич Зюганов. Вот основная причина коммунистического неприятия Виктора Черномырдина. А вся риторика лидеров КПРФ, что Черномырдин за предыдущие пять лет показал свою неспособность кардинально изменить экономическую ситуацию и вопли относительно черномырдинской несамостоятельности, его полной подвластности президенту - все это от лукавого. Именно коммунистов устраивала черномырдинская несамостоятельность, позволяющая коммунистам оказывать давление на Черномырдина. Самое удивительное, что и неспособность, и несамостоятельность, и компромиссность, обслуживающая собственный интерес, все это вполне очевидные черты Черномырдина как политика, но именно эти черты на протяжении последних пяти лет устраивали коммунистов. И в 92-м, при избрании Черномырдина на съезде главой правительства, а он был избран прежде всего голосами левого прокоммунистического большинства, коммунисты избирали своего знакомого, сверхсоветского, в чем они, кстати, заблуждались, но это стало ясно чуть позже. А на момент его избрания (хотя он и уступил по количеству голосов Юрию Скокову), Черномырдин был своим. Не случайно, что всякий раз во все последующие годы, как только назревал вотум недоверия правительству, именно коммунисты устами Зюганова не переставали повторять: "Мы не против Черномырдина, мы против команды младореформаторов в правительстве". Черномырдин устраивал и вдруг... Шок, который пережил Черномырдин в связи со своим провалом, был искренним. Именно так. Черномырдин внутренне ориентировался на всегдашнюю лояльность к нему левого думского большинства, пусть с оговорками, но он находил с левыми общий язык.

Эту иллюзию в его сознании поддерживало его собственное окружение. Мы часто были свидетелями удручающих просчетов Черномырдина именно как политика. Удивляла примитивность всех служб НДР, занимающихся политическим анализом. Да и сама фракция НДР в парламенте и ее лидеры - Александр Шохин и Владимир Рыжков были малоинтересны и малоубедительны. Они избрали самую уязвимую позицию полуоппонентов власти. Вывод очевиден - невозможно быть немножко беременной. Они все вместе репетировали один и тот же вариант "Черномырдин не может не пройти". Мгновенно изменившаяся ситуация была налицо. В это никто не хотел верить. В условиях 1999-2000 годов появление Черномырдина во главе правительства для непримиримых было вдвойне невыгодно. На выборах в Думу это вероятная концентрация средств в руках главного конкурента по парламенту, а таким конкурентом в этом случае оказывался НДР. Совершенно очевидно, что в парламенте появится фракция, ориентированная на Александра Лебедя, и тогда вопрос о коммунистическом большинстве становится в предстоящей Думе проблематичным. А затем президентские выборы. И опять перспектива того же самого альянса. И коммунисты решили сыграть на этом непроясненном заблуждении, атакуя президента и, теперь уже рухнувшего, наследника Виктора Черномырдина.

Вхождение Примакова в фарватер внутренней политики теперь уже в качестве премьера было относительно спокойным. Легкость, с которой он прошел голосование в Думе, не была обманчивой. Не ангажированный политическими партиями, не претендующий на пост президента человек в силу своего должностного исполнения - министр иностранных дел, стоящий где-то над и поодаль от политических страстей внутренней жизни, он устраивал всех или почти всех в Государственной Думе, но...

Коммунисты, еще раз изучив досконально послужной список Примакова, оценили его в большей степени "своим" - как полулиберала-государственника с партийным билетом, а не как беспартийного профессионала. Примаков на посту министра иностранных дел был типичным "антикозыревцем", изменившим курс внешней политики в сторону державной значимости России на международной арене. Эта патриотическая линия Примакова нашла

отклик у полулибералов сверстников горбачевской поры, таких, как Николай Рыжков, Юрий Маслюков, Олег Богомолов, Леонид Абалкин, казавшихся коммунистическим ортодоксам той поры буржуазными приспешниками, как и сам Горбачев. Так вот, теперь все они почти апостолы народно-патриотических принципов в экономике, социальной политике, потому как еще более справа сверхбуржуазными, "продавшимися капиталу" оказались их ученики, отторгнувшие привычки социалистической стихии и вошедшие в современную историю под кодовым символом "Молодые реформаторы": Гайдар, Чубайс, Немцов, Кириенко, Нечаев. Удлинение правого фланга пространственно сделало примаковских сверстников как бы центристами, но уже слева.

* * *

Лужков заявил о своей поддержке Примакова. Более того, как бесспорно положительный факт он посчитал появление Маслюкова в правительстве на посту первого вице-премьера. Лужков повторил это не один раз, что позволило теперь уже демократам обвинить его в прокоммунистических взглядах. Хотя, как известно, Маслюкова в правительство пригласил технократ Кириенко, экономическую программу которого от "А" до "Я" консультировал институт Егора Гайдара.

Казалось бы, все обстоятельства за это - и встречи Зюганова с Лужковым накануне безутешных попыток Черномырдина преодолеть думский редут. И заявление опять же самого Зюганова о предпочтительности фигуры Лужкова на посту премьера, как и вхождение николаевского движения в коалицию левых. Казалось бы, все логично - спелись. Ан нет...

Генерал Николаев победил на выборах в Государственную Думу благодаря поддержке Лужкова. По черновому замыслу мэра, Николаев мог заложить фундамент промосковской коалиции в парламенте. И вся эта успешность возможного союза новых сил, который не отрицал и Лужков, поднимавшаяся в конце сентября и начале октября буквально как на дрожжах, вдруг стала оседать. Что было тому причиной: колебание Николаева, замутивший его разум дух бонапартизма, заявление Лужкова, сделанное 30 сентября, что при определенных условиях - когда за президентский пост будут бороться люди, не способные или навязанные обществу ангажированными СМИ, он, Лужков, вынужден будет участвовать в президентских выборах - трудно сказать. Характерно, что на той же пресс-конференции Лужков уточнил, что при наличии достойного кандидата, он, конечно, его поддержит и никаких президентских амбиций в этом случае проявлять не собирается. Однако этого сверхосторожного заявления Лужкова оказалось достаточно, чтобы ряд СМИ начали атаку даже на предположительную, оговоренную рядом "если" позицию Лужкова.

Критика Лужковым Черномырдина и критика коммунистов в адрес экс-премьера это разные критики. Выводы политологов, окружения президента, провоцируемые Борисом Березовским о якобы союзе Лужкова с коммунистами или (для усиления подозрительной ярости) о сговоре между ними, не только поверхностные, но и запрограммированно ложные. В чем же здесь дело?

Ответ прост. Просчеты, ошибки, отсутствие обещанных результатов - все это характеризовало период либеральных реформ. Очевидные просчеты - причина очевидной критики. Тут ловушка для политических дилетантов, уравнивающих критику непримиримой и конструктивной оппозиции. Ориентируясь на не остывающую подозрительность Ельцина по отношению к Лужкову, президенту преподносят схожесть критики в адрес правительства как единство взглядов критикующих, как союз лужковского "Отечества" с КПРФ. Ельцину хочется в это верить, и он верит.

В античерномырдинских действиях коммунистов все не столь прямолинейно. Размышления о том, что, поддержи коммунисты его кандидатуру на пост премьера, они собственными руками сотворят себе главного конкурента на президентских выборах, плюс к тому собственноручно усилят его, вполне правомерны. Формально такая опасность существует, но, рассуждая здраво, не меньшую опасность для коммунистов представлял и Юрий Лужков. Коммунисты были готовы поддержать Лужкова, так, по крайней мере, они выстраивали свою агитационную линию. С одним уточнением - с определенными

оговорками, под определенные гарантии со стороны Лужкова. В этом случае при голосовании в Государственной Думе коммунисты выскажутся "за". Не все, конечно, крайне левые (Илюхин и К°) никогда. Но здоровое большинство - поддержит. Согласитесь, в этих рассуждениях есть что-то непроясненно-странное. Лужков - один из основных претендентов на пост президента, и окажись он во главе правительства, он непременно сосредоточит в своих руках финансовые и организационные возможности для президентских выборов. И сделает это жестче и лучше Черномырдина. Почему же если Черномырдин - это опасно, а если Лужков - нет?

Чем прежде всего устроил коммунистов Примаков? Фактом отсутствия претензий на президентский пост. Они столь часто повторяли этот тезис, что вынудили Примакова на одной из пресс-конференций это подтвердить. Но коммунисты ранее Примакова не называли. Они присоединились к этой идее. Коммунисты называли Строева, Лужкова, Маслюкова. Однако бульшую ставку под давлением низов делали на Лужкова. В чем же тут дело?

Разве Зюганов не намерен выдвигаться в президенты? Наоборот, он рассчитывает, надеется, жаждет, чтобы левая оппозиция объявила его единым кандидатом. А если так, то Лужков будет его бесспорным и значимым конкурентом. Разумно ли его усиливать? Следуя формальной логике - ни в коем случае. Значит, существуют иные соображения и иной анализ. Попробуем их распознать.

Начнем с более очевидного. Лужков при всевозможных оговорках, как полагали коммунисты, остается верным президенту. Зная характер Лужкова, его упрямство в верности своим друзьям, обязанностям и привязанностям, коммунисты понимали, что заставить его отступить от своих принципов едва ли возможно. И в этом смысле он должен устраивать Ельцина как гарант будущей безопасности президента и его семьи. Даже в большей степени, чем Черномырдин, плененный олигархами и в силу этого менее самостоятельный. Воспротивился приходу Лужкова не Ельцин, а Березовский, Юмашев, Татьяна Дьяченко, Роман Абрамович. Ельцин этому противлению не мешал. Либо не мог, либо не хотел. Поддерживая Лужкова, коммунисты тем самым отрывали его от Ельцина, у которого сверхотрицательная реакция на любые шаги и симпатии коммунистов. Ельцин, считали коммунисты, под воздействием Березовского поверит в любые слухи о союзе Зюганова и Лужкова, а значит, никогда не допустит его усиления.

Для коммунистов это бесспорный плюс. Неадекватность поведения президента по отношению к Лужкову должна заставить мэра столицы если и не отказаться от поддержки Ельцина, то, без сомнения, ответно к нему охладеть. В критических обстоятельствах 98-го года, жесточайшего финансового кризиса в преддверии необеспеченной зимы, наивысшего накала социального недовольства, которое в любой момент перерастет в повсеместные беспорядки, утраты расположения ведущих западных лидеров (ушел в отставку Коль, японский премьер Хасимото), утраты поддержки большинства губернаторов, которые если и не высказывают своего несогласия вслух в Москве, то не скупятся на отрицательные оценки деятельности федеральной власти по месту своего губернаторства. Так вот, оказавшийся в такой ситуации президент, утративший поддержку мэра столицы, практически оказывается в одном шаге от своего политического краха. Вот причина столь крикливых и незатейливых симпатий коммунистов к Лужкову. Мы не говорим здесь о симпатиях рядовых граждан. Они вполне искренни. Им нравится Лужков, его открытость, его социальная целеустремленность, чего бы она ни касалась: строительства жилья, школ, организации торговли, отдыха, дорожного строительства. Во всех своих действиях мэр очевиден и, что самое удручающее для его оппонентов, результативен. И если три, два года назад Лужков в своем несогласии с деятельностью правительства опирался на понимание президента и президент, в ту пору менее зависимый, эту поддержку ему оказывал, то теперь эти две значимые политические величины поменялись местами. Лояльное поведение Лужкова по отношению к президенту в достаточной мере удерживает немалую часть оппонентов от антипрезидентского бунта.

Коварство президентского окружения по отношению к мэру, в конце концов, взорвет Лужкова. На это очень рассчитывают коммунисты. И это есть первая причина их поспешных

симпатий. Второй мотив, благодаря которому Лужков оказался в поле зрения коммунистов, - это его очевидная социальность. Кстати, вполне реальное состояние и для губернаторов и для мэров, отвечающих за повседневность бытия своих сограждан. Дороги, транспорт, школы, магазины, выплата пенсий и зарплаты, строительство, безопасность людей - за все это спрос с городского головы. Все перечисленные проблемы сугубо социальны. Поэтому и действия мэра, его философия опираются на конкретику проблем, стоящих перед обществом. Именно здесь таится уловка КПРФ и ее думской фракции. Весь популизм коммунистов покоится на социальной риторике. Так было всегда. И когда брали власть, и когда ее теряли. Маевки, демонстрации, баррикады. Нет безработице. Защита (подчеркнем) не прав человека, а прав трудящихся. Пенсию - пенсионерам! Школы - детям! И еще с десяток обостренно социальных звукопотрясений. Похожесть требований не тождественна схожести результатов. Но именно эта социальная похожесть была важна коммунистам, она создавала иллюзию идеологической близости между коммунистами и Лужковым. Цели могут быть схожими. Но идеология - в методах достижения целей. И видимо, не случайно три политических недели октября прошли под знаком Лужкова. Политические противники мэра решили не упускать шанса и стали трактовать осторожное заявление Лужкова как начало его президентской кампании, а значит, и начала своего идеологического наступления на мэра.

Но замысел коммунистов был неполным. Они рассчитывали на непременный конфликт, который возникнет между сверхсамостоятельным Лужковым, в какой бы роли он ни выступал, и президентом. Президента дожмут, и он отправит зарвавшегося премьера в отставку. Рейтинг Лужкова после этого изгнания возрастет, но он будет оторван от финансовых потоков, а значит, станет намного слабее.

Лужкову не дают прохода. У Лужкова берут интервью по любому поводу. Эмоциональный мэр, уступая своему напористому, а иногда и драчливому характеру, делает несколько просчетов. На встрече с губернаторами он заявляет о необходимости регионального укрупнения России. Повторяет уже не в первый раз, что России необходимы десять - пятнадцать крупных территориальных образований губернского характера, а не 89 регионов, как есть сейчас. "Территориальное сверхмерное дробление России - путь к неуправляемости страной", - примерно так итожит Лужков свои соображения. Естественно, это заявление не вдохновляет амбициозных губернаторов и не прибавляет любви к столичному мэру. Уязвлены прежде всего те, кто в случае укрупнения уже никогда не станет губернатором.

Оказавшись второй раз в Лондоне на протяжении двух недель, Лужков попадает в плотное окружение журналистов.

- Чем вызваны столь частые визиты в Англию?

- Погода в Лондоне похожа на московскую, - отвечает мэр.

В Лондоне обсуждался вопрос, крайне значимый для Москвы. Проблема инвестиций. Заявление мэра претендует на сенсацию: "Независимо от прежних заявлений российского правительства, сделанных 17 августа, о моратории на выплату долгов, - сказал мэр, - Москва выполнит все свои долговые обязательства". Этим заявлением мэр еще раз подчеркнул очевидную самостоятельность экономической политики столицы.

Там же, в Лондоне, Лужков сделает и еще одно, крайне неудачное заявление: "Мы должны работать по-капиталистически, а распределять по-социалистически!" Чем вызваны столь спонтанные высказывания, сделанные именно в Англии, понять нетрудно. Оказавшись тремя неделями ранее на съезде лейбористов, которые после длительного перерыва наконец пришли к власти в Великобритании, Лужков, отстаивающий идеалы социал-демократизма, был приятно удивлен совпадением лейбористских взглядов со своими собственными. И теперь, уже оказавшись на встрече с английскими предпринимателями и инвесторами, он решил еще глубже продвинуться, как ему представлялось, в социал-демократический коридор. Получилось не очень удачно. Дело в том, что социализм нельзя упрекнуть в неумелости налаживания производства. Это доказали и 30-е годы, и материализация лозунга "Догнать и перегнать!". И Великая Отечественная, и послевоенное восстановление, и прорыв

в космос. Ахиллесовой пятой социализма всегда являлся не факт индустриальной неумелости, с этим все было как раз наоборот, а порочность системы распределения. Ложно истолкованное социальное равенство, которое немедленно переросло в примитивное уравнивание талантливых и бездарных, бездельников и работящих, что в конечном итоге разрушило трудовую нравственность, как стержень профессионального навыка. Именно этот развал трудовой философии, социальное иждивенчество, помноженное на закоснелый бюрократизм демократического централизма, привели социализм к экономической катастрофе. Не желая того, Лужков, возможно, и приблизился к британским лейбористам, но, что совершенно несомненно, отдалился от какой-то части своих сограждан, своих потенциальных избирателей.

Не раз и не два сказано: ключевой проблемой любой власти является ее окружение. Есть такая проблема и у тех, кто власть, и у тех, кто стремится ею стать. Проблема окружения возникает, как правило, "до того", а не после. Так случилось у Ельцина, еще до его президентства. Проблема окружения актуальна для каждого кандидата в президенты. Есть она и у Юрия Лужкова. Дело в том, что его окружение, его команда уже сложилась и складывалась многолетне, начиная с конца 80-х - начала 90-х годов как окружение мэра Москвы. Предполагаемая президентская команда, случись это событие, нечто иное. И претендентов на членство в ней окажется достаточно. В этом месте нервный узел возможных лужковских проблем. Как соединить ядро движения "Отечество" с профессиональной московской командой, без которой Лужков в любом качестве - это треть Лужкова. А эти два сообщества на сегодняшний день - сообщества не стыкуемые. И весомость претензий несовместимая. У одних за плечами Москва и задел значимых деяний. У других - политическая риторика на федеральном уровне. Потому как многие из них не успели прийти, как настало время уходить. А другим и приходить не случилось, а желание остаться осталось.

Подводя итог заигрыванию коммунистов с Лужковым, выскажу ряд соображений, никак не совпадающих с общепринятым анализом, но, на мой взгляд, более близких к истинному замыслу как лидеров КПРФ, так и их союзников по народно-патриотическому фронту. Игра в поддержку Лужкова была игрой продуманной. Коммунисты, желая выманить Лужкова на думскую трибуну в качестве кандидата в премьеры страны, имели, по сути, два сценария. Первый. При голосовании в думе Лужков не набирает нужного числа голосов, лишь половина коммунистов голосует "за", хотя вся предварительная ажитация шла под девизом "Мы поддержим Лужкова при определенных гарантиях с его стороны". Впрочем, этот сценарий имел варианты. Лужков проходит на грани фола и набирает, к примеру, 230 голосов. Это равносильно провалу, так как премьер оказывается в подвешенном состоянии. Президент рекомендовал его кандидатуру пересилив себя, а тут еще неустойчивое голосование в Думе. Большего удара по престижу реального кандидата в президенты нанести было бы трудно. В этом сценарии просматривается своя сложность. Лужков поставил бы условие: отказ от должности мэра столицы только после голосования в Думе. Сохранить мэрство в сочетании с обязанностями премьера - требование нереальное, и его Лужков выдвигать бы не стал. Не тот парламент. Неудачное голосование в Думе в том или ином варианте подорвало бы позиции не только кандидата в президенты, но и мэра столицы. Примечательно, что главным препятствием выдвижения Лужкова на пост премьера были именно коммунисты. Они своей поддержкой вызывали реакцию отторжения у президента, усиленную внушением Березовского. Весь вопрос в том, что игра в Лужкова и была затеяна коммунистами в целях его ослабления, в целях подтравливания президента и осложнения его отношений с Лужковым. Коммунисты не достигли первой цели, но в достижении второй преуспели сполна.

Версия № 2 была более продумана. У коммунистов нет уверенности в своей победе на президентских выборах. Уточним этот тезис - нет полной уверенности. И тогда возникает Лужков. Суть интриги в бартерном обмене. Москва - в обмен на поддержку коммунистическим флангом кандидатуры Лужкова на президентских выборах. Торги

проводятся по следующей схеме. Лужков дает согласие на поддержку коммунистического кандидата на выборах мэра, а его поддержка - это гарантия успеха. Коммунисты открывают Лужкову коридор на президентский Олимп. И как первый кредит под этот проект: коммунисты обеспечивают думское большинство при голосовании кандидатуры Лужкова на пост премьера.

У этого сценария, а он предполагался, есть один изъян. До президентских выборов еще далеко - почти два года. Впереди парламентские выборы. Лужков создает свое общественное движение и с ним намерен идти на выборы. Он человек авторитетный, авторитарный и энергичный. Идея с блоком генерала Николаева положительных результатов не дала, следовательно, Лужков двинется в бой сам и вполне реально добьется на думских выборах неплохих результатов. И тогда с ним договариваться будет неизмеримо сложнее. Сейчас мы, коммунисты, ему нужны позарез, что будет завтра - сказать трудно. Если в первый сценарий Лужков не очень вдавался, то второй наверняка предугадал. И на торг не пошел. Этим объясняется столь же мгновенное охлаждение отношений лидирующего ядра КПРФ к Лужкову как и мгновенная любовь еще совсем недавно. На острие антилужковских настроений в КПРФ оказался Геннадий Селезнев. Точки зрения двух Геннадиев - Зюганова и Селезнева относительно Лужкова расходятся диаметрально. Это первый симптом появления в КПРФ еще одной кандидатуры с президентскими амбициями. Переговоры с Лужковым вел Зюганов, а отрицает Лужкова совсем другой человек. Идеальное исполнение сценарной разработки. Я полагаю, в будущем Лужков предпримет действия, которые подтвердят существование подобного замысла у коммунистов. Лужкову нельзя отдавать Москву ни при каких обстоятельствах, и он это понимает. У него еще будут проблемы с его "Отечеством", так как все примкнувшие к Лужкову вынашивают свои корыстно-должностные интересы на ближайшее время. А должностей, даже при сокрушительной победе может не хватить.

Вряд ли кто ожидал, что появление Примакова в ранге премьера так парадоксально изменит рисунок политической интриги в верхних слоях высоковластной атмосферы, но именно это случилось. Разумеется, в подобных переменах было несколько составляющих: провал Черномырдина; резкое ухудшение уже не в первый раз физического самочувствия президента; банковский кризис; панические настроения в стане олигархов и, как результат, утрата рычагов влияния на власть. Впервые с 90-го года появляется правительство, которое имеет поддержку законодательной власти. Как заметили сенаторы, это первый премьер, который говорит с нами на одном языке.

На это же самое время пришлась внезапная болезнь Григория Явлинского инициатора примаковской эпопеи и одного из претендентов на президентское кресло, удерживающего на своем фланге в нынешних условиях едва ли не весь либеральный электорат. Разумеется, настроения этого электората меняются. Но при постоянном разброде среди амбициозных демократических течений именно либеральное поле Явлинского наиболее устойчиво. В состоянии прилива оно достигает 10%, в момент отлива застывает на отметке 7%. Этого всегда мало. Почему Явлинский оказался в перечне знаковых фигур-факторов, я скажу чуть позже, а пока назовем еще одну составляющую. Ее координаты: Юрий Лужков и его возросшая активность теперь уже как фигуры общероссийского масштаба. И даже не сам Лужков, а образ альянса Лужкова и Зюганова, мастерски разыгранный как коммунистами, так и антилужковскими СМИ, сосредоточенными в руках Березовского и его союзников.

Заметим, что после октябрьской акции протеста, где произошел сценарный сбой и вместо "Долой Ельцина!" недисциплинированные профсоюзы огласили совсем другой текст "Лужкова в президенты!" (а если прибавить к этому заявление и самого мэра, проявившего готовность возглавить левоцентристскую коалицию), то после этих микрособытий в стане КПРФ дали задний ход. Под напором леворадикалов в собственной партии, ее экстремистского крыла, Зюганов заговорил о Лужкове не как о желательном союзнике, а как возможном партнере по блоку среди прочих, не менее возможных.

На пленуме, состоявшемся 29 октября, коммунисты ужесточили свою позицию и высказали ее в почти ультимативной форме. Единый блок с Лужковым возможен только в том

случае, если мэр заявит, что его позиция полностью совпадает с позицией КПРФ в оценке современных событий. Оставит ли мэр этот ультиматум без внимания или отреагирует на него? Это уже не так важно. По здравой логике политической борьбы - предпочтительно первое. Пожать плечами и на крайний случай отделаться проходной репликой. Но все будет сделано с точностью наоборот. Лужков почувствует себя уязвленным и даст отповедь.

На том же пленуме Зюганов пошел дальше. Он атаковал генерала Николаева, обвинив его в неразборчивости при выборе союзников. Речь шла о Владимире Шумейко и Сергее Филатове. Лужков на первых порах поставил на Николаева, рассчитывая на то, что генерал сумеет заложить фундамент будущей промосковской фракции в парламенте. Скорее всего, Николаев с этой задачей не справится. У него нет политического авторитета. Амбиции есть, а авторитета нет. Но Лужков не так наивен, чтобы положить все яйца в одну николаевскую корзину. И тем не менее аттестация первых шагов Николаева со стороны Зюганова, как шагов ошибочных и, более того, вредных, - есть добавочный укол Лужкова. Лидер коммунистов провоцирует Лужкова на ответный выпад. Он хочет, чтобы Лужков раскрылся. Лужков этого делать не должен, но, повторимся, скорее всего, именно это он и сделает. Характер не выбирают. Каков есть, таков есть.

Ноябрь. Год 1998-й.

Неожиданно проснулся вулкан, поименованный Григорий Явлинский. Это сравнение не следует понимать как красивость. Григорий Алексеевич вышел из больницы, пережив, судя по разноречивым аттестациям врачей, микроинфаркт, и тотчас сделал несколько громких заявлений. И если первые выступления перед телекамерами укладывались в общепринятое русло межпартийной и депутатской полемики, как-то: "Движение "Яблоко" ни с кем на выборах не собирается вступать в коалицию. У движения последовательные и принципиальные взгляды, которые разделяют наши избиратели. У нас нет оснований сомневаться в успехе на парламентских выборах 99-го года. "Яблоко" - практически единственное устойчивое либерально-демократическое движение, имеющее четкую экономическую программу и готовое ее реализовать при условии, что получит мандат и сформирует правительство".

Затем еще одно заявление о голосовании по импичменту и закону о медицинском освидетельствовании президента. И в том и в другом случае Явлинский, находясь в оппозиции президенту, подтвердил, что "фракция "Яблоко" в травле главы государства, на которую взнуздывают парламент коммунисты, участвовать не будет. И закон "О медицинском освидетельствовании президента", подготовленный депутатом Илюхиным, не приемлет. Как с юридической, так и с этической точки зрения этот закон ничтожен. Что же касается импичмента - пункт обвинения по Чечне, пункт принципиальный и по этому пункту мы поддержим обвинение".

Все эти заявления делались в наступательной манере. Чувствовалось Явлинский оправился от болезни и она для Григория Алексеевича не прошла бесследно. Явлинский подтвердил свое несомненное участие в президентских выборах, сделав при этом очень важное смысловое уточнение, адресуясь опять же к перенесенной им болезни. "Именно там, в больнице, я понял, что если платить такую цену, то только за одну ставку - за президентство России. Иначе все бессмысленно. Ты можешь завтра умереть, и даже непонятно, во имя чего..."

Мы еще вернемся к этому смысловому рефрену. Он важен и сверхактуален для Явлинского. Но взорвали общественное равновесие совершенно иные слова Явлинского, несколько фраз из его интервью корреспонденту английской газеты "Файненшл Таймс". В интервью не сообщалось ничего сенсационного: исполнительная федеральная власть обвинялась в коррупции. Сегодня об этом не говорит только ленивый. Но достаточно очевидная мысль имела адрес.

- В нынешнем правительстве, - сказал английскому корреспонденту Явлинский, - посты министров покупаются за большие деньги.

Это уточнение вызвало бурный политический резонанс. Выдержки из интервью были

моментально растиражированы всеми телевизионными каналами, что дало повод Явлинскому в течение трех дней восемь раз выступить в разных программах. Ситуация обрела скандальный фон. И сам премьер, и его заместители отреагировали на заявление Явлинского сверхраздраженно, назвали слова Явлинского клеветой и несуразным вымыслом. Любопытно, что Явлинский не стал чего-либо отрицать, ссылаться на некачественный перевод, тем более что интервью он давал, скорее всего, на английском языке. Ничего подобного он делать не стал. На требование назвать конкретные фамилии Явлинский ответил общефилософским размышлением об опасности коррупции в высших эшелонах власти, повторив в качестве контратакующего довода депутатский запрос, который он намерен передать премьеру Примакову во время предполагаемой встречи с ним. В тексте депутатского запроса перечислялись фамилии Маслюкова, Кулика, в пересчете на прошлое - менее отдаленное и более отдаленное - время. В запросе было поставлено несколько гипотетических вопросов: состоялся ли развод данных властных особ с коммерческими структурами, с которыми они были связаны ранее? Нет ли благодарственных дарований в адрес этих компаний в виде льгот или какой-либо первоочередности на участие в тех или иных бюджетных программах? Вместе все выглядело достаточно корректно, но скандал тем не менее разразился. Всколыхнулись коммунисты, защищая своих в правительстве. Всколыхнулись депутаты, недолюбливающие лично Явлинского. Взбодрилась Генеральная прокуратура, по принципу: если "нет", то "да"; будут фамилии проверим, не будут... Отточие выглядит многозначительным. Прокуратура оставляет за собой право выбора плана дальнейших действий.

Чем объяснить повышенную активность Явлинского? Что произошло сверхординарного? Можно высказать недоумение по поводу столь бурной реакции на крайне затертое обвинение в коррупции. Но не это должно вызывать обостренный интерес. Более насущным следует считать совсем другой вопрос. Почему вдруг Григорий Алексеевич Явлинский атаковал правительство Примакова именно с этого фланга? Не упрекал правительство в сверхзатянувшейся паузе, непроясненности экономических шагов, закрытости принимаемых решений, нерешительности и неоправданной компромиссности, отсутствии команды? Нет. Был выбран совсем другой угол атаки: мздоимство, коррупция в правительстве, проработавшем 1,5 месяца.

Обсуждая возникшую ситуацию с мэром Москвы, я услышал доброжелательный реверанс в адрес Явлинского: "Гриша просто оговорился. Не вслушался в смысл сказанного и не придал этим словам особого значения..."

Мэр уважительно относится к Явлинскому. Их отношения имели свою историю. Явлинский умен, образован, он бесспорно сильный экономист и также бесспорно опытный политик новой волны. Такие люди, как правило, не оговариваются. И все последующие интервью и пресс-конференции Явлинского, где он продолжал с упорством, хотя и не очень убедительно, обосновывать свою позицию общефилософскими рассуждениями о преступлении и наказании, лишь подтверждали его упрямство и нежелание признать даже относительную неточность своих высказываний. Поэтому нам ничего не остается, как попытаться разглядеть первопричины таких шагов лидера "Яблока" и понять суть замысла. А то, что череда этих явлений не есть случайность, у автора нет сомнений.

В достаточной мере подтверждением наших мыслей явилось пространное интервью, данное в "Независимой газете" от 4 ноября Игорем Малашенко, вице-президентом холдинга "Медиа-Мост". Малашенко собирался в Америку и решил раскрыть цель своей поездки. Его откровения прозвучали впечатляюще. Игорь Малашенко задался целью сконцентрировать внимание американского капитала на фигуре Григория Алексеевича Явлинского, как наиболее значимого и реального кандидата в президенты России в 2000 году. Более того, Малашенко намерен убедить американскую политическую элиту в неприемлемости таких политических фигур, как Зюганов, Лужков, Черномырдин. Откровения Малашенко можно считать неизмеримо более сенсационными, чем заявления Явлинского о коррупции в правительстве. И снова вопрос: почему умный и хитрый Малашенко, человек безмерно

тщеславный, сделал эти публичные заявления. Неужели только из-за тщеславия и обостренной самозначимости? Вряд ли. Характерно, что сам Малашенко в этот момент находится в Германии, естественно, не с целью знакомства с архитектурными достоинствами Кельнского собора. Спаренность этих поездок, как и настойчивое муссирование идей, что американский вояж Малашенко - его собственная инициатива, не согласованная ни с Явлинским, ни (а это еще более принципиально) с Гусинским.

- Если Григорий Алексеевич считает мою поездку не нужной, - сказал Игорь Малашенко, - он мог снять телефонную трубку, позвонить мне и сказать: "Игорь Евгеньевич, я очень ценю вашу поддержку, но в силу ряда политических причин я боюсь, что она принесет больше минусов, чем плюсов..." Он этого не сделал. А поэтому, что не запрещено, то разрешено.

Эти совсем не обязательные разъяснения Малашенко подтверждают неслучайность происходящего.

Но почему такая сверхнапористость? За время болезни Явлинского активизировались его соперники. Первая половина октября прошла под знаком Лужкова. Очень агрессивен Зюганов. Неожиданно всплыла в качестве возможного кандидата фигура Селезнева. И что самое главное, со всех сторон стали раздаваться голоса, как о деле решенном, о выдвижении в президенты Евгения Примакова. Надо было наверстывать упущенное. И никакие разглагольствования ангажированных СМИ о фальстарте конкурентов не могли успокоить Явлинского. Его собственная атака - тоже фальстарт, чуть более поздний, чем у Лужкова и Черномырдина, но от этого он не становится менее преждевременным. А он совершился. Зачем?

Когда ты по непредвиденным обстоятельствам сходишь с дистанции (а болезнь именно такие обстоятельства), а затем возвращаешься и бросаешься вдогонку за соперниками, есть две возможности настичь ушедших вперед. Двигаться с большей скоростью, чем они, либо перебросить через конкурентов нечто, подобное гранате, которая взорвет полотно и заставит остановиться впереди идущих. И тогда ты их неминуемо нагонишь. Обвиняя правительство в коррупции, Явлинский заставляет защищаться силы, поддерживающие правительство. Заседание политсовета движения "Яблоко", состоявшееся в эти же дни, должное засвидетельствовать сплоченность активистов движения вокруг своего лидера, признало идею борьбы с коррупцией, ее разоблачительный пафос, ее конкретизацию в масштабах края, области, города рассматривать как козырную карту, которая, по замыслу инициаторов, должна выгодно отличать движение "Яблоко" от всех иных политических партий. А в силу того, что красный губернаторский пояс захватывает едва ли не 50% территориальных властей, а вторая половина в прежних расчетах прочерномырдинская и ельцинская, то на коррупционном поле "Яблоку" выгодно атаковать как первых, так и вторых. Это из категории дальней стратегии, но есть в замысле составляющая тактического свойства.

Атакуя правительство Примакова, которое активно поддерживает один из возможных кандидатов на пост президента Юрий Лужков, скорее всего, не Явлинский, а силы, стоящие за ним, полны желания ослабить очевидного конкурента. Добиться кардинальных изменений в составе правительства в сторону ослабления как коммунистического влияния в кабинете министров, так и лужковского. Это породит трудности сразу у двух конкурентов. Что же касается губерний, то там, как считают творцы президентства Григория Явлинского, энергетика зависти к Москве достаточно велика и ее нужно лишь слегка разогреть непосредственно перед выборами. А пока следует изменить ситуацию на федеральном Олимпе.

Аналогичную задачу будет решать в своей заокеанской поездке и Игорь Евгеньевич Малашенко, о чем он заявил совершенно открыто и однозначно. Результат поездки, ее удачность будет, скорее всего, исчисляться не пользой и политической выгодой, которую обретет Григорий Алексеевич Явлинский, под имя которого поехал проводить торги Малашенко. Выгода может оказаться не столь великой. Хотя кое-какие кредиты еврейской диаспоры в американском бизнесе под имя Явлинского холдингу "Медиа-Мост" удастся

получить. Но опосредованная успешность поездки Игоря Малашенко - это ослабление ближайших конкурентов Явлинского. Чтобы это в полной мере оценить, необходим ответ на вопрос: как велик авторитет Игоря Евгеньевича Малашенко в США? Если велик, то в каких кругах? Ведется игра только в пределах еврейской диаспоры или... А вообще, вопрос не малосущностный. Он напрашивается, вытекает сам сосбой. Сколько стоит Григорий Алексеевич Явлинский в Америке как политический товар? И по какому курсу доллара? Разумеется, эту цифру мы никогда не узнаем. А жаль! Когда ты испытываешь к человеку уважение (а я питаю к Явлинскому симпатии многолетние), подобный политический жаргон вызывает сопротивление внутри нас. Но именно в такой лексике считают возможным вести разговор друзья Явлинского. Зачем они это делают?! На одной из встреч с Лужковым Владимир Гусинский еще раз подчеркнул, что они симпатизируют Явлинскому, более того, готовы участвовать в финансировании его кампании, но не испытывают никаких иллюзий относительно его победы на выборах. Этот разговор случился осенью 98-го года. И 4 ноября той же осени правая рука Владимира Гусинского Игорь Малашенко заявляет прямо противоположное. Вот его слова: "Я собираюсь просто приехать в Штаты и рассказать во время ни к чему не обязывающих встреч с американской элитой, что у Явлинского есть очень хороший шанс. Я хочу объяснить, что в России сложилась ситуация, когда все основные кандидаты совершили фальстарт... Явлинский единственный человек, который системно работал все эти годы. Единственный человек, у которого есть программа. Единственный человек, у которого есть команда..."

И несколькими строками выше.

Кор. Нужна ли ваша помощь Явлинскому? Хотите взять 200%, но теперь уже за Григория Явлинского?1

Малашенко. Я не понял - вы считаете, что я провалю Явлинского?

Кор. Вполне может статься.

Малашенко. Вполне может статься? Такой вопрос надо задавать Григорию Алексеевичу - он ведь тоже у нас игрок, а не манекен.

Кор. То есть он вас уполномочил?

Малашенко. Нет, ни на что абсолютно не уполномочил.

Признаем, что сцена разыграна хотя и с вызовом, но безукоризненно. Тем более, перед этим сказано, что члены Совета директоров холдинга "Медиа-Мост" совершенно независимы в своих действиях. Итак, Малашенко действует совершенно самостоятельно и от своего "патрона" Владимира Гусинского, и от своего протеже Григория Алексеевича Явлинского. Следует считать, что он вполне значим сам, чтобы вести переговоры с американской элитой. Возможно, здесь ответ на вопрос: почему? Но это как раз то, о чем по законам политической интриги не положено говорить вслух.

Но Игорь Евгеньевич Малашенко рассудил иначе. Нация должна знать, кто в этой стране делает президентов. Надоело числиться в заднескамеечниках.

Малашенко предложил.

Гусинский махнул рукой - попробуй!

Явлинский пожал плечами - только без меня.

УГАР

Конституционный суд подвел черту. На третий срок президент Ельцин избираться не может. Это сигнал. Можно считать, что команда "На старт!" прозвучала.

Президент был расстроен таким решением Конституционного суда. В настоящих обстоятельствах оно не могло быть иным. Разумеется, была вероятность сыграть вразрез между двумя конституциями - Российской и союзной. Дескать, избирался по одной, а сроки пребывания на президентском посту утверждались по другой конституции. На всех юридических тонкостях можно было бы сыграть, будь президент в хорошей физической форме и расцвете сил. Да и успешность развития страны должна быть иной. Отрицательный антураж во всех этих составляющих помог конституционному суду не мудрствовать лукаво, а принять решение и конституционно оправданное, и удовлетворяющее практически все

политические силы в стране, как, впрочем, и подавляющее большинство избирателей, в прошлом дважды голосовавших за Ельцина. И второе - это решение суда должно умерить пыл инициаторов и сторонников импичмента.

Были ли надежды на возможность третьего переизбрания у самого Бориса Ельцина? Надежды сохраняются, даже когда нет никаких надежд. Тем более когда они инициируются окружением президента, которое свое желание остаться у власти старается прикрыть якобы властолюбием Ельцина.. Сам президент в этом процессе как бы не участвовал. Он озвучивал некие загадочные фразы типа: "Мои помощники запрещают мне говорить на эту тему". Естественно, после таких туманных реплик любые заявления Ельцина, что он не будет выдвигать свою кандидатуру на третий срок, воспринимаются как игра. Теперь это все позади. И следует осмыслить, что мы имеем в сухом остатке.

Президент, скорее всего, доработает свой срок до 2000 года. На досрочные выборы средств нет. К досрочным выборам не готовы разношерстные политические силы, не готов частный капитал. Вояж Малашенко лишнее тому свидетельство.

События начала ноября неожиданным образом взвинтили ситуацию. Отказ думского прокоммунистического большинства осудить антисемитскую истерию своего коллеги по фракции генерала Макашова. И вслед за тем озлобленная атака того же коммунистического крыла Думы на журналистов. Антисемитизма не было и нет. Его раздувают журналисты. Не коммунисты, не Макашов, а тележурналисты. Они и есть главные антисемиты. Могли бы смолчать, не замечать, а они кричат на всех углах - Макашов антисемит! - зачем?

Все это произносится лидерами КПРФ с пугающей серьезностью, когда авторы монологов не в состоянии оценить уровень собственного маразма. Кто говорит об антисемитизме, тот и есть антисемит. Лопнул сосуд разума и потек догматизм.

Существует неотвратимая логика в поведении политических сил в неблагополучном обществе. И власть, и оппозиция, и само общество не предрасположены в моменты кризиса выявлять причины беды и неблагополучия, признавать собственную вину. Главное, обозначить врага, найти виновного вне себя. Такой распознаваемой мишенью довольно часто оказываются журналисты. Если не журналисты, то евреи, или совсем удобно - журналисты-евреи. Для разнообразия сойдут и лица кавказской национальности. Виноват в разоре не вор, который украл, не тронный человек, позволивший украсть, а творец слова, выкрикнувший во всеуслышание - среди нас вор!!

Президент посчитал ситуацию неординарной, прервал отпуск и вернулся в Москву. Не думаю, что возвращение президента что-либо изменит, но...

Есть два взгляда на один и тот же событийный факт. Президент дорабатывает последний срок, у него развязаны руки. Президент больше не будет переизбираться, а следовательно, он больше не будет властью, у него связаны руки. Может ли так быть? Может. Единство и борьба противоположностей.

У президента развязаны руки ровно настолько, насколько они у него связаны. Одно очевидно - президентская кампания 2000 года будет проходить без оглядки на президента действующего. Как, впрочем, очевидно и другое любое вмешательство президента в процесс предвыборной борьбы нанесет непоправимый урон человеку, целованному монархом. Черномырдина погубил Ельцин. Когда он погубит следующего?

Позволим себе несколько фантазий на свободную тему. История с Моникой Левински никакого отношения к пуританской и высоконравственной Америке не имеет, ибо США никогда не являлись пространством сексуальной чистоты и семейного благонравия. И в США пятнадцатилетние беременеют так же часто, как в России, Франции, Англии и Германии. Просто республиканцы получили шанс переиграть демократов на выборах. Республиканцы получили шанс искупить позор Уотергейта и отставки Никсона. Республиканцы получили шанс умыть демократов так же, как они сделали это с республиканцами в 71-м году. И никакое нарушение президентской клятвы здесь ни при чем. И никакие капризы сытой Америки тоже. Обыкновенное политическое возмездие одной партии по отношению к другой. И спектакль, который дал на общеамериканской сцене якобы независимый прокурор

Кеннет Стар.

Капитал оппонентов всегда имеет два слагаемых - собственные успехи и ошибки противника. Ничего сверхзначимого не случилось. Кому не известно, что вирусом антисемитизма заражена непримиримая оппозиция, что этот вирус бродит по южным окраинам России, там, где проходила черта оседлости. Но что позволено Юпитеру, то не позволено быку.

Антисемитизм КПРФ - частность. Пусть неприятная, пусть досадная. Но частность. Оправдание антисемитизма, навязанное фракцией КПРФ парламенту России, уже не частность, а общее. Поименованное как национальный и государственный позор, ибо инициирован представителями нации, являющейся бесспорным большинством в стране. Было бы нелепо, если бы оппоненты КПРФ не извлекли из явного просчета коммунистов политической выгоды. Демократические СМИ не дали замолчать случившееся. И в течение недели события в Думе были главной темой всех информационных и аналитических программ на всех каналах телевидения. Затем последовал залп ежедневных газет, спустя три дня - еженедельных. Оппозиция завопила об информационной блокаде, хотя никакой блокады, естественно, не было. Никогда коммунисты не занимали столько времени на телевизионных экранах, как в эти дни. Никогда их озлобленность и негодующее бессилие не было столь очевидным. Зюганов оказался перед непростым выбором - зафиксировать в сознании общества образ взвешенного социал-демократа и осложнить свои отношения с леворадикальным, достаточно многочисленным флангом партии, склонным к идеям шовинизма, или уступить национал-экстремизму того же самого фланга, солидаризироваться с ним, и в силу этого укрепить свои позиции как лидера партии, медленно сползающей в болото национал-шовинизма и мракобесия. Зюганов выбрал второе, полагая, что до выборов еще все забудется и у него остается возможность сделать еще не один примирительный маневр. Левое большинство в Думе болезненно реагировало на столь единодушное выступление средств массовой информации, в которых, что совершенно естественно для накаленной ситуации, уже ощущался заведомый пережим. Но таковы правила политического противостояния. Вытесненные из коридоров исполнительной власти младореформаторы используют любой мотив для контратаки на леворадикалов, не ко времени обнаживших свою шовинистическую суть, чтобы загнать их в угол. Нет смысла говорить о генерале Макашове, для которого антисемитизм был, по сути, врожденным состоянием и защитной реакцией человека, объясняющего нестандартность для чисто русской лексики его собственного имени Альберт. Генерал был возмущен подобными намеками и тут же сообщил о своем казачьем происхождении и, не желая того, соединил прямой линией себя и губернатора Краснодарского края Кондратенко, яркого представителя кубанского казачества и самого заметного антисемита в России. Теперь мы знаем, откуда генерал родом. Как, впрочем, и то, что в казачьей среде исторически евреев не жаловали. Но не в этом "судьбоносность" момента. Постановление Думы, навязанное большинством 13 ноября, лишенное каких-либо осуждений антисемитских выходок депутата Макашова есть акт издевательства над парламентом и российским обществом. Даже заголовок постановления свидетельствует об интеллектуальном вырождении авторов документа: "О нежелательности национальной неуважительности". Дума, повязанная леворадикальным большинством, оказалась в эпицентре теперь уже международного скандала. Отношения между СМИ и Думой обострились до предела. Парадокс ситуации заключался в том, что, вытеснив реформаторов из правительства или, образно говоря, освободив от них государственное здание, прокоммунистическое большинство Думы ничего не могло сделать с негосударственной прессой и телевидением, которые в политическом пересчете тоже стали большинством. И все эти СМИ, как правило, придерживаются с небольшими отклонениями вправо или влево либерально-демократических, но никак не коммунистических взглядов. Эти СМИ можно в ругательном порыве называть ангажированными, продажными, даже проеврейскими. Это не изменит их оппонирующего потенциала. В отмщение за свой антисемитский сбой прокоммунистическое большинство Думы объявило войну средствам массовой информации.

Ноябрь 98-го можно считать началом парламентского наступления на свободу слова. Утверждение, что в России не любят евреев - утверждение чрезмерное. В России не любят некоторых евреев, как и некоторых азербайджанцев, чеченцев, китайцев, украинцев и некоторых русских. В стране, на территории которой проживают свыше 70 национальностей, не любить некоторых правомерно. Русские, как преобладающая нация, оставляли за собой право не любить больше, чем кто-либо другой. Не жить богаче, работать успешнее, быть предприимчивее, а именно не любить. Кто-то считает преуспевающую национальность причиной своих бед - это наиболее доступное и незатратное проявление собственного "я". Переходить от привычек и самовоззрений большинства, привычек преобладания и превосходства в состояние национального ограничения, неразрешенности очень трудно и болезненно. Это сейчас переживают наши соотечественники в прибалтийских и бывших азиатских республиках. Мы мучительно страдаем от этого непривычного для нас состояния национального меньшинства. Когда меньшая по численности властвующая нация превращает нас в изгоев. Странно, что именно эти удручающие аналогии не приходят в голову леворадикальным депутатам. В чем ключевая ошибка лидеров КПРФ? В этом спонтанно обострившемся конфликте этих ошибок несколько. В многонациональной стране любовь как и нелюбовь наций друг к другу - состояние почти естественное. Любить не заставишь, а вот дух соседства должен брать верх. Не станем делать сравнительного анализа, кто по нелюбви стоит на первом месте: азербайджанцы, грузины, чеченцы, узбеки, евреи или сами русские? Подыграем коммунистам и согласимся - в определенной степени евреев не любят. Эта мысль, как ни странно, именно для коммунистов требует продолжения - гораздо больше, чем евреев, в России не любят коммунистов. Столько великих страданий народу не могла принести ни одна нация. Это сделала идеология, идеология большевизма. Катастрофу миру принесли не немцы или итальянцы. Катастрофу миру принесла же идеология фашизма. И если надо будет выбирать между коммунистами и евреями, общество выберет евреев. Это малоприятный вывод для лидеров КПРФ, страдающих интернациональными смещениями, но это правда.

Ошибка вторая. Получив, наконец, близкое по духу правительство, преступно для единомышленников ставить его на колени. Маленькая историческая справка. Свыше 65% национального финансового капитала в США находится в руках еврейской диаспоры. В Европе эти цифры несколько меньше, но тоже почти 50%. Желая того или нет, прорываясь в сообщество развитых стран, мы неминуемо окажемся звеном единой финансовой системы. И это вживание невозможно без нормального отношения к нации, в руках которой сосредоточена преобладающая часть этого капитала за рубежом. Зачем, во имя чего обрекать страну на дополнительные муки? В этом смысле показательна реакция Маслюкова на антисемитский синдром. Маслюков назвал это провокацией. Маслюков отдает отчет, какой резонанс будут иметь эти события в международном банковском сообществе. Не менее значима третья ошибка. Она логическое продолжение антиеврейского синдрома всего народно-патриотического блока, возглавляемого коммунистами. Руководство КПРФ так и не поняло, почему после событий 90-91-го годов львиная доля всей существующей прессы ушла в лагерь либерально-демократических воззрений, как только был принят закон о свободе средств массовой информации. И только две газеты - "Правда" и "Советская Россия" остались в коммунистических одеждах, хотя и там подломился, раскололся лагерь правоверных. Коммунисты объяснили эту странность достаточно просто: мы перестали быть властью, мы перестали их содержать, и они отвернулись от нас. Бесспорно, в таком немудреном выводе есть резон, но не резон поиска истины, а резон оправдания, делегирования собственных неудач в мир якобы объективных причин, говорящих не о слабости КПСС, провале ее управленческой компетенции, идеологическом крахе, а о продажности журналистов, как таковых, переметнувшихся на сторону власти денег.

Из сказанного вытекает несколько выводов. Если легионеры коммунистической идеологии, а СМИ были таковыми, так легко отказались от веры - значит, слаба вера или?.. Вот именно - или. Ответ на самом деле прост. Ушел страх. И тотчас идеологический панцирь, крепежом которого и был страх, рассыпался, потому как никакой добровольности и

творческой осмысленности в управлении СМИ, исходящих из норм цивилизованного общества, его потребностей, никогда не было. Был страх преследования инакомыслящих и утверждение принципов директивного мышления. Был социалистический реализм, вопреки реализму критическому, на котором сформировалась вся великая русская литература. Печать сделала выбор не между властью прошлой и настоящей. Печать сделала выбор между тюрьмой и свободой, между тоталитаризмом и демократией. СМИ выбрали не власть, а среду обитания. Эта среда не оказалась вполне благополучной. Но это уже другая тема. Средства массовой информации, работающие в пределах закона о свободе печати и вкусившие эту свободу, уже невозможно загнать в вольер. Для этого надо придумать другие СМИ, а это так же трудно, как и придумать другой народ. Свобода, опережающая развитие культуры общества, это всегда начало беспредела. Нынче коммунистическое большинство в Думе требует ужесточить закон о СМИ. А это значит, им нужен закон, обслуживающий не демократические воззрения общества, - они неприемлемы для КПРФ, - а их собственные интересы, которые разделяют, в лучшем случае, 25% избирателей. Закон о СМИ правомерно изменить, но для этого должен быть другой состав парламента, более соответствующий взглядам различных общественных групп. Ну а коммунисты изначально диктатурны. Таков состав крови, тут уж ничего не поделаешь.

Конфликты с телевидением и прессой, исповедующими антикоммунистические взгляды, которые инициирует и обостряет КПРФ, это четвертая ошибка коммунистов.

Кстати о диктатурности. Антиеврейская вспышка в руководящем ядре КПРФ и нежелание, а в большей степени неспособность ее потушить, и как отмщение за свою управленческую беспомощность, атака на журналистов, не скрыли, а выявили упрямую немощность лидеров КПРФ. Поведение парламентских коммунистов в этой ситуации - самое удручающее откровение не столько для самих коммунистов, сколько для колеблющихся и полусочувствующих им, без поддержки которых у КПРФ нет будущего.

Коммунисты не изменились. И никакого социал-демократического обновления в партии не случилось. И многозвучная риторика о том, что КПРФ признает частную собственность, рыночные отношения, свободу слова - не более чем политический флер, должный скрыть неизменную суть партии: классовая непримиримость, ненависть к оппонентам, неискоренимая жажда расправы с неугодными. Все как и прежде. Для несогласных суды, тюрьмы, этапы, лагеря. Не сразу. Надо оглядеться, удобнее сесть в седло власти и тогда... Василий Белов, когда-то совесть деревенской прозы, с придыханием и восторженным кряканьем принимает слова "батьки Кондрата" - писательский пленум идет в Краснодаре. И губернатор грозит журналистам: "Придем к власти, будем вешать вас на платанах!" Противоречивый демократический период развития России КПРФ мало чему научил. Однако наиболее опасно другое - лидеры партии завязли в идеологическом прошлом. Они не почувствовали в окружении состарившегося электората изменившегося мироощущения большинства граждан, осознавших, что свобода это капитал, принадлежащий каждому. Так думают и те, кто не получает зарплаты и требует ее выплаты, и те, кто ее получает. Любой конфликт - явление многостороннее. Естественно, что в этом конфликте коммунистам оппонируют их главные политические противники - реформаторы второй волны. Уже 7 ноября на антиеврейский выпад коммунистов откликнулся Егор Гайдар, предложивший предать анафеме Макашова и поставить вопрос о запрете компартии, инициирующей подобные идеи в обществе. Чуть позже с разницей в один день с этой же идеей выступил Борис Березовский. Коммунисты не приняли этой угрозы всерьез. Зюганов, не вдаваясь в детали, возможно или невозможно запретить КПРФ, откомментировал ситуацию более разумно. Он сказал о том, что произойдет в обществе, случись такой запрет. "Через день половина страны окажется в окопах и на баррикадах... Наличие КПРФ, ее деятельность в стране сегодня один из главных стабилизирующих факторов общественной жизни в целом". Утверждение лишь отчасти спорное.

Не станем увлекаться преувеличениями или преуменьшениями. Стабилизационные возможности КПРФ весьма ограничены. Коммунисты все время играют на обострение,

рассчитывая при помощи таких обострений подорвать позиции политических оппонентов. Поэтому и эффективность КПРФ совершенно в ином. Каждое из таких обострений возвращает реформаторов в реальный мир социальной уязвимости, неуспешности экономических преобразований.

Для олигархов, да и не только для олигархов, понятие народ тождественно понятию сосед по вилле. Для социальной ориентации реформ этого явно недостаточно.

Разговор о запрете компартии в момент антиеврейской вакханалии, затеянной коммунистами и доведенной до абсурдности уже самими евреями, малоудачный фон для радикальных решений. Но и перечеркивать его как нелепый, абсурдный, не стоит. Исключим абсурдность самой идеи, хотя отчасти это именно так. В роли громовержцев должны в этом случае оказаться люди не еврейской национальности. Почему этот ход более результативен, чем может показаться в первый момент? Потому что он здраво объясняет "политический и национальный экстремизм" как явную и прогрессирующую болезнь в теле России. Потому что по логической канве соединяет философию коммунистов с мировоззрением фашистов, что немедленно заставляет коммунистов переходить в защиту и отмывать полотнища своих знамен реликтовым разговором об интернационализме. Учитывая, что националистические организации профашистского толка базируются на национальной русской идее с четко шовинистическим уклоном, а коммунисты выступают в едином блоке с народно-патриотическими движениями, этот факт мешает им отмежеваться от идей ультрарадикального русского национализма, так как это неминуемо ослабит их предвыборные позиции в рядах "патриотов", союзников по коалиции, которые, конечно же, сочувствуют национал-радикалам. Подобная невнятица ослабляет коммунистов и лишает их шансов обрести хоть каких-то союзников среди финансовых элит Запада.

Запрет компартии в настоящее время, как, впрочем, и в 1991 году, был мало реален. Хотя в 91-м году он имел юридический базис. Я всегда считал этот шаг грубейшей ошибкой и на этой почве имел много столкновений со своими коллегами по депутатскому корпусу и по демократическому движению. Я всегда утверждал - есть один способ изгнать КПРФ и коммунистическую идеологию - доказать, что демократы умеют управлять страной лучше и продуктивнее, чем коммунисты. А в силу того что у меня не было никакого сомнения, что реформы будут захлебываться и обещания изменить жизнь в краткосрочном исчислении самообман, создавать собственными руками политическое подполье, которое будет противостоять власти уже через год самоубийство. Элементарный анализ доказывал, что весь управленческий государственный аппарат заимствован был из прошлой системы, так как демократы пришли к власти по стечению обстоятельств в силу разрушения и Союза и КПСС. И никаких своих управленческих структур создать не успели. А если учесть, что во всех силовых ведомствах, предрасположенных к тоталитаризму и подавлению, философия КПСС была наиболее живуча, то можно представить себе, в какой политический содом превратилась бы страна. И суд над КПРФ был нелепой затеей в стране, где судьи и юристы со стороны и ответчика и истца, и журналисты, освещающие этот процесс, в своем большинстве были выходцами из одной и той же партии - КПСС. Как и президент страны, инициировавший этот процесс. Нельзя на скамью подсудимых посадить 70-летнюю историю целого государства. Демократические силы в роли осуждающих, по стечению внезапных обстоятельств оказавшиеся властью, но не умеющие властвовать, этот спонтанный суд не в силах были превратить в Нюрнбергский процесс.

Как и следовало ожидать, а я говорил об этом с самого начала - гора родила мышь. Суд над КПРФ превратился в малоэффективное действо внутреннего масштаба. Демократы унаследовали политическую беспомощность КПСС периода застоя. С той разницей, что во втором случае идеология вырождалась, а в первом еще не родилась.

А что касается запрещения КПРФ, за этой идеей стоит упрямая несуразность. Запрещать партию, представленную в парламенте самой многочисленной фракцией, лидеру которой по социологическим опросам симпатизируют 25% сограждан, так может поступить только всевластная диктатура, а не расшатанная, вибрирующая, впадающая в неврастению

власть, каковой она является сейчас.

20 ноября 1998 года. Пятница, 23.40.

В подъезде собственного дома автоматной очередью в упор расстреляна Галина Старовойтова. Ее помощник в тяжелом состоянии доставлен в больницу. Надежды на спасение почти нет. Такова первая информация с места убийства.

Хроника заказных убийств удручающая. Только в Санкт-Петербурге за последний месяц три громких политических убийства. Дмитрий Филиппов, пожалуй, самый известный бизнесмен в городе. Сначала сторонник, потом оппонент Собчака, глава банковского совета города, глава мощнейшего холдинга, в прошлом первый секретарь Ленинградского обкома, затем секретарь ЦК ВЛКСМ, глава налоговой инспекции города периода, когда и случился конфликт с Собчаком. И Собчак и конфликт с ним - в далеком прошлом (убийство совершено в конце октября).

Затем помощник Селезнева.

И вот теперь Галина Старовойтова, депутат Государственной Думы, лидер политической партии. Если говорить о политике, убиты люди совершенно разной политической ориентации. В целом по России картина с заказными убийствами ужасающая. Мы являемся свидетелями террора, который объявил обществу преступный мир. Но дело не только в этом.

Неделей раньше все общество было свидетелем скандала, разразившегося внутри и вокруг ФСБ. Немыслимая ситуация, когда сотрудники ФСБ обвиняют собственное руководство в планировании заказных убийств и захвате заложников.

Началом атаки на ФСБ можно считать письмо президенту, направленное Березовским, так как в откровениях уволенных сотрудников фигурирует фамилия Березовского. Якобы именно на него планировалось покушение сотрудниками ФСБ. По большому счету, ситуация дикая. Учитывая, что сам Борис Березовский, по словам Александра Коржакова, требовал в свое время расправиться с Гусинским, которого считал виновником в покушении на себя. И это откровение главного охранника президента осталось без внимания. Вполне возможно, что человек, переживший покушение, мог в момент нервного срыва кричать что угодно и называть какие угодно имена и фамилии. И вот теперь новый выброс компромата. Скандал раскручивается телевизионным каналом ОРТ, владельцем которого является сам Березовский. Вопросов больше, чем ответов. Что это - контуры единой спланированной антиеврейской акции, спонтанно начатой генералом Макашовым? Желание подтвердить подозрение, что ФСБ пропитана ультранационалистическими взглядами? Что сама структура ФСБ коррумпирована сверху донизу и находится в тесном контакте с криминальным миром? Разговор о том, что преступные авторитеты входят в ФСБ, и не просто входят, а поддерживают тесные контакты с верхним эшелоном руководства, должен был вызвать шок в любой стране. В России, в демократической России, как любит утверждать наш президент, ничего подобного не происходит.

Бесконечные реорганизации КГБ, проводимые Ельциным, в конечном итоге привели не к очищению, на что рассчитывал президент, а к полной утрате профессионализма. Масса новых людей, скоротечно получивших высокие воинские звания (единственная возможность купить видимую преданность), но очень скоро высокопогонная модель стала пробуксовывать - начались задержки с зарплатой. Да и сами оклады оставались непозволительно низкими для службы такого ранга. Всякий, вновь принимавший бразды правления на Лубянке, непременно принимался за новую реорганизацию службы. Начиная с 1991 года таких реорганизаций произошло пять. Пятую проводил сменивший Ковалева Путин. С профессиональной точки зрения - это безумие. ФСБ утратила элитарность КГБ и стала похожа на нечто среднее между милицией и таможенной службой. Единственным благом можно считать отделение внешней разведки, которую не дал разогнать Примаков.

Откровения сотрудников ФСБ, даже если представить, что они были совершенно правдивыми, все равно выглядят постановочно. Попробуйте представить, что во всеуслышание, в присутствии посторонних руководитель ФСБ на уровне начальника

управления называет имена известных политиков в качестве мишеней и даже дает задание на проведение такой операции. Странно. Даже если мы не настроены говорить об авторитете ФСБ в обществе (чего нет, того нет), существует остаточный страх у сограждан. И это все, на что может рассчитывать современная ФСБ. Но сохранились же какие-то профессиональные нормы? Вряд ли. Задумай в ФСБ убийство столь известного человека, как Березовский, эта сверхтайна была бы моментально растиражирована ангажированными СМИ. Утечка информации и сброс информации правоохранительными органами стали разновидностью бизнеса. При столь неустойчивом климате внутренних взаимоотношений в ФСБ такое самоубийственное откровение, даже в стенах самой "конторы", исключается, если не согласиться с утверждением, что там работает попросту малообразованная шпана. А может быть, они там так шутят? Стиль общения у них своеобразный, нам непонятный. Некий генерал встречает некого полковника в коридоре своего ведомства. Общее раздражение чрезмерной инициативностью Березовского по освобождению пленных в Чечне; плюс ревностное отношение к МВД и лично к Степашину; плюс вечно меняющееся руководство в собственном ведомстве. И в этой раздраженной атмосфере происходит примерно следующий диалог.

Генерал - полковнику:

- Слушай, что этот прыткий еврей всюду суется? Ты его еще не грохнул?

Полковник с усмешкой:

- Да вот, никак не соберусь.

Генерал:

- А зря!

Расходятся каждый в свой кабинет.

В определенной степени Борис Березовский стал заложником мифа, распространенного Коржаковым, что он, Березовский, требовал от Коржакова, чтобы ФСБ "убрала" Гусинского. И если учесть, что это заявление Коржакова не стало сенсацией и никем всерьез принято не было, включая Владимира Гусинского, то примерно так же будет оценена версия, изложенная лишившимися своей работы сотрудниками ФСБ.

Вирус антисемитизма не чужд нашей стране. Он находится в дремлющем состоянии, но он есть. В многонациональной стране поведение каждой нации должно быть сверхкорректным. Без этого ни о каком единстве многонационального государства говорить не имеет смысла. Определенное игнорирование этой корректности при формировании правительства имело место. И вот тут главная суть. Неуспешность экономических реформ толкнула леворадикалов на путь националистического взрыва. Испытанный путь - бегство от собственной вины. Любимая российская забава - во всем виноваты евреи. Извечное столкновение почвенников и западников непременно в подкорковом сознании основывалось на неприятии иноверцев. Где-то в конце 70-х был такой взрыв меньшего значения, он вспыхнул в литературной среде, особенно подверженной неинтернациональным потрясениям. Тогда тоже обвиняли евреев, узрев опасность в жене Брежнева, которая была еврейкой.

Всякий раз эти вспышки возникали в периоды неудач. Тогда движение страны развитого социализма зашло в тупик. Людей измучил вечный дефицит, очереди, талоны. Никто не покупал - все доставали. Все чаще говорилось о том, что страна развивается как сырьевой придаток. И вот миновало двадцать лет. И мы снова на том же месте. "Патриоты" упражняются по поводу отчества жены президента - Иосифовна. Ну и, конечно, американский империализм, за спиной которого стоят все те же евреи. Все это по-своему хрестоматийно. Беспокоит другое. Правительство оказалось застигнуто врасплох этой истерией. Являясь левоцентристским, оно не может не понимать, что антисемитизм в Государственной Думе это нечто большее, чем антисемитизм краснодарского губернатора. И вопрос о получении западных кредитов, как и отсрочка по долговым обязательствам перед Западом и западными банками, будет, даже при внешней благоприятности, внутренне осложнен. Вряд ли об этом кто-то станет говорить вслух, но это непременно произойдет. И

такая реакция будет правомерна и справедлива.

Убийство Галины Старовойтовой сместило центр внимания. На время забудут и о Макашове, хотя последний в буквальном смысле ненавидел Старовойтову, и эта тема еще всплывет. Забудут и о скандале в ФСБ.

* * *

Есть во всем происходящем некая странность. Пока существует политическое равновесие, которого добился Примаков, существует уверенность, что Дума поддержит чрезвычайный бюджет с таким коэффициентом чрезвычайности, который не снился ни правительству Черномырдина, ни правительству Кириенко. Обстоятельства здравого Маслюкова заставляют двигаться не в сторону планового хозяйства, а в сторону хозяйства рыночного. Почему именно в этот момент думское левое большинство дестабилизирует политическое примирение, которого добился Примаков? Что это, ответ на шаги Явлинского, обвинившего правительство в коррупции? Но они были сделаны позже, чем случилось антисемитское безумие депутата Макашова.

19 ноября, пятница, 15 часов.

В мэрии собирается оргкомитет нового политического движения "Отечество", которое будет возглавлять Юрий Лужков. Нужно успеть. По Конституции партия либо движение имеет право на участие в выборах, если они зарегистрированы в Минюсте за год до них. Ноябрь - пограничный месяц. А еще надо успеть провести съезд. Движение генерала Николаева, которого Лужков поддержал на выборах в Государственную Думу, по замыслу Лужкова должно рассматриваться как самостоятельная политическая сила. И в "Отечество" входить не должно. Что это, недоверие к амбициозному генералу, который на каждом шагу свидетельствует свою поддержку Лужкову? Бесспорно, Николаеву не хватает политического опыта и некой самоценности как лидера. Многие из тех, кто намерен был присоединиться к Николаеву, однако взвешивал эти шаги, сейчас примкнут к Юрию Лужкову. Является ли некая отстраненность Лужкова по отношению к николаевскому движению фактом недоверия? Если и есть, то в малой мере, хотя самомнение генерала нельзя сбрасывать со счетов. Лужков решил наступать двумя колоннами. При успешном финише в Думе они могут объединиться. Перед Лужковым стоит главный вопрос: как определить свое отношение к демократам и либералам? Или, говоря откровеннее, реформаторам новой волны. Признать их своими противниками? Но им симпатизирует достаточно большая часть интеллигенции, студенчества. Да и сам он поднял Москву, используя механизм реформ. Настоял на особых условиях для Москвы, но на реформаторском поле, а не вне его. Перебросить решение этой задачи на Николаева? Нет. Подав в отставку, Николаев совершил поступок. И тем не менее вряд ли станет притягательной фигурой для демократов. Николаев государственник, так, по крайней мере, кажется ему самому. Амбициозный генерал, бесспорно, более интеллигентный, чем его окружение, что само по себе достаточно раздражает генералитет. Он из категории блестящих офицеров, отличников. Всегда убежденный в своей правоте, по этой причине не чужд упрямства. Так ведь и Макашов - офицер-отличник. Окончил две академии, и обе с красным дипломом. Военная среда, по сути, не предрасположена к демократии. И может быть, поэтому офицерство, высказывающее либеральные взгляды, как правило, тщательно скрывает их. А бунтующее начало, которое нет-нет да и выплеснется, есть следствие непомерного развала армии, ее безденежья и полной утраты авторитета в обществе.

Но вернемся к Андрею Николаеву. Говорят, мундир преображает, это верно. В генеральском одеянии генерал смотрится совсем по-другому. Его интеллигентности по сравнению с военным окружением таких же омундиренных генералов было "более чем". Кстати, и очки, которые носит Андрей Николаев, в определенной степени усиливали интеллектуальный акцент. Но стоило генералу облачиться в штатское, как миф загадочности, чего-то такого белоофицерского, дворянского, мгновенно исчез. Генерал оказался в общем ряду гражданских политиков. Непримиримая антиспиртовая война на границах России с Грузией; его слова о государственных интересах, о лжереформах в армии, о решительных

действиях пограничников против рыбных браконьеров в Дагестане, произносимые в полном смысле этого слова "защитником Отечества", "стражем границ", поблекли, разом утратили державную манифестность и превратились в привычную риторику публичного политика. Странный эффект. С генералом Лебедем этого не произошло - он остался в образе скупо говорящего, рыкающего генерала. Впрочем, и каких-либо интеллигентских претензий к нему не предъявлялось. Громоподобный бас "Слушай сюда!!" исключает любую полемику на сей счет по существу.

Лужков, оказавший Николаеву всестороннюю поддержку в момент избрания генерала в Государственную Думу, при этом поссорился с экс-министром обороны Игорем Родионовым, который тоже рассчитывал на поддержку мэра. И даже сделал несколько откровенных заявлений, исключающих какие-либо сомнения в его симпатиях, - победит Лужков. Но Лужков передумал, или его убедили в том, что надо передумать. Генерал Николаев выдвигался в том же самом округе, что и Игорь Родионов. И Лужков из двух военных выбрал того, что чином поменьше, но помоложе. Лужков поддержал Николаева. На съезд николаевского движения Лужков не поехал. Послал Ресина. На вопрос, который я задал после этого Владимиру Ресину, тот ответил лаконично:

- Ты знаешь, очень внушительно. 350 делегатов из регионов.

Итак, Лужков пока решил наступать двумя колоннами. Задача Николаева ослабить оппонентов, но при этом сохранить эффект своего лидерства в движении, а значит, и необходимую самостоятельность и самоответственность за достигнутые результаты. В конечной точке при благоприятном стечении обстоятельств колонны соединятся. Конечной станцией обозначена Государственная Дума. Все так. И тем не менее проблема влияния на демократическое крыло общества для Лужкова остается открытой.

* * *

Сначала свой оргкомитет собрало движение "Отечество". Юрий Лужков выступил с докладом и там же был избран председателем движения.

Какое-то время Лужкова одолевали сомнения. Факт внезапности сбора не следует рассматривать как тактику. Решение о дате сбора было принято за трое суток до того. Печать поспешности была заметна в деталях, но особенно ярко она проявилась в отношении к журналистам, которых съехалось несметное количество и которых решили не пускать. И только один корреспондент еженедельника "КоммерсантЪ-Власть" проник на заседание и присутствовал на нем "от звонка до звонка". Я полагаю, что фраза, произнесенная пресс-секретарем мэра Сергеем Цоем в ответ на разгневанные эскапады обманутых журналистов, войдет в политическую историю: "Прошло то время, когда мы кого-то боялись". Все, что произошло потом на политическом ринге России, дает нам право сказать: Цой поторопился.

Лужков определился. Лужков принял решение.

Сначала ответим на вопрос, почему такая спешка и скоротечность. О конституционных причинах мы уже упомянули. Второе - факт существования партии или движения не может свидетельствовать ни оргкомитет, ни политсовет, а только съезд, а его еще надо провести и успеть зарегистрироваться. И, наконец, третье. Движение имеет право участвовать в выборах федеральных органов и может считаться всероссийским, имея свои представительства и филиалы по крайней мере в 60 краях, областях и республиках России.

Но была и субъективная причина. На субботу, 21 ноября был назначен съезд НПСР1, куда входят и коммунисты. Поэтому лучше "до", нежели "после". И Лужков собрал оргкомитет "Отечества" за два дня до съезда практически основных конкурентов на предстоящих как думских, так и президентских выборах. Всякое событие, случившееся после, вынуждало бы Лужкова давать оценку народно-патриотическому союзу, а он этого не хотел. Неминуемо надо было возвращаться к истории с Макашовым. По этому поводу мэр уже дважды высказывался, и достаточно резко. Делать это в третий раз не имело смысла. Через неделю должны состояться выборы в законодательное собрание Краснодарского края, где также действовало объединение с таким же названием "Отечество", там неминуемо должна быть вспышка активности со стороны губернатора Кондратенко, так что лучше

приберечь реакцию лужковского движения на будущее.

Вторым политическим событием ноября, как уже было сказано, оказался съезд НПСР. Съезд состоялся в Колонном зале, что само по себе говорит о возросшей уверенности оппозиции, которая чувствует себя сегодня как уже состоявшаяся власть. Съезд (употребим терминологию советской эпохи) "прошел сплоченно" и развеял миф о каком-либо расколе в движении. Шахтер из Воркуты, поддержавший Макашова, сорвал бурные аплодисменты. Это явилось единственной нервной краской собрания. Геннадий Зюганов триумфально был переизбран лидером союза. Разногласий, о которых так долго говорили правые, не случилось! На съезде избежали конфронтирующих выпадов и против Лужкова.

И наконец, третий политический демарш, прелюдия к которому оказалась трагичной.

В пятницу 20 ноября, поздно вечером в Санкт-Петербурге была убита Галина Старовойтова. Убийство Старовойтовой было потрясением для всех, кроме тех, кто заказал это убийство. Кому было выгодно убийство Старовойтовой? Чубайс в свойственной ему радикальной манере уже в воскресенье на траурном собрании в Доме кино дал жесткий ответ: бандитам и коммунистам. Галина Старовойтова прилагала максимальные усилия, чтобы объединить питерских демократов в преддверии выборов в городскую думу 6 декабря. Неожиданным ореолом петербургских выборов была их крайняя криминализация. Подобного в Петербурге не было никогда. Преступный мир открыто выдвинул своих кандидатов. Более того, и это уже очевидный факт, вступил в сговор с целым рядом кандидатов, выдвинутых от партий и общественных объединений. Цель минимум - контролировать несколько базисных законодательных комитетов, связанных с бюджетной, финансовой политикой и экономикой. Цель максимум - поставить своего председателя городской думы. Естественно, что подобную цель ставили перед собой и коммунисты.

Традиционно в Санкт-Петербурге сильно движение "Яблоко". Усилия Старовойтовой были направлены на создание единого либеральнодемократического блока. Это имело громадный смысл, так как на федеральном уровне демократы никак не могли объединиться.

О Галине Старовойтовой сказано много слов - возвышенных, искренних, лукавых. Ее похороны по рисунку были повторением ее жизни. В 89-м она стремительно вошла в политику и почти мгновенно стала ее неотторжимой частью. Она очень быстро набирала политическую известность. Но при этом в силу бесспорной личностной значимости, подвижного острого ума, высокой образованности и обладания даром прирожденного полемиста, она сумела стать человеком значимым и одновременно неудобным. Ей не находилось должности, соответствующей ее претензиям. Никто не желал бы иметь ее среди подчиненных, так как ее ум был слишком заметен и многогранен. А это заставило бы комплексовать начальников. Мало кто желал бы оказаться в числе ее подчиненных. Это таило в себе опасность быть подавленным ее авторитетом. Она не пыталась скрывать свое интеллектуальное превосходство, более того, она всячески подчеркивала его. Это ей иногда помогало, но и мешало достаточно, так как ссорило ее не только с глупцами, но и с людьми умными, которых раздражал ее политический темперамент, лишенный практического навыка.

Она ушла из жизни, и всем стало понятно, сколь значимым и заметным было место, которое она занимала на демократическом поле. Ее убили потому, что не могли, не умели остановить ее политического мужества. Академик Лихачев почувствовал это лучше, чем кто-либо. После ее смерти он сказал:

- Я думаю, что теперь многие будут бояться говорить вслух то, о чем умалчивать недопустимо. Она не боялась.

Академик прав. В демократических построениях рухнул один из опорных бастионов. Старовойтова была не просто демократом. В поименном исчислении она была основополагающей частью демократии в России. Той демократии, которую называют алогичной, эпигонствующей, искренней, романтической и драчливой одновременно. Она ушла из жизни и словоохотливые ее сподвижники в какой раз заговорили о необходимости объединения. Теперь уже в непримиримых тонах. "Мы должны, мы обязаны, мы не имеем

права, ее смерть нас обязывает!!!" В самом деле, демократы, которых развели неудачи - Гайдар, Чубайс, Немцов, Кириенко и даже Черномырдин, предположительно называют и Явлинского (его реформаторские неудачи обошли как бы стороной, но все равно и Явлинский тоже), - подняли этот вопрос. Можно ли нарастить демократические силы за счет объединения, чтобы наконец понять - сколько их, этих сил по всей России и как велики их возможности? А может быть, они продукт словесных извержений и не более того? Последние четыре года лишили их всяческих надежд. И демократическая печать, и здраволиберальные граждане, сумевшие сквозь поволоку реформаторских неудач разглядеть и оценить обретенную свободу в полном соответствии с утверждением Энгельса как осознанную необходимость, желали объединения демократических сил, понимали, что их раскол - предвестник беды для общества, не уставали повторять недоуменный вопрос: чего они не поделили? Какой надо случиться беде, чтобы они объединились?

При всей политической наивности это житейское недоумение по существу. Когда демократы были властью, им было что делить. Хотя их присутствие во власти было ближе к телефону, нежели к реальности. Быть частично во власти в федеральном центре, даже имея в союзниках президента, это лишь видимость власти а не сама власть. Тем более что региональные управленцы в своем подавляющем большинстве оставались оппозиционными к демократам. Иные сдержанно оппозиционны, иные непримиримо. При этом начиная с 91-го года в законодательной власти либерально-демократическое крыло оставалось в очевидном меньшинстве. Поэтому утверждение "демократическая власть в России" - утверждение, постоянно опережающее политическую реальность. Младореформаторы покинули правительственные кабинеты и уже без каких-либо скидок в полном составе оказались на оппозиционном поле. Резкость, с какой Гайдар заявил о невозможности и недопустимости со стороны его движения какой-либо поддержки правительства Примакова, говорит о раскладе сил достаточно красноречиво. Как помнится, правительству Черномырдина гайдаровский фронт пусть с оговорками, но поддержку оказывал. В правительстве оставалось достаточно монетаристов, они в целом контролировали экономический блок. Такая разновзглядная смесь в правительстве, конечно же в правительстве коалиционном, отражала управленческий стиль президента - тактику противовесов. Это помогало выстраивать любую интригу в коридорах власти, ибо в любом противовесном состоянии эффект торможения преобладает над эффектом ускорения. В этом случае именно торможение создает ложный эффект стабильности.

Казалось бы, и фракция "Яблоко", вне зависимости от своей инициативы по выдвижению в качестве премьера Евгения Примакова, к самому правительству Примакова находится в оппозиции. Достаточно вспомнить демарш Явлинского и его публичные обвинения нынешнего правительства в коррупции. Не менее показательна в этом смысле реакция Маслюкова на всяческие обвинения в прокоммунистическом характере правительства. Давая оценку правительству, первый вице-премьер был категоричен:

- Если не мы, то кто? Больше некому. Младореформаторы показали, на что они способны - экономика в сверхкризисном тупике. Что касается Явлинского, то это вообще хлестаковщина. Как говорится, выбор налицо. Других профессиональных и политических сил нет. Поэтому не торопитесь нас хоронить!

Где-то Маслюков прав. Решись сейчас правительство Примакова в полном составе подать в отставку - страна одномоментно вступит в зону непредсказуемости. Одних не позовут, других не пропустят, третьи сами не захотят, а четвертых нет. И Явлинский, и весь спектр младореформаторов в жесточайшей оппозиции к возможности коммунистического реванша; непримиримы в отношении коррупции, преступному миру, рвущемуся к власти. Но и этого для объединения оказывается недостаточно. И не экономические разногласия тому виной или отношения к олигархам, московскому мэру, региональной политике, идеям федерализма или даже президенту разделяют их. Корень разногласия в другом. Когда уходил Гайдар или даже Черномырдин, младореформаторы ничего не сделали, чтобы пришел Явлинский. Как ни крути: что Гайдар с Чубайсом, что Явлинский с Задорновым - это два

ствола из одного корня. Зачем пропускать вперед коммунистов, не лучше ли оказать давление на президента и добиться прихода в правительство еще одного либерального течения, которое возглавляет Григорий Явлинский? Оказалось - нет. Возвращаясь к житейской лексике - реформаторы остались в границах своей касты и делить власть с Явлинским не пожелали. А ведь такой шаг с приглашением Явлинского и его команды в правительство был бы равноценен объединению либеральных сил. Ссылки на нежелание президента, на его прохладное отношение к Явлинскому еще с горбачевских времен малозначимы. Пригласив Немцова в правительство, президент сделал как бы примирительный шаг - дескать, вот, посмотрите, выдвигаю сторонника Явлинского, значит, не чужд.

Теперь ситуация изменилась и положение Явлинского неизмеримо более устойчиво и полновесно, чем положение всей гайдаровской плеяды политиков и управленцев с добавлением туда Немцова и Кириенко. Теперь, согласись он объединиться с демореформаторами, своим политическим капиталом придется делиться Явлинскому и движению "Яблоко". Вот как примерно мог бы выглядеть монолог Григория Явлинского на столь животрепещущую и нервную тему:

- Объединиться для чего? Во имя памяти Галины Старовойтовой? Чтобы остановить рвущийся к власти криминальный мир? Чтобы вернуть утраченную макроэкономистами власть? Чтобы победить на президентских выборах? Зачем? Они говорят о едином кандидате в президенты. Кто он? Если имеется в виду кандидат от "Яблока" (то есть он - Явлинский), то милости прошу, пусть присоединяются. Но присоединяться и объединяться - это разные понятия. Движение "Яблоко", ни с кем не объединяясь, прошло 5%-й барьер в 95-м году и, как утверждают социологи, непременно минует его и на выборах 99-го года. А вот гайдаровцам после их провала в 95-м году это еще надо доказать. И, скорее всего, если им не удастся найти более сильного партнера, их замысел обречен на провал. Моим избирателям, которые, как и все общество, понесли невосполнимый урон от реформ, я обязан буду объяснить: почему я объединился с теми, кто привел страну к столь плачевным результатам? Не значит ли это, что отныне я буду придерживаться тех же взглядов на развитие страны, как и Егор Гайдар, Анатолий Чубайс? А так как мои избиратели уверены, что я своих взглядов менять не намерен, то они вправе предположить, что я объединяюсь с этими господами для того, чтобы помочь им вернуться в коридоры власти. А так как мои избиратели к этим господам относятся, скажем сдержанно, сверхпрохладно, то они вправе сказать: такой кандидат в президенты, которому безразлично наше мнение, нам не нужен, потому что после столь необъяснимого поступка мы ему и его движению не доверяем. И мне печально это признать, но в этом случае мои избиратели будут правы...

Разумеется, этим монолог не кончится. Будет сказано и о Галине Старовойтовой, и о борьбе с коррупцией, и о противостоянии преступному миру. Тем более что коррупция - атакующее кредо Явлинского. И он вправе сказать:

- Недуг настолько очевиден, и странно, что, породив коррупцию своей прошлой правительственной деятельностью, вы призываете объединяться против нее, когда сами лишились власти. Ну а Галина Старовойтова - достойный человек и лучшей памятью для нее было бы не объединение ради объединения, а верность демократическим принципам. И когда ты во власти, а не вне ее. Как показала практика, ни "Демократический выбор России", возглавляемый Гайдаром, ни "Наш дом Россия", возглавляемый Черномырдиным, этого святого правила не выдерживают...

Добавим к этим предполагаемым рассуждениям несколько слов от себя. Объединяют не лозунги и не программы, а авторитет дела, факт результата.

Политическая судьба всех без исключения лидеров демократического движения, а таковыми себя считают и Гайдар, Чубайс, Черномырдин, Собчак, Станкевич, Попов, как, впрочем, и сам Ельцин, подтверждает этот хотя и малоутешительный, но здравый вывод.

Все они были многолюдны в момент принятия всевозможных деклараций, программ, когда их авторитет подпитывался энергией обещаний и недовольством их предшественников, и столь же удручающе немногочисленны и одиноки к моменту бесславных итогов, так

непохожих на обещанный триумф. И, хотя не очень приятно это признавать, правота авторских сомнений оказалась вещей.

Сенсационного объединения демократов, пусть на фоне трагедии (что делать, если ничто иное не может объединить), увы, не произошло. Привычные опережающие предсказания прессы оказались еще одним выкриком в пустоту. Правые объединились. Поначалу список в желаемом варианте выглядел так: Явлинский, Гайдар, Чубайс, Немцов, Кириенко, Черномырдин. Чубайс в интервью программе "Итоги" заявил достаточно жестко:

- Чтобы остановить наступление коммунистов и бандитов, я готов объединиться. Мои разногласия с Григорием Явлинским - частность. Они не сопоставимы с уроном, который понесет демократия в случае коммунистического реванша.

В эти дни чувствовалось, что Чубайс из двух вариантов своего возможного поведения: сдержанно-компромиссного (коммунисты настаивали на его отставке с поста главы РАО "ЕЭС", - это было их условие в обмен на поддержку законодательных инициатив правительства в парламенте) или откровенно атакующего - выбрал атаку. Чубайс понимал, что его отставка на этот раз будет отрицательным сигналом для западного бизнеса, но этот урон вряд ли удержит хитрого Примакова, тем более что присутствие Чубайса во главе РАО "ЕЭС" в настоящий момент не приблизило правительство к получению очередного транша кредита МВФ.

Жесткая позиция Анатолия Чубайса в чисто политическом плане усиливает его лидирующие шансы в демократическом лагере. При всех изъянах даже в стане непримиримой оппозиции Чубайс - человек с высокой деловой репутацией. И числя его в своих политических противниках, оппозиция признает в нем сильного оппонента.

Но вернемся к предположениям и реальностям. Акт некоего объединения состоялся. Союз правых в пофамильном исчислении выглядит так: Аяцков, Гайдар, Чубайс, Немцов, Кириенко. Опросный рейтинг, по словам Чубайса, выявил лидера нового союза правых. Им стал Сергей Кириенко. Спустя несколько часов после объявления в прессе о свершившемся единении свою фамилию снял губернатор Саратовской области Аяцков, пояснив, что с ним никто идей союза не обсуждал. В списке лидеров новоиспеченного союза правых сил фамилии Черномырдина, который накануне в своей манере обосновал необходимость объединения демократов ("хватит идти врастопырку"), не оказалось. И уж тем более в нем нет фамилии Григория Явлинского. По существу, объединились те, кто никогда не был разъединен.

Вся суть интриги в смене лидера. Им стал Кириенко. Шаг и объяснимый и спорный. Как сказал Чубайс, у Кириенко, согласно опросам, самый высокий рейтинг. Какие опросы? Кто их проводил? Среди какой части населения? Среди неких политических сил, сохранивших свою лояльность младореформаторам? Почему же эти некие демократические силы отдали предпочтение Кириенко? Разве неясно, что опыт управления и у Чубайса, и у Гайдара, и у Немцова неизмеримо больше. Да и политический капитал за плечами более ранговый. Не спешите с ответом - дескать, Чубайс и Гайдар имена нарицательные. Первый отец малоудачных реформ, второй - олицетворение разорительной приватизации. С Немцовым проще. Был значимым в Нижнем Новгороде. По пришествии в Москву имел самый высокий рейтинг из возможных кандидатов в президенты. Но очень скоро растратил себя на драчливость, необязательные и безответственные откровения с прессой. Оказался избыточно провинциальным, непосредственным и легковесным в идеях и замыслах. Больше походил на азартного игрока, нежели на первого вице-премьера федерального правительства. И легко появляющаяся на лице азартная улыбка выдавала его с головой как человека, почитающего превыше всего кураж. Он и работал как бы играючи, оставшись в своих увлечениях моложе своего возраста. Может быть, поэтому, оценивая возможности правительства Примакова, он дал нестандартную характеристику человеку, работающему в современном правительстве: "Надо быть физически сильным и здоровым человеком, приходится работать по 18-20 часов. Такие нагрузки могут выдерживать только молодые люди".

В определенной степени упор на физическое здоровье правомерен, но и уязвим, так как раскрывает суть Немцова как управленца. Придуманный миф работы в новых условиях, когда отсутствие профессионализма подменяется круглосуточным бдением в правительственных кабинетах, нам знаком. Его ввел Сталин. Правительство не покидало своих кабинетов до глубокой ночи, ждали, когда закончит свой трудовой день вождь всех времен и народов. Будем считать, что Ельцин Немцова не слышал.

Не кто-нибудь, а именно Борис Немцов насоветовал президенту выдвинуть Кириенко. Что из этого получилось, мы знаем, мы пережили.

Нет, не избыточный профессионализм выделил Кириенко как лидера нового движения. Меньшая политическая амбициозность, незатертость, эффект нового и тем не менее узнаваемого лица. У Кириенко есть одно превосходство - срок его премьерства был до смешного мал, он не успел наделать больших ошибок. Ну а дефолт... Даже злейший враг понимает, что за дефолтом стоят и Черномырдин, Чубайс и Дубинин. Мало кому известно, но Гайдар полностью одобрил решение правительства от 17 августа, освятил научным перстом и уехал в отпуск.

Кириенко как лидер устраивает более маститое окружение. Кириенко не имеет политического авторитета, веса - ни положительного, ни отрицательного. Он очень хотел стать премьером вне политики. Так и задумывалось, политику Ельцин предположительно брал на себя. Не взял. Здоровье и нарушения режима помешали. К значимой общегосударственной роли человека № 2 Кириенко был не готов. Как в 92-м не был готов Гайдар, чуть позже Чубайс и все без исключения молодые реформаторы. И тогда, в 92-м, Ельцин политику брал на себя. Но шесть-семь лет назад это был совсем другой Ельцин. Правда политической абсурдности в действиях президента хватало и тогда. Однако авторитет Ельцина как "низвергателя прежних устоев" был неоспорим.

Итак, опросная операция, сохраненная младореформаторами в тайне, путем мягкого рейтингового голосования показала, что самый высокий рейтинг у Кириенко. Кириенко чувственно поблагодарил авторов рейтинговой процедуры и с присущим ему комсомольским задором заявил, что трудности его не остановят, как не остановят и неудачи. А потому - вперед.

В чисто российском варианте демократическое движение, которое во всем мире считалось левым, переместилось на правый фланг и создало правую коалицию. Объединение десяти нищих не делает одного богатого. Стечение обстоятельств должно быть сверхблагополучным для лидеров правого дела, чтобы на выборах 99-го года четыре отставных управленческих генерала смогли собрать хоть сколько-нибудь значимое войско, которое в состоянии прорвать блокаду политических противников и ворваться в Думу. Неудивительно, что все вновь образованные партии претендуют на симпатии среднего сословия, мелкого и среднего предпринимателя. Почему? Во-первых, это как бы свидетельство их приверженности к экономическим переменам, рыночным отношениям и демократическим свободам, в числе которых примат частной собственности считается главенствующим. Во-вторых, они наслышаны, что средний класс есть опора любой власти западного образца, если она называется демократической. В-третьих, они наслышаны, и это сущая правда, процветание среднего класса есть гарант устойчивости экономики. Отсюда столь жесткие антимонопольные меры, принимаемые в любой из западных стран. Потому как средний класс и есть массовый и наиболее законопослушный налогоплательщик. И наконец, в-четвертых. И пожалуй, это основной довод. Все остальные социальные слои уже сложились. Их политические колебания очевидны. Наиболее активные из них - два. Государственные служащие и пенсионеры. И та, и другая группа находятся в прямой зависимости от государственного бюджета. Для них факт экономических свобод значим, но вторичен. Они получают либо зарплату, либо пенсию. Либо не получают. И тогда вектор их политических симпатий смещается. Пенсионеры постоянно говорят, что они все отдали этой стране и их нищенство не что иное, как предательство их интересов со стороны государства. Возразить им сложно - они правы. Коммунисты логически опираются на пенсионный

электорат, потому как олицетворяют государство, которому пенсионеры отдали все. А предательство по отношению к пенсионерам совершила другая власть. Пенсионная политика в Советском Союзе, возможно, была и не совершенной, но сложившейся и достаточно надежной. Это укладывалось в догматический постулат, на котором выросло и состарилось несколько поколений. "Молодым везде у нас дорога, старикам всегда у нас почет". Факт неоспоримый - шахтер-пенсионер в прошлые годы был вполне обеспеченным человеком. Ныне он человек бедствующий.

Совершенно очевидно, что где-то около 60% электората коммунистов составляют пенсионеры. А если учесть, что сегодня они фактически составляют 40% всех голосующих, то многое из происходящего на выборах в различных регионах становится понятным. Однако этот электорат для всех без исключения партий и желателен, так как может обеспечить перелом в голосовании, и обременителен, так как его настроение - прямое следствие исполнения или неисполнения бюджета, что остается пока ахиллесовой пятой каждого нового правительства. Коммунисты понимают, что пока они в оппозиции, пенсионеры их опора. Но получи они власть и не сдержи обязательств по защите социальных прав пенсионеров, на чем они строили свои политические атаки на президента и его команду, их положение становится критическим. А выполнить эти обязательства в период кризиса будет непросто. Это сейчас регионы "красного пояса" вину за любой бюджетный провал в своих губерниях адресуют федеральному центру. Пока там, в федеральном центре, у руля были разновариантные демократы, такая тактика давала очевидный эффект. С правительством Примакова скрывать свои собственные грехи подобным образом стало труднее. Получалось, что красные губернаторы ведут огонь вроде как по "своим". И "свои" в федеральном правительстве могут их не понять.

Естественно, новые партии, исповедующие как либерально-буржуазные, так и социал-демократические взгляды, пытаются укрепиться на новом укладном поле. Все они в один голос говорят о поддержке малого и среднего бизнеса. Таких партий и движений сегодня уже более сорока. Кому отдаст свои симпатии нарождающийся класс средних предпринимателей - этот вопрос остается открытым. Позиция коммунистов в этом отношении более индивидуальна. Ее можно охарактеризовать тремя словами: "Мы не говорим нет". На большее Геннадий Зюганов пойти не может. Нового класса еще нет, а два старых существуют. Союз серпа и молота на избирательных участках неизмеримо более многолюден, чем торгово-предпринимательский мир. Все сказанное позволяет сделать вывод. Событием ноября, претендующим на изменение конфигурации политической жизни страны, можно назвать только одно - создание блока "Отечество".

В любом движении, партии магнитное поле создает лидер - в данном случае мэр Москвы. Лужков начал кампанию по присоединению, будучи сам фигурой устойчивой, доказавшей, что может добиваться впечатляющего результата на фоне развала, неумелости и политической риторики, в обществе, где вера в успешность преобразований утеряна. Лужков представляется одним как фигура необходимая, другим - как приемлемая. Для начала этого достаточно, так как исключает большие споры и столкновения.

Есть ли проблемы у этого блока? Есть, и даже больше, чем предполагалось. Первая и самая значимая - что побудило его участников создать такую коалицию? Лужков не был инициатором. Это очевидно. Лужков дал свое согласие, потому как в союзе были заинтересованы присоединившиеся. Естествен вопрос - каков масштаб интереса соавторов идеи? Иначе говоря, каковы их претензии? И насколько велик их авторитет и возможности, чтобы соответствовать обозначенным претензиям.

Проблема вторая. Центризм - это скорее философия приятия, нежели отторжения. Если истина, как правило, посередине, то движение претендует на большую истинность, скажем точнее, взвешенность. Взвешенность - это почти всегда торжество профессионализма. Вот главный козырь Лужкова. Лужкова мэра. Лужкова докоалиционной поры. Здесь следует сделать необходимое уточнение. Осторожность и взвешенность - состояния совершенно разные. Осторожный лучше переждет. Взвешенный выберет вариант, позволяющий двигаться

вперед. Первым завоеванием "Отечества" можно считать участие в движении профсоюзов. Этот факт добавляет движению социальной надежности.

Можно ли и нужно ли создавать партию власти? Ответ - можно, но не нужно. Партию власти не создают, ею становятся.

Грубейшей ошибкой Черномырдина, политической близорукостью его советников был именно этот властный импульс. При встречах, которые у меня в ту пору случались с премьером, я не раз возвращался к этой теме. Реакция Черномырдина была очень естественной, доказывающей его чуждость политике, интригам, как таковым, по большому счету его неумудренность в этой сфере. Не минуя колорита образного и звучного мата, он мне ответил:

- Я этим ..... говорил. На кой ..... это надо. Сегодня мы власть, а завтра ..... Что тогда делать? Но разве этих ..... переубедишь. Для них сплошное ..... одно и то же. Подай им партию власти! Теперь ты понимаешь, в каком ... я плаваю. А чуть что, Черномырдин, Черномырдин... Да не Черномырдин это, а сплошные .... и захребетники. Поэтому давай не будем...

Но шар был пущен. И никакие разъяснения о том, что "Наш дом Россия" это движение сугубо общественное, а власть в нем присутствует не более как часть общества, никого убедить не могли. Партии чиновников на массовую общественную симпатию рассчитывать не приходится. Хотя бы уже потому, что результат деятельности чиновников был малоутешителен. Бесспорный козырь Лужкова: он не делает попытку создать партию власти, хотя участие восьми губернаторов в заседании оргкомитета - симптом тревожный. Понятно, что, пригласив губернаторов, Лужков дает понять, что он создает не столичное движение. А столичный синдром, он, к сожалению, есть и его преодоление одна из целей движения. И все же начальный опыт оргсъездов, на которых присутствовали одни губернаторы, мэры и вице-мэры, а в качестве рядовых граждан руководители департаментов и главы районных администраций (а на съездах НДР было именно так), есть предупреждение той самой реальности, к которой апеллирует столичный мэр.

* * *

Декабрь 1998 года.

Две первые недели вполне показательны. Президент еще болеет и остается за кадром всех серьезных событий. Мысли президента озвучивает пресс-секретарь и, как мы теперь понимаем, не имея с ним личного общения. До поры о том, что думает по тому или иному поводу президент, пресс-секретарю сообщали либо глава администрации Валентин Юмашев, либо дочь президента Татьяна Дьяченко. Но это все было "до поры".

И тем не менее о событиях двух декабрьских недель несколько подробнее.

Сокрушительная победа коммунистов, случившаяся в ноябре на выборах краевого законодательного собрания в Краснодаре, и совершенно очевидный антисемитизм губернатора края Кондратенко, под лозунгами которого была одержана эта победа, не насторожили КПРФ, а наоборот, вдохновили руководство партии на шаги, вполне соответствующие минувшей краснодарской победе. Последствия этих шагов могут быть успешными в одном случае: если антисемитизм, захвативший юг России, как некая материализация пофамильной вины (во всем виноваты евреи) станет массовым настроением бедно живущих сограждан. Не идеологией, не философией - ибо то и другое срез образовательный, просвещенческий, - а именно настроением, как явлением быстро захватывающим и скоро вызревающим. Такая опасность в современной России есть, но именно юг России к шовинистическим взглядам предрасположен исторически. Там проходила черта оседлости, граница, за пределами которой проживание евреев в России было запрещено. И потому скопление людей еврейской национальности в тех территориях было наибольшим. Это правило не касалось только купцов первой гильдии и ремесленников. Это позорное национальное ограничение процарствовало с 1791 года по 1917-й. Оно было отменено после октябрьского переворота. Последнее замечание чрезвычайно важно. Угар антисемитизма, захвативший леворадикальное национал-патриотическое крыло КПРФ,

явление для коммунистов по большому счету драматическое. Он мог способствовать смещению либерально-демократического правительства, но выиграть выборы, проповедуя подобную разрушительную для страны идеологию, в многонациональной России невозможно. Почти наверняка КПРФ начнет открещиваться от антиеврейских взглядов и настаивать на верности учению вождя революции. Все будет разжижаться интернациональной риторикой. Но открещиваться - значит признавать факт болезни. А это всегда плохо. Значимый успех в Краснодарском крае не только укрепил уверенность коммунистов в реальности своего реванша, но и породил синдром уже победивших и взявших власть в свои руки.

Заявление депутата Харитонова, возглавляющего в Государственной Думе фракцию аграриев, с предложением вернуть на Лубянскую площадь памятник Феликсу Дзержинскому. Постановление Думы, принятое по этому вопросу, рекомендующее мэру Москвы незамедлительно совершить сие действо. А чуть позже заявление спикера Гос. Думы Геннадия Селезнева о желательности восстановления в России каторги уже без каких-либо оговорок почти мгновенно создали властный образ коммунистического правления. Разумеется, как первое, так и второе предложения оговариваются фактом преступного беспредела, захлестнувшего страну. А если говорить проще, признанием законодателей своего властного бессилия перед криминальной революцией. Железный Феликс в бронзовом воплощении не защитит страну и не очистит прокуратуру, МВД, ФСБ, таможню и сам депутатский корпус от криминалитета, который, по признаниям руководителей этих ведомств, давно внедрился во все структуры и чувствует себя там достаточно комфортно. И никакие реформы этих ведомств, декларированные царским указом, не помогут, так как в итоге их будут проводить люди, которых самих надо гнать из этих органов в первую очередь.

Абсурдным и даже классово-дремучим выглядит предложение о возвращении памятника Дзержинскому, вложенное в уста одного из лидеров аграриев. Если депутат Харитонов до сих пор воспринимает Дзержинского не как председателя ЧК, провозгласившего и осуществлявшего кровавый террор, а как благостный персонаж "республики ШКИД", это его проблема. Депутату Харитонову следовало бы знать, что среди миллионов замученных, расстрелянных, высланных почти 40% составляли крестьяне. И это логично. Россия в 1917 году была страной преимущественно крестьянской, и львиная доля муки досталась именно им. Крестьянство было изничтожено, выкорчевано. В крестьянстве Ленин видел заразу частнособственнических взглядов. Под революционный нож легли и кулак, и середняк. Тут следует вспомнить и подавление Тамбовского мятежа, и других крестьянских восстаний, кошмар продразверстки. Вот почему, депутат Харитонов, уничтожив хозяина на земле, народив колхозных иждивенцев в подавляющем большинстве, создав планово-убыточное сельское хозяйство, большевики так и не смогли, властвуя на 1/6 части суши, накормить собственный народ. Нельзя крестьянину забывать историю крестьянства.

Вожделенное желание вернуть каторгу (в этом случае есть необходимость процитировать Геннадия Селезнева): "Труд там, на каторге, был столь изнурителен и жесток, что узник каждый день молил Бога ниспослать ему смерть как избавление". Двумя фразами ранее в этом же интервью спикер заметил: "Возможно, вводить смертную казнь не нужно, но..." И далее, а может, перед этим о киллерах, которые убивают, о криминале, который заказывает эти убийства, и ничего об ответственности законодателей.

Что это, случайные совпадения? Нет. Все гораздо проще и очевиднее. Партия, желающая стать властью, зондирует общество по поводу принципов своего правления страной. И в каждом из этих фрагментов в качестве главенствующей присутствует энергетика расправы с оппонентами, расправы с инородцами. О преступниках и убийцах говорится тоже, но это как бы в-третьих и в-четвертых. Нет, коммунисты неисправимы: и мысли, и лексика те же -политических и уголовников на одни нары.

Понедельник. 7 декабря.

Еще не выздоровевший президент внезапно десантировался в Кремле. Пробыл там в

течение трех часов. Объявил об отставке руководящего ядра президентской администрации: Юмашева, Ярова, Севастьянова и Комиссара. Выразил свое неудовлетворение работой ближайших подчиненных. Назначил нового главу президентского аппарата. Увлек под свое начало Минюст и налоговую полицию, после чего отбыл на место прежней диспозиции в больничные президентские апартаменты. Выход президента на сцену был динамичен, подтвердил улучшение физического самочувствия, и, по свидетельству премьера, в телефонном разговоре с ним президент засыпал последнего цифрами, произносимыми на память, что говорило о интенсивной мозговой деятельности главы государства. Президент выздоравливает и готов политической элите преподносить новые сюрпризы.

Зачем президент сделал шаг, который сделал? Чтобы подтвердить слова Александра Лившица, что за два оставшихся года он еще не у одного власть имущего отдерет лампасы? Как же сузились обязанности и властные проявления президента, рассуждающего о своем якобы контроле, зрячем царевом оке и совершающем набеги на задремавшую рать. Необоснованность, случайность и алогичность этих набегов говорят об отсутствии президентского соучастия в управлении страной, а значит, и отсутствии деятельного контроля. Почувствовал себя лучше - спохватился: "Что-то я давно холопам чубы не драл! Коня мне! И плеть потяжелей!" И так каждый раз. Вне разума и логики.

Назначив после заматеревшего прагматика Чубайса на пост главы администрации Валентина Юмашева, президент дал понять: вся игра в параллельное правительство, правительство-дублер кончилась - у меня последний срок, мне нужна другая администрация, я выздоровел и теперь...

Однако "теперь" оказалось недолгим. Вполне возможно, и я об этом уже писал, состав президентской администрации в юмашевском варианте, варианте более близком, более преданном, имеющем отчетливый семейный рисунок, когда в роли ближайшего официального советника собственная дочь, вполне здравое решение для президента, работающего ныне не столько на сегодняшний день, сколько на историю и свое место в ней. Нет, он не "хромая утка", наоборот. Ему не надо переизбираться, думать о голосах, полученных в первом туре, втором. Думать о рейтинге, всем том, что изнуряет душу любого кандидата в президенты. Он, как умудренный и уставший Будда, может себе позволить обозначать только паузы.

Сейчас нас не интересует, так ли думал сам президент. Или он вообще не думал, и за него думал Борис Березовский, внедряя "своих" в президентскую администрацию, обволакивая президентскую семью жизненными удобствами. Мы просто говорим, что здравая логика в смене администрации один год и девять месяцев тому назад могла быть. И, как здравая логика, вне Бориса Березовского она могла иметь такой вот вразумительный рисунок. Усиливается доверительность администрации, что предполагает желание президента сосредоточиться, осмыслить пройденный путь, задаться вопросом, что он оставляет после себя. И по этой причине желание больше и чаще общаться с согражданами, выступать перед ними. Поэтому и призвал к себе журналистов Юмашева и Комиссара, они никак не управленцы, не технократы, их не упрекнешь в знании экономики, истории, они не проявили себя как просветители, философы, дипломаты. Но писать они умеют просто и понятно. Пусть ладят его вещее слово, это им по зубам. В качестве эксперта-профессионала до августа продержался Лившиц, но и он затем покинул президентский корабль. Администрация сложилась из трех составляющих: журналисты (то есть ответственные за президентское слово) + протокол + семья. Делать вторую управленческую команду президенту уже не имело смысла. Ею является правительство. Чубайс с соратниками ушел именно туда. Но логичность рисунка была нарушена. Березовский, в ту пору активно разыгрывавший свою карту, уже весомо влиял и на семью президента, и на Юмашева, как его советника. В борьбе с младореформаторами Чубайсом и Немцовым Березовский сделал ответный ход, он зашел с тыла и отрезал этот тыл от Чубайса. Расчет Березовского был прост. По фронту и Чубайса, и не менее ненавистного ему Немцова будут атаковать непримиримая оппозиция в лице коммунистов и сами неудачи реформаторских преобразований. И

привычный дрейф Чубайса в президентскую гавань, где ему традиционно помогали зализывать раны, будет закрыт. Так и оказалось. Первоначально характеризуя Чубайса как яркого и талантливого управленца, Юмашев очень скоро стал его открытым и действенным противником.

Памятно одно интервью, которое дал Борис Немцов "Комсомолке". Это был период, когда скрытый конфликт между главой президентской администрации Юмашевым и Чубайсом стал явным. Так вот, тогда Борис Немцов, который не уставал подчеркивать свои дружеские отношения с Чубайсом, дал крайне высокую оценку Валентину Юмашеву. Он так характеризует главу президентской администрации: "Валентин очень прибавил и превратился в одаренного управленца".

Вряд ли такие слова можно считать случайностью. Немцов дистанцируется от Чубайса, дает понять, что на царском корабле он вскоре останется один. Это лишь подчеркивает философию интриги, затеянной Юмашевым. Именно он намекнул Немцову о невыгодности слишком часто повторять слова о своей дружественности к Чубайсу. Он, Немцов, всегда был любимцем Ельцина, и к нему у президента почти отеческие чувства, чего не скажешь о Чубайсе. К нему у президента отношение настороженное. Хитрый Немцов не сделал шага, он лишь качнулся в сторону, но и это было оценено. Он продержался в правительстве дольше Чубайса, но все равно этот маневр его не спас. Интригующие способности Березовского, осуществленные Юмашевым, оказались сильнее.

Сейчас это все в прошлом. В отставку отправлен Юмашев. Скоро меняющаяся экономическая ситуация развеяла едва возникшие надежды на стабильность конца 97-го года. Долги по зарплате бюджетникам, и по пенсиям, и по денежному довольствию военным снова стали расти. Тогда, в марте, так же в понедельник президент в 9 утра вызвал премьера в Кремль и объявил ему об отставке. Так уходил Черномырдин. Так вот, еще тогда, имея дело с правительством Черномырдина, администрация во главе с Юмашевым начинала проседать. Указания президента, которые он отдавал Юмашеву, требуя от него эффективного контроля за деятельностью правительства в сфере экономической, организационной и политической, выглядели смехотворно. Все знали, что Юмашев не обладает подобными навыками, да и Александр Лившиц не организаторский гений. Консультации с Березовским стали постоянными. Ельцин облегчал обязанности Юмашева и усложнял жизнь Черномырдина, приглашая к себе с отчетом не только заместителей премьера, но и министров, никак не согласуя свои действия с премьером. Потом в один из мартовских понедельников послепростудный Ельцин смахнул с политической сцены Черномырдина. Наступил час "киндер-сюрприза". Правительство Кириенко как бы уравняло возрастные шансы юмашевской команды и правительства, за которым положено было присматривать президентской администрации.

8 декабря 1998 года умер Лев Суханов, самый преданный помощник Бориса Ельцина. У меня были с ним теплые и ровные отношения. Кажется, в 92-м году Суханов тронул меня за лацкан пиджака и непривычно громко и возбужденно прошептал: "Мы были у Ванги. Она сказала, Ельцин будет править Россией до 2000 года. Борис Николаевич великий человек. Такая интуиция бывает только у гениев". Впоследствии он еще несколько раз заговаривал на эту тему. Я всякий раз выслушивал его, согласно кивал головой, но ничего не отвечал. Мне было неловко разуверять его. Он был предан президенту фанатично. И потом, это выглядело несколько странным - почему именно от меня он так настойчиво требовал признания правоты сказанных слов.

* * *

Никакого беспокойства относительно утверждения Черномырдина в Думе, в крайнем случае, со второго захода в окружении президента, как, впрочем, и среди аналитиков, не было. Черномырдин начал интенсивные переговоры с парламентскими фракциями, и они вызывали оптимизм. Виновники финансового краха, дефолта, обозначены пофамильно - это Кириенко и его сподвижники. Во время своих августовских переговоров с депутатами Черномырдин не раз произносил не лишенную лукавства фразу: "Когда мы уходили, в стране

была стабильная ситуация. Более того, начинался подъем. Это вам каждый подтвердит. А сейчас... Если бы я знал, что такое положение дел, то еще неизвестно, согласился бы я..."

Черномырдин считал, что имеет все основания сказать думцам: в марте вы все сожалели о моей отставке. В августе президент понял, что совершил ошибку, и позвал меня сам. Я возвращаюсь. Я рассчитываю на поддержку депутатов.

Однако идеально задуманная комбинация необъяснимым образом сорвалась. Если предположить, что она действительно была задумана. В этом случае возможны два разночтения. Допустим, комбинация была задумана президентом. Тогда мы должны оценить степень коварства президента, сбросившего молодых в пропасть. Более вразумителен второй вариант. Вся комбинация тщательно продумывалась и готовилась Борисом Березовским, который, умело дирижируя дуэтом Юмашев-Дьяченко, их устами сумел убедить президента сначала в необходимости отставки Черномырдина, а чуть позже в неудачливости команды Кириенко и необходимости возвращения ЧВС. В пользу этого варианта говорит одна не очень весомая частность. Борис Березовский, как предприимчивый бизнесмен, математик, специалист по выработке оптимальных решений, принимаемых в нестандартных ситуациях (примерно так называлась его докторская диссертация), сделал довольно точный просчет предлагаемых обстоятельств в связи с надвигающимся финансовым кризисом. Суть расчета заключалась в ответах на два вопроса: как и когда сделать вбрасывание кандидатуры Черномырдина? И надо признать, эти расчеты он сделал безукоризненно. Все должно было произойти в течение двух августовских недель, которые и должны были убрать тень с политического лица Черномырдина: за прошлые провалы отвечает Сергей Кириенко, за будущие мировой финансовый кризис.

Кстати, от стремительного падения курса рубля выиграли прежде всего сырьевые экспортеры и металлургические магнаты. За свой экспорт они получали в долларах, а налоги платили в обесцененных рублях. Вряд ли Борис Абрамович проглядел эту ситуацию. Так или иначе, если автором комбинации был все-таки он, то наши выводы относительно последствий этой грубой аналитической ошибки человека, убежденного в своем огромном аналитическом превосходстве над всеми действующими политиками (а Березовский этого не скрывает), должны быть совершенно иными.

Борису Абрамовичу как политику мешает алчность бизнесмена и неукротимое желание давить и влиять. Синдром быстрых денег, на которых встали на ноги все или почти все наши олигархи. Как, впрочем, и переоценка собственного влияния, и недооценка сил, оппонирующих ему. Именно Березовский жал до последнего и настаивал на третьем голосовании по кандидатуре Черномырдина. Как и кто сломал игру, мы уже говорили.

Другая версия.

Президент недоволен действиями правительства. Предстоит голосование по бюджету, грядет вотум недоверия в Думе. Президент пользуется ситуацией, опережает надвигающиеся события и по своей инициативе делает этот непредсказуемый шаг с отставкой Черномырдина. Однако побуждают его к этому не сколько действия самого Черномырдина, сколько шаги Березовского.

Для президента не секрет, что средства массовой информации наперебой говорят о связях его семьи с Березовским, о влиянии Березовского на главу его администрации. Семья заверяет Ельцина, что ничего этого нет, но ведомый своей подозрительностью Ельцин не верит. Одновременно он замечает, как Березовский начинает выстраивать обволакивающую тактику вокруг Черномырдина. И силы, выступающие против Черномырдина, при любой возможности дают понять президенту, что именно Березовский побуждает премьера к большей самостоятельности. Именно Березовский ориентирует еврейскую диаспору на Западе на Черномырдина. Именно Березовский подтягивает премьера к нефтяному бизнесу.

Президент чувствует, как его берут в кольцо. Он наносит внезапный удар - смещает Черномырдина и разрывает удушающую петлю политической и финансовой зависимости. Делает это по своей инициативе, ничего не объясняя ближайшему окружению. Президент ни перед кем не обязан отчитываться.

В одном из интервью Борис Березовский, характеризуя особенности русских и евреев, занимающихся большим бизнесом, высказал одну интересную мысль. Говоря о различиях между этими двумя нациями, Березовский заметил уязвимость русских банкиров в том, что они не держат удара. Еврей, проиграв, заходит с другой стороны, любым способом будет стараться вновь и вновь внедриться в ситуацию до тех пор, пока не добьется результата. У русских ничего подобного нет. Громко проиграв, он не начинает дела сначала. Чаще махнет рукой: "А пошли они... !!!" И на этой эмоциональной ноте выходит из игры.

Если это и не общее правило, то достаточно точное наблюдение. Александр Коржаков назвал Березовского "липким человеком". Своими рассуждениями Борис Абрамович подтвердил это мнение о себе. Самое любопытное, что Березовский не в пример Григорию Распутину, с которым его любят сравнивать, не вхож к царю. Их встречи в неофициальной среде крайне редки. Но в этом и есть высший пилотаж привластной интриги - опутать верховную власть, не прибегая к близкому контакту с ней.

Правительство Кириенко было мало приемлемым для Березовского. Несмотря на очередное отлучение Чубайса, которое Березовский мог считать своей победой, появление Кириенко портило пейзаж хотя бы уже потому, что Кириенко был рекомендован Ельцину Борисом Немцовым. Ничего хорошего и перспективного олигархи от правительства "киндер-сюрприза" не ждали. Да и откуда? Ко всему прочему неожиданно, хотя и не надолго, вновь всплыл Чубайс с временной миссией извлечения из Запада кредитов.

Расклад был не в пользу Бориса Абрамовича. Но Березовский не просто бизнесмен или политик, как мы уже отмечали. Березовский еще и профессиональный математик. Что из этого следует? Одно немаловажное уточнение - Березовский умеет считать. Не сомневаюсь, что он просчитал, исходя из экономической ситуации, примерный срок существования правительства Кириенко у власти. Впрочем, это было нетрудно сделать, даже не будучи доктором наук. Именно поэтому, и только поэтому, менялись оценки, которые давал Черномырдину на протяжении этих четырех месяцев - с марта по август - Борис Березовский. Как вы помните, сохраняя лексику Бориса Абрамовича, Виктор Черномырдин из "неизбираемого" (имелись в виду выборы президента) перешел в категорию "предпочтительного". Примерно под таким девизом триумвират Борис Березовский - Валентин Юмашев - Татьяна Дьяченко повторно вывел Черномырдина на кремлевскую орбиту в августе 98-го года.

А вот сняли Черномырдина с дистанции не коммунисты, хотя формально их голоса и давали отрицательный результат, не аграрии и "Народовластие". Черномырдина снял с дистанции Юрий Лужков.

Каков же вывод? Он прост. Уметь считать в бизнесе еще не значит уметь считать в политике. Внешне это схожие умения. А по сути, разные системы координат. Провал Черномырдина это подтвердил. Во всей этой наполненной драматизмом ситуации была одна очень живая краска - недоумение самого Черномырдина: "Как же так, при встречах они сами (читай коммунисты и аграрии) убеждали меня - все будет хорошо. И вдруг такой поворот. Да не нужна им никакая программа. При чем здесь программа? Какая из них хоть раз была выполнена? Им нужен их интерес. Этого сняли, того назначили. Харитонов перед первым голосованием говорил: "Виктор Степанович, про мою квартиру не забудете?" Будет тебе квартира, будет. - отвечаю. А через день поднялся на трибуну и понес черт знает что! Ну как с такими людьми дело иметь? Снимайте, - говорит, - Виктор Степанович, свою кандидатуру".

Но вернемся к понедельнику 7 декабря. Вернемся к отставке Валентина Юмашева и всего ядра президентской администрации. Юмашев, сменив Анатолия Чубайса на посту главы администрации, проработал год и девять месяцев, из которых 12 месяцев администрация в этом составе проработала с правительством Черномырдина, четыре месяца с правительством Кириенко и сто дней с правительством Примакова. Два месяца безвластия. В течение одного из них не утверждали Кириенко, а в течение второго - Черномырдина. Ответ на вопрос: почему ушел Юмашев и его команда? - вопрос суммарный. Все гипотезы: потому что хотел сам; потому что растерял и упустил инициативу; потому что стал играть

свою политическую игру; потому что превратился в карманного человека Березовского и утратил самостоятельность; потому что дезинформировал президента и вынудил его отступить после повторного провала Черномырдина в Думе; потому что ослабил влияние на средства массовой информации и те похоронили президента как политическую фигуру; потому что не противодействовал атакам экстремистов; потому что разладились отношения с семьей президента.

Эти "потому что" могут удлиниться в своей череде в несколько раз и все равно не дадут исчерпывающий ответ на вопрос: почему?

На мой взгляд, главная причина в ином. Давайте вспомним: разве не показался невероятным перепад, когда на смену профессиональному управленцу, которым принято считать Анатолия Чубайса, брошенного ранее на прорыв и возглавлявшего администрацию в самые трудные для президента дни, приходит непросвещенный в управленческих коллизиях человек? Не экономист, не профессиональный политик, не юрист? А журналист, единственным достоинством которого, помимо летописания президентского бытия, можно считать близость к семье Ельцина. Как это могло случиться? Только в одном случае - президент выздоровел, выздоровел гарантированно, посчитал, что правительственная команда устойчива и иметь дублирующий состав управленцев в президентской администрации нет необходимости. Иначе говоря, внутрикремлевский авангард подбирался под выполнение совсем иных задач. Сказанное справедливо, если мы уверены, что идея смены команды принадлежит самому Ельцину.

Не секрет, что юмашевский период имел одну специфическую особенность. Это был период президентских недомолвок, плохо скрываемого колебания относительно третьего президентского срока. Не будем уточнять - чьего колебания. Беспокойства, сомнения, как и решительность короля всегда вызревают в свите. Окружение президента удерживало его от категорического "нет" относительно третьего президентского срока. По расчетам президентских помощников и правительства, 98-99-й годы должны были стать годами большей устойчивости и стабильности в экономике, что позволяло президенту переместиться на роль небожителя, роль отца нации с рукой твердой и оком надзирающим, а не играть роль высшего должностного лица, главного работника России.

Многие из членов правительства отработали в администрации президента и тем самым как бы изжили вечное противоречие между президентской администрацией и правительственным аппаратом. Президент полагал, что это будет период его высокодолжностного представительства на всевозможных международных встречах. Отсюда советник по имиджу, поэтому журналист во главе администрации и рядом с ним еще один журналист в ранге первого заместителя. Наставало время творить для истории слово президента.

Так мыслилось, так предполагалось. Но экономическая неустойчивость и политический дисбаланс опрокинули замысел, если он, конечно, был. Президентской администрации, сформированной под другие задачи, пришлось решать проблемы, ей не свойственные и для нее непосильные. И хотя этого не хочется признавать, автором идеи назначения Юмашева был не Ельцин. Возможно, Чубайс, которому опорно-независимая администрация была бы дополнительной головной болью в его новом должностном исполнении первого вице-премьера. Для мелких неприятностей хватало одного Лившица, перекочевавшего из правительства обратно в президентскую администрацию. Но, скорее всего, автором замысла был вездесущий Борис Березовский. Они тогда еще ходили в союзниках с Анатолием Чубайсом. И вариант с Юмашевым устраивал обоих. Просто Березовский думал на несколько пунктов дальше, чем Чубайс. И как показали будущие события, в этом случае его переиграл. Поэтому мы наблюдали столь стремительное проникновение в управленческую ткань президентской администрации Бориса Березовского, который умело предложил свои управленческие, профессиональные услуги малокомпетентному в практике управления и экономике Валентину Юмашеву. Бесспорно, его советы были профессиональны и чисто житейски даже полезны. Березовский многому научил Юмашева. Эффективность этих

советов снижалась по другой причине. Эти советы в меньшей степени отвечали государственным интересам, а в большей интересам самого Бориса Березовского и его сподвижников. Администрация президента оказалась в непростом, а порой и отчаянном положении, она не имела политического, хозяйственного опыта, а значит, не могла оказать значительного влияния ни на губернаторов, ни на депутатов. В таком раскладе администрация могла рассчитывать только на участие в политических интригах и только благодаря им сохранить свою относительную значимость близких к президенту людей, способных либо информировать его, либо блокировать информацию. Другого игрового поля для администрации, скроенной по подобному лекалу, попросту не было.

Черномырдин прислушивался к юмашевской администрации не потому, что она значима профессионально, а только в силу того, что может нашептать, а значит, помешать.

У Кириенко были другие отношения. Скорее, отношения сверстников. И я полагаю, это был наиболее благоприятный период юмашевского аппаратного бытия. Коллизия Кириенко-Ельцин, как уже было сказано, имела свой рисунок отношений: секретаря обкома комсомола с первым секретарем обкома партии, или, говоря проще, отношений беспрекословности, когда младший благодарит старшего по партийному званию за все что угодно, даже за собственную казнь. В этом случае роль Юмашева приравнивалась к роли заведующего орготделом, фигуры в обкомах ключевой, которая все слышит и обо всем знает, мимо кабинета которой положено проходить с поклоном.

После появления Примакова профессиональная, образовательная, как и политическая авторитетность главы администрации и премьера стали просто несопоставимыми. Следует обратить внимание, что в течение последних полутора месяцев администрации президента просто не было слышно, кроме появления Сысуева на экранах с неадекватной риторикой по поводу президентского самочувствия и необходимости президентских амбиций у премьер-министра. И было непонятно, чего именно ждет президентская администрация - досрочных выборов, примаковского пришествия или...

Администрация в этот момент была безынициативна. А значит, активно работала на политическое забвение президента. Вот главная причина смены ядра. Хотя Севастьянов и Комиссар должны были покинуть ряды администрации еще раньше. Президент не прощает своему окружению симпатий к кому-либо, кроме президента. В этом смысле Лужков изрядно проредил президентскую администрацию. Скорее всего, Севастьянов будет третьим, вслед за Кокошиным и Ястржембским. Но у него есть преимущество. Он дважды пострадал за симпатии к мэру столицы. К пониманию сложившейся ситуации Ельцина никто не подталкивал. Естественно, подлил масла в огонь щадящий режим работы президента, автором этой концепции выступал Юмашев. Ельцин физически окреп и, как всегда было в подобных случаях, потребовал установить на штанге больший вес, который прилюдно намерен взять. Ельцина хватит на два, в лучшем случае на три месяца. От себя не уйдешь. Затем непременно начнется очередное ухудшение самочувствия..

Чисто внешне смена администрации - шаг совершенно логичный и здравый. В связке с Примаковым должны работать совсем другие люди. Следует обратить внимание, что Ельцин ставит во главе администрации не просто военного, а пограничника. А рядом с ним еще один военный, из разведки, то есть люди, близкие пониманию Примакова по прежней его деятельности, и априори люди, уважаемые региональной властью, так как ранее представляли ведомство скорее закрытое, чем открытое, а значит, знающие о происходящих событиях несколько больше, чем лежит на поверхности. А тайна всегда рождает уважение страха. Не случайно первое же заявление нового главы администрации Николая Бордюжи было посвящено ближайшим встречам с губернаторами и недопустимости пренебрежения нормами исполнительской дисциплины.

Коммунистам ротация президентской администрации тоже не в пользу. Вроде как по оппозиционному статусу надо критиковать того, кого по партийной идеологии положено почитать и уважать.

Шута печальные глаза

Возможно, с тех самых времен, когда рядом с королем появился шут и устроился у его ног, было предопределено единожды и навсегда место искусства в тронном зале царствующих особ - у ног власти.

Переворачивались страницы эпох, шутов сменяли поэты, поэтов - шуты, но место образованного раба было неизменным.

Иное мышление, характер отношений, иной язык. Удел одиночек стал привилегией многих. Власть и поныне отъединена, а шуты разместились в общем шатре под зазывающим названием - творческая интеллигенция.

Когда властелин пребывал в скверном настроении, был сумрачен и милости ждать не приходилось, двор замирал в цепенеющем страхе. Наступал особый час - час шута. Только шут мог умиротворить властелина, вернуть ему расположение духа и погасить гнев.

И не всякий шут был удачлив, и тогда был удачлив палач. Шут становился первой жертвой разгневанного короля.

В этой мизансцене есть некая изощренность власти. Шут и палач всегда находились по разные стороны трона, но всегда рядом с ним.

Так уж повелось, королей и шутов помнят поименно.

В 95-м году мы отмечали два, удержим себя от превосходных степеней, хотя в этом случае они правомерны, два значимых и по-своему невероятных юбилея. И тот, и другой юбилей - поклонение актерам Божьего одарения.

80-летний Зиновий Гердт, сидящий на сцене в окружении родных, был скульптурен. Об этом знали близкие, но не догадывались зрители, тем более зрители телевизионные - юбилей-прощание. Великий актер задумчиво смотрел перед собой и чисто по-гердтовски поглаживал губу костистым пальцем кукловода.

Не случись того, что случилось, о гердтовском взгляде юбилейного вечера была бы написана нескончаемая череда толкований: мудрый, пророческий, страдальческий, печальный, бездонный. И все это было бы правдой. Но Гердт уходил от нас. И спустя несколько дней мы поняли, что он задумчиво прощался с жизнью. И взгляд у него был больше, чем может быть человеческий взгляд. Взгляд заглянувшего за край бытия. И уже ослабевающим сознанием и, может быть, в большей степени волей он удерживал в памяти мгновения, о которых в последний раз без гердтовского смеха (на смех уже не оставалось сил) рассказывал публике. А публика смеялась, не понимая, что берет смех взаймы у великого артиста и уже никогда не сможет вернуть ему этот долг.

Потом был юбилей Юрия Никулина. И опять на тронном месте сидел клоун с печальными глазами. Тяжесть прожитых лет, бездна пережитых мук?! Может быть. Хотя трудно назвать жизнь Юрия Никулина драмой. Он был удачлив, и удачлив поныне, любим, почитаем. Сам бы Никулин сказал, наверное: "Не тот юбилей, чтобы веселиться - 75". Не станем разубеждать. Клоун с печальными глазами - больше чем клоун, клоун - провидец. Возможно, и так, возможно.

И все-таки какое-то беспокойство не покидало вас, когда вы следили за этим зрелищем, всматривались в него. Из цирка, а юбилей Юрия Никулина есть торжество цирка не на Цветном бульваре, а цирка всеобщего, какие-то силы посторонние, разновластные, разночинные, вытеснили цирк.

И думалось - без сомнения, все российские клоуны, да только ли российские, съедутся праздновать своего признанного Патриарха.

Разумеется, киноактер! Признанный - в череде признанных. Но прежде всего клоун, вне череды и над ней.

Сменяли друг друга начальники, ведомства - более значимые, менее значимые. Шуты даже на арене цирка пятились и уступали место власти.

В общем-то это даже интересно, когда власть готова сменить амплуа и выступить в роли клоуна.

И сопровождаемый взмахом руки, печально отчаянный возглас Юрия Никулина, задавленного должностным, ранговым почтением, нескончаемой чередой цветочных букетов,

приношений и подарков. "Отдайте все старикам!" Что в переводе - отдайте все моим сверстникам, товарищам. Отдайте все цирку и тем, кто творит это чудо. И простите, что на моем юбилее забыли о вас. Не будет парада клоунов и фестиваля шутов, не будет.

И вдруг начинаешь понимать, что публика в зале принимает эти правила игры. И Гердт, Никулин уже во-вторых, а может быть, даже в-третьих. Юбилей главного шута есть ритуал политический. И по фамилиям приглашенных, лицам, выхваченным телекамерами, "Независимая газета" может незатратно определять рейтинг ста ведущих политиков. И народ, по недомыслию, званых шутов тоже причислит к политикам.

Кажется, в 95-м в кинотеатре "Октябрь" после долголетнего перерыва "Литературная газета" решила повторить памятные поэтические вечера в Политехническом. На удивление, собрался полный зал. Это был прекрасный вечер. Впрочем запомнилась одна деталь: чиновник, вручая мне билет на этот вечер, с придыханием сказал: "У вас девятый ряд. В вашем ряду будут сидеть Анатолий Чубайс и министр иностранных дел Андрей Козырев".

А может быть, время такое?! И шутам надоело почитание шутов?

Им, как и банкирам, сверхнеобходимо почитание власти?

О, гениальные шуты, не заблуждайтесь!!

Это народ, толпа славит вас, как великих лицедеев.

А власть празднует приручение шутов. Занавес!

ОЛИМП В ГУСТОМ ТУМАНЕ

По всем признакам в стране проявляются симптомы предвыборной лихорадки. Еще не эпидемия, но наличие вируса очевидно. Лужков форсирует создание центристского монолита. Гайдар, Чубайс, Немцов, Борис Федоров, Кириенко сосредоточились на правом фланге, где намерены зафиксировать факт формального объединения и рождения новой политической коалиции "Правое дело". Лужков проводит съезд московской диаспоры "Отечества". Правые - свою презентацию в "Президент-отеле". Девиз агрессивен и самонадеян - "Мы обречены победить!". В рисунке этих событий просматривается странная алогичность. Разумеется, направляющий и объединяющий тезис един для всех победить любой ценой. Где именно и в чем конкретно? Не в региональном масштабе, а на федеральном уровне? Как выиграть выборы? Мало иметь деньги...

Разумеется, деньги, мощный рывок "паблик рилейшенз", просчитанная в деталях и во времени тактика, ну и, конечно, предвыборная команда. При прочих равных это значимые составляющие, работающие на победу, но...

Это "но" во много раз значимее всех составляющих, вместе взятых. Точное определение своего электората. При сложившихся политических симпатиях и антипатиях это достаточно трудно, особенно для новообразованных партий и движений. Подобная проблема стоит перед лужковским "Отечеством" и тем более правым блоком младореформаторов. Когда вы слишком много теряете, надо знать хотя бы приблизительно, где и в чем вы можете найти компенсацию своих потерь. Тем более когда речь идет о власти, которой вы уже привыкли быть.

Декабрь. 19-е. Суббота.

Организационный съезд движения "Отечество". Дом союзов. 10 часов утра.

Что радует? Очевидный магнетизм Лужкова. Мэр излучает уверенность и этим зажигает зал. Лужков, конечно же, талантливый хозяйственник, управленец, которого ввергли в пучину политики. Что из этого получится покажет время. Отношение к столице - болезнь отнюдь не российская. Жируют, живут за счет провинции. Там власть, она жить бедно не любит. Нечто подобное вы услышите и во Франции, и в Японии, и в Аргентине - всюду. Столица выделяется, концентрирует денежные потоки, слепит глаза. И всякий столичный мэр - всегда претендент на общенациональный масштаб, естественно, если он личность деятельная и заметная. Заметным Лужкова сделала не индивидуальность политика, а индивидуальность управленца. Как и кто, помимо Лужкова, рискнет переплести эти состояния, чтобы политик не гасил незаурядного хозяйственника и управленца, не отвратил политизированный электорат?

Скорее всего, появление Ястржембского в команде предопределено имиджевой операцией портрета Лужкова. МИДовская школа, возглавлял департамент печати и информации МИД, посол в Словакии, пресс-секретарь президента. Задача Ястржембского, приглашенного в московское правительство на должность вице-премьера по международным вопросам и связям с общественными организациями, очевидна - приучить Запад к образу Лужкова, интегрировать его в сферы западной высокой политики. Под силу ли это Ястржембскому? Вопрос, не имеющий четкого ответа. Для того чтобы менять, корректировать чей-то образ, надо иметь свой. А вот здесь у Сергея Ястржембского явный недокомплект. Ястржембский - человек с размытой индивидуальностью. Подтянутый, аккуратный, педантичный, спортивный. С внешностью карьерного чиновника, внимательно разглядывающего себя в зеркале. Как человек амбициозный, он готов за это взяться, но ему будет все время мешать интерес к собственному образу.

И тем не менее. Проблема электората - ключевая для лужковского блока, как блока, только что стартовавшего. Предстоит уяснить, кто в Москве отдал свои голоса за Лужкова? Не глушить противника цифрами, а разбить на составляющие это многомиллионное "ЗА". Сколько врачей, пенсионеров, работников ВПК, интеллигенции. Сколько предпринимателей, учителей. Сколько молодежи. И без каких-либо изменений перенести эту кальку на федеральное пространство.

У кого Лужков должен отобрать голоса? Прежде всего у Зюганова. Один из политиков, стоящих в оппозиции к Лужкову (кажется, это был Немцов), злорадно заметил: "Зал Лужкова в возрастном отношении мало чем отличается от зала Зюганова. Основная масса - это люди старше пятидесяти". Кстати, это не только минус, но и плюс.

В целом, суждение хотя и упрощенное, но не лишенное здравости. Если Лужков должен потеснить электорат коммунистов, то сам Бог велел ему работать в массе этого электората. По этой причине похожесть зала.

Различие зала Лужкова, если это зал учредительский, в неодиозности. Там масса знакомых лиц. В зале Лужкова впечатляешься хозяйственным, управленческим и творческим потенциалом.

Вынужденно привлеченный к управлению демократами, так как сами демократы никогда не были властью и навык управления постигали у своих антиподов, Лужков и опасен для КПРФ тем, что он социально ориентирован. Не было случая, когда бы москвичам задержали выплату пенсий, политика же мэрских надбавок малоимущим и прозорлива, и понятна, и авторитетна. Снос пятиэтажек, переселение коренных москвичей в более благоустроенные новые дома - еще один козырь Лужкова в мире пожилых избирателей. Если Зюганов готов своим избирателям вернуть "вчера", то позиция Лужкова неизмеримо сильнее. Он уже показал, что может материализовать для стариков пусть убывающее, в силу их возраста, но все-таки "завтра".

Второй очевидный козырь Лужкова - малый и средний предприниматель. Тот факт, что 50% налогов Москвы платит торговля и сословие среднего и малого бизнеса, значим настолько, что Лужков может внушительно поколебать надежды на это сословие со стороны правых младореформаторов и уж тем более коммунистов. Там - декларации и заверения, что ради них и производились реформы, и если не получилось и 17 августа разорило сословие, то в этом не их вина, а вина предшественников, которые, кстати, тоже числили себя демократами, и азиатского финансового кризиса. А рядом Лужков, который в политическом противостоянии отыграл судьбу челноков для Москвы. Федеральная власть беспомощна в защите малого бизнеса хотя бы уже потому, что всякий свой провал в бюджетной политике пытается залатать усилением налогового бремени. И в результате мы получаем два критических итога: либо предприниматель разоряется, либо уходит в теневой бизнес. И в том, и в другом случае казна теряет законопослушного налогоплательщика.

У Лужкова, пожалуй, пока у единственного кандидата есть весомые позиции в ВПК и крупной промышленности. У Зюганова они тоже есть, но там позиции идеологические, "воспоминательные" о временах непререкаемой привилегированности ВПК в мире

хозяйственном и доктринном, и как итог обещание вернуть. Однако ответ на вопрос, что именно вернуть и как, коммунисты оставляют на послепобедную дискуссию.

В разговоре с директорским корпусом у Лужкова есть, разумеется, не два, а много больше, но два уж точно непобиваемых козыря. Это ЗИЛ и АЗЛК. Два автомобильных завода-гиганта, которые федеральная власть распластала и зарыла - заводы остановились. После аннулирования итогов прежних приватизационных авантюр и передачи заводов в ведение Москвы с выкупом контрольных пакетов их акций Лужков не просто реанимировал производство, он дал ему импульс динамичного развития в окружении повсеместного кризиса. Это тем более важно, ибо всякая кооперация вокруг мощного производства - это протоптанная дорога в регионы, которые, как принято считать, недолюбливают столицу. Не исключено, что директорский корпус на выборах пойдет не за теорией, а за практикой. Впрочем, ориентация на директорский корпус, как продуктивный механизм воздействия на подчиненных и избирателей, себя не оправдала уже дважды. Первый раз на первых президентских выборах, когда директора присягнули на верность Николаю Ивановичу Рыжкову и он сокрушительно проиграл Борису Ельцину. Второй раз на парламентских выборах 1995 года, когда Черномырдин загнал в свое движение весь чиновничий аппарат страны и получил опять же заверения директорского корпуса в поддержке НДР. Получился конфуз. Движение Черномырдина добилось сверхскромного результата (9,4 % голосов) и значимо проиграло коммунистам. Возможно, как в первом, так и во втором случае большинство директоров проголосовало за Рыжкова, а впоследствии за Черномырдина. Но этого однозначно не сделали подчиненные им рабочие.

Вопрос проникновения в толпу - вопрос кардинальный. Важна поддержка не директорского корпуса, а избирателей, работающих под его началом. Лужков как государственник, тяготеющий к патриотическим аттестациям, бесспорно, ослабил этот политический ресурс, сосредоточенный в закромах Лебедя и Зюганова. Антисемитский угар, который переживают необольшевики и, полагаю, который как катастрофу воспринимают Геннадий Зюганов, Алексей Подберезкин, Николай Рыжков, Анатолий Лукьянов, для Юрия Лужкова - подарок судьбы, который движение "Отечество" должно не промотать, как шальные деньги, и не превратить в пустолозунговый ажиотаж: "Ату их!" Это прекрасная возможность заявить свою концепцию национальной политики. Баркашов уже бросил запал в стан Лужкова, обвинив его в еврейском окружении.

Одна из уязвимостей Лужкова - его открытость, обретающая окрас драчливости, готовности ввязаться в любую потасовку. Журналисты провоцируют Лужкова, заставляя его отвечать на вопросы, которые, как им кажется, претендуют на сенсационность, хотя на самом деле это мешает Лужкову держать паузу - чрезвычайно продуктивный прием в серьезной политике. Лужков высказывается по всем вопросам, порой не успевая осмысливать целесообразность своих ответов. В этом случае он раб выбранного им образа открытого, более того, неравнодушного к вниманию прессы, а значит, зависимого от нее политика.

Разумеется, обилие знакомых лиц на всевозможных совещаниях, съездах, оргкомитетах, проводимых Лужковым, предмет особых раздумий. Меня не покидает чувство, что я это уже видел. Оно не обманчиво. Я это видел на съездах НДР. О чем идет речь? О паломничестве чиновников в лужковские залы. О внушительном количестве губернаторов и мэров. Разумеется, это подчеркивает основательные позиции мэра Москвы в Совете Федерации. Не исключено, что без особого желания самого Лужкова, объективно он составляет конкуренцию Егору Строеву, как главе российского сената. О Лужкова споткнулся бывший премьер Черномырдин. И хотя Лужкову в настоящей ситуации это не очень нужно, но он может усложнить жизнь Егору Строеву.

Последнее решение нижней палаты о газпромовских налогах, которые должно получать по месту производства, а не из центральной резиденции "Газпрома", усложняет финансовое состояние Москвы. Нижняя палата уже проголосовала за этот закон. Скорее всего, сенаторы, многих из которых раздражает успешность Лужкова, одобрят его.

И все-таки о чиновничьей переизбыточности на съезде. Как говорится, хорошие

чиновники - капитал весомый. Они управляют регионами, и это уже не мало. Лучше их иметь в союзниках, а не в противниках. Разумное откровение. Но именно обилие губернаторов и мэров позволяет пустить в пересуды расхожий логотип - партия власти. Именно эта констатация погубила на выборах 95-го года НДР. В происходящем есть некая алогичность. По своей внутренней сути Лужков - фигура самородковая и очень естественная, не отторгающая себя от общества, а буквально ныряющая в него. Достаточно вспомнить регулярные, как ход часов, субботние объезды города. Хозяин должен знать свое хозяйство в деталях, иначе он не хозяин.

Заверения ряда губернаторов о своей поддержке не лишены лукавства. Каждый губернатор отыгрывает свой интерес. При приближении выборов эта самость будет усиливаться. Надо застраховать себя от ложного оптимизма. Надо прорваться в толпу. Весь вопрос в том, что эти же самые губернаторы могут оказаться главным препятствием этому прорыву. Не предполагать, не просчитывать такой возможности было бы верхом безрассудства. Что же касается знакомости лиц нашей интеллигенции и всевозможных политических лидеров, полулидеров, как, впрочем, и мистификаторов, то их разнополюсность и радует и настораживает. Я многих из них видел в качестве интеллектуального шлейфа Горбачева, затем упоенно поддерживающих Ельцина, не чуждых В.Черномырдину, Е.Гайдару и А.Лебедю. Теперь они в лужковской аудитории. Это не укор и не упрек. Если угодно, это разновидность преемственности. Иосиф Кобзон предложил в качестве девиза движения "Отечество" слова "Последний шанс". Лужков подумал и не согласился. Наверное, увидел в этих словах что-то отчаянное, предпохоронное. Но логотип Кобзона символичен. Он очень точно определяет усталость интеллигенции. Надоело обманываться в надеждах, страдать от своей доверчивости.

Интеллигенция и власть - это особая тема. Творческая интеллигенция, да и всякая другая, свою значимость, свою необходимость обществу исчисляет отношением к ней власти. Что особенно очевидно сейчас. Лидеры политических движений и партий растаскивают интеллигенцию.

В 92-м году в моменты наивысшего напряжения в отношениях между президентом и парламентом Хасбулатов, тогда Председатель Верховного Совета, собрал интеллигенцию. Пришли те, кого не пригласил Ельцин. Разумеется, среди тех, кто пришел, были и те, кто относился к Ельцину враждебно, кого события 91-го лишили если не всего, то очень многого. Других привела обида, боязнь оказаться незамеченным, пропущенным, и для них уже не важно, какая власть позовет - правая, левая. Важно главное - позвала власть. Популярность и значимость - понятия хотя и близкие, но достаточно отличные друг от друга. Скажем, популярность попсовых пророков велика, на их концерты ломится молодежь - "Голосуй, а то проиграешь!". Но они не значимы для общества, для развития страны, как Иннокентий Смоктуновский или Марк Захаров. Хотя бы потому, что это, скорее, товар, который легко покупается и продается. Это поток, лишенный отбора, селекции. Кого-то раскрутили, кого-то нет. И талант исполнителя, его образованность в этом случае даже не во-вторых или в-третьих, а в-двадцатых. Их язык скуден. Они подражательны по сути, даже будучи чрезвычайно индивидуальными, как, например, Гребенщиков. Но все равно, если быть честным - они вторичны, они эпигоны. Их не интересует отношение к ним власти. Они работают на инстинкты толпы, они погружают тысячные молодежные тусовки в транс во время своих концертов, в транс упрощенного постижения, не напрягающего, а расслабляющего мозг. И дело не в одурачивании толпы. Они, эти идолы, не обманывают, хотя многие их в этом упрекают. Они работают в поле своего навыка и своего интеллекта (а он скуден), они тоже не умеют мыслить. Они сами работают на уровне видимой добычи, уровне инстинктов. Они вне культуры, интеллигентности, они представители шоу-бизнеса. У них другой общественный позыв. Наиболее успешные и удачливые среди них хотели бы числиться в рядах интеллигенции, им нравится, когда власть оглядывается на них. Но это чуть позже, по прошествии шальной молодости. А пока им нужна власть, которая защищает не культуру, - Бог с ней, - а бизнес! Они не обременены политическими терзаниями: с кем, за

кого?.. Все проще и прагматичнее. Мы тебе нужны? Нет проблем - гони бабки. Ельцин обернулся, Ельцин позвал их на выборах 96-го года, он сменил первых на вторых. Разоренная культура утратила свое влияние на общество. Президенту нужны были голоса, а не аттестация чистопородности и просвещенности монарха. Вторые могли развеселить. Помочь забыться. Они не беспокоили разума. В этом и было их главное превосходство над первыми.

Власти провели ротацию идолов. Ельцину надоела интеллигенция, которая вечно что-то просит, на чем-то настаивает и досаждает своими приставаниями и плачем о бедственном положении культуры и науки. Эти умники, претендующие на роль пророков, раздражали царя. И окружение Ельцина решило сделать подмену культуры. Именно тогда Ельцин произносит свои знаменитые слова о народном телевидении, как напутствие новому председателю российского телевидения Эдуарду Сагалаеву. И известный представитель шоу-бизнеса соглашается с трактовкой президента. "Хватит о мрачном. Надо, чтобы у экранов народ отдыхал, а не возвращался мыслями к невзгодам жизни". Разумеется, расшифровка этого напутствия - не пересказ слов президента, а слепок того, во что превратилось государственное телевидение после подобных президентских волеизъявлений. Нация стала играть, смеяться, сопереживать боевикам, сексуальным маньякам на экране. Нация переместилась в виртуальный мир.

Мощный десант шоу-звезд на предвыборную площадку в 96-м году под девизом "Голосуй, а то проиграешь!" вроде как взбудоражил молодежь. Не просветил, а именно взбудоражил, перевел из одного кайфа в другой, но сколько молодых после этих шоу-инъекций оказалось на избирательных участках? Этот вопрос остается безответным. Ни одно социологическое исследование не дало убедительных доказательств эффективности этой психотерапии. Когда бы из 20 опрошенных хотя бы двое заявили, что пошли голосовать за Ельцина после концерта Лады Дэнс, Татьяны Овсиенко или Аллегровой...

Президент и его команда сделали ставку на другую культуру. Это горькое признание воспринималось интеллигенцией болезненно. Хотя многие из ее числа голосовали в 96-м году за Ельцина, голосовали вынужденно. Есть ли ответы на эти вопросы? И так ли они важны нынче? Идея участия звезд шоу-бизнеса в избирательной кампании принадлежит Александру Коржакову, а затем ее по инерции использовал Анатолий Чубайс, поддержала Татьяна Дьяченко. Власть выбирает ту культуру, которую она понимает. Теперь, по прошествии времени все чувствуют себя одураченными: и интеллигенция, и шоу-звезды, и культура, и молодежь.

Это небольшое отступление в недавнее прошлое необходимо, чтобы понять закономерность мелькания одних и тех же лиц. Истолкуем это как преемственность, точнее, как обратную сторону преемственности. Интеллигенция в силу своей наибольшей, по сравнению с другими слоями общества, образованности, предрасположена к сомнениям, разочарованиям. Для любого лидера интеллектуальное окружение - фактор, определяющий долголетие его лидерства. В этом случае, заполняя залы приемов людьми известными и достойными, власть берет взаймы их популярность, создавая некую иллюзию в сознании сограждан, что все эти уважаемые талантливые персоны, конечно же, поддерживают эту власть, что следует делать и их многочисленным поклонникам.

В этом месте нестыковка звеньев. Популярность и интеллект - понятия никак не тождественные. Популярность вне интеллекта встречается гораздо чаще, чем по причине такового. Мы уже говорили об историческом самообмане русской, а позднее советской интеллигенции, которая свою общественную значимость исчисляла по шкале своей нужности власти. И если власть проявляет к ней безразличие, интеллигенция всегда впадает в истерику: "Страна забыла нас". Ничего предосудительного в таком поведении нет. Если поверить в тезис, что власть избирается народом и тот же самый народ власть нанимает, доверяя избранным ее сформировать, в этом случае, опять же теоретически, власть отражает интересы общества, когда втягивает интеллигенцию в процесс управления государством. На самом деле все выглядит не так схематично и просто. Меня не позвали, значит, меня нет.

Я вспоминаю два прощания, которые привели в свое время высшую власть в смятение.

Это похороны Василия Шукшина и Владимира Высоцкого. Как в первом, так и во втором случае власть никак не могла понять, что такое сверхнеординарное произошло и по какой причине собрались эти километровые и многотысячные толпы людей. Они допускали: Высоцкий был хулиган, народу это нравилось и вот они пришли. Но чтобы такое количество, способное парализовать движение в городе? Это вне здравого понимания. Это придуманная слава и придуманный ажиотаж - рассуждала власть. "А Шукшин, - сопел мне в ухо высокий чиновник Александр Камшалов, - ну что такое Шукшин? Один из числа - только и всего. И не самый, самый. Это ведь не Шолохов, не Толстой. Просто его знают многие как киноактера... Из-за любопытства пришли".

Тягостное откровение власти - процесс взаимообратный. Теперь уже власть в своем многотысячном чиновничьем исчислении полагает: раз она не приглашала, не замечала, не награждала - значит, этих неприглашаемых и незамечаемых попросту нет. Как же похожи рассуждения начальственной интеллигенции и рассуждения власти, измеряющей значимость интеллигента фактом своего властного внимания к нему. И неминуемый сердечный приступ не обласканного, узнавшего, что на его столе нет приглашения на торжественный прием. И раздирающий вопль подраненной души: "Обо мне забыли, меня нет!"

Почему же те же самые лица? В 87-м на приеме у Горбачева. В 92-м на приеме у Ельцина, в 1997 году на съезде НДР. В 98-м на съезде "Отечества".

Ответ прост. Надежды живут дольше, чем властвуют президенты и премьеры, надежды желают быть исполненными, они ищут своего бога. Геннадия Хазанова устраивал Горбачев, он дружил с Коржаковым и просил театр у Лужкова. Хотя общеизвестно, что Ельцин терпеть не может Горбачева, а тот ответно сверхотрицательно относится к Ельцину. Коржаков самозабвенно поносит Лужкова. Что стоит за этим - беспринципность эстрадного кумира, а может быть, одинаковость вкусов власти? Как версия допускается любое суждение.

Если же говорить серьезно, это бесспорный прогресс и свидетельство демократических глубинных перемен в философии власти. Власти интересны не только Геннадий Хазанов или Игорь Крутой, хотя она с удовольствием смеется над сатирическими монологами первого и не возражает, чтобы ее дети боготворили второго. Главное в другом - власть интересует зал: зрители, слушатели. Ей они понадобятся в момент выборов. Власть интересует народ. Она хочет его использовать. Демократический прагматизм - так это называется.

* * *

Последние дни уходящего 1998 года.

"Еще одна неординарная неделя".

Событие № 1. Примаков добился утверждения бюджета на 1999-й год в первом чтении.

Событие № 2. Встреча президента с руководителями трех общефедеральных телевизионных каналов.

Событие № 3. Отклонение земельного кодекса парламентом. Для развития экономики страны это ощутимый удар. Федеральная власть теряет один из самых мощных рычагов управления страной - земельные отношения. Еще одно подтверждение истины - России управление в форме парламентской республики противопоказано.

Любопытно, что в разряд событий попала сверхординарная встреча президента с руководителями трех телеканалов. Формально тому причиной был финансовый скандал вокруг ОРТ, когда судебные приставы стали описывать имущество компании, включая мебель в счет погашения долгов. Заговорили о банкротстве ОРТ. Скандал истолковывали по-разному. Началось вытеснение Бориса Березовского. Примаков раз и навсегда решил пресечь вызывающую оппозиционность на ОРТ по отношению к правительству. Компания защищалась как могла. План защиты был прост. Долги есть следствие срыва финансирования телекомпании со стороны государства. Следовательно, это не долги компании, а долги государства самому себе. Попытка взнуздать Бориса Березовского как самого крупного частного акционера ОРТ и таким образом получить деньги успеха не имела. Откровение Березовского было мрачным: "Наш канал всегда работал с убытками. Долгое время его финансировал только частный капитал. Он брал на себя ответственность, понимая все

значение ОРТ, пока была возможность кредитовать его за счет других прибыльных направлений бизнеса. Теперь косвенных источников финансирования не существует, а попытки взять кредит банки встречают вопросом: почему бы вам, как государственной компании, не взять кредит у государства?"

Березовский не скрывает, что у государства есть только два выхода: либо дать деньги, либо передать часть государственного пакета другому собственнику, а проще говоря, в частные руки. Но это, считает Березовский, не будет решением проблемы. Когда ОРТ в очередной раз окажется в финансовой яме, ему потребуется новый кредит, а значит, операция по изысканию средств будет иметь зеркальное повторение: либо - либо.

Государство в лице госимущества отреагировало незамедлительно: при организации ОРТ государство уже внесло сверхвнушительный пай. Его не надо было проедать.

Сейчас президенту придется расплачиваться за все те глупости, которые навязаны ему Борисом Березовским и стреноженным им окружением Ельцина. Ельцин является главой попечительского совета ОРТ. Факт достаточно бредовый, но он остается фактом. Это льстивое аппаратное решение, придуманное тем же самым Березовским, для авторов акционирования ОРТ имело одну цель - получить право безнаказанно грешить.

Но политическим событием эту встречу сделал не финансовый кризис телекомпании и не агрессивные наскоки коммунистов с требованием замены руководства ВГТРК, введения наблюдательных советов во всех без исключения телерадиокомпаниях. Ничего подобного. Событием встречу сделали рассуждения президента о предвыборной кампании и о тех кандидатах, которые излишне спешат, и, как сказал президент, "рвутся впереди паровоза", и еще до официального объявления избирательной кампании уже ее ведут.

"... Я лично думаю, что это его ошибка. А с другой стороны, это хорошо, что люди его лучше узнают, они его раскусят". Президент не сказал "их", не употребил множественное число. Президент сказал "его", сказал нацеленно в адрес одного человека. С точки зрения большой политики это еще один просчет президента, оказавшегося в плену своей подозрительности, всячески нагнетаемой и семьей, и окружением президента. Президент никак не закамуфлировал эти свои слова, а сказал их в лоб, чем выдал собственное авторство. Вряд ли сказанное можно расценить иначе, чем слова-предостережения, слова-угрозы. И тотчас же пресса взорвалась вопросом: кого имел в виду Борис Ельцин?

Естественно, в поле зрения оказался Юрий Лужков. Он неделей раньше провел учредительный съезд своего движения. Провел внушительно, с четким обозначением своей позиции, которая вызвала неадекватную реакцию Кремля. Самое досадное, самое удивительное, что президент, обвиняя кого-либо в преждевременном старте, забывает, что глава его собственной администрации той же самой неделей ранее собирает совещание представителей президента в регионах. На обсуждение присутствующих предлагается два вопроса: подготовка к выборам в Думу в 99-м году и к выборам президента в 2000 году. Из чего следует, что Николай Бордюжа боится опоздать. И правильно боится. Так как понимает, что 19 декабря заканчивается регистрация партий и движений, имеющих право принять участие в выборах. И это самое завершение регистрации и есть негласный старт. До выборов остается год. Глава администрации президента это здраво подтвердил. В данном случае весь мини-монолог президента состоит из двусмысленных фраз, хотя и вполне очевидных. Прочтем их более внимательно: "...с другой стороны, это хорошо, что люди его лучше узнают, они его раскусят".

Вывод первый. Враждебность президента к этому "некто" очевидна. Понятие "раскусят" носит разоблачающий смысл. Наш президент говорит мало и скупо. Это создает некий дефицит смысла. Его пытаются достать, извлечь. Если не получается ни первое, ни второе, его стараются придумать. Радость президента по поводу того, что "люди его узнают... и раскусят", не скрывается. Так как и то, и другое итожится в самом начале словами "...с другой стороны, это хорошо...". Иначе говоря - что хорошо президенту, плохо кандидату. И наоборот, что хорошо и удачно для кандидата, не нравится президенту.

Во всякой главенствующей речи, не лишенной смысла, есть три составляющие: кем она

произносится, когда и в какой аудитории? Характер аудитории отвечает на вопрос: какие процессы инициирует всевышняя речь? Аудитория была малочисленной, но значимой. Президент разрешил, дал команду "фас!". Можно кусать, рвать на части этого "некто".

Президент, как ему кажется, начинает главную интригу завершающей стадии своего правления. А если это так, то угадывается иной смысл ротации президентской администрации, как и вовлечения в круг прямого президентского управления еще двух ведомств: налоговой полиции и Министерства юстиции. Вряд ли президент верит, что переподчинение налоговой полиции прольет долларовый дождь в бюджетную корзину. Не потому и не для того столь неожиданная рокировка. Президент верен своей тактике противовесов. Если налоговая служба под премьером, то налоговая полиция под президентом.

Примаков принимает вызов и делает ответный ход - усиливает управленческую масштабность налоговиков. Теперь это не инспекция, а Министерство по налогам и сборам. Но это все частности. Скрытая причина переподчинения никакого отношения к якобы переаттестации этих ведомств в силовые структуры не имеет. Президент не первый раз самочинно нарушает Конституцию. В нашем случае это сделано буквально походя. И не когда-нибудь, а в преддверии выборов. И уже нет сомнения, что оба ведомства - и налоговая полиция, и Министерство юстиции будут использоваться президентом во время предвыборных баталий как некие регуляторы, усиливающие политическое и компрометирующее давление на ту или иную фигуру, участвующую прежде всего в предвыборном президентском марафоне.

Ельцин ревнив. Лужков слишком популярен, считает президент. Лужкова надо осадить. Осадить Зюганова Ельцин не может. Зюганов - непримиримая оппозиция. А Лужков другое дело. Лужков, в понимании нашего президента, человек из его свиты, позволивший себе выскочить вперед. И на шаг, а то и на два опережающий с трудом передвигающегося одряхлевшего царя.

Почему же происходит то, что происходит? Скрытое неприятие окружением президента Юрия Лужкова имеет давнишние корни. Было бы неверным считать, что президент, чувствуя это неприятие, своими поступками и решениями осложнял жизнь мэра столицы. Этого не было. Считалось, что президент единственный среди настоящей власти понимает и отдает себе отчет, что такое Москва в условиях непростого демократического развития страны. Политическое прошлое Ельцина было связано с Москвой. И именно Ельцин, будучи первым секретарем горкома партии, ввел Лужкова в акваторию московской политики.

Лужков, Москва, политическая стабильность в столице, устойчивое экономическое состояние десяти миллионов горожан - все это едва ли не самые весомые гаранты президентского правления в стране. Ельцин никогда не испытывал сверхсимпатии к Лужкову. В этом нет сенсационного открытия. Естественное состояние ревности высшей власти. Ельцин ценил Лужкова, отдавал должное его управленческому таланту и способствовал его управленческой самостоятельности. Положение резко изменилось с началом осени, когда Лужков отказался внять уговорам президента и поддержать повторное выдвижение Виктора Черномырдина на пост премьера. Ельцин этого не забыл.

Разумеется, трения начались намного раньше, с момента появления в ближайшем окружении президентской семьи Бориса Березовского. Но и до этого атмосфера лужковско-ельцинских отношений не была идеальной. Резко и остро интриговал против Лужкова Коржаков, подсаживал под Лужкова своего человека из ФСБ после отстранения Севастьянова. Боролся против Лужкова и Сосковец. По властным коридорам бродил небезосновательный слух, что Сосковец метит на место Лужкова, но есть одна небольшая закавыка - как убрать Лужкова? Уже тогда в спешном и всеобъемлющем масштабе эти порочные в своей основе силы собирали на Лужкова компромат, который должен был оказаться настолько значимым, что можно было бы отстранить мэра до истечения срока его полномочий или, на худой конец, до конца расследования, а после ввести в Москве прямое президентское правление и поручить это дело первому вице-премьеру правительства.

Сейчас все настроены искать ответ на вопрос: какую и когда сделал ошибку Лужков? Разумно ли было столь категорично отказывать в поддержке Черномырдину? Надо ли было отвечать на провокационные вопросы относительно очередной болезни Ельцина? Какая была необходимость столь категорично и регулярно муссировать идею пересмотра итогов приватизации "по Чубайсу"?

Можно пойти еще дальше - заговорить о небезгрешности лужковского окружения. Дескать, если собственный тыл неидеален, тогда зачем? Действительно, зачем? Все шаги Лужкова чрезвычайно свойственны его характеру. И ответ на поставленные вопросы - почему Лужков поступал именно так, а не иначе? - мне представляется вполне очевидным и даже простым.

Чтобы идти дальше, прорвать заслон перманентных кризисов.

Кто-то скажет: это ответ не политика. Он слишком очевиден и незащищен. Возможно. Лужков всегда и везде, во-первых, хозяин (а настоящий мэр иным быть не имеет права), а во-вторых, по вынужденности политик.

И возвращение Виктора Черномырдина, который, по сути, подвел страну к дефолту. И разговоры о тенденциях промышленного роста, которые, по утверждению правительственных чиновников, были настолько малы, что находились в пределах статистической ошибки, на самом деле являлись разновидностью блефа, так как несопоставимы с затратами на латание дыр бюджета, ради чего и брались очередные кредиты МВФ. Не под новые технологии, способные обеспечить будущий рывок, а на зарплату рабочим, в том числе и приватизированных предприятий, которые после приватизации и должны были обеспечить этот самый рывок.

И перманентное нездоровье президента, лишающее страну деятельной президентской власти. Идею импичмента подогревали не ошибки президента, возводимые непримиримой оппозицией в ранг преступлений. Это инерция ненависти коммунистов, попытка взять политический реванш. Однако эта идея прогрессирует, захватывает все новых сторонников, далеких от воззрений КПРФ. И причина импичментомании совсем другая. Президент такой страны, как Россия, должен, обязан много работать, а не свидетельствовать своим очередным появлением в Кремле единственный факт - я выздоровел.

И наконец, приватизация, не давшая ни денег, ни импульсов развития страны.

Все три составляющих - это тормоз, непомерное препятствие в движении вперед. Не говорить об этом, не противодействовать этому и есть ошибка политика, которому общество обязано будет задать вопрос: а где вы были раньше?

Давайте перевернем пирамиду, посмотрим на ситуацию под другим углом. Какую ошибку совершает президент, концентрируя свою, теперь уже плохо скрываемую неприязнь на Лужкове? Что за этим стоит? Обида за критику, которую высказал Лужков на съезде, посчитав ошибочным и катастрофичным для страны курс макроэкономических реформ, под знаком которых прошли последние семь лет? А ведь это был курс президента. Это был его выбор. Отчасти это объясняет слова президента, как и действия, которые непременно последуют за ними. Должно же что-то свидетельствовать, что президент выздоровел. Людей, работающих с Ельциным, как и противостоящих ему, постоянно подстерегают две опасности - переоценить здоровье президента либо переоценить нездоровье и немощь. Это постоянное неугадывание - причина большинства кадровых потрясений.

Несколько частных, но значимых уточнений. Рабочий график президента соединяет два противоречащих друг другу начала. С одной стороны, он однообразен, с другой - спонтанен и хаотичен. У президента не было и нет системы управления страной. В большей части это нечто среднее между монархическими традициями и обкомовской практикой. Кто-то скажет, постоянство в пренебрежении системой - это тоже система. Управление по Ельцину - это сумма президентских привычек, типа привык рано вставать, не любит длительных обсуждений, не терпит опозданий, приемлет лесть, считает непредсказуемость президентских поступков своим главным управленческим открытием.

Царь - помазанник Божий, отсюда эта пирамида, власть над властью. Взгляд

небожителя. По той же причине барственная фраза, подсказанная президенту услужливыми холопами: "Не царское это дело!" Вообще, основополагающим профессиональным принципом партийного руководства всегда был факт колоссального объема работы, который выполняло первое лицо. Не будем сейчас рассуждать, насколько был продуктивен этот стиль, я говорю о принципах управления. Практика партийного руководства и любого другого управления эффективна, когда укладывается в формулу трех измерений: система, перспектива, контроль. Естественным пересечением этих измерений в единой точке в обкоме, ЦК было первое лицо. И как логическое исходное масштаб ответственности, громадные нервные и физические нагрузки, ненормированный рабочий день. От обкомовских норм у Ельцина осталась привычка "спрашивать", вызывать на ковер - извращенное толкование действенного контроля. И больше ничего. Сам президент продолжает оставаться вне любого дела, иначе говоря, вне его сотворения. Этот стиль "неучастия" в понимании президента тождествен объективности высшего лица, его праву непредвзято судить. Президента готовят к встречам по принципиальным вопросам. У него хорошая память. Это создает впечатление информированности высшего лица. Так ли это на самом деле?

Стало опасной похожестью после встречи с президентом сообщать журналистам о его хорошем самочувствии (хотя накануне он отменил визит в некую страну); о его неоспоримой работоспособности (хотя два предыдущих дня он отсутствовал в Кремле и работал с документами в своей загородной резиденции); о точности и глубине задаваемых вопросов, что позволяло собеседникам делать вывод: президент владеет всеобъемлющей информацией о положении дел в армии, на телевидении, в судебной системе, международной политике, банковском деле. Не ставлю под сомнение эти оптимистические заявления высоких чиновников. Хотя, адресуясь к собственному опыту (а встреч с президентом у меня было более чем достаточно), я сталкивался с прямо противоположным. Президент всегда находился в информационном вакууме. А если и располагал информацией, то это была информация по большей части спецслужб и президентского аппарата. Причем и та, и другая строго программировалась на соответствующее настроение президента, которое, в свою очередь, продуманно инициировалось тем же самым окружением. И ничего общего с предметным пониманием дела эта информация не имела. Реакция президентских собеседников, как и лиц, приглашенных с отчетами о проделанной работе, тщательно отслеживается, что исключает какие-либо впечатления, кроме оптимистических и жизнеутверждающих: бодр, владеет ситуацией, выглядит много лучше, чем месяц, год, пять лет тому назад... Лица, менее зависимые от воли и каприза президента, но тем не менее оказавшиеся в поле его внимания, соблюдают установленные правила игры: после встречи с президентом, независимо от его состояния, "о президенте либо хорошо, либо ничего".

После последней встречи президента с руководителями трех федеральных телевизионных каналов гендиректор НТВ Олег Добродеев весь свой комментарий посвятил теме президентского здоровья и выполнил это действо почти в восторженных тонах, сообщив, что такого здорового и жизнерадостного президента он не видел ни в 94-м, ни в 95-м году. Но было бы неверно эти слова истолковывать всегда как дань должностной зависимости. Очень часто они, скорее, дань убеждениям, нежеланию подыгрывать непримиримой оппозиции, обуреваемой ритуально-мистической страстью как можно скорее похоронить президента.

* * *

И настойчивые советы президенту создать свою партию остались без внимания по той же причине. Идея не вписывалась в ельцинскую концепцию правления. Хотя более правильно утверждать, что концепции никакой не было. А вот наличие партии заставило бы президента ее иметь.

Создание президентской партии - это еще одно поле претензий к президенту, еще один круг функциональных обязанностей теперь уже лидера партии, чего Ельцин тщательно избегал. Президентская партия имеет смысл, если ее лидера избирают президентом. А если он на выборах проигрывает? Поэтому, и только поэтому в 94-м году президент сделал

обходной маневр, предложив создать два политических движения, лояльных президенту. Одно должен был возглавить Виктор Черномырдин, другое Иван Рыбкин. Подчеркнем, не президентскую партию! А два движения, лояльных Борису Ельцину, как прообраз двухпартийной системы на манер США. Что из этого получилось, мы знаем. Сейчас, на старте новых парламентских выборов, эта идея переживает свой драматический финал. Движение "Наш дом Россия", возглавляемое экс-премьером Черномырдиным, названное в 95-м году "партией власти", находится в состоянии подавленности, если и преодолеет 5%-й барьер на выборах 99-го года, то ценой невероятных усилий. Нет очевидной социальной опоры. Есть реальный Черномырдин (тот, что с ярмарки), и есть молодой Рыжков, который нравится Никите Михалкову, но больших дивидендов пока не имеет, так как идеологически абстрактен и политически невесом.

Исходя из подобной управленческой хаотичности трудно логически просчитать и объяснить, почему президент решил встретиться с тем или иным лицом. В этот перечень не попадают обязательные встречи с премьером, которые идут строго по графику. По сути, других обязательностей просто не существует. Иные встречи порождаются критической вынужденностью поднять президента во весь рост и заявить, что он в стране есть. Подобный стиль управления страной чрезвычайно уязвим. Мало работающий президент, не задействованный как ключевая деятельная фигура на пересечении самых жгучих проблем государственной жизни, не может быть гарантом стабильности, процветания и благополучия страны.

Превращение России в парламентскую республику пагубно. Однако необходимость президентской власти доказывается ее эффективностью, а значит, настойчивым и созидательным президентским трудом. Других доказательств в пользу президентской республики просто не существует.

* * *

Появление в Москве белорусского президента в предпоследнюю неделю декабря из той же спонтанной серии. А затем переговоры, а затем широковещательные заявления о единой денежной единице, о создании союзного государства. Время для объединения не самое лучшее. Это понимают все: и противники, и сторонники объединения. Но происходит то, что происходит. Обыгрывается, детально обсуждается не целесообразность союза, а доказывается что-то почти мифическое - работоспособность выздоравливающего президента России. Отношение к случившемуся событию сверхсдержанное. В осадок выпадает единственная содержательная мысль, которую вяло начинают обсуждать: может или не может Александр Лукашенко стать президентом объединенного государства?

Предновогодние заботы мешают думать. А ведь суть затеи совсем в другом - продлить ельцинскую значимость в любом ином качестве. Президент никому не верит. Ему нужны гарантии своей безопасности на будущее. Такие гарантии дает только обладание властью. Цель ясна, но как ее достичь, когда в России твой президентский срок последний? Два объединенных парламента при нынешнем составе Государственной Думы этого сделать не дадут. Вывод очевиден - надо избрать другую по составу Думу и тогда... Тогда тоже остается много вопросов. Президент Белоруссии, несомненно, переизберется на второй срок - оппозицию он свел на нет. В России тоже пройдут выборы. Победу одержит лояльный Ельцину человек. По замыслу президента, как говорят на этот час, им может оказаться... Употребим отточие. Социологические опросы называют Примакова. Надолго ли? Президент не говорит ни "да", ни "нет", все ясно только относительно Лужкова - никогда!!! И вот тут жирный знак вопроса. Замысел слишком расплывчат. Он, возможно, и есть, но он малореален. Любой человек, названный президентом в качестве преемника, при столь низком общественном авторитете самого Ельцина станет черной меткой. Отсутствие очевидной кандидатуры в президентском шатре подтвердили суетно-смутные высказывания Березовского на этот счет. Дескать, он надеется, что в течение последнего года появится человек, который будет принят большим бизнесом и поддержан им в качестве кандидата в президенты. К этому времени при благоприятном стечении обстоятельств Ельцин уже

формально может занять еще один ритуальный пост - почетного президента объединенного союзного государства. А дальше? Дальше - как по писаному.

Новый российский президент подтверждает свою лояльность Ельцину и выступает за сохранение его в качестве ритуального лидера двустороннего союза. Ну а к следующим президентским выборам, которые могут произойти уже в объединенном государстве, Лукашенко созреет и выдвинет свою кандидатуру. Разумеется, все это пока фантазии. В них есть и наивность, и авантюризм, и кураж. Иначе говоря - некая виртуальная действительность. Автор в эту гипотезу не верит. Однако кураж не зависит от воззрений и потому автор восклицает: пусть будет кураж! Союз Белоруссии с Россией необходим Лукашенко, как компенсация кризиса, экономических трудностей, международной политической изоляции, а значит, и социального дискомфорта, в зону которых угодила Белоруссия. Хрестоматийная ситуация - неуспехи во внутренней политике заставляют лидера искать равновесный положительный потенциал в политике внешней. Вспомним М.С.Горбачева. Как только перестройка забуксовала, началась сверхэнергичная деятельность Горбачева в сфере внешней политики. Хотя в той же Белоруссии в канун нового года объявлено о повышении заработной платы бюджетникам, этот шаг правительства, скорее всего, носит упреждающий характер. Отношения с Западом достаточно прохладные, и российский рынок - спасение для Белоруссии. Лукашенко это понимает и поэтому спешит. Перед новыми выборами ему необходимо положительное сальдо.

Александр Лукашенко - тема особая. Говорить об этой политической фигуре на бегу не имеет смысла. Если он станет реальным действующим лицом внутренней российской политики, мы к этой теме вернемся. А пока обратим внимание всего на одну знаковую частность. Лукашенко, в отличие от большинства президентов бывших союзных республик, не имел партийного прошлого, более того, не имел практически никакого политического опыта до избрания на высшую государственную должность.

О чем не устают повторять экскурсоводы перед памятником Аврааму Линкольну? В Америке любой гражданин может стать президентом. Даже чистильщик сапог.

98-й год уходит в историю. По традиции 30 декабря в Кремлевском дворце новогодний прием устраивает мэр столицы. Собирается все политическое руководство страны. Так было при советской власти. Эта традиция сохранилась и теперь. Завершающий штрих года - президент на приеме отсутствует. Присутствует супруга президента. Чтобы как-то сгладить неловкость, тележурналисты берут у нее интервью. Лицо у Наины Иосифовны спокойное, хотя и усталое. Улыбка тоже получается усталой. Не хочется отвечать, почему нет Ельцина. Любой ответ не в состоянии исключить домыслов:

- Год был едва ли не самым трудным, начиная с девяностого года. Нервные перегрузки сказались и на президенте. Все происходящее президент очень близко принимает к сердцу (Переживает? - уточнили журналисты). Конечно, переживает, - отвечает супруга президента.

Последняя фраза непосредственно о встрече Нового года.

- Как всегда, дома. Вместе с семьей. Семья большая - дети, внуки. Все соберутся за одним столом.

Юрий Лужков произносит главную речь. Смысл сугубо лужковский.

- Мы великая страна. Мы можем и должны жить лучше. Надо проявить волю и поднять страну.

Последняя фраза адресная. Ответ за правительством.

Примаков еще раз доказывает, что он человек с хорошим чувством юмора. На речь Лужкова он отвечает анекдотом:

- Муж возвращается из командировки. Вместо пятницы приезжает в четверг. Застает жену в обществе любовника. Бросается к письменному столу, выхватывает пистолет, убивает любовника, затем жену. Потом стреляется сам. Сосед рассказывает печальную историю милиции. Тяжело вздыхает и говорит:

- Вот так ... А ведь могло быть еще хуже...

- Хуже? - переспрашивает следователь. - В каком смысле?

- А если бы он вернулся в среду...

Будем надеяться, - заключил Примаков, - что среды у нас уже больше не будет.

И все-таки о возможных причинах отсутствия Ельцина на приеме. Их две: недомогание либо нежелание оказаться за одним столом вместе с мэром Москвы в силу возникшей натянутости в их отношениях. Если учесть, что именно 30-го президент записывал свое новогоднее обращение к народу, то...

Действительно, 31 декабря в 23.55 президент выглядел терпимо, но хуже, чем можно было ожидать. Опять хрипловатый голос. К концу выступления голос выровнялся. Вывод профессионала: зная президента и поведение его окружающих, могу допустить, что дочь Ельцина, а именно она патронирует выступления отца, не стала рисковать и делать дубль записи. Из-за опасения, что получится хуже.

Будем надеяться на лучшее, хотя после Нового года можно ждать сюрпризов с президентским самочувствием. И непонятно, какое предположение лучше. Если нездоровье, то ситуация при всей непредсказуемости предсказуема. Уже хорошо понятно, кто и что скажет по этому поводу. Вообще колебаниями своего самочувствия президент добился некой стабильности. Состояние его здоровья перестало влиять на курс рубля. И если такой сбой со здоровьем, не дай Бог, произойдет, то у президента есть время восстановить самочувствие до конца парламентских каникул.

Второе предположение менее исследовано. Объявлять войну Лужкову безрассудно. Произносить тост за Москву, а значит, за Лужкова, говорить какие-то располагающие слова президенту не хотелось. Да и не поверит этим словам никто. Лучше выдержать паузу. Пусть поломают голову, почему президент не приехал. Лужков, возможно, и не подаст виду, но настроение я ему испорчу. Во всяком случае, впредь в своих высказываниях он будет осторожнее. Наина женщина наблюдательная. Все, что положено увидеть, она увидит и поймет. Так что, отсутствуя на приеме, я ничего (или почти ничего) не теряю.

Занятие угадывать мысли президента неблагодарное, но интересное. То, что президент размышлял по этому поводу, нет сомнения. Как, впрочем, нет сомнения и в том, что он советовался. И кто-то с доводами президента согласился или был вынужден согласиться. Он мог предупредить и Лужкова. Этот штрих ничего не меняет. Президента на приеме не было. Был Примаков. Два возможных конкурента образца 2000 года сидели рядом. Достаточный повод, чтобы порассуждать и задуматься. Мэр на приеме был энергичен, гостеприимен и даже весел. И только удобно устроившись в машине, которая доставила его домой, он позволил себе вернуться к навязчивому вопросу: почему?

* * *

В своем докладе на учредительном съезде "Отечества" Юрий Лужков буквально сказал следующее: "России не нужна парламентская республика. Но безраздельная власть президента должна быть введена в приемлемые границы". И далее об изменениях, которые должны быть сделаны в Конституции. Съезд, как известно, проходил 9 декабря 1998 года. А 12 декабря, на приеме, посвященном Дню Конституции, президент высказался против пересмотра Конституции и предупредил, что любые изменения или дополнения в нее должны тщательно обдумываться и вноситься с большой осторожностью. На этом приеме Лужков отсутствовал, он в это время был в Швейцарии по поводу проведения Олимпийских игр в Москве. Отсутствие Лужкова президентом было замечено, хотя бы уже потому, что на нем отсутствовали также Зюганов и Селезнев.

На приеме 30 декабря уже отсутствовал президент. Его отсутствие заметили все. Как мы видим, независимо от причин - уважительных, менее уважительных, объясняющих отсутствие того или иного лица на встречах значимых, как случайность, выстроенные во временной последовательности они прочитываются иначе, так как создают рисунок человеческих и политических отношений.

ПОРАЖЕНИЕ ВСЕГДА СИРОТА

Это небольшое вступление к эпилогу книги не есть случайность, нащупывание автором ускользающего финала. Все как раз наоборот.

Переломом в событийности, в логике демократического развития России явились президентские выборы 1996 года. Они принесли победу Ельцину, победу вопреки. В победе не было чистоты помыслов, и, возможно, фатальность последующих событий была расплатой за это масштабное лукавство. Ельцин избирался повторно, уже будучи глубоко больным человеком. Он скрыл это от своих избирателей. Можно сказать, его заставили скрыть. Потому что он сам очень хотел скрыть это.

Ранней весной 96-го года мне позвонил Виктор Илюшин и предложил встретиться. Я только что ушел в отставку, точнее, был отстранен президентом от своей должности в достаточно грубой ельцинской манере. Но это к слову. Наш президент не обременен воспитанностью. А люди в столь значимом возрасте уже не меняются. Виктор Илюшин был свидетелем назревающего конфликта, на свой манер пытался предупредить меня. Наши встречи обычно заканчивались сочувственно-роковой фразой: "Определенные силы в Кремле и правительстве стараются поссорить президента с вами. Предпримите какие-то шаги, чтобы не допустить этого". Илюшин говорил вполне искренне и говорил правду. Я знал если не все, то почти все - кто, что и как информировал президента о деятельности Всероссийской государственной телерадиокомпании. Уже сложился триумвират моих устойчивых "доброжелателей" в лице Олега Сосковца, Александра Коржакова и Михаила Барсукова. Где-то на подходе делал вязкие круги Борис Березовский. Просить Илюшина как-то повлиять на президента было нелепо. Он по-своему боролся за выживание в кремлевских коридорах. И тот же Коржаков этому выживанию мешал.

Кстати, Коржаков, в силу своего удручающего непрофессионализма в восприятии СМИ как некой среды воздействия на сознание, был искренне убежден: раз Попцов не хвалит президента, не превозносит его мудрость, непредсказуемость, не говорит ежечасно о его исторической роли, значит, он его очерняет. И было бессмысленно этим людям объяснять, что правду неправдой делает не перечисление фактов, а их истолкование. Было бессмысленно объяснять, что существует психологический рисунок информационных программ. Что никакой желаемой объективности не существует вообще. И что объективность - это сумма субъективностей. И мастерство идеолога заключается в том, чтобы четко просчитывать количество слагаемых этой суммы и уметь дирижировать этими слагаемыми. Только так можно сохранить доверие к демократии и веру в независимость государственного телевидения. И что нельзя делать вид, что другой половины общества, оппозиционной президенту и молодым реформаторам, не существует. И своим неприятием этой половины мы переводим ее мироощущение в разряд ненависти. И мне казалось, что всякий раз, когда я покидал высокие кабинеты и еще не выветривался воздух после таких полемик, мне в спину смотрели недобрые глаза их владельцев и в их столах лежали пока не завизированные президентские указы о моем отстранении.

В ответ на очередной сочувственный монолог Илюшина я как-то ответил:

- У каждой двери не встанешь. Если президент хочет, чтобы нас поссорили и ему нужен повод, он не станет задумываться. Он сделает то, что хочет, предварив это привычными словами: "Мне со всех сторон говорят..."

И вот меня, отстраненного, обожженного президентским гневом, приглашает Илюшин, в то время уже сосредоточенный на подготовке президентских выборов. Первая фраза, которую произнес Виктор Илюшин при нашей встрече, была достаточно нестандартной:

- Я знаю, что вы вправе быть обиженным. И если эта встреча вам неприятна, вы можете встать и уйти. Я вас пойму.

Я усмехнулся и сказал, что никогда не был чиновником. А потому такие встречи вызывают у меня не служебный, а, скорее, творческий интерес. И Ельцин для меня не только президент, но и персонаж. И будем считать, что моя отставка - это часть творческого замысла. Моего замысла.

- Очень хорошо, - сказал Илюшин, и мы оба улыбнулись почти синхронно.

Наш разговор был посвящен выборам. Илюшину многое не нравилось, что и как происходит в предвыборном штабе. И его интересовала моя точка зрения. Вдаваться в детали

разговора не имеет смысла, потому как я не помню - к этому времени предвыборный штаб возглавлял Сосковец или уже заступил Чубайс? Но как в первом, так и во втором случае Илюшин оставался контрперсоной. С первым он был в скрытых неладах, а второму был чужд как аппаратная тень президента. В том разговоре на вопрос, каковы шансы Ельцина, я сказал:

- Их еще надо сделать шансами. Ельцину нужен дублер.

- Это исключено, - ответил Илюшин. - Президент даже слышать об этом не хочет.

- Зря, - сказал я, - его может не хватить.

- Как вы себе это представляете?

- Дублер баллотируется, оттягивает голоса у коммунистов. Затем передает их во втором туре Ельцину

- Второго тура быть не должно. Так считает президент. Но я думаю - это нереально. Второго тура не избежать.

- Не избежать, - соглашаюсь я.

С дублерами, разумеется, не все так просто. Единственная реальная фигура в тот момент - Черномырдин. Сосковец будет этому всячески препятствовать. Он на правах кронпринца. На что способно движение премьера "Наш дом Россия", уже ясно - 9, 4% голосов. Не густо. Партия "подавляющего меньшинства", так я бы ее назвал. После думских выборов Ельцин не сменил премьера, хотя повод был сверхдостаточным. В любой цивилизованной стране это бы произошло. В любой, но не у нас. Если быть логичным, формирование правительства поручается лидеру партии, одержавшей победу на парламентских выборах. В нашем случае такой партией оказалась КПРФ. Ельцин на это пойти не мог.

- Насколько я понимаю, во всякой ситуации существует задача и сверхзадача. Задача № 1 - повторное избрание Ельцина. Сверхзадача, в случае неординарной ситуации (Ельцин тяжело заболел) - удержать власть в руках так называемых реформаторов. Попытайтесь внушить это Ельцину!

- Как вы себе это представляете? Вы же хорошо знаете Ельцина. Кто это будет ему внушать? - Илюшин невесело хохотнул, видимо представив себя на месте внушающего.

- Это ваши проблемы. Разумеется, в этом замысле есть определенный риск. Поэтому он требует очень точной режиссуры. Черномырдин определенное количество голосов отберет и у Бориса Николаевича. И президенту это может не понравиться.

- Да не только президенту, - Илюшин продолжал хитро улыбаться, - и Виктору Степановичу тоже.

- И Сосковцу, и Коржакову, - добавил я, расширив круг потенциальных недовольных.

- И Сосковцу, - уже без улыбки согласился Илюшин.

Неожиданно я засмеялся. Илюшин с удивлением посмотрел на меня.

- Сразу после выборов Ельцин в отместку за отобранные голоса отправит Черномырдина в отставку. Вот будет спектакль. Дублер - всегда страхующий вариант. Ельцина может не хватить. Поэтому нужна страховка. Количество голосов должно быть достаточно внушительным, скажем третье или четвертое место, но не позволяющее дублеру выйти во второй тур. Лучше третье место. Перед вторым туром дублер делает официальное заявление и призывает своих избирателей голосовать за Ельцина. В случае критической ситуации президент оказывается на больничной койке. То, что он выходит во второй тур, это как бы не ставится под сомнение. Он делает то же самое. Он отказывается от участия в выборах, призывает своих избирателей голосовать за дублера. Третье место автоматически становится вторым и дублер одерживает победу на выборах. Разумеется, в этой интриге есть риск, но риск минимальный. В качестве дублера может рассматриваться только Виктор Черномырдин. Голосов больше президента он не наберет.

- А если наберет? - с ехидной усмешкой спросил Илюшин.

- Тогда ваш избирательный штаб надо разогнать еще до выборов,- ответил я.

Популярность Ельцина была, разумеется, несопоставимой как с 91-м, так и с 93-м годом. Она катастрофически падала. Социологические опросы давали неутешительные

результаты. Но даже при всех удручающих изъянах неэффективности экономических реформ, войны в Чечне - некий ореол реформатора, человека, умеющего держать удар, разумеется, остался. У Черномырдина ничего подобного не было. С одной стороны, он был причастен ко всем экономическим просчетам. С другой - стиль держаться в тени, дабы не вызывать ревность президента, сослужил Черномырдину плохую службу. О нем стали говорить как о несамостоятельном человеке, который вздрагивает при каждом чихе президента. Разумеется, употребив определенную "ушлость" и, главное, деньги, премьера можно было раскрутить. У Черномырдина были свои плюсы - некая житейская основательность. Но деньги забрал президент, затухающую популярность которого надо было срочно раздувать. А без масштабных затрат сделать это невозможно. Разумеется, за Черномырдиным стоял "Газпром", но положить немалые средства только для того, чтобы во втором туре передать президенту 8-10% голосов... Тут мог воспротивиться и Вяхирев.

Илюшин, как опытный аппаратчик, был сдержан, немногословен и не высказывал своих истинных мыслей вслух. Он предпочитал, чтобы о них собеседник догадывался сам.

- Было бы время, - вздохнул Илюшин.

Идея с дублером была и правильной, и разумной, когда бы подготовку к президентским выборам начали в середине 95-го года, а не в 96-м. Именно это хотел сказать, но не сказал Илюшин. "Нет, - возразил бы я ему, - Ельцин лучше умрет со скипетром в руках".

Вообще, это интересный вопрос: что было бы с Россией, избери она в 96-м году другого президента? У нас неизлечимая болезнь - синдром безальтернативности. Альтернативы Брежневу нет, альтернативы Горбачеву нет, альтернативы Ельцину нет. А задолго до того ее, конечно же, не было Сталину. А теперь давайте подумаем: во что нам обошлась эта безальтернативность?

Уже в середине весны в разгар предвыборного марафона 96-го года самочувствие президента стало катастрофически ухудшаться. Коржаков об этом достаточно обстоятельно написал в своей книге. Нездоровье президента угадывалось невооруженным глазом. Об этом сообщили все западные информационные агентства, телевидение, газеты. Об этом, конечно же, знали в избирательном штабе. Знал Чубайс, знали банкиры, та самая "семибанкирщина", знала семья. В таких случаях говорят: поезд уже пошел и его нельзя остановить. И требование Ельцина победы в первом туре не следствие его властной капризности или абсолютной уверенности в успехе. Ничего подобного. Ельцин понимал, что здоровье разладилось окончательно. Больше всего его беспокоило сердце. Это было настолько серьезно, что внушало страх. Когда ему стали известны итоги первого тура он не смог скрыть разочарования и подавленно сказал: "Второго тура я не выдержу". Это было похоже на правду. Перед вторым туром Ельцин не разу не выступил.

Альянс с Лебедем - маневр в стиле Сергея Шахрая, хотя инициатором, скорее всего, был Борис Березовский. Боязнь возвращения к власти коммунистов, беспримерная по затратам рекламная кампания по инерции дали ожидаемый результат - тяжелобольной Ельцин выиграл выборы. Реформаторы удержали власть. Не станем возвращаться к коллизиям этих дней. Не станем говорить, что повторное избрание Ельцина - было единственно возможным вариантом для демократов, которые, по существу, уже давно были в сдержанной оппозиции к своему недавнему кумиру.

Что мы получили в итоге? Об этом есть смысл сказать несколько слов. Мы избрали больного президента, который перенес впоследствии сложнейшую операцию на сердце. Практически большую часть времени после своего избрания в силу объективного недомогания Ельцин был президентом де-юре, а не де-факто. Недомогание президента превратилось в деталь его образа, причем деталь, наиболее запоминающуюся. Мало работающий президент, независимо по каким причинам это происходит, ставит под сомнение эффективность и нужность президентской власти как таковой.

Мы часто любим употреблять модное для нашей развинченной политической жизни слово "гарант". Это слово очень нравится нашему президенту. Правда, президент, и не только он, воспринимает этот постулат как нечто статичное, наподобие скалы, прикрывающей нас от

ветра или разбушевавшихся волн. Я есть - и этого достаточно. Президент гарант свободы слова, соблюдения Конституции. Гарант в политике, экономике, чужд статичности. Это всегда масштаб действия, движения, жизни, а проще говоря, результативного труда. Ибо результаты, и только результаты, могут что-либо гарантировать. Ослабленная президентская власть сделала малоэффективной всю исполнительскую вертикаль, обескровила ее. Правительство сплошь и рядом оказывалось в положении, когда оно вынуждено компенсировать мало работающего президента, не имея его полномочий. Правительство так и не поняло, что такое работа президента, какие дела обозначает для себя президент как обязательные, каждодневные. Имеет ли она отлаженные параметры, а значит, может ли быть предсказуемой? Если посмотреть со стороны, то создается впечатление, что в нашей стране президент живет своей жизнью, а правительство своей, сохраняя в аппаратах постоянный градус ревности друг к другу. Переход младореформаторов в стан заднескамеечников, отрешение их от власти - есть дань за избрание больного президента, когда желание обладать властью берет верх над целесообразностью и пониманием психологии собственной страны.

Работающий в щадящем режиме президент не есть катастрофа, когда его обязанности, скорее, представительски-формальные или, как принято говорить в таких случаях, в пределах обязанностей английской королевы. Ничего подобного у нас нет. Президент в России согласно Конституции наделен всеобъемлющими, если не сказать больше, неограниченными полномочиями. Когда писалась Конституция, а она писалась именно под этого президента, Ельцин чувствовал себя хорошо. Впрочем, это чувство могло быть и обманчивым. Абсолютно здоровым, начиная с 1990 года, президент не был никогда. И тем не менее тех самых полномочий, которых ему так не хватало в 91- 93-м годах, он получил в полном объеме. С той лишь разницей, что теперь они не называются чрезвычайными, теперь это просто конституционные права президента России. Их всеохватность и довлеющая значимость оказались столь высоки, что по сравнению с ними любые чрезвычайные полномочия смотрятся как легкий политический насморк власти. Но существует незыблемое правило. Полномочия не живут сами по себе. Если они не чрезвычайные и не утверждены на некий кратковременный срок, значит, они повседневные. И повседневно востребованы к исполнению. Здесь, в пересечении предполагаемого и реального, общество получило незапрограммированный эффект безвластия. Карта президентских прав и обязанностей оказалась намного обширнее карты президентских возможностей, как физических, так и профессионально-интеллектуальных. Властному дому противопоказаны пустоты. А если они все-таки образуются и не заняты властью предписанной, то с ее негласного согласия их занимают ее имитаторы или, проще говоря, "лжевласть".

Вот, по существу, самая опасная болезнь системы правления. Президентская власть в России оказалась поражена именно этой болезнью.

Можно по-разному истолковывать поведение президента, глубокомысленно предполагая стратегический и тактический замыслы. Ей-Богу, мы никогда не отрешимся от нашей извечной болезни нереально оценивать высшую власть, придавая ее поступкам некую прозорливость, которой на самом деле нет. И никакая свобода маневра тут ни при чем. Ничто не изменит отношение коммунистического электората к Ельцину, и ничто не скроет его неприязни к КПРФ. Так что некой третейскости в поступках президента нет, не было и не будет. Ельцин избрал свое положение "над" как некое отделение, сохраняющее тайну высшей власти. Всякая недосягаемость - суть бесконтрольность, - вот почему Ельцину не нужна своя партия. "Над" - пусть не полная, но гарантия невмешательства в президентскую повседневность со стороны конкретной политической силы, которая, в случае его согласия ее возглавить, вынуждала бы его прибавить себе дополнительные обязанности гаранта ее политической успешности и властных претензий. А иначе - зачем он им? Брать лишний груз на плечи - с какой стати? Да и вся эта суета демократических тусовок с выяснением, кто из них главнее и приближеннее к президенту, ему надоела. Сказать честно, он и в прошлом эти либеральные посиделки недолюбливал, но терпел. Тогда в Межрегиональной депутатской группе случилось совпадение интересов. Сахаров умер, куда они без Сахарова, а тут

появился лидер, да еще и опальный. Он был нужен им. А они ему. Свои-то партийцы все разбежались. Горбачев до конца не верил, что межрегионалы объединятся вокруг Ельцина. Он, Горбачев, и породил их. И вдруг такой кульбит. Почему они пошли с Ельциным, а не с ним? Все просто - Горбачев дал им трибуну, а я дал им власть. Эти новые демократы мало чем похожи на тех, прошлых, горбачевской поры. Тех приходилось терпеть, а с этими надо возиться.

За всеми шагами по выбору формулы управления стоит закамуфлированная леность Ельцина, его слабость как управленца, работающего в повседневном режиме. Отсюда этот миф, растиражированный СМИ и всячески подогреваемый самим Ельциным, что он "политик экстремальных ситуаций", когда надо сконцентрировать силы в коротком временном пространстве. Но не в этом суть неадекватности президента, выступающего в образе лидера, делающего неожиданные ходы. Дело в том, что решения, принимаемые в экстремальных ситуациях, всегда имеют алиби экстремальности. Вы имеете право сказать: иначе поступить было нельзя. Время для принятия решения было слишком ограничено. Это устраивало Ельцина. Младореформаторы хотя и говорили о ельцинской партии, но говорили вяло. Их тоже стала устраивать формула президентского правления в режиме "над". Он там - на облаке, или в резиденции, или в ЦКБ, - а мы здесь правим, занимаем пустоты властного дома. Ну, а президентская партия, она нужна была "до того", ну, скажем, до 96-го года. А теперь президенту необходим щадящий режим. И модель этого сверхщадящего режима должна разработать преданная администрация, выдержанная в домашне-семейных тонах. Под таким углом на политическом небосклоне взошла судьба Валентина Борисовича Юмашева, человека на сто процентов чуждого этой роли и должности. Кстати, и сам Юмашев этого никогда не скрывал.

Итак, у нас есть все основания подвести некий итог. Перманентное нездоровье президента, как это ни парадоксально, вполне органично вписывается в выбранную Ельциным формулу президентского присутствия "над". Высшее лицо государства независимо от своего собственного самочувствия всегда вне ситуации, где-то над повседневностью. Почему так опасны его внезапные выходы из среды неучастия, которую он сам для себя сотворил? Потому что это почти всегда вмешательство из неадаптированного мира. Если признать, а не признать нельзя, что Кремль оторван от жизни, то всякое отсутствие Ельцина в Кремле его отдаляет от повседневности кратно, ибо оно еще умножается на щадящий режим жизни.

Ушел 98-й год, наступил 99-й. Наконец в стране появилось правительство, которое не тратит 80% своих усилий на противостояние с парламентом. О том, как сложится судьба этого правительства, видимо, будет написано немало страниц. Мы ограничимся одной фразой. Прошлое лишило их средств, чтобы войти в будущее.

И если говорить о преемственности, то это есть полное повторение ситуации, в которой оказалось в 1990-м году правительство Силаева, а в 92-м году правительство Гайдара. Только теперь пустой казну сделали не коммунисты, а демократы. Это малоприятное признание не есть свидетельство симпатий и антипатий автора к тем или иным политическим силам, напротив, мы являемся свидетелями традиционной неумелости выстраивания власти. И той, что претендовала на диктатуру, и той, что утверждала коллективное руководство, и той, что поспешила объявить новую эру и назвала себя демократической. Поэтому, закрывая дверь за трудным, насыщенным, драматичным 98-м годом, надо признать, что он оказался годом финальным, не совпадающим с конституционной финальностью: выборами нового состава парламента и выборами нового президента. Период демократического правления длился семь лет. Эти семь лет были достаточно красноречивыми как с точки зрения минимальности успехов, так и с точки зрения масштабности провалов и ошибок. Не станем систематизировать объективные и субъективные обстоятельства, обеспечившие этот скромный и, скорее, печальный итог. Признаем, что демократические силы действовали в неблагоприятных условиях, но при этом уточним, что, когда они становились властью, эта неблагоприятность существовала как данность и всякие ссылки на некую непредсказуемость

событий либо политическая несостоятельность, либо лукавство. Поэтому назовем несколько очевидных причин поражения демократических сил и команды младореформаторов, как новой команды управленцев в России.

Грубейшие ошибки,

заставившие младорефораторов уступить политическую сцену

Ошибка № 1.

Относительность понятия "демократическая власть" действительно существует. В 1991 году власть никто не брал. И обретение власти для демократов было достаточной неожиданностью. Крушение институтов компартии и партийной номенклатуры представлялось более длительным. Но август 91-го, затем распад Союза не просто предрешили судьбу КПСС, но и развалили власть мгновенно.

Вывод. Нельзя брать власть, не имея резерва профессиональных управленцев и осмысленной кадровой политики. Нельзя опираться на философию настроений. Опираться надо на философию убеждений. Демократическое движение конца 80-х и начала 90-х было движением настроенческим, протестным, лишенным предыстории, вызревшей демократии, не имеющей какого-либо управленческого опыта. Ситуация была неким прообразом 1917 года, но на другом культурном, образовательном и жизнеукладном уровне развития нации.

Не взять власть было невозможно. Существовало две силы: традиционная коммунистическая, находившаяся в состоянии интенсивного распада, а потому теряющая и авторитет, и власть; и демократическое движение, опьяненное политической свободой, напрочь лишенное осмысленной властной концепции, ускоренно копирующее институты западной демократии. Вопрос: брать или не брать власть? - рождал не ответы "да" или "нет", а другой вопрос: если не брать, то кому ее отдавать? Третьей реальной силы на тот момент попросту не существовало. У демократов, оказавшихся властью, лишенных кадрового резерва, не было другого выхода, кроме как воспользоваться исполнительным аппаратом прежней власти. Страна продолжала жить в своей повседневности, которую надо было обслуживать, творить свое повседневное бытие. Именно поэтому понятие "демократическая власть" было неким чувственным состоянием, прикосновением к запретному плоду, а не суммой убеждений и умений. Это было странное, алогичное здание власти, в котором верхушечное ядро демократически настроенных лидеров опиралось на исполнительный аппарат старых убеждений, враждебно принимающий любые демократические перемены.

Вот главная и фундаментальная причина искаженного развития экономических и политических реформ в России.

Ошибка № 2. Никакая победа не способна вместить всех, претендующих на соавторство в ее достижении.

Получив в наследство враждебный к демократическим реформам управленческий аппарат и не будучи в состоянии отказаться от его услуг, новая власть оказалась перед дилеммой: либо переварить этот аппарат, заразив его вирусом демократического развития, тем самым превратив противников в соратников; либо распрощаться с ним и укомплектовывать правительственное ведомство за счет нового призыва чиновников. Вопрос: откуда их взять и какая гарантия, что они в большей мере будут соответствовать демократическим воззрениям, - завис в воздухе. Не присутствие в управленческом мире "до того" делало новую власть заложницей собственной управленческой слепоты.

Уже позже, гораздо позже, многие из нас, причастных к сотворению новой власти, поймут, что демократия равнодоступна как людям ее проповедующим, так и ее противникам. Для одних она среда обитания, для других - механизм достижения своих целей - получить власть, после чего уничтожить демократию как нормы, не соответствующие национальной идее. С поразительной откровенностью мы поймем, что демократию способен раздавить бюрократизм, помноженный на свободу.

Откуда и почему в демократическом государстве (а нам хочется считать Россию таковым) возник, и возник скоротечно, немыслимый бюрократический аппарат, разросшийся до размеров раковой опухоли? По примерным подсчетам бюрократический аппарат

федерального управления современной России в два с лишним раза превышает аппарат СССР. Показатель безумный и удручающий.

Тенденция к разбуханию, неуемному размножению аппарата не есть наследственная болезнь коммунистического прошлого. Представить ситуацию таким образом - значит извратить суть. Это очевидная болезнь новой власти с характерными для этой власти симптомами.

Все началось в 90-91-м годах, когда демократические силы совершили прорыв в коридоры власти. За все надо платить. За внезапность обретенной власти - тоже. Необходимость сохранить старый аппарат, чуждый пониманию новых идей, но имеющий навык управления, поставил демократов, оказавшихся у власти, в полузависимое состояние. Во-первых, приход к власти это всегда претензия на соответствующие посты. Вполне естественная реакция победителей. Но когда аппарат управления в большинстве своем сохранен, эти посты заняты. Площадь власти оказалась меньше числа желающих ею обладать. И тогда стали создаваться новые структуры - министерства, комитеты, комиссии, подкомиссии, отделы, фонды, контрольные службы - как новые, так и в параллель существующим, чтобы удовлетворить должностные запросы победителей. В этом действии демократического руководства было еще и осмысленное желание иметь управленческий аппарат, пусть без навыков управления, но разделяющий твои политические убеждения.

Как видим, схожесть с октябрем 1917 года не так уж призрачна. Не важно, что ты умеешь. Важно другое - за кого ты, за "белых" или за "красных"? Процесс тиражирования аппарата получил импульс, и его уже было трудно остановить.

Аппарат вернул себе привычные ощущения номенклатурной власти.

Ошибка № 3, или Вторая криминальная революция.

Концепцию экономических реформ в режиме прорыва, а не вялотекущей эволюции обосновал Явлинский в своей программе "500 дней". Явлинский отдавал себе отчет, что все предыдущие попытки реформировать социалистическую экономику, предпринятые сначала Хрущевым, а затем, в более принципиальном и значимом варианте Косыгиным, захлебнулись в многонациональном партийном бюрократизме. Именно бюрократизм задушил косыгинские реформы. Отсюда идея: разрез на теле консервативной, изживающей себя социалистической экономики должен быть стремительным, обширным и глубоким. Новации, уподобленные лекарствам, должны были закачиваться с такой быстротой, чтобы они парализовали бюрократическую ткань и лишили ее возможности затянуть реформаторский разрез. Это образный или почти графический комментарий к идее экономических реформ.

В этом смысле автором кардинального экономического реформаторства в России, конечно же, оказался Григорий Явлинский. Гайдаровская команда видоизменила подходы Явлинского, но режим прорыва, реформирование в сжатые сроки сохранила. Идея в упрощенном виде выглядела примерно так. Провести реформы в экономике, и прежде всего приватизацию, с такой скоростью, чтобы страна не успела опомниться и понять, что же произошло, чтобы не успели созреть силы сопротивления. Приватизация была уподоблена сходу лавины: когда откопали засыпанных сограждан, их собственность уже была перераспределена. Приватизация должна была решить, по крайней мере, четыре задачи.

Первая - отделить собственность от государства, ранее владевшего практически всей собственностью за исключением личной. Принцип "и все вокруг колхозное, и все вокруг мое" делал собственность бесхозной не с точки зрения управления, а с точки зрения ее использования. Приватизация, по сути, должна была нащупать хозяина, вскрыть энергетику частнособственнического начала.

Вторая. Приватизация укрепит государственную казну, так как обеспечит значительные поступления, полученные от продажи собственности компаниям и частным владельцам.

И наконец, задачи № 3 и № 4 - ради чего и во имя чего. Собственность, оказавшаяся в руках нового хозяина, заинтересованного в прибавлении продукта, а значит, во внедрении новых технологий, без чего невозможен выход отечественного производителя на мировой рынок, становится более восприимчивой к техническому прогрессу. Иначе говоря,

приватизация и есть предпосылка технологической революции во всех сферах товарного производства. По замыслу реформаторов, именно приватизация делает нашу промышленность привлекательной для инвесторов, что в конечном итоге обеспечит прибыльность предприятия. А значит, увеличит налоговые поступления в бюджет.

Ничего этого не произошло. Достигнута была только одна цель из четырех. Отделение государства от собственности. Но в силу того, что это делали с завидной поспешностью, собственника не выбирали, не до конкурсов. Кто брал, тот и сгодился. Так собственность оказалась в руках полукриминального и криминального мира. Никакой модернизации промышленности не произошло. Никакого технологического прорыва не случилось.

Из откровений премьера Е.М.Примакова: "На сегодняшний день семьдесят процентов невыплаты зарплаты приходится на приватизированные предприятия! Далее следует недоуменная пауза, а затем столь же недоуменный вопрос: Какой же это рынок?!"

Реформаторы склонны считать приватизацию, несмотря на немыслимые ошибки и нарушения при ее проведении, своим успехом. На их взгляд, произошло самое важное - бескровное перераспределение собственности. Это слова Бориса Абрамовича Березовского. Но бескровное не значит справедливое, разумное и, самое главное, эффективное. Именно приватизация привела к массовой криминализации общества и коррумпированности власти. В руках чиновника оставался пакет разрешающего права. И он этим правом торгует направо и налево.

Оппонирующий Березовскому Лужков требует пересмотра итогов приватизации в тех случаях, где она была проведена в обход закона. Березовский пугает общество неминуемой кровью, которая прольется, если грянет новый передел собственности? Странное утверждение. Разве не разумно провести ревизию хозяйства после массовой и скоротечной кампании по продаже собственности? И если исправление нарушения закона вызовет стрельбу, то правомерен вопрос: в чьих руках оказалась собственность? В руках вооруженного преступного мира, а не законопослушных граждан? Тогда тем более необходима ревизия.

Нежелание Березовского возвращаться к вопросам приватизации очень близко к еще одному его утверждению: коррупцию невозможно побороть. Из этого следует вывод - Березовский хотел бы за олигархами и преступным миром, с которым олигархи ладят, сохранить существующие правила игры. "Надо не обижаться, - говорит Борис Абрамович, - что тебе досталось меньше или больше, а конкурировать!" В то же время Березовский настаивает на пересмотре результатов тендера по приобретению "Связьинвеста", как несправедливого. Следовательно, если на процедуре такого рода настаивает Лужков - она вредна. А если Березовский - оправданна и необходима.

Первичное накопление собственности, а мы переживаем именно этот период согласно всем экономическим теориям, сопряжено с чрезвычайной криминализацией общества. Это нельзя было не предвидеть и не сделать упреждающих шагов, чтобы не допустить преступного беспредела. Общество оказалось беззащитным перед преступным миром. Преступный мир сломал демократическую власть, подмял ее под себя. И любой здравый человек эти немыслимые страдания и унижения, этот страх перед волной заказных убийств и бандитизма всегда будет связывать с эпохой Ельцина и демократами, которым либо не хватило политической воли и мужества, чтобы не допустить криминальной революции в России, либо их преследовала боязнь, что, понадеявшись на саморегулирующие способности рынка, они оказались в сетях, расставленных криминалом, потому как эти сети реформаторы сплели сами.

Размытость целей и невыверенность путей их достижения - свидетельство политического инфантилизма власти молодых реформаторов, ухитрившейся получить достойное высшее образование, минуя среднее. Реплика швейцарского миллионера господина Гаона после встречи с министром внешней торговли Петром Авеном. Обсуждался вопрос погашения кредита, полученного правительством Силаева в 1990-м году под чековую программу "Урожай-90". Гаон - аскетической внешности старик, выдавший России почти

миллиардный кредит в тот момент, когда на Западе никто не решался на подобный шаг. Гаону 80 лет, сухое старческое лицо, обтянутое смуглой кожей. Глаза живые. Даже в критические минуты Гаон не теряет чувства юмора.

"Откуда взялись эти молодые люди, скажите пожалуйста. Все министры говорят на английском языке. - Гаон прицокивает языком, воздевает сухопалые руки вверх и в чисто еврейской, почти одесской манере заканчивает мысль: Я вам скажу так, господин Попцов. Английский язык - это хорошо. Но это не самое главное".

Где-то в середине февраля газета "Московские новости" сделала выезд в Санкт-Петербург. Было решено провести "круглый стол" под условным названием "1999-й - год коммунистического реванша или продолжение демократического развития страны?". Там у меня случилась полемика с профессором Ясиным, экс-министром экономики. Я рассказал о том, как Гайдар был назначен на пост премьера. Ельцин с Егором Гайдаром ранее не был знаком. Он мог ориентироваться только на аттестацию Геннадия Бурбулиса. Разговор длился не более двадцати пяти минут. Как рассказывал мне сам Гайдар: "Когда президент сделал мне предложение стать премьером после столь недолгой беседы, я настолько растерялся, что согласился". Сидящий напротив меня академик Алферов, вице-президент Академии наук, тоже участник этой дискуссии, среагировал мгновенно:

- Это возмутительно!

Но тут подал голос Ясин:

- Это неправда!

И стал говорить о том, что Гайдар с командой экономистов готовил концепцию экономической политики страны, на которую ушли десятки бессонных ночей. И никакой случайности в происшедшем не было.

Я заметил, что не оспариваю ни концепции, ни изнурительного труда, затраченного на ее разработку, а лишь говорю о факте встречи с президентом и реакции Гайдара на нее, которому все случившееся представилось каким-то фантастическим сном.

А теперь о сути. Реакция Гайдара, а ему тогда было 36 лет, выглядела настолько искренней и незамутненной, что лично у меня вызвала колоссальную симпатию к нему. Во время нашего разговора он продолжал находиться в нервном возбуждении. И хотя случившееся было уже достаточно позади и Гайдар мучительно премьерствовал, но всякий раз, возвращаясь в разговоре к этому моменту, он начинал нервно потирать руки, как-то неестественно подхмыкивая, то ли подсмеиваясь над собой, а может, сострадая себе. Но фразу, ту итоговую фразу, которую он произнес, оценивая случившееся, я запомнил очень хорошо: "Вообще, если говорить серьезно, это черт знает что такое! Мне все представлялось по-другому!"

Потом, после этой встречи он двинется в обратный путь по долгим высокопотолочным кремлевским коридорам. Наверное, какое-то время будет ощущать легкость и приподнятость, которую может вселить столь высокое назначение. Но вот дверь закрылась за ним. Он оказался на просторной кремлевской площади. В груди что-то оборвалось. И может быть, не ведая того, его полноватые губы прошептали: "Бог мой, что же я наделал?" Нет, не как осуждение, не как уступка внезапно навалившемуся страху, а как естественная и разумная оторопь перед непомерным масштабом ответственности. Впоследствии, уже после своей отставки, как первой, так и второй, Гайдар, отвечая на вопрос о своем отношении к президенту, скажет примечательные слова: "Он дал нам шанс!" Согласитесь, в оценке есть что-то от игры.

Так при чем здесь инфантилизм? Инфантилизм - в определенной степени состояние возрастное. Возраст между тридцатью и сорока даже биологически определен как самый амбициозный. Разумеется, никто из команды младореформаторов не воспринимал ответственность таких масштабов как нечто реальное, потому что чисто биографически никогда с подобной ответственностью не соприкасался. Более того, они считали, что все разговоры об ответственности - некий пропагандистский трюк, при помощи которого великовозрастное поколение старается удержаться у власти - в политике, науке,

производстве, культуре. Отсюда агрессивная реакция подбор команды только из числа своих сверстников. И характер совершенных ошибок есть результат той же возрастной коллизии.

Ошибка № 4, или Запад нам поможет.

Не будем скрывать, что в упрощенном виде экономическая стратегия младореформаторов имела две составляющие. Невозможность поднять страну за счет внутренних ресурсов в ситуации осени 91-го года. Действительно, пустая казна, действительно, отсутствие резервов продовольствия и опасность голодных очередей. Действительно, распавшийся почти мгновенно Союз и так же мгновенно разорванные интеграционные связи. Из всего этого вытекает обоснование "вынужденной переориентации на западный капитал и его возможности". Рассуждение очень простое - должны же они нам заплатить за отречение от коммунизма и за демократические реформы, переход на рельсы рыночной экономики. Короче, "Запад нам поможет". Вся внешняя политика выстраивается по этой модели. Эта модель могла быть вполне эффективной, сохрани Россия свою державную мощь и экономический потенциал. Но дело в том, что период экономических и демократических реформ в России совпал с невероятным политическим, экономическим, стратегическим и структурным ослаблением России. Логичный результат демонтажа старого режима. Монстр был несовершенен, но он был. Помощи Запада ждал и Горбачев. Однако за политические реформы Запад не спешил платить. Его требования были масштабны: демонтаж режима и рыночные реформы.

Так в общественном сознании стал рождаться новый идеологический постулат: жить в долг так же естественно, как вообще жить. Все страны без исключения живут в долг, утверждали реформаторы. И на сознание сограждан с грохотом обрушивались цифры государственного долга США,Франции, Японии. Долга внешнего и долга внутреннего. Показывалось, что в сопоставлении с этими цифрами наш российский долг величина пятиразрядная. Иначе говоря, жить в долг - значит жить цивилизованно. Вот откуда эта философия финансовых пирамид.

Почему молодые реформаторы обратили свой взор на Запад? Не станем обсуждать объективные причины, тем более что я их уже касался. Скажу об одной субъективной, но крайне весомой. Большинство младореформаторов чисто профессионально и диссертационно были специалистами по западной экономике, более того, экономике американской. Понимание же собственной страны и знание ее оказались многомерно меньшими в силу возраста и профессиональной биографии. Там, на Западе, они смотрелись как предвестники рыночной России, поголовно говорящие на английском языке. Здесь, на Востоке, - это некие яйцеголовые эпигоны. Любопытно, что Егор Гайдар всего девять месяцев возглавлял правительство в 92-м году. Но именно на его счет списываются все неудачи и катастрофичность реформ, хотя роль Черномырдина в этих неудачах, если их считать таковыми, неизмеримо более значима.

Возможно, по той же причине консультантами наших реформ оказались именно американцы - чикагские мальчики (экономическая школа Принстонского университета). И реформы мы проводили по американской модели. И вот здесь проявилось одно "но". Правильно ли в качестве модели брать страну не просто иной укладности, вероисповедания, но и иной философии жизневосприятия? Америка - страна эмигрантская. Да, многонациональная, и это сближает ее с Россией, но лишенная национальной статичности. Америке от роду 250 лет.

Россия - страна с тысячелетней культурой, по своей сути антимиграционная, население которой тысячелетне проживает на одном географическом пространстве. Мы исключаем вынужденную политическую эмиграцию. В этом смысле Россия гораздо ближе к Европе. Америка "монострана" с точки зрения собственности. Только частная собственность. Для Европы же характерна другая модель жизнеустройства. В Германии, Франции, Англии государственный сектор собственности не просто существует, он значим. И факт государственного регулирования рыночных отношений Европе не чужд. Так ли уж неоспорим выбор американской модели для страны, в которой свыше семидесяти лет частная

собственность вообще не существовала и несколько поколений выросли в атмосфере враждебности по отношению к ней? Да, это досадно, но такова реальность нашей жизни. Поэтому вопрос, какая модель рыночных реформ для России более разумна - американская или европейская? - вопрос не праздный. И не надо бить себя в грудь и кричать: для России наиболее реальна российская модель. Рынок - понятие всепланетное, и наличие единого модуля - это наличие экономической здравости.

Ошибка № 5.

Однажды на заседании правительства я пересчитал количество докторов и кандидатов наук, которые находятся в зале заседания. Получилась цифра сверхвесомая: 12 докторов наук и 22 кандидата. Такого образованного правительства в России не было давно, даже при Ленине. Но более безумного и рокового отношения к интеллигенции, просвещению, образованию, науке и культуре не допускало ни одно правительство за всю историю советского и постсоветского периодов. Разумеется, всегда можно ответить: если денег не хватает всем, почему они должны быть у науки, культуры и образования? Но тогда вопрос: что такое реформы? Ответ очевиден. В какой бы сфере они ни проводились, это всегда интеллектуальный прорыв. Демократы в этом случае сделали несколько губительных просчетов. Не определив на период реформ приоритетность развития образования, науки и культуры, они подтвердили, что никакой стратегии реформ не существовало, так как реформы без интеллектуального наполнения обречены. Демократы свое пребывание у власти рассматривают как шанс заявить себя, оказаться в поле зрения мировой политики и мирового бизнеса. Повысить свой рейтинг, и не обязательно в России. Кто-то скажет, Ельцин поставил на тщеславие молодости и... Разумеется, он хотел войти в историю как реформатор, но суть самих реформ Ельцин не представлял. Он не был их соавтором, их сотворителем. Он мог дать задание: найдите мне тех, кто сочинит для этой страны реформы и согласится их провести. Ориентация младореформаторов на сверстников была их защитной реакцией - и Бурбулиса, и Гайдара, и Чубайса, и Кириенко. Все они пасовали перед людьми с обширным практическим опытом и довольно часто конфликтовали с ними в правительстве. Их раздражал сам термин "знание жизни". И дело не в том, что они переоценили свои возможности, а они их переоценили, стали насаждать некую клановость, нетерпимость к несогласию с их видением экономического развития страны. Они превращались в самых настоящих необольшевиков. Эта черта была особенно присуща Анатолию Чубайсу и Борису Немцову. Когда Чубайс пригласил на беседу Льва Суханова, одного из ветеранов ельцинской команды, в качестве доводов, исключающих возможность его дальнейшей работы в администрации президента, Чубайс сослался на рабочий режим, в котором должна работать администрация: "Придется работать по шестнадцать часов в сутки. Такая нагрузка для вас может оказаться излишней". Бесспорно, убирая из команды Льва Суханова, глава администрации выполнял волю президента или волю семьи президента, которая особых симпатий к Суханову не испытывала. Важен не эгоизм, не мотив (симпатия или антипатия), а стиль вытеснения - нужен сверстник, единомыслящий, не претендующий на большую опытность, человек "нашей касты". Подобная тактика не нова и почти всегда заводила власть в психологический тупик, ибо солидарность 70-летних, чем грешило руководство брежневской эпохи, так же опасна, как солидарность 40-летних. Первым не хватает динамизма, вторым мудрости. Как-то Гайдар признался мне: "С интеллигенцией мы допустили большую ошибку". Он не стал развивать этот тезис, он просто согласился: мы ошиблись. Да, с интеллигенцией младореформаторы ошиблись. Можно сказать более жестко - они совершили роковую ошибку: продемонстрировав полное безразличие к судьбам научной интеллигенции, судьбе учителей, врачей, инженерно-технических работников, реформаторы приговорили себя как политики. Они были убеждены, что экономические свободы довольно быстро сформируют и поставят на ноги средний предпринимательский класс и он составит основу новой интеллигенции, которая и станет их опорой. А что касается той, прошлой интеллигенции, то с нами останется та, что сумеет приспособиться и извлечь выгоду из реформ. Подмена интеллигенции действительно состоялась, ее место заняли люди

эстрадного подиума, звезды шоу-бизнеса, которых с младореформаторами связывали не узы интеллекта (с интеллектом в этой среде были устойчивые проблемы), а узы бизнеса, в мир которого сами реформаторы погрузились довольно быстро. В этом случае демократы во власти ошиблись дважды. Сначала с подменой интеллигенции, а затем и со средним классом, в расчете на который спроецировали свое политическое будущее все демократические движения и партии. Не будучи профессиональными политиками, младоэкономисты не учли одной детали, что на сотворение нового сословия нужно как минимум десять лет, а на сотворение преступного мира шесть месяцев. Они так и не поняли, что место нового сословия занял криминальный мир, на который они все нынче опираются. А тот, истинный средний класс - учителя, врачи, научная и техническая интеллигенция - остался за пределами их амбициозных перспектив.

Это неучастие в решении проблем интеллигенции лишило демократов социальной поддержки, лишило их среды, в которой могут развиваться демократические идеи. Это тотчас же сказалось на выборах 95-го года, когда партия Гайдара "Демократический выбор России" не сумела преодолеть 5%-й барьер, как и движение Бориса Федорова "Вперед, Россия!". Именно эта незаинтересованность младореформаторов в судьбах интеллигенции, когда они были властью, делает их перспективы призрачными и на будущее. Недавно созданное движение "Правое дело", где в качестве политических звезд задействованы Егор Гайдар, Анатолий Чубайс, Олег Сысуев, Борис Немцов, Борис Федоров, Сергей Кириенко, Ирина Хакамада, на самом деле таковым не является. Это клуб экс-премьеров и экс-вице-премьеров, желающих объединить свои персональные амбиции. Но амбиции потому и амбиции, что неподвластны расчету на первый-второй-третий. Они все только первые. А потому союз их призрачен.

* * *

Путешествие в мир грехов всегда малоутешительно, но оно необходимо, ибо никто из нас не есть начало. Все мы продолжение идей, замыслов, творений, разрушений. Разговор о демократах это разговор не персонифицированный, хотя называются фамилии и перечисляются их деяния. Это раздумья о судьбе демократии в России. И на вопрос, что надломило демократическое движение в России, кто способствовал и что способствовало поражению младореформаторов, ответ малоутешителен. Поражение демократов обусловлено прежде всего самими демократами, как во власти, так и вне ее. Оно обусловлено их ошибками. И завершая этот разговор, мы назовем еще три.

Демократическую власть младореформаторов погубила их несамокритичность, игра в скоротечные обещания. И то правда, у всякой новой власти, получившей ее на пепелище, иных ресурсов, кроме как обещаний, что страна скоро заживет счастливо и богато, быть не может. Начиная с 90-го года в эту ловушку угодили все российские правительства, возглавляемые Иваном Силаевым, Егором Гайдаром, Виктором Черномырдиным, Сергеем Кириенко. Особняком стоит правительство Примакова. Он первый, кто разорвал эту порочную практику накатанных обещаний. Он нашел весомый компенсирующий ресурс - политическая стабильность. И, в отличие от предшественников, сыграл на поле президента, который этой игры сделать не смог. Мы ждали улучшения жизни начиная с 93-го года. Но всякий раз это улучшение передвигалось на год следующий, и эта череда отодвигающихся надежд стала нескончаемой. Тем более странно, что за все эти десять лет ни один состав власти не сделал предметного и пофамильного разбора своих ошибок. Ни одна власть не использовала психологически выверенной процедуры диалога с обществом. Это не было случайностью, увлечением, порывом, фанатической уверенностью в успехе. Ничего подобного. Это было политическое и жизненное кредо младореформаторов. "Признание собственных ошибок, самокритичность наши противники и оппоненты истолкуют как признание нашей слабости и неуверенности. А этого мы себе позволить не можем. Об ошибках мы поговорим потом, обязательно поговорим, когда добьемся реального результата". И далее следовала сокрушительная ссылка: как только президент предлагает оппозиции компромисс, она немедленно начинает вопить о его бессилии и слабости.

Разумеется, подобная философия есть заблуждение, замешанное на переоценке собственных сил, желании сохранить власть и глубоком, обширном непонимании общества, в котором живешь и которым управляешь. Речь идет не столько о покаянии, сколько об открытости власти. Сверхнелепым выглядит откровение Бориса Немцова: "Следует признать и проанализировать наши ошибки". Поздно, господа, поздно. Поезд уже ушел. Есть такое аксиомное утверждение: любая власть развращает. Не станем истолковывать это прямолинейно, но... И само вхождение во власть, и иллюзия своего присутствия в ней в одинаковой степени разоружили демократов и в значительной степени развратили их. Демократы разучились быть оппозицией: структурной, организационно-идеологической. Любопытно, что за прошедшие четыре года после своего поражения на выборах в 95-м демократические силы не разработали концепции своего объединения, не расширили и не усилили своего присутствия в различных социальных слоях общества.

Демократические движения пребывали в режиме тления и клеточного отмирания, что говорит о полной политической примитивности этих объединений. Демократы никак не поймут, что создание партии не есть мобилизация по случаю выборов или иных катаклизмов, хотя очень часто это случается именно так. Создание партии - это форма участия в строительстве общества. И в этом случае создание партии есть дело жизни лидера и ядра, его окружающего. Владимир Ленин, Вилли Брандт, Гельмут Коль, Шарль де Голль. В этом случае выборы - промежуточная цель. И не важно, как вы называете свою партию - парламентской или политической. Всякая политическая партия, заявляющая о своем участии в выборах, в этот момент играет как парламентская.

Присутствуя как-то на политсовете "Демвыбора России", я увидел в зале сатирика Александра Иванова, Анатолия Приставкина, Сергея Ковалева и еще несколько персон, олицетворяющих прошлую диссидентствующую интеллигенцию и активистов правозащитного движения. Я сказал Гайдару: "Это все очень хорошо, но я не вижу ни одного врача, ученого, учителя, директора школы. Надо ориентироваться не на нарождающееся сословие, которого еще нет и на которое делаете ставку не только вы, а на массовую интеллигенцию, которая есть". В этот момент кто-то сбоку бросил: "Мы ориентируемся на тех, кому предоставили свободу выбора". Я не заметил, кто это сказал, но фраза не лишена была смысла.

Выбор у всех разный. Сначала надо разобраться, какой кому выбор вы предлагаете, а когда вы это поймете, то счет окажется скорее печальным, нежели радостным.

Не все во власти президента. Не просто выговариваются эти слова, но еще одной, можно сказать роковой, ошибкой демократов стал Борис Ельцин. Не демократы Ельцина привели к власти, а, скорее, Ельцин, его мятежный авторитет в начале 90-х годов, возвел демократов на Олимп власти. Ельцин уже был, а демократическое движение только нарождалось. Не Ельцин стал заложником демократов, а демократы оказались в ельцинском плену и превратились в колоду игральных карт в его руках. А когда это колода одна, а кадровый голод преследует нашего президента с первых дней его правления, все кадровые перемены предсказуемы. Просто надо уметь считать. Ельцин по натуре своей разрушитель. Это даже странно, когда профессиональный строитель, и, как рассказывают его коллеги по прошлой работе, строитель истинный, нашел себя в действии прямо противоположном. Мне кажется, в этом соединении в одной натуре состояний, по сути, не стыкуемых - причины бесконечных психологических перепадов в характере президента. Происходит аберрация и зрения, и разума человека, который, разрушая, глубоко убежден, что строит. Не станем углубляться в подобное мироощущение. Скажем о другом. Ельцин все время оставлял у младореформаторов иллюзию пребывания во власти и возвращения в нее. Эта их полная зависимость от президента, их холуйство и поддакивание позволяли Ельцину манипулировать демократами всякий раз, изображая дарующего власть царя, и демократы не воспротивились этой унизительной игре, а приняли ее, как должное. Жалуя демократов, возвышая их и отправляя в отставку, возвращая повторно и повторно отправляя их в отставку, он не только демонстрировал свою растерянность, тупиковость ситуации, в которой оказался,

но и свой стиль. Он никому из них не дал состояться как лидеру демократического движения, он линчевал их противовесами, топил в политических интригах. Разумеется, он желал прослыть реформатором, но, как разрушитель, он продуцировал философию противостояния. Он избегал компромиссов сам и не позволял демократам наработать навык компромиссности. Он лишил их собственной судьбы. Сейчас, на расстоянии, мы хорошо видим этот театр. Он варьировал образами. Сначала упитанно-гладкий Егор Гайдар, которого сразу же окрестили Винни-Пухом, а когда разглядели лучше, добавили определение "железный". Затем фанатичный Чубайс, сам себе подписавший прозвище "ваучер". Затем Борис Немцов, эдакий бестия с внешностью героя-любовника, с игриво блуждающим взглядом. И с прозвищем под стать - "курчавый" или, в иной среде, - "лохматый". Затем как черт из табакерки - Сергей Кириенко, человек с внешностью старшего пионервожатого. Прозвище, которое появилось едва ли не раньше назначения "киндер-сюрприз". И плюс к ним человек с лицом пастыря или собирателя икон - Олег Сысуев. Во всех этих президентских действиях была очевидная предсказанность временности этих людей.

Сейчас это перестает казаться случайностью. Каждый из них уходил, унося часть греха "непогрешимого" президента. Он дал им шанс, и они, даже получив отставку, пятились не переставая кланяться. Он не позволил им сложиться в самостоятельную политическую силу. Им все придется начать с начала. В чем же ошибка этих еще достаточно молодых и даровитых людей? В простом и очевидном. В утрате собственного достоинства. Они много могли бы рассказать о президенте, но он вывел их из игры в тот момент, когда их критика в его адрес уже ничего не может изменить и не имеет смысла. Де-факто все утрамбовалось.

В моей молодости у меня был учитель. Он наставлял меня, когда я совершал свои первые шаги в политической деятельности. Его звали Лев Горчаков. В ту пору я работал в Ленинградском областном комитете комсомола. Так вот, он говорил мне: "Олег, никогда не ориентируйся и не связывай свою судьбу с высокой личностью, как бы хорошо она к тебе ни относилась. Ориентируйся на процесс!"

Ушел в историю 98-й год. Год финальный, подытоженный жесткой фразой Юрия Лужкова, произнесенной на съезде движения "Отечество" 19 декабря: "Макроэкономический эксперимент, длившийся семь лет, закончен, господа хорошие!" Фраза темпераментная, фраза фатальная, произнесенная не лидером непримиримой оппозиции, а человеком, оказавшимся в политическом зените в период демократических преобразований, и бесспорным реформатором по своей натуре. И дело не в том, что Юрий Лужков был и остается оппонентом Чубайса, Гайдара, Немцова. Демократы, зараженные властным синдромом, разучились созидать союзников и друзей. Практически они прошли свою дорогу под девизом "Кто не с нами, тот против нас!". Этот принцип закономерно привел их к поражению, как он привел к поражению их предшественников.

И, наконец, последняя ошибка. Отрицая коммунистическую идеологию и выступая ее непримиримыми противниками, что выглядело достаточно натужно, так как большинство демократических лидеров вышло из рядов КПСС, демократы умудрились пустить под откос и идею национального достоинства, по недомыслию причислив идеи патриотизма к социалистическому ареопагу. Отдав эту идею на откуп коммунистам, демократы проявили такое непонимание и незнание истории России, психологической укладности целой страны, что тотчас перспектива их длительного пребывания во власти стала призрачной. Чуть позже, теряя социальную опору в обществе, демократы это поняли, но поезд уже ушел. Направления развития страны, на которых держались ее авторитет, ее мощь и национальное достоинство, были превращены в прах. Демократы действовали по принципу: кто не вписался в рынок, того нет. И вот тут ключевой вопрос: страна должна вписаться в рынок или концепция рынка подгоняется под менталитет страны? Здесь, в этом месте, разрыв и знаковый просчет младореформаторов.

Что же дальше? Как ответить на вопрос: год следующий - год политического реванша или год продолжения демократического развития России? Он будет шагом вперед или шагом назад? А может быть, топтанием на месте? И оно покажется нам большим благом, нежели

дорога во вчерашний ад?

98-й год подвел черту политической эпохе Ельцина. Ельцин привел демократов к власти. И тот же Ельцин захлопнул за ними властную дверь. Плохо это или хорошо? Это естественно, но при этом надо разделить понятие демократия и команда реформаторов, олицетворяющая до поры демократическую власть. Дверь закрылась за младореформаторами, но не как за демократией. Ельцин подошел к своему политическому итогу в 96-м году. Именно тогда у демократов был шанс достойно уйти в оппозицию и осмыслить пройденный путь, наработать принципы объединения и, возможно, через паузу в четыре года вновь, уже в другом качестве, добившись успеха на парламентских выборах, вернуться и продолжить скорректированные жизнью реформы. Но этого не случилось. Этого не допустил Ельцин. Никакой другой значимой опоры, кроме этой, у команды младореформаторов и Виктора Черномырдина не было. Ельцин еще раз доказал, что он человек вне самостоятельного мировоззрения. Его эпоха заканчивается печально. Три четверти своего правления Ельцин держался на идее антикоммунизма. Но идея "против" бесперспективна, она обозначает местопребывание, но не указывает дорогу. Ее уничтожило отсутствие идеи "за". Из двух страхов на выборах 96-го года избиратели выбрали второй страх перед непредсказуемостью реформ. Он оказался меньшим, нежели страх перед возвращением в социалистическое вчера. Последнюю пядь своего пути Ельцин намерен продержаться на благодарности за изгнание младореформаторов из коридоров власти. Появление генерала Бордюжи в качестве главы президентской администрации правомерно. Два предвыборных года, нервозных, объективно нестабильных, не под силу юмашевской администрации - нужен силовик. У Юмашева в сфере политической элиты нет личностного авторитета. Он человек другой среды, скорее чуждой власти, нежели родственной ей. Юмашев - профессиональный журналист. Властью его сделала приближенность к президенту. Даже не властью, а человеком при высокой власти, хотя формально он был значимым должностным лицом. В предвыборный нервозный период нужна хватка высококлассного управленца либо вышколенность кадровика. Этими качествами Юмашев не обладает, ими обладает генерал-полковник Николай Бордюжа. Его послужной список примечателен: КГБ, ФАПСИ, первый заместитель директора, а затем директор Федеральной пограничной службы. Все эти службы сверхпочитаемы высокими чиновниками и вызывают должностное беспокойство не потому, что они многое умеют, а потому, что многое знают. А это в предвыборный период очень и очень важно. Вот почему произошла смена караула. Немаловажен и другой факт, факт преемника. Напомним, решающим при назначении Бордюжи был голос Примакова. Это трудно назвать случайностью. Как известно, перед назначением Бордюжи главой администрации президента Примаков собирал для совета силовиков. И только после этого появился президентский указ. Сделаем одно смелое предположение. Бордюжу считают государственником. Его политические симпатии никогда и нигде не проявлялись, однако как некое приближение называют фигуру Примакова. Назначение Бордюжи на пост секретаря Совета безопасности и одновременно главой администрации президента - затея премьера. Она подтверждает предположение, что осторожный Примаков не исключает своего будущего президентства, хотя вслух этой идеи не высказывает. Замысел прост и изящен. Бордюжа на протяжении двух лет отлаживает работоспособную структуру и президентской администрации и Совета безопасности. К моменту избрания нового президента, предположим, что им становится Примаков, - в его распоряжении отлаженный рабочий механизм управления. И не надо ничего менять. В данный момент перед Бордюжей поставлена задача - взять под контроль деятельность силовиков и губернаторов. Трудно сказать, для кого важнее исполнение этой задачи - для президента нынешнего или для президента будущего?

Исходя из ситуации дня сегодняшнего, свою экс-президентскую безопасность Ельцин связывает с Примаковым. Напомним, что такой политический пасьянс президент разложил для себя в момент ухудшения своего самочувствия. Он еще живет в иллюзорном мире, когда сердито осаживает сорвавшихся со старта президентской гонки: куда поперед батьки в

пекло? Воистину, царские заблуждения не имеют границ. И перст указующий, перст царственный: "Вот мой преемник и продолжатель!" - кому бы он ни адресовался, будет уподоблен каиновой печати. И каждый из кандидатов мысленно бормочет: "Чур меня, чур..." А перед телекамерами положено улыбаться: "Благодарствую, Ваше величество. Навек с вами!"

Бегство в президенты

Январь - февраль 1999 года.

И грянул бой! Не первый и не последний. Полемика вокруг Российско-Украинского договора явственно обозначила контуры баррикад.

Голосования сенаторов в пропорции 115 "против" к 15 "за" впечатляет. Столь подавляющее неприятие поспешной ратификации договора вызвало крайнее раздражение у левого большинства в Думе.

Господин Селезнев был раздосадован настолько, что заявил: "Для ратификации договора согласие верхней палаты совсем не обязательно". Приятно, когда глава Государственной Думы так хорошо знает Конституцию собственной страны, тем более что участие Совета Федерации в процедурах такого рода четко оговорено в Основном Законе, но это к слову.

Игру испортил Юрий Лужков.

Никто не сомневается, что договор в конце концов будет ратифицирован, но... И вот это "но" и есть положительный либо отрицательный балансовый эффект.

Геннадий Селезнев, реакция которого по поводу выступления Лужкова была особенно нетерпима, на всякий случай предсказал политические похороны Лужкова, как говорится, пометил место, чтобы когда-нибудь - а вдруг! первым прокричать: "Это я, это я предсказал, я предупредил..."

Ситуация не лишена любопытности, она укладывается в формулу: "И ты прав". Иначе говоря, сторонники немедленной ратификации договора правы, ссылаясь на необходимость стабильных экономических отношений с Украиной, которые должен обеспечить договор. Правы они и в том, что наличие крупномасштабного межгосударственного соглашения выстраивает отношения цивилизованных стран во взаимообязывающей плоскости. Есть резон и в утверждении, что дружественные отношения славянских государств предпосылка к союзничеству на будущее. Не возвращение к прежней модели СССР, хотя леворадикальные коммунисты и там и тут этого желают, а к более тесным и близким, теперь уже политическим взаимоотношениям и связям.

Существование территориальных проблем всегда самая болезненная материя.

Однако нестандартность ситуации в ином, она в правоте оппонентов немедленной ратификации, и правоте никак не меньшей, чем сторонников.

Житейский тезис - украинцы могут обмануть - не лишен основания. Отношение к русскоязычному населению на Украине и к русскому языку, несмотря на все заверения президента Украины Кучмы, ухудшилось за последние годы, и причем ухудшилось основательно. Нет смысла называть цифры, которые озвучивались неоднократно. А ведь Кучма выиграл на выборах у Кравчука, в громадной мере опираясь на симпатии так называемого русского пояса: городов Николаев, Донецк, Харьков и других.

Отвратительна история и с воровством российского газа при транспортировке его через территорию Украины. Вызывает сожаление и беспокойство подчеркнутое заигрывание с НАТО украинских политиков, как, впрочем, и упорное категорическое нежелание обсуждать судьбу Севастополя как военно-морской базы России.

Отказ от ратификации договора, затягивание процедуры может спровоцировать наступление националистов на Украине. Так считают сторонники договора.

Они и без того наступают, утверждают их оппоненты.

Самое любопытное в этой ситуации, что оппоненты идеи немедленной ратификации никак не противники договора, наоборот, они его сторонники. Но они лишь настаивают на признании спорных вопросов и утверждении процедуры их решения. Чтобы эта процедура

была частью договора. Крым и Севастополь как раз из числа таких проблем.

Выступление Лужкова в Совете Федерации было наиболее аргументированным. Не эмоциональным, на чем настаивает министр иностранных дел Игорь Иванов, а аргументированным. Именно в силу этой доказательности оно оказало серьезное воздействие на мнение сенаторов.

Характерно, что любое выступление Лужкова уже давно не воспринимается как выступление московского мэра или регионального лидера. По своей сути оно может быть созвучно губернаторским взглядам, может быть не приемлемо для них, но всегда в их понимании это выступление вероятного кандидата в президенты. Нравится это Лужкову и его оппонентам, не нравится, но это так. Переполох в высоких федеральных кругах, вызванный выступлением московского мэра, из той же серии.

Получилось так, что Юрий Лужков не стал прорываться на узком участке, а атаковал по всей линии фронта, на которой удачно разместились на правах сотоварищей Государственная Дума, правительство и коммунисты. Последние как в качестве главенствующей парламентской фракции, так и в качестве довлеющей партии.

Хорошо ли это или плохо - говорить уже поздно, так случилось.

А теперь о реакции оппонентов мэра Москвы. Скорее всего, этот шаг Лужкова не улучшил его отношений с Примаковым, хотя лично Примакову ратифицированный договор с Украиной дополнительная головная боль. Давление на правительство в связи с множеством наличествующих, но не решенных этим договором проблем увеличится кратно.

Как дипломат и глава правительства, Евгений Примаков, конечно же, "за", но как государственник, он не может не чувствовать правоты Лужкова, да и как дипломат тоже.

Примечательно, что первая реакция на сенатский переполох последовала не со стороны правительства. Надо отдать должное двум министрам: Игорю Иванову и Борису Пастухову, они были вне всякой агрессивности, а продолжали должностные разъяснения.

Первая реакция, реакция упреждающая, последовала со стороны президентской администрации. Николай Бордюжа скоротечно встретился с шестью губернаторами на предмет создания некой губернаторской предвыборной платформы.

Пора понять, что Николай Бордюжа на свой нынешний пост был поставлен с согласия президента Евгением Примаковым. И это не случайно.

Назначение Бордюжи можно считать первым свидетельством, что Евгений Максимович, возможно, и не хочет, но и не исключает своего участия в президентских выборах. А если это так, то вполне уместно приступить к созданию будущей президентской инфраструктуры. Встреча неулыбчивого главы президентской администрации с шестью губернаторами лишь убеждает нас, что поручение президента, а вкупе с ним и поручение премьера - отслеживать ситуацию с региональными лидерами, главный администратор страны выполняет неукоснительно. То, что суетная поспешность случилась сразу после голосования в сенате, весьма показательно. В интерпретации придворных аналитиков ситуация была истолкована как катастрофическое доминирование московского мэра в Совете Федерации. Правительственные, и не только правительственные, наблюдатели пребывали в состоянии нервозности. Не отредактированные размышления на сей счет, выглядели примерно так: "Что же это получается? Если так пойдет дальше, Лужков весь "табун" за собой уведет!"

Разумеется, столь упрощенное толкование позиции Совета Федерации неприемлемо. Сенаторы пошли не за Лужковым. Многих из тех, кто голосовал за то, чтобы не спешить с ратификацией, назвать единомышленниками мэра вряд ли возможно. Неразрешенность многих вопросов, на которых правительство и Дума не акцентировали внимание при ратификации договора, насторожила сенаторов. И Лужков виноват лишь в том, что сказал об этом беспокойстве вслух. Разумеется, политический авторитет мэра сыграл свою роль, но никак не главную. Тем более что в словах Лужкова не было особой новизны. Всем известна его многолетняя, последовательная позиция относительно Севастополя, Черноморского флота и Крыма.

Своим выступлением в Совете Федерации Юрий Лужков инициировал активную политическую диффузию.

Почему столь раздраженной оказалась реакция Геннадия Селезнева? Именно он наиболее полно выразил позицию коммунистов. И дело не в том, что коммунисты упустили политический капитал, который они могли заработать на критике изъянов договора. И дело не в том, что в этом своем вынужденном молчании они были повязаны согласием с примаковским правительством.

Коммунисты оказались между двух огней. С одной стороны, правительство Примакова, которое коммунисты поддерживают, с другой - украинские партийные соратники, усилиями которых обеспечена ратификация договора на Украине. И Геннадий Селезнев, одержимый идеей союза с Белоруссией и гипотетическим замыслом присоединения к этому союзу Украины, на чем он активно нарабатывал собственный политический предпрезидентский вес, был буквально взбешен случившейся осечкой.

Юрий Лужков, по сути, обнажил антипатриотизм коммунистов, чем пошатнул их главный народно-патриотический постулат.

Лужков и не улучшил и не ухудшил свои взаимоотношения с коммунистами, он отыграл у них патриотические очки. Он показал, что во имя достижения узкопартийных целей и целей политически корыстных коммунисты готовы поступиться интересами соотечественников.

Лужков не был повязан никакими договоренностями и сознательно или не сознательно воспользовался своей свободой. В этом смысле мэр Москвы играл на открытом поле.

Бесспорно, создание движения "Отечество" расширило зону ревности в сенатском корпусе. Каждый губернатор, президент, по существу, - лидер, в хозяйственном ли преломлении, общественном или политическом, но обязательно лидер, иначе бы он не был ни губернатором, ни президентом. В этом разница между сенатором и депутатом Думы. Объединить лидеров - цель почти не достижимая. Можно объединить вторых или третьих лиц. Первых - никогда, потому что первые - все.

Упрекать губернаторов в наличии амбиций - занятие малопродуктивное, потому как властные амбиции губернаторов, глав республик - составная часть их управленческого профессионализма

Инициатива Константина Титова - главы Самарской области по поводу создания нового избирательного блока, с которой он выступил от лица двадцати губернаторов, - есть подтверждение этой естественной амбициозности.

Случившееся следует считать немедленной реакцией федеральной власти под девизом: "Хватит играть в кошки-мышки. Пора остановить мэра Москвы. Кто ему сказал, что он первый?!"

Не лишено интересности политическое кредо нового губернаторского блока, озвученное тем же Константином Титовым: "Мы решили не идеологизированно, нормально строить Россию, противопоставляя губернаторский блок тем, кто в преддверии выборов сделал ставку на политический ажиотаж". Звучит здраво и даже трогательно, особенно из уст заместителя движения "Наш дом Россия", поддержавшего тремя неделями ранее политический бунт в руководстве движения против Виктора Черномырдина. Того самого движения, лидером которого в собственных раздумьях Титов, конечно же, хотел бы стать. И основания для того были немалые. Профессиональный экономист - авторитетный губернатор. Но не сейчас, когда движение на излете, а раньше, много раньше.

Вообще, понятия - "блок губернаторов" или "предвыборный блок глав национальных республик (как утверждают авторитетные источники, на эту затею пытаются взбодрить умного и влиятельного Минтимера Шаймиева). Так вот от всех этих блоков, движений, объединений экс-премьеров вкупе с экс-вице-премьерами, губернаторов или президентов, а может, глав законодательных собраний отдает чем-то суетным и барственным. Мол, главное дело бояр объединить. А холопов, тех, что будут таскать транспаранты, найдем. Вон их сколько по улицам "шастает" без работы.

Лиса Алиса и Кот Базилио

Вернемся на несколько лет назад. Автором идеи о создании двух центристских партий накануне выборов 1995 года был Сергей Шахрай. Именно он эту идею двух блоков предложил президенту. Один, по договоренности с тем же президентом, возглавил Виктор Черномырдин, другой Иван Рыбкин. То, что идея продуктивна и была обусловлена политической ситуацией, ни у кого сомнений не вызывало. Воплощенный замысел должен был обеспечивать удержание власти и поставить в трудное положение оппонентов, заставить их вести предвыборную борьбу на два фронта. Замысел был действительно изысканным, но воплощение оказалось хуже замысла. Лидеры подвели.

Можно предположить, что в силу нынешнего политического расклада и наличия умного и работоспособного Сергея Шахрая в аппарате премьера идее суждено повториться.

Борьба за "тело" Примакова приобретает небывалую остроту. Не исключено, что Евгению Максимовичу придется проводить конкурс между губернаторами-энтузиастами, НДР и блуждающими олигархами за право называться партией Примакова. Губернаторам особенно тяжело. Менять так часто партийные билеты неудобно.

Что же касается противостояния между Лужковым и Примаковым, то оно было бы и ошибочным и нежелательным.

В атмосфере разбуженных губернаторских инициатив, так активно поддержанных президентской администрацией, и антилужковских наседаний прессы, как ни странно, выиграл мэр Москвы. Опасность угодить со своим движением под сокрушительный транспарант "Партия власти" становится менее вероятной.

Политическая история, тем более в России, ничему и никого не учит. Мы уже имели возможность проследить судьбу двух партий власти. Одна из них была коронована в 1993 году и называлась "Демократический выбор России", другая - в 1995-м с позывными "Наш дом Россия". Партии разные, а судьба одинакова.

У Лужкова есть шанс не наступить на те же самые грабли, но при одном условии: если его движение станет движением массовым, движением сограждан. По своей натурной сути Лужков ближе других к воплощению этой идеи. Лидер продуцирует среду партии. Лужков социально ориентированный лидер не в силу политической конъюнктуры, а по причине должностного исполнения - он мэр. Социальная естественность у Лужкова не имиджевая, не наигранная, в этом его козырь. Кстати сказать, его "кепочность", лазание по стройплощадкам, неумение держать паузу бесит современных имиджмейкеров.

"Не солидно, - говорят, - малореспектабельно, слишком улично".

Так это и хорошо. Ему же не родниться с испанским королем. А вот потеряй Лужков родственность с московскими дворами, которые мало чем отличаются от дворов пермских или тамбовских, как и заводские цеха в Воронеже от зиловских цехов, и никакое имиджмейкерское выкаблучивание эту родственность ему уже не вернет.

Лужков не умеет держать паузу, что верно, то верно. Умение держать паузу - это искусство дипломата-политика.

Умение сокращать паузу, сводить ее на нет - это искусство рачительного хозяина. Промедлишь, значит, не достроишь, недополучишь, не выплатишь. И нам еще предстоит задать себе вопрос: какое из этих двух умений для России предпочтительнее в ее разлаженном, бедственном бытии?

А может, то и другое необходимо и нет смысла спорить. Потому как в стратегическом рисунке многих, очень многих политических сил, оказавшихся на старте президентских гонок, будет угадываться некая одинаковость - как поссорить Евгения Максимовича с Юрием Михайловичем?

И льстивые ключевые фразы рядом стоящих будут очень схожи.

"Евгений Максимович, вы же умный человек. Разве вы не видите, что Лужков действует против вас?"

А на другой стороне, в другом стане эхом отдается: "Юрий Михайлович, вы же неглупый человек. Разве не ясно - Примаков работает против вас".

Не станем отворачиваться, ссылаться на глухоту. Тем более что нам повезло - в России не перевелись умные люди.

Свой среди чужих

Почему возникла кандидатура Никиты Михалкова?

Во-первых, потому что это совпадало с желанием самого Никиты Сергеевича. Когда Михалков затеял операцию "Съезд кинематографистов" и блистательно, с точки зрения актерского исполнения и режиссуры, ее провел по принципу восхождения на престол Рюриковичей: "Приди княже и правь нами", - стало совершенно очевидно, что главная цель где-то впереди и она еще в тумане. На Олимпе очередной кувырок совершало правительство, в третий раз отлучали Чубайса, Борис Федоров грозил налогоплательщикам плетьми, и всем было как бы не до того. А зря. Проглядели братцы Никиту, проглядели. Вожделенная мечта не могла быть скрыта даже сверхталантливой игрой отрицания. Да и не было смысла что-либо отрицать. Подобных вопросов в ту пору, когда вызревал этот замысел, ему никто не задавал.

С Михалковым все ясно, - скажет читатель, но почему Березовский? Действительно, почему? Немедленная реакция Бориса Абрамовича на непроясненный слух, что такой вариант возможен (да и сам Михалков не говорит ни да, ни нет), по меньшей мере озадачила.

Предположительный ответ прост. Закачался Александр Лебедь, которого Березовский поддерживает. Внутренние красноярские конфликты сделали президентские перспективы Александра Ивановича более проблематичными. А такой олигарх, как Березовский, прославившийся своим рационализмом, никогда не кладет яйца в одну корзину. Да и потом выбора, по существу, нет.

Хорошо бы с Примаковым, но, судя по всему, к нему дверь закрыта. Лужков неприемлем. К коммунистам нельзя. К Черномырдину можно, но незачем. На Явлинского поставил Гусинский. Лужков предрасположен к Явлинскому, Явлинский не скупится на похвалы в адрес мэра. Похоже, и здесь ситуация не ласковая.

Свое решение Борис Березовский обосновал как истый патриот, заметив, что, в отличие от других кандидатов, Никита Михалков думает о судьбе России, поэтому он, Березовский, его поддержит.

Бросается в глаза одна деталь: как только на световом табло вспыхнула фамилия Михалкова, политологи хором заговорили о здравости идеи восстановлении поста вице-президента. А если учесть, что об этом уже не единожды говорил Юрий Лужков, немедленно возникла политическая комбинация, в которой обаятельный Никита Михалков мог бы выполнить роль вице-президента. Не скупились на варианты. А чего скупиться - их, по сути, два: либо с Примаковым, либо с Лужковым. В качестве вице-президента рядом с Зюгановым я Михалкова представляю с трудом. Хотя все может быть.

Как казалось политологам, они поступают справедливо, не отказываясь от своих зрительских симпатий к Никите Сергеевичу, они находят ему должное место на политическом Олимпе. При этом, конечно же, учитывается, что сродственник по актерской судьбе Рональд Рейган, прежде чем стать президентом Америки, был губернатором одного из крупнейших штатов страны.

Вспоминаются строчки из интервью Бориса Березовского, которые он давал на протяжении всего 1998 года. Борис Абрамович постоянно повторял намекающую фразу, что среди претендентов на президентский пост он надеется или, можно сказать, рассчитывает увидеть совершенно новую фигуру.

Ну что ж, мы все можем вздохнуть с удовлетворением, все это время Борис Абрамович неустанно занимался поисками человека, который думает о России.

На правах реплики

29 января 1999 года на заседании правительства было принято решение об амнистии. По словам министра юстиции Крашенинникова, Россия стоит на первом месте по количеству заключенных - более одного миллиона. И не гуманно, и накладно экономически. Решено амнистировать сто восемьдесят тысяч осужденных.

Показательна реплика премьера, суть ее примерно такова: "Гуманизм гуманизмом, но нам надо освобождать места для тех, кого мы будем сажать за экономические преступления". Через два дня на международном форуме в Давосе премьер повторил эти слова, видимо полагая, что финансисты и бизнесмены Запада воспримут это как улучшение инвестиционного климата в России. И хотя премьер и не раз и не два говорил, что ни в коем случае, рискнем предположить, что, в несколько отрешенном стиле, Примаков начинает свою президентскую кампанию.

И проект закона о примирении ветвей власти, внесенный в Государственную Думу, обозначенный датой 2000 года, можно считать стартовым взносом Евгения Максимовича в фонд будущих президентских баталий.

По-разному можно прочесть этот документ, но одно просматривается явственно: в наибольшей степени ограничиваются права президента. А если к этому добавить, что в бюджете 1999 года предполагалось наивысшее сокращение расходов, до 40%, по строке "Администрация президента", то, независимо от желания инициаторов "пакта о ненападении", просматривается умышленная или случайная связь между этими законодательными инициативами, что при постоянно возрастающей политической температуре в обществе может быть истолковано, как наступление на Кремль.

Возможно, это чистая случайность, отчасти подтвержденная расстроенной репликой Маслюкова, назвавшего такое сокращение досадной оплошностью, которую надо обязательно исправить. Как возможно и другое коммунистическое большинство переусердствовало и скрытое стало явным.

Почему именно сейчас Евгений Примаков вносит этот документ?

Потому что болен президент и вряд ли это недомогание последнее?

Потому что необходима политическая стабильность в преддверии двух нервических предвыборных лет? И поэтому тоже.

Но главное, пожалуй, в другом. Та самая пауза, которую мастерски умеет держать политик-дипломат Евгений Примаков, заканчивается 5 февраля, когда бюджет 1999 года будет принят Думой в последнем чтении. С этой минуты бюджет станет осязаемой величиной, и с этой же минуты эффективность заявленной политики по оздоровлению реального сектора экономики необходимо будет подтверждать. И Примакову крайне важно, чтобы при любых социальных коллизиях, которые непременно будут в этом сверхтрудном году, все ветви власти были ограничены в самостихийных волеизъявлениях.

Но речь не только о социальных коллизиях. Колебание настроения ветвей власти может быть обусловлено причинами иного характера.

По последним официальным данным, оглашенным на международном уровне, Россия входит в десятку самых коррумпированных стран мира. Срастание преступной среды с властью в России обрело угрожающие размеры. И реплика Примакова на заседании правительства: "Будем сажать за экономические преступления" - мало похожа на литературный прием.

Если "будем сажать", то неминуемо потянется нить и неизвестно, в каком властном кабинете и на каком этаже окажется ее начало. А то, что это произойдет, нет никаких сомнений. Примакову крайне важно, чтобы действия "разбуженных" правоохранительных органов не сыграли роль детонаторов и не вызвали крайнее волнение и взвинченность в коридорах исполнительной, президентской, законодательной и всех прочих властей. Поэтому сдерживающая взаимодоговоренность на правах закона Примакову нужна. Именно эта всеобъемлющая воздержанность непременно продлит время политической стабильности, которая пока является единственным, хотя и значимым завоеванием председателя правительства, вероятного кандидата в президенты Евгения Примакова.

А там подойдет 2000 год и будет ясно - избираться или не избираться.

Разумеется, наши раздумья по поводу замыслов премьера предположительны и депутаты, отвергая идею пакта о согласии, будут руководствоваться совсем другими, более очевидными соображениями. Процентов семьдесят нынешних депутатов Думы сделают

попытку переизбраться на следующий срок. Мобилизуя себя на штурм парламентского Олимпа, депутаты хотели бы иметь развязанные руки и атаковать правительство и президента по полной программе. Согласимся, что другого капитала у депутатов попросту нет. Принятые законы не идеальны по содержанию и уязвимы в силу их бездействия. А значит, превосходство одного кандидата перед другим будет определяться накалом критики в адрес властей. Президент это прекрасно понимает и поэтому свою уступчивость по мотивам соглашения станет соизмерять с уступчивостью депутатов. В этом месте круг замыкается.

Нет спора, надо сажать за экономические преступления, но при этом следует помнить, что в России (Советском Союзе) главными преступлениями во все времена считались либо политические, либо экономические нарушения законности. И человек, укравший полтонны зерна или двести рублей, совершал, по сути, экономическое преступление, именуемое в обыденности "кражей". Порочность, уязвимость нашего развития в нескончаемом торжестве абсурдности, когда определяющим мотивом развития экономики страны является политика, а не наоборот. И до тех пор пока мы будем жить по таким правилам, стране предписано кувыркаться и переползать из одного кризиса в другой.

По этой же самой причине любое преследование за экономический урон, нанесенный тем или иным процветающим субъектом из клана "новых русских", или олигархов, или, может быть, из какой-нибудь иной стаи, будет объявляться этим субъектом как политическое преследование и сведение счетов. И тотчас начнут оживать защитники прав человека, маршируя по улицам с плакатами: "Свободу Юрию Деточкину, или Клементьеву, или Ковалеву, или..."

Власть, пронизанная коррупцией, обеспечивает вечное алиби в глазах общества любому крупномасштабному вору, потому что она сама часть этого масштабного воровства. Такой власти крайне выгодна политическая нестабильность.

В поисках пятен на солнце

В чем уязвим Евгений Максимович Примаков? И существует ли вообще такая уязвимость? Рискну утверждать, что да, существует.

Примаков с первых дней своей биографии - это человек работающий в параметрах "вне", а не "внутри". И когда в молодости он был корреспондентом "Правды", и когда работал на радио, и когда возглавлял международные институты, и когда руководил внешней разведкой. И когда был министром иностранных дел. Вне, вне и еще раз вне.

Там он был независим, неподкупен и денежные потоки высшей насыщенности, которые были задействованы внутри страны, потоки теневого бизнеса, как и криминализация самой власти, омытой этими потоками, Примакова не коснулись. В этом его счастливый удел.

В Примакове объединились чистота с определенной "непережитостью" событий внутренней жизни России. Он оказался как бы вне реформ. И не потому, что не принимал их, хотя, вполне вероятно, выбирая между Гайдаром и Чубайсом, Абалкиным и Львовым, Примаков со своими симпатиями, вполне возможно, оказался бы на стороне академиков горбачевской волны. Не станем вдаваться сейчас, насколько глубока реформаторская суть этих академиков.

Просто Примаков, как разведчик, предпочитает ориентироваться на людей, которых знает в лицо. И нет сомнений, что у нашего премьера исключительная портретная память.

Можно сказать так, что реформы, которые сотрясали страну с 1992 года, сотрясали прежде всего внутри, затронули Евгения Максимовича в его должностном исполнении прежних лет по касательной.

С одной стороны, это даже хорошо - независимый, не повязанный никем и ничем премьер, строящий рыночную экономику, явление сверхжелательное, но маловероятное. И сколь долго Примаков удержится в этом образе, сказать трудно, но здесь таится одна опасность, потому как независимость чревата в таких случаях неучастием или участием формальным - на правах третейского судьи, что может себе позволить только президент. А премьер, увы, всегда и везде месит глину.

Приглядываясь к нынешнему правительству, невольно испытываешь ощущение, что это

команда, решающая текущие задачи. Это правительство, которое намерено сделать передышку в реформаторских изысках, закончившихся провалом 17 августа.

Но, желаем мы того или нет, вопрос: "Что и как мы собираемся делать дальше?" - неминуемо встает. Как и вопрос о скамейке запасных и ее длине. Перечеркнув предшественников, как проигравших реформы, и получив чисто российское удовлетворение от возможности презреть и предать анафеме еще вчера вершащих власть в стране, следует остановиться и задать себе самим вопрос: "Откуда, из какой артезианской скважины Примаков и его окружение намерены извлекать кадровый ресурс? И каков будет возрастной рисунок этого пополнения?" Ожог, полученный высшей властью от прикосновения 35-летних, их кастовое наступление, их антиподность, зашоренность на своих, одновозрастных, и создали эту атмосферу слома и непреемственности власти.

Теперь мы имеем совершенно иное правительственное многолюдье, которому, как им кажется, ничто из предшествующего правительственного опыта непригодно, а потому упаси Бог возвратить кого-нибудь из тех прошлых. Да и с другой стороны, куда их возвращать? На менее значимые посты вне правительства? Но это поколение настолько амбициозно, что после того как президент дал им возможность порулить страной, ни на что меньшее по масштабам их уже не уговорить.

Они не стали новой генерацией чиновников управления, для которых самое важное даже не должность, а гарантия остаться частью управленческого государственного механизма. Эти же в своем внутреннем сознании остались лидерами, фигурами "номер один", хотя оказались в такой роли стихийно, в результате алогичных решений президента, больше похожих на барственный каприз, или в результате его спонтанного управленческого пробуждения во время недолгих улучшений самочувствия.

Но если прошлые, несравненно более молодые, наломавшие дров, из кадрового резерва изъяты, то возникает вопрос: "Откуда и каких введут в управленческую обойму?"

Правительству не может хватить интеллектуального задела, которым обладает премьер, хотя подобного потенциала образованности и многогранности применения своих профессиональных данных, которыми владеет Примаков, не было ни у одного премьера России, как, впрочем, и СССР. И все же опыт и интеллект Примакова - это данность особого свойства - данность создателя устойчивых схем и структур противостояния, противодействия и сдерживания. Мудрость правителя - данность великая, и это верно - нам не хватает мудрости. Но еще в большей степени нам не хватает побуждающего динамизма власти, ее способности совершить прорыв, потребность, которая для России сверхактуальна. И как бы мы ни выстраивали наши ряды, второй, а уж тем более третьей команды реформаторов, если мы не прокляли эту профессиональную характеристику окончательно, у Примакова под рукой нет. И из пятнадцатилетнего вчера они вряд ли появятся. На дворе другая жизнь.

Поэтому вопрос: кому будет верить Примаков? - перестает быть частным вопросом премьера.

Разведка боем

Четвертого февраля заседание правительства несколько задержалось. Ждали премьера. Присутствующие переговаривались вполголоса и время от времени посматривали на часы. Все знали, что премьер у президента, и от этого напряженность ожидания возрастала с каждой минутой. Слухи ходили самые невероятные. Накануне президент сделал очередную кадровую перетряску, и вопрос "Что будет с нами?" буквально витал в воздухе.

Наконец премьер появился. Как утверждают очевидцы, лицо у него было непроницаемо хмурым. Судя по всему, разговор с президентом не был легким.

А, по-моему, лицо как лицо. И вообще лицо разведчика и дипломата не должно выдавать настроения. Таковы правила профессии.

За два дня до заседания правительства пресса была нашпигована намеками. Все искали хоть каких-то обоснований внезапным появлениям еще не выздоровевшего президента в Кремле.

По устойчивой традиции после каждого очередного недомогания Ельцин непременно

совершал должностные увольнения. Сейчас случилось то же самое подал в отставку Генеральный прокурор Скуратов. И как бы в дополнение, чтобы добавить тумана, Ельцин лишил своих постов еще четырех сотрудников из президентской администрации. Ушли последние из "старой гвардии" президента.

Однако журналистам этого показалось мало, потому как случилось еще одно появление президента в Кремле. И опять Ельцин пробыл в своем кабинете менее двух часов, после чего так же внезапно отбыл в свою загородную резиденцию.

Упрощенная логика подсказывала - началась нешуточная схватка между Борисом Березовским и Евгением Примаковым. Об этом уже и писали, и предсказывали, и предупреждали. Из уст в уста передавалась реплика Бориса Березовского, которая тотчас же стала известна его близкому окружению, а затем менее близкому, а затем... "Не таких снимали!" По слухам, ответ Примакова был мгновенным: "Очень хорошо. Либо он, либо я".

Березовский - человек крайне эмоциональный, он может закусить удила, но не надолго. Березовский быстро считает. И как только эти расчеты показывают невыгодность его собственной агрессии, Березовский суетно начинает искать компромисс.

Об излишней эмоциональности Примакова ничего не известно. Судя по постоянному выражению его лица, это качество глубоко упрятано.

Если Ельцин не отодвинет от себя Березовского или, употребляя полукриминальный жаргон, не "сдаст Березу", то каких-либо перемен в правительстве не следует ожидать по крайней мере два месяца.

Если же Березовский отыграет очки, то правительственные жертвы уже обозначены - два вице-премьера: Маслюков и Кулик и министр финансов Задорнов. Допустим, президент решится на подобный шаг. В этом случае, Примаков немедленно подает в отставку, чего и добивается Березовский.

Возникает вопрос: отставка Скуратова, по указанию которого начались обыски в ведомствах Березовского, охладит Примакова или премьер намерен продолжать свое наступление на друга президентской семьи?

С президентской семьей тоже не все так просто, там разлад. Березовского традиционно протежирует младшая дочь, Татьяна. С выходом в отставку Валентина Юмашева альянс, конечно, ослаб, но Татьяна Борисовна верна своим деловым привязанностям. Но проблема в другом. Муж старшей дочери президента Окулов, в свое время внедренный на должность руководителя Аэрофлота тем же Березовским, в момент, когда Борис Абрамович положил глаз на авиационный бизнес и ему нужна была "крыша", неожиданно из союзника и сотоварища превратился в "анти". А ведь интригу с внедрением президентского зятя Березовский считал едва ли не жемчужиной своих закулисных игр. Тут есть одно разночтение. Согласно существующей легенде, должность заместителя Окулов получил еще при Евгении Шапошникове. А когда Шапошников ушел, было заготовлено два варианта приказа по поводу назначения на столь высокий пост. В одном приказе стояла фамилия Окулова - зятя президента, в недавнем прошлом рядового штурмана, в другом - Николая Глушкова, к тому времени заместителя Шапошникова. В этом кадровом дуэте, согласно той же легенде, Борис Березовский пробивал Николая Глушкова, что вполне вероятно, но не пробил. Назначили Окулова.

Березовский не мог тормозить зятя президента, для этого он слишком хитер.

В этом случае возникает вопрос: "А кто тогда продвигал совсем малоопытного Окулова? И кто убирал Шапошникова, президент? А потом назначил к себе советником, чтобы освободить место для своего зятя?" В чем-чем, а уж в таких комбинациях Ельцина заподозрить просто невозможно. Это вне его мироощущения.

Говорят, Окулову не нравятся слухи, блуждающие среди соратников по летному цеху, что именно Борис Березовский посадил его в это главное аэрофлотовское кресло, кресло генерального директора. Мало ли кому что не нравится, это факт личной биографии господина Окулова. Лучше уж Березовский или Шапошников, чем сам Ельцин.

К этому времени Борис Абрамович уже приоткрыл дверь в семейные апартаменты

президента. И назначение Окулова он мог только приветствовать, а не бороться против него.

Шапошников, прежний руководитель Аэрофлота, был фактурен, маршал как-никак, но в качестве "крыши" не годился. Поэтому появился Окулов. Лучшего заслона, чем зять президента, быть не могло.

Однако теперь, когда премьер намерен решить проблему Березовского раз и навсегда, Окулов в назревающем конфликте принял сторону премьера, чем неминуемо спровоцировал напряжение в семейном президентском кругу.

Все разговоры о маршале Шапошникове как карманном человеке Березовского несколько преувеличены. Именно Березовский выдавил Шапошникова и, по взаимной договоренности с Юмашевым, пристроил его президентским советником. У Березовского достаточно врагов, а Шапошников слишком воспитан, у него существует совершенно неприемлемое для современного бизнесмена понятие "офицерской чести". Маршал излишне чувствителен, улыбчив и может не выдержать войны "компроматов".

Президентский зять - другое дело. На него и наезжать остерегутся. Разумеется, до поры.

Уже спустя долгое время после окуловского назначения, а он оказался не чужд навыков бизнесмена, заговорили, что в семье президента отношение к Березовскому совсем не однозначное. И что семейный клан старшей дочери, а именно ее мужем является Окулов, все в большей и большей мере старается дистанцироваться от преуспевающего олигарха.

Но старшая дочь и ее муж в политику не вмешиваются. Политикой в семье, помимо президента, занимаются младшая дочь Татьяна Борисовна и друг семьи Валентин Юмашев, в силу чего их влияние на президента почти всегда брало вверх. И хмурое недовольство Ельцина по поводу суетного и услужливого олигарха как правило сходило на нет.

И вот теперь небеса разверзлись. Насколько принципиален президентский зять, который якобы проговаривал с прокуратурой суть операции по изъятию документации и отстранению сторонников Березовского с ключевых постов в коммерческой деятельности компании, сказать трудно.

Окулов на собрании коллектива бросил реплику, что действия прокуратуры правомерны и могут только оздоровить обстановку. "Нам пора освободиться от прилипал", - сказал Окулов. Тут же была объявлена схема реорганизации Аэрофлота, по которой сторонники Березовского попадали под сокращение.

Чем руководствовался Окулов: обидой по поводу ушедшей из рук прибыли, посчитав, что дележ был несправедливым (а Березовский не любит отдавать деньги), или желанием обезопасить себя и семью президента, оказавшись под артиллеристским обстрелом, который затеял премьер?

Согласимся, не лучший финал президентского правления - когда бы зять Ельцина оказался на скамье подсудимых.

Так сдаст Ельцин "Березу" или не сдаст? Можно поставить вопрос по-другому. Успеет сдать или не успеет?

Весь шум относительно охранной фирмы "Атол", расположенной в офисном помещении "Сибнефти", и якобы отслеживающей передвижения и контакты президентской семьи, и прослушивающий ее телефонные разговоры (речь прежде всего о младшей дочери Татьяне Дьяченко), имеет шансы рухнуть в одночасье. Ибо сама дочь, напуганная разоблачениями и обвинениями Александра Коржакова, еще одного бывшего друга семьи, могла обратиться к Березовскому и попросить организовать неофициальное прикрытие, потому что подозревала, что люди Коржакова так или иначе остались в президентской охране.

А вот Аэрофлот - это серьезно. Березовский не любит, когда кто-то пересчитывает его деньги, а уж тем более на них претендует.

Одним из главных постулатов Бориса Абрамовича, которым он однажды напутствовал владельца шестого телевизионного канала Эдуарда Сагалаева, являются удивительной мудрости слова: "Эдик, научитесь тратить чужие деньги!"

Ответ на вопрос, устоит или не устоит Березовский, заключен не только в этой дворцово-семейной интриге.

Реформы, которые Борис Абрамович уже начал в роли исполнительного секретаря СНГ, идут трудно, а события последних дней, когда Узбекистан отказался пролонгировать Договор о коллективной безопасности, который является краеугольным камнем всего здания СНГ, могут поставить под вопрос сам факт существования содружества, как такового, и тогда всякий разговор о реформах становится малосущностным. А если учесть, что еще два члена содружества - Азербайджан и Грузия - склонны проигнорировать этот договор, то положение исполнительного секретаря Бориса Березовского следует считать малоутешительным.

Березовского может не хватить для войны на два фронта. И тогда он сосредоточит все свои силы там, где таится главная угроза его политическим интересам и капиталам.

В Узбекистане это автомобильный бизнес, в России, Грузии и Азербайджане - нефтяной. И еще стоит очень подумать и взвесить, что для Березовского важнее: остаться в качестве главного шептуна при уходящей натуре, каковой является президент Ельцин, или пост ключевого международного чиновника регулирующего бизнес не только между странами, но и, как показал его личный опыт, президентами тоже.

Если Борис Березовский начинает заниматься совершенно не свойственным ему делом, это ни в коем случае не поступок альтруиста, какими бы словесными эскападами патриотического или интернационального характера они ни сопровождались. Всегда надлежит знать, что должность, которую занимает Борис Абрамович, есть ключ в преумножении его дивидендов. Вчера в Чечне, сегодня в пределах СНГ.

Этим своим качеством Березовский переигрывает всех российских олигархов. И что вполне вероятно, российские олигархи двинутся вслед за ним, но правила игры на этих пространствах, отныне и надолго, будет определять не кто иной, а Борис Абрамович Березовский.

Во всех этих перипетиях присутствует одна малоприятная деталь: Березовский несомненно человек умный, энергичный и, что также несомненно, коварный. Борис Абрамович в осуществлении своих финансовых или политических замыслов опирается, как правило, на высоких профессионалов. При этом он не скрывает, а подчеркивает свою близость к президентской семье. Эта деталь очень важна - профессионалы после такой аттестации становятся более уступчивыми. Сеть, раскинутая Березовским, всегда обширна. И теперь, в связи с возникшим конфликтом, тень скандала непременно затронет этих самых высоких профессионалов.

А Примаков, обуреваемый желанием сокрушить империю Березовского, станет выкорчевывать всех подряд. Владимир Рушайло, первый заместитель министра МВД, уже оказался в этом списке. И предстоящий отчет Степашина перед президентом, какое бы обоснование ему ни давалось, напрямую связан с разразившимся скандалом. Да и сам Степашин не избегал контактов с Борисом Березовским, тем более когда это касалось освобождения заложников в Чечне.

Степашин всегда считался человеком Ельцина. Примаков с этим фактом вынужден смириться, но, скорее всего, Степашину не доверяет. Следуя логике событий, Ельцин, только что подписавший отставку Генерального прокурора, должен сохранить руководство силовых ведомств в прежнем составе. На привыкание к новым уже не остается времени. Ельцин продолжает жить иллюзией, что "силовики" его оплот. Внезапное возвращение Михаила Барсукова на невыпуклую, контролирующую должность в силовых ведомствах - симптом уставшего президента.

Круг забот и интересов президента сужается. И Примаков будет старательно оберегать эту уменьшающуюся в размерах шагреневую кожу.

МИНУЯ ПРОКЛЯТИЕ

В одной из передач КВН времен Горбачева прошла реприза "Партия, дай порулить!". Эта студенческая шутка оказалась вещей. Если вдуматься, почти философия "бархатной революции". Переход власти без баррикад и уличных боев.

Совсем без баррикад и боев мы, естественно, не можем. Россия, понимаешь. Путч 91-го года, затем попытка еще одного, в 93-м. И любое обострение ситуации, социальное напряжение мы теперь иначе и не называем, как только предпутчевым, не предреволюционным, а именно предпутчевым. Эпизод из 1993 года. Сквозь толпу зевак, собравшихся на мосту через Москву-реку и наблюдающих за обстрелом Белого дома, как возможно с высоких трибун смотреть футбольный матч, протискивается крупный, тяжеловесный небритый мужчина. Он повторяет одну и ту же фразу: "Мельчает Россия. Всех сил только на путч, на революцию уже не хватает". Один раз или два его лицо даже промелькнуло на телевизионном экране. Что-то подобное я слышал в августе 91-го года. Пожилой отставник, трогая не то палкой, не то тростью завал перед Белым домом из железных прутьев, бетонных блоков, досок и всевозможного хлама, зло бормотал: "Защитники, мать вашу! Приличную баррикаду построить не могут".

У каждого своя нить воспоминаний. Каждый жалеет о чем-то своем. На очередном съезде театральных деятелей делегаты говорили об утрате театром своего предназначения не только в силу обнищания, но и в силу вымирания нервного поля, которое создавал театр, потому как на подмостках он, театр, давал бой рутине и выигрывал этот бой. Новая жизнь, приближение которой театр чувствовал и которую звал, ныне... И не понять, кто подменил зрителей: сам театр или жизнь? Облом получился, полный облом. Театр накликал жизнь, которой он не нужен. Ах, если бы только театр... А наука, а образование, а культура и медицина... Я согласен с Александром Гельманом1 мы действительно просмотрели момент, когда театр и жизнь поменялись местами. Жизнь социальных баталий, поведение политиков, бизнесменов превратилось в театральное действо, а сам театр оказался в зрительном зале и превратился в обыкновенного прохожего, которому тоже не платят зарплату. Соединение трагедии и фарса сегодня ощущается слишком отчетливо. Пятнадцать миллионов вышедших на улицы в ноябрьские дни и протестующих против безумия неплатежей - это краски трагедии. А журналистская интерпретация, что лидером протестующих можно считать премьера, который потребовал пересмотреть сроки погашения задолженности по зарплате, - красками фарса. Потому как подобное журналистское толкование сверхположительности власти, которая и виновата в этом кошмаре, вернувшись с телевизионного экрана в сознание пятнадцати миллионов протестующих, приведет их в ярость и породит еще десять миллионов сторонников уже организованного возмущения. "Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется" - это в пересчете на потомков. А в пересчете на очевидцев, когда газетное слово творится ежедневно, радийное, телевизионное - ежеминутно, вне предугадания нет осмысленной профессиональной журналистики.

* * *

За тенью президентского нездоровья как за приспущенным занавесом репетируется очередной политический спектакль. Пересказывать содержание не имеет смысла. Спектакль многоактный. Похоже, мы обретаем навык создания отечественных мыльных опер. Чего не отнять, того не отнять - мы талантливая нация.

Скажите мне, кто до 24 октября знал, что у секретаря Совета безопасности есть заместители? Один, может быть, двое на сто тысяч сограждан. Спросите сейчас у любого человека о заместителях недавнего секретаря Совета безопасности Александра Лебедя, их фамилии. Я не хочу обидеть этих людей. Их фамилии вспомнятся с трудом. Собственно, в повседневную практику пофамильно и гласно обозначенную должность ввел именно Лебедь, сообщая зычным басом: "Я поручил своему заместителю..." А кто знал что-нибудь о заместителях Олега Лобова? Никто. А о заместителях первого секретаря Совета безопасности Юрия Скокова? В ответ тоже гробовое молчание. Что же произошло? Почему назначение Бориса Березовского на должность заместителя секретаря Совета безопасности вызывало такую бурную реакцию? Должность во все времена малозначимую?

Тут уж ничего не поделаешь, господа высокие политики. Не место красит человека, а человек место. Борис Березовский вот уже почти два года на слуху у всего общества. Он проходил в нашей мгновенной истории как владелец ОРТ, нескольких газет и журналов, как

президент и совладелец ЛОГОВАЗа, обещавший нам автомобильный ренессанс, претендовавший на роль автомобильного магната, сотворивший благозвучный логотип АВВА. Человек, внедрившийся со скоростью буровой установки в нефтяной бизнес. Обозначенный в недавнем прошлом как соратник Олега Сосковца, Александра Коржакова и Михаила Барсукова. Ни для кого не должно быть секретом, что часть кадровых назначений в те времена с приглашением кандидата на должность обсуждалась в составе Коржаков, Барсуков, Березовский, Бородин. Чуть позже исторически Борис Абрамович обозначается уже как обличитель Коржакова и как соратник и друг Владимира Гусинского, в недавнем прошлом злейшего врага Коржакова, обещавшего объявить "гусиную" охоту. Неприятия той идеи в тот момент со стороны Бориса Абрамовича летопись не зафиксировала. Еще мы знаем, что он доктор технических наук с математическим уклоном, член-корреспондент Академии наук.

Иначе говоря, шум вокруг имени Бориса Березовского создает сам же Борис Абрамович. Хотел ли он этого? Разумеется, хотел. Ну а двойное гражданство - это уже так, до кучи. В свое время, время недавнее, Борис Абрамович хотел составить партию в Совете безопасности с Александром Лебедем. Там что-то заклинило. Похоже, с птицей не получилось, зато на рыбном фронте прорыв. Лично я не понимаю, почему такой шум? А если мы проглядели финансового гения? По словам Лебедя, у Березовского в Чечне часть бизнеса. Может быть, это правда, может быть, частичная правда. Если правда, то Березовский в Чечне будет осторожен. А осторожность в той накаленной среде не помеха. Политолог Леонид Радзиховский вообще поведал нам, что Бориса Березовского мы по-настоящему не знаем, он нам еще покажет и мастерство компромисса и откроет секрет экономического процветания. "И вообще, Березовский, - сказал Радзиховский, - натура незаурядная". Возможно. Сейчас Борис Абрамович с чрезвычайной настырностью дает интервью, наверняка и пресс-конференции не за горами. Его часто и обильно цитируют. В этой ситуации есть один непроясненный момент. Лебедя критиковали за то, что, будучи на сугубо государственной и чиновничьей должности, он вел себя как публичный политик, что само по себе неприемлемо; давал характеристики политическим персоналиям, оценивал государственную политику в целом и критиковал действия существующей власти. Видимо, Борис Абрамович власть критиковать не будет, а в остальном он не чужд публичности и вообще власть без публичности для него вроде как бы и не власть. Напомним, что все это происходило в 1997 году.

Одно из ключевых заявлений Березовского, сделанное еще перед президентскими выборами, я не передаю его дословно, важен смысл. "Банковский капитал не может оставаться безучастным к политике и оставаться в роли наблюдателя. Либо мы примем участие в управлении страной, либо мы потеряем эту страну". В свое время Ленин сказал очень похожие слова. Кажется, это было в период работы Учредительного собрания. "Либо большевики возьмут власть сейчас, либо они потеряют все и не возьмут ее никогда". Что это, банковский необольшевизм? Или хрестоматийное сращивание власти и капитала?

Появление Березовского в структурах власти (неофициально он присутствует в них уже более двух лет) лишь подтверждает истину: всякое повторение - путь к привыканию. Интересно, что о должности Березовского говорилось так, как если бы она была по меньшей мере третьей или даже второй в стране. Полагать, что это плод измышлений политических противников, непозволительная наивность. Разумеется, наш премьер не желает об этом даже слышать. В чем, конечно, ничего удивительного нет. Как правило, муж последним узнает об измене собственной жены.

Мне кажется, мы до сих пор плутали в неведении, полагая, что коррупция это и есть срастание власти с капиталом. В какой-то степени да, но в значительно большей - это срастание власти с криминальными структурами, владеющими капиталом. Отсюда взятки, внедрение в органы МВД, подкупы. Временность власти, ее скорая сменяемость при демократическом развитии, при отсутствии культуры управления, как никогда инициируют страсть чиновника к меркантилизму - использовать временное пребывание в должности для

самообогащения. Этот скрыто дремлющий меркантилизм чувствует преступный мир и идет ему навстречу. Вот откуда коррумпированность. А срастание власти с капиталом - это нечто иное. В этом случае капитал становится властью, а власть товаром, наподобие колготок, куриных окорочков, престижных машин и дорогих проституток. Пока еще на прилавок не выбросили товар с этикетками: премьер, вице-премьеры, министры. Но мы уже на пороге. Вот-вот и торги начнутся. У современной власти есть два выхода: либо немедленно пресечь этот процесс, а это неминуемая самоказнь, либо уйти, чтобы народ успел забыть ее грехопадение. Общество стремительно теряет веру в обязательное, подчеркиваю, обязательное бескорыстие власти. Эту власть привела к победе демократия. Больно. Но не смертельно, если люди проклянут власть. Катастрофично, если заодно с властью люди проклянут демократию. Произойдет отравление демократией, как некогда произошло отравление коммунизмом. Поле, которое дважды выкорчевывалось, либо вообще не родит, либо родит скудно.

В цивилизованных странах понимание, что опасность такого процесса существует всегда, обусловило максимальное ужесточение законов для представителей крупного капитала, оказавшегося у кормила исполнительной либо законодательной власти. Как и соприкосновение капитала с этой властью в моменты принятия решений при финансировании той или иной государственной программы. Достаточно вспомнить судебные процессы в Южной Корее, приговор, вынесенный президенту Ро Де У. А ведь он назван творцом корейского экономического чуда. Не подходит Южная Корея - тогда Япония с регулярными сериями скандальных отставок членов кабинетов и целых правительств. Слышу насмешливый окрик: "Подумаешь, Страна утренней росы... Да у нас этой росы во... По горло и до пяток! У нас территории столько, что солнце всходит и заходит". Очень верные слова, а дальше по известной песне "А в тюрьме моей темно...". И тогда фарс превращается в национальную трагедию. Один сотрудник радио Би-би-си спросил меня: "Где же ваша хваленая независимость СМИ?" "В прошлом", - ответил я и пообещал коллегам на эту тему поговорить отдельно. Когда победы настоящего слишком быстро становятся прошлыми, будущее лишается ореола надежды.

ПРОШУ ЗАМЕНИТЬ РАССТРЕЛОМ

Мы вступили в Совет Европы. Мы преодолели, переломили, переубедили, переобещали. Нам есть чем гордиться: теперь мы такие же, как они там, в Европе. Не совсем, конечно, но мы будем стараться, очень стараться. Всем хочется быть цивилизованными. И "Нашему дому России", и "Выбору России", и "Яблоку", и коммунистам. Это обнадеживает. Жириновский, правда, кипятится. Кричит: "Нет, пусть они вступают в Российскую Федерацию, а не мы. И тогда мы будем решать - принимать их или указать на дверь!" Правильно, зачем спешить. Вот искупаемся в Индийском океане, поставим на берегу русскую баню. Не сауну, нам ни к чему это эпигонство, а баню, что с паром, вениками, тогда можно и поговорить: принимать Совет Европы в состав Российской Федерации или не принимать. Однако посмеялись и хватит. Вступление в любую международную организацию, сообщество - это обретение прав равных членов сообщества, но и выполнение обязанностей, диктуемых уставом сообщества. Поэтому нам надлежит вернуться к проблеме смертной казни и отменить ее - это из категории обязанностей. А почему нет?! И что изменится после ее отмены? Она же не перестанет существовать. Нет-нет, не поймите меня превратно. Это совсем не так, как с привилегиями - их отменили, а они как были, так и есть. Здесь все и проще, и сложнее. Трудно сказать, что страшнее: смертная казнь после приговора, или до него, или без него? По-моему, одно и то же. Здесь ведь не приговор важен, а смертная казнь. Тогда в чем дело, давайте отменим, раз она все равно будет, сделаем Совету Европы приятное. Совет же Европы не интересует, что смертная казнь теперь у нас стала частью повседневности, как элемент жизненного уклада. Это привилегия свободного демократического развития по принципу "демократия минус": ты не свободен в праве защищаться, а он свободен в праве тебя убивать. Все уже существует: цели, виды оружия, характер одежды с модными вариантами - маска только на глаза, маска на все лицо, женский

чулок или колготки на голову. Цвет по вкусу, индивидуальный. Я удивляюсь, как по инициативе МВД до сих пор этот вид навыка не внесен в перечень официальных профессий. Киллер первого разряда, киллер второго разряда, третьего. Высший ранг - эксклюзивный киллер.

ЗАТМЕНИЕ

Нам нравится констатацию очевидного преподносить как открытие. Семь месяцев назад (а правительство Примакова просуществовало пока семь месяцев) назначение Примакова было чисто ситуационным. У президента не было выбора. Черномырдин рухнул. Думу распускать бесперспективно, на внеочередных выборах после августовского краха состав вновь избранной Думы будет в лучшем случае таким же. В худшем - непримиримая оппозиция получит уже конституционное большинство. Поэтому и появился Примаков. Страна не могла жить без правительства. Примаков добился политической стабилизации впервые с 90-го года, сформировав правительство с очевидным присутствием в нем левых сил, причем на ключевых постах. Впервые левые контролируют экономику. Разумеется, правительство остается в значительной степени коалиционным. Но его коалиционность похожа на приправу к основному блюду - четыре-пять министров, сохранивших свои посты из прошлого правительства. Это всегда хорошо, вы всегда имеете возможность отклонить обвинения в очевидном полевении кабинета. Успехи нынешнего правительства не больше и не меньше, нежели у правительства Черномырдина в 1997 году. Они одномоментны - подъема нет, да и откуда ему взяться, но спад замедлился. Напомним, что президент принял решение по кандидатуре Примакова в период очередного ухудшения своего самочувствия. Это уточнение крайне важно. Президент, принимающий то или иное решение в благополучном здравии и в момент устойчивого недомогания, это не только два разных решения, но и два разных президента. Частность, которая стоит общего, причем масштабного и судьбоносного общего. Поэтому так разительно непохожи шаги президента, поэтому отсутствие привычной логики в его решениях и указах. Примаков обеспечил политическую стабильность, нашел общий язык с парламентским большинством. Он сделал то, что не смог сделать за семь лет своего президентства Ельцин. И дело не в способностях - дело в позиции. Партийное прошлое Ельцина было и сверхблагополучным, и сверхдраматичным. Весь вопрос в очередности. Драматизм был в конце. И, как апофеоз этого драматизма, расправа московских партийных функционеров над своим партийным лидером, Борисом Ельциным памятный пленум МГК КПСС, пленум-судилище. Человек так устроен: он может пережить массу обид и несправедливостей, но самая остропереживаемая беда, пусть даже менее значимая, чем беда предыдущая, - это беда последняя. Московский период в жизни Ельцина - бунтаря, популиста - раз и навсегда положил конец не только его партийной биографии, но и заложил фундамент неприязни, если не сказать больше - ненависти к КПСС и ее лидерам. С тех пор, в этом нет сомнения, Ельцина не оставляло чувство мщения за ту памятную расправу над собой. Лидеров КПРФ не должна удивлять подобная реакция. Чисто исторически сама большевистская партия замешана на идее мщения. И как бы ни истолковывались замыслы вождя революции, его животворный марксизм, мы обязаны признать, что толчком к разрушающему действию, красному террору и кровопролитию была не теория равенства и братства, не светлые блики "Города солнца", а отмщение, месть режиму за казнь брата. Отсюда это маниакальное желание "до основанья, а затем". Знание и понимание прошлого прямо пропорционально постижению будущего.

Так уж повелось, что весна в России - время нервное. Нынешняя весна точное подтверждение подобной закономерности. Итак, что же случилось, что могло случиться и что произойдет непременно? Война в Югославии, политическая неврастения в России. Ежегодное послание президента Федеральному Собранию - свидетельство трех очевидностей: самочувствие президента качественно улучшилось; президент аттестует деятельность Примакова на посту премьера со сдержанной положительностью; и наконец, третья - президент не разделяет экономической позиции правительства, настаивает на продолжении реформ и причину экономических неудач видит не столько в ошибочности

действий предшественников, сколько в отказе со стороны Думы поддержать антикризисные меры, которые предложило правительство Кириенко, чем и был спровоцирован политический кризис. Иначе говоря, президент не согласен с экономической политикой нынешнего правительства, полагая, что ее, по существу, нет. А посему курс правительства на этом направлении требует корректировки и кадрового обновления. Это не сказано вслух, но вся полемичность послания и директивность выводов свидетельство тому.

Интрига вокруг Генерального прокурора пошла по второму кругу президент не намерен отступать. Импичмент президента из силуэтной размытости превратился в реальную угрозу. 9 апреля президент проводит локальную встречу с президентами республик, входящих в Российскую Федерацию, где обозначает более четко свою позицию по Евгению Примакову: "Пока Примаков устраивает. А дальше посмотрим". На этой же встрече президент обнажает еще один нерв внутренней политической системы. Задав сам себе риторический вопрос: "Коммунисты блокируют продуктивную деятельность парламента. Парламент провалил законотворческую программу. - И через паузу. - Что же делать? Не запрещать же КПРФ? - И сам себе ответил: Нельзя. Ситуация только обострится. У нас в России жалеют обиженных".

Год 1999, 10 апреля, суббота.

Примаков после заседания президиума правительства делает раздраженное заявление, в котором вступает в прямую полемику с президентом: "Не беспокойтесь! Я не собираюсь участвовать в президентских выборах. Я за свое кресло не держусь. Тем более что временные сроки моей работы обозначены: пока Примаков устраивает, а там посмотрим..."

12 апреля. Понедельник.

Закрытая встреча президента с Примаковым. Никакого присутствия журналистов. Судя по отголоскам и просочившейся информации разговор продолжался 55 минут и шел на повышенных тонах. Президент дал понять, что не терпит полемики с собой. Как свидетельствуют те же источники, раздраженный президент внезапно прервал разговор и покинул кабинет, оставив Примакова в подавленном состоянии одного. Попытка со стороны Думы уже на следующий день принять некий документ, запрещающий президенту отправлять правительство в отставку без согласования с Думой и Советом Федерации, выглядит смехотворной. Тремя днями ранее фракция КПРФ забаллотировала заявление о согласии между ветвями власти, где, кстати, эта норма новых отношений между президентом и Советом Федерации существовала как основополагающее условие соглашения.

Возвратившийся из Югославии Селезнев привозит устную просьбу Милошевича о принятии Югославии в союз Россия-Белоруссия. Со слов Селезнева, Ельцин одобряет эту идею, более того, делает внезапный экспромт и предлагает перенацелить российские ракеты на страны НАТО. Все это Селезнев тотчас же сообщает парламенту. Ястребы, находящиеся в зале, преодолев недоумение, аплодируют. Однако никаких подтверждений слов президента о согласии на вступление Югославии в российско-белорусский союз и о перенацеливании ракет президентские службы не делают. Все взвинчены, а понимания нет.

13 апреля. Вторник.

Президент встречается с Лужковым. Молва истолковывает визит однозначно. Часы Примакова сочтены. Лужкову предлагают пост премьера. После своей встречи с Ельциным Лужков подобных домыслов не подтверждает, но тут же уточняет, что если бы такое предложение последовало, он, Лужков, ответил бы отказом. Лужков еще раз засвидетельствует свое положительное отношение к Евгению Примакову, что впрочем, не исключает критики Лужковым экономического курса правительства. "Экономика страны находится в режиме стагнации, - констатировал мэр Москвы. - Это неприемлемо".

Май суммировал драматизм весенних потрясений. Война на Балканах продолжается. Челночная российская дипломатия, олицетворенная Виктором Черномырдиным, конкретных результатов пока не дает. Как заклинание повторяется одна и та же фраза - надо остановить бомбардировки. Однако бомбят еще с большей интенсивностью. В Брюсселе поговаривают о наземной операции. И трудно сказать, кто боится этой наземной операции больше югославы или штаб НАТО? Настоящих армейских потерь еще не видели ни та, ни другая сторона.

Когда на родину станут возвращаться цинковые гробы, отношение общества к войне изменится мгновенно. Использовать "Армию освобождения" косовских албанцев в качестве пушечного мяса, укомплектовав ее выходцами из албанской диаспоры, разбросанной по всему миру, снабдив НАТОвским вооружением и придав этим формированиям статус войск НАТО, вариант заманчивый, но уязвимый.

Во-первых, современная боевая техника требует квалифицированных кадров. Косовские "освобожденцы", это, скорее, армия партизанской войны. Во-вторых, их попросту может не хватить, а значит, надо посылать французов, немцев, итальянцев. Американцы сразу дали понять, что их контингент в наземных операциях, скорее всего, участвовать не будет. Авиация - да! Ракеты, морской флот - да! А вот сухопутные войска - нет.

Пока Черномырдин выполняет роль почтальона. Дело, конечно, полезное, но для престижа России пагубное. Имитация дипломатической активности или сама активность? Если Россия добивается дипломатического успеха (что проблематично), в воздухе повисает вопрос - зачем нужны были военные действия? Ореол гуманитарной акции разрушается на глазах. Американцы этого допустить не могут. Им необходимо признание эффективности военного вмешательства. Они его инициаторы. При всей малорезультативности переговорных инициатив, России придется этим заниматься.

Угроза Ельцина, что если Америка и Запад будут индифферентны к дипломатическим инициативам России, то она выйдет из переговорного процесса - интересный посыл. Ну хорошо, вышли. Дальше что? А куда вошли? В никуда, ни за чем, ни с кем... А участвовать надо, как и надо что-то отвечать отечественным ястребам? Если вы не в состоянии активно воевать, следовательно, надо активно не воевать, но обязательно активно.

Ситуация на самом деле чрезвычайно сложна. Балканский кризис - как зеркало русской революции. У политических сил внутри страны сузилось ратное поле, на исходе боеприпасы. Произошло некое уравнивание под общим знаком не получается. Ни Гайдар, ни Черномырдин, ни Кириенко, ни Примаков не добились экономического ренессанса. Левое правительство, хотя восемь месяцев не срок, пока аттестуется фактом некой политической стабильности, ничего принципиально иного, нежели то, что делали до него правительства полуреформаторов, коалиционное, технократическое, сделать не смогло. Следующее правительство, а судя по всему, оно назревает, иных результатов вряд ли добьется.

Пока были испробованы два варианта. Правительство, которое разрабатывало по американской методологии макроэкономическую программу или видимость ее, но затем провалило как саму программу, так и видимость таковой. И вопрос о будущем исчислялся единственным обстоятельством: сочтет МВФ причины провала уважительными или не сочтет? Тут в дело идут любые доводы - от наследия большевизма и опасности его возвращения до азиатского кризиса и неготовности страны к рыночным переменам.

Был и второй вариант. Разговоры об экономических программах от лукавого. Нужен план ближайших действий, а не программа. МВФ все равно деньги даст, так как эти деньги идут на погашение наших долгов членам МВФ. Не дадут кредит, значит, Россия не сможет расплатиться по долговым обязательствам. Внутренние ресурсы на нуле. Можно рассчитывать только на заемные кредиты. Кто и как будет спасать банковскую систему - непонятно. А без развития сети коммерческих банков говорить о рыночных реформах попросту несерьезно. Ну а если нет рыночных реформ, то нет и кредитов.

Правительства меняются со скоростью природных катаклизмов. Не исключено, что в ближайшее время о смене правительств будет объявлять гидрометеоцентр. Однако задача перед вновь пришедшими остается одной и той же: доказать западным партнерам, что эти реформы продолжаются. Не в полном объеме, не везде, не в соответствии с западными представлениями, но продолжаются. И действительно, продолжаются. Сосуществуют мирно с полным развалом экономики.

* * *

Май-июнь 1999 года.

13 мая встреча Евгения Примакова с президентом продолжалась не более тридцати

минут. Спустя эти недолгие полчаса Примаков покинул Кремль уже в качестве экс-премьера. Случилась одна из самых нелепых отставок. Отправлен в отставку не динамичный премьер, не удачливый экономист. Ушел в отставку не новатор-демократ или консерватор, нацеленный на эксперимент. Ничего подобного. В силу очередного президентского каприза оставил свой пост высокообразованный, почитаемый в обществе, мудрый, высококлассный профессионал, не сделавший чуда, но сумевший унять истерику и вернуть обществу чувство душевного равновесия и политической стабильности.

Нелепо задавать вопрос, какие ошибки совершил Примаков. Не потому, что он их не совершил. А потому, что оценку ошибочности дают, как правило, те, кто кратно более ошибался или был вне среды исполнения и набирал капитал на критике работающих, перестраивающих, ошибающихся. Вот уже девять лет в России нет сравнительной шкалы, глядя на которую можно сказать: лучше, много лучше, совсем хорошо. Ценою собственных ошибок - фраза, похожая на стон. В России стон, повторяющийся из поколения в поколение. Это тоже плата за загадочность русской души, особость, несвойственность. Миссия - это право пролить свет натерзавшись и намучавшись. Гайдара критиковали те, кто жил ощущением прошлого и иной жизни представить не мог. И ошибки Гайдара были таким же откровением, как та, другая, малопонятная жизнь. Черномырдина критиковали опять вне реальности, в окружении которой действовал Черномырдин, - макроэкономический шок, больной президент. Одни за продолжение курса Гайдара, другие за отклонение от этого курса. Кириенко за неправдоподобность его появления в качестве премьера. Разумеется, за дефолт, за самоуверенность вне умений.

Наконец, Примаков. За что критиковали Примакова? За отсутствие экономической программы. За то, что пригласил в правительство "не тех". А "те", которых не пригласил, хотели бы оказаться в правительстве. Но если бы их пригласили, критиковали бы тоже, ибо "те" не устраивают "этих". Хотя "эти" уж тем более "не те". За то, что нет команды, экономической программы, динамизма. За то, что правительство Примакова поддерживают коммунисты. Вот если бы они ему трепанировали череп, тогда... За то, что произнес пророческую фразу: "Мы проводим амнистию не случайно, нет. Надо освободить места для тех, кого будем сажать за экономические преступления". Подвела режиссура. Как бы кстати после таких вдохновляющих слов оказалась короткая пауза. И финальный аккорд: "Шутка!" Без тени улыбки на лице: мрачном, флегматичном, примаковском. А без аккорда - это как биографическая аттестация вице-шефа КГБ. А если эта фраза существует и она не шутка, то потребно задать вопрос: обвинение правительства Примакова в коррупции есть ответ на эту фразу? Или фраза - ответ на обвинения в коррупции? Потому как имеет смысл понять, кто кому угрожал. Тут крайне уместно вспомнить один эпизод из повседневности примаковского премьерства, о чем рассказывал мне сам экс-премьер. Рассказывал неслучайно, будучи уверенным, что история непременно будет извращена его политическими оппонентами. "Ко мне пришел Степашин. Протягивает мне какие-то бумаги и говорит: вы ставите вопрос о возвращении отечественного капитала, который при помощи криминальных операций ушел за рубеж и осел на счетах в иностранных банках. Вот список людей, которые вершили это беззаконие. Дайте команду на открытие уголовных дел, иначе у нас связаны руки и мы не можем действовать". Я ему ответил: "Я не Генеральный прокурор и таких санкций не даю". У Степашина не сложились отношения со Скуратовым, и ему нужна была поддержка. Я посмотрел список, поставил вполне корректную резолюцию - "Прошу внимательно изучить и в случае справедливости подозрений открыть уголовные дела". Замечу, что фамилии Березовского в списке не было. Степашин уезжает к себе. А затем передает документы своему заместителю Владимиру Рушайло. Ну а Рушайло знакомит с документами Березовского. Березовский вставляет в список свою фамилию и мчится к семье президента: "Вот вам ваш Примаков! Сейчас он начнет расправу над бизнесом, а затем и со своими политическими противниками. Методология известная - сажать!" Дальше все как по нотам: либо Юмашев, либо дочь в таком извращенном варианте выкладывает информацию президенту".

Но даже хитрый и мудрый Примаков ошибся. Березовский сыграл еще рискованнее. В список он вставил не свою фамилию, а под четырнадцатым номером фамилию президента. Так в истории политической интриги возник документ, известный под названием "Список Примакова".

Ответ на вопрос, почему ушел Евгений Примаков, прояснится для нас только в одном случае - если мы поймем, почему и как он пришел. Появление Примакова можно назвать ситуационным, в определенной степени случайным. Если бы Примакова назвали коммунисты, девять месяцев примаковского премьерства вряд ли состоялись бы. Президент ни при каких обстоятельствах кандидатуру Примакова не поддержал бы. Положение спас Григорий Явлинский. Назвав фамилию Примакова, он самим фактом ее выдвижения от фракции "Яблоко" либерализовал образ Примакова, что позволило президенту сохранить лицо. Не уступить коммунистам, а принять эту идею, как идею демократического компромисса. Для больного президента, а именно в этот момент его самочувствие в очередной раз резко ухудшилось, проигравшего дважды голосование по кандидатуре Черномырдина и под угрозой нарастающего как сход лавины в качестве возможного кандидата Юрия Лужкова, Примаков был предпочтительнее. Дочь хотя и возражала, но не так решительно, видимо тоже не в полной мере доверяла Березовскому, который как заклинатель возникал то там, то тут и умолял этого не делать. И все-таки, определяющим в тот момент был факт нездоровья, он подталкивал в спину, заставлял торопиться скорее, как можно скорее закрыть этот вопрос. Так часто случалось у президента на протяжении даже одного заседания, встречи или совещания. Он мог неожиданно прервать выступление грубой репликой - "Заканчивайте!". И все рассуждения и возмущения по поводу некорректности и даже хамства здесь неуместны. Президент начинал заседание в одном физическом состоянии, неожиданно случился сбой, он почувствовал себя скверно и стал торопить, ничего никому не объясняя.

С Примаковым случилось примерно то же самое. Президент узнал о благополучном голосовании в Думе, поморщился в ответ на однозначную поддержку коммунистов. Мелькнуло в мозгу: "Чего-то недоучел. А Березовский, похоже, был прав". Но сил вдаваться в детали уже не было. Можно на какое-то время успокоиться и заняться собственными болезнями. Как в свое время Чубайс и Черномырдин, так ныне Примаков прикрыл президента в период его сезонного бездействия по причине болезни. Все разговоры о том, что Примаков сформировал левое правительство сознательно, - по сути, умышленное давление на президента со стороны амбициозных демократов новой волны (Немцова, Кириенко, Б.Федорова), как, впрочем, и ближайшего окружения. Никаких сомнений в продуманности этих шагов быть не может. Березовский понял, что в лице Примакова олигархи обрели не купленного, а независимого, жесткого консерватора с либерально академической сутью, международника с внушительным чекистским прошлым и плюс к тому доктора экономических наук. Не станем рассуждать, какой экономики. Мы же не падали в обморок, когда узнали, что наши реформаторы считались специалистами по западной экономике. Мы это воспринимали как благо, как некое везение, как подарок судьбы (разумеется, до провала экономических реформ).

В России не нашлось своего Бальцеровича. В Польше нашелся, а в России сумма младорефораторов оказалась кратно менее эффективной, чем один польский Бальцерович. Но мы отвлеклись.

Отсутствие команды у Примакова - правомерный результат внезапности его назначения. Из чего исходил Примаков? Неудачи в экономическом развитии страны - это не наличие или отсутствие программы, а отсутствие единства в претворении идей развития страны между ветвями власти. Враждебность парламента к президенту и ответная враждебность президента к парламенту практически лишали шансов любую программу. Примаков должен был сформировать правительство, которое разрубит этот гордиев узел и снивелирует антиельцинские настроения коммунистов.

Говорить, к чему должен был быть готов президент, предлагая пост премьера Евгению

Примакову, занятие бесполезное. Ельцин убежден, что президенту готовиться к каким-либо последствиям своих шагов совсем необязательно. Не царское это дело к чему-то готовиться, чего-то опасаться, ожидать. Все эти заморочки, микро- и макроволнения - проблема верноподданных, а не царя. Примаков в премьеры не готовился. Следовательно, был единственный путь - сформировать правительство из тех людей, кого он знает лично и достаточно долго, чтобы он мог им доверять. Устойчивое недоверие - это значимая часть профессионализма чекиста. Вот почему Маслюков, Матвиенко, Шаповальянц и ряд других фигур. Примаков их знал раньше, знал многолетно. Если задуматься, в чем заключается профессионализм такой службы, как госбезопасность, - неотступно и постоянно ставить один и тот же вопрос: кто, где, когда? Профессионально доказывать, что противник был, есть и будет. Его надо постоянно вычислять и держать в поле зрения. Если противник не обнаруживается, значит, не умеют искать. У этой службы есть одна болевая точка. Руководитель не имеет права не найденного противника заменить придуманным. Борьба с вымышленным врагом уничтожает навык сыска.

Олигархи не любили Примакова не только за его неангажированность. Ничей всегда опаснее, чем чей-нибудь. Олигархи, и не только они, понимали опасным Примакова делает его информированность. О средствах, которыми владеют олигархи, о путях, которыми эти средства добывались и где они в данный момент находятся, о контактах внутри страны и за ее пределами. Появился премьер, который мог осмысленно поставить задачу, как вернуть россиянам деньги, осевшие на счетах в зарубежных банках, что сулило олигархам массу неприятностей. Дело в том, что и в прошлых правительствах были носители антиолигархических настроений, но они не имели необходимого авторитета в органах, которые в состоянии отследить и вернуть. Другое дело Примаков, он сам из этих органов. Слишком знающий и состоявшийся в своем авторитете премьер был неудобен и президенту. Второй срок ельцинского правления сотворил такой феномен, как интересы президентской семьи. И человек, близкий к некоторым членам этой семьи, такой, как Борис Березовский, и находящийся рядом с ним некто Абрамович, нареченный отечественными СМИ едва ли не "кошельком" или "казначеем" президентского дома (что, конечно же, определенный пережим, но пережим образно-выпуклый), есть фигуранты этого феномена. Допустив утечку такой информации, Березовский еще сильнее затянул узел, дав понять, что настрой Примакова прикоснуться к западным банковским счетам наших скоротечно разбогатевших соотечественников не минует не только олигархов и бандитов, но и президентскую семью. Теоретически Березовскому сейчас, более чем когда-либо, выгодно, чтобы говорили о его утраченном и изо дня в день слабеющем влиянии. Все справедливо: и что Абрамович, внедрившийся в интересы президентской семьи не без участия Березовского, теперь вполне самостоятелен в своем влиянии и в посредниках не нуждается; и сама президентская семья подустала от навязчивой тени. Говорим Юмашев, подразумеваем Березовский, говорим Татьяна Дьяченко, подразумеваем Борис Абрамович. Правда, смену Бориса Абрамовича на Романа Абрамовича впопыхах мало кто заметит. Но весь вопрос в том, что патологически гипертрофированное тщеславие Березовского не позволяет ему оставаться в тени: если обо мне не говорят, и неважно - плохо или хорошо, - значит, я умер; поэтому извольте слышать - я здесь, я за вашей спиной! Абрамович это отвлекающий маневр. Пусть пресса идет по ложному следу. Создать легенду о сверхвлиятельном человеке Романе Абрамовиче, конечно же, существенно. И адресовать ему завышенную степень эффекта, чтобы заерзали, заволновались, стали распрашивать: где Абрамович, какой Абрамович?

Интересен ответ Михаила Задорнова, экс-министра финансов, на вопрос, каково влияние Абрамовича на кадровую политику внутри правительства. Задорнов, озадаченно подвигав усами, ответил вопросом на вопрос: "А кто это Абрамович? Я его никогда не видел. Никогда с ним не встречался. Не разговаривал по телефону и даже не здоровался". Эффект навязчивого внедрения, чем занималась пресса, ведомая нашим отечественным Мэрдоком (в миру Березовским) и не подозревающая, что кормится с его руки.

Перед своей поездкой в Кёльн, которая случилась в середине июля, новый премьер

Сергей Степашин сказал примечательную фразу: "Экономика России восстанавливается гораздо быстрее, чем можно было предположить". И дальше следовали цифры промышленного прироста, инфляции, которая якобы меньше 1%, и т.д. Подобная аттестация правомерна перед встречей "семерки". Тем более если эти слова Степашин произносит во время своей встречи с премьером Дании... Поставим отточие, ибо выводы, вытекающие из подобного признания, прямо противоположны заявлению Ельцина в момент отставки Примакова. Наш президент мотивировал отстранение Примакова отсутствием какого-либо экономического эффекта, а спустя неполный месяц новый премьер заявляет, что мы выздоравливаем быстрее, чем это предполагали экономические оракулы. Следовательно, результат деятельность правительства Примакова налицо. Нелепо же этот эффект, если он есть, адресовать новоиспеченному правительству? Так это или не так, Степашин подбросил хороший козырь сторонникам Примакова. А у Евгения Максимовича еще будет ситуация, когда ему потребуются сторонники.

Была ли какая-то договоренность между Ельциным и Примаковым в момент выдвижения последнего на пост премьера? Полагаю, что не было ничего, кроме общих слов, которые положено говорить в этих случаях, и неважно, кто этот премьер - Примаков, Степашин, Кириенко, Черномырдин. Ельцин был нездоров, процедура затягивалась. Думу можно было бы и распустить, но не сейчас. Вот со здоровьем все наладится, тогда посмотрим. И поэтому все, что касалось Примакова, ситуационно обрело форсированный режим. Никакой договоренности типа "я тебе пост премьера, а ты мне гарантии и прекращение процедуры импичмента" не было и быть не могло. Так может торговаться Борис Березовский, а не Борис Ельцин.

Примаков был назначен вопреки желанию Бориса Абрамовича и совету Татьяны Дьяченко. В этом скоротечном решении Борис Ельцин проявил свой характер на все сто процентов. Березовский предложил Черномырдина, и дочь эту идею поддержала. В результате все умылись и президент потерпел сокрушительное кадровое фиаско. Мало того, что провалился Черномырдин. Ельцину в этой затее отказал в поддержке Лужков. А таких действий президент не прощает и не забывает. Ельцину наплевать, чем руководствовался Лужков. У президента смещенное восприятие своей значимости. Ему лень вдумываться в последствия. Лужков отказал ему, Ельцину, он не мог не понимать, что Черномырдин перед возможным третьим голосованием не случайно пригласил Лужкова, об этом его просил президент. Но Черномырдин провалился. Лужкова, тем более после их неудачного разговора с Черномырдиным, Ельцин, независимо от давления Березовского, препятствующего любому улучшению отношений между президентом и мэром, поддержать не мог. Кандидатура Примакова появилась слишком неожиданно. Они не успели проанализировать последствия этого назначения, в ответ получили резкое: "Хватит! Лучше бы я вас не слушал и с вами не советовался! Это из-за вас провалился Черномырдин". Уже после назначения премьера олигархи стали прощупывать Примакова и схватились за головы.

Но вернемся к договоренности между президентом и Примаковым. Ее не было! Ельцин болезненно самолюбив, и ситуация, когда бы он попросил Примакова после сверхуспешного голосования его кандидатуры в Думе, чтобы тот употребил свой авторитет и оказал воздействие на коммунистов и заставил их спустить на тормозах затею с импичментом, такой шаг для Ельцина невозможен. Скорее всего, сам Примаков давал понять Ельцину, что идея импичмента разрушительна и он сделает все, чтобы она заглохла на корню и не имела своего развития. Примаков, как здравый человек, был искренне убежден, что процедура импичмента пагубна для страны, и не будь он премьером, он точно так же сделал бы все, чтобы она не осуществилась. Все эти ультрадемократические новации консерватору Примакову чужды. Однако леворадикальное крыло в КПРФ закусило удила, и Зюганов не решился накануне выборов ослаблять осаду Кремля. Наверняка и Примаков, и Маслюков хотели изменить ситуацию с импичментом, но осторожность взяла верх. Остановить процедуру импичмента уже было нельзя, ее можно было только провалить.

Карфаген должен быть разрушен, считали коммунисты. Импичмент - их основной

козырь на выборах. Лишиться его, значило приговорить себя. Примаков - хорошо, но импичмент лучше. Теперь это все позади. Когда общество поняло, почему и при каких обстоятельствах Ельцин предложил Примакова, нетрудно понять, почему он отправил его в отставку.

Существует расхожее мнение, что Примакова погубили коммунисты. Они слишком рьяно подчеркивали свою предрасположенность к премьеру. Это, в конце концов, взорвало президента, и он вынужден был задать себе вопрос: "В конце концов, это чей премьер? Его рекомендовал президент и он выполняет волю президента или..."

Если вы постоянно пребываете вне самостоятельного анализа (в этом случае работа собственного ума играет определяющую роль), всякая информация для вас и есть истина либо непременная ложь. И сколько бы президент и его ближайшее окружение ни создавали аналитических центров, они все равно не будут успевать отслеживать их ангажированность. Процесс ангажированности в современных условиях идет быстрее, нежели созревание многомасштабного анализа.

Предрасположенность коммунистов к правительству Примакова имела три очевидные причины. Коммунисты не впервой входили в правительство, но еще никогда с 1991 года они не занимали такого количества ключевых постов и, что самое главное, никогда не контролировали экономического блока в правительстве. В правительстве Примакова все это было. Поддерживая своих в правительстве, и прежде всего Юрия Маслюкова, коммунисты что-то приобретали, но и что-то теряли. Получив частичный контроль над исполнительной властью, а в правительстве Примакова коммунисты были значимы, они лишили себя права критиковать исполнительную власть. Они теряли взрывной потенциал критики, под знаменами которой шли на выборы. Они теряли право масштабной безответственности, которым пользовались постоянно, заявляя, что исполнительная власть в тех прежних составах им чужда. Она представляет антинародный режим Ельцина, и поэтому коммунисты не отвечают за его деятельность. А если критическое поле сужалось и из-под критики коммунистов уходило правительство, они, спасая этот критический потенциал, должны были усилить свои позиции в процедуре импичмента. И грош цена аналитическим службам президента, которые не смогли этого просчитать в сентябре 1998 года.

И наконец, третья причина вынужденной поддержки Примакова со стороны коммунистов. Плохо, очень плохо, что ослепленная ненавистью к коммунистам президентская рать потеряла ориентацию в процессах, происходящих в стане своего главного политического противника. А процессы эти весьма значимы и поучительны. Следовало знать, что в руководстве КПРФ не было и нет единства в отношении участия в работе федеральной исполнительной власти. Прагматики в КПРФ убеждены, что участие в работе правительства ошибка. По той самой причине, что лишает компартию капитала многомерной критики. В этом смысле думские бдения им представлялись более перспективными. И выражал мнение этой авторитетной группы в ядре КПРФ ключевая фигура в партии, Валентин Купцов, о чем он говорил на пленуме. Но пленум Купцова не поддержал и коммунисты в правительство вошли. И этот марш в исполнительную власть возглавил Юрий Маслюков, который с Купцовым был принципиально не согласен. Поэтому Зюганов, поддерживая публично Примакова, практически спасал свой авторитет, дабы доказать неправоту своего очевидного конкурента внутри партии, каковым является Купцов.

Примаков покинул свой пост не по причине совершенных ошибок, хотя эти ошибки, конечно же, были, но, скорее, психологического и методологического характера, а не принципиального, финансово-экономического, или организационно-структурного, или в сфере международной политики. Примаков действовал так, как если бы у него был запас времени, или наивно полагал, что такой запас у него есть. Единственно, что любил обещать президент, так это свою поддержку во время пребывания той или иной личности на высоком посту. В этом смысле Ельцин удивительно последователен, он ни разу своего слова на сей счет (и неважно, кому данное, Шумейко, Черномырдину, Чубайсу, Немцову или Примакову) не сдержал. И эта его алогичность не насторожила ни одного из кандидатов в момент

напутственных собеседований с президентом. Видимо, каждый постоянен в общем заблуждении: со всеми - да, а со мною нет.

Полной неожиданностью для Ельцина явилась устойчивая популярность Примакова, кратно превышающая популярность президента, и этот странный феномен примаковской популярности, который практически не сотворил ничего сверхзначимого, а лишь успокоил общество, стабилизировал его душевное равновесие, изнуренное либо неудачами, либо выходками президента, заставляющего общество непозволительно часто становится на уши. В этой устойчивой популярности равного по возрасту, не отличающегося титаническим здоровьем политического однокашника есть главная причина отставки Примакова. И все эти недоговоренности с МВФ или пробуксовывающие переговоры - причины придуманные, тем более что пакет законов, обусловливающий кредитные вливания МВФ, Дума пропустит. Депутатам идти на выборы и желательно сохранить Думу как избирательный штаб, нежели оказаться на улице.

Повод второй - незафиксированный. Когда Ельцин убрал с поста главы президентской администрации не отработавшего трех месяцев Николая Бордюжу, стало ясно, что Ельцин не позволит премьеру зайти с тыла. Бордюжа был человеком Примакова и оказался на этой должности не без его участия. В назначении была своя логика. Дряхлеющий царь для обеспечения своей безопасности собирает в единый кулак всех силовиков. И на посту главы администрации ему необходим был человек, говорящий с ними на одном языке. Примаков предложил Бордюжу, и Ельцин в состоянии неблагополучного здоровья согласился. Бордюжа был малоопытным политиком, но прекрасным организатором и дисциплинированным исполнителем. У него оказался один существенный изъян - Николай Бордюжа не чужд понятиям чести и достоинства. Для президента эти черты человеческого характера уже давно утратили значимую ценность и рассматривались им как очевидная уязвимость и минус в биографии подчиненного лица. Расчет Примакова был прост и изыскан. Бордюжа совмещает две должности - секретаря Совета безопасности и главы президентской администрации в последний год ельцинского президентства. Есть одна фраза, сказанная Примаковым уже после его отставки. Она очень филигранно раскрывает суть скрытого примаковского характера. Находясь на лечении в швейцарской клинике, избегая встреч с отечественными журналистами, он тем не менее оказался настигнутым бойким пишущим пером. Вопрос касался политических перспектив уже немолодого Примакова. Куда? С кем? Когда? Ответ получился изысканным и коварным: "Я для себя ничего не исключаю". Иначе говоря, могут рассматриваться любые варианты. Это тот самый Примаков, который еще в мае (а глава пишется в середине июня) категорически отрицал какие-либо президентские амбиции: уходит Ельцин, ухожу я. Бордюже поручалось в качестве главной задачи установить взаимоотношения с губернаторами. Губернаторы должны были хорошо принять Бордюжу. Потому как он выходец из ведомства, которому положено много знать, тем более в персональном исчислении. Примаков, отрицая возможность своего участия в будущей президентской гонке, лишь раззадоривал СМИ и своих вероятных конкурентов. Россия всегда жила по принципу: если отрицает, значит, непременно сотворит. Так вот, если вдруг совершится, лучше иметь под рукой готовую действующую структуру управления - администрацию президента и Совет безопасности. Оправившись от очередного недомогания, президент увидел в разумном раскладе некую скрытность.

Когда объявили об отставке Николая Бордюжи, политологи были склонны просчитывать и перечислять ошибки, которые якобы совершил Николай Бордюжа. Наиболее активной в этих изысканиях оказалась газета "КоммерсантЪ". Вообще "КоммерсантЪ" создал некую моду мгновенной и крайне поверхностной политологии, когда для большей убедительности вам через строку повторяют "как нам стало известно из авторитетного источника в кремлевской администрации" или "из аппарата правительства". Иногда источники сопровождаются свойским эпитетом "наши". При этом источники могут быть и не "нашими" и крайне далекими от авторитетных. Их может вообще не быть. Но правила игры требуют таких вот сдабриваний скоротечного анализа. Материалы имеют хлесткую,

претендующую на эксклюзивность, аннотацию - "Пять ошибок Примакова", "Шесть кризисов Степашина", "Четыре "нет" Кириенко" и т.д.

Так вот, скорые отечественные политологи не придали особого значения отставке Николая Бордюжи. Заметим, что в отставку был отправлен генерал, совмещавший два знаковых поста: главы администрации президента и секретаря Совета безопасности. Такое совмещение было впервые. Бордюже приписали неудачу с отставкой Генерального прокурора (мол, не дожал, Скуратов оказался хитрее), недостаточный политический опыт и еще несколько аппаратных просчетов. Разумеется, ситуация со Скуратовым сыграла роковую роль в перемене настроений президента по отношению к главе собственной администрации. Закамуфлированной оказалась и внезапная болезнь Бордюжи. Что это, инфаркт, микроинфаркт или дипломатическая болезнь, нежелание пачкаться в грязи, которую заставляет месить президент? Отставка Николая Бордюжи была бесспорной прелюдией отставки Примакова. Попросив Примакова назначить Бордюжу руководителем таможни, президент уже знал, что спустя месяц он укажет на дверь и самому Примакову. Вместе с Примаковым была предрешена судьба и Бордюжи, не успевшего даже в деталях оглядеть новый должностной кабинет. Ну а Скуратов, такое бывает, оказался хитрее.

Бордюже, как и его коллегам по президентской администрации, приписывают симпатии к Юрию Лужкову. Жертвами не отношений, а понимания значимости Лужкова пали и Сергей Ястржембский, и Андрей Кокошин, и Евгений Севастьянов. С Бордюжей это не совсем так. Симпатии к Примакову - другой разговор, тут все очевиднее. Как-никак из одного гнезда. А вот Лужков вряд ли. Скорее всего, Драганов своим реформированием таможенного комитета перекрыл кому-то кислород. Эти "кто-то" практически всесильны, и наш взор непременно обращается в сторону младшей дочери президента и расхожего треугольника Юмашев-Березовский-Абрамович. Таможня - это золотой колодец. И появление во главе такой структуры своего человека для любой властной группировки действие чисто захватное. Предложив месяцем ранее Николаю Бордюже этот пост, человеку не повязанному, президент имитировал управленческую принципиальность монарха. Отсутствие того же Бордюжи в составе нового правительства теперь уже можно объяснить нежеланием Сергея Степашина, дескать, у них там свои, давние, не сложившиеся генеральские отношения.

Так жестко царь карает опричников не за ошибки, а за неверность. Президент заподозрил, что глава его администрации больше работает на премьера, а не на президента. Вообще внушаемость нашего президента прямо пропорциональна состоянию его нездоровья. Именно больному президенту втолковывают всякие домыслы, которые в моменты его выздоровления материализуются в неадекватные кадровые перемены. Метод простого наложения позволяет нам прозреть. История кадровых потрясений в коридорах власти нашего государства имеет полное совпадение с историей болезни нашего президента. Если у вас в руках медицинская карта монарха, вы без труда нарисуете перемещение звезд на небосклоне. Кто? Когда? И на какое время? Вот и весь секрет непредсказуемости Его Величества! У разведчика сдали нервы, когда он в ответ на окрик хозяина, озвученный в присутствии глав республик ("Пока Примаков устраивает. А дальше, посмотрим..."), эмоционально ответил президенту: "Я не держусь за свое кресло и не рвусь во власть, тем более когда время моего премьерства заранее обусловлено". И далее повторил оскорбительные слова президента в свой адрес.

Удивительно, но президент не различает личностной знаковости своих подчиненных. Как только человек становится подчиненным президента, в должностном исполнении эта знаковость перестает существовать. Ельцин глубоко убежден, что премьер Примаков и премьер Кириенко это одна и та же субстанция, полностью зависимая от него. В этом случае никакой роли не играет ни возраст, ни общественный авторитет, ни масштаб образованности человека. Примаков - министр иностранных дел был человеком неизмеримо более независимым, нежели Примаков-премьер. На тот пост он тоже назначался президентом, но сфера внешней политики для в общем-то провинциального Ельцина - это путешествия в другую галактику. И в том мире Ельцин был зависим от Примакова. В той ситуации

отношения президента и министра иностранных дел были схожи со словами басни "По улицам слона водили. Как видно, напоказ".

Став премьером, Примаков обрел, казалось, права человека № 2 в этом государстве, независимость которого уступает только независимости президента. Разведчик ошибся. Доносящих на премьера стократно больше, нежели доносящих на министра иностранных дел. А на главу МИДа кратно больше, чем на руководителя внешней разведки. Там все проще - аппарат стукачей - это тоже подразделение. Человек № 2 в силу обстоятельств обязан подменять человека № 1. Болезнь президента провоцировала эту подмену достаточно часто. Не будет секретом, что Ельцин этой своей недужностью умело пользовался. И если среда, в которой человек № 2 оказывался, заменяя первое лицо, отдавала свои симпатии сменщику, это почти всегда оказывалось роковым предостережением. В таком случае у человека № 2 не было выхода. Если его появление и действия вместо президента вызывали нарекания и недовольство - его обвиняли в совершенных ошибках и неумении наладить дело. Если, наоборот, его действия приветствовались и выгодно отличали его стиль, человека № 2 обвиняли в нескромности и ему было уготовано отставочное будущее. Растущая популярность Евгения Примакова не являлась в полной мере следствием его премьерских заслуг. Для этого прошло слишком мало времени. Она была следствием усталости общества. "Наконец пришел нормальный, узнаваемый человек!" Но эта же самая усталость помешала возбудиться обществу в момент отставки популярного премьера.

Отставка Примакова состоялась 13 мая, накануне летних отпусков. Время думать о садовых участках, дачных заботах, школьных каникулах и собственном отдыхе. Не до политики. Стабильность требовала более длительной ощутимости. Чтобы это произошло, Примакову надо было успеть еще что-то сделать в сфере экономики. Но в этом случае он стал бы более значим как человек № 2, способный полномасштабно заменить человека № 1. В планы человека № 1 это не входило. Ну а добрые отношения с мэром Москвы - еще одна ложка яда в чай президента.

Примаков ушел до спада своей популярности. Пожалуй, это единственный плюс его отставки. Сергею Степашину придется испить ту же самую чашу, потому как наш президент путает два понятия: верность и рабство. Верность состояние личностное. А рабство - функциональное, перечеркивающее личность. Поэтому месть раба - самая страшная месть. Раб мстит не за боль, нищенство. Раб мстит за унижение.

НЕКТО, ОЧЕНЬ ПОХОЖИЙ...

2 апреля 1999 года.

Оказывается, президенту не до Югославии и даже саммит глав государств СНГ не помеха. И назревающий импичмент, а голосование как было, так и осталось на 15 апреля. Нет, ничего не повлияло. Президент делает ход, обостряющий всю ситуацию. Он подписывает указ об отстранении Генерального прокурора по причине возбуждения против него уголовного дела. И это после того, как он уже потерпел фиаско со Скуратовым двумя неделями ранее. Утреннее сообщение взрывает политический Олимп. Основание для отстранения возбуждение уголовного дела против Генерального прокурора. Первые часы охватившей всех истерики посвящаются поискам ответа на вопрос: кто возбудил против Генерального прокурора дело? По Конституции это может сделать только прокуратура. Реакция Скуратова мгновенная - Генеральная прокуратура против меня дело не возбуждала.

В середине дня выясняется, что дело против Генерального прокурора по статье 208 возбудил заместитель прокурора Москвы. Илюхин (председатель думского комитета по безопасности), человек истеричный, с тяжелым, злобным лицом, выступает в своем амплуа - требует отставки президента по любому поводу. Илюхин с Зюгановым непременно начинают кричать о перевороте. Странно, КПРФ контролирует Думу, имеет под своим влиянием до 50% Совета Федерации. Да и правительство в своем нынешнем составе имеет мощное прокоммунистичекое крыло. Иначе говоря, коммунисты не рядом с властью, а внутри самой власти. Они правят страной. Правят не лучшим образом, пока не результативнее своих предшественников младореформаторов. Тот факт, что коммунисты кричат о либеральном

перевороте, есть признание, что власть фактически в их руках. Осталось незанятым только президентство.

Проблема большинства в Думе для коммунистов решена раз и навсегда. Есть трудности с конституционным большинством, но и это не секрет за семью печатями. Ошибочные действия президента и его окружения, утратившего в значительной степени профессиональную авторитетность, плюс перманентное нездоровье главы государства образуют единомоментное плюсование оппонирующих думских сил в минуту голосования, чтобы потом снова оказаться в зоне ненависти друг к другу. Президент всем надоел, как в свое время, по признанию французов, надоел Франции де Голль. Алогичность его поведения разрушает любой, даже эмоциональный союз с ним. Все задают вопрос: почему президент, находясь в состоянии неблагополучного самочувствия, практически растеряв все свое влияние (сегодня, согласно опросам общественного мнения, Ельцина поддерживают не более трех процентов населения), проиграв одно за другим несколько кадровых назначений при драматической ситуации в Югославии, когда блок НАТО указал России на ее место в международном сообществе и пошел на агрессию, игнорируя мнение России, как бы вопреки всей этой неблагополучности Ельцин идет на обострение ситуации? Простое упрямство, слепота команды, которой, по существу, нет, а та, что есть, после отставки Бордюжи утратила даже проблески уверенности и потеряла какие-либо рычаги и навыки влияния на события повседневной политической жизни, которая предметно изменилась за время его, Ельцина, непрестанного недомогания? Что же в очередной раз произошло с нашим якобы непредсказуемым президентом? Как ни странно, ничего особенного.

Президент почувствовал себя выздоравливающим и сразу пошел в атаку. Мало кто сомневался, что президент стерпит и оставит без ответа демарш Совета Федерации по поводу конфликта, возникшего вокруг Генерального прокурора. И Скуратов, лишившись какого-либо доверия президента, опираясь, как сейчас принято говорить, на мужскую солидарность сенаторов, продолжит свое прокурорское правление. Впрочем, не только выздоровление Ельцина заставило сделать его нестандартный атакующий ход. Югославский кризис и жесткая позиция президента в этом кризисе бесспорно повысили авторитет Ельцина внутри страны. Позиция России лишена колебаний, безрассудства и оголтелости - остановить агрессию и добиться от мирового сообщества осуждения действий НАТО, но при этом не дать втянуть себя в войну. Расчет здравый. Любой ажиотаж бездумного патриотизма будет уравновешен протестом российских матерей. Главное, избежать милитаристских крайностей. В остальном в отношении балканского кризиса общество достаточно едино и солидарно с президентом. Таков политический фон. Но этим все не исчерпывается.

В своем последнем ежегодном послании Федеральному Собранию президент дал понять, что не намерен быть безучастным свидетелем коммунистического реванша.

Антипрокурорский указ президента - чисто ельцинский ход, порождающий панику в рядах противника. Рассуждения оппонентов примерно таковы. Если президент, по общему мнению переживающий самый глубокий за время своего президентства личностный кризис, с невероятной утратой влияния своего окружения на повседневную политику страны, тем не менее решается на атаку, значит, он что-то задумал и у него есть козыри. Привычное блуждание политологов по замкнутому кругу. У президента, по существу, нет выхода, кроме как доказать свою действенность и попытаться вернуть свое влияние в верхней палате Федерального Собрания. Заявив в ежегодном послании о недопустимости идеи назначения губернаторов и торжестве народного права выбирать свою власть, президент подыграл верхней палате. Будет ли этого достаточно, чтобы сенаторы вняли здравости и поддержали идею замены Генерального прокурора, сказать трудно.

Начнем с того, что в абсурдное положение поставил себя сам Генеральный прокурор. Не станем оспаривать утверждения Скуратова, что он подал прошение об отставке под давлением. При этом заметим, что прокурор, уступающий давлению (а в сознании нации Генеральный прокурор - это твердыня правопорядка и закона), теряет свой авторитет мгновенно хотя бы уже потому, что прокурору положено быть не таким как все. И то, что

после прошения об отставке Генеральный прокурор прячется в больнице, говорит не в пользу волевого человека. Но Бог с ним - заболел.

Затем прокурор отказывается от своего заявления, аннулирует его. Еще накануне вечером на собеседовании в Совете Федерации он подтверждал свою решимость и желание покинуть пост Генерального прокурора и вдруг... Не станем обсуждать мерзостность компромата на Генерального прокурора, добытого с нарушением закона. Мы обсуждаем вне этой малоприятной ситуации поведение самого Скуратова. Кстати, любопытная деталь. Скуратов взорвался не после показа компрометирующей его видеопленки, не желая уступать шантажу. Все было наоборот. Силы, противостоящие Скуратову, узнали, что он вторично уступил давлению и решил это свое изменившееся устремление объяснить разгулом коррупции и своим желанием бороться с ней. А потому не уступать давлению, если на то будет воля сенаторов. Спектакль был разыгран безукоризненно. Но вот в чем несоответствие. Заявляя накануне заседания Совета Федерации о своем непременном желании уйти в отставку, Скуратов обманывал и членов профильного комитета сената, и Егора Строева. К этому времени у Скуратова уже готов был план опрокидывающего маневра. И все необходимые обсуждения этого плана он провел "до того". В этом изменении позиции Скуратова, конечно же, ключевую роль сыграли Илюхин и левое думское большинство. Но надо им отдать должное. Конспирация в расчете на массовую утечку информации оказалась почти безукоризненной. Для большинства сенаторов откровения Скуратова на трибуне Совета Федерации явились приятной неожиданностью. Однако утечка информации все-таки состоялась и силы, противодействующие Генеральному прокурору, узнали о действиях Скуратова вечером 16 марта. Времени практически не оставалось, и было принято решение показать пленку в эфире и тем самым отрезать Скуратову путь к отступлению. Операция была проведена при помощи государственного телевидения, но должного результата не достигла. Во-первых, пленка показывалась поздно ночью, во-вторых, параллельно на другом канале шел футбол и большинство сенаторов видеосъемок забавы прокурора не видели. Это позволило Скуратову сыграть от противного и сказать, что если у него и были какие-либо сомнения по поводу своей позиции, то после столь явного шантажа и давления он намерен бороться до конца. Хотя, по существу, изменив свою позиции на 180° и допустив утечку этой информации, конечно, не умышленно, Скуратов сам спровоцировал показ пленки. Уровень негодяйства тех, кто заманил человека, похожего на Генерального прокурора в постель, не требует комментариев. Но ведь и Генеральный прокурор стал проявлять активность только тогда, когда под ним загорелась земля. И это меньше всего напоминает защиту законности. Прижатый к стене Скуратов защищает себя. А в этом случае о взвешенности и чистоте доводов говорить не приходится. Располагая достаточными материалами, Скуратов молчал, сводил расследование на нет. Разумеется, материалы швейцарского прокурора мадам дель Понте усилили позиции Скуратова. На всякий случай дель Понте успокоила президента, сообщив, что никаких компрометирующих материалов на окружение президента она, упаси Бог, не привозила, и у нее их попросту нет. Этому, разумеется, никто не поверил, и нервное ожидание продолжилось. Скуратов активизировал действия прокуратуры, начались выемки документов по широкому фронту. Качнулась земля под ногами самого доверенного лица в кремлевском окружении Ельцина, управделами Пал Палыча Бородина. Человека всесильного, богатого, цепкого и опутанного связями внутри и за рубежом, связями разными. По признанию самого Бородина, под его началом в сфере строительного, земельного и прочих видов бизнеса работают свыше 150 тысяч человек. Он человек, отвечающий за благоустройство власти в России - всей власти. Не станем предаваться слухам, но согласимся, что вести безупречно такое хозяйство трудно, да и невозможно. Швейцарский прокурор покидает Россию, оставляя открытым недоуменный вопрос: если ничего нет, зачем она приезжала? А раз этого быть не может, значит есть. Тем более что швейцарская жрица правосудия дает очень высокую оценку Юрию Скуратову. Частность, конечно, но частность значимая. Прокурорская проверка служб Бородина в связи с его сотрудничеством с фирмой "Мабетекс", имеющей сверхобъемные заказы в России и странным образом постоянно

выигрывающей все тендеры на строительство самых разных и самых престижных объектов, немедленно порождает волну подозрений в подкупе высоких чиновников. Бородин дает объяснения на всех телевизионных каналах. Бородин нервничает, и это бросается в глаза. Попытка в своих разъяснениях отнести прокурорский наезд к числу нескончаемых проверок, которыми постоянно досаждают управлению делами те или иные контрольные службы, выглядит малоубедительной. А термин "проведена выемка документов в управлении Кремля" вообще угрожающий, как бы материализующий масштаб свободы, обретенной Генеральным прокурором после его бунта в сенате. Впрочем, нервничает не только Бородин и все, кто связан с Бородиным. Нервничает и Юрий Скуратов. Где-то в районе 30-31 марта Скуратов узнает, что в президентских службах подготовлен указ о его отстранении. Указ не подписан, но подготовлен. Скуратов решает провести разведку боем. Первого апреля он дает интервью, где сообщает о необыкновенной плодотворности своих встреч с швейцарским прокурором и объявляет, что прокуратура располагает именами владельцев внушительных счетов в швейцарских банках. На вопрос корреспондента, известные ли это люди, Скуратов интригующе добавляет: "Очень известные". Это произошло 1 апреля. Если быть откровенным, это было похоже на шантаж высшей власти, к которому он прибег, желая остановить ее антискуратовские действия. Первого числа с президентом встречается Владимир Путин, новый секретарь Совета безопасности и глава ФСБ. Разумеется, вопрос о Генеральном прокуроре обсуждался. А наутро был обнародован указ президента об отстранении Юрия Скуратова от исполнения своих обязанностей в связи с возбуждением против него уголовного дела. Скуратов пытается сделать заявление в СМИ, но обнаруживает, что все телефоны у него отключены. Спустя час он встречается с руководителями ФСБ и МВД, где ему сообщается, что специалисты признают скандальную пленку подлинной, а также о том, кто и когда возбудил против него уголовное дело. Те же Путин и Степашин сообщают, что Скуратов пообещал не мешать расследованию возбужденного против него дела. Такова малоприятная хронология конфликта.

Вывод очевиден. Конфликт между ветвями власти обостряется, а вся власть, и президентская, и законодательная, и губернаторская, и правоохранительная в глубокой грязи, и уже трудно понять, кто кого топит и кто кого пытается отмыть. Все с опаской оглядываются на президента, он, кажется, выздоровел, от него следует ожидать непременной активности, слишком много проиграно. Не только Скуратов, но и Власов, кандидатура, предложенная президентом на руководство избирательной комиссией, потерпел фиаско. И как последняя капля, доказывающая, что Совет Федерации уже не оплот президента, - очередной провал Митюкова, предложенного президентом в состав Конституционнного суда. Больного льва в прериях уже никто не боится.

Может или не может президент отстранить прокурора от своей должности? Не освободить, а отстранить на период расследования его личного уголовного дела? Этот вопрос не прописан в Конституции. Отсюда возможен вывод: что не запрещено законом, то разрешено. Хорошо понимая Ельцина, я могу представить ситуацию, сложившуюся после скуратовского демарша. Так было уже не раз в прошлые годы, когда Ельцин требовал юридического обоснования для своих внешне противоречивых действий. Юристы встают на уши и добывают обоснование. В прошлые времена ударной фигурой в поисках нестандартных решений был Сергей Шахрай. Отдадим ему должное. Он не раз и не два находил выход. Сейчас Шахрая нет. И юридический мост, по которому президент собирается перебраться на ту сторону реки, чтобы атаковать оппонентов, может не выдержать. Ситуация вокруг Скуратова имеет три составляющих.

Линия самого Скуратова. С невольным вопросом: на что рассчитывает Генеральный прокурор?

Линия президента и его окружения. Чем опасен Скуратов и кому?

И наконец, политический базар, на котором продают и покупают все политические партии. Какой капитал обретут те или иные политические силы, торгуя Скуратовым?

Шаг, предпринятый Генпрокурором, конечно же, продуман. Цена Генерального

прокурора, даже с приставкой "экс", в год парламентских и президентских выборов возрастает пятикратно. Почему президент посчитал возможным заменить Генерального прокурора? Здесь предпочтительны две версии, и обе совершенно обоснованны. Президент недоволен деятельностью Генерального прокурора. Практически не раскрыто ни одно громкое преступление. Коррупция парализовала все правоохранительные структуры. Президенту нужно подтверждение, что он, президент, не просто декларирует идеи борьбы с преступным миром, но и достиг конкретных результатов. Медленно, безынициативно работает прокуратура. Вспомним раздраженную реплику Ельцина: "И вообще непонятно, кто руководит Генеральной прокуратурой!"

Версия вторая. Скуратов подобрался достаточно близко к священным коровам. В его руках убийственные доказательства алчности высоких чиновников, он располагает материалами подобного рода и на семью президента. Последние шаги Скуратова по отношению к ведомству Павла Бородина подтверждают эту версию.

Версия третья. Президент получил информацию о том, что Скуратов собирает антипрезидентское досье, находится под неотступным влиянием левых радикальных сил. Именно ведомство Скуратова будет сбрасывать информацию в средства массовой информации и подпитывать силы, находящиеся в непримиримой оппозиции к президенту. Антипрезидентские силы в Генпрокуратуре работают на импичмент президента. Они создают отрицательный фон вокруг президента, его семьи и его окружения. Ельцин оценил опасность. Он не забыл, что такое иметь нелояльного президенту председателя Конституционного суда. Повторять еще раз подобную ошибку, но теперь уже с Генпрокурором, президент не намерен. Тот факт, что сенат, а проще говоря, губернаторский корпус вопреки желанию президента оставил Генпрокурора в его должности, явился для Ельцина тревожным сигналом, что Совет Федерации при голосовании по импичменту уже не является его опорой, сдерживающей истерию Государственной Думы. Ельцин сыграл на опережение, хотя оно было достаточно относительным. Генеральный прокурор уже успел дать пространное интервью программе "Итоги". Оно прозвучало в эфире 5 апреля и, скорее всего, еще больше обострит конфликт. Линия прокурора в этом конфликте обрела индивидуальную окраску после его заявления, поданного на имя президента с просьбой об отставке.

Николай Бордюжа, судя по словам прокурора и по факту заявления, провел беседу с Юрием Скуратовым продуктивно. Просьба Скуратова об отставке появилась. Не исключено, что именно Бордюжа посоветовал Скуратову лечь в больницу, полагая, что заявление об отставке может быть рассмотрено в сенате в отсутствие прокурора. Сенат неожиданно заупрямился и в отсутствие Генерального прокурора его заявление рассматривать отказался. Сейчас уже можно сказать с уверенностью, что упрямство сената не было случайностью. Силы, оппозиционные президенту, при разительной разновзглядности, объединились. На одной чаше весов и "красные губернаторы", и "Отечество". Возражение сената объективное и здравое. Он назначал прокурора на должность в его присутствии, поэтому, строго соблюдая процедуру, хотел бы заслушать прокурора, прежде чем проголосовать за его отставку. Не вызывает сомнения, что упрямство сената являлось частью общего плана. Сопротивление губернаторов должно было обнадежить Скуратова, что его дело нельзя считать проигранным. С этого момента началось обратное движение вдохновленного Скуратова. Николай Бордюжа, неожиданно оказавшийся в больнице с подозрением на инфаркт, как бы блокировал ситуацию. Беседа со Скуратовым состоялась. Заявление Генерального прокурора на столе президента, о сути беседы прокурор проинформирован. В вопросе поставлена логическая точка. Каприз сенаторов случился, когда Николай Бордюжа был уже в ЦКБ.

Болезнь Бордюжи оказалась для Скуратова неожиданным подарком. Дело в том, что одной из главных задач, поставленных перед Н.Бордюжей в момент его назначения на пост главы президентской администрации, была задача создания климата продуманных отношений с губернаторами, чтобы хорошо понять, насколько реальна идея Примакова об укреплении управленческой вертикали с возможностью отказа на будущее либо от

выборности губернаторов с переводом их на режим президентского назначения, либо конституционное право по их отзыву. Так или иначе, Конституцию придется подправлять. Не следует заблуждаться. Николая Бордюжу на его совмещенную должность секретаря Совета безопасности и главы администрации президента предложил Евгений Примаков. Президент переживал очередной кризис физического самочувствия и вряд ли особенно возражал, тем более что хотел иметь рядом с собой человека исполнительного и энергичного. Кадровый военный такого уровня президенту пришелся по душе.

Болезнь президента, а затем и болезнь главы президентской администрации парализовала кремлевский аппарат. Работу с сенаторами могло проводить только первое должностное лицо и ни в коем случае никто из его заместителей. Тем более что эта работа для Бордюжи имела одну активную сопутствующую - он обладал значительной неофициальной информацией о деятельности региональных лидеров. И они это понимали. Ситуация оказалась пущенной на самотек. Откатному противодействию Скуратова никто не мешал. Это была вторая оплошность Николая Бордюжи. В свое время он точно так же не довел до конца работу, связанную с отставкой Бориса Березовского и позволил президентским оппонентам чрезвычайно осложнить ситуацию. Скуратов получил запас времени, чтобы подготовить несколько рубежей обороны.

И никаких мгновенных совестливых прозрений у Скуратова накануне выступления в Совете Федерации не произошло. Он готовился тщательно и заблаговременно. И беседы накануне 6 марта были попросту дымовой завесой. Надо помнить, что сенаторы в Москве бывают наездами и многих деталей столичной политической кухни не знают. Положение Скуратова, по сути, положение ложное. И в этой ситуации он оказался не по своей воле.

В среду, 8 апреля, Скуратову предложили выступить в Государственной Думе. На сегодняшний день поддержка Скуратова базируется на поддержке КПРФ. Уже нет никаких сомнений, что к обострению конфликта именно эти силы вели Скуратова. Скорее всего, Скуратов, выступая в Думе, повторит свой сенатский маневр. Теперь у него в руках материалы швейцарского прокурора. Он не огласит их. Он еще раз повторит - они есть!

Илюхин предлагает поведение Скуратова отделить от его должности. Бой идет за должность Генерального прокурора, а не моралиста, взывает Илюхин. Илюхин - натура, извращенная ненавистью и злобой. В нем уже давно погиб здравый юрист. Человек, разделяющий мораль с нормами борьбы за справедливость, которая и есть основополагающий камень в фундаменте морали, с точки зрения юриспруденции, выглядит дикарем. Но забудем о дикарстве Илюхина. Речь идет о Скуратове.

Отныне и навсегда Скуратов повязан одной политической силой, она его спасает, она его ангажирует. Такой человек не может быть Генеральным прокурором страны. Став разменной фигурой в схватке политиков, прокурор превращается в высокодолжностную пешку, это его профессиональная трагедия. Любое дело, которое заведет прокурор, будет рассматриваться и истолковываться как политическое преследование. Осторожный Скуратов и в прошлые времена не отличался заметной самостоятельностью. Теперь этот недуг превращается в профессиональное кредо Генерального прокурора.

И последнее. Что такое Генеральный прокурор в предстоящих политических баталиях? Коммунисты уже заявили свои права на Скуратова с нахрапистой наглостью. Это сразу же сделало Генерального прокурора фигурой едва ли не враждебной и малопривлекательной практически для всех остальных политических сил России. Скуратов нужен коммунистам как таран, пробивающий Кремлевскую стену. Приди они к власти, Генпрокурор с подмоченной моральной репутацией им не нужен. Следовательно, все усилия Скуратова продолжить свою профессионально значимую жизнь окажутся малоуспешными. Он будет использоваться как те две дамы в постели человека, похожего на Генерального прокурора. И точно так же как они сейчас, спустя некоторое время он будет опасаться за свою безопасность. Губернаторы скоро поймут, что оказались в ловушке, которую им устроили "красные" сподвижники по верхней палате. Губернаторы сами прошли выборы и знают цену компромату. И им не нужен Генеральный прокурор, который начнет борьбу с коррупцией,

руководствуясь кратким курсом ВКП(б). Для многих из них это новая головная боль. И что еще натворит это Генеральный прокурор, старательно прислуживая коммунистам? Борьба Скуратова с президентом и его "семьей" как месть раба хозяину? Возможно. Но надолго его не хватит. Почему? Потому, что он очень осторожен и мягок натурой. Да и что толку?

Самое разумное было бы уехать послом в страну, похожую на Данию, Голландию или Швейцарию, но непременно очень похожую. Только вот кто пошлет? Не скажите, послать могут и дальше. И там, в кругу отстраненной благополучности, он напишет захватывающие мемуары в назидание следующим, очень похожим на Генерального прокурора и президента людям.

Интрига

Предвыборный год нарушает динамику политической жизни. Отпускное лето превращается в лето батальное. Осенью накал достигнет кульминации. А к декабрю общество искупается в грязи до такой степени, что к избирательным урнам его приведет не гражданский долг, а чувство отвращения к власти, как таковой.

В течение трех месяцев: май, июнь и июль - диспозиция политических противостояний осталась неизменной. Более отчетливо стали просматриваться лишь детали: тактический рисунок и стиль поведения конкурентов, однако общая картина, по существу, сохранилась.

На левом фланге коммунисты, народовластие и примкнувшие к ним. Лидер пока прежний - Геннадий Зюганов.

На правом - некая суммация младореформаторских сил, более похожая на клуб экс-премьеров и экс-вице-премьеров. Такого нет ни у левых, ни у центристов - два экс-премьера и шесть экс-вице-премьеров, причем трое из них первые. С лидером пока путаница. Правда, есть руководитель предвыборного штаба Анатолий Чубайс. Так что все вопросы к нему.

Появление в качестве союзника правых движения "Голоса России", возглавляемого самарским губернатором Титовым, еще больше осложнило амбициозный рельеф на фланге. Правым Титов нужен позарез. Какая ни есть, но губернаторская бригада. Это делает блок жизнеспособным.

Проблема правых, находись они во власти или окажись вне ее, оторванность от региональной политической элиты, которая в подавляющем большинстве не приняла экономическую модель, предложенную младореформаторами, и на протяжении семи лет находилась пусть в скрытой, пусть умеренной, но оппозиции к реформам. Появление группы губернаторов, разделяющих взгляды Гайдара, есть тоже следствие демократических преобразований в России. У младореформаторов появились свои губернаторы.

Уступая общей тенденции критического восприятия проводимых реформ, они тем не менее придерживались стиля негласных сторонников, внешне поддерживающих возмущение федеральной властью, которое бытовало в сенате.

Титов не пошел в "Отечество", там он тридцатый, а может, сороковой. И в силу приверженности демократической риторике был бы на явном подозрении как у просто государственников, так и государственников оголтелых, которых достаточно в "Отечестве". Титов, говоря языком бизнеса, выбрал средний банк, где он желанный клиент.

И, наконец, центристы - "Отечество", "Вся Россия" и масса общественных образований, неприемлющих радикальных экономических и политических экспериментов.

Пока эти два главенствующих движения идут порознь. Но они приговорены к союзу, так как и левый, и правый фланг обрели необходимую концентрацию политических сил. Распыленность, раздробленность центра в этих условиях очевидный политический просчет.

Лидером центра, его идейным мотором является Юрий Лужков. Минтимер Шаймиев достаточно самостоятелен и авторитетен как политик и столь же хитер как региональный лидер. Шаймиев будет подчеркивать свою неослабевающую лояльность к Кремлю до последнего момента. И тем самым, окажись он в союзе с неудобным для президентского окружения Лужковым, окажется некой гарантией умеренности московского мэра и его большей расположенности к экс-президенту. И хотя Кремль настойчиво подталкивает Шаймиева в сторону "Правого дела", он, вяло сопротивляясь, подчеркивает свою верность

идее единой России, которая наиболее здраво и уважительно трактуется в повседневной практике московского мэра.

Скорее всего, единение "Отечества" и "Всей России" будет напоминать двуглавого орла. Ну что ж, это не самый плохой политический логотип.

Неожиданный дрейф "аграриев" в сторону "Отечества" вполне объясним, хотя до конца не ясно, есть ли согласие насчет смены лагеря в самом руководстве "аграриев"? Насколько едина позиция Лапшина - лидера объединения и Харитонова - руководителя депутатской группы в Думе, который до сих пор послушно бежал в качестве пристяжной в упряжке коммунистов.

Присоединение "аграриев", возможно, и усилит "Отечество", но прежде всего добавит консервативного груза. Ибо всякое новаторство, а Лужков к идеям новаторства предрасположен, будет восприниматься "аграриями" в штыки. Исторически российский консерватизм держался на идеях так называемых "почвенников", исповедующих верность крестьянской России.

"Аграрии", протаптывая тропу в "Отечество", в целом поступают правильно. Лапшин и Харитонов вряд ли в лужковском лагере будут более заметными политическими персоналиями, чем в лагере Зюганова, но понимание значимости отечественного сельскохозяйственного производства, понимание не теоретического, а истинно практического в лице Лужкова они получат. Занимаясь и в прошлом, и в настоящем продовольственным обеспечением Москвы, Лужков достаточно прикипел к крестьянству. И крестьянский фланг "Отечеству" необходим.

Разумеется, три обозначенных политических массива не исчерпывают общей картины. В достаточной степени ее осложняют и делают менее предсказуемой либеральные построения "Яблока", которые в конечном итоге могут приговорить "Правое дело" и обескровить его демократический электорат. В этом смысле Титов для "Правого дела" неким образом лекарство, подавляющее вирус Явлинского.

Явлинский, вполне симпатизируя мэру Москвы, крайне настороженно относится к движению "Отечество", считая, что оно достаточно расплывчато по политическому рисунку и в лице части персоналий далеко от либеральной идеи.

Поэтому говорить об объединении этих партий, движений бесперспективно.

Явлинский слишком самодостаточен, чтобы уступить лидерство на либеральном поле или в силу объединения с кем-либо размыть его.

Определенной прибавочной стоимостью продолжает обладать НДР. После появления Черномырдина во главе Совета директоров во главе "Газпрома" симпатий движению не прибавилось, но его финансовый ресурс обрел более значимые контуры.

НДР во главе с Владимиров Рыжковым - молодым человеком с внешностью аспиранта педагогического института - или Виктором Черномырдиным, портрет которого украсил бы офис любого концерна, будь то ликеро-водочное производство, добыча газа, производство оленины и красной рыбы или добыча золота, - это две разные субстанции. Получив пост главы Совета директоров "Газпрома", Черномырдин оказался в тылу у Лужкова. Учитывая связку Черномырдина с Березовским, эта ситуация для "Отечества" и мэра Москвы становится крайне опасной.

Одна из задач Черномырдина - отвязать Рэма Вяхирева, возглавляющего "Газпром", от Лужкова. Их взаимная симпатия и взаимная заинтересованность вполне правомерны и естественны. И того, и другого сближает реальность сотворенного дела. И тот, и другой матерые хозяйственники. Оба, в силу обстоятельств, вынуждены заниматься политикой. Бесспорно, Вяхиреву будет поставлен ультиматум - либо Лужков и скрытая игра с ним в одной команде, либо сохранение за Вяхиревым поста главы "Газпрома". Что выберет Вяхирев, если эту игру будут вести с ним, сказать трудно. А сеть уже заведена.

Березовский коварен, он опасается хитрости и Вяхирева, и Черномырдина, поэтому проталкивает в Совет директоров "Газпрома" еще одного своего человека, внедренного им же в правительство, министра ТЭКа Калюжного.

Пока Черномырдин давит на Вяхирева (они дружны более 25 лет), Березовский начал фронтальную атаку на "Медиа-Мост", возглавляемый своим недавним союзником Владимиром Гусинским. "Медиа-мост" финансово накрепко завязан с "Газпромом" и в настоящее время является его внушительным должником. В то же самое время Гусинский и "Мост-банк" заключили корпоративный союз с Лужковым. Гусинскому нужны деньги Москвы, чтобы стабилизировать свое финансовое положение, Лужкову - лояльная позиция НТВ, чтобы противостоять медиа-империи Березовского, в лице ОРТ, ТВ-6 и играющей на их стороне ВГТРК.

Атака на "Медиа-Мост" - это атака на связку Гусинский-Лужков.

Выдержит ли Гусинский эту атаку? За Гусинским устойчиво сохранился образ временного союзника, сосредоточенного на строго коммерческих интересах.

Определение, возможно, и правильное, но не точное. И неважно, что сам Гусинский любит повторять: "В любом проекте меня интересует бизнес, и только бизнес". На самом деле, он пристально отслеживает перемещение на игровом поле не столько своих чисто финансовых конкурентов, сколько конкурентов из делового мира, играющих в политику.

Теперь поле политической битвы выглядит достаточно полно. На нем пока отсутствует один потенциальный участник схватки - это Евгений Примаков, до сих пор, по шкале общественных опросов, имеющий самый высокий рейтинг.

О чем это говорит? Лишь обо дном - никто не верит, что после своей отставки Примаков навсегда ушел из политики.

Играть в одиночку Евгений Максимовияч не может, своего родного объединения или партии у него нет, следовательно, его вступление в союз с кем-либо случится обязательно. Вопрос - когда и с кем?

Выбор, по существу, невелик. Либо с коммунистами, они готовы принять Примакова в свои объятия, но, как ни странно, это значительно не усилит коммунистов. Окажись Примаков во главе списка КПРФ, это приведет в смятение симпатизирующую ему интеллигенцию, а ведь в опросах общественного мнения участвует прежде всего она. Это в большинстве своем люди, которых разорили реформы, лишили устойчивого, уважительного положения в обществе. Они как наиболее образованная часть нации осознавали тупиковость застойного периода и тем более периода диктатурного. Они не хотят назад, но в то же самое время их не устраивают те, кто пренебрег ими, ввел их на порог нищенства, они хотят устойчивости. Они желают того завтра, в котором их интеллектуальная значимость будет приоритетной и не зависящей от идеологических предрасположенностей. Примаков чисто зрительно был олицетворением этого фундаментального, либерального консерватизма.

Коммунистам с приходом Примакова в их стан добавится, но очень немного. Да и вряд ли большевистские ортодоксы поверят Примакову, даже если он будет утверждать, что каждый день, отходя ко сну, вынимает партийный билет и вглядывается в строгий силуэт Ильича.

Примаков, как ни крути, горбачевец, а воспоминания об этом политическом деятеле вызывают у ортодоксов невероятные боли в лобных пазухах и увеличивают потливость ладоней.

А вот потеряет Примаков, решись он на этот шаг, сверх меры, если не все....

Куда и с кем идти? Явлинский, как известно, не делим. Чисто теоретически не исключен союз с движением "Правое дело" по формуле Сергея Кириенко: "Кто не наш враг, тот наш потенциальный союзник". Правда, в этом случае Евгений Максимович окажется заявленным на роль статуи Будды, правда, среди прихожан, не исповедующих буддизм.

Остается "Отечество", где центризм наиболее выражен. И где в окружении много знакомых лиц, которых Примаков знает многолетно.

Есть, конечно, еще одна сила - Кремль. Сила коварно-скрытная.

Нет, с ними он может только раскланяться.

Он и сам не очень здоровый человек. Поэтому, как пациент пациента, он президента поймет, но ничего не забудет. Разведчикам положено иметь отменную память. И потом у него

есть персональный оппонент, Борис Абрамович Березовский. Не в правилах Примакова оставлять партию незаконченной. Примаков игрок, и игрок азартный, просто он это тщательно скрывает.

* * *

Два главных наших национальных пристрастия не могут не вызывать удивления. Хорошо бы выпить и закусить, ну а потом непременно найти врага, который виноват во всех наших прегрешениях, бедах и неустройствах.

Представляя панораму предстоящих политических баталий, мне видится карта едва ли не военных действий, на которых географический пункт Москва находится в пересечении четырех стреловидных уколов - не хочешь, а поверишь, Лужков в осаде.

Тактика четырех ударов. Удар по семье. Удар по окружению. Удар по информационному обеспечению. Удар по финансовой независимости. И где-то наверху вожделенный, наполненный ненавистью шепот: "Мы его сломаем, он к нам на брюхе приползет".

И это все не фантазии, не сон воспаленного мозга. Реальная жизнь, повседневные заботы нашей высокой власти: изжить, изничтожить любого, чье дело умение, удачливость - укор властной немощи царствующих.

Всякую весну непременно сменит лето, затем наступит осень, переходящая в холода зимы. Все проходит, все. И кризисы, и болезни, и даже сама жизнь.

И только одно не смывается волнами времени - ПОЗОР. Да упомнят все царствующие в России сейчас и в будущем.

9 августа. 8 часов утра. Москва, Кремль.

Президент приглашает премьера Сергея Степашина, чтобы сообщить ему, что он отправлен в отставку. Двумя днями ранее Степашин отбил отставочную атаку Ельцина, но, как оказалось, ненадолго. Сергей Степашин в качестве премьера проработал три месяца. После этого президент подписал указ о выборах в Государственную Думу. Выборы назначены на 19 декабря.

Не писать нельзя, а писать противно. Ничтожный удел премьеров и министров на следующий день после назначения ждать президентский указ о своей отставке.

Ничтожный удел социологов, политологов, аналитиков и всех прочих, подвизающихся на ниве прогнозов, заниматься бессмысленным отгадыванием, почему президент отправил в отставку очередного премьера, четвертого за год. Это, господа, не политика. Это болезнь. Действия президента должны исследовать не политологи, а люди совсем другой специальности. Удивительно, как наш президент настойчив в подтверждении правоты слов своего главного политического противника Геннадия Зюганова: "При таком поведении высшей власти - страна в опасности".

Вслушайтесь в комментарии по поводу случившегося. "Президент действовал в пределах конституционного поля". Звучит как заклинание. А то, что конституционное поле оказалось вне пределов общественного мнения, президента не интересует. А напрасно. Алогичные действия президента в пределах конституционного поля разрушают Конституцию, взрывают ее изнутри, превращают в одноразовую Конституцию одного президента.

Что значит: я решил, кому быть моим преемником? Долго думал - и вот решил.

Разумеется, можно было бы заподозрить, что мы все, включая нашего президента, находимся в состоянии летаргического сна. И президент - он вовсе не президент, а царь. И, как положено царю, метит перстом своего наследника. И все верноподданные, услышав благую весть, падают ниц. И катится эхом по стране, яко стон: на-а-аконец-то...

Впрочем, продолжительность сна недолгая, до очередной неполученной зарплаты, будь ты шахтер, энергетик, железнодорожник или учитель.

Откроешь глаза: кругом родная Россия с киллерами, олигархами, политическими интригами, богатым скачущим долларом и устойчиво нищим рублем. А еще много-много свободы, позволяющей лгать, воровать, убивать.

Посмотришь, повздыхаешь: чур меня. И опять в сон.

У кремлевских ворот стражи портупейные охраняют трон царя и площадь, по которой мало кто ходит, зато вертолет может сесть и взлететь. Так, на всякий случай. Царя-батюшку, конечно, охраняют тоже, когда он по утренней рани в строгости в Кремль наезжает, чтобы главного исполнителя разжаловать либо рапортацию его заслушать. Других дел у царя-батюшки вроде как нет. Человек он сумеречный. Имеет пристрастие к единственной игре: царство-государство на уши ставить. Не кажинный день, а спустя два-три месяца. Такой вот прибауточный расклад получается. Самого себя в серьезность вгонять трудно. А надо. Никуда не денешься.

Можно предположить, что Борис Ельцин задался целью попасть в Книгу рекордов Гиннесса. Примаков премьерствовал 9 месяцев, Кириенко - 4, Степашин - 3. Так дальше пойдет - страна получит недельных премьеров. Президент продолжает действовать вне пространства разумности. Страна, ее экономика, благополучие и спокойствие сограждан его не беспокоят.

Премьерская чехарда - это не что иное, как непрерывная операция на сердце страны. В этом случае государство не имеет возможности покинуть больничную палату.

Не станем предполагать и угадывать, тем более что президентские действия и поступки утратили шарм непредсказуемости. Комбинации одни и те же, наигранные. Фигуры разные, но к этому нетрудно приспособиться.

Что же такое совершил Сергей Степашин, если накануне в беседе с корреспондентом он оценил свои отношения с президентом как уважительные и благоприятные для работы правительства? А буквально через несколько часов был отправлен в отставку. А еще через несколько часов в обращении президента к народу тот же Степашин получил высокую оценку своей премьерской деятельности. В чем дело? Почему хорошо работающий, к тому же удостоенный отнюдь не ритуальной благодарности, Степашин уволен?

А может быть, у нас утвердился новый стиль управления страной: чтобы быть изгнанным, надо хорошо и честно работать, так как в понимании президента и его окружения это есть самая негативная профессиональная аттестация? Попробуем разобраться.

Степашин не выдержал экзамена на непорядочность. Да-да, исполнительной власти положено выполнять волю главы государства и забыть о существовании таких норм, как порядочность, благородство, профессиональный авторитет и тем более собственное мнение. Степашин пренебрег не всем сразу, а, возможно, чем-то одним.

Он не добился раскола и не усилил подозрительности со стороны блока "Вся Россия" к лужковскому "Отечеству". Не проявил "твердости", "принципиальности" и не закопал Лужкова. Остался в пределах разумности и сохранил свое лицо перед губернаторами, но потерял очки у капризного президента и, не исключено, у его семьи.

Можно предположить, что и дагестанская неблагополучность в своей предпосылочной стадии не обошла московские верхи стороной. И не только Хаттаб и Басаев пустили пробный шар. Не случайно после назначения Степашина на пост премьера именно Басаев сказал, что у них к Степашину свой счет. И столь же не случайный ответ Степашина: "Пусть только сунутся" - лишь подтверждает, что он принял этот вызов. От себя добавлю, Чечня отстранение Степашина восприняла с удовлетворением.

Осталась самая малость: определить, в какие высокие и богатые особняки ведет чеченский след в Москве.

В чем еще провинился Степашин? Он был излишне самоуверен, словообилен и доверчив. Ему очень скоро понравилось быть сверхвысокой властью и называть себя человеком № 2.

Президент не оригинален: всякий раз он разыгрывает одну и ту же комбинацию. Назначается новый премьер, которому вверяется хозяйство страны с обязательным декларированием главного постулата: политику страны определяет президент. После очередного назначения президент непременно самоустраняется - либо по причине болезни, либо в отпуск. И все его политические обязанности согласно Конституции начинает выполнять премьер. Участвовать в переговорах, пресс-конференциях, встречах "шестерки",

"восьмерки", в заседаниях двусторонних комиссий, симпозиумах.

Несамостоятельных, зависимых премьеров не любят одинаково как на Западе, так и на Востоке. Всюду должностная самостоятельность ценится превыше всего.

Степашин, более чем кто-либо из премьеров, уделял внимание Северному Кавказу. И в итоге стал едва ли не главным экспертом в разрешении всевозможных конфликтов в Северокавказском регионе. Разрешении, увы, малоудачном. Хотя не раз и не два не без картинной значительности повторял, что ответственность за результаты всех проводимых операций он, Степашин, берет на себя. Противники Степашина удачно использовали эту его зацикленность. А тут еще странные совпадения: ракетный удар по своим, жертвы. И срочный прилет премьера в Дагестан.

Северный Кавказ второй раз сломал должностную биографию Сергея Вадимовича Степашина. Сумеет ли выдержать удар со стороны Кавказских гор Владимир Путин?

Президента напугал Северный Кавказ. Он не знает, что делать. И, как всегда в подобных случаях, имитирует свою управленческую решительность публичным жертвоприношением.

На излете двухсрочного президентства вторая Чечня, случись она в Дагестане, выроет Ельцину историческую могилу.

И вот тут премьера, будь им Черномырдин, Кириенко, Примаков, Степашин, подстерегает ловушка. Оказывается, поступила команда отслеживать, что говорит, как говорит. Что о нем говорят. И сколько раз упомянул имя президента.

Всегда следует помнить: всякая продуктивная деятельность таит в себе скрытую опасность, она - скверный фон для бездеятельности, некомпетентности, неумения.

Будем считать, что Степашину в отрицальный зачет пошли и Кёльн, где он понравился. И Вашигтон, где он вселил надежды. И Сараево, где он "похоронил" Милошевича.

Все, чего добился от Степашина Ельцин во внутренней раскольнической политике, - это вялое заявление со стороны премьера, что на следующих президентских выборах нет смысла избирать пенсионера. Гнусность, конечно, но оправдана воинской подчиненностью.

Более странно другое. Как неадекватные решения президента заставляют его окружение произносить благоглупости. Типа: "Премьеру надо быть политиком и не обязательно знать экономику и принципы хозяйственного развития страны". Произносятся эти философствования мечтательно, устремив взгляд в никуда, на брифинге перед журналистами. Такое впечатление, что господин Якушкин общается с инопланетянами, призывая их к пониманию сложностей земного существования. На самом деле пресс-секретарь таким образом защищает непросвещенность Владимира Путина в вопросах экономики. А спустя час или два уже сам Путин в беседе с журналистом чистосердечно сообщает, что он не политик. Не станем задавать праздного вопроса: кого в таком случае рекомендовал нам президент? Более насущен совсем другой вопрос: является ли выдвижение Владимира Путина идеей, рожденной в длительных раздумьях, или есть в этом президентском шаге достаточная доза спонтанности и экспромта. Скорее второе, нежели первое. Почему?

Три месяца назад президент уже подменил карту в колоде. Назвал Аксененко, а предложил Думе Степашина. Накануне, уступая давлению Семьи и всепроникающего Березовского, президент нацелился на Аксененко, но в последний момент скрытым маневром испортил игру. После Примакова, подчеркнуто атаковавшего Березовского, делать столь разительный крен в пользу последнего президент не решился. Это ставило под удар авторитет Семьи, которую и без того обвиняли во всех смертных грехах. Так появился Степашин - как личная и внезапная инициатива президента. Разумеется, внезапность не исчислялась минутами. Она была более длительной, но от этого не перестала быть внезапностью. Аксененко получил пост первого заместителя и право быть тенью, заслоняющей премьера.

Однако Березовский - не тот наездник, которого можно сбросить на скаку. Степашин не был враждебен Березовскому, скорее, он был нейтрален. И уж тем более к семье президента.

Но он слишком часто говорил о таких понятиях, как честь, достоинство, порядочность, которые в окружении президента воспринимаются как неудобные громоздкие вещи, которые непонятно куда ставить и кому дарить. Ну а для Березовского эти слова звучат вообще как издевательство. Потому что все, что не продается, считает Борис Абрамович, ложно.

По этой причине Березовский решил продлить осаду, тем более что в правительство он сумел внедрить ряд своих сторонников.

Купив ТВ-6, а затем газету "Коммерсантъ", оставаясь ключевой фигурой за кулисами ОРТ, Березовский перегруппировал силы и вывел их на предвыборные позиции. Появление своего премьера, как и возвращение Черномырдина в газпромовские верхи, при наличии устойчивого единомышленника в лице главы президентской администрации позволяло Березовскому считать кадровую операцию завершенной и объявить о начале массированного наступления на своих политических противников. Но президент, как и в случае со степашинским выдвижением, спутал все карты. На этот раз, уступая давлению, он принес в жертву Степашина, но в последний момент опять же по собственной инициативе вставил в обойму дисциплинированного Путина.

При этом следует заметить, что в послепримаковские времена в Кремль и Белый дом стал захаживать Чубайс, консультируя и дочь президента, и не только дочь по поводу кадровых аттестаций будущего правительства. Так в реку большой политики второй раз вошла питерская команда. Тут и Степашин, и Путин, и зам Путина по ФСБ, и достаточные корневые остатки самого Чубайса. Это логично, тем более что Путина пригласил в Москву именно Чубайс. Он же ввел его в кремлевские коридоры. Правда, есть одна малообъяснимая странность в биографии Путина. Как нелюбовь и ревность президента к Собчаку не распространилась на его заместителя Владимира Путина? Приглашая Путина, Чубайс шел на определенный риск. Нелюбовь ближайшего окружения президента к Собчаку и ревность самого президента могли потопить всякого человека из собчаковской команды. Но президент был плох, а сам Чубайс в этот момент ему был крайне необходим. Возможно, потому и не состоялось сверхпристрастных расспросов.

Чубайсу-экономисту был нужен свой человек совсем из другой сферы. Не лишним будет заметить, что именно Чубайс, будучи в роли главы президентской администрации, воплотил в жизнь идею создания дублирующего состава правительственной команды. Так что Путин оказался к месту, он надзирал за привычными для себя ведомствами. Ну а Чубайс, таким образом, прикрыл свои обнаженные тылы. Подсадив Путина под Бородина, Чубайс сыграл на опережение.

Звездный час Путина - это еще и победа Чубайса в длительной кадровой интриге.

Чубайса в полной мере устраивал и Сергей Степашин, политический вес которого пока несопоставим с весом аппаратного Путина. Вполне вероятно, он сделал даже попытку удержать президента от столь внезапной рокировки. Впрочем, это не более чем раздумье по поводу...

Какую фразу сказал Степашин Путину на прощание, когда с процедурой передачи дел было покончено, угадать трудно, но предположить возможно. "Все беды случаются на флангах. Проверь их".

Получив не совсем своего премьера, Борису Березовскому ничего не остается, как занять оборону и по возможности попытаться сохранить своих людей в новом правительстве.

Трудно сказать, кто насоветовал президенту объявить за год до выборов своего преемника. Шаг сомнительной разумности, но он сделан. И с этого момента мы имеем рисунок совсем иной политической данности.

Прощальная микроречь Степашина перед своим правительством имела один бросившийся в глаза нюанс. Степашин произнес свою речь стоя, удержав себя от желания занять привычное председательское кресло. Сопроводив это движение прозрачной репликой, обращенной к Аксененко: "Садиться не буду. Чтобы не засиживаться... Правильно, Николай Емельянович?" Лица Николая Емельяновича показано не было, но можно было понять, что реплика расстроенного, обиженного Степашина похожа на реплику-предупреждение.

Однако президент в своем экспромте пошел дальше простой рокировки. Он двинул "пешку" в ферзи. Таким образом, комбинацию "противовесы" Ельцин счел завершенной. Путин вместе с Чубайсом уравновешивал Березовского вместе с Волошиным. Можно дождаться утверждения Путина в Думе, а затем продолжить прерванный отпуск.

Ни один президент громогласно за год до выборов не объявляет своего преемника. Наш объявил - почему? Объяснить это только сохранившейся привычкой озадачивать и поступать "вопреки" будет слишком упрощенным ответом.

Нечто подобное уже было с Руцким. Тогда Ельцин отбросил все карты наигранной колоды и выхватил человека из политической пустоты. Руцкой сломался, но не погиб.

Решение по поводу Путина как преемника - скорее всего, мгновенная реакция на заманчивую подсказку. Подобный шаг абсолютно в стиле Ельцина.

Днем ранее Березовский в очередном интервью на вопрос о перспективах президентских выборов ответил, что ни в коем случае нельзя допустить избрания президентом ни Примакова, ни Лужкова. Однако реального претендента он, Березовский, пока не видит.

Если бы замысел с Путиным существовал до того, об этом из неофициальных источников уже знала бы вся страна. Ну а Березовский тем более: не чужой человек в Семье. Значит, не знал.

Идея получила столь скоротечное воплощение, потому что предвыборные бега грозятся выйти из-под контроля. И по законам интриги - ввод нового игрока на поле, да еще с такой преамбулой, должен заставить нервничать участников. И прежде всего губернаторов - не в этом, а в следующем бюджетном году.

Похоже, что Ельцин ни с кем не согласовывал свои идеи. Намекал - да, но не согласовывал. Это его домашняя заготовка. Внезапное вбрасывание идеи лишает оппонентов времени, чтобы разубедить президента.

А дальше работает формула: "Возможно, я поторопился, но решение принято, и я не могу его изменить". Вот так создается новая политическая данность.

Но почему за год, а не позже? Чтобы проверить. Чтобы еще осталось время переиграть ситуацию, если... С этой минуты Владимир Владимирович Путин оказывается на семи ветрах и ничего иного, кроме удачи, ему пожелать невозможно.

Трудно не заметить, что кадровый выбор президента в последние несколько месяцев обрел силовой рисунок, когда подбирает не столько президент, сколько главнокомандующий. Случайно ли это? Разумеется, нет. И Бордюжа, и Степашин, и теперь вот Путин - высокочинные военные, приглашенные каждый в свое время на сугубо штатскую должность. Это у президента от неуверенности. Должностная подчиненность уже не срабатывает. Да и вольности эти гражданские индивидуальности допускают непозволительные, после того как...

А тут все проверено. Приказы не обсуждаются. "Кругом марш! Выполняйте!" Ну а если чиновничья отставка, тоже не забалуешь: всякие там пресс-конференции, симпозиумы, права человека - вмиг погон лишишься. И звезды на тех погонах главнокомандующий считать не станет.

Это легко нам рассуждать, гражданским. А когда 30 или 40 лет в армии? И в этих самых погонах - все твои социальные гарантии, куда денешься?

Тяжкая это доля. Тебя пинают. Пошел вон! А ты в ответ: "Рад стараться, Ваше Величество! Навек с вами. Разрешите ручку облобызать".

А вот полицейского государства у нас не будет.

Думаете, президент либерал? Да полно вам. Денег нет - полицейскость оплачивать. Сатрапы дорого стоят.

* * *

До президентских выборов ровно полгода. Однако последний вопрос остается открытым. Кто станет президентом в 2000 году? Прогноз, дело неблагодарное. Да и вопрос нуждается в уточнении. Какой президент нужен стране в конкретный исторический момент.

Если страна переживает жесточайший экономический кризис, ее хозяйство в развале, стране нужен президент, способный вывести ее из прорыва, отладить ее хозяйственный механизм.

Если страна находится в политической блокаде, стране нужен президент, который своим политическим авторитетом способен прорвать эту блокаду.

Если страна находится в образовательном и культурном упадке, стране нужен интеллектуал, который, опираясь на свою образованность, способен объединить интеллектуальные силы отечества и подарить ему путь возрождения.

Предоставим ответить на этот вопрос нашим согражданам в июне 2000 года. А пока перестанем призывать к согласию и станем творить это согласие. Не уподобимся тем, кто всякому новому правительству желает неудачи, только потому, что он отставлен или не занял министерского кресла. Признаем, что это первое правительство, которое не противостояло Думе на баррикадах. Можно не любить правительство, не приходить в восторг от наших законодателей, но отдадим должное Примакову, он преподал реформаторам и президенту урок. Президенту поздно учиться. Его может исправить только одно обстоятельство, о котором говорить не принято. А вот младореформаторам учиться в самый раз. У них впереди много времени для работы над ошибками. Это лучше, чем кусать ногти и ждать, когда следующее правительство споткнется.

Да и велика ли радость, если у Ивана дом сгорел? Значит, одним домом в России стало меньше. И даже по макроэкономическим меркам Россия стала беднее. А бедности никто никогда не завидовал.

Игра втемную

Нет, к этому невозможно привыкнуть.

Еще один внезапный премьер - теперь по фамилии Владимир Путин.

Предсказания Бориса Березовского, что кто-то непременно появится из ранее не примеченных, сбылось. Это неудивительно. Извлечением из ниоткуда занимался сам Березовский. Его идея. Он с ней носился не один месяц, объехал не один регион. Обещал. Советовал. Пугал. Рекомендовал. И неважно, до того или после того эту свою идею Борис Абрамович преподнес Семье. Можно использовать другой глагол: предложил, внедрил, навязал. Не в этом суть. Важно другое. Он же, Березовский, изъявил готовность заняться реализацией идеи. Так он поступает всегда, затевая интригу. В этом смысл метода. Собеседнику предлагают результат, а не заботы. И тогда собеседник становится уступчив.

Формально речь шла о преемственности власти, а неформально - о жизнепродолжении и безопасности клана Ельциных. Семьи, в обстоятельном смысле слова.

Разумеется, замысел мог осуществлять и сам Березовский, на свой страх и риск. Но ему нужны были приводные ремни: конституционное право президента менять премьеров. Потому как только новый премьер, назначенный в приемлемые сроки, мог стать возможным кандидатом в президенты. Проще говоря, должен быть человек, в руках которого сосредоточен контроль над государственным бюджетом. Финансовые средства из государственного бюджета, закамуфлированные под те или иные программы, могут быть задействованы и под выборы. Это во-первых. А во-вторых, исполнение премьером своих служебных обязанностей и максимальное внимание к показу этого исполнения ангажированными СМИ дает кандидату идеальную возможность совершить стартовый отрыв.

Березовскому было необходимо многоразмерное политическое поле, которое он готов вспахать, удобрить и засеять своими семенами. С правом на львиную долю собранного урожая. Это прежде всего свобода маневра и властное способствование будущим всяческим проектам, которые намерен затеять Борис Абрамович.

И наконец, третье. Абсолютное признание его авторитета в открытой политике как публичного политика, с правом решающего голоса при формировании будущих правительственных кабинетов. Впрочем, уточнение "решающего" вряд ли оговаривалось. Березовскому нужен просто голос. Сделать этот голос решающим, как мы теперь видим, для Бориса Абрамовича не проблема.

Необходимый легальный антураж для соблюдения этих условий он создаст сам. План действий конкретен и по стремительности ответной реакции напоминает сжатую пружину.

Для начала собственное избрание в Государственную Думу и избрание своих подельников по бизнесу туда же. Все выдвигаются в одномандатных округах, желательно где-то в глубинке. Там безопаснее и цена за депутатские мандаты дешевле.

Придется потратиться, мужики, предупредил Березовский своих коллег.

Однако крутые олигархи - народ и штучный, и меченый, поэтому нужна фракция будущего премьера в Думе. И Березовский готов ее создать и даже купить, блистательно воплотив один из своих жизненных постулатов: "Мужики, научитесь тратить чужие деньги".

Именно так, без всякого преувеличения, появляется избирательный блок "Единство". В своем подавляющем большинстве состоящий из губернаторов, представляющих дотационные регионы. Их 50. Как черт из табакерки появляется не только Путин, но и Шойгу, Карелин...

Березовский спешит. Из ОРТ откомандировывается на укрепление кремлевской администрации Игорь Шабдурасулов. Разыгрывается небольшой спектакль якобы конфликта Шабдурасулова с Березовским по причине возвращения на телеэкран Сергея Доренко, которого Шабдурасулов отстранил. Нам бы их заботы. Отстраненному Доренко оплатили простой сверхвнушительной суммой, по слухам, в пределах 120 тысяч американских долларов. Ох уж эти слухи. Жить невозможно. Все врут напропалую. Может, больше заплатили?

Шабдурасулов, возвратившись в Кремль, продолжает поддерживать этот трагический миф своей размолвки с Березовским.

Игорь Шабдурасулов, употребим этот разведывательный термин, был завербован Березовским давно. В бытность свою руководителем департамента культуры федерального правительства.

После отставки Черномырдина, которого какое-то время Березовский числил в возможных преемниках Ельцина, Шабдурасулов оставался при экс-премьере.

Спустя четыре месяца, уже после отставки Кириенко, Березовский вновь делает ставку на Черномырдина и Шабдурасулов оказывается во главе ОРТ.

Будущему преемнику Ельцина понадобится телевизионная поддержка.

Но Черномырдин терпит крах, и его повторного возвращения в Белый дом не происходит.

Шабдурасулов остается на ОРТ, но уже в другом качестве - как создатель полунегативного образа прокоммунистического правительства Примакова. Именно Шабдурасулов отбивается от атак проверяющих, от вероятного банкротства. Вопрос был поставлен жестко и основательно: либо Березовский, либо Примаков. Президент выбрал Березовского. После чего блокада президентской семьи была завершена. Березовский укомплектовал администрацию президента своими людьми и перешел в атаку на Примакова.

В мае 1999 года президент уступает навязчивому давлению и отправляет правительство Примакова в отставку.

Ситуация становится удручающе прозрачной, общество понимает, кто правит в Кремле. Хочется верить, что президент это почувствовал. Вместо предлагаемого Березовским Аксененко поручает сформировать правительство Степашину. Увы, но очень скоро иллюзии относительно не желающего уступать президента развеялись. Степашин проработал три месяца и без каких-либо вразумительных причин, как и Примаков, был отправлен в отставку. Это была достаточно наглядная комбинация. Назначить премьера на три месяца, чтобы освободить место главе МВД и поставить туда своего человека. Так в министерском кресле появился Рушайло.

Как только назначение Рушайло состоялось, над головой Степашина зажегся красный свет. Теперь он не нужен ни кремлевской администрации, ни Семье. Мало сказать не нужен, еще и неудобен. Слишком часто произносит какие-то непонятные слова о чести и порядочности, которые в президентском окружении не слышали как минимум последние 10

лет. Более того, он начинает теснить своего первого вице-премьера Аксененко, ставленника Березовского.

Дни Степашина сочтены. Наступила интересная пора. Премьеров убирают без каких-либо претензий к исполнению их обязанностей, более того, убирают, дав высокую оценку деятельности премьера.

В отстранении Примакова сыграла свою роль антикоммунистическая аллергия Ельцина, которая была использована для прикрытия истинных причин. Это был первый премьер, который стал осязаемой опасностью для криминала, коррумпированных чиновников, олигархов - балующихся и тем и другим.

Березовский это почувствовал мгновенно. И подсунул Ельцину сфабрикованный документ, который вошел в историю политического подлога как "список" Примакова.

В документе под номером 14 стояла фамилия Ельцина. В списке значились люди, чей капитал, добытый незаконным путем, был переправлен в зарубежные банки. И этот капитал федеральная власть была намерена вернуть.

Бредовым вымысел, по существу, сделала именно фамилия Ельцина, впечатанная туда подложно. Можно ли представить премьера страны, накладывающего резолюцию на документ такого содержания, где есть фамилия президента. Наверное, можно только в том случае, если этот человек находится в сумасшедшем доме и изображает из себя премьера.

Сенсации не получилось. Разумеется, вся эта абсурдность была напечатана, что лишь подтвердило полное убожество авторов компромата и редактора газеты.

Степашин отправлен в отставку. На премьерском горизонте появляется Путин, который тотчас метится президентом в редкий момент своего терпимого самочувствия, как кандидат в президенты 2000 года.

Угрозы ОРТ больше не существует. ОРТ получает 100 млн американских долларов для погашения своей задолженности. Ну а Игоря Шабдурасулова немедленно возвращают в администрацию президента с единственным заданием: создать предвыборный блок под Путина и стать ключевой фигурой в предвыборном штабе будущего кандидата. Теперь у нас Игорь Шабдурасулов, верный паж Березовского, продукт кремлевской гидропоники.

Шабдурасулов начинает с оформления предвыборного блока "Единство", проводит его организационный съезд, работает по кальке, расчерченной Борисом Березовским и Александром Волошиным.

После утверждения Путина в должности премьера Кремль приступает ко второму этапу предвыборной операции - уничтожению политических оппонентов.

Березовский формирует группу наемников в составе: Доренко, Леонтьев, Шеремет, Невзоров. И начинается публичное растаптывание общественной морали, нравственности, этики. Начинается тотальное уничтожение общественного мнения. Сограждан превращают в манкуртов.

Все это выглядело бы не столь вызывающим, если бы в тех же самых аналитических программах на государственных каналах постоянно не выступал гладковыбритый премьер с глазами следователя по особо важным делам.

Наемники этим вниманием взбодрены, и теплое дыхание премьера касается их затылков, и кажется им, что они слышат его шепот: "Давай, ребята. Еще сильней, еще. Я же сказал вам, что мы их будем мочить в сортире, а вы сомневались!" И наемники мочат, только не кого-то конкретного, а нацию в целом макают в дерьмо.

Таких масштабов клеветы, лжи, подлога наше отечество не помнит со времен 1937 года.

Основная атака ведется на блок "Отечество - Вся Россия". На три главные фигуры этого блока: Примакова, Лужкова, Яковлева. Это политическое безрассудство есть рецидив маниакальности Березовского, его страха, который угадывается в суетливых движениях, в его многословной, спотыкающейся речи. Это он идею разумной ревизии хозяйства страны, о которой говорил Лужков, интерпретировал как национализацию, новый передел собственности, чтобы повязать собратьев по общаку. Он создал легенду о переделе и ей, как молотом, стал мостить свою тропу в президентские апартаменты. Как же объемно и легко,

доступно было хищение, если даже напоминание о нем вызывает животный страх и выталкивает братву на расправный круг.

Сейчас часто спрашивают: какую позицию занимает премьер по отношению к информационному безумству, творящемуся на телеэкранах? Премьер отмалчивается, произносит необязательные фразы о нерушимости свободы слова, но мысль прочитывается: "Сейчас вся эта грязь, которой обливают моих возможных оппонентов, работает на меня. В моем гардеробе весит белый фрак. В нужный момент я его надену. А пока пусть топчут. Если все сладится, я с этими топтунами разберусь. Это только Березовский думает, что он их купил навечно".

* * *

Что же это такое - Владимир Путин, человек, стране не известный, однако рекомендуемый согражданам, как человек номер один?

Что такое Шойгу - главный спасатель России с внешностью тувинского божка, с подозрительной смелостью нырнувший в бездну публичной политики?

Замысел прост: изнасиловав сограждан безумным телевизионным прессингом, обескровив возможных конкурентов, Путин одерживает достаточно легкую победу на президентских выборах. У него неплохие козыри, расцветный для политика возраст, 44 года, он динамичен, собран. Легко вживается в образ летчика, борца на татами, премьера, разведчика и даже Верховного главнокомандующего. Он умеет взять на себя ответственность, а значит, продемонстрировать некое бесстрашие. Согласимся, риск в чеченской операции сохраняется постоянно.

Не станем повторять очевидного: неопытен как политик, плывет в вопросах экономики да и тонкости управления не его стихия. Система взаимоотношений скорее приказная, чем убеждающая. Это характерно при отсутствии масштабного управленческого навыка. Легкость, с которой он принял предложение возглавить правительство, сочтем глубоко скрытым тщеславным синдромом. Однако послушность, с которой Путин принял идею своего президентства, вызывает недоумение и настораживает. В свое время Гайдар на первой беседе с президентом, которая продолжалась не более 25 минут (президент никогда не видел Гайдара ранее), на последовавшее предложение возглавить кабинет, так растерялся, что тотчас согласился. Видимо, Путин - человек вне растерянности, вне сомнений, но тогда вопрос: в каких катакомбах жизни, в каких коридорах власти он выковал такой дерзновенный синдром? Премьером? Какие проблемы? Будем премьером. Президентом? Да это нам, как два пальца...

На что рассчитывает человек, не имеющий масштабного управленческого опыта, когда он премьерствует чуть более полугода? Успеть уйти в президенты, чтобы не запутаться в премьерских управленческих коллизиях, которые требуют масштабных знаний и умения, проявления своей самости, как управленца, понимающего процесс сотворения продукта, будь то деньги, металл или политика.

Представим на минуту: Путин становится президентом, назначает Шойгу главой правительства. Что мы обретаем? Мы обретаем профессионализм власти, если это можно назвать профессионализмом, но совсем на другом поле. Мы получаем начальников, командующих фронтами. Возможно, у нас не милитаризируется экономика, это еще впереди, а для начала милитаризируется управление. И появление Шойгу в парламенте - это как легкий променад, добавляющий ему светскости - пяток месяцев на гражданке.

Обратите внимание, первая тройка блока "Единство" - это три военных чина: генерал-полковник, генерал-майор и полковник.

Развитие России, нерешенность ее главных экономических проблем никак не предполагают такого профессионального смещения управленческой генерации.

Но это не единственный вопрос. Давайте спросим себя: если Путин, по замыслу закулисных вершителей политических судеб, будет демонстрировать волевое начало и двигать желваками, что выглядит довольно впечатляюще на его аскетическом лице, то кому перепоручат управление страной - не в чрезвычайной ситуации, а в ее эволюционном

развитии?

А ведь это уже совсем другая борьба и другая профессия.

Ельцин, чувствуя себя в экстремальных обстоятельствах уверенней, постоянно порождал такую экстремальность своими повседневными решениями и действиями. Это была вполне осознанная тактика президента, он знал, что его не хватает на стайерские дистанции.

Начало Путина - это опять же экстремальная ситуация. Кощунственно говорить, но предосенний дагестанский конфликт, а затем чеченская операция - это подарок судьбы Владимиру Путину. Ничего не делая внутри страны, как бы действуя вне ее проблем, Путин сосредоточился на свойском для него деле. Не секрет, что задача нащупывания террористов и их уничтожение - это специализация ФСБ, которую до недавнего времени возглавлял Путин. Отсюда и решительность, и покорившая всех ответственность, ответственность полномасштабная, которую премьер взял на себя.

А если война не подарок судьбы, а нечто запрограммированное? Вопрос: кем? Вопрос, по существу, ошеломляющий. Попробуем ответить на него.

Есть такое понятие - кривая совпадений. Вообще к совпадениям люди относятся подозрительно. Кто-то с кем-то сел в один поездной вагон и, более того, оказался в одном купе. Странно. Кто-то взял билеты в театр и два раза подряд оказался с кем-то на соседних местах. К чему бы это? Столкнулся с одним и тем же человеком в подъезде, которого ранее никогда не встречал, и время то же самое, и человек тот же самый, и подъезд. Уходишь, а в голове стучит: что бы это все значило? Согласимся, как мало надо для сомнений и подозрений и как непросто объяснить стечение обстоятельств случайностью. И уж тем более нельзя считать таковой две чеченские войны, необъяснимым образом кульминация которых совпадает с президентскими выборами. Первая в 1996 году, вторая в 1999 году. И невольно задаете вопрос: зачем незадолго до дагестанских событий Волошин встречался с Басаевым (как утверждают СМИ, в Париже)? Брезовский вообще не отрицал ни вчера, ни сегодня, что он поддерживал и поддерживает постоянные контакты с Басаевым, Мовлади Удуговым.

Откровения Бориса Березовского, которые он расплескивает направо и налево, выглядят дословно так: Путин - наше открытие. Видимо, в понятие "наше" входят сам Березовский, Абрамович и некие "мужики", составившие ядро объединения "Медведь".

Лужков должен быть уничтожен, Примакова надо запереть на даче, пусть пишет мемуары. Но особенно любопытна концовка монолога: "Ну а военные действия в Чечне пока нужны, а когда будет надо, мы их остановим".

Не правда ли, забавно? Хотелось бы назвать это маниакальным бредом, блефом, к которому предрасположен Борис Абрамович, чего не скрывают даже близкие к нему люди. Но это не блеф.

Как и не блеф странное совпадение войн с выборами.

Как и не блеф вопрос: кто правит страной?

Сошлемся на еще одно откровение всюду проникающего бизнесмена.

После отставки Степашина ангел-хранитель Семьи позвонил экс-премьеру. Олигарх считал свою задачу выполненной: Степашин отправлен в отставку и поэтому он, олигарх, может позволить себе расслабиться.

"Сергей Вадимович, - сказал олигарх, - ты хороший, интеллигентный человек, еще и в очках, они добавляют тебе интеллигентности. Но этому быдлу нужен другой премьер, Сережа, другой".

Кто стал премьером, мы уже знаем: кто сделал этого премьера, знаем тоже.

Колебание Чубайса между двумя питерцами было недолгим.

Как известно, отставка Степашина была двухступенчатой. После первого разговора с президентом Степашину удалось убедить Ельцина о неразумности его замысла. Динамика развития страны была положительной, налоговые поступления увеличились. Правительство действовало слаженно. Степашин выложил эти аргументы перед президентом, и, видимо, они убедили его. Ельцин передумал и в присутствии Степашина разорвал подготовленный указ о

его отставке. В президентской приемной Степашина ждали Волошин и дочь президента, они поинтересовались, чем закончился разговор.

Степашин, знавший подоплеку случившегося, раздраженно ответил: "К сожалению, для вас я еще премьер России".

После этого трудного для Степашина разговора Путин посетил премьера и с возмущением говорил о несправедливости, интригах и, конечно же, заверял в своей поддержке.

Но уже через день Степашина телефонным звонком в машину вернули с полдороги и попросили немедленно явиться в Кремль.

Звонил Александр Волошин: "Вас ждет президент".

В кабинете президента его действительно ждали, и не только Борис Ельцин, но и глава его администрации А.Волошин, первый вице-премьер Н.Аксененко и секретарь Совета безопасности В.Путин.

Степашин на какую-то секунду застыл в дверях, оценивая ситуацию, а затем не дожидаясь президентских слов, сказал: "Я все понял, Борис Николаевич, отпустите меня".

Президент выглядел не очень здоровым, и фразы, произносимые им, выговаривались с трудом. Речь казалась какой-то необязательной и бесплотной. Завершающей была привычная фраза: "Вы остаетесь в моей команде". На что Степашин, изнуренный подковерной возней, ответил: "Ни в какой команде я не остаюсь, Борис Николаевич, но и никаких действий против вас не совершал и совершать не намерен".

Финал встречи оказался за Степашиным. Он ухитрился еще произнести ключевые слова в этом столь не продолжительном диалоге: "Я ухожу, но хочу предупредить вас, что эти мерзавцы приведут вас к краху".

Аксененко, принявший слова Степашина на свой счет, среагировал нервно. Попытался было вскочить: "Кого вы имеете в виду?" - "Прежде всего вас", ответил Степашин. Путин удержал за руку Аксененко и, отведя взгляд в сторону, пробормотал: "Не надо, сидите".

Эти штрихи делают дворцовые игрища более понятными.

* * *

Первая неделя декабря 1999 года. Операция в Чечне вступила в третью стадию. Грозный окружен.

1 декабря.

Евгений Примаков сделал сенсационное заявление и придал гласности факты о попытке подкупа кандидатов на депутатские мандаты по списку ОВР. Предлагались самые различные суммы долларов за отказ баллотироваться по списку этого движения. Вячеслав Никонов, идеолог блока, назвал сумму фонда, предназначенную для этого замысла - 25 млн американских долларов. Названы фамилии тех, кому предлагались деньги.

Согласно закону о выборах, блок, лишившийся 25% своего численного состава, исключается из списка голосования.

2 декабря.

Осведомленные военные источники сообщают, что боевики готовят прорыв на границе с Дагестаном.

После сокрушительной проверки московской милиции отстранен от своих обязанностей глава УВД, замминистра генерал-полковник Куликов - человек, недавно назначенный и также недавно получивший повышение в чине.

Спустя три дня началась тотальная проверка в московской прокуратуре.

Вопрос об отставке Куликова с мэром Москвы не согласовывался, что является грубейшим нарушением Конституции.

Москва. Министр МВД Рушайло, правительство Москвы в ожидании указа президента об освобождении Куликова.

Аналогичный инспектирующий десант выброшен на территории Санкт-Петербурга. Суть замысла очевидна. Нанести удар по двум главным фигурам, возглавляющим список движения "Отечество - Вся Россия". Дискредитировать лидеров движения, ослабить,

обескровить все движение вплоть до снятия его с выборов.

Впечатление жуткое, нравственный распад власти очевиден. Кто мог подумать, что таким будет финал ельцинского президентства.

Декабрь, первая неделя.

В Москве ожидают всего, чего угодно, вплоть до ареста мэра города или покушения на него. Агония власти обретает непредсказуемые симптомы. Столкновение двух сил: блока ОВР и Кремля. Остальные участники предвыборного марафона наблюдают с вожделенным ехидством. Одни уже легли под будущую власть, другие счастливы, что их не трогают.

Вся махина государственного аппарата обрушилась на единственный избирательный блок.

Высокие чиновники, министры избегают контактов с прессой. Все понимают, что вершится беспредел, страх за сохранение должностного места порождает немоту властвующих.

На наших глазах очищается политическое поле для преступного мира.

Молчание премьера, его нежелание вмешиваться, обозначить свою позицию делает его заложником закулисных вершителей власти. Страна возвращается в 1996 год, когда она избрала утратившего самостоятельность, больного президента.

У будущего президента, если предположить, что им станет Путин, с болезнью, скорее всего, будет попроще, а вот с независимостью - вряд ли.

За все в этой жизни надо платить. За власть, приобретенную при помощи, - тем более.

Предавший, солгавший, струсивший однажды непременно говорит: "Это не я. К этому побудили меня обстоятельства". Но непредсказуемость ситуации совсем в другом. Не в заверениях перед самим собой: это случилось единожды и никогда не повторится впредь. Внутренние самооткровения и самоистязания не имеют значения. Ибо не ты, а о тебе говорят: "Однажды предавший повторит предательство обязательно. Однажды струсивший дрогнет непременно. Однажды солгавший доверия не обретет. У лжи нет дна".

Чубайс тоже так полагал: воспользуюсь поддержкой олигархов, укреплюсь во власти, а затем как политик, а я ведь политик, переиграю их. Если надо, поотворачиваю головы. Чубайс наивно считал, что его принципы сильнее. Он ошибся. У оппонентов оказалось меньше принципов, но больше денег. И они выиграли. Чубайс просто пропустил станцию, на которой к поезду уже вынесли товар под названием "власть".

3 декабря.

Середина дня. Дума в четвертом чтении приняла Закон о бюджете на 2000 год. Правительство немедленно записало это себе в заслугу. Впервые за месяц до Нового года... Действительно впервые. Однако не впервые принят нереальный бюджет. Во имя торжества формы правительство пятилось, и в бюджете появлялись реальные расходы при нереальных доходах. Видимо, правительство отдавало себе отчет, что за исполнение бюджета отвечает уже другая власть. Не случайно ряд депутатов, в том числе из бюджетного комитета, сравнили утвержденный бюджет с бюджетом 1998 года. Да-да, того самого, который пережил дефолт.

Ельцин, выдвигая Путина как своего преемника, сказал, что этот человек способен объединить общество. Не будем спорить - время покажет.

Сейчас Путин в фарватере чеченской операции. Он ее заложник. Рейтинг его популярности до сотой доли процента совпадает с цифрой тех, кто сегодня поддерживает военную операцию в Чечне.

Путин поддерживает военных, а армия ответно поддерживает Путина. Рассылается директива в воинские округа с требованиями на выборах поддерживать блок "Единство". Это опорный блок премьера. Аналогичная директива разослана в структуры МВД.

Об МЧС и говорить не приходится.

Итак, Путин делает ставку на армию, силовиков и электорат ВПК, то есть на те структурные образования, которые пустили под откос младореформаторы.

Однако правые уже заявили устами Чубайса о своей безоговорочной поддержке

Путина. Правые, опираясь на Путина, рассчитывают вернуться во власть. Чем обусловлена их уверенность?

Во-первых, работой Путина в прошлом с Собчаком.

Во-вторых, его недавней работой под началом Чубайса в администрации президента.

Не следует забывать, что именно Чубайс извлек Путина из Санкт-Петербурга и пригласил на работу в Кремль. К этому следует прибавить близость возрастных ощущений и интересов - это примерно одна возрастная генерация.

Сейчас между Чубайсом и Березовским заключен пакт о ненападении.

ОРТ не атакует правых, более того - демонстрирует свою лояльность к ним, а правые, со своей стороны, выступают непримиримыми оппонентами и атакуют связку Примаков - Лужков.

Более благоприятной предвыборной ситуации для КПРФ никогда не было. Олигархи списали коммунистов со счета и глубоко убеждены, что коммунисты не представляют значительной угрозы, даже если во власти они будут присутствовать многолюдно.

Команда Березовского и Кремль уверены, что современные коммунисты достаточно меркантильны. Бедность всегда уязвима. Ну а легенда о золоте партии все-таки в большей степени легенда, а не само золото.

Кремль страшат жестколиберальный Примаков и, бесспорно, одаренный управленец Лужков.

Примаков вообще особая категория. Практически вся его биография складывалась ВНЕ, однако в сферах, располагающих колоссальной информацией как вне, так и внутри страны. Более того, Примаков работал во властных структурах, практически недоступных к проникновению криминала: внешняя разведка, академические институты, МИД. Его не затянул водоворот финансовых потоков. Примаков - человек не повязанный, и этим он страшен для олигархов.

При этом он достаточно популярен среди пожилого и среднего возрастного электората не только с центристским воззрением, но и умеренно левым.. Сейчас, благодаря разнузданной разрушительной информационной атаке, популярность Примакова дала трещину. Не признать этого нельзя. Но монолит остался.

То, что губернаторы ненадежный потенциал и неминуемо переместятся в привластную зону, как только почувствуют выгодность такого дрейфа, сомнений нет.

При встречах с Лужковым мы много говорили на эту тему. Уже на следующий день после образования "Отечества" движение нарекли партией власти. И хотя сами инициаторы это всячески отрицали, опыт предшественников - гайдаровского "Выбора России", а затем черномырдинского НДР - по инерции любое общественное движение с активным присутствием губернаторов и чиновников непременно аттестовалось как партия власти. В этом смысле спешное создание блока "Единство" и появление его на политической арене как блока прокремлевского, как блока премьерского, в котором, кроме 50 губернаторов, попросту никого нет, позволяет "Отечеству Всей России" смыть каинову печать - "партия власти", у них появился дублер, который с удовольствием впитал эти живительные слова: "Мы - партия, власть". "Ну и флаг вам в руки по самое древко". Напомним, что у "Отечества" в регионах количество членов их движения перевалило за 300 тысяч. Хотя информационный прессинг, бесспорно, убавил их ряды.

Кремль, убедившись в тщетности своих попыток удержать в сфере своего влияния губернаторско-президентский блок "Отечество - Вся Россия", форсировал контрвариант и создал блок "Единство".

До выборов остаются считанные дни. Все внимательно изучают рейтинговые колебания. Информационное безумие не прошло бесследно. Поток лжи и грязи оказался такой интенсивности, что в буквальном смысле сломал психику. Страх за свою судьбу придавил человека, и он испугано озирается, не понимая, откуда еще на него может обрушиться опасность, угрожающая его психике, психике его близких и жизни вообще. Невероятно, но это факт: государственные телевизионные каналы воплотили в эфире с

удивительной точностью слова, некогда сказанные доктором Геббельсом: "Ложь, повторяемая многократно, в конце концов воспринимается как разновидность правды". Как очень жестко сказал один из моих друзей: "В дерьме брода нет".

Но вернемся к Владимиру Путину. Путин намерен проскочить между "Сциллой и Харибдой", всячески используя энергетику страха перед террором у гражданского населения. Сегодня этот страх - электоральный капитал Путина.

Реформаторы, а ныне "Союз правых сил", претендующий на симпатии либерально настроенных избирателей, так как опорными позициями их общефедеральной философии являются права человека, испытывают дискомфорт. Устами прагматика Чубайса они поддерживают самую жесткую позицию по отношению к чеченским событиям - война до победного конца. Что это? Вымывание идей либерализма в умах правых или конъюнктурный ход? Нелепо поддерживать наступательные действия по искоренению террористов в Чечне и одновременно выступать против ужесточения въездного режима в Москву, препятствующего проникновению террористов на территорию города. Никакой логики, никаких принципов.

Акции в Чечне проводит Владимир Путин, с именем которого младореформаторы связывают свои надежды на возвращение в коридоры власти.

А в Москве действует их политический оппонент - мэр Москвы, подчеркиваю, не коммунисты, не олигархи, на борьбу с которыми якобы были заряжены и Чубайс, и Немцов, и все остальные младобарабанщики в пионерских галстуках, а Лужков, который, в отличие от всех остальных, в период реформ создал нечто. Однако за все в жизни надо платить, и в этом случае произойдет то же самое, коммунисты не пройдут, а ворвутся в Думу на спинах младореформаторов и олигархов. Но это произойдет чуть позже. А пока, занимая жесткую позицию по Чечне, реформаторы, атакуя своих коллег по либеральному фронту, жонглируют такими словами, как "предательство Родины", "позор", относительно тех, кто не поддерживает безоговорочно Путина в Чечне. Однако в 1994-1996 годах именно "Демократический выбор России", одним из лидеров которого являлся Анатолий Чубайс, на всех перекрестках кричал о правах человека. А Борис Немцов собирал миллион подписей под требованием остановить военные действия в Чечне. Демократическая оппозиция буквально терзала военачальников, обвиняла их в бездарности, неумелости и политическом позоре.

Действительно, армия воевала малоудачно и потери были столь велики, что молчать об этом было невозможно. Но именно раскол в обществе лишал армию уверенности. Армия чувствовала безволие политиков за своей спиной и не в последнюю очередь поэтому совершала свои неудачности и ошибки.

Будем честны: понеся значительные потери, армия тем не менее загнала боевиков в горы, приспособилась к местности, овладела тактикой ночного боя и была в миге от завершения операции. Но именно в тот момент армию остановили политики и криминальный бизнес, что позволило солдатам и офицерам сказать вслух: "Нас предали". Боевики оклемались, и армия пережила грозненский позор.

Не случайно обвинение по Чечне было главным пунктом импичмента.

Парадокс: спустя неполный год то, за что президенту объявляли импичмент, сегодня превозносится едва ли не как подвиг премьера.

Нет тех жертв - это верно, хотя нет и информации о жертвах истинных. Дело в другом. Страх, рядом стоящий, всегда страшнее страха, отдаленного во времени, территориально.

Правые в роли скоротечных ястребов выглядят бутафорно и карикатурно. Этот маневр не приведет к расширению электората правых в массе державно настроенного населения, не бросит патриотов в объятия Немцова, Чубайса, Кириенко. Непросто так сразу полюбить "приспешников империализма", как их клеймили и коммунисты, и патриоты.

Почему правые рассчитывают на поддержку Путина? Потому что с надеждами на их успех, успех реформаторов жил Борис Ельцин. Он испробовал несколько вариантов, тасуя младореформаторов на свой лад, не оставляя навязчивой идеи, что он не ошибся, поставив на них. Ельцин и поныне считает, что реформы в России были обречены на успех, им просто не

дал состояться враждебный президенту парламент. Как вы помните, он это повторил в своем ежегодном послании, сделанном в 1999 году.

Почему реформаторов всегда устраивал Борис Ельцин? Ну, во-первых, это была некая благодарность, он привел их к власти, а во-вторых, потому, что для президента экономические лекции Гайдара и Чубайса были уподоблены путешествию на планету Сатурн. Чуть позже лектор сменился, им стал Борис Березовский, человек с достаточным экономическим кругозором, чтобы поразить воображение президентской семьи. Правда, его лекции были более приземленными, они, скорее, напоминали руководство к действию: "где купить", "когда продать", "кого продать", "кем заменить".

На сегодня Путин опирается на Бориса Березовского и блок "Единство", блок дотационный. В случае успеха на выборах все 50 субъектов власти, они же губернаторы, начнут выдаивать бюджет по полной программе.

Никто президентов за так не делает. Нелепо же предполагать, что с президентским блоком станут расплачиваться Борис Березовский со своими подельщиками. Он же вас предупреждал: "Надо научиться тратить чужие деньги". Вот предполагаемый президент и будет расплачиваться не его деньгами, то есть Березовского, а нашими, то есть бюджетными.

Ну как не согласиться после этого с Борисом Абрамовичем, что в его лице нищая Россия приобрела отечественного Дэн Сяопина!

Правые нужны Путину не как сдерживающая олигархов узда, на узду они не потянут, а как стая, кусающая олигархов за пятки. Ему не нужна сила, способная положить конец коррупции и криминалу, такой силой является управленческая философия Примакова. Да и сам Примаков, кое-что знающий и кое-что умеющий. Путину нужен хор осуждающих коррупцию и криминал, который будет завывать реквием в нужное время. И тогда он сам, опираясь на олигархов, вместе с Рушайло станет выпалывать это поле по своему усмотрению - "наш криминал", "не наш криминал".

Заметим, что в блоке Шойгу самые одиозные с этой точки зрения губернаторы и президенты: курский, калининградский, приморский, чукотский, калмыцкий плюс группа единомышленников.

Возможно ли слияние блока правых в случае успеха на думских выборах с коррупционерами, которым протежирует Березовский вкупе с Кремлем? Мне думается, это равносильно самосожжению правых, а вместе с ними и демократических идей, на волне которых поднялись младореформаторы. Скорее всего, это маловероятно. Следовательно, конфликт обнажится уже в январе-феврале 2000 года, когда реформаторы начнут поспешно отмываться от березового клея.

Это в случае победы. Ну а в случае поражения правым ничего не остается, как встать в очередь и записываться на прием к Шойгу. Однако правые рассчитывают на победу. А потому конфликт неизбежен. Путин чувствует эту опасность, чувствует ее и Кремль. И Березовский, опережая опасения премьера, срочно разрабатывает страховочный вариант, бесспорно согласованный с премьером.

Жириновский не сходит с телеэкрана. Для этого используется любой повод. Уже ни у кого не вызывает сомнений, что даже скандальное аннулирование одного блока, перерегистрация его в другой, потом восстановление, потом опять аннулирование - все это используется как информационный повод для раскрутки ЛДПР. Рейтинг ЛДПР начинает расти, уже нет сомнений, что она пройдет в Государственную Думу. ЛДПР поддерживает Путина, как она поддерживала Черномырдина. Шутовство Жириновского воспринимается властью благосклонно, она очень рассчитывает на сына юриста, полковника Жириновского. Таков печальный итог единения высоких принципов якобы демократической власти. Там еще на подходе где-то НДР, и в итоге мы получаем: "Единство" + ЛДПР + блок "Правых сил" и плюс НДР.

С другой стороны, как рассчитывает Кремль, коммунисты и, конечно же, "Отечество - Вся Россия". Кремль настойчиво толкает ОВР в объятия большевизма, чтобы тем самым дискредитировать движение в глазах демократического электората, интеллигенции, да всех

тех, для кого коммунисты неприемлемое настоящее. Естественно, никакого союза нет и быть не может, но он навязывается как якобы существующий.

Надо поздравить коммунистов. Они могут даже принять Бориса Абрамовича в ряды своей партии, ибо никто не сделал для них в этой предвыборной кампании столько, сколько он. Им остается только спокойно набирать очки, не суетиться и не делать ошибок.

Что же касается Березовского, то ему пора составлять новую смету затрат. Он же убежден, что коммунистов можно будет купить.

Но Путин не так примитивен, он ведет игру сразу на нескольких полях. Небывалая активизация военных, высокочинных милиционеров в качестве кандидатов в депутаты не случайна. Путину нужен не только солидарный с ним парламент, но и понятный ему.

Дебют, надо признать, Путин разыграл вполне профессионально: нарастив свой политический капитал за счет военной операции в Чечне и вдохновив армию на войну до победного конца. Ни шагу назад! Путин делает следующий ход - объезжает регионы, в которых высокая концентрация предприятий ВПК. Он произносит вдохновляющие слова о державной мощи России, он говорит, что в оборонной политике мы дошли до грани допустимого. И вдохновляет директорский корпус словами: "ВПК - это гордость страны". Он обещает открыть финансирование и сделать это незамедлительно. Он уходит, и вслед ему летят слова: "Наш человек".

Итак, ВПК, армия, силовые ведомства, их семьи - вот электорат, на который он настроен опираться. Один вопрос: "Откуда деньги, Мань?" Если столь необременительно находятся средства для уральцев, затем для приморцев, затем для сибиряков, где эти средства были раньше? Ведь ничего сверхприбыточного в стране не произошло.

* * *

Что может остановить Путина? Кто может остановить Путина? И надо ли его останавливать? Прогнозов и сценариев на сей счет достаточно.

Один из наиболее очевидных: Президент сразу после парламентских выборов подает в отставку по состоянию здоровья.

Согласно Конституции, выборы проходят в ближайшие 3 месяца после отставки Ельцина.

Путин, как исполняющий с этого момента обязанности первого лица в государстве, получает карт-бланш. Во-первых, он имеет наивысший рейтинг популярности, во-вторых, избегает экономических неурядиц, провалов, которые непременно произойдут хотя бы из-за осложнений с кредитами МВФ, которые уже заложены в бюджет. А там еще Лондонский клуб, Парижский клуб, не списанные долги. А рядом рост цен на бензин, падение курса рубля, да мало ли камней на дороге? Но все это еще не успеет случиться. Страна не сразу оправится от шока внезапной отставки президента. Путин успеет провести выборы, на которых, конечно же, одержит победу.

Предложение Сергея Степашина сразу после думских выборов собрать политическую элиту и выработать курс на 2000 год есть подтверждение смутного предчувствия одного из экс-премьеров относительно реальности вышеизложенного сценария.

Разумеется, если это произойдет, зависает, пусть и не с исполинским здоровьем, здравствующий Ельцин. Задача Семьи - приладиться к Путину. Мы часто не отдаем себе отчет, что подразумевают Кремль, Семья под широковещательными заявлениями о преемственности власти. Мы наивно полагаем, что это - не более чем здравая и мирная передача короны из рук в руки и чувственное напутствие уходящего вновь вступающему на престол. Ничего подобного: в понятии Кремля преемственность власти - это сохранение Кремля в тех привычных красках и модуляциях, которые существуют сегодня как ельцинское окружение. Конечно, кто-то уйдет, но в целом все, кто обслуживал Березовского, подчеркиваю, не Ельцина, а Березовского, должны непременно остаться. Таково толкование преемственности власти в редакции Бориса Абрамовича Березовского и Романа Абрамовича. Нам давно пора проснуться и понять, кто правит страной.

А вот что делать с экс-президентом? Вопрос. Тронный зал объединенного Союза

России и Белоруссии еще не успеют отремонтировать. Да и сам трон не претендует на вечность - один год.

Пока же пожизненное сенаторство, если договорятся депутаты, почти как в палате пэров. И разумеется, гарантии. Гарантии и еще раз гарантии. Ельцин не так подвижен, как Горбачев. Да и возраст, в котором он отходит от власти, иной. Возможно, рыбалка удовлетворит изнуренное болезнями тело, но она не укротит властный дух. И этот дух может помешать Ельцину досрочно уйти в президентское никуда.

Ситуация зеркально напоминает отречение царя Николая. Правда, там продолжение было скверное. Но уговаривать будут, непременно будут. И до срока и после его истечения. Просто тогда будут уговаривать по другому поводу.

Путин больше всего боится экономических сбоев. Если регионы-доноры - в другой команде, они, разумеется, примут Путина, куда денешься?! Но они не забудут, что он поставил на тех, кто берет, а не на тех, кто дает. Поэтому для Путина успеть до того - и есть ответ на гамлетовский вопрос "Быть или не быть?".

Он и военных усиливает, чтобы держать за бороду олигархов и всяких там переворотно мыслящих.

Вопрос: "Возможен ли у нас военный переворот?"

Ответ: "В чистом виде вряд ли". А как дворцовый, с максимальным участием военных, реален более чем когда-либо.

* * *

Почему блок или движение, претендующие на политический центризм, оказываются под сокрушительным огнем дворцовой камарильи и правых?

Почему он, как магнит, притянул к себе критические стрелы едва ли не всех политических сил: правых, коммунистов, олигархов, "яблочников", фашистов. Здесь не может быть общего ответа. Каждые из этих партий, движений видели в блоке опасность для себя либо сводили с его лидерами счеты за прошлое.

Это логично. Движение, партия, блок, оказавшиеся в центре, атакуются и справа, и слева, так как центристы, освобождая себе место посередине, оттесняют его и у правых и у левых.

А теперь, по существу. Правые атакуют ОВР за то, что его лидеры Лужков, Шаймиев, - воспользовавшись энергетикой реформ, сделали шаги к процветанию, а не упадку. По существу, они реабилитировали идею реформ, но идею скорректированную.

Они доказали правоту своего взгляда на реформы, и реформаторы не могли им этого простить.

Лужков оказался виноватым, что он мэр столицы, а не какого-нибудь "тьмутараканска". Эти самые реформаторы в 92-м и 93-м годах аплодировали Лужкову, когда он отказался подчиниться буйствовавшему съезду и не позволил уничтожить стабильность в Москве, которая спасла и президента, и всю федеральную власть. И в октябре 1993 года реформаторы собрались не вокруг Кремля, чтобы защитить реформы, а вокруг мэрии, которая была более надежным оплотом демократии, нежели президентский дворец.

Блок "Единство" нападает на "Отечество - Вся Россия" потому, что чиновная рать этого блока - из дотационных регионов, и их угнетает собственная управленческая несостоятельность, а еще они атакуют ОВР, потому что в его лагере еще один весомый кандидат в президенты.

Коммунисты критикуют центристов, что те в состоянии убавить их электорат и усилить тенденцию раскола в лагере коммунистов, ибо те, кому надоел радикализм, непременно покинут большевистскую ладью.

ЛДПР и сам Жириновский кусают ОВР, и брызгают слюной, дабы доказать свою нужность власти, и поэтому лают до хрипоты. А еще Жириновский не любит Примакова лично, потому как Жириновский после отставки Козырева очень и очень рассчитывал. Правда, непонятно, на каком основании, но рассчитывал. Согласитесь, может присниться только в страшном сне: министр иностранных дел России - Владимир Вольфович

Жириновский. Навел бы он шороху в Европе!

НДР критикует лужковское "Отечество" по чисто личным мотивам. Именно Лужков предрешил судьбу Черномырдина и не дал воплотиться мечте Виктора Степановича повторно вернуться в Белый дом. Такое не забывается.

Примечателен ответ Черномырдина на вопрос корреспондента: поддерживает ли он точку зрения Лужкова и Примакова, что Путин должен остановить вакханалию лжи на главных государственных телеканалах. Черномырдин усомнился - он никакой вакханалии не видит. Черномырдина можно понять, уничтожают его оппонента, а это всегда хорошо.

Фашисты атакуют ОВР, а точнее, Лужкова, потому что он - единственный, кто не болтовней, а конкретным действием воспротивился попытке фашистов собрать свой съезд в Москве.

Ну и, наконец, олигархи. Олигархов и Кремль в атаку ведет страх. И этот страх Кремлю внушил Березовский. Он в течение последних двух лет неустанно творил образ кремлевского врага в лице Лужкова. И президентский мозг, ослабленный недугом, впитывал эту заразу, что в конце концов полностью отравило сознание Ельцина.

В этом страхе виноват и сам Лужков, который как бы по инерции напоминает олигархам, что наступит час возмездия. Согласитесь, кому это понравится?

Конечно, эта настойчивость выдает Лужкова как человека дела, а не как человека политики. Придешь к власти - тогда и верши свою программу. Зачем же заранее страх наводить и поднимать в ружье всех спящих и бодрствующих воров. Тем более что ни о какой национализации и переделе собственности разговора нет. Речь идет о ревизии хозяйства страны, не более того. А всероссийский аудит стране ой как нужен.

* * *

Но есть еще одна причина информационной неблагополучности для блока центристов. Это собственные предвыборные ошибки. Здесь все. И непрофессионализм в работе предвыборного штаба, немыслимая бюрократизация, казалось бы, спонтанной и динамичной работы. И непонимание различия между профессиональной командой и командой политической. Если в первой нужны профессиональные управленцы, то во второй на период выборов необходимы как воздух аналитики и полемисты не из числа консультантов, а из среды кандидатов в депутаты.

И еще. Полное неумение предвыборного штаба, да и всего движения вести борьбу в неблагоприятных для себя условиях. Движение слишком рано почувствовало себя победителем и оказалось не готовым к оборонной, контратакующей тактике. Отсюда - отсутствие контридей. В число просчетов следует отнести и фальстарт предвыборной кампании. И совершенно неоправданное упрямство лидера в обострении своих отношений с президентом.

Лужков в силу своего темперамента, энергичности управленца уязвим как политик, потому что он - политик вынужденный, ситуационный.

Когда-то, в пору начала мэрской эпохи, Гавриил Харитонович Попов первый мэр столицы, неожиданно покинул локомотив - и на паровозе остался хозяйственник Лужков, которому раз и навсегда с этого момента пришлось нести на своих плечах удвоенный в тяжести крест и управленца, и политика, а мэр столицы не имеет права не быть политиком, но и хозяйственникомуправленцем быть обязан, потому, что Москва это город, в котором живут четыре Белоруссии.

Лужкову больше, чем кому-либо, в игре на политическом поле нужен тренер.

Появление Примакова как политического лидера изменило ситуацию, и Лужков имеет право более целенаправленно сосредоточиться на управленческих идеях и пристрастиях мэра как строителя и созидателя.

Но команда Примакова (а у него своя команда в команде, что тоже несколько усложнило ситуацию в движении) - это команда высокопрофессиональных политических воспоминаний. Умных, просвещенных, но воспоминаний. Мы уже говорили о феноменальной портретной памяти Примакова. Похоже, что он верит только тем, кого видел и знает на протяжении

последних 30 лет.

В команде практически отсутствует средневозрастное поколение. В этом смысле команда уязвима. Она фундаментальна, интересна, но не мобильна. Она живет авторитетом Примакова. В его окружении не хватает самодостаточных фигур, готовых работать с максимальной нагрузкой.

Примаков поставил на корректность, порядочность, уважительность к противнику и оппоненту. А в других командах на поле вышла играть братва. И пока примаковские спецы снимали пенсне, чтобы протереть запотевшие стекла, братва оппонирующих не только успела зарезать двух нападающих, но и спилить ворота и унести дерн с футбольного поля.

Движение просело в информационном противостоянии.

Обновление ТВ-Центра. Смена всего творческого ядра, возможно, и была вызвана необходимостью, но не в таком масштабе. Заступившие на вахту оказались менее профессиональны, нежели предшественники, хотя и предшественники были не асами А если к этому добавить режиссерское скудомыслие, то команда оказалась не способной к конкурентной борьбе, тем более в экстремальных условиях. В таких ситуациях команду в расчете на обучаемость не подбирают. Нужны готовые спецы и если асов покупают другие, то следует перекупить.

В одной из бесед, которые у меня случались с Евгением Максимовичем, меня несколько озадачил вопрос мудрого и хитрого Примакова.

- Скажите, на что они рассчитывают? (Примаков имел в виду кремлевскую команду).

Минутой ранее мы говорили о жесточайшем непрофессионализме современных политиков, о поверхностном анализе, о хамстве, которое в понимании политиков заменяет образованность, и о многом другом. Мне не хотелось разочаровывать уважаемого и любимого мною Евгения Максимовича, но я ответил, возможно, и прямолинейно, но честно: "Березовский и компания, Евгений Максимович, рассчитывают на непрофессионализм вашего предвыборного штаба, на его неумение работать в изменившихся, перенасыщенных паскудностью условиях, той самой паскудности, которая и есть суть ваших главных оппонентов. В этой сфере они доки. И, судя по тому, как проседает ОВР, они не ошиблись".

До выборов осталось меньше двух недель. Закроешь глаза - и можешь сказать: меньше недели, меньше трех дней, двух...

Суд, выигранный Лужковым против Доренко, - малая компенсация нервного урона, который нанесла вакханалия лжи и клеветы. Пустяк, но все равно приятно.

А вот третьему номеру в списке ОВР не повезло. В Петербурге отменили губернаторские выборы, назначенные на 19 декабря. Верховный суд так решил. Городской санкт-петербургский суд подыграл Яковлеву, закрыв глаза на существенные нарушения при голосовании. Подыграл политически. А Верховный суд подыграл "Яблоку" - и опять же политически, посчитав эти нарушения перевернувшими мир. Выиграет ли Яковлев свои выборы через полгода, сказать трудно, но встав в ревнивую позу к центру, чем всегда славился Питер, он уж точно приобретет сторонников, если умело разыграет эту карту. Так что на его месте я бы не опротестовывал это решение.

И еще. Верховный суд практически приковал Яковлева к движению "Отечество - Вся Россия".

Плач

Уходит в прошлое эпоха, эпоха Ельцина. Грустно, что ее завершает не достойный финал, а агония.

Так бывает. Мы еще раз перенадеялись.

Просчетом реформаторов были не только их ошибки. Их главной нерешенной проблемой оказался Борис Ельцин, который и привел их к власти.

Совершив в 1996 году обман общества и избрав во имя удержания власти тяжело больного президента, реформаторы приговорили и реформы, и себя поименно.

Будем честны: все самое значимое, пусть противоречивое, но сотворенное во имя торжества демократии и преобразований, Ельцин совершил до 1996 года.

Свой второй президентский срок Ельцин исполнял относительно, это чрезвычайно ослабляло власть в целом, лишало ее наступательности и воли.

В сознании нации стал складываться образ малоподвижной, недужащей и ленной власти. Власти внушаемой и безвольной, потому как каприз и раздражение никогда не заменяли воли. Назови ее как угодно: политической, властной, управленческой.

В 1996 году мы возвели на престол "царя", а мы голосовали за него, который так и не понял, что власть никогда не бывает пустующим пространством. И не использованная тобой власть, но предписанная тебе высшим законом, и неважно, по какой причине не использованная, в силу твоего устойчивого недомогания и недомыслия будет непременно востребована людьми, к тебе приближенными. И употреблена ими на свой лад, и в пользу своей корысти.

И чем обширнее поле этой властной корысти, творимой за спиной твоего имени, тем глубже пропасть, в которую рушится Владыка.

Мы искренне хотим, чтобы президент передал бразды правления в срок, а не ранее того. Хотя бы одно дело в России пусть будет уважительно доведено до конца - судьба первого демократического президентства.

Пусть будет все по-человечески - достойно.

Ну а история рассудит.

Стране очень нужна властная образованность и мудрость.

Заслуга Ельцина в том, что он подарил России импульс демократического развития и был хотя и противоречивым, но гарантом этого развития, пока хватало сил.

Его беда в другом: он просмотрел момент, когда власть выскользнула из его рук и пошла по рукам, власть не заслуживающим.

Наверное, он скажет фразу, в таких случаях привычную. Ее положено говорить уходящим: "Вы еще вспомните меня. Вы еще пожалеете, что я ушел". Все может быть.

То, что долго не забудем, - спору нет. Дорога мало что не проложена и не мощена еще. Как же забыть!

А вот жалеть не хотелось бы. В таком случае мы зряшная нация и у нас нет доброй судьбы.

Сон

Крик был похож на стон, смесь страха, отчаяния и боли. Все разом вырвалось из груди и так же мгновенно стихло, оставляя слышным в тишине лишь отрывистое, свистящее дыхание.

Он проснулся. Жена первой услышала этот крик и вскочила с постели.

- Что случилось? - испуганно спросила она.

Какое-то время он лежал молча. Веки чуть вздрагивали, реагируя на свет. Губы еле заметно шевелились. Он ждал, когда пройдет внезапная испарина. Сон напугал его.

В приоткрытую дверь просунул голову начальник охраны. Жена жестом попросила его уйти.

- Мне приснился сон, - неожиданно сказал он.

- Господи, - пробормотала жена. - Я так испугалась. Думала, сердце.

Взмокшее мгновенно тело медленно остывало. Он почувствовал озноб.

- Мне холодно, - сказал он.

Жена открыла шкаф и вынула запасное одеяло.

- Положи его в ноги, - сказал он.

В спальне было тихо. Поскрипывал паркет за дверью. Шагов не было слышно. Жена догадалась: "Начальник охраны нервничает".

- Мне приснился сон, - повторил он отстраненно.

- Как приснился, так и забудется, - успокоила жена, угадывая в его словах тревогу.

- Скверный сон.

- А ты не думай об этом, - сказала жена.

- Не могу.

Она боялась спросить, о чем сон. Он заговорил сам.

- Будто я еду в машине. Ты же знаешь - всегда дают зеленый коридор, перекрывают движение.

- Знаю, - сказала жена.

- И вдруг все остановилось. Я спрашиваю: "В чем дело? Почему остановились?" А начальник охраны отвечает: "Хоронят кого-то". - "Так скажите им, чтоб пропустили. Они что, не видят, кто едет?" - "Говорят, нельзя. Вас хоронят". И при этом смотрит на меня, не опуская глаз.

"Что за бред ты несешь, - говорю я ему. - Я же вот он - живой!"

"Не знаю, - отвечает начальник охраны. - Вон вы в гробу лежите значит, умерли". Я опустил дверное стекло: действительно я в гробу лежу, а позади, насколько хватает глаз, машины стоят... и гул такой. Все сигналят, сигналят, требуют дорогу освободить. И все меня ругают, потому что знают, кого хоронят.

- Успокойся, это все нервы. Сестру недавно похоронили. Ты же понимаешь, вот и сон наподобие.

- Нет, - сказал он. - Про сестру ничего не говорили. Только про меня. И зло так, ругательно.

Жена услышала всхлипы, он заплакал.

- Скажи, за что они меня так не любят?

- Они тебя любят, любят, - бормотала жена и тихо поглаживала его вздрагивающую руку.

Телефонный звонок был непривычно громок. Жена вздрогнула. Несколько телефонных аппаратов стояло на низком плоском столе рядом с постелью мужа.

Звонок повторился трижды, и всякий раз она чувствовала, как еле заметно дрожит его рука.

- Я отвечу, - сказала жена.

Ей надо было обойти постель, чтобы поднять трубку.

- Не надо, я сам.

Она всегда удивлялась, как он безошибочно угадывал, какой именно аппарат звонит. Он поднял трубку и, не отрывая своей крупной головы от высокой подушки, приложил ее к уху:

- Я слушаю.

- Господин президент! - Жена узнала голос премьер-министра. - В столице переворот. Военный совет поручил мне сообщить, что вы низложены. Вам гарантируются... - Голос премьера сорвался на фальцет.

Пальцы разжались, и тяжелая, цвета слоновой кости телефонная трубка, потеряв опору, с грохотом обрушилась на пол. И там, на полу, слегка раскачиваясь с боку на бок, продолжала выкрикивать: "Господин президент, вы меня слышите, господин президент, Военный совет гарантирует, Военный совет..."

Она увидела, как мгновенно побелело и обескровилось его лицо.

- Врача! - закричала она истошно. - Врача!!!

Когда она очнулась, в спальне горел верхний свет, он был неярок, но все равно ей показалось, что свет давит на глаза. И противясь этому грузу, она зажмурилась и, лишь спустя мгновение, открыла их. Очертания предметов стали медленно обретать свои контуры. Несколько человек в белых халатах и еще четверо в военной форме.

- Что с ним? - Губы не слушались. Она сделала над собой усилие и повторила вопрос: - Что с ним?

Лечащий врач президента обернулся, по его лицу было трудно понять, услышал ли он ее слова или какой-то иной звук насторожил его. Он подошел к ней. Врач был слишком высок, она увидела, как он опустился на колено, взял ее руки в свои. Лицо врача исказила гримаса, глаза заморгали, и она почувствовала, как на ее руку стали падать слезы: одна, вторая... А потом они потекли по лицу разом, и он стал вытирать их тыльной стороной руки.

- Он умер, - прошептал врач. - Не мучаясь, мгновенно. Они опоздали.

Кто такие опоздавшие они, жена не поняла. Ей почудилось, что откуда-то свысока на нее опускается покрывало и она проваливается в сон.

Последнее, что она услышала, - отрывистый стук молотка, доносящийся снизу. И как ответ на этот стук - мысль, промелькнувшая в голове: "Надо предупредить, чтоб не разбили посуду, когда начнут паковать вещи".

Омут

Когда рукопись уже готовилась к печати, в последний день уходящего года произошло главное событие десятилетия - первый президент России Борис Ельцин подал в отставку.

Обращаясь к нации Ельцин произнес финальную фразу своего правления:

- Я ухожу.

Он ушел досрочно. Для меня это не было неожиданностью, я это событие детально описал, как наиболее возможный вариант, с точностью указав срок, когда это произойдет.

Данные слова не рецидив самовосхищения прозорливостью, отнюдь. Ситуационный рисунок, разыгранный по всем правилам политической интриги, требовал финального аккорда. И найти ему место оставалось лишь делом техники.

Наилучший вариант - последний день года, хотя и достаточно жестокий для политических оппонентов, испорчены праздники, рождественские каникулы, ку-ку!

Ясно было одно: если замысел угадан нами правильно, он должен полугодовую дистанцию (а до президентских выборов согласно Конституции полгода) разделить пополам. Только тогда замысел давал выигрыш: конкуренты не успевали мобилизоваться, а квартальный итог экономического неблагополучия еще не подведен. Все так и произошло.

Хотел ли этого Ельцин? Вряд ли. Давление было вкрадчивым, настойчивым и массированным.

Когда Ельцин приехал 28 декабря в Кремль, чтобы вручить награды генералам, отличившимся в чеченской войне, - это был заупрямившийся Ельцин, не желающий уходить. Он прибыл в Кремль, чтобы еще раз подтвердить, кто Верховный главнокомандующий.

Досрочное отречение Ельцина, конечно же, часть пиаровского замысла с четким разделением обязанностей в команде: "Мы - Глеб Павловский, Игорь Шабдурасулов, возможно, Юмашев и еще три- пять человек - раскручиваем черный пиар, по максимуму дискредитируем политических противников, при этом поддерживаем наших возможных оппонентов в будущем, но сейчас - наших союзников, которые с другого фланга атакуют нашего общего противника блок "Отечество - Вся Россия" (речь идет о "Союзе правых сил").

Ну а вы - вторая часть команды, куда входит, конечно же, младшая дочь президента, врачи, Семья и, как тень, там и тут, Борис Абрамович Березовский - убеждаете Ельцина, что досрочное отречение лишь повысит его историческую значимость. Плюс минус пять месяцев в ту или иную сторону, уже ничего не меняет. А тут блистательный финал: в новое тысячелетие с новым президентом. А для экс-президента в звучную российскую историю с чистой совестью. Сохранив до последней минуты образ непредсказуемого политика, который в 1991 году, взгромоздившись на танк, зачитал свой первый указ, а закончил собственную эпоху отречением, подписанным не в железнодорожном вагоне, пусть даже царского поезда, а в своей главной резиденции, в окружении регалий власти - в Кремле.

Браво, режиссеры, браво! Спектакль был поставлен профессионально и получил высококлассное завершение.

А теперь, отрешившись от ажиотажности, попробуем заглянуть внутрь "черного ящика", который мы предположительно обнаружили на месте личной драмы.

Не было ни одного адресата, к которому обращались журналисты в этот взвинченный день, в новогоднюю ночь, который бы высказал сожаление в связи с досрочным уходом Ельцина.

Не было ни одного политика, который бы не одобрил этого президентского решения и не назвал бы его правильным. Мы исключаем холопский визг недавних подчиненных, назвавших решение президента гениальным, сверпрозорливым, решением великого человека.

Я помню, как эти же самые люди называли гениальным решение президента назначить

Бориса Немцова вице-премьером. Итог гениальной затеи нам известен.

Сказанное никак не упрек Борису Ефимовичу. Просто холуйство младореформаторов - пропущенная страница политической хроники, которую следовало бы восстановить. Надо знать, каким оружием уничтожаются признаки демократии. Но это к слову.

Решение Ельцина - это решение не гениального и сверхмужественного человека, а человека несчастного и изнуренного. Это решение кремлевского узника.

Президент, которого благодарят за то, что он ушел досрочно, не может чувствовать себя счастливым. Я далек от мысли оспаривать этот шаг Ельцина, хотя в самых критических ситуациях отстаивал необходимость завершения его президентства в точно установленные конституцией сроки.

Но президента дожали. Был применен тот же беспощадный принцип - цель оправдывает средства.

Задолго до тех, прошлых выборов, осенью 1995 года, активно дебатировался вопрос, решится ли Ельцин на повторное избрание. Уже тогда президент, испытывающий постоянные физические недомогания, задал врачам прямой вопрос: насколько сократится его жизнь, если он выдвинет свою кандидатуру на повторных выборах. Президент был детально обследован, и врачи, предварительно удалившись на совещание, вынесли свой вердикт - жизнь Ельцина сократится на 4-5 лет. И Ельцин выслушал врачей и на выборы пошел. Ныне мы свидетели нерадостного итога.

Разумеется, в ельцинском отречении слово врачей было довлеющим и то, что он якобы пошел на этот шаг, потому что убедился, что в Путина поверили, не более чем микширующий театральный ход, подтверждающий виртуальность продолжения бытия. В исполнении Ельцина эти слова выглядят почти отеческим напутствием, но мы вряд ли точно узнаем, было ли исполнение.

С точки зрения замысла авторов операции "отречение", она прошла безукоризненно. Нет сомнений, что финалу предшествовала не одна бессонная ночь самого Ельцина. Жестокость политиков невероятна. Материалом, средством достижения цели - победа Путина - оказался здравствующий президент, которого списали единоверцы, команда, ближайшие сподвижники.

Разумеется, все это сопровождалось высокоторжественными причитаниями, что шаг этот, по сути, прозорливый во имя здоровья самого президента, во имя будущего России, во имя знакового места в истории, но и более прозаичными заклинаниями о безопасности Семьи и самого президента.

Без подписанного указа о гарантиях и разговора быть не могло. И что бы совсем поверили, что сделка справедливая, без обмана, первое назначение, сделанное исполняющим обязанности президента, - утверждение руководителем администрации Александра Волошина.

Есть ли в этом поступке проявление мужества Ельцина? Разумеется, есть. Оно в преодолении самого себя, своего упрямства. В признании очевидного страна устала от урывками работающего президента, пора...

Наверное страна еще бы стерпела пять месяцев. Но в затылок уже дышали: "Подпишите отречение - и тогда на президентских выборах мы сорвем банк. Не подпишете - есть риск. Народ может опомниться".

Отречение президента сыграло на пользу левым. "Мы настаивали на импичменте. Мы настаивали на добровольной отставке по состоянию здоровья. Он упрямился, хотя осознавал, что мы правы. Теперь президент все самолично подтвердил. Состоялся самоимпичмент Ельцина. Он дал нам в руки предвыборный капитал. Грех будет им не воспользоваться".

Он действительно сделал все, что мог, для Владимира Путина. Он сделал больше, чем мог. Он уступил дорогу. Его тяжелую, утратившую подвижность фигуру отодвинули в сторону. Она закрывала вход на Олимп. Теперь обитатели Кремля будут долго думать, что делать с этой громоздкой статуей первого российского президента. В каких залах, проемах, нишах оставить эту тень. С какой скоростью снимать его портреты со стен и в каких

кабинетах? И вообще, что делать сначала: менять таблички у дверей, а затем снимать портреты или наоборот?

И что делать с портретами Путина? Уже пора или стоит погодить?

Говорил ли Ельцин с Патриархом перед принятием своего решения? Благословил ли его Патриарх? Впрочем, это не так важно, что ответил Его Святейшество, если...

Накануне третьего тысячелетия Патриарх обязан напоминать каждому о душе и ее спокойствии.

Сегодня, завтра, послезавтра будет произнесено много слов об исторической роли Бориса Ельцина. И это справедливо. Все-таки десять лет их из жизни страны не вычеркнешь.

Впервые в новой российской истории, на территории одного и того же Московского Кремля, едва ли не в одном и том же кабинете, два президента: первый президент Союза - Михаил Горбачев, а затем президент России - Борис Ельцин, объявили нации о своем добровольном отречении. Правда, один в ту пору был бодр и здоров, но обстоятельства заставили. Не стало того государства, президентом которого он значился.

Второй был устойчиво болен, зато за его спиной не было распавшегося государства. И факт его, пусть несовершенного, единения он мог считать своей главной заслугой.

Ельцин ушел. Политическая элита страны оценила этот шаг президента как шаг разумный, причем сделала это с редким единодушием. Устал президент, устали от президента.

Все, что произойдет дальше, будет изучаться внимательно и пристрастно.

В истории еще не было такого случая, чтобы царь ушел, а свита осталась. Это могло быть только в случае несовершеннолетия монарха.

Свита делает короля, это точно. Но свита королей не тиражирует, тем более что нация желает иметь другого короля.

Впервые в истории нашего государства, строго согласуясь с нормами Конституции, происходит смена власти. Правда, сделаем уточнение, нормами чрезвычайными, ибо досрочная отставка президента - явление чрезвычайное. Даже в этом очевидном факте мы умудрились совершить надлом.

Что же выбирает Россия? Мы это поймем чуть позже, через три месяца. Вообще, положено говорить: новое время, новые политики. Это на дню раз по десять в предвыборных баталиях говорили Сергей Кириенко и Анатолий Чубайс.

Фраза Ельцина "Освободить дорогу новым политикам" стала общим местом во всех комментариях. Вдумывается ли каждый общественный деятель, что стоит за этими расхожими словами - "новые политики"?

Ельцин трижды ставил на новых молодых политиков, и трижды эти политики сходили с дистанции, не добившись внятных результатов. И трижды с этой дистанции их снимал сам Ельцин.

Трижды мы были свидетелями, как младореформаторы бросались в бой, не просчитав свои силы, действуя вне самокритики, действуя кастово, противопоставляя себя окружающей интеллектуальной среде. Дефолт стал итогом.

Но дело не только в экономических провалах, спаде производства, обнищании культуры, науки, армии. Демократический период не совпал, а побудил, спровоцировал вторую криминальную революцию. Не коррупция породила демократию, а реформы, просчеты в их осуществлении взнуздали коррупцию и превратили ее в бедствие номер один.

О каком новом поколении идет речь? Новом-старом поколении? Которому хотелось бы забыть ошибки последних десяти лет и еще раз прислониться к власти.

Общество ждет возвращения сильной руки. Возвращения порядка, возвращения волевой власти. Страна хочет почувствовать себя сильной и державной. Это почти раскавыченные слова из выступлений Владимира Владимировича Путина. И это справедливо. Только такого лидера поддержит генералитет. Тогда о каком новом поколении идет речь? Почему в этом случае правые считают Путина своим? Или они полагают, что достаточно патриотической риторики, в которую внезапно впали лидеры движения в

последние месяцы?

Недавно Анатолий Чубайс сказал, что они с Путиным в понимании развития экономики России говорят на одном языке.

Ну что ж, это будет не простое испытание для Владимира Владимировича Путина - объяснить обществу, какого экономического вероисповедания он придерживается. Экономический курс требует коррекции или он исходно правильный с 1992 года?

Вообще, нам надо научиться осторожно пользоваться такими терминами, как "успех", "победа", "поражение", "провал".

Как правило, это не более чем эмоциональная окраска поверхностного и непрофессионального анализа.

Если успех правых на выборах (8%) разделить почти на девятилетнее пребывание их у власти, то получается как раз 0,9% уверенности нации в разумности их политики в год. Значит, для того чтобы правым завоевать доверие хотя бы четвертой части общества (а об этом можно только мечтать), понадобится 25 - 30 лет.

Интересно, что эта пропорция сохраняется и в пересчете на последнее четырехлетие. Как известно, партия Гайдара на выборах 1993 года набрала где-то 4,6 %.

Значит, за это время правые, объединившись, добавили 3,5%, что в пересчете на год - все те же 0,85%.

И это достигнуто объединенными усилиями. Вывод прост как сапоги пожарника: никакого роста популярности правых, увы, нет. И мы понимаем, что дело не в популярности. Суммы, которые затратил "Союз правых сил" на предвыборную кампанию в 1999 году, несопоставимы с гайдаровскими затратами 1995 года.

С другой стороны, еще цифры, и тоже достаточно любопытные.

Как известно, партия власти на выборах 1993 года, а таковым было движение "Демократический выбор России", получила 11, 2%. На следующих выборах, в 1995 году, эта партия не преодолела 5%-го барьера и в парламент не попала.

На выборах 1995 года партией власти уже числилось движение НДР. Оно получило 9,6%. Четыре парламентских года были не простыми в жизни фракции НДР, и где-то она повторила судьбу фракции "Демвыбора" в парламенте.

На выборах 1999 года НДР набирает чуть более 2% и в парламент не проходит.

Нынешняя партия власти - блок "Единство" - добивается на выборах ошеломляющего результата - 22%. Как сложится ее судьба в предстоящие четыре года, вопрос не простой. Ясно одно, Владимир Путин, в отличие от Бориса Ельцина, отказался от позиции "над". Он предпочел ей позицию "внутри" и решил создать свою президентскую партию.

И еще одна аналитическая строка. В парламенте появляется новый блок "Отечество - Вся Россия", никогда ранее в выборах не участвовавший. И он получает на выборах 13%. И это в условиях сверхвраждебной кампании, которую вела по отношению к блоку вся существующая власть, используя самые грязные методы очернения и дискредитации.

Так вот, следуя суммарному анализу условий предвыборной борьбы, достижение ОВР - самая большая сенсация этой кампании. Блок устоял, хотя хребет ему пытался сломать практически весь аппарат государственной и политической власти.

Случившееся не есть абсолютное завоевание демократии. Это, скорее, факт политического взросления общества, в котором формируется политическая воля. Воля, с которой неминуемо столкнется новый президент России. И здесь главный вопрос: какую форму общения с этой волей, какой характер взаимоотношений с ней он выберет.

Как всегда, в тылу у власти оказались коммунисты. Они повторили свой устойчивый успех на выборах. Причем добились этого, в отличие от других, не затратно, иронично наблюдая со стороны, как "революция" сжирает своих детей.

Пираньи предвыборных технологий переоценили неопасность коммунистов для существующей власти.

Сильная рука, политическая воля и порядок в стране. Держава - это не взгляд устремленный в слюнявое демократическое будущее. Это осознанность утраченного. А там и

"медвежий комсомол" на подходе.

Так что будущему президенту есть из чего выбирать, есть и из чего кроить президентский фрак.

Предшественник оставил лишь призывы к стабильности, согласию, благополучию, потому как ни первое, ни второе, ни третье в нашем отечестве пока не сложилось.

Чтобы забыть шестилетие премьерства Черномырдина, понадобилось две недели. Насколько хватит нашей памяти о Ельцине? На месяц, два или до выборов, как положено по Конституции? Скорее всего, во имя продления памяти создается сугубо российское изобретение, ельцинский кабинет в Кремле со своим аппаратом, своим пресс-секретарем, своим выездом. Это правильно, реликтовые деревья надо сохранять. Правда я с трудом себе представляю, чтобы Клинтон после сдачи президентских полномочий продолжал занимать этаж в Белом доме только потому, что следующему президенту хотелось бы с ним посоветоваться. Согласитесь, в путинском варианте есть что-то очень российское.

Уважаемые господа режиссеры! Человечность, которую потеряли до того, после того вернешь вряд ли. Кто же мешал советоваться? Времени до июня было бы более чем достаточно.

Все-таки хорошо, что наша память и история - понятия не тождественные. У истории другой счет, и она в меньшей степени подвержена человеческой неблагодарности. Сказал и усомнился в своей правоте: историю же пишут люди. А им за последнее десятилетие не особенно довелось испытывать благодарность.

Забвение - тоже вид энергии, энергии угасающей.

Твое лицо пропадает сначала из информационных потоков, затем аналитических. На тебя уже не оглядываются политики. И если звучит канонада благодарности, то оттуда, из зарубежного далека.

Горбачев это пережил. За Берлинскую стену немцы благодарили больше, нежели соотечественники за перестройку.

Время уравнивает не президентов, а экс-президентов.

Телевизионный эфир начинает выдыхаться еще быстрее. Президент и раньше не баловал своим присутствием телеэкран, а теперь....

Если и будут тиражировать, то того, первого Ельцина - Ельцина бронетанкового.

Запоминаются последние слова, это верно, - "Я ухожу". А вот с образами все наоборот. В памяти остается тот, что ближе, понятнее, незашоренней. Как некая молитва: мы выбирали другого Ельцина.

Что будет происходит еще? Убывающие телефонные звонки и встречи. Это заметит даже охрана. Нет ничего печальнее молчащего телефонного аппарата.

Экс-президент России решил посетить Вифлеем. Это, скорее, остаточное, инерционное желание. Сначала бы наведаться туда, задуматься у святых могил, а уж потом - в отречение, как в омут. Но это если по логике жизни. А если по интересу....

Пиаровский ОМОН подвержен суеверию. Разбитые зеркала даже в кладовых не оставляют. Примета плохая.

* * *

Я вижу его в своей загородной резиденции, одиноко стоящего на лесной поляне. Кругом бело, снежно, тихо и зябко.

ФАС и ПРОФИЛЬ

АЯЦКОВ ДМИТРИЙ ФЕДОРОВИЧ

Родился в 1950 году. Губернатор Саратовской области. Член Совета Федерации. Окончил сельскохозяйственный институт. По специальности агроном. Один из успешных губернаторов новой волны. Переизбирался дважды. Ключевая фигура в блоке НДР. Не уступил никаким веяниям, остался верен блоку (в отличие от Константина Титова) и после отставки Виктора Черномырдина с поста премьера. Бесспорный претендент на лидерство в блоке, чем и предрешил политическую переаттестацию самарского губернатора.

По внутренней сути - типичный землевладелец. По образу повседневных действий -

русский помещик, имеющий сдержанную предрасположенность к политике. Удержал область и экономически, и социально. Первым пересмотрел отношение к земле. Региональным законодательным актом пустил земли в оборот, разрешил покупку и продажу земли. Был инициатором этого закона. Все возражения и окрики парировал: федерального закона нет, но есть Конституция. Область действует согласно нормам Конституции. С федеральной властью отношения обостряет, держится независимо и ровно. На уровень федеральной политики выходить не спешит. После последней избирательной кампании, нацеленной не на состязание с конкурентом, а на его уничтожение и дискредитацию, скорее всего, еще больше утвердится в позиции региональной самостоятельности, исключающей московские правила игры в саратовском эфирном и газетном пространстве.

По натуре человек основательный. Лицо широкое, легко уступает улыбке, но столь же легко становится гневным и жестким. Выражение глаз меняется мгновенно в пределах одной фразы, что выдает скрытое коварство натуры. Хитер, прижимист, имеет цепкий крестьянский ум. Как политик осторожен. Всегда старается работать с запасом. Практически в каждом общественно значимом политическом движении имеет своих людей - будь то "Правое дело", ОВР, ЛДПР. С коммунистами держится на расстоянии вытянутой руки, исключая возможность сближения и обострения. С высокой властью держится прагматично. Избирает стиль поведения не исходя из убеждений, а следуя функциональному сознанию. Для выгоды и лесть сгодится.

Фигура кряжистая, устойчивая. Речь деловая. Не трибун. Москву недолюбливает. От критических выпадов в адрес президента воздерживается. В контактах с олигархами сдержан. В качестве лидера федерального масштаба себя не рассматривает. Предпочитает оставаться фигурой основополагающей, на которую все время оглядываются.

Женат. Имеет сына и дочь.

БЕРЕЗОВСКИЙ БОРИС АБРАМОВИЧ

Родился в 1946 году. Доктор технических наук, член-корреспондент РАН. Пожалуй, самая контрастная персона в финансовой и политической жизни. Его называют символом времени. При этом непременно уточняют: прагматичности, алчности, порочности времени. И та, и другая, и третья характеристики справедливы. Реформы в современной России, помимо экономического, предполагали еще и нравственный посыл. Об экономике пока что-то сверхутешительное сказать трудно. А вот нравственный остов жизни рухнул. Борис Березовский - сотворитель и продукт этих перемен и этих катастроф.

Занимается многообразным бизнесом. Как бизнесмен удачлив не в силу стечения обстоятельств, а по причине изобретательности, упорства и наглости. Устойчиво беспринципен. К нормам нравственности и морали относится как к скверно покупаемому товару. При упоминании слова "совесть" заразительно смеется. Не устает повторять: "Я нравственен перед самим собой и своей семьей. Все остальное меня мало интересует".

Умение внедриться в ситуацию ценит превыше всего. Прошел все стадии обогащения и капитализации: преуспевающий, богатый, очень богатый, олигарх.

Использует коррупцию как механизм в достижении собственных целей. В совершенстве владеет технологией подкупа власти. Действует, исповедуя два главных правила: "Все можно купить, надо только точно знать цену" и "Учитесь тратить чужие деньги". В достижении цели неотступен, аморален и жесток. Опасный противник, но еще более опасный союзник. Уязвлен недооценкой своей значимости. Осуществил навязчивую мечту жизни - прорвался в публичную политику. Полагает, что главным препятствием на этом пути были и остаются козни и интриги противников. Недооценивает масштаб отрицательности собственного образа. В достижении общественного признания имеет устойчивого оппонента. Его имя - Борис Абрамович Березовский.

Всегда играет на опережение. Не разделяет понятия служить и прислуживаться. Убежден, что сначала надо купить право прислуживаться. А право служить отдадут сами. Ленивая власть легко продается. Сумел стать тенью президентской администрации, чем практически уничтожил ее общественный авторитет.

Как утверждают, создал блок "Единство", тем самым предложив себя преемнику Ельцина. Продемонстрировал торжество постулата "надо уметь тратить чужие деньги". Основу блока составили дотационные территории. За их поддержку премьер расплатился бюджетными средствами.

Знает, что нелюбим. Время от времени сбрасывает компромат на высшую власть, к которой прилип. Хорошо изучил психологию властного страха.

Медиамагнат, нефтяной магнат, автомагнат. Ему есть что терять. Отдает себе отчет, сколь велики были нарушения закона при приватизационном обогащении. При возникающих время от времени разговорах о необходимости ревизии приватизационных программ впадает в истерику.

Своим присутствием во власти и за ее кулисами практически уничтожил авторитет президента, дискредитировал президентскую семью. После чего всякие разговоры о преемственности власти воспринимаются как разговоры о преемственности порочности Кремля.

Основная черта характера - алчность. Основное пристрастие - деньги. Цель жизни - власть. Зачем нужны деньги? Ответ на поверхности - чтобы купить власть. Зачем нужна власть? Чтобы делать деньги!

В выборе средств достижения цели неразборчив. По сути характера азартный игрок. По количеству личной охраны не может сравниться ни с одним олигархом в стране.

По масштабу растления власти приравнен во многих публикациях к образу Гришки Распутина. При крайних национальных различиях сравнение точное по сути.

Женат трижды. Отец четверых детей.

ВОЛОШИН АЛЕКСАНДР СТАЛЬЕВИЧ

Родился в 1956 году. Во главе президентской администрации сменил Валентина Юмашева. К своим обязанностям приступил весной 1998 года.

Назначение Волошина следует считать ответным ходом Бориса Березовского в связи с крахом его идеи возвращения в Белый дом Виктора Черномырдина. Окончательно опрокинул этот замысел олигарха Юрий Лужков, отказавшийся поддержать Черномырдина и перед вторым, и перед гипотетическим третьим голосованием в Государственной Думе. Рассуждая прагматически, это был шанс Лужкова на восстановление приемлемых отношений с президентом. Однако Лужков остался в пределах своих принципов: Черномырдин - ключевая фигура в экономическом крахе. За спиной Черномырдина торчат уши Березовского. Поддерживая Черномырдина, он поддержит Березовского и таким образом все равно оказывается в кольце. Пересилить влияние Березовского на семью президента, его администрацию представляется совершенно невозможным. Временная уступка упрямству президента ничего не давала.

В качестве премьера появился Примаков - и в параллель ему в качестве главы президентской администрации Александр Волошин.

С этого момента операцию "Кремль" в исполнении Бориса Березовского можно считать завершенной. Роли изменились. Если раньше Березовский выстраивал свои отношения с кремлевской администрацией по принципу нащупывания своих, то теперь эти отношения не нуждаются ни в этикетно-дворцовой преамбуле ("Я вам нужен, позовите меня!"), ни в должностной обкомовской градации, объясняемой Ельцину, - иной мир, иная зависимость, иная стилистика.

Александр Волошин - человек Березовского. Человек из нутра автомобильного бизнеса, которым занимался олигарх одно время, его правая рука по авантюре АВВА - народный автомобиль.

По манере поведения - закадровый человек. В большей мере исполнитель чужих идей, а не последователь собственных. Предрасположен к интриге. В принимаемых решениях не самостоятелен. По возможности избегает публичных контактов. Знает, что уязвим своей абсолютной зависимостью от Березовского. Любим своей тенью, соглашается с ней и действует от ее лица, употребляя при этом фамилию не Березовского а Ельцина. Внешность

категорически не административная, и уж тем более не светская. Сочетание заметной лысины и бороды не только старит, но и создает некую образную смесь купца, старообрядца и инквизитора. Речь слегка заикающаяся, что еще больше усиливает ощущение зависимой услужливости. Отношение подчиненных ответно-терпеливое. Понимает, что запрограммирован работать на Путина. По внутреннему рисунку поведения непременно будет тяготить будущего президента, если Путин таковым станет. Выбирая между Волошиным и Шабдурасуловым, Путин, скорее, выберет более светского и публичного Шабдурасулова. В этом смысл комбинации, придуманной Березовским. При любых перестановках рядом с президентом останется его человек.

Финансово обеспечен. В силу прошлых и настоящих связей устойчиво зависим. Женат, имеет сына.

ГРОМОВ БОРИС ВСЕВОЛОДОВИЧ

Родился в 1943 году. Генерал-полковник. Герой Советского Союза. Командовал Киевским военным округом. Был заместителем министра обороны. Хорошо образован. Известен независимостью взглядов и суждений. Не очень любим политическим руководством страны. Не раз его кандидатура рассматривалась на пост министра обороны страны, но всякий раз отклонялась по причине независимого характера и неположенного для подчиненного благородства. Вошел в политическую историю как командующий 40-й армией, воевавшей в Афганистане. 15 февраля 1989 года последним покинул эту страну, вывел оттуда все наши войска.

В публичной политике участвовал по касательной: был депутатом, президентом Фонда поддержки ветеранов Афганистана. В 1999 году принимает решение о выдвижении своей кандидатуры на пост губернатора Московской области. По логике политической борьбы поддерживается Лужковым и "Отечеством". Однако руководство движения страхуется и выдвигает на выборах еще двух кандидатов: Тихонова и прежнего губернатора Тяжлова. Тяжлов в последний момент переадресует свои симпатии блоку "Медведь", но это его не спасает. Он проигрывает выборы уже в первом туре.

Главным соперником Громова оказывается спикер Госдумы Геннадий Селезнев, второй номер в партийном списке коммунистов на парламентских выборах. Громов выходит во второй тур, проигрывая Селезневу 7%. Итоги выборов считаются предрешенными. Мало кто сомневается в победе Селезнева. Кремль и исполняющий обязанности президента активно поддерживают кандидатуру Геннадия Селезнева. Это еще больше убеждает политологов, что Путин в очередной раз выиграет. Но происходит осечка. Именно навязчивое давление Путина и главы президентской администрации Волошина останавливает избирателей. Выборы выигрывает Борис Громов. Замысел кремлевской команды посадить на московское губернаторство Селезнева и тем самым ослабить Лужкова и рассорить область с городом проваливается. Безумная страсть к интриге, питаемая животной ненавистью, побеждает здравый смысл. 60% работоспособного населения Московской области трудятся в Москве. Казалось бы, сближение со столицей и есть путь к преображению области, однако Кремль все делает наоборот.

На завершающем этапе выборов мэр Москвы на вопрос, кого он будет поддерживать из двух кандидатов, категорически заявляет: "Громова, и только Громова!", аттестуя его как человека крайне порядочного, с обостренным чувством долга. Борис Громов одержал знаковую победу. Помимо Лужкова, его поддерживают движение "Яблоко" и "Союз правых сил". Случилась некая прелюдия думского бунта, в ходе которого в знак протеста против узурпации левыми думской власти фракции ОВР, "Яблоко" и СПС покинули зал заседаний.

В случае успешного губернаторства вероятен как кандидат в президенты страны.

Яркий представитель офицерской элиты. Генерал-реформатор. Имеет блестящую военную биографию. Прославился бережным отношением к солдатам.

Рост выше среднего, фигура спортивная. Лицо волевое, черты правильные. Взгляд внимательно-долгий. Голос спокойный, приятного тембра. Улыбка сдержанная. Одевается со вкусом. Одинаково хорошо смотрится как в военном мундире, так и в штатском костюме.

Жена Фаина, сыновья Максим и Андрей, дочери Евгения и Валентина. Увлекается теннисом и велосипедом.

ГУСИНСКИЙ
ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Родился в 1952 году. Президент ЗАО "Медиа-Мост". Президент Российского еврейского конгресса. Удивительное сочетание в сфере образования. Окончил Институт нефти и газа им. Губкина, а затем режиссерский факультет ГИТИСа, несколько лет работал режиссером в театрах Тулы.

Создатель одного из известнейших коммерческих банков - "Мост-Банка". Успешно занимался строительным бизнесом, на основе которого и возник банк. Первый из бизнесменов, занявшийся средствами массовой информации. Основоположник тенденции слияния СМИ с финансовым капиталом. Чисто исторически сначала был медиамагнат Гусинский, а затем медиамагнат Березовский, а не наоборот. Что различает этих, в общем-то достаточно похожих по характеру и манере деловых отношений людей, переживающих периоды временного союзничества, затем временной вражды, опять союзничества и опять вражды? Гусинский из тех, кто строит и созидает с нуля. А затем созданное обращает в капитал. Второй - по натуре лавочник, торговец. Он покупает и продает, продает и покупает. Он формирует капитал, цель которого непременное разрушение конкурента в любой сфере жизни.

Владимир Гусинский - соавтор и создатель первого независимого коммерческого телевидения НТВ. С этой минуты все, происходящее вокруг НТВ, будет связываться с его именем. Еще со времен своих занятий строительным бизнесом тесно связан с Москвой, столичным правительством, финансовыми кругами города. В своих привязанностях последователен. "Мост-Банк" в числе постоянных и главных партнеров московского правительства среди коммерческих банков.

Неоднократно пытался усилить свое влияние на Кремль. Впечатляющих результатов не достиг. Столкнулся на кремлевской тропе с Березовским и должен был уступить. Сначала издание книги президента, а затем оказался жертвой ревности кремлевских небожителей к Лужкову. Да и Коржаков в ту пору играл против. Ситуация выровнялась в канун выборов 1996 года. Давосский пул семи банков решил поддержать на выборах Бориса Ельцина. Еще один обманчивый временный союз банкиров, младореформаторов и Семьи. В предвыборном штабе Малашенко становится правой рукой Чубайса. После поражения группы Сосковца-Коржакова-Барсукова, с которыми еще зимой 96-го года был в тесной спайке Борис Березовский, казалось, что влияние группы "Мост" на Кремль будет идти по восходящей. Однако главный оппонент Гусинского Березовский успел перевербоваться и перепрыгнуть в другую лодку, под паруса Татьяны Дьяченко и Валентина Юмашева. Очередная попытка Гусинского укрепиться за Кремлевской стеной кончилась неудачей. Чуть позже предвыборный союз распался. Президент вошел в штопор болезни. Началась правительственная чехарда. В отношениях с Кремлем были приливы и отливы. Но больше отливы. С приходом Валентина Юмашева в качестве руководителя президентской администрации влияние Березовского на администрацию можно считать монопольным. Даже после отставки Березовского с поста заместителя секретаря Совета безопасности это влияние не ослабло. Наоборот, Семья в союзе с Березовским совершила акт возмездия и крепость под названием "Чубайс" пала.

Первым оценил перспективность слияния телевидения с бизнесом. Любит повторять на каждом шагу, что телевидение интересует его только как бизнес. И вообще, любой проект Гусинского - это проект в сфере бизнеса а не политики. Создал высокопрофессиональную команду на НТВ. Умело воспользовался финансовыми трудностями государственного телевидения. Предложил тележурналистам лучшие оплатные условия и довольно быстро укомплектовал высокопрофессиональный состав телекомпании. Все дальнейшие отношения с Кремлем выстраивал при помощи НТВ. Власть нуждалась в поддержке профессиональной, информационно-активной и популярной телекомпании. Значимость этой поддержки

обеспечивалась логотипным добавлением "независимая".

Бесспорно, переиграл конкурентов. Точно выбрал генерального менеджера компании Игоря Малашенко, в определенной степени перепоручив ему наращивать влияние группы "Медиа-Мост" на Кремль. Высшим достижением этого привластного штурма можно считать 96-й год, когда Игорь Малашенко, единственный из всех руководителей телевизионных каналов, вводится в предвыборный штаб, где становится правой рукой Анатолия Чубайса. Впрочем, триумф был недолгим. Сразу после выборов штабная команда распадается. Конфликты между вчерашними союзниками Юмашевым и Чубайсом, Чубайсом и олигархами, олигархами и Немцовым, с растерянными метаниями с фланга на фланг дочери президента уже в ранге советника Ельцина усложнили взаимодействие с президентским окружением до крайности. В Кремле доминирует Березовский, сумевший сделать мгновенное отречение от всевластной троицы Сосковец-Коржаков-Барсуков.

В 1999 году оказывается перед выбором. Резко возрастает политическая активность московского мэра на федеральном уровне. Отношения между Кремлем и московской командой накаляются. У Гусинского, по существу, нет выбора. Вход в Кремль перекрыт Березовским. Он доминирует в ближайшем окружении Ельцина. Подконтрольный ему канал ОРТ полностью в распоряжении президентской Семьи. То же самое происходит с ВГТРК, которая, потеряв самообладание и самоуважение, бросается в ноги президенту и премьеру и в буквальном смысле слова начинает их целовать. Слияние в экстазе любви к власти двух телевизионных каналов делает услуги НТВ практически ненужными. Гусинский пытается не заметить мини-бунт Игоря Малашенко, заявившего о невозможности поддержки со стороны НТВ на президентских выборах кандидатур Лужкова и Зюганова. Малашенко летит в Америку, чтобы предложить Западу перспективного Явлинского и под эту перспективу получить кредиты. Гусинский никак не реагирует на этот вызов. И, несмотря на свой темперамент и драчливость, которой ему не занимать, выдерживает паузу. Он не может присоединиться к атаке на Лужкова, так как в руках Москвы все благополучие "Мост-Банка". Он не желает опровергать позиции Малашенко. Он чувствует выгодность маневра. "Медиа-Мост" не за Лужкова, "Медиа-Мост" за Явлинского. Каждый член совета директоров самостоятелен в своих взглядах. Инициатива Малашенко - его проблема. Оппоненты изящности хода не оценили. Давление на "Мост-Банк", "Медиа-Мост" началось по всему фронту. Цель Кремля и нового премьера - отсечь Гусинского от Лужкова. Принял единственно правильное решение: вопреки давлению укрепить по максимуму союз с Москвой. В предвыборных баталиях выбрал позицию умеренной поддержки блока ОВР, что позволило НТВ сохранить лицо, заявить себя единственным каналом, защищающим принципы объективности, корректности и уважения к оппоненту.

Эмоционален, расчетлив, прагматичен. В большей степени боец, нежели игрок. Памятлив на обиду. Внушаем. В политике старается держаться в относительной тени. Не приемлет политического забвения, как и старается избегать политического выпячивания. В совершенстве владеет режиссерскими навыками. Оставаясь за сценой, управляет игрой актеров в течение всего спектакля. На вызовы публики выходит редко. Качество и для бизнесмена, и для политика не последнее.

Вспыльчив. В разговоре старается подавить собеседника не сколько анализом, сколько темпераментом и жонглированием фактами. Человек чувствует себя малоинформированным и начинает отступать. Обладает высоким профессиональным чутьем организатора. В любой сфере деятельности располагает классными командами. Обидчив. Награжден французским орденом за вклад в развитие культуры.

Женат. Имеет двоих сыновей.

ДЬЯЧЕНКО ТАТЬЯНА БОРИСОВНА

Младшая дочь Бориса Ельцина. Необходимо уточнение - любимая дочь. Чувство наследственности в роду Ельциных развито довольно сильно. Рождение второй дочери не совпадало с естественным желанием отца: ждали сына, ждали наследника. По признанию самой дочери, невоплощенная мечта о сыне не прошла бесследно. Ее детские игры и

увлечения были, скорее, мальчишескими, словно ей положено было доказать, что ошибки не произошло. Характер мужской, упрямый. Вопреки желанию родителей уезжает из Свердловска в Москву, где поступает в МГУ на факультет вычислительной математики и кибернетики. Профессия не женская, но факультет престижный. Побудительный мотив все тот же - доказать. С 1993 года начинает приближаться к политике, хотя присутствует в ней негласно, высказывая в семейном кругу свое мнение о политических событиях, происходящих вокруг отца. С середины 1995 года ее имя начинает упоминаться в печати как некое туманное "Я", влияющее на решения, принимаемые президентом. В 1996 году Ельцин вводит младшую дочь в состав своего предвыборного штаба. Неофициальный кабинет в Кремле становится официальным. Противился ли президент появлению дочери во властных коридорах Кремля? И да, и нет. Всем памятна агрессивная реакция Ельцина по поводу вмешательства Раисы Горбачевой во властные обязанности мужа. В этом смысле Ельцин - продукт партийно-консервативной закваски: "Не бабье это дело!" Сведенное почти на нет присутствие супруги президента в политической жизни страны есть подтверждение мысли, что президент своих привычек не меняет. Что же случилось?

Ничего особенного. Пересечение интересов, а точнее, их совпадение в точках пересечения. Интересов и желаний Татьяны Дьяченко и замыслов смешанной группировки Чубайс-Юмашев-Березовский, выступавшей на старте 1996 года как команда, противостоящая триаде Коржаков-Барсуков-Сосковец. Требовалось немного - убедить отца, что дочь президента в предвыборном штабе - не нонсенс, а необходимость, что вполне соответствует международной практике. Дочь Ширака Клод возглавляла его предвыборный штаб. Жена Клинтона Хилари - ключевая фигура в предвыборной тактике американской администрации. Авторство внедрения дочери во властное подсознание Ельцина приписывается разным людям. Называют Юмашева, Немцова, Березовского, Чубайса. Скорее всего, это было коллективное творчество с максимальным участием самой Татьяны Борисовны. Ей очень хотелось. Ставка слишком высока - остаться во власти. Для этого надо было избрать президента на второй срок.

После назначения дочь выполняет роль посредника, адаптирующего 65-летнего Ельцина к генерации сорокалетних реформаторов. Это выгодно реформаторам, это удобно дочери. Однако благополучный период оказывается недолгим. Разрыв Чубайса с олигархами застает Татьяну Дьяченко врасплох. Состояние подавленное, паническое. Надо менять ориентацию, надо выбирать, с кем ты. Прагматизм берет верх.

Помог книжный скандал вокруг Анатолия Чубайса. Сброс информации в СМИ сделал Березовский. Чубайс переоценил свои возможности. Татьяна Борисовна принимает сторону Юмашева, а тот, в свою очередь, сторону Березовского. Уволенный заместитель секретаря Совета безопасности отыгрывает очки.

Чубайс прилагает немалые усилия, чтобы погасить скандал и удержаться в правительстве, плюс к тому он теряет устойчивые контакты с дочерью президента. С той минуты она играет за другую команду.

Характер выдержанный. Стиль отношений с окружающими неявственный, притененный, подчеркнуто вежливый. Натура восприимчивая. Не скрывает своего восхищения людьми, добившимися значимого жизненного успеха в ее возрасте. Небезразлична к успехам в сфере личного благополучия, профессионального превосходства. Внушаема чрезвычайно. Довлеющего желания властвовать не проявляет. Не по причине отсутствия такового, а в силу опасений оказаться несведущей, а значит, продемонстрировать свое неумение и некомпетентность. Чрезмерной публичности избегает. Противоречивой и эмоциональной интеллигенции не доверяет, однако потребность проникнуть в ее круг присутствует постоянно. По линии семьи поддерживает дружеские отношения с несколькими известными актерами и деятелями культуры. Среди них Ростропович, Вишневская, Волчек. Более уверенно чувствует себя в среде законодателей массовой культуры и шоу-бизнеса.

Идею преемственности власти воспринимает заинтересованно как безопасность своей семьи в будущем. Понятие безопасности толкует объемно.

Повторно замужем. Мать двоих сыновей. Муж коммерсант. После ельцинского правления определенные политические силы сделают попытку оставить младшую дочь первого президента в политике. Скорее всего, это будут лидеры правой оппозиции. Невластная пауза правых, в недалеком прошлом младореформаторов, продлится в пределах 4-5 лет. Их возвращение в том или ином виде предопределено логикой спирального развития политической истории. В этом случае дочь Ельцина их очевидный политический капитал, необходимый общественному движению, формирующему свои традиции.

Иной вариант судьбы Татьяны Дьяченко менее интересен, но более традиционен. В политику войдут внуки первого президента России, если войдут. Их кому-то надо воспитывать. Это можно делать и в России, и за ее пределами.

ЖИРИНОВСКИЙ

ВЛАДИМИР ВОЛЬФОВИЧ

Родился в 1946 году. Юрист. Закончил МГУ. Лидер либерально-демократической партии. За десять лет демократических преобразований добился феноменального успеха. ЛДПР - единственная партия, помимо КПРФ, которая трижды преодолевала 5%-й барьер и оказывалась в парламенте.

Угасающая звезда политического куража. Партия, возглавляемая Жириновским, некое образование, вздувающееся перед очередными выборами. В определенном смысле монопартия. Нет Жириновского - нет партии. На последних выборах был на грани краха. По всем социологическим опросам ЛДПР уходила с политической сцены и никаким образом не могла преодолеть 5%-й барьер. Вывод вполне правомерный и логичный. Свое присутствие в парламенте ЛДПР поддерживала исключительно эпизодическими скандалами, всегда была привластным придатком и никакой заметной законодательной инициативы не проявляла. Перебрасывая свои голоса то в ту, то в другую корзину, фракция держалась на плаву и своей политической спекулятивностью доказывала свою нужность.

Имущественный скандал, затеянный в период регистрации партии в Центризбиркоме, опротестование решения избиркома в Верховном суде, срочное создание нового блока, "Блока Жириновского" - все это было прекрасным информационным поводом и откровенной рекламой партии и ее лидера: бушующего, рвущего на себе рубашку, хватающего за грудки председателя Центризбиркома. И уже никто не сомневался, что вся шумиха, показушный скандал есть действо задуманное, чтобы в последний момент раздуть затухающий костер ЛДПР. Борис Березовский, просчитавший ситуацию, опасался неполной успешности блока "Единство" и решил подстраховаться партией Жириновского. ОРТ полномасштабно раскрутило "сына юриста" - и результат был достигнут. На финише Жириновский не только перескочил 5%-й барьер, но и опередил "Яблоко", которому прочили внушительный успех. Однако Жириновский уверовал в свою звезду и столь же агрессивно заявил себя в качестве претендента на президентский пост, однако...

Взрывная эмоциональность затуманила разум. Обида - огонь, постоянно тлеющий. Унижение, которое пережил Центризбирком, возвращая обратно ЛДПР в списки для голосования, Вешняков, глава избиркома, не забыл. Он был уверен, что агрессивный и разболтанный Жириновский наступит на грабли второй раз. Чего-то не учтет, от чего-то отмахнется. Так и случилось. Двухкомнатная квартира, не проставленная в имущественном реестре, оказалась роковой. Жириновский снят с дистанции. Если суд вновь отменит решение избиркома и сочтет нарушение малосущественным, мы вправе будем сказать, что присутствуем на хорошо разыгранном спектакле. Если же этого не случится, то нас ждет подтверждение закона сохранения энергии: энергия не исчезает, она лишь переходит из одного вида в другой. В качестве вице-спикера Жириновский будет искать контригру.

Эмоционально одарен. В поступках непоследователен. Управленческого навыка не имеет. Пробовал выставлять свою кандидатуру на губернаторских выборах в Белгороде, но потерпел серьезное поражение. Своим участием в выборах увеличил шансы прежнего губернатора. Не теряет надежды получить министерское кресло. Мечтает быть министром иностранных дел, но согласился бы и на пост министра юстиции.

Переусердствовал в политической клоунаде, беспардонных высказываниях. Демонстрирует абсолютное отсутствие самоконтроля. Как политик бесперспективен. Надоел одинаковостью куража. Как игрок в национальную русскую идею - неприемлем.

Один из тех, кто имеет устойчивый молодежный электорат. Хорошо воспринимается представителями теневого бизнеса, прослойкой удачливых ловцов коротких денег.

Накануне выборов на мой вопрос преуспевающим молодым людям, почему они голосуют за Жириновского, получил ответ-хлопок: "Весело! Ты меня понял, да? Он человек для нашей тусовки".

Политик-жизнелюб. Обладает хорошим чувством юмора. Предрасположен к экспромту. В полемике сумбурен. Легко теряет нить разговора. Как политический партнер ненадежен. Предрасположен к истерике. Пятится перед силой, боится силы. Мгновенно преображается в атмосфере безнаказанности. Изображает из себя силу несуществующую и от ее имени начинает хамить. Легко контактирует с полукриминальной средой. Способствует ее проникновению в мир политики.

Рост выше среднего. Лицо упитанное. Манера поведения - порывистая, несбалансированная. Вспыльчив, но отходчив. Присутствие в любой аудитории использует только как саморекламу. Не злопамятен.

Имеет сына. В увлечении спортом не замечен.

ЗАДОРНОВ МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ

Родился в 1963 году. Окончил Институт народного хозяйства имени В.Г.Плеханова, кандидат экономических наук. В политику пришел из науки. Работал научным сотрудником в Институте экономики Академии наук. Один из десяти министров финансов в российском правительстве за последние восемь лет. До приглашения на этот пост более двух лет возглавлял бюджетный комитет в Государственной Думе. Избран депутатом от Сахалинского избирательного округа. Аттестуется коллегами как высококлассный специалист. Однако существует и другая оценка: не хуже предшественников, но и не лучше их.

Человек умеренных страстей. Внешне всегда спокоен и даже невозмутим. Не боится признаться в собственных сомнениях. Однако в поступках самостоятелен и даже упрям. Принимая предложение премьера войти в состав правительства, воспротивился точке зрения председателя движения "Яблоко" Г.Явлинского, декларирующего невозможность участия в правительстве членов фракции "Яблоко" в индивидуальном порядке. При этом Явлинский подчеркивал, что фракция готова сформировать правительство либо, в крайнем случае, войти в его состав командой, контролирующей финансово-экономический блок. Что же касалось выборочных персональных приглашений - они для "Яблока" невозможны. Задорнов с Явлинским не согласился. После предварительных переговоров с премьером был назначен на пост министра финансов. Бунт Задорнова фракция постаралась не заметить. Другого лидера, кроме Явлинского, у движения нет. Впереди выборы. Раскол пагубен.

После дефолта 17 августа 98-го года, наряду с Сергеем Дубининым, был обвинен в непрофессионализме как министр, просмотревший жесточайший финансовый кризис. Однако, несмотря на смещение главы Центробанка, удержался в министерском кресле. В правомерности своих действий в период кризиса вряд ли убедил. Скорее, в рассуждениях был более убедителен, чем команда атакующих. Демарш Шохина по поводу своего приглашения на пост вице-премьера, обусловленного непременной отставкой Задорнова, провалился. Примаков рассудил здраво - кандидатуры министра финансов нет. Этот, по общему мнению, достаточно профессионален. Лучше спокойный и некапризный Задорнов, чем амбициозный Шохин. На первых порах пусть будет так, а дальше - посмотрим.

Следующий премьер, Степашин, свою схватку за Михаила Задорнова, как и за его коллегу по думскому комитету Александра Жукова, в президентской администрации проиграл.

По убеждениям реформатор-государственник. Честен. Избежал каких-либо связей с олигархами и финансовыми группами. В исполнении обязанностей министра финансов четок, законодательно неуязвим. Работоголик. Считает интеллектуальную оппозиционность

"Яблока" непродуктивной. Устал от диктата Явлинского и ушел в правительство. В выборе собственной судьбы прагматичен. Не желая оказываться в прямом столкновении с администрацией президента и понимая, что неудобен олигархам, подал в отставку и выдвинул свою кандидатуру в будущую Государственную Думу как независимый кандидат. Свою привязанность к тем или иным блокам или движениям считает весьма относительной. По убеждениям демократ. Все остальное в пределах разумности, порядочности и целесообразности. Понятие порядочности незамутненно-провинциальное.

Рост чуть ниже среднего. Сложение пропорциональное. Взгляд внимательный, улыбка смущенная. Носит усы.

Женат, имеет дочь. Отдыхает, читая хорошую литературу.

ЗЮГАНОВ ГЕННАДИЙ АНДРЕЕВИЧ

Родился в 1944 году. Окончил педагогический институт. Доктор философских наук. Последовательный противник Ельцина. Выборы 2000 года это вторые выборы, в которых он участвует как кандидат в президенты.

Лидер КПРФ. На выборах 1996 года вышел во второй тур. Однако проиграл Ельцину с разницей в 14%. Опротестовывать итоги выборов не стал, хотя нарушения, завышение результатов в пользу соперника, конечно же, были. Протест имел смысл при разнице в 2-3%. При имевшемся столь внушительном отрыве подобная затея выглядела бесперспективной.

Проигрыш президентских выборов не ослабил позиции Зюганова как лидера коммуно-патриотических сил. Коммунисты еще жили ощущением своего сокрушительного успеха на парламентских выборах 1995 года. Сам Зюганов и его окружение, не признавая этого вслух, результатами президентских выборов были удовлетворены. Даже рассуждая гипотетически, случись вдруг победа, она могла стать крахом для КПРФ, не способной одномоментно переварить такой масштаб власти. Повернуть страну назад уже было невозможно, а как идти вперед и не оказаться при этом в международной изоляции - такой программы да и кадров для ее осуществления у коммунистов не было.

В последние четыре года изменился ситуационный рисунок. Являясь по-прежнему непримиримой оппозицией президенту, коммунисты оказались в ловушке своего парламентского преобладания. Парламент оказался в руках левых, и снять с себя ответственность за происходящее в стране, сославшись на свое бессилие, уже было нельзя. Однако инерция непримиримости взяла верх.

Отношения Думы 1995-1999 годов и президента были сравнимы с самым неблагоприятным периодом в отношениях между парламентом и президентом в 90-93-м годах. Геннадий Андреевич Зюганов - лидер фракции КПРФ в парламенте. Более центрист, чем радикал. Несмотря на локальный бунт радикалов в союзе левых сил, удержал руководство в своих руках, однако принес в жертву пунктирно намечавшиеся социал-демократические веяния в КПРФ. Учел неблагоприятность социального фона в стране, ужесточил свою позицию по отношению к исполнительной власти, чем разоружил радикальную оппозицию в КПРФ и снизил напор критики в свой адрес.

Был очевидным сторонником назначения Примакова на пост премьера. Видел в нем не столько сторонника Горбачева, сколько высокопрофессионального политика, антипода Андрея Козырева на посту министра иностранных дел, политика консервативного толка, независимого и в действиях, и в убеждениях, ничем не связанного с реформаторами-прагматиками гайдаровской волны. Переусердствовал в своих симпатиях, возбудил подозрительность Бориса Ельцина, одержимого идеей запрета КПСС.

Помог кремлевским опричникам свалить Примакова, которые тотчас реанимировали миф о сговоре коммунистов и Примакова. Случившееся достаточно точно характеризует лидера КПРФ, его приверженность тактическим решениям. В стратегических построениях несовершенен, сказывается догматическое мировоззрение. Впрочем, столь явная уязвимость не представляет большой опасности на фоне общей стратегической неполноценности власти.

Успех на думских выборах определил как умеренный, коммунисты остались самой крупной фракцией, но потеряли большинство. Выборы обернулись полным крахом для

раскольников - якобы ослабленный Зюганов оказался кратно значимее набирающих силу Подберезкина, Илюхина, Макашова и Ко.

Уже в новой Думе, избранной в декабре 1999 года, совершил сенсационный демарш, объединился с проправительственной фракцией "Медведь" и провел в спикеры коммуниста Геннадия Селезнева. Еще раз продемонстрировал приоритет тактики над стратегией. Приговорил себя на президентских выборах 2000 года. Рассуждая здраво, избиратель по-своему оценит этот союз: если они коммунисты и "Медведь" - едины, нет смысла голосовать за грузного и малосимпатичного Зюганова, когда есть возможность без угрызений совести поддержать спортивного, более молодого и более привлекательного Путина В.В. Старики, может, и останутся верны, а вот средний возраст и женщины среагируют на новизну. Президентские выборы, скорее всего, проиграет. В итоге умеренный успех на думских выборах тотчас превратится в очевидное поражение. Нет президентства и нет большинства в Думе.

Вне думского союза имел основательный шанс как единственный реальный соперник, олицетворял идею демократического выбора. Если и не победить, то расколоть страну едва ли не пополам. В силу чего сохранить значимое влияние на политику президента, не зараженного синдромом антикоммунизма. В иной ситуации - это последние президентские выборы с участием Геннадия Зюганова.

В случае неудачных президентских выборов столкнется с ропотом в рядах КПРФ и требованием смены лидера.

Рост выше среднего. Находится в хорошей физической форме. Последнюю думскую кампанию провел без пиаровской аффектации. Выиграл в силу организационного преобладания партии.

Речь - партийно-функциональная. Характер мышления - догматический. Широкий лоб и массивный подбородок выдают упрямство. Умеренно эмоционален. В полемике тяжеловесен. Может потерять хладнокровие, не предрасположен к экспромтам. Отношения со СМИ принимает вынужденно. Ждет постоянного подвоха. Журналистов крикливо-демократической ориентации устойчиво недолюбливает. С удовольствием ушел бы с пресс-конференции, но понимает, что реклама нужна, - и потому терпит. Приверженец пересмотра закона о СМИ в сторону ужесточения. Увлекается спортом, с удовольствием играет в волейбол. Во вкусах сохранил комсомольские привязанности. В преддверии президентских выборов стал больше внимания уделять одежде. До этого с поразительным упорством выдерживал свой гардероб в стиле партийного функционера областного масштаба.

Отставку Ельцина принял едва ли не с восторгом. Рассчитывает на продуктивные отношения с Владимиром Путиным.

ИВАНОВ ИГОРЬ СЕРГЕЕВИЧ

Родился в 1945 году. Министр иностранных дел России. Сменил на этом посту фундаментального Примакова. Именно Примаковым был рекомендован на этот пост. Высокопрофессиональный практик. Знает в совершенстве аппаратную работу своего ведомства. Человек, не поражающий эрудицией, а, скорее, удивляющий работоспособностью.

Уверенно себя чувствует в установленных границах. В исполнительской философии придерживается формулы: "Наша задача - не фонтанировать идеями и проявлять инициативу, а разъяснять позицию президента и премьера и в этих пределах отстаивать интересы государства". Не вызвал вопросов как министр иностранных дел ни у одного из трех премьеров - Примакова, Степашина, Путина. Впрочем, это не столь существенно, за исключением Примакова. Все остальные подчеркнуто далеки от международной политики. Это не столько их вина, сколько конституционное следствие. Руководители силовых и внешнеполитических ведомств не только назначаемы, но и подотчетны непосредственно президенту. Нелепость, разумеется, но нелепость основательная. А при президенте, работающем в эпизодическом режиме исполнения своих обязанностей, еще и беда.

По натуре не лидер, обладает большим коэффициентом подчиненности и исполнительности. Понимает всю несуразность ухудшения отношений России с Западом.

Однако в противодействии этому процессу сдержан и осторожен. Боится оказаться один на один с теми, кто этот процесс инициирует.

Лицо открытое, взгляд внимательный. Улыбка располагающая, чуть-чуть застенчивая. К слухам о якобы возможной замене кандидатуры Путина на посту премьера на свою собственную отношения не имеет. Да и сам слух грешит шальной необязательностью. Своих внутриполитических симпатий старается не высказывать. Симпатизирует той партии, которая правит. Профессиональные МИДовские чиновники нужны всегда. Женат. Имеет дочь.

КИРИЕНКО СЕРГЕЙ ВЛАДИЛЕНОВИЧ

Родился в 1962 году. Четвертый экс-премьер России. В чисто хроникальном толковании - представитель второй волны младореформаторов. Его недолгое и неудачливое пребывание на посту премьера лишь усугубило негативное отношение к реформам. Войдет в историю как автор "дефолта", действия, приравненного по своим последствиям к шоковой терапии 1992 года, когда вкладчики практически лишились своих сбережений. События 17 августа отбросили надежды граждан на экономическое выздоровление страны на 10 лет. Чрезвычайно амбициозен. Не отдает себе отчета, что понимание закономерностей происходящих процессов не тождественно умению ими управлять. Своим появлением в структурах управления страной подтвердил очевидное: младореформаторы пока не способны подарить обществу новую генерацию управленцев. Появление предшественников на политической сцене в начале 90-х годов в состоянии абсолютной психологической неготовности быть властью создало невыносимые условия для управленческого самосозревания. Чуда не свершилось.

Неавторитетность федеральной власти была не следствием ее безграмотности, а причиной соединения двух непривычных обстоятельств: как абсолютной новизны предполагаемых реформ, которые в одночасье лишали большинство общества привычных социальных гарантий, ранее обеспечиваемых государством, так и новизной самой власти по возрастным параметрам и по недлительности профессиональной биографии. Не вызревшее в чреве "народного хозяйства" поколение управленцев не способно было породить совершенного потомства. Это азбука управления, которой пренебрег президент страны, оказавшийся детонатором кадровой алогичности. Кириенко это понял и поэтому первым в среде высшей власти заговорил о кризисе авторитета власти, как таковом. С одной стороны это было правильно и смело, с другой стороны удобно.

В силу внезапности своего появления на посту премьера упрек мог адресовать предшественникам, которые эту неавторитетность допустили. Идея дефолта помимо объективных обстоятельств имеет чисто субъективную окраску. В середине 90-х годов Сергей Кириенко ее опробовал, будучи председателем правления нижегородского социально-коммерческого банка.

К занятию политикой и общественной деятельностью предрасположен со времен своей комсомольской биографии. Был секретарем Нижегородского обкома комсомола. Карьерно целеустремлен. После обкомовского секретарства окончил Академию народного хозяйства при Совете Министров СССР. Вошел в большую политику, опираясь на поддержку Бориса Немцова, вместе с которым и составил нижегородскую группировку в высших эшелонах власти. Черномырдин пересидел, однако отсутствие полноценной замены сдерживало президента. Ставка на Немцова не оправдалась. После недолгого всплеска симпатий Немцов стремительно теряет авторитет и в правительстве, и в обществе. Причин более чем достаточно - жилищно-коммунальная реформа, конфликты с "Газпромом" и олигархами, активная поддержка Чубайса, наряду с самомнением и презрением к управленцам старой школы, помноженные на тяготение к саморекламе, стали препятствием к должностному взлету. В целях спасения собственного авторитета Немцов предлагает президенту кандидатуру Кириенко. Президенту нужен управляемый премьер, не разрушающий образа президента-реформатора. Ельцин повторяет кадровую комбинацию гайдаровской поры. Прозвище, рождается буквально на следующий день - "киндер-сюрприз". Кириенко становится премьером примерно в том же возрасте, что и Егор Гайдар. Судьба Кириенко на

посту премьера еще раз подтвердила незыблемость истины: победы во власти достигаются по-разному, поражение делает проигравших одинаковыми.

Упорен в достижении цели. Верит в свое лидерство. В ситуациях, исключающих эту возможность, старается не участвовать. История с объединением правых сил это подтвердила с очевидностью. Работоспособен. Не боится все начинать сначала. Желание участвовать в выборах московского мэра подтверждает масштаб амбициозности. Экс-премьер бросает вызов только равному в политической иерархии: либо действующему премьеру, либо кандидату в президенты. Отдавал себе отчет, что на выборах мэра проиграет Лужкову, однако убежден, что масштаб вызова повысит его популярность. Хорошо чувствует политическую конъюнктуру: одновременно атаковал авторитетного мэра и непопулярного президента.

Хороший организатор, хотя провинциален по существу. Из тех, кто успел подготовить плацдарм для наступления в 2005 году. Возвращение во власть для себя считает необходимым. Открыл свой коридор в популизм. Обещает только то, что обещать можно. Любимое выражение: "Давайте раз и навсегда скажем друг другу правду". Понимает прекрасно, что недолговечность власти исключает ответственность за обещанное.

Женат. Имеет сына и дочь. В выборе друзей сдержан. В Москве таковых почти не приобрел не потому, что провинциал (хотя и поэтому тоже), а в силу приверженности главному жизненному принципу: "Мораль, этика, нравственность проходящи - целесообразность вечна". Излишне многословен. Речь гладкая. Во внешних проявлениях достаточно однообразен, говорит на любую тему почти автоматически. Рост чуть ниже среднего. Черты лица мелкие. Фигура спортивная, легкая. Лицо молодое.

ЛИВШИЦ АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВИЧ

Родился в 1946 году. Доктор экономических наук. Представитель интеллектуального фланга кремлевской администрации эпохи Ельцина, куда наряду с ним входили Батурин, Сатаров, Краснов и еще 2-3 человека. Один из тех, к кому Ельцин сохранил доверие до конца своего президентства. Негласный кремлевский оппонент Чубайса в экономической сфере. Типичная противовесная фигура. По убеждениям реформатор, но не реформатор-радикал. Сторонник взвешенных действий и решений в экономике. Не лидер. Как консультант и советник представляет непреходящую ценность. Человек кабинетный, еще точнее - закулисный, штабист, а не играющий на открытом пространстве.

В должности министра финансов, по свидетельству сослуживцев, не подписал ни одного документа, препоручая это своим заместителям. В правительстве Черномырдина продержался недолго. Совмещал должности министра финансов и вице-премьера. Какой-либо особой краски в деятельность правительства не привнес. Предрасположен к общению с прессой. Сказывается преподавательская сноровка. Веско аргументирует даже малопонятные экономические ситуации. Обладает чувством юмора, хорошей мимикой и печальной, ироничной улыбкой. Последняя особенность приводит оппонентов в ярость. Хорошо знает международную финансовую систему. Незаменим как интерпретатор и доверенное лицо. Мастер вести переговоры. После очередной перетряски правительства был возвращен президентом в Кремль уже в качестве заместителя главы администрации, курирующего экономические проблемы. Умен и хитер в равной степени. Перед 17 августа 1998 года подал в отставку. Сделал прочувствованное заявление по этому поводу: "Я недооценил масштабов кризиса. Мой анализ оказался ошибочным. Я подвел президента, поэтому ухожу". Монолог был замечен, хотя сочувствия у общественности не вызвал. Поступок был истолкован иначе: хитрый Лившиц успел спрыгнуть с президентского поезда, несущегося под откос.

В последнее время остается представителем президента на финансовых переговорах с Западом. Должность несуетная, но, однако, должность. Лучший специалист по обоснованию - почему не получилось. Умеет держать паузу и оставаться в тени, чем еще больше обостряет интерес к себе со стороны средств массовой информации. Непременно будет востребован следующей президентской командой.

Женат, имеет двух дочерей. Свободно владеет английским языком. Увлекается туризмом. По собственному признанию, может разжечь костер в любых условиях.

ЛУЖКОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ

Родился в 1936 году. Окончил Московский нефтехимический институт. Дважды переизбирался мэром столицы. Лидер общественного движения "Отечество". Постоянный объект ревности высшей власти. Мэр столицы в любой стране всегда вероятный кандидат в президенты. Главенствующая причина неослабевающих конфликтов - успешность Лужкова как управленца. Скорректировал реформы с учетом специфики столичных условий. Добился от президента права на эту коррекцию приватизационной программы. Значимость результатов в развитии города на фоне общероссийской неблагополучности экономических преобразований - предмет постоянной зависти. По убеждениям центрист. По философии действия - реформатор. Начиная с 1991 года подчеркивал свою приверженность курсу Бориса Ельцина. В конфликте 1993 года между президентом и парламентом был на стороне президента. Раздражал президентское окружение своей независимостью. В администрации президента всегда находились силы, направленные на разрушение отношений между Ельциным и Лужковым. В разные времена в этой роли выступали Геннадий Бурбулис, Александр Коржаков, Олег Сосковец, Валентин Юмашев, Борис Березовский, Александр Волошин, семья президента. Ориентируясь на непроходящую подозрительность и мнительность Ельцина, ему постоянно внушалось, что Лужков - соперник президента. Он непомерно независим. Являлся лидером антиельцинской оппозиции в Совете Федерации, находится в постоянном контакте с коммунистами и имеет устойчивый авторитет в армии, органах МВД и прокуратуре. Иначе говоря, в оплотных ведомствах президента. Младореформаторы, уязвленные неуспешностью своих экономических деяний, всячески поддерживали этот миф в сознании Ельцина. И Чубайс, и Гайдар, а чуть позже Немцов и даже Сысуев не упускали возможности негативно отозваться о московском градоначальнике. Празднование 850-летия Москвы стало последней возможностью, когда история подарила президенту и мэру шанс к примирению. Президент участвовал в празднествах по полной программе. Казалось, стена, воздвигнутая усилиями царской челяди, разделявшая двух главенствующих политиков России, рухнула. И слова Ельцина о Лужкове, как самом лучшем мэре в мире, преисполнены желания этого примирения...

Бог всемогущ, но дьявол изощреннее. Кульминацией ненависти президентской администрации к Лужкову явились парламентские выборы 1999 года. И задача была под стать ненависти - не ослабить, а уничтожить мэра столицы. Президент находился в состоянии устойчивого недомогания и уже ни на что не влиял. Борис Березовский контролировал ситуацию в президентской администрации и полновластно довлел над президентской семьей.

Юрий Лужков - высококлассный специалист, лауреат Государственной премии, заслуженный строитель, заслуженный химик, почетный член нескольких академий. Постоянно пребывал в режиме управленческого превосходства. К этому привык. Ошибочно спроецировал тождественность этого состояния и в публичной политике. Недооценил энергию исторической ревности к столице, бытующей в провинции. Создав общественное движение "Отечество", оказался в тисках раздвоенной цели - выборы мэра и парламентские выборы.

Недооценил масштабов иждивенчества политических попутчиков и функционального мышления губернаторов. Движение "Отечество" в силу скоротечности создания и маловременности существования избежало судьбы партии власти, но не успело вызреть как общественная самостоятельность. Губернаторы не обремененно забыли Евгения Примакова и переориентировались на нового премьера - Владимира Путина. Движение стало проседать. Дублеров лидеров внутри самого движения практически не оказалось. Этим объясняется мучительность победы на общероссийских выборах. Победы хотя и небесспорной (13,4%), но с труднопрогнозируемыми последствиями в парламентских буднях. Штаб движения оказался не готовым вести борьбу в неблагоприятных условиях. Он продолжал работать в режиме придуманного политического преобладания. За два дня до выборов Георгий Боос настаивал на цифре не менее 20% голосов избирателей. Отсутствие наступательной информационной стратегии лишь подтвердило самонадеянность избирательного штаба,

посчитавшего, что союз "Отечества" с движением "Вся Россия" делает победу на выборах неотвратимой. Общественное движение, которое в достижении своих целей уповает на административные меры, не может рассчитывать на значимое политическое будущее.

На выборах мэра столицы в 1999 году одержал впечатляющую победу получил более 71% голосов избирателей, переиграв ближайшего конкурента в шесть раз. Как управленец одарен всесторонне. Как политик уязвим - не умеет держать паузы. Трудоголик. Работает по 18 часов в сутки. Любит и знает город досконально. Сторонник нестандартных решений.

Превыше всего ценит в людях порядочность, профессионализм и умение держать слово. Предан нормам товарищества. Обладает безукоризненным чувством команды. По натуре человек доверчивый и увлекающийся. Не отрицает возможности быть обманутым. Но при этом уточняет - только один раз. В оценке деловых качеств подчиненных справедлив. Человеку, умеющему добиваться результата, может простить многое.

В стиле руководства авторитарен. В конкретных действиях и решениях довлеет и как личность, и как профессионал. Не замечает, что гасит в подчиненных энергетику самостоятельности. Самый распространенный ответ в мэрии: "Здесь все решает Лужков". К лести в свой адрес относится спокойно, хотя ее проявления не пресекает. Не терпит и не прощает унижения. Независим и самостоятелен по максимуму. Холуйствующим привластием не любим многолетно. Отношения с федеральным чиновничеством по большей части деловые и выверенные. Умелую власть поддерживает, неумелую и ленивую критикует нелицеприятно. Не дипломат.

Рост средний. Фигура коренастая. В выборе костюмов непритязателен. С удовольствием носит спортивную одежду. Улыбка хитроватая. Смеется заразительно. Обладает хорошим чувством юмора.

Женат, имеет двоих сыновей и двух дочерей. Постоянно занимается спортом: играет в футбол, теннис. Любит лошадей, увлекается зимним плаванием.

НЕМЦОВ БОРИС ЕФИМОВИЧ

Родился в октябре 1959 года. Окончил Горьковский государственный университет. Кандидат физико-математических наук. В активной политике с 1990 года. Народный депутат России. Считался любимцем президента и очень скоро оказался в числе его фаворитов.

Сначала был представителем президента в Нижнем Новгороде, затем главой местной администрации. Был переизбран там же уже в качестве губернатора на второй срок, что подтверждало достаточную управленческую популярность. В период своего губернаторства объединяется с Григорием Явлинским, последний использует Нижний Новгород как полигон, на котором возможно проверить новые экономические гипотезы. Союз оказывается полезным для обоих. Явлинский, лишенный практического пространства для применения своих идей, его обрел. А Немцов сразу перешел в разряд устойчивых реформаторов, правда, с "яблочным" акцентом. Первые земельные аукционы, которые прошли в России, состоялись именно в Нижегородской области. К сожалению, неподготовленность среды (речь идет о крестьянстве) и враждебность к экономическим новациям среди нижнего и среднего звеньев управленческой пирамиды не позволили земельным отношениям подняться на новую ступень и не принесли Немцову лавров современного Столыпина. В аукционах, как и во многих других нововведениях, проявилась, пожалуй, главная управленческая особенность Немцова - его нефундаментальность. Немцов - человек, тяготеющий скорее к вспышке, нежели к длительному горению. Лицедей, а не аналитик, что для математика по основной профессии достаточно странно. Он капризен, переменчив в настроениях и привязанностях. Болезненно воспринимает свое "нелидерство". Его всегда интересует игровой эффект, реакция зрительного зала. Немцову нужны зрители. В их отсутствие он гаснет, комплексует.

Как политик предрасположен к ажиотажности. Земельный аукцион был значим для него своей новизной, максимальным интересом, проявленным прессой. Его мало интересовала приживаемость идеи, болезненное изменение укладности. Это утомительно и долголетно. Когда реализация замысла породит неудобство, он уже будет в другом месте, на другом посту. Ныне об идеях Немцова нижегородские крестьяне говорят скупо. "Околпачил, - говорят,

замутил разум". Это не значит, что замыслы были неудачными. Их, как всегда в России, не довели до конца. Не хватило упорства, денег и политической воли.

В том же духе белодомовских новаций Немцова указ президента, требующий от управленцев немедленно отказаться от использования импортных служебных машин и всем, как один, пересесть на "Волги". И опять, шум, ажиотаж. Первые аукционы по продаже чиновных иномарок. Смехотворные результаты и мгновенно угасший интерес творца идеи. Важен игровой эффект. Нечто похожее и с коммунальной реформой.

Ум быстро схватывающий, импульсивный. Свою выгоду отслеживает аккуратно. В истории с отечественными машинами выступил как высокодолжностной лоббист интересов Горьковского автозавода. Патриотический антураж, всхлипы о судьбе отечественного производителя выполняли роль дымовой завесы. Привел в правительство и сосватал в премьеры Сергея Кириенко. С первых дней присутствия в федеральном правительстве стал наращивать нижегородскую группировку. Недооценил неприятие провинциальных притязаний со стороны московской элиты. Неадаптированность к столице является причиной устойчивой неприязни Немцова к московскому мэру, человеку, неизмеримо более умеющему и достигшему впечатляющих успехов в развитии города.

Один из лидеров движения "Правое дело". Уступил первое место в списке Кириенко - уступил с неохотою, но осознанно. Почти убежден, что наверстает упущенное. Более обаятельный, раскрепощенный возьмет верх. Все-таки 54% электората - это женщины.

По натуре - баловень судьбы. В общении легок. Обладает чувством юмора, правда, лишенным изысканности. Глаза крупные, чувственные. Выражение глаз смешливое, ироничное. Нравится женщинам. Современно вульгарен. Излишней воспитанностью не обременен. Как политик скорее побудитель, нежели "несущий крест". Возвращение в большую политику возможно в случае пересмотра личностного поведения в ней. Последнее вряд ли реально. Самолюбив и капризен. В этих качествах не уступает своему выдвиженцу Сергею Кириенко. Появление на политическом небосклоне правомерно периодами, в качестве мерцающей звезды.

Женат. Имеет дочь. Увлекается теннисом и футболом.

ПОЧИНОК АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ

Родился в 1958 году. Окончил Челябинский политехнический институт. Кандидат экономических наук. Появился в публичной политике на гребне демократической волны 1990 года. Тогда же был избран народным депутатом России. Среди парламентариев аттестовался как демократ. И таковым был по существу. Соавтор и участник всех демократических преобразований последних десяти лет. Председатель бюджетного комитета Верховного Совета России 1990-1993 годов. Высококлассный финансист. Обратил на себя внимание как профессионал еще в первом российском парламенте. Руслан Хасбулатов, в ту пору председатель Верховного Совета, говорил о Починке в своей манере: "Наисветлейшая голова! В экономике разбирается как я, а может, даже лучше!" В момент перехода Починка в правительственную команду тот же Хасбулатов не без грустной иронии заметил: "Раньше уходили болтуны. А теперь ушел работник. Нам будет труднее".

Обладает удивительной вживаемостью в плоть исполнительной власти. За восемь лет четырежды уходил и возвращался в правительство. Независимо от политической ориентации премьера всегда был к месту в правительстве и Гайдара, и Черномырдина, и Степашина, и Путина. Если и покидал министерские кабинеты, то дальше аппарата премьера не уходил.

Александр Петрович Починок - глава самого суетного правительственного ведомства - министерства по сбору налогов.

Год назад уже выступал в этой роли. Успел сшить должностной мундир с галунами. И в день последней примерки указом президента был отстранен от занимаемой должности. Портной измучился, подгоняя золотое шитье под субтильную фигуру министра. Подобное габаритное несоответствие и умеренное количество ткани, потраченное на мундир, портного озадачило и даже напугало. Был отправлен в отставку по причине недостаточной собираемости налогов и излишнего либерализма. То был год налогового бунта монополий.

Сторонник экономической амнистии, хотя бы частичного возврата капиталов, оказавшихся за границей. В день своей отставки надел только что сшитый мундир и в нем явился в ведомство, чтобы попрощаться с сотрудниками. Прекрасный специалист как в сфере доходов, так и в сфере государственных расходов. Реален как министр налогов, так и министр финансов. По убеждениям либерал-центрист. Собственную должностную значимость ценит, но за нее не цепляется. Догадывается о своем профессиональном превосходстве. Поэтому уверен - его позовут. Тонко улавливает переход количества в качество. Почти всегда оказывается в стане тех, на чьей стороне реальная сила. Стиль поведения - выверенный. Некая разбросанность и необязательность чисто внешнего свойства - скорее шарм, нежели черта натуры. При заполнении декларации обозначил внушительную сумму доходов, чем удивил сограждан, но не членов правительства. Дважды выступал с идеей соответствующего закона, однако был торпедирован олигархами. Предпринял несколько нестандартных попыток сделать сограждан соавторами налогового благополучия страны. На памятной встрече со звездами шоу-бизнеса попытался совместными усилиями вычислить коэффициент налоговой разумности. Предрасположен к нестандартным решениям. Обладает высокой работоспособностью. Сторонник компромисса. Избегает лобового противостояния. Из тех, кто строит баррикады, но на них не сражается. Хорошо себя чувствует в аппаратной среде. Обладает чувством юмора. По жизненной философии - прагматик. Эмоционален и расчетлив одновременно.

Лицо моложавое. Телосложение, скорее, хрупкое. Слегка сутулится. О таких говорят: мал, но жилист. Глаза круглые, лукавые. Улыбка располагающая, нередко на лице - выражение искреннего удивления.

Женат, имеет дочь. Увлекается шахматами, любит путешествовать.

ПРИМАКОВ

ЕВГЕНИЙ МАКСИМОВИЧ

Экс-премьер России. Родился 29 октября 1929 года в Киеве. Окончил Государственный институт востоковедения, доктор экономических наук, профессор, академик, член Союза журналистов. Имеет обширный послужной список. Начинал с работы в системе Гостелерадио в международной редакции. Затем собственным корреспондентом "Правды" на Ближнем Востоке. Попеременно был руководителем двух академических институтов: сначала заместителем директора Института востоковедения, затем директором Института мировой экономики и международных отношений. Работал заместителем председателя КГБ. В период руководства ЦК КПСС Горбачевым был вовлечен в публичную политику. Избирался народным депутатом Съезда СССР, где возглавлял сначала комитет по борьбе с привилегиями, но после курьезного скандала с требованием о предоставлении личного самолета для поездки в Минводы получает порицание и от руководства комитетом отстраняется. Никаких ответных мер к журналистам, раздувшим скандал, не принимал. После недолгой паузы избирается председателем одной из палат Верховного Совета СССР.

В конфликте 1988-1990 годов между Ельциным и Горбачевым занял нейтральную позицию. Разделял точку зрения Ельцина на недопустимость привилегий в высших эшелонах власти. Не скрывал своего раздражения по поводу вмешательства жены Горбачева Раисы в политику, ее попыток оказывать влияние на кадровые перестановки в аппарате партии и правительства. К расправе членов политбюро над Ельциным и к отстранению его от обязанностей первого секретаря МГК КПСС отнесся отрицательно. Признает заслугу Горбачева как автора перестройки, однако его последующие шаги как в сфере внутренних реформ, так и особенно во внешней политике склонен считать спонтанными, политически эгоцентричными. После событий августа 91-го года принял предложение Ельцина о сотрудничестве. Возглавил Службу внешней разведки РФ. Не допустил ее развала и оградил от скоротечного реформирования, которому подверглись все остальные службы бывшего КГБ - ФСБ. Сумел сохранить в составе внешней разведки высокопрофессиональные кадры.

В 1996 году после отставки Андрея Козырева принимает предложение возглавить Министерство иностранных дел. В международной политике считается признанным

профессионалом. Антипод Козырева. Государственник. Один из соавторов ближневосточной политики СССР. В 60-70-х годах его в шутку называют "Главным специалистом по строительству социализма в одной, отдельно взятой арабской стране". Числится среди лучших знатоков и специалистов по арабскому Востоку. Был хорошо знаком с президентом Египта Насером. Будучи министром иностранных дел, восстановил жесткий и принципиальный стиль российской дипломатии. Нелюбим, но понимаем госдепартаментом США и его руководством. На Западе о нем говорили: "С ним трудно вести переговоры, он неуступчив, но он неуклонно защищает интересы своей страны, а в дипломатическом мире это почитается превыше всего". На посту министра иностранных дел России испытывал скрытое отчаяние человека, привыкшего объявлять целые континенты зоной интересов своей страны, положившего немало сил для создания равновесного двухполюсного мира и теперь обреченного перелопачивать его развалины.

Используя сравнительную шкалу - представитель "громыковской" школы дипломатии. В отличие от Андрея Громыко - более эмоционален, однако похож на учителя немногословностью, упорством и осторожностью. Назначение на пост премьера явилось для него достаточной неожиданностью. Согласие принять предложение президента, скорее, следствие личной и должностной порядочности, нежели политического тщеславия и выгодности. Отдавал себе отчет, что решение Ельцина ситуационно. Никогда не ходил в любимцах президента. Был ему нужен и поэтому устойчив в должностном исполнении. Давая согласие, сам над собой пошутил: "Если и уходить в отставку, лучше с поста премьера, чем с должности министра иностранных дел". При назначении поставил условия. И президент эти условия принял. Сформировал правительство, которое нашло общий язык с Думой. Слово сдержал. Был ориентирован не на коммунистов, а на политическую стабильность в обществе. Но без участия левых эта стабильность в отношениях с парламентом была нереальна. Проявил завидную корректность к предшественникам по исполнительной власти. Не присягал на верность макроэкономическим реформам, но невозможность возврата к прежнему подтверждал открыто. В качестве премьера имел самый высокий рейтинг в социологических опросах. Без всяких к тому усилий превратился в гипотетического кандидата № 1 в президенты страны, однако несправедливая отставка с поста премьера не вызвала общественных потрясений. Вопрос - почему? Популярность Примакова была не фактом признания его исторических заслуг, а результатом усталости и политической изнуренности общества, которые он смог притушить. Отставка была меньшей неожиданностью, чем назначение.

Не учел двух факторов. Здоровый и больной президент - это не только два разных президента, но и две разные политики. А также переоценил возможности своего бескорыстия и недооценил степень несвободы президента. Искренне выступал против импичмента. Понимал, что для президента более значима поддержка независимого правительства, нежели правительства карманного. Слишком поздно понял, что знает о президенте все, но самого президента знает плохо. Не мог совершить чуда и не обещал его. Возглавлял единственное правительство, которое не имело экономической программы. Был за это критикован неудачливыми предшественниками, но в отличие от них ушел, не оставив груза неисполненных обещаний. Несмотря на солидный возраст, не утратил политической перспективы. Избран депутатом Государственной Думы. Перспективен как знаковая фигура общественного движения.

Был устойчив и потребен при любых режимах не в силу всеядности, а по причине высочайшего профессионализма. Был удачлив при Брежневе, Горбачеве, Ельцине.

В людях превыше всего ценит порядочность и умение держать слово. Главным человеческим пороком считает предательство.

Обладает безукоризненной портретной памятью. Доверяет только тем, кого знает не менее десяти лет лично. Широко образован.

Женат дважды. Имеет дочь. Обаятелен в общении. Неповторимый тамада в кругу друзей, любит предаваться воспоминаниям. Почитает женщин и нравится им. Остроумен.

Заразительно смеется. Смеющийся Примаков - украшение для любой власти.

ПУТИН ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ

Родился в октябре 1952 года. Закончил юридический факультет ЛГУ. Был студентом Анатолия Собчака, затем аспирантом. Получил распределение в структуры КГБ. Работал в ГДР в качестве директора культурного центра в Дрездене. Вряд ли был резидентом. Должность суетная: приезды, встречи, проводы. Дослужился до чина подполковника. Звание не взлетное. Собчак вспомнил о своем аспиранте в начале 90-х. Пригласил на должность своего помощника. Понравились собранность, исполнительность и очевидное почитание. Скоро помощник стал заместителем петербургского мэра, в силу каких коллизий - история умалчивает. Собчак говорил о своем кадровом предвидении в телевизионном интервью: "Четверо моих заместителей затем переехали в Москву и занимают ключевые посты в федеральном правительстве".

Путина пригласил в Москву Чубайс, будучи сам в должности главы президентской администрации. Чубайс всячески укреплял питерскую диаспору в высших эшелонах власти. Ему нужен был свой человек в мире, ему чуждом и к нему враждебном. Сначала в стане Бородина. В руках Бородина сосредоточилась громадная собственность, и Чубайсу это не нравилось. Затем в коридорах ФСБ. Путин понравился президентской семье. Он верно угадал пароль: "Все, что сотворено до меня, - не обсуждается. Меня назвал президент. Мой ответ: верность, верность и еще раз верность. Степашин поскользнулся на самотерзаниях и сомнениях. Я такой оплошности не допущу".

Будучи намечен как преемник, не впал в истерику. Принял из рук президента этот клейменный крест и поставил его рядом. Не подсел под него, не водрузил на грудь, а поставил рядом. Так, чтобы мимо проходящие не сразу угадали, чей крест. В собственных замыслах и поступках рационален. Более почитает дружбу людей отдаленных. На сегодняшний день подчеркнутой предрасположенности к кому-либо не проявляет. В отношениях корректен, ровен и крайне осторожен. К предшественнику на премьерском посту всегда демонстрировал должностную расположенность. Преподал урок прагматизма сентиментальному Степашину. Накануне отставки заверил премьера в товарищеской солидарности, а наутро без особых колебаний принял предложение президента о своем премьерстве. Наиболее уверенно и раскованно чувствует себя в преподавательской и студенческой аудитории. Сказывается опыт работы в университете. Во всех иных аудиториях выдерживает стиль деловой корректности. Старается говорить строго по существу, в рассуждения не вдается. При этом успешно достигает двух целей: демонстрирует управленческую дисциплинированность и умение скрывать неосведомленность в части обсуждаемых проблем. Речь скорее функциональная, нежели образная. Спортивен, держит хорошую форму. Гимнастикой занимается регулярно и с нагрузками. Черты лица тонкие. Общий рисунок лица не запоминающийся. Взгляд сосредоточенный, жесткий, скорее скрывающий настроение, нежели передающий его. В официальном костюме подчеркнуто аккуратен. Носит приталенные пиджаки, что еще больше подчеркивает хорошее сложение и динамизм.

События в Дагестане, а затем в Чечне дали Путину шанс, который он использовал достаточно. С первых дней это позволило ему заниматься делами более привычными. Правильно выбрал вектор личного политического возрастания. В общей цепи кризиса надо нащупать звено, ослабляя которое ты способен разорвать цепь. Безопасность страны внутри и вне ее. Армия, силовики, ВПК - демонстрация политической воли перед 50% электората страны.

По тактическому рисунку спринтер. Неожиданное решение, помноженное на скорость, - вот путь к успеху. Попав в состояние политической раздвоенности, неплохо пользуется им. Вошел в политику на демореформаторской волне. Как итог - вполне дружественные отношения с правыми во власти из тех же самых молодых реформаторов. С первых дней северокавказской кампании ориентирован на противоположный политический спектр: армию, МВД, ФСБ и ВПК. Силовые ведомства всегда исповедовали государственную идею, а

также идею сильной власти в авторитетной стране. Именно эти воззрения изначально противостояли демократическим и экономическим преобразованиям в России. Путин подыгрывает своим новым сторонникам и, вступив в должность и. о. президента, начинает вслух говорить о необходимости национальной идеи для России. Из всех возможных образов лидера Путин выбрал наиболее понятный рядовому обывателю: образ человека, готового и способного защитить. В стране, где страх становится средой общения, подобный имиджевый шаг можно считать беспроигрышным. Однако двойственность ориентации делает будущее политика Путина непредсказуемым и драматичным. Не вносит простоты в судьбу и. о. президента и давление олигархических сил и стоящего за ними криминала. Война в Чечне до победного конца упраздняет рынок наиболее доходных сфер криминального бизнеса нефти, оружия, наркотиков. Это делает положение Путина уязвимым, так как и. о. президента зависит от данных структур если не напрямую, то опосредованно. От того, какая из трех сил в конце концов выиграет и. о. президента, зависит судьба Владимира Владимировича Путина. Время покажет, в каком из политических лагерей Путин оказался случайно.

В выборе методов достижения цели не капризен. Все, что работает на Путина, пусть работает. Расчетлив как тактик, но уязвим как стратег. Своих отношений с Борисом Березовским не афиширует, как если бы их не было вообще. Однако услугами последнего не пренебрегает: создание блока "Единство", карачаево-черкесское примирение, кадровое наполнение кабинета министров и практически полная подотчетность Березовскому администрации президента делает терпимость Путина к олигарху разновидностью зависимости от него. Возможно, в будущем Путин прагматично рассчитывает все поставить на свои места и не только сузить влияние Березовского, но и вообще вывести его из политической игры. Ответим улыбкой на это предположение. Уже был один человек в политике, который хотел поступить именно так. Его фамилия Чубайс. Результаты нам известны. А пока, желаем мы того или нет, Путин воспринимается как человек, принявший от Ельцина Березовского по эстафете.

Владимир Путин: и.о. президента, возраст 44 года. При совершении поступков избегает нравственных оценок. В достижении цели решителен. Задачи решает по мере их поступления. Женат, имеет двух дочерей.

Рушайло Владимир Борисович

Родился в 1953 году в Тамбове. Закончил Высшую школу МВД в Омске. На оперативной работе с 1976 года. Один из лучших специалистов по борьбе с организованной преступностью. Слывет в милицейских кругах профессионалом высокого класса, прекрасно знающим специфику уголовного розыска. Прошел по всем должностным ступеням в высших милицейских ведомствах, занимающихся борьбой с бандитизмом, организованной преступностью, терроризмом.

Герой скандала, вспыхнувшего осенью 1996 года. Повышенный в ранге Рушайло, назначенный на пост первого заместителя Главного управления по борьбе с организованной преступностью МВД России, от назначения отказался и подал рапорт на имя генерала Куликова, тогда министра внутренних дел, с просьбой вернуть его на прежнюю должность начальника РУОП Москвы. Причина конфликта - несогласие В. Рушайло с методами работы и кадровой политикой, проводимой его новым начальником, руководителем ГУОП МВД Валерием Петровым, в подчинение которого он поступал.

Министр рапорт строптивца отклонил и пригрозил: если Рушайло проведет пресс-конференцию, о которой кричал на всех углах, то он, Куликов, его уволит из МВД.

Рушайло не подчинился и пресс-конференцию провел. Так началось противостояние между генералом армии Куликовым и генерал-лейтенантом Рушайло. Последний вынужденно покинул МВД. Находился в "ссылке" в Совете Федерации на должности советника по юридическим вопросам главы сената Егора Строева.

Еще в 1996 году на той самой скандальной пресс-конференции Рушайло заявил, что желает по-прежнему работать на должности начальника РУОПа и рассчитывает на поддержку мэра Москвы Лужкова Ю.М. При этом Рушайло уточняет, что у него с Лужковым

сложились "хорошие рабочие отношения". Запомним это уточнение.

В настоящий момент министр внутренних дел России - одна из ключевых фигур команды и. о. президента. Правомерно сделать уточнение: команды, прокладывающей дорогу Путину.

Считается креатурой Бориса Березовского. После назначения на пост министра внутренних дел Сергея Степашина был возвращен в аппарат МВД и назначен первым заместителем министра. Был напрямую связан с операциями по освобождению заложников. Поддерживал тесные контакты с Борисом Березовским. Пользовался его устойчивыми связями с чеченским руководством. На этом фоне заявление о безвозмездном возвращении заложников выглядит более чем сомнительно. Именно Борис Березовский внедрил практику выкупа заложников. Выкуп помогал укрепить контакты и давал право чеченцам диктовать ответные условия.

Рушайло оценил степень влияния олигарха на окружение Ельцина и с этого момента работает с Борисом Березовским в единой связке. Интрига с трехмесячным премьерством Степашина была задействована с одной целью освободить пост главы МВД для Владимира Рушайло.

Назначение Рушайло завершило операцию по созданию послушного правоохранительного ядра МВД+ прокуратура, подконтрольного группе Березовского сначала в окружении Ельцина, а с переназначением на пост главы администрации Александра Волошина, и в окружении Владимира Путина. Результат не замедлил сказаться - почти единомоментно расследования, связанные с сомнительной финансовой деятельностью Бориса Березовского, были приостановлены или закрыты.

Легкая политическая переориентация выдает натуру прагматика. В 1996 году числился сподвижником Лужкова; в 1999-м - его очевидным противником и сторонником Березовского. Все в пределах норм политического детерминизма: я с властью, потому что там выгоднее. Немотивированная отставка сделала Куликова оппозиционером Ельцина и его окружения. А чуть позже союзником Лужкова, отношения которого с президентом разрушило то же самое ельцинское окружение. Рушайло нравится быть властью, и, получив ее, он не хочет власть упускать и готов за это платить преданностью в пересчете на настоящий момент. Куликов - с Лужковым, а там, где Куликов, ныне не может быть Рушайло - и наоборот.

С первых дней пребывания на посту министра внутренних дел, подвигнутый к этим действиям Березовским и внешним невмешательством Путина, начинает атаку на мэра Москвы. Убирает начальника ГУВД Москвы, бывшего заместителя бывшего министра Куликова, назначенного несколькими месяцами раньше. В качестве предлога используются трагические события в Москве - взрыв двух домов. Политическая подоплека отставки видна невооруженным глазом. Смещение главного прокурора Москвы завершает общий рисунок операции "мэр". Как профессионал, понимает пагубность конфликта федеральной власти с Москвой. Но нажим сил, стоящих за спиной, оказывается выше здравого смысла. Победа Громова на губернаторских выборах в Подмосковье добавила ожесточенности.

Первый звонок, свидетельствующий о неблагополучии отношений внутри милицейского ведомства, - рапорт об отставке Колесникова, первого заместителя министра, с именем которого связывают самые громкие акции МВД по борьбе с коррупцией и организованной преступностью. Уход человека, отличающегося высоким профессионализмом, не может быть случайностью.

Рост выше среднего. Лицо выразительное, запоминающееся. Глаза крупные. Выражение лица хмурое. Взгляд внимательный, довлеющий. Память цепкая. В достижении цели упрям. Характер волевой. Не раз демонстрировал личную смелость при проведении операций. Отношения с подчиненными профессионально жесткие. Располагает обширным материалом, связанным с переделом собственности, чем ценен и одновременно опасен для коррумпированной власти. Длительное общение с криминальным миром по роду основной деятельности породило массу слухов о небезукоризненности министра. Слухи не комментирует, однако источники слухов выверяет тщательно. Их появление объясняет

заказом политических противников. При часто меняющейся власти довод не слишком весомый.

Женат. Имеет троих детей. Каких-либо пристрастий и увлечений не афиширует.

СЕЛЕЗНЕВ ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ

Родился в 1947 году. Окончил Ленинградский университет. Журналист. Был главным редактором ленинградской молодежной газеты "Смена", главным редактором "Комсомолки", главным редактором "Учительской газеты", главным редактором "Правды". Из породы непишущих редакторов. Состоялся как администратор редакционного процесса. Как редактор - профессионал умеренных возможностей. В пору его редакторства ни одна из возглавляемых им газет не пережила ренессанса, подъема, творческого взлета. В той же степени справедлива и другая оценка: ни одна из газет под его началом не обрушилась (за исключением "Правды"). В прошлом о таких говорили: "В убеждениях устойчив, если допускает колебания, то только вместе с линией партии".

На протяжении всей биографии выделялся только должностными назначениями. В каких-либо ярких личностных проявлениях не замечен. Выгоден как компромиссная фигура в кругу единоверцев. Масштаб компромиссности в пределах сложившихся коммунистических догм. В руководстве КПРФ считается центристом. На подиуме публичных политиков в коммунистическом лагере числится под номером 2. В должности председателя Государственной Думы в отношениях между фракциями отказался от роли третейского судьи. Был и остался человеком партии, проводил ее политику в качестве спикера Думы. Эта довлеющая однозначность обостряла взаимоотношения внутри Думы и снижала ее законодательный потенциал.

Весной 1999 года впервые заявил о своих скрытых президентских амбициях. В этом качестве противопоставил себя мэру Москвы. Особого резонанса подобный сверхвластный импульс ни в партии, ни в обществе не имел. С хорошей перспективой участвовал в выборах губернатора Московской области. Перед вторым туром по количеству поданных за него голосов опережал своего соперника генерала Громова на 8%.

КПРФ нуждалась в лидере с хорошей управленческой закалкой. Московская область в этом отношении блестящий полигон. Участие в подмосковных выборах лишь подтверждает факт неслучайности президентских амбиций. Лидеру партии Зюганову этот дрейф Селезнева в сторону московского губернаторства был выгоден вдвойне. Если Селезнев одерживает победу, а реальность этого вполне существовала, его претензии на политическое лидерство в лагере левых отступают на второй план. А значит, выдвижение Зюганова на президентский пост на предстоящем съезде более вероятно. Если же Селезнев проиграет, лидерство Зюганова автоматически укрепляется. Ну а через четыре года... либо эмир умрет, либо ишак сдохнет. Несмотря не всемерную поддержку Путина и мобилизацию усилий кремлевской администрации, Селезнев выборы проиграл. Обнадеживающий раскол между столицей и Московской областью не состоялся.

Ярый сторонник союза России с Белоруссией. Рассматривал эту идею как возможность нагулять собственный политический вес. После внезапного самоотречения Ельцина и очевидного президентства Путина с еще большей активностью будет поддерживать идею объединения двух стран. Рассматривает и союз, и спонтанного Александра Лукашенко как противодействие мгновенно вызревшему Путину. Союз добавит трудностей исполнительной власти, а значит, плацдарм для атаки становится очевидным.

Внешне спокоен. В общении с журналистами традиционен. Дает понять, что свой. Демократическую прессу сдержанно недолюбливает. Речь функциональная, бюрократизированная. Больше напоминает речь партийца, нежели журналиста. Как полемист не очень силен, сказывается невыветрившийся ленинизм и партийный догматизм. Любит журналистские сходки, возвращающие его в комсомольское прошлое. Выглядит в пределах своих лет, хотя лицом потяжелел. Нервные нагрузки не проходят бесследно. Стал больше курить.

Настроен на сближение с Путиным. Думский союз КПРФ с "Единством" не то

предваряет это сближение, не то вытекает из него. Ясно, что ведомым в этой упряжке является Селезнев.

Женат, имеет дочь. Заядлый футбольный болельщик, болеет за питерский "Зенит".

СКУРАТОВ ЮРИЙ ИЛЬИЧ

Родился в 1952 году. Окончил Свердловский юридический институт. Доктор юридических наук. Генеральный прокурор Российской Федерации. Сменил на этом посту Виктора Ильюшенко, кандидатуру которого дважды отклонял Совет Федерации. Был воспринят как компромиссная фигура. Прошел утверждение в Совете Федерации с первого представления. Всевозможные утверждения, что приглянулся, сумел расположить к себе сенаторов, поразил профессиональным пониманием проблем - из категории обнадеживающих слухов. Еще одно отклонение кандидатуры Ильюшенко грозило крайним обострением отношений президента с Советом Федерации. Этого не желала ни та, ни другая сторона. На волне обоюдной усталости утверждение нового Генерального прокурора прошло безболезненно.

Надежды, возлагаемые на прокурора, подтверждения не получили. За время работы Скуратова практически не раскрыто ни одного громкого преступления. Дела, якобы доведенные до суда, разваливались в суде с удручающим постоянством. Именно в период скуратовского прокурорства выпадает кульминация коррупционного и криминального беспредела. Преступный мир не только предпринимает попытки проникнуть во власть, но и доминировать в ней. Независимо от скандала, случившегося с человеком, похожим на Генерального прокурора, деятельность Скуратова была малорешительной и малоэффективной. Беспримерная политизация действий Генерального прокурора после разразившегося скандала перечеркнула его профессиональную независимость раз и навсегда. Случившееся лишь убедило сограждан в их беззащитности. Прокуратура борется с преступностью не как с общественным злом, повседневно, она рассматривает преступный мир как гарантию своего профессионального благополучия и неисчерпаемый ресурс давления на политические институты страны. Для гражданского общества это равносильно катастрофе.

Отсутствие воли компенсируется упрямством. Любит комфорт. Привык к благоустроенной жизни и хотел бы ее сохранить. Понимает, что сам перечеркнул собственную судьбу. Во избежание краха готов объединиться с любой силой, которая этот крах если и не исключит, то сделает его менее драматичной. Предрасположен к риторике. В собственных решениях непоследователен. Более постоянен в сомнениях, нежели в поступках. Какие-либо карьерные претензии исключил для себя навсегда. После очередных президентских выборов профессиональная перспектива маловероятна. Имел возможность оказаться на дипломатической работе, но недооценил оппонентов. Заупрямился и проиграл. Принял неожиданное решение об участии в президентских выборах. Вопрос не в победе, ее быть не может. Смысл в другом: подогреть угасающий интерес к себе, оказаться полезным кому-либо из кандидатов в президенты, вооружив его компроматом на политических противников. Затея с уголовным делом против Скуратова - очевидная реакция Путина на новую вспышку скандала вокруг российских денег в Швейцарии и Америке. Путин действует взвешенно, расчетливо и осторожно. Он вряд ли допустит ошибку.

А может быть, получить статус неприкосновенности? Зачем он Скуратову? Дело о костюмах - придуманное дело, оно рассыплется в суде. Мера пресечения уже определена - подписка о невыезде. Скуратову нужен скандал. Значит, успехом операции "кандидат в президенты" следует считать масштаб скандала. Это высокие тиражи будущей книги. Ее зарубежного издания. И более высокие гонорары.

К преподавательской деятельности вернется вряд ли. Студенты народ любопытный, они проявляют интерес не только к тонкостям юриспруденции, но и к изыскам морали. Возможен как консультант какого-либо олигарха, банкира. Олигархам нравится, когда у них в услужении находится прошлая должностная знать. Более реальной можно считать частную юридическую практику. Ореол скандала может стать импульсом к процветанию фирмы, но в

той же мере может свести на нет ее профессиональный престиж. Непременно напишет книгу, которая вызовет всплеск недолгого интереса, а затем все затихнет и компроматом станет баловаться уже следующий Генеральный прокурор.

Рост средний, лицо крупное. Лоб высокий, губы припухлые. Улыбка застенчивая и извиняющаяся. Манера изложения многословная, лекторская. Лексика функциональная. Тембр голоса мягкий, не прокурорский. Легкая картавость создает впечатление незащищенности. Внезапное упрямство в поступках выдает не столько уверенность, сколько панику. Женат, имеет сына и дочь.

Любит футбол, плавание. С удовольствием садится за шахматную доску.

СТЕПАШИН СЕРГЕЙ ВАДИМОВИЧ

Родился в Ленинграде 2 марта 1952 года. Окончил два учебных заведения: Высшее политическое училище МВД СССР и Военно-политическую академию имени В.И.Ленина. Доктор юридических наук. Преподавал в Ленинградском училище МВД СССР. Имеет звание генерал-полковника. В публичной политике обозначился в 1990 году. Был избран народным депутатом России. Избирался в Ленинграде от движения "Демократическая Россия". Уже тогда отличался сдержанностью и тяготел к политическому центризму. Оказался в числе первых демократов, делегированных новой властью в органы госбезопасности. Возглавлял управление государственной безопасности Санкт-Петербурга. В неосведомленных кругах считается сторонником Анатолия Собчака. За сравнительно короткое время побывал на всех высших должностях в системе госбезопасности, внутренних дел и юстиции - трижды министр России. Факт сам по себе достаточно примечательный. Был принят в этой среде неоднозначно. Всегда как человек президента. Этого мнения никогда о себе не опровергал. Более того, своим поведением ревностно подчеркивал свою верность Борису Ельцину. Его коллеги в трех разных ведомствах отзываются о Сергее Степашине по-разному. Одни говорят, что он принес туда иной стиль общения, допускающий полемику, отстаивание подчиненными своей точки зрения. Другие упрекают в непрофессионализме, в развале "органов" как системы мобильного действия, жесткой дисциплины, по сути, системы устрашения.

После трагических событий в Буденновске единственный по собственной инициативе подал в отставку с поста председателя ФСБ, оперируя при этом понятием офицерской чести. Признал, что массовый терракт, проведенный группой Басаева, который ФСБ просмотрела, - позор для служб безопасности России. Считал для себя невозможным после столь драматического события эту службу возглавлять. Президент отставку принял. Мнения о поступке вновь разделились. Одни считали, что Степашин не допустил штурма больницы умышленно, он не ввел в действие группу "Альфа" во избежание масштабного кровопролития. Другие - что он сделал это из страха перед возможными жертвами (а штурма без потерь не бывает) и ответственностью, которая в случае неудачи штурма будет адресована ему. Так что никаким мужественным поступком здесь не пахнет. Третьи полагали, что это был факт типичного безволия, порожденный элементарным незнанием сути того, как проводятся подобные операции. Участники операции утверждают, что руководство ФСБ и МВД действовало несогласованно и продемонстрировало свою полную профессиональную непригодность, сначала сорвав штурм, а затем позволив Басаеву безнаказанно уйти в спровождении добровольных заложников. Свою отставку переживал тяжело. Оказавшись в течение нескольких месяцев без работы, был на грани нервного срыва. Все время мучился, правильно ли поступил. Его разглагольствования о чести офицера прожженное чиновничество поднимало на смех. "Чего ты добился, - говорили ему, - стал безработным, а те, кому положено было подать в отставку, жируют". Назначение на малоприметный пост управляющего делами аппарата правительства принял дисциплинированно. Терпеливо ждал возвращения в высшие эшелоны власти. При очередном назначении сумел сохранить преданный блеск в глазах. Президент не забыл, президент оценил.

Отличительные черты натуры - порядочность и нерешительность. Причина должностной стабильности - взвешен и осторожен. Профессиональная уязвимость -

чрезмерная осторожность, воспринимает случайность как закономерность. Круг друзей ограниченный. Друзей во власти принимает как необходимость, но им не верит. Предавать не умеет. Будет ждать, когда это сделает президент. Назначение на пост премьера воспринял с нешуточной готовностью. Сомнения были, но желание оказалось сильнее.

Сравнение с Пиночетом воспринимает осмысленно и удовлетворенно. Останется в истории фразой, произнесенной в Думе: "Я не Пиночет, моя фамилия Степашин". И в этом он невероятно прав. Предрасположен к общению с интеллигенцией, считает это хорошим тоном для министра. Симпатий и антипатий в политике старается избегать. Понимает, что в подтверждении своей преданности президенту зашел слишком далеко. Будущая политическая карьера - в пределах зоны повышенного риска.

Отставку после трехмесячного премьерства пережил с уязвленным спокойствием. Пошел на выборы в Государственную Думу и выиграл их. Переоценил отношение к себе Путина - рассчитывал на пост спикера, но был обманут в своих надеждах. Связал свою судьбу с движением "Яблоко", однако избран по одномандатному округу. Оставил за собой свободу маневра как в самой Думе, так и за ее пределами.

Рост средний. Лицо открытое, незащищеное. Улыбка застенчивая. Легко краснеет. В общении не агрессивен. Критику в свой адрес переживает болезненно. Интеллигентен и либерален в одинаковой мере.

Женат, имеет дочь.

СТРОЕВ ЕГОР СЕМЕНОВИЧ

Председатель Совета Федерации. Губернатор Орловской области. По должностной иерархии третья фигура в государстве после президента и премьера. В большой политике с горбачевской поры. Был секретарем ЦК КПСС, первым секретарем Орловского обкома. Один из зачинателей реформ в сельском хозяйстве - внедрял бригадный подряд и хозрасчет. Председательствует в сенате уже более пяти лет. Оставаясь в сдержанной оппозиции к младореформаторам на протяжении всех этих лет, сохранял ровные и уважительные отношения с Борисом Ельциным. Умело управляет Советом Федерации. Даже в период ротации сената, его естественного полевения после победы "красных" губернаторов в ряде областей и краев России, добивался стабильности и сохранял в сознании президента уверенность, что сенат - его опора в непростых отношениях с Государственной Думой. Даже голосование по импичменту, случись оно, предположительно должно было пробуксовать в сенате.

Противник растаскивания губернаторов по политическим блокам. Понимает, что это разрушает монолитность сената, а значит, и его управляемость. Опасается вируса фракционности в сенате. Любит повторять: "Дума отвечает за законы. А мы за жизнедеятельность страны. Это рождает масштаб ответственности". В меру своих сил противодействует излишней политизации верхней палаты. Обеспокоен процессом путинизации всех ветвей власти. Прекрасно владеет парламентской процедурой. Знает об амбициозных претензиях ряда губернаторов, как и о желании окружения Путина обрести прокремлевски настроенного главу сената. Назывались Эдуард Россель, Владимир Яковлев, заявившие о своей безоговорочной поддержке Владимира Путина.

Несколько раз рассматривался как возможный кандидат в премьеры. Однако каждый раз опровергал слухи. Для такой авантюры он слишком умен и хитер. Во-первых, не с этим президентом (речь идет о Борисе Ельцине). Во-вторых, ничто призрачное не уравновесит реального.

Имеет ли президентские амбиции? Разумеется, имеет. Если бы не появился Путин. Если бы не выдвинулся Зюганов. При наличии как первого, так и второго разговоры о президентстве неуместны. Сумеет ли удержать председательство в сенате? Ответ трудно предсказуем. Он зависит не от желания Строева, а от понимания губернаторами, что такое сенат. И сколь ценим для них капитал конституционной независимости сената, как противовеса узурпации власти в стране.

Внешне всегда спокоен. В высказываниях осторожен. Рост выше среднего. Выглядит

старше своих лет из-за приметной сутулости. Глаза выразительные, слегка упрятанные в припухлость век. Невысказанное опасение застывает где-то в самой глубине их и придает лицу выражение осмысленной печали и беспокойства. Голос усталый. Манера разговора как бы вынужденная. Умен и хитер в равной мере. Почитаем на Орловщине как хороший хозяин и справедливый управленец. Оппозиции в области практически не имеет.

В поведении политика схож с Евгением Примаковым. Женат.

ТИТОВ КОНСТАНТИН АЛЕКСЕЕВИЧ

Возраст 55 лет. Кандидат экономических наук. Губернатор Самарской области, член Совета Федерации, председатель комитета по бюджету, налоговой политике Совета Федерации. Представляет верхнюю палату в Национальном банковском совете.

На выборы 1999 года шел в составе "Союза правых сил". Единственный губернатор, сохранивший верность младореформаторам, а точнее, один из малого числа демократов, переизбранных на губернаторский пост. Еще были Аяцков и Немцов, но последний уехал в Москву. Ныне судьба их свела в едином предвыборном блоке.

Сторонник рыночных реформ. Однако в их воплощении ближе к Лужкову, нежели к Чубайсу. И это естественно. Губернатор обречен быть социально ориентированным. Внимательно, хотя и негласно изучил опыт Москвы по поддержке малого и среднего бизнеса. Сегодня Самара входит в десятку по уровню развития этой инфраструктуры.

На предыдущих выборах в Думу играл за блок НДР, входил в состав его руководящего ядра. Претендовал на лидерство в блоке, однако успеха не имел, столкнулся с жесткой конкуренцией как со стороны Черномырдина, так и со стороны губернатора Саратовской области Аяцкова. Переход в "Союз правых сил" - действие сугубо прагматическое: среди высокодолжностных отставников реально и продуктивно действующий губернатор здесь рассчитывал на лидерство.

Рассчитывает на поддержку правых сил на президентских выборах.

Самолюбив. Излишне риторичен. Страдает комплексом ревнивого отношения к столице. Вполне типичен как провинциальный либерал. Как хозяйственник не очень фундаментален. Более предрасположен к политическому лидерству. Собственную кандидатскую степень ненавязчиво подчеркивает, рассматривает ее как непременную компоненту современного политика, претендующего на федеральный масштаб. Эмоционален, но не злопамятен. Приверженец гайдаровской стилистики. Располагает редким сочетанием амбициозности, что делает Титова своим среди демократов, и застенчивости, к которой предрасположен провинциальный либерализм.

Рост выше среднего. Лицо открытое. Характер речи иронично-повествовательный. Выражение глаз быстро меняющееся. Улыбка если и появляется, то ненадолго. Глаза в моменты гнева темнеют мгновенно.

Женат, имеет сына. Из увлечений наиболее характерны спорт, живопись и фотография.

ЧУБАЙС АНАТОЛИЙ БОРИСОВИЧ

Родился в 1955 году. Окончил Ленинградский инженерно-экономический институт. Появился в публичной политике в 1990 году в качестве первого заместителя Анатолия Собчака, в ту пору мэра Санкт-Петербурга. В 1991 году был рекомендован Собчаком Ельцину как перспективный экономист. По этому поводу мнения расходятся: ревнивый Собчак просто освободился от более сильного управленца Чубайса в расчете, что тот сломает в Москве голову, или был преисполнен желания помочь Ельцину и отдал президенту самого одаренного. И, наконец, третье. Чубайса назвал Гайдар. С 1992 по 1996 год присутствует в разнодолжностных исполнениях в федеральном правительстве: как глава Госкомимущества, вице-премьер; как министр финансов и вице-премьер, как первый вице-премьер, курирующий весь экономический блок. Ключевая фигура в экономических реформах 90-х годов, основоположник приватизации, сотворитель надежд богатых и бедствий обнищавшей нации.

1996-й - самый противоречивый год в жизни Анатолия Чубайса. Сокрушительная отставка с грубым напутствием президента: "Освободись Черномырдин от Чубайса раньше,

он получил бы на выборах не 9, а 20 процентов голосов". Отстранение получилось громким, в меру несправедливым. Но кому-то очки принесло. Так, по крайней мере, казалось тем, кто выстраивал в тот момент перспективы своего сохранения во власти. С Ельциным, но без Чубайса. Чубайс не взорвался. Не стал устраивать громких пресс-конференций. Он принял Божью кару как должное. Облачился в джинсовый костюм, сел за руль собственных неновых "Жигулей" и стал выстраивать свою судьбу заново, как лидер команды экономических менеджеров, разрабатывающий программы для конкретных предприятий по выводу их из кризиса. Свободное плавание оказалось недолгим. Замысел так и остался в стадии проекта. Зимой того же, 96-го года в Давосе семь банков заключили пакт о поддержке на выборах Ельцина. Банкиры призывают Чубайса под свои знамена, тем самым освобождая ему коридор, через который он сможет вернуться на Олимп. Банкиры считают, что они наняли Чубайса. Чубайс считает, что олигархи вернули ему долг. Они все - продукт реформ, а их собственность - продукт приватизации. Чубайс принимает предложение "семибанкирщины" (образ, рожденный на страницах "Общей газеты") в надежде, что впоследствии освободится от олигархического давления и переиграет олигархов как политик. Сразу после Давоса фамилия Чубайса появляется в составе предвыборного ельцинского штаба. В штабе образуется два центра: вокруг Олега Сосковца и Анатолия Чубайса, между которыми разгорается нешуточная борьба. Приз - влияние на президента России. Как скажет позже Илюшин, "желающих поделить победу было сверх меры, а вот кому отвечать за поражение, случись оно, - таких и нет. На эту роль решили заявить меня". В конечном итоге верх берет Чубайс. Возобладал принцип: кто приносит деньги, тот их и контролирует. Чубайс считал, что деньги в предвыборный штаб приносит он. Отставку Барсукова, Коржакова, Сосковца можно считать самой крупной политической победой Чубайса. Ельцин одерживает победу на выборах, будучи уже тяжело больным. Болезнь президента становится тайной - разрушителем не столько организма президента, сколько самой власти. Власть этого не осознает и продолжает считать случившееся временным умалчиванием, которое непременно даст стратегический выигрыш. Стратегического выигрыша не получилось. Сотворителям лжи ничего не оставалось, как патронировать неработающего президента в течение двух лет. Чубайс назначается главой президентской администрации. Затем, после выздоровления Ельцина, первым вице-премьером в правительстве Виктора Черномырдина. В марте 1997 года вместе с Черномырдиным уходит в отставку. Недолгое время является представителем президента на переговорах с МВФ. Затем летом 1998 года избирается председателем РАО "ЕЭС". Избирается через конфликт, с преобладанием голосов зарубежных пайщиков. На парламентских выборах 1999 года - идеолог и главный менеджер "Союза правых сил". В той же мере - их основная финансовая опора. Являясь, по существу, лидером правых, самой оплотной и яркой политической фигурой, вместе с Егором Гайдаром отступает в тень, пропуская вперед более молодых, более амбициозных политиков - Кириенко, Немцова, Хакамаду. Этого требовал возрастной срез электората.

Оставаясь предположительно противником Бориса Березовского, заключает с ним предвыборный пакт о ненападении, а затем объединяется с олигархом в борьбе против Юрия Лужкова. Шаг продуманный, он обезопасил информационные тылы правых. Подконтрольные Березовскому телевизионные каналы никаких акций черного пиара против "Союза правых сил" не проводят. Использует максимальную расположенность двух телевизионных каналов - РТР и НТВ. Результат обнадеживает: на выборах в Государственную Думу "Союз правых сил" получает 8,2% голосов. Политологи не остаются в долгу, оценивают результаты как сенсационную победу.

Сразу после назначения Путина на пост премьера начинает затяжной дрейф вокруг Кремля в качестве лидера санкт-петербургской группировки в эшелонах федеральной власти. Путин петербуржец - должен среагировать. В Москву Путина пригласил Анатолий Чубайс. Первое кремлевское назначение бывшего новобранца - заместитель управляющего делами администрации президента. Чубайса, в то время главу администрации, не устраивал бесконтрольный Павел Бородин. Чубайсу нужен был человек за его спиной. Таким человеком

и стал Владимир Путин.

Добивался от премьера предвыборной расположенности. Плакаты с Путиным, пожимающим руку Кириенко, путешествуют по России.

По убеждениям прагматик. Методология действий - наступательная, подавляющая. В достижении целей бескомпромиссен. Очень часто оппонирует Березовскому, однако в сути совершаемых поступков мало чем отличается от одиозного олигарха. Умен, злопамятен, энергичен. Предрасположен к риторике. После очевидного провала реформ в полемике менее убедителен, зато более ожесточен и демагогичен. Трудоголик. Верен чувству товарищества. В отличие от других высоковластных чиновников, сохраняет политическое постоянство. Неизменный член политсовета движения "Демократический выбор России". В практике управления авторитетен. Среди сограждан нелюбим, но популярен. Устойчивое закрепление в управленческой популяции новой волны. В данный момент решает для себя главную задачу - непременно остаться заметным игроком на властном экономическом поле. Раздражен излишней говорливостью Кириенко, его педалированием темы нравственных и демократических ценностей. В случае резкого поворота Путина в сторону авторитаризма и государственного регулирования экономикой, оказавшись перед выбором - принципы или власть, выберет второе. Свое решение сопроводит разъяснениями: "Пока мы власть, мы в состоянии на что-либо влиять. Окажись мы вне ее, мы просто граждане в неправовом государстве".

Устойчиво недолюбливает Явлинского. Хотя бы уже потому, что тот все время выбирает принципы. На подобные выпады реагирует мгновенно: "Явлинский выбирает принципы не потому, что они более значимы, а потому, что ему не дают власть".

Рост выше среднего. Сохраняет хорошую физическую форму. Женат, имеет двух детей. Увлекается водным туризмом.

ЮМАШЕВ ВАЛЕНТИН БОРИСОВИЧ

Год рождения - 1957-й. Образование - журналист. Закончил МГУ. Род повседневных занятий - лицо сверхприближенное к Борису Ельцину. Стиль поведения - скрытный. Манера общения - немногословная. Характер в силу обстоятельств претерпел изменения от сангвинически-статичного до скрыто-холерического, коварного. Привязанности - в пределах функциональной выгодности. Был человеком Коржакова, затем его оппонентом. Причисляя себя к команде реформаторов, считался сторонником Чубайса, затем оказался в лагере его злейших противников. Однако с Березовским был связан постоянно. Увлечения - теннис, рыбалка, интриги. Последнее как должностное приобретение. Предрасположенность - журналистское творчество как путь постижения интриг. И наоборот. Интриги - как материал для журналистского творчества. Противопоказания - административная работа и роль публичного политика. Уязвимости - преданность президенту и зависимость от Бориса Березовского. Наиболее яркие индивидуальные проявления - молчание. Политическая перспектива - исчерпана. Душу продают один раз. Наличие капитала - умеренное. Внешность - незапоминающаяся. Из истории отношений. Именно Юмашев рекомендовал Бориса Березовского Александру Коржакову, как возможного издателя книги Ельцина вместо заупрямившегося Владимира Гусинского, выражавшего готовность книгу издать под соответствующий процент от прибыли, полученной в результате продажи книги. Коржаков посчитал это непозволительной наглостью и тотчас принял предложение Березовского издать книгу без каких-либо условий. Впоследствии этот маневр Березовского войдет в историю почти литературным парафразом: "как Борис Абрамович перехитрил Александра Васильевича". Операция "издал и, отмеченный всевышней благодарностью, ушел" имела иной итог. Для того и издал, чтобы не уходить. Лишь позже Коржаков понял, что ключ от кремлевских затворов Борису Березовскому передал Валентин Юмашев. Таким образом, цепь: "Коржаков углядел Юмашева, Юмашев привел Березовского, а Березовский всех остальных" имеет зафиксированное историческое очертание.

Валентин Борисович Юмашев - главный летописец президента. Присутствует в ельцинском окружении на правах члена семьи. Пользуется абсолютным доверием близких.

Один из сотворителей благообоснованной президентской изоляции - Ельцина надо беречь.

В принимаемых решениях несамостоятелен. Внушаем. Считает Березовского гениальным бизнесменом и финансистом. Любую интригу последнего воспринимает как результат аналитической прозорливости доктора технических наук. Став главой администрации, занялся делом для себя не свойственным. Пережил несколько приступов несамостоятельности, попеременно попадая под влияние Чубайса, Немцова, Малашенко. Скорее всего, делал это не в силу инертности собственной натуры, а умышленно, подыгрывая быстро возникающим симпатиям президентской дочери. Легкость, с которой дистанцируется от своих вчерашних единомышленников, говорит не столько об эластичности натуры, сколько о полной зависимости от Бориса Березовского. Автор зловещей фразы, обращенной к младореформаторам, переигравшим его и добившихся отстранения Бориса Березовского с поста исполнительного секретаря СНГ: "Теперь вы почувствуете, как вас станут уничтожать".

Обязанности главы администрации исполнял преданно, хотя осознавал, что занимается чуждым для него делом, что и заставило Юмашева постоянно возвращаться к идее своей отставки.

Появление Евгения Примакова в качестве премьера, фигуры из другой галактики, помогло осуществлению замысла. Несопоставимость политического опыта, масштаба образованности и профессионализма была слишком разительна. Он состоялся как политическая личность вне Ельцина и до него. На посту премьера появился человек, неприемлемый для Березовского и его сотоварищей из олигархического пула. Сверхопасным Примакова делали его подчеркнутая самостоятельность и неповязанность. Юмашев понял, что в этом случае он зависает в своих отношениях с правительством. Ситуация становилась угрожающей: президентский поезд летит в никуда. Дочь настояла, чтобы Юмашева оставили в числе влиятельных пассажиров поезда. С этого момента Валентин Юмашев соавторствует в проекте досрочной отставки Ельцина. Летопись должна иметь продолжение. Не исключено, что очень скоро она станет одним из главных источников дохода семьи.

Юмашев Валентин Борисович. Рост ниже среднего. Лицо невыразительное. Скрыто тщеславен. Одевается маловыразительно, недолюбливает официальный костюм. Как политическая фигура в будущем малореален - пересидел на кремлевском корабле. В случае политической успешности Березовского может быть задействован им как участник политических интриг в структурах СМИ.

Женат, имеет дочь. Прагматичен не в полной мере, зато несамостоятелен надолго.

ЯВЛИНСКИЙ

ГРИГОРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

В активной политике с 1990 года. Вице-премьер первого российского правительства, возглавляемого Иваном Силаевым. Автор экономической программы "500 дней".

В 1992 году вместе в Владимиром Лукиным и Юрием Болдыревым создали общественное движение "Яблоко", которое, впервые участвуя в выборах 1993 года, преодолевает 5%-й барьер и попадает в Думу. Выборы 1995 года оказались более успешными. "Яблоко" набирает 6,36% голосов избирателей, что воспринимается уже как сенсация. Собственно победой случившееся делает не сверхумеренный процент, а поражение на выборах блока Егора Гайдара, основного конкурента Григория Явлинского среди либерального электората.

Григорий Алексеевич Явлинский родился в 1952 году. Кандидат экономических наук. Был кандидатом в президенты на выборах 1996 года. Во второй тур не прошел. В отличие от других кандидатов не призвал своих избирателей во втором туре отдать голоса за Бориса Ельцина.

Оппозиционен по существу. Это не поза, не каприз, хотя и то, и другое присутствует, это образ мышления и поведения.

Сохранил этот стиль в Госдуме первых двух созывов. С концепцией интеллектуальной оппозиции к существующей власти вышел на парламентские выборы 99-го года. В период

предвыборных баталий нацеливал сторонников "Яблока" на удвоение своего представительства в Думе. Кампанию вел уверенно. В успехе не сомневался. Все социологические прогнозы подтверждали оптимистический прогноз. Приглашение в союзники Степашина можно считать первым звонком. Ничто не предвещало сложностей, но интуиция подсказывала надо подстраховаться. Нужен политик из нутра реальной власти. Явлинский недоучел усталость собственного электората. Олимпийский девиз "важна не победа, важно участие" не оправдал себя. Либеральный электорат соскучился по победе. Упрямство, называемое принципиальностью, мало кого могло утешить. Нежелание участвовать в исполнительной власти частично, требование только полного командного представительства, осознавая при этом, что власть вряд ли примет подобные условия, - по существу, лишало сторонников профессиональной перспективы. В этом случае любые рассуждения о программе экономического подъема, которой ты располагаешь, как равно и командой, способной ее воплотить, есть тиражирование одного и того же мифа: "Мы можем, если нас допустят".

Можно отрицать популизм. Можно противопоставить популизму реальные программы, однако следует понять, что невоплощенные программы, независимо от своей продуманности превращаются в разновидность популизма. "Яблоко" стало жертвой невоплощенных замыслов, которые, несмотря на широковещательные заявления, так и остались прошнурованными фолиантами на штабистских столах.

Г.А.Явлинский - лидер фракции "Яблоко", не проголосовавшей ни за один федеральный бюджет. В критике обстоятелен, точен, социально заострен. Высококлассный экономист, экономист-прикладник. Не заметил, как перешагнул черту положительного восприятия себя и своего движения. Разговоры об объединении либеральных сил воспринимает в штыки. После победы на выборах 95-го года уверовал в превосходство "Яблока" над разрозненными демократическими движениями. Идею объединения готов рассматривать как факт присоединения к "Яблоку" без каких-либо предварительных условий.

До последнего времени бесспорный лидер движения. Подавляет оппонентов своей эрудицией. На выборах 99-го года сделал несколько тактических ошибок. Защищая индивидуальность движения, переоценил надежность традиционного электората. Расфокусировал цель. Потерял очевидного оппонента в борьбе за избирательские симпатии. Просмотрел возросшую активность правых. Именно "Союз правых сил" оказался главным оппонентом "Яблока" с первых шагов избирательной кампании. Оппонентом тактическим, а не стратегическим, так как претендовал на один и тот же электорат. Оказавшись на дистанции предвыборного марафона, усомнился в эффективности фронтальной оппозиции к новому премьеру. Решил протоптать либеральную тропу к Путину. Однако с половины пути повернул назад. На этой тропе уже сидели Чубайс и Кириенко. Практически воздержался от критики блока "Единство", зато на блок ОВР беспричинно обрушился в финале выборов. Сдали нервы.

Как политик, акцентирующий свое внимание на защите прав человека, не выступил против черных пиаровских технологий, потоков лжи и клеветы, обрушившихся на оппонентов. Посчитал более выгодным и удобным отмолчаться, полагая, что уничтожение пусть даже относительного конкурента все равно благо. В этой отстраненности проиграл более, чем кто-либо. Упустил очевидный шанс нарастить моральный авторитет активного либерализма. В итоге не только не удвоил результат прошлых лет, а лишь с небольшим перевесом преодолел 5%-й барьер.

Отличный полемист. Речь образная. Обладает чувством юмора.

Утверждение "Явлинскому нет альтернативы", воспринимает с благосклонным безразличием.

Декларирует либеральные ценности. Авторитарен в принятии решений. Раздражителен, вспыльчив. Не единожды произносил знаковую фразу: "Должность у меня такая - быть кандидатом в президенты". Вне ироничного оттенка, утверждение сущностное. Десятилетнее существование движения "Яблоко" сделало либеральную идеологию при несопоставимой

численности сторонников, по сравнению с электоратом коммунистов, идеей равновесной. Относительную неудачу на выборах 99-го года пережил болезненно. Заявил о своем желании участвовать в президентских выборах 2000 года. Отказ от участия в президентских выборах Евгения Примакова, случившийся 4 февраля, объективно повышает шансы Явлинского как альтернативного кандидата. Объединение фракций КПРФ и "Единство" в парламенте делает альтернативность Явлинского еще более значимой. Победы не будет, но капитал для политического торга может получится основательный. Важно перешагнуть цифру 12% голосов. Игру в состоянии испортить два кандидата: Станислав Говорухин и Константин Титов. Хотя на финише электорат троих правомерно объединить в пользу более успешного. Таким образом будет зафиксирована либеральная альтернатива камуфляжному и спортивному Путину. При любом исходе выборов это всегда благо.

Рост выше среднего. Взгляд внимательный, изучающий. В глазах угадывается быстро возникающая смешливость и ирония. И то и другое выдает чувство превосходства. После перенесенной болезни стал более сосредоточен и рационален. В выборе компании осторожен. Любит быть в центре внимания. Самолюбив.

Рассчитывает на успех на выборах. Это последняя возможность проломить стену исполнительной власти.

Женат, имеет двух детей.

ЯКОВЛЕВ ВЛАДИМИР АНАТОЛЬЕВИЧ

Губернатор Санкт-Петербурга, член Совета Федерации. Возраст 55 лет. На губернаторских выборах 1996 года одержал победу над Анатолием Собчаком. Администрация президента в тот момент поддержала именно Яковлева. Выборы выиграл с минимальным преимуществом в пределах 4-5%. До этого работал в качестве первого заместителя Анатолия Собчака. Учитывая сложный характер Анатолия Александровича, ладил с ним через силу. Своей избирательной кампанией Собчак руководил сам, оставив второго заместителя, Владимира Путина, на хозяйстве. В этом смысле в 1996 году Яковлев выиграл не только у Собчака, но и у Путина. В период их совместной работы в руководстве мэрии особого расположения друг к другу два заместителя не испытывали.

По концептуальным воззрениям - управленец-хозяйственник. Как политик, явление вынужденное. И Собчака в 96-м году переиграл прежде всего как хозяйственник, знающий доподлинно социальные проблемы города. Города, пребывающего в состоянии неопрятности и хозяйской заброшенности. Собчак возвращал политическую столичность Петербургу, оставаясь безучастным к его телесной дряхлости. Яковлев, уязвленный Москвой, встал на путь преображения города.

Как политик уязвим. Если хозяйственное окружение управленец Яковлев подбирал сам, то политическое перепоручил кому-то из рядом стоящих. Отсюда эта несогласованность. Отсюда разлад с петербургскими законодателями. В городе, претендующем на звание второго политического центра страны, амбициозность политиков превышает столичную.

В формировании нового состава законодательного собрания добился частичного успеха. Однако оппозиционная часть избирателей изменилась по составу, хотя в численном масштабе осталась примерно той же. Совершил ошибку в создании прогубернаторского политического ядра. Стал его формировать из людей понятных и более близких нормам хозяйственной деятельности. Не учел, что губернатор, занимаясь хозяйством города, обречен погружаться в стихию первоначального накопления капитала, а значит, войти в соприкосновение с процессом, сопровождающим это накопление. Перераспределение собственности не могло сохранить законодательную чистоту процесса. Черпая политический актив из нутра этого мирка, оказался заложником ситуации. Не мог в полном объеме воспрепятствовать наступлению криминала на город и его политические структуры.

Обидчив. Не лишен тщеславия. Сохраняет ревность к столице, как побудитель преобразований в городе. За семь дней до выборов проиграл эпопею с досрочными выборами губернатора в городе. На выборах 19 декабря имел все шансы одержать верх. Теперь ситуация становится туманной.

Как член первой тройки федерального списка "Отечество - Вся Россия", угодил под прессинг кремлевской администрации. Одно единственное требование - снять свою фамилию из списка и из тройки, тем самым сняв с дистанции весь блок. По этому поводу ответил жестко: "Вы отдаете себе отчет, что речь идет о губернаторе Санкт-Петербурга? Это, знаете ли, должность серьезная, а не какое-то там перекати-поле. Сегодня - соглашался, завтра - отказался". Теперь, после решения Верховного суда не в пользу губернатора, отказываться от участия в блоке более чем абсурдно. Верховный суд приковал Владимира Яковлева к блоку. Рассматривает решение Верховного суда как политический заказ. Если это даже так, совершает ошибку. Нарушения при голосовании городского закона были двойственными и вызывающими. Должен был настоять на переголосовании. Независимо от результатов выиграл бы как политик. Трагедии не случилось, но очертания будущего для Владимира Яковлева поглотил туман.

К критике в свой адрес относится с раздражением. Общения с оппозиционной прессой избегает. В отношениях с интеллигенцией корректен, но сдержан. Опасается подвоха. Отдает себе отчет, что петербургская интеллигенция голосовала за Собчака.

Рост высокий. Фигура спортивная. Сухопарый, слегка сутулится. Что-то от лыжного гонщика или профессионального велосипедиста. Черты лица тонкие. Выражение глаз выжидательное. Улыбка нервная. Улыбается редко.

Женат, имеет взрослого сына. Любит спорт. Заядлый болельщик петербургского "Зенита".

ЯСТРЖЕМБСКИЙ

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

Возраст 46 лет. Окончил МГИМО, кандидат исторических наук. До момента назначения пресс-секретарем президента был малоприметен. Несколько ранее возглавлял департамент информации и печати МИДа. Высшее достижение по дипломатической линии - посол России в Словакии. На пост пресс-секретаря был рекомендован Чубайсом. В собственных действиях и поступках карьерно нацелен. На посту пресс-секретаря был крайне осторожен. Авторских толкований высказываний президента избегал. В перспективе видел себя как минимум заместителем министра иностранных дел. Амбициозен. Кланом президентской семьи был воспринят прохладно. Слишком педантичен, собран, вещь в себе.

Оказался под колпаком. Не знал, что изменение отношения президента к кому-либо есть сигнал к прекращению этих отношений со стороны подчиненных. И неважно, сколь тесными и дружественными они были ранее. Соблюдение этих правил отслеживается и фиксируется службой президентской безопасности. Угодил под подозрение. Оказался в числе тех, кто отговаривал президента запрещать компартию, разгонять Госдуму и портить отношения с мэром Москвы. Был изгнан из администрации как сторонник Лужкова вместе с Кокошиным и Савостьяновым. Не стал в этом никого разуверять. Перешел в команду Лужкова. Посчитал смену трамплина революционной. Добился должностного выделения, сохраняющего его в поле зрения СМИ. Получил пост вице-премьера Москвы по внешним связям и куратора СМИ, прежде всего телевидения. Провел реорганизацию ТВ-Центра. Сделал несколько тактических и кадровых ошибок. Стал советоваться с людьми, не более профессиональными, чем он. Поставил знак равенства между понятиями "общение со средствами массовой информации" и "управлением" таковыми. Не учел, что для исполнения первого достаточно расположенности и находчивости, в то время как для второго необходим редакторский и управленческий профессионализм, каковым он не располагал. Посчитал себя лидером новой волны в лужковской команде. Недоучел, что пришел в команду высококлассных спецов, опыт которых есть фундаментальное завоевание в практике и науке управления.

Не заметил, как стал проигрывать своей неосновательностью и терять очки. В момент появления в новом качестве вице-премьера Москвы привлек к себе внимание и был растиражирован прессой как секс-символ среди политиков, потеснив на этом пьедестале Бориса Немцова.

Отвечал в предвыборном штабе за пиаровскую кампанию "Отечества". К вспыхнувшей

информационной войне оказался не готов. Продемонстрировал полное отсутствие контратакующих идей и свою несостоятельность в разработке информационной стратегии. Не сумел объединить возможности мощного информационного пула, которым располагали мэр и блок "Отечество". Сразу после выборов не стал дожидаться "неутверждения" своей кандидатуры в новом московском правительстве. Выбросил белый флаг и подал в отставку. Отрицательный итог деятельности на посту вице-премьера был столь очевиден, что иного выхода не было. Ходили слухи, что Ястржембский возглавит некий коммерческий фонд, аналитический центр или нечто значимое и независимое. Назначение на пост помощника и.о. президента и, главное, согласие Ястржембского принять это предложение явилось полной неожиданностью. Миф о благородстве, гордыне и даже щепетильности рухнул одномоментно и добавил резкие краски к должностному портрету.

Абсолютный прагматик. Политически беспринципен. Стал терять авторитет в журналистской среде, уже будучи на посту вице-премьера Москвы. После истории с Бабицким потерял его еще в большей степени. Принял назначение в Чечню как право на замаливание грехов. Надеется вернуться на поприще большой дипломатии. Ранее перешел в лагерь Лужкова, будучи уверенным в его президентской перспективе, имея плохо скрываемый замысел получить пост министра иностранных дел. В изменившихся обстоятельствах, в случае прощения, может рассчитывать на пост посла.

После возвращения на работу в президентскую администрацию дрейф в сторону Лужкова воспринимается как часть операции, затеянной кремлевским окружением. Если это так, то замысел удался. Более эффективно выполнить работу по развалу предвыборной тактики ОВР было невозможно. Фраза, оброненная Путиным: "Я знаю Ястржембского давно" - на фоне должностных перемещений последнего приобретает совершенно иной смысл.

Рост высокий. Фигура спортивная, легкая. Лицо сухощавое, черты лица правильные. Улыбка располагающая. Речь малообразная, функциональная. Подбородок явно выраженный, губы тонкие. Тщеславен, однако в себе не очень уверен. Привычки и манера поведения МИДовские. Чуть-чуть гонора, чуть-чуть снобизма и обязательное почитание власти.

Женат, имеет двоих детей. Сносно играет в теннис.

ЕЛЬЦИН БОРИС НИКОЛАЕВИЧ

Он ушел. Ушел в окружении молвы, пререканий, предположений, сочувствия и устойчивого безразличия. Он правил страной целое десятилетие, то взнуздывая ее, то повергая в пучину нервной неблагополучности. Тогда, в самом начале, он был ее пусть неосознанной, невыстроенной, в большей мере даже чувственной надеждой. Страна пошла за его буйствующе-непредсказуемой натурой. Страна старалась оторваться от своего вчера. От одряхлевшей власти, от изнуряющих очередей, от диктата догм, просто социализма, "развитого" социализма. Продовольственных программ, неисполнение которых лишь увеличивало очереди. От изнуряющей дефицитности, всевластия партии, всевластия диктатурности. От прошлого, где опечатаны уста, опечатан разум и чувственная порционность по нормам партийной программы. Была такая жизнь, была такая страна. Ее пытались перестроить. Но это желание захлебнулось. И на пороге, на излете задыхающейся горбачевской перестройки появился он. И ему поверили. За него подавляюще проголосовали на первых президентских выборах. За ним пошли. Он выглядел фактурным, немногословным, отрицающим революционные изыски прошлых лет, но не утратившим схожесть с прошлой жизнью, из которой вышли все мы. И зачитывая свой первый указ с высоты танковой брони, отказываясь от прошлого, он оставался плотью от его плоти и поэтому был узнаваем: наш, из наших, с нами, для нас!

Обманулись ли мы, избрав его? У нас не было выбора - мы надеялись. Он принял страну в разобранном состоянии. Он пережил крах империи рассыпался, превратился в недружелюбное многолюдье Союз Советских Социалистических Республик. Он прошел через два путча. И две войны во время его правления терзали страну. Он начал реформы скорее интуитивно, нежели продуманно.

Он поставил на молодых реформаторов не по причине вдумчивого анализа, а в силу

безвыходности. Все прежние были из стана Горбачева, и он критиковал их за медлительность и половинчатость, хотя сам не знал, что такое экономические реформы. Он жил вершинным ощущением - все, что угодно, но не так, как прежде. В глубине души он был уверен, что Горбачев в середине 80-х занял его, Ельцина, место. И осознавая это, столь ожесточенно боролся против него. Горбачев себя растратил на разговоры и обещания. А он, Ельцин, реформирует страну. Но тень Горбачева то отходила в сторону, то опять нависала над ним в часы и дни перманентных неудач. В разных беседах, при непохожих обстоятельствах он настойчиво повторял: "Я не Горбачев!" И далее перечислял несколько отличительных черт, свойств характера, обязанных убедить собеседника - Ельцин другой, он решительнее Горбачева, надежнее. Он загадочный, непредсказуемый, интуитивный. Он наш, российский де Голль.

Он был разным в эти годы. И с болью осознавал, что все дальше и дальше отходит от того начального, глыбистого и нацеленного на прорыв Ельцина. И всякой своей очередной необузданностью, рыком скоротечного низвержения сторонников старался возродить себя прошлого: решительного и динамичного Ельцина образца 1991-1992 годов. Но силы убывали, здоровье разрушалось. Рык раздавался, летели головы, а затем завидовская тишина на недели, а то и месяцы. И президентское житие под шелест документов. Он сотворил нашу несовершенную, а порой уродливую демократию, вырвал ее из номенклатурной пучины. Назвался ее гарантом и был таковым. Возможно, в большей степени как символ, нежели действительный защитник. Но все равно был.

У него были три навязчивые идеи: выдвижение молодых, запрет компартии и роспуск Государственной Думы. Он распустил Верховный Совет в 93-м, не имея для этого конституционного запаса прочности, основанного на законе. Он выиграл референдум по новой Конституции, гарантирующей ему право законного роспуска парламента. Он не раз порывался воспользоваться этим правом, но... В его душе остался след от неисполненного, возможно главного, дела его жизни - запрета диктатурной партии. Тогда, в 91-м, после неудавшегося государственного переворота тому были реальные основания. Но не собрался, не сконцентрировался, прогулял момент. А когда спохватился, поезд уже ушел. Неблагополучность новой власти, неэффективность реформ уравняли шансы неудачливых правителей. Суд над историей не получился. Он трижды выдвигал молодых на прорыв. Они ему были обязаны всем. Он дал им шанс. И он рассчитывал на их послушание. Они были умны, образованны, исторгали инициативы. Свободно изъяснялись на английском, а кое-кто и на двух языках. Они были не то что ТЕ. И он был почти уверен - наконец свершилось, состоялось. Но...

Этими "но", "однако", "если бы" был вымощен его президентский путь от первых до последних дней. Экономике, армии, судам, органам ФСБ и милиции, структурам управления, образования и культуры - всем и вся были обещаны реформы. И все и вся остались без них, либо испили чашу исключения и рухнули вместе с невоплощенными преобразованиями.

Его президентство было наполнено бунтом, драматизмом, болью, отчаянием и надеждами. Надежда всегда стояла в конце строки. Он упустил власть повседневную. Ее подхватили руки, недостойные власти. А убывающих сил, чтобы вернуть ее назад, уже не было. Его убедили, вынудили, подвигли отдать власть миром.

И как последний протест, как последний непредсказуемый изыск, он назвал имя наследника. Тело отяжелело, обмякло, а норов остался царским. Он назвал имя, никому не известное, не испытанное тяжкими обязанностями высокой власти. "Этот моложе, много моложе. Он сможет, он вернет упущенную мной власть". Подумал так и ушел, оставив дверь в мир тревог открытой настежь.

Ельцин Борис Николаевич. Первый президент России. Время правления 1991-1999 годы. Рост высокий. Лицо усталое, речь замедленная. Ныне проживает в загородной резиденции в окружении семьи. Имеет в своем распоряжении немногочисленный аппарат, охрану и статус бессрочной неприкосновенности.